

INSTITUT
FRANÇAIS

vivre
les
cultures

Министерство высшего образования и науки РФ
Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Французский институт посольства Франции в РФ
Воронежское региональное отделение Союза переводчиков России

**Языковая картина мира
в условиях мультилингвизма
и мультикультурализма: переводческий,
лингвистический и дидактический аспекты**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Воронеж, 16-19 декабря 2020 г.

ИСТОКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖ
2021

УДК 81
ББК 81.2

Редакционная коллегия:

Борискина О.О. (главный редактор)
Алексеева Е.А.
Кузьмина Л.Г.
Фененко Н.А.
Лукина С.Л. (ответственный секретарь)
Шимко В.Г. (технический секретарь)

Рецензенты:

*доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков
и технологии перевода Воронежского государственного технического
университета*
Э.П. Комарова

*доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка
естественнонаучных факультетов Воронежского государственного
университета*
М.А. Стернина

Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 16-19 декабря 2020 г.) / [под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко]. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2021. – 656 с.

Тексты докладов проверены программой «Антиплагиат», прошли научное и литературное редактирование. Ответственность за правильность, точность и корректность цитирования, ссылок и перевода, достоверность информации и оригинальность представленных материалов несут их авторы.

**УДК 81
ББК 81.2**

ISBN 978-5-4473-0312-9

© Воронежский государственный
университет, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Истоки», 2021

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Абабий В.Н.

ГОУ ВО «Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко»

Аннотация. В статье рассматриваются способы и приемы, используемые при онлайн-переводе с французского языка на русский, персонализированных политических неологизмов, образованных от имен собственных-онимов видных политических деятелей, а также изучаются особенности передачи их значений с одного языка на другой. Автором анализируются переводы, выполненные при помощи онлайн-переводчика Promt, а также отмечается, насколько корректны предложенные в них варианты перевода неологизмов. Изучаются особенности перевода производных политических неологизмов, относящихся к различным морфосемантическим группам: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия, и делается вывод о том, что: 1) перевод персонализированных неологизмов представляет ряд сложностей, обусловленных не только особенностями их структуры, но и, в первую очередь, их отношением к конкретному политическому контексту, что определяет выбор переводческого приема для достижения эквивалентности исходного текста и текста перевода; 2) варианты перевода, выполненные при помощи переводчика Promt, нацелены в особенности на передачу формы политических неологизмов, не учитывая ни контекстуальное окружение неологизмов при переводе, ни их значение в контексте, что отражается в ущерб смыслу политического высказывания в целом. Таким образом, онлайн-переводчик не в полной мере способен помочь переводчику в процессе передачи политической лексики, образованной от имен собственных (ИС)-онимов.

Ключевые слова: персонализированный политический неологизм, оним, перевод, контекстное значение, когнитивный контекст, транслитерация, описательный перевод

Персонализированные общественно-политические неологизмы (далее – ОПН – В.А.) [1, с.4] представляют собой концепты, которые являются производными от имен собственных (ИС)-онимов видных политических деятелей Франции (и ЕС), во французской терминологии *néologismes personnalisés / personifiés* [1**].

Цель данной статьи – выявление стратегий и способов онлайн-перевода на русский язык французских персонализированных ОПН, а также обозначение факторов, влияющих на выбор того или иного переводческого приема.

Материалом исследования послужили переводы актуальных политических текстов, выполненные с помощью онлайн-переводчика Promt [2**], в которых употребляются персонифицированные ОПН, образованные от ИС-онимов, и которые отмечены как неологизмы в электронных версиях периодических (национальных) изданий Франции, в частности, *Le Monde*, *Le Figaro*, *Le Point politique*, *L'Economie politique*.

Выбор в качестве объекта исследования данного типа окказиональных новообразований обусловлен несколькими факторами, в частности:

– малоизученностью проблемы перевода неологизмов, образованных от ИС, во французской романистике;

– спецификой и сложностью перевода терминов-неологизмов, которые далеко не всегда имеют соответствия в двуязычных словарях, что требует от переводчика самостоятельного выбора способа перевода на основе контекста;

– функциональной значимостью ОПН, образованных от ИС-онимов, образование которых соотносится с конкретной политической ситуацией, точкой зрения, чертой характера или поведения, а также действием, повлекшим всеобщее внимание.

Исследуя особенности перевода ОПН-окказионализмов, мы ссылаемся на труды по переводоведению Л.С. Бархударова. Как отмечает Л.С. Бархударов [2, с.240], основными способами перевода окказиональных слов (ОС) являются:

- 1) переводческая транскрипция (передача звукового аспекта ЛЕ) и транслитерация (передача графической формы ЛЕ);
- 2) калькирование;
- 3) описательный («разъяснительный») перевод;
- 4) приближенный перевод (перевод при помощи аналога).

Основываясь на вышеуказанной типологии, рассмотрим способы и приемы онлайн-перевода персонализированных неологизмов, используемых в политических контекстах:

1. *Emmanuel Macron a accumulé les petites phrases polémiques depuis son élection. Mais au fait, comment les Français ont-ils perçu toutes ces «macronades»? [1*]*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика PROMT:

Эммануэль Макрон накопил с момента избрания небольшие спорные фразы. Но, кстати, как французы восприняли все эти «макронады»?

В представленном примере используется персонализированный политический неологизм «macronades», который образован от имени действующего президента Франции Э. Макрона и определяет противоречивые, полемичные высказывания, созданные президентом. При анализе контекста отмечаем, что данный вариант перевода, в котором персонализированный ОПН передан при помощи транслитерации, можно считать приемлемым, так как смысл высказывания в основном понятен читателю. В целом, из контекста понятно и значение персонализированного неологизма. В данном случае, онлайн-переводчик предлагает вариант перевода, предполагающий передачу «новизны» формы ОПН.

Однако на уровне изолированного предложения корректным, на наш взгляд, может быть и следующий вариант перевода:

С момента избрания Эммануэль Макрон использует в своей речи короткие полемичные высказывания. Однако как французы восприняли все эти «макронады»? (здесь и далее перевод наш – В.А.)

2. *... il fallait attribuer la victoire du grand SchTRUMPFissime à son habileté de politicien ... [2*]*

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика PROMT:

... надо было приписать победу большого SchTRUMPFissime его умению быть политиком ...

В данном контексте используется персонализированный неологизм *SchTRUMPFissime*, который определяет личность (отношение к личности) Д. Трампа как политика в превосходной степени. Неолексему можно охарактеризовать как форму игры слов, так как она создана по аналогии с англоязычными комиксами из серии «смурфов, штрумфов», указывая и тонко иронизируя точки пересечения культуры и международной политики. Данный вариант перевода представлен дословным переводом ИТ. Грубой ошибкой переводчика является попытка передать новизну формы неологизма при помощи исконной, французской телескопной единицы, которая не способна ни заменить, ни передать новизну значения неологизма и лишь затрудняет понимание смысла высказыва-

ния в целом. Корректный вариант перевода не может быть ориентирован исключительно на форму слова, приоритетным при переводе должен оставаться смысл целого высказывания. Учитывая вышесказанное, более корректным считаем такой вариант перевода:

... следовало бы считать победу великого **Страмфиссима** его политическим мастерством ...

Анализ вышеперечисленных примеров показывает, что наиболее значимым для окказиональных персонализированных ОПН является их отношение к конкретному политическому контексту, вследствие чего переводчику необходимо подбирать текстовый эквивалент, формируя сначала некие гипотезы, которые определяют анализ особенностей нового слова и его понимание читателем. В данном случае перевод осуществлен при помощи транслитерации (*macronades, SchTRUMPfissime*).

Отметим, что исследуемые нами морфо-семантические группы персонализированных ОПН (185 ЛЕ) достаточно разнообразны: имена существительные, а также имена прилагательные, глаголы, наречия. Однако ОПН имена прилагательные, глаголы и наречия рассматриваются как явления, которые подтверждают словообразовательную активность ИС-онимов, класс которых мы ограничиваем именами существительными.

Проанализируем особенности онлайн-перевода некоторых наиболее репрезентативных примеров:

3. **Hollander**: *partir quand on ne s'attend pas. Fillonner*: *arriver quand on ne vous attend pas. La politique c'est du théâtre*. [3*]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Уходить, когда не ждут. Приходить, когда вас не ждут. Политика – это театр.

В результате анализа данного варианта перевода отмечаем, что персонализированные ОПН глаголы «*hollander*» и «*filloner*», которые находятся в анафорической оппозиции и создают как иронические образы экс-президента Ф. Олланда и политика Ф. Фийона, так и не поддающуюся логике картину смены власти, опущены онлайн-переводчиком. По нашему мнению, главная проблема заключается в том, что в когнитивном багаже онлайн-переводчика имеется некая лакуна, которая обусловлена незнанием или отсутствием эквивалентов данных новообразований. Это всецело искажает смысл высказывания. Использование данных глаголов в ПТ и даст нам корректный вариант перевода. С учетом контекста предпочтительным, по нашему мнению, является описательный перевод: он более точно передаст смысл ИТ и соответствует нормам языка перевода, хотя и не сохраняет новизну формы неологизмов, которая однако может компенсироваться в более широком контексте. Например:

Вести себя так, как Олланд: уходить, когда этого не ждут. **Вести себя так, как Фийон**: приходиться, когда этого не ждут. Политика – это не что иное как театр.

4. *La fronde anti-Merkel: le parti conservateur au pouvoir juge les critiques envers la chancelière révélatrices du «désespoir» des socialistes français*. [4*]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

Фронта **анти-Меркель**: правящая консервативная партия считает критику канцлера откровенным «отчаянием» французских социалистов.

В варианте перевода, приведенном выше, использован прием транслитерации неологизма анти-Меркель, который характеризует политическое движение французских социалистов, придерживающихся противоположных (оппозиционных) политических взглядов по отношению к канцлеру Германии. Онлайн-переводчик предлагает дословный вариант перевода, который ориентирован в первую очередь на передачу новизны формы персонализированного ОПН и не учитывает ни его контекстуальное окружение,

ни значение. Таким образом, смысл транслитерированной ЛЕ «анти-Меркель» остаётся непонятным читателю.

Для достижения эквивалентности данного неологизма в контексте наиболее удачным считаем следующий вариант перевода при помощи описательной конструкции:

Оппозиция **против Меркель**: правящая консервативная партия считает, что критика по отношению к канцлеру отражает «отчаяние» французских социалистов.

5. *Le président a l'habitude d'utiliser des mots légèrement désuets... «croquignolesque», «chicaya» Apprenez à parler macronièment.* [5*]

Вариант перевода, выполненный с помощью переводчика *PROMT*:

У президента есть привычка использовать несколько необузданные слова ... «смешной», «chicaya»... . Научитесь говорить **Макрон**.

При анализе данного варианта перевода мы пришли к выводу о том, что он представляет собой дословный перевод ИТ. Ошибкой переводчика является замена ЛЕ «macronièment», определяющей личностную характеристику стиля общения, высказывания президента, онимом Макрон. Данная единица не способна, учитывая специфику её семантической составляющей, ни заменить, ни передать новизну ЛЕ «macronièment». Наряду с этим, ЛЕ «спор» (вражда) передана при помощи исконной единицы. Это объясняется некой лексикологической (культурологической) лакуной в багаже переводчика, порождаемой незнанием данного термина. Как видим, дословный онлайн-перевод искажает смысл высказывания и затрудняет понимание читателем текста в целом.

Учитывая вышесказанное, наиболее корректный перевод французского предложения может быть следующий:

Президент привык использовать в своей речи в некоторой степени устаревшие слова ... «кнелепый», «спор, вражда» Научитесь говорить **так, как Макрон**.

Для наиболее корректной передачи семантической составляющей ОПН глаголов, прилагательных, наречий особенно важным является создание переводчиком текстовых эквивалентов, учитывая как значение ОПН в тексте, так и его контекстуальное окружение [3, с. 60; 4, с. 341]. Правильность перевода уточняется, в большинстве случаев, собственными экстралингвистическими знаниями переводчика. В данном случае перевод осуществлен при помощи описательных конструкций (описательного перевода): *hollander* – вести себя так, как Олланд, *filloner* – вести себя так, как Фийон, *anti-Merkel* – против Меркель, *macronièment* – (говорить) так, как Макрон.

В результате проведенного исследования мы в полной мере разделяем точку зрения Н.М. Нестеровой [5, с. 47] о том, что сложности перевода неологизмов возникают не только в процессе их ревербализации, но и в процессе их понимания. Это обусловлено как формальной, так и содержательной уникальностью неологизма, эквивалентность которого достигается, в первую очередь, в *контекстуальном окружении*.

Таким образом, переходя к выводам, отметим:

– варианты перевода, выполненные при помощи онлайн-переводчика *Prompt*, представлены в большинстве случаев дословным переводом и ориентированы на передачу формальной составляющей, новизны формы персонализированных политических неологизмов. В вариантах онлайн-перевода не учитываются ни окружение ОПН в тексте, ни его контекстуальное значение. Таким образом, переводы, выполненные при помощи онлайн-переводчика, не в полной мере способствуют точной передаче новизны значения неологизма, искажают общий смысл высказываний, так как передают значения ОПН как отдельных единиц вне связи с другими элементами текста;

– особенно значимым для окказиональных ОПН (персонализированных ОПН) является их отношение к конкретному политическому контексту, вследствие чего в процессе передачи их коммуникативной ценности переводчику необходимо отразить контекстуальный эквивалент, который определит особенности нового понятия, и, в первую очередь, его понимание читателем. В таких случаях наиболее результативным путем следует считать создание эквивалентов, обеспечивающих достижение эквивалентности ИТ и ПТ, с опорой на когнитивный контекст. Переводчику следует руководствоваться таким критерием как смысл и значимость ОПН в контексте, а также его роль в сравнении с другими элементами политического текста. Специалисту необходимо прибегнуть к определенному индивидуальному словотворчеству, создавая так называемые переводческие (переводные) окказиональные ОПН для достижения эквивалентности ИТ и ПТ.

Литература

1. Абабий В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 190 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Имя собственное в медиaprостранстве: монография / Л.И.Гришаева, О.О.Борискина, Н.А.Фененко, В.Н.Абабий, В.Г.Шимко; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 191 с.
4. Фененко Н.А. Особенности перевода с французского языка на русский общественно-политических неологизмов, образованных от имен собственных / Н.А.Фененко, В.Н.Абабий // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 2020 г.). – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 334 – 342.
5. Нестерова Н.М. Окказиональное слово как результат авторского словотворчества: границы переводимости // Вестник Томского государственного университета. 2016. №4 (42). С. 44–58.

Список источников примеров

- 1* Challenges. URL: <https://www.challenges.fr/> (дата обращения 20.12.2020)
- 2* Le Point politique. URL: <https://madagoravox.wordpress.com/2017/02/> (дата обращения 25.12.2020)
- 3* Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr>. (дата обращения 04.01.2021)
- 4* Le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/> (дата обращения 06.01.2021)
- 5* L'Economie politique. URL: <https://www.capital.fr/economie-politique/croquignolesque-in-petto-chicaya-apprenez-a-parler-comme-macron-1250078> (дата обращения 11.01.2021)

Список словарей

- 1** Manoli I. Dictionnaire des termes stylistiques et poétiques (2-ième éd., revue et augmentée). Ch.: ULM, 2012. 345 p.
- 2** Онлайн-переводчик и словарь PROMT.One. URL: <https://www.translate.ru/> (дата обращения 11.01.2021)

THE FEATURES OF TRANSLATION OF PERSONALIZED POLITICAL NEOLOGISMS FROM FRENCH INTO RUSSIAN

V. N. Ababy
Pridnestrovian State University

Abstract. The paper discusses methods and techniques used in online translation of French personalized political neologisms derived from proper names (onyms of prominent politicians) into Russian. The author also studies the features of rendering their meanings from one language into another. The author analyzes translations completed with the help of Prompt online translator, and clarifies to what extent the proposed neolexem translations are correct. The author studies the features of translation of derived political neologisms belonging to various morpho-semantic groups: nouns, adjectives, verbs, adverbs, and comes to the conclusion that 1) the translation of personalized neologisms presents a number of difficulties due not only to the peculiarities of their structure but also to their reference to a specific political context which determines the choice of translation shift in order to achieve equivalence of the source text and the target text; 2) translations completed with the help of Prompt translator are aimed especially at rendering the form of political neologisms without taking into account either the contextual environment of neolexems or their significance in the context. This results in the detriment of the meaning of the political statement as a whole. Thus, the online translator is not fully able to help the translator in the process of rendering political vocabulary formed from proper names-onyms.

Key words: personalized political neologism, onym, translation, contextual meaning, cognitive context, transliteration, descriptive translation

Абабий В.Н.,
доцент кафедры иностранных языков
ПГУ им. Т.Г. Шевченко
тел.: 37353379727
e-mail: valentinaaababii@mail.ru

V. N. Ababy
Senior lecturer of the Foreign Languages
Department
Pridnestrovian State University
mobile: 37353379727
e-mail: valentinaaababii@mail.ru

УДК 81'25
ББК 81,1

«BLACK BOX»: ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН И ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСГРЕССИЯ

Алферов А.В., Кустова Е.Ю.
Пятигорский государственный университет
Попова Г.Е.
Астраханский государственный технический университет

Аннотация. Проблема принятия переводческого решения многократно возрастает с уменьшением семантических реперных точек, лежащих в основе концептуального соотношения образа оригинала и образа перевода. Это происходит при повышенной лакуарности текста оригинала, возникающей по воле автора-писателя (заумь, нонсенс, абсурд и т.д.). Категория интуитивной убежденности (релевантности) становится единственным основанием для принятия решения в случае языковой трансгрессии – языковой игры или окказиональной

номинации в тексте оригинала. Методом ретроспективного *blackbox*-анализа авторы статьи исследуют внутреннюю мотивацию русских переводчиков романов Фредерика Дара (Сан-Антонио). В результате анализа текстов переводов (контрастивный анализ) и интервьюирования авторов переводов выводятся механизмы выявления и координации «внутренних релевантностей» автора и переводчика, определяется роль интуитивной и рефлексивной инференций в принятии переводческого решения.

Ключевые слова: инференция в переводе, интуитивная инференция, рефлексивная инференция, внутренняя форма в переводе, интерпретанта в переводе (гипоикона) – первичный, вторичный и третичный иконизм, абдукция в переводе

Настоящий анализ опирается на две известные концепции, применимые в транслятологии, но до сих пор не сопрягаемые в теории перевода. Речь идет о семиотической концепции Ч.С. Пирса [1] и динамической модели смыслообразования, получившей название «Теория релевантности» (далее «ТР») [2], уже используемой в определенном ракурсе в теоретическом переводоведении [3].

Для дальнейшего изложения необходимо разделить два значения термина «перевод»: 1) трансформация одной знаковой системы (исходного текста) в другую знаковую систему (текст перевода) и 2) **Перевод** как теоретический концепт, система знаний, умений и навыков, подверженная моделированию, – как объект **теоретической** транслятологии. Второе значение отмечено нами заглавной буквой.

Прежде всего наш подход предполагает модификацию модели коммуникации как транзакции – «передачи знания» [4] и модели «кодирования – декодирования» как семиотической метафоры процесса порождения и интерпретации сообщения-высказывания. Опираясь на ТР, можно представить получаемый смысловой квант (информацию) не как определенную «информационную сущность», передаваемую коммуникантом своему адресату, а как предъявляемый адресантом набор значений, воплощенных в оstenсивных знаках-триггерах (звуках и синтагмах), вызывающих процесс интерпретации и порождения собственного смысла в когнитивной модульной системе реципиента-интерпретатора.

Другими словами, процесс «перевода», в терминах Р. Якобсона – «внутриязыковой перевод» [5], – становится прототипической моделью коммуникации вообще. Процесс понимания сообщения пронизан челночным движением мысли от «знания извне» к собственному знанию с их взаимной адаптацией [2]. Коммуникативная функция языка пронизана его интерпретативной функцией [6].

Процесс перевода можно представить в крайне редуцированной форме как анализ, синтез и анализ-синтез (дедукция, индукция и абдукция) [1]. Эти процессы постоянно взаимодействуют на различных уровнях восприятия и концептуализации нового знания. В коммуникации задействованы два типа когнитивных модулей – перцептивный и концептуальный [2]: сенсорные данные, поступающие в виде оstenсивных сигналов в перцептивные модули, обрабатываются и на основе переработки (анализ и трансдукция) поступают в концептуальные модули, выдающие смысловой синтез в виде ментальной репрезентации, порождаемой получаемым оstenсивным импульсом – устным или письменным знаком (сообщением-текстом) [2].

Важно, что в процессе обычной коммуникации происходит следующее: перцептивные механизмы делают выводы не о **носителях** чувственных данных (что становится актуальным, например, при сбое в перцептивных механизмах – зрении, слухе и т.д.), а о воспринимаемых **объектах**. Также и концептуальные механизмы делают выводы не о свойствах представлений, которые они обрабатывают, а о свойствах объектов или со-

стояний (положения дел), представленных в этих представлениях. Например, вывод, получаемый из воспринимаемого «вида туч», – это не вывод об этом восприятии («я вижу тучи»), а о самих облаках и их вероятных последствиях («пойдет дождь») [2]. Однако существует принципиальная разница между процессом обычной коммуникации и Переводом.

В процессе Перевода активированы оба механизма – представление о содержании (репрезентация) и представление о свойствах самого представления (метарепрезентация) [2]. Другими словами, речь идет об отсутствии/наличии рефлексии при трансдукции перцептивных данных в концептуальные. В Перевод анализ и синтез, т.е. интерпретация, – основаны на механизмах рефлексивной инференции – выводного знания, опосредованного не интуитивным, но аналитическим (рефлексивным) знанием [7]. В отличие от традиционного представления об имплицитности [8] как «скрытых смыслах» [9], требующих рефлексивной инференции (выводного знания), **в переводе**, следуя «ТР», интерпретации подвержены и остенсивные (эксплицитные) знаковые формы, которые не нужно «восстанавливать» из «не(до)сказанного» (ср. «отсутствующая структура» [10], импликатура [2]). В обработке эксплицитного высказывания также необходимо восстановить его экспликутуру, т.е. выявить его мотивацию – внутреннюю форму [11], или интерпретанту в терминах Ч.С. Пирса [1].

Адекватность в Перевод зависит от нахождения (открытия) и воспроизведения **дискурсивной внутренней формы**, или интерпретанты знака, транслируемого в переводе (интерпретация экспликутуры). Открыть мотивацию «автора» знака-сообщения («Почему ты говоришь это» и/или «Что ты хочешь этим сказать»/ «Qu'entends-tu par cela») – это и есть рефлексивная инференция, или интерпретация остенсивного знака (экспликутура). Однако определить мотивированность знака – это не только осознать интенцию самого говорящего/пишущего, но и определить мотивированность употребления (значимость) знака в системе знаков данного текста (сообщения) [12].

Таким образом, в телеологии перевода главным является совпадение интерпретант ИЗ (исходного знака) и ПЗ (переводного знака) и их релевантностей (значимостей) в знаковой системе (тексте) [13].

Например, известная фраза Достоевского «Да за кого ты себя считаешь, фря ты эдакая, *облизьяна* зеленая?» [1*] в к/ф «Осенний марафон» стала предметом спора двух переводчиков – русского и датчанина. Последний посчитал, что *облизьяна* – это «неправильная печать», а не «сленг», как считал его русский коллега. Датчанин в переводе превратил *облизьяну* в обычную «обезьяну». На самом деле интерпретанта исходного знака (ИЗ) содержит признак искаженного «экзотизма», просторечного оскорбления в общем контексте речевого портрета «гадкой бабы» – персонажа Достоевского. Определив эту составляющую интерпретанты исходного знака *облизьяна*, можно, если не отыскать (вряд ли он найдется), то **создать** лексический эквивалент – инвективу, сходную по внутренней форме (интерпретанте), релевантной в плане выражения и в плане содержания переводного знака в контексте описываемого речевого события. В фильме обсуждается ошибка переводчика, однако, согласимся, что задача оказывается не из легких.

В данном случае перевести – значит заменить интерпретанту знака А на интерпретанту знака В, соотносящихся между собой на основе Иконизма – типа вторичного семиозиса, когда между А и В устанавливается семиотическое отношения «похожести» (*likenesses* [1]). Речь идет не о передаче-«трансакции» одного и того же смысла путем «кодирования – декодирования – ре-кодирования» двумя «эквивалентными» разнооформленными знаками («синонимия»), а о передаче-«трансфере» [14] – **создании**

авторского варианта, на основе большей или меньшей ad hoc-идентичности интерпретант знака А и знака В, релевантной в данном употреблении (контексте).

В поисках релевантной интерпретанты переводчик-практик путем абдукции выдвигает гипотезы о той или иной возможной интерпретации А, определении его интерпретанты, ее значимости (релевантности) в тексте и контексте семиотического произведения (ИЗ/ПЗ). Переводческая абдукция – это выдвижение гипотезы и поиск средств выражения (материальных фактов), удовлетворяющих выдвинутой гипотезе, и наоборот. Это челночное движение «гипотеза ↔ речезыковой факт».

Окончательный выбор той или иной интерпретативной гипотезы – **переводческое решение** – зависит от релевантности «финальной интерпретанты» [1] в семиотической системе переводного текста (ср. [15]).

Мотивированность переводческого решения зависит от степени «удовлетворенности» – *пертинентности* как «внутренней релевантности» [12] переводчика найденной интерпретантой (внутренней формой), т.е. завершенностью процесса переводческой инференции. Однако степень субъективности переводческого решения имеет объективные ограничения, связанные с семиотической природой отношения «похожести» – иконизма интерпретант А и В.

В семиотической концепции Ч.С. Пирса, построенной на трихотомиях, выделяется девять базовых категорий семиозиса и 66 типов знака, которые можно представить в проекции трех трихотомий (см. Таблицу 1; ср. [16]):

Таблица 1. Семиотическая система Ч.С. Пирса

	Знак как форма «репрезентамен»	Знак как отражение объекта	Знак как функция
первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
вторичность	Синсигнум	Индекс	Дипсигнум
третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

Знак как форма плана выражения назван Пирсом «репрезентаменом», что есть своего рода экспликатура внутренней формы слова «знак» (sign) – «представлять что-то вместо чего-то» [1].

Первичность – это уровень перцептивной обработки поступающих семиотических данных. **Квалисигнум** это еще не знак, это перцептивный квант – остенсивный триггер, дающий основание для семиозиса, т.е. создания знака. Само название «квалисигнум» подчеркивает наличие некоего свойства (качества) репрезентамена, которое позволяет использовать данное проявление как знак («бросается в глаза» – фокусная «рема»). Таков красный цвет во всех «запрещающих» или оповещающих об опасности знаках (индексах). Категория Первичности реализуется на уровне перцептивных модулей, представляя, по Пирсу, внешнюю форму потенциального знака (запах розы, свисток паровоза, горький вкус хинина) без семиотического соотнесения с объектом знакового отношения. На этом уровне слово *облизьяна* интерпретируется как искаженная форма слова. Тогда для передачи изоморфизма в переводе на уровне квалисигнума достаточно просто нарушить внешнюю форму переводного слова (квалисигнум иконический рематический).

Категория Вторичности включает признак первичности (формы), но вносит в нее определенные значимые признаки, как правило, на уровне причинно-следственной свя-

зи (*облизьяна* – опечатка?). Основная форма выражения Вторичности – знак-индекс, указывающий на такую связь (значимость квалисигнума-формы, напр.: круглый – катится; плоский-небольшой – устойчивый, переносится; тяжелый-плоский-большой – устойчивый, не переносится; тяжелый-большой-круглый – не переносится, неустойчивый, катится и т.д.). На основе внутренних знаний обрабатываются данные перцептивных модулей, происходит их первичная концептуализация.

Индекс-**синсигнум** симптоматичен – он зависит от ситуации (контекста) и интенциональной настройки обрабатывающего модуля (установки). Именно в силу такой ограниченности первая гипотеза об опечатке оказывается ошибочной в контексте художественного произведения. Вторая гипотеза: форма *облизьяна* указывает на причинно-следственную связь: если не опечатка, то мотивированное употребление, которое указывает на что-то, а именно: не опечатка, а намеренно-неправильное произнесение слова говорящим (персонажем).

Категория третичности, по Пирсу, включает характеристики первичности и вторичности, но это уже не гипотеза, а логический вывод, имеющий логический статус закономерности (легисигнум), «общего места» в рассуждении: «если человек искажает слова, делает ошибки, это характеризует его речевой этос («имидж») как отрицательный / странный, особенный» (легисигнум иконический дициентный). В контексте художественного произведения этот вывод выполняет функцию аргумента (см. Таблицу), в творимом автором образе «злой бабы» (необразованность, низкий уровень интеллекта, «грязная» речь и т.д.).

Таким образом, в интерпретации (индукции, дедукции, абдукции) при переводе исходного знака (ИЗ) синкретично соединяются все уровни анализа (первичность, вторичность, третичность) и сопрягаются все возможные семиотические типы **иконизма**:

- (1) **квалисигнум иконический** рематический («гипо-икона» [1]);
- (2) **синсигнум иконический** рематический;
- (3) синсигнум иконический дициентный;
- (4) **легисигнум иконический** рематический;
- (5) легисигнум иконический дициентный;
- (6) легисигнум иконический аргументативный.

Таким образом, иконизм как базис Перевода, охватывает три уровня семиозиса: **копия** (1), **подражание** (2-3) и **воспроизведение** (4-6). Три уровня соотносятся по степени творческой самостоятельности переводчика. Копиист руководствуется в анализе чистой индукцией (от частного к общему), собирая средства выражения ПЗ на уровне словарных эквивалентов, то есть, практически, на промежуточном уровне чуть выше уровня перцепции (трансдукция [2]).

Воспроизведение предполагает опору на концептуализацию (легисигнум) и учет перцептивных фактов (первичность) в процессе концептуализации (вторичность: дедукция↔индукция). В Переводе, на уровне третичности, легисигнумы складываются в синтаксические (тема-рематические), грамматические и лексические эквиваленты (4-5) и семантические реперные точки (6) – семантические узлы, слоты, ситуативный контекст, концептосфера [15;17] и т.д.).

Подражание, оперирующее двумя семиотическими типами (2) и (3), предполагает наибольшую творческую самостоятельность переводчика и базируется частично на копировании (синсигнум иконический рематический), частично на воспроизведении (синсигнум иконический дициентный), но обязательно предполагает свободу выбора в авторской интерпретации внутренней формы исходного знака (ИЗ) (абдукция, по Ч.С.

Пирсу [1]). В основе подражания лежит перенос причинно-следственной связи (интриги, темы, интерпретанты) исходного знака в ПЗ без обязательства следовать другим уровням исходного знака в перцептивной (первичность) и/или концептуальной (третичность) природе исходного знака (текста). Другими словами, на уровне подражания (синсигнум иконический рематический/дициентный) ни форма, ни содержание исходного знака не копируются и не воспроизводятся в чистом виде. Происходит репликация исходного знака в переводном знаке, которые оказываются связанными между собой на уровне своих интерпретант причинно-следственными отношениями. Эквивалентность заменяется контекстуальной релевантностью. Многочисленные примеры такого симптоматического перевода дает поэтический Перевод (например, «Горная песня странника» Гёте в версии М.Ю. Лермонтова «Горные вершины...» и мн. др.).

Этот когнитивно-семиотический механизм отличает симптоматический Перевод (подражание) от обычного воспроизведения на уровне концептуальных легисигнумов: обычно анализ (интерпретация) в художественном Переводе касается деконструкции («top-down») концептосферы ИТ (исходного текста) на сильные (ядерные) и слабые (периферийные) смысловые элементы – семантические слоты-узлы (сильные и слабые имплицатуры в ТР [2]) – реперные точки-интерпретанты, составляющие семантическую структуру ИТ (исходного текста) (ср. [17]). Реперные точки связаны с доминантными смыслами пропозиционального пространства ИТ, формирующими авторскую идеологию ИТ [13;15]. Это происходит, когда знак «прозрачен» («тучи – дождь» – см. выше).

Когда же знак «непрозрачен» (*opaque* [18]), рефлексивен (автореферентен), происходит его концептуальная деградация: на первый план выступает его перцептуальные квалисигнумы, требующие творческой инкарнации («трансфера») во вторичном ПЗ. С такой ситуацией мы сталкиваемся при переводе любого «остраненного», формально-непрозрачного текста (легисигнум иконический рематический): «*Черукик дощеным шагом*» (Д. Хармс); «*Крылом белоснежные махари / Полета усталого знахари / Сияны вейнами дахари*» (В. Хлебников); «*Зверь мой – язык и высок. Язык мой пятнист и велосипедист*» (А. Левин) и др.

Обычно легисигнумы иконические дициентные – ономатопеи – как элементы языка имеют модифицируемые в системе каждого языка потенциальные эквиваленты (*кукареку – cocorico – cock-a-doodle-doo*). В приведенных выше примерах поэтической «зауми» таких легисигнумов нет. Понимание слов (иконических синсигнумов – употреблений) русского языка происходит на уровне их внутренней формы, воспроизвести которую в переводе практически невозможно. Однако легисигнум иконический дециентный (ономатопеическая номинация) может превратиться в легисигнум иконический аргументативный (напр., «кукарекать»: *А чего там кукарекать: дал бабки, взял пакет – и чеши обратно!* (М. Гиголашвили)) [2*]).

Таковы все идиосинкратические особенности исходного знака (текста), которые провоцируют именно симптоматические варианты перевода, – окказионализмы (употребления), языковая игра, каламбур, метафора и т.д.

Речезыковые аномалии не раз становились предметом лингвосемиотического [19], литературного [20] и переводческого [21] анализа. При передаче речезыковой аномалии в переводе выбор переводческого решения ограничен, в силу отсутствия легитимной конвенциональности формы и семантической определенности (абсурд, нонсенс), только двумя типами переводческого трансфера: копированием (калькированием) и подражанием на основе внутренней формы (1-3). Хотя в реальном переводе проявляется синкретизм всех трех переводческих стратегий (копирования, подражания, воспроизведения), особенно, если мотивация (внутренняя форма) аномалии эксплицируется

самим автором. Так происходит в известном стихотворении «Бармаглот» Л. Кэрролла («Алиса в стране чудес»). Рассмотрим варианты его французского и русского перевода:

JABBERWOCKY

*'Twas brillig, and the slithy
toves
Did gyre and gimble in the
wabe:
All mimsy were the
borogoves,
And the mome raths
outgrabe [3*].*

JABBERWOCKY

*Il etait grilheure; les
slictieux toves
Gyraient sur l'alloinde et
vriblaient:
Tout flivoreux allaient les
borogoves ;
Les verchons fourgus
bourniflaient [4*].*

БАРМАГЛОТ

*Варкалось. Хливкие
шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове [5*].*

Шалтай-болтай выводит на поверхность «пирсову интерпретанту», т.е. пытается мотивировать план выражения через план содержания в поисках «финальной интерпретанты»:

*«Brillig» means four o'clock
in the afternoon – the time
when you begin broiling
things for dinner; «slithy»
means «lithe and slimy»;
«toves» are something like
badgers they're something
like lizards – and they're
something like corkscrews;
to «gyre» is to go round and
round like a gyroscope. To
«gimble» is to make holes
like a gimblet... [3*].*

*«Grilheure», c'est six
heures du soir; l'heure ou
on commence à faire griller
de la viande pour le diner;
«slictieux» signifie: «souple,
actif, onctueux»; les «toves»
ressemblent en partie à des
blaireaux, en partie à des
lezards et en partie à des
tire-bouchons; «gyrer», c'est
tourner en rond comme un
gyroscope. «Vribler», c'est
faire des trous comme une
vrille... [4*].*

*«Варкалось» — это
четыре часа пополудни,
когда пора уже варить
обед. «Хливкие» — это
хливкие и ловкие;
«шорьки» — пометь хорь-
ка, ящерицы и штопора;
«пырялись» — прыгали,
ныряли, вертелась!
«хрюкотали» это хрю-
кали и хохотали... [5*].*

Номинации-«кошелек» в самом «*Jabberwocky*» (ИЗ) – это синсигнумы иконические дициентные – окказиональные слова, на первый взгляд не имеющие внутренней формы. В этом случае возможен перевод на уровне копирования формы плана выражения (гипо-иконы). Французский перевод использует системную близость к источнику и в большинстве случаев прибегает именно к фонетико-графическому копированию. При трансфере в переводе метафорическая экспликация внутренней формы лексических контаминаций, превращает иконы-копии (синсигнум иконический рематический) в легисигнумы иконические аргументативные, перевод которых – это своего рода семиотическая мета-контаминация всех трех типов знаков: иконы, симптома и символа [1].

В русском переводе, лишенном возможности прямого копирования формы, внутренняя форма – это симптоматическое подражание, но никак не копирование или воспроизведение. При этом, однако, соблюдается сам принцип достижения интерпретативной релевантности путем выбора *пертинентной* (удовлетворяющей условиям языковой игры) динамической внутренней формы. Этот ключевой принцип, лежащий в основе номинации в ИЗ, может рассматриваться как *динамическая интерпретанта* [1] – внутренняя форма, повторяющаяся в регулярном употреблении (ср. словообразовательные модели и т.п.).

Такова рефлексивная метареферентная Перевода в сопоставлении ИЗ и ПЗ, с точки зрения семиотической системы. Однако в реальном психо-когнитивном процессе перевода рефлексивная инференция, как правило, уступает место интуитивной инференции [7], когда когнитивные модули работают быстрее, чем сознание переводчика. Одним из способов проникновения в переводческую интуицию и механизм принятия переводческого решения («финальной интерпретанты») является метод «мысли вслух» – разновидность метода «black-box» [22], который мы осуществили в виде интервью с авторами художественного перевода «остраненных» литературных текстов [23; 24].

В данном случае предмет нашего исследования – перевод произведений французского писателя Фредерика Дара – самого читаемого во Франции автора в жанре иронического детектива. Секрет такой популярности лежит в языковой креативности автора, кредо которого состоит, по его словам, в следующем: *«Я помешан на своём языке. Построение какой-либо фразы меня захватывает... Жанр, в который меня занесло, обязывает меня создавать язык. Ты знаешь, а это опьяняет. Потому что в глубине души я мятежник, я анархист. В моей манере писать есть анархия: анархия стиля, анархия интриги, потому что это не настоящие детективные романы, анархия в применении современных технических новинок – что мне до того, работает ракета на жидком водороде или на тёртом сыре? – анархия по всему фронту. <...> Конечно, можно вообразить исходя из такой позиции полный сход с рельсов, опасность того, что язык понесёт, как при поносе... Может быть. Но я думаю, что скорее найдутся люди с запором, чтобы потрясать кодексом и правилами грамматики. Перилами, одним словом!»* [6*, с. 132].

Стиль Ф. Дара, по мнению Б.Н. Ворожцова, это «модернизм в выборе средств организации самой ткани текста» [25]. Язык Ф. Дара (Сан-Антонио) не раз становился предметом лингвистического анализа. Во Франции издан «Словарь Сан-Антонио», содержащий 15000 статей, словарь «санантонизмов» превосходит словарный запас некоторых носителей языка (их около 20000). Как заметил сам автор Сан-Антонио: «Я сделал свою карьеру со словарным запасом в 300 слов. Все остальные я придумал» [6*].

Для определения мотивированности переводческого решения и *пертинентности* найденной интерпретанты – «внутренней релевантности» (удовлетворенности) переводчика (см. выше) – мы использовали модифицированный метод «мысли вслух» – ретроспективный самоанализ в ходе интервью. Был применен также метод сопоставления переводов: в зависимости от выбранного решения и внутренней формы вторичной переводческой номинации устанавливалась форма переводческого решения, выраженная в том или ином семиотическом типе финальной интерпретанты.

Интервью проводилось с двумя переводчиками – В. Бережным (переводы: «Смертельная игра» – «Entre la vie et la morgue» и «Сан-Антонио в гостях у маков» – «San-Antonio chez les Mac» [7*]) и Г. Барсуковым (семь переведенных книг и несколько аналитических обзоров [8*]) – переводчиком, исследователем творчества Ф. Дара и его переводов в России [24; 8*].

В интервью переводчики отмечают необходимость определения «ключа» к переводу Сан-Антонио (далее – СА). Таким интерпретативным ключом называется литературная эристика Ф. Рабле [24]. Трансгрессия в сексуальность, эпатаж, выходящий за рамки приличия – вот смысловые доминанты Ф. Дара, его динамическая интерпретанта [26]. По словам Робера Эскарпи, «со времен Рабле мало писателей так умело манипулировали словом как он. Его личное арго иногда восходит до поэтического творчества» [8*].

Юмор и языковая игра Ф. Дара всегда направлена против ханжества, это несомненная «пошечина вкусу» и хорошим манерам. Раблезианский гротеск, «поэтизация низа» – это кредо языка Сан-Антонио. Вот как, например, он передает любовное искусство своего героя:

«Je lui fais le cerveau magique, la toupie auvergnate, le tourbillon bulgare, la trompette bouchée, le caméléon-gobeur, le lave-glace à pédale, l'appareil à cacheter les enveloppes, la moulinette rouillée, le grand huit, le grand six, le grand 9, le grand Condé, la petite souris chercheuse, la langue de belle-mère, le coup de l'étrier, la boîte à celle, la selle de course, la course à pied, le pied à terre, la flamme sacrée, le trohu-ducavu maltais, la bougie-qui-se-dévisse, la feuille de vigne à trou, le défilé de la victoire, le prépuce à l'oreille, la main de masseur, l'amant de ma sœur, la sœur de maman, le monte-charge en panne, le passe-partouze diabolique, le tiroir secret, le subjonctif à ressort, le buvard en bois, le conte de Pet-Rot, le lancier du Bengale, le gondolier manchot, le pétomane aphone (in petto man à faune) et la croisière suprême» [23].

Игра словами и созвучиями, гелотогенные каламбуры и ассонансы (*la main de masseur, l'amant de ma sœur, la sœur de maman*), контаминация нормативных лексем с суффиксами и переразложение фразем, превращающие их в окказиональные «эротизмы» и «физиологизмы» (*le prépuce à l'oreille; le conte de Pet-Rot, le passe-partouze diabolique*), их гротескная бессмыслица и словесная карнавализация, – всё это лакунарно и, на первый взгляд, не подлежит переводу [27].

Переводческое решение в этом случае основано на изоморфизме динамической интерпретанты, которая, по свидетельству В. Бережнова, есть не что иное, как «раблезианство и разговорный фольклор» с той же внутренней формой, но в русской пародийной речи «что ни рожка, то Сережа; могут Анки грабить банки, могут ездить на тачанке». Поэтому, следуя переводчику, «главное открыть дух, характер, эмоции, ритм – все то, что таится между строк. Поэтому отталкиваемся от «смеси» Рабле и русского ярмарочного лубка: «Я показываю ей магический колпак, овернский волчок, чертово колесо, закупоренный саксофон, ликующий хамелеон, стеклоочиститель с ножным приводом, прибор для заклеивания марок, дырявую кофемолку в действии, большую восьмерку, большую шестерку, большую девятку, Великого Конде, маленькую мышкунорушку, тещин язык, шпоры в норы, дырчатую солонку, соленую дырку, дыр-дыр в одни ворота, священный огонь олимпийцев, местную гордость мальтийцев, свечу на резьбе, виноградный лист на лозе, зная победы и быстрые кеды, секрет массажиста и массаж секретарши, грузоподъемник в кармане, искушение дьявола в турецкой бане, секретный ящик, сослагательный прыщик, бювет в пустыне, смазку Перро, бенгальский танец, венецианский ранец, gondoliera с веслом, глухого меломана (вынь шиши из кармана) и, наконец, путешествие на край блаженства». При этом вдруг получают удачные, на мой взгляд, компенсации: *le conte de Pet-Rot – смазка* (вместо сказка) *Перро; le buvard en bois – бювет в пустыне*. Однако многие, в оригинале конкретные и смешные по-французски ассоциации, остаются все-таки недоступными для русского читателя» [23; 7*].

Таким образом, перед нами, действительно, переводческий трансфер, подражание, на основе иконических симптоматических синсигнумов (окказионализмов: *le subjonctif à ressort – сослагательный прыщик; le pétomane aphone (in petto man à faune) – глухого меломана – вынь шиши из кармана*), иконических легисигнумов (*la bougie-qui-se-dévisse, la feuille de vigne à trou – свечу на резьбе, виноградный лист на лозе*) и др. Здесь переплетаются все три вида семиозиса: от рифмы и ассонанса (квалисигну́м иконический)

до переводческого окказионализма (легисигнум аргументативный), тематически соединяющего ИЗ и ПЗ – *la croisière suprême – путешествие на край блаженства*.

Лакуарность языковой игры Ф. Дара [27] превращает любой перевод Сан-Антонио в формулу «п-1». Переводчик чувствует ограниченность компенсации в передаче языковой игры средствами родного языка, и потери при этом неизбежны, но каждый переводчик по-разному воспринимает эти ограничения.

Кредо Г. Барсукова – «лингвистический эксперимент». В его переводах подражание часто зиждется на копировании как бы в стремление доказать, что словообразовательные, ассоциативно-эвокативные ресурсы русского языка неисчерпаемы [24; 8*]. Лингвистическая креативность переводчика в большинстве случаев не уступает французскому источнику:

C'est alléchant, ce répertoire. C'est à lécher! [9*, с. 130] Репертуар **соблазнительный. Облизательный!** [10*, с.108]

Для иллюстрации мы приводим фрагменты сопоставительных таблиц, представляющих варианты перевода Сан-Антонио. Это, как правило, три разные стратегии, три динамические интерпретанты. Одна построена на конвенционализации формы и **воспроизведении** смысла (Б.Н. Ворожцов [25]), другая, в силу генетической близости французского и итальянского языков, сочетает воспроизведение с элементами **копирования** (В. J. Lazzari [11*]) и третья – «стратегия Барсукова» – симптоматический перевод-**подражание** на основе изоморфизма – копирования внутренней формы (номинативной и дискурсивной).

SAN-ANTONIO: BÉRU ET CES DAMES [9*]

Б.Н. Ворожцов [25]	Б.Д. Ладзари [11*]	Г.Р. Барсуков [10*]
Ce disant, il me tend sa paluche pour que je la lui condoléance .		
Произнеся это, он протягивает мне свою лапу , чтобы я смог выразить ей своё соболезнование.	Così dicendo, mi porge la zampa perché io lo condoglianzi .	С этими словами он протягивает мне свою клевню с тем, чтобы я её особолезновал .
...c'est même lui qui suggère qu'on pourrait peut-être saucissonner .		
...может, пока перекусить?	...e lui a suggerire che si potrebbe magari mangiare qualche salsiccia.	... он даже сам предлагает подколбаситься .
Je me tords, me feu-d'artifice ...		
Я корчусь в судорогах, сгорая в любовном огне.	...mi attorciglio, mi fuoco-d'artificio!	... выгибаюсь, фейерверчусь!
– Un goujat qui n'a même pas le respect des morts, c'est moins que rien, hargne-t-elle .		
...но это же совсем ничего, – злобно шипит она.	– Un bifolco che non a nemmeno il rispetto dei morti e meno che niente! – ringhia.	– Хам, который не питает уважения даже к покойникам, хуже, чем ничто, – злится она.
– В.В. est ici! radieuse le Gros.		
– ББ здесь, – в радостной улыбке расплывается Толстяк.	– Bibi e in casa! – esclama il Grosso...	– Б.Б. здесь! – лучезарится Толстяк.

Таким образом, с точки зрения дискурсивной семиотики, внутренняя форма, или «финальная интерпретанта» ИЗ и ПЗ является основой переводческого решения, включает в себя индуктивно-дедуктивную переводческую инференцию, которая определяет дискурсивное (стилистическое, риторическое, прагматическое и др.) актуальное значение переводной речезыковой единицы.

Такая дискурсивная внутренняя форма определяет когнитивно-риторический потенциал дискурсивного знака в его употреблении и переводе.

Иконизм ИЗ и ПЗ касается не только формы плана содержания – концептуальных механизмов интерпретации, но и формы плана выражения – перцептивных механизмов интерпретации. Переводческий семиозис, основанный на изоморфизме варьируется в рамках трехуровневой системы, условно представленной в терминах **копирование – подражание – воспроизведение**.

Литература

1. Peirce C.S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce / C. S. Peirce, C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. London – New York: Thoemmes Continuum, 1994. 29014 p. URL: <https://ru.b-ok.global/book/736280/0a8968>
2. Sperber, D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 265p. / 2nd Ed. Oxford; Cambridge: MA, 1995. 338 p.
3. Gutt E.-A. Translation and Relevance / E.-A. Gutt. New York: Routledge, 2010. 284 p.
4. Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
5. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
6. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.
7. Mercier H, Sperber D. Intuitive and Reflective Inferences // Two minds: dual processes and beyond, Jonathan Evans and Keith Frankish, eds., Oxford University Press, April 2009. URL: <https://ssrn.com/abstract=1862670>
8. Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) / Под ред. М. Б. Борисовой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2010. 200 с.
9. Скрытые смыслы в языке и коммуникации / Ред. – сост. И.А. Шаронов. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 250 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
11. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: КомКнига, 2006. 216 с.
12. Попова Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Монография. Пенза: Изд-во «ПГУ», 2019. 368 с.
13. Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е. Концептосфера художественного текста и перевод // Текст и дискурс: кодирование и декодирование. Коллективная монография / Ред. А.А. Корниенко. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. С. 64–106.
14. Бочавер С.Ю., Фещенко В.В. Концептуализация трансфера и перевода в современной лингвистике // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 3. С. 7–29.
15. Алферов А.В., Попова Г.Е. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 1. С. 69–71.

16. Кустова Е.Ю. Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка). Пятигорск, 2009. 360 с.
17. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: Монография. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
18. Récanati F. La transparence de l'énonciation. P.: Seuil, 1979. 215 p.
19. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 598–621.
20. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте. Андрей Платонов и другие: монография /Т.Б. Радбиль. М.: Флинта, 2012. 322 с.
21. Кабал-Гуарро М. Как переводить Платонова и не казаться самым бездарным переводчиком в мире // Stephanos. – 2016. – № 3 (17). С. 230–234.
22. Goriée D. L. The black box of translation: A glassy essence // Semiotica 2010 (180) · June 2010. URL: <https://www.degruyter.com/view/j/semi.2010.issue-180/>
23. Попова Г.Е., Кустова Е.Ю. Объективное и субъективное в переводе: переводчик в поисках семиотической релевантности // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2019. С. 109–116.
24. Тамразова И.Г., Алферов А.В., Барсуков Г.Р. Эристическая тональность в переводе: семиотика вызова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2019. С. 132-137.
25. Ворожцов Б.Н. Авторские окказионализмы как способ реализации игровой функции языка // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В.Г. Гака. Дубна: Феникс+, 2001. С.79-85.
26. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Импликативная динамика языкового знака как механизм креативного семиозиса // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017. сборник статей XV-го Международного лингвистического семинара. Под редакцией Л. Н. Ягуповой. 2017. С. 8-15.
27. Алферов А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник Воронежского госуниверситета. 2019. № 2. С. 94–104.

Список источников

- 1* Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. URL: <https://ilibrary.ru/text/64/p.19/index.html> (дата обращения 1.12.2020)
- 2* Национальный корпус русского языка. URL: <https://search1.ruscorpora.ru/search>
- 3* Carroll L. Through the Looking Glass. М.: «Менеджер», 1999. 160 с.
- 4* Carroll L. De l'autre cote du miroir. P.: Jean-Jacques Pauvert, 1984. 188 p.
- 5* Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1990. 359 с.
- 6* Дар Ф. Сан-Антонио. Клянусь / Пер. Г. Барсукова. М.: Цитадель-Трейд, 2004. 235с.
- 7* Сан-Антонио. Смертельная игра; Сан-Антонио в гостях у маков / Пер. с фр. В. Бережного. М.: Сантакс-пресс, 1995. 334 с.
- 8* Персональный сайт Г.Р. Барсукова «Сан-Антонио в России». URL: <http://san-a.ru/> (дата обращения 1.12.2020)
- 9* Dard F. Béru et ses dames. P. : Fleuve noir,1967. 500 p.
- 10* Дар Ф. Сан-Антонио. Берю и некие дамы» / Пер. с фр. Г. Барсукова. М.: Цитадель-Трейд, 2004. 427 с.
- 11* Lazzari B. J. Berù e quelle signore Rosa & Nero, 1985. 336 p.

«BLACK BOX”: TRANSLATOR’S DECISION AS A COGNITIVE PHENOMENON AND LINGUISTIC TRANSGRESSION

A.V. Alferov, E.Yu. Kustova
Pyatigorsk State University
G.E. Popova
Astrakhan State Technical University

Abstract. The problem of decision making in translation increases many times with the decrease in the semantic reference points that underlie the conceptual correlation of the image of the original and the image of the translation. This happens when there is an increased lacunarity of the original text, which occurs at the author’s/writer’s will (abstraction, nonsense, absurdity, etc.). The Category of intuitive conviction (relevance) becomes the only basis for making a decision in the case of language transgression – language play or occasional nomination in the original text. Using the method of retrospective blackbox analysis, the authors of the article investigate the internal motivation of Russian translators of novels by Frédéric Dard (San Antonio). As a result of the analysis of translated texts (contrastive analysis) and interviews with the authors of translations, mechanisms for identifying and coordinating the “internal relevance” of the author and translator are derived, and the role of intuitive and reflexive inferences in making a translation decision is determined.

Key words: inference in translation, intuitive inference, reflective inference, internal form in translation, Interpretant in translation (Hypo-icon) – primary, secondary and tertiary iconism, abduction in translation

Алферов А.В.,

Пятигорский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры французской филологии
и межкультурной коммуникации
тел.: +7 (928) 012 5009
e-mail: ale-alfyrov@yandex.ru

Кустова Е.Ю.,

Пятигорский государственный университет,
доктор филологических наук,
профессор кафедры французской филологии
и межкультурной коммуникации
тел.: +7 (928) 012 5008
e-mail: lenakustov@yandex.ru

Попова Г.Е.,

Астраханский государственный технический
университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков
тел.: +7 (937) 138 0813
e-mail: pebble2406@mail.ru

A.V. Alferov

Pyatigorsk State University
Doctor of Philology, Professor of the
French Philology and Intercultural
Communication Department
mobile: +7 (928) 012 5009
e-mail: ale-alfyrov@yandex.ru

E.Yu. Kustova

Pyatigorsk State University
Doctor of Philology, Professor of the
French Philology and Intercultural
Communication Department
mobile: +7 (928) 012 5008
e-mail : lenakustov@yandex.ru

G.E. Popova

Astrakhan State Technical University
Candidate of Philology, Associate
Professor of the Foreign Languages
Department
mobile: +7 (937) 138 0813
e-mail: pebble2406@mail.ru

ИДИОСТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА: АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АЛЕНА ПРЕШАКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ РЕАЛИЙ Н.А. ФЕНЕНКО

Алферов А.В., Кустова Е.Ю.
Пятигорский государственный университет
Тамразова И.Г.
Московский политехнический университет

Аннотация. Антропоцентрический подход к анализу совокупности стратегий и тактик перевода позволяет выявить индивидуальный стиль переводчика как субъекта литературного творчества. Наиболее релевантным показателем мастерства в искусстве перевода становится трансфер реалий – «непереводимого в переводе». Сквозь призму теории реалий, разработанной воронежской школой переводоведения, предлагается анализ творчества известного переводчика романов И. Ильфа и Е. Петрова, доктора филологии Франции – Алена Прешака. В докладе рассматривается трансфер реалий во французских переводах романов «12 стульев» и «Золотой теленок» (контрастивный анализ), в частности, трансляция в переводе иронической (людической) и эристической (критической) тональностей как L-реалий, определяется роль переводческого комментария (R- и C-реалии) в переводческом портрете автора переводов.

Ключевые слова: идиостиль переводчика, Ален Прешак, теория реалий, воронежская школа переводоведения, трансфер реалий

Антропоцентризм современного языкознания, в частности, в теории и практике перевода, – обращен к когнитивным процессам, лежащим в основе языковой и речевой деятельности человека говорящего (*homo loquens*) и человека креативного (*homo creator*) – **дискурсивной креативности** [1] переводчика, многосторонности ипостасей его языковой [2], словарной [3], дискурсивной и коммуникативной личности [1; 4].

Теоретические разработки вопросов переводческой практики как одной из главных языковых практик в процессе межкультурной коммуникации все больше сосредотачиваются на когнитивных механизмах интеллектуальной деятельности субъекта перевода – переводчика как автора вторичного (литературного) текста. Переводческий процесс рассматривается не просто как технология замещения слов одного языка словами другого с опорой на их «языковое значение»: в процессе порождения текста перевода (ПТ) происходит концептуализация смыслового содержания исходного текста (ИТ) и его передача (трансфер) средствами языка перевода (ПЯ). Языковая личность переводчика становится центральным фактором в принятии переводческого решения. Здесь мы рассматриваем, вслед за теоретическими исследованиями в транслятологии и дискуртологии, особенности индивидуального стиля переводчика как **автора перевода** литературного произведения.

Исследуя идиостиль переводчика, важно проникнуть в алгоритмы его переводческих стратегий преодоления «трудностей в переводе» и, тем более, «непереводимого в переводе», что во многом определяет уровень его переводческого и литературного мастерства.

В парадигме анализа языковой личности переводчика (ЯЛП) существует множество исследований, базирующихся на достижениях отечественной лингвоперсоналогии (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, И.А. Стернин и др.), предлагающих как структуру, так и единицу анализа ЯЛП. Так, О.Н. Шевченко, следуя трехуровневой модели ЯЛ,

предложенной Ю.Н. Карауловым [2] (вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный уровни), за единицу анализа ЯЛП принимает переводческую трансформацию, особо выделяя «зону повышенной креативности» в структуре языковой личности переводчика [5].

Действительно, языковая личность переводчика проявляется наиболее рельефно в случаях расхождения между ИТ и ПТ, поэтому маркером той или иной доминанты в стратегическом тезаурусе переводчика, несомненно, выступает переводческая трансформация в ПТ. Однако сама типология переводческих трансформаций заставляет усомниться в универсальности (единичности) такого критерия анализа ЯЛП. Существует на вербально-семантическом уровне множество трансформаций, не связанных напрямую с «личностью» переводчика, а скорее обусловленных системно-языковыми различиями ИТ и ПТ. Поэтому более точно было бы определить единицей анализа ЯЛП, вслед за Р.К. Миньяр-Белоручевым, «решение на перевод» [6], или «выбор переводчика» [7; 8], который «далеко не произволен» [9] и обусловлен всеми тремя уровнями переводческого действия – семасиологическим (вербально-семантическим [2]), ономастиологическим (прагма-когнитивным) и мотивационным [2]. В ПТ переводческое решение / действие («квант переводческого решения» [8]) воплощается в единице переводческого анализа ПТ часто называемой *транслемой* [10], содержание и структура которой значительно отличается в интерпретации различных подходов (см., напр. [8]). Тем не менее, наличие единицы анализа необходимо признается всеми, пусть в самой широкой и расплывчатой концептуализации: «Единица перевода – сложная подсистема в целостной системе процесса перевода, строящаяся в своем внешнем проявлении на основе единицы ориентирования, но включающая в себя одну или несколько единиц эквивалентности, соотносящих понятия исходного текста с соответствующими формами текста перевода» [8, с.263].

Необходимой формализации переводческого анализа неизбежно способствует логика семиотической методологии. Следуя этой логике, все в переводе имеет знаковую природу, а значит и сама единица перевода, и переводческое решение обусловлены семиозисом, структура которого, как известно, может иметь, как минимум, дихотомическое и трихотомическое представление. Деление на план выражения и план содержания дополняется «треугольной моделью» (Огдена-Ричардса), которую мы представим здесь схематично (рис. 1):

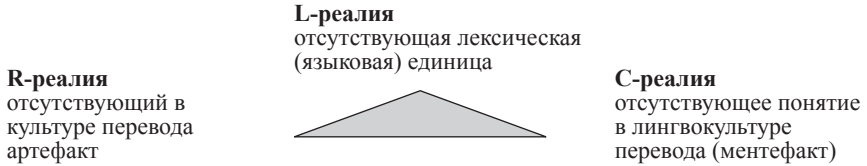
Рис. 1. Семиотический треугольник (эскиз языкового знака)

Семиотическая теория перевода не всегда находила сторонников и скорее декларировалась, чем системно реализовалась теоретиками транслятологии [8; 11]. Так было до появления в отечественной лингвистике «Теории реалии» Н.А. Фененко (далее – «ТР») [12].

В концепции Н.А. Фененко типология реалий предстает в своей семиотико-методологической целостности, когда за сложностью асимметрично-симметричных реляций лакунарности между ИТ и ПТ выкристаллизовывается семиотическое отношение трехсторонней типологии культурологической Реалии (ср. [13]), которое в преломлении к предмету перевода можно представить так же схематично (рис. 2):

Рис. 2. Семиотическая трихотомия реалии в переводе (по Н.А. Фененко)

Значение теории Н.А. Фененко выходит за рамки дескриптивно-классифицирующего подхода в исследовании феномена лакунарности лингвокультурной реалии [14]. Прежде всего в ней заложено основание для употребления «реалии» в качестве единицы анализа перевода – структурной и функциональной единицы, отражающей переводческий («квант решения»), лингвокультурологический (фрагмент языковой картины мира), эпистемологический и семиотический («сложная подсистема в целостной системе») и онтологический (феноменологический) аспекты концептуализации процесса перевода [15].

В определенном представлении эта концепция может быть применена к предмету нашего исследования – языковой личности переводчика. «Переводческое решение» как решение проблемы потенциальной лакунарности ПТ и «непереводимого в переводе» обусловлено семиотической трихотомией возможного переводческого решения/действия – трансфера **L-реалии** (отсутствующей языковой единицы), **R-реалии** (обозначения отсутствующего предмета в культуре переводчика) и **C-реалии** (отсутствующего понятия в лингвокультуре перевода) [12; 15].

Прототипичность семиотической трихотомии «ТР» позволяет экстраполировать ее на трехуровневую модель ЯЛП (см. выше) – на вербально-семантический (семасиологический), прагма-когнитивный и мотивационный уровни языковой личности переводчика. Последний уровень определяется еще одним элементом в модели языкового знака – интерпретантой в трихотомии Ч.С. Пирса как внутренним свойством знака быть интерпретированным [16]. Выбор (мотивация) переводческого решения обуславливается объективными факторами симметрии/асимметрии межъязыковых расхождений и соотношения реалий в лингвокультурах ИТ и ПТ [15], исчисляется логически и зависит от уровня концептуализации и варианта делакунизации прагма-семантических свойств ИТ в ПТ [17]. Интерпретанта как субъективный прагматический фактор семиозиса определяет дискурсивную креативность языковой личности переводчика. Лакунарность зависит от компетентности переводчика, правильной интерпретативной стратегии и совпадением целей и средств достижения этих целей с интенциями авторов переводимых художественных произведений [18].

Предметом приложения методологии «ТР» в нашем анализе является языковая личность филолога и переводчика Алена Прешака, представить которого поможет короткая автобиографическая справка:

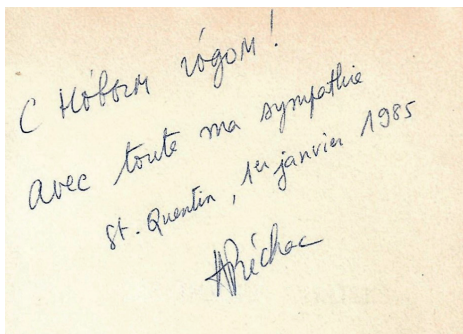
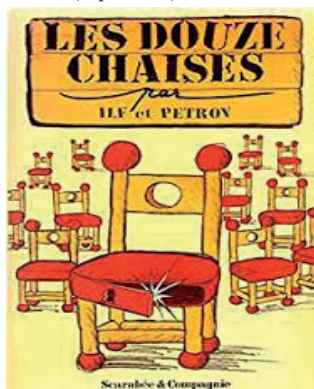
«Alain Prêchac est traducteur. Concours ENS Ulm, agrégation russe, professeur différents niveaux France et étranger, dont 2 x 3 ans en URSS, doctorat lettres slaves, nombreuses traductions du russe et publications. Récemment (2002-2007): 6 traductions préférées et annotées d'Ilf et Petrov, (Lyon, diffusion Gallimard) : auteurs satiriques russes de l'époque stalinienne dont je suis le spécialiste mondial (v. thèse publiée chez L'Harmattan en 2000). Région de Paris, France – retraité et heureux de l'être – traducteur littéraire occasionnel du russe» (Source: www.harmattan.fr) [[https://www.babelio.com/ auteur/Alain-Prechac/ 80782](https://www.babelio.com/auteur/Alain-Prechac/)].

Выбор предмета исследования – трансфер реалий в переводах А. Прешака – объясняется желанием проникнуть в «лабораторию» переводчика, в его концептосферу,

проследить его интенциональные и окказиональные (субъективные) трансформации и стратегии компенсации асимметрических отношений текста оригинала и перевода. Отделить субъективные факторы расхождения интерпретативной семантики оригинала и переводов от объективных трудностей, связанных с асимметричностью и лакунарностью реалий в рассматриваемых произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, погружаемых во французскую лингвокультурную реальность.

Ален Прешак перевел на французский язык более тридцати русских книг. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» были первыми в литературном творчестве переводчика (см. ниже рис. 3). Одному из авторов настоящего изложения посчастливилось быть знакомым с ним лично.

Рис. 3. Автограф А. Прешака на втором издании «Les douze chaises». 1984. Сэн-Кантен (Франция)

Для того чтобы французы поняли и оценили творчество И. Ильфа и Е. Петрова, А. Прешак написал к этим книгам триста комментариев. К каждому переизданию переводов (всего их не менее восьми) делались дополнительные предисловия и комментарии переводчика. По свидетельству самого А. Прешака, он месяцами сидел в Ленинской библиотеке, читал газеты тех времен. Во время своего первого пребывания в Одессе, где он работал преподавателем-стажером французского языка, А. Прешак исследовал географию «Золотого тельца», искал все исторические свидетельства, подтверждающие, что выведенный в романе Черноморск действительно списан с Одессы, в которой жили сами авторы романа.

Результаты этих исследований вошли в докторскую диссертацию А. Прешака (в двух томах), посвященную творчеству И. Ильфа и Е. Петрова, а затем в литуроведческий труд «*Ilf et Petrov, témoins de leur temps, stalinisme et littérature*» (2001).

Б.А. Владимирский, знаток литературной Одессы первой трети XX века (И. Бабель, Э. Багрицкий, В. Инбер, С. Кирсанов, В. Катаев) и особенно творчества И. Ильфа и Е. Петрова, свидетельствует в своих известных парижских лекциях 1980-х годов: «Двенадцать стульев» переводились очень активно на все языки еще в 20-е годы. <...> А «Золотой теленок», как ни странно, во Франции переведен впервые только-только! Был в Одессе стажер, французский славист, Ален Прешак, который, знакомясь с литературными достопримечательностями, очень заинтересовался И. Ильфом и Е. Петровым и взялся за перевод. Он и «Двенадцать стульев» заново перевел, интереснее, чем было в 20-х годах» [19]. «12 стульев» – плутовской роман, в котором авантюрный, развлекательный сюжет не обременен другими задачами. Хотя и в нем можно заметить элемен-

ты сатиры, столь близкие переводчику, которые выведены им в комментариях к переводу романа [1*]. Оценить достоинства перевода А. Прешака позволит сопоставления с переводом «12 стульев» 1929 года [2*] (см. ниже). «Золотой теленок», по мнению Б.А. Владимирского, «произведение куда более глубокое и многоплановое, чем «Двенадцать стульев». Он держится на едином конфликтном стержне [19]. Проследим по переводу А. Прешака [3*], насколько эти элементы концептосферы стали доступны французскому читателю.

В своем анализе трансфера реалий и переводческих приемов его реализации мы будем следовать намеченной перспективе: **L-реалии** (речезыковые лакуны) – **R-реалии** (явления, историзмы, предметы быта) – **C-реалии** (явления, события, исторические факты, концепты).

В качестве доминирующей **L-реалии** мы остановимся, вслед за Н.А. Фененко [20], на передаче **иронической тональности** в романах И. Ильфа и Е. Петрова, которую мы разделяем на людическую (игровую, смехопорождающую) и эристическую (эпатажную, конфликтную) [21].

Передача комического всегда была и будет одной из самых сложных и важнейших составляющих переводческой стратегии. Литературная, или драматическая ирония позволяет автору обеспечить второй план общения с читателем, когда все, о чем говорится, имеет людический (игровой) и часто эристический (эпатажный) подтекст. Такая ирония эристична, потому что проверяет читателя на «знание» (понимание) тех аллюзий и реминисценций, которые создают эффект смыслового смещения. Эта амбивалентная эристика оборачивается глубинной «заговорческой» эмпатией, отделяющей понимающих «своих» от непонимающих «чужих».

Часто ирония связана с широким контекстом, становясь L-реалией текста оригинала. Юмористическое и сатирическое звучание романа создается различными приемами, характеризующими индивидуальный стиль как автора, так и переводчика. Это – пародия, ироническое словоупотребление, стилевые контрасты, индивидуально-авторские метафоры.

Изыщество синтаксиса А. Прешака (далее – АР), в точности передающего ироническую интонацию И. Ильфа и Е. Петрова (далее – И&П) значительно выплывает в сравнении с переводом Bienstock-a (далее – В):

И&П

АР

В

Это была **приятнейшая** из улиц, какие встречаются в **уездных городах** ...*за волнистыми зеленоватыми стеклами* **серебрились** похоронного бюро “Нимфа”... **угрюмо** возлежали **дубовые, пыльные и скучные гробы,** гробовых дел мастера Безенчука [4*].

Dans cette rue **des plus agréables**, comme on en rencontre *dans les chefs-lieux d’arrondissement* on voyait sur la gauche *luire d’un éclat argenté des vitres troubles et verdâtres,* **les cercueils** funéraire ‘Les Nymphes’... **pleins d’ennui**... **maussadement** [1*].

C’était **la plus agréable** de toutes les rues *d’une petite ville.* A gauche, derrière des vitres verdâtres, on apercevait les cercueils de la boutique des Pompes funèbres à l’enseigne «Les Nymphes»... **les lourds et encombrants** et cercueils de chêne de Bezentchouk [2*].

Несомненно, **lourds et encombrants** в меньшей степени соответствуют оригиналу ... **угрюмо возлежали дубовые, пыльные и скучные...**, чем у А. Прешака – **les cercueils poussièreux et pleins d’ennui... s’étaient maussadement** (ср. [20]).

Тональность иронии в текстах обоих романов создают многочисленные историзмы и архаические номинации, сохраняющие шуточный колорит церковно-славянской речи. Эти чистые L-реалии иногда составляют наибольшую трудность в переводе:

И&П

...будь на месте Остапа какой-нибудь крестьянский писатель-среднячок из группы «Стальное вымя», не удержался бы он, вышел бы из машины, сел бы в траву и тут же на месте начал бы писать на листах походного блокнота новую повесть, начинающуюся словами: «Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился...» [5*].

AP

...si Ostop avait été un écrivain prolétarien du groupe « Le pis d'acier », il n'aurait pu y tenir, serait descendu de voiture, se serait assis sur l'herbe et aurait aussitôt commencé à rédiger, sur des feuillets arrachés à un calepin de voyage, une nouvelle commençant en ces termes :

«Or doriqes les recoupes pièçà avaient germé. Le soleil qui poignait au levant estendit ses rayons partout dessus le monde. L'ancêtre Romualditch, dans son humble chaumière, humant ses blancs houseaux, sitôt s'enchifrena... » [3*].

А. Прешак идет вслед за пародией И&П на старославянскую L-реалию и компенсирует лауну, вводя элементы старофранцузского языка и *le passé simple*: *au levant estendit ses rayons; sitôt s'enchifrena*. Конечно, не без семантических потерь на L-реалиях: *s'enchifrener* – (*устар.*) – *получать насморк* – не абсолютный эквивалент этому не вполне прозрачному, даже для нативных читателей, – *аж заколдобился (застыл, передрнул, «заколбасился»?)*, но попытка компенсации достаточно удачна. Потеря происходит и на уровне R-реалии *портянка* – в словаре В.Г. Гака [1**] – *les houseaux* переводится как «краги – кирзовые или кожаные голенища», а реалия *портянка* передается в большинстве словарей как *chaussette russe*. Такой эквивалент, несомненно, снизил бы «былинный» пафос французского текста.

Блестящий анализ комического в переводах А. Прешака осуществлен Н.А. Фененко [20]. Тем не менее, мы не можем согласиться с тем, что: «Частичная потеря комического в связи с отсутствием фоновых знаний у французских читателей отмечается и при переводе пародийных советских плакатов:

- *Тщательно пережевывай пищу, ты помогаешь обществу.*
- *En mastiquant tes aliments avec soin tu en fais profiter la collectivité.*
- *Духовой оркестр – путь к коллективному творчеству.*
- *La fanfare est un pas vers la collectivisation du travail*» [Там же].

На наш взгляд, алогичность и нелепость этих лозунгов вполне понятна и во французском тексте, хотя частично сам смысл этих лозунгов меняется – *la collectivisation du travail* и *коллективное творчество* – не одно и то же.

С переводом авторской окказиональной номинации И&П в описании завхоза Александра Яковлевича Ален Прешак поступает аналитически, разбивая номинацию на две семантических составляющих. В одном месте у И. Ильфа и Е. Петрова это «застенчивый ворюга» – *un voleur honteux*, в другом – «голубой воришка» – *un angélique voleur* [1*, р. 32]. Однако потеря коннотации русского «ворюга» в оппозиции к «воришка» теряется в переводе. И там, и там мы видим нейтральную номинацию *voleur*. Тем не менее, *un angélique voleur* – достаточно исчерпывающая семантическая компенсация емкого окказионализма «голубой воришка». В сопоставлении с переводом 1929 года становится очевидным мастерство А. Прешака:

И&П	AP	В
Завхоз 2-го дома Старсобеса был <i>застенчивый ворюга</i> . Все существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно. Крал он постоянно, постоянно стыдился <...> Свет не видывал еще такого <i>голубого воршики</i> ...[4*]	Le gérant de l'hospice n° 2 était <i>un voleur honteux</i> . Tout son être s'insurgeait contre l'idée du vol, mais en même temps il ne pouvait s'empêcher de voler. Il volait et il en avait honte. Et comme il volait sans cesse, sans cesse il avait honte <...> O, n'avait vu le ciel si <i>angélique voleur</i> [1*].	Le gérant de la 2-e maison de l'Assistance était <i>un voleur timide</i> . Tout son être protestait contre le vol, mais il ne pouvait pas ne pas voler. Il volait et en avait honte. Il ne cessait de voler et de cessait d'avoir honte. <...> Le monde, n'avait pas encore vu <i>un voleur si timide</i> [2*].

В переводе 1929 года оба варианта переводятся вполне прозаичным и повторяющимся *un voleur timide*.

Несомненно, язык И. Ильфа и Е. Петрова – это уникальное литературное явление, остроумное, искрящееся и бросающее в читателя эпатажные перлы типа:

И&П	AP
Утро было прохладное. В жемчужном небе пугалось бледное солнце. В травах кричала <i>мелкая птичья сволочь</i> [5*].	La matinée était fraîche. Un soleil blême se noyait dans le ciel couleur de perle. Dans l'herbe chantait <i>le menu peuple des oiseaux</i> [3*].

Le menu peuple – простолюдины, простонародье, чернь. По смыслу достаточно адекватно – презрительно и даже изящно. Но *мелкая сошка*, это не *мелкая сволочь*, тем более *мелкая птичья сволочь* – это не снижение регистра, это не крайнее пренебрежение или вызов, а что-то *озорное, веселое и ласковое*.

Второй тип иронической, а иногда и комической тональности проявляется в речи персонажей романов. Главный герой романов – *Остан Ибрагимович Берта Мария Бендер-бей* – ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР – у А. Прешака – **Le Grand Combinateur**, у Bienstock-a – **Le Grand Inventeur** и **Ostap Binder** – личность довольно «эристическая» (анализ речевого эристического поведения персонажей романов в переводе А. Прешака см. в [22])

В романах И. Ильфа и Е. Петрова сталкиваются два типа словесной культуры: классической дореволюционной и новой советской. Это столкновение выражено чрезвычайно ярко. Реалии жизни дореволюционного и нового времени очень тесно переплетаются и создают специфический языковой строй, в котором советизмы играют важную роль.

В большинстве своем советские канцеляризмы, или «деревянный язык» – *«langue de bois»* – вызывает у авторов не просто протест, насмешку, но тошноту, возникающую от их обилия и часто их неприкрытого идиотизма.

В большей степени это проявляется в сатирическом «Золотом теленке». Особенность советизмов в том, что они представляют собой гибрид R-и L-реалий. Это одновременно и новая форма (неологизм того времени) и новое содержание (явление, событие, артефакт).

Проследим, к каким стратегиям прибегает А. Прешак в процессе трансфера русских и советских R-реалий в своих переводах.

Главным приемом в трансфере R-реалий у А. Прешака является **калькирование** – поморфемный перевод экзотических советизмов, что отличает переводы А. Прешака от переводов И&П, например, на английский язык. Там, где в большинстве случаев

переводчики пользуются транскрипцией или транслитерацией, А. Прешак прибегает к калькированию:

И&П

Старгородское отделение эфемерного «Меча и орала» вместе с молодцами из «**Быстроупака**» выстроилось в длиннейшую очередь у **мучного лабазы** «**Хлебопродукта**». Прохожие останавливались [5*].

AP

L'éphémère « Union du Glaive et de l'Araire » (section de Stargorod) au grand complet, flanquée des braves livreurs d' « **Embalrapid** », faisait la queue devant les **entrepôt de «Panicoor»** [3*].

Трансфер R-реалии «**Быстроупак**» достаточно симметрично выполнен поморфемно «быстрый» и «упаковать» – «garide» и «emballer», отсюда «**Embalrapid**». В номинации «**Хлебопродукт**» переводчик прибегает к трансформации, приближающей форму аббревиации к реалиям, привычным французскому читателю: **Pani** – pain; **coop** – coopération – «**Panicoor**».

Как правило, наиболее частая R-реалия – это предметы быта (ср. выше – «портянки») и национальная кухня – названия блюд, специй и т.д.

Романы И&П – не исключение. А. Прешак удивительно легко справляется с этой задачей:

И&П

В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку *зубровки*, домашние грибки, *форшмак из селедки*, украинский борщ с мясом 1-го сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок [4*].

AP

Ce jour-là, *la fortune du pot* comportait une bouteille de **zoubrovka**, des champignons maison et un pâté de hareng, **du borchtch à l'ukrainienne** avec de la viande de premier choix, enfin une poule au riz et *des pommes au sirop* [1*].

Потери незначительны, поскольку слово **borchtch** давно вошло в словари французского языка, транскрипция названия напитка **zoubrovka** компенсируется ко-текстом 'une bouteille de'. *Мясо 1-го сорта* имеет в русской концептосфере (если вспомнить булгаковскую «вторую свежесть») более глубокие социальные коннотации, чем *viande de premier choix* – 'отборное мясо', а «компот» – далеко не 'сироп' в понимании русского человека, тем более, из «сушеных яблок». Но **общий коннотативный смысл** текста перевода ни в коей мере от этого не пострадал. Удачно найден фразеологический эквивалент, вносящий ироничный подтекст в отрывок в целом: «питаться, чем бог послал» (= 'быть непритворным в еде, не иметь средств на хорошую пищу') соответствует французскому «*manger à la fortune du pot*» – «В этот день бог послал...» – «Ce jour-là, *la fortune du pot* comportait...» в сочетании с обильным меню создает задуманный авторами комический эффект.

Иногда переводчик пользуется транскрипцией, выделяя заимствованное слово курсивом:

И&П

Конечно, я мог бы обратиться к частному лицу, – сказал посетитель, – мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – и вдруг просит денег у **частника**, у **нэпмана**... [5*].

AP

Tout le monde serait prêt à m'aider. Mais, vous comprenez, c'est un peu gênant du point de vue politique. Le fils d'un révolutionnaire, s'adressant à un **particulier**, à un *nepman*... [3*].

В приведенном примере также не обошлось без определенных потерь. R-реалия «частник» передана лексемой **un particulier**, что означает «частное лицо» вообще [1**, с.715], тогда как значение русского слова – более узкое и обозначает именно *частного предпринимателя*.

В рассматриваемом нами в качестве *tertium comparationis* английском переводе «Золотого теленка» [6*] R-реалия «частник» – *private businessman* в большей степени выявляет исходное значение русской реалии – ‘частный предприниматель/торговец’:

Сын революционера – и вдруг просит денег у <i>частника</i> , у <i>нэпмана</i> .	The son of a revolutionary, and suddenly he asks for money from a – a private businessman, a nepman [6*]
---	---

Однако это скорее исключение из правила, которого придерживается А. Прешак, – не оставлять непонятных слов в ПТ (тексте перевода), несмотря на потерю национального колорита текста. При этом, к сожалению, теряется и иронично-критическое отношение И. Ильфа и Е. Петрова к засилью аббревиатур из «деревянного языка» «Совдепии» [2**].

В большинстве случаев А. Прешак использует наиболее доступные пониманию переводческие дескрипции:

Из купе вышли <i>совжурналисты</i> , из соседнего вагона явилось несколько <i>ударников</i> , пришли еще два иностранца – итальянский корреспондент с фашистским жетоном, изображающим диктаторский пучок и топорик, и немецкий профессор-востоковед, ехавший на торжество по приглашению <i>Бокса</i> [5*].	<i>Des journalistes soviétiques</i> étaient sortis de leurs compartiments, avec quelques <i>ouvriers de choc venus</i> en renfort du wagon voisin. De leur côté, deux nouveaux étrangers étaient apparus: le correspondant d'un journal italien, l'insigne fasciste à la boutonnière (faisceau de licteur et hache) et un savant orientaliste allemand, venu assister à la cérémonie <i>sur l'invitation de la Société pour les liens culturels avec l'étranger</i> [3*].
--	---

C-реалии (C – concept) отражают концептосферу ИТ в ПТ, то «субъективное» содержание, которое присутствует в концептосфере и языковой картине мира писателя как отражении национальной концептосферы [10]. Концепт в исследованиях современной российской лингвистики представляется шире, чем понятие в составе знака – «семиотического треугольника» (см. выше рис. 1). Концепт, по определению Ю.С. Степанова, не только мыслится, но и переживается. Понятие обрастает различного рода деталями (нюансами) смысла, доступными в понимании только носителям данной концептосферы – национальной, профессиональной и т.д.

C-реалии расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке-реципиенте. Однако та или иная интерпретация этих концептов лежит в сфере индивидуального сознания переводчика.

А. Прешак, как уже говорилось, создал более трехсот комментариев к своим переводам романов И. Ильфа и Е. Петрова. В них он попытался отразить смысл многих концептов, концептуальных реминисценций (аллюзий и т.п.), значимых для русского читателя и далеких от концептосферы и восприятия читателей французских переводов. Причем, если другие переводчики прибегают к комментариям, как правило, при переводе R-реалий (отсутствующих явлений, неизвестных событий и т.д.), то А. Прешак пытается восстановить атмосферу, в которой писались романы, вскрыть потаенные мысли авторов, их интенциональность (речевые намерения). Иногда он видит тайный смысл даже там, где русский читатель вряд ли его увидит.

В целом комментарии (Notes) к романам можно разделить на следующие типы, поясняющие:

1. Поэтические вкрапления (цитаты):

И&П	AP
«На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн» [4*]	« <i>Au bord désert de l'onde, plein de pensées profondes. Il se tenait...</i> » [1*]

Note. Vers célèbres du *Cavalier d'Airain* de Pouchkine, consacrés à Pierre Le Grand: les victoires qu'il remporta sur les Suédois lui permirent, grâce à la création de la ville portuaire de Saint-Petersbourg dont il fit peu après sa capitale, d'« ouvrir une fenêtre sur l'Europe » et de moderniser le pays (1703) [1*]/

И&П	AP
Вдовица спит и видит сон. Жаль было будить. «На заре ты ее не буди» [4*].	«Lorsque l'aube poindra, ne la réveille pas», <i>comme dit le poète</i> [1*].

Note. Début d'une romance célèbre de *Rachmaninov*, sur des paroles de *Fiet* [1*].

Как видим, комментарий предлагает читателю не просто источник поэтической реминисценции, но и историческую справку. Комментарии А. Прешака – это не столько примечания переводчика, сколько заметки историка. С точки зрения замысла романов, цель И. Ильфа и Е. Петрова в большей степени – юмор, непринужденный разговорный стиль, легкость иронии, если даже сатира, – то смешная. Они и привлекают к романам русского читателя. Комментарии французского переводчика, несомненно, отдалают читателя от оригинала, превращая веселый «плутовской роман» в энциклопедию культуры и русского быта начала XX столетия.

2. Топонимические и топографические номинации:

И&П	AP
Контрабандный? Всю контрабанду делают в Одессе, на <i>Малой Арнаутской улице</i> [4*].	De contrebande ? Toute la contrebande se fabrique à Odessa, dans la <i>Petite Arnaoutskaïa</i> [1*].

Note. Actuelle *rue Vorovski*, près de la gare et des halles centrales [1*].

И&П	AP
Один милиционер долго пыжился и наконец сообщил, что <i>Плеханова</i> не иначе как бывшая <i>Губернаторская</i> [4*].	Enfin un milicien, après de longues réflexions, déclara que la <i>rue Plékhanov</i> n'était autre que <i>l'ancienne rue du Gouverneur</i> [1*].

Note. Il est amusant de constater que, *de nos jours encore*, les Odessites de souche désignent la plupart de leurs rues selon leur ancien nom : rue de Néjine (= Franz Mehring), de la Transfiguration (= de l'Armée Rouge), Boulevard des Français (= Prolétarien), etc. A noter que la célèbre rue De Ribas (Déríbassovka), citée au ch. 16, a bien résisté puisqu'elle a repris son ancien nom [1*].

И&П	AP
Концессионеры с трудом пробились к выходу и очутились на Каланчевской площади [4*]	Les concessionnaires se frayèrent avec difficulté un chemin dans la foule et se retrouvèrent place du Beffroi [1*].

Note. **La place du Beffroi** (Kalantchovka), dite aussi fréquemment «**place des Trois-Gares**», s'appelle maintenant «place du Komsomol» (des Jeunesses Communistes). Quelques autres dénominations toponymiques modifiées de nos jours, utiles pour s'orienter dans le roman à qui connaît la ville : gare Alexandre : actuellement de Biélorussie, gare de Briansk: gare de Kiev, Allée des Chasseurs (Okhotny Riad): avenue Karl-Marx (partie centrale), rue de l'Élévation-de-la-Croix (Vozdvijenka): avenue Kalinine (partie ancienne), boulevard de la Vierge-Immaculée (Prétchistenka) : boulevard Gogol, place des Théâtres: place Sverdlov, église du Christ-Sauveur: piscine «Moscou», portes Rouges: place Lermontov, rue de Tvier (Tvierskaïa) : rue Gorki [1*].

Как мы видим, исторические комментарии, относящиеся к первому переводу А. Прешака и к реалиям 1980-х годов, скрупулезно составленные переводчиком-историком, устарели: на месте бассейна «Москва» снова стоит Храм Христа Спасителя (*église du Christ-Sauveur*), а улицы Москвы вновь вернули свои прежние названия. Кто бы мог подумать! Такие трансформации российских реалий позволяют А. Прешаку сопроводить очередное издание своих переводов новыми комментариями.

3. Концептосфера русского и советского быта

И&П	АР
... мебелировка, состоявшая исключительно из садовых скамеек, привезенных с Александровского, ныне имени Пролетарских Субботников [4*].	...le mobilier, composé en tout et pour tout de bancs publics du boulevard Alexandre, actuellement boulevard <i>des Samedis-prolétariens</i> [1*].

Note. Samedis non chômés « bénévoles » (existent encore de nos jours) : les ouvriers restent à l'usine, les étudiants ramassent les pommes de terre, etc. [1*].

И&П	АР
Тогда все присутствующие нравились ему, и он неистово начинал кричать «горько» [4*].	Alors tous les convives lui devenaient sympathiques et il <i>criait frénétiquement aux jeunes mariés de s'embrasser</i> [1*].

Note. Vieille coutume russe, lors des mariages: les invités crient «*C'est trop amer!*» comme si l'eau de vie leur brûlait le gosier, feu que le mari doit éteindre sur les lèvres de l'épouse [1*].

В последнем примере переводчик избрал свой излюбленный прием описательного перевода в ущерб колоритной внутренней форме русского ритуального выкрика «Горько!» – *criait aux jeunes mariés de s'embrasser*. И только в комментарии А. Прешак решил восстановить эту интересную по смыслу и концептуально важную фольклорную «кричалку», передающую колорит русского концепта «свадьба».

Интересно, что в переводе 1929 года эта сложная L-R-C-реалия опущена вовсе [2*, p. 56].

Разнообразие комментариев историка-переводчика А. Прешака не может быть полностью описано в рамках статьи. Мы поставили цель лишь обозначить основные, принципиальные черты концептосферы и ЯЛ переводчика и оценить их по установленным критериям.

Таким образом, ставший предметом нашего исследования стиль переводов А. Прешака основывается на глубоком историческом анализе культурных и общественно-политических явлений советской эпохи начала 20-х годов прошлого столетия. Стратегии переводчика в трансляции реалий в рассматриваемых переводах имеет выраженные доминанты:

– трансфер иронической тональности как L-реалии, осуществляющаяся через ироническое словоупотребление и экспрессивный синтаксис;

– трансфер R-реалий осуществляется посредством тактик: а) транскрипции и транслитерации; б) описательного перевода (А. Прешак отдает предпочтение последнему);

– трансфер С-реалий в переводческой стратегии А. Прешака включает в себя многочисленные затекстовые комментарии, касающиеся разных сторон понимания концептосферы романов И. Ильфа и Е. Петрова, в частности: а) поэтические вкрапления и цитаты; б) топонимические и топографические номинации; концепты русского и советского быта. А. Прешак отражает в комментариях смысл многих концептов, концептуальных реминисценций (аллюзий и т.п.), значимых для русского читателя и далеких от концептосферы и восприятия читателей французских переводов. Глубокий и подробный анализ реалий, стоящих за культурными и социально-политическими концептами, в интерпретации переводчика приобретает характер энциклопедии культуры и русского быта начала XX столетия. Это во многом отдаляет читателя от стиля (юмора) оригинала и идеологии творчества И. Ильфа и Е. Петрова.

Теория реалий, разработанная воронежской школой переводоведения, дает не только «системное представление способов описания «чужой» действительности средствами «своего» языка, процессов и лингвистических последствий процессов заимствования чужой материальной культуры, чужой духовной культуры и чужой лексики» [15, с.12], но и позволяет выстроить системный метод переводческого анализа, в том числе, анализа стиля и переводческой личности автора «вторичного литературного знака» – создателя художественного перевода.

Литература

1. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
3. Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. С. 2–7.
4. Куркина А.С., Стернин И.А. Коммуникативное поведение и коммуникативная личность носителя языка // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2018. – вып. 3 (39). – С. 112–127.
5. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика: На материале дискурса Б.В. Заходера: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 255 с.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: «Московский лицей», 1996. 208 с.
7. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 241 с.
10. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: Монография. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода; Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.
12. Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка: дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006. 236 с.

13. Влахос С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 316 с.
14. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 240 с.
15. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
16. Peirce C.S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce / C. S. Peirce, C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. London – New York: Thoemmes Continuum, 1994. 29014 p. URL: <https://ru.b-ok.global/book/736280/0a89668>
17. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
18. Фененко Н.А. Реалия в контексте интерпретативной теории перевода // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации. Вып.2. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. С. 250–261 с.
19. Владимирский Б.А. Венок сюжетов. URL: <https://fullbooks.info/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/> (дата обращения 22.06.2020).
20. Фененко Н.А. Комическое в тексте оригинала и перевода // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 97–104.
21. Тамразова И.Г. Культурологическая эристика и ее отражение в художественном тексте // Культура и текст, 2019. №1 (36). С. 146–158.
22. Алферов А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 94–104.

Список анализируемых источников

- 1* (IPDC) – Ilf et Petrov. Les douze chaises / Traduit du russe par Alain Préchac. – P.: Scarabée & Compagnie, 1984. 547 p.
- 2*(Ilf/Bien) – Ilf, Elie et Petrov, Eugene. Douze Chaises [Электронный ресурс] / Traduit du russe par J.-W. Bienstock. P.: Albin Michel, 1929. 382 p. URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/index1.html> (дата обращения 22.04. 2020).
- 3* (IPVO) – Ilf et Petrov. Le Veau d’Or / Traduit du russe par Alain Préchac. P.: Scarabée & Compagnie, 1984. 505 p.
- 4* Ильф И., Петров Е. 12 стульев. М.: «Художественная литература», 1981. 296 с.
- 5* Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Краснодар: «Советская Кубань», 1992. 288 с.
- 6* (Ilf/Fisher) – Ilf Ilya, Petrov Evgeny. The Little Golden Calf. – Translated by Anne Fisher –Northwestern University Press, 2009. 500 p.

Список словарей

- 1** Гак В.Г. Французско-русский словарь активного типа / В.Г. Гак, Ж. Триюф, Г.Г. Соколова. – М.: «Русский язык», 1991. 1056 с.
- 2** Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

**TRANSLATOR'S IDIOSTYLE: ANALYSIS OF ALAIN PRÉCHAC'S PRACTICE
THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF REALITIES
BY N.A. FENENKO**

A.V. Alferov, E.Yu. Kustova
Pyatigorsk State University
I.G. Tamrazova
Moscow Polytechnic University

Abstract. An anthropocentric approach to the analysis of a set of translation strategies and tactics makes it possible to identify the individual style of a translator as a subject of literary creativity. The most relevant indicator of mastery in the art of translation is the transfer of realities – “untranslatable in translation”. Through the prism of the theory of realities developed by the Voronezh School of Translation Studies, the author offers an analysis of the work of the famous translator of the novels I. Ilf and E. Petrov, Doctor of Philology of France – Alain Preshak. The paper examines the transfer of realities in French translations of the novels “12 Chairs” and “The Golden Calf” (contrastive analysis), in particular, the translation of ironic (human) and eristic (critical) tonalities as L-realities, determines the role translation commentary (R- and C-realities) in the translation portrait of the author of the translations.

Key words: translator's idiosyle, Alain Preshak, theory of realities, Voronezh school of translation studies, transfer of realities

Алферов А.В.,

Пятигорский государственный университет доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации
тел.:
e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Кустова Е.Ю.,

Пятигорский государственный университет, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации
тел.: +7 (928) 012 5008
e-mail: lenakustov@yandex.ru

Тамразова И.Г.,

Московский политехнический университет кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
тел.: +7 (968) 918 9030
e-mail: ilona999@mail.ru

A.V. Alferov

Pyatigorsk State University
Doctor of Philology, Professor of the French Philology and Intercultural Communication Department
mobile: +7 (928) 012 5009
e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

E.Yu. Kustova

Pyatigorsk State University
Doctor of Philology, Professor of the French Philology and Intercultural Communication Department
mobile: +7 (928) 012 5008
e-mail : lenakustov@yandex.ru

I.G. Tamrazova

Moscow Polytechnic University
Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department
mobile: +7 (968) 918 9030
e-mail: ilona999@mail.ru

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО VS MIKHAIL ZOSHCHENKO

Бабушкин А.П.
Воронежский государственный университет

Аннотация: статья посвящена переводам рассказов М. Зощенко, известного русского писателя-сатирика, выполненным нашим современником – носителем английского языка Дж. Хиксом. Рассказы М. Зощенко – фельетоны на злобу дня – высмеивают бюрократизм чиновников того времени, приспособленчество, людское хамство и другие пороки, а также негативные явления общественной жизни России в 20-х-30-х годах прошлого века. Трудным для перевода представляется язык писателя, который преднамеренно совпадает с языком его героев. В статье рассматриваются переводы ряда рассказов М. Зощенко с позиции трех видов трансформаций: транслитерации, калькирования и различных вариантов переводческих замен. В конце работы автор статьи приходит к выводу о том, что произведения писателя теряют свой сатирический характер и в наши дни выступают в качестве набора забавных историй, юмористических скетчей, которые соответствующим образом воспринимаются как русскими, так и англоязычными читателями.

Ключевые слова: Михаил Зощенко, перевод, английский язык, транслитерация, калькирование, переводческие замены

Имя Михаила Зощенко занимает особое место в отечественной литературе. Активный период его творчества в жанре сатиры пришелся на середину 20х-30х годов прошлого века. В коротких рассказах, сделавших его чрезвычайно знаменитым, писатель боролся с пережитками эпохи, тормозивших переход человека к новой жизни.

Перо писателя направлено против внешнего приспособления носителей мещанского сознания к условиям нового времени, против бюрократизма чиновников, людского хамства, против тех бытовых неурядиц, с которыми в те годы приходилось сталкиваться. По словам В. Шкловского, «Зощенко писал о человеке, который живет в великое время, а больше всего озабочен водопроводом, канализацией и копейками» [цит. по 1, с.5]. Не случайно под сатирой понимается не только острое, беспощадное обличение и высмеивание людских пороков, но и негативных явлений общественной жизни [1**, с.683].

Язык рассказов М. Зощенко, которые часто ведутся от первого лица, уникален. В нем намеренно язык автора совпадает с языком героев писателя: людей «с улицы», простоватых, малограмотных, далеких от идеалов культуры. Юмор вплетен в канву каждого рассказа, построенного на смешных ситуациях, и в непридуманный, а как бы подслушанный язык говорящих.

Такая специфика зощенковских текстов делает их весьма трудными для перевода. Тем не менее, в связи с высокой популярностью произведений Зощенко в отечественной среде, его рассказы, привлечшие внимание и западных читателей, стали переводиться на иностранные языки.

Цель нашей работы заключается в анализе переводов сборника сочинений Михаила Михайловича, содержащих 67 наиболее известных его произведений. Автором переводов выступает наш современник – носитель английского языка Дж. Хикс [2]. По подсчетам Хикса – это шестая книга переводов писателя, вышедшая на английском языке.

Учитывая, что переводческая деятельность представляет собой когнитивный процесс и что совокупность переводов произведений одного и того же автора можно рас-

смагивать в виде отдельной категории, следует признать за текстом оригинала статус инварианта. В таком случае все интерпретации этого текста на иностранных языках можно считать вариантами, приближающимися к плану его содержания по принципу «фамильного сходства», то есть, чем ближе вариант приближается к инварианту, тем удачнее перевод.

Осознавая трудность стоящей перед ним задачи, Дж. Хикс не только прибегает к разнообразному набору переводческих трансформаций, но и снабжает сборник небольшим толковым словарем, а также комментариями к каждому рассказу писателя.

Перейдем к рассмотрению переводческих приемов Дж. Хикса, ограничившись лишь тремя видами трансформаций: транслитерацией, калькированием и заменами в их широком многообразии. Представляется интересным выяснить, удалось ли переводчику самому приблизиться к языку «мастера смеха» и приблизить своих соотечественников к восприятию особенностей языка писателя, а также высказать некоторые соображения по отдельным позициям перевода.

I. Транслитерация

Выводя за рамки раздела слова, находящиеся в «полосе нечувствительности» на «семантической карте английского языка» типа *kulturnost, samovar, balalaika, meshchanin*, обратимся к транслитерации имен собственных, встречающихся на страницах зощенковских рассказов, за исключением тех случаев, когда в качестве действующего лица выступает творческое «Я» самого автора.

Буква за буквой Дж. Хикс передает фамилии героев, их личные имена и отчества в полном формате: *Ivan Antonovich Blokhin, Vasiley Tarasovich Rastopirkin, Marya Vasilyevna Schchiptsova, Darya Petrovna Kobylina* и т.д., хотя, как известно, русские отчества – явление не совсем понятное для западных читателей [3, с. 472], точно также, как для нас – американские «средние имена».

Прозвучавшие фамилии нельзя назвать «говорящими» в полном понимании данного термина, но практически в каждом из них таится «смешинка», которая остается скрытой для носителей английского языка.

При транскрибировании фамилий встречаются и уменьшительные формы имен: *Vanushka Ledentsov* и просто имена при отсутствии фамилий: *Kolya, Seryoga, Mishka*. И все же интересны попытки переводчика выявить внутреннюю форму русских фамилий, представленных в Приложении. Обращаясь к герою рассказа «Любовь» Васе Чеснокову, Дж. Хикс отмечает, что имя *Vasya* и фамилия *Chestnokov* относятся к разряду «говорящих». *Chestnokov* – от слова *чеснок* (garlic) – не самый деликатный продукт, а *Vasya* звучит «по-деревенски», простовато. Обе номинации контрастируют с явно галантным поведением героя в начале повествования, создающим лишь видимость культуры [4, с.27]. Эти замечания, в свою очередь, проходят как-то мимо русского читателя.

Внимание Дж. Хикса привлекает и другая фамилия из рассказа «Вор» – Тяпкин (*Tyapkin*). «Тяпать», – поясняет переводчик, – означает *красть, воровать*. Возможно, – продолжает он, – *Tyapkin* переключается с фамилией судьи из комедии Гоголя «Ревозор»: *Tyap-lyap* – значит делать свою работу плохо, кое-как [4].

В тексте перевода рассказа «Несчастный случай» Крылышкин (*Krylyshkin*) – производное от *kryl'ya* – связывается со словом «почта», очевидно по ассоциации с некогда широко известной «авиапочтой».

Наконец, в Примечаниях снабжены буквальными переводами на английский язык такие фамилии, как *Птицын* (переводчику кажется, что *товарищ Птицын* приравнивается к словосочетанию *Птицын товарищ*, т.е. друг птицы). См. также транслитериро-

ванные фамилии *Цаплин* и *Шукин* с пометами о значениях слов, лежащих в основе этих фамилий. Зато без толкования остается такая фамилия как *Мордоплюева*.

Неверно истолкована внутренняя форма антропонима *Gorbushkin*. Сомнительно, что она связана с ценной породой рыбы – горбушей.

Впрочем, в названии цикла рассказов от имени *Назара Ильича, господина Синебрюхова* выявляется единственный случай перевода упомянутой фамилии по «частям» – *Bluebellyov*, где *Blue* – голубой, *belly* – живот, брюхо с окончанием «на русский лад» *bellyov* (т.е. брюхов), что в итоге представляет собой калькированную форму онима – господин *Синебрюхов*.

К этому разделу следует отнести транскрибированные топонимы: названия городов и улиц.

II. Калькирование

Для иллюстрации этого вида трансформаций сопоставим предложения из рассказов М. Зощенко с их переводами на английский язык и начнем с одного из знаковых мест, на фоне которого разворачивается сценарий событий в произведениях писателя – коммунальной квартиры.

Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла («Нервные люди»).

The other day there was a fight in our communal apartment («Nervous people»).

Дж. Хикс читает, что словосочетание *communal apartment* нуждается в объяснении и подробно толкует этот термин в своем глоссарии, разъясняя, что это – *многокомнатная квартира, разбитая на ряд жилых комнат. У жильцов – общая кухня, туалет и ванная (если таковая имеется). Так как перестройка большой квартиры в коммунальную производилась наспех, стены комнат были тонкими, вследствие чего хорошо прослушивались распри и ссоры между соседями* (обратный перевод наш – А.Б.). Конечно, сама идея подобной перестройки («уплотнения») поражает воображение западного читателя.

Выдержка из рассказа «Собачий нюх», представленная средствами английского языка, знакомит читателя сразу с двумя странно звучащими для него номинациями.

Сравните русский пример с его буквальным переводом:

Повела собачица (милицейская ищейка – А.Б.) *глазом, понюхала пустой воздух и вдруг к гражданину управдому подходит.*

The dog looked up, sniffed the empty air and suddenly went up to Citizen Chairman of the House Committee («A Dog Sense of Smell»). Перевод поясняет, что House Management Committee (domoupravleniye) – в условиях государственного домовладения – весьма влиятельный орган. *Upravdom* (лицо, стоящее во главе домоуправления), как правило, вызывал чувство особой неприязни. К сожалению, нет возможности экспериментальным путем проверить, как понимаются носителями английского языка такие номинации, как *Palace of Labor* (Дворец труда) и *Peasant's House* (Дом крестьянина), не говоря уже об историзмах советской эпохи: *НЭП* и *военный коммунизм*.

Аналогичную мысль высказывает Л. Миккулина в статье «Национально-культурная специфика и перевод»: «Рассматривая кальки, используемые в переводах, можно прийти к выводу, что они имеют общую культурную основу с транслитерациями, т.к. обозначают реалии, чуждые английской культуре [5, с.86]. <...> При калькировании исходная культурная информация может стать непонятной читателю, либо могут появиться существенные искажения и даже может возникнуть паразитическая информация, отличная от исходной» [5, с. 84]. См., например, такие слова, как *social worker*, а также *Master of Sports* и *People's Court*.

Нами отмечен случай, когда калькирование представляется неудачным. См., например:

– *И пожаловаться некому* (о развалившихся сапогах – А.Б.): *Ну будь это сапоги фабрики «Скоростной» или какой-нибудь другой фабрики – другой вопрос* («Царские сапоги»).

And there was no one to complain to. If the boots had come from the Sprinters factory, or some other factory, then it would have been another matter («The Tsar's Boots»).

Удачней было бы это слово транскрибировать (иначе получается, что речь идет о фабрике, принадлежащей компании скоростных бегунов).

Таки образом, транслитерирование и калькирование представляются в виде скрепов между «миром» текста оригинала и текстов перевода.

Разумеется, что здесь и далее не рассматриваются все типы трансформации данного вида, но приведенные иллюстрации, на наш взгляд, дают представление о каждом из них.

III. Замены

Замены – это наиболее частый и наиболее эффективный способ переводческих трансформаций. В них «свое» подменяет «чужое», в невольном стремлении сделать «свое» «чужим», но одновременно понятным для носителей другой культуры.

Остановимся лишь на некоторых примерах переводческих замен. Их перечень открывает следующая цитата: *Который в очках кричит: «Отвечай, собака, или я из тебя котлету сделаю!»* («Слабая тара»).

The man wearing glasses shouted, Answer me, you dog, or I'll make mincemeat of you («Loose Packing»).

Русско-английский словарь приводит ряд обозначений, по-своему соответствующих русскому *котлета*: *cutlet, chop, rissoles of meat* (именно – мясная *котлета*). Однако переводчик заменяет слово *котлета* на английское *фарш*.

Рассмотрим еще один пример из широко известного рассказа М. Зощенко:

А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит такая фря. Чулочки на ней и зуб золотой («Аристократка»).

I met her in our block, in the yard. I saw some personage standing there. Stockings on and a golden tooth («Classy Lady»).

Если в первом примере имеется английский аналог для русского, пусть даже не совсем точный, то для пренебрежительного *фря* (кривляка, воображала) эквивалент подыскать трудно, поэтому *фря* заменяется на нейтральное *some personage*.

В английском языке отсутствует понятие «именины», поэтому эта лексема русского языка представляется как *birthday*, хотя в комментариях Хикс раскрывает значение этого слова: *iternity – день святого, в честь которого получает имя новорожденный; традиционно праздник именин – более значим, чем день рождения человека* (См. рассказ «Дрова» – *Firewood*).

Частный случай замен – толкование – имеет место, когда переводчик не в Приложении, а в самом тексте дешифрует то или иное понятие, как правило, в более развернутом виде. Так, например, в «Первой речи о Пушкине» значится: *Я говорю: При всем чутком отношении к поэту я тебе в данное время не могу печку переложить, поскольку наш печник загулял*.

В переводе это предложение звучит следующим образом: *For all my sensitive attitude to poets I cannot have your stove repaired, an account of the stove repair man being drunk*.

Таким образом, Дж. Хикс конкретизирует объективную причину отсутствия печника, по-иному вербализуя глагол «загулять» в тексте оригинала.

В знаменитой «Бане» клиент-неудачник обзирает вокруг него происходящее – *А кругом, батюшки-светы, стирка самосильно идет.*

В английском варианте эта фраза принимает вид: *And all around me you believe it, it was a self-service laundry («The Bathhouse»).*

Обратный перевод предложения – *А кругом, поверьте, – прачечная самообслуживания.*

Перейдем к проблеме передачи сленговой и жаргонной лексики языка оригинала на язык перевода; она также строится на заменах. Априорно известно, что народный, зачастую грубоватый язык зощенковских героев придает рассказам писателя особый колорит. В этом плане осозная задачу по передаче языковых единиц, относящихся к разряду сленга, Дж. Хикс решает ее по-своему. Переводчик отказывается от поиска соответствующих эквивалентов в арсенале английского языка, ссылаясь на скоротечный и местнический характер сленговых выражений. Слова типа *морда, рожка* и *рыло* традиционно обидные для адресата (так как, по Хиксу, они соотносятся с внешностью особой животного мира) предлагается перевести их нейтрально-стилистической лексемой *face* – лицо, поставив при этом в препозицию негативно окрашенные определения. Например, *ugly* – уродливое или *fat* – жирное.

В отдельных случаях вышесказанные слова заменяются одним словом *face*, что практически аннулирует эмоционально-оценочную коннотацию данной лексемы

– *Я, – говорю, – товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать («Стакан»).*

Ср. с английским переводом:

I said, 'comrade brother-in-law, wouldn't even allow my own mother to smash my face with a melon («Glass»).

Правда, имеются и исключения из правила. Так, заменяя русское *личность* (в значении *лицо*) на смежное *цвет лица* (речь идет о восхвалении заграничной «пудры», которая по факту оказывается средством от блох), Дж. Хикс вкладывает в уста героя рассказа «Качество продукции» не слово *complexion* (букв. *цвет лица*), а похожее по звучанию *complexity* (букв. *сложность, запутанность*). В результате переводчику удастся показать лингвистическую некомпетентность говорящего, его малограмотность. Но число подобных примеров весьма ограничено.

Отметим, что более удачный способ перевода просторечий, диалектизм и жаргонизмов в рассказах Зощенко предлагает французский специалист по переводу М. Давиденкофф. Как отмечает Н.А. Фененко, переводчик обращается к социальным диалектизмам 80х годов, широко знакомым носителем французского языка, которые через четверть века ощущаются французами как устаревшие. Таким образом «можно считать, что дистанция, отделяющая современного читателя от времени действия рассказов, в ПТ (переводном тексте – А.Б.) создана [6, с.128].

В качестве направления дальнейших исследований можно было бы выяснить, как подобные лексемы передаются на другие языки, кроме английского и французского.

В процессе анализа переводов было также выявлено, что разговорные штампы, шуточные выражения и фразеологизмы в рассказах Зощенко при переводе на английский язык, как, впрочем, это и прогнозируется, утрачивают присущие им стилистические характеристики – передается их смысл, а юмористические коннотации остаются «за кадром».

По-русски *Что за шум, а драки нет?* В вопросе героя рассказа «Нервные люди» звучит в буквальном его пересказе: *What's all the noise for and where's the fight?* Случай

замен образных выражений русского языка «своими» английскими, весьма редки. В рассказе «Обезьяний язык» выражение «хлопать ушами» передается в виде *look like an idiot*, а в жалобе о том, что *чемодан свистнули со всеми потрохами* (рассказ «Воры») *со всеми потрохами* переводится, как *lock, stock and barrel* в значении «полностью», «все вместе взятое», «от начала до конца».

В общем и целом, желание проникнуть во внутреннюю форму русских транслитерированных имен и найти адекватные замены для русских слов и выражений представляются нам как более или менее успешные попытки переводчика оказаться на той же самой «юмористической волне», на которую настроены произведения М. Зощенко.

Главное, что соответствует такому стремлению – эта способность по-своему передать остроумно выстроенную канву каждого рассказа, хотя автору переводов не всегда удастся переложить язык зощенковских произведений, так, чтобы его читатели смеялись не только над описываемыми событиями, но и над языком писателя и его героев. Однако судить, в какой мере предложенный Хиксом вариант приближен к инварианту можно лишь в том случае, если изучен ряд других англоязычных версий рассказов М. Зощенко – классика русской сатирической прозы.

В заключение зададимся вопросом, как воспринимает книги Зощенко современный западный читатель. В этой связи, вернемся к началу нашего разговора о творчестве М. Зощенко как сатирика.

Совершенно не случайно в критической статье к одной из книг М. Зощенко писатель назван современным Свифтом [7, с.5-19]. Как известно, Джонатан Свифт, широко известный как автор «Приключений Гулливера», на страницах своего романа в завуалированной форме подверг острой критике жизнь современной ему Англии, ее институты, правовые нормы и политические партии.

Однако нельзя не указать и на то, что иносказания и намеки, таившиеся между строк «Гулливера» сегодня потеряли свою остроту и злободневность или просто преданы забвению. Смысл отдельных эпизодов романа можно восстановить только с помощью исторических источников [8, с.388]. Книга ирландского сатирика превратилась в один из шедевров детской литературы. Аналогия с рассказами М. Зощенко в их восприятии сегодняшним читателем здесь легко угадывается. Люди, любой национальной принадлежности в наши дни, открывающие книги М. Зощенко, далеки от того, чтобы приравнять жизнь современных носителей русского языка с миром, в котором бытуют герои писателя.

Социальный подтекст зощенковских рассказов отмечается (хотя несколько тенденциозно) в Предисловиях к его произведениям, выпущенных за рубежом, но он отходит как бы на второй план, уступая место искрометному юмору. Одним из прямых доказательств этому служит выдержка из американской газеты «Los Angeles Times», напечатанная на обложке книги «Mikhail Zoshchenko. The Galosh and other stories: «It is difficult to imagine a more accessible volume of Russian fiction... Zoshchenko is no Tolstoy, but he's a lot funnier». – «Трудно представить более доступное произведение русской художественной литературы. Зощенко – не Толстой, но он гораздо смешнее».

В качестве итога нашей работы необходимо признать, что при переводе рассказов М. Зощенко можно с той или иной степенью успеха выбрать любую тактику, прибегнуть к различным переводческим трансформациям. Но все-таки задачу переводчика следует считать выполненной, если для иностранного читателя знаменитых рассказов удается донести скрытые за «ширмой» юмора пороки человеческой натуры, которые лишены национальной принадлежности и временной соотнесенности.

Литература

1. Томашевский Ю.В. Смех Михаила Зощенко // Михаил Зощенко. Избранное. – М.: «Правда», 1963. – С.3-12.
2. M. Zoshchenko. The Galosh and Other Stories / Tr. from Russian and Introduction by J. Hicks. – N.Y: The Overlook Press, 2009. – p. 7-9.
3. Успенский Л.В. Слово о словах Ты и твое имя. – Л-д: Лениздат. 1962. – 634с.
4. Hicks J. Introduction. A Note on the Translation // M. Zoshchenko. The Galosh and Other Stories. – Woodstock & N.Y. The Overlook Press, 2009. – p. 7-19.
5. Микулина Л. Национально-культурная специфика и перевод // Мастерство перевода. Сб. 12. – М.: «Советский писатель», 1981. – С.79-99.
6. Фененко Н.А. «Непереводимый» Зощенко в переводе на французский язык // Социокультурные проблемы перевода: Сб. научн. трудов: в 2 ч. – 2006. – 395с.
7. Сарнов Б.М. Рассказы. Повести. Голубая книга / М. Зощенко; [сост., предисл. и коммент. Б.М.Сарнова]. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 720 с.
8. Брандис Е.П. Джонатан Свифт и его роман «Путешествия Гулливера // Д. Свифт. Путешествие Лемюэля Гулливера. – М.: Гос. изд-во детской лит-ры Мин. просв. РСФСР, 1995. – С.387-413.

Список словарей

- 1** Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: ЭКСМО, 2010. – 864 с.

MIKHAIL ZOSHCHENKO IN RUSSIAN VS MICHAIL ZOSHCHENKO IN ENGLISH

A.P. Babushkin
Voronezh State University

Abstract. the article deals with translations of the stories by M. Zoshchenko, a well-known Russian satirist, made by our English-speaking contemporary G. Hicks. Zoshchenko's satirical stories, written as "the news of the day", ridicule the red-tape bureaucrats, time-serving, people's boorishness and other flaws at the background of the social life negative trends by which the last century Russia of the 20-ies and 30-ies was marked. The translator confronts with the hardships caused by the writer's language which deliberately coincide with the language of his characters. The translations are considered from the standpoint of three translative transformations: transliteration, loan-wording and different forms of translative changes. In conclusion the author of the article argues that the writer's stories lose their satirical peculiarities and nowadays may be looked upon as a number of funny, humoristic sketches in the way they are appreciated both by Russian and English-speaking readers.

Key words: Mikhail Zoshchenko, English translation, transliteration, loan-wording, translative changes

Бабушкин А.П.,
профессор кафедры английского языка
гуманитарных факультетов
Воронежский Государственный
Университет
тел.: +7 (473) 220-8441
e-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

Babushkin A.P.,
Professor of the English Language for
Humanities Department
Voronezh State University
mobile: +7 (473) 220-8441
e-mail: babushkin@rgph.vsu.ru

REPRESENTATION OF SACRED ONYMS IN SOCIAL AND POLITICAL COMMUNICATION (ETHNOLINGUOCULTURAL AND TRANSLATION ASPECTS)

Irina D. Bekoeva

South-Ossetia State University named after A.A.Tibilov,
Tskhinval, South Ossetia

Abstract. The present study is the first experience of a comparative description of onomastic units functioning in the socio-political discourse of South Ossetia. It deals with the problem of the representation of ethnically marked sacred onyms in the socio-political communication of the Republic of South Ossetia-the State of Alania, actualized in traditional good wishes in two languages (Ossetian and Russian). Proper names in general and individual onomastic segments (theonyms, oikodomonyms, geortonyms, chrononyms), have significant specificity in language and speech as a means of ethnolinguocultural identification of communication participants. A comparative study of possible translation options for these categories of onyms allows us to study the mechanisms and patterns of an adequate translation of linguistic units and to reveal the linguocultural features of their explication by means of target languages. Onim *Dzhery Dzuar* is a sacred oikodomonym which includes: 1) the theonyms *Dzhery Dzuar* and *Uastyrdzhy* in its semantic field; 2) homonymous chrononym and geortonym of *Dzhery Dzuary* bontæ (celebration / days of celebration of *Dzhery Dzuar*). *Dzhery Dzuar* is one of the most famous sanctuaries dedicated to the deity *Uastyrdzhy*, who is the main one in the host of Ossetian gods. The analysis of the corpus of texts containing sacred theonyms, oikodomonyms, geortonyms and chrononyms of South Ossetia makes it possible to determine their onomastic status and significance, confirming the assumption of the inclusion of these onyms in the mental space of South Ossetians.

Key words: socio-political communication, onomastics, onyms, oikodomonyms, theonyms, geortonyms, chrononyms, ritualism, good wishes

The problem of onomastic verbal indicators of social and political communication and its relationship with language are the subject of keen interest in Linguistics. This study was carried out in line with the ideas and approaches of cognitive linguistics, the theory of intercultural communication and the theory of translation. The basic structure-forming elements of socio-political discourse are subjected to comprehensive analysis in linguistic, psycholinguistic aspects in a number of studies that served as a methodological basis (V.N.Bazylev, A.N. Baranov, V.I. Karasik, Yu.N. Karaulov, P.B. Parshin, A.P.Chudinov, E.I. Sheigal).

Ethnolinguocultural characteristics of South Ossetian political communication are actively studied by South Ossetian researchers (I.D. Bekoeva, V.P.Dzhioeva 2015-2021). Scientific studies on onomastics are numerous, despite the fact that onomastics as an independent linguistic branch is relatively new (Bolotov 1971; Ermachenko 1970; Ermolovich 1981; Bondaletov 1983; Superanskaya 1973, 1986). Ossetian onyms have repeatedly been viewed in the researches of such Ossetian scientists as E.B. Besolova, K.E. Gagkaev, F.Kh. Gutnov, T.A. Guriev, Y.A. Dzizzoity, Z.D. Tskhovrebova, Z.K. Kusaeva, E.A. Ikaeva and others. Ritual and ritual-didactic aspects of communication are presented in a number of works by Ossetian scientists (T.Z.Besaeva 1876; L.K. Gostieva 1983; Z.V. Kanukova 2011; S.V. Kokiev 1985; B.A. Kaloev, Z. B. Tsallagova 2005; Z.B. Tsallagova 2008). The formulas of Ossetian speech etiquette and comparative analysis of speech behaviour as a reflection of national mentality are reflected in the studies of M.I. Balikoeva (M.I.Balikoeva 2017, 2018).

The purpose of this research is to describe the ways of realizing sacred oikodomonyms in bilingual Ossetian-Russian social and political communication, to identify socially significant onomastic correlations. It is the first time when socially significant oikodomonyms, theonyms, geotonyms and chrononyms verbalized in the socio-political discourse of South Ossetia are the subject to the study. The empirical material of the research is represented by the text fragments taken from the electronic mass media both of North and South Ossetia. 57 text fragments containing representations of the oikodomonym Dzheri Dzuar were analyzed. Insufficient development of the cognitive aspect of onomastics, methodological controversy in the study of proper names, realized in political discourse, determined the relevance of this study, which is of greatest importance in the era of intensive development of international relations and intercultural communication. Ritualism in political discourse can be expressed through: 1) adherence to the rules of speech communication, prescribing the requirement to comply with the language norm; 2) the use of clichés and set expressions (including ritual vocabulary); 3) the recurrence of linguistic units; 4) the implementation of different types of deixis, in particular, personal (hierarchy and status distribution of roles participants of communication) and space-time (chronotope). The element of ritual is manifested in almost all types of discourses identified on the basis of sociolinguistic criteria [1, p.1]. Common (collective) memory is an essential condition for the existence of any society. [2, p.11]. Ossetian society with its communal structure based on close family ties and a strict hierarchy of relationships is no exception. Algorithms of behavior in Caucasian society correspond to the norms developed by the society over the years. The norms, in turn, are represented by a set of special typical programmes or stereotypes of behaviour [1*, p.264]. The issue of verbalization of sacred oikodomonyms in political communication and its study are inextricably linked not only with ritual, but also with the concept of a mental map of space. The term was first coined by Christopher Trowbridge, who defined it as some kind of *imaginary maps*. According to Trowbridge, space is perceived egocentrically and has a discrepancy with geographical maps [3]. From the sphere of geography, mental maps moved to cognitive psychology, then to linguistics, and began to be called *cognitive maps*. Edward Tolman [4] was one of the first to study the problem of spatial image and behaviour correlation. The relevance of this study is determined by the derivation of the elements of the cognitive map of individual communication participants to the level of formation of an integral cognitive image, which is realized in political discourse and exists in the general consciousness of the members of a particular society. An important component of the mental map of the world are oikodomonyms - proper names of buildings (origin: Greek οἰκοδομή 'building, structure' + onim) [1**, p.88]. Oikodomonyms are considered to be a type of urbanonyms or astionyms. However, we believe that the oikodomonyms can be included into the structure of the komonyms (proper names of a rural settlement, a kind of oikonym, proper name of any settlement) [1**, p.93]. Razumov R.V. and Goryaev S.O. explain the fact that this term is unknown in the Russian scientific tradition by its relative novelty and the fact that in Russian reality this type of onyms is not widely represented, in contrast to the British tradition, where this variety of onyms makes up most of the microtoponymy [5; 6 p.96]. British linguocultural tradition prescribes the giving proper names to houses and buildings. In Russian onomastic tradition single oikodomonyms are found, but rarely. And only the most attractive, interesting oikodomonyms are given individual names [7, p.75].

Fixing the patterns of linguoculture and behavioural characteristics of the South Ossetians, the political communication of South Ossetia is characterized by the implementation of ritual elements. Riot actions verbalized through ritual vocabulary are superimposed on the

rules of the general political protocol. One of the most frequent genres of political ventures in South Ossetian political communication is visiting sacred objects – sanctuaries, churches, cathedrals. One of these places is Dzhery Dzuar, located on the territory of the Republic of South Ossetia. Dzhery Dzuar (Dzhery Juar) [8, p.276; 9, p.210, 211, 238-239; 10, p.506] is a sanctuary in the village of Dzher. In South Ossetia, and not only, Dzhery Dzuar is the most revered sanctuary, which is traditionally the most visited holy place, being an important component of the Ossetian mental map. A sacred oikodomonym Dzhery Dzuar includes the theonym Uastyrdzhi in its semantic field, since Dzhery Dzuar is one of the most famous sanctuaries dedicated to the deity Uastyrdzhi. Moreover, Dzhery Dzuar has metonymical relations with Dzhery Dzuary Bontæ (the days of Dzhery Dzuar) which can be considered both a geotonym and a chrononym as it implies the name for the religious holiday and the particular temporal boundaries of the festival as well. Theonym is the proper name of a deity in any pantheon, respectively, theonymy is a section of onomastics that studies theonyms, their etymology, changes in the meaning and their functioning [1**, p.131-132].

Нæ мадзал Дзæры дзуары бын ауадзын кæй сфæнд кодтам, уый сæнæнхæлаеджы нæу, ныртæккæ йæм бирæ адам цæуы куывды сæмæ нæ фæнды, цæмæй уыдон дæр хай-ад райсой нæ мадзалы<...>. Дзæры Уастырджийæ куырдатæ, цæмæй йæ дæлбазыр дара æгас Иры адæмы, хъахъхъæна сæ фыдбылызтæй <...>. «The fact that we decided to hold our event near the Dzhery Dzuar sanctuary was not a surprise. Many pilgrims come here these days, and we would like them to take part in our event <...>. <...> He prayed to Saint Uastyrdzhy to protect the entire Ossetian people, to protect them from misfortunes» (translation from Ossetic by I. Bekoeva) [2]. In the analyzed segment of the text, the address of the communication participant is realized by means of the Ossetian language without duplicating the text in Russian, counting on the target audience, represented by native carriers of the Ossetian language. People not only from all over South Ossetia, but also guests from North Ossetia and other regions of Russia come to the annual events in South Ossetia dedicated to Saint Uastyrdzhy. In such cases, the political discourse of the speaking communicants is realized by means of two language systems – Ossetian and Russian. Дни посещения Дзæры дзуар обычно наступают осенью и продолжаются вплоть до конца ноября. «The days of visiting Dzhery Dzuar usually start in autumn and continue until the end of November» [3*].*

В <...> осенние дни издревле во хвалу Дзæры дзуар возносятся молитвы во многих осетинских домах. В поисках покровительства святыни сюда устремляются родные и близкие больных и немощных людей, дабы помолиться за них у **святилища Дзæр**. «In <...> autumn days since ancient times, prayers are offered up in many Ossetian houses in praise of Dzhery Dzuar. In search of the protection of the shrine, relatives and friends of sick and crippled people flock here in order to pray for them at the Dzher sanctuary» [3*].

A joint visit of sanctuaries by politicians, representatives of the North and South Ossetian authorities, is an expression of their identification index and serves a consolidating factor that confirms the desire of the divided people for its unity.

Праздник Дзæоргуыба – удивительное свидетельство бережного сохранения традиций осетинского народа, что имеет огромное значение для молодого поколения, приобщающегося к тысячелетней традиции <...>. «The Dzheorguyba holiday is an amazing testimony to the careful preservation of the traditions of the Ossetian people, which is of great importance for the young generation joining the thousand-year tradition» <...> [4].*

*<...> не это ли свидетельство **объединяющего** начала праздника, делающего нас вместе сильнее! <...> «Isn't this evidence of the uniting beginning of the holiday that makes us stronger together» [4*]!*

Гости приехали в Южную Осетию на праздник к святыню Дзжеры Дзуар. Все они были одеты в национальную одежду. «The guests arrived in South Ossetia for a holiday at the Dzheri Dzuar sanctuary. All of them were dressed in national clothes» [5*]. The chronotope of political action has a spatio-temporal correlation. Spatial deixis is represented by the sanctuary of Dzheri Dzuar, temporal deixis is determined by the season and the date of the celebration – November 23 and autumn. The overall habitus deixis is realized by means of the national clothes. An analysis of text fragments containing good wishes showed that for the South Ossetian socio-political communication, a specific ritual component is an appeal to Saint Uastyrdzhi. They ask him for patronage, protection, blessings for the implementation of plans. *Дзжеры дзуар уын аеххуыс гаенаг уае!* «Dzheri Dzuar be with us and help us». [6*]. *Дзжеры дзуары хорзхаех уае уае!* «Congratulations on the Dzheri Dzuar celebration!» [6*].

Аеххуысгаенаг уын уае Дзжеры дзуар! «Dzheri Dzuar help us» [7*]!

The results of the study allow us to conclude that in the overwhelming majority of cases (94.7%) such a political event as a meeting of guests takes place in accordance with the established ethnospecific ritual, which is superimposed on the universal scenario of the protocol of political meetings. Analysis of text fragments and statistical data show that good wishes are verbalized by means of the native language (100%). Some texts contain doublet addresses in Russian, aiming at the audience represented by the guests from the Russian Federation (14.3%). The ritualism of the South Ossetian political communication confirms the index of ethnic and social belonging, helps to identify the subordination of the participants in communication and confirms the system of moral and cultural values of the Ossetian people developed over many centuries. Appeals to God, good wishes and prayers, which make up the ritual side of social and political communication, accompany ritual political actions, thus determining the significance of a political event. The spatial deixis of social and political acts and events in the North and South of Ossetia is verbalized through the mentioning of the higher powers that dwell in sacred oikodonyms, the most significant of which is Dzheri Dzuar.

References

1. Izvekova M.G. *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritualnogo diskursa*: [Pragmalinguistic characteristics of the ritual discourse] avtoref. diss. kand. filol. nauk: spets. 10.02.19 “Teoriya yazyka” / M.G.Izvekova. – Volgograd, 2006.
2. Bajburin A.K. *Ritual v traditsionnoj kulture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov*. [Ritual in the traditional culture. Structural-semantic analysis of the East Slavonic Riots]. SPb.: Nauka, 1993.
3. Trowbridge Christopher C. 1913. On Fundamental Methods of Orientation and ‘Imaginary’. *Science* 38 (990): P.888-897.
4. Tolman Edward Chace/ 1948/ *Cognitive Maps in Rats and Men*. *Psychological review* 55 (4):189-208.
5. Razumov R.V., Goryaev S.O. *Nazvaniya zhilykh kompleksov: mezhdou urbanonimami i reklamnymi imenami*. [The names for residential complexes: between urbanonims and advertising names]. // *Nauchnyj dialog*. 2018. 9. P.76-97.
6. Razumov R.V., Goryaev S.O. *Kommunikativnye issledovaniya*. [Communicative studies]. 2019. t. 6. 1. P.93-111.
7. Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanij*. [What is Toponymy. From the History of geographic names]. M.: Knizhnyj Dom “Librokom”, 2011. 178 p.

8. Kaloev B.A. *Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)*. [The Ossetians (historic-ethnographic study)]. M.: Nauka, 1971. – 358 p.

9. Chibirov L.A. *Zemledelcheskij Kalendar Osetin*. [Agricultural calendar of the Ossetians]. Tskhinval: Iryston, 1976. – 302 p.

10. Tskhovrebova Z.D., Dzitstsojty Yu.A. *Toponimiya Yuzhnoj Osetii*. [Toponymy of South Ossetia]: v 3 t. – M.: Nauka, t. ii: Znaurskij rajon; Tskhinvalskij rajon. – 2015. – 740 p.

Inernet resources

1* Tril Yu. N. *Ritual v traditsionnoj culture*. [Rituals in traditional culture]. Available at: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/ritual-v-traditsionnoj-kulture> (access 27.01.20)

2* Our Sacred Places // Yuzhnaya Osetiya-Gosudarstvo Alaniya. Available at: <https://www.facebook.com/groups/southossetia.1992/permalink/2062545100542648> (access 14.01.21)

3* *Zhizn krasna narodnymi traditsiyami, glisit osetinskaya pogovorka*. [As the ossetian saying goes, life is beautiful because of its traditions]. //Yuzhnaya Osetiya-Gosudarstvo Alaniya. Available at: <https://www.facebook.com/groups/southossetia.1992/permalink/2064583357005489> (access 14.01.21)

4* *Dzheorguyba obedinyaet*. [Dzheorguyba unites]. Available at: <http://sevosetia.ru/article/index/131887> (access 14.01.21)

5* *Novosti Vladikavkaza*. [News of Vladikavkaz]. Available at: <https://www.facebook.com/watch/?v=293631257906247> (access 14.01.21)

6* *Dzhery Dzuary khorzkhakh uae uae!* Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=645571119432499&id=100019388494480 (access 14.01.21)

7* *Aekkhhuysgaenaeguyn uae! Dzhery Dzuar!* [Dzhery Dzuar helpus]. Available at: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=383485079356598&id=100030853277576 (access 14.01.21)

Dictionaries

1** Podolskaya N.V. *Slovar russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of the Russian onomastic terminology]/ N. V. Podolskaya; otv. red. A. V. Superanskaya; an sssr, in-tazykoznanija. - 2-e izd., pererab. i dop.– M.: Nauka, 1988. - 187 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ САКРАЛЬНЫХ ОНИМОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Бекоева И.Д.
ЮОГУ им. А.А. Тибилова

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме репрезентации этнически маркированных сакральных онимов в общественно-политической коммуникации Республики Южная Осетия-государство Алания, актуализируемых в традиционных благопожеланиях на двух языках (осетинском и русском), и является первым опытом сопоставительного описания функционирования ономастических единиц в общественно-политическом дискурсе Юга Осетии. Имена собственные в целом и отдельные ономастические сегменты (теонимы, ойкодомонимы, геортонимы, хрононимы), реализуемые в благопожеланиях, являются неотъ-

емлемыми элементами югоосетинского общественно-политического дискурса. Они служат показателем индекса принадлежности и обладают значительной спецификой в языке и в речи как средство этнолингвокультурной идентификации участников коммуникации. Необходимость актуализации этно- и социокультурной информации в переводе данных единиц определяет актуальность данного исследования. Сопоставительное исследование возможных вариантов перевода данных категорий онимов позволяет изучить механизмы и закономерности эквивалентной передачи языковых единиц и выявить лингвокультурные особенности их экспликации средствами переводящих языков. Проведенный анализ корпуса текстов позволяет определить их ономастический статус и значимость, подтверждающие предположение о включении данных онимов в ментальное пространство Южной Осетии, а также выявить способы передачи данных ономастических единиц средствами русского языка.

Ключевые слова: общественно-политическая коммуникация, ономастика, оним, ойкодомоним, теоним, геортоним, хрононим, обрядность, благопожелания

Бекоева Ирина Давидовна,
и.о. доц. кафедры англ. языка
ЮОГУ им. А.А. Тибилова
тел.: +7 (929) 810 6607
e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

Irina D. Bekoeva
associate professor, English Chair, South
Ossetia State University named after
A.A. Tibilov
mobile: +7 (929) 810 6607
e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru

УДК: 81' 373.47

ДИСФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВА САМОВЫРАЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ И МЕМ)

Бех Е.Ф.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Середина Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. Статья представляет собой актуальное исследование, посвященное анализу языковых стилистически-окрашенных средств, дисфемизмов, на примере блогов и мем как одних из популярных форм интернет-коммуникации. Основной целью статьи является описание особенностей использования дисфемизмов в качестве языковых средств самовыражения в англоязычных формах интернет-коммуникации. Особое внимание уделяется тому факту, что в сегодняшней напряжённой обстановке в интернет-коммуникации основным способом воздействия на сознание читателя является использование непристойной и нецензурной лексики с целью привлечения внимания и выражения негативной оценки к событиям в мире. В статье предпринята попытка представить классификацию средств нецензурной лексики на основании выполняемых функций в блоге и меме, а также статистический анализ форм их употребления. В статье используются метод дискурс-анализа, контекстуального анализа и прагматического анализа. На основании анализа приводятся выводы о том, что негативная лексика, а именно, дисфемизмы позволяют выразить общественное недовольство и порицание, тем самым привлечь внимание аудитории к насущным и актуальным проблемам.

Ключевые слова: дисфемизм, видеоблогинг, мем, негативная лексика, интернет-коммуникация, стилистические средства, эвфемизмы, креолизованные тексты

Современную коммуникацию невозможно представить без Интернета. «Интернет не только является одной из основных сфер вербального и невербального общения, но

и служит площадкой для творчества» [1]. Активные пользователи создают и развивают новые формы общения, среди которых в настоящее время становится все более популярным видеоблогинг и мемы. Видеохостинги типа YouTube по популярности обгоняют даже социальные сети и новостные ресурсы. Сейчас на них можно найти ответы на вопросы практически любого содержания: от мастер-классов на различные тематики, до обзоров актуальных политических проблем и нашумевших фильмов. Любой желающий может совершенно бесплатно вести свой видео дневник, создавать интересные и смешные зарисовки, что не могло не привлечь миллионы пользователей.

Видео-блог, как средство интернет-коммуникации, имеет ряд характерных особенностей, делающих его совершенно уникальным явлением. Во-первых, в данном случае общение между людьми опосредовано техническими средствами и невозможно без них. Во-вторых, цели данной коммуникации также отличаются от всех других типов общения. В-третьих, язык видео-блогинга содержит ряд особенностей на всех лингвистических уровнях. Особенности речи блогера сильно зависят от избранной им тематики. Например, в сфере молодежных блогов, грамотная правильная речь без сленга практически не встречается. При этом язык блогеров нельзя назвать новым функциональным стилем или новым видом дискурса из-за крайней неоднородности и тематической разрозненности. В-четвертых, уникальным является и сама организация общения: блогер записывает видео со своим обращением, а его аудитория оставляет комментарии. А также нередки ответные видео, если зритель имеет свой канал. Таким образом, несмотря на возможности интернета, который позволяет обмениваться мгновенными сообщениями, в видео-блогах высказывание и реакции разделены во времени.

Другой тип Интернет-коммуникации, мем, форма информации, передаваемая от человека к человеку с помощью речи, изображений, видео [2]. В то же время интернет-мем определяется как «хранилище культурных кодов сетевого сообщества» [2, с. 113], при этом особое внимание уделяется культурной особенности в мемах. Творческое начало участников общения в Интернете воплощается в создаваемых ими сообщениях, изображениях или текстах, где часто иконическая и вербальная составляющие объединяются, то есть появляются мемы. Основная цель любого мема – создание комического эффекта [1]. Творческий процесс создания мемов помогает участнику интернет-коммуникации реализовать свои творческие амбиции с помощью выразительных стилистических средств. Мемы обладают рядом характерных особенностей, среди которых:

- краткость;
- вирусность;
- постоянное увеличение знакомых с ним пользователей;
- потенциал для творческого искажения (возможность изменения их для создания пародий или аллюзий);
- нелепость содержания;
- частое повторение слова или фразы [3].

При этом стоит заметить, что цель у всех форм Интернет-коммуникации одна и общая – самовыражение, самопрезентация – создание говорящим собственного образа в сознании собеседника, другими словами, показать себя, рассказать всем, кто и на что способен.

По справедливому замечанию Куравлевой Т.В., самопрезентация это коммуникативное поведение, результатом которого является моделирование в когнитивном пространстве реципиента определенного образа говорящего. При этом учитывается как преднамеренное использование определенных коммуникативных стратегий и тактик,

так и непреднамеренное, спонтанное речевое поведение, на основе которого у реципиента складывается определенный образ говорящего [4].

Занимательная черта Интернет-коммуникации, в том, что участники не видят друг друга, поэтому здесь следует обратить внимание на два типа самопрезентации. Первый тип – «акциональная самопрезентация». В данном случае стратегия самопрезентации реализуется через тактику возражения. Стоит отметить, что говорящий использует самопрезентацию через отрицание, которое, наряду с синтаксическим параллелизмом, усиливает экспрессивность высказывания [4]. Например, Coach Corey Wayne заявил: «*Sure, I'm just a lucky bastard who knows nothing about women* [1*]», когда один из зрителей усомнился в его компетенции. Кроме того, самопрезентация выступает как вспомогательная стратегия, помогающая говорящему усилить свою аргументацию. Во втором типе – качественная самопрезентация – в ответной реплике реализуется тактика шутки. Говорящий использует повтор предикатов и повтор синтаксической структуры, что придает дополнительную экспрессивность высказыванию [4]. Примером может служить мем на Дональда Трампа с его высказыванием: «*And if you're a star they let you do it. You can do anything. Grab them by the p...y. You can do anything* [2*]».

Высокая степень конкуренции, доступность различных цифровых приложений заставляют даже самых знаменитых видеоблогеров делать свои тексты и мемы максимально привлекательным не только с точки зрения содержания, но и с формальной стороны. Безусловно, что их посты и мемы должны быть понятны и близки основной целевой группе, молодежи, поэтому частое использование стилистических выразительных средств только привлекает внимание аудитории.

По наблюдениям лингвистов, начало XXI в. характеризуется повышенным уровнем негатива в коммуникации [5,6,7], что объясняется сложной политической обстановкой, постоянными военными конфликтами, противостоянием между разными этническими и религиозными сообществами. В соответствии с вышесказанным, высказывания людей о напряженной обстановке в мире могут составить представление о недовольстве, беспокойстве за будущее и даже саркастическом видении сложившейся ситуации. Одним из стилистических средств, позволяющим точно и полно выразить общественное недовольство и порицание, и тем самым привлечь внимание аудитории к насущным и актуальным проблемам – является дисфемизм.

Дисфемизмом считается целенаправленное использование более грубого слова или выражения вместо стилистически нейтрального синонима для достижения определенного ожидаемого эффекта на собеседника [6]. И.Г. Кактенева считает их «контекстуальными дисфемизмами, образующимися за счет идеологизации нейтральных слов» [8, с.270]. А.Н. Резанова полагает, что дисфемизм – это «намеренное использование табуированной языковой формы или слов сниженного стиля, несоответствующих данной речевой ситуации для решения поставленной коммуникативной задачи» [6]. Таким образом, нельзя не согласиться, что в дисфемизмы – это не просто негативная и/или нецензурная лексика, но и нейтральная лексика, с отрицательной коннотацией в контексте.

Явление дисфемии невозможно рассматривать без противоположного ему эвфемии, тем более что часто дисфемизм толкуется как противоположность эвфемизму и определяется через него [9].

Эвфемизм улучшает и облагораживает денотат, а дисфемизм, наоборот, привносит в него отрицательные признаки [10]. Эвфемизмом принято считать нейтральное в стилистическом плане слово или словосочетание, которое употребляется вместо другого слова, являющегося неприличным, грубым или просто нетактичным в данной ситуации.

Методы критического анализа, контекстуального анализа и прагматического анализа были выбраны для анализа примеров, основываясь на выразительном потенциале визуальных средств, их роли и влиянии на аудиторию.

В качестве источника материала для исследования были выбраны три популярных канала на видеохостинге YouTube: Рей Вильям Джонсон «=3», PewDiePie и Coach Corey Wayne, а мемы для исследования взяты с веб-сайтов по мере их появления в строке поиска Google.

Данные каналы разные по тематике, по целевой аудитории и по форме и содержанию. Отмеченные дисфемизмы были распределены по группам в соответствии с разработанной классификацией. Всего в просмотренном материале были выделено 154 случая использования дисфемизмов в названных видеоблогах и 50 самых известных мемов на популярные темы, такие как феминизм, коронавирус, Дональд Трамп, глобализация.

Неоднозначность определения дисфемизма привела к созданию множества классификаций, которые созданы на основе выделения одного или нескольких приоритетных критериев. Данный факт создает возможность для дальнейшей разработки этой проблемы и создания новой авторской классификации. На основе лексико-семантического критерия выявлено наличие трех больших смысловых групп дисфемизмов: «Человек», «Одушевленные представители животного мира» и «Неодушевленные предметы». Группа «Человек» настолько обширна и неоднородна, что были сформированы несколько подгрупп: «Человек: секс и сексуальные отношения», «Человек: тело и внешность», «Человек: умственные способности», «Человек: характер и манера поведения», «Человек: профессии или вид деятельности», «Человек: национальная принадлежность».

Соответственно, выбранные примеры с дисфемизмами можно разделить на три смысловые группы с выделением подгрупп:

1. Человек:

- секс и сексуальные отношения,
- тело и внешность,
- умственные способности,
- характер и манера поведения,
- профессии и вид деятельности,
- национальная принадлежность;

2. Одушевленные представители животного мира;

3. Неодушевленные предметы и явления.

Результаты исследования представлены в таблице, где частота использования дисфемизмов приводится в сравнении с частотой употребления эвфемизмов.

Таблица 1. Распределение дисфемизмов и эвфемизмов по группам

Группа	Дисфемизмы	Эвфемизмы
Человек: секс и сексуальные отношения	9 (5,8%)	28 (13,8%)
Человек: тело и внешность	12 (7,8%)	27 (13,3%)
Человек: умственные способности	36 (23,4%)	35 (17,2%)
Человек: характер и манера поведения	21 (13,6%)	17 (8,3%)
Человек: профессии и вид деятельности	17 (8,4%)	24 (11,8%)

Человек: национальная принадлежность	0 (0%)	46 (22,6%)
Одушевленные представители животного мира	22 (14,3%)	20 (9,8%)
Неодушевленные предметы и явления	39 (26,7%)	6 (3,2%)

На основании результатов исследования можно сделать выводы. Наибольшее количество и эвфемизмов, и дисфемизмов относится к смысловой группе «Человек». Это не удивительно, если учитывать особенности использования дисфемизма, как индикатора самых актуальных и близких говорящему тем. При этом зачастую эвфемизмы более предпочтительны. В сфере сексуальных отношений они употребляются почти в два раза чаще. Например, Рей Вильям Джонс в одном своем ролике сказал: *«This sl... very kind woman [3]»*. Использование эвфемизма в подобных случаях вызвано стремлением к созданию саркастического тона высказывания, так как он явно дал понять свое отношение к легкому поведению девушки, о которой шла речь. Это не единичный случай. Например, в своем ролике, посвященном мужчине, который не мог закончить отношения с неверной женой Кори Вейн так отозвался о герое: *«A man with unlimited patience [1*]»*. В этой фразе также видно неодобрение автора и стремление к созданию комического эффекта. Таким образом, можно говорить о случае, когда функционально эвфемизм можно приравнять к дисфемизму, так как речь идет о выражении неодобрения и создании еще более уничижительного высказывания. Тема гендерного неравенства не теряет своей актуальности. Например, Рей Вильям Джонсон, комментируя видео, так высказался о его герое: *«What does this gal have instead of brain? A dough? [3*]»*. В данном случае мы можем отнести этот дисфемизм не к группе неодушевленных предметов, а к подгруппе «Человек: умственные способности», так как оценивался интеллект девушки. Что касается мем, то присутствие визуальной составляющей во многом облегчает понимание. Основное внимание все еще принадлежит мемам на эпатажного Дональда Трампа, на его эмоциональные и красноречивые высказывания: *«I swear to God. My supporters would eat shit sandwiches if I told them to. It wouldn't be sad if it wasn't true... [4*]»*.

В особую группу можно выделить характеристику национальной и гендерной принадлежности. Интересно заметить, что в данном исследовании нет ни одного случая использования дисфемизмов на эти темы. Например, в сети популярны мемы: *«It's a gender-neutral bathroom. It's for everyone [5*]»*. Прежде всего, это связано со строгими правилами в отношении разжигания межнациональной розни, также соблюдением полнокорректности в отношении меньшинств. Зато данная группа является самой популярной в отношении использования эвфемизмов.

В отношении неодушевленных предметов и животных ситуация меняется. В этих группах более популярны дисфемизмы, нежели эвфемизмы. Это можно объяснить, более спокойному отношению людей к животным и предметам. Наиболее характерные примеры в этих группах: *«a piece of shit of a car», «demonic creature» (про собаку), «junk» (про оборудование оператора)*. Про неудобную студию для записи видеороликов блоггер PewDiePie заявил: *«Don't want to spend another minute in this torture chamber» [6*]*. При разборе семейного конфликта, связанного с любовью жены к животным, Coach Corey Wayne дал мужу такой совет: *«If she likes to feed flying rats, let her do it [1*]»*. В данном случае, имелись в виду голуби, который блоггер презрительно назвал летающими крысами. К этой группе можно отнести огромное количество мемов на коронавирус,

где авторы даже не стараются подобрать эвфемизмы. Примером может служить мем с Риком из 3 серии 4 сезона анимационного сериала «Рик и Морти», который сосет леденец и произносит «*You son of b... I'm in [7*]*».

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что для создания мема и блога как форм Интернет-коммуникации, средства общения и самовыражения используются экспрессивные стилистические средства. Выражение личного отношения к окружающему миру, самовыражение являются основной целью создания мема и блогов. Статистический отчет об использовании дисфемизмов и эвфемизмов показывает, что в настоящее время преобладают негативные эмоции, все чаще пользователи пользуются отрицательной лексикой для выражения своего отношения к происходящему. Цензура в Интернете ограничивает авторов в использовании вульгарной и нецензурной лексики, однако, это позволяет авторам использовать «контекстуальные» дисфемизмы, которые могут иметь отрицательную коннотацию именно в данных случаях. Поэтому, несомненно, при анализе дисфемизмов важную роль играют контекст ситуации и экстралингвистические факторы общения. Корпус примеров, представленный для статистического анализа, собран методом сплошной выборки и ограничен авторским пониманием особенностей Интернет-коммуникации, что позволяет говорить о возможном дополнении и усовершенствовании представленной классификации и заменой более актуальных примеров.

Литература

1. Карташова Е.П., Ахмедзянова А.Р. Интернетмем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 3. С. 426-430. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-426-430
2. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. – 2013. №. 1. С. 113-115
3. Кронгауз М.А. Мемы в интернете: опыт деконструкции. М. Наука и жизнь, 2012.
4. Куралева Т.В. Самопрезентация как коммуникативная стратегия в английском диалоге // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам I междунар. научно-практич. конф. № 7 (50). Новосибирск: СибАК, 2015.
5. Кваскова 2016 – Кваскова Л.В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. 2016. №2.С. 352–357. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/disfemizatsiya-rechi-kak-kommunikativnayataktika-v-diskurse> (дата обращения: 07.06.2019).
6. Резанова 2008 – Резанова А.В. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 179 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/disfemiyav-angliiskom-yazyke-semanticheskie-mekhanizmy-ipragmaticheskie-funktsii>.
7. Чепорухина М.Г. К разграничению терминов «дисфемизм», «сленг», «вульгаризм» и «инвектива» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 4. С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-116-126>.
8. Катенева И.Г. Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник ЧелГУ. 2013. № 21 (312). С. 269–276. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/14689047> (дата обращения: 04.05.2019).

9. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 206 с.

10. Кацев А.М. Эвфемизмы и просторечие: семантический аспект // Актуальные проблемы семасиологии.- Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991.- С. 75-81

Список источников

1*<https://www.youtube.com/channel/UCQTAVxA4dNBCoPdHhX9nnoQ>

2*https://pbs.twimg.com/media/C2_wveNWgAI2zaf.jpg

3*https://imageproxy.ifunny.co/crop:x-20,resize:320x,crop:x800,quality:90x75/images/6e56c0fd227e89a9e6fd2682bbad66262d718f314aa924fbfb5eb0d74042cd21_1.jpg

4*<https://www.youtube.com/watch?v=2IKujUpzPq8>

5*https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&text=memes%20on%20it%27s%20a%20neutral%20gender%20bathroom&pos=7&img_url=https%3A%2F%2Ft-zine.gr%2Fwp-content%2Fuploads%2F2018%2F02%2Fgender-neutral-bathroom-1024x549.jpg&rpt=simage

6*<https://www.youtube.com/watch?v=GI-S9ThGIsM>

7*https://yandex.ru/images/search?text=mem%20on%20coronavirus%20i%27m%20a%20son%20of%20bitch&from=tabbar&pos=7&img_url=https%3A%2F%2Fsun9-49.userapi.com%2Fc855424%2Fv855424625%2F1db21a%2FNAXGxx_r-XM.jpg&rpt=simage

DYSPHEMISMS AS A MEANS OF SELF-REPRESENTATION

Ekaterina F. Bekh

Belgorod State National Research University

Ekaterina V. Seredina

Belgorod State National Research University

Abstract. The article is a valuable research devoted to the analysis of linguistic means, dysphemisms, using the examples from blogs and memes as the popular forms of Internet communication. The main purpose of the article is to describe the features of dysphemisms as linguistic means of self-expression in English-language forms of Internet communication. Particular attention is paid to the fact that nowadays for tense situation in the global world the main way to influence the mind of the reader is the use of vulgar language in order to draw attention and express a negative assessment of events in the world. The article attempts to present the classification of the language means based on the functions performed in the blog and meme. The article uses the method of discourse analysis, contextual analysis and pragmatic analysis. In conclusion, it is necessary to mention that negative vocabulary, namely, dysphemisms, allows expressing public discontent and censure, thereby drawing the audience's attention to urgent problems.

Key words: dysphemism, video blogging, meme, Internet communication, euphemism, vulgar language, stylistic means, creolized texts

Бех Екатерина Федоровна,

старший преподаватель

Белгородский государственный

национальный исследовательский

университет, кафедра английской

филологии и межкультурной коммуникации

e-mail: bekh@bsu.edu.ru

Ekaterina F. Bekh

senior lecturer

Belgorod State National Research

University, department of English

Philology and Intercultural

Communication

e-mail: bekh@bsu.edu.ru

Середина Екатерина Викторовна,
Доцент
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, кафедра английской
филологии и межкультурной коммуникации
тел.: +7 (910) 362 7211
e-mail: seredina@bsu.edu.ru

Ekaterina V. Seredina
associated professor
Belgorod State National Research
University, department of English
Philology and Intercultural
Communication
mobile:+7 (910) 362 7211
e-mail: bekh@bsu.edu.ru
e-mail: seredina@bsu.edu.ru

УДК: 372.811.161.1

ПОПУЛЯРНАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Брыгина А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В данной работе анализируется текст популярной итальянской легенды «Как гуси Рим спасли» в адаптации известного русского классика Льва Николаевича Толстого. Текст легенды был адаптирован для крестьянских детей школы, созданной писателем в Ясной Поляне. Текст исследуемой легенды трансформируется русским писателем с учетом социальных и возрастных характеристик реципиентов, однако обращение к первоисточнику на итальянском языке выявляет ряд характерных искажений текста, причина которых кроется, возможно, в дидактических идеях Толстого как реформатора системы образования. Трансформации, происходящие во вторичном тексте по сравнению с текстом оригинала вследствие переадресовки текста другому получателю, приводят к модификации коммуникативной цели. Вольная толстовская интерпретация легенды интересна с точки зрения проблемы взаимодействия языков и культур, однако данный сюжет, а точнее его новая версия, созданная Толстым, становится предметом споров и дискуссий в практике преподавания русского как иностранного: студенты (главным образом, итальянская аудитория), знакомясь с русской адаптацией Толстого своей известной легенды, испытывают чувства удивления, недоумения и некоторым образом культурного шока. Решение проблемы видится нам в создании вторичного учебного адаптированного текста для студентов-иностранцев, где исходным текстом становится рассказ-адаптация Льва Николаевича Толстого.

Ключевые слова: русский как иностранный, культурный шок, итальянская легенда, Как гуси Рим спасли, Лев Толстой, лингвокультурная адаптация, учебный вторичный текст, приемы адаптивования

Различные направления освещения темы адаптации в научной филологической литературе (переводческая, интердискурсивная, лингводидактическая адаптация) соотносятся с проблемой моделирования модификаций / трансформаций исходного текста, текста первоисточника. С.В. Ионова обращает внимание на то, что построение вторичной проекции текста-основы всегда сопровождается потерей определенного количества информации. Текстовые дериваты – это производные речевые произведения, одни из которых стремятся сохранить как можно более тесную связь со своей производящей основой, а другие нацелены на ее творческое развитие и изменение. [1]. Справедливо утверждение исследователей Н.М. Нестеровой и Ю.К. Поповой, что понятие вторичности текста в адаптации приобретает условный характер, поскольку смысл, рождаю-

щийся в ходе чтения текста с многоуровневой семантической структурой, субъективен и уникален, и в отличие от содержания он принадлежит к сфере личности, воспринимающей текст. Процесс порождения вторичного текста, таким образом, становится более «авторским», приобретая черты «первичности» [2, с.57]. Новая форма и содержание вторичного текста стремится либо к коммуникативной эквивалентности с текстом первоисточника, либо реализует новый коммуникативный план и приобретает черты гетероаллельной коммуникации: с одной стороны, сокращение, редуцирование исходного текста, с другой стороны, его расширение, добавление. А.Д. Швейцер, говоря о переводческой адаптации, обращал внимание на трансформации, происходящие в конечном тексте по сравнению с текстом оригинала вследствие переадресовки текста другому получателю, что не может не влиять на его модификацию коммуникативной цели, однако «модификация допустима лишь в известных пределах» [3, с.73].

В данной работе проанализируем текст популярной итальянской легенды «Как гуси Рим спасли» в адаптации известного русского классика Льва Николаевича Толстого. Текст легенды был адаптирован для крестьянских детей школы, созданной писателем в Ясной Поляне. Л.Н. Толстой издает журнал «Ясная Поляна», публикует книги «Азбука» и «Новая азбука» с оригинальными текстами, а также авторскими пересказами сказок и басен народов мира с целью просвещения детей, обучения их грамоте, точным наукам, истории культуры.

Текст исследуемой легенды трансформируется русским писателем с учетом социальных и возрастных характеристик реципиентов (крестьянские дети). Однако обращение к первоисточнику на итальянском языке выявляет ряд характерных искажений текста, причина которых кроется, возможно, в дидактических идеях Толстого как реформатора системы образования.

Интерпретация исходного текста и создание вторичного текста представителем иной лингвокультуры (в данном случае речь идет о Льве Николаевиче Толстом) являет собой пример достаточно вольного текстового деривата, меняющего содержательно-смысловую уровень текста первоисточника. Таким образом, вопрос о «доле модификации» исходного текста, о чем рассуждал А.Д. Швейцер, остается актуальной проблемой для адаптации: в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) студенты-иностранцы (главным образом, итальянцы), знакомясь с адаптацией Толстого своей известной легенды, испытывают чувства удивления, недоумения и некоторым образом культурного шока.

Итак, студенты продвинутого уровня владения языком (B1-B2) знакомятся с русской версией своей знаменитой легенды. Далее приведем полный текст версии легенды «Как гуси Рим спасли» Льва Николаевича Толстого:

В 390-м году до р. Х. дикие народы галлы напали на римлян. Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из города, а которые заперлись в кремле. Кремль тот назывался Капитолий. Остались только в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только кремль — Капитолий, куда не могли добраться галлы. Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны, были стены и ворота, а с другой был крутой обрыв. Ночью галлы украдкой полезли из-под обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу колья и мечи. Так они потихоньку взобрались на обрыв, ни одна собака не услышала их. Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали и захлопали крыльями. Один римлянин

проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда сбежались римляне и стали кидать бревна и камни под обрыв и перебили много галлов. Потом пришла помощь к Риму, и галлов прогнали. С тех пор римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся, а за ним на веревке тащат собаку. И народ подходит к гусю и кланяется ему и жрецу: для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тех пор, пока она не издохнет [1].*

Для сравнительного анализа русской версии и исходного текста, итальянская студентка Эва Винченцы (уровень С1) перевела и пересказала на русский язык анализируемую легенду, которую в Италии учащиеся изучают в школе, делая перевод с латинского на итальянский.

Данный текст был подготовлен Эвой по материалам итальянского сайта [2*]:

Легендарное событие, о котором повествует Лев Толстой в рассказе «Как гуси Рим спасли» случилось на Капитолийском холме в 390-ом году до нашей эры. Рим находился в осаде галлов во главе с Бренно. Многие римляне бежали из города, а оставшиеся жители укрылись на холме. Галлы собирались ночью проникнуть в убежище римлян.

На Капитолийском холме стоял священный храм Юноны, где жили священные гуси богини. После долгой осады римляне начали страдать от голода, и было сильным искушением убить гусей, которые свободно бродили по холму. Но римляне не осмелились так сделать из-за страха перед богиней.

Однажды ночью, как гласит легенда, бывший консул Марко Манлио, услышав гоготание гусей, немедленно встал и побежал к стенам крепости. Здесь он столкнулся с галльским солдатом, который вместе с остальными солдатами карабкался по стенам. Началась драка.

Гуси продолжали издавать громкие звуки и разбудили всю армию, которая бросилась на помощь Марко Манлио. Так благодаря гусям римляне спасли свой город.

Процесс создания вторичного (адаптированного) текста складывается из комбинации цитируемых и трансформируемых фрагментов. Цитация – это дословное сохранение авторского текста. Трансформация, соответственно, – изменение авторского текста. Приемы замены, редукции, исключения, добавления являются различными способами трансформации (адаптации) текста. Замена – это комплексная речемыслительная операция адаптивования, раскладывающаяся на простейшие: исключение и дополнение.

Сравнивая два текста, мы обнаруживаем ряд сходств и отличий. Прием цитации (то есть сохранение текстовых элементов первоисточника) распространяется на такие сюжетобразующие фрагменты, как: дата описываемого исторического события (390-ый год до н.э.), место действия (Капитолийский холм), главные действующие лица (римляне, галлы, гуси); прием исключения наблюдаем в тех случаях, когда страноведческая информация, с точки зрения Льва Николаевича, становится излишней для детей, обучавшихся в яснополянской школе: имя консула Марко Манлио, храм богини Юноны, страх римлян перед богиней, которые не осмеливались несмотря на голод есть священных птиц богини – гусей. Изменение сюжетной линии происходит не только из-за исключений, опущений некоторых деталей исходного текста, но также вследствие дополнений, которые Лев Николаевич привносит в свою адаптацию: ежегодное празднование освобождения города (жрецы несут гуся – народ кланяется жрецам и гусю), а также эпизод о том, что люди бьют собак, поскольку они не предупредили жителей Рима о врагах, которые ночью пробрались в спящий город. Если исключения действу-

ют как мягкая сила, несущественно видоизменяют сюжетное пространство первоисточника, то дополнения искажают сюжет исходного текста и агрессивно его трансформируют. Какова цель таких дополнений? На наш взгляд, русский писатель и педагог таким образом учил детей: собака должна служить человеку на охоте, в быту. Если она не охраняет дом – это плохая собака – такой вывод должны были сделать дети, читающие историю в книге «Азбука» Льва Толстого. Однако такой поворот сюжета, предлагаемый русским писателем, студенты-иностранцы воспринимают неоднозначно, на уроках обычно разгорается дискуссия о том, правомерно ли такое отношение к животным. Вот цитата из сочинения студентки Андре Стефании Панаите из Италии: *«Римская легенда, пересказанная Львом Толстым, похожа на легенду, популярную в Риме, однако одна сюжетная деталь отличается: в легенде, рассказываемой в Италии, не сказано, что «собаку горожане бьют палками». Римляне всегда считали собак хорошими и полезными животными, особенно для охоты. Даже если они не разбудили римлян в тот день, никто не станет плохо обращаться с ними! Сегодня в Италии нет ни традиции благодарить гусей, ни бить собаку, это стало просто историей. Эту историю изучают итальянские дети в школе. И также эта легенда популярна в Риме, особенно в районе Лацио».*

Решение проблемы видится нами в трансформации (адаптации) текста Льва Николаевича для иностранных студентов, изучающих русский язык. Трансформацию исходного сообщения с целью предотвращения культурного шока называют процессом межкультурной адаптации исследователи И.И. Валуйцева и Г.Т. Хухуни [4]. Вторичный текст, моделируемый преподавателем для учебных целей на основе первоисточника, – пример лингводидактической адаптации.

Целевая аудитория (инострантные студенты начального и среднего этапа, изучающие русский язык) диктует следующие принципы адаптирования:

1) исключение искажающих исходный сюжет фрагментов для предотвращения культурного шока (эпизоды о собаках и о празднике);

2) замена с целью деархаизации стиля учебного текста, выбор лексических единиц активного словаря студента (*ни одна собака не услышала их => ни одна собака не услышала их; взобрались на обрыв => полезли со стороны обрыва; сбил под обрыв одного галла => сбросил одного галла вниз со стены*);

3) добавления с целью уточнения, конкретизации содержательно-смысловой основы текста (*до р.Х. => до Рождества Христова*).

Далее предлагаем лингводидактическую адаптацию рассказа русского классика, сделанную для студентов-иностранцев, изучающих русский язык и желающих познакомиться с уже известным сюжетом на изучаемом языке в интерпретации писателя. Из предлагаемой версии исключены сюжетные фрагменты, привнесенные в русский вариант легенды, о которых речь шла выше. Однако добавлять эпизод о богине Юноне из исходного текста по причине того, что это часть сюжета первоисточника, представляется нам некорректным, поскольку учебная адаптация для студентов РКИ – это чтение произведения, прежде всего, Л.Н. Толстого, чей текст становится первоисточником для дальнейших пересказов, дискуссий, интерпретаций. Наша задача – стремиться сохранить исходный текст, исключив только те моменты из истории Толстого, которые являются дискуссионными с позиции межкультурной коммуникации. Получившийся вариант адаптации был предложен группам иностранцев начального и среднего уровня владения языком (А2-В1):

Как гуси Рим спасли

В далекие времена до Рождества Христова галлы пришли завоевать Рим.

Римляне убежали из города, остались в городе только сенаторы.

Галлы вошли в город, убили всех сенаторов и сожгли Рим. В центре Рима оставался только Кремль – Капитолий, куда не могли добраться галлы.

Галлы хотели разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой стороны был обрыв.

Ночью галлы, когда в Капитолии все спали, ползли со стороны обрыва на Капитолий: они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копы и мечи. Они так тихо передвигались, что ни одна собака не услышала их.

Но когда галлы залезли на стену Капитолия, гуси почували чуждой народ, загоготали и захлапали крыльями.

Один римлянин проснулся, побежал к стене и сбросил одного галла вниз со стены. Галл упал и свалил за собою других.

В этот момент проснулись и прибежали другие римляне и стали бросать в галлов бревна и камни и так убили много галлов. Потом пришла военная помощь в Рим, и галлы ушли из города.

Трансформации в учебном вторичном адаптированном тексте необходимы по причине того, что текст оригинала в условиях процесса обучения языку и с учетом определенных коммуникативных учебных целей и уровня владения языком является мало-доступным, непонятным и некоторым образом затруднительным элементом коммуникации. Операция замены преследует цель устранить все, что затрудняет восприятие текста, и при этом создать адекватный, доступный пониманию, то есть коммуникативно успешный адаптированный вариант. Элементы замены, исключение и дополнение, которые в тексте оригинала определим через понятия «недостаточность» и «избыточность» формы и содержания с точки зрения реципиента, стремятся к своей противоположности: недостаточность требует расширения и дополнения формы и содержания (*до р.Х. => до Рождества Христова; пришла помощь => пришла военная помощь*), а избыточность, соответственно, редуцирования, сокращения, исключения (*С тех пор римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся => – ; Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из города, а которые заперлись в кремле => Римляне убежали из города, остались в городе только сенаторы*). Так действуют и взаимодействуют две тенденции адаптивирования, направленные на создание гармоничного, коммуникативно успешного текста.

Текстовые компоненты, относящиеся к смысловой доминанте текста, – это лексические опоры, которые не могут быть заменены на любые другие лексические эквиваленты без искажения смысловой основы текста. Лексическими опорами в тексте являются имена действующих лиц, их социальный статус, место действия (*Рим, Капитолий, галлы, римляне, сенаторы, гуси*). Данные текстовые компоненты переходят из оригинального текста в адаптированный без изменений (прием цитации), даже если они не относятся к активному словарю студента.

Учебный адаптированный художественный текст для иноязычной аудитории, с одной стороны, сохраняет элементы оригинального текста, а с другой стороны, трансформирует текст-первоисточник согласно целям и задачам обучения, вследствие чего достигается большая коммуникативная успешность по сравнению с текстом оригинала, возрастает его учебно-познавательная ценность [5, с.185].

Адаптированный учебный вариант, сочетая в себе элементы цитации и замены, становится коммуникативно успешным текстом для конкретной целевой аудитории, он выполняет следующие функции:

- сокращение объема произведения;
- устранение трудностей понятийного, страноведческого характера;
- упрощение смысловой структуры текста;
- уточнение, конкретизация содержательно-смысловой основы текста;
- формирование четкой и динамичной сюжетной линии;
- снятие лексических и грамматических трудностей;
- расширение диапазона послетекстовых коммуникативных заданий, создание новых речевых ситуаций;
- повышение степени заинтересованности, внимания, мотивации студентов.

Процесс адаптации художественного текста для учебных целей может принимать различные формы согласно определенным целям и задачам трансформации, однако в процессе лингводидактического адаптирования литературного текста выявляются следующие тенденции: сохранение и, одновременно, изменение содержательно-языковой структуры текста оригинала за счет синонимов, лексических и грамматических мен с опорой на активный словарь реципиента (*в середине Рима => в центре Рима; кидать бревна => бросать бревна; сбил под обрыв одного галла => сбросил одного галла вниз со стены*); частичное сохранение стилистической окраски текста оригинала при возможном изменении эмоционально-оценочного компонента значения слов (*дикие народы галлы напали на римлян => галлы пришли завоевать Рим*).

Вопрос о деархаизации учебной версии – тема деликатная. (*Стали кидать бревна и камня под обрыв => стали бросать в галлов бревна и камни; услышала => услышала*). С одной стороны, задача преподавателя, адаптирующего текст, максимально сохранить стилистику аутентичного текста, с другой стороны, студент-иностранец изучает современный русский язык, он хочет говорить по-русски и хочет знакомиться, прежде всего, с речевыми нормами и образцами сегодняшнего дня. Читая тексты Льва Толстого на уроках РКИ, иностранцы часто задают вопрос: А сейчас так говорят? Думается, что, соблюдая дидактический принцип «от простого к сложному», следует на начальном и среднем этапе обучения начинать с адаптированной версии, а на продвинутом этапе переходить к тексту оригинала. Необходимо также обеспечить постепенное погружение обучающихся в язык и культуру: начинать с лексического минимума, расширяя его за счет лексических единиц нейтрального стиля речи, и постепенно вводить стилистически окрашенные варианты и архаические единицы речи. У А.Д. Швейцера находим упоминание о книге Т. Сейвори «Искусство перевода» и, в частности, о парадоксах перевода: перевод должен передавать слова оригинала – перевод должен передавать мысли оригинала, перевод должен читаться как современный переводчику – перевод должен читаться как современный оригиналу, перевод вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него, перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить [Сейвори 1952, цит. По 3, с19]. Процесс адаптации – это выбор и принятие сформулированных переводческих парадоксов. Адаптивная способность слова дает возможность создавать релевантные тексты для той или иной целевой аудитории, она определяет степень успешности процесса коммуникации.

Художественный текст в учебной иностранной аудитории имеет особую ценность благодаря вовлечению иностранного читателя в межкультурный диалог, одновременно с которым происходит обогащение не только фоновых знаний реципиента, но и культурной составляющей его личности. Это позволяет художественному тексту занимать

лидирующие позиции в процессе учебно-познавательной деятельности. Стоит также отметить, что именно художественная литература, вовлекая читателя в мир богатой, правильно построенной речи, способна доставить эстетическое удовольствие. Наличие чувственного восприятия предмета способствует его запоминанию, что, в свою очередь, делает процесс обучения более эффективным.

Создавая русскую версию римской легенды и включая ее в букварь для детей Яснополянской школы, Лев Николаевич способствовал приобщению людей русской крестьянской культуры к культуре западно-европейской, осуществлял то, что мы сейчас называем «диалогом культур». С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Война и мир языков и культур» ссылается на определение, данное профессором Московского университета В.В. Мионовым: «Диалог культур – это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих... сопоставляя иную и свою культуры, я необходимым образом понимаю ценность и своеобразие собственной культуры» [6, с.17].

Вопрос о степени вольности адаптации – тема, которая также вызывает дискуссии среди методистов-практиков, преподавателей иностранных языков. Текст Л.Н. Толстого можно расценивать и как искажение первоисточника, и как авторскую интерпретацию, самовыражение через текст, взгляд на свою национальную культуру через призму культуры другой. Бережное отношение к исходному тексту и, одновременно, желание раскрыть его в новом пространстве и времени, для новых читателей, что влечет за собой осуществление трансформаций различного характера, поднимает вопросы этического и эстетического характера. Мы точно не можем реконструировать, какой именно эффект имел тот или иной значимый в культуре текст на своих первых читателей, а если бы это и было известно, то все равно мы бы не смогли воспроизвести тот же самый эффект в совершенно иной среде, в новых современных условиях. Единственное, что можно стараться сделать, так это то, чтобы сегодняшнее прочтение текста не противоречило авторскому замыслу и было уместно для современного читателя, находило отклик в его сердце.

Для меня самым ценным и неожиданным отзывом о курсе по чтению русской литературы было услышать от американской студентки, которая никогда раньше не читала произведения Л.Н. Толстого и не слышала римскую легенду о гусях, что она, как только представится возможность путешествовать, поедет в Рим, тот самый древний город, который много веков назад спасли гуси.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема выбора включения (цитирования) или опущения (исключения, редукции) тех или иных фрагментов исходного текста в адаптированный вариант, а также внесение добавлений, уточнений и замен, – вопрос, требующий не только теоретического осмысления и практических разработок алгоритмов работы с адаптированными текстами, но и вопрос наблюдения за воздействием на конкретную аудиторию того или иного текста, являющегося культурным наследием другого народа, который открывает перспективы дальнейшей работы с данными текстами.

Литература

1. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. URL: <https://textarchive.ru/c-1518848.html> (дата обращения: 06.01.2021).

2. Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики, издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, № 4, 2017. С.52–61.

3. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
4. Валуицева И.И., Хухуни Г.Т. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 171 с.
5. Брыгина А.В. О проблеме адаптации художественных текстов для учебных целей // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, издательство Московского государственного университета, № 3, 2020. С. 180–187.
6. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: (Учеб. пособие). М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

Список источников примеров

- 1*. Толстой Л.Н. Как гуси Рим спасли. URL: <https://vsebasni.ru/tolstoi/kak-gusi-rim-spasli.html> (дата обращения: 06.01.2021).
- 2*. Студенческий портал по переводу. URL: <http://studentincrisi.altervista.org/joomla/versioni-di-latino/1013-livio-le-ocche-del-campidoglio.html> (дата обращения: 06.01.2021)

A POPULAR ITALIAN LEGEND AS AN OBJECT OF LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION

Anna V. Brygina
Lomonosov Moscow State University

Abstract. This paper aims to analyze the text of a popular Italian legend “How the Geese saved Rome” adapted by the famous Russian novelist Leo Tolstoy for the peasant children of the Yasnaya Polyana school he had founded. The text of the legend was translated by the Russian classic taking into account the social and age characteristics of the recipients, but the reference to the original Italian source reveals a number of characteristic distortions of the text, the reason for which lies, perhaps, in the didactic ideas of Tolstoy as a reformer of the education system. These changes found in the Russian text in comparison with the original one happen due to a new recipient and, thus, result in the modification of a communicative goal. Tolstoy’s free interpretation of the legend is interesting from the point of view of the problem of interaction between languages and cultures, and his version provokes discussions among teachers and foreign students studying Russian. Being acquainted with Tolstoy’s adaptation of the famous Italian legend, students (mostly Italian) feel surprise and bewilderment and even experience cultural shock. The paper offers a possible solution of the problem – to create a secondary educational adapted text for foreign students, where the source text is the adaptation written by Leo Tolstoy.

Key words: Russian as a foreign language, culture shock, Italian legend, How the Geese saved Rome, Leo Tolstoy, linguistic and cultural adaptation, educational secondary text, adaptation techniques

Брыгина Анна Владимировна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
Кафедра лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В.Ломоносова
тел.: +7 (926) 073 9362
e-mail: anna.brygina@mail.ru

Anna V. Brygina
PhD in Philological sciences, senior lecturer
The Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communications of The Foreign Languages and Area Studies Faculty
mobile: +7 (926) 073 9362
e-mail: anna.brygina@mail.ru

КОНКУРС ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Бубнова А.С.

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Аннотация. В статье описывается опыт проведения студенческого конкурса письменного перевода в рамках молодежной конференции, проходившей в Нижегородском государственном лингвистическом университете в ноябре 2020 года. Анализируются мнения, впечатления и отзывы конкурсантов и членов жюри (преподавателей перевода и представителей переводческих компаний). Рассматриваются наиболее распространенные смысловые ошибки, допущенные конкурсантами. На основе анализа конкурсных работ и отзывов конкурсантов и членов жюри делается вывод о необходимости проведения конкурсов письменного перевода как средства формирования у студентов профессиональных навыков. Доказывается необходимость специальной подготовки студентов к конкурсам перевода и подчеркивается необходимость и важность проведения в рамках конкурса сессий обратной связи членов жюри с конкурсантами. Выделяется две больших группы ошибок, допущенных конкурсантами: буквализмы и буквализмы в сочетании с агноними. Объясняется, как работать над устранением ошибок такого рода. Делается вывод о том, что даже одна ошибка может стать роковой для глобального смысла текста и, соответственно, для общей оценки качества перевода.

Ключевые слова: конкурс перевода, буквализмы, агнонимы, критерии оценки, ошибки в переводе, профессиональные навыки, глобальный смысл текста

Конкурсы письменного перевода проводятся постоянно: как на локальном уровне (в каждом вузе, готовящем переводчиков), так и в региональных и национальных масштабах. Это, например, Черноморский конкурс письменного перевода, Международный конкурс письменного перевода «Arctic Transfer», конкурс молодых переводчиков «Sensum de Sensu», организуемый Санкт-Петербургским отделением Союза переводчиков России, и многие другие [1, с.15].

Как и ряд других работ, посвященных итогам таких конкурсов, данная статья имеет целью проанализировать типичные ошибки, попытаться объяснить, почему они были допущены и предложить пути, как сделать так, чтобы впредь их не было совсем или было меньше. Анализ переводческих ошибок – это «анализ отрицательных переводческих прецедентов, в ходе которых у обучаемых должен постепенно быть выработан иммунитет к наиболее типичным и грубым ошибкам» [2, с.35]. В ходе профессиональной подготовки переводчиков критический анализ переводов – как чужих, так и собственных – должен занимать особое место. Будущих переводчиков необходимо учить тому, как объективно и грамотно оценивать качество перевода, выявлять его сильные и слабые стороны, находить возможные ошибки. Поэтому одной из актуальных задач в подготовке переводчиков является обучение критическому анализу переводов и выявлению ошибок, допускаемых в них [3, с.272]. Но кроме того, хотелось бы сказать несколько слов также о том, как сделать так, чтобы по итогам конкурса не только не было допущено переводческих ошибок, но и разочарований у всех участников было меньше.

В любом студенческом конкурсе задействовано три стороны: сами участники, преподаватели перевода, занимавшиеся подготовкой этих участников, и жюри. И каждая из сторон питает определенные надежды: участники и преподаватели стремятся к победе,

жюри волнуется, что будет трудно выбрать лучший перевод. На деле же нередко оказывается так, что результаты конкурса не оправдывают ничьих ожиданий: студенты и преподаватели рассчитывают на призовые места, но в число призеров не входят, а жюри расстроено тем, что выбирать приходится лучших из худших.

В данной статье качестве исследуемого материала были взяты работы, представленные на конкурс письменного перевода по французского языка, организованный в рамках Молодежной научно-практической конференции «Перевод как фактор развития науки и техники», проходившей в Нижегородском государственном лингвистическом университете с 16 по 19 ноября 2020 г.

Всего на конкурс было представлено 20 работ из 11 российских университетов. В состав жюри (7 человек) входили практикующие переводчики: трое независимых переводчиков, двое переводчиков, ведущих занятия в университете, а также двое штатных преподавателя перевода. На конкурс был предложен следующий текст (объем – около 2000 знаков):

SFT – Covid-19: les prestataires ne sont pas des variables d'ajustement par Comité Directeur

COMMUNIQUÉ DE PRESSE

La crise sanitaire que nous traversons est source d'inquiétudes, notamment pour la santé économique des petites entreprises et des professions indépendantes. À ce titre, la Société française des traducteurs (SFT), syndicat français des métiers de la traduction et de l'interprétation, tient à rappeler que les prestataires et les petites entreprises ne sauraient être des variables d'ajustement.

Les délais de paiement sont strictement encadrés par la loi. En France, le délai de paiement entre entreprises est fixé par principe au 30e jour suivant l'exécution de la prestation et ne saurait dépasser 60 jours à partir de la facturation (ou 45 jours fin de mois). La fixation de ce délai résulte de négociations entre les prestataires et leur clientèle et ne saurait en aucun cas être imposée unilatéralement par cette dernière.

De même, certaines grandes entreprises arguent de la situation actuelle pour obtenir de leurs prestataires des baisses de tarifs comprises entre 10 % et 20 %. Ces prestataires sont bien souvent de très petites entreprises déjà fragilisées par la crise actuelle et par le ralentissement de l'activité, qui se répercutent sur leur carnet de commandes. Là aussi, il n'appartient pas aux entreprises clientes de fixer les tarifs des prestations qu'elles achètent.

L'État a mis en place des aides pour les entreprises en difficulté. La crise sanitaire actuelle ne saurait donc en aucun cas justifier de telles pratiques injustes et abusives, voire illégales.

Par ailleurs, la SFT tient également à saluer l'initiative de clientes et de clients qui ont proposé de payer leurs prestataires plus rapidement. Dans cette situation difficile pour toutes les entreprises, la SFT appelle chacun et chacune à faire preuve de solidarité et de respect. Car c'est ensemble que nous pourrions traverser cette crise.

При выборе текста жюри руководствовались следующими соображениями:

- текст интересен с точки зрения трудового законодательства и защиты отрасли: отстаиваются как права работника вообще, так и права переводчиков в частности;
- затрагивается тема COVID-19, что по-прежнему актуально в силу эпидемиологической ситуации;
- предвосхищение возникновения аналогичных ситуаций на рынке труда в будущем – стремление работодателя решить экономические трудности за счет работников (в данном случае – через попытки снизить размер оплаты труда переводчиков). Для студентов важно научиться отстаивать свое право на справедливую оплату труда.

Думается, что не стоит напоминать, что конкурс – это состязание студентов в применении знаний, умений и навыков по письменному переводу. Проверка конкурсных работ показала, что, к сожалению, 80% участников пошли одним и тем же самым простым путем – применяли буквальный перевод и пытались не узнать, а угадать, в результате работы получились почти одинаковыми.

Еще до проведения конкурса члены жюри отметили фрагменты, которые потенциально могли представлять трудность для конкурсантов. Эти ожидания конкурсанты не только оправдали, но и превзошли: количество прогнозируемых трудностей гораздо меньше реально возникших.

Ожидания/прогнозируемые трудности:

1. Возникнут проблемы с поиском эквивалента для *variables d'ajustement* – опасения, что конкурсанты не пойдут дальше словарных эквивалентов.

2. Конкурсанты догадываются, что под *prestataires* имеются в виду «переводчики», но применяет ли прием конкретизации?

3. Возможно копирование синтаксически перегруженных фраз (без попыток «облегчить» за счет скобок, например) вплоть до последней запятой.

Непредвиденные трудности:

1. 80% конкурсантов не стали конкретизировать *prestataires* и выбрали в лучшем случае гипероним «поставщик услуг», в худшем – «провайдер».

2. Конкурсанты не поняли разницу и не стали устанавливать различия между такими терминами, как «условия платежа», «сроки платежа», «отсрочка платежа», «задержка выплаты заработной платы», «сроки исполнения платежей», «сроки по платежам», «сроки взаиморасчетов». Все перечисленное – это варианты перевода *délais de paiement*.

3. Конкурсанты не чувствуют внутреннюю логику текста и переводят слова-коннекторы по первому словарному эквиваленту: раз по-французски написано «*car*», значит, по-русски должно быть «потому что», в независимости от того, в какой части предложения расположен этот коннектор и как связаны между собой части текста, которые он соединяет.

4. Конкурсанты не знали и не попытались установить разницу между такими терминами, как «самозанятый», «индивидуальный предприниматель», «лица свободных профессий», «фрилансер», «внештатный работник», «независимые профессиональные организации», «удаленная работа». Все это варианты перевода *professions indépendantes*.

5. Перевод прилагательного *abusif (pratiques abusives)* почему-то вызвало трудности: «оскорбительный», «порочный», вместо более приемлемых в данном контексте «неоправданный», «необоснованный».

6. Наречие *plus rapidement (payer leurs prestataires plus rapidement)* также неожиданно оказалось сложным для интерпретации и перевода: «оплачивать заранее», «досрочно оплачивать услуги», «ускоренный прием оплаты для исполнителей», «выплатить заработную плату их исполнителям в ближайшее время», «оплачивать быстрее оказанные услуги четко по графику», «приветствует любую помощь клиентов, в виде быстрой оплаты услуг своих специалистов».

7. Многие конкурсанты не стали конкретизировать выражение *mettre en place (L'État a mis en place des aides pour les entreprises en difficulté)*. В данном случае это имело большое значение, поскольку *государство разработало план помощи/утвердило меры поддержки* и *государство оказывает помощь* – это разные вещи, и выбор эквивалента серьезно влияет на логику изложения и аргументацию текста оригинала. Более

того, встречались варианты *Франция оказывает помощь ...*, что уводит уже совсем в другую сторону: получается, что речь идет о какой-то международной помощи.

Глобально допущенные ошибки можно объяснить влиянием двух факторов: 1) буквализм 2) агнонимия, связанная с ограниченным кругозором и нежеланием/неумением искать информацию. И если первый фактор можно интерпретировать как в отрицательном, так и в несколько положительном ключе, то второй, конечно, только в отрицательном.

Буквализм – самый простой способ «переводить», доступный абсолютно любому человеку, изучавшему иностранный язык в школе или на курсах. Именно это явление создает опасную иллюзию, что переводу не надо учиться – просто бери словарь и переводи. Такой подход и приводит к тому, что на выходе мы имеем дело с текстами, где ругаются и разваливается буквально все: от внутренней логики до общего смысла.

Если рассматривать студенческий буквализм в более позитивном ключе, то можно предположить, что он объясняется большим уважением, которое студенты питают к печатному слову: один авторитетный автор (текста оригинала) употребил некое слово, другой не менее авторитетный автор (составитель словаря) утверждает, что оно переводится вот так. Студенту просто не хватает смелости возразить и предложить свой вариант, поскольку в этом случае ему придется брать ответственность на себя, а так у него всегда два аргумента и двое «виноватых»: «тут так написано» (про текст оригинала) и «так написано в словаре». Следовательно, нам, преподавателям перевода, необходимо помимо прочего учить студента набираться смелости и не бояться пойти наперекор словарю. Подобно тому, как начинающий пловец, чтобы поплыть, должен отпустить спасательный круг, студент должен «отпустить» словарь.

Но если на первый фактор – тягу к буквализму и преклонение перед словарем – преподаватель может как-то повлиять через различные упражнения и тренинги, то второй фактор – ограниченный кругозор – увы, от него не зависит. Никто не может заставить человека быть любознательным, интересоваться всем и вся, постоянно расширять свои познания в разных областях. На занятиях по переводу раскрывается механизм, как это все следует делать, но эрудиция – это не навык, ей нельзя обучить, ее приобретают. Причем приобретают исключительно добровольно и осознанно.

Ввиду того, что допустимые объемы статьи и количества допущенных ошибок обратно пропорциональны, мы ограничимся разбором указанных двух типов ошибок: буквализмов и сочетания буквализмов с агнонимами.

Буквализмы

Ярчайшим примером буквализма, причем такого, что переводной текст в принципе лишается какого бы то ни было смысла, стал перевод термина *prestataire*. Дело в том, что автор оригинала представляет переводчика как одну из сторон договора об оказании услуг, поэтому и называет его *prestataire – исполнитель*. Если бы мы переводили договор об оказании услуг, то остановиться на варианте *исполнитель* было бы вполне оправданным решением: в договорах такого типа действительно одна сторона – заказчик/клиент, а другая – исполнитель. Но поскольку в данном случае речь идет не о договоре, выбрав обезличенного *исполнителя/подрядчика/провайдера/поставщика*, конкурсанты выхолостили текст. Получилось, что Общество переводчиков Франции радеет за каких-то никому не известных *исполнителей/подрядчиков/провайдеров*, занимающихся неизвестно чем. Более того, эта ошибка сделала все переводные тексты практически одинаковыми, и, поскольку стало не понятно, о чем вообще идет речь, все остальные ошибки потеряли какое бы то ни было значение. По этой причине работы, в которых слово *prestataire* было передано иначе, чем *переводчик*, сразу отбраковыв-

вались. Думается, это типичный случай проявления так называемого переводческого языка (*translatese*), который формируется не только из неоправданных калек с чужих оборотов, но и из недоиспользования арсенала родного языка [4, с.228].

Во многих случаях, проблема обозначилась еще в заголовке. Как и ожидалось, синтаксическая структура заголовка была воспроизведена в точности как в оригинале: и тире, и двоеточие остались на своих местах. Копирование синтаксической структуры – само по себе достаточно спорное решение, а в заголовке особенно, учитывая существенную разницу в структуре предложения в русском и французском языках и длину слов.

На копирование структуры наложились неверный выбор эквивалента для *prestataires*, попытка внедрить самодельную аббревиатуру или оставить неизвестную русскоязычному реципиенту оригинальную единицу, а также непонимание/неверный способ передачи смысла выражения *variables d'ajustement*. В результате вместо исходного емкого информативного заголовка *SFT – Covid-19: les prestataires ne sont pas des variables d'ajustement* получилось нечто не только весьма аморфное, но и искажающее смысл. Приведем лишь несколько примеров: «*ФОП – Covid-19: против изменения ставок оплаты поставщикам услуг*», «*ОПФ – Ковид-19: провайдеры услуг не готовы к изменениям в системе расчета*», «*SFT – COVID-19: поставщики услуг не должны подстраиваться под новый ритм*», «*SFT – Covid-19: поставщики не могут решить проблемы государственных финансов*» и др.

Заголовок победителя конкурса тоже был, мягко говоря, неидеален, но свои минимальные функции выполнял – верно информировал получателя перевода о содержании текста: «*Французское Общество Переводчиков (ФОП) – COVID-19: Переводчики не хотят снижения оплаты своего труда*».

Остается загадкой, почему конкурсанты, за редким исключением, побоялись в данном случае применить прием конкретизации и вместо гиперонима «поставщики» (по сути любое юридическое или физическое лицо, поставляющие товары или услуги заказчиком) использовать гипоним «переводчик». Использование гипонима сразу сделало бы заголовок более информативным, даже если бы остались непонятные аббревиатуры и исходный синтаксис с. Почему было не попробовать взять в качестве рабочего варианта, например, такой: «*Общество переводчиков Франции: коронавирус – не повод отрываться на переводчиках?*»

Как уже отмечалось, дело тут не только в том, что заголовок в переводах превратился в нечто несуразное. Большинство переводчиков и в тексте дальше «поставщиков» и «подрядчиков» не пошли. И в итоге весь текст получился непонятно о чем: Общество переводчиков Франции печется о каких-то поставщиках и подрядчиках, которым крупные компании пытаются урезать гонорары.

Буквализмы в сочетании с агнонимами

Еще один момент, который огорчил всех членов жюри, – это перевод словосочетания *crise sanitaire* (*La crise sanitaire que nous traversons est source d'inquiétudes...*). Конкурсанты вновь оказались не в силах противостоять искушению применить буквальный перевод. Ведь все очевидно: по-французски *crise sanitaire*, а по-русски *санитарный кризис*, зачем зря голову напрягать?

Это выражение хочется отнести к классу «ложно-очевидных»: по отдельности все слова вроде бы понятны, и в языке перевода они есть, а о том, что в целом выходит, переводчики-конкурсанты думать не стали. А ведь достаточно составить запрос в кавычках в любой поисковой системе – Яндекс или Google –, и мы увидим, что первое, что выходит на «санитарный кризис», – это сообщения от Всемирной туалетной организации и статьи про санитарный кризис Средневековья. Все остальное – это переводные

статьи зарубежных изданий, т.е. такое же бездумное автоматическое воспроизведение ложно-очевидного выражения.

По-русски «санитарный кризис» затрагивает скорее вопросы гигиены и быта, в то время как французское определение содержит понятие «событие», что указывает на эпидемию или пандемию: *Les crises sanitaires sont des évènements touchants réellement ou potentiellement un grand nombre de personnes, affectant la santé, et pouvant éventuellement augmenter le facteur significatif de mortalité ou surmortalité.*

Немногим лучшим был вариант *кризис (системы) здравоохранения* – тут невольно возникает мысль, что на конкурсантов повлияла ситуация в собственной стране, и они распространили наши реалии на весь остальной мир. В тексте оригинала речь идет не об этом. Приведем несколько примеров из конкурсных работ (авторская орфография и пунктуация сохранены – А.Б.): 1) *Текущий кризис здравоохранения вызывает беспокойства по поводу экономического состояния малого бизнеса и лиц свободных профессий.* 2) *Нынешний кризис в области здравоохранения является источником возникновения опасений, в частности, за экономическую стабильность малых предприятий и представителей независимых профессий.* 3) *Кризис в области здравоохранения, который мы переживаем является в данный момент одной из главных причин беспокойства о состоянии малого бизнеса и удаленной работы в экономической области.*

Остается только выразить сожаление, что «санитарный кризис» и «кризис здравоохранения» оказались для конкурсантов агнонимами (лексическая или фразеологическая единица языка, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям). К несчастью, *санитарным кризисом* дело не ограничивается: для отдельных конкурсантов агнонимами оказались и многие другие слова.

Подводя итоги и обобщая все вышесказанное, хочется привести две цитаты. Первая – председателя оргкомитета петербургского конкурса перевода *Sensum de Sensu-2018* члена правления Союза переводчиков России Павла Брука: «Одно из качеств общей культуры – это желание разобраться, если ты чего-то не понимаешь. <...> я этого желания не вижу» [5].

Вот и члены жюри данного конкурса этого желания, к большому сожалению, не увидели: конкурсанты не знали (что простительно) ряд терминов, но при этом не попытались выяснить (что непростительно), что они означают, а приняли первый словарный эквивалент или положились на собственное чутье (что могло бы быть оправдано в определенной ситуации у опытных переводчиков, но никак не у начинающих).

Вторая принадлежит одному из участников группы «Грустные переводы» в социальной сети Facebook: «Есть все-таки профессии, в которых никакие знания не бывают лишними. Учитель, журналист и, конечно, переводчик» [6]. Действительно, плотнику или хирургу может и ни к чему знать, чем каплун отличается от пулярки, но переводчику, который сопровождает делегацию во французский ресторан, такие знания пригодятся. Интересоваться всем подряд – качество, без которого трудно стать профессиональным переводчиком.

Во время сессии обратной связи с членами жюри многие участники данного конкурса говорили, что текст в целом показался им понятным и не таким уж сложным, и именно поэтому они с нетерпением ждали объявления результатов, надеясь на высокую оценку. И такой настрой вполне объясним: в словаре же нашлись эквиваленты для незнакомых слов (*prestataire*), а многие выражения вообще показались прозрачными (*crise sanitaire*).

Необходимо помнить о том, что даже одна ошибка может сыграть свою роковую роль, как в данном случае произошло со словом *prestataire*. Многие из упоминавшихся

выше огрехов студенту можно было бы и простить – это точечные ошибки. Да, лучше бы, конечно, обойтись без них, но на смысл текста в целом они не влияют. А вот задача *prestataire* гиперонимом *подрядчик/исполнитель* – ошибка непростительная, из-за нее текст лишается глобального смысла. С этого момента начинается, как выразился Д.И. Ермолович, «пение без звука» [4].

В связи с этим всем будущим конкурсантам хочется дать один совет: следует постоянно помнить о том, что конкурсный текст априори не может быть простым. Если он кажется простым, значит, конкурсант что-то не понимает или понимает не так. Преподавателям, отправляющим студентов на конкурс, следует проводить предварительную подготовку и тщательно разбирать конкурсные тексты прошлых лет, а студентам, конечно, – активно участвовать в таких конкурсах – к счастью, их много – и накапливать опыт. Как говорится, выбор правильного решения приходит с опытом, опыт приходит с выбором неправильного.

Литература

1. Наймушин Б.А., Степанова М.М. День, равный году: студенческий конкурс устного перевода как средство становления переводчика-профессионала // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С.14–23. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.01

2. Цатурова И.А., Каширина Н.А. Переводческий анализ текста. – СПб.: Перспектива, 2008. 296 с.

3. Степанова М.М. Критический анализ перевода в курсе подготовки переводчиков // Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной науч.-практ. конф. Великий Новгород, 19-20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 2. – Великий Новгород, 2011. С.272–274.

4. Ермолович Д.И. Пение без звука: об итогах одного переводческого конкурса // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2015, № 1. С.213–229.

5. Трагедия ошибок: итоги конкурса переводчиков *Sensum de Sensu-2018* // Союз переводчиков России, Региональное отделение в Республике Мордовия URL: <http://spr.fld.mrsu.ru/2018/06/tragediya-oshibok-itogi-konkursa-perevodchikov-sensum-de-sensu-2018/> (дата обращения 26.12.2020)

6. Грустные переводы // Общедоступная группа Facebook URL: <https://ru-ru.facebook.com/groups/sadtranslations/> (дата обращения 26.12.2020)

TRANSLATION CONTEST: EXPECTATIONS AND RESULTS

Anna S. Bubnova
Nizhny Novgorod Linguistics University

Abstract. This paper gives an overview of submissions, all independent of one another, by a diverse group of students to a recent French-Russian translation contest. The contest took place at Linguistics University of Nizhny Novgorod in November 2020. The author analyses opinions, impressions, and feedback of the competitors and jury members (represented by teachers of translation and independent translators). The focus of the paper is on the typical mistakes made by the competitors. The analysis made it possible to state that it is necessary to organize translation contests in order to develop students' professional skills. The author proves that a preliminary preparation for the contest is essential for better future contest performance of the participants,

and a juru's feedback afterward, as well. All the mistakes made by the participants this time can be divided into two groups: literalisms and literalisms combined with agnonyms. This paper explains how one should work at such mistakes since even one mistake can change the global meaning of the text and deprive competitors of their quality points.

Key words: translation contest, literalisms, agnonyms, translation quality criteria, translation error, professional skills, global meaning of the text

Бубнова Анна Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики французского
языка и перевода, Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
тел.: +7 (831) 416 6029
e-mail: frenjap@yandex.ru

Anna S. Bubnova

Ph.D. in Philology, associate professor
Department of French studies and translation
Nizhny Novgorod Linguistics University
mobile: +7 (831) 416 6029
e-mail: frenjap@yandex.ru

УДК 804.0-1/-8

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОПАСТЬ? (МАЛАГАСИЙСКИЕ РЕАЛИИ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗОВ И РУССКИХ)

Бузук И.Л.

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Кретов А.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Данное исследование посвящено рассмотрению закономерностей лингвокультурной адаптации малагасийских слов-реалий во французской и русской письменной речи. Исследование проводится на материале 11 произведений, созданных русскими и французами авторами, с привлечением терминологии, разработанной в рамках теории реноминации. Авторы приходят к выводу, что русская и французская специфика фокусируется на 4 общих типах реноминации с той лишь разницей, что в текстах, созданных русскими, L-реалии гораздо чаще сопровождаются введением C-реалии-экспликации. Введение «своей» R-реалии является наименее частотным способом отражения малагасийской действительности в текстах, созданных русскими и французами, что, очевидно, свидетельствует об отсутствии участков пересечения концептуальных систем носителей этих лингвокультур. Проведенное исследование позволяет говорить о необходимости проведения специальных исследований отдельных малагасизмов с дальнейшим их учетом при составлении словарей.

Ключевые слова: малагасийская реалия, русский язык, французский язык, культура, реноминация, R-реалия, C-реалия, L-реалия

Необходимость трансляции знаний о культуре малагасийского этнокультурного сообщества французскому и русскому читателю требует от авторов-представителей двух разных лингвокультур решения ряда задач. Одной из таковых является насущная задача передачи реалий малагасийской действительности языковыми средствами французского и русского языков.

Авторы литературных произведений, посвященных описанию культуры, быта малагасийского народа и нацеленных на русскую и французскую аудитории, несомненно, столкнулись с вопросом, как «вплести» культурно-специфичные единицы культуры-отправителя в повествовательную сетку произведения? Как приспособить текст к максимально тождественному, адекватному его восприятию русскими и французскими читателями?

Возможен ли в этом случае полноценный диалог между представителями столь разных лингвокультур или он заведомо обречен на провал из-за несоизмеримости культурных миров Мадагаскара, России, Франции и соответствующих им языковых картин мира?

Данное исследование ставит целью выявление закономерностей лингвокультурной адаптации малагасийских национальных слов-реалий во французской и русской письменной речи. При этом под адаптацией мы понимаем своего рода «вписывание» малагасийских реалий в сознание принимающих французской и русской лингвокультур. К тому же с позиции принимающей культуры подобная культурно-специфичная информация воспринимается как нетипичная, непонятная, не соотносящаяся с содержанием ее языкового сознания, что дает нам право говорить о возникновении понятия «чужой».

Эта работа является продолжением цикла статей, посвященных исследованию вопроса освоения «чужой» действительности средствами «своей» понятийной системы [1; 2; 3] и зиждется на теоретических положениях, изложенных в трудах отечественных лингвистов А. А. Кретьова и Н. А. Фененко. См. подробнее [4; 5; 6; 7].

В качестве материала для исследования во французском корпусе (далее ФК) нами были изучены 513 контекстов, содержащих слова-реалии, извлеченных методом сплошной выборки из пяти произведений французских авторов, пишущих о Мадагаскаре. Для русского корпуса (далее РК) материалом для исследования стали 896 контекстов, выписанных из шести произведений русских авторов. В жанровом отношении выбранные произведения являются историческими романами, повестями, путевыми очерками, литературными сказками, изданными в период с 1897 по 2016 годы. Совокупный объем текстов произведений для двух исследуемых корпусов является относительно равным: 215 626 словоупотреблений для ФК и 206 353 словоупотреблений для РК.

Сводный список исследованных источников

Французский корпус

1	Renel Ch. Contes de Madagascar. Troisième partie. Contes populaires. – Paris: Ernest Leroux, 1930. – 195 p.	32725	133
2	Délérís F. Le Vazaha. – Paris: L’Harmattan, 1995. – 208p.	54205	191
3	Blavet E. Au Pays Malgache: de Paris à Tananarive et retour. – Paris: Paul Ollendorff, 1897. – 222 p.	28826	32
4	Sylvie Chaussée-Hostein. Les pirogues de Tsintsina. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. – 250p.	46800	73
5	Daniel Crozes. Monsieur le Gouverneur. – Le Mans: Editions Libra Diffusio, 2005. – 320 p.	53070	84
ИТОГО:		215626	513

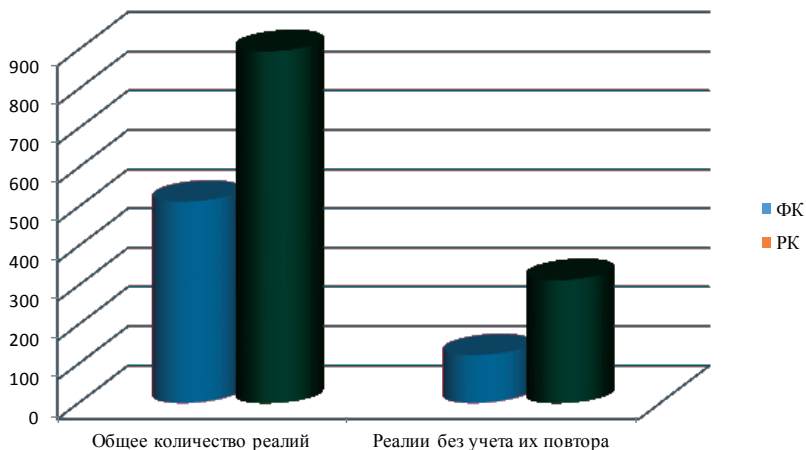
Русский корпус

1	Корочанцев В.А. Остров загадок и открытий. – М.: Мысль, 1982. – 206 с.	68005	604
---	--	-------	-----

	Рацифехера, Арсен. Его гнев: повесть / Арсен Рацифехера; Акад. наук, Ин-т востоковедения ; [пер. с малагас. и предисл. Л. А. Корнеева ; отв. ред. В. Я. Кацман]. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1974. — 82 с.	20999	13
3	Кулик С.Ф. Когда духи отступают. — М.: Мысль, 1981. — 223 с.	62436	150
4	Искры пламени. Восточный альманах. Вып. третий. Искры пламени / Ред. коллегия: Гафуров Б.Г. и др. Оформление худ. Г. Клодта. — М.: «Художественная литература», 1975. — 616 с.	3960	5
5	Сказки и пословицы Мадагаскара / Пер. с мальгаш. Л. Корнеева. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. — 110 с.	11508	23
	ИТОГО:	166 908	795
6	Карташова Л. Мадагаскар и Я. — М.: Экон-Информ, 2011. — 272 с.	39445	101
	ИТОГО:	206353	896
	Итого (все корпуса):	421979	1409

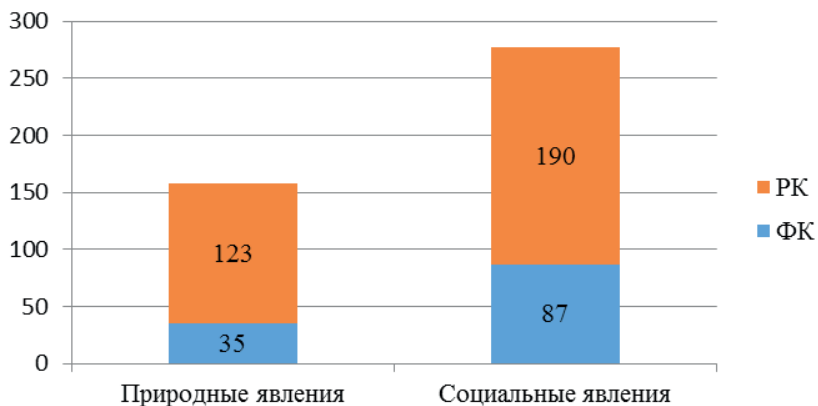
В произведениях, составляющих РК, отмечены 313 случаев употребления малагасийских реалий без учета их повторного появления в тексте. Количество таких реалий в ФК равно 122 (см. рис. 1).

Рис. 1. Количественное соотношение выписанных слов-реалий в русском и французском корпусах

Анализ лексико-тематической принадлежности малагасийских слов-реалий показал, что их употребление затрагивает самые разнообразные сферы жизнедеятельности малагасийского общества. Все слова реалии были разделены нами на две большие группы (см. рис. 2), каждая из которых впоследствии была распределена по подгруппам.

Рис. 2. Распределение малагасийских реалий по лексико-тематическим группам

При этом в количественном отношении в обоих корпусах преобладающими являются малагасизмы, относящиеся к названиями социальных явлений, в частности, это подгруппа артефактов, куда мы включили названия продуктов питания, блюд, одежды и тканей, предметов быта и т.д. В группе природных явлений преобладающей для двух корпусов стала подгруппа растений, куда мы включили названия деревьев, кустарников, цветов, трав (см. рис. 3, 4, 5, 6).

Рис. 3. Распределение малагасизмов РК из группы природных явлений по подгруппам

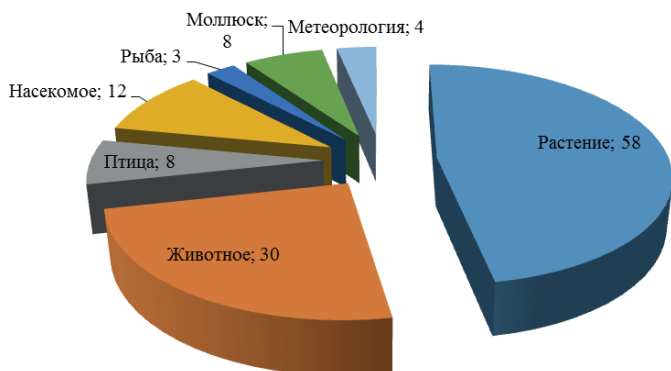

Рис. 4. Распределение малагасизмов ФК из группы природных явлений по подгруппам

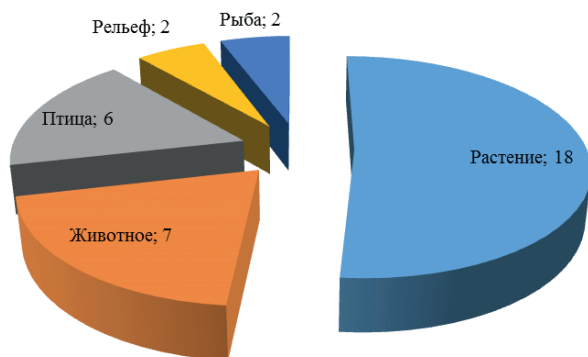

Рис. 5. Распределение малагасизмов РК из группы социальных явлений по подгруппам

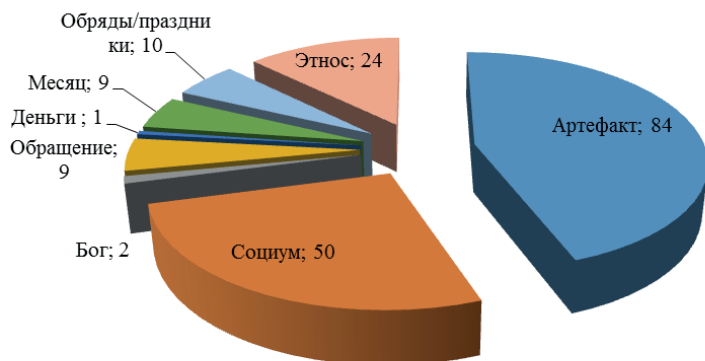
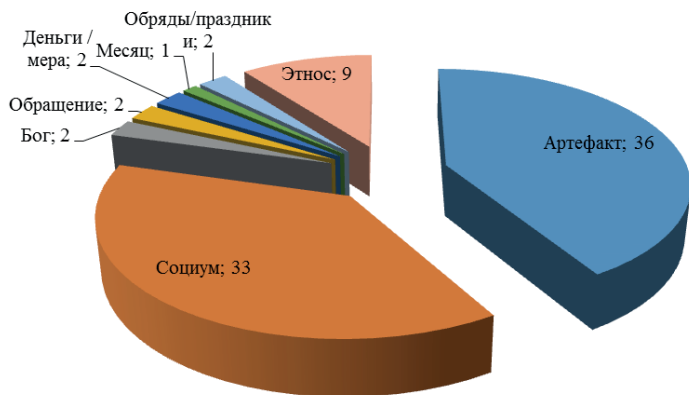
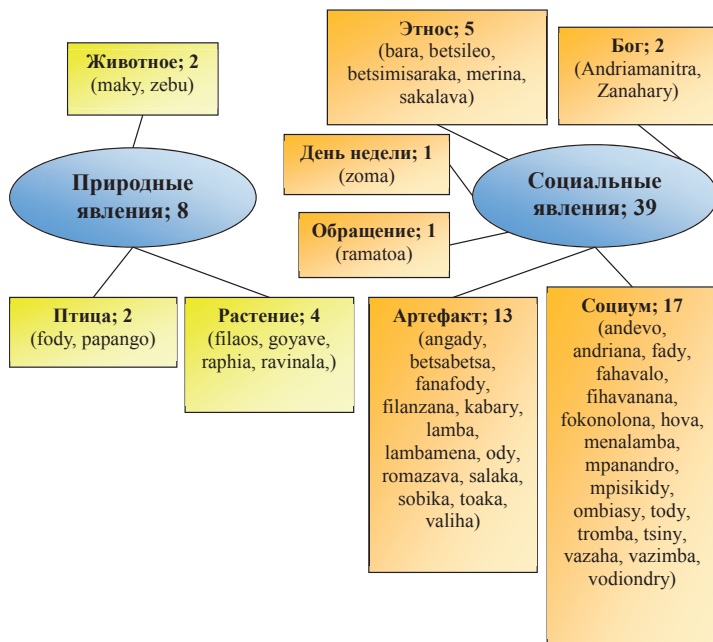

Рис. 6. Распределение малагасизмов ФК из группы социальных явлений по подгруппам

В ходе исследования нами был выделен список из 47 малагасизмов, ставших общими для французского и русского корпусов при описании малагасийской действительности (см. рис. 7).

Рис. 7. Группирование малагасизмов, ставших общими в РК и ФК

Обратимся теперь к вопросу, как же слова-реалии из столь разнообразных сфер жизнедеятельности малагасийцев адаптируются в письменной речи русских и французсов.

Анализ сформированного нами экспериментального русского корпуса позволил выделить следующие типы реноминации (в порядке убывания их частоты):

«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия (234 случая);

«чужая» R-реалия → «своя» L-реалия (195 случая);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия (194 случая);

«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия (184 случая);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия (48 случаев);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия + «своя» R-реалия (19 случаев);

«чужая» R-реалия → «своя» L-реалия + «своя» С-реалия (18 случаев);

«чужая» R-реалия → «своя» С-реалия (3 случая);

«чужая» R-реалия → «своя» (опосредованная) L-реалия + «своя» С-реалия + «своя» R-реалия (1 случай).

Анализ экспериментального корпуса во французском языке позволил выявить следующие типы реноминации:

«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия (190 случаев);

«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия (113 случаев);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия (109 случаев);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия (67 случаев);

«чужая» R-реалия → «своя» R-реалия + «чужая» L-реалия (27 случаев);

«чужая» С-реалия → «своя» С-реалия (3 случая);

«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия + «своя» С-реалия (2 случая);

«чужая» R-реалия → «своя» R-реалия (1 случай);

«чужая» R-реалия → «чужая» С-реалия (1 случай).

Итак, диалог двух культур малагасийской и русской, малагасийской и французской реализуется через определенные типы реноминации, способствующие преобразованию информации иной языковой среды, заложенной в слова-реалии. При осуществлении лингвокультурной адаптации русские и французские авторы не придерживаются конкретно одной стратегии, они постоянно маневрируют между стратегией форенизации и доместикации, отдавая все же предпочтение первой. Доля введенных С-реалий-экспликаций составляет 52,23%, доля L-реалий – 99,66% в русском корпусе и 36,25% (доля С-реалий-экспликаций), 99,025% (доля L-реалий) во французском корпусе.

Обратимся к примерам.

*На второе подавали бульон, густой и экстрактный, именуемый **ру мазава** [1*, с.186].*

*Les adolescents reprisaient des tuniques tout en veillant sur les plus jeunes enfants de la famille, boucanaient des anguilles ou de la viande de zébu, préparaient des achards pour le déjeuner et le plat traditionnel des hauts plateaux: **le rò mazava**. C'était un bouillon parfumé de brèdes mafana (des plantes potagères) que l'on enrichissait le dimanche et les jours de fête en y ajoutant un morceau de bœuf qui mijotait avec les brèdes, des tomates et du gingembre [2*, с.144].*

И русский автор С.Ф. Кулик, и французский автор D. Crozes «вплетают» культурно-специфичное слово в повествовательную сетку произведения посредством введения «своей» L-реалия, т.е. способа, заключающегося в передаче русскими/французскими буквами знаков малагасийской письменности. Введение «своей» L-реалии сопровождается экспликацией, т.е. введением «своей» С-реалии. Если L-реалия не сообщает читателю никакой информации, остается лишь неким «налетом» чужеземности, усиливающим национальную окраску текста, то С-реалия приоткрывает завесу тайны.

Как видно из примеров, С-реалии-экспликации могут быть в разной мере развернутыми: если в русском варианте мы видим, что *ру мазава* – это густой и экстрактный бульон, то французская экспликация передает гораздо больший объем культурно-специфических сведений, а именно: *le rô mazava* – это традиционное блюдо центральной горной местности – Высокого плато. Это ароматный бульон из листовых овощей *tafana*, который становится насыщеннее, если туда добавить кусок говядины, сваренный с листовыми овощами, томатами и имбирем.

Интересен тот факт, что лексическая единица *rô mazava* отсутствует в двуязычном переводном словаре А. Абиналя и В. Мальзака [1**], в словаре современного малагасийского словаря Радзаунаримананы [2**], в малагасийско-русском словаре А. Корнеева [3**], в малагасийско-английском словаре Дж. Ричардсона [4**]. Этот факт в очередной раз свидетельствует о том, что работа с корпусом всех выписанных контекстов, содержащих национально-специфичную лексику, позволяет выявить возможные способы передачи смыслов слов, не имеющих стандартных аналогов в другом языке.

Стоит также отметить, что русские авторы дают, как правило, гораздо более развернутые экспликации особенностей малагасийской культуры по сравнению с французскими авторами. Сравним:

Едва углубившись в лес, мы оказались лицом к лицу со стаей кошачьих лемуров — катта, или маки, как их здесь именуют. Грациозные, желтовато-серенькие, с белыми ушками и пестрыми закрученными хвостами, окрашенными черными и белыми полосками, они соскакивали с веток и любопытно взирали на нас [3, с.137].*

Cherchant mieux elle créa le maky, puis, perfectionnant celui-ci, elle fit l'homme [4, с.195].*

Роль С-реалий-экспликаций заключается в выработке нового знания у читателя. Очевидно, что это знание гораздо шире у русского читателя, чем у французского. Ch. René в подстрочном примечании о малагасийской R-реалии сообщает лишь следующее: *Lémurien spécial à Madagascar* ('особый лемур на Мадагаскаре').

Работа с лексикографическими источниками показала, что слово *maky* отсутствует в словаре А. Абиналя и В. Мальзака, а также в словаре Дж. Ричардсона, но присутствует в словаре А. Корнеева, где семантизировано следующим образом: *màky* – лемур [3**]. Дефиниция этого слова в словаре современного малагасийского словаря представлена так: *Màky* – nom d'une espèce de lémurien (*Lemur catta*, *Lemuroidae*) [2**].

Репрезентация чужого непонятого малагасийского слова может происходить посредством введения «своей» R-реалии, когда автор намерен сделать восприятие текста легким и удобным для читателя. Например:

Un jour Paraky tomba malade et malgré les fanafody, et les mpisikidy il mourut [4, с.37].*

Вплетение малагасийской реалии происходит путем введения L-реалии с последующим введением в сноске французской R-реалии, суть которой заключается в подборе эквивалента «своей» культуры для реалий «чужой» культуры через гипероним – *лекарство*.

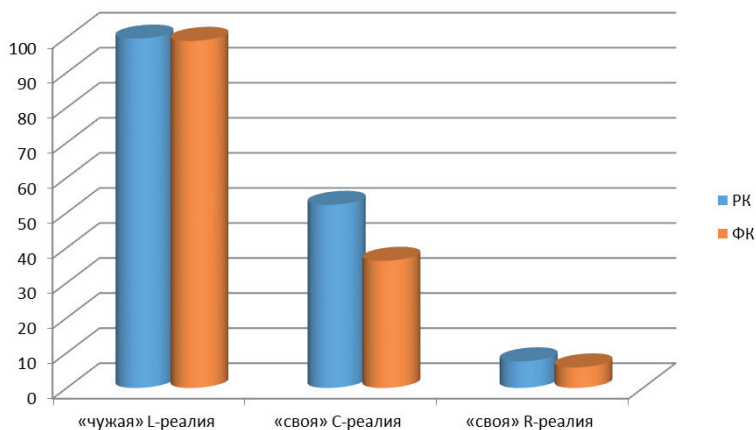
Русский контекст, где данная лексема представлена через такой тип реноминации, как «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия дает более детальное представление о малагасийской реалии *fanafody*:

На лотках и разостланных на земле соломенных и сизалевых простынях — корешки от гипертонии, кора, зарубцевавшая раны, травка фанафуды от лихорадки и для взбадривания организма, имбирь для продления молодости, кучки каких-то таинственных зерен и орешков, пучки трав, корешки, кусочки древесины, флакончики, ожерелья из бисера или частичек белого металла, иглы, кольца, крючки [3, с.53].*

Доля введенных «своих» R-реалий в двух анализируемых корпусах весьма скудная: 7,58% в русских текстах и 5,84% во французских текстах (см. рис. 8). Эти цифры

свидетельствуют о культурной дистанции между малагасийской культурой и принимающей (русской / французской) культурой.

Рис. 8. Частота использования L-, C- и R-реалий при описании малагасийской действительности

Таким образом, проведенное исследование показало, что доля малагасизмов в русскоязычных текстах практически в два раза больше, чем во франкоязычных текстах. При этом русские авторы, описывая малагасийскую действительность, используют более широкий спектр малагасизмов (он в 2,6 раз больше) по сравнению с текстами, созданными французскими авторами. Это факт подтверждает нашу гипотезу об относительно слабой проницаемости культурных границ французов, усматривающих в чужом, а в нашем случае в малагасизмах некую потенциальную угрозу для собственной лингвокультуры, и, соответственно, об «уживчивости» русского менталитета, когда русский человек, русский язык сам живет и при этом дает жить другим.

Вплетение культурно-специфичных слов в повествовательную сетку произведений, хотя и является весьма непростой задачей, свидетельствует все же о диалоге двух культур, нежели о коммуникативной пропасти. С какой бы сферой жизнедеятельности малагасийского общества не была бы связана реалия, все они прошли процесс адаптации на русский или французский язык при помощи определенных процедур, зависящих от интенции авторов. И русские, и французские авторы в рамках стратегии форенизации и доместикации прибегают к таким приемам, как транскрибирование, транслитерация – введение L-реалии; экспликация, дополнение – введение C-реалии; адаптация, генерализация – введение R-реалии.

Литература

1. Бузук И.Л., Кретов А.А. Освоение малагасийских реалий французской лексикографией (на русском фоне) // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. 2016. – № 4(46). URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 28.10.2020).
2. Бузук И.Л. Малагасийские реалии в русском тексте (в аспекте теории реноминации) // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2009. 2018. С. 148–159.

3. Бузук И.Л. Малагасийские реалии в зеркале французского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 110–118.

4. Кретов А.А. Реноминация как проблема переводоведения / А.А.Кретов, Н.А.Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №2. С. 154–157.

5. Кретов А. А. К типологии реалий и лакун / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. / [под ред. Н. А. Фененко]. Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 39–45.

6. Кретов А.А. Лингвистическая теория реалии / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестник Воронеж.гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.

7. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография / Н.А. Фененко [и др.]; под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретова. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. 220 с.

Список источников примеров

1* Кулик С.Ф. Когда духи отступают. М.: Мысль, 1981. 223 с.

2* Crozes D. Monsieur le Gouverneur. Le Mans: Editions Libra Diffusio, 2005. 320 p.

3* Корочанцев В.А. Остров загадок и открытий. М.: Мысль, 1982. 206 с.

4* Renel Ch. Contes de Madagascar. Troisième partie. Contes populaires. Paris: Ernest Leroux, 1930. 195 p.

Список словарей

1* Abinal A., Malzac V. Dictionnaire malgache-français: Mission catholique de Tananarive, Madagascar. Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955. 876 p.

2* Rajaonarimanana N. Dictionnaire du malgache contemporain: malgache-français / français-malgache. Paris: Ed. Karthala, 1995. 403 p.

3* Корнеев Л.А. Малагасийско-русский словарь / Под ред. Ф. Ракутусона. М.: Русский язык, 1987. 646 с.

4* Richardson J. A new Malagasy-English Dictionary. Farnborough: Gregg International Publishers, 1967. 832 p.

A DIALOGUE OF CULTURES OR A COMMUNICATION GAP? (MALAGASY REALITIES IN FRENCH AND RUSSIAN WRITTEN TEXTS)

Irina L. Buzuk,
T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
A.A. Kretov
Voronezh State University

Abstract. This study is devoted to examining the regularities of linguistic and cultural adaptation of Malagasy words-realities in French and Russian written texts. The research is based on the material of 11 works created by Russian and French authors with the use of terminology developed in the framework of the theory of renomination. The author concludes that the Russian and French specifics focus on 4 general types of renomination, with the only difference that in

the texts created by Russians, L-realities are much more often accompanied by the introduction of C-realities-explication. The introduction of R-reality is the least frequent way of reflecting the Malagasy reality in texts created by Russian and French authors. It obviously indicates the absence of areas of intersection of conceptual systems of carriers of these linguocultures. The study suggests the need for special studies of individual Malagasisms with their further consideration in the compilation of dictionaries.

Key words: Malagasy reality, Russian language, French language, culture, renomination, R-reality, C-reality, L-reality

Бузук Ирина Леонидовна,

ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
тел.: +7 (373)777 000 21
e-mail: kassarechi@mail.ru

Irina L. Buzuk

Lecturer of the Department of Romance and German Philology
T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
mobile: +7 (373)777 000 21
E-mail: kassarechi@mail.ru

Кретов А.А.,

Профессор кафедры теоретической прикладной лингвистики, доктор филологических наук,
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (473) 220 4149

Kretov A.A.

Doctor of Philology, Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
Voronezh State University
mobile: +7 (473) 220 4149

УДК: 81'25'42

**ПОВТОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К БАЛАНСУ МЕЖДУ
«СВОИМ» И «ЧУЖИМ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И.А. БУНИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)**

Бурякова С.Ю.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье сквозь призму «гипотезы о повторных переводах» проводится сопоставительный анализ переводов повести «Митина любовь» и романа «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, выполненных в первой половине XX в. и конце XX – начале XXI вв. Согласно гипотезе А. Бермана первичные переводы выполняются в русле стратегии одомашнивания, тогда как повторные переводы стремятся сохранить культурную дистанцию и эстетическое своеобразие подлинника. Опираясь на переводческий и критический метатекст об упомянутых переводах и рассматривая способы передачи реалий в качестве маркера стратегии перевода, автор выделяет и описывает стратегии доместикации, форенизации, лингвокультурной адаптации и сохранения национального колорита. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что на материале переводов произведений И.А. Бунина гипотеза повторных переводов находит лишь частичное подтверждение. С одной стороны, для первого перевода повести «Митина любовь» действительно характерна стратегия доместикации, а более поздние переводы ориентированы на передачу культурной и эстетической составляющей текста оригинала. С другой стороны, первый перевод романа «Жизнь Арсеньева» выполнен в русле стратегии форенизации, а в характерных для повторных переводов стратегиях сохранения национального колорита (в меньшей степени) и лингвокультурной адаптации (в большей степени) присутствуют элементы доместикации. Подводя итоги, автор отмечает,

что для повторных переводов характерно комплексное использование элементов форенизации и доместикации с целью достижения импрессивной эквивалентности.

Ключевые слова: гипотеза повторных переводов, перевод реалий, стратегия перевода, доместикация, форенизация, национальный колорит, адаптация, переводческая множественность

«Гипотеза о повторных переводах» (retranslation hypothesis), раскрывающая суть и причины явления переводческой множественности, была сформулирована французским переводоведом А. Берманом в 1990 г. в отношении литературного перевода. По мнению исследователя, перевод литературного произведения никогда не является полным, и лишь через появление повторных переводов он стремится к завершению и полноте [1, p.1], где под полнотой автор понимает максимальное приближение к исходному тексту. Необходимость и возможность появления повторных переводов, согласно концепции А. Бермана, кроется в самой структуре акта перевода, поскольку ни один перевод не может претендовать на звание идеального (*la traduction*. – Курсив автора. С.Б.) [ibid.].

В качестве основной причины появления новых переводов художественного произведения А. Берман называет устаревание перевода, который больше не выполняет функцию коммуникации и не раскрывает произведение для читателя [ibid.]. Развивая предложенную А. Берманом гипотезу, И. Гамбье подчеркивает роль разнообразных факторов, определяющих выбор переводческих стратегий при повторном переводе. Так, для первых переводов, появляющихся под воздействием культурных и издательских факторов, характерно подавление «инаковости» исходного текста вплоть до опущений, что позволяет повысить «читабельность» перевода для инокультурного получателя. Для первых переводов характерна ориентация на культуру перевода и стратегия доместикации [2, p.414]. Последующие переводы могут быть вызваны появлением более полного издания оригинала, а также связаны со стремлением избавиться от устаревших норм переводящего языка, раскрыть специфику оригинала, «заставляя переводящий язык потрудиться» для создания новых способов выражения [ibid., p.415].

В последующих работах, посвященных проблеме переводческой множественности и верификации гипотезы о повторных переводах в частности, список факторов, оказывающих влияние на появление нового перевода и определяющих выбор той или иной стратегии, неоднократно уточнялся. Например, О.Р. Демидова предлагает учитывать «соотношение уровня развития обоих задействованных языков и культур, степень знакомства культуры перевода с культурой оригинала, потребности воспринимающей культуры, непосредственные прагматические и эстетические задачи, которые ставит перед собой переводчик», а также влияние рынка [3, с.108].

Цель данной статьи – верифицировать гипотезу о повторных переводах на материале французских переводов произведений И.А. Бунина. В качестве эмпирического материала использованы переводы романа «Жизнь Арсеньева» и повести «Митина любовь». Выбор данных произведений в качестве базы для исследования объясняется наличием двух переводов для каждого из них, первый из которых был выполнен в первой половине XX века, а второй – в конце XX в. – начале XXI в.

Первые переводы произведений И.А. Бунина появились в начале XX века. В этот период перевод воспринимался как «некая копия оригинала, не представляющая ни научной, ни культурной ценности» [4, с.7], а переводчики в большинстве своем старались заставить читателя забыть, что перед ним переводной текст, то есть, ориентировались на стратегию одомашнивания (доместикации). Именно эта стратегия характерна для перевода повести «Митина любовь» (1938), выполненного М. Дюмениль де Грамоном и

опубликованного под названием «Le Sacrement de l'Amour» («Таинство любви»). Перевод был высоко оценен критиками, которые отмечали совершенство стиля, точность, лексическое разнообразие (см., например, [5, pp.624-626]), что вполне согласуется с основными принципами доместикации, поскольку цель перевода в этом случае заключается в создании текста, который воспринимался бы получателем перевода как изначально написанный на родном для него языке.

Несколько ранее под названием «A la source des jours» («У истока дней») был опубликован роман «Жизнь Арсеньева» в переводе М. Парижанина (1935). Этот перевод получил противоречивые отзывы, в частности в связи с выбранной переводчиком стратегией отчуждения (форенизации). Причиной недовольства становились неоднозначные переводческие решения: критики подчеркивали, что переводчик «позволяет себе много больше дозволенного, чтобы выявить достоинства стилиста» (цит. по [6, с.554]). В результате переводы М. Парижанина называли трудными для понимания, написанными на «офрануженном русском» [7, p.10], а его переводческие решения воспринимались скорее как «помехи», вопреки которым все-таки удается уловить выдающийся стиль И.А. Бунина [7, p.37; 6, с.554].

Впрочем, несмотря на диаметрально противоположность выбранных переводчиками стратегий, низкое качество первых переводов современные исследователи считают одной из причин, мешавших писателю получить заслуженное признание во Франции: «Бунину хороших переводов на французский язык пришлось ждать более пятидесяти лет» [8, p.33]).

Более поздние переводы («La Vie d'Arséniev» в 1999 г., «L'Amour de Mitia» в 2004 г.) появились на фоне специализированных исследований стиля писателя (научных статей и диссертационных исследований). Более детальное знакомство с эстетикой бунинского творчества повлекло за собой изменения в его восприятии. На сегодняшний день имя И.А. Бунина называют в числе крупнейших русских писателей XX века [9, p.623]. Поскольку «считающиеся классическими или образцовыми произведения прославленных и знаменитых авторов переводятся с повышенным вниманием к воспроизведению их содержания и авторского стиля» [10, с.243-244], изменение в восприятии творчества писателя во многом определяет ориентацию переводчиков на знакомство читателя с особенностями стиля русского писателя. Важную роль сыграло и развитие интерпретативной теории перевода во второй половине XX века. В рамках данной теории знакомство читателя с культурой оригинала считается одной из важнейших задач переводчика.

Для современных переводов произведений И.А. Бунина характерны стратегии, направленные на максимальное сохранение эстетического и культурного своеобразия подлинника. Для их обозначения мы предлагаем термины «стратегия лингвокультурной адаптации текста» и «стратегия сохранения национального колорита». Суть стратегии лингвокультурной адаптации эксплицирует переводчица повести «Митина любовь» А. Кольдефи-Фокар в одном из интервью: «я думаю, что в переводе важно дать читателю наибольшее число возможностей понять текст, чтобы его восприятие было непосредственным. Во всяком случае, читатель перевода должен понять больше, чем в случае, если бы я не переводила этот текст... Есть вещи, которые нельзя понять, если пытаешься применить к русскому тексту критерии и принципы французского языка, хотя, вне всякого сомнения, мы обязаны принимать во внимание французский. Но когда читаешь в первый раз, действительно нужно абстрагироваться от всего этого, чтобы увидеть, что же там сказано, в самом тексте, иначе можно пройти, так и не заметив самого главного. Кажется, именно это и есть самое сложное, но одновременно и самое необходимое в ра-

боте переводчика» (цит. по [11, с.116]). Стратегия сохранения национального колорита характерна для современного перевода «Жизни Арсеньева», выполненного К. Ошар. Она ориентирована на передачу художественных и стилистических особенностей оригинала и стремится сохранить культурную дистанцию и художественное своеобразие оригинала.

Выделение упомянутых выше стратегий – форенизации, доместикации, лингвокультурной адаптации и сохранения национального колорита – основывается не только на переводческом метатексте и критических статьях. Основным критерием послужили результаты количественного и качественного анализа способов передачи реалий, которые подробно изложены в работе [12]. Выделение и системное представление способов передачи лингвокультурных реалий в ПТ раскрывает особенности выбранной переводчиком стратегии и, следовательно, может рассматриваться в качестве одного из ее маркеров [там же].

В данной статье мы рассмотрим качественные отличия способов передачи реалий в рамках различных стратегий перевода. Сопоставим стратегии, использованные в переводах повести «Митина любовь». Например:

ИТ: ... как спокойна, проста, убога деревня, эти пахучие **курные избы** [1*].

ПТ (Coldefy-Faucard): ... *qu'elle était simple, calme et indigente la campagne, avec ses **chaumières enfumées*** [2*, p.47].

ПТ (Dumensil de Gramont): ... *que paisible, simple, indigente était la campagne, dans l'odeur de fumée de ses **isbas chauffées à la noire**** [3*, p.40].

* *Isbas pauvres, sans cheminée, dont les murs finissaient, avec le temps, par être noirs de suie et de fumée (бедные избы, без печной трубы, стены которых в результате со временем чернели от сажи и дыма. – Здесь и далее перевод комментариев наш. С.Б.).*

В переводе М. Дюмениль де Грамона для передачи реалии «курная изба» используется экспликация «деревенский дом, заполненный дымом». А. Кольдефи-Фокар в переводе сохраняет «чужую» номинацию «isba», дополняя ее экспликацией (*chauffées à la noire* – отапливаемые по-черному) и переводческим метатекстом, в котором раскрывается суть данного способа отапливать помещение.

Ср. также:

ИТ: *Мутя с удовольствием съел тарелку **щей** и выпил бутылку пива...* [1*].

ПТ (Coldefy-Faucard): *Il mangea avec plaisir une assiette de **soupe**, but une bouteille de bière...* [2*, p.45].

ПТ (Dumensil de Gramont): *Il vida volontiers une assiette de **soupe au chou**, arrosée d'une bouteille de bière* [3*, p.38-39].

В анализируемом примере в ПТ с доминирующей стратегией доместикации для передачи реалии «щи» используется гипероним «soupe» – «суп», тогда как в ПТ, в котором реализуется стратегия лингвокультурной адаптации, используется экспликация «soupe au chou» – «суп с капустой».

Отличия двух переводческих стратегий заметны также при передаче реалий-ментефактов. Например:

ИТ: – *Вот вы тогда, барчук, обиделись на меня, а **понапрасну*** [1*].

ПТ (Coldefy-Faucard): – *L'autre jour vous vous êtes **fâché** contre moi, mais bien à tort* [1*, p.127].

ПТ (Dumensil de Gramont): *L'aut'fois, petit maître, vous avez eu grand tort de vous **fâcher** contre moi* [2*, p.98].

В приведенном контексте для прямой речи крестьянина характерно присутствие разговорного элемента «понапрасну» [1**]. В ПТ1 возникающая стилистическая лакуна сохраняется, поскольку все его элементы относятся к литературному стилю фран-

цузского языка. В ПТ2 используется прием стилистической компенсации: вместо лексического уровня разговорные элементы передаются на графическом и фонетическом уровнях: функциональный эквивалент «L'aut'fois» – форма, которая графически передает характерную для французской разговорной речи редукцию окончаний.

Следовательно, стратегию лингвокультурной адаптации от стратегии доместикации отличают:

- более высокая частотность использования переводческих комментариев,
- развернутый характер экспликаций,
- передача реалий посредством транскрипции и транслитерации,
- более внимательное отношение переводчиков к подбору функциональных эквивалентов, в том числе стилистических.

Перейдем к сопоставительному анализу стратегий в двух переводах романа «Жизнь Арсеньева». Например:

ИТ: ... *кучер барственно обгоняет мужиков и баб (...)* [4*].

ПТ (Parijanine): ... *quand le cocher dépasse des moujiks et des babas (...)* [5*, p. 32].

ПТ (Hauchard): ... *le cocher dépasse fièrement les paysans (...)* [6*, p.48].

В приведенном примере прослеживается тенденция, характерная для перевода М. Парижанина и иллюстрирующая реализацию стратегии форенизации, а именно использование транскрипции или транслитерации русских реалий даже в тех случаях, когда они не зафиксированы французскими толковыми словарями. В данном случае речь идет о зафиксированной французскими словарями лексеме «moujiks» и о лексеме «baba», не вошедшей в словари со значением, присущим ей в русской культуре [2**]. Использование данного приема передачи реалии достаточно частотно в тексте М. Парижанина, при этом значение реалии не всегда понятно из контекста или эксплицируется в комментарии. В ПТ, выполненном К. Ошар, данные реалии передаются при помощи гиперонима «paysans» – «крестьяне».

Переводческие решения, вызванные стремлением максимально полно передать форму и содержание ИТ, в рамках стратегии форенизации могут быть реализованы посредством единич «своего» языка. Например:

ИТ: ... *в пятницу поставят пред алтарем в рождественской церкви то, что называется плащаницей и что так страшно – как некое подобие гроба Христа (...)* [4*, с.43].

ПТ (Parijanine): ... *Vendredi, l'on disposerait devant l'autel, dans l'église de Rojdestvo, ce qui s'appelle le «sindon» ou linceul du Sauveur (...)* [5*, p.37].

ПТ (Hauchard): ... *le Vendredi Saint on déposerait devant l'autel à l'église de Rojdestvo ce que l'on appelle le Linceul du Christ (...)* [6*, p.53].

Реалия «плащаница», обозначающая «полотно с вышитым изображением «Положения Христа во гроб» или «Оплакивания Христа». Символизирует погребальную пелену, в которую было завернуто тело Христа» [3**]. Во французском языке этот артефакт обозначается словом «linceul» – «саван». Именно этот вариант перевода использован обоими переводчиками и употребляется в ПТ с дополнением «linceul du Christ» (саван Христа), «linceul du Sauveur» (саван Спасителя). Однако М. Парижанин также приводит лексему «sindon», которая в XIX и XX вв. употреблялась в значении «En partic. Linceul dans lequel a été enseveli Jésus-Christ» (Саван, в который был обернут Иисус Христос) [4**].

Ср. также:

ИТ: ... *в селе мужицкие дворы все большие, зажиточные, с древними дубами на гумнах, с пасаками, с приветливыми, но независимыми хозяевами, рослыми, крупными однопорцами* [4*].

ПТ (Parijanine): ... *au bourg, les enclos des moujiks sont tous vastes, prospères, il y a d'antiques chênes sur les aires aux blés, des rûchers, des maîtres accueillants, mais d'attitude indépendante, gens de taille, d'importants paysans libres* [5*, p.32].

ПТ (Hauchard): *dans le village les enclos des moujiks sont vastes, prospères; il y a d'antiques chênes sur les aires à blé, des ruches, des maîtres accueillants mais fiers, fermiers au large gabarit* [6*, p.48].

В приведенном примере реалия «однородцы» имеет следующее значение: «в Российской империи до 1866 категория государственных крестьян (в основном бывшие служилые люди «по прибору»)» [5*]. До 1840 имели право владеть крепостными». В ПТ1 М. Парижанин передает ее описательно «*pausans libres*» – «свободные крестьяне» и сопровождает объемным комментарием, в котором рассказывает о крепостном праве в Российской империи и приводит определение лексемы «однородцы» из словаря В. Дая. В ПТ 2 К. Ошар использует функциональный эквивалент «*fermiers*» – фермеры.

Главное отличие переводческой стратегии сохранения национального колорита от форенизации и лингвокультурной адаптации мы видим в обширном метатексте, которым сопровождает перевод «Жизни Арсеньева» К. Ошар. Подробные комментарии приведены для экспликации различных типов реалий: артефактов и ментефактов (интертекстуальных отсылок, упоминаний исторических событий и антропонимов, описания русских обычаев и традиций). Приложение, содержащее комментарии, можно рассматривать как своеобразный экскурс в культуру России, которая нашла отражение в романе И.А. Бунина. Например:

ИТ: *Пушкин поразил меня своим колдовским прологом к «Руслану»:*

У лукоморья дуб зеленый,

Златая цепь на дубе том... [4*].

ПТ (Parijanine): *Pouchkine, me frappa par son magique prologue de Rouslane:*

Au bois sur la grève est un chêne vert,

Sur ce chêne vert une chaîne d'or... * [5*, p.50].

* *Rouslan et Ludmila, poème d'Alexandre Pouchkine, écrit de 1817 à 1820 («Руслан и Людмила», поэма Александра Пушкина, написанная в 1817-1820 гг.)*[*ibid.*]

ПТ (Hauchard): *Pouchkine m'éblouit par l'envoûtant prologue de son Rouslan et Lioudmila :*

Dans L'anse marine, il est un chêne vert,

Sur ce chêne vert une chaîne d'or... [6*, p.71].

**Ce long poème, écrit en 1820, est l'une des toutes premières œuvres de Pouchkine (1799-1837). Sur la trame d'un récit fantaisiste le poète développe une série de tableaux d'inspiration féerique (Эта длинная поэма, написанная в 1820 г., – одно из ранних произведений А. Пушкина (1799-1837). На фоне фантастического сюжета поэт создает целую серию сцен, вдохновленных сказками)* [6*, p.497].

В приведенном примере оба переводчика используют метатекст как средство экспликации культурно-специфичной информации, однако содержание метатекста позволяет сделать это с разной глубиной. Если в метатексте М.Парижанина сообщается только фактическая информация, то в метатексте К. Ошар приводится также информация об особенностях содержания, которые обеспечивают более детальное знакомство с этим элементом русской культуры.

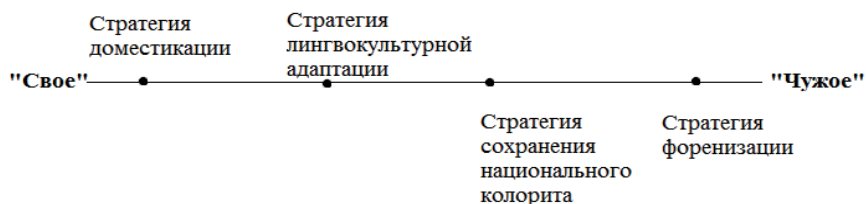
Таким образом, для раннего перевода повести «Митина любовь» характерна стратегия доместикации. Данная стратегия проявляется в доминировании случаев передачи реалий посредством гиперонимов, характерных для принимающей культуры, и

стилистическая нейтрализация особенностей крестьянской речи. Для стратегии лингвокультурной адаптации, реализуемой в новом переводе того же произведения напротив, характерно сохранение некоторых реалий путем транскрипции/транслитерации, использование функциональных эквивалентов и многословных экспликаций, позволяющих достаточно полно раскрыть значение реалий, пусть и средствами «своего» языка, а также межуровневая стилистическая компенсация особенностей крестьянской речи. При этом оба переводчика крайне редко прибегают к использованию метатекста. Стратегия лингвокультурной адаптации, таким образом, включает элементы форенизации и доместикации, однако оказывается ближе к последней, поскольку стремится раскрыть особенности культуры текста перевода и стиля автора исключительно средствами своего языка, не углубляясь в экспликацию культурно-специфичной информации. Переводчик в этом случае выступает, скорее, не гидом по особенностям чужой культуры, а медиатором, старающимся сделать «инаковость» максимально доступной и легкой для восприятия читателем.

С другой стороны, стратегия форенизации и близкая к ней стратегия сохранения национального колорита, используемые в разновременных переводах романа «Жизнь Арсеньева», активно используют средства «чужого» языка в виде транскрибированных или транслитерированных номинаций русских реалий. Для стратегии форенизации также характерно нестандартное использование средств французского языка как результат стремления максимально сохранить «инаковость» русского текста. Стратегия сохранения национального колорита при естественности отобранных средств выражения раскрывает эту «инаковость» через обширный переводческий метатекст. Переводчик в этом случае выступает своего рода путеводителем в русскую культуру, а свой перевод рассматривает как средство пополнения когнитивного багажа читателя.

Следовательно, проанализированные стратегии можно расположить на оси «свое» – «чужое» следующим образом (см. рис. 1):

Рис 1. Расположение стратегий перевода в зависимости от соотношения «своих» и «чужих» элементов

Результаты проведенного анализа демонстрируют, что гипотеза о повторных переводах в этом случае находит лишь частичное подтверждение, поскольку в первых переводах произведений И.А. Бунина присутствует не только стратегия доместикации, но и стратегия форенизации. Повторные переводы, выполненные в конце XX в. – начале XXI в., в соответствии с гипотезой стремятся сохранить своеобразие подлинника и передать особенности культуры исходного текста. Однако этот эффект достигается разными путями, что позволяет говорить об использовании в новых переводах и элементов доместикации, и элементов форенизации с целью достижения максимальной импрессивной эквивалентности текстов оригинала и перевода.

Литература

1. Berman A. La retraduction comme espace de traduction // Palimpsestes. 1990. №4. P. 1-7. URL: <https://journals.openedition.org/palimpsestes/596> (дата обращения: 10.11.20).
2. Gambier Y. La retraduction, retour et détour. Meta. 1994. № 39(3). P. 413-417. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/meta/1900-v1-n1-meta186/002799ar.pdf> (дата обращения: 10.11.20).
3. Демидова О.Р. Retranslation: культурфилософские основания // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. (Симферополь, 25-27 апреля 2019). Симферополь, 2019. С. 106-110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37400248> (дата обращения: 09.01.21).
4. Васильченко Т.В. Современные англоязычные переводы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к вопросу о переводческих стратегиях в англоязычной культуре конца XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. №305. С. 7-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-angloyazychnye-perevody-romana-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy-k-voprosu-o-perevodcheskih-strategiyah-v-angloyazychnoy> (дата обращения: 18.07.2019).
5. Schloezer B. de. Lettres étrangères // La Nouvelle revue française. 1 mai 1926. № 152. P. 624-626.
6. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1980-е-1950-е годы): Антология / общ. ред.: Н.Г. Мельников. М.: Книжница: Русский путь, 2010. 928 с.
7. Nivat G. Vivre en russe. Lausanne: Les Éditions l'Âge d'Homme, 2007. 480 p.
8. Hogenhuis A. Ivan Bounine, Andréï Makine et le sentiment poétique de la nature. // Andréï Makine, le sentiment poétique. Textes réunis par Margaret Parry, Claude Herly, Marie-Louise Scheidhauer. Paris: L'Harmattan, 2008. P. 33-41.
9. Auteurs européens du premier XXe siècle: anthologie en langue française. Cérémonial pour la mort du sphinx, 1940-1958. Paris: De Boeck Supérieur, 2002. 874p.
10. Солдатова Л.А. Перевод: взаимопроникновение языков и культур и различные факторы выбора стратегии перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 242-246. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207852> (дата обращения: 18.07.2019).
11. Нурiev В.А. «Русский текст в переводе требует гибкости...». Беседа с французским литературным переводчиком // Русский язык за рубежом. 2010. №3. С. 109-116.
12. Булгакова С.Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И.А. Бунина: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 24 с.

Список источников примеров

- 1* И. А. Бунин. Стихотворения. Рассказы. Повести. «Библиотека Всемирной литературы», М.: Художественная литература, 1973. URL: <https://ilibrary.ru/text/1017/index.html> (дата обращения: 06.12.20).
- 2* Bounine I. Le Sacrement de l'amour / I. Bounine, traduit du russe par M. Dumensil de Gramont. – Paris: Librairie Stock, 1938. – 197 p.
- 3* Bounine I. L'Amour de Mitia: roman / I. Bounine, traduit du russe par A. Coldefy-Faucard. – Paris: Gallimard, 2004. – 154 p.
- 4* Бунина И.А. Жизнь Арсеньева. URL: https://librebook.me/jizn_arseneva/vol1/1 (дата обращения: 06.12.20).
- 5* Bounine I. La Vie d'Arséniev: jeunesse / I. Bounine, traduction et notes de C. Hauchard, préface de Jacques Catteau. – Paris: Bartillat, 1999. – 476 p.

6* Bounine I. A la source des jours / I. Bounine, traduction, notes et préface de M. Parijanine. – Paris: Librairie Stock, 1935 – 251 p.

Список словарей

1** Толковый словарь С.И. Ожегова URL: <http://endic.ru/ozhegov/Ponaprasnu-25093.html> (дата обращения: 10.01.21).

2** Larousse. Dictionnaire du français. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/baba/7282> (дата обращения: 10.01.21)

3** Художественная энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/4139/%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 10.01.21).

4** Centre National des Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/sindon> (дата обращения: 10.01.21).

5** Большой юридический словарь / Сухарев А.Я. [и др.]. М.: Инфра-М. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/16689> (дата обращения: 10.01.21).

RETRANSLATIONS AS A SEARCH OF BALANCE BETWEEN SOURCE-ORIENTED AND TARGET-ORIENTED TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE TRANSLATIONS OF I.A. BUNIN'S WORKS INTO FRENCH)

Svetlana Yu. Buriakova
Voronezh State University

Abstract. The article examines through the prism of the “retranslation hypothesis” the translations of I.A. Bunin’s works «Mitya’s Love» and «Life of Arseniev». The first translations date back to the first half of the XXth century while retranslations appeared in late XXth – early XXIst centuries. According to A. Berman’s hypothesis, first translations are carried out in line with the strategy of domestication, while retranslations tend to preserve the cultural distance and aesthetic originality of the source text. Based on the metatext, both from critics and translators, about the mentioned translations and considering the ways of rendering realia as a marker of the translation strategy, the author identifies and describes the strategies of domestication, foreignisation, linguocultural adaptation and preservation of national color. The author comes to the conclusion that the retranslation hypothesis can only be partially confirmed based on the translations of works by I.A. Bunin. On the one hand, in the first translation of the story «Mitya’s Love» the strategy of domestication is indeed used, and both retranslations are focused on conveying the cultural and aesthetic component of the original text. On the other hand, the first translation of the novel «Life of Arseniev» was made in line with the strategy of foreignisation, while the strategies of preserving national color (to a lesser extent) and linguocultural adaptation (to a greater extent), characteristic of retranslations, both contain elements of domestication. Summing up, the author emphasises that retranslations use both elements of foreignisation and of domestication in order to achieve an impressive equivalence.

Key words: retranslation hypothesis, translating realia, translation strategies, domestication, foreignisation, national color, adaptation, multiple translations

Бурякова Светлана Юрьевна,
доцент, кафедра французской филологии,
Воронежский государственный университет;
тел. +7 (920) 455 4441
email: svetlanbulgakov@yandex.ru

Svetlana Yu. Buriakova
Associate Professor,
French philology department,
Voronezh State University;
mobile: +7 (920) 455 4441
email: svetlanbulgakov@yandex.ru

СИНТАКСЕМА В СТРУКТУРЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА

Ванчикова Е.А.

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия двух когнитивных единиц: синтаксемы и синтаксического концепта, недостаточная изученность которых определяет актуальность работы. Синтаксема имеет тройственный критерий идентификации: семантику, морфологию и синтаксис, что в корне отличает её от члена предложения, имеющего только синтаксическую форму и морфологическое выражение. Семантическая характеристика синтаксемы соотносится с типизированным набором семантических ролей пропозиции. По морфологическому признаку различают субстанциальные, процессуальные и квалификативные синтаксемы. Синтаксический характер синтаксемы проявляется в выражении грамматической предикативности предложения – предикативном признаке и его носителе. Синтаксема имеет как синтагматические, так и парадигматические характеристики, образуя оппозитивные ряды. Синтаксический концепт соотносится с типовой пропозицией, зафиксированной конкретной структурной схемой простого предложения. Объединяя синтаксическую и семантическую структуры предложения, синтаксема и синтаксический концепт позволяют предпринимать интегральный анализ предложения, без разделения его на уровни, поскольку обе единицы имеют как синтаксические, так и семантические характеристики. Структурными и содержательными элементами синтаксического концепта являются синтаксемы.

Ключевые слова: когнитивный подход, синтаксема, синтаксический концепт, синтагматика, парадигматика, носитель предикативного признака, предикативный признак, типовая пропозиция

Система членов предложения отражает синтаксическое устройство предложения и является базовым понятием в грамматике, но эта система позволяет осуществлять только синтаксический анализ предложения, т.е. разбор по членам предложения: подлежащее, сказуемое, прямые и косвенные дополнения, обстоятельства и др. С развитием лингвистической науки в синтаксисе появляется содержательная сторона, которая отражается в терминологии: синтаксис начинает называться синтаксической семантикой. Но члены предложения не подвергаются дифференциации в рамках синтаксической семантики, она определяет специфику новой функциональной единицы – синтаксемы [1, с.30], которая создаётся по аналогии с фонемой для возможности применения в синтаксисе методики, сопоставимой с методикой фонемного анализа. Новая единица представляет единство двух сторон – формы и содержания, то есть она объединяет синтаксические элементы в качестве её вариантов, выполняющих смыслообразительную функцию в языке. Эта «синтаксическая единица-инвариант представлена в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, <...> так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элементами; её содержание составляют <...> дифференциальные синтаксико-семантические признаки» [2, с.12-13].

В другой концепции под синтаксемой понимается «минимальная, далее не делимая семантико-синтаксическая единица, выступающая как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, то есть

это – первичная, элементарная единица синтаксиса, базирующаяся на тройственном критерии: единстве семантики, морфологии и синтаксиса» [3, с.20].

Морфологический критерий тесным образом связан с делением слов на части речи, и в соответствии с ним можно говорить о субстанциальных, процессуальных и квалификативных синтаксемах. Признак субстанциальности соотносится с обозначением субстанции, предмета; основным средством выражения субстанциальных синтаксем являются существительные и местоимения. Процессуальные синтаксем обозначают процесс и находят выражение в глагольных формах (личных и неличных), квалификативные синтаксем соотносятся с качеством субстанции или действия и выражаются прилагательным и наречием.

Синтаксический критерий идентификации синтаксем связан с её синтаксической функцией и позицией. Синтаксема может находиться в позиции сказуемого, подлежащего, второстепенного члена предложения, а также она может оформлять вторичные предикативные отношения. Любое предложение может быть представлено как комбинация синтаксем, а не как последовательность членов предложения. Поскольку термины «подлежащее» и «сказуемое» непосредственно связаны с чисто синтаксическим понятием «член предложения», который имеет только две характеристики (морфологическую и синтаксическую), представляется возможным показать синтаксическое устройство предложения по-другому: как комбинацию синтаксем, каждая из которых обладает тремя характеристиками (морфологической, синтаксической и семантической). Отношения между подлежащим и сказуемым формируют основные предикативные отношения, в то время как неличные формы глагола со своим субъектом образуют вторичные предикативные отношения. Кроме того, существуют зависимые от них компоненты. Следовательно, можно изучать синтаксем основных предикативных отношений (носитель предикативного признака и сам предикативный признак, которые на синтаксическом уровне совпадают с подлежащим и сказуемым); синтаксем, участвующие в построении вторичных предикативных отношений; а также синтаксем, представляющие зависимые компоненты первичной и вторичной предикации. Синтаксемная комбинаторика охватывает синтаксическую организацию простого предложения, простого предложения с осложнённой синтаксической структурой и сложного предложения.

Семантический критерий отличает синтаксему от члена предложения и является её третьей характеристикой. Речь идёт не о лексическом значении единицы, а о категориальном значении, соотносимом с существующим набором семантических функций, которые ранее назывались глубинными падежами. Несмотря на то, что список семантических ролей неоднороден у различных авторов, существует типизированный набор таких ролей, повторяющийся от одного автора к другому. Таким инвариантным набором может служить инвентарь семантических ролей в грамматике французского языка [4], авторы которой различают агент (agent) – одушевлённый объект, инициатор и контролёр процесса; объект (objet) – одушевлённая или неодушевлённая сущность, на которую непосредственно направлено действие; бенефициант (bénéficiaire) – одушевлённый объект, затронутый процессом; инструмент (instrument) – неодушевлённый объект, контролируемый агентом; место (locatif) – пространственная опора действия; цель (but) – конкретная или абстрактная сущность, к которой направлен процесс; результат (résultatif) – объект, являющийся следствием процесса; источник (source) – сущность, от которой происходит или удаляется другая сущность. Соответственно, синтаксем будут агентивными, объектными, адресатными, инструментальными, локативными, каузальными.

Итак, синтаксема имеет три характеристики: морфологическую, синтаксическую и семантическую, которые позволяют отнести синтаксему к когнитивным единицам. Каждая синтаксема будет иметь тройственный характер. Например, в предложении *Paul chante* мы имеем дело с субстанциальной агентивной синтаксемой носителя предикативного признака *Paul*, и процессуальной акциональной синтаксемой предикативного признака *chante*.

Дискуссия о синтаксическом знаке, который имеет и план выражения, и план содержания, ведётся в настоящее время в рамках когнитивной лингвистики. Вопрос о существовании синтаксических знаков, у которых можно было бы находить и план выражения (последовательность словоформ), и план содержания (некоторый синтаксический концепт) является наиболее дискуссионным [5. с.3]. Такой знак получил название синтаксического концепта, под которым понимается типовая пропозиция, зафиксированная конкретной структурной схемой простого предложения. Синтаксический концепт относится к плану содержания, а структурная схема – к плану выражения. По мнению некоторых лингвистов, нецелесообразно ставить знак равенства между понятиями синтаксического концепта и пропозиции. В связи с этим следует говорить о том, что с концептом соотносится, концепту соответствует определенная типовая пропозиция. Синтаксический концепт – это выражаемая структурной схемой предложения и представленная в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) информация о типе ситуации (совокупности предметов и связывающего их отношения), к которому мышление человека относит наблюдаемый фрагмент действительности. [6. с.88-90]. Типовые пропозиции представлены стандартными последовательностями словоформ – структурными схемами простого предложения. Типовая пропозиция, или семантическая структура, составляет содержание структурной схемы простого предложения. Так, синтаксический концепт: *агенса воздействует на объект* выражает схема: *кто делает что* [7. с.6-7], этот синтаксический концепт будет соотноситься с пропозицией *агенса – предикат – объект*, а языковое выражение может быть разным, например, *Lucile écrit une lettre*.

Анализ данного предложения как комбинации синтаксем показывает наличие субстанциальной агентивной синтаксемой носителя предикативного признака *Lucile*, – процессуальной акциональной синтаксемой предикативного признака – *écrit* и субстанциальной объектной синтаксемой в зависимой позиции – *une lettre*. Названные синтаксеммы соотносятся с семантическими ролями агенса и объекта, а также предикатом, более того эти значения присущи и самим синтаксеммам, что отражается в их названии: агентивная, объектная, акциональная.

Противопоставление одной синтаксеммы другой в идентичной синтаксической позиции является оппозицией, относящейся к парадигматическому плану языка. Данная оппозиция проявляется в том, что различные по своим характеристикам синтаксеммы могут занимать одну и ту же синтаксическую позицию. Например, в синтаксической позиции подлежащего, или носителя предикативного признака может находиться агентивная синтаксема: *Les élèves s'alignèrent en rang devant les professeurs* [1*, p.17], экспериенсивная: *J'ai eu peur de la nuit* [1*, p.15], объектная: *Un château avait été loué pour l'occasion* [2*, p.11], инструментальная: *La clé ouvre la porte*, адресатная: *Marie a reçu une gerbe de fleurs*. Данные синтаксеммы образуют единый оппозитивный ряд вследствие наличия у них общего признака субстанциональности и сходной синтаксической позиции. Обычно в этой позиции находится носитель предикативного признака. Если говорить о грамматической предикативности, то так оно и есть: подчёркнутые слова являются подлежащими. Однако только две семантические характеристики данных синтаксем –

агентивная и экспериенсивная – могут соотноситься с характеристиками подлежащего. Остальные содержат асимметричные отношения синтаксической и семантической функций. Так, объектная, инструментальная и адресатная синтаксемы носителя предикативного признака при переводе на русский язык могут занимать зависимые позиции: *Арендовали замок по счастливой случайности. Дверь открывается ключом. Букет цветов подарили Мари.* Данные примеры показывают, что синтаксема в позиции подлежащего не всегда соответствует семантике данной единицы, т.е. не является кем-то, кто производит действие, претерпевает его или находится в каком-либо состоянии.

Оппозитивный ряд синтаксем в позиции сказуемого может быть представлен акциональной синтаксемой (обозначение действия): *J'ai ouvert le lave-vaisselle* [3*, p.9], стальной синтаксемой (обозначение состояния): *Le dimanche matin, d'habitude, papa et moi, on aime les grasses matinées* [3*, p.21], экзистенциальной синтаксемой (сообщение о существовании какого-либо объекта): *Un tel prénom n'existe pas* – общим морфологическим признаком которых будет процессуальность. В данных случаях предикативный признак совпадает со сказуемыми.

Как мы видим, предложение можно рассматривать не как комбинацию членов предложения, а как комбинацию синтаксем. Синтаксема, обладающая содержательной характеристикой и грамматической формой выражения, объединяет семантическую и синтаксическую структуру предложения. Аналогичной объединяющей единицей является и синтаксический концепт: типовая пропозиция, зафиксированная конкретной структурной схемой предложения. Принимая во внимание тот факт, что синтаксема – это не только синтаксическая форма слова, но и единица, наделённая содержанием, можно предположить, что синтаксические концепты состоят из синтаксем. Так, предложение *Sur le muret, je ramasse quand même de la neige* [4*, p.45] соотносится с синтаксическим концептом *агенса воздействует на объект*, который выражен схемой *кто делает что*. Синтаксемный анализ показывает наличие субстанциальной агентивной синтаксемы носителя предикативного признака – *je*, процессуальной акциональной синтаксемы предикативного признака – *ramasse* и субстанциальной объектной синтаксемы в зависимой позиции – *de la neige*. Названные синтаксемы соотносятся с семантическими ролями агенса и объекта, а также предикатом, более того эти значения присущи и самим синтаксемам, что отражается в их названии: агентивная, объектная, акциональная.

Синтаксема, обладающая содержательной характеристикой и грамматической формой выражения, объединяет семантическую и синтаксическую структуру предложения. Синтаксическая структура состоит из подлежащего, сказуемого и второстепенных членов предложения, а семантическая из предиката и семантических ролей. Аналогичной объединяющей единицей является и синтаксический концепт: типовая пропозиция (семантическая структура), зафиксированная конкретной структурной схемой предложения (синтаксическая структура). Принимая во внимание тот факт, что синтаксема – это не только синтаксическая форма слова, но и единица, наделённая содержанием, можно предположить, что синтаксические концепты состоят из синтаксем. Синтаксема, также как и синтаксический концепт, является когнитивной единицей, хотя понятие синтаксемы отсутствует в когнитивной лингвистике. Синтаксема является не только минимальной единицей функционального синтаксиса, но и единицей, непосредственно взаимодействующей с синтаксическим концептом, более того, синтаксему можно назвать минимальной единицей, которая является «строительным материалом» для синтаксического концепта.

Теория синтаксемы и синтаксических концептов, исходящая из когнитивной природы этих единиц, позволяет по-новому подойти к анализу предложения: отпадает

необходимость делить предложение на синтаксический и семантический уровни и изучать их в отрыве один от другого. Синтаксический концепт и синтаксема являются знаками, имеющими как содержательную, так и структурную характеристику: пропозиция и структурная схема для синтаксического концепта; семантическое содержание и грамматическое (морфо-синтаксическое) выражение для синтаксемы.

Таким образом, синтаксема является когнитивной единицей и находится в непосредственном взаимодействии с синтаксическим концептом: обе единицы являются объединяющим звеном синтаксической и семантической структур предложения. Простое предложение характеризуется не только синтаксической организацией, но и концептуальной: синтаксической структуре предложения соответствует определённая пропозиция. Типовая пропозиция, выраженная соответствующей структурной схемой является синтаксическим концептом, который в свою очередь состоит из различных синтаксем, имеющих морфо-синтаксическое и концептуальное выражение.

Литература

1. Мухин А.М. Морфологические категории и функциональный синтаксис. СПб.: Наука, 2002. 176 с.
2. Мухин А. М. Функциональный синтаксис. СПб.: Наука, 1999. 184 с.
3. Золотова Г. А. К проблеме соотношения семантики, морфологии и синтаксиса // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы всероссийской научной конференции. (Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2001 г.). СПб., 2001. С. 19-20.
4. Riegel M. Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris : PUF, 7ème édition, 2018. 1109 p.
5. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2003. 196 с.
6. Кузьмина С.Е. Понятие «синтаксический концепт» в лингвистических исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 87–90.
7. Фёдоров В.А. Национальная специфика синтаксических концептов: дис. ...д-ра филол. наук. Воронеж, 2013. 380 с.

Список источников примеров

- 1* Levy M. Le voleur d'ombres. – Paris : Editions Robert Laffont, 2010. 292 p.
- 2* Bobin Ch. Tout le monde est occupé. – Paris : Mercure de France, 1999. 127 p.
- 3* Paris G. Au pays des kangourous. – Paris : Don Quichotte éditions, 2012. 221 p.
- 4* Legardinier G. Et soudain tout change. – Paris : Fleuve Edition, 2014. 415 p.

SYNTAXEME IN THE STRUCTURE OF A SYNTACTIC CONCEPT

Elena A. Vanchikova
Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistics University

Abstract. The article is devoted to the study of the interaction of two cognitive units: the syntaxeme and the syntactic concept, the lack of knowledge of which determines the relevance of the work. The syntaxeme has a threefold identification criterion: semantics, morphology, and syntax, which fundamentally distinguishes it from a sentence member that has only a syntactic form and morphological expression. The semantic characteristic of a syntaxeme is related to a

typed set of semantic roles of the proposition. On morphological grounds, the content, procedural and qualification parts of the syntaxeme are distinguished. The syntactic character of the syntaxeme is manifested in the expression of the grammatical predicativity of the sentence—the predicative feature and its carrier. The syntaxeme has both syntagmatic and paradigmatic characteristics, forming opposition ranks. The syntactic concept corresponds to a typical proposition fixed by a certain structural scheme of a simple sentence. By combining the syntactic and semantic structures of a sentence, the syntaxeme and the syntactic concept allow for a holistic analysis of the sentence without dividing it into levels, since both units have both syntactic and semantic characteristics. The structural and content elements of the syntactic concept are syntaxemes.

Key words: cognitive approach, syntaxeme, syntactic concept, syntagmatics, paradigmatics, possessor of predication sign, predication sign, typical proposition

Ванчикова Елена Анатольевна,
доцент кафедры теории и практики
французского, испанского и
итальянского языков,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
тел.:+7 (910)898 5868
e-mail: vanchik510@yandex.ru

Elena A. Vanchikova
Associate Professor of the Departement of
theory and practice of French, Spanish and
Italian
N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State
Linguistics University
mobile: +7 (910)898 5868
e-mail: vanchik510@yandex.ru

УДК: 811.111

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АТРИБУТИВНЫХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Варушкина А.В.
Середа А.М.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению моделей функционирования многокомпонентных терминов военно-технической сферы и способам их перевода на русский язык. Исследование показало, что препозитивные атрибутивные словосочетания являются одной из наиболее продуктивных моделей терминообразования в проанализированных американских источниках авиационно-технической направленности. Показано, что перевод аналогичным препозитивным атрибутивом, посредством перестановки компонентов, при помощи существительного с предлогом, словосочетания с прилагательными, а также перевод при помощи приложений, описательный перевод являются эффективными способами перевода многокомпонентных терминов на русский язык. Многокомпонентные термины способны кратко и емко номинировать сложные процессы и явления, в чем состоит их растущее значение в современных профессиональных подъязыках.

Ключевые слова: военно-техническая терминосфера; многокомпонентный термин; номинирование; перевод; профессиональный подъязык

Современную терминосферу отличает интенсивный рост, что связано с развитием науки и техники. Появление новых понятий и явлений требует соответствующих лексических средств их обозначения.

Одним из значимых способов номинирования новых понятий военно-технической сферы являются многокомпонентные терминологические единицы.

Традиционно под многокомпонентными терминами (Compounds) подразумеваются «слова, состоящие из двух или более основ, корней, единиц» (*words that are composed of two (or more) bases, roots or stems*) [4, p.43]. Среди важных характеристик терминов-словосочетаний исследователи указывают на семантическое и прагматическое единство (*semantic and pragmatic unity*) лексических элементов, входящих в состав многокомпонентного образования [6, p.120]; при этом сам составной термин представляет собой расчлененную терминированную номинацию [9, с.53].

Поскольку многокомпонентная терминологическая номинация занимает важное место в военной и технической сферах, пристальный интерес исследователей вызывают вопросы перевода, в том числе машинного, данных многокомпонентных терминов [2; 8 и др.] и продуктивных моделей многокомпонентной номинации [1; 7].

Вместе с тем недостаточно внимания уделяется рассмотрению моделей многокомпонентной номинации в авиационно-технической терминосфере и способам их перевода, что является предметом настоящего исследования.

В рамках исследования нами было проанализировано 100 терминов, извлеченных методом случайной выборки из американских источников авиационно-инженерной направленности, а также специализированных словарей [1*; 2*; 2**].

Исследование показало, что словосочетания, образованные путем соположения основ ряда существительных, выступающих в функции определения (препозитивные атрибутивные словосочетания) [3, с.117], являются одной из наиболее частотных моделей образования терминов авиационно-технической направленности.

Рассмотренные термины представлены словосочетаниями:

с двумя компонентами (30%)

generator breakers – прерыватели генератора

tandem missile – ракета с последовательным расположением двигателей;

тремя компонентами (48%)

alternator master switch – выключатель главного генератора

tandem rotor helicopter – вертолет с последовательной схемой;

четырьмя компонентами (12%)

aircraft power distribution system – система распределения электропитания воздушного судна

fuel pressure warning – сигнальная лампочка давления топлива;

пятью и более компонентами (10%)

semi-solid state voltage regulator – полупроводниковый регулятор напряжения

tandem-charge HEAT projectile – ПТ кумулятивный снаряд с последовательным расположением разрывных снарядов.

Отметим, что перевод атрибутивных многокомпонентных терминов представляет сложность как из-за многообразия лексико-семантических связей между элементами словосочетаний, так и различия структурных, синтаксических связей английского и русского языков.

Среди вариантов перевода многокомпонентных военных терминов указывают на [8, с.21-23]

– перевод аналогичным препозитивным атрибутивом:

ground service – наземное обслуживание;

– перевод посредством перестановки компонентов:

constant-speed drive – привод постоянной скорости

integration time – время интеграции;

– перевод при помощи словосочетаний с предлогом:

tandem seat fighter – истребитель с последовательным расположением кресел

drone surveillance – разведка с использованием беспилотных средств;

– перевод при помощи причастных, деепричастных оборотов:

tandem-shaped charge projectile – заряд с двумя последовательно расположенными кумулятивными снарядами;

– описательный перевод:

lightning strike drone – дрон с гибридной силовой установкой

Centaur tandem adaptor – тандемный переходный отсек ракеты-носителя [1*; 2*; 1**; 2**].

Как видим, из представленных примеров, указанные способы перевода многокомпонентных военных терминов целесообразны и при передаче на русский язык современных понятий авиационно-технической сферы.

Однако, как показал наш анализ, перевод с помощью причастных / деепричастных оборотов не столь характерен для передачи авиационно-инженерных терминов. Предпочтение отдается словосочетаниям с прилагательным:

warning lights – световая сигнализация

four-generator system – четырехгенераторная система (НЕ система, состоящая из четырех генераторов)

drone cargo carrier – телеуправляемый транспортный самолет

rocket-size drone – малогабаритный дрон.

К продуктивным моделям перевода многокомпонентных терминов следует отнести и перевод при помощи приложения, представляющего собой переводческую «кальку»:

predator-drone – дрон-хищник;

drone-taxi – дрон-такси;

helicopter-drone – вертодрон;

drone bomber target – телеуправляемая бомбардировщик-мишень;

перевод сочетанием существительного в родительном падеже:

drone surveillance aircraft – беспилотные средства наблюдения.

Нередко при переводе сложных технологий, устройств применяется комбинация разных способов перевода:

avionics full-duplex switched Ethernet – полудуплексная коммутируемая сеть Ethernet для авионики (сочетание с прилагательным+иноязычный элемент+перестановка компонентов+ сочетание с предлогом);

tandem-shaped charge projectile – заряд с двумя последовательно расположенными кумулятивными снарядами (сочетание существительного с предлогом, с прилагательным, причастный оборот+перестановка компонентов).

Думается, многокомпонентные термины в отличие от однословных способны кратко и емко номинировать сложные процессы и явления, буквально «упаковывая» сложный феномен в номинативную группу, состоящую всего из несколько слов [5, p.7-8], в чем и состоит их растущее значение в современных отраслях науки и техники.

Вместе с тем перевод многокомпонентных атрибутивных сочетаний военно-технической сферы представляет сложность для переводчиков, которая обусловлена контекстом употребления данной языковой единицы, неоднозначности семантических связей между элементами, многозначности терминов, в которых скрещиваются понятия разных предметных областей. Таким образом, все перечисленные способы перевода

многокомпонентных терминов являются продуктивными в авиационно-технической сфере, выбор метода перевода зависит от контекста и семантической нагрузки самой атрибутивной группы.

Литература

1. Bauer L. Compounds and multi-word expressions in English. 2019. URL: <http://doi.org/10.1515/9783110632446-002> (дата обращения 03.12.2020).
2. Ванягина М.Р., Канатаев Д.В. Перевод военных многокомпонентных терминов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Том 11. С. 13- 19.
3. Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский: Учеб. пособие. – М.: Новое знание, 2003. 287 с.
4. Lieber R. *Introducing morphology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 255 p.
5. Linh Mai N. *Noun-noun combinations in technical writing*. Thesis. Suraharee University of Technology. 2010. 132 p.
6. Moon R. Multi-word items / Taylor J. // *The Oxford handbook of the word*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 120-140.
7. Tanaki T., Baldwin T. Noun-noun Compound machine translation: A feasibility study on shallow processing // *Proceedings of the ALC 2003 Workshop on Multiword Expressions Analysis, Acquisition and Treatment*. 2003. P. 17-24.
8. Учебник военного перевода. Английский язык. Нелюбин Л.Л. [и др.] / под ред. Л.Л. Нелюбина. М.: Воениздат, 1981.
9. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974. 427 с.

Список источников примеров

- 1* Eismen Th. K. *Aircraft Electricity and Electronics*. Fifth edition. Glencoe Aviation Technology Series. McmillanMcGraw-Hill, 1984. 417 p.
- 2* Tooley M., Wyatt D. *Aircraft Electrical and Electronic Systems. Principles, operation and maintenance*. Oxford: ELSEVIER, 2009. 408 p.

Список словарей

- 1** *Англо-русский военный словарь* / под общ. ред. Г.А. Судзиловского. Изд-е 2-ое. М.: Военное издательство, 1968. 1060 с.
- 2** Multitran URL: <http://multitran.com> (дата обращения 03.12.2020).

ATTRIBUTIVE COMPOUNDS IN MILITARY AND TECHNICAL SHPERE AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

Varushkina A.V.
Sereda A.M.

Military Educational and Scientific Centre of the Air Forces “Air Force Academy named after prof. N.E. Zhukovskiy and Ya.A. Gagarin”, Voronezh

Abstract. The article focuses on studying the models of military and technical terminological compounds and the ways of translation them into the Russian language. The study has revealed that the prepositional attributive constructions are one of the productive models of terms formation in the American aviation manuals under analysis. The paper proves that using a similar

prepositional attribute, rearranging components, employing noun+preposition, adjective+noun word combinations, and noun in apposition constructions, as well as descriptive translation are efficient ways to translate compound terms into the Russian language. Compound terms, which are to describe complex processes and phenomena briefly and concisely, are getting a significant place in the modern professional sublanguages.

Key words: military and technical terms; compound; nominalization; translation; professional sublanguage

Варушкина Анастасия Валерьевна,

Доцент кафедры иностранных языков
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
тел.: +7 (951) 568 5751
e-mail: nastzher@yandex.ru

Серета Александр Михайлович,

Курсант факультета авиационного оборудования
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
тел.: +7 (951) 568 5751
e-mail: nastzher@yandex.ru

Anastasia V. Varushkina

Air Force Academy
senior lecturer of the Department of Foreign languages
mobile.: +7 (951) 568 5751
e-mail: nastzher@yandex.ru

Alexander M. Sereda

Air Force Academy
Cadet of the Department of Aircraft equipment
mobile.: +7 (951) 568 5751
e-mail: nastzher@yandex.ru

УДК: 81'42

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЙ

Вахтерова Е.В.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению академического исследовательского дискурса. На материале англоязычных научных статей рассматривается концепция дисциплинарной вариативности, сформулированная британским ученым К. Хайландом. Согласно этой концепции выбор лексико-грамматических средств, а также риторических приемов аргументации зависит от научной дисциплины и ее дискурсивного сообщества. Автор предполагает, что проявления дисциплинарной вариативности можно проследить на уровне структурной организации текста внутри одного жанра. Поэтому целью настоящего исследования стало выявление дисциплинарной вариативности в содержательно-композиционной структуре аннотаций медицинских и лингвистических исследовательских статей. Deskriptivno-sopostavitelnyy analiz tekstov annotatsiy provodilsya po sleduyushim parametram: soderzhatelnyye komponenty teksta (osnovnyye i dopolnitelnyye), kompozitsionnaya struktura teksta, ob'em. V rezul'tate issledovaniya vyavleny suщественные razlichiya v kompozitsionno-soderzhatel'noy struktуре лингвистических и медицинских аннотаций (вариации в содержательных компонентах текста, наличие/отсутствие подзаголовков, рубрик в тексте), что свидетельствует о проявлении дисциплинарной вариативности в текстах различных научных дисциплин.

Ключевые слова: академический дискурс, исследовательский дискурс, англоязычная аннотация, дисциплинарная вариативность, содержательная структура, композиционная структура

Введение. Современные исследования в области академического дискурса во многом обусловлены расширением международного научного сотрудничества, увеличением объема научных публикаций на английском языке, а также унификацией требований академических журналов к соблюдению жанровых норм. Само понятие академического дискурса как способа мышления и использования языка в науке и образовании [1, с.2] настолько объемно, что очевидно включает в себя устную и письменную коммуникацию, а также ее участников и продукты – текстовые произведения. Изучение оригинальных исследовательских статей привело нас к идее выделения исследовательского дискурса [2, с.71], который включает в себя собственно исследовательскую деятельность, ее участников и продукты их коммуникации. Одним из наиболее распространенных жанров исследовательского дискурса является исследовательская статья (Research Article) и аннотация (Abstract), которая является частью статьи, но будучи реферативным жанром, может выступать и как самостоятельное произведение.

Исследовательские статьи содержат аннотацию, в которой авторы должны осветить цель, методологию, результаты и выводы своего исследования, чтобы убедить читателей в том, что статью стоит прочитать [3, с.64]. Этот жанр привлек значительное внимание в последние годы. Были исследованы лингвистические и риторические особенности английских аннотаций исследовательских статей [4; 5; 6, с.93; 7, с.491; 3; 8, с.1807; 9, с.280].

Согласно Дж. Свэйлзу, ход (move) в жанровом анализе определяется как дискурсивная или риторическая единица, которая выполняет согласованную коммуникативную функцию в письменном или устном дискурсе [10, с.228]. Каждый ход имеет свою коммуникативную цель, которая, наряду с другими ходами, способствует общей коммуникативной цели текста [11, с.237]. В нашем исследовании мы используем термин “содержательный компонент” (СК) как более точно обозначающий тематические компоненты текста аннотации.

Исследователи, анализируя аннотации, предложили различные структуры. В.К. Бхатия [4] иллюстрирует структуру аннотаций, состоящую из четырех содержательных компонентов (IMRD), а именно «Введение» (*Introduction*), «Метод» (*Method*), «Результаты» (*Results*) и «Обсуждение» (*Discussion*) или, альтернативно, «Заключение» (*Conclusion*). Р. Вайсберг и С. Букер [12] представили в своем учебнике следующую структуру аннотаций: «Фон» (*Background*), «Цель» (*Purpose*), «Метод» (*Method*), «Результаты» (*Results*) и «Заключение» (*Conclusion*), причем первый содержательный компонент (*Background*) является необязательным. М. Сантос [7, с.495] представил структуру, включающую пять содержательных компонентов (СК): СК1 – рассматриваемое исследование; СК2 – представление исследования; СК3 – описание методологии; СК4 – подведение итогов; СК5 – обсуждение результатов. Точно так же К. Хайланд [3] предложил структуру для анализа академических аннотаций, состоящую из пяти содержательных компонентов: «Введение» (*Introduction*), «Цель» (*Purpose*), «Метод» (*Method*), «Продукт» (*Product*) и «Заключение» (*Conclusion*). Из вышеприведенной информации видно, что модель, состоящая из пяти содержательных компонентов является предполагаемой структурой аннотации, хотя в разных исследованиях содержательные компоненты могут называться по-разному.

Данные исследования показали, что представление авторами своих статей в аннотациях с помощью выбора различных содержательных компонентов часто варьируется в зависимости от дисциплины [3]. Так, рассматривая статьи и аннотации медицинских и лингвистических статей можно заметить, что они отличаются по содержательной и организационной структуре подобно тому, как отличаются и сами исследовательские статьи.

Занимаясь исследованием академического дискурса и научных публикаций, британский ученый Кен Хайланд обратил внимание на то, что выбор лексико-грамматических средств, а также риторических приемов аргументации зависит от научной дисциплины и ее дискурсивного сообщества [13, с.171]. Эти находки привели его к идее о дисциплинарной вариативности. Так, в первой декаде 21 века возникает концепция дисциплинарной вариативности, согласно которой каждая предметная дисциплина представляет собой способ осмысления человеческого опыта, который развивался на протяжении поколений, и зависит от своих собственных конкретных практик: своих инструментальных процедур, своих критериев для оценки актуальности и обоснованности, а также от своих соглашений о приемлемых формах аргументации.

Исследования дисциплинарной вариативности обнаружили интересные наблюдения и выводы. Так, К. Хайланд на материале научных статей из разных дисциплин проанализировал особенности употребления сообщающих глаголов (*reporting verbs*). Таким образом, согласно К. Хайланду, в так называемых «soft sciences» в основном используются глаголы, относящиеся к письменной деятельности, такие как *discuss, hypothesize, suggest, argue*; в «hard sciences», напротив, предпочтительны глаголы, которые указывают на само исследование, например, *observe, discover, show*.

Еще одним поразительным отличием в том, как язык различается в разных областях, является использование хеджирования, такого как *possible, might, probably* и т. д. Использование хеджирования подразумевает, что утверждение основано на вероятных рассуждениях, а не на определенных знаниях [14]. Так, примеры хеджирования в два раза чаще встречаются в гуманитарных и социальных науках, чем в естественных науках. Эти результаты относятся к исследованию научных статей, но последние исследования также показывают дисциплинарную вариативность в том, как авторы конструируют жанры, такие как магистерские диссертации [15, с.55], веб-сайты [12, р.181], эссе, рефераты [16, с.151] и кандидатские диссертации [17].

Таким образом, анализ текстов одних и тех же жанров, написанных в разных научных дисциплинах, помогает выявить отличительные способы, которыми дисциплины задают вопросы, обращаются к литературе, обсуждают идеи и представляют аргументы. Концепция дисциплинарной вариативности, предложенная в работах К. Хайланда, предполагает, что, несмотря на универсальные характеристики того или иного академического жанра, различные дисциплины по-разному конструируют знание и научные практики [1, с.65]. Следуя логике данной концепции, мы предполагаем, что дисциплинарная вариативность выражается в различных способах трансляции этих знаний, в специфике структурирования дискурса и текста, а также в особенностях выбора языковых средств в зависимости от предметной области. Предполагаем также, что проявления дисциплинарной вариативности можно проследить на уровне структурной организации текста внутри одного жанра. Поэтому целью настоящей работы является попытка выявления и анализа дисциплинарной вариативности жанрово-композиционной структуры аннотаций медицинских и лингвистических статей.

Материалы и методы. Поскольку настоящая работа посвящена выявлению и анализу дисциплинарной вариативности в жанрово-композиционной структуре аннотаций медицинских и лингвистических исследовательских статей, эта цель определили процедуру анализа, включающую следующие этапы:

1. сбор эмпирического материала – методом сплошной выборки были отобраны аннотации англоязычных исследовательских статей из медицинских и лингвистических журналов за 2018-2020 гг.;

2. определение критериев и процедуры анализа – после отбора эмпирического материала были установлены основные параметры анализа, а именно объем, содержательная и композиционная структура;

3. интерпретация полученных в ходе сопоставления данных – после проведения дескриптивно-сопоставительного анализа аннотаций были описаны все полученные результаты;

4. определение дисциплинарной вариативности в жанрово-композиционной структуре аннотаций медицинских и лингвистических исследовательских статей.

В данном исследовании нами были собраны аннотации англоязычных медицинских и лингвистических исследовательских статей. Таким образом на первом этапе исследования был осуществлен сбор исследовательского материала, в который вошли 10 аннотаций англоязычных лингвистических исследовательских статей из журналов «Applied Linguistics» [1*] и «Discourse Studies» [2*] и 10 англоязычных медицинских исследовательских статей из журналов «British Medical Journal» [3*] и «New England Journal of Medicine» [4*] за 2018-2020 гг. Общий объем проанализированного материала составил примерно 6000 слов.

Методика исследования базировалась на дескриптивно-сопоставительном анализе текста [18, с.25]. За основу были взяты следующие параметры анализа:

– композиционная структура – организация содержательных компонентов, т.е. способ организации: структурированный / неструктурированный, с подзаголовками / без подзаголовков, абзацное выделение (красная строка) / не абзацное выделение (жирный / курсив внутри текста без выделения с красной строки).

– содержательная структура – содержательные компоненты или ходы в терминах К. Хайланда: 5 универсальных содержательных компонентов (СК1 – введение, СК2 – цель, СК3 – методы, СК4 – результаты, СК5 – заключение); наличие / отсутствие содержательных компонентов и их синтаксическая репрезентация.

– объем – в каком объеме представлены содержательные компоненты в аннотациях.

После отбора аннотации анализировались согласно их структуре. Основной единицей для анализа содержательных компонентов в этом исследовании было предложение. Однако, учитывая тот факт, что аннотации представляют собой сжатые тексты [7, с.481; 19, с.1; 11, с.231], в некоторых случаях в качестве аналитической единицы также использовалась фраза. Таким образом, следуя модели аннотаций К. Хайланда [3], в этом исследовании были проанализированы содержательные компоненты в каждой аннотации. Также была проанализирована композиционная структура аннотаций медицинских и лингвистических исследовательских статей и их объем.

Нельзя забывать и о нормативных требованиях по содержанию и оформлению статей (Author's guide), выставляемых научными журналами. При этом стоит отметить, что эти требования складывались из практики академического дискурса и содержат сформировавшиеся в ходе этой практики наиболее типичные (универсальные) закономерности организации и оформления исследования, характерного для той или иной научной дисциплины. Таким образом, требования для авторов отражают сложившуюся дискурсивную практику определенной научной дисциплины.

Результаты и обсуждение (1). Композиционная структура аннотаций. Если говорить о композиционной структуре, то аннотация МС представляет собой структурированный тип текста с четко выделенными рубриками и подзаголовками. И хотя количество и название рубрик могут варьироваться в зависимости от журнала, наличие рубрик *Методы (methods)*, *Результаты (results)* и *Выводы (conclusion)* можно наблю-

дать в любой медицинской аннотации. Ниже предлагаем пример наиболее детальной аннотации, выполненной по требованиям Британского медицинского журнала:

OBJECTIVE

To evaluate the associations between adiposity measures (body mass index, waist circumference, and waist-to-height ratio) with decline in glomerular filtration rate (GFR) and with all cause mortality.

DESIGN

Individual participant data meta-analysis.

SETTING

Cohorts from 40 countries with data collected between 1970 and 2017.

PARTICIPANTS

Adults in 39 general population cohorts

(n=5 459 014), of which 21 (n=594 496) had data on waist circumference; six cohorts with high cardiovascular risk (n=84 417); and 18 cohorts with chronic kidney disease (n=91 607).

MAIN OUTCOME MEASURES

GFR decline (estimated GFR decline $\geq 40\%$, initiation of kidney replacement therapy or estimated GFR < 10 mL/min/1.73 m²) and all cause mortality.

RESULTS

Over a mean follow-up of eight years, 246 607 (5.6%) individuals in the general population cohorts had GFR decline (18 118 (0.4%) end stage kidney disease events) and 782 329 (14.7%) died...

Results were similar in all subgroups of estimated GFR. In all cohort types, associations between higher waist circumference and higher waist-to-height ratio with GFR decline were similar to that of body mass index; however, increased risk of death was not associated with lower waist circumference or waist-to-height ratio, as was seen with body mass index.

CONCLUSIONS

Elevated body mass index, waist circumference, and waist-to-height ratio are independent risk factors for GFR decline and death in individuals who have normal or reduced levels of estimated GFR. (BMJ 2019; 364 doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.k5301>) [3].*

Также хотим привести для сравнения пример структурированной аннотации из медицинского журнала «New England Journal of Medicine»:

BACKGROUND

Remdesivir, a nucleotide analogue prodrug that inhibits viral RNA polymerases, has shown in vitro activity against SARS-CoV-2.

METHODS

We provided remdesivir on a compassionate-use basis to patients hospitalized with Covid-19, the illness caused by infection with SARS-CoV-2. Patients were those with confirmed SARS-CoV-2 infection who had an oxygen saturation of 94% or less while they were breathing ambient air or who were receiving oxygen support. Patients received a 10-day course of remdesivir, consisting of 200 mg administered intravenously on day 1, followed by 100 mg daily for the remaining 9 days of treatment. This report is based on data from patients who received remdesivir during the period from January 25, 2020, through March 7, 2020, and have clinical data for at least 1 subsequent day.

RESULTS

Of the 61 patients who received at least one dose of remdesivir, data from 8 could not be analyzed (including 7 patients with no post-treatment data and 1 with a dosing error).

Of the 53 patients whose data were analyzed, 22 were in the United States, 22 in Europe or Canada, and 9 in Japan. At baseline, 30 patients (57%) were receiving mechanical ventilation and 4 (8%) were receiving extracorporeal membrane oxygenation. During a median follow-up of 18 days, 36 patients (68%) had an improvement in oxygen-support class, including 17 of 30 patients (57%) receiving mechanical ventilation who were extubated. A total of 25 patients (47%) were discharged, and 7 patients (13%) died; mortality was 18% (6 of 34) among patients receiving invasive ventilation and 5% (1 of 19) among those not receiving invasive ventilation.

CONCLUSIONS

In this cohort of patients hospitalized for severe Covid-19 who were treated with compassionate-use remdesivir, clinical improvement was observed in 36 of 53 patients (68%). Measurement of efficacy will require ongoing randomized, placebo-controlled trials of remdesivir therapy. (Funded by Gilead Sciences.) (N Engl J Med 2020 <https://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMoa2007016>) [4*].

При сравнении двух примеров медицинских аннотаций видно, что несмотря на то, что обе аннотации структурированы, количество и название подзаголовков может отличаться в разных журналах. В медицинском журнале «British Medical Journal» аннотации состоят из 7-9-ти подзаголовков, обязательными из которых являются следующие: *Objective, Design, Setting, Participants, Main outcome measures, Results, Conclusions*. В медицинском журнале «New England Journal of Medicine» аннотации состоят из 4-х подзаголовков: *Background, Methods, Results, Conclusions*. В первом журнале авторы не описывают введение и сразу начинают аннотацию с цели исследования, а во втором, наоборот, цель отдельно структурно не выделяется, но может быть указана во введении.

Аннотации ЛС относятся к неструктурированному типу, их можно назвать дескриптивными. Здесь нет выделенных рубрик и подзаголовков, текст представлен в виде одного абзаца. Ниже предлагаем пример аннотации ЛС:

Abstract

CK1 [The blog is an increasingly familiar newcomer to the panoply of academic genres, offering researchers the opportunity to disseminate their work to new and wider audiences of experts and interested lay people. This digital medium, however, also **brings challenges** to writers in the form of a relatively unpredictable readership and the potential for immediate, public and potentially hostile criticism.] **CK2** [To understand how academics in the social sciences respond to this novel rhetorical situation, we **explore** how they discursively recontextualize in blogs the scientific information they have recently published in journal articles.] **CK3** [Based on two corpora of 30 blog posts and 30 journal articles with the same authors and topics, we examine the ways researchers carefully reconstruct a different writer persona and relationship with their readers using stance and engagement model.] **CK4** [In addition to supporting the view that the **academic blog is a hybrid genre** situated between academic and journalistic writing, we show how writers' rhetorical choices help define different rhetorical contexts.]

Keywords: Academic blogs, engagement, interaction, journal articles, stance. (Discourse Study 2019 <https://doi.org/10.1177/1461445619866983>) [2*].

В вышеприведенных примерах видно, что медицинская аннотация структурирована, состоит из различных подзаголовков и не содержит ключевых слов, а лингвистическая аннотация – дескриптивная и содержит ключевые слова (Academic blogs, engagement, interaction, journal articles, stance). Можно сделать предположение, что аннотации ЛС переносят «ответственность» за правильную интерпретацию содержательных ком-

понентов на читателя, они – «author-friendly» – оставляют автору большую композиционную свободу; а аннотации МС оставляют «ответственность» за правильную интерпретацию содержательных компонентов за автором, они – «reader-friendly» – позволяют читателю однозначно интерпретировать содержательные компоненты как цель, методы и т.д. или вообще не тратить коммуникативные усилия на это, а сосредоточиться непосредственно на пропозиции (какая именно цель, какие именно результаты). Это явные проявления жанрово-дисциплинарной вариативности исследовательского дискурса.

Также мы заметили еще одно отличие аннотаций МС и ЛС: в медицинских аннотациях все содержательные компоненты представлены в виде отдельного предложения или абзаца, а в лингвистических аннотациях несколько содержательных компонентов могут быть объединены в одно предложение. Приведем несколько примеров, демонстрирующих данное отличие:

«**CK2** [*This research investigates students' understandings of climate change*] **CK3** [*by comparing metaphor use in three corpora, of research articles, student educational materials, and of transcribed interviews with school students aged 11–16 from the north of England.*]» (*Applied Linguistics* 2019 <https://doi.org/10.1093/applin/amx035>) [1*].

«**CK3** [*Based on the analysis of a corpus of 2.2 million words from the same leading journals in four disciplines in 1965, 1985, and 2015*], **CK4** [*we document a substantial rise in citations over the period, particularly in applied linguistics and sociology.*]» (*Applied Linguistics* 2019 <https://doi.org/10.1093/applin/amx012>) [1*].

«**CK4** [*This study shows, perhaps for the first time, that even very low-level, beginner secondary students are sensitive to the frequency of lexical bundles which appear in the input they receive from teaching materials*], **CK5** [*a finding that has important implications for teaching and material design.*]» (*Applied Linguistics* 2019 <https://doi.org/10.1093/applin/amy027>) [1*].

Иными словами, содержательные компоненты – они же риторические ходы – представленные и в лингвистических и медицинских аннотациях как обязательные элементы содержательной структуры, являются универсальными или общими характеристиками аннотации. Но то, как они структурированы или их синтаксическая организация свидетельствует о дисциплинарной вариативности. В лингвистических аннотациях наблюдается «структурно-композиционная компрессия» (два компонента в одном предложении), которую можно объяснить менее стандартизированной структурой лингвистических аннотаций и большей авторской свободой в организации обязательных содержательных компонентов. Медицинские аннотации, наоборот, более стандартизованы, где содержательные компоненты полностью представлены (эксплицированы) лексико-синтаксически и графически (с помощью одноименных заголовков, выделений, красных строк).

Результаты и обсуждение (2.) Содержательная структура аннотаций В этом исследовании в качестве основы для анализа содержательной структуры аннотаций была принята модель К. Хайланда [3], включающая пять содержательных компонентов:

1) Введение (СК1) – вводит тему и актуальность. Данный содержательный компонент присутствовал в 80% аннотаций лингвистических статей (ЛС) и в 50% аннотаций медицинских статей (МС) и как правило содержится в первом предложении аннотации.

2) Цель (СК2) – формулирует цель, подчеркивает намерение, стоящее за исследованием. Данный содержательный компонент присутствовал в 70% аннотаций ЛС и в 80% аннотаций МС. Не все авторы ЛС используют СК2 в своих аннотациях, в то время как медицинские исследователи зачастую начинают аннотацию с указания цели. Приведем примеры из аннотаций ЛС и МС:

«To counter misconceptions that have arisen regarding student writing, **this article aims to provide comprehensive linguistic descriptions of a wide range of university assignment genres in relation to multiple situational variables.**» (*Applied Linguistics* 2019 <https://doi.org/10.1093/applin/amy005>) [1*].

«**To conduct a comprehensive analysis of prospectively measured circulating high sensitivity C reactive protein (hsCRP) concentration and risk of lung cancer overall, by smoking status (never, former, and current smokers), and histological sub-type.**» (*BMJ* 2019 <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30606716/>) [3*].

Выделить СК2 в аннотациях довольно легко, так как есть соответствующие лексические маркеры, такие как: *explores, aims to provide, investigates*, либо формы глагола в инфинитиве: *to conduct, to determine, to evaluate* и др.

3) Метод (СК3) – дает информацию о дизайне исследования, методах и процедурах. Данный содержательный компонент присутствовал во всех аннотациях ЛС и МС. Однако, мы заметили некоторые отличия в аннотациях ЛС и МС: авторы ЛС на описание метода исследования выделяют 1-3 предложения, в то время как в аннотациях МС этому разделу отводится от 3-х до 6-ти предложений, при этом подробно описывается дизайн исследования, место проведения, а также участники исследования. Приведем примеры из аннотаций ЛС и МС:

«**To fill this gap, the authors subject 261 news articles from Australian newspapers between 2007 and 2016 to mixed-methods content analysis, guided by Ruiz's three orientations to language.**» (*Applied Linguistics* 2020 <https://doi.org/10.1093/applin/amy052>) [1*].

«**We conducted a randomized, double-blind trial of low-dose methotrexate (at a target dose of 15 to 20 mg weekly) or matching placebo in 4786 patients with previous myocardial infarction or multivessel coronary disease who additionally had either type 2 diabetes or the metabolic syndrome. All participants received 1 mg of folate daily. The primary end point at the onset of the trial was a composite of nonfatal myocardial infarction, nonfatal stroke, or cardiovascular death. Near the conclusion of the trial, but before unblinding, hospitalization for unstable angina that led to urgent revascularization was added to the primary end point.**» (*N Engl J Med* 2019 <https://www.nejm.org/doi/full/10.1056/NEJMoa1809798>) [4*].

Это отличие можно объяснить спецификой исследования. Медицинское исследование представляет собой более сложный процесс, требующий подробное описание всех процедур, а именно: оборудование, использованное в исследовании; как было подготовлено оборудование и что было сделано во время исследования; используемый протокол; как были измерены результаты; методы, используемые для анализа данных и т.д.. Ниже предлагаем для сравнения пример СК3, выполненной по требованиям Британского медицинского журнала, который содержит в себе подзаголовки:

Design

Nested case-control study.

Setting

20 population based cohort studies in Asia, Europe, Australia, and the United States.

Participants

5299 patients with incident lung cancer, with individually incidence density matched controls.

Exposure

Circulating hsCRP concentrations in prediagnostic serum or plasma samples.

Main outcome measure

Incident lung cancer diagnosis. (*BMJ* 2019; 364 doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.k4981>) [3*].

Итак, по вышеприведенным примерам видно, что в аннотациях ЛС данный содержательный компонент может быть представлен в одном предложении (указание

дизайна и материала исследования). В медицинских же аннотациях СКЗ описан более подробно (дизайн, участники, процедура исследования), а также может содержать подзаголовки (*design, setting, participants, exposure, main outcome measure*).

Также интересным отличием, на наш взгляд, являются лексические маркеры, которые служат индикатором дизайна / типа исследования: в аннотациях ЛС обычно используется *analysis (new multidimensional analysis, diachronic analysis, mixed-methods content analysis, discourse analysis)*, а в аннотациях МС – *trial* или *study (open multicentre randomized controlled non-inferiority trial, randomized double-blind trial, nested case-control study, prospective cohort study)*.

4) Результаты (СК4) – сообщает об основных результатах или выводах. Данный содержательный компонент присутствовал во всех аннотациях ЛС и МС. Однако, результаты лингвистических исследований могут быть представлены кратко, в то время как авторы МС предпочитают детально описывать полученные в ходе исследования результаты. Приведем примеры из аннотаций ЛС и МС:

«*In addition to supporting the view that the academic blog is a hybrid genre situated between academic and journalistic writing, we show how writers' rhetorical choices help define different rhetorical contexts.*» (Discourse Studies 2019 <https://doi.org/10.1177/1461445619866983>) [2*].

«*Between May 2016 and January 2019, 1905 participants were randomised. 1858 were included in the intention to treat analysis (17 were identified as ineligible after randomisation and 30 did not undergo surgery). A primary outcome event occurred in 16 of 937 (1.7%) patients in the LMWH alone group compared with 13 of 921 (1.4%) in the LMWH and GCS group. The risk difference between the two groups was 0.30% (95% confidence interval -0.65% to 1.26%). Because the 95% confidence interval did not cross the non-inferiority margin of 3.5% (P<0.001 for non-inferiority), LMWH alone was confirmed to be non-inferior*» (BMJ 2020; 369 doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.m1309>) [3*].

Это отличие также можно объяснить спецификой исследования. Как уже отмечалось ранее, медицинское исследование представляет собой более сложный процесс и, соответственно, фактические данные, полученные в ходе исследования, представлены в большем объеме, так как они часто содержат цифровые, статистические и прочие показатели.

Также мы заметили отличие в употреблении времени в данном содержательном компоненте: в лингвистических аннотациях используются обычно глаголы в настоящем времени активном залоге (*study shows, corpus identifies, we find, we show*), а в медицинских – предпочтительны глаголы а прошедшем времени пассивном залоге (*was observed, was found, were analyzed, was detected*).

5) Заключение (СК5) – говорит о дальнейшем значении работы, а также делает вывод. Данный содержательный компонент присутствовал в 90% аннотаций ЛС и в 100% аннотаций МС. Приведем примеры из аннотаций ЛС и МС:

«*We conclude by offering our comments as to the link between CA and linguistics more generally, arguing that this relationship has long proven to be – and indeed continues to be – a mutually beneficial one.*» (Discourse Studies 2018 <https://doi.org/10.1177/1461445617734344>) [2*].

«*The findings suggest that the positive association between body size in childhood and risk of coronary artery disease and type 2 diabetes in adulthood can be attributed to individuals remaining large into later life. However, having a smaller body size during childhood might increase the risk of breast cancer regardless of body size in adulthood, with timing of puberty also putatively playing a role.*» (BMJ 2020 369 doi: <https://doi.org/10.1136/bmj.m1203>) [3*].

Говоря о лексических маркерах данного содержательного компонента, можно отметить, что почти во всех лингвистических аннотациях они присутствуют (*we conclude, findings have important implications, this study offers recommendations*), в медицинских аннотациях они либо начинают СК5 (*the findings suggest, indicate, confirm*), либо вовсе отсутствуют, так как содержат подзаголовок, указывающий, что это заключение.

Структурное выделение всех содержательных компонентов в проанализированных нами аннотациях представлено в следующих таблицах:

Таблица 1. Содержательная структура аннотаций ЛС

СК/аннот.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СК1	+	+	+	+	+	+	-	+	+	-
СК2	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+
СК3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СК4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СК5	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+

Из данной таблицы видно, что среди всех содержательных компонентов реже в аннотациях ЛС встречается СК2, то есть авторы лингвистических исследований не всегда в своих аннотациях формулируют цель, либо подчеркивают намерение, стоящее за исследованием.

Таблица 2. Содержательная структура аннотаций МС

СК/аннот.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СК1	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
СК2	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
СК3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СК4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
СК5	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Данная таблица показывает, что среди всех содержательных компонентов реже в аннотациях МС встречается СК1, то есть авторы медицинских исследований не всегда в своих аннотациях вводят тему и актуальность исследования.

Результаты и обсуждение (3.) Объем аннотаций. Что касается объема, то аннотации МС намного больше аннотаций ЛС. Объем лингвистических аннотаций варьируется от 149 до 260 слов, а медицинских – от 255 до 400. Результаты количественного анализа представлены в таблицах ниже:

Таблица 3. Количество слов в аннотациях ЛС

СК/аннот.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СК1	32	32	61	15	92	46	-	38	59	-
СК2	24	31	8	-	-	-	38	25	32	19
СК3	49	13	28	51	28	54	91	129	39	24
СК4	33	54	68	73	28	93	54	34	31	98
СК5	11	41	12	38	23	21	27	34	-	36
Всего	149	171	177	177	171	214	210	260	161	177

Из данной таблицы видно, что в лингвистических аннотациях наиболее развернуто описаны результаты исследования, а в наименьшем объеме представлено заключение.

Таблица 4. Количество слов в аннотациях МС

СК/аннот.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
СК1	-	-	-	-	-	23	33	17	37	29
СК2	34	20	19	28	31	26	18	-	16	-
СК3	48	141	78	117	76	75	99	107	80	115
СК4	145	134	108	99	228	115	125	135	167	151
СК5	47	42	50	44	65	42	40	41	39	48
Всего	274	341	255	291	400	285	319	304	343	347

Данная таблица показывает, что в медицинских аннотациях наиболее развернуто описаны результаты, а в наименьшем объеме представлена цель исследования.

Таким образом, проанализировав аннотации МС и ЛС, мы выявили, что в медицинских аннотациях реже встречается такой содержательный компонент, как введение, а в лингвистических – цель исследования; аннотация МС структурирована и не содержит ключевых слов, в то время как аннотация ЛС дескриптивная и содержит ключевые слова; аннотации МС намного объемнее ЛС, при этом в обеих дисциплинах наиболее развернуто описаны результаты исследования.

Заключение. В настоящей работе была рассмотрена аннотация исследовательской статьи, являющаяся распространенным жанром исследовательского дискурса. Были изучены различные подходы к анализу структуры аннотации и представлено понятие дисциплинарной вариативности как части концепции академического дискурса К. Хайланда.

Проведенный дескриптивно-сопоставительный анализ аннотаций англоязычных медицинских и лингвистических исследовательских статей позволил выявить проявления дисциплинарной вариативности в жанрово-композиционной и содержательной структуре абстрактов медицинских статей (МС) и лингвистических статей (ЛС)

Итак, аннотации МС характеризуются следующим:

- аннотации МС являются структурированными;
- медицинские аннотации стандартизированы;
- «Введение» (СК1) содержится не во всех аннотациях к медицинским исследованиям;
- медицинские аннотации могут начинаться с цели (СК2);
- содержательные компоненты «Метод» (СК3) и «Результаты» (СК4) наиболее подробно описываются в аннотациях МС;
- содержательные компоненты «Метод» (СК3), «Результаты» (СК4) и «Заключение» (СК5) являются обязательными;
- аннотации МС достаточно объемные (до 400 слов).

Таким образом, медицинская аннотация структурирована, состоит из различных подзаголовков и не содержит ключевых слов, что позволяет предположить, что авторы аннотаций МС оставляют ответственность за правильную интерпретацию жанрово-тематических элементов за собой, что является дополнительным проявлением прагматической кооперативности и вежливости по отношению к читателю. Медицинские аннотации стандартизованы, где жанрово-тематические компоненты полностью представлены. Медицинское исследование представляет собой сложный процесс, предполагающий подробное описание всех процедур и результатов исследования, поэтому такие содержательные компоненты как «Метод» и «Результаты» представлены в большем объеме. Среди всех содержательных компонентов реже в аннотациях МС встречается введение, так как исследователям в области медицины не столь важно ввести тему и актуальность исследования, а важнее подчеркнуть цель и намерение, стоящее за

исследованием. Так как последние три содержательных компонента (СК1, СК2, СК3) присутствовали во всех аннотациях МС, то можно утверждать, что они являются обязательными в содержательной структуре медицинских абстрактов. Объем медицинской аннотации варьируется от 255 до 400 слов.

Аннотации к ЛС обладают следующими особенностями:

- аннотации ЛС являются дескриптивными;
- в аннотациях ЛС несколько содержательных компонентов могут быть объединены в одном предложении, то есть проявляется композиционная компрессия;
- «Введение» (СК1) содержится практически во всех аннотациях к лингвистическим исследованиям;
- не все авторы ЛС используют содержательный компонент «Цель» (СК2) в своих аннотациях;
- содержательные компоненты «Метод» (СК3), «Результаты» (СК4) и «Заключение» (СК5) являются универсальными;
- аннотации ЛС не очень объемные (до 260 слов).

Итак, лингвистическая аннотация – дескриптивная и содержит ключевые слова, что позволяет предположить, что авторы аннотаций ЛС переносят «ответственность» за правильную интерпретацию жанрово-тематических компонентов на читателя («author-friendly»). В лингвистических аннотациях наблюдается «структурно-композиционная компрессия», которую можно объяснить менее стандартизированной структурой аннотаций ЛС и большей авторской свободой в организации обязательных жанрово-тематических компонентов. Ученые-лингвисты зачастую начинают свои аннотации с введения и не всегда формулируют цель исследования. Так как последние три содержательных компонента (СК1, СК2, СК3) присутствовали во всех аннотациях ЛС, то можно утверждать, что они являются универсальными в содержательной структуре лингвистических абстрактов. Объем лингвистической аннотации варьируется от 149 до 260 слов.

Таким образом, жанрово-тематические компоненты, представленные и в аннотациях ЛС и МС как обязательные элементы содержательной структуры, являются универсальными характеристиками аннотации, но то, как они структурированы свидетельствует о дисциплинарной вариативности исследовательского дискурса, о чем свидетельствуют выявленные и описанные нами выше черты.

В заключении отметим, что дальнейшее изучение дискурсивно-жанровых характеристик англоязычного исследовательской статьи позволит расширить и углубить наше представление о норме и практике письменного модуля англоязычного исследовательского дискурса.

Литература

1. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. London: Continuum, 2009. – p. 215.
2. Вахтерова Е.В., Борискина О.О., Стеблецова А.О. Исследовательский дискурс: жанровые универсалии и дисциплинарная специфика научных статей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2935>
3. Hyland K. Disciplinary discourses: social interactions in academic writing. Harlow: Longman, 2000. – p. 211.
4. Bhatia Vijay K. Analysing genre: language use in professional settings. London: Longman, 1993. – p. 246.

5. Nwogu K.N. Discourse variation in medical texts: Schema, theme and cohesion in professional and journalistic accounts. Nottingham: University of Nottingham, 1990. – p. 388.
6. Salager-Meyer F. A text-type and move analysis study of verb tense and modality distribution in medical English abstracts. *English for Specific Purposes* 11. – 1992. – p. 93–113.
7. Santos M.B.D. The textual organization of research paper abstracts in applied linguistics. *Text*. 16(1). – 1996. – p. 481-499.
8. Dahl T. Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline. *Journal of Pragmatics* 36. – 2004. – p. 1807–1825.
9. Lores Rosa. On RA abstracts: from rhetorical structure to thematic organisation. *English for Specific Purposes* 23. – 2004. – p. 280–302.
10. Swales J. *Research Genres. Explorations and Applications*. New York: Cambridge University Press. 304. – 2004. – p. 260.
11. Pho P.Z. Research article abstracts in applied linguistics and educational technology: A study of linguistic realizations of rhetorical structure and authorial stance. *Discourse Studies* 10(2). – 2008. – p. 231–250.
12. Weissberg R., Buker S. *Writing up research*. London: Prentice-Hall International (UK) Limited, 1990.
13. Hyland K. *Academic discourse // Continuum Companion to Discourse Analysis*. London: Continuum, 2011. – p. 171–184.
14. Hyland K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
15. Samraj B. A discourse analysis of master's theses across disciplines with a focus on introductions. *Journal of English for Academic Purposes*, 7. – 2008. – p. 55–67.
16. Gimenez J. Beyond the academic essay: discipline-specific writing in nursing and midwifery. *J Engl Acad Purp* 7(3). – 2009. – p. 151–164.
17. Hyland K. *Genre and Second Language Writing*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004.
18. Стеблецова А.О. *Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика – Воронеж: Истоки, 2017. – с. 310.*
19. Anderson K., Maclean J. A genre analysis study of 80 medical abstracts. *Edinburgh Working Papers in Applied Linguistics* 8. – 1997. – p. 1–23.

Список источников примеров

- 1*. *Applied Linguistics* – [electronic resource] – <https://academic.oup.com/applij>
- 2*. *Discourse Studies* – [electronic resource] – https://www.researchgate.net/journal/1461-4456_Discourse_Studies
- 3*. *British Medical Journal* – [electronic resource] – <https://www.bmj.com/>
- 4*. *New England Journal of Medicine* – [electronic resource] – <https://www.nejm.org/>

DISCIPLINARY VARIATION OF THE RESEARCH DISCOURSE: GENRE FEATURES OF ENGLISH ABSTRACTS

Elena V. Vakhterova
Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko
Voronezh State University

Abstract. The article is devoted to the study of academic research discourse. Based on the material of English-language research articles, the concept of disciplinary variation formulated by the British scientist K. Hyland is considered. According to this concept, the choice of lexical and grammatical means, as well as rhetorical methods of argumentation, depends on the scientific discipline and its discourse community. The author suggests that the manifestations of disciplinary variation can be traced at the level of the structural organization of the text within one genre. Therefore, the purpose of this study was to identify disciplinary variation in the content-compositional structure of abstracts of medical and linguistic research articles. Descriptive-comparative analysis of abstracts texts was carried out according to the following parameters: content components of the text (main and additional), compositional structure of the text, volume. The study revealed significant differences in the compositional and content structure of linguistic and medical abstracts (variations in the content components of the text, the presence / absence of subtitles, headings in the text), which indicates the manifestation of disciplinary variation in the texts of various scientific disciplines.

Key words: academic discourse, research discourse, English-language abstract, disciplinary variation, content structure, compositional structure

Вахтерова Е.В.

Воронежский государственный
университет
аспирантка кафедры теоретической и
прикладной лингвистики
Приднестровский государственный
университет им. Т.Г. Шевченко
старший преподаватель кафедры
английской филологии
тел.: (373)77801477
e-mail: elena91vahterova@mail.ru

Elena V. Vakhterova

Voronezh State University
post-graduate student of the Department of
Theoretical and Applied Linguistics
Pridnestrovian State University named
after T. G. Shevchenko
Senior Lecturer of the Department of
English Philology
mobile: (373)77801477
e-mail: elena91vahterova@mail.ru

УДК: 811.112

РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ АССИМИЛЯЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Волкова Т.И.
Международный институт компьютерных технологий

Аннотация. В настоящее время наблюдается интенсивное проникновение иностранных слов в современный немецкий язык, что является причиной ускорения процессов ассимиляции лексем в принимающем языке и создает большие возможности непосредственного наблюдения за этими процессами. Значительная доля заимствований проникает в немецкий

язык через каналы СМИ. Исследование этих процессов особенно актуально для современного немецкого языка, так как иностранные слова, проникающие в немецкий язык из языков, использующих латинский алфавит, сохраняют свой орфографический облик. Процессы фонетической ассимиляции заимствований исследуются и анализируются в тесной связи с нормой языка-реципиента. Рассматриваются разнонаправленные процессы, связанные с фонетическим аспектом заимствования, в которых одни и те же лексемы подвергаются как процессам ассимиляции, так и процессам, позволяющим сохранить исходный фонемный состав. Исследование процессов, происходящих при заимствовании на фонетическом уровне, теоретически значимо в лингвистическом аспекте, а также при преподавании немецкого языка как иностранного. Перспективным представляется получение более полных данных о процессах ассимиляции в современном немецком языке в различных формах его существования.

Ключевые слова: иностранные слова, процессы фонетической ассимиляции, норма языка, разнонаправленные процессы, ассимилированные иноязычные фонемы

Стремительное развитие средств массовой коммуникации, небывалый прогресс в области новейших информационных технологий, появление новых профессий способствуют проявлению особого интереса к изучению различных языков и культур. Невозможно сегодня представить себе иностранный язык, который бы развивался самостоятельно, независимо от других языков. Общаясь, люди вольно или невольно оказывают большое влияние не только друг на друга, но и на сами языки, на которых они говорят, что способствует притоку большого количества иноязычной лексики. Все иностранные слова попадают под влияние ассимиляции, в результате которой одни заимствования постепенно начинают употребляться согласно законам немецкого языка, другие же, наоборот, произносятся, как в исходном языке. Важным, на наш взгляд, является то, что как только заимствованное слово попадает в разговорную речь, оно сразу же подвергается фонетической ассимиляции. В немецком языке сохраняется орфографическое оформление иноязычного слова, что усложняет исследование фонетической ассимиляции. Возникают трудности при его произнесении. Сами носители языка испытывают сложности при произнесении иностранного слова. Возникает вопрос: произносить заимствование по законам принимающего языка или исходного? Как отмечает Т.А. Шумовский, «человеческой речи свойственно на уровне подсознания с наименьшим напряжением затрачивать предельно мало труда на произнесение, в большей мере ее занимает суть произносимого» [1, с.63].

Чем проще структура процесса артикуляции, тем легче воспринимается на слух иностранное слово, а значит, оно будет чаще употребляться в речи. Частотность употребления заимствования играет большую роль, так как от этого зависит вхождение иностранного слова в систему немецкого языка. Чем активнее употребляется иностранное слово в речи, тем быстрее оно приспосабливается к законам языка-реципиента и, таким образом, теряет исходное произношение. Очень часто подобные слова уже принимаются носителями языка как немецкие, а не как иностранные [2, с. 102], быстрее ассимилируются.

Материал и методы исследования

Ввиду интенсивности проникновения заимствованных слов в другие языки появляется возможность непосредственного наблюдения и исследования данных процессов. В настоящее время обнаруживается интенсивное проникновение иноязычных слов в СМИ: на телевидение, радио и в прессу. В нашем исследовании мы использовали ежедневную немецкую газету «Die Zeit Online» [1*], тираж которой составляет 504 420 экземпляров, а количество читателей достигает 1,66–2,34 миллиона. На страницах этой

газеты можно найти актуальные новости, связанные с политикой, а также статьи разной тематики – о здоровье, карьере, научных открытиях и т. д., т. е. освещающие сферы, в которые проникает большое количество иноязычной лексики.

И сразу же появляется проблема: как эти новые иностранные слова следует произносить? Вопрос произношения иноязычной лексики привлекал и привлекает внимание многих лингвистов как в России, так за рубежом. Например, Макса Мангольда, на протяжении десятилетий интенсивно занимался вопросом произношения иностранных слов и имен [1**– 6**]. Он проанализировал проблему с разных сторон и разработал рекомендации, которые, благодаря словарям по произношению DUDEN, достигли высокого уровня их признательности и распространения. Интересна мысль М. Мангольда о том, что проблему произношения иностранных слов и имен невозможно «решить» раз и навсегда ввиду постоянного пополнения словарного запаса иностранных слов и особенно иностранных имен [3, с.159]. Помимо прочего, изменения в стандартном произношении, «меняющиеся коммуникативные потребности», возникновение новых стилистических требований, «использование стандартного произношения разными социальными группами с разными целями» и многое другое оказывают сильное влияние на произношение заимствований [3]. Трудность исследования процессов ассимиляции в современном немецком языке заключается в том, что немецкий язык, как и языки, использующие латинский алфавит, сохраняет орфографический облик иноязычных лексем. Это создает определенные трудности при произношении иностранных слов. Следует отметить, что данная проблема мало изучена, касающихся ее работ, и особенно на материале СМИ, немного, поэтому наше исследование и анализ заимствованных слов с фонетической точки зрения в момент их вхождения в систему принимающего языка являются актуальными на сегодняшний день.

Исследование разнонаправленных процессов ассимиляции иноязычных слов в современном немецком языке на фонетическом/фонологическом уровне явилось целью нашей работы. Объектом стали иностранные слова из немецких газет. Предметом – разнонаправленные процессы ассимиляции иноязычной лексики. Материалом послужили немецкие словари и газеты, поскольку считаем прессу основным проводником иноязычных слов в любой другой язык.

Анализ процессов ассимиляции иностранных слов на фонетическом/фонологическом уровнях мы рассматриваем в тесной связи с нормой языка-реципиента. Мы согласны с мнением Л.В. Величковой, что «нормой» является «совокупность правил» [4, с.72], а также с позицией Э. Штока в том, что реализация звуков и интонационных параметров проходит в совокупности с правилами принимающего языка [5, с.61–62].

Возникновению стандартного произношения (Standart(aus)sprache) способствует нормирование произношения. Нам близко мнение Х. Глюка, считающего, что стандартное произношение является «фонетической реализацией», которая происходит в соответствии с «нормой, установленной для соответствующего языка как орфографический стандарт» [6, с.667]. Интенсивное распространение средств массовой информации в устной форме и активной коммуникации благоприятствует тому, что произносительная норма современного немецкого языка проникает как в сферы общественной коммуникации, так и в разговорный немецкий язык на бытовом уровне. Особенно заметно проникновение нормы наблюдается в повседневном немецком языке жителей современной Германии.

При анализе фонемного состава были учтены изменения, которые касались иноязычных фонем и фонем немецкого языка. Удалось зарегистрировать несколько тен-

денций ассимиляции иностранных слов в экспериментальном корпусе – тенденция сохранения оригинального произношения, разнонаправленные процессы, ассимиляция, происходящая по нормам немецкого произношения, тенденция употребления фонем английского языка в иностранных словах из других языков, изменения на орфографическом уровне. На исследовании одной из этих тенденций, а именно на разнонаправленных процессах ассимиляции иноязычной лексики в современном немецком языке, и хотелось бы остановить свое внимание.

Было установлено, что заимствования в разнонаправленных процессах составляют 5,22 %. Значимым, на наш взгляд, в этих процессах оказалось то, что иностранные слова не только ассимилируются по нормам немецкого языка, но и сохраняют свою оригинальность. Важно отметить, что происходят эти процессы одновременно (табл. 1).

Таблица 1. Разнонаправленные процессы ассимиляции

Иностранное слово	Происхождение иностранного слова	1982 г.	2010 г.
revanchieren	lat. – fr.	[re'vanʃi:rən] (немеч.) [re'vāʃi:rən] (cox.)	kevanʃ'i:kən (немеч.) od. kəvā... (cox.)
Rendezvous	lat. – vulgärlat. – fr.	[rändə'vu:] (cox.) [raŋdə'vu:] (немеч.)	ɾ'ā:dvu: (cox.) od. ...v'u: (cox.)
Abonement	lat. – fr.	[abɔnə'maŋ] (немеч.) [abɔnə'mā:] (cox.)	[abɔnəm'ā:] (cox.)
Balance	lat. – vulgärlat. – fr.	[ba'laŋsə] (немеч.) [ba'lā-s] (cox.)	fr. ba'laŋsə (немеч.) od. ...laŋs (немеч.) od. ...lā:s (cox.)
Service	lat. – fr. lat. – fr. – engl.	[zɛr'vi:s] (немеч.) [sœ:vi:ts] (cox.)	engl. bɛ'ləs (cox.) engl. s'œ:fvɪs (cox.) fr. zɛ'vɪ:s (немеч.) od. sɛ'... (cox.)
live	engl.	[laef] (cox.)	Live ʔi:və (немеч.) Live engl. [laef] (cox.)
Labour	lat. – engl.	[lɛɪbɔ'pɑ:ti] (cox.)	[l'e:bɔ'pɑ:ʔti:] (немеч.)
okay	amerik.	[ou'keɪ] (cox.) [oke:] (немеч.)	o:k'e: (немеч.)
Emblem	gr. – lat. – fr.	[em'ble:m] (немеч.) [ā'ble:m] (cox.)	[em'be:m] (немеч.)
respekt	lat. – fr.	[re'spekt] (немеч.) [re'spekt] (cox.)	ke'spekt (немеч.)

Большую часть слов в разнонаправленных процессах составили иностранные слова, которые были заимствованы из французского (табл. 2) и английского (табл. 3) языков.

Таблица 2. Употребление иноязычных фонем в заимствованиях из французского языка в разнонаправленных процессах

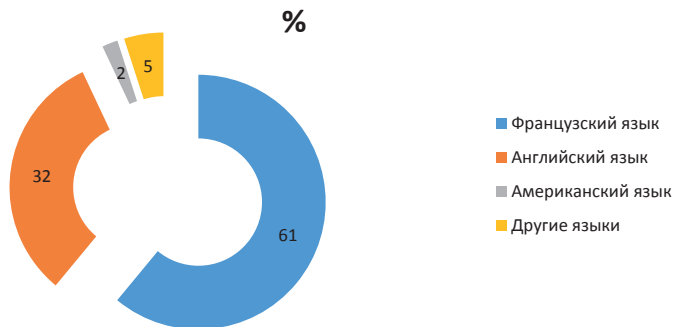
Иностранное слово	Происхождение иностранного слова	1982 г.	2010 г.
Gene	germ. – fr.	[ˈzɛ:nə] od. [ˈzɛ:nə] (cox.) Genée fr. zəˈne: (cox.)	dʒi:n (cox.) engl. Genée fr. zənˈe: (cox.)
Pointe	lat. – fr.	Point [pɔ̃ː] (cox.) [pɔɛŋ] (онемеч.) Pointe [pɔ̃ː-tə] (cox.) [pɔˈɛŋtə] (онемеч.)	pɔ̃ː fr. (cox.) pɔʔ nt engl. Pointe pɔ̃ː fr.(cox.) Pointe pɔʔ nt engl.
Limousine	fr.	[limuˈzɛː] (cox.) Limousine [limuˈzi:nə](онемеч.)	limuzˈɛ: (cox.) Limousin e limuzˈi:nə (онемеч.)
informell	lat. – fr.	[ˈnfɔrmɛl] (онемеч.)	ɛfɔˈmˈɛl (cox.) [nfɔˈmˈɛl] (онемеч.)

Таблица 3. Употребление иноязычных фонем в иностранных словах из английского языка в разнонаправленных процессах

Иностранное слово	Происхождение иностранного слова	1982 г.	2010 г.
Guardian	german. – mlat. – engl.	[gʏarˈdʏa:n] (онемеч.) engl.[ˈgɑ:dfən] (cox.)	engl.[ˈgɑ:dfən] (cox.)
Queen	engl.	[ˈkwi:n] (cox.)	kyi:n (онемеч.)
Sponsor	lat. – engl.	[ˈspɔnzɐ] (cox.)	spʔnsɐ (cox.) [spɔnzˈɔ:kɔn (онемеч.) od. spɔnzˈɔ:kɔn (cox.)
Tory	engl.	[ˈtɔ:riː] (онемеч.) [ˈtɔ:riː] (онемеч.)	tˈɔ:vi: (cox.) engl. toʔi: (онемеч.) fr.

Следует отметить, что слова, заимствованные из французского языка, составили 61 %, из английского – 32 %, заимствования из других языков (греческого, латинского, среднелатинского, новолатинского) – 5 %, американского – 2 % (рис. 1).

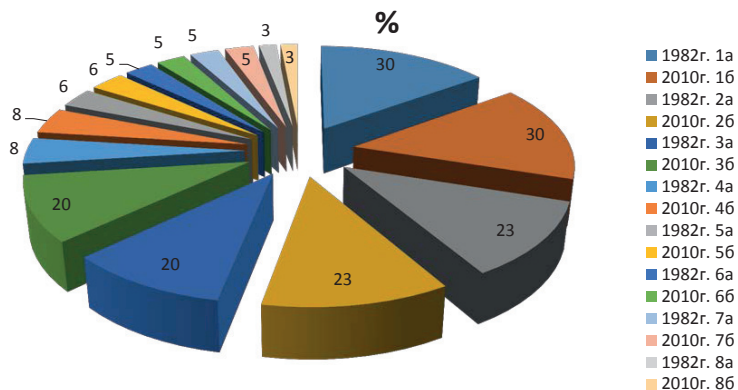
Рисунок 1. Иноязычная лексика в разнонаправленных процессах (в %)

Исследование процессов ассимиляции данной тенденции дало следующие результаты (рис. 2):

- 1а) *онемечивание/сохранение* (1982 г.) – 23 %;
- 1б) *сохранение* (2010 г.) – 23 %;
- 2а) *онемечивание/сохранение* (1982 г.) – 30 %;
- 2б) *влияние английского языка* (2010 г.) – 30 %;
- 3а) *онемечивание* (1982 г.) – 20 %;
- 3б) *онемечивание/сохранение* (2010 г.) – 20 %;
- 4а) *сохранение* (1982 г.) – 8 %;
- 4б) *онемечивание* (2010 г.) – 8 %;
- 5а) *сохранение* (1982 г.) – 6 %;
- 5б) *онемечивание/сохранение* (2010 г.) – 6 %;
- 6а) *онемечивание/сохранение* (1982 г.) – 5 %;
- 6б) *онемечивание/онемечивание; сохранение/сохранение* (2010 г.) – 5 %;
- 7а), 7б) *другие процессы (сохранение/онемечивание; сохранение/онемечивание; сохранение/сохранение)* (1982 г., 2010 г.) – 5 %;
- 8а) *сохранение / онемечивание* (1982 г.) – 3 %;
- 8б) *онемечивание* (2010 г.) – 3 %.

Рисунок 2. Разнонаправленные процессы ассимиляции

Данные показали, что в разнонаправленных процессах наблюдается тенденция онемечивания иноязычной лексики. Следующим этапом стало исследование всех иноязычных фонем, претерпевших изменения, в разнонаправленных процессах ассимиляции, в ходе которого нам удалось выяснить, нет ли иноязычных фонем в иностранных словах, подвергшихся разнонаправленным процессам, которые ассимилировались в нашем исследовательском корпусе. Анализ иноязычных фонем в разнонаправленных процессах показал следующие результаты (табл. 4).

Как видно из таблицы, ассимилированными иноязычными фонемами в разнонаправленных процессах в исследуемом корпусе оказались фонемы в иностранных словах, которые были заимствованы из французского языка [2, с. 540].

Таблица 4. Ассимилированные иноязычные фонемы в разнонаправленных процессах.

Фонема	Иноязычное слово	1982 г.	2010 г.
ä → ε з → tʃ ɑ̃ → ə	Engagement	aŋgɑzə'maŋ äŋgɑzə'mä	Engagement aŋgɑzəm'aŋ Engagement engl. eŋ'etʃmənt Engagement fr. ägɑzəmü: od. ägɑʃm'ü: ov'aŋzə od. ov'ü:ŋzə, engl. 'ɔrɪntʃ emb'l'e:m
ō → o ä → ɪ	Orange	ō'rū-ʃ o'raŋzə	ov'aŋzə od. ov'ü:ŋzə, engl. 'ɔrɪntʃ
ε → ɪ ä ·	Emblem	[em'ble:m] [ä·'ble:m]	emb'l'e:m
ε → e ə	Refrainhaft	[re'frɛŋ] [rə'rē·]	ʁefrɛŋ od. ...fɛŋ'ē:
εŋ → ē: ē·	Story	[}stO:rɪ]	st"ORi:
ä · → aŋ aŋ ü: ō → o ɔ ʃ → z z	Orange	[ō'rū·ʃ] [o'raŋzə]	[ov'aŋzə] od. [ov'ɑ̃:ŋzə], eng. ['ɔrɪntʃ]
u → y aŋ → ä ä	Tweed Arrangement	Tweed [tūi:t] [araŋzə'maŋ] [arüzə'mä·]	Tweed engl. tvβi:t aʁüzəm'ü: od. aʁüʃm'ü:
z → z ʃ aŋ → ä: ä·			

Заключение

Таким образом, удалось зафиксировать все изменения в фонологическом составе иноязычной лексики нашего экспериментального корпуса в разнонаправленных процессах, выделить и описать иноязычные лексемы и рассмотреть процесс их преобразования. Исследование произносительной нормы этих слов показало, какие процессы фонетической ассимиляции наблюдаются на фонологическом уровне. В ходе исследования было обнаружено, что в разнонаправленных процессах основной поток ино-

язычной лексикой – слова, пришедшие в немецкий язык из французского и английского языков, в основном это слова из обиходной лексики. Сделан ряд выводов:

1) в разнонаправленных процессах ассимиляции отмечается тенденция онемечивания иноязычной лексики в современном немецком языке;

2) наблюдается большая вариативность графического оформления иностранного слова;

3) в исследуемом корпусе в разнонаправленных процессах ассимиляции обнаружено больше всего ассимилированных иноязычных фонем;

4) иноязычная лексика в процессе ассимиляции теряет свое исходное произношение и приспосабливается к нормам немецкого языка;

5) разница между исходным и принимающим языками вызывает сложности при фонетической ассимиляции иностранного слова, которое сохраняет свою орфографию при вхождении в немецкий язык;

6) чем чаще употребляется иностранное слово в устной и письменной речи, тем быстрее происходит его ассимиляция;

7) иноязычная лексика, которая употребляется ежедневно в быту, часто воспринимается носителями языка не как иностранная, а как немецкая;

8) попытка произнести иностранное слово, с одной стороны, как можно проще, а с другой – как можно ближе к исходному языку, способствует разнонаправленным процессам ассимиляции иноязычной лексики.

Трудно оценить значение иноязычной лексики для развития не только немецкого, но и других языков, так как она придает высказываниям семантические оттенки, повышает выразительность языка, необходима для номинации новых явлений и предметов, помогает избегать повторов и служит для краткости речи. В то же время часто употребляемые иноязычные слова благоприятствуют возникновению форм произношения, соответствующих немецкому языку. Иноязычная лексика способствует изменению лексического состава немецкого языка и довольно активно употребляется носителями языка в повседневной жизни.

Фонетическая ассимиляция является объективным отражением процессов, которые происходят в заимствующем языке и благодаря которым появляются новые произносительные элементы в языке-реципиенте. Публикаций, касающихся исследования процессов ассимиляции, а именно фонетической ассимиляции заимствованных слов немецкого языка на примере СМИ, немного. Это свидетельствует лишь о том, что данный вопрос является на сегодняшний день открытым. Следовательно, рассмотрение и анализ иноязычных слов на фонетическом уровне во время процессов их вхождения в систему языка-реципиента, в нашем случае – немецкого языка, является актуальным на сегодняшний день.

Литература

1. Шумовский Т.А. Странствия слов. СПб. : Протей, 2004. 335 с.
2. Волкова Т.И. Процессы фонетической ассимиляции иноязычной лексики в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 572 с.
3. Mangold M. Neue Untersuchungen zur Aussprache fremder Wörter und Namen im Deutschen. Halle-Wittenberg : Martin-Luther-Universität, 2002. S. 159–180.
4. Основы теоретической фонетики : учеб. пособие на немецком языке / сост.: Л.В. Величкова, Е.В. Петроченко. Воронеж, 2019. С. 72.
5. Stock E., Veličková L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2002. 206 S.
6. Glück H. Standardaussprache // Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart ; Weimar, 2020. S. 667.

Список анализируемых источников

1* Die Zeit Online. 2010. № 1–20 (раздел «Politik»). URL: <https://www.zeit.de/politik/index> (дата обращения: 27.11.2020).

Список словарей

1** Duden. Aussprachewörterbuch. Mannheim. Zürich : Bibliographisches Institut, 1962. Bd. 6. 827 S.

2** Duden. Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Mannheim : Bibliographisches Institut Mannheim : Dudunverlag, 1974. Bd. 6. 794 S.

3** Duden. Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudunverlag, 1990. Bd. 6. 894 S.

4** Duden. Aussprachewörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zurich : Dudunverlag, 2000. 894 S.

5** Duden. Aussprachewörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Bibliographisches Institut Mannheim : Dudunverlag, 2005. Bd. 6. 860 S.

6** Duden : Das Duden-Aussprachewörterbuch. Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudunverlag, 2015. Bd. 6. 938 S.

MULTIDIRECTIONAL PROCESSES OF FOREIGN TERMS ASSIMILATION IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

T. I. Volkova

International Institute of Computer Technologies

Abstract. At the present time there is an intensive penetration of foreign words into the modern German language that causes the acceleration of the processes of lexemes assimilation in the receiving language and creates great opportunities for direct observation of these processes. A significant proportion of borrowings penetrate into the German language through media channels. The study of these processes is especially important for the modern German language, because foreign words that penetrate into German from languages using the Latin alphabet retain their spelling appearance. The identification of the processes of phonetic assimilation of borrowings is investigated and analyzed in close connection with the norm of the recipient language.

The multidirectional processes associated with the phonetic aspect of borrowing in which the same lexemes are subjected to both assimilation processes and processes that allow preserving the original phonemic composition are considered.

The study of the processes occurring during borrowing at the phonetic level is theoretically significant in the linguistic aspect, as well as in teaching German as a foreign language. It seems promising to obtain more complete data on the processes of assimilation in the modern German language in various forms of its existence.

Key words: foreign terms, phonetic assimilation processes, language norm, multidirectional processes, foreign language, assimilated phonemes

Волкова Т.И.,

канд. филол. наук, доцент
Международный институт
компьютерных технологий
Тел.: +7 (950) 753 5282
E-mail: ntia@mail.ru

T. I. Volkova

Associate Professor
International Institute of Computer
Technologies
Tel.: +7 (950) 753 5282
E-mail: ntia@mail.ru

ГИМНОДИЯ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР И СТРАН ФРАНКОФОНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Воркачев С.Г.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. На материале текстов государственных гимнов республик бывшего Советского Союза и стран Франкофонии, имеющих гимны на французском языке, исследуется вербализация идеи патриотизма. Устанавливается, что в текстах всех этих гимнов присутствует хронотоп страны, образованный сведениями о её истории и ландшафте, текст гимна обычно отправляет к славным образам прошлого и совместному будущему, а свобода выступает наиболее значимым атрибутом государственности. Аксиологический блок в семантике национальных гимнов этих стран образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «каритативных чувств»: гордости, восхищения и благодарности. Императивный блок обеих национальных гимнодий образуется семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, защите её свободы. В тексте гимнов регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы народа, населяющего страну гимна. Сопоставление государственных гимнов экс-советских стран и стран Франкофонии показывает, что существенных отличий в области семантики национальной гимнодии этих государств не наблюдается. Тем не менее, некоторые малозначительные отличия здесь все же существуют: практически все национальные гимны Франкофонии имеют свое собственное название и в них обильно представлена лексика политических и моральных идеалов, к которым желательно стремиться, личных добродетелей, которыми желательно обладать. Главное же отличие в национальных гимнодиях экс-советских стран и стран Франкофонии состоит в том, что ни в одной из постсоветских республик национальных гимнов на русском языке нет, в то время как многие страны Франкофонии характеризуются полигимничностью.

Ключевые слова: гимнодия, национальный гимн, идея патриотизма, патриотический дискурс, родина, народ, свобода, независимость, единство

Идея патриотизма, безусловно, выступает смыслообразующим началом дискурса патриотизма, который выделяется на основании тематического приурочения. Этот дискурс представлен совокупностью самых разнообразных литературно-речевых жанров [1, с.5, 20], куда входят произведения патриотической лирики, речи политиков, патриотическая публицистика, афоризмы, лозунги и даже научные исследования патриотизма. Наиболее же существенным в ряду патриотических жанров является государственный (национальный) гимн (при анализе использовались тексты гимнов из [1*]), в котором, как представляется, сконцентрировано чувство любви к своей стране [2; 3].

Гимны большинства республик бывшего СССР получили статус официальных с исторической точки зрения почти одновременно: с 1987 (Литва) по 2006 (Казахстан) год. Независимость этих республикам досталась практически даром, без какой-либо вооруженной борьбы.

Базовая функция национальных гимнов республик бывшего СССР – опознавательная в отсутствие музыкального сопровождения реализуется через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа: *Россия – священная наша держава; Литва, отчизна наша; Ще не вмерла України і слава, і воля; Вперед, кыргызский народ; Родина*

моя – мой Казахстан; Вечно живи і квітней, Беларусь; Свободная, независимая Армения; Мой свободный Таджикистан; Во веки веков живи, мой Туркменистан; дорогой Узбекистан. В том же случае, когда в тексте гимна нет указаний на страну и народ (Грузия, Эстония, Молдавия), опознавательную функцию выполняет язык гимна.

«Предметная часть» идеи патриотизма, образованная информацией об истории страны, её ландшафте и политическом устройстве, присутствует почти во всех гимнах государств бывшего СССР. Слова гимна, как правило, обращаются к славному прошлому страны: *Предками данная мудрость народная* (Россия), *Духом предков отважных славны сыны* (Туркменистан); *Ты символ надежды наших предков* (Таджикистан); *И сыны Твои на прошлом / Свое величье строят* (Литва). Здесь непременно представлена также мысль о совместном и обязательно счастливым будущем: *Широкий простор для мечты и для жизни / Грядущие нам открывают года* (Россия); *Как извечного друга / Встречает новое время / Наша счастливая страна, / Наш народ!* (Казахстан). Тема будущего счастья, можно сказать, «педалируется» в украинском гимне: *Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля; Ще у нашій Україні доленька наспіє.*

Здесь присутствуют отсылки к самым значимым образам ландшафта: *От южных морей до полярного края / Раскинулись наши леса и поля* (Россия); *Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє* (Украина); *Освещенные горы и долины, / Разделенные меж равными Богу* (Грузия); *Золотые эти долины – дорогой Узбекистан; Высокие горы, долины, поля – / Родная, заветная наша земля* (Киргизия).

Как известно, главный признак национального суверенитета – независимость, она же свобода: *Душу й тіло ми положим за нашу свободу* (Украина); *Родина наша, свободная, независимая* (Армения); *Держава родная, суверенный край* (Туркмения); *Да здрравствует моя Родина, / мой свободный Таджикистан!* (Таджикистан); *Вперед, кыргызский народ, / Путем свободы вперед!* (Киргизия).

Оценочная семантика государственного гимна представлена признаками любви и сопряженных с ней чувств: гордости, восхищения и благодарности. В гимнических текстах появляются имена родины в сопровождении «любовных» эпитетов: *родная земля, любимая наша страна* (Россия); *родная земля, родны парог, наша любимая маці-Радзіма* (Белоруссия); *наша любимая страна диєри арчманди мо* (Таджикистан); *дорогой Узбекистан» жон Ўзбекистон* (Узбекистан); *славное отечество şanlı Vətəni* (Азербайджан); *родная, заветная наша земля элибиздин жаны менен барабар* (Киргизия); *дорогая отчизна mīš' dārgo tēviji* (Латвия). Родной страной гордятся и восхищаются: *Мы гордимся тобой!* (Россия); *светоч и песня души vaşlaruñ taji sen, diller senasy* (Туркмения). Этой высшей ценности приписывается сакральный характер: *священная наша держава* (Россия); *земля моя свята garaşsyz topragyn nurdur* (Туркмения); *моя икона – это моя родина* *ვრძო ხატოს ხაზმობღლო* (Грузия).

Праксеологическая и императивная семантика государственного гимна представлена признаками признаками, связанными с прославлением родной страны, пожеланием ей процветания, заботой о её благополучии, преданностью ей, защитой её независимости: *Славься, Отечество наше свободное* (Россия); *Слаўся, зямлі нашай светлае імя* (Белоруссия); *Пусть слава твоя сияет вечно!* (Узбекистан); *Вечно живи і квітней, Беларусь!*; *Пусть твое счастье и благополучие будет всегда* (Киргизия); *Во веки веков ты живи, процветай!* (Туркмения); *О родина, вечно цвети!* (Узбекистан).

В части государственных гимнов воспроизводится мольба о божественном покровительстве, свойственная религиозному гимну: *Да хранит тебя Бог, / дорогая отчизна моя!* / *Да будет он твоим заступником / и благословит тебя / во всех делах твоих* (Эстония); *Господь, благослови Латвию, / Нашу дорогую отчизну.*

Регулярно в текстах национальных гимнов появляется упоминание еще одного символа государственности – флага: *И знамя свободы возносится ввысь (Киргизия); Мы стоим под твоим флагом (Таджикистан); Вот тебе, брат, флаг, / Который я связала своими руками (Армения); У битвах за волю, битвах за долю / Свой здабывали сцяг перамог! (Белоруссия).*

Населяющий страну гимна народа непременно велик, силен, героичен, мужествен, горд, мудр, великодушен, миролюбив, дружелюбен, усерден и трудолюбив и пр.: *Извечно народ наш для дружбы открыт (Киргизия); Горд и силен / Мой казахский народ!; Сила великого народа, земля героев (Литва); Славное отечество сынов-героев (Азербайджан); Не угаснет вера великодушного узбека (Узбекистан); Мы, беларусы – мірныя людзі, / Мы ў працавітай, вольнай сям’і (Белоруссия); А завзяття, праця щира свого ще докаже (Украина); Предками данная мудрость народная (Россия).*

Франкофония, прежде всего, включает в себя «территории, население которых использует французский язык» [4, с.449], либо сообщество народов, говорящих на французском языке (*collectivité constituée par les peuples parlant le français – [1**, p.448]; ensemble des peuples francophones – [2**, p.824]*). Помимо этого она означает международную организацию [5], созданную на основе стремления укреплять культурные связи с Францией. Франкофония возникла на месте бывшей колониальной империи Франции, в неё входят страны, где французский язык является единственным официальным (государственным) языком или сосуществует с другими официальными языками, а также страны, в которых французский язык используется как инструмент культуры. Однако официальный статус французского языка в стране Франкофонии отнюдь не свидетельствует о том, что на этом языке исполняется её национальный гимн – национальные гимны на французском языке существуют лишь в 22 из 56 государств Франкофонии.

В составе Франкофонии выделяются две группы стран, в которых приняты национальные гимны на французском языке [6, с.8]: это, с одной стороны, «старые» европейские страны, где французский язык автохтонен – не занесен со стороны (Бельгия, Люксембург, Франция и Швейцария), а, с другой, – бывшие страны колониальной империи Франции, где французский язык был «насажен» сверху в результате колонизации.

Нужно заметить, что чуть ли не половина стран Франкофонии, в которых национальный гимн исполняется на французском языке (10 из 22), полигимничны: наряду с гимном на французском языке в них существуют гимны на других языках. В старой Европе – это трехязычные Бельгия (французский, немецкий, нидерландский/фламандский языки) и Люксембург (французский, немецкий, люксембургский), а также пятиязычная Швейцария (французский, немецкий, итальянский и два ретороманских – ладинский и сюрсильванский). В Северной Америке – это Канада (французский, английский, инуктитут). Гимн на трех языках исполняется на Коморах (французском, арабском и коморском), гимн на двух языках – на Гаити (французском и креольском) и Мадагаскаре (французском и малагасийском), в Камеруне (французском и английском), ЦАР (французском и санго) и в Чаде (французском и арабском).

Самый известный национальный гимн «старой Европы» это, конечно, «Марсельеза», представляющая собой типичную боевую песнь – марш. Текст «Марсельезы» наполнен агональной лексикой: именами борьбы, войны, защитников родины, врагов, предателей, призывами к оружию, к мести: *Aux armes, citoyens, / Formez vos bataillons; Que veut cette horde d’esclaves, / De traîtres, de rois conjurés?; Quoi! des cohortes étrangères / Feraient la loi dans nos foyers! / Quoi! ces phalanges mercenaires / Terrasseraient nos fiers guerriers!; Tout est soldat pour vous combattre; Contre vous tout prêts à se battre!; Amour*

sacré de la Patrie, / Conduis, soutiens nos bras vengeurs и т. д. Этот текст полон ненависти к врагам, любви к родине и в достаточной мере кровожаден: *Qu'un sang impur / Abreuve nos sillons!* В то же самое время «Швейцарский псалом» (нем. Schweizerpsalm), национальный гимн другой европейской страны – Швейцарии представляет собой, по сути, гимн религиозный. В этом псалме неоднократно упоминается имя всемогущего Господа Бога (*Dieu fort, notre forteresse*), к которому обращается сердце верующих (соеуг рieux) с мольбой о благословении (*Dieu nous bénira des cieux*). Гимны Бельгии «Брабансонна» (*La Brabançonne*) и Люксембурга «Наше Отечество», созданные в 19 веке, выполнены в ключе классических песен о родине – в них воспевается сыновья любовь к родной стране (*O Belgique, ô mère chérie* – Бельгия; *Notr'chère et adorable patrie / Dont notr'âme est remplie* – Люксембург), дух свободы (*L'esprit de la liberté* – Люксембург), забота о благополучии родной земли (*C'est notre pays pour lequel / Nous risquons tout sur terre* – Люксембург; *A toi nos coeurs, à toi nos bras! / A toi notre sang, ô Patrie* – Бельгия) и пр. В таком же патриотическом ключе выполнен и гимн Канады, где воспевается родная земля (*Terre de nos aïeux*), её мужество и набожность (*Car ton bras sait porter l'épée, / Il sait porter la croix!*) и её славная история (*Ton histoire est une épopée / Des plus brillants exploits*).

Гимны бывших «заморских территорий» Франции, за исключением гимна Канады, были созданы и приняты официально в 20-м веке после обретения ими независимости. Единственный «американский» гимн – национальный гимн Гаити впервые прозвучал в начале века, все прочие, африканские и островные, появились уже во второй половине этого века. Судя по текстам гимнов, обретение независимости этими странами носило относительно безболезненный характер: в них практически нет агональности, свойственной боевым песням, отсутствуют призывы к вооруженной борьбе, мести, кровопролитию и пр. Можно заметить, что в странах, где обретение свободы от французского владычества сопровождалось жестокой и упорной борьбой, как, например, в Алжире, даже, несмотря на *de facto* государственный статус французского языка, гимна на нем нет, да и страной-членом международной организации Франкофонии он не является.

Опознавательная функция национального гимна в гимнических текстах стран Франкофонии, помимо мелодии, реализуется через употребление этнонимов и (само) названий страны и народа: *Ô Canada!* (Канада), *Noble Belgique, ô mère chérie* (Бельгия), *Enfants du Bénin debout!* (Бенин), *Le peuple du Burkina chante un hymne à la victoire* (Буркина-Фасо), *Le Gabon immortel reste digne d'envie* (Габон), *Le peuple de Guinée prêchant l'unité / Appelle l'Afrique* (Гвинея), *O Cameroun berceau de nos ancêtres* (Камерун), *Force d'une même religion au sein des Comores* (Коморы), *Chère Côte d'Ivoire* (Кот д'Ивуар).

Что касается гимнодии Франкофонии, то слов, номинирующих свободу (*liberté/libres, indépendance, souveraineté/souverain*) нет только в национальных гимнах Канады и Швейцарии, во всех других гимнах стран Франкофонии они представлены в изобилии: *Liberté, Liberté chérie, / Combats avec tes défenseurs* (Франция); *Le Roi, la Loi, la Liberté!* (Бельгия); *A la conquête de la liberté et du progrès* (Буркина-Фасо); *Liberté! C'est la voix d'un peuple / Qui appelle tous ses frères à se retrouver* (Гвинея); *Sois le témoin de l'immortel serment de liberté* (Демократическая Республика Конго); *O Cameroun berceau de nos ancêtres, / Va debout et jaloux de ta liberté* (Камерун); *Oui le Drapeau flotte / Appelle à la Liberté totale* (Коморы); *Enfants nous avons reçu de Toi / L'esprit de la liberté* (Люксембург); *Notre drapeau sera liberté* (Мали).

«Колыбель народа» в текстах гимнов Франкофонии принимает имена *patrie, mon/notre pays, terre de nos ancêtres: Allons enfants de la Patrie, / le jour de gloire est arrivé*

(Франция); *À toi notre sang, ô Patrie* (Бельгия); *Saluons la Patrie et chantons sans arrêt!* (Габон); *Cette île de nos ancêtres* (Мадагаскар); *O mon Pays, que Dieu te prenne en garde* (Чад); *C'est notre pays pour lequel / Nous risquons tout sur terre* (Люксембург). Территорию, на которой мы живем, превращает в родину наша любовь: *Conservons notre unité pour l'amour de la patrie* (Коморы); *Gardons notre amour pour les îles* (Коморы); *O pays bien aimé* (Республика Конго); *Ô belle Madagascar / Notre amour pour toi ne faillira pas; Amour sacré de la Patrie, / Conduis, soutiens nos bras vengeurs* (Франция). Имена родины чаще всего сопровождаются «любобными» эпитетами: *Togo chéri, l'or de l'humanité* (Того); *Chère Côte d'Ivoire* (Кот-д'Ивуар); *Chère Patrie, Terre chérie, / Tu es notre seul et vrai bonheur* (Камерун); *Notr'chère et adorable patrie / Dont notr'âme est remplie* (Люксембург); *Ô Terre de nos ancêtres chérie* (Мадагаскар). Родине приписываются самые лучшие свойства, она бессмертная, великая, прекрасная, благородная, гордая, миролюбивая и пр.: *Le Gabon immortel reste digne d'envie* (Габон); *Tu vivras toujours grande et belle* (Бельгия); *Que chante l'hymne de la Guinée fière et jeune* (Гвинея); *Noble Belgique, ô mère chérie* (Бельгия); *Joyeux, pacifique, avance en chantant, / Fidèle à tes anciens qui te regardent* (Чад); *Les beautés de la patrie / Parlent à l'âme attendrie* (Швейцария); *Pays de l'hospitalité* (Кот-д'Ивуар); *Ô belle Madagascar* (Мадагаскар). На родину переносятся автостереотипы населяющего страну народа, который благороден, велик, миролюбив, весел и пр.: *Mais les échecs, les succès, la sueur, le sang / Ont fortifié notre peuple courageux* (Буркина-Фасо); *O peuple ardent, par le labeur, nous bâtirons un pays plus beau qu'avant* (Демократическая Республика Конго); *Comme le cri d'un peuple équitable et vaillant!* (Нигер); *Un peuple dans sa foi défiant tous les malheurs* (Сенегал); *Peuple Tchadien, debout et à l'ouvrage! / Tu as conquis la terre et ton droit; / Ta liberté naîtra de ton courage* (Чад); *Dressé, un même peuple, un peuple sans couture / Mais un peuple tourné vers tous les vents du monde* (Сенегал); *Fiers Ivoiriens, le pays nous appelle* (Кот-д'Ивуар).

В некоторых гимнах Франкофонии так же отражается предметная часть идеи патриотизма – география и история страны гимна. Здесь появляются наиболее значимые топонимы страны и имена элементов ландшафта (реки, горы, острова, леса, моря и пр.): *Des bords de l'Océan au cœur de la forêt, / Demeurons vigilants, sans faiblesse et sans haine!* (Габон); *Vivons dans l'amour réciproque dans nos îles* (Коморы); *Des forêts jusqu'à la savanne, / Des savannes jusqu'à la mer, / Un seul peuple, une seule âme* (Республика Конго); *Sur nos monts, quand le soleil / Annonce un brillant réveil* (Швейцария); *Tes monts ensoleillés, tes palmiers, ta verdure, / Cher Bénin, partout font ta vive parure* (Бенин); *Les îles devenues souveraines; / Maore – N'Dzuani – Mwali – et N'Gazidja* (Коморы); *Où l'Alzette arrose champs et prés / La Sûre baigne les rochers; / Où la Moselle, riante et belle / Nous fait cadeau du vin* (Люксембург); *Auprès du grand Niger puissant / Qui rend la nature plus belle* (Нигер). Либо здесь появляются имена специфических национальных музыкальных инструментов: *Au son des tam-tams / Dans leur rythme grandissant, / Restons unis toujours* (Нигер); *Pincez tous vos koras, frappez les balafons* (Сенегал). Здесь говорится о героической истории страны и её создателях: *Ton histoire est une épopée / Des plus brillants exploits* (Канада); *Pour les Aïeux, pour la Patrie / Bêchons joyeux, bêchons joyeux* (Гаити); *Terre de nos aïeux* (Канада); *Salut à toi pays de nos aïeux* (Того); *Garde la foi des aïeux, vis comme eux!* (Швейцария); *Ô Terre de nos ancêtres chérie* (Мадагаскар); *Cette île de nos ancêtres* (Мадагаскар); *O Cameroun berceau de nos ancêtres* (Камерун); *Oui que le temps heureux revê par nos ancêtres / Arrive enfin chez nous, réjouis les êtres* (Габон). Провозглашается социальный оптимизм – вера в счастливое будущее страны: *Lève les yeux, l'avenir est à Toi* (Чад); *Confiant dans l'avenir, regarde ton drapeau* (Бенин);

Debout femmes, jeunes et vieux / Pour la patrie en marche / Vers l'avenir radieux (Мали); *Et que chacun réponde / A ce noble avenir* (Нигер). *Et une seule nuit a déclenché sa marche triomphale / Vers l'horizon du bonheur* (Буркина-Фасо); *Le bonheur par le labeur / Fera le Mali de demain* (Мали); *Lève les yeux, l'avenir est à Toi* (Чад).

В текстах национальной гимнодии стран Франкофонии часто появляется слово «счастье» (*bonheur*), в котором сливаются благополучие страны и благополучие её жителей и которое иногда даже пишется с большой буквы: *Chère Patrie, Terre chérie, / Tu es notre seul et vrai Bonheur* (Камерун); *Ensemble au coude à coude / Faisons le sentier du Bonheur* (Мали).

Гимнодия стран Франкофонии активно призывает любить Родину, хранить ей верность, быть ей преданным до конца: *Notre amour pour toi ne faillira pas / Et restera à ta cause éternellement fidèle* (Мадагаскар); *Et nous te jurons toujours fidélité* (Того); *À toi nos cœurs, à toi nos bras, / À toi notre sang, ô Patrie!* (Бельгия). Забота о благополучии, процветании и величии своей страны должна быть в центре интересов гражданина: *Pour la prospérité, construisez sans relâche* (Бенин); *A ton appel, Mali, / Pour ta prospérité / Fidèle à ton destin / Nous serons tous unis* (Мали); *Du Togo pour la prospérité, / Togolais viens, bâtissons la cité* (Того); *Que notre œuvre féconde / Rajeunisse le cœur de ce vieux continent* (Нигер); *Pour le salut public / Forgeons le bien commun* (Мали); *Sénégal, nous faisons nôtre ton grand dessein* (Сенегал); *Bêchons joyeux, bêchons joyeux / Pour les Aïeux, pour la Patrie* (Гаити); *Tes fils, chère Côte d'Ivoire, / Fiers artisans de ta grandeur* (Кот-д'Ивуар). Любовь к Родине предполагает служение ей и исполнение патриотического долга: *Te servir que ce soit le seul but, / Pour remplir leur devoir toujours* (Камерун); *Dans l'unité nous voulons te servir, / C'est bien là de nos cœurs, le plus ardent désir* (Того); *Ô Terre de nos ancêtres chérie / Nous espérons te servir / Avec notre corps, notre cœur, notre âme, ce que nous avons de plus précieux / Et digne* (Мадагаскар); *C'est notre pays pour lequel / Nous risquons tout sur terre* (Люксембург).

Независимость Родины нуждается в защите, за неё нужно бороться: *Luttons tous, tant que nous sommes, / Pour notre vieux pays noir* (Республика Конго); *Togo debout, luttons sans défaillance, / Vainquons ou mourons, mais dans la dignité* (Того); *Mais que si l'ennemi incendie nos frontières / Nous serons tous dressés et les armes au poing* (Сенегал). *Livrer au prix du sang des combats éclatants / Accourez vous aussi* (Бенин). Борьба за свободу родины предполагает высшую степень самоотверженности – за неё можно отдать и жизнь: *Debout sur les remparts / Nous sommes résolu de mourir* (Мали); *La Patrie ou la mort, nous vaincrons!* (Буркина-Фасо); *Et s'il nous faut mourir, en somme / Qu'importe* (Республика Конго); *La mort, oui! Nous disons la mort, mais pas la honte* (Сенегал); *Sur l'autel de la patrie / Met tes biens, ton coeur, ta vie!* (Швейцария). Там где есть борьба, разумеется, есть и враг, в число которых попадают угнетение, эксплуатация, цинизм, несправедливость, тираны, деспоты, самодержцы, предатели и пр.: *Contre la fêrule humiliante il y a déjà mille ans, / La rapacité venue de loin les asservir il y a cent ans. / Contre la cynique malice métamorphose / En néocolonialisme et ses petits servants locaux* (Буркина-Фасо); *A bas l'exploitation de l'homme par l'homme!* (Буркина-Фасо); *Pourchassant à jamais l'injustice et la honte* (Габон); *Contre nous de la tyrannie / L'étendard sanglant est levé* (Франция); *Que veut cette horde d'esclaves, / De traîtres, de rois conjurés?* (Франция); *Mais ces despotes sanguinaires* (Франция).

Достаточно часто в текстах гимнов стран Франкофонии упоминается государственный флаг: *Mourir est beau, mourir est beau / Pour le Drapeau, pour la Patrie* (Гаити); *Brandissant l'étendard de la Patrie* (ЦАР); *Désormais, peuple indompté, / Grava sur ta*

vieille bannière / Le Roi, la Loi, la Liberté! (Бельгия). Несколько раз упоминается также сам национальный гимн: *Que chante l'hymne de la Guinée fière et jeune / Illustre épopée de nos frères* (Гвинея); *Citoyens, entonnez l'hymne sacré de votre solidarité* (Демократическая Республика Конго).

Сопоставление национальных гимнодий экс-советских стран и стран Франкофонии в первую очередь свидетельствует о том, что в отличие от государств-членов Франкофонии ни в одной из постсоветских республик, даже там, где чуть ли не четверть населения составляют этнические русские (Казахстан, Украина) и где русский язык является государственным или официальным (Белоруссия, Казахстан, Киргизия), национальных гимнов на нем нет.

В остальном же существенных отличий в этой области национальной гимнодии стран бывшего СССР и стран Франкофонии не наблюдается. Так, опознавательная, идентифицирующая функция национальных гимнов экс-советских республик и государств Франкофонии в отсутствие мелодии реализуется в их текстах через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа, важнейшими, базовыми смыслами национального гимнического дискурса выступают концепты свободы и единства, а базовыми смыслами патриотического дискурса, генерирующими идею патриотизма, являются родина и народ. В тексте гимнов регулярно воспроизводятся положительные автостереотипы населяющего страну гимна народа и присутствует хронотоп страны, образцовый сведениями о её истории, ландшафте и политическом устройстве. Аксиологический блок в семантике национальных гимнов образован семантическими признаками любви и сопровождающих её «карикативных чувств» – гордости, восхищения и благодарности, праксеологически-императивный блок – семантическими признаками, связанными с прославлением родной страны, желанием ей процветания, заботой о её благополучии, верностью ей и преданностью, защитой её свободы. В текстах национальных гимнов регулярно появляется упоминание другого символа государственности – флага.

Тем не менее, некоторые малозначительные отличия в этой области существуют: практически все национальные гимны Франкофонии имеют свое собственное название и в них обильно представлена лексика политических и моральных идеалов, к которым желательно стремиться, личных добродетелей, которыми желательно обладать.

Литература

1. Декленко И. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 21 с.
2. Воркачев С. Г. Патриотический дискурс: гимнодия республик бывшего СССР // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 17. Ставрополь: СКФУ, 2019. С. 97–104.
3. Воркачев С. Г. Национальный гимн как жанр патриотического дискурса // Жанры речи. 2020. № 1(25). С. 36–43. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-125-36-43
4. Веденина Л. Г. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц. М.: Интердиалект/АМТ, 1997. 1040 с.
5. Франкофония (организация). URL: http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Франкофония_организация
6. Воркачев С. Г. À toi nos cœurs, à toi nos bras, à toi notre sang, ô patrie!: национальная гимнодия франкофонии // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания: материалы Всеросс. научно-практической уонференции с международным участием. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 7–12.

Список источников примеров

1* Гимны всего мира со словами, текст, перевод. URL: <http://gimn.su/category/gimny-stran/> (дата обращения: 15.10.2020).

Список словарей

1** Petit Larousse illustré. P.: Larousse, 1974. 1794 p.

2** (Le)Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. V. 1. P.: Le Robert, 1990. 2172 p.

HYMNODY OF THE FORMER SOVIET UNION COUNTRIES AND OF THE FRANCOPHONIE COUNTRIES: COMPARATIVE ASPECTS

S.G. Vorkachev

Kuban State technological University (Krasnodar)

Abstract. The verbalization of the idea of patriotism is investigated on the basis of the texts of the national anthems of the republics of the former Soviet Union and the countries of Francophonie, which have anthems in French. It is established that in the texts of all these hymns there is information about the history and the landscape of the country, the text of the anthems usually refers to the glorious images of the past and the common future, and freedom is the most significant attribute of statehood. The axiological block in the semantics of the national anthems of these countries is formed by the semantic signs of love and the accompanying “caritative feelings”: pride, admiration and gratitude. The imperative block of both national hymnodies is formed by semantic features associated with the glorification of the native country, the desire for its prosperity, concern for its well-being, and the defence of its freedom. The text of the hymns regularly reproduces positive auto-stereotypes of the people inhabiting the country of the anthem.

Comparison of the national anthems of the ex-Soviet countries and the countries of Francophonie shows that there are no significant differences in the semantics of the national anthems of these states. Nevertheless, some minor differences still exist here: almost all the national anthems of Francophonie have their own name and they abundantly present the vocabulary of political and moral ideals to which it is desirable to strive, personal virtues that it is desirable to possess. The main difference between the national anthems of the ex-Soviet countries and the countries of Francophonie is that none of the post-Soviet republics has national anthem in Russian, while the many countries of Francophonie are characterized by having several national anthems in various languages.

Key words: hymnody, national anthem, idea of patriotism, patriotic discourse, homeland, people, freedom, independence, unity

Воркачев Сергей Григорьевич,

профессор кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета, доктор филологических наук
тел.: +7 (918) 494 4580
e-mail: svork@mail.ru

Sergey G. Vorkachev

Professor of Foreign Languages Department, Kuban State technological University, Doctor of Philology
mobile: +7 (918) 494 4580
e-mail: svork@mail.ru

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Воропаева И.В.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Звукоизобразительность предполагает существование коммуникативно-познавательных знаков со специфической образной формой и эмоциональным содержанием. Образная форма представляет собой, с одной стороны, врожденные универсальные А-И-У-тембры, с другой стороны, приобретенные национально специфические (культурно-специфические) знаковые комплексы. Звукоизобразительность относится к паралингвистическим средствам выразительности как письменной, так и устной речи, и хранится в памяти носителя данной языковой культуры в виде эмоционально выразительных комплексов, таких, как младенческие крики, гуление, лепет, которые становятся паралингвистическими звуковыми жестами (вокализации, псевдослова), а затем элементами сегментного и супraseгментного уровней. Функция эмоциональной выразительности по отношению к звукоизобразительности является ведущей в поэтических текстах. Это обнаруживается в упорядочении соответствующих звуковых жестов, в частности, вокализаций, для создания целостного образа поэтического произведения, что обогащает поэтический образ, созданный лингвистическими средствами. Именно поэтическая речь, являясь типизированной формой эмоционально окрашенной речи, представляет собой уникальный материал для исследования лингвистических средств передачи эмоциональных состояний, в том числе и на уровне экспрессивной функции параметров звучащей речи. Использование звуковых средств языка, таких как мелодика, ритм, интенсивность и темп речи, а также частотность реализации тех или иных комплексов дифференциальных признаков гласных фонем, может донести до слушателя семантическое, эстетическое и эмоциональное содержание речи.

Ключевые слова: звукоизобразительность, звучащая речь, поэтическая речь, гласные фонемы, дифференциальный (смыслоразличительный) признак, эмоциональность, восприятие

Проблема звукоизобразительности речи всегда вызывала и вызывает живой интерес исследователей в области лингвистики, психолингвистики, фоностилистики, фонетики и фонологии. Этот интерес имеет вполне определенные основания. В настоящее время особенно актуальным является обращение к исследованиям, связанным с изучением звучащей речи, а именно со средствами и способами выражения эмоциональности звучащей речи. Мы легко распознаем и оцениваем эмоциональную окраску звучащего текста, не задумываясь над тем, что позволяет нам воспринимать данное высказывание так, а не иначе. В работах таких ученых как Р. Якобсон, Р. Ньютон, М. Флаковски-Янкович, Е.Н. Винарской мы находим подтверждение тому факту, что звукоизобразительность способствует эмоциональной выразительности речи, реализуясь в эмоциональной значимости звуков. При этом Р. Якобсон, говоря об эмоциональной значимости звуков, имел в виду не звуки вообще, а их дифференциальные признаки. «При любом анализе поэтической звуковой ткани необходимо последовательно учитывать фонологическую структуру данного языка» [1, с.225].

Актуальность обращения к звукоизобразительности как паралингвистическому средству выразительности как письменной, так и устной речи Е.Н. Винарская связывает с необходимостью «осознания лингвистических закономерностей выражения эмоциональных состояний в процессе коммуникации в речи и использования языковых

средств в этих процессах» [2, 34]. Мы рассматриваем звукоизобразительность как систему коммуникативно-познавательных знаков, которые хранятся в памяти носителя данной языковой культуры в виде эмоционально выразительных комплексов, таких, как младенческие крики, гуление, лепет, которые становятся паралингвистическими звуковыми жестами (вокализации, псевдослова), а затем элементами сегментного и супrasegmentного уровней. Эти знаковые комплексы с одной стороны, имеют врожденный характер, а с другой стороны, их реализация носит национально-специфические черты.

Функция эмоциональной выразительности по отношению к звукоизобразительности является ведущей в поэтических текстах. Это обнаруживается в упорядочении соответствующих звуковых жестов, в частности, вокализаций, для создания целостного образа поэтического произведения, что обогащает поэтический образ, созданный лингвистическими средствами. «Именно поэтическая речь, являясь типизированной формой эмоционально окрашенной речи, представляет собой уникальный материал для исследования лингвистических средств передачи эмоциональных состояний, в том числе и на уровне экспрессивной функции параметров звучащей речи» [3, с.95]. Другой исследователь поэтических текстов Ларин Б.А. полагает, что «поэтическая речь является наиболее древней формой художественной речи, которая возникла из заклинаний и напевов, сопровождавших магические обряды в мифологическую эпоху. У поэта же мастерство словесных эффектов отличается и имеет совсем иное назначение, чем во всех остальных типах речи» [4, с.389]. А Роман Якобсон утверждал, что «лингвист, которого интересуют любые языки, может и должен включить поэзию в сферу своих исследований» [1, с.228]. Создание художественного образа представляет собой, по мнению Винарской Е.Н. и мы с этим согласны, целостную систему, в которой можно выделить черты единичного, особенного и всеобщего. При этом черты «единичного» – это основа образа. К ним относятся наряду с внешним видом и поведением, также и речь, голос определенной высоты, сила звука, тембральные характеристики. «Особенное», или специфическое в образе – это то, что соответствует эпохе, истории, социальной среде и отражается в личности персонажа. «Всеобщее» в образе проявляется в виде авторских размышлений о героях, их особенностях, о времени. «Искусство создания художественных образов заключается в актуализации в сознании читателя или слушателя лингвистическими средствами этой системы экстралингвистических образных отношений, которые и разбудят его эмоции» [2, с.31]. Эмоциональная составляющая художественного образа поэтического текста проявляется наглядно в паралингвистических характеристиках сегментного и супrasegmentного уровней: фонического, ритмико-интонационные и метрические параметры. Еще К. Бальмонт в 1915 и в 1922 г. А. Белый затрагивали проблему взаимодействия лингвистических, экстралингвистических образных и паралингвистических образно-фонических средств стихотворного текста. Поэты предложили читателям и слушателям образные ассоциации, вызванные звуками русской речи. Необходимо отметить, что в основе этих ассоциаций они видели «нечто универсальное» (К. Бальмонт) [2, с.33] или «общий эмоциональный корень» А. Белый [6, 7]. Способность звука вызывать определенные ассоциации и тот факт, что подбор звуков в поэтическом тексте не случаен, известно нам из исследований в области фоносемантики, звукоимовизма и литературоведения: Р. Якобсон, Л.И. Тимофеев, С.В. Воронин, М. Флаковский-Янкович. Цель звукового строя поэтического текста – вызвать те ассоциации, которые, возможно, и хотел вызвать своим творчеством автор.

Одним из центральных вопросов исследования звукоизобразительности является вопрос об эмоциональном восприятии поэтического текста, когда мы испытываем не-

кое эмоциональное переживание, которое вызвано не только и не столько его содержанием, а скорее его звучанием. Хотя вопрос о том, что выполняет при эмоциональном восприятии поэтического текста первичную роль – содержание или звучание – остается открытым. Мы решили посмотреть на эту проблему через призму звучания.

Как было сказано выше, восприятие стихотворной формы предполагает восприятие целого комплекса ее составляющих: фонетическую и содержательную стороны. Фонетическую составляющую образуют ритм, метр, интонация и мелодический рисунок. Но ритм (метр в стихотворной форме) представляет собой определенное сочетание ударных и безударных слогов, в которых в свою очередь, ведущую роль играют вокалы, или гласные звуки. Поэтому мы и обращаемся к гласным звукам. Но уточняем, что в центре нашего рассмотрения находятся не сами гласные звуки, а их дифференциальные признаки, частотность реализации которых является маркером эмоционального восприятия поэтического текста и, возможно, проявлением индивидуального стиля поэта. Вопросы нами ставятся так: Какие признаки гласных фонем – количественные или качественные – в большей степени способствуют эмоциональному восприятию и выполняют функцию эмоционального воздействия? Можно ли предположить закономерность или объективность при объяснении звукоизобразительности или эмоциональной нагрузки гласных? В художественных текстах или в речи мы находим примеры, когда изменение количественного параметра, а именно растягивание краткого гласного или краткость долгого гласного, часто используется как прием эмоционального воздействия. Мы используем этот прием, например, при рассказывании или прочтении сказок, историй и стихотворений. Но изменение количественного параметра не ведет к изменению качественной характеристики гласной фонемы. Например, в немецком языке изменение продолжительности звучания гласного (количественный параметр), закрытость/напряженность для долгого и открытость/ненапряженность для краткого (качественные параметры) остаются неизменными. Вопрос о роли количественного параметра гласных ученые рассматривают в связи с метром в стихосложении: Ланц (Lanz), 1931; Unbegaun, 1956; Newton, 1981; Flakowski-Jankovič, 1993. Ученые отметили, что изменение длительности звучания гласного выполняет функцию экспрессивного воздействия на эмоциональную сферу слушающего. Р. Ньютон, занимаясь исследованием роли и воздействия количественного параметра гласных фонем – долготы и краткости – на многочисленных примерах немецкого и английского языков показал, что этот параметр обладает экспрессивным потенциалом.

М. Флаковски-Янкович, анализируя поэтические тексты, выделяет следующие четыре экспрессивные группы (expansive Bereiche), которые соотносятся с тематикой анализируемых поэтических текстов, и классифицирует гласные следующим образом. Группа А: радость, надежда – i, i:, e, o:, a, a; свет, солнце, высота – i, i:, o; доверие, нежность – i, y; позитивность, приятность – i, i:, e, o:. В: сила, движение – y, e:, ø:, œ, a; звук, выражение звучания – i, u, o, a. Группа С: тишина, состояние – i, o:, цвет – i, i:, y, y, e, œ, o, o:, a, a. Группа D: тяжесть, темнота, холод – o, o:, a, a, v, u,; негативное, неприятное – e, a, a, u. Таким образом, позитивная экспрессивная группа А выражена в большей мере гласными переднего ряда (I – подобными, что в терминологии Е.Н. Винарской соответствует И-тембру), а также гласными среднего и заднего ряда. Группа В представлена большим разнообразием гласных. Здесь появляются открытые (по степени раствора рта гласные): [e:] и [o]. Группа С представлена двумя экстремальными вариантами. Первая подгруппа – тишина и состояние – только двумя гласными: i, o. Заметно большое число гласных во второй подгруппе. Ученый объясняет это тем, что «цвет» уже сам по себе экспрессивен. Звуковая палитра представлена в большей степени огубленными и открытыми гласными.

Экспрессивная группа D (негативная) представлена гласными заднего ряда, что значительно отличается от группы A (позитивной). В группе D отсутствуют И-тембры. Классифицируя звуки относительно экспрессивных групп, М. Флаковски-Янкович, однако, замечает, что «все время необходимо помнить о том, что звуковая ткань стиха представляет собой переплетение множества звуков и их соединений» [5, с.391].

Проанализируем некоторые стихотворения известных немецких поэтов с позиции звукоизобразительности и эмоциональной нагрузки гласных фонем: Детлеф фон Лилиенкрон, Алфред Антон Нодер, Эрнста Фридриха фон Логау, Клеменса Брентано, Йозеф Вайнхебер. Тексты стихотворений этих поэтов взяты из книги Г. Грюммера «Игровые формы поэзии» (G. Grümmer «Spielformen der Poesie»), где автор анализирует семантическую сторону текстов. Мы попытались связать семантическое содержание с фонетической формой ее реализации.

Детлеф фон Лилиенкрон (Detlef von Liliencron, 1844 – 1909) написал шуточное стихотворение «Баллада в У – мажоре» (“Ballade in U-Dur”). Поэт использует частое повторение кратких «u» для усиления впечатления от стиха:

*Es lebte Herr Winkel
Kunz von Karfunkel
Mit seiner verrunzelten Kunkel
Auf seinem Schlosse Punkpunkel
In Stille und Sturm.
Seine Lebensgeschichte war dunkel,
Es murmelte manch Gemunkel
Um seinen Turm.*

В своих сатирических стихах Алфред Антон Нодер (Alfred Anton Noder, 1864 – 1936) намеренно заменяет в словах гласный “e” на гласный «ö» и дифтонг “ei” на “eu”. Тем самым поэт усиливает сатирическое впечатление от стихотворения, которое было написано в мрачный период истории Германии, и выражает свой протест против происходящего.

*Wöh! Wöh! Der Himmel hörte
Was man seunem Zöntrom tat
Und es böböte di Oerde
Und es wackölte dör Staat!*

Проблема звукоизобразительности гласных лежит в необходимости систематизировать гласные по характеру выражения ими настроения, эмоционального переживания. В художественной литературе, а именно в поэзии, можно найти немало примеров, когда поэты пытаются распределить гласные в определенном порядке в зависимости от их экспрессивного воздействия. При этом авторы располагают гласные в таком порядке: a, e, i, o, u: например, в стихах Эрнста Фридриха фон Логау (Ernst Friedtich von Logau, 1604 – 1655), Клеменса Брентано (Clemens Brentano, 1778 – 1842).

Ernst Friedtich von Logau
*A. ist derer, die nicht wollen
E. ist derer, die nicht sollen
I. ist derer, die da zagen
O. ist derer, die da klagen
U. ist derer, die da plagen*

Clemens Brentano
*In dem A den Schall zu suchen
In dem E der Rede Wonne
In dem I der Stimme Wurzel
In dem O des Todes Odem
In dem U des Mutes Fluchen*

Йозеф Вайнхебер (Josef Weinheber, 1892-1945) в стихотворение «Ода буквам» (“Ode an die Buchstaben”) определяет значимость оттенков звучания гласных для поэзии следующим образом:

*Dunkles, gruftdunkles U, samten wie Juninacht!
Glockentöniges O, schwingend wie rote Bronze:
Groß- und Wuchtendes malt ihr:
Ruh und Ruhende, Not und Tod.
Zielverstiegenges I, Himmel im Mittagslicht,
zitterndes tirili, das aus der Lerche quillt:
Liebe, ach Liebe gewittert
flammenzüngig aus deinem Laut.
E im Weh und im Schnee, grellt wie Messer jäh
schreckst das Herz du empor – aber wie Balsam legt
labend auf das verzagte
sich das Amen es klaren A.*

Поэт образно сравнивает тёмный U с бархатной темнотой июньской ночи. В его звучании ощущается покой. Звучание гласного O похоже на звучание колокола, который означает беду и смерть. Звучание I напоминает трель жаворонка. Оно символизирует полуденное небо и любовь. Звучание E резко как металлический блеск ножа, и как балзамом мы наслаждаемся звучанием светлого A.

В творчестве поэтов и писателей «дадаистов» в полной мере реализовалась звукообразительность звуков как гласных, так и согласных. Одними из ярких представителей этого направления в искусстве Германии в начале 20 в. являются Р. Хаусманн (R. Hausmann), К. Швиттерс (K. Schwitters, 1887 – 1948), а позже Е. Яндл (E. Jandl, 1925 – 2000). Поэты и писатели этого направления используют на первый взгляд бессмысленные сочетания звуков для передачи какого-либо контекста через эмоциональное воздействие этих звуко сочетаний. К. Швиттерс сожалел, что «бессмыслица до сих пор так редко приобретает художественные очертания» [6, 533]. В написанной им, по его словам, «чисто абстрактной» [6, 515] “Ursonate” (1932) ощутимо экспрессивно-эмоциональное воздействие звуков. Эмоциональная палитра представлена различными проявлениями впечатлений: и отрицательными, и положительными.

*Fö
Böwö
Fümmsbö
Böwörö
Fümmsböwö
Böwörötää
Fümmsböwötää
Böwörötääzää
Fümmsböwötääzää*

В этом отрывке «Ursonate» К. Швиттерс, по мнению преподавателей Института речеведения и фонетики Университета им. Мартина Лютера (Галле/Заале, Германия), занимающихся сценическими постановками этого стихотворения, происходит движение от эмоционально отрицательного впечатления к положительному.

Нам представляется весьма интересным обращение к поэтическому тексту оригинала и его переводу, и сравнить с позиции звукообразительности экспрессивную значимость гласных фонем, в частности, по признаку ряда. Нам хорошо известно сти-

хотворение В. фон Гете «Ночная песнь странника» (“Wandrer’s Nachtlied”) и его перевод М.Ю. Лермонтовым «Из Гете». Рассмотрим ладовую организацию этих произведений, используя терминологию Е.Н. Винарской: ладово-определенные вокализации (ЛОВ): мажорные – И- Э-тембры и минорные – У- О-тембры; и ладово-неопределенные вокализации А- Ы-тембры. Исходя из этого, мы обратим наше внимание на гласные звуки в ударных слогах.

В. Фон Гете

Über allen Gipfeln

Ist Ruh’

In allen Wipfeln

spürest du

Kaum einen Hauch;

Die Vögelein schweigen im Walde;

Warte nur, balde

Ruhest du auch

М.Ю. Лермонтов

Горные вершины

Спят во тьме ночной;

Тихие долины

Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,

Не дрожат листья...

Подожди немного,

Отдохнешь и ты.

В этом небольшом по объему стихотворении В. фон Гете, описывая природу, а в это время он путешествовал в Тюрингском лесу и написал его на стене лесной хижины, в сущности, описывает жизнь человека. Эмоциональный окрас стихотворения спокоен, скорее положительный и наводит на философские размышления. Такое впечатление от данного стихотворения достигается следующим движением гласных:

ü a i

i u

i a i

ü u

au ei au

ö ei i a

a u a

u u au

o e

я o e o

и и

o e o

e ы o

e а ы

и o

ё и ы

Жирным шрифтом выделены гласные переднего и среднего ряда.

Рассмотрим гласные относительно признака ряда, так как признак ряда напрямую связан с мажорным или минорным тембром. У В. фон Гете мы наблюдаем преобладание гласных переднего ряда: **ü a i ö** (А- И-тембры). При этом первые четыре строки описания природы, а именно горных вершин, начинаются гласными переднего ряда и заканчиваются гласными заднего ряда (У-тембры). При описании тишины и спокойствия в природе поэт обращается к дифтонгам и гласным переднего ряда (А- И-тембры) (5-я и 6-я строки). В последних двух строках (7-я и 8-я) поэт обращается к жизни человека, где так же, как и в природе, придет время и наступит умиротворение и покой. Эти две строки построены на контрасте сочетания гласных переднего и заднего ряда (А-тембров и У-тембров) с преобладанием гласных заднего ряда (У-тембров). Тоникой этого стихотворения является мажорные А- и И-тембры в терминологии Е.Н. Винарской, которые в конце приглушаются появлением минорного У-тембра.

В переводе М.Ю. Лермонтова мы наблюдаем в целом преобладание мажорных И- и Э-тембров: гласные и, е, а, ы как разновидность И-тембра. Согласно Е.Н. Винарской А- и Ы-тембры относятся к ладово-неопределенным вокализациям, т. е. могут быть и мажорными и минорными тембрами. М.Ю. Лермонтов, описывая горные вершины, также как и В. фон Гете заканчивает 2-ю и 4-ю строки гласным заднего ряда: **o** (О-тембр).

При описании тишины и спокойствия в природе поэт обращается к гласным переднего ряда (Э-И-тембры) (5-я и 6-я строки). Последние две строки у М.Ю. Лермонтова также построены на контрасте сочетания гласных переднего и заднего ряда (И-тембров и О-тембров). Мы видим, что перевод М.Ю. Лермонтова стихотворения В. фон Гете «Ночная песнь странника» в мелодической структуре максимально соответствует ладовой структуре оригинала.

Нам также представляется интересным обращение к творчеству известного немецкого поэта Райнер Мариа Рильке и анализ его стихотворений также с позиций звукоизобразительности гласных фонем. Обращение к поэзии Р.М. Рильке неслучайно: во-первых, творчество поэта занимает весьма высокое положение в немецкой литературе, а именно, 9-е место в «Литературном Каноне» 1997 года согласно опросу газеты „Die Zeit“ (Greiner, 1997). Во-вторых, Р.М. Рильке имеет особое отношение к России. Он считал, что с Россией у него особая связь и Россия, по его внутренним убеждениям, является его Родиной. Как утверждает сам поэт и исследователи его творчества, лирика Р.М. Рильке пронизана особым чувством, особым эмоциональным состоянием. Поэт считал, что «тоска» является самым главным чувством его жизни. В своем эксперименте мы сделали попытку проверить, является ли именно эта эмоция доминантной в поэзии Р.М. Рильке, и какие признаки на сегментном уровне являются маркерами для выражения этой эмоции.

В качестве экспериментального материала послужили 8 стихотворений Р.М. Рильке: «Liebeslied», «Der Panther», «Kindheit», «Das Karussell», «Herbsttag», «Orpheus Eurydike. Hermes», «Komm du», «Schlußstück» в виде аудиозаписей на немецком языке, общей продолжительностью 19 минут 30 секунд. Стихотворения для эксперимента специально не подбирались. Мы посчитали, что для получения более объективной картины лирики поэта необходимо использовать метод сплошной выборки. Эксперимент проходил поэтапно и состоял из 2 частей: психолингвистической и лингвистической. Задача психолингвистического этапа эксперимента заключалась в выявлении характера эмоционального восприятия звучащих текстов стихов Р.М. Рильке. При этом мы попытались максимально отойти от содержательной стороны стихотворений. В качестве информантов выступали носители как немецкого (родного) языка, так и носители русского языка со знанием и без знания немецкого языка и занятые в различных сферах деятельности. Перед информантами стояли задачи прослушать аудиозапись и определить:

– эмоциональность стихотворения как положительную («+») или отрицательную («-»),

– эмоцию, выбрав подходящий вариант ответа из списка: радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, горе-страдание, стыд, интерес-волнение, вина, смущение по классификации эмоций К.Э. Изард.

Анализ данных психолингвистической части эксперимента показал, что эмоциональное восприятие информантами звучащих поэтических текстов Р.М. Рильке происходило в большинстве случаев в отрицательном эмоциональном ключе и соотносилось со знаком «-». Отрицательная эмоциональность ассоциируется у большинства информантов с эмоциями «печаль», «горе-страдание», которые коррелируют с эмоциональной модальностью «горе» по классификации Е.Н. Винарской. Необходимо отметить, что в основе анализа данных эксперимента лежит теория базовых эмоций Е.Н. Винарской. То есть, эмоции *интерес-волнение*, *радость*, *удивление* по шкале К.Э. Изарда коррелируют с базовой эмоциональной модальностью *радость* по Е.Н. Винарской. Эмоции *печаль*, *горе-страдание* коррелируют с базовой эмоциональной модальностью

горе, а эмоции *гнев, отвращение, презрение, стыд, вина, смущение* – с базовой эмоциональной модальностью *гнев-страх*.

Задача лингвистического этапа эксперимента состояла в выявлении ладовой организации предъявленных стихотворений и в определении частотности реализации дифференциальных признаков гласных фонем.

С этой целью 10 информантам, в качестве которых выступали носители немецкого языка, студенты Института речеведения и фонетики университета имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг (г. Галле, ФРГ), имеющие навык фонетической маркировки звучащего текста, были предъявлены аудиозаписи и тексты данных стихотворений. С целью анализа лингвистической части эксперимента к текстам стихотворений были построчно выписаны транскрипции гласных в ударных слогах, отмеченных аудиторами. Стоит отметить, что анализируемые стихотворения характеризуются высокой частотностью фразового ударения.

В рамках данной статьи мы не можем полностью, с таблицами и подробным описанием каждого этапа изложить данный эксперимент, так как это тема отдельной работы. Но хотелось бы привести некоторые полученные данные аудитивного анализа (см. таблицу 1).

Таблица 1. Частотность реализации дифференциальных признаков гласных фонем по ряду и полнозвучности

Стихотворение	Количество гласных фонем с признаками			
	Локализация: передний ряд	Локализация: задний ряд	ДЗН	КОНН
Liebeslied	19	3	6	16
Der Panther	20	-	2	18
Kindheit	27	7	17	17
Das Karussell	44	6	21	29
Herbsttag	25	3	11	17
Orpheus. Eurydike. Hermes	106	39	47	98
Komm du	18	3	10	11
Schlußstück	4	5	4	5

Сокращения в таблице обозначают следующее: КОНН – комплекс признаков «краткий – открытый – ненапряженный», ДЗН – комплекс признаков «долгий – закрытый – напряженный».

Из приведенной таблицы видно, что в большинстве стихотворений преобладает частотность реализации гласных переднего ряда и комплекса признаков КОНН «краткий – открытый – ненапряженный».

Анализ данных эксперимента позволил нам сделать вывод о том, что дифференциальные признаки гласных фонем несут определенную экспрессивную нагрузку при эмоциональном восприятии звучащей речи на примере поэтического текста, а также выявить следующие особенности эмоциональной окрашенности звучащих поэтических текстов Р. М. Рильке на сегментном уровне:

– Звучание исследованных нами стихотворений Р.М. Рильке на материале немецкого языка было воспринято во всех группах информантов (наивные носители русского языка, студенты-германисты, носители немецкого языка) в большинстве случаев однозначно в отрицательном эмоциональном ключе и ассоциируется с эмоциями печаль,

гнев, отвращение, презрение, которые в свою очередь коррелируют с базовыми эмоциональными модальностями «горе», «гнев-страх» по Е.Н. Винарской, что не противоречит различным исследованиям творчества поэта, согласно которым все стихотворения Р.М. Рильке пронизаны эмоцией «тоска».

– Данные, полученные в результате лингвистической части эксперимента показали, что выражение данных эмоций связано с частотностью реализации гласных переднего ряда и комплекса признаков КОНН, или мажорных А,И-тембров.

– Выражение базовой эмоции «горе» в поэтических текстах Р.М. Рильке через частотность реализации гласных фонем переднего ряда и комплекса признаков КОНН не соответствует теории эмоциональности Е.Н. Винарской, согласно которой гласные переднего ряда являются носителями мажорного настроения, а минорного – гласные заднего ряда. Но, возможно именно такое сочетание признаков придает особую тональность стихотворениям Р.М. Рильке, а именно светлую грусть и лиричность и характеризует индивидуальный стиль автора.

В заключение хотелось бы высказать наше предположение, что распределение гласных в поэтическом тексте происходит не произвольно, а намеренно. Что, возможно, является универсальным инструментом при создании поэтического текста. А логика распределения гласных, частотность реализации определенных комплексов дифференциальных признаков гласных фонем носит специфические черты и отражает индивидуальный стиль поэта.

Литература

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». 1975. С. 193–230.
2. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. 172 с
3. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учеб. пособие для вузов. 5-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1976. 448 с.
4. Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 948 с.
5. Белый А. Безрукая танцовщица. // Литературный календарь: книги дня. № 5 (2). 2009. С. 7.
6. Flakowski–Janković M. Klangstrukturen und inhaltliche Aussage in lyrischer Dichtung. Frankfurt am Main : Hector, 1993. 420 S.
7. Schwitters K. Von allen, hinten wie „a-n-n-a“. Köln : DuMont, 1997. 533 S.
8. Grümmer G. Spielformen der Poesie. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1988. 243 S.
9. Рильке Р.М. Стихотворения. М.: ОАО Издательство «Радуга», 1998. 320 с.

SOUND IMAGERY IN POETIC SPEECH: UNIVERSALITY AND NATIONAL SPECIFIC FEATURES

Irina V. Voropaeva
Voronezh State University

Abstract. Sound imagery implies the existence of cognitive communicative signs with a specific figurative form and emotional substance. On the one hand, the figurative form represents innate universal A-I-U timbers. On the other hand, it is all about inherited (acquired) nationally specific (or culturally specific) sign complexes. Sound imagery relates to paralinguistic expressive devices both in writing and oral speech and is stored in mind of a bearer of a particular linguistic

culture as emotionally expressive complexes, for example: baby screaming, cooing or babbling, prattling. At first they become paralinguistic sound gestures (vocalization, pseudowords) and later develop to become segmental and suprasegmental elements. The function of emotional expression in relation to sound imagery is the leading one in poetic texts. It can be traced in the ordering of appropriate sound gestures, in particular vocalizations in order to create a coherent image of the poetic work, which enriches the poetic image created by linguistic devices. Poetic speech functioning as a typical form of emotionally coloured speech is a unique material for the linguistic device research of emotional states, including the level of the expressive function of oral speech. The usage of sonic language devices such as melody, rhythm, intensity and speech tempo, as well as the frequency of the realization of certain differential features of vowel phonemes can convey to a listener the semantic, aesthetic and emotional substance of speech.

Key words: sound imagery, oral speech, poetic speech, vowel phonemes, semantically distinguishing feature, emotionality, perception

Воропаева Ирина Викторовна,
кандидат филол. наук, преподаватель
кафедра немецкой филологии
факультет романо-германской филологии
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (906) 581 0275
e-mail: voropaeva05@mail.ru

Irina V. Voropaeva
PhD, Lecturer
German Philology Department
Faculty of Romance and Germanic Philology
Voronezh State University
mobile: +7 (906) 581 0275
e-mail: voropaeva05@mail.ru

УДК 81'253

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Гасымова Г.М.

Финская Т.Е.

Российский университет дружбы народов

Аннотация. В данной статье рассматриваются виды синхронного перевода и те компетенции, которыми должен обладать переводчик-синхронист для реализации своей деятельности. В связи с тем, что в условиях пандемии COVID-19 переводчикам-синхронистам пришлось работать в удаленном режиме, в процессе перевода стали масштабно использоваться специальные платформы, что существенным образом повлияло на характер синхронного перевода, и, помимо традиционного устного синхронного перевода, стало возможным осуществление письменного синхронного перевода. В статье сравниваются привычный синхронный устный перевод и удаленный синхронный письменный перевод, в частности, умения и навыки, которыми должен владеть переводчик. Делается вывод о том, что при письменном синхронном переводе, переводчику необходимо выполнять больше задач, чем при традиционном устном синхронном переводе. Проведенный анализ показал, что, несмотря на то, что два анализируемых вида перевода имеют сходства, они являются различными видами синхронного перевода.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, письменный синхронный перевод, удаленный синхронный перевод, переводчик, пандемия, навыки, платформы для удаленного синхронного перевода, социальные сети

Психолингвистическая классификация видов перевода подразделяет переводческую деятельность на устный и письменный перевод. Синхронный перевод традиционно относят к виду устного перевода. Он является одним из наиболее сложных видов устного перевода. Переводчик переводит на целевой язык синхронно, одновременно воспринимая на слух речь исходного языка, что существенно отличается от другого вида устного перевода – последовательного, при котором переводчик говорит в паузах в речи на исходном языке [1, с.108].

В любой речи часть сообщения не выражается, остается неявной. Переводчик должен дать эквивалент, опираясь на прочную общую культуру и вставляя в речь конкретные части рассматриваемого предмета. Еще более важна способность уловить намерения говорящего за пределами простых слов. В многоязычной среде это требует глубокого знания не только грамматического и лексического строя языков, но и представленных культур, их различий и особенностей. Таким образом, на многоязычной встрече переводчики работают над тем, чтобы все проходило так, как если бы все говорили на одном языке.

В условиях синхронного перевода, как известно, переводчик работает в звукоизолированной кабине и говорит в микрофон, четко видя и слыша говорящего на исходном языке через наушники. Предоставляется слушателям синхронный перевод на целевом языке также через наушники. Переводчик-синхронист работает 15-30 минут, потом его сменяет его коллега. Так переводчики работают в течение 3 часов.

Каждый переводчик должен обладать определенными видами компетенций. Согласно словарю лингвистических терминов, компетенция от лат. *competentia* («принадлежность по праву») представляет собой «круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом» [1*, с.159]. Рода Робертс (1984) называет пять основных компетенций, которыми должны обладать профессиональные переводчики:

1. лингвистическая компетенция
2. коммуникативная компетенция
3. методологическая компетенция
4. тематическая компетенция
5. техническая компетенция [2].

Эти навыки формируют тип компетенций, специфичных для профессии переводчика. Знание языка предполагает способность понимать исходный язык и возможность выразить себя на другом языке. Коммуникативная компетенция – это искусство перевода, то есть способность понять смысл текста и передать его без деформации. Методологическая компетентность направлена на способность адекватно передавать формат документа, а также корректно использовать терминологию, характерную для данной области. Что же касается предметной компетенции, она отражает способность переводить специализированные тексты, (экономические, юридические, технические и др.). Наконец, техническая компетентность касается способности использовать инструменты переводчика (ИТ-инструменты, программное обеспечение для помощи при переводе и т.д.).

В свою очередь Даниэль Гуадек (2000) приводит тринадцать компетенций переводчика. К ним он относит владение:

1. языком переводимых материалов (владение языком оригинала);
2. языком перевода;
3. приемами и стратегиями перевода;
4. переводческой терминологией;

5. переводческой фразеологией;
6. умениями корректуры и редактирования;
7. различными видами поиска, изучения и оформления материалов;
8. общими техническими знаниями;
9. инструментами переводчика;
10. навыками работы на компьютере;
11. умениями разработки и реализации проектов;
12. (на минимально достаточном уровне) методами управления;
13. умениями адекватного поведения в сложных переговорных ситуациях [3].

В целом, переводчик должен уметь переводить, писать, корректировать, находить информацию и оформлять ее. Он должен владеть общей информацией из конкретной тематической области, а также уметь обращаться со всеми инструментами, материалами и программным обеспечением, специфичным для данной области. Профессиональный переводчик также должен знать, как вести себя с клиентами или коллегами и уметь работать в команде [3].

Жан Делиль, в свою очередь, выделяет два вида компетенций (умение понимать и способность переформулировать смысл исходного текста), а также четыре способности (способность идентифицировать языки, способность применять процедуры перевода, способность интегрировать неязыковые знания и лингвистические высказывания, способность овладеть техникой письма) [4, с.20].

Особо следует отметить дистанционный синхронный перевод, который реализуется в ситуациях дефицита финансирования, необходимого для участия в переговорах всех заинтересованных сторон, либо не имеется достаточно места для размещения всех участников, либо не удается согласовать дату, подходящую для всех заинтересованных лиц.

В настоящее время, в период распространения коронавирусной инфекции и перехода почти всех сфер деятельности в режим онлайн, ситуаций, когда дистанционный перевод становится необходимостью, стало намного больше. Огромную популярность в этих условиях получили платформы для удаленного синхронного перевода. Еврокомиссия уже поручила разработать стандарты для осуществления удаленного синхронного перевода, а международная ассоциация синхронных переводчиков АПС (Association Internationale des Interprètes des Conférences) выпустила рекомендации для работы из дома.

Остановимся на преимуществах использования дистанционных технологий для осуществления синхронного перевода. Во-первых, при дистанционном синхронном переводе значительно снижается стоимость организации. Во-вторых, сокращается время на организацию синхронного перевода (не нужно арендовать помещение, настраивать оборудование, раздавать гарнитуры участникам и слушателям и пр.). В наше время существует огромное количество платформ для осуществления удаленного синхронного перевода в условиях пандемии COVID-19. В качестве примеров можно привести такие платформы, как Voiceboxer, Interactio, Kudo и Interprefy, QuaQua. Стоит отметить, что синхронный перевод стал применяться и в социальных сетях, так как данные ресурсы имеют возможности для ведения прямых эфиров.

Новые платформы оборудованы так, чтобы переводчики-синхронисты могут работать в режиме, приближенном к привычным условиям. Например, бельгийская компания Duvall разработала платформу QuaQua. На данной платформе предусмотрен интерфейс не только для участников, но и для переводчиков. Переводчики имеют свой отдельный чат, могут регулировать для себя видео оратора, могут настраивать громкость своего

голоса и громкость голоса оратора. Таким образом переводчики работают по двое. Один переводчик работает 30 минут, далее эстафету перенимает его коллега. У каждого переводчика есть возможность слушать своего коллегу. И на панели у каждого переводчика есть кнопка mute, которая есть в любой кабинке для синхронного перевода.

Область переводоведения в данный момент сильно меняется и приобретает новые виды традиционного перевода. Коронавирусная инфекция заставила всех уйти в дистанционный режим, тем самым открыв новые горизонты для переводчиков. Появились новые явления и понятия, например, письменный синхронный перевод. И в связи с пандемийными ограничениями, все больше становится необходимым письменный синхронный перевод.

Так, например, в социальной сети Instagram стали чаще проводиться прямые трансляции конференций, выступлений и презентаций по всему миру.

Рассмотрим наиболее яркий пример применения дистанционного письменного синхронного перевода: прямой эфир «Франко-русские посиделки». «Франко-русские посиделки» – это сообщество любителей французского языка, основанное кафедрой иностранных языков на базе филологического факультета Российского университета дружбы народов. Сообщество постоянно устраивает различные благотворительные акции и конкурсы для любителей французского языка. Каждый понедельник проходит серия эфиров «Выражение». Все выпуски выстроены в форме интервью. Одним из гостей эфира был франкофон из Бенина. Интервью длилось час. Он рассказывал о своей жизни в Бенине в виде сказки на французском языке, его нужно было переводить синхронно, чтобы зрители понимали, так как аудитория была в большей степени русскоговорящая. В данных реалиях переводить устно невозможно, пришлось переводить письменно. В отличие от ранее рассмотренной платформы, в Instagram нет встроенной системы для синхронного перевода. Более того, поскольку встреча имела неофициальный характер, работал только один переводчик. Однако задач у переводчика при таком виде перевода становится больше: ему приходится слушать, переводить и печатать одновременно. При данном типе перевода важными становятся такие компетенции, как: многозадачность, способность концентрироваться на нескольких различных видах деятельности (слушать, синтезировать текст и печатать его) и умение быстро набирать текст.

Другой особенностью синхронного перевода в названной социальной сети является то, что, в отличие от специальных платформ, переводчик также может сам писать тексты в комментариях, где параллельно пишут все слушающие, задают вопросы. Это может сбить переводчика, когда он набирает текст, ведь он может отвлечься на тот или иной комментарий. При таком виде перевода главным умением является не потерять нить рассказа оратора.

Существует множество приемов перевода, к которым прибегает переводчик-синхронист. При письменном синхронном переводе было выявлено более частое обращение к приему лексических добавлений, который подразумевает добавление при переводе лексических единиц для передачи имплицитных семантических компонентов оригинала. Другим частым приемом, встречающимся при письменном синхронном переводе, является прием опущения, который заключается в отказе от передачи при переводе семантически избыточных слов оригинала, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте. Вторым по частотности употребления при письменном синхронном переводе можно назвать прием перемещения. Данный прием представляет собой использование ближайшего соответствия слов оригинала в другом месте высказывания, если его нельзя употребить там, где оно стоит в оригинале. Также, при письменном

переводе нам часто встречалось использование лексических трансформаций (транскрибирование, транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены).

В другом случае, который можно привести в качестве примера, перевод осуществлялся с использованием платформы TEAMS, в которой работают многие высшие учебные заведения в удаленном режиме. Microsoft Teams – это корпоративная платформа, объединяющая в рабочем пространстве чаты, встречи, заметки и вложения. На кафедре романской филологии Московского государственного педагогического университета проводился праздник, посвященный европейскому Рождеству. На праздник, который проходил 18 декабря, были приглашены франкофоны из Камеруна, Бельгии, Демократической Республики Конго и из Франции. Они рассказывали о своих традициях празднования Рождества: лакомствах, подарках, обрядах. Презентации проходили на французском языке. На празднике присутствовали студенты первого, второго и третьего курсов. Студенты первого курса только начали изучать французский язык, поэтому, для того, чтобы первокурсникам было проще понимать французскую речь, параллельно осуществлялся письменный синхронный перевод в чате собрания. Каждый из выступающих говорил примерно 10 минут, то есть время всего перевода составило 40 минут. Некоторые представленные страны (Камерун, ДРК) являются достаточно экзотичными для студентов не только из-за своего географического положения, но и, конечно, из-за акцента, который достаточно отличается от парижского французского. Представители данных этносов делали свои презентации очень ярко, с помощью различных языковых средств и довольно сильной экспрессии. Данные эмоции переводчик прописывал словами, например: *Девушка очень рада, когда она получает подарки* (исходный вариант: *Ah, c'est génial, j'adore recevoir des cadeaux*). В данном случае переводчик использовал лексико-грамматический вид трансформации, который называется описательный перевод (экспликация). Междометие *ah* и восклицание *c'est genial* (это здорово) переводчик объяснил словами: *девушка очень рада*. Таким образом, переводчик объяснил публике восклицание девушки, не используя при этом эмотивно-окрашенной лексики.

Проанализированные примеры демонстрируют то, что при письменном синхронном переводе переводчику приходится решать больше задач, чем при устном синхронном переводе. Помимо обработки и синтеза услышанного выступления, переводчик должен уметь быстро печатать текст, обращая внимание на синтаксис и пунктуацию предложений. Там, где устный переводчик может передать высказывание оратора с помощью интонации, письменному переводчику приходится прибегать к различным переводческим приемам и трансформациям. Одним из плюсов такого вида перевода в программе Microsoft Teams является то, что переводчик сможет потом включить видео конференции или мероприятия и параллельно перечитать свой перевод, прорабатывая свои ошибки.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что дистанционный устный синхронный перевод и дистанционный письменный синхронный перевод – это два, на первый взгляд похожих, но на самом деле абсолютно разных феномена. Устный дистанционный синхронный перевод максимально приближен к обычному устному синхронному переводу. Интерес представляет вопрос, получит ли распространение письменный синхронный перевод вне реалий дистанционного перевода. Синхронного письменного перевода, до эпохи пандемии не существовало, именно поэтому данный вид синхронного перевода является абсолютно новым, непохожим на другие.

Литература

1. Бреус Е. В., Дементьев А. А., Сладковская Е. Н. Синхронный перевод: пути овладения профессией // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. – Вып. 22. М.: Высшая школа, 1987. 108 с.
2. Roberts, Roda P. «Compétence du nouveau diplômé en traduction», Traduction et Qualité de langue, Actes du colloque, Société des traducteurs du Québec / Conseil de la langue française, Québec, Éditeur officiel du Québec, 1984. Pp. 172-184.
3. Gouadec, D. et Collombat, O. Formation des traducteurs, Actes du Colloque international, Rennes 2 (24-25 septembre 1999). Paris: La Maison du dictionnaire. 2000.
4. Delisle, J. Portraits de traducteurs. Ottawa: Presses de l'Université d'Ottawa. 2002. 406 p.
5. Калинин А.Ю., Михайловская М.В. О дуалистическом принципе синхронного перевода (на материале перевода телетрансляций политических пресс-конференций) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. №3 (34). С. 119-130. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41217683>.
6. Remote simultaneous translation. URL: https://generationperevod.ru/remote_simultaneous_translation_platforms (дата обращения 11.12.2020)
7. URL: <https://www.larina-translation.com/single-post/speakus-interpretation-simultaneous-a-distance> (дата обращения: 11.12.2020)
8. URL: <https://www.microsoft.com/ru-ru/microsoft-teams/group-chat-software>
9. URL: https://vk.com/video-151735345_456239073?api_access_key=19a802fe65aa5adace
10. URL: https://www.instagram.com/tv/CGiaxzuHStk/?utm_source=ig_web_copy_link

Список словарей

- 1* Жербило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

SIMULTANEOUS TRANSLATION: NEW REALITY

Gulnara M. Gasymova

Taisiya E. Finskaya

The Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. This article discusses the types of simultaneous translation, and the competencies which a simultaneous interpreter should demonstrate in translation. It focuses on peculiarities of simultaneous interpretation which come into the foreground in COVID-19 pandemic. Due to the fact that under these circumstances simultaneous interpreters had to work remotely, they had to use a number of special platforms. Thus, the character of simultaneous translation happened to be changed and alongside with traditional simultaneous interpretation, there appeared a written simultaneous translation. The authors compare the usual simultaneous interpretation and remote simultaneous translation, especially, the skills and abilities a translator should possess. It is concluded that in written simultaneous translation, the translator needs to perform more tasks than in traditional simultaneous interpretation. The analysis showed that the two types of translation, while having similarities, are completely different.

Key words: simultaneous interpretation, written simultaneous translation, remote simultaneous translation, translator, pandemic, skills, platforms for remote simultaneous translation, social networks

Гасымова Гульнара Мансуровна,
Аспирант филологического факультета,
ассистент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов
тел.: +7 (926) 769 9958
e-mail: gulnara.gasymova@yandex.ru

Gulnara M. Gasymova
PhD student
Assistant of Foreign Language Department
The Peoples' Friendship University of
Russia
mobile: +7 (926) 769 9958
e-mail: gulnara.gasymova@yandex.ru
Taisiya E. Finskaya
PhD student
Assistant of Foreign Language Department
The Peoples' Friendship University of
Russia
mobile: +7 (937) 222 8352
e-mail: taya_finskaya5554@mail.ru

Финская Таисия Евгеньевна,
Аспирант филологического факультета,
ассистент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы народов
тел.: +7 (937) 222 8352
e-mail: taya_finskaya5554@mail.ru

УДК: 811

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Гирко В.А.
МБОУ Гимназия им. А. Платонова

Аннотация. Одной из основных задач политики современных государств является популяризация здорового образа жизни при помощи различных каналов передачи этой информации. Автор придерживается точки зрения, что вопросы правильного выбора в отношении здоровья как физического, так и психического, находятся в поле исследования медицинского профилактического дискурса. Цель данной работы заключается в выявлении характерных черт британского профилактического дискурса. Материалом исследования послужили англоязычные тексты раздела “Live Well” официального сайта Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS.uk) как представителя источника информации от правительства, в котором собраны рекомендации по соблюдению здорового образа жизни. Основным инструментом исследования является метод дескриптивного анализа по содержательным и языковым аспектам. На первом этапе анализа были изучены способы представления и организации информации, а также содержательное наполнение раздела. На втором этапе были изучены лингвистические особенности текстов медицинской профилактики (вербальных и невербальных средств представления информации). Рассмотрение содержательных и языковых аспектов профилактического дискурса позволило описать его характерные черты, а именно, определить основные темы медицинской профилактики, выявить структурированность информации «кластерами» и неофициальный стиль ее изложения, представить особенности организации текста на экране, удобные для читателя, а также наличие сопутствующих изображений по теме.

Ключевые слова: профилактический дискурс, тексты медицинской профилактики, метод дескриптивного анализа, содержательный аспект, языковой аспект, вербальные средства, невербальные средства, организация текста

Пропаганда здорового образа жизни является одним из приоритетных направлений современной государственной политики различных стран. Призывы к соблюдению

нию основных постулатов правильной поведенческой модели можно увидеть везде: от рекламы на телевидении и баннерах в Интернете до привычных щитов с социальной рекламой на улице и в магазинах. Выявление и применение эффективных коммуникативных стратегий для успешного информирования населения о возможных рисках и последствиях несоблюдения здорового образа жизни (ЗОЖ) входит в сферу научных интересов лингвистов, занимающихся исследованием профилактического дискурса.

«Профилактический дискурс» как социолингвистический феномен стал особенно актуальным объектом исследования в последние десятилетия. В зарубежной лингвистике тексты медицинской профилактики в основном изучаются в русле пропаганды здорового образа жизни или health promotion [1**, с.1-2]. Д. Лаптон отмечает, что профилактический дискурс занимается вопросами пропаганды здоровья, так же механизмами влияния средств массовой информации на мировоззрения людей [1, с.146]. Что касается отечественных исследователей, то А.С. Катаева и Е.Г. Соболева полагают, что профилактическая деятельность является «одной из стратегий здравоохранения» [2, с.110], в основе которой лежит распространение информации посредством различных коммуникационных каналов (СМИ, Интернет и т.д.), и представляет собой субдискурс медицинского дискурса. Н.В. Данилевская относит тексты медицинской профилактики к «одной из тематических разновидностей социальной рекламы» [3, с.133], поскольку они привлекают внимание людей к той или иной проблеме и призывают их вести правильный образ жизни. Тем не менее, мы придерживаемся мнения, что профилактический дискурс является отдельным типом дискурса, который находится на стыке профессионального медицинского дискурса (т.к. освещаются темы различных заболеваний, а также сохранения и улучшения здоровья) и медиадискурса (т.к. средства массовой информации являются каналами передачи информации и способами влияния на аудиторию для достижения определенной цели).

Целью данного исследования является выявление характерных черт профилактического дискурса на материале текстов Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS.uk). Данный сайт был выбран, поскольку он является одним из основных источников трансляции надежной медицинской информации. Основной инструментом исследования – метод дескриптивного анализа.

Материалом исследования послужили англоязычные тексты раздела “Live Well” с описанием полезных «советов, рекомендаций и инструментов, которые помогут [людям] сделать правильный выбор в отношении [их] здоровья и благополучия» (*Advice, tips and tools to help you make the best choices about your health and wellbeing.*) [1*].

Анализ проводился по двум критериям: содержание и языковые средства.

Критерий «содержание». На первом этапе анализа были изучены способы представления и организации информации, а также содержательное наполнение раздела.

Тематически раздел “Live well” включает в себя 9 статей, каждая из которых снабжена тематическим заголовком, соответствующим основным направлениям профилактики:

Таблица 1. Заголовки статей раздела и основные направления профилактики

Заголовок текста	Направление профилактики
<i>Eat well</i>	здоровое питание и поддержка оптимального веса
<i>Healthy weight</i>	
<i>Sleep and tiredness</i>	проблемы, которые могут возникнуть из-за недостатка сна

<i>Exercise</i>	необходимость физических нагрузок
<i>Healthy body</i>	
<i>Alcohol support</i>	
<i>Quit Smoking</i>	сокращения потребления алкоголя и отказа от курения
<i>5 steps to mental well-being</i>	способы поддержки психического здоровья
<i>Sexual health</i>	безопасные половые отношения

В аспекте организации информации все статьи представлены в виде «плиток» с изображениями, подходящими по теме, заголовков статей и «лида», который раскрывает основной «посыл» данного подраздела. Все вместе они представляют собой целостную гиперссылку для перехода на основную информацию по выбранной теме. После перехода перед нами открывается полный текст статьи, который также содержит гиперссылки в виде слова или словосочетания, выделенные синим цветом и подчёркиванием, для более детального изучения темы. Например, в подразделе *Exercise* акцентируется внимание на необходимости ежедневных физических нагрузок для взрослых (19-65 лет), приведены примеры таких занятий и рекомендации по нагрузкам. В качестве дополнительных ресурсов получения знаний по теме выступают гиперссылки на подробные статьи о видах упражнений (ходьба, езда на велосипеде, тренировки по аэробике, плавание, йога, пробежка, программа, как начать бегать, и т.д.), видео и другие сайты. Если переход по гиперссылке был осуществлен, то она меняет синий цвет на фиолетовый.

Кроме того, на страницах статей расположены дополнительные гиперссылки в виде «синих кнопок», «кликнув» на которые можно почитать больше о составляющих тем:

Exercise

– *How much exercise?*

Benefits of exercise

Why we should sit less

Physical activity guidelines: children (under 5s), etc.

– *Couch to 5k*

C25k programme

Running tips

– *Exercise tips*

Safe exercising

Exercises for back pain

– *Fitness guides*

Getting started

NHS Fitness Studio [1]*

Критерий «языковые средства». Изучение лингвистических особенностей текстов медицинской профилактики, т.е. вербальных и невербальных средств представления информации, происходило на основном этапе исследования.

Анализ *вербальных коммуникативных средств* продемонстрировал частотное использование:

а) фразовых глаголов: *cut out caffeine altogether, sitting down for proper meals, to look after your heart, give up smoking, find out, watch out for high salt levels, to fight off colds and flu, to cut down and control your drinking or stop completely, make up just over a third of the food you eat each day, tiredness or exhaustion that goes on for a long time, etc.,*

б) разговорных словосочетаний: *you may nap during the day, get tired, keeps changing, make you feel wound-up, to stay on top of things, on the go, today's 24/7 "always on" world, to cram too much into our daily lives, pee, ex-smokers, being overweight, quit, etc.,*

в) эмоционально-оценочной лексики: *vigorous and very vigorous intensity activity, feeling exhausted, poor sleep, too many late nights, uncontrollable feelings of anxiety, low mood, the best chance of a good night's sleep, a great source of, It's important to get most of your fat, positive feelings and a sense of reward, Smoking is bad for your health, a healthier, better way of dealing with stress, it's never too late to benefit from stopping, It's the single best thing, etc.,*

г) стяженных форм глаголов: *it's a good idea..., If you're tired..., If you're having foods and drinks..., It's recommended that..., There's evidence that..., They're also good sources of..., whatever's best for you, Understanding what's in food, etc.,*

д) сокращений / аббревиатур: *GP* (для General Practitioner), *BMI* (для body mass index), *HIV* (для human immunodeficiency virus), *GAD* (для generalized anxiety disorder), *IVF* (для in vitro fertilisation), *STIs* (для sexually transmitted infections), *CE mark* (для обозначения соответствия европейским стандартам качества) или *BSI kite mark* (для обозначения соответствия британской торговой марки качества продуктов), *HIIT* (для High Intensity Interval Training), *TATT* (для tired all the time), *NSAIDs* (non-steroidal anti-inflammatory drugs), *etc.*

Сочетание вышеперечисленных коммуникативных средств позволяет сделать вывод о доминировании разговорного стиля речи и неформальной тональности текстов.

Тем не менее, в текстах медицинской профилактики невозможно обойтись без использования медицинской терминологии: *insomnia, obese, radiotherapy, chemotherapy, carbon monoxide poisoning, sexually transmitted infections, chlamydia, gonorrhoea, urine, blisters, sores, spots, lumps, the genitals, anus, vaginal discharge, abdominal pain, irritation of the urethra (the tube urine comes out of), alcohol detoxification, lung cancer and chronic bronchitis, pneumonia, ear infections, wheezing and asthma, coronary heart disease, anaemia, underactive thyroid, sleep apnoea, non-steroidal anti-inflammatory drugs, etc.* При этом медицинские термины и определения не затрудняют понимание текста, поскольку либо в скобках приведено краткое толкование термина, либо данное слово/фраза является также гиперссылкой, и при отсутствии понимания значения слова/фразы можно выйти на страницу с объяснениями, либо смысл понятен из контекста.

Прагматическая функция профилактического дискурса в основном заключается в рекомендациях по предотвращению заболеваний и побуждению к ведению здорового образа жизни, а также установлению контакта с аудиторией.

Для реализации функции побуждения в текстах используются:

а) модальные глаголы *can, might/may* и *should* как средство выражения совета: *You can also achieve your weekly activity target with..., You can do your weekly target..., There are many ways you can strengthen your muscles..., You can do activities that..., you may nap during the day..., You can choose from..., you can use the NHS weight loss plan..., Adults should do some type of..., Adults should aim..., you should do them to..., People with special dietary needs or a medical condition should ask..., people should try to..., your meals should be based on...*

б) императив как категоричное средство побуждения к действию и прямая апелляция к аудитории: *Make sure the type and intensity of your activity..., Try the aerobic workout videos..., Try these exercise routines..., as..., try this short audio guide..., Stick to the guidelines of..., Try to choose..., Go for lower fat..., Choose semi-skimmed, 1% fat or skimmed milk..., choose unsweetened, calcium-fortified versions..., Choose lean cuts of meat..., Try to eat less red and processed meat..., Aim to eat at least 2 portions of fish a week..., eat them in moderation..., Remember that..., See 8 tips for healthy eating..., Check whether you're a healthy weight...*

Помимо повелительного наклонения одним из средств призыва аудитории «к совершению профилактических действий» [4, с.49] является прямое апеллирование к аудитории при помощи местоимения “you”: *you feel tired..., If you feel sad..., you also wake up..., you may have depression..., If you have been ..., it's a good idea to see your GP..., your tiredness..., your sleep..., how tired you feel..., make you feel wound-up, If you're tired, you may..., your diet..., If you're having..., your bones..., If you need., you can use..., you lose weight..., If you have constant uncontrollable feelings of anxiety..., If you think your tiredness may be..., your sleep problems.*

Функция информирования осуществляется при помощи:

а) предъявления статистических данных, что «носит просветительский или образовательный характер» [5, с.118]:

In general, 75 minutes of vigorous intensity activity can give similar health benefits to 150 minutes of moderate intensity activity.

People breathe more easily and cough less when they give up smoking because their lung capacity improves by up to 10% within 9 months.

Within 2 to 12 weeks of stopping smoking, your blood circulation improves.

Men who quit smoking by the age of 30 add 10 years to their life. People who kick the habit at 60 add 3 years to their life.

Around 50% of women and 10% of men with gonorrhoea do not have symptoms.

The Food Standards Agency (FSA) says a small 250ml can contains about 80mg of caffeine, which is similar to 3 cans of cola or a mug of instant coffee. [1]*

б) упоминания общеизвестных или научных фактов:

There are several health conditions that can make you feel tired or exhausted. These include...

Tiredness can also be the result of...

This means eating a wide variety of foods in the right proportions, and consuming the right amount of food and drink to achieve and maintain a healthy body weight.

It's recommended that you eat at least 5 portions of a variety of fruit and vegetables every day.

Potatoes with the skins on are a great source of fibre and vitamins.

Being active is not only great for your physical health and fitness. Evidence also shows it can also improve your mental wellbeing by...

Research shows that learning new skills can also improve your mental wellbeing by...

A BMI between 18.5 and 24.9 is considered healthy.

Weight gain occurs when you regularly eat and drink more calories than you burn through normal bodily functions and physical activity. [1]*

Ссылка на мнение авторитетного источника: «доктор объясняет» выполняет стратегию повышения доверия к указанной информации:

In this audio guide, a doctor explains what you can do to give yourself the best chance of a good night's sleep. [1]*

Использование местоимений «я» и «мы» выполняет функцию установления контакта, которая иллюстрирует, что проблемы адресата может касаться каждого человека по отдельности или в группе, тем самым объединяя читателя/читателей и автора:

Why am I tired all the time?

We all feel tired from time to time.

The strains of daily life can worry most of us at some point.

Where can I get tested for STIs? [1]*

Другими словами, применение в текстах медицинской профилактики местоимений «я» и «мы» выражает идею общности, солидарности автором текстов и их аудитории.

Что касается *невербальных средств* раздела *Live Well* портала NHS, то, их можно разделить на иллюстрации (т.е. непосредственно невербальные средства) и гибридные (инфографика).

Иллюстрации. На заглавной странице данного раздела, где расположено его содержание, каждый заголовок статьи сопровождается *изображением* по теме. Так к рубрике «5 шагов к психическому здоровью» (*5 steps to mental well-being*) прилагается снимок моря на закате, что, как мы полагаем, по замыслу автора сигнализирует стремление к умиротворенному состоянию человека; возле заголовка «Оптимальный вес» (*Healthy weight*) расположена фотография женских ухоженных стоп на весах как символ контроля своего веса; у заглавия «Тренируйся» (*Exercise*) – улыбающаяся девушка в спортивной одежде с телефоном в руке и наушниками, что возможно указывает на отличное внутреннее и внешнее состояние человека как результат спортивных нагрузок, и т.д. Однако при переходе на страницы с полным текстом статей авторы сайта уже не используют никаких изображений (за исключением повтора картинок из содержания раздела в подразделах «Оптимальный вес» (*Healthy weight*), «Сон и усталость» (*Sleep and tiredness*) и «Половое здоровье» (*Sexual health*)).

Тем не менее, несмотря на то, что авторы портала используют минимум изображений, их ограниченное количество не мешает восприятию информации, поскольку она представлена в виде групп категорий с подзаголовками и небольшим количеством текста, что не перегружает читателя.

Инфографика. Помимо указанных выше невербальных средств, на сайте используются известные и понятные всем графические обозначения, например, выделенный другим цветом подзаголовок «стоит это делать / можно» и «не стоит это делать / нельзя» (*Do / Don't*), а также галочки зеленого (как символ того, что можно и стоит делать) и крестики красного цветов (как знак запрета).

Ещё одним способом представления информации является использование цифр от 5 до 10 в подзаголовках о способах улучшения здоровья:

Top 10 healthy heart tips

Get your 5 A Day

Here are 10 ways your health will improve when you stop smoking.

5 steps to mental wellbeing

10 medical reasons for feeling tired

5 ways to wipe out winter tiredness

Couch to 5K

a 9-week running plan for beginners [1]*

Мы предполагаем, что выбор чисел от 5 до 10 был сделан не случайно, т.к. эти цифры символизируют, что начать жить здорово – это так же просто, как сосчитать от 1 до 5 или до 10.

Выводы. Проведенный анализ показал, что тематически раздел *Live Well* включает в себя основные направления профилактики (поддержка психического и физического здоровья человека). Вся информация структурирована «кластерами», которые расширяются за счёт переходов на другие страницы по теме. Изученные тексты написаны неофициальным стилем, что соответствует цели быстрого и понятного донесения информации до широкой аудитории, которая может не ориентироваться в более узком терминологическом поле. Медицинские термины присутствуют в ограниченном количестве

и не препятствуют восприятию материала. Прием прямого апеллирования к аудитории различными способами использован с целью побуждения аудитории к действию, а для единения авторов текстов и их читателей употреблены местоимения «я» и «мы». Презентация статистических данных, научных или общеизвестных фактов и приведение мнения специалиста повышает степень доверия публики к представленной информации, делая её «достоверной и убедительной» [5, с.118], а также выполняет функцию информирования. Визуально-графические средства включают в себя изображения по теме, приём (так называемый *reader-friendly*) удобной для восприятия организации текста на экране в виде категорий с подзаголовками, использование разных цветов, шрифтов, общеизвестных знаков-символов, а также цифр. Таким образом, рассмотренные содержательные и языковые аспекты продемонстрировали основные коммуникативные черты профилактического дискурса, а именно, доминирование стилистически неформальных языковых и визуально-графических средств, приемов прямого апеллирования к аудитории, категоричного побуждения к действию и максимально удобной и прозрачной структуры текста.

Литература

1. Lupton, D. Discourse Analysis: a New Methodology for Understanding the Ideologies of health and illness. // Australian journal of public health. 1992. Volume 16. No. 2. P. 145-150.
2. Катаева А.С., Соболева Е.Г. «Основные механизмы раскрытия ключевого слова «профилактика» в медицинском дискурсе». С.110-118. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/79390/1/978-5-6041789-9-7_2019-13.pdf (дата обращения: 22.11.2020).
3. Данилевская Н.В. О специфике текстов социальной рекламы в современном рекламном дискурсе (на материале медицинской профилактической литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Вып. 4 (20). С. 132-137.
4. Стеблецова А.О. Речевое воздействие в медицинском дискурсе. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Выпуск 2. С. 49-51.
5. Стеблецова А.О., Стернин И.А. Интердискурсивность медиатекстов медицинской профилактики. // Коммуникативные исследования. Воронеж, 2019. С.116-125.

Список источников примеров

- 1*. The NHS website. Live Well. URL: <https://www.nhs.uk/live-well/>

Список словарей

- 1**. World Health Organisation. Health Promotion Glossary. Geneva, 1998. – 25 p.

COMMUNICATIVE FEATURES OF BRITISH HEALTH PROMOTION DISCOURSE

Viktoriia A. Girko
Grammar School named after Andrei Platonov, Voronezh, Russia

Abstract. The promotion of a healthy lifestyle using various channels of transmitting information is one of the main objectives of any modern government policy. The author supports the idea that issues of physical and mental well-being can be dealt with within the framework of

health promotion discourse. The paper aims at identifying characteristic features of the British health promotion discourse. The material of the research included texts in English published in the section “Live Well” of the official website of National Health Service of the United Kingdom (NHS.uk) which is a representative informational source of the state giving recommendations on a healthy lifestyle to the citizens. With the help of the descriptive method, the paper analyses the content and language aspects of the type of discourse in question. The first step of the research was devoted to the study of the ways the information is represented and organized in the section. The second step made it possible to characterize the linguistic features of the health promotion texts (verbal as well as and non-verbal means of the information representation). The research showed the main features of health promotion discourse: the basic health promotion topics, structure of the information in “clusters”, informal style of its presentation, reader-friendly presentation of the information and images on the screen.

Key words: health promotion discourse, the health promotion texts, descriptive method, content, language aspect, verbal means, non-verbal means, information organization

Гирко Виктория Андреевна,
учитель
МБОУ Гимназия им. А. Платонова
тел.: +7 (915) 548 5460
e-mail: amory_13@mail.ru

Viktorii A. Girko
teacher,
Grammar School named after Andrei
Platonov, Voronezh, Russia
mobile: +7 (915) 548 5460
e-mail: amory_13@mail.ru

УДК: 372.881.113.31

СТРАТЕГИИ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Глухова Ю.Н.

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Аннотация. Статья затрагивает вопросы стратегии оценивания уровня владения иностранным языком в цифровую эпоху, а также рассматривает критерии, применяемые при разработке фонда оценочных средств, предлагая пути его совершенствования в русле унификации требований к оцениванию.

Ключевые слова: дескрипторы и оценочные шкалы, иностранные языки, обучающее и контрольное тестирование

В настоящее время, в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС) вузам надлежит создать фонд оценочных средств (ФОС), то есть разработать контрольно-измерительные материалы, необходимые для текущего контроля успеваемости, промежуточной и итоговой аттестации, без которых реализация образовательной программы не представляется возможной. Известно, что при проведении контроля результаты той или иной деятельности сопоставляются с неким эталоном, что позволяет определить уровень соответствия заданным параметрам, а также, в случае необходимости, организовать коррекцию. Следует отметить, что даже в случае официального отсутствия экзаменов или зачетов как формы итогового контроля результатов обучения, такой вид

проверки все равно осуществляется, выступая в скрытых формах. В нашей стране организация обучения иностранным языкам и контроль его результатов всегда были связаны, и при всем различии подходов прослеживаются следующие тенденции развития: от субъективного контроля к объективному, от контроля языковых умений к контролю речевых умений [1, с.99-100].

Как известно, для разработки типовых заданий, проверочных работ, тестов и методик контроля, позволяющих оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций, необходимы критерии. Стремительное развитие современного общества, цифровизация образования и внедрение информационных технологий в образовательный процесс оказывают влияние на средства оценки уровня сформированности у студентов компетенций в области иностранных языков. При разработке фонда оценочных средств преподаватель всегда стоит перед выбором между традиционными методами проверки знаний и инновационными подходами [2, с.19]. Безусловно, есть объективные трудности, осложняющие разработку универсальных критериев оценки уровня владения иностранным языком, которые могли бы применяться в высших учебных заведениях страны. Среди факторов, влияющих на разночтения, наблюдающиеся в оценке уровня сформированности у студентов компетенций в области иностранных языков, выделим следующие:

- постоянное реформирование системы высшего образования;
- разнообразие программ и объема часов, выделяемых на их освоение в вузах;
- варьирование содержания обучения внутри разных профилей в рамках одного учебного заведения и т.д.

Таким образом, поскольку университеты наделены правом относительно свободно определять содержание программы и предлагать соответствующий фонд оценочных средств, преподаватель иностранного языка, в свою очередь, более чем когда либо, подвержен влиянию новых тенденций в области методики и педагогики, что порождает значительную разницу в подходах к формированию такого фонда. Более того, иногда даже в рамках одного факультета может наблюдаться отсутствие стандартизации подходов к оценке уровней владения иностранным языком. Так, например, некоторые преподаватели проводят только итоговое тестирование, другие – обязательно включают в фонд оценочных средств элементы текущего контроля. Зачастую, не наблюдается единого мнения и о том, как именно следует проводить контроль, или какие виды деятельности учитывать в итоговой оценке. Следует также отметить, что некоторые преподаватели не вполне доверяют оценке знаний, проводимой с применением различных цифровых платформ, или не принимают в расчет самооценку учебной деятельности студента. Таким образом, разницу в критериях оценивания порой невозможно контролировать.

Однако, санитарно-эпидемиологическая ситуация в стране и в мире оказала большое влияние на образовательный процесс и заставила задуматься как о самой организации обучения, так и о способах контроля его результатов. Решение о переходе вузов страны в режим дистанционной работы способствовало тому, что преподавателям в сжатые сроки пришлось не только освоить новые инструменты работы, но и переосмыслить подходы к контролю деятельности студентов. Дисциплина «иностраный язык» предполагает проверку уровня сформированности компетенций по каждому виду речевой деятельности, что вызывает дополнительные трудности при работе в дистанционном формате. Так, например, невозможность организации контроля использования студентами автоматических средств перевода при удаленной форме работы, усложняет задачу преподавателя, который должен найти способ проверить сформированные на-

выки и умения. Таким образом, к техническим проблемам, с которыми столкнулись не только преподаватели, но и студенты, добавились организационные, методические и педагогические. Действительно, эта ситуация уникальна и требует максимальной мобилизации сил, умений, но, одновременно, открывает возможности для творческого подхода. В виду отсутствия унифицированных правил организации контроля обучения в дистанционном формате, каждый отдельно взятый вуз, факультет и преподаватель, разрабатывает такие правила, исходя из программы существующих требований к студентам.

Представляется необходимым принять в расчет функциональное разнообразие контрольно-измерительных материалов, поскольку задания могут быть направлены как на выявление динамики освоения всех видов учебной деятельности обучающегося, так и на проведение самоконтроля. Таким образом, задания, включенные в комплекс оценочных средств, могут быть не только средством проверки степени сформированности компетенций, но и стать средством обучения. Следует отметить, что в настоящее время происходит переосмысление функций контроля. Так, А.С. Иванова особо выделяет функции обратной связи, а также стимулирующую и информативную, которая помогает студенту понять уровень своих достижений в обучении [3]. Нам представляется важным вспомнить о новом отношении к ошибкам, которое выразилось в принципе аппроксимации, сформулированном М.В. Ляховицким [4], сущность которого состоит в том, что преподаватель, оценивая речевую деятельность учащихся, игнорирует содержащиеся в ней языковые ошибки, если они не нарушают коммуникации. «Правильное осуществление аппроксимации создает благоприятную обстановку в учебной аудитории, повышает речевую активность учащегося, устраняет боязнь ошибки» [5, с.207]. Безусловно, как уже было сказано выше, организация контроля, так же, как и выбор средств, при помощи которых он будет осуществляться, зависит от конечной цели обучения. Если речь идет о практическом курсе иностранного языка, в результате освоения которого студент должен уметь осуществлять коммуникацию с целью обмена информацией или реализации совместной деятельности в рамках образовательного или профессионального проекта, то принцип аппроксимации вполне применим. Однако, если речь идет об обучении по лингвистическому профилю или о будущих специалистах в области перевода, то этот принцип, с нашей точки зрения, должен применяться избирательно.

Известно, что образовательный стандарт предписывает не только наличие базового набора профессиональных компетенций, но и вариативного набора специальных компетенций. Так, например, студент, прошедший подготовку по направлению «Образование в области иностранного языка», должен быть способен вступать в коммуникацию в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия. Как уже было сказано выше, при разном количестве часов, выделяемом на освоение дисциплины в том или ином высшем учебном заведении, а также в силу модификаций, вносимых в содержание программы, получение сходных результатов скорее исключение нежели правило. Наиболее ярко разница в оценке результатов освоения дисциплины «иностраный язык», по нашему мнению, проявляется в случае смены высшего учебного заведения при продолжении обучения в магистратуре или аспирантуре.

На основании вышеизложенного, представляется целесообразным ориентироваться при разработке фонда оценочных средств по дисциплине «Практический курс иностранного языка» на дескрипторы уровней владения иностранным языком, предложенные разработчиками Европейского языкового портфеля. Такой подход, с нашей

точки зрения, позволит не только актуализировать фонд оценочных средств, но и облегчить студентам задачу, дав возможность выстраивать образовательный маршрут в соответствии со своими целями и задачами [2, с.20]. Известно, что в рамках реализации программы академической мобильности обучающимся требуется подтверждение определенного уровня владения иностранным языком, что зачастую вызывает у студентов сложности, поскольку им не всегда знакомы критерии различающие эти уровни. Следует также отметить, что и содержание обновленных программ, и соответствующие средства контроля должны отражать не только запросы общества на уровне региона и страны, но и учитывать языковую ситуацию в мире. Язык выступает в качестве инструмента, при помощи которого создаются условия для сотрудничества с целью общения, обучения, передачи информации и т.д., где особая роль отводится медиации, являющейся частью коммуникативной деятельности, которая заключается в способности преодоления коммуникативных барьеров, являющихся следствием различий в ценностном мировоззрении, образе и стиле жизни общающихся. Следует также отметить, что в настоящее время происходит реформирование структуры французских сертификационных экзаменов DELF-DALF, где из заданий, направленных на проверку рецептивных навыков, предполагается исключить варианты с открытой формой ответа, преобразовав их в тесты, что облегчает компьютеризированную проверку. Тем не менее, формат заданий, направленных на контроль продуктивных навыков, таких как письменное и устное высказывания, остается без изменений. Таким образом, мы видим, совершенствование и развитие форм контроля связано с привлечением для этих целей все большего количества цифровых ресурсов.

Необходимо понять, что изменила цифровая эпоха в деятельности преподавателя и студента, можно ли поставить знак равенства между цифровой революцией и педагогической, между цифровыми инновациями и педагогическими, как влияют стратегии контроля на создание условий успешного овладения иностранным языком. Цифровые технологии являются эффективным инструментом, но не могут заменить собой ни методические и педагогические приемы, которыми владеет преподаватель, ни способность последнего разработать индивидуальный маршрут студента, способы мотивации и стратегии контроля содержания обучения. Использование преподавателем в работе цифровых технологий упрощает применение дифференцированного подхода, дает возможность оперативно провести коррекцию, а студенту – позволяет быстро получить объяснение, а также доступ к дополнительной информации, воспользовавшись гипертекстовыми ссылками и т.д. Такая обратная связь помогает обучаемому не только осознать степень успешности учебной деятельности, но и побуждает его к рефлексии, мотивирует к дальнейшим действиям, помогает оценить и скорректировать полученные результаты. Особое значение телекоммуникационное взаимодействие имеет при организации проектной деятельности, поскольку рационально организованная обратная связь способствует формированию устойчивой позитивной мотивации учебной деятельности студентов.

Известно, что применение компьютера для целей оценки знаний позволяет не только существенно повысить объективность контроля, но и дает возможность студентам вести статистику ошибок, анализировать их, сравнить достигнутые результаты за определенный период, что, в конечном итоге, информирует о степени овладения языковыми навыками. Студенты наглядно могут видеть свои ошибки, работать над их устранением, стремиться к успеху, а подтверждение успеха стимулирует их дальнейшее самоусовершенствование. Безусловно, диалог с компьютером должен быть выстроен

таким образом, чтобы не вызывать состояния тревоги и напряженности, так как технологии педагогического тестирования могут успешно использоваться не только в целях контроля, но также могут быть задействованы для обучения, самоподготовки и самоконтроля студентов. Как уже было сказано выше, такие возможности помогают реализовать индивидуальные траектории обучения студентов и дифференцированный подход в обучении. В настоящее время вузы самостоятельно выбирают ту или иную платформу, на которой организуется очно-дистанционная и дистанционная форма работы. Каждая из таких платформ имеет свои особенности и специфический функционал. Так, например, редактор, которым располагает платформа Moodle, позволяет не только настраивать шкалу оценки, но и варьировать порядок расположения вопросов, изменять сроки, а также время, предусмотренное на выполнение задания и т.д. Наличие такого инструмента облегчает преподавателю задачу организации тестирования для студентов, имеющих разный уровень владения иностранным языком, а также позволяет реализовать образовательный процесс с использованием рейтинговой системы подготовки по предмету. Тестовые задания, предназначенные для первого уровня, имеют репродуктивный характер, выполнение их связано с выбором правильного ответа из числа предложенных. На втором уровне предлагаются задания репродуктивно-продуктивного типа, т.е. добавляются вопросы с открытой формой ответа, предполагающие самостоятельное формулирование высказывания студентом. Третий уровень содержит задания продуктивно-творческого характера, которые являются самыми сложными. Как видим, преподаватель располагает инструментарием, позволяющим комбинировать различные виды заданий в зависимости от целей курса и состава группы, в том числе может быть использовано для закрепления или повторения пройденного материала, а также для совершенствования умений студентов. Наличие «тренировочного режима» дает обучающимся возможность, в случае неверного ответа, повторить попытку или получить «комментарий-подсказку» преподавателя [6, с.15]. Такая интерактивность обратной связи может быть реализована на нескольких уровнях от простой констатации неверного результата до анализа допущенной ошибки и конкретных рекомендаций или комментариев преподавателя.

Таким образом на современном этапе нам представляется особенно важным стремление к унификации методов оценивания, а также критериев, применяемых при осуществлении контроля уровня сформированности компетенций по дисциплине «иностранный язык». Более активное внедрение цифровых технологий в практику оценивания достижений студента, безусловно, может оказать позитивное влияние на процесс стандартизации критериев оценивания, однако при их разработке следует принимать в расчет и уровень сформированности универсальных компетенций, к которым, в том числе относятся такие как умение работать в команде, креативность, пунктуальность, а также обращать внимание на прогресс обучаемого, достигнутый за определенный период времени.

Литература

1. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам: Обзор основных направлений методической мысли в России / Г.М.Васильева, С.А.Вишнякова, И.П.Лысакова [и др.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 235 с.
2. Глухова, Ю.Н. К вопросу о международной эквивалентности оценочных средств в рамках дисциплины «иностранный язык» // Тестология. 2019. № 1 (13). С. 18–Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как

иностранный / Балыхина Т.М., Иванова А.С. [и др.]. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. 428 с.

3. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков. М., 1981. 159 с.

4. Глухов Б.А., Шукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1993. 370 с.

5. Глухова Ю.Н. К вопросу о роли тестирования по иностранному языку в образовательной среде вуза // Тестология: сб. трудов по материалам XLVII Междунар. науч. конференции /Казань: Изд-во ООО «Бук». 2019. Вып.12. С. 1417.

STRATEGIES AND CRITERIA FOR ASSESSING THE LEVEL OF FOREIGN LANGUAGE PROFICIENCY IN A DIGITAL AGE

Yulia N. Glukhova
Herzen State Pedagogical University

Abstract. The paper attempts to look at the importance of classroom assessment and evaluation advantages. A major concern to create more internationally competitive expectations by benchmarking learning objectives developed standards for learning and tests to evaluate student progress.

Key words: assessment criteria & scales, foreign languages, control test, training test, competency-based language teaching

Глухова Юлия Николаевна,
доцент кафедры романской филологии
РГПУ им.А.И.Герцена (Санкт-Петербург)
тел.: +7 (921) 941 7020
e-mail: ygloukhova@yandex.ru

Yulia N. Glukhova
PhD of Philological Science, associate
professor at Herzen State Pedagogical
University (St.Petersburg)
mobile: +7 (921) 941 7020
e-mail: ygloukhova@yandex.ru

УДК: 81'23:39

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Голубева О.В.
Реутова А.М.
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация. Статья посвящена проблеме переводческих стратегий, рассматриваемых как комплексная деятельность, специфика которой определяется эксплицитными и имплицитными посылками в зависимости от конкретных условий процесса перевода. В качестве посылок рассматриваются объект переводческой деятельности (текст) с учетом его функционально-стилистических особенностей и языкового содержания, а также субъект / субъекты данного процесса: переводчик, отправитель (заказчик) сообщения на исходном языке и его получатель, говорящий на языке перевода. Автор рассматривает перевод как динамический процесс, в ходе которого выявляется оптимальный способ конвертации сообщения на иностранном языке в сообщение на языке перевода в конкретных условиях коммуникации.

Основой данного процесса выступает целевая установка, которая может рассматриваться обобщенно (как адекватная передача смысла исходного текста) и конкретно (как поиск эффективных путей достижения цели «здесь и сейчас»). На основе обобщения опыт осуществления переводческой деятельности автор определяет прецедентные способы решения переводческой задачи, которые при учете эксплицитных и имплицитных посылок будут в разной степени отражать проявление «я» переводчика. Структурно подобный опыт представляется в виде имплицитных смысловых опор, выраженность которых определяет специфику каждого конкретного варианта перевода. Данные имплицитные когнитивные структуры представляют прецедентные способы идентификации смысла и его передачи на языке перевода посредством оптимальных, с точки зрения индивида, языковых средств и приемов.

Ключевые слова: переводческие стратегии, имплицитные послылки, имплицитные смысловые опоры

Обращаясь к вопросам, связанным с особенностями формирования стратегий перевода, необходимо определить содержание этого феномена, особенности функционирования, языковые и неязыковые послылки осуществления данной деятельности, без которых понятие «стратегия перевода» не может быть адекватно интерпретировано и реализовано на практике.

Следует отметить, что формирование и применение стратегии в переводческой практике целесообразно рассматривать в динамическом аспекте, когда стратегия может выступать способом решения проблемы (problem-solving strategies [1, с.264]) как в конкретном акте коммуникации (о трактовке перевода как акта коммуникации см. [2, с.141]), так и в рамках переводческой практики в целом.

Подход к переводу как к речемыслительной деятельности предполагает наличие субъекта / субъектов этой активности и объект / объекты, на который она направлена. Соответственно, особенности каждой из названных составляющих процесса перевода (функционально-стилистическая специфика текста, целевые установки, интенции участников процесса, их фоновые знания и переводческий опыт, ситуативные условия осуществления переводческой деятельности и т.д.) выступают в качестве общих и частных посылок, способных в той или иной мере влиять на формирование переводческой стратегии.

В качестве субъектов процесса перевода рассматриваются говорящий на исходном языке (далее – ИЯ), реципиент, т.е. говорящий на языке перевода (далее – ПЯ), а также переводчик, действия которого направлены на объект перевода, или «отрезок» речемыслительной деятельности в его устной или письменной форме, соотносимый с понятиями «текст» и «дискурс». Не акцентируя внимания на расхождениях в трактовке этих понятий, отметим, что в настоящей работе мы будем использовать термин «текст», так как материалом для перевода в нашем случае является письменный источник на иностранном языке.

Переходя к рассмотрению подходов к трактовке понятия «переводческая стратегия», следует сразу же указать, что, несмотря на достаточно частое обращение к понятию «стратегия перевода» или «переводческая стратегия» в теории и практике перевода, однозначного толкования этот термин до сих пор не имеет. Так, в терминологическом словаре-справочнике по переводоведению, словосочетание «стратегия перевода» определяется как комплекс действий переводчика на каждом этапе процесса [1**, с.229]. Данный феномен обозначен как комплекс методов, необходимых для достижения цели перевода и отобранных при формировании общей / частной стратегии перевода [3, с.5-6]. В этом случае понятия «переводческие действия» и «переводческая стратегия» по-

лучают различное толкование. Переводческие действия определены как совокупность всех возможных действий в процессе перевода, а под переводческой стратегией понимается выбранная переводчиком последовательность шагов при работе с конкретным текстом или текстами [4, с.322]. В число таких действий включаются предпереводческий анализ, собственно перевод, редактирование, составляющие технологические этапы в процессе работы [5, с.17, 38].

Иным подходом к пониманию понятия «стратегия перевода» является определение А.Д. Швейцера, выделяющего в качестве основного приоритета целенаправленность стратегии. Основопологающей признается целевая установка по передаче смысла исходной информации, что достигается за счет выделения смысловых доминант, позволяющих решить конкретную переводческую задачу [2, с.65].

Схожего мнения придерживается В.Н. Комиссаров, который связывает целевую установку с оптимальным набором способов (приемов) достижения адекватности и эквивалентности в каждом акте перевода. Выбор целевой установки обусловлен рядом посылок, среди которых как собственно языковые (тип текста, языковое наполнение), так и прагматические (особенности целевой аудитории, коммуникативной ситуации, участников процесса).

Необходимо отметить, что языковое содержание текста, по мнению В.Н. Комиссарова, «составляет лишь первый слой его “глубинной” смысловой структуры», из которого и через который может быть извлечено “глобальное” содержание» [6, с.63]. Вторым слоем выступает конкретно-контекстуальный смысл, возникающий при актуализации значений языковых единиц в конкретных условиях коммуникации и в приложении к конкретному референту (предмету или ситуации). Кроме того, языковое содержание способно продуцировать имплицитные (дополнительные) смыслы, которые выводятся участниками коммуникации. Очевидно, имплицитный слой следует считать третьим в данном описании: он формируется на уровне единиц языка (особенности семантики), на уровне текста (энциклопедические знания об авторе, его интенциях, истории создания текста и т.д.), а также на уровне индивида, оперирующего языковыми и неязыковыми знаниями (индивидуальное знание, эмоции, ассоциации говорящего и слушающего).

В.Н. Комиссаров выделяет два вида имплицитности: индивидуально-контекстуальная и общекommunikативная имплицитность. В первом случае имплицитные смыслы реализуются субъектами и легко выводимы в конкретном акте коммуникации. Во втором случае имплицитные смыслы узнаваемы и разделяемы членами языкового коллектива и реализуются как на уровне высказывания, так и на уровне текста на ИЯ. В обоих случаях задача переводчика – идентифицировать и адекватно передать эти смыслы на ПЯ. Важно отметить, что ученый связывает феномен имплицитности, во-первых, с ассоциациями, которые обнаруживаются у субъектов в процессе перевода, во-вторых, – со степенью разделяемости этих ассоциаций, часть которых индивидуальна и ситуативна, а часть узнаваема и стандартна для любого говорящего на языке члена социума. Следует отметить, что трактовка феномена имплицитности В.Н. Комиссаровым имеет общие черты с прагматической теорией имплицатур Г.П. Грайса в части дифференциации имплицитных смыслов.

Отсюда способность успешно взаимодействовать в ходе коммуникации зависит от способности идентифицировать языковое содержание высказывания и выводить имплицитные смыслы, причем последние могут оказаться в роли смысловой доминанты. В этой связи задача переводчика по максимально полной передаче содержания текста может быть решена за счет воспроизведения языкового содержания на ПЯ таким образом, чтобы реципиенты самостоятельно смогли вывести и эксплицитные, и имплицитные,

цитные смыслы [6, с.64-67]. Такая способность переводчика заставляет задуматься о важности формирования у него переводческих компетенций, а также их роли в определении переводческой стратегии.

Перспективным, с нашей точки зрения, представляется коммуникативно-функциональный подход к переводу В.В. Сдобникова. Ученый отмечает, что формирование переводческих стратегий зависит не только от отмеченных выше эксплицитных и имплицитных посылок на уровне активных субъектов перевода и его объектов, но и скрытых участников, влияющих на исход данного процесса. Примером такого влияния признается косвенно представленный субъект процесса – заказчик перевода, который стремится получить интересующую его информацию и определяет выработку соответствующей стратегии (стратегия терциального перевода). В качестве примера приводятся перехваты переговоров противника и их перевод в интересах силовых структур [7, с.156]. Фактически переводчик выполняет реферативный перевод, обеспечивая смысловое сжатие при сохранении основополагающих сведений.

Еще одним примером может стать стратегия переадресации, предполагающая осуществление прагматической адаптации исходного текста в соответствии с особенностями целевой аудитории. В данном случае целевая аудитория понимается как потенциальный реципиент перевода, обладающий языковыми и фоновыми знаниями на ПЯ и косвенно влияющий на результат перевода. Переводчику помимо выделения и вербализации смысловой доминанты необходимо еще и разъяснить смысл оригинала с учетом социально-культурной специфики, составляющих образ мира реципиентов перевода.

Приведенные выше трактовки понятия «стратегия перевода» позволяют сделать вывод о том, что:

– стратегия перевода – это комплексный способ осуществления деятельности переводчика, включающий общую целевую установку по выделению и передаче средствами ПЯ смысловых доминант (эксплицитных и имплицитных) и ряд частных шагов по достижению поставленной цели;

– посылки формирования стратегии (особенности субъектов и объектов перевода) характеризуются как эксплицитные и имплицитные (косвенные участники переводческой деятельности, их скрытые мотивы, интенции; индивидуально-контекстуальные и общекommunikативные (по В.Н. Комиссарову) имплицитные смыслы, продуцируемые и выводимые субъектами на ИЯ и ПЯ;

– переводчик как активный субъект деятельности, создающий соответствующие стратегии, должен обладать переводческими компетенциями, формирование которых невозможно без учета опыта осуществления этой деятельности, включающего результаты усвоения разнообразных знаний, идентификацию ассоциаций, учет эмоциональной сферы реципиента.

Мысль о наличии явных и скрытых (эксплицитных и имплицитных) составляющих процесса перевода вызвала наш интерес к проблеме и позволила рассмотреть ее с позиций психолингвистики. В этом случае объектом исследования выступает перевод как продукт речемыслительной деятельности индивида (переводчика), обладающего своеобразным внутренним миром и в разной степени сформированными переводческими компетенциями. Наличие достаточного опыта обеспечивает появление «профессионального чутья», что дает возможность соотносить процесс принятия решения в ходе преодоления переводческих трудностей с абдуктивным выводом [1, с.265], т.е. перевести часть этого процесса на неосознаваемый или малоосознаваемый уровень, когда задача решается без видимых усилий, что называется, «по прецеденту».

В этой связи возникает вопрос о содержательном и структурном представлении опыта осуществления переводческой деятельности, т.е. ее «продуктов», хранимых во внутреннем контексте индивида (термин А.А. Залевской). Говоря о внутреннем контексте, мы вслед за А.А. Залевской, подразумеваем образ мира, сформированный в сознании индивида как результат взаимодействия с объектами и субъектами окружающего физического и социокультурного пространства. Структурно такой контекст представлен, в виде сети смысловых связей, обеспечивающих активацию релевантных узлов (смысловых опор) в конкретных условиях коммуникации (подробнее см. [8]). Другими словами, каждый акт переводческой деятельности закрепляется в виде способа принятия решения, который позволяет сформировать имплицитную смысловую опору, включающую как определенных набор средств вербализации на ИЯ, так и схему (паттерн) их идентификации и передачи посредством ПЯ.

В качестве примера влияния имплицитных «продуктов» опыта переводчика на результаты его деятельности можно привести варианты передачи на русский язык предложения *These time-varying fields radiate away from antenna into space as a moving transverse electromagnetic field wave*. Авторы переводов опираются на собственное образное представление о пространстве распространения и характеристиках электромагнитных волн, что вербализуется при помощи релевантных средств языка. Схемы реализации таких представлений можно обозначить как:

– «от объекта» / наблюдателя – в пространство»: *Антенна излучает такие динамические поля в пространство / в космос в виде поперечной электромагнитной волны*. Антенна «видится» субъектом, обеспечивающим направленное действие (*излучает / передает*) от себя, в пространство, в его отдаленную часть (*в космос*). В этом случае переводчик одновременно выводит имплицитную информацию об активности антенны и опирается на собственный ментальный образ совершаемого в пространстве процесса;

– «контейнер», имеющий внутреннее пространство: *Изменяющиеся во времени поля распространяются / передаются / расходятся в пространстве как поперечные электромагнитные волны*. Действие выполняется динамическими полями и совершается разнонаправлено (радиально). Замкнутость пространства в переводе передается предложным падежом имени существительного в отличие от дательного падежа в предыдущем случае. Образное представление действия у переводчика совпадает с тем, что имплицитруется языковым содержанием: поля «видятся» как активный участник процесса, который взаимодействует с пассивным объектом (антенной). Такая схема вербализуется с помощью глаголов несовершенного вида с постфиксом *ся* у глаголов *распространяются* и *расходятся*. В варианте с глаголом *передаются* при сохранении образа-контейнера, поля выступают пассивным участником процесса, тогда как антенна предстает имплицитным участником, упоминание о котором опущено при переводе;

– «наблюдатель – пространство – объект»: *Динамические поля изменяются, проходя сквозь пространство, и становятся динамическими поперечными волнами*. Смысловой акцент делается не на движении, а на изменении в ходе контакта с окружающей средой, сквозь которую проходит направленный поток излучения. В этом случае поля рассматриваются как активный участник процесса, причина их возникновения (антенна) признается переводчиком нерелевантной информацией, превращается в имплицитного участника, знания о котором могут выводиться реципиентом;

– «объект – признаки объекта / действия»: толкование значений причастия *moving* и наречия *away* не оправдывают добавления в переводе, связанные с мощностью устройства и характером действия: *Изменяющиеся во времени поля интенсивно пере-*

даются в пространство **мощной** антенной как поперечные электромагнитные волны. Эти добавочные смыслы «приписываются» объекту переводящим текст обучающимся [9, с.21-22].

Приведенные примеры показывают, что переводчики не в полной мере обладают переводческими компетенциями, что в ряде случаев доказывается необоснованностью применения трансформаций. Однако эти примеры наглядно демонстрируют, что при наличии общей целевой установки по передаче смысла высказывания, составляющей ядро стратегии, наблюдается оппозиция между смыслами, репрезентируемыми языковым содержанием, и их интерпретацией переводчиком. Как мы видим, полных совпадений между оригиналом и вариантами перевода не наблюдается вследствие различия образных представлений о процессе и расстановки смысловых приоритетов (в одних случаях дается вывод об активности участников процесса, в других – эта информация опускается, и сделать вывод предлагается реципиенту перевода).

Подводя итог сказанному выше, можно предположить, что эксплицитные факторы формирования стратегии (способа решения задачи) по передаче смысла сообщения вполне укладываются в рамки трехмерного (семиотического) подхода, предполагающего учет денотативного и коннотативного значения единицы языка любого уровня системы, прагматического компонента значения (интенций участников коммуникации, условий акта перевода, целевых установок). Однако учет имплицитной специфики на уровне понимания текста индивидом, а также влияние, которое он испытывает извне, т.е. со стороны внешних (языковых и неязыковых, явных и косвенных факторов), позволяет выйти за пределы трехмерного пространства при формировании стратегии. Очевидно, что общая стратегия по передаче смысловых приоритетов, должна уточняться в зависимости от степени проявления имплицитного компонента.

Следовательно, из анализа определений понятия «стратегия перевода», а также на основании изучения эксплицитных и имплицитных посылок осуществления процесса перевода, представленных в работах различных авторов, можно определить характеристики стратегии перевода. Среди них: комплексность (наличие общих и частных, эксплицитных и имплицитных компонентов); системность (взаимосвязь шагов); последовательность и логичность; целенаправленность; функциональность (обусловленность спецификой контекста); индивидуальность (специфика образа мира переводчика и языковых средств его репрезентации, опыт профессиональной деятельности); потенциальная вариативность; эвристичность.

Далее, исследуем, как имплицитные факторы влияют на процесс формирования стратегии перевода.

Как уже отмечалось, в процессе перевода постоянное взаимодействие субъектов / участников (явных и скрытых) и объектов (текстов) неизбежно приведет, с одной стороны, к приобретению опыта осуществления деятельности, с другой – к оппозиции результатов опыта переработки знаний о мире переводчика с итогами «смыслового видения» других участников. Исходом такого «противостояния» являются различные варианты перевода с их своеобразием расстановки смысловых акцентов, смысловыми добавлениями, изъятиями и преобразованиями. Другими словами, «я» переводчика так или иначе будет проступать в ПЯ, что при наличии сформированных компетенций позволит говорить об уникальной переводческой манере (стиле).

Тезис о том, что «я» переводчика – обязательный имплицитный компонент любого процесса перевода, подтверждается приведенными выше примерами. Несмотря на различия ментальных образов и языковых средств передачи все представленные варианты

имеют минимальные в смысловом отношении расхождения с оригиналом. Переводчик как бы адаптирует воспринимаемую информацию, подстраивая под собственное образное «видение» пространства и разворачивающегося в нем действия. Происходит своеобразная ассимиляция поступающей извне вербально заданной информации и прежнего опыта усвоения подобной информации. Еще раз отметим, что в роли переводчиков выступали обучающиеся, у которых переводческие компетенции еще слабо сформированы.

Развитие переводческих навыков и умений правильно идентифицировать смысл языкового содержания можно успешно осуществлять посредством активизации образного восприятия. Примером может служить работа над переводом художественного текста. Сразу отметим, что образность является неотъемлемой характеристикой (одной из смысловых доминант) любого художественного произведения, и ее передача на ПЯ является приоритетом при формировании переводческой стратегии.

В качестве подтверждения высказанных положений можно привести недавнее задание по переводу, в ходе которого студенты испытывали затруднения при передаче на ПЯ отрывка, связанного с художественным описанием конкретного места.

...It was an old, rabbit-bitten pasture, with a foot-track wandering across it and a molehill here and there. In the ragged hedge on the opposite side of the field the boughs of the elm trees were swaying very faintly in the breeze, their leaves just stirring in dense masses like women's hair. Somewhere near at hand, though out of sight, there was a clear, slow-moving stream where dace were swimming in the pools under the willow trees [1, с.39]*

При обсуждении представленных вариантов обнаружилось, что студенты не только подошли к переводу буквально, но и в ряде случаев исказили смысл текста. В процессе работы студентам было предложено расставить смысловые приоритеты (в данном случае сохранение образности выступило целевой установкой) и определить шаги по идентификации и передаче замысла автора. В качестве таких шагов использовались: мысленное воссоздание образа места, описываемого автором, поиск лексических эквивалентов, определение трансформаций при передаче синтаксических конструкций.

Ответы на вопрос «Что вы видите (глазами героя)?» показали, что выделенность получили различные объекты (деревья, трава, их характеристики и т.д.). Интересно отметить, что некоторые назвали «ручей», хотя в авторском тексте герой только слышал, но не видел его. Такие эксперименты показывают, что переводчик подсознательно расставляет приоритеты в зависимости от внутреннего контекста осмысления поступающей информации. Это, безусловно, отразится при вербализации мысли посредством различных трансформаций на лексическом уровне, на уровне синтаксиса, в том числе за счет актуального членения предложения. Конечно, опыт и ответственность переводчика должны устранить расхождения, однако полностью преодолеть оппозицию «я» переводчика и «я» автора едва ли не удастся.

Ярким примером сказанного выше является роман В.В. Набокова «Другие берега» и его перевод, выполненный самим же автором «Speak, Memoгу». В данном случае обеспечивается определенная «чистота эксперимента»: образность восприятия природы одинакова и у автора, и у переводчика, цель последнего – обеспечить равноценную передачу образа на английский язык. Уровень языковых и фоновых знаний переводчика, его компетенций не вызывает сомнений (В. Набоков был прекрасно образован, учился в Великобритании, знал несколько иностранных языков, имел опыт переводческой деятельности).

Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят

девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – все это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось еще и еще грустным мычанием коровы на далеком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недосыгаемого, что еще дети Рукавишников прозвали его: Америка [2*, с.175].

Summer soomerki – the lovely Russian word for dusk. Time: a dim point in the first decade of this unpopular century. Place: latitude 59° north from your equator, longitude 100° east from my writing hand. The day would take hours to fade, and everything – sky, tall flowers, still water – would be kept in a state of infinite vesperal suspense, deepened rather than resolved by the doleful moo of a cow in a distant meadow or by the still more moving cry that came from some bird beyond the lower course of the river, where the vast expanse of a misty-blue sphagnum bog, because of its mystery and remoteness, the Rukavishnikov children had baptized America [3, с.64].*

Отмеченные в обоих отрывках расхождения возникли благодаря языковым особенностям ИЯ и ПЯ, необходимости прагматической адаптации, а также в силу своеобразия образа мира самого автора. Например, при определении локации события: *считая от кончика моего пера* заменено на *from my writing hand*. В русском языке слово *перо* в отличие от английского *pen* или *pen-point* входит в состав ряда устойчивых словосочетаний: *выйти из-под пера*, *единым росчерком пера*, *на кончике пера* (еще не написано, но вот-вот появится), *бойкое перо*, *мошенники / разбойники пера* [2**, с.504] и т.д.) и традиционно активизирует эталонный образ занимающего литературным творчеством писателя, для которого владение «пером» является первостепенным. Поэтому словосочетание *кончик пера* рассматривается имплицитно как точка отсчета не только в физическом, но и духовном мире. Очевидно, что для В.В. Набокова перо – центральный элемент того фрагмента образа мира, который нашел языковое воплощение в романе.

В свою очередь, английское *pen* гораздо меньше продуктивно в плане создания устойчивых сочетаний, значение которых отражает функциональные особенности де-нотата: *to pen a letter*, *to put pen to paper*. Даже в тех случаях, когда реализуется переносное значение, сема орудийности остается достаточно очевидной: *to take pen in hand*, *to live by one's pen* [3**, с.133]. Здесь вполне понятна смысловая замена в переводе на многозначное *hand*, среди значений которого можно найти «контроль, власть, твердая рука; мастерство, умение; мастер своего дела, умелец; почерк; источник информации» [4**, с.728–729]. Эти варианты значения гораздо больше подходят для реализации замысла автора, но не способны сохранить образность оригинала. Кроме того, переводчику пришлось прибегнуть к смысловой адаптации в интересах целевой аудитории, у которой не сформировались схожие общекоммуникативные импликации.

«Я» автора, его мироощущение нашло отражение в переводе словосочетания *летние сумерки*: в английском варианте оно передано при помощи калькирования и транслитерации «*Summer soomerki*». В.В. Набоков рассматривает летние сумерки в России как реалию, которая не может быть передана английскими эквивалентами *dusk* или *twilight*. Если в оригинале он образно описывает ощущение от звуковой формы слова (*сумерки* – какой это *томный сиреневый звук!*), то в переводе описание разъясняет целевой аудитории смысл этого словосочетания (*the lovely Russian word for dusk*).

Стоит отметить, что свободные ассоциативные эксперименты со стимулом сумерки с русскоязычными респондентами показали, что примерно 86% испытуемых в

качестве компонента значения указывают «темное время суток» или «ночь». Вполне логично предположить, что для В.В. Набокова дифференциация «светло – темно» также оказалась важна, отсюда и авторское толкование «летних сумерек» как обозначения светлого периода окончания дня.

Данный пример, когда один человек является одновременно и автором, и переводчиком, очень показательный. Обладая одинаковыми знаниями (языковыми и фоновыми), опытом взаимодействия с миром, он, тем не менее, не может сохранить полную смысловую идентичность текста оригинала и перевода как в силу языковых (особенности языка ИЯ и ПЯ), прагматических причин (адаптация в интересах целевой аудитории), так и вследствие субъективно-авторского мироощущения, которое имеет проверенный опытом способ языкового выражения. В этом случае стратегию перевода можно назвать смысловым паритетом, когда изменения в тексте перевода, возникшие в силу ряда причин, отражают особенности стиля и личности переводчика.

Максимально заметным результатом «противостояния» автора и переводчика при решении переводческой задачи в рамках общей стратегии по передаче смысловой доминанты можно считать случаи, когда происходит смысловой сдвиг, т.е. возникает новый продукт, значительно отличающийся от оригинала. Причины сдвигов могут быть разные, наиболее очевидные из которых – языковая специфика ИЯ и ПЯ, не позволяющая, например, сохранить рифму, размер, лексические и синтаксические особенности поэтического произведения; намерение переводчика адаптировать текст оригинала в «чужих» социокультурных условиях, что иллюстрируется вольными переводами. Примером такого сдвига является перевод сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес», выполненный В.В. Набоковым и получивший название «Аня в Стране Чудес».

Следовательно, при формировании общей стратегии перевода по адекватной и эквивалентной передаче смысла оригинала переводчик в динамике соответствующей деятельности должен не только определить смысловые приоритеты, исходя из эксплицитных посылок, но и учитывать имплицитные аспекты процесса перевода, а именно, реконструировать авторское «видение» ситуации / события и соотнести его с собственным образным представлением об аналогичном явлении, для того чтобы избежать противопоставления себя автору и определить перечень наиболее эффективных переводческих приемов.

Таким образом, каждая из посылок акта перевода характеризуется имплицитными особенностями, которые способны повлиять на результат на уровне объекта перевода (языкового содержания текста), с точки зрения субъектов, явно или косвенно участвующих в процессе (их скрытые интенции, общемундиативные импликации, имплицитные смысловые опоры, наличие переводческих компетенций). Без учета имплицитной составляющей невозможно сформировать и реализовать адекватные стратегии перевода, которые способны продемонстрировать степень выраженности в переводе «я» переводчика.

Литература

1. Robinson, D. *Becoming a translator. An introduction to the theory and practice of translation.* 2nd edition. London, New York: Taylor & Francis Group, 2003. 318 p.
2. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод.). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
3. Витренко А.Г. К вопросу о терминологии современного переводоведения // Вестник МЛГУ. 2002. Вып. 463: Перевод и дискурс / Отв. ред. В.К. Ланчиков. С.3-16.

4. Алексеева И.С. Введение в перевод: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.

5. Злобин А.Н. Перевод в когнитивном формате знания: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 152 с.

6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. 3-е изд. стер. М.: Р.Валент, 2017. 408 с.

7. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис... докт. филол. наук: 10.02.20. Нижний Новгород, 2015. 492 с.

8. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.

9. Голубева О.В. «50 оттенков» смысловой неопределенности // Вестник Тверского гос.ун-та. Серия Филология. 2020. №.4(67). С.17-23.

Список источников примеров

1*. Orwell G. 1984. Изд-во Каро, 2016. 384.

2*. Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. Т.4. С.133-304.

3*. Nabokov V. Speak, Memory. An autobiography revisited. NY: Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1989. 260 p.

Список словарей

1**. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отв. редактор М.Б. Раренко. М.: Наука, 2010. 260 с.(Сер.: Теория и история языкознания)

2**. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Гос.изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.

3**. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / Апресян Ю.Д., Гальперин И.Р., Гинзбург Р.С. и др. / Под общ. рук. И.Р. Гальперина, Э.М. Медниковой. 4-е изд., испр., с доп. М.: Рус.яз., 1987. Т.2. 1071 с.

4**. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. / Апресян Ю.Д., Гальперин И.Р., Гинзбург Р.С. и др. / Под общ. рук. И.Р. Гальперина, Э.М. Медниковой. 4-е изд., испр., с доп. М.: Рус.яз., 1987. Т.1. 1038 с.

DEVELOPING TRANSLATION STRATEGIES IN THE PROCESS OF TRANSLATION

Golubeva O.V., Reutova A.M.
Kaluga State University named after K.E. Tsyolkovsky

Abstract. The paper is devoted to the problem of translation strategies which are defined as a complex activity, specific due to explicit and implicit premises, depending on the ad hoc conditions of the translation process. The object of translation activity (the text determined by its functional and stylistic features, linguistic content) as well as the subject or subjects of the process (the translator, the sender of the message using a source language and the recipient, speaking a target language). The author refers to translation as a dynamic process, during which the optimal way of translating from one language into another is being found ad hoc. The basis of this process is the target setting,

which can be generalized (as an adequate transfer of the meaning of the source text) and detailed (as a search for effective ways to fulfil the task ad hoc). Experience in translation activities allows the author to develop methods to solve a translation task taking into account explicit and implicit premises which will reflect to some degree the manifestation of the translator's individuality. Structurally, such an experience is presented in the form of implicit sense-formation patterns, which determine the specifics of each translation variant. Such implicit cognitive structures represent precedent-based methods of meaning identification and its transmission in the target language with the help of linguistic means and techniques that are optimal from the point of view of the individual.

Key words: translation strategies, implicit premises, implicit sense-formation patterns

Голубева Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского
языка Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского
тел.: +7 (921) 594 2913
e-mail: 2016golubeva@mail.ru

Olga V. Golubeva

PhD, Professor Assistant, Professor of the
English Language Department of Kaluga
State University named after
K.E. Tsyolkovsky
e-mail: 2016golubeva@mail.ru

Реутова Александра Михайловна,

студентка Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского.
e-mail: reutovmi@tksu.ru

Alexandra M. Reutova

student of Kaluga State University named
after K.E. Tsyolkovsky.
e-mail: reutovmi@tksu.ru

УДК 81'33

**СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О КУЛЬТУРЕ ГОРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СПРАВОЧНИКА *FLORENCE*
IN THE WORKS OF WORLD FAMOUS PEOPLE)**

Григорьева Е.М.

Карпова О.М.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы отражения культурного наследия в справочниках на материале лингвокультурного словаря *Florence in the Works of World Famous People*. Рассматриваются понятие «культурное наследие», его основные категории (материальное и нематериальное культурное наследие), термин «культурный турист», а также различные типы словарей культурного наследия, такие как лингвострановедческие и лингвокультурологические справочники, ономастиконы, словари цитат видных деятелей культуры, политики, искусства. Отдельно исследуются основные принципы организации мега-, макро- и микроструктуры, адресат издания *Florence in the Works of World Famous People*. Рассматриваются три приложения словаря, которые включают списки персоналий, объединенных по хронологическому принципу, принадлежности к определенной национальности, а также такому критерию, как род деятельности. Изучается пример словарной статьи из седьмого выпуска издания, посвященной известному американскому художнику и скульптору Фрэнку Дювенеку. Исследуются отдельные словарные статьи нового выпуска словаря, посвященные ряду известных деятелей, прославившихся в различных видах творческой деятельности: Н. Рерих, Н. Оттокар, Дж. Боккаччо, Дж. Элиот, С. Феррагамо, А. Дюма, Б. Беренсон, Г. Холлидей и др.

Ключевые слова: материальное и нематериальное культурное наследие, культурный турист, словарь культурного наследия, лингвокультурология, лингвострановедение, гений места

В настоящее время большую популярность приобретает культурный туризм, целью которого становится знакомство населения с материальным и нематериальным наследием той или иной местности. Создание словарей культурного наследия становится одним из ведущих направлений в лексикографии и способствует ознакомлению пользователей с культурой, традициями той или иной местности.

Следует подчеркнуть, что нельзя дать однозначный ответ на вопрос, что является самым значимым компонентом: язык или культура. Они переплетаются между собой. Невозможно передать культуру следующему поколению без использования языка в письменной или устной формах. Без языка, который играет ключевую роль при построении знаково-информационных систем, нельзя представить и культуру. Язык является транслятором культуры, передавая из поколения в поколение ценностные установки, идеи и воззрения [1, с.14].

К понятию «культурного наследия» традиционно обращается большое количество исследователей. В широком смысле культурное наследие – это совокупность связей, отношений и результатов материального и духовного производства различных эпох. В более узком смысле это совокупность культурных ценностей, которые достаются человечеству от прошлых эпох и используются в контексте конкретно-исторических задач современности, в соответствии с объективными критериями общественного процесса.

В словаре *Cambridge Dictionary Online* даются следующие определения понятия «наследие»:

heritage – features belonging to the culture of a particular society, such as traditions, languages, or buildings, that were created in the past and still have historical importance; the history, traditions, practices, etc. of a particular country, society, or company that exist from the past and continue to be important [1** <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/heritage>].

Существует два типа культурного наследия: материальное и нематериальное. В 2003 г. был принят важный документ, конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия». Первая попытка дать определение нематериального культурного наследия была сделана в 2001 г. на конференции ЮНЕСКО. Согласно материалам данной конференции, существует три основных вида нематериального культурного наследия: 1) материализованные формы выражения культуры или традиционного уклада жизни определенного общества – элементы религиозных обрядов, традиционного хозяйства, образа жизни, фольклора и т.п.; 2) все индивидуальные или коллективные формы выражения, не имеющие физического воплощения: язык, воспоминания, устные предания, песни, не имеющая нотной записи традиционная музыка; 3) симбиотические и метафорические значения объектов, составляющих материальное культурное наследие [2, с.112].

Концепция «культурного наследия» сформулирована в различных правовых актах, среди которых можно выделить такие документы, как «Гаагская конвенция» (1954); «Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и ценностей» (1962); «Концепция о сохранении Всемирного культурного и природного наследия» (1972) и др.

В настоящее время активно используется термин «культурный турист» (cultural tourist). Ими являются люди, целью которых становится получение дополнительной экстралингвистической информации об объекте посещения. Такие туристы хотят по-

лучить не просто туристический буклет о популярных музеях, ресторанах и объектах культурного наследия, а качественно новый справочник, где можно найти полезную и полную информацию [3, p.132].

С этой целью публикуются различные путеводители, которые посвящены известным городам с мировым культурным значением, которые создаются как профессионалами, так и волонтерами. Такие справочники могут быть представлены как в печатном, так и в электронном форматах. Они предоставляют всем заинтересованным пользователям возможность познакомиться с достопримечательностями того или иного места. Флоренция как мировая сокровищница ценностей, привлекает каждый год огромное количество туристов из разных стран, поскольку здесь собраны уникальные произведения культуры и литературы [4, p.107].

Говоря о категории словарей культурного наследия, следует подчеркнуть, что к ним можно отнести также некоторые типы справочников, в которых зафиксированы отдельные лексические единицы различных предметных областей (еда, напитки, традиции, обычаи и др.), отражающие культурное наследие. Это лингвострановедческие издания, в которых представлена культурно-маркированная лексика, реалии того или иного языка. К категории таких словарей также принадлежат лингвокультурологические справочники. Кроме того, к категории словарей культурного наследия можно отнести и ономастиконы – словари антропонимов, которые могут включать имена собственные известных людей. Также словарями культурного наследия являются справочники цитат известных деятелей и других знаменитостей [1, с.17].

В центре данного исследования находится новаторский тип словаря *Florence in the Works of World Famous People*, который позволяет пользователю познакомиться с культурой и культурным наследием города Флоренция. В словаре представлены словарные статьи, посвященные известным людям (художникам, поэтам, музыкантам и др.), которые когда-либо посещали Флоренцию и, находясь в этом городе, создавали свои великие произведения.

Проект по созданию данного словаря реализуется с 2008 года и проходит под эгидой культурного фонда Ромуальдо Дель Бьянко г. Флоренция. Инициатором проекта является докт. филол. н., профессор О.М. Карпова. В проекте принимают участие студенты, аспиранты, молодые ученые из различных российских городов и университетов, а также партнеры из таких стран как Венгрия, Сербия, Хорватия, Италия, Литва. Участники собирают материал для словаря и готовят словарные статьи. На данный момент издано семь выпусков данного справочника.

Словарь *Florence in the Works of World Famous People* построен по принципу «гений места» (*genius loci*). В основе принципа лежит связь человека с тем или иным географическим пунктом, в данном случае – с Флоренцией [5, с.32].

Мегаструктура словаря включает вступительное слово, непосредственно словник и несколько приложений, которые организованы по различным критериям. Приложение I включает имена известных людей, сгруппированных по принадлежности к той или иной национальности. Приложение II объединяет знаменитых людей в зависимости от сферы их деятельности. Приложение III включает имена деятелей, сгруппированных по годам их жизни (хронологический указатель).

Макроструктура словаря включает имена творческих личностей (писателей, музыкантов, художников, архитекторов, скульпторов, ученых, театральных деятелей и др.), посетивших Флоренцию и создавших под влиянием своего пребывания во Флоренции свои великие произведения.

Микроструктура словаря включает несколько разделов: биография, творческие работы, флорентийское влияние, список использованной литературы и ассоциации.

Адресатом справочника выступают гиды и туристы, а также студенты, преподаватели, переводчики и филологи. Кроме того, адресатом словаря могут быть читатели, которым интересна культура Флоренции и творчество людей, чья жизнь связана с этим городом.

Далее приведем в качестве примера фрагмент словарной статьи из седьмого выпуска, посвященной американскому художнику и скульптору Фрэнку Дювенеку. Словарная статья написана выпускницей Ивановского государственного университета Тамарой Ивановой.

**Frank Duveneck
(1848–1919)**

Biography

Frank Duveneck, an American artist and sculptor, was born on October 9, 1848 in Covington, Kentucky.

At the age of 21 he began to study art in Cincinnati. After his graduation from the Royal Academy of Munich in Germany, where his teacher was the famous artist William Chase, F. Duveneck opened his own art studio in Munich. In 1873 he returned to America and taught at the Ohio Mechanics Institute in Cincinnati for two years.

He travelled abroad next ten years and visited France and Italy. In 1877 he worked in Venice. In 1879 he went to Italy again. He taught and painted in Florence. In 1886 he married Elizabeth Boott who was his student and a talented painter. Two years later his wife died in Paris...

Creative Works

At the first period F. Duveneck was mostly famous for his portraits in realistic manner. F. Duveneck was only 24 in 1872 when he created one of his most well-known paintings, *Whistling Boy*. He quickly earned a reputation as the leading American artist in the Academy. Travelling around Italy, France and Germany influenced greatly his manner. He painted some landscape pictures (*Brace's Rock, Beachwoods at Polling*) and captured the beauty of everyday life (*Water Carriers, Siesta, Figures on Venetian Steps*). Some attributes of impressionism are noticed in that period. He followed his manner this manner in his future career. *Portrait of Maggie Wilson* is considered to be one of the most charming female portraits by F. Duveneck which was made in the deep and bright colours...

Florentine Influence

F. Duveneck visited Italy several times. In 1877 he lived in Venice for 9 months. Then he decided to move to Florence and some of his students known as Duveneck Boys followed him. Certainly F. Duveneck found his inspiration there. It was Italy that struck the painter by its bright sun and green landscapes. F. Duveneck's pictures of that period express Italian nature, some moments of everyday life, places in Florence and Venice. Evidently he chose impressionism under the influence of this magnificent country. Later he opened his own school in Florence on Elizabeth Boott's advice. Then she was young and talented painter, one of the F. Duveneck's students. A large part of his works was devoted to Italy, especially to Florence such as *Florence: Bridges* where we can see several bridges and Ponte Vecchio, *Florentine Flower Girl* or *Villa Castellani, Bellosguardo*. This villa on a hilltop above Florence became a magnet for a lively group of male and female art students.

In two years he created *Tomb Effigy of Elizabeth Boott Duveneck* after his wife's death. Florence was the place they got married and were happy, that is why she was buried at the

Cimitero Evangelico Agli Allori. The tomb had been there before it was removed to the Metropolitan Museum of Art, New-York.

It is the place where F. Duveneck drew one of his pictures *Florence: Bridges*. Everybody can come here and compare the picture and real Ponte Santa Trinita view.

Learn more

Carol M. Osborne Frank Duveneck & Elizabeth Boott Duveneck: An American Romance // Catalogue of the Frank Duveneck & Elizabeth Boott Duveneck exhibition at Owen Gallery, New York, from February 12 through March 23, 1996 // URL: <http://www.tfaoi.com/aa/2aa/2aa572.htm>

Archives of American Art //URL: <http://www.aaa.si.edu/collections/frank-and-elizabeth-boott-duveneck-papers-9348/more#colldesc>

Associations

It was not my first trip to Italy and Florence but undoubtedly I can say that such kind of experience I gained now is unforgettable and very important for me. It was not a common guided tour. This time I felt connection with Florence because of my little research. Searching for any information about F. Duveneck, trying to catch any words about his life or his places in Florence I realized how exciting it is. You have a great chance to find out a lot of interesting facts and even point out some mistakes. I was not surprised why he chose Florence as the place for working. Such magnificent city with romantic bridges, ancient architecture and bright nature will inspire anybody especially artists. After this kind of travelling Florence and any city won't be alien for you [2**, с. 24–26].

Из данной словарной статьи пользователь может получить важную информацию относительно биографии и творческого пути Фрэнка Дювенека. Американский художник несколько раз посещал Италию, в том числе, Флоренцию. В этом городе Ф. Дювенек открыл собственную школу, где он обучал будущих художников мастерству живописи. Именно во Флоренции он женился на любви всей своей жизни Элизабет Бут. Большая часть полотен художника посвящена Флоренции и ее достопримечательностям.

Как было отмечено ранее, на данный момент подготовлено семь выпусков справочника, к изданию готовится восьмой выпуск словаря, макроструктура которого включает следующие имена: А. Дюма, Дж. Боккаччо, Н. Рерих, Р. Санти, Дж. Элиот, С. Феррагамо, Н. Оттокар и др. Рассмотрим отдельно судьбы нескольких знаменитых деятелей, имена которых включены в новый выпуск словаря.

Русский и итальянский историк-медиевист Н.П. Оттокар (1884–1957) эмигрировал в Италию в 1922 г. и прожил там 30 лет. Он работал преподавателем во Флорентийском университете. Он стал автором нескольких научных трудов, посвященных Италии, среди которых следует выделить: *Il Comune di Firenze alla fine del Dugento*, 1926, *I comuni cittadini del medioevo*, 1936, *Studi comunali e fiorentini*, 1948.

Н.П. Оттокар любил посещать во Флоренции так называемый Русский чайный дом (Russian Tea House). Кроме того, одна из улиц в этом городе носит его имя. Знаменитый историк похоронен на кладбище во Флоренции на аллее знаменитых деятелей.

Деятельность Н. Рериха (1874–1947), знаменитого художника, философа, писателя и общественного деятеля, также связана с городом Флоренция. Художник является основателем международных движений «Мир через культуру» и «Знамя мира». Мемориальная табличка была открыта Н. Рериху во Флоренции в 2017 году на здании отеля, где художник останавливался во время своего визита во Флоренцию. В начале XX века гостиница называлась Grand hotel Royal de l'Arno, современное название – Hotel Portrait.

Жизнь и творчество французского писателя Александра Дюма (1802–1870) имеет связь с Италией и городом Флоренция. Писатель проживал в Италии в 1860-е гг. в течение трех лет во время войны за независимость. В это время он работал редактором итальянской газеты *Indipendente*. Он поддерживал дружеские отношения с Джузеппе Гарибальди, итальянским полководцем, революционером и политическим деятелем. А. Дюма стал автором романа «Ночь во Флоренции», в котором описывается жизнь семейства Медичи, правителей Флоренции.

Итальянский изобретатель Антонио Меуччи (1808–1889) был принят во Флорентийскую Академию художеств в 1821 г. Позже он получил должность техника сцены во Флорентийском театре Пергола. В 1834 г. он сконструировал тип акустического проволочного телефона, позволяющего наладить связь между сценой и помещением управления в театре. Этот телефон был создан на основе принципов работы трубочного телефона.

Для знаменитого американского историка искусств и художественного критика Бернарда Беренсона (1865–1959) Флоренция стала последней точкой путешествий по Европе. Здесь он снял комнату в доме на площади Санта-Спирито. Пребывая в городе, он посещал различные галереи, Палаццо Питти, сады Боболи. Работа «Живописцы итальянского Возрождения» была написана под влиянием пребывания автора во Флоренции. Б. Беренсон посвятил книгу таким выдающимся итальянским художникам, как Джотто, Леонардо да Винчи, Боттичелли, Микеланджело и другие.

В 1907 г. Б. Беренсон и его жена Мэри Смит приобрели виллу И Тати поблизости с Флоренцией. Эта вилла стала домом этой семьи вплоть до 1959 г. На территории виллы расположена библиотека Б. Беренсона, посвященная итальянскому искусству.

Итальянский поэт и писатель Джованни Боккаччо (1313–1375) родился и вырос во Флоренции в семье флорентийского купца.

Свои первые литературные труды он создал именно во Флоренции: *Ameto, или Comedy of Florentine Nymphs* (1341–1342), *Love's Vision* (1342), *Elegy of Madonna Fiammetta* (1343–1344), *Fiesolana Nymphs* (1344–1346).

Джованни Боккаччо также находился на службе Флорентийского двора и известен как один из выдающихся гуманистов своего времени. Именно годы во Флоренции стали ключевым периодом для творческого взросления писателя и создания знаменитого труда «Декамерон», представляющего собрание ста новелл. Работа создана в период 1348–1353 гг. В основу сюжета легли реальные исторические события 1348–1349 гг. «Декамерон» начинается с эпизода, когда семь девушек и три юноши покидают Флоренцию, в которой в то время свирепствует чума.

Английская писательница Джордж Элиот (1819–1880) в 1860 и 1861 гг. проживала во Флоренции и изучала в этот период историю Ренессанса. Она написала исторический роман «Ромола», местом действия которого становится Флоренция. Средневековая Флоренция, искусство и художники – все эти аспекты повлияли на выбор Флоренции в качестве места действия романа.

Выдающийся итальянский художник эпохи Ренессанса Рафаэль Санти (1483–1520) несколько лет жил во Флоренции (1504–1509 гг.) и создал здесь ряд великих работ. Кроме того, Флоренция оказала значительное влияние на творческую деятельность художника. В этом городе он изучал работы таких художников, как Леонардо да Винчи, Микеланджело и др., исследуя особенности игры света и тени. Большая часть работ Санти, созданных в период с 1505 по 1507 гг., включает серию с изображением Мадонны: *Madonna del Granduca* (1504–1505), *The Madonna of the Goldfinch* (1505), *The Madonna Del Prato* (1505) и др.

Находясь во Флоренции, Рафаэль также исследовал особенности анатомии человеческого тела и особенности его изображения на полотне.

Итальянский дизайнер Сальваторе Феррагамо (1898–1960) именно во Флоренции стал заниматься изготовлением обуви для богатых семейств. В 1950-е гг. около 700 сотрудников производили до 350 пар обуви по индивидуальным эскизам дизайнера. В 1995 г. в Палаццо Спини Ферони был открыт музей, посвященный деятельности С. Феррагамо. В 2013 г. во Флоренции был создан фонд Сальваторе Феррагамо, целью которого является воспитывать молодых дизайнеров в духе идей великого мастера.

Британский художник викторианской эпохи Генри Холидей (1839–1927) посетил Флоренцию в 1881 г. с целью проведения исследования биографии великого итальянского поэта Данте и его возлюбленной Беатриче. Впоследствии художник написал картину «Данте и Беатриче», ставшую настоящим шедевром. Во Флоренции Г. Холидей узнал, что в XIII веке Лунгарно, улица на северном берегу Арно между Понте Веккьо и Понте Санта Тринита, была мощена камнями и там также находились небольшие магазины. Это можно увидеть на картине «Данте и Беатриче». Понте Веккьо был разрушен в результате наводнения в 1235 г. В период с 1285 по 1290 гг. мост реконструировали и на картине Г. Холидея можно увидеть это.

В основу картина положена автобиография Данте Алигьери «Новая жизнь». Данте скрывал свою любовь к Беатриче, притворяясь, что его интересуют другие женщины. На картине изображена сцена, когда Беатриче отказывается поприветствовать Данте, поскольку слухи о других женщинах достигли ее. На картине Беатриче изображена в белом облачении, рядом с ней находятся ее подруга Монна Ванна.

Таким образом, лингвокультурный словарь *Florence in the Works of World Famous People* знакомит пользователей с культурной составляющей города посредством исследования биографий и творческого пути известных личностей в области музыки, живописи, архитектуры, скульптуры, моды и др. Пользователь получает интересную информацию о том или ином месте города Флоренция через призму деятельности художника, поэта, ученого. Включение в микроструктуру красочных изображений, использование различных шрифтов и других особенностей полиграфической семиотики делают справочник особенно привлекательным для адресата. Знакомство со словарными статьями способствует формированию в сознании пользователей лингвокультурного портрета города Флоренция.

Литература

1. Григорьева Е.М. Язык и культура: учебное пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 136 с.

2. Галкова О.В. Теоретические основы культурного наследия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Филос. № 3 (15). 2011. С. 110–114.

3. Alexeeva L.M., Karpova O.M. Florence as Reflected in the New Type of Lexicographic Work // *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis*/ ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2010. pp. 131–138.

4. Kartashkova F.I., Shilova E.A. Florence – the Concept of the City // *Life Beyond Dictionaries* / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. pp. 105–113.

5. Карпова О.М. Волонтерская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря *Florence in the Works of World Famous People*) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 1. 2020. С. 29–34.

Список словарей

1** Cambridge Dictionary Online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 11.01.2021).

2** *Florence in the Works of World Famous People: Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists/* под ред. О. М. Карповой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. Вып. 7. 78 с.

DICTIONARY AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ABOUT CITY CULTURE (ON THE MATERIAL OF THE LINGUOCULTURAL DICTIONARY *FLORENCE IN THE WORKS OF WORLD FAMOUS PEOPLE*)

Ekaterina M. Grigoryeva
Olga M. Karpova
Ivanovo State University

Abstract. The article is devoted to the problem of cultural heritage reflection in dictionaries based on the dictionary *Florence in the Works of World Famous People*. The paper studies the terms “cultural heritage”, “material and non-material heritage”, “cultural tourist” as well as different cultural heritage dictionaries (cultural studies dictionaries, linguoculturological dictionaries, onomasticons, dictionaries of famous people citations, etc). It pays special attention to mega-, macro- and microstructure principles of their organization and to a potential dictionary addressee. It analyzes three dictionary appendices, including personalities’ lists grouped according to chronology, nationality and working sphere are studied. It also provides an insight into a dictionary article from the seventh dictionary edition dedicated to a well-known American artist and sculptor Frank Duveneck. Besides, it examines entries from the new dictionary edition devoted to N. Roerich, N. Ottokar, G. Boccaccio, G. Eliot, S. Ferragamo, A. Duma, B. Berenson, H. Holiday, too.

Key words: material and non-material cultural heritage, cultural tourist, cultural heritage dictionary, linguoculturology, cultural studies, genius loci

Григорьева Екатерина Михайловна,
доцент кафедры зарубежной филологии
Ивановский государственный университет
тел.: +7 (915) 841 3670
e-mail: greekat@yandex.ru

Ekaterina M. Grigoryeva
Associate Professor of Foreign Philology
Department
Ivanovo State University
mobile: +7 (915) 841 3670
e-mail: greekat@yandex.ru

Карпова Ольга Михайловна,
Руководитель научно-образовательного
центра «Современная российская и
европейская лексикография»
e-mail: olga.m.karpova@mail.ru

Olga M. Karpova
Head of Research and Educational
Center Modern Russian and European
Lexicography
e-mail: olga.m.karpova@mail.ru

**МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ
В.В. ПУТИНА И ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА (НА МАТЕРИАЛЕ
«ОБРАЩЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ РОССИИ», 23.06.2020 г. И «REMARKS
BY PRESIDENT TRUMP ON VACCINE DEVELOPMENT», 15.05.2020 г.)**

Гусева В.С.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Скворцов О.Г.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аннотация. В статье исследуются метафоры в политическом дискурсе Президента РФ В.В. Путина и Президента США Д. Трампа. Используя материалы «Обращения к гражданам России» (23.06.2020 г.) и «Remarks by President Trump on Vaccine Development» (15.05.2020 г.), авторы анализируют метафорическую составляющую выступлений каждого из лидеров. Все зафиксированные метафоры классифицируются по метафорическим моделям в зависимости от их смыслового наполнения. Авторы приходят к выводу, что, с одной стороны, официальный политический дискурс двух лидеров содержит сходные метафорические модели, а, с другой стороны, он представлен совершенно разными концептами.

Ключевые слова: метафора, политический дискурс, метафорическая модель, Российская Федерация, США, президент, В.В. Путин, Д. Трамп, вирус, эпидемия

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью специфики функционирования метафор в политическом дискурсе, а также важностью изучения обращений политических лидеров в контексте исследования различных жанров политического дискурса.

Объектом исследования является метафорическая составляющая в выступлениях Президента США Д. Трампа и Президента РФ В.В. Путина.

Предметом исследования являются общие и специфические особенности функционирования метафор в «Обращении к гражданам России» и «Remarks by President Trump on Vaccine Development» в сопоставительном и персонологических планах.

Цель исследования состоит в анализе метафорической составляющей в выступлениях Президентов США и России в контексте когнитивно – дискурсивного исследования современной политической метафоры.

Степень научной разработанности темы достаточно высока [1], [4], [5] на уровне изучения метафорической составляющей в речах политических деятелей, являющихся носителями одного языка и культуры. Однако недостаточно высока степень научной разработанности темы на уровне когнитивно – дискурсивного изучения метафорической составляющей в речах политиков, являющихся носителями разных языков и культур.

Научная новизна состоит в выявлении индивидуально-авторских особенностей публичных выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента США Д. Трампа в 2020 г.

Теоретическая значимость работы определяется тем вкладом, который она способна внести в изучение национальных метафорических систем английского и русского

языков на современном этапе. Работа способствует уточнению типологии метафор, а также вносит вклад в теорию когнитивно – дискурсивного исследования политической метафоры, метафорических моделей и их фреймо – слотового членения.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в практике преподавания межкультурной коммуникации, метафорологии в вузе; рассмотренный материал может оказаться полезным при разработке спецкурсов и спецсеминаров по вышеупомянутым дисциплинам. Результаты описания и анализа выявленного корпуса метафор могут найти применение в лексикографической практике, при составлении одно и двуязычных словарей метафор.

В работе применяется методика исследования метафор в политическом нарративе [3, с.34], так как выступления политических лидеров связаны общей темой и рассматриваются не только метафоры, концептуализирующие определенную сферу-мишень, но и метафоры, актуализируемые в контексте событий, связанных с осложненной эпидемиологической ситуацией.

Э.В. Будаев полагает, что в основе метафорической составляющей лежит процесс взаимодействия между структурами знаний сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции элементы сферы-источника способны структурировать сферу-мишень [2, с.28].

А.П. Чудинов в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» определяет метафорическую составляющую как «отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области». Таким образом, основной функцией метафоры в политическом дискурсе является когнитивная функция [6, с.48].

Теперь рассмотрим результаты анализа метафор в выступлениях Президента России В.В. Путина и Президента США Д. Трампа.

Формой вербализации метафоры в контексте политического дискурса В.В. Путина на примере «Обращения к гражданам России» [1] выступают метафорические модели «эпидемия – это война», «эпидемия – это спорт», «эпидемия – это экономика», «эпидемия – это строительство», «эпидемия – это движение», «эпидемия – это механизм», «эпидемия – это болезнь», «эпидемия – это физиология», «эпидемия – это погода», «эпидемия – это театр».

Метафорическая модель «эпидемия – это война» количественно представлена 19 примерами.

Эти средства предлагаю, как говорят специалисты, «окрасить», защитить от любого другого использования и целевым образом направлять на лечение детей с тяжелыми, редкими заболеваниями, на закупку дорогостоящих лекарств, техники и средств реабилитации, на проведение высокотехнологичных операций. В данном случае В.В. Путин, употребляя метафору защиты, показывает намерение распределить бюджет таким образом, чтобы покрыть все расходы на здравоохранение. Метафора цвета акцентирует внимание на том, что средства будут использованы строго по заявленному назначению.

Трудности еще не отступили. Этой метафорой В.В. Путин настраивает аудиторию на продолжение борьбы с эпидемией.

Нужно так все спланировать и организовать, чтобы обеспечить безопасность граждан и при этом не задавить бизнес избыточными требованиями, не подорвать

его работу, а значит, и доходы людей. Метафоры давления и взрыва в данном случае характеризуют последствия, к которым может привести сложная эпидемиологическая ситуация, если власть не пересмотрит политику в отношении бизнеса.

Не менее, а гораздо более важно избавиться от бюрократических, административных ограничений и так называемых рогаток. Метафора избавления в данном случае отражает настроенность политического лидера на борьбу с существующими ограничениями.

Эпидемия нанесла сильнейший удар по мировой экономике. Торговля, работа предприятий, кооперационные связи словно наткнулись на стену карантинных и ограничений. Метафора удара отражает неготовность мирового экономического сообщества к введению строгих карантинных ограничений, которые нанесли серьезный ущерб многим отраслям экономики.

Процессы глобализации и интеграции проходят сложное испытание, а ведущие страны делают выбор в пользу технологической, промышленной самостоятельности, понимая, что в вопросах безопасности и развития сейчас, в этой ситуации, можно полагаться прежде всего на себя – на человеческий, кадровый, научный потенциал своей страны. В данном случае В.В. Путин стремится передать трудности, с которыми столкнулся мир из-за закрытия границ и резкого сокращения.

На наших рубежах сразу были усилены меры санитарной защиты. И они сыграли свою роль, позволили отразить первый удар, задержать эпидемию, ее пик на полтора-два месяца. И, таким образом, еще тогда, в феврале – начале марта, выиграть драгоценное время, а значит, сделать все, чтобы спасти десятки тысяч, именно десятки тысяч жизней. В данном случае В.В. Путин, использует метафоры борьбы для демонстрации непоколебимости перед эпидемией коронавируса и промежуточных успехов, которых удалось достичь благодаря консолидации государственных органов.

В целом мы заставили эпидемию отступить, добиваемся перелома. Но вирус по-прежнему опасен. Тысячи людей каждый день все еще сталкиваются с болезнью. Прошу вас оставаться внимательными, осторожными, бдительными. Этими метафорами политический лидер показывает готовность российской системы здравоохранения к продолжению борьбы с вирусом. Однако Президент подчеркивает, что заболеваемость еще не сошла на нет.

Никогда и никто не будет оставлен в беде. Вся Россия обязательно придет на помощь. Если потребуется, все соберем в кулак: ресурсы наших ведущих медицинских центров, Вооруженных Сил, МЧС, волонтеров. Так, как это было в Дагестане, Забайкальском крае, других регионах. В данном случае В.В. Путин, употребляя метафоры, подчеркивает единство российского общества и готовность прийти на помощь в трудной ситуации.

Хочу еще раз поблагодарить врачей, фельдшеров, медсестер, всех специалистов, кто принял на себя основной удар эпидемии, борется за каждого человека и сегодня, помогает коллегам в других регионах. Метафора в данном случае отражает сложность ситуации, с которой столкнулись медицинские работники в период борьбы с коронавирусом.

Мы вновь вырвали у эпидемии время. И опять добились главного – сохранили человеческие жизни. Характерная метафора борьбы отражает небольшую, но важную победу над непростой эпидемиологической ситуацией.

Повторю, в целом российская система здравоохранения ответила на вызов эпидемии абсолютно адекватно. Однако она высветила и более остро обозначила наши нерешенные проблемы. В данном случае В.В. Путин стремится показать, что российская

система здравоохранения оказалась готова к неожиданному изменению эпидемиологической обстановки в мире.

Эпидемия еще не закончилась. Нам еще предстоит дождать, добавить эту заразу. Обе метафоры отражают готовность государственного аппарата к продолжению борьбы с коронавирусной инфекцией.

Метафорическая модель «эпидемия – это спорт» количественно представлена 7 примерами.

Через это идти к поддержке экономики в целом. Метафора поддержки

Нам, в отличие от многих, удалось избежать драматического скачка безработицы. Метафора говорит о том, что удалось избежать колоссальных последствий для экономики.

Напомню, что основной критерий всех наших мер поддержки бизнеса заключался в том, чтобы рабочие места не закрывались, чтобы люди, занятые в пострадавших отраслях, не оставались без зарплаты. В данном случае В.В. Путин с помощью метафоры акцентирует внимание на важности наличия у населения возможности работать и обеспечивать свои семьи.

У нас не произошло резкого скачка цен. Спортивная метафора скачка показывает, что цены могли бы резко увеличиться, но, благодаря грамотной работе правительства, этого удалось избежать.

Но мы сперва не допустили резкого падения рубля, а затем он фактически вернулся на докризисный уровень. Данными метафорами В.В. Путин передает колебания национальной валюты, которые происходили на фоне эпидемии.

Нам, в отличие от многих, удалось избежать драматического скачка безработицы. Метафора говорит о том, что удалось избежать колоссальных последствий для всех сфер жизни общества.

Предстоит последовательно снимать с предпринимателей не только груз временных, вынужденных санитарных ограничений. Метафора груза в данном случае отражает трудности, с которыми столкнулись предприниматели, работающие в период эпидемии.

Метафорическая модель «эпидемия – это экономика» количественно представлена 3 примерами.

С самого начала борьбы с последствиями эпидемии базовой задачей стало сохранить доходы российских семей, поддержать занятость, помочь прежде всего людям, и только людям, решать их проблемы. Экономическая метафора отражает стремление государства в борьбе с последствиями эпидемии проводить грамотную социальную политику.

Это было крайне важно для защиты доходов и сбережений граждан. Употребляя эту метафору, В.В. Путин стремится уверить слушателей в том, что доходы граждан не сократились, а сбережения не кончились.

При этом такие начинающие предприниматели также получают дополнительные налоговые льготы, а именно налоговый капитал в размере одного МРОТ, чтобы не отвлекать ресурсы от развития своего дела на уплату налога. В данном случае В.В. Путин, употребляя метафору, стремится показать свою осведомленность о сложностях, которые могут возникать у начинающих предпринимателей с уплатой налогов, и подчеркивает, что налоговые льготы облегчат предпринимательскую деятельность.

Метафорическая модель «эпидемия – это строительство» количественно представлена 3 примерами.

Вместе с тем эпидемия поставила региональные финансы в достаточно сложное положение, мы это понимаем. Президент данной метафорой стремится показать неготовность регионов к резкому изменению ситуации, а также тот факт, что не все региональные власти сумели вовремя перестроиться на новые условия работы.

Современный мир взаимосвязан, а значит, полностью отгородиться от угрозы объективно невозможно. Политический лидер подчеркивает, что происходящие в мире изменения затрагивают всех, без исключения. И это следствие глобализации.

В этой логике мы строили и будем строить наши действия. С самого начала борьбы с последствиями эпидемии базовой задачей стало сохранить доходы российских семей, поддержать занятость, помогать прежде всего людям, и только людям, решать их проблемы. Метафора строительства в данном случае передает готовность российского правительства в лице президента В.В. Путина продолжать поэтапную борьбу с эпидемией коронавируса.

Метафорическая модель «эпидемия – это движение» количественно представлена 3 примерами.

Но мы сперва не допустили резкого падения рубля, а затем он фактически вернулся на докризисный уровень. Метафора показывает, что курс национальной валюты, несмотря на сложную экономическую ситуацию, существенно не изменился.

Напомню, что основной критерий всех наших мер поддержки бизнеса заключался в том, чтобы рабочие места не закрывались, чтобы люди, занятые в пострадавших отраслях, не оставались без зарплаты. В данном случае В.В. Путин с помощью метафоры акцентирует внимание на важности наличия у населения возможности работать и обеспечивать свои семьи.

Рано или поздно болезнь шагнет в наш дом, внутрь наших границ. Это было понятно. Президент с помощью метафоры стремится подчеркнуть, что, несмотря на положительную динамику борьбы с эпидемией коронавируса, она может затронуть каждого. Но бояться не стоит.

Метафорическая модель «эпидемия – это механизм» количественно представлена 2 примерами.

Уже говорил, насколько важно повышать доверие между государством и бизнесом. На этой прочной базе мы выстраиваем механизмы поддержки в текущей непростой ситуации, помогаем людям, которые поверили в то, что в России выгодно, безопасно, надежно работать и делать это можно легально, открыто, по-честному. В данном случае В.В. Путин употребляет метафору, чтобы показать готовность государственного аппарата к восстановлению экономики после перенесенных потрясений.

Вместе с тем экономика в полную силу еще не заработала, а безработица подросла. В.В. Путин показывает, что механизмы рыночной экономики еще не активизировались после потрясений, связанных с эпидемией.

Метафорическая модель «эпидемия – это болезнь» количественно представлена 2 примерами.

Немало их, к сожалению, носит хронический характер, сохраняется годами, а то и вообще десятилетиями. Употребляя метафору «хронический характер», В.В. Путин стремится показать, что проблемы сохраняются на протяжении долгого времени.

За счет столь масштабного тестирования мы можем выявлять болезнь на ранней стадии, даже если она протекает скрытно, бессимптомно, а значит, разрывать цепочку передачи инфекции, пресекать ее дальнейшее распространение. Тем самым сберечь жизни наших людей. Президент, употребляя данную метафору демонстриру-

ет настроенность государственного аппарата на продолжение борьбы с коронавирусной инфекцией.

Метафорическая модель «эпидемия – это физиология» количественно представлена 1 примером.

Вместе с тем экономика в полную силу еще не заработала, а безработица подросла. В.В. Путин, используя физиологическую метафору роста, показывает, что увеличилось число безработного населения.

Метафорическая модель «эпидемия – это погода» количественно представлена 1 примером.

Подчеркну, кардинальное улучшение делового климата, упрощение всех процедур должно стать важнейшим ресурсом восстановления и качественного развития экономики. Метафора «кардинальное улучшение делового климата» отражает необходимость упрощения условий ведения бизнеса на территории Российской Федерации.

Метафорическая модель «эпидемия – это театр» количественно представлена 1 примером.

Но жизнь берет свое, входит в привычное русло, в нормальный ритм. Да, у всех сейчас накопилось немало задач, забот, которыми предстоит заниматься в ближайшее время и дома, и на работе. Несмотря на трудности, с которыми столкнулось общество в этот непростой период борьбы с коронавирусом, жизнь сможет стать спокойной и размеренной с течением времени.

Перейдем к рассмотрению метафор в выступлении 45-го президента США Д. Трампа.

Формой вербализации метафоры в контексте политического дискурса Д. Трампа на примере «Remarks by President Trump on Vaccine Development» выступают метафорические модели «вирус – это война», «вирус – это движение», «вирус – это механизм», «вирус – это спорт», «вирус – это физиология».

Метафорическая модель «вирус – это война» количественно представлена 6 примерами.

From the earliest days of the pandemic, we have marshalled the genius of American scientists and researchers from all across government and the private sector, from academia, from everywhere, to vanquish the virus. В данном случае Д. Трамп заявляет об объединении усилий общества и государства в борьбе с вирусом и о стремлении его победить.

I especially want to thank Senator Steve Daines of Montana for his incredible work. He has worked so hard to secure additional funding for vaccine development. He has been right at the forefront. Президент США подчеркивает, что поиск финансирования для разработки вакцины не менее важен, чем сама вакцина, поэтому человек, который этим занимался был «на передовой» в общей борьбе.

Joining Dr. Slaoui as Chief Operating Officer will be General Gus Perna, a four-star general who currently oversees 190,000 service members, civilians, and contractors as Commander of the U.S. Army Materiel Command. <...> It's great to have you on board. В данном случае Д. Трамп, употребляя метафору, подчеркивает роль союзников в борьбе с вирусом, ведь только вместе, действуя слаженно, можно приблизиться к победе над вирусом.

And now we're combining all of these amazing strengths for the most aggressive vaccine project in history. В этих метафорах отражен не только особый статус американского трудоспособного населения и сотрудников проекта, занимающегося разработкой и испытаниями вакцины, но и стремление создать вакцину быстрее и качественнее остальных государств.

From the earliest days of the pandemic, we have marshalled the genius of American scientists and researchers from all across government and the private sector, from academia, from everywhere, to vanquish the virus. And tremendous strides have been made, I can tell you. В данном случае Д. Трамп, употребляя метафору, подчеркивает, что все лучшие умы Америки объединились в борьбе с вирусом.

Метафорическая модель «вирус – это движение» количественно представлена 3 примерами.

Then, my administration cut through every piece of red tape to achieve the fastest-ever, by far, launch of a vaccine trial for this new virus, this very vicious virus. Употребленная спикером метафора дает слушателю понять, что правительству под руководством Д. Трампа удалось в кратчайшие сроки начать испытания вакцины.

As of this morning, almost every state has taken steps to begin reopening, and the American people are doing an extraordinary job of continuing to take precautions while, at the same time, wanting to start. В данном контексте подчеркивается готовность штатов открыть границы для въезда и запустить застоявшуюся сферу услуг с новой силой.

We have the mightiest military in the long history of humankind. We have the best and most devoted workers ever to walk the face of the Earth. С помощью этой метафоры спикер выражает восхищение гражданами своей страны.

Метафорическая модель «вирус – это механизм» количественно представлена 1 примером.

We will be reigniting our economic engines. We're going to be taking care of our most vulnerable, which are our senior citizens and some others. Под «двигателями экономики», вероятно, Д. Трамп подразумевает основные механизмы, позволяющие предприятиям функционировать снова после затянувшегося кризиса.

Метафорическая модель «вирус – это спорт» количественно представлена 1 примером.

We took over very, very empty cupboards, I say, medically. We also had empty cupboards in a military sense; our military was in sad shape. It was depleted. We now have the strongest military the United States has ever had by far and the best equipment. В данном случае Д. Трамп, употребляя метафору «was in sad shape» стремится показать, что раньше уровень развития военной отрасли в США оставался желать лучшего и был плохо подготовлен к оперативному реагированию на возникающие угрозы.

Метафорическая модель «вирус – это физиология» количественно представлена 1 примером.

We'll have everything right on hand, ready to go. В данном случае Д. Трамп, употребляя физиологическую метафору руки, стремится убедить слушателей в том, что разработка вакцины полностью находится под контролем государства и ничего не может ей помешать.

Таким образом, в результате проведенного исследования метафор в политическом дискурсе президента РФ В.В. Путина и президента США Д. Трампа было выявлено, что общими для политических лидеров были модели «эпидемия – это война» (19 примеров у В.В. Путина) и «вирус – это война» (6 примеров у Д. Трампа), «эпидемия – это спорт» (7 примеров у В.В. Путина) и «вирус – это спорт» (1 пример у Д. Трампа), «эпидемия – это движение» (3 примера у В.В. Путина) и «вирус – это движение» (3 примера у Д. Трампа), «эпидемия – это механизм» (2 примера у В.В. Путина) и «вирус – это механизм» (1 пример у Д. Трампа), а также «эпидемия – это физиология» (1 пример у В.В. Путина) и «вирус – это физиология» (1 пример у Д. Трампа). Это обусловлено наличием

общей проблемы, которая оказывает сильное влияние на все сферы государственной и общественной деятельности. Очевидно, что российский лидер выражает большую обеспокоенность по данным вопросам и активнее использует метафоры в речи.

В отличие от западного коллеги, в речи президента РФ В.В. Путина присутствуют такие метафорические модели, как: «эпидемия – это экономика», «эпидемия – это строительство», «эпидемия – это болезнь», «эпидемия – это погода», «эпидемия – это театр».

Разность метафорических моделей обусловлена, прежде всего, иным восприятием проблемы. Так, В.В. Путин говорит больше о решении внутригосударственных проблем и борьбе с эпидемией коронавируса, в то время как Д. Трамп уделяет больше внимания разработке вакцины.

Литература

1. Аматов А.М., Бондаренко Е. В., Пупынина Е. В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. №1. С.5-12.
2. Будаев Э.В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. №9. С.28-32.
3. Будаев Э. В., Солопова О. А., Чудинов А. П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот: монография. М.: ФЛИНТА, 2020. 234 с.
4. Вахрушев С.Н., Пшенникова Е. В. Сферы-источники политической метафоры в президентской речи // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 324-330.
5. Чикилева Л.С. Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект // *Liberal Arts in Russia*. 2018. №1. С.20-29.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Е.: Типография Первоуральска. 2001. 242 с.

Список источников примеров

- 1* Обращение к гражданам России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63548> (дата обращения: 09.01. 2021)
- 2* Remarks by President Trump on Vaccine Development // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vaccine-development/> (дата обращения: 09.01. 2021)

**METAPHORS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIAN PRESIDENT
VLADIMIR PUTIN AND US PRESIDENT DONALD TRUMP (BASED ON THE
«ADDRESS TO THE CITIZENS OF RUSSIA», 23.06.2020 AND «REMARKS BY
PRESIDENT TRUMP ON VACCINE DEVELOPMENT», 15.05.2020)**

Vera S. Guseva
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Oleg G. Skvortsov
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract. The article deals with metaphors in the political discourse of Russian President Vladimir Putin and US President Donald Trump. Using the materials of «Address to the citizens of Russia» (23.06.2020) and «Remarks by President Trump on Vaccine Development» (15.05.2020), the author analyzes the metaphorical component of the speeches. All metaphors are classified according to metaphorical models, depending on their semantic content. The author concludes that, on the one hand, the official political discourse of the two leaders contains similar metaphorical models (for example, «the epidemic is an economy» and «the virus is an economy»), and, on the other hand, it is represented by completely different concepts.

Key words: a metaphor, a political discourse, a metaphorical model, the Russian Federation, the US, Vladimir Putin, Donald Trump, a virus, an epidemic

Гусева Вера Сергеевна,

студент магистратуры
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
тел.: +7 (953) 829 2703

e-mail: veraguseva97@mail.ru

Скворцов Олег Георгиевич,

Заведующий кафедрой иностранных языков
Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина
тел.: +7 (912) 246 5484

e-mail: o.g.skvortsov@urfu.ru

Vera S. Guseva

master's degree student
Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin
mobile.: +7 (953) 829 2703

e-mail: veraguseva97@mail.ru

Oleg G. Skvortsov

Head of the Department of Foreign
Languages

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N. Yeltsin

mobile.: +7 (912) 246 5484

e-mail: o.g.skvortsov@urfu.ru

УДК 81'27:81'374

**THE PLACE OF SOCIALLY AND POLITICALLY MEANINGFUL VOCABULARY
IN POLITICAL COMMUNICATION OF MULTILINGUAL SOCIETIES**

Varvilina P. Dzhioeva
South Ossetian State University

Abstract. In the days of global changes in the lives of whole nations and countries, a language inevitably accumulates new ways of conveying realia. Words, which existed before as a part of general terminology, acquire brand new, completely different meanings. These new words become socially and politically significant. In the present paper the author presents the results of the analysis of speeches of politicians and public figures, pointing out politically and socially significant words and combinations in bilingual or multilingual political communication, discusses translation

problems in this linguistic stratum. The author concludes that a completely new layer of language appears because of the overwhelming changes in the functioning of politics and social life. Not only the language of policymakers and officials gets altered, but political communications as a whole.

Key words: South Ossetia, Ossetian language, political communication, social and political vocabulary, political terms, multilingual society, the coronavirus pandemic

The problem of differentiation, analysis and translation of social political vocabulary and terminology has been the object of investigation of many foreign and Russian (Soviet) scholars for many decades now. There is no universal definition of the words and word combinations used to determine social phenomena, political events or objects and persons, playing a more or less significant role in the life of the society. Foreign scholars differentiate political terms from the names of social events and activities. Soviet investigators and those who live in the post-soviet world consider the definitions of political and social activities as a united linguistic phenomenon. Different researches offer different notions for these, such as social political terms, social political vocabulary, socially significant vocabulary, politically significant vocabulary and so on.

The present paper is meant to reveal the peculiarities of formation and functioning of politically and socially meaningful vocabulary in the Republic of South Ossetia during the coronavirus pandemic. The study is topical due to the fact that socially meaningful vocabulary and political terminology are greatly influenced by the current events, taking place in the life of the society, particularly in the times of overarching issues – in politics, economics and social life. The issue under discussion is coronavirus pandemic, which has already caused and is still causing major transformations in the semantics and structure of both socially and politically most preferred words and terms. As this lexical stratum is practically new to study, it is worthwhile undertaking this investigation.

Linguists are unanimous concerning the characteristic traits of social political vocabulary, singling it out of other layers of language, defining its lexical-semantic targeting. This layer of the vocabulary includes words and word combinations being directly related to the state-administrative system, processes of development of society, politics and economy. The lexical tools conveying the political realia and socially significant events or phenomena do not function separately. They interact in the way of semantic realization. Thanks to this interaction these linguistic tools are grouped into units, meant to describe facts and events of the everyday life of the society [1, p.80].

The framework and range of social political vocabulary are not absolute but relative. This vocabulary is comprised of terms and names of terms from the spheres of politics, economy, business, as well as conventional terms, having acquired completely different notions in the political discourse. This way of use of common vocabulary results in enhancement and enrichment of the terminological staff [2, p.95-96].

The author has to draw attention to some of the characteristic features of the South Ossetian political communication as a whole and note that the political communication in the Republic of South Ossetia in general is carried out in two official state languages: Russian and Ossetian (ethnic) and has a tendency to Russia's type of political communication. South Ossetia's political discourse has been the object of investigation in such aspects as: communicative strategies and tactics of political leaders, key discourse forming concepts of South Ossetian political communication, multichannel character of the communication (political leader – electorate/citizens of the republic), bilingualism as the means of actualizing the political strategy of the political elite of the country. The researches were performed by such investigators as I.D. Bekoeva and V.P. Dzhoieva (2015-2020).

The social political vocabulary serves as the instrument of political science, sociology, economics, cultural studies, history and other social and humanitarian sciences. It is considered to be the terminology of these sciences [3, p.90]. Intensification of significance and extension of the scope and activity of using it increase with the help of internet resources, TV and printed mass media.

The author used material from South Ossetian mass media (electronic and printed) and 75 text extracts of public speeches and addresses of political and public figures of the Republic of South Ossetia.

K.G. Dzhusoeva highlighted the distinctive features of social political vocabulary and political terms in the discourse of South Ossetian public figures in the studies (1975). The peculiarities of Ossetian social political vocabulary and terminology in general (South and North Ossetia) were studied but by a few scholars, such as T.A. Guriev (1954), A.F. Kudzoeva (2001), M.B. Kulchieva (2005). The North Ossetian political communication differs though from that in the southern part of Ossetia as all the formal communication and paperwork are executed in Russian. The ethnic (Ossetian) language is to be observed in political discourse only in some forms of oral speech during ethnic religious festivals with the involvement of various groups of population of North and South Ossetia together with other, nonverbal symbols of national identity. All the researches mentioned above studied the role and significance of the Russian language in the formation of Ossetian social and political vocabulary and terminology in different historical epochs: before the October Socialist Revolution (pre-revolution period), after the Revolution (post-revolution period), in the Soviet and contemporary periods. The vocabulary was observed from lexical, phonetical, grammatical and stylistic points of view.

The material for the present investigation has been drawn from the mass media (printed and on-line versions), documentation from the central archives and the archives of the Scientific-Research Institute of the Republic of South Ossetia, South Ossetian segment of social nets. The linguistic methods and techniques applied were the following: the continuous sampling method, the method of comparison, the method of component analysis.

The theoretical basis of the paper was formed by the works of foreign and domestic scholars studying political vocabulary and phraseology (Abdul-Khamid 2005; Zhdanov 2008; Zavarzin 2000; Karamov 2001; Manik 2001; Osheev 2004), problems of bilingualism (Avrorin 1975; Bell 1976; Belyaeva 1984; Vainreich 1979; Vereschagin 1969; Desheriev 1972; Zhlukhtenko 1974; Kabakchy 2008; Karlinsky 2011; Martinee 1999; Rozenzweig 1979; Rosetty 2003; Haugen 1959; Scherba 1974 and others), code switching (Auer 1984, Sycheva 2005, Cantarotti 2007, Bagana, Blazhevich 2010, Rodionova, Abramova 2015 and others).

According to A.P. Chudinov the language of politics is not an independent language, it is a politically and socially oriented variant of the ethnic language be it English, Russian or any other language [4, p.32]. Not a few domestic linguists study the language of politics within the last decades (Efimova 1987; Pak 2003; Vorobyova 2008; Zolyan 2009; Inzhechik 2015; Guzueva 2017, etc.).

The study of Russian and Ossetian language periodicals of Soviet and post-soviet periods demonstrated the tendency towards hard regulation, implying strict observance of all the rules, hindering demonstration of individuality. P. Serio called the verbal representations of political discourse carried out in the Soviet period as written in «*wooden language*». The other name of it was «*insipid language*», causing a physical discomfort for those speaking it [5, p.141]. The political communication in South Ossetia in the 1970-80s was marked by the use of mostly one-member sentences, while in the present-day political communication one can

differentiate two-member sentences. The Soviet political and public figures avoided the use of personal pronouns, as the indicators of altruism and egocentrism.

As for the contemporary language of politics, both Russian and Ossetian suppose the use of jargon words, colloquial language and borrowings along with special terminology. The foreign terminology borrowings are also broadly used in South Ossetian political communication. Modern linguistic studies in social political terminology provide an explanation for the need of reconsideration and transformation not only of the theoretical, but also empirical material, accumulated by the investigators in the linguistic field in question.

The Republic of South Ossetia functions in association with Russian Federation in politics, social activities, culture and other spheres of life. Russia serves as the guarantor of peace and stability in the young republic. Indissoluble ties between the two states including the spheres of education and science, plays an essential part in the generation of social political thesaurus in the Republic of South Ossetia. Some gaps in the framework of social political vocabulary and political terminology of Ossetian language contribute to inculcation of Russian borrowings to Ossetian, starting transfer processes.

The first Ossetian newspapers in South Ossetia were published at the beginning of the XXth century. The first South Ossetian newspaper «*Nog Tsard*» ‘New Life’ was released in Latin alphabet. The first social political newspaper «*Khurzærin*» ‘Daybreak’ was issued at the beginning of 1924. The editing board consisted of distinguished members of South Ossetian community. South Ossetian writers, teachers, doctors and cultural workers contributed articles to the paper. In the 1930s the paper was issued with the title «*Kommunist*» ‘Communist’ in Latin alphabet. In 1954 «*Khurzærin*» was renamed «*Soveton Iryston*» ‘Soviet Ossetia’. In the period between 1950 and 1970, the main social political newspaper of South Ossetia was published only in the Ossetian language. As the political vocabulary lacked quite a lot of items, the articles of this period are abundant in Russian borrowings; code switching becomes a conventional means of constructing the written political discourse. In 1970s – 1990s two language versions of the newspaper appear in the country – in Russian «*Sovetskaya Ossetia*» and its duplicated version in Ossetian «*Soveton Iryston*» ‘Soviet Ossetia’, «*Sovetskaya Ossetia*» being transformed into «*Yuzhnaya Ossetia*» ‘South Ossetia’ in 1983. It became an independent edition, legal successor of «*Sovetskaya Ossetia*» ‘Soviet Ossetia’, the «headlight» of Ossetian press, in 1993.

Unity of culture and sociality is presented as an aggregate of values and customs peculiar to the society a person belongs to, forming his or her world reception, mentality and encoding of the results of his/her cognitive activities. This is how transformation of vocabulary works, exerting influence upon speech patterns, upon the choice of verbal modes of implementation of the intention of a definite social group, class, nationality and culture. In the period of buildup of the South Ossetian political vocabulary ways of word formation, peculiar to the political communication in South Ossetia have been developed. These ways demonstrate inner cognitive mechanisms of adaptation of the borrowings in the Ossetian language. The characteristic features of social political terminology of South Ossetia are the following: word-forming models with affixes and analytical verbs for building of the terminology system of the language. For the citizens of the Republic of South Ossetia as well as for almost every adult citizen of the post-soviet world, Russian has always been their native language on the same level with their ethnic language (for representatives of national minorities), used in oral and written speech in all the spheres of life. As a consequence, some kind of amalgamation of the two languages takes place forming a united lexical fund. The political discourse of the Republic of South Ossetia is just being built and necessity arises to adapt linguistic means

of the Russian language for the sake of a more thorough and relevant perception of the oral or written information by the addressees (the citizens of the republic). In order to name the notion or term, the political or public figure has to use linguistic means of Russian. A certain number of borrowed words and collocations used in the political communication has become a constituent of Ossetian language and common for representatives of the Ossetian society. The borrowings mentioned above are in some cases subject to changes in accordance with the morphological characteristics of the Ossetian language.

In social political vocabulary, comparison and mapping of the language and social life are to be observed due to the fact that this group of vocabulary constitutes everything concerning social and cultural life in the society [6, p.75].

Some of the investigators of social political vocabulary suggest the following division of it: political terms, ideological vocabulary, actual social political vocabulary, inappropriate social political vocabulary [7, p.18-20].

In the present study, the author indicates the character of politically and socially meaningful words and word combinations. This type of words and combinations is disposed towards transforming on account of essential, large-scale political, economic and social commotions. It is about extending the vocabulary not only through appearance of new items in the light of global changes but also acquisition of extra connotations to the vocabulary that has already functioned steadily in the language. The vocabulary of language gets replenished with neologisms serving as the indicators of the age, the social, political, historical, economic catastrophes. In the era of global changes, when the health and even the life of whole nations are at risk, language being a flexible and dynamic social phenomenon cannot but react, and change as well. New realia, the necessity of their realization dictate the rules for constructing political and social political communication.

The words and word combinations, used by politicians, public figures and political journalists for verbal realization of the newly-arisen realia, events, notions become everyday language (everyday discourse) layer in various spheres of life of the society, starting from everyday communication to communication in the framework of institutional discourse (political and mass media communication) and so on. This phenomenon is inevitable and natural in accordance with the fact that all the top-level tabloids produce headline news concerning the problem of coronavirus pandemic, all the news portal start their information blocks with the news about dynamics of newly-detected and recovering patients, the consequences of this overwhelming onslaught on the world economy and politics. The language produces means of reproduction of different aspects of this critical situation. Some new lexical units are worked up and become customary, comprehensible to representatives of all the social media layers.

If we look at the South Ossetian segment of the internet, we can find out some peculiarities of political and social political communication in the period of the coronavirus pandemic. South Ossetian politicians and political figures build up the communication in such a way, that they can use political and special terminology of the sciences adjacent to political science in close relationship with the terms of public healthcare. It is unavoidable due to the current epidemiological and afterwards political situation in the Republic of South Ossetia, let alone the health care crises in the whole world. The political communication is characterized by frequent use of such social political lexical means as: *civic consciousness*, *emergency situation*, *self-isolation*, *strict isolation*, *withdraw isolation*, *liberty of movement*, *liberty of assembly*, *restrict liberty*, *quarantine*, *remote mode*, *health protection*, *health care* [5**]. New linguistic means of conveying the current overwhelming notions, issues come into use, becoming international and conventional. For example: *zooming*, *distancing*, *the corona* and others [1*].

Considering inadequate elaboration of the terminological devices in the Ossetian language and by virtue of existence of two official state languages in the republic, South Ossetian social political communication is held with the use of terms in Russian mostly. The most frequent terms are: *pandemic*, *virus*, *wearing masks*, *mask regime*, *safe distance* and so on [2*]. A definite amount of the terminology is presented in the ethnic (Ossetian) language though in accordance with the rules of speech formation. The communication is built up with the aid of Russian language inclusions and special terms in Russian or internationalisms, penetrating into Ossetian speech via Russian. New terms are constructed with the help of Ossetian morphology or transferred from Russian with tracing method. For example, «*rynchyny gækhaet*» (*liter.* patient's file) 'case history', «*ænkæltſaw sylgoimag*» (*liter.* anticipating woman) 'pregnant woman' [3*], «*tagd ækhwys*» (*liter.* immediate aid) 'ambulance', «*tævd khakh*» (*liter.* hot line) 'hotline', «*khimæisæn khayad*» (*liter.* in-receiving section) 'admission department' [4*]. Code switching is to be observed in many examples. Some of the terms are reproduced in initial Russian language morphological form with Ossetian flexions and affixes, added to the assimilated forms of the borrowings.

Global changes of social, economic and political life of all the countries under the conditions of the coronavirus pandemic caused transformation of political communication as a whole. As a result of the undertaken investigation the author came to a conclusion that a whole new layer of language appears as a result of overwhelming changes in the functioning of politics and social life and found such peculiarities of word-formation processes in Ossetian as:

- suffix **-on** used for the formation of adjectives turns out the most productive word-forming suffix in the formation of social political communication;

- suffix **-ad** for constructing abstract nouns is to be seen in many terms and corresponds to such Russian suffixes as: **-enie**, **-stv**, **-o**;

- the morphological identifier of a participle (passive form of the present participle) in Ossetian is in certain cases used for specifying the name of the action as well as proper participle: «*kamysy rabadt*» 'seating of the commission' [4*] («*rabadt*» 'seating' derived from a verb «*rabadyŋ*» 'to sit');

- suffix **-gæ** used for the formation of a participle or verbal adverb (active voice forms of present participle) is opposed to words with suffixes **-d**, **-t**, **-dt**, **-st** (implying passive voice form): «*waværmæ ænæ kæsgæ-ŷæ*» [4*] 'taking no notice of the situation';

- adjectives formed with the help of a suffix **-on** have a unified form though different by the structure of their components.

References

1. Sudakov G.V. Russian household vocabulary XVI-XVII centuries in dynamic and functional aspects: dissert...doctor of philology. – Vologda, 1985. 540 p. (In Russ.)
2. Rozen E.V. Vocabulary of German language today. M.: High school, 1976. 128 p. (In Russ.)
3. Chudinov A.P. Political linguistics. – Ekaterinburg. Ural humanitarian institute, 2003. 194 p. (In Russ.)
4. Chudinov A.P. Modern political communication. Ural.gos. ped. un-t. Ekaterinburg. 2006. 292 p. (In Russ.)
5. Kurtin Zh.Zh. The hat of Clementis (notes on remembrance and oblivion in political discourse) // Kvadratura smysla. – M.: Progress, 1999 – P.95-104. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-politicheskogo-diskursa-podhody-i-kategorii> (accessed: 14.12.2020). (In russ.).

6. Karamova A.A. Evaluative social political vocabulary and phraseology of modern Russian, second half of the XXth century: dissert...cand of philology: 10.02.01. – Birsik, 2001. – 250 p. (In russ.)

7. Zhdanova L.A. Social political vocabulary: Structure and dynamics: dissert...cand of philology: Moscow, 1996. 224 p. (In russ.)

Sources of illustrative material

1. Sputnik. South Ossetia. URL: <https://en-gb.facebook.com/sputnikKhussarIryston/> (accessed:26.12.2020)

2. Official site of the President of the Republic of South Ossetia. URL: <https://presidentruo.org/> (accessed: 14.12.2020)

3. Information digest «Abon». 02.11.2020. URL: <https://www.facebook.com/groups/272567203851483/permalink/355958532179016/> (accessed: 20.12.2020)

4. Information digest «Abon». 03.11.2020. URL: <https://www.facebook.com/telecompani.ir/videos/805271420042566/?d=w> (accessed: 22.12.2020)

Dictionaries

1. Abaev V.I. Russian-Ossetian dictionary [Text] M: Soviet encyclopedia, 1970. – 584 p.

2. Gatsalova L.B. Explanatory dictionary of new Ossetian words [Text] / L.B. Gatsalova – Vladikavkaz: NOSU, 2005. – 101 p.

3. Guriev T.A. Ossetian-Russian dictionary [Text] Vladikavkaz, «Alania», 2004. – 540 p. Oxford English Dictionary OED. URL: <http://www.oed.com/> (accessed: 10.12.2020) Multitran dictionary. URL: <https://www.multitran.com/> (accessed: 15.12.2020) Electronic dictionary ABBYY Lingvo (accessed: 14.12.2020)

СОЦИАЛЬНО И ПОЛИТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ В МНОГОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В.П. Джиоева

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова

Аннотация. В статье характеризуются изменения в лексическом составе осетинского языка, которые происходят под влиянием глобальных процессов современной жизни. Подчеркивается роль социально и политически значимой лексики в многоязычном обществе, каким является республика Южная Осетия. На основе анализа текстов из печатных и электронных СМИ политической и социальной проблематики автор отмечает, что в осетинском языке появляются новые лексические единицы, которые переходят из русского языка, и ассимилируются в нем.

Ключевые слова: Южная Осетия, осетинский язык, политическая коммуникация, социально и политически значимая лексика, политическая лексика, многоязычное общество, пандемия коронавируса

Джиоева Варвилена Павловна,
Старший преподаватель кафедры англ. яз.
Юго-Осетинский государственный
университет им. А.А. Тибилова
тел.: +7 (929) 804 9819
e-mail: jio.varvilina@mail.ru

Varvilina P. Dzhioeva
Senior teacher of the English Chair
South Ossetian State University
mobile: +7 (929) 804 9819
e-mail: jio.varvilina@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НУМЕРОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Дикарева К.А.

Научный руководитель: д. фил. н., проф. Фененко Н.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению места фразеологических единиц с нумерологическим компонентом во французском и русском языках. Представлен сопоставительный анализ структурных и семантических особенностей французских и русских фразеологических единиц с нумерологическим компонентом от нуля до девяти, результаты которого позволяют судить о сходствах и различиях культурной коннотации чисел.

Ключевые слова: фразеологические единицы; нумерологический компонент; языковая картина мира; сопоставительный анализ; семантика фразеологизмов; французский язык; русский язык

Цель данной статьи – проанализировать структурные и семантические особенности французских и русских фразеологических единиц (далее – ФЕ. – К.Д.) с нумерологическим компонентом и определить их место во французской и русской языковой картине мира.

Известно, что фразеология занимает особое место в языковой картине мира каждого языкового коллектива. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниним мы понимаем языковую картину мира как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [1, с.8]. При этом, в отличие от концептуальной картины мира, здесь находят свое отражение коммуникативно значимые языковые единицы, что связано с ценностью, которую представляет определенный концепт для культуры народа.

Одной из составляющих языковой картины мира является образность, которая отображает исторический и духовный опыт определенного народа, его самобытность, этой особенностью обладает фразеологический фонд языка. Так, по замечанию В.Н. Телии, национально-культурная специфика воплощается с помощью «образного основания, включающего в себя образно-культурные реалии», а указанием на специфику является культурная коннотация или интерпретация образа, лежащего в основе фразеологизма [2, с.215].

Большой интерес для исследования представляют ФЕ с нумерологическим компонентом. На первый взгляд, число кажется абсолютно объективной категорией, которая, следовательно, должна интерпретироваться одинаково всеми языковыми коллективами. В то же время известно, что числа, выступая в качестве средства упорядочения и моделирования вселенной, приобретают особую семантику в контексте каждой отдельной культуры. Таким образом, числа оказываются ориентированными на количественно-качественную оценку и становятся элементами особого семантического кода. Так, например, в архаичных мифопоэтических концепциях числа использовались для описания мира, человека и самой системы метаописания. Как отмечает В.Н. Топоров, «в архаичных культурах число и счёт были сакрализованными средствами ориентации

и «космизации» вселенной. С их помощью всякий раз, когда это было нужно, репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нём человека» [3, с.629-631].

Рассмотрим подробнее, какую интерпретацию получают ФЕ с нумерологическим компонентом во французской и русской языковой картине мира, используя в качестве материала ФЕ, которые отбирались нами методом сплошной выборки из электронной версии словаря «Lagousse», «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В. Н. Телия, «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также «Нового большого французско-русского фразеологического словаря» В.Г. Гака.

Всего было выделено 126 ФЕ с анализируемым компонентом: 65 ФЕ французского языка и 61 ФЕ русского языка. Основываясь на данных словарной выборки, мы провели сопоставительный структурный анализ фразеологизмов с нумерологическим компонентом. В результате выяснилось, что во французском языке доминируют нумерологические компоненты *deux, quatre, trois* – 16 ФЕ, 13 ФЕ, 7 ФЕ соответственно. В русском же языке преобладают фразеологизмы с числительными *два, семь, один*: с данными нумерологическими компонентами было выделено 17 ФЕ, 9 ФЕ и 8 ФЕ соответственно.

Количественные различия ФЕ французского и русского языков находят непосредственное отражение в их качественных характеристиках: семантическая структура этих элементов оказалась наиболее сложной и многообразной.

В ходе анализа семантических особенностей мы учитывали, что в составе фразеологических оборотов нумерологический компонент подвергается некоторым семантическим модификациям. В.П. Жуков называет этот процесс семантической редукцией слова [4]. Это предполагает различные степени семантической маркированности у компонентов фразеологизма. В.П. Жуков выделяет лексическую, семную и символическую маркированность. Лексически маркированные компоненты восходят к полнзначным словам, т.е. полностью сохраняют свое прямое или переносное значение, соотносящееся со значением ФЕ. Семная маркированность предполагает, что только часть исходного значения компонента реализуется в фразеологизме. Символически маркированные компоненты характеризуются более устойчивыми семантическими ассоциациями, имеющими особое культурное значение.

Перейдем непосредственно к сопоставительному анализу и рассмотрим, какие мифологемы находят свое отражение во фразеологических фондах французского и русского языков.

Рассмотрим подробнее, как каждый из нумерологических компонентов интерпретируется во фразеологии. Числительное *ноль, zéro* интересно амбивалентностью своего символического значения. С одной стороны, нумерологический компонент *ноль* несет в себе идею начала, отправной точки. Например, *partir de zéro, reprendre à zero* – *начинать с нуля*. Но с другой стороны, он содержит значение полного отсутствия, выступает символом пустоты, когда все действия человека сводятся к точке «небытия»: *avoir le moral à zéro* (пасть духом); *un (triple) zéro* – *полный ноль*. Такая амбивалентность символа объясняется неоднозначной позицией ноля в математике: ноль могут рассматривать как начало ряда натуральных чисел или, напротив, исключать из этого ряда.

Число *один* во многих мифопоэтических системах выступает символом целостности, единства, поэтому за ним часто закреплены такие образы, как Бог или космос [3]. Этот образ закрепился как во французской, так и в русской картине мира, так как данное число выступает символически маркированным и реализует значение целостности и единения: *в один голос, одним миром мазаны, одна кожа да кости, одного поля*

годы; во французском языке – *ne faire qu'un* (оказаться тем же самым (лицом), одним и тем же).

Также выделяются фразеологизмы, в которых числительное *один* вербализует идею мгновенности, быстроты: *ne faire ni une ni deux* (действовать решительно, долго не раздумывая); *в один присест*, и является семно маркированным, так как частично сохраняет количественное значение.

В русском языке семантическая структура компонент *один, un (une)* предстает более сложной, чем во французском. Для французского языка в значении «малого количества» характерна негативная коннотация: *un à un* (поодиночке, по одному), *toujours pêche qui en prend un* (лучше что-нибудь, чем ничего). В русском же языке прослеживается как негативная коннотация: *один палец не кулак, один в поле не воин*, так и положительная: *один воин тысячу водит*. Количество *один* получает одобрительную оценку в русской фразеологии, где речь идет о сообразительности, ответственности, добросовестности и т.п., во французском языке этот аспект лакунизирован.

Число *два* является наиболее доминирует и во французских ФЕ, и в русских, так как предстает распространенным мифопоэтическим образом. Н.В. Топоров отмечает, что двойка «отсылает к идее взаимодополняющих частей монады (мужской и женской как два значения категории пола; небо и земля, день и ночь как значения, принимаемые пространственно-временной структурой космоса), к теме парности, в частности в таких её аспектах, как чётность, дуальность, двойничество, близнецество» [3, с. 630].

Что касается его отражения в языке, то нумерологический компонент *два, deux* служит для передачи целого ряда значений. В первую очередь, это идея противопоставления, двойственности: *один deux poids et deux mesures* – *иметь двойные стандарты, ça fait deux* (это разные вещи), *действовать на два фронта, палка о двух концах*. Также двойка обладает семантикой сходства, подобия: *comme deux gouttes d'eau* – *как две капли воды; entre deux feux* – *меж двух огней, joindre les deux bouts* (сводить концы с концами). Кроме того, выделяются ФЕ со значением небольшого количества: *être à deux doigts de* – *в двух шагах; en deux temps trois mouvements* – *раз-два и готово*. В каждой из перечисленных семантических групп нумерологический компонент семно маркирован.

Фразеологизмы, в которых нумерологический компонент реализует первичную функцию, т.е. лексически маркирован, объединены семантикой парности: *avoir les deux pieds dans le même sabot* (быть нерасторопным); *brûler la chandelle par les deux bouts* – *жечь свечу с обоих концов*.

Семантические отличия при реализации данного компонента в большинстве своем символически маркированы и отражают национально-культурную специфику. Так, во французском языке представлена группа ФЕ, объединенных значением определенного временного промежутка, а числовой компонент два выступает его ограничением: *entre deux âges* (среднего, неопределенного возраста), *entre deux soleils* (между восходом и заходом солнца; от зари до зари). В данном случае во французской картине мира закрепился концепт, распространенный в различных мифопоэтических системах, где число *два* выступало как символ противопоставления, разделения и связи [3].

В русском языке лексема-число *два* может интерпретироваться как символ потустороннего мира, при этом он имеет негативную коннотацию – *черта с два*. Негативная коннотация числа *два*, его связь с потусторонним миром прослеживается еще в славянской мифологии, где полагали, что Долю божество, персонализирующее судьбу человека, можно увидеть два раза в жизни, а Двоядушкин способен превращаться в животное и приносить вред.

Число *три* имеет особое сакральное значение в ряде культурных традиций и квалифицируется как совершенное число. С одной стороны, это образ совершенства и превосходства. Например, божественные троицы, трехглавые божества, как славянский Триглав, три героя сказки, принцип троичной композиции в искусстве [3]. С другой стороны, ассоциация с божественным началом не помешала Данте «**растронть**» лицо Сатаны, чтобы казнить трёх величайших, по его мнению, преступников в истории человечества (Брута, Кассия и Иуду Искариота), то есть число *три* может быть интерпретировано и в негативном ключе [5].

Неслучайно нумерологический компонент *mpu, trois* фигурирует во многих ФЕ и реализует как первичную, так и вторичную знаковую функцию. Среди символических значений выделяется группа фразеологических сочетаний, объединенных семантикой универсальности и совершенства: *jamais deux sans trois*, значение которого соотносится с фразеологизмом *бог любит троицу*. Эти выражения используются при побуждении повторить какое-либо действие три раза для достижения успеха, положительная коннотация числа *три* берет свое начало в архаичных мифопоэтических концептах. Тем не менее, негативная коннотация данного компонента также находит свое отражение: *tomber dans le troisième dessous* (сталкиваться с неприятностями), *с три короба (наврасть, наговорить)*.

Что касается ФЕ, где числовой элемент лексически маркирован, то здесь прослеживаются существенные отличия в интерпретации во французском языке и в русском. Так, для носителей французского языка число *три* воспринимается как **малое** количество чего-либо: *trois francs six sous* (жалкие гроши); *il n'y avait que trois pelés et un tondu* (там было всего никого, да и те не бог весть какие шишки); *trois fois rien* (полное ничтожество; пустяк, ерунда, чепуха). В русском же языке нумерологические компоненты выражают неопределенно-количественное значение «**много**»: *в три погребели, в три ручья, за три моря, работать за троих, в тридцатом царстве*. Подобное отличие связано с несовпадением языковых стереотипов в русском и французском лингвокультурных пространствах.

Если число *три* отличается динамизмом, то числительное *четыре*, напротив, характеризуется статической целостностью. Четверка связана, прежде всего, со сторонами света, временами года, стихиями.

Нумерологический компонент *четыре, quatre* более продуктивен во французском языке. С одной стороны, во французской традиции он означает *совокупность, целостность, полноту*. Поэтому неслучайно в ФЕ символически представлены направления в пространстве, времена года, стихии, то есть природные явления, которые состоят из четырех элементов, образуя систему. Например, *aller par quatre chemins* (прибегать к уверткам); *на все четыре стороны; aux quatre coins du monde* (повсюду). Стоит отметить, в обоих языках присутствуют ФЕ, связанные с организацией жилого пространства, которое выступает моделью внешнего мира: *entre quatre murs – в четырех стенах*. Данная сема реализуется и в русском языке, но она представлена значительно реже.

Кроме того, нумерологический компонент *четыре* интерпретируется носителями французского языка как превосходная степень чего-либо: *se saigner aux quatre veines* (выбиваться из сил; отдавать последнее), *être tiré à quatre epingles* (одетый с иголки, подтянутый), *faire le diable à quatre* (производить адский шум). Во французской картине мира данное числительное приобретает сакральное значение, что берет свое начало еще в Античной культуре, в частности в пифагорействе, где четверка означала совокупность, целостность, полноту, а также справедливость, совершенство, землю, гармоничную пропорцию [7].

Что касается случаев, где число *четыре* семно маркировано, то оно может интерпретироваться как **малое** количество чего-либо: *ça vaut quatre sous* (гроши, небольшие деньги), *c'est à quatre pas* (поблизости), *quatre à quatre* (наскоро). Однако реализуется и значение **множественности объектов**: *se mettre (se couper) en quatre* (работать не покладая рук, разрываться на части), *avoir la tête en quatre* (чувствовать, что голова раскалывается на куски), *manger comme quatre* (есть за четверых), *dire ses quatre vérités* (высказаться, высказать свое мнение).

Числительное **пять, cinq** редко фигурирует в ФЕ как французского языка, так и русского. В большинстве случаев оно сохраняет связь с реальным количественным значением. При этом можно выделить несколько семантических групп. Так, нумерологический компонент оказывается лексически маркирован при отождествлении с рукой человека. Такое сравнение более популярное во французском языке: *donner cinq et quatre* (отхлестать по лицу), *giroflée à cinq branches* (оплеуха; след от оплеухи), *tape t'en cinq – дать пять*.

Выделяется фразеологизм, в котором числовой элемент означает полноту действия, завершенность: *recevoir cinq sur cinq* (полностью понять информацию). Выражение пришло из сферы телекоммуникаций, где по пятибалльной шкале оценивалось качество связи. В данном случае нумерологический компонент семно маркирован, так как со временем связь с прямым числовым значением потерялась. Кроме того, нумерологический компонент интерпретируется, как дополнение к чему-либо: *la cinquième roue de la charrette – пятое колесо в телеге*; *mouton à cinq pattes* (диковинка; оригинальная личность).

Семантика фразеологических оборотов с числом **шесть, six** не является сложной как в русском, так и во французском языке. Так, во ФЕ *le sixième sens* и ее эквиваленте в русском языке *шестое чувство* доминирует прямое, лексически маркированное значение нумерологического компонента. Речь идет о способности интуитивно воспринимать, угадывать что-либо, которая воспринимается, как дополнительное чувство, помимо основных пяти.

Специфической семантикой обладает число **семь**. По выражению Дж. Миллера, семь – это «магическое число», оно объединяет общую идею вселенной, число сказочных героев, дней недели, планет, константу, определяющую объем человеческой памяти. В ряде традиций с числом *семь* соперничает число *девять*, получаемое трехкратным повторением триады [3].

Нумерологический компонент **семь** – один из наиболее популярных в русской фразеологии. Символически маркированное значение семантики совершенства, высшей степени закреплена за нумерологическим компонентом **семь, sept** как во французской языковой картине мира, так и в русской: *être (ravi) au septième ciel – на седьмом небе от счастья*. Однако если во французском языке данное значение реализуется в большей степени нумерологическим компонентом **четыре**, то в русском языке предпочтение языкового коллектива отдается семерке: *до седьмого пота, семи пядей во лбу*. Возможно, такая интерпретация связана с особым положением семеричной числовой структуры в славянской мифологии (семь богов древнерусского пантеона, древнерусский Семаргл) [7].

Значение множественности объектов также представлено во фразеологическом фонде сопоставляемых языков. Например, *за семью печатями, содрать семь шкур, avoir sept vies bout à bout* (быть жизнеспособным). Семно маркированное значение «далеко» более характерно для русского языка: *семимильные сапоги, семимильными шагами, семь верст до небес, и все лесом*. Во французском языке эта сема реализуется только выражением *les bottes de sept lieues*. Таким образом, данный концепт присутствует во французской картине мира, но не находит своего полного выражения.

Число **восемь, huit** фигурирует во фразеологизмах французского языка с семантической временной отрезка, а именно недели, так как во французской картине мира неделя состоит из восьми дней, то есть все эти выражения лексически маркированы. Например, *d'ici en huit* – через неделю; *donner ses huit jours* – предупредить об увольнении, заявить о своем намерении уволиться с работы; *les cinq huit* – пятидневная рабочая неделя.

С символическим значением числительного **восемь** связано выражение *la huitième merveille du monde* – *восьмое чудо света*. В Античности насчитывалось лишь семь чудес света, это мифологема так прочно закрепилась в культуре и концептуальной картине мира, что всякое новое удивительное достижение называется восьмым чудом света, при этом связь с реальным числом потеряна.

Нумерологический компонент **девять, neuf**, входя в состав ФЕ французского языка, имеет преимущественно лексическую маркировку: *neuf fois sur dix*, почти всегда, очень часто; *maladie de neuf mois* – беременность. Выделяется из этих сочетаний фразеологизм *faire la preuve par neuf*, означающий неоспоримое доказательство рассуждений человека.

Что касается символического значения, то оно проявляется только в русском языке. Речь идет об идиоме *девятый вал*, которая выступает символом непреодолимой силы и основывается на распространенном представлении о том, что девятая волна во время шторма самая сильная и опасная. Такая резко негативная коннотация нумерологического компонента может объясняться тем, что в славянской мифологии нечетные числа считались неблагоприятными и несчастливими [7].

Представим результаты проведенного исследования в виде следующей таблицы:

Нумерологический компонент	Значение во французском языке	Значение в русском языке
zéro – ноль	начало, отправная точка: <i>partir de zéro, reprendre à zero</i> ;	начало, отправная точка: <i>начинать с нуля</i>
	символ пустоты, когда все действия сводятся к точке действия человека «небытия»: <i>avoir le moral à zéro</i> (пасть духом); <i>un (triple) zéro</i>	символ пустоты, когда все действия сводятся к точке «небытия»: – <i>полный (пасть духом); ноль без палочки, ноль внимания, на нуле</i>
un (une) – один	целостность и единение: <i>ne faire qu'un</i> (оказаться тем же самым (лицом), одним и тем же)	единение и целостность: <i>одна кожа да кости, в один голос, одним миром мазаны, одного поля ягоды, все до одного, все как один, один к одному</i>
	быстрота, мгновенность: <i>ne faire ni une ni deux</i> (действовать решительно, долго не раздумывать), <i>un à un (un par un)</i>	быстрота, мгновенность: <i>в один присест, один за другим</i>
	неопределенно-количественное значение «мало» (негативная коннотация): <i>être sans un</i> (быть без гроша), <i>un à un</i> (поодиночке, по одному), <i>toujours pêche qui en prend un</i> (лучше что-нибудь, чем ничего)	неопределенно-количественное значение «мало» (негативная коннотация): <i>один палец не кулак, один в поле не воин</i> неопределенно-количественное значение «мало» (положительная коннотация): <i>один воин тысячу водит</i>

deux – два

противопоставление, противопоставление, двойственность: *avoir deux* двойственность: *действовать poids et deux mesures* (иметь на два фронта, две стороны двойные стандарты), *ça fait* одной медали, меньшее из двух *deux* (это разные вещи), *avoir зол, второе дыхание, палка о deux paroles* (не держать своего двух концах слова), *le baton à deux bouts*

сходство, подобие: *comme deux* сходство, подобие: *два сапога – gouttes d'eau, entre deux feux* пара, как две капли воды

парность: *brûler la chandelle* парность: *жечь свечу с обоих par les deux bouts, faire d'une концов, убить двух зайцев, pierre deux coups, approuver* быть “за” обеими руками *des deux mains, avoir les deux pieds dans le même sabot* (быть нерасторопным)

небольшое количество: *être à* небольшое количество: *в двух deux doigts de; en deux temps шагах, рассказать в двух trois mouvements* словах, раз-два и готово, в два счета, от горшка два вершка

trois – три

универсальность, системность универсальность, системность (положительная коннотация): (положительная коннотация): *jamais deux sans trois* бог любит троицу

малое количество чего-либо: неопределенно-количественное *trois francs six sous* (жалкие значение «много»: *в три гроши*); *il n'y avait que trois погибели, в три ручья, за три pelés et un tondu* (там было моря, работать за троих, в всего никого, да и те не бог *тридцать девятом царстве* весть какие шишки), *trois fois rien* (полное ничтожество; пустяк, ерунда, чепуха), *haut comme trois pommes* (от горшка два вершка), *il y a d'ici-là trois enjambés* (в двух шагах отсюда)

quatre – четыре

системность, целостность: *aller* системность, целостность: *на par quatre chemins* (прибегать все четыре стороны, в четырех к уверткам), *aux quatre coins стенах du monde* (повсюду), *les quatre horizons* (четыре стороны света), *aux quatre murs*

превосходная степень: *se saigner aux quatre veines* (выбиваться из сил; отдавать последнее), *être tiré à quatre epingles* (одетый с иголочки, подтянутый)

	малое количество чего-либо: <i>ça vaut quatre sous</i> (гроши, небольшие деньги), <i>c'est à quatre pas</i> (поблизости), <i>quatre à quatre</i> (наскоро)	
quatre – четыре	неопределенно-количественное значение «много»: <i>se mettre (se couper) en quatre</i> (работать не покладая рук, разрываться на части), <i>avoir la tête en quatre</i> (чувствовать, что голова раскалывается на куски), <i>manger comme quatre</i> (есть за четверых), <i>dire ses quatre vérités</i> (высказаться, высказать свое мнение)	
cinq – пять	реальное количество: <i>donner cinq et quatre</i> (отхлестать по лицу), <i>giroflée à cinq branches</i> (оплеуха; след от оплеухи), <i>tape m'en cinq</i>	реальное количество: <i>дать пять</i>
	дополнение к чему-либо: <i>la cinquième roue de la charrette; mouton à cinq pattes</i> (диковинка; оригинальная личность)	дополнение к чему-либо: <i>пятое колесо в телеге;</i>
	завершенность, полнота: <i>recevoir cinq sur cinq, c'était moins cinq</i>	
six – шесть	количество: <i>le sixième sens</i>	количество: <i>шестое чувство</i>
sept – семь	совершенство: <i>être (ravi) au septième ciel</i>	совершенство: <i>на седьмом небе (от счастья), до седьмого пота, семи пядей во лбу</i>
	неопределенно-количественное значение «много»: <i>avoir sept vies bout à bout</i> (быть печатями, быть жизнеспособным)	неопределенно-количественное значение «много»: <i>за семью шкурами</i>
sept – семь	далеко: <i>les bottes de sept lieues</i>	далеко: <i>семимильные сапоги, семимильными шагами, семь верст до небес, и все лесом</i>
huit – восемь	необычность, достижение: <i>la huitième merveille du monde</i>	необычность, достижение: <i>восьмое чудо света</i>

временной отрезок, неделя: *d'ici en huit* (через неделю); *donner ses huit jours* (предупредить об увольнении, заявить о своем намерении уволиться с работы); *les cinq huit* (пятидневная рабочая неделя)

neuf – десять

количество: *neuf fois sur dix, maladie de neuf mois* (беременность), *faire la preuve par neuf* (неоспоримое доказательство)

Как видим, в основе символических значений ФЕ лежат два принципа: с одной стороны, универсальный мифопоэтический образ, с другой – национально специфический. Семно маркированные компоненты, в целом, основаны на схожих образах, однако различаются своими коннотациями. Что касается лексически маркированных чисел, то фразеологизмы, в состав которых они входят, построены на ассоциациях. Эти ассоциации, в свою очередь, основаны на реалиях, отличающихся в разных лингвокультурных пространствах.

На основе того, как интерпретируются числа во фразеологических фондах французского и русского языков, можно сделать вывод, что ФЕ с нумерологическим компонентом играют особую роль как во французской, так и в русской языковой картине мира. Они отражают специфику культуры французского и русского народа, несут отпечаток истории, традиций, обычаев, а также языковых особенностей определенной лингвокультуры. В этом, как правило, кроется объяснение их сходств и различий.

Литература

1. Попова, З. Д. Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Берлин, М.: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Топоров М. Н. Числа // Мифы народов мира : Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С.629-631.
4. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: 1986. 310 с.
- Нумерология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2673507> (дата обращения: 13.01.21).
5. Brach J.-P. La symbolique des nombres. Paris : P.U.F., 1994. 127 pp.
6. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С.450-456.

Список словарей

- 1**. Электронная версия словаря «Larousse»: <https://www.larousse.fr>
- 2**. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Под ред. В.Н. Телия. М., 2006. 784 с.
- 3**. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

4**. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В. Г. Гака. М. Медиа, 2005. 1625 с.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMEROLOGICAL COMPONENT AS A REFLECTION OF THE LINGUISTIC WORLDIMAGE NATIONAL IDENTITY

Kseniia A. Dikareva
Voronezh State University

Abstract. This article aims to identify the place of phraseological units with numbers in the French and Russian linguistic worldimages. A comparative analysis of the structural and semantic features of French and Russian phraseological units with numerals from zero to nine gives an outlook on similarities and differences of the cultural connotation of numbers.

Key words: phraseological units; numerological component; linguistic worldimages; comparative analysis; semantics of phraseological units; French language; Russian language

Дикарева Ксения Андреевна,
студентка 4 курса факультета романо-германской филологии
Воронежский государственный университет, Россия
тел: +7 (920) 213 4566
e-mail: xeniadikareva@gmail.com

Kseniia A. Dikareva
4th year student
Voronezh State University, Russia
mobile: +7 (920) 213 4566
e-mail: xeniadikareva@gmail.com

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЯ КИНОТЕКСТА

Жакова Т.Е.
Фролова Е.Д.
Смоленский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода названия кинотекста с учетом его основных функций (информативной, эстетической, рекламной). Акцентируется внимание на доминировании в настоящий период времени именно рекламной функции при принятии переводческого решения, что приводит к использованию «коммерческой адаптации». Изучается также изменения в подходах к переводу кинотекста в целом. В российской научной традиции его рассматривали с позиций художественного перевода, считая его элементом письменной речи, что отрицательно сказывалось на качестве перевода. Ситуация изменилась с появлением модели перевода «скопос», предложенной К. Райс и Г.Фермеером в 1980-х годах, которая позволила выбирать подход к переводу кинотекста, стратегии, способы, методики его выполнения в зависимости от цели, а, следовательно, от целевой аудитории и пожеланий заказчика. Учитывается также тот факт, что кинотекст стали рассматривать как вид креолизованного текста, синтезирующего вербальные и невербальные средства выражения и передачи информации и включающего аудиоряд и видеоряд. Все вышеуказанные аспекты влияют на выбор стратегии перевода. Проблема исследуется на материале названий фильмов Marvel. Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода еще раз подтверждает укрепившуюся в последнее время тенденцию.

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, креолизованный текст, кино-текст, название кинотекста, модель «скопос», стратегия перевода, фильмы вселенной Marvel

В отечественной научной традиции перевод кинотекста долгое время рассматривали с позиций художественного перевода и считался элементом письменной речи. Затем появились рекомендации использовать также принципы устного, в частности синхронного, перевода, что все равно не решало проблему разработки адекватной стратегии перевода кинотекста.

Ситуация изменилась с появлением модели перевода «скопос», предложенной К. Райс и Г. Фермеером в 1980-х годах. Применительно к переводу кинотекста эта теория позволила выбрать подход к переводу, стратегии, способы, методики его выполнения в зависимости от цели перевода, характера реципиента и пожеланий заказчика, а также оправдывала изменения в тексте перевода под воздействием экстралингвистической ситуации и культуры языка перевода. Использование такой концепции, несомненно, отрицательно сказывается на формальной эквивалентности, а адекватность текста перевода считается высокой, если поставленная цель (= скопос) достигнута.

Кинотекст стали рассматривать как вид креолизованного текста, который синтезирует вербальные и невербальные средства выражения и передачи информации и включает также аудиоряд и видеоряд.

В последнее время некоторые специалисты рассматривают перевод кинотекста как вид аудиовизуального перевода (АВП), что принципиально изменяет актуальные для него подходы и стратегии. Согласно А.В. Козуляеву, выделение АВП в отдельную дисциплину обосновано тем, что он «является «ограниченным» переводом из-за отсутствия внешних ограничений; аудиовизуальные произведения полисемантичны; аудиовизуальный перевод требует знания различных стратегий семантического анализа и семантического синтеза информации, поступающей по параллельным каналам восприятия» [1, с.15-16].

Под термином «кино/видео перевод» обычно подразумевают перевод художественных игровых и анимационных фильмов, а также сериалов. Аудиовизуальный перевод охватывает «перевод художественных игровых и документальных, анимационных фильмов, идущих в прокате и транслируемых в телерадиовещательных сетях или в интернете, а также сериалов, телевизионных новостных выпусков (в том числе с сурдопереводом и бегущей строкой), театральных постановок, радиоспектаклей (в записи и в прямом эфире), актерской декламации, рекламных роликов, компьютерных игр и все разнообразие Интернет материалов» [2].

Реципиент аудиовизуального произведения получает информацию из различных каналов и обрабатывает ее на различных уровнях декодирования, является одновременно зрителем, слушателем и читателем. Аудиовизуальный переводчик работает с 4 параллельными потоками данных: визуальный невербальный ряд, невербальный аудиоряд (шумомызыкальный), вербальный аудиоряд (диалоги героев), вербальный видеоряд (надписи на экране, субтитры) [там же].

Однако при переводе названия кинотекста помимо принципов аудиовизуального перевода и специфики кинотекста следует учитывать и его функцию, а также требования, предъявляемые к этому элементу. Так, название должно быть информативным (передавать информацию о содержании кинокартины), а также привлекать внимание как лексически, так и графически. Следовательно, основными функциями названия кинотекста можно считать номинативную, информативную, эстетическую и рекламную.

Необходимо отметить, что в последнее время на доминирующие позиции постепенно выходит рекламная функция в сочетании с информативной, поскольку киноиндустрия ориентирована на кассовые сборы, которые стали не только критерием оценки рентабельности кинопродукции, но и признаком успешности и популярности кинофильма. Таким образом, кинокомпании видят своей задачей привлечение максимального количества зрителей и стремятся достичь этого различными путями, в том числе превращая название кинофильма в своего рода «рекламный слоган».

При переводе кинотекста в таком случае отмечается расхождение между его оригинальным названием и тем, под которым он выходит на ПЯ. Причиной этому являются особенности культуры и быта носителей разных языков. Некоторые исследователи (в частности, Н.В. Бочарникова) называют такой прием дезориентирующим переводом и коммерческой адаптацией, которые выполняются с целью повышения аттрактивности кинопродукции [3, с.32-38].

Ярким примером такому подходу служит название кинокартины Брэда Силберлинга «10 шагов к успеху» («10 Items or Less», 2006), которое, с одной стороны, выполняет номинативную функцию, так как называет данный конкретный фильм, а с другой стороны – информативную и рекламную функции. Для русскоязычного зрителя такое название дает некоторую информацию о содержании фильма и говорит о том, что он представляет собой инструкцию по достижению успеха. В этом проявляется его информативная функция. Люди хотят быть успешными и хотят узнать, как достичь успеха, следовательно, такое наименование определенно привлекает и, поэтому, выполняет рекламную функцию.

Интересным представляется анализ названий фильмов-комиксов вселенной Marvel, которые стали невероятно популярными из-за разнообразных захватывающих сюжетов. Компания Marvel приобрела мировую популярность после экранизации франшиз Человек-паук и Люди икс в 2000-е гг. Однако в поледствии, после нескольких удачных картин («Железный человек», «Тор»), ее популярность стала угасать. Для того, чтобы предотвратить этот процесс, был снят приключенческий боевик «Мстители», в котором герои разных франшиз объединились: каждая часть «Мстителей» собирала в кинотеатрах фанатов и Железного Человека, и Капитана Америки.

Название фильма Captain America «The Winter Soldier» (2014) переведено на русский язык как «Первый мститель: другая война», что не соответствует оригиналу. Этот вариант использован переводчиком по предложению самой компании Paramount. По мнению ее представителей, в странах СНГ и Азии использование варианта, близкого к исходному «Captain America» (букв. «Капитан Америка»), не способствовало бы высоким рейтингам фильма. Очевидно, переводчик сделал акцент на смысловом наполнении содержательного аспекта и руководствовался им при создании названия для российского проката.

Однако в англоязычной версии названия упоминается Зимний Солдат (Winter Soldier) – главный антигерой фильма, что никак не отражено в его переводе на русский язык. На наш взгляд, более адекватным вариантом можно считать вариант «Первый мститель: миссия Зимнего солдата», что ближе к оригинальному названию и не содержит каких-либо единиц, которые могли бы оказать негативное воздействие на рейтинг фильма.

Названия фильмов «Guardians of the Galaxy Vol. 1» (2014) and «Guardians of the Galaxy Vol. 2» (2017) переведены как «Стражи галактики. Часть 1» и «Стражи галактики. Часть 2». Переводчик заменил английское слово «volume» на русское «часть», что,

по нашему мнению, разрушает связь названия и сюжета, так как заголовок фильма во многом влияет на понимание заложенной в киноленту информации. Один из главных героев слушает кассетный плеер, на кассете есть пометка «Vol.» (volume), используемая для обозначения ее стороны. Таким образом, название первой части фильма ассоциируется у англоговорящего зрителя с прослушиванием одной из сторон кассеты, что является экстралингвистической информацией, не переданной в переводе. То же самое происходит с заголовком и второй части фильма.

Персонаж по имени Groot получил свое имя из голландского языка, и в переводе оно означает «большой», что, вероятно, связано с его способностью разрастаться. «I am Groot» – «Я есть Грут» – единственная фраза, с помощью которой герой мог изъясняться. В российском прокате имя главного героя было транскрибировано – Грут. Это короткий и легко запоминающийся вариант перевода, который производит на зрителя нужный коммуникативный эффект. Грут погибает в первой части фильма, и вместо него в команде появляется его потомок, Baby Groot. Создатели и переводчики отразили это в списке имен героев, назвав его Малышом Грутом, однако в самом кинотексте (ни в оригинальном, ни в русском) это не отражено.

Название фильма «Captain America: Civil War» (2016) переведено «Первый мститель: противостояние». Главные герои картины разделились на две враждующие группы: произошел раскол, напоминающий гражданскую войну внутри государства. Однако вторая часть названия картины «Captain America: Civil War» была адаптирована, в результате чего появляется более нейтральное название «Первый мститель: противостояние», что хорошо передает заложенный в исходный вариант смысл. Вероятно, «гражданская война» больше ассоциируется у российского зрителя с военной тематикой, чем с фильмами о супергероях, и не производит нужного коммуникативного эффекта.

Преобразования произошли и при переводе имен персонажей. В русской версии фильма героя Соколиный глаз (Hawkeye) легко можно спутать с другим персонажем с «птичьим» именем – Соколом (Falcon). Возможно, следовало бы заменить имя Соколиный глаз на Зоркий глаз, воспользовавшись частичным калькированием и модуляцией, что помогло бы решить проблему.

Имя героя Кроссбоунс является одним из ярких примеров того, как использование транскрипции при переводе наносит ущерб смыслу. В языке оригинала Crossbones, вероятно, соотносится со знаком перекрещенных костей на его костюме – «crossed bones». В русском переводе можно было, например, использовать вариант Костолом, который сохраняет корневую морфему оригинала «кость», а также указывает на род занятий героя – убийца.

При переводе названия Doctor Strange (2016) – Доктор Стрендж – использована транскрипция, несмотря на то, что фамилия является «говорящей» («Strange» буквально означает «чудной», «удивительный», «странный»). Поклонники вселенной Marvel не нуждаются в переводе имен любимых героев, ведь читают комиксы в оригинале. Мы полагаем, что использование транскрипции в данном случае уместнее, поскольку Доктор Удивительный или Доктор Чудной хоть и могли бы отразить его необыкновенные способности, но подобная трансформация имеет мало общего с фамилией, так как не содержит аффиксов, характерных для фамилии.

Рассмотрим перевод названия фильма «Thor: The Dark World» (2013) – Тор 2: Царство тьмы. В первой части использована транскрипция, но переводчик полностью меняет вторую часть, стоящую после двоеточия. Прилагательное «dark» (букв. «тёмный, мрачный») в названии становится существительным «тьма» (происходит частеречная

замена). При этом все словосочетание «the dark world» (букв. «тёмный мир»), приобретает значение «царство тьмы». Возможно, автор перевода внес изменения, чтобы добавить элемент «сказочности», «мифичности», ведь этот фильм о скандинавских богах. Недостатком, на наш взгляд, является использование в русском варианте указателя на то, что это второй фильм о Торе (Тор 2).

В названии «Thor: Ragnarok» (2017) – «Тор: Рагнарек» (Рагнарёк, или Рагнарок, в скандинавской мифологии – гибель богов и людей в сражении богов с чудовищами) переводчик не использует адаптацию и переводит скандинавскую реалию с помощью транскрипции, тем самым соотнося сюжет фильма со сказанием о древнем языческом боге. Необычное название киноленты является коммерчески привлекательным. Другие скандинавские имена героев киноленты Один (Odin), Хела (Hela), Фандрал (Fandral) и Скурдж (Skurge) были переведены транскрипцией, что сохраняет основной смысл – приближенность к древней европейской мифологии.

Название киноленты «Avengers: Endgame» (2019) – «Мстители: Финал» имеет два значения. С одной стороны, можно рассматривать понятие «endgame» как «завершающую стадию войны», так как в сюжете есть сражение между добром и злом. Однако существует и значение «эндшпиль», которое применяется в шахматах или шашках для обозначения заключительной части партии, что также можно соотносить с сюжетом, сравнив битву Мстителей и Таноса, главного злодея, со сложной и долгой шахматной партией. Данный фильм – финальная часть повествования о Мстителях, следовательно, появляется третий вариант значения «endgame» – последний фильм. В данном случае при переводе названия киноленты с помощью генерализации появляется довольно обобщенное, но вполне удачное понятие «финал», которое объединило все три указанных значения «endgame».

Проанализировав таким образом перевод названий нескольких кинотекстов, мы пришли к заключению, что в большинстве случаев при переводе проводилась адаптация названия с целью усиления аттрактивности кинофильма, и, следовательно, на первый план, в стратегиях перевода названий кинотекстов выходит реализация рекламной и информативной функции заголовков.

Литература

1. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3(13) С.3-24.
2. Богданов Е.В. К вопросу о специфике аудиовизуального перевода в России и Финляндии [Электронный ресурс] // Факультет прибалтийско-финской филологии и культуры/ URL: http://old.petsu.ru/Faculties/Balfin/EVBogdanov_2011.html (дата обращения: 17.02.2017)
3. Бочарникова Н.В. Деориентирующий перевод названий кинотекстов как явление коммерческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №25 (240).Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 32-38.

TRANSLATION OF FILM TITLES

Tatiana E. Zhakova
Ekaterina D. Frolova
Smolensk State University

Abstract. The paper dwells on the problem of film text name translation depending on its key functions (informative, aesthetic, advertising or promotional). It claims that the advertising function has become a dominating one, which often leads to 'commercial adaptation'. The article also discusses changes in the general approach to translation of films. It analyses the Russian translation research traditions and states that in the past a literary fiction approach was the most suitable one. Under these circumstances a film text was treated as a phenomenon of written speech which resulted in lower adequacy of translation. The things changed with the spread of the Skopos theory suggested by H.J. Vermeer and K. Reiss in 1980-s. According to it, the choice of film text translation techniques and translation strategies depends on the aim, potential recipients and customer expectations. The film text is viewed as a kind of creolized text that synthesizes verbal and non-verbal means of rendering information and includes audio sequences as well as visuals. These factors influence the choice of strategies in translation. Besides, the paper provides examples of Marvel Cinematic Universe films translations to illustrate how contemporary approaches work in translation.

Key words: translation, audio-visual translation, creolized text, film text, film text name, Skopos theory, strategy of translation, Marvel Cinematic Universe films

Жакова Татьяна Евгеньевна,

доцент кафедры английского языка и переводоведения,

Смоленский государственный университет

тел.: +7 (910) 766 1117

e-mail: emgote@mail.ru

Фролова Екатерина Дмитриевна,

студентка 4-го курса филологического факультета

Смоленский государственный университет

тел.: +7 (920) 332 7511

e-mail: ketfrolov67@gmail.com

Tatiana E. Zhakova

Associate Professor of the English Language and Translation Chair

Smolensk State University

mobile: +7 (910) 766 1117

e-mail: emgote@mail.ru

Ekaterina D. Frolova

Student, Year 4, Philology Department

Smolensk State University

mobile: +7 (920) 332 7511

e-mail: ketfrolov67@gmail.com

УДК 811.111:159.942.5

ЭМОНИМЫ *PASSION* И *СТРАСТЬ* КАК ВМЕСТИЛИЩЕ В АНГЛО-И РУССКОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ

Задобри́вская О.Ф.

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (Приднестровье)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению эмоций как «Вместилище» в вариантах английского языка. Рассматриваются эмонимы *passion* и его русские эквиваленты на предмет категоризации по образу и подобию вместилища. Исследовательская база – собрание корпусов Марка Дэвиса: Corpus of Contemporary American English (COCA); Corpus of Global Web-Based English (GloWbE); NOW Corpus; iWeb:

The intelligent Web-based Corpus; The TV Corpus; The Movie Corpus, а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – Параллельный корпус (английский). Автор приводит данные качественного и количественного анализа вхождения исследуемых лексических единиц в криптокласс «Res Continenс», выявляет особенности языковой категоризации эмоции в различных национальных вариантах английского языка. Количественный анализ проводился по двум параметрам – индексу разнообразия сочетаемости слова (ИРа) и показателю активности имени в криптоклассе (ПА), вычисленным по формулам, предложенным в методологии выявления криптокласса О.О. Борискиной. Было проведено криптоклассное сопоставление эмонима *passion* и его эквивалентов в русском языке. В статье предлагаются результаты работы с корпусами: контексты со словом *passion*, в которых актуализируется вместилище через данный эмоним, и переводом этих словоупотреблений, а также их восприятие в рамках криптоклассного анализа. Наряду с этим также представлена общность чувственных и эмоциональных переживаний в разных лингвокультурах и коммуникативная востребованность образа вместилища через отдельные эмоции.

Ключевые слова: эмоним, вместилище, *passion*, русские эквиваленты, криптокласс, Res Continenс, категоризация, варианты языка, индекс разнообразия сочетаемости слова, показатель активности имени в криптоклассе

Настоящее исследование проводится в рамках криптоклассного анализа. Материалом являются корпуса, собранные М. Дэвисом: COCA (<https://www.english-corpora.org/coca/>), GloWbE (<http://corpus.byu.edu/glowbe>), NOW (<http://corpus.byu.edu/now>), iWeb (<https://corpus.byu.edu/iweb>), The TV Corpus (<https://www.english-corpora.org/tv/>), The Movie Corpus (<https://www.english-corpora.org/movies/>), а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>) – Параллельный корпус (английский) (<http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>).

В фокусе настоящей статьи находится эмоним *passion* и его эквиваленты в русском языке. Мы изучили базовые (первичные) эмоции, которые были предложены различными исследователями (К. Изардом [1], П. Экманом [2], [3] и некоторыми другими). Так, мы обнаружили, что в работе Л.В. Куликова [4] *passion (страсть)* наряду со следующими эмоциями *joy (радость)*, *anger (гнев)*, *fear (страх)*, *anxiety (тревога)*, *vivacity (бодрость)*, *sadness (печаль)*, *guilt (вина)*, *shame (стыд)*, *bewilderment (растерянность)* принадлежит к базовым.

Однако в других исследованиях было обнаружено, что *passion* принадлежит к третичным эмоциям. П. Шейвер, Дж. Шварц, Д. Кирсон и К. О’Коннор занимались изучением базовых (первичных) эмоций. В своих работах они предлагали деление эмоций на три категории: первичные, вторичные и третичные, которые представлены в таблице 1. Мы видим, что **passion** является третичной, восходит к вторичной эмоции **lust**, а та в свою очередь – к первичной **love** [5].

Таблица 1. Эмоция *passion* (страсть) по П. Шейверу

Первичная (базовая) эмоция	Вторичная эмоция	Третичная эмоция
Love (любовь)	Affection (привязанность)	Adoration (поклонение), affection (привязанность), love (любовь), fondness (пристрастие), liking (симпатия), attraction (очарование), caring (внимательность), tenderness (нежность), compassion (сопереживание), sentimentality (сентиментальность)

	Lust (вожделение)	Arousal (возбуждение), desire (желание), lust (вожделение), passion (страсть), infatuation (безрассудная страсть)
	Longing (страстное желание)	Longing (страстное желание)

Криптоклассный анализ [6] сочетаемости исследуемого непредметного имени показал, что эмоционально-чувственное переживание – страсть (*passion*) – категоризуется по образу и подобию вместилища в английском пространстве. Для применения количественного анализа использовались два понятия – ИРа и ПА [7]. Значение ИРа всегда находится в следующих пределах – $0 < IPa < 1$: благодаря ему мы можем увидеть отношение количества классификаторов, с которыми зафиксировано непредметное имя (по корпусным данным), к общему количеству классификаторов именного криптокласса. Вычислить его можно по формуле 1:

$$Q^{\wedge} = Q_i / M \quad (\text{Формула 1})$$

Понятие ПА вычисляется по формуле 2:

$$S_i = \sum_{j=1}^M c_{ij} \quad (\text{Формула 2})$$

Благодаря данному параметру мы сможем определить, какова частота замещения эмонимом *passion* заданной позиции при всех исследуемых классификаторах.

Итак, определив базовую эмоцию, а также инструментарий, который поможет провести нам расчеты, мы собрали свой корпус, необходимый для исследования. Данный корпус состоит из контекстов, в которых было зафиксировано словоупотребление эмонима *passion*. Контексты были извлечены из всех указанных выше англоязычных корпусов, однако преимущество было отдано корпусам NOW и GloWbE, так как в них мы могли проследить употребляемость в различных (20) вариантах языка. В остальных корпусах эта вариативность представлена не так широко, поэтому они использовались с целью проверки сочетаемости непредметного имени в определенных случаях (с некоторыми классификаторами). Данные, полученные в результате исследования, представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Результаты количественного анализа эмонима *passion*

Эмоним	Количество классификаторов	ИРа	Количество примеров	ПА
Passion	8	0,57	324	0,007

Чаще всего *passion* (*страсть*) категоризуется по аналогии с вместилищем при помощи локативных классифицирующих конструкций [*VO/V in/into a container*] – помещение предмета во вместилище – и [*SV_{exist} in/inside a container*] – нахождение предмета во вместилище. С первым классификатором было зафиксировано 93 словоупотребления, а со вторым – 84. При этом глагольный локативный классификатор, диагностирующий ‘помещение предмета во вместилище’, проявляется в большинстве южноафриканских контекстов, а классификатор, диагностирующий ‘нахождение предмета внутри

вместилища', практически равномерно распределен между британским, американским, индийским и канадским вариантами языка. Как правило, нечто неодушевленное находится в страсти-вместилище, в него можно что-то поместить, или из него можно что-то изъять. В страстное увлечение определенной деятельностью во многих примерах, как правило, помещается сам человек: в примере 1 человек помещается в страсть к защите окружающей среды, а в примере 2 девушка закрыта в своих эмоциях – она находится в некоем вместилище. Наряду с этим, в страсти-вместилище можно что-то найти: силу для достижения успехов (пример 3), или в нем может находиться целое поколение (пример 4). В страсти может находиться и абстрактная сущность (пример 5).

1) *Meanwhile, he has been **putting himself into his passion** of conserving the environment (ZA).*

2) *As the marriage faltered, she **put herself into her new passion** (IE).*

3) *We believe we are competing to win, our strength **lies in our passion** for high standards and determination to become a world class enterprise (NG).*

4) *The experts said that young generation **is in full passion** and intends to explore their talent in different walks of life (PK).*

5) ***There is a common denominator in the passion**, the self-expression, personal freedom and about living life your way (CA).*

Вполне явно категоризация эмонима *passion* проявляется и через атрибутивный классификатор [*a full container*] (42 словоупотребления) преимущественно в индийском варианте (пример 6) и глагольный локативный классификатор, диагностирующий 'изъятие предмета из вместилища' [*VO/V out of a container*] (39 словоупотреблений). Большая часть примеров с последней классифицирующей конструкцией зафиксирована в американском и британском вариантах английского языка. Страстное увлечение других людей помогает что-то понять, чем-то вдохновиться, т.е. изъять из вместилища чье-то вдохновение и энтузиазм (пример 7), или какие-то очевидные выводы из чьих-то слов либо действий (пример 8).

6) *She pulled off the song with great aplomb with full conviction and **full passion**, even without knowing much about the desi lyrics (IN).*

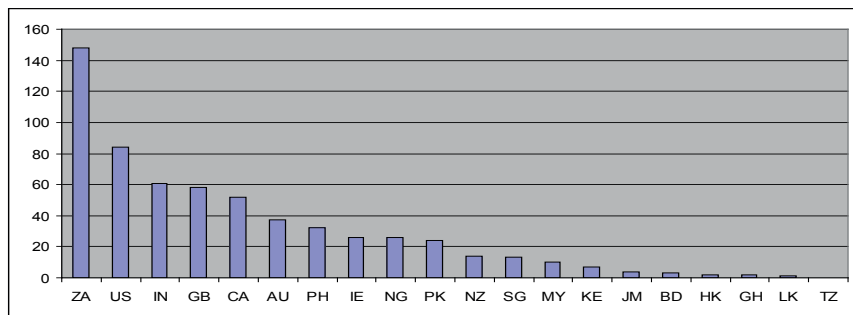
7) *So the players take their inspiration and enthusiasm out of his passion (US).*

8) *Psychologists could **take a very obvious conclusion out of his passion** for cutting down trees (GB).*

Достаточно редко страсть (*passion*) может категоризоваться по аналогии с заполненным чем-то вместилищем (1 словоупотребление), пустым (1 словоупотребление) и глубоким вместилищем (4 словоупотребления), или вместилищем, которое может заполнять некая субстанция (3 словоупотребления).

Если говорить о распределении всех извлеченных из корпуса примеров, то, очевидно, что не только глагольный локативный классификатор, диагностирующий 'помещение предмета о вместилище', проявляется в большинстве южноафриканских контекстов, но и другие классификаторы достаточно часто встречаются в них. На Рисунке 1 представлено количественное распределение словоупотреблений в абсолютных величинах.

Рисунок 1. Количественное распределение словоупотреблений энонима *passion* по идиомам в классифицирующих конструкциях криптокласса «Res Continenс»

<i>ZA</i>	южноафриканский	<i>NZ</i>	новозеландский
<i>US</i>	американский	<i>SG</i>	сингапурский
<i>IN</i>	индийский	<i>MY</i>	малайзийский
<i>GB</i>	британский	<i>KE</i>	кенийский
<i>CA</i>	канадский	<i>JM</i>	ямайский
<i>AU</i>	австралийский	<i>BD</i>	бангладешский
<i>PH</i>	филиппинский	<i>HK</i>	гонконгский
<i>IE</i>	ирландский	<i>GH</i>	ганский
<i>NG</i>	нигерийский	<i>LK</i>	шриланкийский
<i>PK</i>	пакистанский	<i>TZ</i>	танзанийский

На Рисунке представлено количественное словоупотребление энонима *passion* в порядке убывания. Как видно, наибольшая коммуникативная востребованность отмечается в южноафриканском и американском вариантах английского языка. В некоторых вариантах были зафиксированы окказиональные случаи употребления *passion* в классифицирующих конструкциях криптокласса английского языка «Res Continenс». Речь идет о следующих ареалах: азиатском (в бангладешском, гонконгском, шриланкийском вариантах языка), африканском (в ганском варианте языка) и карибском (в ямайском варианте языка). В одном из вариантов африканского ареала – танзанийском – не было зафиксировано ни одного словоупотребления.

Вторым этапом нашего исследования было создание исследовательского корпуса, состоящего из примеров, в которых употреблялось слово *passion*, и их русскоязычных вариантов. Контексты были извлечены из Параллельного корпуса (англо-русского) НКРЯ. Всего было зафиксировано более 1500 вхождений, релевантными для нас являются – 46. Данные лексические единицы встречаются только с глагольными локативными классификаторами, а именно: [*SV_{exist} in/inside a container*], [*VO/V in/into a container*]. Следует отметить, что в английском языке именно с этими классификаторами отмечается большее количество словоупотреблений. Согласно корпусным данным страсть выступает таким вместилищем, в котором может что-то находиться либо в которое можно что-то поместить (примеры 9–12):

9) *In another moment I was in a passion of fear and running with great leaping strides down the slope.* – **Ужас овладел** мною, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону.

10) *Tom Smart, in the energy of his compassion, had put his arm round the widow's waist; and the widow, in a passion of grief, had clasped Tom's hand.* – В порыве сострадания он обвил рукою стан вдовы, а вдова, вне себя от **горя**, сжала ему руку.

11) *The players all played at once, without waiting for turns, quarreling all the while, and fighting for the hedgehogs; and in a very short time the Queen was in a furious passion, and went stamping about, and shouting "Off with his head! "or" Off with her head!" about once in a minute. – Игроки били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и все время ссорились и дрались из-за ежей; в скором времени Королева пришла в бешенство, топала ногами и то и дело кричала: – Отрубить ей голову! Голову ему долой!*

12) *We searched the house, above and below, and the yard and stables; they were invisible: and, at last, Hindley being in a passion told us to bolt the doors, and swore nobody should let them in that night. – Мы обыскали весь дом сверху до низу, и двор, и конюшни: их нигде не оказалось, и наконец Хиндли, озлившись, велел нам запереть дверь и строго-настрого запретил пускать их до утра.*

В данных примерах лексическая единица *passion* переводится различными способами: в примерах 9–10, употребляясь с другими эмонимами (*fear* и *grief*), она принимает перевод тех слов, с которыми сочетается, – *ужас* и *горе* соответственно. В примере 11 – это бешенство, а в примере 12 – другая часть речи – деепричастие *озлившись*.

Мы проанализировали извлеченные контексты, составили список лексических единиц, которые употреблялись для перевода эмонима *passion*, и сделали запросы с русскими эквивалентами. Задача состояла в том, чтобы выявить, какие английские эквиваленты предлагаются для данных единиц. В большинстве случаев для перевода использовалось именно слово *passion*. В учет принимались только те контексты, в которых *страсть* (*passion*) категоризовалась по аналогии с вместилищем. Рассмотрим некоторые примеры. Так, в примере 13 обнаруживается наиболее распространенная лексема – страсть. В примере 14 английское слово *passion* предлагается в качестве перевода единицы *горячность*, а в примере 15 слово с несколько отрицательным значением – *гнев* – переводится как *passion*. Данная находка была зарегистрирована и при англо-русском запросе.

13) *Было что-то диковинное в этой связке, в этой страсти к ключам, к их резным бородкам, в стремлении держать все ключи вместе; тут был какой-то намек, какой-то ключ уже к самой старухе; она приглашающе повела рукой – проходи – и тут же закрыла за мной дверь, сделала это незаметно, но сразу возникло неотвязное ощущение: дверь заперта. – There was something bizarre in that key ring, in that passion for keys, for their grooves and teeth, in the desire to keep all the keys together; there was a hint here, a key to the woman herself; she made an inviting gesture – come in – and immediately shut the door behind me. I had not noticed but I immediately felt it: the door was locked.*

14) *Нехлюдов не видал ее после того разговора, в котором она извинялась за свою горячность, и он теперь ожидал ее найти такую же, как тогда. – Nekhludoff had not seen her since the day when she begged forgiveness for having been in a passion, and he expected to find her the same as she was then.*

15) *Слышишь? Не введи меня в гнев. Да и другого того, дурака-приживальщика с ним отправить. – D'you hear? Don't put me into a passion. And the other too... the fool that lives with him – to be sent off too.*

Мы проанализировали все словоупотребления с эмонимом *passion* и его русскими эквивалентами и выявили, что английская лексическая единица может быть переведена различными частями речи – зафиксированные данные приведены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты количественного анализа русских эквивалентов эмонима *sympathy*

Части речи	Русский эквивалент	Количество классификаторов	ИРа	Количество примеров
Имя существительное	страсть	2	1	12
	пристрастие	2	1	3
	жажда	2	1	2
	горячность	2	1	2
	исступление	1	0,5	1
	бешенство	1	0,5	1
	ужас	1	0,5	1
	гнев	2	1	4
	горе	1	0,5	1
	мука	1	0,5	1
Имя прилагательное	страшный	1	0,5	1
Наречие	страстно	2	1	5
	яростно	1	0,5	4
Глагол	рассердиться	1	0,5	2
	прогневаться	2	1	3
	быть влюбленным	1	0,5	2
Деепричастие	озлившись	1	0,5	1

Интересно было проследить, какие синонимы предлагают словарные статьи. Так, в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений под редакцией Н. Абрамова были обнаружены 2 лексические единицы – *горячность* и *любовь*. Полный словарь синонимов дает более расширенный список: *эмоция, чувство, ужас, увлечение, тяготение, тяга, трепет, темперамент, стремление, страх*. Наряду с существительными в списке также представлены глаголы – *страдать, сохнуть*, некоторые устойчивые сочетания – *хоть завались, числа нет* и некоторые другие.

В отдельных случаях результаты корпусной выборки совпадают с тем, что предлагают словари, однако в некоторых примерах зафиксированы те эквиваленты, которые являются адекватными для определенного контекста.

В качестве вывода нашего исследования можно констатировать: в русскоязычном сознании представленность эмонима *страсть* как вместилища не столь коммуникативно востребована, как в английском. Объяснением этому, в первую очередь, является репрезентативность корпусов: корпуса русского языка насчитывают меньше словоупотреблений, нежели английские. К тому же, для исследования эмоций как вместилищ в вариантах английского языка привлекалось несколько корпусов, которые содержат контексты из 6 – 20 вариантов. Общность чувственных и эмоциональных переживаний (*passion/страсть* – образ вместилища) в русском и английском языках отмечается, однако не столь значимо.

Литература

1. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб: Питер, 2000. 464 с.
2. Ekman P. An Argument for Basic Emotions // Cognition and Emotion. 1992. № 6 (3/4). P. 169-200.

3. Ekman P. Basic emotions // Т. Dalgleish, М. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. Sussex: John Willey, 1999. 842 p.

4. Куликов Л.В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 234 с.

5. Shaver P. Emotion Knowledge: Further Exploration of a Prototype Approach // Emotions in Social Psychology: Essential Readings. Philadelphia, PA: Psychology Press, 2001. P. 26-56.

6. Борискина О.О. Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. Сб. научных трудов под редакцией А.А. Кретьова. Воронеж, 2000. С. 121–126.

7. Борискина О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка : дис. ... д-ра филологических наук. Воронеж, 2011. 220 с.

Список источников примеров

1*. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата посещения 02.12.2020).

2*. Параллельный корпус (английский). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>. (дата посещения 02.12.2020).

3*. Собрание корпусов М. Дэвиса. URL: <http://corpus.byu.edu>.

4*. Davies Mark. Corpus of Contemporary American English: 1 billion words (American), 1990–2019. Mode of access: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата посещения 20.11.2018).

5*. Davies Mark. Corpus of Global Web-based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries, 2012–13. Mode of access: <https://corpus.byu.edu/glowbe/> (дата посещения 24.11.2020).

6*. Davies Mark. Corpus of News on the Web (NOW): 6.9+ billion words from 20 countries, updated every day. – Provo, 2013. – Mode of access: <https://corpus.byu.edu/now/> (дата посещения 25.11.2020).

7*. Davies Mark. iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 20 countries, 2017. Mode of access: <https://corpus.byu.edu/iweb/> (Дата посещения 30.11.2020).

8*. Davies Mark. The Movie Corpus: 200 million words from 6 countries, 1930–2018. Mode of access: <https://www.english-corpora.org/movies/> (дата посещения 30.11.2020).

9*. Davies Mark. The TV Corpus: 325 million words from 6 countries, 1950–2018. Mode of access: <https://www.english-corpora.org/tv/> (дата посещения 30.11.2020).

Список словарей

1** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. М.: Русские словари, 1999. URL: <https://rus-synonim-dict.slovaronline.com/> (дата посещения 08.12.2020).

2** Полный словарь синонимов. Режим доступа: <https://xn----7sbfc3aaqnhaffduk9p.xn--p1ai/> (дата посещения 08.12.2020).

THE EMOYMN *PASSION* AND ITS *RUSSIAN EQUIVALENTS* AS CONTAINERS IN ENGLISH AND RUSSIAN COMPREHENSION

Oxana F. Zadobrivskaya
Rybnitsa branch of Pridnestrovian
Shevchenko State University (Transnistria)

Abstract. This article continues the article series which cover the study of emotions as a “container” in variants of the English language. The emonyms *passion* and its Russian equivalents belong to the noun cryptotype “Res Continens”, and their categorization is considered. The research is based on the collection of corpora by Mark Davis: Corpus of Contemporary American English (COCA); Corpus of Global Web-Based English (GloWbE); NOW Corpus; iWeb: The intelligent Web-based Corpus; The TV Corpus; The Movie Corpus, as well as the Russian National Corpus (RNC) – Parallel Corpus (English). The author gives the data of qualitative and quantitative analysis of the lexical units under study forming a part of the noun cryptotype “Res Continens”, reveals the features of language categorization of emotions in various national variants of the English language. The quantitative analysis was carried out according to the two parameters, i.e. the index of strength of word associations (IRa) and index of cryptotype reactance of a noun (PA), calculated in accordance with the formulae offered in the methodology of identifying a cryptotype by O. O. Borisina. The cryptotype comparison of the emonym *passion* and its Russian equivalents was made. The article offers the results of studying the corpora data, i.e. the contexts with the word *passion*, in which the container is actualized through the given emonym, and the translation of these collocations, as well as their perception within the cryptotype analysis. Finally, the article presents the similarity of feelings and emotions in different linguistic cultures and the communicative relevance of the container image through some emotions.

Key words: emonym, container, passion, Russian equivalents, cryptotype, Res Continens, categorization, variants of language, index of strength of word associations, index of cryptotype reactance of a noun

Задобри́вская Оксана Фео́доровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков и
методики их преподавания,
Рыбницкий филиал Приднестровского
государственного университета им. Т.Г.
Шевченко
тел.: +37377834155
e-mail: kesh25@list.ru

Oxana Fiodorovna Zadobrivskaya,
PhD, Associate Professor of the Germanic
Languages and Their Teaching Methods
Department,
Rybnitsa branch of Pridnestrovian
Shevchenko State University
mobile: +37377834155
e-mail: kesh25@list.ru

УДК 811

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Зинченко Н.С.
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Аннотация. В современном английском языке атрибутивные словосочетания являются одним из наиболее распространенных типов словосочетаний. Они представляют собой комбинацию двух и более значимых слов, представляющих единую группу в грамматических и семантических отношениях. В английском языке распространены многокомпонентные

атрибутивные сочетания, что обусловлено историей английского языка и особенностями его типологического строя. В данных атрибутивных словосочетаниях между компонентами существуют различные типы отношений (отношения части и целого, темпоральные отношения, объектные и субъектные отношения, компаративные отношения, указание материала, местоположения, источника и принадлежности, указание характеристики и предназначения объекта, специфицирующие и идентифицирующие отношения). Перевод многокомпонентного атрибутивного словосочетания может представлять трудности для носителей другой лингвокультуры. При переводе таких словосочетаний необходимо учитывать и отношения между ядром и другими словами, и отношения между зависимыми словами в многокомпонентном словосочетании.

Ключевые слова: многокомпонентное словосочетание, атрибут, комбинаторный потенциал, семантические отношения, английский язык

Проблема изучения многокомпонентных атрибутивных словосочетаний типа *an asymmetric embellished trailing floral midi dress* в английском языке привлекала и привлекает внимание многих лингвистов. Доказательством этого может служить значительное число работ, которые посвящены данной теме (Е.А. Будник, В.В. Бурлакова, О.Е. Глазковская, В.Г. Прозоров, А.И. Смирницкий, Д.Р. Ханаху и др.).

В современном английском языке атрибутивные словосочетания являются одним из наиболее распространенных типов словосочетаний. Словосочетание означает любую комбинацию двух или более значимых слов (со служебными словами и без них), которые представляют собой единую группу в грамматических и семантических отношениях. Словосочетания являются промежуточной связью между словом (основной единицей языка) и предложением (основной единицей речи).

В.Н. Ярцева понимает под словосочетанием «объединение полнозначных слов, происходящее с помощью грамматических средств, типичных для данного языка, в том числе и с помощью служебных слов» [1, с.437].

По определению В.В. Бурлаковой, словосочетание – это «обозначение любой свободной синтаксической группы, основанной на подчинении или на сочинении, а также предикативные структуры и предложные сочетания» [2, с.52]. Теоретически количество элементов любой субстантивной группы является неограниченным, но в действительности объем групп регулируется различными ограничениями, например, по формуле « 7 ± 2 » (закономерность, обнаруженная американским ученым-психологом Джорджем Миллером, согласно которой кратковременная человеческая память, как правило, не может запомнить и повторить более 7 ± 2 элементов) [там же].

По мнению В.В. Виноградова, словосочетание и предложение – это понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей, которые отражают разные формы мышления. При этом важно отметить, что предложения не рассматриваются как разновидность словосочетания, поскольку могут существовать предложения, состоящие из отдельного слова. Кроме того, предложение по своей внутренней сущности, по своим структурным особенностям не выводится напрямую из словосочетания. Словосочетание же как коммуникативная категория речи функционирует только в рамках предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств общения [3].

Н.Д. Арутюнова, характеризуя различие между словосочетанием и предложением, подчёркивает, что «предложение организовано принципом тринарности, а не бинарности, и это отличает его от словосочетаний, в которых синтаксическое отношение не имеет статуса автономного компонента» [4, с.141].

Поскольку слово обладает комбинаторным потенциалом, словосочетание образуется и независимо от предложения, исключительно за счет реализации этого семантического и синтаксического потенциала. В то же время, в составе предложения может отсутствовать словосочетание. В свете сказанного, традиционное противопоставление словосочетания и предложения как единиц разных синтаксических уровней оказывается не вполне строгим [5]. Словосочетание – сугубо структурное образование: оно не служит целям коммуникации. Семантика предложения, как подчеркивает В.И. Шадрин, представляет собой двухчастное единство номинации и предикации. Словосочетание, как и слово, – номинативная единица языка, но лишено предикации [6]. Таким образом, предложение может формально совпадать со словом или словосочетанием, но принципиально отличается от них в функциональном отношении.

В синтаксической иерархии словосочетание стоит особняком. По мысли Е.С. Петровой, оно «не содержит в себе непосредственного коммуникативного потенциала и служит в первую очередь целям лингвистического анализа» [5, с. 231].

Следовательно, словосочетание представляет собой особую языковую категорию, принципиально отличающуюся от предложения, синтагмы и от таких более неопределенных с синтаксической точки зрения понятий, как «сочетание слов», «ритмическая группа» и т.д.

Важными особенностями словосочетания является то, что оно, как и слово, является строительным материалом, используемым в процессе языкового общения. Однако словосочетание не только не совпадает со словом, но даже не является его эквивалентом.

Поэтому словосочетание и слово четко различаются в языке, так как слово является лексической единицей, которая состоит из морфем, несет информационную функцию и является смысловой основой любого суждения. Словосочетание представляет собой минимальную синтаксическую единицу речи, которая входит в состав предложения. Это комбинация двух и более значимых слов, представляющих единую группу в грамматических и семантических отношениях. Словосочетание, таким образом, представляет собой промежуточную категорию между словом и предложением.

Объектом исследования в данном исследовании служит многокомпонентное словосочетание в английском языке, которое определяется как синтагматически связанная группа, состоящая из трех и более знаменательных слов и выполняющая полиноминативную функцию.

Структура многокомпонентного словосочетания состоит из ведущего компонента (ядра) и зависимых компонентов (адыонктов). В данной работе анализируются многокомпонентные атрибутивные словосочетания, ядром которых является имя существительное.

Атрибутивными (или определительными) словосочетаниями являются те словосочетания, в которых зависимое слово выступает в роли определения главного слова. Данные словосочетания всегда говорят об отношениях, которые существуют между предметом и его признаком (атрибутом).

О.С. Ахманова определяет понятие «атрибутив» как «то же, что определение», а слово «атрибутивный» как «относящийся к определению, выступающий в функции определения, обладающий свойствами определения» [1*, с.59]. А.А. Шахматов считает, что атрибут – это «часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия», а атрибутивные отношения являются «свойствами между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления» [7, с.29].

Существует ряд классификаций атрибутивных словосочетаний, предложенных различными лингвистами. В.Д. Аракин, описывая атрибутивные словосочетания, опре-

делял их как «сочетание двух или более слов, согласованных в роде, числе, падеже и детерминативности, для которых характерно наличие и препозитивных, и постпозитивных грамматических структур» [8, с.141]. Согласно данной точке зрения, в основе квалификации атрибутивных словосочетаний должна находиться следующая группа признаков: характер синтаксических отношений, способ их выражения и местонахождение зависимого слова относительно главного [9].

Н.А. Кобрин и ее коллеги рассматривают атрибут как второстепенный член предложения, характеризующий человека или предмет и добавляющий смысловую нагрузку главному слову в словосочетании через качество, количество или описание конкретной ситуации. Авторы считают, что атрибут может быть частью только именного словосочетания. По их мнению, классификация атрибутивных словосочетаний может строиться, исходя из следующих положений:

- атрибутивные словосочетания могут быть выражены различными комбинациями именных частей речи;
- в атрибутивных словосочетаниях имеется возможность изменять позицию атрибутов, поставив зависимое слово перед либо после определяемого слова;
- в атрибутивных словосочетаниях можно проводить анализ типов связи между атрибутами и главным словом [10].

В.Я. Плоткин основывает классификацию атрибутивных словосочетаний на примыкании между словами в словосочетании. Признаком данной связи является максимальное позиционное сближение примыкающего и ведущего слов в процессе их смыслового и грамматического объединения. Автор выделяет две важные черты классификации атрибутивных словосочетаний:

- определение препозиции или постпозиции в атрибутивном словосочетании и
- определение силы примыкания, которая «проявляется в группе слов - подчинительной синтагме, вокруг вершины которой - ведущего её члена - располагаются присущие ему адьюнкты в соответствии с присущей каждому адьюнкту силой примыкания» [11].

В атрибутивных словосочетаниях главным словом обычно является имя существительное, которое обладает широким комбинаторным потенциалом. Оно способно присоединять и препозитивное, и постпозитивное определение разного морфологического состава. Что касается его определений, они могут быть именами прилагательными, именами существительными, причастиями, числительными, местоимениями, неличными формами глагола.

В английском языке можно выделить следующие виды атрибутивных словосочетаний, в зависимости от того, какой его элемент является атрибутом:

- имя прилагательное + имя существительное
a skinny shirt
- причастие I + имя существительное
a singing girl
- причастие II + имя существительное
an embellished dress
- имя существительное + имя существительное
mom jeans
- атрибутивная конструкция с внутренней предикацией (фраза или предложение выступают в роли атрибута)
an all-night coffee shop

Чаще всего для выражения атрибутивных отношений используется модель «имя прилагательное + имя существительное». Прилагательное является одной из самых древних частей речи по употребительности в атрибутивной функции. Оно до сих пор занимает ведущее место среди средств выражения атрибутивных отношений. Имя прилагательное характеризуется категориальным значением качества, свойства и, посредством взаимодействия с именем существительным, выражает признак. Часто в английском языке встречаются атрибутивные группы с несколькими именами прилагательными.

Согласно правилам английской грамматики, если перед именем существительным используется два или больше прилагательных, сначала идут прилагательные, выражающие мнение (“*opinion*” adjectives – interesting, beautiful), которые сообщают о чьей-то оценке. Затем располагаются имена прилагательные, выражающие факт (“*fact*” adjectives – new, blue). При этом, порядок расположения имен прилагательных, выражающих определенный факт, следующий: размер – возраст – форма – цвет – происхождение – материал – цель использования:

a small rubber ball (размер + материал)

a young Spanish woman (возраст + происхождение)

a large round hat (размер + форма)

white leather running shoes (цвет + материал + цель использования) [12, с.197].

Британский исследователь английского языка Барбара Стрэнг попыталась разграничить имена прилагательные на те, которые имеют фиксированные позиции в именной фазе, и те, которые свободны в отношении их размещения. Автор исследовал прилагательные, обозначающие размер, форму, цвет, возраст (big, huge, tall, thick, black, old, young) [13]. Остальные прилагательные, которые не вошли в данные группы, по мнению исследователя, могут употребляться свободно, не имея особых ограничений [14].

Порядок следования прилагательных, как подчеркивали лингвисты, занимавшиеся данной проблемой (З. Вендлер, Р. Кверк, А.Р. Катанская и др.), как правило, определяется их семантикой. Так, Р. Кверк и его коллеги выделили четыре подзоны, которые можно выявить, рассматривая признаковую зону именного комплекса:

– предцентральную зону (certain, definite, pure);

– центральную зону (все прилагательные, удовлетворяющие всем четырем признакам адъективности, которые определяют авторы: прилагательные, образующие антонимические пары – big/small, примарные – fair, firm; отглагольные – interested, hesitant; отыменные – angry, peaceful);

– постцентральную зону (эмотивные, оценочные прилагательные: lovely, horrible);

– предядерную зону (наименее адъективные и максимально субстантивные прилагательные: local, annual) [15, с.437].

З. Вендлер, исследуя порядок размещения атрибутов, выдвинул в свою очередь предположение, о том, что имеется связь между местом имени прилагательного в атрибутивной цепочке и свойствами предмета, присущими ему. Автор высказывает мысль о так называемых «рангах прилагательных» [16]. Чем выше ранг имени прилагательного, тем максимально оно удалено от имени существительного, которое оно определяет. Автор также считает, что порядок расположения имен прилагательных в атрибутивной цепочке зависит от характера смысловой связи с именем существительным. «Связь обусловлена тем, насколько данное имя прилагательное семантически подобно имени существительному. Те имена прилагательные, которые имеют больше общих черт с именем существительным, располагаются ближе к нему» [там же, с.543].

О.В. Афанасьева подчеркивает значимость «порядка экстралингвистического мира для порядка следования атрибутов в линейном ряду» [17, с.406]. Автор считает, что в английском языке существует достаточно строгий порядок следования имен прилагательных, но вариативность иногда допускается. Данная вариативность объясняется зависимостью имени прилагательного от семантики определяемого имени существительного, степенью подобия имени прилагательного имени существительному, которая может быть выражена в большей или меньшей степени, и фактическим положением дел в онтологии мира [там же].

В английском языке имя существительное или ряд имен существительных могут вступить в сочетание еще с одним именем существительным, которое следует за ними и выполнить функцию препозитивного атрибута. В данных словосочетаниях в конце ряда стоит основное существительное, которое непосредственно выполняет синтаксическую функцию объекта, выраженного такой частеречной категорией, как существительное, а все слова, находящиеся перед ним, являются атрибутами.

Данные словосочетания являются характерной чертой английского языка и вызывают ряд проблем при переводе на другие языки. Так, на русский язык существительные-атрибуты таких английских сочетаний переводятся:

– существительным в родительном падеже

skater dress – *платье фигуристки*

– именем прилагательным

paper bag – *бумажный пакет*

– предложным оборотом

smoke dress – *платье с оборками*

– причастным оборотом

earth fuel – *топливо, имеющееся в недрах земли*

– приложением

woman-doctor – *женщина-врач*

– прочими описательными средствами

the idea man – *человек, у которого родилась идея*

Данные атрибутивные словосочетания представляют собой тот случай, когда одна субстанция является определением второй. В английском языке определение, выраженное именем существительным, может быть в форме общего падежа и родительного падежа. Для выражения принадлежности используется форманта 's и предлог *of*.

Современный английский язык стремительно развивается, и сложные конструкции часто упрощаются. Притяжательный падеж, который должен передаваться с помощью апострофа и согласной буквы *s* или предлогом *of*, можно все чаще встретить без своих грамматических признаков. *Mom jeans* (*мамины джинсы*) – термин, используемый для описания фасона женских джинсов с завышенной талией.

Английские имена существительные в атрибутивной функции не меняют своей формы. Им не требуются дополнительные предлоги или окончания, число атрибутивного имени существительного не меняется (*eye colour* – *цвет глаз*). Но лингвисты замечают, что носители языка стали чаще употреблять множественное число для атрибутивных имен существительных вопреки правилам. В результате возникли устойчивые словосочетания типа *sports car*. Но в некоторых случаях атрибутивные имена существительные нужно употреблять во множественном числе. Это происходит в тех случаях, когда при единственном числе имени существительного меняется смысл словосочетания. Например, *sales department* (отдел продаж). *Sale* – распродажа или единичный

случай продажи, sales – объем продаж. Исходя из выше сказанного, возникает еще один аспект осмысления анализируемого типа словосочетаний – семантические отношения между компонентами субстантивных групп.

Согласно исследованиям Д.Р. Ханакху, между компонентами субстантивных групп могут существовать такие отношения как отношения части и целого, темпоральные отношения, объектные и субъектные отношения, компаративные отношения, указание материала, местоположения, источника и принадлежности, указание характеристики или предназначения объекта, специфицирующие и идентифицирующие отношения [18].

Значительные трудности представляет собой декодирование смысла поликомпонентных атрибутивных словосочетаний носителями другой лингвокультуры и их перевод, поскольку в данном случае важно учитывать отношения не только между ядром и остальными словами, но и отношения между зависимыми элементами. По мнению В.Г. Прозорова, наиболее оптимальной будет следующая схема перевода многокомпонентных атрибутивных словосочетаний:

- определить границы всего словосочетания, выделить ядерное слово;
- произвести анализ связи между ядром и отдельными определениями внутри данного словосочетания и разделить, в свою очередь, их на смысловые группы;
- интерпретировать смысловые связи между группами от конца к началу [19].

Поскольку языки различаются своими особенностями грамматического, синтаксического и морфологического строя, допускается изменять порядок слов в словосочетании сообразно конвенциям языка перевода. Простые атрибутивные конструкции чаще всего переводятся при помощи таких трансформаций как опущение, изменение порядка слов, лексико-семантических замен. В процессе перевода многокомпонентных атрибутивных сочетаний переводчику чаще всего приходится одновременно прибегать сразу к нескольким видам переводческих трансформаций, что и обуславливает сложность переводческого процесса.

Литература

1. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание. Вопросы грамматического строя. 1955. С. 436–451.
2. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 128 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Рус. яз., 2001. 630 с.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/arutunova/text.pdf> (дата обращения 01.12.2020).
5. Петрова Е.С. Сопоставительная типология английского и русского языков: грамматика. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета., 2001. 368 с.
6. Шадрин В.И. Университетское переводоведение. //Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» (Санкт-Петербург, 26-28 октября 2001 г). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 608 с.
7. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
8. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высшая школа, 1989. 158 с.
9. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. 3-е. изд.М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.

10. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. / Н.А. Кобрина [и др.] СПб.: Союз, 1999. 496 с.
11. Плоткин В.Я. Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. школа, 1989. 239 с.
12. Beaumont, D., Granger, C.n The Heinemann English Grammar. An Intermediate Reference and Practice Book. Oxford Heinemann, 1992. 352p.
13. Strang, B.M. Modern English Structure. L.: Edward Arnold Ltd., 1962. 201 p
14. Crystal, D. On The Occurrence of Adjectives in Nominal Phrases in Modern English // Language. 1971. Vol. 26, N 3. P. 126-149.
15. Quirk, R.A Comprehensive Grammar of the English Language. N. Y., 1998. P. 402-437.
16. Вендлер З. О слове «good»: пер. с англ. // Новое в зарубеж. лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
17. Афанасьева О.В. Атрибутивные цепочки прилагательных в номинативных комплексах и закономерности их организации // Язык: теория, история, типология. М., 2000. С. 401-416.
18. Ханыху Д.Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках: дис. канд. филол. наук. М., 2007. 166 с.
19. Прозоров В.Г. Основы теории и практики перевода с английского языка на русский. М., 1998. 234 с.

Список словарей

- 1*. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

MULTICOMPONENT ATTRIBUTIVE ENGLISH PHRASES AND METHODS OF THEIR TRANSLATION

Natalia S. Zinchenko
Shevchenko State University of Pridnestrovie

Abstract. In modern English, attributive phrases are one of the most common types of phrases. This is a combination of two or more significant words representing a single group in grammatical and semantic relations. A phrase is an intermediate relationship between a word and a sentence. Attributive phrases can consist of two or more components. In English, multicomponent attributive combinations are more common, due to the history of the English language and the features of its typological system. In multicomponent attributive phrases, there are different types of relationships between components. Depending on these relationships, the word defined has a particular characteristic. Between the components of the substantive groups, there may be relationships such as part and whole relations, temporal relations, object and subject relations, comparative relations, indication of material, location, source and affiliation, indication of the characteristic and purpose of the object, specifying and identifying relations. Translating a multicomponent attributive phrase can present difficulties for speakers of another linguistic culture. When translating such phrases, it is necessary to take into account the relationship between the core and other words, and the relationship between dependent words in a multicomponent phrase.

Keywords: multicomponent phrase, attribute, combinatorial potential, semantic relations, English language

Зинченко Наталия Сергеевна,
Старший преподаватель
Приднестровский государственный
университет имени Т.Г. Шевченко
филологический факультет
кафедра иностранных языков
тел.: +7 (373) 777 72550
e-mail: zinchenko12@gmail.com

Natalia S. Zinchenko
Senior lecturer
Shevchenko State University of Pridnestrovie
Philological Faculty, Department of Foreign
Languages
mobile: +7 (373) 777 72550
e-mail: zinchenko12@gmail.com

УДК: 378

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА СТАРШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Золина О.М.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются пути совершенствования иноязычной подготовки студентов-будущих переводчиков, которые планируют специализироваться в области международных отношений. Описывается опыт разработки и использования учебного пособия, направленного на развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, в котором реализуется интегративный подход к обучению, предполагающий развитие иноязычных умений студентов одновременно с овладением знаниями по специальным предметам.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, языковые навыки, перевод, профессиональные умения, профессиональная коммуникация, международные отношения, внешняя политика

Меняющаяся экономическая и политическая ситуация значительно влияет на рынок труда, что сказывается в том числе на особенностях подготовки переводчиков. С начала XXI века область бизнеса является одной из основных сфер, где требуются переводчики. Возросшие деловые контакты, создание совместных предприятий, рост иностранных инвестиций в отечественные компании, увеличившийся объем внешней торговли показали, что профессия «переводчик» является одной из самых необходимых в современном обществе.

Однако в ситуации, когда Россия все больше интегрируется в мировую экономику и становится одним из полюсов в многополярном мире, важно не забывать о национальных интересах страны, защите ее исконных ценностей. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» сказано, что «Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защиты прав соотечественников за рубежом. Возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов...» [1]. Вот почему все больше высококвалифицированных переводчиков сейчас требуются в различные структуры, чья работа связана с международной деятельностью: для работы в МИД России, международных организациях (различные учреждения, фонды и программы ООН, ОБСЕ и др.), а также органах государственной власти.

Такие специалисты должны обладать знаниями в сфере международной жизни, межгосударственного сотрудничества, истории международных отношений и внешней политики России, а также иметь представление о настоящем внешнеполитическом курсе России, основных направлениях российской внешней политики. Вот почему помимо развития собственно иноязычных навыков, умений устного и письменного перевода на кафедре перевода и профессиональной коммуникации Воронежского государственного университета уделяется особое внимание развитию более широкого круга компетенций, необходимых будущим переводчикам, в том числе, и компетенциям в области международных отношений.

Для решения данной задачи в рамках подготовки переводчиков по специальности 45.05.01 – Перевод и переводоведение (уровень специалитета) на 4 курсе реализуется учебная дисциплина «Актуальные проблемы международных отношений». Целью данной дисциплины является комплексное развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся (умений аудирования, говорения и чтения) в процессе обсуждения актуальных проблем международных отношений. Дисциплина призвана обеспечить формирование общепрофессиональной компетенции переводчиков (ОПК-4): «способности применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах» [2]. Данная дисциплина встроена в программу подготовки переводчиков, коррелирует с другими дисциплинами профессиональной переводческой подготовки и способствует овладению такими профессиональными компетенциями, как переводческая, языковая, исследовательская (информационно-поисковая), межкультурная, тематическая компетенции [3, с.25-26].

Для эффективной реализации заявленных целей было разработано учебное пособие «Discussing International Affairs», материалами для которого послужили аутентичные общественно-политические печатные и аудиовизуальные тексты из Интернет-источников (электронных версий печатных СМИ, англоязычных новостных каналов), в которых освещаются международные проблемы, работа международных организаций, а также межгосударственное сотрудничество в решении глобальных проблем современности.

Пособие состоит из восьми частей, в каждой из которых собраны материалы по темам: «Эволюция международных отношений», «Деятельность ООН», «Ядерное оружие и международные отношения». «Интернационализация конфликтов», «Право наций на самоопределение», «Экономический фактор в международных отношениях», «Международное сотрудничество в решении экологических проблем», «Арктика: сотрудничество или конфронтация». В пособии особое внимание уделяется обсуждению позиции Российской Федерации по тому или иному вопросу международной повестки, рассмотрению приоритетов внешнеполитического курса и различных векторов внешней политики России, изучению деятельности России в международных организациях и ее вклада в решении международных проблем.

Все части пособия имеют следующую структуру: «Введение в ситуацию профессионального общения», «Аудирование», «Чтение», «Проект» и «Устная коммуникация». «Чтение» сопровождается блоком упражнений на расширение словарного запаса, анализ использованных в тексте фразеологизмов, устойчивых сочетаний и понятий международной жизни с элементами перевода.

В начале каждой части студентам предлагается ознакомиться с ее содержанием. Аннотация дает студентам представление о рассматриваемых аспектах заявленной

темы (подтемах) и о перечне навыков, на развитие которых будут направлены задания по чтению, аудированию и говорению. Также в аннотации указаны предмет исследования в разделе «Проект» и тема для финального задания в разделе «Устная коммуникация». Например, аннотация темы «Ядерное оружие и международные отношения» выглядит следующим образом:

UNIT 3. NUCLEAR WEAPONS AND INTERNATIONAL RELATIONS

TOPICS TO BE DISCUSSED:

<i>1) arms race;</i>	<i>5) nuclear proliferation;</i>
<i>2) nuclear deterrence;</i>	<i>6) nuclear disarmament;</i>
<i>3) nuclear threat;</i>	<i>7) international treaties on NW;</i>
<i>4) nuclear weapons testing;</i>	<i>8) nuclear weapons ban.</i>

SKILLS TO BE DEVELOPED:

Reading: understanding of detail, opinion, implication of a long text

Listening: eliciting specific information, recognizing particular points

Speaking: suggesting, exchanging opinions, finding a negotiated solution

PROJECT:

Nuclear Test Sites: Consequences of nuclear weapons testing

COMMUNICATION:

A round table: The Future of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons

Подтемы даны в логической последовательности:

1) международная ситуация, сложившаяся после Второй мировой войны – начало гонки вооружений;

2) доктрина ядерного сдерживания, т.е. период, когда наращивание ядерного потенциала воспринималось как необходимое средство для предотвращения новой мировой войны;

3) и 4) ядерные испытания и их последствия – осознание ядерной угрозы, как в контексте распространения ядерного оружия, так и в контексте непоправимых последствий для экологии, с которыми регионы, в которых проводились эти тестирования, сталкиваются до сих пор;

5) распространение ядерного оружия, т.е. развитие ядерных технологий другими странами, не только пятью ядерными державами;

6) и 7) мировое сотрудничество в борьбе против распространения ядерного оружия – международные договоры о нераспространении ядерного оружия и запрете определенных ядерных испытаний, двусторонние договоры (СССР – США) о сокращении отдельных видов ядерного оружия и контроле над разоружением;

8) стремление ряда государств (под эгидой ООН) достичь договоренности о полном запрещении ядерного оружия.

Аннотация показывает, какие аспекты темы имеют свое дальнейшее развитие в других частях раздела. Как видно, в теме «Ядерное оружие и международные отношения» последняя подтема «Запрещение ядерного оружия» находит свое завершение в финальном задании раздела «Устная коммуникация», а подтема «Ядерные испытания» является предметом исследования в разделе «Проект».

Как уже упоминалось выше, из аннотации студенты могут получить представление о тех умениях, на развитие которых будут направлены задания по чтению, аудированию и говорению, и которые будут находиться в фокусе во время промежуточного контроля.

Конечно, спектр развиваемых умений является более широким, в аннотации же указываются лишь ключевые умения, развитие которых планируется осуществлять в данной части пособия.

Развитие умений чтения и аудирования происходит уже на предтекстовом этапе работы, цель которого заключается в стимулировании мотивации к изучению предлагаемого материала, актуализации ассоциативного опыта обучающихся. Упражнения здесь направлены на прогнозирование содержания текста, снятие возможных языковых и содержательных трудностей, например, через анализ заголовка, структуры текста или по иллюстрациям [4]. После прочтения текста или просмотра видео сюжета посредством упражнений на понимание прослушанного или прочитанного текста развиваются умения просмотрового, изучающего и поискового чтения. Примеры заданий:

- multiple-choice questions (задание множественного выбора);
- multiple matching (установление соответствий);
- sentence completion (заполнение пропусков);
- matching headings to paragraphs (установление соответствия между текстами и заголовками);
- matching summaries to paragraphs (установление соответствия между текстами и их аннотациями);
- detailed-answer questions (развернутые ответы на вопросы);
- true/false statements (определение утверждений, соответствующих содержанию текста).

В каждом разделе, помимо заданий на развитие соответствующих умений (например, на понимание прочитанного и прослушанного материала), студентам предлагаются разнообразные лексические упражнения, направленные на овладение тематической лексикой, понятиями и терминами международной жизни, названиями международных организаций, их аббревиатур, международных соглашений, протоколов и т.д. Так как тексты, представленные в пособии, по жанру являются, в основном, публицистическими, то методический интерес вызывают также использование различных речевых оборотов, фигур речи. Некоторые упражнения направлены на установление соответствий между языковыми эквивалентными парами. П.Р. Палажченко отмечает, что переводчику надо стремиться знать как можно больше эквивалентов, осваивать не только тему, но и терминологию и способы выражения, присущие ей, следить за языковой модой [5, с. 11-12]. Чтение современных аутентичных текстов из газет и журналов и работа над языком статей в большой степени способствуют развитию этих навыков, необходимых будущим переводчикам. В свою очередь, дополнительная работа над новыми лексическими единицами существенно улучшает иноязычную подготовку в целом. Приведем некоторые примеры заданий на развитие лексических навыков, предлагаемых в пособии:

- соединить слова из текста с их дефинициями;
- вставить слова в предложения из текста (множественный выбор);
- восстановить предложения из текста;
- вставить слова из текста в новый контекст;
- подобрать к слову синоним (множественный выбор);
- соединить слова для получения фразы и др.

Особое внимание в пособии уделяется включению в профессиональную иноязычную подготовку переводчиков упражнениям на перевод. Использование элементов профессионального перевода при обучении иностранным языкам рассматривается Е.Р. Поршневой. Она отмечает, что это «оптимизирует процесс вхождения в язык и его ос-

воение, благодаря реальной опоре на родной язык», а «Упражнения на поиск ситуационных соответствий (лексических, семантический, грамматических, информативных) в родном языке способствуют более быстрому и качественному освоению иноязычного речевого материала, переносу профессионально значимых умений, формированию навыка переключения» [6, с.147-148].

Так как речь все-таки идет о языковой подготовке, то имеет смысл просить обучающихся не «перевести дословно», а передать смысл, подобрать русский эквивалент. Такие виды заданий уместны при работе с текстами в частях «Чтение» и «Аудирование». Однако без дословного перевода тоже не обойтись. Поскольку мы имеем дело с освоением определенной профессиональной сферы, следует особое внимание уделять передаче ключевых терминов и понятий международной деятельности на родной язык, которые часто имеют довольно точное определение в родном языке. В данном случае речь уже идет о формировании тематической компетенции [6, с.145]. Поэтому часть упражнений на перевод дается уже в разделе «Введение в ситуацию профессионального общения». Ознакомиться и выполнить упражнения по подбору соответствий изучаемых лексических единиц в русском языке предлагается на основе актуальных заголовков прессы. Например, в начале освоения темы «Деятельность ООН» студенты изучают газетные заголовки, которые помогают узнать о текущей международной ситуации, познакомиться с понятиями, связанными с деятельностью ООН, а также подумать над соответствиями этих терминов и понятий в родном языке. Происходит знакомство с такими терминами, как «Устав ООН», «Посланец мира ООН», «голубые каски (мировотрцы) ООН», «штаб-квартира ООН», а также с названиями основных структур ООН. Включение упражнений на перевод в профессиональную иноязычную подготовку переводчиков дополняет развитие переводческих компетенций у студентов.

Элемент раздела «Проект» предполагает проведение мини-исследования по одному из аспектов темы с последующим представлением результатов исследования в виде презентации. Он следует, как правило, за аудированием, где была затронута определенная тема, и по ходу изучения материала требуется более подробное рассмотрение какого-то аспекта темы или примеров какого-то явления. Например, после работы с аудиовизуальным текстом о ядерных испытаниях США и непоправимых экологических последствиях этих испытаний, которые наблюдаются и сейчас, 70 лет спустя, на атолле Бикини в Тихом океане, студентам предлагается изучить «судьбу» других ядерных полигонов, где испытывали свое ядерное оружие другие ядерные державы.

Или другой, более позитивный пример: сотрудничество неправительственных организаций (НПО) и ООН в борьбе против изменения климата. Предшествовавшая тема аудиовизуального текста – помощь, которую оказывают НПО Сейшельским островам по выращиванию кораллов, стремительно вымирающим из-за глобального потепления. В проекте же предлагается изучить взаимодействие ООН и НПО в вопросах изменения климата. В инструкции к заданию помимо темы исследования указывается список вопросов, на которые следовало бы обратить внимание и включить в презентацию, примерный план исследования и т.д.

«Проект» позволяет интегрировать исследовательскую работу студентов и собственно иноязычную подготовку. Сочетать иноязычную подготовку с исследовательской работой можно в парах, команде. Все это, а также презентация результатов исследования с последующим обсуждением, способствует, помимо прочего, развитию коммуникативных мягких компетенций (soft skills), например, развитию умения презентовать себя, свой продукт, находить контакт с аудиторией.

Последний раздел каждой части содержит материалы для заключительной формы устного иноязычного общения (монолог, диалог, полилог), в которой в интегрированном виде реализуются все полученные в разделе знания, умения и навыки. Данные задания моделируют ситуации реального общения: выступление на международной конференции, «круглый стол» в группе экспертов, заседания различных международных органов. В разных тематических блоках представлены свои формы иноязычного общения. Например,

1) монолог:

Тема – «Интернационализация конфликтов». Задание состоит в том, что нужно подготовить речь и выступить с ней как представителю своей страны на международной конференции. Студенты изучают контекст – во время одного из последних заседаний Совета Безопасности ООН США воспользовались правом вето при принятии резолюции Совбеза ООН, в которой осуждается предложение США признать Иерусалим столицей Израиля. Речь должна отражать отношение России к обсуждаемому вопросу и содержать пути решения конфликта. Задание дается после подробного изучения особенностей Палестино-Израильского конфликта: в разделе «Аудирование 1» рассматривался вопрос переноса посольства США из Тель-Авива в Иерусалим, в разделе «Чтение» изучалась история арабо-израильского конфликта с акцентом на историческую ответственность Великобритании за появления конфликта, в разделе «Аудирование 2» обсуждалась проблема международного признания Палестины.

2) диалог:

Тема – «Международное сотрудничество в решении экологических проблем». В качестве заключительной формы устного иноязычного общения предлагается разыграть диалог о сложностях, которые испытывают некоторые страны (особенно развивающиеся, со слабой экономикой), связанных с выполнением международных договоренностей по сокращению выбросов парниковых газов (Парижское соглашение) и переходом на возобновляемые источники энергии.

Позиции участников диалога сформулированы следующим образом:

Student A's position – Combating climate change is above economic growth, that is why international climate change accords must be binding.

Student B's position – Welfare of people is more important than ecological problems.

Студенты подходят к составлению этого диалога со следующим «багажом»: в разделе «Аудирование 1» проводился анализ речи посланца мира ООН по проблеме изменения климата Леонардо Ди Каприо на саммите ООН, в которой были обозначены экологические проблемы и прозвучал призыв к борьбе против глобального потепления. В разделе «Чтение 1» изучались международные соглашения по сокращению парниковых выбросов. В разделе «Чтение 2» обсуждались сложности выполнения международных договоренностей по сокращению парниковых выбросов, вызванные экономическим спадом из-за пандемии COVID-19.

Тема – «Арктика: сотрудничество или конфронтация». После работы над текстами, в которых обучающиеся знакомятся с экологическими проблемами Арктики, с тем, что с таянием ледников открываются новые морские торговые пути, и новые игроки, помимо прибрежных стран, претендуют на роли в освоении арктических ресурсов, студентам предлагается принять участие в заседании Арктического совета. Цель – выработка кода поведения для деятельности стран в Арктике. Расписываются роли: 8 прибрежных стран формируют ядро круглого стола, помимо этого в дискуссии принимают участие страны-наблюдатели, международные организации, неправительственные ор-

ганизации, и, конечно же, различные организации, представляющие интересы коренных народов Арктики.

Завершая описание учебного пособия, следует подчеркнуть, что оно развивает профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию студентов-будущих переводчиков. Структура и задания пособия обеспечивают интегративный подход к обучению, который представляет собой развитие иноязычных умений одновременно с овладением знаниями по другим предметам, в данном случае – с актуальными проблемами международных отношений, а моделируемые ситуации реального профессионального общения являются стимулирующим фактором для овладения иноязычными умениями. Задания, предлагаемые в пособии, не только вносят вклад в развитие иноязычной компетенции, но и помогают развивать переводческие компетенции, в частности владение лексикой, терминологией, переводческими соответствиями, помогают пополнить знания в переводимой предметной области, способствуют развитию мягких компетенций.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 13.01.2021).

2. Приказ от 17 октября 2016 г. N 1290 об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (уровень специалитета). URL: <http://fgosvo.ru/news/7/2067> (дата обращения: 13.01.2021).

3. Борисова Л.А. Стандарты подготовки переводчиков // Подготовка переводчиков в условиях современного рынка труда: колл. монография / под общ. ред. Л.А. Борисовой, Е.А. Княжевой. М.: Р.Валент», 2017. С. 9-42.

4. Казакова М.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку / М.А. Казакова, А.А. Евтюгина // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnye-tekstovye-materialy-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 13.01.2021).

5. Палажченко П.Р. Все познается в сравнении или несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М.: Р. Валент, 2000. 240 с.

6. Поршнева Е.Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 29. С. 136-149. URL: <https://vestnik.lunn.ru/arhiv-zhurnala/2015-god/vypusk-29-1-kvartal-2015-g/29-12/> (дата обращения: 13.01.2021).

DEVELOPING PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE SKILLS OF FUTURE TRANSLATORS AND INTERPRETERS

Olga M. Zolina
Voronezh State University

Abstract. The paper discusses using some foreign language training techniques to master professional skills of future translators and interpreters who plan to work in the sphere of international relations. The author describes the experience of devising and applying to practice

a coursebook, whose aim is to integrate developing foreign language communication skills with acquiring knowledge of different aspects and peculiarities of international relations.

Key words: foreign language training, language skills, translation and interpreting, profession-related skills, professional communication, international affairs, foreign policy

Золina Ольга Михайловна

Доцент

Воронежский государственный университет

тел.: +7 (903) 854 5387

e-mail: olgazolina@mail.ru

Olga M. Zolina

associate professor

Voronezh State University

mobile: +7 (903) 854 5387

e-mail: olgazolina@mail.ru

УДК: 347.781.51

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТРАТЕГИЙ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖЕНСКОМ НАРРАТИВЕ

Зубенко Я.В.

Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан

Аннотация. В предложенной статье рассматривается применение коммуникативных стратегий для решения конфликтов и спорных ситуаций, возникающих в ходе взаимодействия двух поколений – родителей и детей, и нашедших отражение в женском нарративе. Особое внимание уделяется манипуляторным и коммуникативным стратегиям, направленным на достижение согласия или нахождение оптимального компромиссного решения. Женский нарратив, в свою очередь, отражает умение женщины убеждать, аргументировать, показывает ее чувственную реакцию на адресата, а также умение осуществлять воздействие на подсознание собеседника. Нарратив является своеобразной формой для осмысления происходящего и организации определенного порядка, т.е. выступает в виде некоего константа, имеющего непосредственное отношение к восприятию окружающей реальности. В нарративной структуре содержится организация текста, при помощи которой, непосредственно через посредничество повествователя передаются мысли автора и персонажей. Передача информации осуществляется непосредственно посредством коммуникации, участники которой сознательно, а иногда и неосознанно прибегают к определенному набору коммуникативных стратегий. В статье предлагается анализ отрывков из романа немецкой писательницы Доры Хельдт «Отпуск с папой» в сравнении с переводом на русский язык, выполненным переводчиком В.А. Агафоновым.

Ключевые слова: процесс коммуникации, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, адресант, адресат, нарратив, грамматические трансформации, лексические трансформации

Исследование коммуникативного поведения представляет собой одно из направлений в лингвистике, которое представляет интерес для ряда ученых не только как возможность изучения языка как системы коммуникативных средств, но и как попытка анализа использования языка говорящим человеком. Также это относится и к переживаемому те или иные жизненные ситуации человеку, который способен выражать свое отношение к ним в ходе мыслительного процесса. Подобные проблемы затрагивают коммуникативная лингвистика, гендерная лингвистика, прагмалингвистика, социо- и психолингвистика, задачей которых, согласно В.С. Анохиной, являются такие составляющие как описание коммуникативного поведения личности, социальные и возрастные

различия, гендерные и профессиональные различия, территориальные общности, имеющие непосредственное значение для отношения взаимодействующих людей и, следовательно, языковых процессов [1, с.94].

Со ссылкой на Дж. Г. Мида, М.Л. Макаров предлагает рассматривать языковую коммуникацию как важную составляющую коммуникативных отношений, в которой индивидуальный опыт и поведение индивида обусловлены его принадлежностью к социальной группе, причем язык представляет собой особую форму поведения, а не пассивное отражение действительности [2, с.57]. Коммуникативное поведение выстраивается в соответствии с коммуникативными стратегиями. Рассматривая понятие «коммуникативные стратегии», М.Л. Макаров, прежде всего, обращается к термину «стратегия» и понимает под ним цепь решений говорящего, языковых средств и коммуникативных выборов речевых действий, связывает стратегию с реализацией языковых средств и определенного набора целей и определяет его как центральное теоретическое понятие в любой прагматической модели [Там же, с.193]. Е.Ю. Дьякова и П.А. Каминская отмечают теоретический и отвлеченный характер деления речевых стратегий и тактик на классы, обосновывая свое утверждение тем, что подобная типологизация адаптирует, структурирует и упрощает под исследование практически любое воспроизведение дискурса. Однако изучение различных аспектов поведения в рамках коммуникации делает возможным повышение эффективности межкультурных взаимодействий, а также способствует выявлению национально-специфических и универсальных особенностей различных лингвокультур [3, с.100].

Коммуникативная стратегия состоит из планирования процесса коммуникации, условий общения, личностей коммуникации и реализации определенного плана [4, с.100]. Э.Ш. Никифорова указывает на подходы к изучению стратегий: психологический подход, текстовый подход, когнитивный подход, риторический подход, прагмалингвистический подход [5, с.23]. Л.Г. Хорева выделяет задачу коммуникативной стратегии в художественном произведении и указывает на ретрансляцию событийного опыта, ссылаясь на способность коммуникативной стратегии к объединению всего комплекса риторических параметров произведения, т.е. определения его жанровой природы [6, с.230].

На примере материала романа немецкой писательницы Доры Хельдт «Отпуск с папой» рассмотрим особенности женского нарратива, который демонстрирует умение женщины, посредством определенных техник и стратегий, убеждать собеседника, аргументировать свои требования, осуществлять воздействие на подсознание собеседника, а также показывать чувственную реакцию женщины на адресата в коммуникационной ситуации. В романе немецкой писательницы с легким и ненавязчивым юмором решается проблема взаимоотношений «отцов и детей». Проблема поколений была и остается социологическим феноменом, при котором культурные ценности младшего поколения сильно отличаются от нравственных, культурных и прочих ценностей старшего поколения. Автор изображает инициативных и жизнерадостных родителей преклонного возраста, которые вникают во все начинания, и особенно активно, в жизнь своих давно уже взрослых детей. Рассмотрим тактики коммуникативной стратегии, которые использовались в ходе диалога матери и дочери.

Тактика побуждения реализуется со стороны матери, которая пытается призвать дочь принять ее точку зрения относительно пребывания отца, причем данная ситуация выгодна только для нее, мнение и занятость дочери в обсуждаемый период времени во внимание не берутся, что подтверждается внутренней речью дочери: „*Ich hätte das Gespräch gar nicht annehmen sollen. Meine Mutter überging meine Antwort*“ [7, P.7]. Мать

ищет у дочери чувство сопричастности к сложившейся ситуации, указывая ей на то, что она дочь и, следовательно, обязана помочь отцу. По мнению матери, наличие в семье отца уже большое счастье для детей: „*Es sind doch nur zwei Wochen*“ [Ibid. P.7], „*Und er ist dein Vater. Andere Kinder würden sich freuen*“ [Ibid. P.7]. В следующем примере собеседник пытается смягчить ситуацию, используя модальную частицу „*mal*“ для усиления смысла просьбы: „*Jetzt hör mal auf. Er ist dein Vater*“, „*Christine, ich bitte dich*“ [Ibid. P.8]. В ходе коммуникации наблюдалась демонстрация превосходства позиции партнера над собеседником путем подчеркивания авторитетности.

Тактика кооперации прослеживается в восприятии начала коммуникативной ситуации дочерью, которая с недоверием относится к позднему звонку матери и понимает по ее манере подачи информации и желанию создать доверительную атмосферу, что ситуация выходит у нее из-под контроля. Мать, в свою очередь, апеллирует к идеям и ценностям дочери с целью использования ее в собственных интересах, что способствует установлению баланса в отношениях коммуникатор-реципиент в ее пользу: „*Die Stimme meiner Mutter klang freundlich und sehr entschlossen. Ich hatte schon zu Beginn des Telefonats ein ungutes Gefühl gehabt*“ [Ibid. P.7].

Тактика обещания имеет место со стороны матери, которая использует волю реципиента (дочери) и убеждает ее в необходимости помочь отцу, о котором, как она обещает, не придется сильно заботиться и уделять внимание больше, чем обычно. Данная тактика реализуется также посредством модальных частиц „*doch*“, „*ja*“, которые вызывают на эмоциональное состояние собеседника: „*Ach, du brauchst dich doch gar nicht groß um ihn zu kümmern, er macht das alles schon allein. Und zu Mittag essen müsst ihr doch auch, da könnt ihr ja für ihn mitkochen. Abends reicht ihm eine Kleinigkeit und Kuchen für nachmittags könnt ihr auch kaufen, ...*“ [Ibid. P.8].

Тактика упрека используется матерью с целью перевести неприятный для нее разговор на другую тему и добиться от дочери чувства вины в сложившейся ситуации. Для обличения оппонента в лице дочери (дочерей), она приводит сравнение с другим действующим лицом: „*Ihre Jüngste, Kathrina, bekommt doch das zweite Baby. Deine Schwester und du, ihr kriegt das ja nicht auf die Reihe*“ [Ibid. P.8]. Используя стратегию упрека, говорящий исходит из того, что адресат не будет сомневаться в справедливости негативной оценки. Таким образом, адресат (дочь) владеет достаточной коммуникативной компетенцией для распознавания в прагматическом акте упрека. Так, в намерении говорящего, в данной ситуации матери, прослеживается желание повлиять на поведение партнера по коммуникации.

Тактика игнорирования имеет место в заключительной речи матери, которая, не смотря на все попытки дочери уклониться от предстоящего отпуска с отцом, все же настаивает на своем желании оставить его под опекой дочери, не желает идти ей встречу и быстро завершает с беседу с результатом в свою пользу: „*Mach dir keine Gedanken, mein Schatz. Ich schreibe dir noch alles Wichtige auf und schicke es dir. Also dann, schönen Abend noch und Grüße von Papa. Er freut sich. Tschüss*“ [Ibid. P.8]. В коммуникативной ситуации применяется также ссылка на третье лицо, не участвующее в диалоге, а именно отца, с целью предупреждения отклонения от уже принятого решения. Применяемый коммуникативный ход позволяет собеседнику предопределить исход беседы и принятие решения реципиентом, для которого упомянутое лицо является авторитетным, следовательно, возникает необходимость уступить.

Тактика презентации находит применение в речи матери, которой необходимо преподнести субъекта (мужа) в исключительно положительном свете, что она и дела-

ет при помощи лексем с положительной коннотацией: „*Er kann doch ein Auge auf die Arbeiten haben. Und hier und da mal Hand anlegen. Er hilft doch so gerne*“, „... *er macht das alles schon allein*“ [Ibid. P.7].

Тактика предупреждения возможных конфликтных ситуаций (проблем) присутствует в многочисленных рекомендациях матери по уходу за отцом, о которых она напоминает дочери. „*Denk dran, dass er nicht schwer heben soll, seine Hüfte ist ja nicht in Ordnung, und auf Leitern steigen kann er auch nicht, da wird ihm schwindelig. Wenn er mit anstreichen soll, sieh Dir die Farbeimer an, Du weißt, er kann keine Farben unterscheiden*“ [Ibid. P.16]. „*Sei nicht gleich ungeduldig, wenn er sich mal irrt, er meint es nur gut und ist immer so empfindlich*“. „*Einmal am Tag muss er warm essen, er kriegt schnell Sodbrennen, also nichts Scharfes, wenig Salz und keinen Kohl. Fett auch nicht. Auf keinen Fall Milch- oder Mehlspeisen, dann muss er spucken*“ [Ibid. P.16]. „*Sei so lieb und sieh ihn Dir an, bevor er das Haus verlässt, er sieht die Farben nicht und hat auch nicht so richtig viel Geschmack, nicht dass er losläuft wie ein Hottentotte*“ [Ibid. P.16]. Мать обозначает физическое и психологическое состояние отца, которое может стать причиной столкновения интересов и взглядов обеих коммуникативных сторон, что повлечет за собой негативные чувства и впечатления от проведенного вместе отпуска. Данная тактика способствует поиску сотрудничества, приспособление и поиск компромисса.

Тактика уклонения применяется дочерью в виде спонтанной реакции на неожиданное предложение матери взять с собой отца на время ее отпуска; к данному предложению дочь совершенно не была готова, что и нашло отражение в ее ответных репликах: „*Mama, warte mal. ... ich kann mich da nicht auch noch um Papa ...*“ [Ibid. P.7]. „*Mama, ich halte das für keine gute Idee, ich...*“ [Ibid. P.8]. „*Aber ich kann mich da überhaupt nicht mit ihm beschäftigen. Und wie ...*“ [Ibid. P.8]. „*Mama, ich bin...*“ [Ibid. P.8]. „*Meine letzte Chance: Lass uns da mal in Ruhe drüber sprechen, das geht so nicht, ich...*“ [Ibid. P.8].

Тактика иронии используется дочерью как способ уклонения от прямого ответа и скрытие истинного смысла ее отношения к уже принятому решению со стороны матери. Дочь прячет свое эмоционально-психологическое состояние за тактикой иронии, которую выстраивает по типу внутреннего монолога-размышления: „*Ich überlegte, seit wann mein Vater alles allein machte. Vor sechs Wochen hatte ich meine Eltern das letzte Mal besucht, da war es noch anders gewesen. Ganz anders*“ [Ibid. Pp.7-8]. Данная тактика основана на фоновых знаниях коммуникантов.

Тактика компромисса, как попытка сбалансировать интерес обеих сторон, применяется дочерью с целью найти путь к взаимным уступкам: „*Dann kann er doch auch bei denen wohnen*“ [Ibid. P.7]. Данная тактика приводит к созданию почвы для ухудшения отношений и выражается в нежелании матери идти на уступки в отношении проживания отца по время ее пребывания в госпитале.

Можно заметить, что мать, как представитель старшего поколения, является авторитетным человеком для своей дочери, что позволяет ей применить тактику упрека, тактику игнорирования, тактику презентации, тактику предупреждения возможных конфликтных ситуаций, в то время как дочь использует тактику уклонения, тактику иронии и тактику компромисса. Далее рассмотрим тактики коммуникативных стратегий между женщинами-ровесницами, между Кристиной и ее подругой Доротеей, с которой они намеревались отправиться на остров Нордерней к их общей подруге Марлен, чтобы помочь ей с ее пансионом и ремонтом пивной.

Тактика оправдания реализуется Кристиной с целью перевести возможное конфликтное взаимодействие с подругой в русло кооперативности, поскольку сложивша-

ся ситуация была незапланированная и реакция подруги могла быть неоднозначной. Выбранная героиней тактика способствует максимально быстрому и несложному процессу достижения взаимопонимания. Кристина обозначает проблему и перечисляет всех возможных родственников, к которым можно было бы обратиться, однако, в данный момент это оказалось невозможным: „**Meine Mutter hat mich vorhin angerufen. Sie bekommt doch ein neues Kniegelenk und jetzt ist ganz plötzlich ein OP-Termin frei geworden, irgendjemand ist da wohl abgesprungen. Meine Tante ist im Urlaub, meine Schwester segelt in Dänemark, mein Bruder ist auf Geschäftsreise, also bin ich die Einzige, die sie erreichen konnte. Du kennst ja meinen Vater, der kann nicht zwei Wochen allein zu Hause bleiben. Er weiß noch nicht mal, wie man Kaffee kocht. Geschweige denn eine Kartoffel. Oder ein Ei. Außerdem ist er farbenblind und dementsprechend zieht er sich auch an, wenn keiner guckt**“ [Ibid. P.11]. Адресант имплицитно сообщает адресату о критической ситуации и возможных последствиях, подчеркивая, что третье лицо (отец) потребует к себе большего внимания в силу своих особенностей, чем люди его возраста.

Тактика формирования эмоционального настроения адресата имеет место во вступительной речи Кристины, которая пытается подготовить речь для того, чтобы обозначить проблему адресату (подруге). Адресант пробует логично выстроить предстоящий логико-коммуникативный процесс, правильно настроить адресата и направить свою аргументацию на обоснование сложившейся ситуации с целью последующего ее понимания и принятия адресатом: „**Während ich die Treppen zu Dorotheas Wohnung hochstieg, dachte ich darüber nach, wie ich ihr die Umstände für unsere Reisebegleitung schonend beibringen könnte. Dorothea und ich kennen uns seit fünfzehn Jahren, sie kennt meine ganze Familie, der Satz »Heinz kommt mit nach Norderney« würde schon alles sagen. Ich musste diesem Satz den Schrecken nehmen, ...**“

„**Ich formulierte die Sätze im Kopf. «Dorothea, stell dir vor, Heinz kommt mit, ist das nicht nett? «Das ging nicht.» Hallo, Dorothea, meine Mutter hat endlich einen OP-Termin für ihr künstliches Knie, macht es dir etwas aus, dass Heinz mit nach Norderney kommt? Er kriegt es leider nicht auf die Reihe, sich allein zu ernähren. «Ging auch nicht. Dorothea, du kennst und magst doch meinen Vater. Wie findest du die Idee, ihn mit nach Norderney zu nehmen, damit er meiner Mutter in der Klinik nicht auf die Nerven geht? «Großartig. Dorothea, ich habe mir überlegt, dass Heinz uns bei der Renovierung von Marleens Pension helfen könnte, ich möchte ihn gern mitnehmen. «Das würde sie mir nicht glauben. Dorothea, sag mal ...»**“ [Ibid. Pp.10-11].

Тактика учета моральных и духовных ценностей, которые мешают адресанту выразить свое истинное отношение к отцу в семье (скорее еще один ребенок, нежели взрослый человек и глава семейства). Дочь, помня о моральных принципах, пытается найти ему оправдание, представить его в более выгодном свете и объяснить его поведение в глазах не членов семьи: „**Ich überlegte, was ich noch sagen könnte, ohne ihm die Würde zu nehmen. Es war schwierig, Dorothea sollte nicht schlecht über ihn denken, andererseits hatte er einige Angewohnheiten, die, vorsichtig umschrieben, eher ungewöhnlich waren**“ [Ibid. P.11]. Адресант (дочь) подбирает правильные слова, чтобы смягчить не совсем приятную новость и не опорочить отца, она не хочет, чтобы о нем сложилось негативное впечатление у подруги, однако сама понимает, что им придется с ним нелегко: „**Dorothea, du verstehst mich nicht. Ich habe eher Sorge, dass er mir zu viel zumutet. Er kann ein bisschen anstrengend sein. Er kann wirklich nichts allein, er muss beschäftigt werden, er mischt sich in alles ein, er weiß alles besser, er hat vor allem Neuen Angst, er...**“ „**Ich biss mir auf die Zunge, das wollte ich alles gar nicht erzählen**“ [Ibid. P.11].

Тактика иронии применяется адресантом с целью сообщения адресату о своем особом отношении к парадоксальному отцу, которого легко любить, но только на расстоянии и в присутствии матери, когда ситуация не требует принятия кардинальных решений: „*Ich habe meinen Vater gern. Am liebsten mit drei Stunden Fahrzeit zwischen uns. Oder im Beisein meiner Mutter. Oder mal auf eine Tasse Kaffee. Aber zwei Wochen in einer Ferienwohnung mit ihm, mit drei Stunden Fahrzeit zu meiner Mutter, die in einer Hamburger Klinik ihr neues Kniegelenk pflegt, das konnte zu ungeahnten Turbulenzen führen. Aber das würde Dorothea nicht verstehen. Das würde sie erleben müssen*“ [Ibid. P.11].

В приведенных выше примерах можно заметить следующие тактики коммуникативных стратегий, используемые женщинами одного возраста: тактика оправдание (адресант пытается преподнести информацию так, чтобы адресат принял его доводы, вошел в его положение и согласился с неизбежностью и крайней необходимостью принятия именно этого решения), тактика формирования эмоционального настроя адресата (адресант, понимая всю критичность положения, старается излагать события так, чтобы не причинить вред психологическому состоянию адресата), тактика учета моральных и духовных ценностей (адресант рассказывает адресату о члене своей семьи с учетом сохранения необходимого уважения), тактика иронии (основана на фоновых знаниях коммуникантов).

Следующим этапом нашей работы будет анализ примеров коммуникативных тактик, используемых в женском нарративе. Рассмотрим переводческие стратегии, которые применены Владислав В. Агафонов при переводе романа с немецкого языка на русский.

Пример 1: „*Sei nicht gleich ungeduldig, wenn er sich mal irrt, er meint es nur gut und ist immer so empfindlich*“ [7, P.16] / «*Не выходи из себя, если он что-то сделает не так, он хочет как лучше и легко обижается*» [8, URL]. В первом примере мы наблюдаем метонимическую замену (смысловое развитие исходной единицы посредством ассоциативных связей), а именно замену немецкого варианта „*ungeduldig sein*“ в значении «*быть нетерпеливым*» (прилагательное с приставкой *un-*, что позволило получить прилагательному по своей семантике антонимичное исходному + гл. *sein*). В свою очередь, переводчик заменяет его фразеологизмом «*выходить из себя*», т.е. подчеркивает то, что упомянутое лицо теряет хладнокровие и приходит в состояние нервного возбуждения и досады. В этом же предложении с исходного языка на язык перевода возвратный глагол „*sich irren*“ (ошибаться, спутать, обознаться, заблуждаться) передается при помощи глагола «*сделать*», отрицательной частицы «не» и частицы «так». Данное выражение подчеркивает, что что-то было сделано неверно, т.е. производимое действие имеет размытое и нечеткое значение, что указывает на прием генерализации. Далее переводчиком используется замена (грамматическая трансформация) выражения „*empfindlich sein*“ (прил. + гл., описание человека, показывает процесс) в значении «чувствительный», «восприимчивый», «впечатлительный» посредством глагола «*обижаться*» (прием смыслового развития, метонимическая замена, показывает результат). Для впечатлительного человека это логично, он переживает чувство обиды и воспринимает происшедшее как укор в свой адрес. Здесь также можно наблюдать замену наречия „*immer*“ (всегда, постоянно, все-таки, каждый раз, все же) в исходном языке наречием «*легко*» (прием смыслового развития).

Пример 2: „*Einmal am Tag muss er warm essen, er kriegt schnell Sodbrennen, also nichts Scharfes, wenig Salz und keinen Kohl. ... Sei so lieb und sieh ihn Dir an, bevor er das Haus verlässt, er sieht die Farben nicht und hat auch nicht so richtig viel Geschmack, nicht dass er losläuft wie ein Hottentotte*“ [Ibid. P.16] / «*Раз в день ему нужно поесть горячего,*

он *страдает изжогой*, поэтому ничего острого, мало соли и никакой капусты. ... Будь добра, приглядывай, в чем он *выходит на люди*. Он не различает цветов, да и со вкусом у него *плоховато*, не позволяй ему *ходить бог знает в чем*» [8, URL]. В следующем примере выражение „*Sodbrennen kriegen*“ (сущ. + гл.) при переводе на русский язык передается посредством «*страдать изжогой*» (сущ. + гл.). Глаголу „*kriegen*“ (схватить, получить, поймать, словить, подхватить) в русском языке могут соответствовать разные варианты перевода в зависимости от определяющего слова, что говорит о его широком семантическом объеме. В данном случае переводчик использует вариант перевода «*страдать*», т.е. усиливает значение слова, что обусловлено его контекстуальным употреблением и указывает на смысловое развитие, т.е. замену словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. В этом же предложении переводчик применяет прием опущения (лексическая трансформация) и не использует в русском варианте перевода наречие „*schnell*“, которое является семантически избыточным с точки зрения его смыслового содержания. Прием смыслового развития представлен примером с исходного языка „*nicht so richtig*“ (отриц. частица + нареч. + прил., оцениваем с точки зрения «правильно» / «неправильно»). В языке перевода переводчик использует наречие «*плоховато*» (нареч. «плохо» + суффикс, обозначающий неполноту качества или слабую степень качества, оцениваем с позиции «хорошо» / «плохо»). Прием смыслового развития (замена словарного соответствия при переводе контекстуальным) используется переводчиком при переводе выражения „*das Haus verlassen*“ (покинуть дом / производить движение от дома) на язык перевода как «*выходить на люди*», т.е. быть вне домашней обстановки, что, соответственно, повлечет за собой встречу с другими людьми (движение по направлению к людям). В обоих языках показано движение, однако, для немецкой культуры оно связано с понятием дома, для русской культуры – люди и общение с ними. В следующем примере в языке оригинала можно заметить сравнение героя с готтентотом, представителем этнической общности, соплеменники которого живут на юге Африки – „*wie ein Hottentotte loslaufen*“ (отправляться на прогулку как готтентот). В свою очередь переводчик использует прием смыслового развития и предлагает вариант «*ходить бог знает в чем*», что означает одеть на себя неизвестно что, что-либо плохое или даже неприличное. В данном примере можно заметить аллюзию на исторический факт, связанный с началом XX в. и геноцидом племен гереро (банту) и нама (готтентоты) колониальными войсками кайзеровской Германии на территории Юго-Западной Африки (современная Намибия).

Пример 3: „*Sie bekommt doch ein neues Kniegelenk und jetzt ist ganz plötzlich ein OP-Termin frei geworden, irgendjemand ist da wohl abgesprungen*“ [Ibid. P.11] / «Ей ставят *искусственный* коленный сустав, и неожиданно *освободилось окно* для операции, кто-то там отказался» [8, URL]. В языке оригинала используется прилагательное „*neu*“ (новый, другой, иной, молодой, оригинальный, вновь появившийся, современный), что указывает на оптимистическое прогнозирование завершения сложившейся ситуации. В переводе на русский язык переводчиком используется прилагательное «*искусственный*», т.е. сделанный наподобие подлинного, что противоречит естественной природе и дальнейший ход событий неизвестен. В данном примере наблюдается прием смыслового развития, для которого характерна замена словарного соответствия при переводе на контекстуальное, лексически связанное с ним. Мы наблюдаем здесь также подбор русского соответствия к существительному „*das Kniegelenk*“ (дословно «коленный сустав»), который имеет аналогичное значение и не отличается от языка оригинала. Прием опущения наблюдается во второй части предложения, где в немецком тексте ис-

пользуется наречие „jetzt“, тогда как в языке перевода он опускается так, как является семантически избыточным. В языке оригинала для указания даты операции используется выражение „frei werden“ (прил. «свободный» + гл.), тогда как переводчик подбирает эквивалент «освободилось окно» (гл. + сущ.), т.е. наличие ничем не занятого времени, либо определенного промежутка в цикле работ. Здесь применяется лексико-семантическая трансформация (смысловое развитие), при которой осуществляется замена словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Пример 4: „Außerdem ist er *farbenblind* und dem entsprechend zieht er sich auch an, wenn keiner guckt“ [Ibid. P.11] / «Кроме того, он *дальтоник*, и если за ним не приглядеть, одевается соответственно» [8, URL]. Перевод следующего предложения производится посредством замены частей речи и смыслового развития, так прилагательное „*farbenblind*“, обозначающие «не различающий цвет», «страдающий дальтонизмом» в русском языке используется как существительное «*дальтоник*» (грамматическая замена).

Пример 5: „Ich biss mir auf die Zunge, das wollte ich alles gar nicht erzählen“ [Ibid. P.12] / «*Тут* я прикусила язык, об этом я вообще-то не хотела говорить». В языке перевода используется наречие «*тут*» в значении «здесь», «сюда», применяемое в разговорной речи как заключение, вывод из сказанного, в ситуации, когда уже ничего нельзя изменить. Прием лексического добавления требует введение новых слов, которое обуславливается необходимостью использования развернутого выражения мыслей.

„Am liebsten mit drei Stunden Fahrzeit *zwischen uns*“ [Ibid. P.12] / «Особенно – в трех часах езды [8, URL]. Здесь переводчиком применяется прием генерализации так, как немецкий язык отличается тенденцией к максимальной конкретности.

„Aber zwei Wochen in einer *Ferienwohnung* mit ihm, mit drei Stunden Fahrzeit *zu meiner Mutter*, die in einer Hamburger Klinik ihr *neues Kniegelenk* pflegt, das konnte zu ungeahnten *Turbulenzen* führen“ [Ibid. P.11] / «Но две недели в *чужой квартире* рядом с ним, в трех часах езды *от матери*, которая в гамбургской клинике будет заниматься своим коленом, могут привести ко всяким *неожиданностям*» [8, URL]. Существительное „*die Ferienwohnung*“ (узкая ситуация; дом, который можно снять на время каникул) (сущ. + сущ.), обозначающие квартиру для сдачи в аренду, арендованную квартиру или апартаменты, в языке перевода используется как «*чужая квартира*» (прил. + сущ.), что обуславливает прием генерализации так, как арендованная квартира не является собственностью, она чужая и принадлежит другим. Использование притяжательного местоимения в языке оригинала (zu *meiner Mutter*) и его отсутствие в языке перевода («от *матери*») свидетельствует о различии средств передачи категории определенности в немецком и русском языках (прием генерализации в русском языке). Следующий пример представлен приемом опущения в языке перевода; переводчик отказывается от прилагательного „*neu*“ перед существительным. С целью избежать повторений в тексте перевода, т.е. исходя из стилистических соображений, переводчик заменяет существительное „*das Kniegelenk*“ (коленный сустав) (сущ. + сущ.) существительным «*колено*» (прием генерализации). Прием смыслового развития используется при переводе существительного „*die Turbulenz*“, которое переводится как «нарушение», «волнение», «потрясение», «вихревое движение» и связано с превышением критических величин или каких-либо параметров, т.е. происходит что-то конкретное. Переводчик в качестве варианта перевода предлагает существительное «*неожиданность*», которое может обозначать все, что угодно – (то, чего не ждут), «следствие того, что происходит» (прием генерализации).

„Aber das würde Dorothea nicht verstehen. Das würde *sie* erleben müssen“ [Ibid. P.12] / Однако Доротее этого не понять. *Доротее* придется это пережить» [8, URL]. Замена части речи (грамматическая трансформация) наблюдается в последнем примере. Так, личное местоимение „*sie*“ (менее конкретно) в переводе заменяется именем собственным «*Доротее*» (более конкретно). Здесь также прослеживается порядок следования языковых элементов в тексте подлинника по сравнению с текстом перевода. Перестановка обусловлена различием порядка слов в предложении в немецком и русском языках, что обусловлено позицией темы и ремы.

Пример 6: „Ich überlegte, was ich noch sagen könnte, *ohne ihm die Würde zu nehmen*“ [Ibid. P.11] / «Я задумалась, что бы еще сказать, *не слишком его пороча*» [8, URL]. Данный пример представлен приемом смыслового развития, выражение „*die Würde nehmen*“ (сущ. + гл.) в значении «умалить достоинство» в языке перевода заменяется глаголом «*порочить*», т.е. «осуждать», «признавать негодным», «распространять о ком-то (чем-то) предсудительные сведения» (грамматическая замена). Здесь же переводчик вводит наречие «*слишком*», применяя прием лексического добавления, что обусловлено стилистическими соображениями, попыткой смягчить сложившуюся ситуацию.

„Es war schwierig, Dorothea sollte *nicht schlecht über ihn denken*, andererseits hatte er einige Angewohnheiten, die, *vorsichtig umschrieben*, eher ungewöhnlich waren“ [Ibid. P.11] / «Это было непросто, Доротее *не* должна думать о нем *чересчур плохо*; с другой стороны, у него такие привычки, которые, *мягко говоря*, не совсем обычны» [8, URL]. В следующем примере (Es ist *schwierig*) переводчик счел необходимым прибегнуть к антонимическому переводу, употребив наречие «*непросто*» вместо «тяжело» или «сложно». Вводное выражение „*vorsichtig umschreiben*“ (vorsichtig – осторожно, предусмотрительно, бережно; umschreiben – переписывать, перезаписывать, переделявать, излагать описательно) передается переводчиком как «*мягко говоря*», что указывает на желание автора высказывания избежать резких слов и выражений (прием смыслового развития).

Пример 7: „*Die Stimme meiner Mutter* klang freundlich und *sehr* entschlossen. Ich hatte schon zu Beginn *des Telefonats* ein ungutes Gefühl gehabt“ [Ibid. P.7] / «*Мамин голос* звучал дружелюбно и *в то же время* решительно. Уже в самом начале *разговора* у меня появилось нехорошее предчувствие» [8, URL]. Для передачи выражения „*die Stimme meiner Mutter*“ (уточняется, чья мама) переводчик использует выражение «*мамин голос*» (не уточняется, чья мама) с целью подчеркнуть смысловое значение. Далее переводчик заменяет существительное „*das Telefonat*“ (телефонный разговор) существительным «*разговор*» (прием генерализации, лексико-семантическая замена), считая упоминание о телефоне избыточным так, как читатель понимает из контекста, посредством чего состоялся данный разговор. Имеет место еще одна лексическая замена (прием смыслового развития) наречия „*sehr*“ (очень, весьма, крайне) выражением «*в то же время*», которое указывает на одновременность действия. Смысловое развитие представлено в переводе существительным „*das Gefühl*“ (эмоция, ощущение, чутье), т.е. замену словарного соответствия в языке оригинала более конкретным существительным «*предчувствие*», т.е. чувство ожидания чего-нибудь предстоящего и неизвестного.

Пример 8: „*Deine Schwester und du, ihr kriegt* das ja nicht *auf die Reihe*“ [Ibid. P.8] / «*От вас с сестрой* этого не *дождешься*». В данном примере при переводе на русский язык переводчик в языке перевода опускает первую часть предложения „*deine Schwester und du*“, тогда как вторую часть конкретизирует и личное местоимение „*ihr*“ на русский язык передает как «*от вас с сестрой*» [8, URL]. Здесь также используется прием смыслового развития при переводе выражения „*auf die Reihe kriegen*“, которое имеет такие

значения, как «быть успешным в чем-либо», «приводить в порядок», «справляться с чем-либо». В языке перевода оно заменяется близким по значению и контекстуально связанным с ним глаголом «*doжидаться*», т.е. потратить какое-то время на то, чтобы запланированное событие осуществилось.

Пример 9: „*Mach dir keine Gedanken, mein Schatz. Ich schreibe dir noch alles Wichtige auf und schicke es dir. Also dann, schönen Abend noch und GrüÙe von Papa. Er freut sich. Tschüss*“ [Ibid. P.8] / «*He переживай, деточка. Все важное я тебе запишу и пришлю. Ну все, приятного тебе вечера, и передаю привет от папы. Он очень рад. Пока*» [8, URL]. Для перевода выражения „*sich Gedanken machen*“ (задуматься, размышлять, волноваться) переводчик использует глагол «*переживать*», т.е. находит соответствующий эквивалент, указывающий на беспокойство относительно чего-либо или даже страдания из-за чего-либо. Таким образом, использует прием смыслового развития. Исходя из стилистических соображений, переводчик стремится избежать общего значения существительного „*der Schatz*“ (сокровище, дорогой (-ая), милая (в обращении)). В переводе употребляется как существительное «*деточка*» (относится к лексике разговорного стиля, ласкательное к «детка»), используется в значении «малышка», «ребенок», «дитя» и указывается на родственные отношения адресанта и адресата. Еще один прием смыслового развития представлен в этом предложении переводом существительного „*der GrüÙ,(-e)*“ (привет, поклон), который переводчик заменяет выражением «*передавать привет*» (гл. + сущ.), добавляет глагол «передавать», т.е. знак того, что проявляется расположение, симпатия и пожелание добра адресату (прием конкретизации).

Переводчик выбирает подходящий способ выстраивания перспективы текста с пониманием идейной тематики, структурно-семантического единства его содержания и на этапах восприятия и осмысления учитывает идеи множественности интерпретаций, что, в процессе решения переводческой задачи, способствует активации ряда когнитивных механизмов или когнитивных стратегий. В ходе исследования были выявлены следующие виды переводческих трансформаций, а именно: 1) грамматические трансформации (перестановки, замены); 2) лексические трансформации (конкретизация, генерализация, прием лексического добавления, прием опущения, прием смыслового развития, антонимический перевод).

Таким образом, язык, как сильное средство коммуникативного воздействия, позволяет не только описывать какие-либо ситуации из внешнего мира, но и дает возможность их интерпретировать с позиции видения и восприятия окружающего мира адресатом, что вызывает его положительную или отрицательную оценку. Основной задачей коммуникативных стратегий является использование всевозможных ресурсов для достижения поставленных целей, которые будут возможны при использовании определенной тактики как инструмента реализации стратегий. Для достижения согласия или нахождения оптимального компромиссного решения женщина уделяет особое внимание коммуникативным и манипуляторным стратегиям. Тщательный подбор тактик обеспечивает не только успех коммуникации, но и позволяет говорящему управлять актом общения и, в некоторых случаях, влиять на мнение своего собеседника. При выборе тактики, женщина всегда основывается на достижимости цели (прогнозирует результат заранее), возрасте собеседника (ровесник или представитель старшего поколения), родственных или дружеских связях с ним. Выбор переводческих стратегий зависит от полного понимания переводчиком плана содержания, адекватной интерпретации коммуникативного намерения автора, оценки и осмысления его замысла, а также преодоление переводчиком в процессе коммуникации не только межъязыковых, но и межкультурных

различий. Переводчик опирается на культурологические составляющие страны текста перевода и пытается их совместить с фоновыми знаниями читателя. Коммуникация с помощью перевода никогда не бывает абсолютной, что делает невозможным создание тождественного текста, в то время как создание коммуникативно равноценного текста возможно.

Литература

1. Анохина В.С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2008. Вып. 56. С. 64-71.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
3. Дьякова Е.Ю., Каминская П.А. Сопоставительный анализ стратегий и тактик аргументирования в британских и российских политических ток-шоу. Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и международная коммуникация, №3, 2018, С. 100-105.
4. Зюбина И.А., Кумпан Н.А., Иванова А.А. Манипулятивная стратегия на понижении. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, № 8(86), Ч. 1, 2018. С. 99-102.
5. Никифорова Э.Ш. Конвенциональные стратегии как способ решения коммуникативных конфликтов в юридическом дискурсе // Вестник Нижневартского государственного университета. № 4, 2011. С. 23-27.
6. Хорева Л.Г. Коммуникативные стратегии в новеллистическом сборнике Сергея Очиняна «Казачи и мангусты» // Научный диалог. № 5, 2019. С. 228-239.
7. Хельдт Д. Отпуск с папой. Москва: АСТ, 2016. 448 с. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=38080&p=1 (дата обращения: 30.12.2020)
8. Heldt D. Urlaub mit Papa. Muenchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2013. 317 s.

ON TRANSLATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN FEMALE NARRATIVE

Yana V. Zubenko

A. Baytursynov Kostanay Regional University, Kazakhstan

Abstract. The article examines communicative strategies in resolving conflicts and controversial situations that arise in the interaction of two generations – parents and children as reflected in a female narrative. Attention is focused on manipulative and communicative strategies aimed at reaching an agreement or finding a compromise solution. Female narrative reflects a woman’s ability to persuade, argue, show her sensual reaction to the addressee, as well as the ability to influence the subconsciousness of the interlocutor. Narrative is a form of understanding of what is happening and happening in a certain order, i.e. a specific construct that is directly related to the perception of the surrounding reality. Narrative structure represents text arrangement, via which, through narrator’s mediation, the author and the characters’ ideas are reflected. The information is transmitted directly through communication, the participants of which consciously and sometimes subconsciously resort to a set of communicative strategies. In the article dwells on the results of a comparative analysis of some excerpts from “Vacation with Dad” by German writer Dora Heldt and its translation into Russian by V.A. Agafonov.

Keywords: communication process, communicative strategies, tactics, narrative, addressee, addresser, grammatical transformations, lexical transformations

Зубенко Яна Валериевна,
Старший преподаватель департамента
филологии
Костанайский региональный университет им.
А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан
тел.: +7 (7142) 54 2849
e-mail: janaz75@rambler.ru

Yana V. Zubenko
Senior Lecturer, Department of Philology
A. Baitursynov Kostanay Regional
University, 47 Baitursynov Street,
Kostanay, Kazakhstan
mobile: +7 (7142) 54 2849
e-mail: janaz75@rambler.ru

УДК: 81.255

REVISION – ЭТО НОВЫЙ ПЕРЕВОД? К ЧЕМУ ГОТОВИТЬ СТУДЕНТОВ?

Исаева А.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются новые требования к умениям переводчика, продиктованные ожиданиями работодателей на рынке переводческого труда. Рост применения машинного перевода и объемов текстов неизбежно влечет за собой и увеличение спроса на новую услугу на рынке переводов – revision (проверку-редактирование) и постредактирование машинного перевода. Изучаются подходы к определению понятий revision/editing/proofreading с точки зрения заказчиков и исполнителей перевода. Рассматриваются сферы применения машинного перевода. Делается попытка определить, какой опыт необходим переводчику, чтобы начинать работать редактором или постредактором. Подчеркивается необходимость развития таких навыков у будущих переводчиков, готовых работать редакторами и постредакторами, как знание систем машинного перевода, навыки управления терминологией и ведения терминологических баз, навыки предварительного редактирования/высокий уровень владения языком, знание лингвистики текста и даже навыки программирования. Делается вывод о целесообразности пересмотра традиционных подходов к подготовке переводчиков с целью расширения умений и навыков, пользующихся спросом на современном рынке труда.

Ключевые слова: редактирование, постредактирование, машинный перевод, подготовка переводчиков

Несмотря на определенные изменения в умениях и навыках, ожидаемых сегодня от переводчиков, академическая сфера не всегда успевает оперативно реагировать на новые требования рынка. Представители переводческой отрасли, как в России, так и за рубежом, часто сетуют, что переводоведение дидактически медленно адаптируется к интеграции новых технологий в профессиональный процесс письменного перевода. Эта проблема вызвана рядом факторов. В частности, технологические решения в области перевода разрабатываются вне академической сферы. Недостаток эмпирических исследований этих инструментов и их влияния на процесс и результат перевода приводит к отсутствию надлежащей базы для разработки новых учебных курсов.

Многие преподаватели перевода не успевают обновлять профессиональные и/или технологические знания для оперативного и надлежащего внедрения переводческих технологий в процесс обучения, ведь времени зачастую не хватает и на текущие курсы. Своевременная адаптация развиваемых выпускниками компетенций к современным требованиям работодателей также осложняется медлительностью институциональных процессов, затрудняющих появление новых курсов или программ подготовки бакалав-

ров/специалистов в университетах. Недостаток финансирования, отсутствие новых цифровых инструментов переводчика, а также отраслевых партнеров, которые могут оказать содействие в их приобретении, некоторая ригидность преподавателей к техническим инновациям и отсутствие необходимых технических знаний среди студентов, – все это не способствует быстрому решению проблемы.

В то же время, как в России, так и за рубежом растет спрос на новую услугу на рынке переводов – Post Editing of Machine Translation (PEMT – постредактирование машинного перевода) и Revision (назовем это проверкой-редактированием, так как термин пока не имеет единого определения).

Прежде, чем обсудить возможные способы обучения данным умениям и навыкам, следует рассмотреть, что же представляют собой процессы revising/editing/proofreading и в чем заключаются их сходства и различия. Сложности в интерпретации данных понятий начинаются еще на этапе определения, поскольку универсальных дефиниций не существует. Когда переводчики обсуждают корректуру (proofreading), проверку/пересмотр (revision) и редактирование (editing), они часто не могут договориться о том, что означают эти термины в их повседневной работе. Порой и сами клиенты не знают, чего же конкретно они хотят. Ситуацию усугубляет также и то, что за пределами мира переводов эти термины могут иметь другие значения.

Переводческий опыт свидетельствует, что и переводчики, и заказчики зачастую используют разные определения этих терминов. Так, например, вычитка/корректра может означать и пересмотр/проверку перевода, и проверку текста на наличие орфографических и пунктуационных ошибок. Многообразие трактовок мешает переводчикам и клиентам разобраться, что конкретно им необходимо. Иногда предлагается интересное разделение – если речь идет об оригинальном тексте, тогда текст подвергается редактированию (editing), а если речь о переводе, тогда применяется проверка-редактирование (revision). Если обобщить данные ненаучные толкования, то можно сказать, что редактирование (editing) для одноязычного текста представляет собой то же самое, что проверка-редактирование (revision) – для двуязычного текста, хотя нередко термин «editing» применяется и в отношении двуязычных текстов.

Опираясь на научный подход к интерпретации названных понятий, следует привести следующие определения, которые дает Брайан Моссоп, руководитель переводческой программы университета Йорка.

Редактирование (editing) есть процесс проверки текста на наличие ошибок и внесения соответствующих поправок с особым вниманием к тому, чтобы сделать текст пригодным для читателей и предполагаемого использования.

Проверка/пересмотр (revision) представляет собой процесс проверки черновика перевода на наличие ошибок и внесение соответствующих поправок.

Вычитка/корректра (proofreading) может трактоваться по-разному: (1) сравнение печатной корректуры с рукописью в процессе редактирования (editing); (2) как синоним одноязычного «перечитывания» при проверке/пересмотре (revision), особенно когда оно ограничивается исправлениями (т.е. улучшения не вносятся) [1, pp. 198-201; перевод наш – А. Исаева].

Далее, поскольку между данными видами обработки переводимого/переведенного текста наблюдается много общего, представим полный перечень всех потенциально необходимых изменений, которые вносит переводчик/корректор/редактор и/или редактор машинного перевода. Анализ специальной литературы [1] позволяет выделить:

а) редактирование формата и стиля, исправление ошибок: обеспечение единообразия в форматировании текста (шрифты, заглавные буквы, цифры, сокращения, формат сносок, расстановка переносов, цитат и указаний на справочные материалы); соблю-

дение правил орфографии и пунктуации; наличие/отсутствие гендерно-нейтрального языка, случаев неидиоматического употребления слов и выражений; проверка соответствия текста перевода внутреннему фирменному стилю в тексте оригинала, определенным правилам использования или издательским инструкциям; поиск пропущенных слов, ошибок при копировании и пр.;

б) стилистическое редактирование: улучшение текста путем его прагматической адаптации для конкретной читательской аудитории: совершенствование структуры предложений и выбора вариантов лексического оформления; нацеленность на определенный уровень понимания текста аудиторией (специалисты-профессионалы или представители более широкого круга читателей; обеспечение необходимого уровня официальности текста и пр.);

в) структурное редактирование: реорганизация текста, чтобы сделать сообщение / мысли более понятными. Осуществляется поиск пустых ссылок, аббревиатур без определений, проверяется порядок абзацев и возможные проблемы с заголовками;

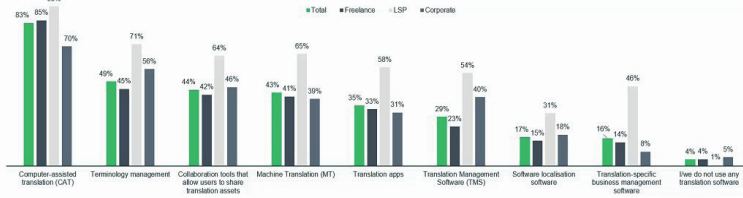
г) редактирование содержания: анализ перевода на точность и полноту передачи содержания; добавление/удаление элементов содержания, исправление фактических, логических ошибок, концептуальных и др. ошибок.

В контексте рассматриваемых проблем интерес представляет специфика процесса редактирования переводного текста, который в последнее десятилетие выходит на передний край переводческой деятельности – проверки-редактирования (revision) и постмашинного редактирования. В книге «Translation Revision and Post-editing. Industry Practices and Cognitive Processes», которая вышла в 2020 г. под редакцией Maarit Koponen, Brian Mossop, Isabelle S. Robert, Giovanna Scocchera [2], авторы рассматривают такие вопросы, как разница между постредактированием и проверкой-редактированием (revision), какое влияние оказывает постмашинное редактирование и проверка-редактирование (revision) на эффективность и качество перевода, возможно ли осуществление этой деятельности не профессиональными переводчиками. В книге поднимаются вопросы о том, где проходит граница между просто проверкой грамотности перевода и его творческим редактированием, а также каким образом должны развиваться компетенции по постмашинному редактированию и проверке-редактированию (revision) при подготовке переводчиков.

Актуальность данной проблематики, как с точки зрения исследования самого процесса постмашинного редактирования, а главным образом, с позиции подготовки специалистов этого рода, не вызывает сомнения, поскольку сегодня бюро переводов, пока преимущественно, за рубежом, но, все чаще, и в России, предлагают услуги по постмашинному редактированию перевода. Как показывают данные компании SDL Trados на рисунке ниже [3], в настоящее время наблюдается активный рост применения встраиваемых систем нейронного машинного перевода (NMT) в системы автоматизированного перевода (CAT-системы), как отдельными переводчиками-фрилансерами, так и переводческими организациями. Очевидно, что в данных условиях возрастает и потребность в услугах постредактирования и проверки-редактирования (revision).

Рисунок 1. Увеличение объемов использования машинного перевода

Is the use of machine translation increasing?

Which of the following translation software do respondents currently use?

© 2020 SDL

Source: SDL Translation Insights research 2020

SDL*

Сегодня машинный перевод, масштабное использование которого уже не дебатруется в профессиональном сообществе, подходит для многих целей, а именно, когда требуется обеспечение качественного перевода на разных уровнях (или «качество по запросу»), в частности:

- информационно-достаточное качество (Gist Translation): без редактирования человеком (результат «сырого» машинного перевода);
- достаточное качество (Comprehensive Quality): с доработкой переводчиком (revision) или легким постредактированием;
- профессиональное качество (Professional Quality): качественная доработка (revision) или полноценное постредактирование, выполненное человеком-переводчиком.
- как основа для последующего редактирования в помощь людям, знающим иностранный язык, но испытывающим трудности на письме на этом языке [4, 5].

Расширение спектра применения машинного перевод обусловлено тем, что он позволяет:

- быстро расширять бизнес на других рынках;
- практически мгновенно получать перевод устных или письменных текстов (как было показано выше, обеспечивая качество перевода на разных уровнях);
- сокращать затраты на перевод;
- увеличивать объем контента, который можно перевести по разумной цене [6].

Если теперь перейти к вопросам развития профессиональных навыков редактирования, постредактирования, проверки-редактирования (revision), то следует отметить, что, как указывается в литературе, они развиваются постепенно [7, с.145], и что их необходимо постоянно «оттачивать» [8, с.201]. Исследователи подчеркивают, что уровень постредактирования заметно повышается после обработки 100 000 слов/400 страниц (1-2 месяц интенсивного постредактирования) [7].

Не вызывает сомнения, что студентов – будущих переводчиков необходимо специально готовить к работе с системами машинного перевода. Это обусловлено, прежде всего, тем, что постредактирование и перевод различаются на практическом уровне. Перевод обычно включает один исходный текст и создание одного целевого текста при-

годного для публикации (если стоит такая цель). В свою очередь, постредактирование включает два исходных текста, то есть текст, созданный на исходном языке, и текст – необработанный результат машинного перевода, который переводчик использует для создания окончательной версии. Требования к данным видам профессиональной переводческой деятельности тоже различаются. Обычно в результате перевода необходимо создать целевой текст, отвечающий высоким критериям качества, тогда как в результате постредактирования может потребоваться, как получить лишь самый общий смысл текста, переведенный машиной, так и текст высокого качества, готовый к опубликованию. Более того, по утверждению Т. МакИлани и М. Васконселлос [7], постредактирование традиционная проверка-редактирование (revision) перевода отличаются между собой. Например, в отличие от традиционного редактора, постредактор более или менее уверен в том, что в процессе машинного перевода не было допущено пропусков текста, и что в тексте отсутствуют орфографические ошибки. Ш. О’Брайен указывает на то, что в машинном переводе неверное толкование смысла может быть представлено только локально, а ошибка, допущенная человеком при переводе в одном месте, может распространиться по всему тексту [9, с.141]. К тому же, как отмечает А.-М. Лоффлер-Лориан, типы ошибок, возникающих при машинном переводе, отличаются от тех, которые возникают при переводе, выполненном человеком [10, с.71].

Важно подчеркнуть, что различается и содержание учебного процесса подготовки переводчика и постредактора, поскольку цели этих видов деятельности часто различаются. При обучении переводчиков основное внимание уделяется достижению точности и эквивалентности. Там, где специализированный перевод является основным направлением, начинающего переводчика учат как можно точнее использовать терминологию и значение, а также стремиться к культурной и текстовой эквивалентности. Начинающий переводчик учится создавать тексты, пригодные для публикации. По поводу различий между переводом и постредактированием Д. Сенез говорила, что переводчик всегда будет стремиться скрыть тот факт, что полученный текст – это результат перевода, а в случае постредактирования достаточно, чтобы текст соответствовал основным правилам изучаемого языка, даже если он точно следует оригиналу [11].

Мы находим подтверждение того, что проверка-редактирование (revision) и постредактирование – это не то же *самое*, что перевод или традиционное редактирование. Фактически, некоторые из требований постредактирования противоречат целям переводчиков, что, вероятно, и явилось одной из причин, по которой активное внедрение машинного перевода потерпело неудачу в прошлом [9]. Тем не менее, Т. МакИлани и М. Васконселлос видят наличие веских аргументов в пользу обучения переводчиков в качестве постредакторов. Они утверждают, что переводчик лучше всех способен выявлять лингвистические ошибки, обладает достаточными знаниями о межъязыковой передаче понятий и располагает техническими ресурсами для эффективной работы [7, с.142].

Отсюда следует вывод, что будущих переводчиков следует обучать как редакторов и постредакторов. Постредактирование и проверка-редактирование (revision) – это задача, требующая высокого уровня квалификации, при которой постредактор должен быть экспертом в предметной области, целевом языке, типе текста и контрастивных знаниях: «Фактически, постредактор должен иметь, по крайней мере, такой же опыт во всех этих сферах, как и переводчик этого текста» [8]. Кроме того, по мнению многих авторов [9, 11, 12], редактору и постредактору необходимы такие навыки, как знание систем машинного перевода, навыки управления терминологией и ведения

терминологических баз, навыки предварительного редактирования, высокий уровень владения языком, знания лингвистики текста и даже навыки программирования. В специальной литературе упоминается, что желательно, чтобы проверкой-редактированием (revision) и постредактированием занимались уже действующие переводчики. Тем не менее, еще на старших курсах вуза необходимо готовить студентов к этому виду деятельности, поскольку анализ показывает, что переводческий рынок этого уже ждет и требует [14, 15].

Прогресс не стоит на месте – еще в 2018 году на базе Исследовательского центра ADAPT начались разработки инструмента KAITER (Knowledge-Assisted Interactive Translation Editing and Revision) [13], помогающего осуществлять интерактивное постредактирование текстов после машинного перевода, в ходе которого появлялась возможность упростить рутинные операции, повторяющиеся из текста в текст. Идея состоит в том, что основная техническая задача, которую выполняют переводчики при постредактировании, – это проверка-редактирование (revision), состоящая из микродействий, выполняемых над текстовыми единицами: удаление, вставка, перемещение и замена слов или групп слов. Исследователи пытаются изучить шаблоны того, как переводчики используют эти действия, чтобы затем помочь им с инструментами, обеспечивающими более высокое качество и заметный рост производительности их деятельности.

Следовательно, внедрение технических и технологических инноваций в переводе и редактировании переводов, требующих, тем не менее, человеческого редактирования и постредактирования полученных текстов, а также тот факт, что бюро переводов при реализации масштабных проектов все шире используют системы машинного перевода, подтверждает необходимость разработки и реализации новых стратегий подготовки переводчиков в современных условиях.

Литература

1. Mossop, Brian. *Editing and Revising for Translators*, 2 edition, 2010, St. Jerome Publishing, Manchester. – 270 p.
2. *Translation Revision and Post-editing. Industry Practices and Cognitive Processes*, Edited by Maarit Koponen, Brian Mossop, Isabelle S. Robert, Giovanna Scocchera. ISBN 9781003096962 Published October 26, 2020 by Routledge. – 294 p.
3. SDL Translation Technology Insights 2020. URL: <https://www.sdltrados.com/download/tti20-humanizing-technology-to-cope-with-pressure/165258> (дата обращения: 20.11.20)
4. Massardo, Isabella. What Is Post-Editing? Here Are 3 Approaches. August 8, 2018. URL: <https://www.wordbee.com/blog/localization-industry/what-is-post-editing-here-are-3-approaches/> (дата обращения: 21.10.20)
5. Revision and Post-Editing. URL: <https://sites.uclouvain.be/archives-portail/cdc2019/en-cours-2019-ltrad2200> (дата обращения: 15.08.20)
6. Useful Difference Between Revising and Editing. URL: <https://www.eslbuzz.com/the-difference-between-revising-and-editing-in-english> (дата обращения: 03.10.20)
7. McElhaney, Terrance and Muriel Vasconcellos (1988), “The Translator and the Postediting Experience”, in Vasconcellos (1988), pp. 140-148.
8. Somers, Harold (1997), “A Practical Approach to Using Machine Translation Software: ‘Post-editing the Source Text’”, *The Translator* 3, pp. 193-212.

9. O'Brien, Sharon. Teaching Post-editing: A Proposal for Course Content. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/2002.eamt-1.11.pdf> (дата обращения: 11.11.20)
10. Löffler-Laurian, Anne-Marie (1985), Traduction automatique et style, Babel 31, pp. 70-76
11. Senez, Dorothy (1998), Post-Editing Service for Machine Translation Users at the European Commission, Translating and the Computer 20, London.
12. Wagner, Emma (1987), "Post-editing – Practical Considerations", in ITI Conference I: The Business of Translating and Interpreting, London, pp. 71-78.
13. Post Editing of the Future: An Interview with Félix do Carmo. URL: <https://www.rws.com/insights/rws-moravia-blog/post-editing-of-the-future-an-interview-with-felix-do-carmo/> (дата обращения: 23.11.20)
14. Нечаева Н.В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С. 64–72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.07
15. Постредактор – новая профессия на переводческом рынке. 23.03.2020. URL: <https://www.promt.ru/press/blog/postredaktor-novaya-professiya-na-perevodcheskom-rynke/> (дата обращения 12.12.20)

IS REVISION THE NEW TRANSLATION? WHAT DO WE NEED TO PREPARE STUDENTS FOR?

Isaeva A.A.
Voronezh State University

Abstract. The paper discusses new requirements for translators to meet the expectations of the labor market. The growing proportion of machine translation and the volume of texts to be translated necessarily lead to an increase in demand for a new service on the translation market – revision and post-editing of machine translation. The paper studies the definitions of revision/editing/proofreading, examines similarities and differences in them, examines the skills and experiences which a student-translator needs to start working as an editor or a post-editor. It also provides an insight into the content of education of future translators and concludes that it is advisable to revise traditional approaches to training translators and expand the set of professional skills to be developed.

Key words: editing, post-editing, revision, machine translation, translators training

Исаева А.А.,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры перевода и
профессиональной коммуникации
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (903) 656 7989
e-mail: anna.isaeva@gmail.com

Isaeva A.A.
Candidate of Philology, lecturer at the
Dept. of Translation and Professional
Communication
Voronezh State University
mobile: +7 (903) 656 7989
e-mail: anna.isaeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ СЛОВ-РЕАЛИЙ МАРОККАНСКОЙ КУХНИ

Кашкина Е.В.

Гиляровская Т.В.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и способы перевода с французского на русский язык названий блюд марокканской кухни, являющиеся одновременно кулинарными и этнографическими реалиями, которые считаются одними из самых трудных для перевода. Сложность задачи их перевода состоит также в том, что данные реалии одинаково чужды французскому и русскому языкам, однако они устойчиво интегрированы во французский язык Марокко, который всё больше приобретает локальное своеобразие и функционируют во французском языке метрополии. Важным моментом в статье является проведение обзора основных способов перевода гастрономических реалий, обозначающих блюда национальной марокканской кухни на французском языке. Делается попытка определить причины, повлиявшие на выбор способа перевода в конкретном случае.

Ключевые слова: Гастрономические реалии, этнографические реалии, марокканская кухня, кулинаронимы, способы перевода реалий

Гастрономия и кулинария являются одним из ключевых элементов культуры страны. Во время пребывания за границей, дегустация традиционной кухни становится обязательным элементом знакомства с рассматриваемой страной или регионом. Одновременно сами экзотические элементы кухни вместе с экзотическими продуктами, обозначающими кулинаронимы или гастрономические реалии национальной кухни, приходят сегодня с экранов телевидения, через интернет, в виде кулинарных шоу, книг, блогов, обучающих поваренному искусству передач. Формат данного контента, а также какая: устная или письменная его подача предполагается, определяет подходы к выбору способов перевода гастрономических реалий. Перевод названий национальных блюд, имеет ряд особенностей и связанных с ним сложностей, из-за неправильной передачи которых, можно оказаться перед непонятным меню ресторана, даже написанном на знакомом языке. Перевод гастрономических терминов, названий блюд относится к агрокулинарному переводу, который является частью отраслевого перевода. Однако использование машинного перевода практически исключено для данного контента из-за насыщенности специфической лексикой, обозначающей сами названия кушаний, ингредиенты, посуду, способ приготовления, которые свойственны данной местности и данному народу, этнографическими деталями, при которых невозможен буквальный перевод. Цель перевода таких слов и понятий состоит в их адекватной передаче на переводимый язык таким образом, чтобы максимально точно передать их значение, не утратив их колорита. Иногда переведенные слова, их транскрипция или калька, легко входят в язык перевода и становятся частью принимающей культуры и языка. В некоторых случаях сохранение названий блюд на исходном языке может представлять собой стратегический выбор, направленный на распространение кулинарных ценностей и особенностей страны, иногда рекламу. Так, например, французская гастрономия, имеет особый авторитет в мире, поэтому многие её названия на французском языке в виде кальки появляются в других языках. И наоборот, в последние десятилетия во француз-

ский язык вошли и даже получили развитие, в соответствии с его словообразовательными моделями, множество названий кулинарных реалий из регионов франкофонного мира, в наибольшей степени из стран Магриба. Например, название берберского блюда *couscous* – во французском языке дало название двухуровневой кастрюле для его приготовления *le couscoussier* – кускусница. Сегодня это посуда из металла, которая первоначально представляла собой глиняное блюдо с дырочками, которое можно было разместить над горшком с водой, чтобы крупа запарилась. Еще одно производное *la couscoussière* – это большая сеть ресторанов магрибской, в том числе марокканской кухни, во Франции. Таким образом, кулинарные и гастрономические реалии закрепляются во французском языке.

Марокканская кухня, одна из древнейших традиционных кухонь мира считается признанным мировым лидером по количеству и качеству предлагаемых блюд.

Целью статьи является рассмотрение способов передачи гастрономических и кулинарных реалий марокканской кухни (названий меню кафе и ресторанов, блюд национальной кухни, ингредиентов) с французского языка на русский. Практическая ценность работы обусловлена тем, что материалы исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, стилистики, лингвострановедения, в спецкурсах и на занятиях по практике французского языка и перевода.

Корпус фактического **материала** исследования составили свободные кулинарони-мы из меню сети ресторанов и многочисленных кафе традиционной марокканской кухни, расположенных в старинной части города Фес. Для перевода использовались словари и справочники различных категорий: французо-русские и русско-французские; толковые словари русского языка и одноязычные французские словари; этимологические словари, ресторанный словарь [1**] и гастрономическая энциклопедия Larousse [2**], различные онлайн словари. Перевод меню стал результатом практической деятельности студентов и преподавателей кафедры французской филологии во время переводческой практики в Марокко.

Следует отметить приверженность марокканцев национальной кухне. Например, на весь миллионный город Фес существует только одно кафе быстрого питания Макдональдс. Требование заказчика – это максимальная краткость передачи названия блюд ресторанов, максимально понятным образом для русскоговорящих туристов. Для достижения этой цели, авторами данной работы совместно со студентами было проведено полноценное исследование темы марокканской кулинарной традиции. Оно включало исторический и этимологический аспекты; поиски перевода составляющих компонентов блюд, иногда неизвестных в нашей стране. Дополнительная информация была получена от самих марокканцев, которые разъясняли и демонстрировали некоторые детали способов приготовления и рассказали о региональных отличиях одинаковых блюд. Особое внимание было уделено местным названиям кухонной утвари: для приготовления горячих блюд марокканской кухни требуется небольшая жаровня «*tijtag*», глиняное блюдо с конусной крышкой «*tajin*» для одноименной еды и горшок – «*qadra*», пароварка-кускусница, ступка с пестиком и сито. Для ферментации сыра используется глубокая керамическая миска или горшок «*jobban*». Все эти предметы в последние годы обнаруживаются и в самой Франции, в этнических ресторанах, а лексика, их обозначающая, вошла также во французский язык жителей метрополии, хотя гораздо медленнее проникает в словари. При переводе способов приготовления на русский язык пришлось столкнуться уже с особенностями французского языка, в котором, например, для глагола *cuire* в русском языке существует несколько значений: *варить, тушить, испечь*,

запечь. Выбор значения был обусловлен непосредственным изучением темы, т.е. фоновыми знаниями.

Таким образом, кулинарный перевод сталкивается с многочисленными **культурными различиями** между странами. Марокко — это удивительный и гармоничный сплав разных культур, традиций, языков. Широкое распространение французского языка, практически во всех сферах жизни, несмотря на отсутствие у него официального статуса, сделало его проводником, объединяющим европейскую культуру Франции и марокканский традиционализм. Сам французский язык в Марокко испытывает интерферирующее воздействие местных языков: арабского, дарижи, берберских на всех уровнях, самый заметный из которых – лексический. Когда слова одного языка не имеют эквивалента в языке перевода, мы говорим о безэквивалентной лексике, реалиях. В переводе существует несколько сложных вопросов, которые остаются актуальными на протяжении десятилетий, один из них – это перевод реалий. В нашем исследовании мы базируемся на определении реалий и способах преодоления трудностей при их переводе, предложенных в работах нескольких ученых-лингвистов. Реалии стали предметом исследования таких ученых-лингвистов, как И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.С. Виноградов, С. Влахов и С. Флорин, В.Н. Комиссаров, В.Г. Костомаров, Л.Н. Соболев, Г.Д. Томахин, А.В. Федоров, Г.В. Чернов, Н.А. Фененко и многие другие.

В середине прошлого века в своих трудах по переводу А.В. Федоров освещает проблему передачи безэквивалентной лексики, выделяя из неё реалии, как обозначение национально-специфических предметов и явлений. В переводоведении этот термин затем употребляется как синоним безэквивалентной лексики. Во второй половине XX века появляется ряд фундаментальных трудов, которые внесли вклад в становление науки о переводе (В.Г. Гака, Н.В. Комиссаров, Я.И. Рецкер), и трудов, посвященных проблематике реалий и приемам их передачи при переводе (С. Влахов, В. Флорин, Д.Г. Томахин и др.). В настоящее время реалии изучаются в лингвострановедении, лингвокультурологии, этнопсихологии. Реалии – это одновременно языковое и культурное явление, имеющее яркую национальную или этническую специфику, присущую определенной стране или народу. Знание специфики исторических, религиозных, этнических особенностей стран или регионов являются фоном, который необходим для понимания и адекватной передачи наименований объектов материальной культуры. Известные болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин назвали реалиями «элементы, обычные для культуры одного народа, которые не наблюдаются в другой культуре, или других культурах», таким образом, реалии – это «слова (или словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа, и чуждые другому» [1, с.47]. Словарь О.С. Ахмановой, дает такое определение: реалии – это «в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке», а также «предметы материальной культуры» [3**].

Сложность задачи перевода меню марокканской кухни лежала также в плоскости пары языков: русский и французский, для которых названия и компоненты марокканских блюд являются внешними реалиями, которые одинаково чужды обоим языкам [2, с.51]. Это значит, что помимо знания языка, переводчик должен обладать обширными экстралингвистическими знаниями. Например, если в рецепте какого-либо марокканского блюда упоминается лимон, то речь идёт исключительно об особом образе засоленных лимонов, которые марокканцы заготавливают крупно нарезаая и в большом количестве.

Б.И. Репин пишет, что «информация, содержащаяся в реалии, вытекает из существующей действительности (...) и суть проблемы передачи этой информации в том, чтобы найти средства, которые обеспечили бы верность передач этой информации...» [3, с.89].

Названия марокканских кулинаронимов и утвари, являются этнографическими реалиями, которые считаются самыми трудными для перевода. С. Влахов и С. Флорин так пишут об этнографических реалиях: «Эти малознакомые или вовсе незнакомые читателю подлинника слова требуют такой подачи, которая позволила бы воспринять, не затрудняясь, описываемое, ощутив вместе с тем тот специфический «аромат чуждости», характерный местный или национальный и исторический колорит, ради которого и допущены в текст эти инородные элементы». [4, с.81]. Марокканская кухня, одна из древнейших в мире, впитала ароматы и вкусы, принесённые в разное время из разных частей света: от коренных жителей берберов, арабов, евреев, андалусийцев, вместе с их языками и традициями, названиями посуды, специй и особенностями приготовления. Всё это своеобразие требует анализа подходов и приемов при переводе, сочетания подходов и собственного творческого решения переводчика.

Указывая значение фоновых знаний, А.В. Федоров первым предложил для перевода реалий три способа: транслитерацию (полную или частичную), создание нового слова, приблизительный перевод. Л.К. Латышев выделяет четыре способа передачи безэквивалентной лексики: транслитерация, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод [5, с.4]. В.С. Виноградов приводит следующие приемы перевода реалий: транскрипция (транслитерация), гипо-гиперонимический перевод, уподобление, перифрастический перевод [6]. В целом, в отношении приемов передачи реалий, среди лингвистов нет существенных расхождений. Наиболее полная классификация, на которую ссылается большинство исследователей, на которую мы опирались при анализе кулинарных реалий и их переводе, представлена болгарскими учеными С. Влаховым и С. Флориным [7, с.118]:

1. Транскрипция (и транслитерация);
2. Перевод: неологизм (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм; замена реалий; приблизительный перевод (родовидовая замена, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование); контекстуальный перевод.

Всего нами было переведено 118 единиц, обозначающих кулинаронимы марокканской кухни. Сразу оговоримся, что анализ представленных переводов не будет охватывать все возможные случаи, а только наиболее типичные и интересные примеры.

Изначально берберское блюдо *кускус* – *couscous (kous-kous)*, стало интернациональным, причем, в таком своём виде, это название вошло во многие языки мира. Тип перевода – **транскрипция**, т.е. фонетическая имитация исходного слова [8, с.63]. Данный способ перевода сохраняет национальный колорит и одновременно, для русскоговорящих, ассоциируется с понятными глаголами, связанными с едой: «кусать», «кушать». Однако, следует учитывать, что каждый уголок Марокко предлагает «свой» традиционный рецепт кускуса: *бидави* с семью овощами; берберский кускус *бельба* с ячменем и мясом; *секкук* с молочной сывороткой; кускус с бобами и зеленым инжиром; или *медфоун*, в котором голубей прячут под крупой. Для перевода разных видов кускуса в меню была выбрана транскрипция и понадобился короткий комментарий. При изучении способа приготовления кускуса сложности вызвало название низкой металлической кастрюли, которая используется в этом случае и имеет также несколько вариантов названия: *banna, barma, tandjra* или *marmita*, в зависимости от региона. Тем не менее, жители сельской местности по-прежнему привязаны к своему традицион-

ному глиняному *coucoussier*, которую по-русски называют кускусница или кускусье. Кускус – главное блюдо Магриба, его символ и гордость. Название кускус появилось во французском языке во времена Рабле (в форме «коскосон» или «коскотон»), потом встречается у Дюма как «кусу-кусу», и чуть позже фиксируется французскими словарями. В XX веке блюдо под сегодняшним именем стало неотъемлемой частью французского гастрономического пейзажа, оно присутствует в передачах Сирила Линьяка, звезды французского кулинарного шоу и в меню Алена Дюкаса, повара с наибольшим количеством мишленовских звёзд в мире.

Harissa – *харисса* – острый пастообразный соус красного цвета из перца чили с чесноком, для перевода нами использовался **эквивалент аджика**. Хотя по консистенции и вкусу аджика отличается от хариссы, для русскоговорящего туриста такой перевод оказывается наиболее понятным.

Merguez – *мергезы* – для данного слова было предложено два варианта перевода. Первый – «марокканские колбаски». В данном случае переводчик прибегает к **генерализации**. Вместо длинных переводческих комментариев (поджаренные кишки барана, фаршированные мясом с петрушкой и приправами, по форме похожие на колбаски), в данном случае проще передать реалию с помощью компрессии. При приближенном переводе в качестве переводящей единицы выступают аналоги, например, *мергезы* можно заменить на аналог *купаты*. Также заимствованное название, но уже достаточно понятное, короткое и прижившееся в русском языке; здесь можно говорить о замене реалии реалией. В случае с мергезами оба способа: **генерализация** и **аналог** допустимы для перевода. Перевод «марокканские колбаски» и «купаты» которые, хоть и не соответствуют точно исходному слову и продукту, не создают проблем при восприятии. Да и само марокканское название *мергезы*, по нашим наблюдениям, очень легко входит в речь русскоязычных туристов.

Pastilla – *пастилла* – является одним из самых любимых блюд марокканцев, наследие совместного проживания мавров и испанцев, которое сохранялось на протяжении веков, благодаря постоянной связи между Андалусией и Магрибом. При переводе этого блюда есть определённые сложности. Здесь не допустима транскрипция или транслитерация. В данном случае лучше использовать **описательный перевод** «*пирог из тонкого слоёного теста с разными начинками, посыпанный сахарной пудрой с корицей*» или **аналог** «*слоеный пирог*». Хотя такой перевод не отражает полностью его вкусовую специфику и состав, и не вполне соответствовал требованиям заказчика, для меню ресторана такой выбор перевода оказался наиболее приемлемым.

Jben – *жбан*. Точь-в-точь как адыгейский сыр по внешнему виду, вкусу и способу приготовления из коровьего, реже козьего молока. Собственно, *jobbana* по-арабски означает глиняный горшочек с крышкой, который использовался для свертывания молока. Сегодня такой сыр изготавливают берберы, живущие в ближайших горных селениях. При переводе был выбран точный **эквивалент** продукта на русском языке – адыгейский сыр.

Ras el hanout – *рас эль хануц*. Перевод – приправы. Это популярная марокканская смесь специй, название которой по-французски *la tête de la boutique* дословно переводится «главная в этой бакалейной лавке». Существует более нейтральный вариант по-французски: *mélange d'épices* – смесь приправ. Иногда в меню её название даётся на английском языке как *top of the shop*, то есть самая-самая лучшая. При переводе на русский язык использовалось **опущение**. Опускаться могут имена божеств, мифологических существ, а также названия локальных праздников (например, *праздник лаид*

эль *фитр*) и некоторых других этнографических элементов. Иначе понадобился бы длинный переводческий комментарий для пояснения: «*hanout* – это бакалейная лавка, в которой каждый хозяин готовит свою смесь из специй и трав, используя от 20 до 40 компонентов, в разных пропорциях; *ras* – «верхняя полка», то есть лучшее, что имелось в лавке и что торговец прятал повыше и понадежнее», который не входил в данном случае в задачу переводчика.

La salade marocaine – традиционный марокканский салат – перевод **калька**, на первый взгляд не вызывает сложностей для перевода. На самом деле это не отдельное блюдо, а целая серия, которая подается на маленьких тарелочках, для которой потребовались комментарии. В нашем случае это были тушеные баклажаны и кабачки; красные и черные сморщенные оливки; маринованная морковь и свекла с зеленью; варёная свекла с дольками мандарина; остренькие, мелко нарезанные помидоры; дымящиеся желтые бобы в подливе.

Harira – *харира*. Суп гороховый. Способ перевода – **функциональный аналог**. При передаче реалии при помощи функционального аналога до читателя доносится общий смысл понятия, но он не передаёт всех нюансов состава, вкуса, т.е. оттенков значения. Комментарий подскажет, что это густая, горохово-томатная похлебка с бараниной (опционально) и овощами, приправляется куркумой, отчего приобретает желтый цвет. Хариру обычно едят на ужин в священный для мусульман месяц Рамадан. В качестве дополнительной информации или рекламы можно добавить, что харира, как все супы марокканской кухни, имеет берберское происхождение.

Kaab el gzal – *кааб-эль-гзаль*. Пирожное круассан. Этот марокканский аналог круассана, готовится из тонкого теста, оно обсыпан сахаром и начинен миндальной пастой. Способ перевода **аналог**. Кухня Марокко славится изобилием десертов и сладостей, которые были привнесены арабами. В основе многих из них есть пряности и фрукты. В курортных и больших городах повсюду продается медовая выпечка, а кааб-эль-гзаль – круассан – изюминка десертного меню.

В качестве вывода можно сказать, что при переводе кулинаронимов, как части этнографических реалий, подходы необходимо сочетать. Выбор подхода зачастую диктуется требованиями заказчика и форматом переводного материала (перевод блогов, меню, кулинарных шоу и т.д.). Благодаря глобализации и информационным технологиям, сегодня достаточно быстро происходят диффузные процессы смешивания в языке и культуре отдельных элементов, иногда совершенно чуждых, которые воспринимает язык. Они закрепляются в принимающих языках, как калька или эквивалент, оказываются либо трудно переводимыми, либо остаются не переведёнными. Это касается марокканских кулинаронимов, большая часть которых, в нашем случае, пока не обнаруживается в двуязычных словарях. Среди преобладающих вариантов сделанного нами перевода 118 лексических единиц марокканских кулинарных реалий, использовались основные переводческие приемы: транскрипция, транслитерация, калькирование, замещение функциональным аналогом и прием описательного перевода; иногда некоторые из приемов сочетались. Практическим путем было выявлено, что транскрипция и перевод (калька) встречаются чаще всего – это две трети переведенного материала. Именно эти способы перевода реалий необходимы, когда перед переводчиком стоит задача соблюдения лексической краткости и сохранения специфичности называемой лексемы. Более точные данные могут стать предметом будущих исследований. Будучи самым интересным элементом познания новой культуры, они остаются самыми сложными и интересными для перевода.

Литература

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. – 5-е издание. Издательство Р.Валент. – 2012 г. – 406 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. – 406 с.
3. Репин Б. И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении. // Сб. Теоретические и практические вопросы преподавания иностран. яз. – М., 1970.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. – 406 с.
5. Латышев Л.К. Перевод, теория, практика и методика преподавания [Текст]: учебное пособие для вузов / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: Академия, 2008. – 192 с.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд. института общего среднего образования РАО, 2001.
7. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. – 406 с.
8. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация// Перевод и коммуникация. – М.: ИЯз. РАН, 1997. – с.129-137.

Список словарей

- 1** «ВашДосуг.RU/VashDosug.RU» // Ресторанный словарь. Электронный ресурс. URL : <https://www.vashdosug.ru/msk/restaurant/article/67129/> (дата обращения 12.11.2020)
- 2** Larousse cuisine. Электронный ресурс. URL: <https://cuisine.larousse.fr/> (дата обращения 12.11.2020)
- 3** О. с.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Электронный ресурс. URL: <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения 12.11.2020).

FEATURES OF TRANSLATION FROM FRENCH FOR CULINARY REALITIES (MOROCCAN CUISINE DISHES)

Elena V. Kashkina
Tatiana V. Gilyarovskaya
Voronezh State University

Abstract. Realities are lexical units that name objects, phenomena, objects characteristic of life, everyday life, culture, they convey the social and historical flavor of the people. The article discusses the possibilities and ways of translating the names of Moroccan cuisine dishes from French into Russian, which are both culinary and ethnographic realities, which are considered one of the most difficult to translate. The complexity of the task of translating them also lies in the fact that these realities are equally alien to the French and Russian languages, however, they are steadily integrated into the French language of Morocco, which is increasingly acquiring local originality. An important point in the work is the review of the main methods of translating ethnographic realities that denote dishes of national cuisine. An attempt is made to determine the reasons that influenced the choice of the translation method in a particular case.

Key words: Culinary realities, ethnographic realities, Moroccan cuisine, methods of translation, translation features

Кашкина Елена Викторовна,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
французской филологии
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (910) 341 3219
e-mail: uelha@bk.ru

Elena V. Kashkina
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
French philology
Voronezh State University,
mobile: +7 (910) 341 3219
e-mail: uelha@bk.ru

Гиляровская Татьяна Викторовна,
преподаватель кафедры
французской филологии
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (910) 347 3487
e-mail : tatyana_gilyar@mail.ru

Tatiana V. Gilyarovskaya
department teacher
French philology
Voronezh State University
mobile: +7 (910) 347 3487
e-mail : tatyana_gilyar@mail.ru

УДК 81'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИРОНИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Киселёв Д.А.

Самаркандский государственного институт иностранных языков

Аннотация. Рассмотрение когнитивного аспекта иронии является одним из перспективных направлений исследований. В данном случае ирония может быть представлена как пример когнитивного диссонанса, в силу того, что когнитивные структуры сталкиваются и входят во взаимное противоречие. Очевидно, что когнитивные структуры выходят за пределы собственно языкового поля и включают т.н. энциклопедические знания, в т.ч. и культурологического характера. Извлечение и осмысление информации подобного типа является обязательным условием понимания ироничного выражения в целом.

На примере фрагмента романа М. Панёля (Marcel Pagnol) «La gloire de mon père» рассматриваются способы извлечения и осмысления культурологической составляющей, чаще всего общественно-исторического характера, ироничных выражений. При этом обнаруживается, взаимосвязь общей темы фрагмента текста – светский республиканский характер подготовки школьных учителей во Франции в конце XIX в., и ироничных выражений, опирающихся на события и явления, связанные с историей и культурой. Ироничные выражения воспринимаются адекватно благодаря знаниям культурологического характера и их переосмыслению в контексте художественного произведения.

В результате становится возможным добиться более глубоко понимания художественного текста в целом, а также предметно рассмотреть когнитивные механизмы построения и восприятия значения.

Ключевые слова: ирония, ироничное выражение, когнитивный диссонанс, лингвокультурологические знания, имплицитное содержание, концепт, когнитивная метафора, метафорический бленид, интерпретация художественного текста

Ирония представляет собой специфическое явление, как в языковом, так и в когнитивном плане. Адекватное восприятие ироничного выражения зависит не только от понимания языковых единиц, задействованных для его реализации, но также и от экстралингвистического окружения – коммуникативной или референтной ситуации, исто-

рического и/или культурного контекста и др. Ирония опирается на переосмысление буквального или словарного значения слов (слов), но затрагивает не только семантику языковых единиц. Как следствие, ирония рассматривается не только в стилистическом, но и в дискурсивном, когнитивном, прагматическом плане.

На современном этапе развития языкознания, когнитивный подход к изучению языка и языковых форм выражения считается одним из наиболее продуктивных. Причиной тому является, прежде всего, перспектива постичь, таким образом, механизмы человеческого мышления [1, с.6]. Базовым положением когнитивной лингвистики является то обстоятельство, что «языковые формы изучаются в аспекте того, как они отражают определенное видение мира и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации» [2, с.16-17].

В качестве материала для определения значимости информации лингвокультурологического характера для интерпретации иронии в пространстве художественного текста выбран фрагмент романа Марселя Панёля (Marcel Pagnol) «La gloire de mon père». В этом, по сути автобиографическом, произведении автор повествует, в том числе, и об истории своей семьи. В частности, рассказывая о том, что его отец получил педагогическое образование, Марсель Панёль подробно описывает особенности учебного заведения и педагогического образования во Франции в определенную историческую эпоху (последняя четверть XIX в.). Понимание значительной части информации, содержащейся в данном фрагменте текста, требует общих, для автора и для читателя, фоновых, в первую очередь, культурологических знаний. Как показал анализ исследуемого фрагмента текста, эти знания, необходимые для интерпретации имплицитной информации, зачастую носят энциклопедический характер, так как преимущественно касаются таких сфер знаний, как история и система образования, а также история западно-христианской церкви. Вместе с тем, все произведение эмоционально окрашено – автор с теплотой описывает свои детские годы и, в особенности, приключения, связанные с охотой, в которой он принимал участие наравне с отцом и дядей. Глубокая симпатия и любовь к родным не мешают автору порой иронизировать над ними. В последующем анализе мы постараемся продемонстрировать, в какой степени ирония задействована в реализации художественного замысла, а также уточнить важность культурологической информации в формировании и восприятии иронии в художественном тексте. В данном случае, мы исходим из того положения, что интерпретация иронии задействует когнитивные механизмы, опирающиеся, в первую очередь, на общие для писателя и читателя знания, в том числе и культурологического характера.

Характеризуя учебное заведение, в котором обучался его отец – *École normale primaire*, автор прибегает к метафорическому выражению, в котором высшая педагогическая школа уподобляется духовной семинарии, ср.:

Les Écoles normales primaires étaient à cette époque de véritables séminaires, mais les études de la théologie y étaient remplacées par des cours d'anticléricalisme [1* p.15].

В структуре данного метафорического выражения задействованы два элемента: *école normale primaire* и *séminaire*. На первый взгляд, подобное уподобление кажется искусственным. Ведь хотя каждое из этих заведений является учебным, однако содержание, цели и методы обучения в них принципиально отличаются. Для того, чтобы убедить читателя в обоснованности подобного сближения учебных заведений, автор подробно развивает созданный образ, устанавливая множество соответствий. Как следствие, упомянутые элементы – *école normale primaire* и *séminaire* – становятся частью более объемных когнитивных концептов – РЕЛИГИЯ и ПРОСВЕЩЕНИЕ, и на их ос-

нове в пространстве художественного прозаического текста формируется концептуальный метафорический бленд [о теории концептуального блендинга см. подробнее 3].

Мы считаем важным подчеркнуть то обстоятельство, что в данном фрагменте художественного текста актуализируются именно когнитивные концепты, т.к. убеждены, что формирование и интерпретация ироничных высказываний имеет сугубо когнитивную природу.

Большинство современных исследователей феномена сходятся во мнении, что «ирония – это одновременно и инструмент мышления, и языковое явление, основная функция которого – выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел» [4, с.228]. Полагаем, что анализ материала нашего исследования позволяет немного расширить данное понимание. На наш взгляд, ирония может быть представлена как пример когнитивного конфликта (диссонанса), который возникает при столкновении минимум двух когнитивных структур знаний: той, что уже содержится в сознании, и той, которую пытаются представить. Первую писатель/читатель оценивает как «истинную, действительную», а вторую как «не соответствующую действительности». Таким образом, формирование и успешное восприятие ироничного высказывания зависит от солидарности писателя и читателя в осмыслении той или иной когнитивной структуры. В свою очередь, данная солидарность опирается на общность энциклопедических, культурологических знаний. Далее мы намерены продемонстрировать каким образом информация культурологического характера, в частности знания об истории европейских монархий и западно-христианской церкви, может служить основой формирования и восприятия ироничных высказываний.

Как отмечалось выше, в выбранном фрагменте текста развернуто реализуется концепт РЕЛИГИЯ, доказательством чему служит факт употребления лексических единиц, связанных с такими сферами, как христианское богословие, католическое вероисповедание и культ, а также римско-католическая церковь. В частности, обнаруженные в тексте лексические единицы и словосочетания могут быть сгруппированы следующим образом:

- 1) лица, в т.ч. священнослужители, верующие, проповедники, приверженцы различных религиозных учений;
- 2) институты Церкви;
- 3) богословские понятия, в т.ч. религиозно маркированная лексика;
- 4) религиозные действия и церемонии;
- 5) религиозные, в частности библейские аллюзии, а также
- 6) антитезы и антонимы, связанные с концептом РЕЛИГИЯ [более подробно о религиозно-маркированной лексике см. 5].

Сразу отметим, что в большинстве случаев факты истории римско-католической церкви в данном тексте упоминаются в ироническом контексте, например:

La Papauté était dignement représentée par les deux Borgia ... [1* p.15].

Очевидно, что ироничный контекст упоминания института папства отсылает к имплицитной информации культурологического характера, к т.н. «энциклопедическим знаниям». Так, имена римских первосвященников Каликста III и Александра IV, из рода Борджия, или Борха, стали символом вероломства и распущенности [6]. В частности, вскоре после интронизации Каликста III, его родственники стали переезжать в Рим и занимать значимые должности, формируя т.н. «чёрной знати». При нем еще большего масштаба достиг т.н. непотизм – позже, в 1492 г., его племянник по имени Родриго будет избран понтификом под именем Александра VI. Подозрения в преступлениях и скан-

дали сопровождали его пребывание в Ватикане, что существенно подорвало авторитет папства и в какой-то мере подготовили Реформацию. За время понтификата Александра IV раздача кардинальских шапок превратилась в мощный политический инструмент – было назначено 43 новых кардинала, и эти назначения зачастую имели политическую подоплёку. Так, его сын Чезаре стал кардиналом в 18 лет, Алессандро Фарнезе – брат папской любовницы Джулии – в 25 лет. Другие родственники понтифика заняли многие важные светские и духовные должности. Каликста III и Александра IV подозревали в использовании ядов против своих политических и личных противников. В массовой культуре распространена легенда, что ими использовался яд кантарелла, даже получивший название «яд Борджиа». Обоих понтификов подозревали в кровосмесительной связи с Лукрецией Борджиа.

Современные исторические исследования говорят о том, что часть обвинений в адрес Каликста III и Александра IV не находит своего подтверждения, однако в историческом сознании уже сформировался устойчивый стереотип восприятия, определяющий оценку данных личностей как символов порока. Как следствие, упоминание этих имен в качестве «достойных представителей Папства» – «La Papauté était dignement représentée» носит откровенно иронический характер.

Инквизиция, совокупность органов католической церкви, призванных бороться с ересью в средневековье, зачастую становилась жестоким орудием преследования и борьбы с инакомыслием. В этом смысле, нижеприведенный пример имеет ярко выраженный иронический оттенок, ср.:

Il est vrai, d'autre part, que le curé de mon village, qui était fort intelligent, et d'une charité que rien ne rebutait, considérait la Sainte Inquisition comme une sorte de Conseil de famille: il disait que si les prélats avaient brûlé tant de Juifs et de savants, ils l'avaient fait les larmes aux yeux ... [1 p.16].*

Очевидно, что в сознании современного читателя Инквизиция устойчиво ассоциируется с институтом репрессий, жестоких пыток и мучительных казней, в т.ч. и аутодафе. Следственные мероприятия судов Инквизиции имели мало общего с юридической процедурой и правосудием, поэтому уподобление Святой Инквизиции семейному совету является примером иронии. Основанием данному утверждению служит то обстоятельство, что семейный совет стереотипно воспринимается как равноправное обсуждение и взвешенное решение, которое, по возможности, является оптимальным как для всей семьи в целом, так и для каждого ее члена. Таким образом, сопоставляются два концептуально противоположных подхода к решению вопросов и налицо когнитивное противоречие, или диссонанс, являющийся основой ироничного восприятия выражения.

Полагаем, что здесь важно подчеркнуть следующее обстоятельство – в основе иронии лежит именно противоречие между стереотипным восприятием двух феноменов. Реальная историческая, научная, культурологическая, или какая-либо иная действительность имеет второстепенное значение для формирования ироничного характера высказывания. Иными словами, важно то, как мы осмысливаем, представляем, т.е. концептуализируем то или иное событие, явление или лицо, а не то, чем оно является на самом деле (если последнее вообще может быть верифицировано).

Лексические единицы, относящиеся к практике религиозного культа, например молитв, богослужений, таинств и др., играющие важную роль в построении соответствующего концепта, и опирающиеся на культурологическую информацию исторического характера, также могут быть задействованы в формировании ироничного высказывания. Рассмотрим следующий пример:

Alors, par une sorte de déhiscence, la bonne graine était projetée aux quatre coins du département pour lutter contre l'ignorance, glorifier la République, et garder le chapeau sur la tête au passage des processions [1* p.19].

Ниже мы вернемся к ироничному переосмыслению библейского образа «доброе семя», но прежде хотели бы остановиться на выстраивании несовместимого перечисления. В приведенном предложении автор выстраивает в единый ряд созвучные и, в то же время, абстрактные задачи – «lutter contre l'ignorance» (бороться с невежеством) и «glorifier la République» (прославлять Республику), и явно выбивающуюся из этого ряда задачу «garder le chapeau sur la tête au passage des processions» (не снимать шляпу при встрече с религиозными процессиями). В описываемое в романе время, т.е. в конце XIX века, во Франции при встрече с религиозной процессией было принято снимать головной убор. Как следствие, тот, кто оставался с покрытой головой заявлял о своем атеизме и тем самым как бы бросал вызов верующим. Для выпускников Ecole normale, воспитанных в духе антиклерикализма, что неоднократно подчеркивает автор, было вполне логичным. Вместе с тем, упоминание о подобном поведении одним рядом с такими амбициозными задачами, как «lutter contre l'ignorance» и «glorifier la République» носит явный ироничный характер.

Неотъемлемой частью концепта РЕЛИГИЯ, масштабно реализованного в данном тексте, являются аллюзии и отсылки к священным книгам, в первую очередь к Евангелию, и притчам, содержащимся в нем. Данная информация носит имплицитный культурологический характер. Их интерпретация подразумевает знание первоисточника, или, по крайней мере, знакомство с ним. Так, обращает на себя внимание вышеупомянутое выражение «la bonne graine», употребленное в следующем контексте:

Alors, par une sorte de déhiscence, la bonne graine était projetée aux quatre coins du département ... [1* p.18-19].

Это выражение отсылает к евангельской «притче о сеятеле», в которой говорится о семени, которое «упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный» [Луки 8:4-8]. Данная аллюзия позволяет сопоставить учителей, направляемых во все концы департамента (территориального подразделения Французской Республики), для того чтобы бороться с невежеством, с хорошими семенами, которые взойдут и принесут плоды. Вместе с тем, лексическая конкретизация в форме «aux quatre coins du département» создает определенный ироничный настрой в восприятии выражения – словосочетание «aux quatre coins» (во все четыре стороны/конца) концептуально подразумевает больший масштаб, например *четыре конца света, четыре конца страны*. Употребление лексической единицы официально-административного характера – département – нарушает ожидаемый стереотип восприятия, подчеркивая тем самым ироничность создаваемого образа.

В приведенном ниже фрагменте текста встречается два выражения, носящих ироничный характер, и оба опираются на имплицитную информацию культурологического характера, ср.:

Mais ce qu'ils haïssaient le plus farouchement, c'étaient les liqueurs dites «digestives», les bénédictines et les chartreuses, «avec privilège du Roy», qui réunissaient, dans une trinité atroce, l'Eglise, l'Alcool et la Royauté.

Au-delà de la lutte contre ces trois fléaux, le programme de leurs études était très vaste ... [1* p.18].

Термин «trinité» имеет стереотипный религиозный денотат, однако в данном случае переосмысливается. Из его семантики извлекается сема трех составляющих, которые номинализуются лексическими единицами l'Eglise, l'Alcool et la Royauté. Здесь мы наблюдаем произвольное соединение составляющих и общую ироничную оценку выра-

жения, которое создается за счет употребления несовместимого эпитета *atrose*. В данном контексте ирония формируется в результате столкновения двух отличных друг от друга стереотипных видения – того, как студенты *Ecole normale* воспринимали церковь, алкоголь и монархию, и того, как это воспринимает обычный читатель.

Другое словосочетание «*ces trois fléaux*», употребляемое в тексте, когда речь идет церкви, алкоголе и монархии, которые рассматривались выпускниками *Ecole normale* в качестве врагов народа, безусловно, отсылает к выражению «*fléau de Dieu*» («бич Божий»). В западной традиции данным эпитетом характеризовали Атилу, предводителя гуннов, чьи нашествия на Рим в V в. н.э. воспринимались как наказание свыше. Впоследствии это метафорическое выражение обрело устойчивый характер и стало использоваться как синоним бедствия, общего несчастья, например, «международный терроризм – бич XXI века», «алкоголь – бич народа» и др. Противоречивость оценки данных явлений посредством термина «*fléau de Dieu*» говорит о несовпадении традиционного, стереотипного восприятия данного словосочетания и того, что выпускники *Ecole normale* вполне могли применить его по отношению к сведенным воедино церкви, алкоголе и монархии.

В следующем фрагменте текста содержится отсылка к деяниям мученика Полиевкта Мелитинского (III в. н.э.), ср.:

La terrasse des cafés, à l'heure de l'apéritif, leur paraissaient une assemblée de candidats au suicide. Un ami de mon père, ivre d'eau filtré, en renversa un jour les tables, comme un Polyevcte laïque qu'il était [1* p.17].

Согласно преданию, приняв христианскую веру, Полиевкт разбил языческих идолов, которые несли жрецы, за что был казнен. Соотнесение двух лиц и их поступков в контексте анализируемого фрагмента (новообращенный христианин, разбивающий языческих идолов vs. школьный учитель, опрокидывающий столики в кафе) текста носит очевидный отпечаток иронии. В данном случае противоречие заключается в несоответствии пафоса поступка Полиевкта, который разбил языческие идола, осознавая последствия – мучения и казнь, и почти хулиганского поведения выпускника *Ecole normale*, который перевернул столы сидящих в кафе посетителей. Суть и последствия двух данных поступков несопоставимы. Подобное ироничное переосмысление узнаваемого сюжета может служить основой своеобразной литературной пародии, которая обязательно носит ироничный характер. Очевидно, что осмысление данного выражения возможно только при обращении к знаниям культурологического характера, в частности к истории раннего христианства.

Как отмечалось выше, в выбранном фрагменте текста, в развернутом виде реализуются два концепта – РЕЛИГИЯ и ПРОСВЕЩЕНИЕ. На протяжении всего анализируемого фрагмента, большая часть выражений, в т.ч. и ироничных, в ходящих в структуру концепта, затрагивает структуры знаний, относящихся к религии. Это вполне объяснимо, т.к. оба концепта задействованы в процессе реализации метафорического блендинга, о чем мы уже упоминали. Концепт РЕЛИГИЯ является «целью» в структуре метафорического бленда, что обуславливает большую степень его актуализации в тексте. Концепт-источник ПРОСВЕЩЕНИЕ актуализирован в меньшей степени. При этом, составляющие данного концепта также задействованы в формировании ироничных высказываний, для осмысления которых, как мы уже имели возможность убедиться, необходимы и знания лингвокультурологического характера. Частью концепта является имплицитная информация, адекватная интерпретация которой является условием осмысления концепта в целом.

Как упоминалось выше, отец писателя получил образование в *École normale primaire*. За названием учебного заведения стоит имплицитная информация, относя-

щаяся к целям и характеру обучения в нем. Здесь необходимы знания истории системы образования во Франции. Появившиеся во Франции в самом конце XVIII в., *Écoles normales primaires* со II половины XIX в. и до 1990-х гг. являлись высшими учебными заведениями, которые готовили учителей для начальной школы. В настоящее время эта миссия возложена на IUFM (Instituts universitaires de formation des maîtres).

Использованные в тексте обозначения руководителей учебных заведений и ответственных лиц в системе народного просвещения дают автору возможность продемонстрировать иерархические отношения между ними, выстраивая параллель с иерархиями церкви, что содействует концептуализации метафорического выражения на уровне составляющих, ср.:

M. l'inspecteur d'Académie était leur évêque, M. le recteur, l'archevêque, et leur pape, c'était M. le ministre: on ne lui écrit que sur grand papier, avec des formules rituelles [1* p.20].

Адекватная интерпретация подобного параллелизма опирается на экстралингвистические знания энциклопедического характера: Академии, о которых идет речь, в отличие от Французской Академии (*Académie française*), являются территориальными органами, координирующими деятельность министерств народного и высшего образования в регионах Франции; во главе Академии стоит ректор, назначаемый на этот пост Президентом Республики. Вместе с тем, иерархи католической церкви и чиновники министерства образования не могут быть приравнены друг к другу. Установление подобных соотношений носит явно формальный, искусственный характер. В восприятии читателя, опирающегося на существующие стереотипы, отношения между школьными учителями с одной стороны и инспекторами и ректором Академии, а также министром просвещения, значительно отличаются от характера отношений и способов взаимодействия приходских священников с епископом, архиепископом и Папой Римским. Данное несоответствие, которое устанавливается в сознании читателя, и является основой для формирования и последующего осмысления ироничного выражения.

В целом, осмысление теоретических взглядов на сущность феномена иронии, роли культурологической информации в формировании ироничного выражения и анализ художественного текста позволяет, в первую очередь, подтвердить известный тезис о продуктивности применения когнитивного подхода к изучению иронии. Вместе с тем, ироничное высказывание может быть рассмотрено как пример диссонанса когнитивного порядка, когда сталкиваются, как правило, несовпадающие, а иногда и противоположные представления о лицах, объектах или событиях. Восприятие того или иного события базируется на существующем стереотипе, который и определяет отношение к событию. И в данном случае, второстепенным оказывается то обстоятельство, в какой степени данное стереотипное восприятие соответствует истинному положению вещей. Стереотип восприятия часто присущ определенной общественно-исторической формации и со временем может претерпевать изменения, особенно то, что касается исторических личностей, например представителей клана Борджиа.

Стереотипные представления, на которые опирается ироничное выражение, могут относиться к фактам культурологического порядка. И в данном случае необходимым условием для формирования и адекватного восприятия ироничного высказывания является то, что писатель и читатель должны разделять эти стереотипные представления культурологического характера.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-ое изд. испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-ое, исп. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2014. 236 с.

3. Fauconnier, Gilles. Mark Turner The Way We Think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2002. 440 p.

4. Шилихина К.М. Современные теории иронии (рец. на кн.: Irony In Language And Thought : A Cognitive Science Reader / ed. by H. L. Colston and R. W. Gibbs, Jr. – New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – 619 p.) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 228-230.

5. Галиева М.Р. Теолингвистика: истоки, направления, перспективы. – Ташкент: VneshInvestProm, 2018. 260 с.

6. Котельников К. Род Борджия: «гении зла»? // Сетевое издание «Дилетант». 2019. URL: <https://diletant.media/articles/45242610> (дата обращения: 10.12.2020).

Список источников примеров

1* Pagnol M. La gloire de mon père. Editions de Fallois, 2004. 216 p.

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF IRONY WITHIN A FICTION TEXT

Dmitriy A. Kiselev
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Abstract. Consideration of the cognitive aspect of irony is one of the promising areas of research. The irony can be presented as an example of cognitive dissonance, due to the fact that cognitive structures collide and enter into mutual contradiction. Obviously, cognitive structures go beyond the actual linguistic field and include the so-called encyclopedic knowledge, including those of a culturological nature. Extracting and making sense of this type of information is a prerequisite for understanding ironic expression as a whole. Methods of extracting and understanding the cultural component, most often of a socio-historical nature, of ironic expressions have been considered on the example of a fragment of the novel “La gloire de mon père” by Marcel Pagnol. At the same time, the interconnection of the general theme of the text fragment has been revealed – the secular nature of the training of school teachers in France at the end of the 19th century, and ironic expressions based on events and phenomena associated with history and culture. Ironic expressions are perceived adequately thanks to the culturological knowledge and their re-thinking in the context of a fiction text. As a result, it becomes possible to achieve a deeper understanding of the fiction text as a whole, as well as to objectively consider the cognitive mechanisms of construction and perception of meaning.

Key words: irony, ironic expression, cognitive dissonance, linguistic and cultural knowledge, implicit content, concept, cognitive metaphor, metaphorical blend, interpretation of a literary text

Киселёв Дмитрий Анатольевич,
доктор филологических наук, доцент
кафедры французского языка и литературы
Самаркандского государственного инсти-
тута иностранных языков
тел.: +7 (998) 90 224 8578
e-mail: dkisselev@inbox.ru

Dmitriy A. Kiselev
Doctor of Philology Associate Professor
of the Chair of French Language and
Literature Samarkand State Institute of
Foreign Languages
mobile: +7 (998) 90 224 8578
e-mail: dkisselev@inbox.ru

УДК 81` 25
81` 255.2
821.111
82.035

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF ARTISTIC LITERATURE TRANSLATION

T.G. Klikushina
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov,
a branch of Rostov State University of Economics

Abstract. This article deals with the peculiarities and problems of artistic literature translation. The author stresses that translation of literary texts differs sharply from other types of translation and presupposes speech creativity. The original of a literary work is unique, while its translations can be numerous. Successful translation is the result of a number of factors, artistic thinking being the most essential. The main function of artistic thinking is awareness of the world depicted in the original, creative reinterpretation and recreation of artistic images and intent of the author. In addition to this, a literary text is characterized by specific ways of organizing language material. The explicit and hidden imagery of words, being the specifics of literary creations, their organizing, constructive element, distinguishes artistic poetry and prose from non-literary texts. Also, special difficulties arise when the source text and target text belong to different cultures. In this case, the translation will be complete if the translator takes into account the depths of the original culture. With such an abundance of language tools, the conflict of form and content is inevitable, hence the frequent use of the compensation technique and the inevitable effect of neutralizing some significant translation dominants. Thus, the translator is always faced with a painfully creative choice in order to create an adequate artistic and emotional impression of the original, finding the most appropriate artistic images, tropes or structures.

Key words: translation, literary translation, artistic literature translation, art of translation, translation of poetry, literary text, culture, translation techniques, linguistic principle of translation, problems of translation, socio-cultural problems in translation

Today due to translations a contemporary Russian reader has a large library of world's literature. But the problem is that any person who knows a foreign language, in this or that way, tends to become an interpreter, and not an ordinary one, but the translator of fiction. It is very modern now, but not so easy to fulfill. There are two ways of doing it:

1) to find a firm or a translation bureau that deal with such kind of work (especially suitable for publishing houses),

2) to learn the language and the craft of literary translation (which is not an easy task) and to be able to translate the chosen book "quickly" and adequately. That is why we have to know the peculiarities of this process and be able to solve the problems of any fiction while interpreting or translating it.

The definition of the terms: translation, literary translation, artistic literature translation, etc. is still debatable.

According to A.V. Fedorov, the Russian master of translation studies, «translation is always to some extent a window into another world, a world of other people, sometimes in another epoch – the window in which we look to the West, then to the East»[1, pp.13-14]. Thus the peculiarity of translation is based on the process of converting of the foreign-

language text in the original by means of the target language and within the limits of its literature. The language in any truly artistic translation, in accordance with the style of the original, is the common thing that unites the translation with the literature that has accepted it [Ibid]. Therefore, translations of fiction penetrate into the literature of the country in whose language they now live, and in a certain way affect the processes of its development, sometimes becoming a factor not only in literary, but also in public life [2, p.27].

An Italian writer, translator and translation researcher Umberto Eco states that «translation is a strategy that seeks to make the same impact in another language as it has in the source discourse» [3, p. 352].

We cannot but agree with the point of view of V.S. Modestov, who tries to give a single general definition according to which literary translation is a form of original artistic creation. Thus a literary work that exists in one language, and is fully recreated in another language by its artistic means, becomes a new unity of content and form in a different language, and a different ethnic culture, complete literary work of interpretive art. Literary translation should match the original in strength of the intellectual and emotional impact on the reader [2, p. 28].

But we also adhere to N.M. Lyubimov, R. Wechsler who consider literary translation, both poetic and prosaic, an art [4, p.5; 5, p.5]. Art is the fruit of creativity. And creativity is incompatible with literalism.

The purpose of literary translation is to reproduce the original as completely as possible in the material of another language, and not to create a new original work. The translator creates the artistic means of the language order in the native language himself and anew, so from this perspective, literary translation is an original interpretive work [2, p.25].

The art of translation cannot be compared with the art of writing fiction, but still the translator must be vested with the gift of writing. Both translators of fiction and writers-translators have much more in common with original writers than the ones who try their hand at translation in general.

It is a well-known fact that translators, as well as writers, create on the basis of their many-sided life experience and constantly replenish the stock of impressions. Thus mastering the art of translation that has its own characteristics, both translators and the original writers pay special attention to the historical development of the native literary language and the language of the native people as well. It is in the language and in their own vision of the world, particular means of representation of the artist's intention that every translator, being a true artist, tries to find something in common with the original writer. That is why the translator's personality and individuality are also reflected in the works he chooses to recreate in his native language.

L. Davis mentioned in her work that she liked to reproduce the word order, and the order of ideas, of the original whenever it was possible. She stated that in translating, you ask yourself a question, or it is asked to you by the text. Of course, there is no satisfactory answer to it, though you perform a translation and put something down on paper, and then years later the answer to the question that you bear in mind and never forget may turn up.

Both writing and translating are enhancing each other. The difference between them, according to L. Davis, is that in translation, you are writing, but which is not enough, you are also solving, or at least trying to solve, a number of problems not of your own creation. The problems cannot be evaded, as it is possible to do in your own writing, and they may arise later [6].

The author also mentions eleven pleasures of translating:

- 1) the pleasure of writing;

- 2) the pleasure of solving a problem, a puzzle;
- 3) translating is a kind of writing you can do not only when you are fresh, energetic, and in a positive state of mind, but also when you are tired, or cross, for the very reason that you are not under the pressure of invention;
- 4) it is the pleasure of company versus solitude; when you are translating, you are working in partnership with the author; you are not as alone as you are when writing your own work;
- 5) you are to some extent disappearing from yourself for a little while, you become wholly absorbed into an activity;
- 6) you are also entering another person... You develop the ability, if you did not have this before, you can be both yourself and another, or multiple others, at the same time;
- 7) you are also visiting and cognize another culture for longer or shorter periods of time. Translation is a very deep sort of «armchair travel»... You are traveling, and you are, inevitably, always learning; you have the stimulation of both;
- 8) you not only enter that other culture, but remain to some extent inside it as you return to your own;
- 9) you have greater perspective on your own native culture, with its particular history. You are always in it and of it, but you do not take it for granted. You appreciate the individuality of any culture, but you also notice... your own culture may not be superior in every respect;
- 10) you become more and more knowledgeable about your language (different styles and sensibilities) and its resources as you work – from author to author, book to book, year to year, etc.;
- 11) you are at the same time clothing yourself, for a time, in the sensibility of the original author [6].

For the translator, the ideal and adequate translation of the text involves: the rejection of verbatim translation, the introduction of certain substitutions and the search for suitable semantic correspondences. Thus, on the one hand, it requires from the translator to put himself into the author's shoes, to amalgamate with him: to explore, to be resourceful, to be familiar, to invent, to have visual acuity, to empathize, to smell and hear like both the writer and his characters. On the other hand, it is necessary to reveal the creative individuality of the translator so that it does not steal the show of the author.

V. Nabokov gave several useful requirements that a translator must possess in order to be able to give an ideal version of a foreign masterpiece: 1) he must have as much talent, or at least the same kind of talent, as the author he chooses; 2) he must know thoroughly the two nations and the two languages involved; 3) be perfectly acquainted with all details relating to his author's manner and methods; 4) know the social background of words, their forms, history and period associations; 5) while having genius and knowledge he must possess the gift of mimicry; 6) be able to act the real author's part by impersonating his tricks of conduct and speech, his ways and his mind, with the utmost degree of verisimilitude [7].

Two criteria are important for evaluating the art of translation: 1) the translation should be the most complete and comprehensive reproduction of the literary original and 2) a full-fledged artistic work [2, p.46].

It is well-known that translation is the communication of the meaning of a source-language text by means of an equivalent target-language text. As languages change, texts in an earlier version of a language – either original texts or old translations – may be difficult for more modern readers to understand. Texts may thus be translated into more modern languages, and the translation done is called a modern one. It is applicable to any language with a long

literary history. That is why modern translation often involves literary scholarship and textual revisions, as there is frequently not a single canonical text.

Nowadays some scholars deal with the problems:

1) the problem of «translatability» – «untranslatability» of literary texts. The idea of «untranslatability» of literary texts, both prosaic and poetic, has always been talked about, based on the difference in language and cultural traditions. In the 20s of the last century, domestic translators put forward the opposite idea – «translatability» by presenting and making justifications for the remarkable, successful translations of M. Lozinsky, S. Marshak, V. Nabokov, etc. According to A.V. Fedorov, the idea of the formal untranslatability of the original text was opposed to the principle of really achievable functional correspondences. The language is understood not as a form, but as a function, as a «carrier» of the content that with the help of its means gets a special coverage. Understanding of the translation's ultimate goal not like the creation of some of the cast from the original language, but as the recreation of the unity of content and form that makes a work of literature. The implementation of this task was conceivable only in functional terms and in relation not to the separately taken details but to the whole, which is a literary work itself that bears the seal of individual style of the creative personality of the writer [8, p. 34].

2) The language problems of translation are mainly reduced to the following questions: 1) the interrelation of the two language systems; 2) the extent of presence of the original language in the art tissue of translation; 3) the tension in the style of the translation that occurs because the meaning of the work was reconstructed by means of another language [2, p.66]. Neither learning nor diligence can replace imagination and style[7].

3) What is easier to perform: the translation of poetry or that of an artistic text? Of course, poetry presents special challenges to translators. In 1974 the American poet James Merrill wrote a poem, "Lost in Translation", which in part explores this idea. The question was also discussed in Douglas Hofstadter's 1997 book, *Le Ton beau de Marot*. He argues that a good translation of a poem must convey as much as possible of not only its literal meaning but also its form and structure (meter, rhyme or alliteration scheme, etc.) [1**].

The translation of an artistic text as any type of translation has its own peculiarities and is considered to be the most labor-intensive. Many translation bureaus and translators qualify artistic translation as the most studied and easy. These translations are distinguished by their novelty, specialty and striving to modernize. One of the peculiarities of an artistic text is a great number of figures of speech and different expressive means in the source language, which should be rendered with all the stylistic peculiarities, sense and other nuances. Moreover, the translator of an artistic text should be bright and keen-witted, because in artistic literature one usually comes across irony, metaphors, a play of words, which should be rendered with proper sense, conveying the author's idea. Translation of works of art is a time-consuming and complex process, and only selected people can be allowed to translate [9, p. 26]. The translator activates the mental activity, artistic taste, expands the horizons, deepens the knowledge of not only foreign, but also the Russian language as well.

Artistic translation should not be carried out word-for-word, in this case the special thrill in describing the characters and the peculiarities of their speech, the colouring of the scenery and the special flavour of the time period will be lost. Nevertheless, it's not possible to render all the expressive means of the original. As the majority of translators admit, many jargon, folklore and dialect figures of speech remain untranslatable.

However, the situation can be saved by the following means:

– **Dialecticisms** are used to translate abusive language, jargon, colloquial language, maintaining stylistic colouring.

– «**Speaking**» **names and toponyms** are transmitted with the preservation of the semantics of the “speaking” name and the word-formation model typical for the original language, which is exotic for the target language.

– **Comparison** is used to render phrases, taking into account stylistic and structural peculiarities.

– **Irony** enables the interpreter to compare the incomparable and to express the peculiarities of the speech in contrast.

– **Metaphors** are necessary to render structural characteristics.

– Using **play of words** one can render the ambiguity of the source language.

– The **syntactical specificity** of the original is a play of contrast: long and short sentences, well-defined rhythm etc.

– Special attention should be paid to the strongly pronounced **national and historical colouring of the content and form**, as well as the **individual style of the author and the genre of the work**, and also to **the translation of realia**, names and proper names, the problem of preserving the genre features of the original, etc., as well as the national and historical peculiarity of the original.

The translations have detected the most wide-spread problems, which occur most often.

1. Artistic texts should not be translated literally. Moreover, there cannot be two absolutely identical translations. Somebody will try to preserve the author’s style, others will emphasize the syntactical structure. Thus, the translator should have the style of his own, should be a real writer.

2. The translation of phraseological units can turn out to be a problem, if the interpreter does not have proper dictionaries and his own vocabulary leaves much to be desired.

3. The translation of humour. The things, funny in English, can be not funny at all in Russian translation, and sometimes even foolish.

4. The preservation of the spirit of the epoch and culture, the national and historical specifics of the original. Here one cannot manage without constant broadening of his or her outlook, as the text may apply to a certain time period, which should be rendered in translation. Thus, the translation technique does not recognize the modernization of the text, based on the simple logic of equality of impressions: the perception of the work by the modern reader of the original should be similar to the modern reader of the translation. We are not talking about a philologically reliable copy of the target language at the time when the original was written. Modern translation gives the reader information that the text is not modern, and with the help of special techniques tries to show how ancient it is.

The main aim of the interpreter of an artistic text will always be the maintenance of individuality and the adaptation of the material for a certain culture [10].

The language reflects the national vision of the world around us, its uniqueness associated with the geographical location of the country, its history, religion, traditions and customs[9, p. 11]. Without any doubt, there are planetary realia that every person who has received at least a secondary education must know, and national realia that are especially dear to one nation, but which all those who make the language of this nation their profession must know. That is why it is improper for a translator to confine himself to his native culture, he must appropriate, make the second “I” and the culture of the people in whose language he has the honor to work. And only then do they speak with good reason about the linguistic and cultural competence of the translator [9, p.14].

5. Along with imagery, fiction is distinguished by a special property that can be called semantic content, which is manifested in the writer’s ability to say more than the meaning

of words in their totality. In this regard, such problems as non-equivalent vocabulary, lexical variant (lexical colouring of the word, figurative meaning of the word) acquire special significance in literary translation.

6. The problem of the whole and the parts;
7. The problem of everyday, mundane and verbal etiquette;
8. The problem of replenishment of the stock of background knowledge;
9. The problem of observance of time and spatial distance;
10. The problem of strengthening the multicultural context of modern fiction;
11. The problem of translation of colours (e.g. white colour means peace and goodness, but it can also symbolize death, foolishness, bad luck, etc.);
12. The problem of transmitting deviations from the literary norm;
13. The problem of translating «body language» (in different countries one and the same gesture or sign, movement have quite opposite meanings and sometimes improper, indecent ones);
14. The problem of euphrasis;
15. The problem of duality of the translated work;
16. The problem of the «false friends of the translator»;
17. The problem of movie translation etc.

According to S. Hariyanto, poetry translation should be semantic translation, for a poem is typically rich with aesthetic and expressive values. The translator may face the linguistic, literary and aesthetic, and socio-cultural problems in translating it. The linguistic problems include the collocation and obscured syntactic structure. The aesthetic and literary problems are related with poetic structure, metaphorical expressions, and sounds. While the socio-cultural problems arise when the translator translates expressions containing the four major cultural categories: ideas, ecology, behavior, and products [11]. V.N. Komissarov underlines that the full aim of the translation is to establish the maximum degree of equivalence at every existing level [12].

The key point in any translation research, as H. Pavlenko stresses, is the autonomy of the translator's actions that are determined by linguistic and literary, cultural and social factors. So, the translator must not only keep in mind all the difficulties inherent to the target text but also take into consideration all its aesthetic aspects, motives and styles to highlight the integrity of the content [13].

The linguistic principle of translation, first of all, involves the reconstruction of the formal structure of the original. However, the proclamation of the linguistic principle as the main one can lead to excessive adherence to the original text in translation – to a literal, linguistically accurate, but artistically weak translation, which would in itself be one of the varieties of formalism, when foreign language forms are accurately translated, stylization occurs according to the laws of a foreign language. In cases where the syntactic structure of the translated sentence can be expressed in translation by similar means, the literal translation can be considered as the final version of the translation without further literary processing. However, the coincidence of syntactic means in two languages is relatively rare; most often, when translating literally, there is a violation of the syntactic norms of the Russian language. In such cases, we are faced with a certain gap between content and form: the author's thought is clear, but the form of its expression is alien to the Russian language. Verbatim accurate translation does not always reproduce the emotional effect of the original, therefore, literal accuracy and artistry are in constant contradiction with each other. It is indisputable that translation is based on language material, that outside the translation of words and phrases, literary translation cannot exist, and the translation process itself must also be based on

knowledge of the laws of both languages and on understanding the laws of their relationship. Compliance with the language laws is mandatory for both the original and the translation. But literary translation is by no means a search for language relations alone.

The translation should be done according to some methodological principles of translating prose texts, as despite a huge amount of debating issues about translation of poetry, far less attention has been paid to studying peculiarities of translating literary prose, partly because of the widespread erroneous assertion that the latter is a far simpler structure than any work of poetry and thus a lot easier to translate. We agree with the author that there has been lack of information regarding prose translation methodology, whilst we have certain statements about the criteria of poetic translation [13].

H. Pavlenko stresses that the inspirational power of literary translation strengthens the significance of form and content, therefore any distinctions between two of them are doomed to failure. Moreover, any notion of sameness and similarity must be discounted and what the translator must do is to define the function of two language systems that will adequately reflect each other.

To present another culture via target text a translator should possess the skills to encounter unfamiliar cultures, study cultural gaps and minimize the chances for misunderstanding between original reader and the recipient.

At the same time, the translator should neither impose, interpret cultural values of the original text onto the target language culture nor avoid being tempted to predict original intentions of the author on the basis of self contained text.

And here the key point for the prose translator is that he shouldn't be inclined to word for word translation which makes language representation poor, insufficient and scanty. The translator's prime concern is to consider how the opening lines of the prose text relate to the structure of literary work as a whole.

The best advice is given by L. Davis, who calls it «the silver lining to a translation cloud. One frustration in translating is the restraint you need to show, having to remain faithful to this text and solve this problem, having to refrain from shifting into your own style or, worse, expressing your own ideas. And there is usually not an exact equivalent of the original, or if there is, it is awkward, or unnatural, and can't be used; translation is, eternally, a compromise. You settle for the best you can do rather than achieving perfection, though there is the occasional perfect solution» [6].

Therefore, the translator must have not only the necessary linguistic knowledge and skills, an understanding of the specific character of the target language (i.e., the language into which the text is translated) and the source language (i.e., the original language) and the difference between them, but also extensive knowledge in the field of literary studies, literary history, biography and creativity of the original author. In other words, the translator of a work of art must be not only a specialist in linguistics and the history of translation, but also a literary critic, cultural critic, and master of literary style.

Taking into account specific problems of literary translation, H. Pavlenko cites J. Levy who puts forward key questions that face literary prose text: What degree of utility is ascribed to various stylistic devices and to their preservation in different types of literature...? What is the relative importance of linguistic standards and of style in different types of literature...? What must have been the assumed quantitative composition of the audiences to whom translators of different times and of different types of texts addressed their translations? [13]. But the main thing for translators is that they must not be «Traditori traditory!», i.e. «Translators – traitors!» as old people used to say bearing in mind those who by ignorance or

malicious intention distort the meaning of the text under translation. That is why the translator must be faithful to the author and the reader for whom he translates the literary work.

References

1. Fedorov A.V. *Iskusstvo perevoda i zhizn' literature: Ocherki*/ A.V. Fedorov. –L.: Sov. pisatel': Leningr. otd-e, 1983. – 352s.
2. Modestov V.S. *Khudozhestvenniy perevod: istoriya, teoriya, praktika*/ V.S. Modestov. – Moskva: Izd-vo Lit. in-ta im. A.M. Gor'kogo, 2006. – 463 s.
3. Eco U. *Skazat' pochti to zhe samoye: opyty o perevode* / Umberto Eco; per. s ital. i prochikh Andrey a Kovalya. – Sankt-Peterburg : Symposium, 2006 (SPb. : Pechatniy dvor im. A. M. Gor'kogo). – 568s.
4. Lyubimov N.M. *Nesgorayemyye slova* : [Ocherki] / Nikolay Lyubimov. – 2-e izd.. dop. – M.: Khudozh. lit., 1988. – 334s.
5. Wechsler R. *Performing without a stage : the art of literary translation* /Robert Wechsler. – Catbird Press, 1998. – 293p.
6. Davis L. *Eleven Pleasures of Translating*// The New York Review of Books. –8 December 2016. – Vol. LXIII. – no. 19.– pp. 22–24. [Electronic resource]. Access mode: https://www.nybooks.com/articles/2016/12/08/eleven-pleasures-of-translating/?lp_txn_id=1011171(Date of reference: 08.01.2021).
7. Nabokov V. *The Art of Translation*[Electronic resource]. Access mode: <https://newrepublic.com/article/62610/the-art-translation> (Retrieved 19 January 2020; Date of reference: 08.01.2021).
8. Fedorov A.V. *K voprosu o perevodimosti*/A.V. Fedorov//Aktualnyye problemy teorii khudozhestvennogo perevoda [Tekst]: Materialy Vsesoyuz. simpoziuma. (25 fevr. – 2 marta 1966 g.): [V 2 t.]/[Red. Z. Kulmanova]; Soyuz pisateley SSSR. Sovet po khudozh. perevodu. – Moskva, 1967.– T. I.– Ss.33-38.
9. Min'yar-Beloruhev R.K. *Kak stat' perevodchikom?* / Otvetstvenniy redaktor M.Ya. Blokh. – M.: «Gotika», 1999. –176 s.
10. *Artistic translation of texts* [Electronic resource]. Access mode: https://www.lingvo-master.com/staty/staty_19.html (Date of reference: 10.12.2020).
11. Hariyanto S. *Problems in Translating Poetry* [Electronic resource]. Access mode: <https://www.translationdirectory.com/article640.htm> (Date of reference: 10.12.2020).
12. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.*/ V.N. Komissarov.– M.: Vyssh. shk.. 1990. – 253 s.
13. Pavlenko H. *Artistic Translation: Towards Multicultural Discourse* [Electronic resource]. Access mode: <http://www.barnolipi.com> (Date of reference: 5.12.2019).

List of Dictionaries

1** *Translation* [Electronic resource]. Access mode: <http://en.wikipedia.org/wiki/Translation>. (Date of reference: 5.12.2019).

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кликушина Т.Г.
Таганрогский институт им. А.П. Чехова,
филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности и проблемы перевода художественной литературы. Автор подчеркивает, что перевод художественных текстов – это искусство, которое предполагает речевое творчество. Успешность перевода определяется рядом факторов, самым решающим из которых является художественное мышление. Основной функцией художественного мышления является осознание мира через его осмысление, через творческое переосмысление и воссоздание художественных образов и творческого замысла автора. Кроме того, художественный текст характеризуется специфическими способами организации языкового материала. Явная и скрытая образность слов, являясь специфической литературных произведений, их организующим, конструктивным элементом, отличает художественную поэзию и прозу от научного текста. Особые трудности возникают также, когда языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам. В связи с этим, успешность перевода всегда связана с фоновыми знаниями переводчика. Художественный перевод учитывает также и лингвистический фактор, так как переводчик работает с языковой материей, а значит должен учитывать законы обоих языков. Анализ материала подтверждает, что каждый перевод – это творческий процесс, отмеченный личностью переводчика, главная задача которого создать адекватное художественно-эмоциональное впечатление от оригинала.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, перевод художественной литературы, искусство перевода, перевод поэзии, художественный текст, культура, техника перевода, лингвистический принцип перевода, проблемы перевода, социокультурные проблемы перевода

Кликушина Татьяна Георгиевна,
Доцент, канд. филол. наук
Таганрогский институт им. А.П. Чехова,
филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
тел.: +7 (988) 537 0924
e-mail: tklikushina@yandex.ru

Tatiana G. Klikushina
Associate professor, PhD
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov,
a branch of Rostov State University of
Economics
mobile: +7 (988) 537 0924
e-mail: tklikushina@yandex.ru

УДК 801.3=134.2

АНИМАЛИЗМ «ОСЁЛ» В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Корман Е.А.
Южный федеральный университет

Аннотация. В данной работе рассматриваются отдельные вопросы, связанные с исследованием места и роли анимализма «осёл» в испанской языковой картине мира. Образ осла исторически занимает значительное место в жизни и культуре Испании и стран Латинской Америки, являясь семантической доминантой, о чем свидетельствует наличие семи наименований данного животного и его ближайшего «родственника» мула – asno, borrico,

burdégano, burro, jumento, mula, pollino, в то время как в русском языке присутствует только три лексемы – осел, ишак и мул. Соответствующий компонент широко представлен в испанской фразеологии: по данным проведенного исследования выделено 182 ФЕ; в русской фразеологии таких выражений всего 11. Автором затрагивается проблема формирования устойчивых коннотаций, связанных с образами осла и мула в испанской и русской лингвокультурах, приводятся данные национальных корпусов языков, ассоциативных словарей, рассматриваются конкретные испанские и русские выражения, демонстрирующие различные зооморфные характеристики. К анализу привлекаются примеры использования соответствующих анимализмов в СМИ и художественной литературе. Также затрагиваются отдельные проблемы, возникающие при интерпретации и переводе выражений с данным компонентом с испанского языка на русский.

Ключевые слова: анимализм, зооморфизм, осёл, семантическая доминанта, фразеология, языковая картина мира, устойчивая коннотация, испанский язык, испанская лингвокультура, русская лингвокультура

Интерес к когнитивным и этнолингвистическим исследованиям со стороны многих ученых [1; 2; 3; 4; и др.] свидетельствуют о важности вопросов, связанных с воссозданием языковой картины мира, для современной науки. «При анализе различных явлений языка и речи лингвисты стараются сделать особый акцент на изучении языкового сознания и того, что из этого проистекает: языковой картины мира, этнокультурных моделей вербального и невербального поведения, национально-культурной специфики, связи образов сознания и этнических стереотипов, связи сознания и культуры и др.» [3, с.147].

Восприятие мира обусловлено не только физиологическими и когнитивными механизмами, но и принадлежностью индивида к той или иной социальной, культурной, этнической общности, личностными характеристиками (образованием, профессией, возрастом, полом) и др. Значимую роль в отображении действительности играет и язык. Как справедливо полагают З.Д. Попова и И.А. Стернин, мышление народа «выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком» [4, с.8]. Несмотря на то, что логические закономерности мышления универсальны, представители разных лингвистических общностей не всегда используют аналогичные языковые структуры. Иными словами, «каждый язык по-разному членит окружающий мир при наложении конкретной языковой схемы на внемарксистический опыт и способы его восприятия, преломляемые сквозь призму мышления» [5, с.304]. При этом Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «обыденное и языковое сознание взаимно детерминируемы, хотя первичным, вне сомнения, является отражение внешнего мира в когнитивных формах. В языковом же сознании реальная действительность предстает в преобразованном, преломленном виде, в форме языковых значений, являющихся вторичными, нередко трансмутационными образованиями по отношению к формам обыденного сознания» [6, с.28].

Рассматривая понятие языковой картины мира (ЯКМ), интересно привести определение Н.Н. Гончаровой, согласно которому ЯКМ представляется как «ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка» [7, с.400]. Не вызывает сомнения, что языковые средства, формирующие и отражающие языковую картину мира, по своему содержанию исторически обусловлены, т.е. носят социальный характер. «Степень общественной значимости того или иного производственного сектора деятельности индивида или духовно-культурные приоритеты социума находят непосредственное отражение в лексической системе языка» [3, с.150].

«Лексика является способом отражения этнокультурной картины мира, поскольку слово – это продукт и инструмент культуры, который оказывает решающее влияние на формирование мировосприятия человека» [2, с. 104]. Именно там «имманентно заложены различия в отображении языковой картины мира», – полагает Ю.А. Рылов [1, с.12].

Неодинаковая «акцентированность» (с точки зрения другого языка) различных участков концептосферы обусловлена, прежде всего, условиями жизни социума, климатом, геофизическими характеристиками, а также этнопсихологическими и социокультурными особенностями. Такие «разработанные» лексические сегменты (семантические доминанты) присутствуют и среди анимализмов испанского языка. Например, для обозначения свиньи используется восемь анимализмов, имеющих незначительные стилистические различия – *cebón, cerdo, cochino, gorrino, gocho, guarro, marrano, puerco*. К семантическим доминантам относятся и анимализм «осёл» – *asno, borrico, burdégano, burro/a, jumento, mulo/a, pollino* (ср. в русском языке присутствует только три наименования – *осел, ишак и мул*). В испанском языке даже существует фразеологизм *con más nombres que el asno / borrico / burro y el cerdo / cebón / cochino / gorrino / guarro / marrano / puerco – 1) с целой вереницей имен (как принято у знати); 2) часто меняющий имена, клички* [1**]. Наличие такого количества близких по значению единиц свидетельствует о значимости данных животных в хозяйственной жизни и культуре Испании и стран Латинской Америки.

Анализ анимализмов как элементов ЯКМ представляет интерес не только в плане изучения языка и речи, но и открывает возможности для исследования национального мирозидения.

Коннотации языковых единиц очень часто находят отражение во фразеологической системе. По мнению В.Н. Телии, фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [8, с.55]. Именно фразеологизмы отражают особое видение мира, ситуации, свойственное носителям каждого языка.

Особенно ярко влияние антропологического фактора прослеживается на примере фразеологизмов с анималистическим компонентом, которые, как полагает Ф.Ф. Фархутдинова, «в максимальной степени социально обусловлены и могут служить ярким примером эволюционных изменений в формах человеческого мышления: от зооморфизма через антропоморфизм к антропоцентризму как осознанию человеком своего места в обществе и к отчуждению индивида от мира живой природы» [9, с.7]. Под фразеологическими единицами с анималистическим компонентом мы понимаем «любые несвободные фиксированные словосочетания, имеющие в своем составе элемент, генетически или словообразовательно восходящий к слову – названию животного – и имеющий материальное выражение в зоолексеме» [10, с.43].

Примечательно, что фразеологические единицы, основанные на сравнении человека с животными, а также устойчивые зооморфные коннотации не так часто совпадают в разных языках. «Универсальность во фразеологии выражается через дефиницию (дескриптор), особенность, индивидуальность и, конкретно, выбор стереотипов – через образную внутреннюю форму» [11, с.69]. «Обращение к внутренней форме ФЕ (образно-метафорической или символической по своей основе) позволяет выявить межязыковые различия, фиксирующие несовпадения в интерпретации определенных фрагментов действительности разными языковыми сообществами» [12, с.100–101].

Анималистические образы прочно закрепились в ЯКМ как носители определенных личностных качеств. Таким образом, животные олицетворяют соответствующие

модели человеческого поведения, приобретая при этом значение национально-культурных символов. Каждый конкретный язык и культура формируют свои анималистические концепты, которые не всегда могут найти соответствие в других этнических сообществах. В связи с этим Н.Ф. Алефиренко полагает, что «концепты-символы, обладая этнокультурным содержанием, в разных языках только соотносимы, но не тождественны» [13, с.141]. Зооморфные характеристики, проявляющиеся во фразеологии, по мнению многих авторов [14; 15; 16] демонстрируют ярко выраженную национально-культурную специфику.

Как отмечалось ранее, анимализм «осёл» широко представлен в испанской фразеологии. Методом сплошной выборки из Испанско-русского фразеологического словаря под ред. Э.И. Левинтовой [1**] и других лексикографических источников [2**; 3**; 4**] было выделено 182 ФЕ с соответствующим компонентом. При этом, наиболее продуктивным из наименований осла является лексема «*burro*», «*burra*» – 105 ФЕ (мужская форма – 74 ФЕ, женская – 28 ФЕ, формы двух родов – 3 ФЕ). Далее по степени представленности располагаются лексемы «*asno*» – 23 ФЕ (только мужская форма), «*borrico*», «*borrica*» – 19 ФЕ (мужская форма – 14, женская – 5), «*pollino*» – 3 ФЕ, «*jumento*» – 1 ФЕ, лексема «*burdégano*» в ФЕ не используется; «*mula*», «*mulo*» – 45 ФЕ (мужская форма – 5, женская – 40).

Данные Корпуса современного испанского языка Королевской академии (Corpus de Referencia del Español Actual (CREA)) [2*] подтверждают ту же информацию в отношении частотности использования отдельных анимализмов: «*burro*», «*burra*» – 1067 случаев употребления, 600 документов («*burro*» – 962 случая употребления, 479 документов; «*burra*» – 205 случаев употребления, 121 документ), «*asno*» – 257 случаев употребления, 148 документов, «*borrico*» – 58 случаев употребления, 41 документ, «*pollino*» – 51 случай употребления, 29 документов, «*jumento*» – 24 случаев употребления, 18 документов, «*burdégano*» – не обнаружено; «*mula*», «*mulo*» – 787 случаев употребления, 364 документа («*mula*» – 656 случаев употребления, 283 документа; «*mulo*» – 131 случай употребления, 81 документ).

В цифровой версии испанского периодического издания ABC [3*] по поисковым запросам были получены следующие данные: «*mulo*» – 3423 случаев употребления, «*burro*» – 2939, «*asno*» – 400, «*borrico*» – 139, «*pollino*» – 114, «*jumento*» – 40, «*burdégano*» – 2. Даже с учетом погрешностей автоматизированного поиска (наименования животных могут быть омонимичны фамилиям, названиям населенных пунктов, иных географических объектов и др.; например, на высокую частотность использования лексемы «*mulo*» повлияло совпадение с названием вышедшего на экраны в 2020 году фильма «Мулан»), подтверждается выявленная закономерность в отношении частотности употребления рассматриваемых анимализмов.

Рассмотрим более подробно семантические особенности наименований осла в испанском языке.

«*Asno*» происходит от латинского термина «*asinus*» (прямая отсылка к названию животного *Equus africanus asinus*). Словарь Королевской академии испанского языка DRAE содержит следующую дефиницию: «es muy sufrido y se emplea como caballería y como bestia de carga y a veces también de tiro» [3**] – «очень вынослив и используется как животное для верховой езды, вьючное животное и иногда тягловое животное» (здесь и далее перевод наш). В переносном значении закрепляется сема «*persona ruda y de muy poco entendimiento*» («человек грубый и очень мало понимающий») [3**]. Таким образом, за анимализмом «*asno*» лексикографические

источники закрепляют такие качества, как выносливость, грубость и низкий уровень интеллекта.

При этом ассоциативный словарь испанского языка [5**] содержит 34 ассоциации к слову «асно», связанные как с качествами, приписываемыми животному, его внешностью, так и с теми видами деятельности, для которых осёл используется: *burro* (осёл), *pomposo* (помпезный, напыщенный), *tozudo* (упрямый, твердолобый), *molinero* (мельничный), *titanio* (титановый), *presuntuoso* (кичливый, спесивый), *porteador* (перевозчик), *salvaje* (дикарь, грубиян, невежа), *puerco* (свинья, нечистоплотный, грубый), *hibrido* (гибридный), *testarudo* (упрямый, упорный), *lucio* (гладкий, блестящий), *manso* (послушный, кроткий), *terco* (упрямый, упорный), *ambulante* (странствующий, бродячий), *labrador* (работающий, земледельческий), *animal* (животное), *doméstico* (домашний), *pretencioso* (напыщенный, претенциозный), *tratante* (торговец), *campesino* (крестьянин), *vendedor* (продавец), *dócil* (послушный, покорный), *sito* (находящийся), *pedregoso* (каменистый), *beduino* (бедуин), *mancebo* (юноша, помощник), *ignorante* (незнающий, невежественный), *arrogante* (высокомерный), *barbero* (льстец, подхалим), *silvestre* (дикий, грубый, некультурный), *semental* (племенной), *famélico* (голодный), *necio* (невежественный, глупый), *humilde* (простой, скромный, покорный). Основными являются следующие ассоциации – напыщенный, упрямый, спесивый, грубый, нечистоплотный, покорный, невежественный, глупый. Оценочность в большей степени негативная, чем положительная.

«*Borricon*» восходит к позднелатинскому «*burricus*» («*маленький конь*») и актуализирует дополнительный смысл «*persona ruda*» – «*грубый человек*» [3**]. Ассоциативный словарь испанского языка [5**] закрепляет 21 ассоциацию к слову «*borrico*»: *burro* (осёл), *labrador* (работающий, земледельческий), *gitano* (цыган), *manso* (послушный, кроткий), *pardo* (бурый), *campesino* (крестьянин), *vendedor* (продавец), *verdugo* (хлыст, розга), *chiquillo* (маленький, глупый), *humilde* (простой, скромный, покорный), *cojo* (хромой), *animal* (животное), *miserable* (несчастный, жалкий), *polvoriento* (пыльный), *silvestre* (дикий, грубый, некультурный), *mozo* (парень, слуга), *viajero* (путешественник), *ordinario* (перевозчик; грубый), *enano* (низкорослый, карликовый), *pirate* (пират, разбойник), *pobre* (бедный, несчастный). Оценочность лексемы, как правило, положительная. Основные ассоциации – работающий, послушный, маленький, несчастный, грубый, некультурный.

«*Burro*» производно от «*borrico*». Фиксируются следующие переносные значения: 2) *persona bruta e incivil* («неотесанный и нецивилизованный человек»); 3) *persona ruda* («грубый человек»); 4) *persona laboriosa y de mucho aguante* («трудолюбивый и очень выносливый человек») [3**]. Ассоциативный словарь испанского языка [5**] предлагает 52 ассоциации: *pretoriano* (преторианец), *gitano* (цыган), *famélico* (голодный), *chato* (курносый, приплюснутый), *politécnico* (политехнический), *testarudo* (упрямый, упорный), *tozudo* (упрямый, твердолобый), *hibrido* (гибридный), *terco* (упрямый, упорный), *puerco* (свинья, нечистоплотный, грубый), *ambulante* (странствующий, бродячий), *semental* (племенной), *gallinero* (курятник, шумное место), *cansino* (усталый, вялый), *campesino* (крестьянин), *animal* (животное), *ignorante* (незнающий, невежественный), *cándido* (наивный, простодушный), *cordobés* (из Кордовы), *gaucho* (гаучо, грубый, неотесанный), *aldeano* (деревенский, невоспитанный), *cuidador* (заботливый, внимательный), *manso* (послушный, кроткий), *tratante* (торговец), *vendedor* (продавец), *labrador* (работающий, земледельческий), *pomposo* (помпезный, напыщенный), *mexicano* (мексиканец), *tractor* (трактор), *escuálido* (грязный, нечистоплотный, истощенный), *peludo* (косматый), *repartidor* (разносчик), *polvoriento* (пыльный), *porteador*

(перевозчик), *titanio* (титановый), *olivar* (оливковый), *doméstico* (домашний), *putrefacto* (сгнивший), *veterinario* (ветеринар), *zoológico* (зоологический), *airoso* (залихватский), *dócil* (послухный, покорный), *cojo* (хромой), *destartalado* (разломанный, несурзанный), *baldío* (праздный, бродячий), *silvestre* (дикий, грубый, некультурный), *andaluz* (андалусийский), *analfabeto* (неграмотный, невежда), *chiquito* (маленький), *cosmético* (косметический), *barbero* (льстец, подхалим), *angosto* (скудный, бедный). Основные значения – голодный, упрямый, нечистоплотный, грубый, невежественный, наивный, послушный, напыщенный. Оценочность чаще негативная, хотя присутствуют и положительные и нейтральные коннотации.

В отношении лексем «*burdégano*» и «*jumento*» словарем DRAE не отмечается устойчивых коннотаций. Ассоциативный словарь [5**] содержит три нейтральные ассоциации к лексеме «*burdégano*» – *burro* (осёл), *hibrido* (гибридный), *animal* (животное). Оценочность нейтральна.

Лексема «*jumento*» вызывает 14 ассоциаций [5**]: *burro* (осёл), *impuro* (грязный, порочный), *escudero* (слуга, оруженосец), *labrador* (работающий, земледельческий), *barbero* (льстец, подхалим), *mozo* (парень, слуга), *campesino* (крестьянин), *bruto* (грубый), *animal* (животное), *caballero* (рыцарь), *fresco* (здоровый, свежий), *esclavo* (раб), *lleno* (полный), *malo* (плохой). Основные смыслы – грязный, слуга, трудолюбивый, льстивый, грубый. Коннотации могут быть как отрицательными, так и положительными либо нейтральными.

«*Pollino*» – от латинского «*pullinus*» («относящийся к молодому животному») – 3) *persona simple, ignorante o ruda* («простой, невежественный или грубый человек») [3**]. Ассоциативный словарь [5**] отмечает 15 устойчивых ассоциаций: *burro* (осёл), *manso* (послушный, кроткий), *humilde* (простой, скромный, покорный), *macizo* (полный), *gitano* (цыган), *meridional* (южный), *rústico* (грубый, неотесанный, деревенский), *escudero* (слуга, оруженосец), *aldeano* (деревенский, невоспитанный), *septentrional* (северный), *hebreo* (еврей), *pino* (обрывистый), *vasto* (широкий, просторный), *animal* (животное), *salvador* (спасающий). Основные – послушный, скромный, грубый, неотесанный, невоспитанный. Оценочность в большей степени положительная.

В случае с «*mula*» доминирует форма женского рода – от латинского «*mulus*». Выделяются следующие дополнительные смыслы – 2) *persona fuerte y vigorosa* («сильный и энергичный человек»), 4) *contrabandista de drogas en pequeñas cantidades* («контрабандист наркотиков в небольших объемах») [3**]. Ассоциативный словарь [5**] дает 38 ассоциаций: *terco* (упрямый, упорный), *tozudo* (упрямый, твердолобый), *burro* (осёл), *testarudo* (упрямый, упорный), *porteador* (перевозчик), *tratante* (торговец), *mozo* (парень, слуга), *cansino* (усталый, вялый), *tractor* (трактор), *manso* (послушный, кроткий), *escudero* (слуга, оруженосец), *labrador* (работающий, земледельческий), *molinero* (мельничный), *estéril* (стерильный), *escualido* (грязный, нечистоплотный, истощенный), *pedregoso* (каменистый), *dócil* (послушный, покорный), *famélico* (голодный), *mancebo* (юноша, помощник), *animal* (животное), *ambulante* (странствующий, бродячий), *hibrido* (гибридный), *mestizo* (метис), *semental* (племенной), *olivar* (оливковый), *viajero* (путешественник), *mutante* (мутант), *morisco* (крещёный мавр, тощий), *resistente* (стойкий), *leonés* (из Леона), *recio* (крепкий, коренастый), *agreste* (деревенский, дикий, невоспитанный), *contrabandista* (контрабандист), *fusilero* (стрелок), *tuerto* (одноглазый, кривой), *gallinero* (курятник, шумное место), *campesino* (крестьянин), *legionario* (легонер). Основные смыслы – упрямый, выносливый, слуга, усталый, послушный, работоспособный, стерильный, грязный. Оценочность как отрицательная, так и положительная.

Как видим, лексемы «*burdegado*» и «*jumento*» преимущественно используются для номинации животного, как правило, имеют нейтральную оценочность, в то время как для остальных наименований осла являются общими дополнительные значения «грубость», «невежественность», «низкий уровень интеллекта». «*Asno*», «*burro*» и «*mula*» также ассоциируются с выносливостью, трудоспособностью. «*Borrigo*» вызывает положительные ассоциации, связанные с кротостью, послушанием, нелегкой судьбой животного. Наибольшим набором устойчивых коннотаций обладает «*burro*», что является следствием самой высокой частотности и продуктивности данного анимализма в плане образования устойчивых выражений.

Приведем примеры устойчивых коннотаций испанского анимализма «осёл» на основе анализа соответствующих фразеологизмов [1**; 2**; 3**; 4**]:

– глупость, низкий уровень интеллекта (все наименования осла, кроме «*jumento*», «*pollino*»): *hecho un asno* (букв.: похожий на осла) – дурак, тупица; *como borrico en portillo* (букв.: как осел в узком проходе) – с тупым, бессмысленным упорством; *burro cargado de oro* (букв.: осел, нагруженный золотом) – богатый дурак, осел в бархатной попоне; *como las mulas de collera* (букв.: как мулицы с хомутом) – дурачье, ослы; *cerrado como pata de mulo* (букв.: ограниченный, как нога мула) – тупой, невежественный, темный и др.;

– грубость, невоспитанность («*asno*», «*burro*», «*mula/o*»): *bruto como un asno* (букв.: грубый, как осел) – грубая скотина, хам; *a lo burro* (букв.: по-ослиному) – грубо; *dar más coces que una mula falsa* (букв.: брыкаться сильнее, чем лживая мулица) – быть грубияном, бестактным, невоспитанным человеком; *como un mulo* (букв.: как мул) – невежа, хам и др.;

– нерасторопность, неуклюжесть («*asno*», «*burro*», «*mula*»): *torpe como un asno* – неуклюжий, как осел; *burro matalón* (букв.: осел-кляча) – медлительный человек, рохля; *parado como mula de alquiler* (букв.: часто останавливающийся, как наёмная мулица) – медлительный, вялый и др.;

– низкое положение в иерархии, вызывающее презрение («*asno*», «*borrico*», «*burro*»): *no es la miel para la boca del asno* (букв.: это мед не для рта осла) – не про него писано, не по рылу еда; *tratar a uno como a burro de arriero* (букв.: обращаться с кем-либо, как с ослом погонщика) – обращаться, как со скотиной, осыпать побоями; *el burro de todo el mundo* (букв.: осел всего мира) – человек, который отдувается за всех, козел отпущения; *llevar más palos que el borrico del yesero* (букв.: сносить больше ударов палкой, чем осел продавца гипса) – ходить в синяках от постоянных побоев и др.;

– подчиненность, зависимость («*asno*», «*burro*», «*mula*»): *darle sesos de asno a uno* (букв.: дать кому-либо мозги осла) – полностью подчинить своей воле, своему влиянию; *burro / mula de reata* (букв.: осел / мулица на веревке) – тупой, покорный человек;

– отсутствие вкуса («*borrico*», «*burro*», «*mula*»): *como mula con collera* (букв.: как мулица с хомутом) – нелепо одетый; *como borrico en feria* (букв.: как осел на ярмарке) – разодетый в пух и др.;

– трусость («*burro*»): *más asustadizo que un burro* (букв.: пугливей, чем осел) – всего боится, от всего шарается и др.

В редких случаях ослы проявляют своеволие и упрямство, которое, тем не менее, часто умиряется: *salirle a uno la borrica respondona* (букв.: у кого-либо вдруг огрызнулась ослица) – получить неожиданный отпор, *necesitar más palos que el borrico del yesero* (букв.: нуждаться в большем количестве палок, чем осел продавца гипса) – быть непослушным, строптивым; *más testarudo que mula manchega* (букв.: упрямее ослицы из Ла Манчи) – очень упрямый.

Несмотря на преобладание негативных коннотаций, образ осла имеет и положительную оценочность. Осёл изображается в вертепах, является героем рождественских песенок («El Burrrito de Belén») и литературных произведений (вспомним знаменитого персонажа «Дон Кихота» Санчо Панса и его верного путешественника осла). За ослом и мулом закрепляются такие значения, как:

– работоспособность и трудолюбие: *trabajar como una burra / un mulo* (букв.: работать, как ослица / мул) – работать как вол; *burro de carga* (букв.: вьючный осел) – трудолюбивый, терпеливый, выносливый человек; *hacer uno de mula* (букв.: сделаться мулицей) – взвалить на себя тяжелый груз, непосильное бремя и др.;

– сила и выносливость: *cargar a lo burro* (букв.: нагрузить, как осла) – навьючить, взвалить (на себя) тяжелую поклажу, *ser una mula / un mulo* (букв.: быть мулицей / мулом) – быть физически крепким, сильным и выносливым и др.

Осел также является олицетворением уверенности индивида в себе и в завтрашнем дне. «Падая с осла», человек уступает чужим доводам и терпит поражение. Об этом, в частности, свидетельствуют фразеологизмы: *caer uno de su asno/borrigo/burra/burro/jumento/mulo/mula* (букв.: упасть со своего осла/ослицы/мула/мулицы) – уступить доводам, признать свою неправоту; *puesto en el borrico* (букв.: сидящий на осле) – с твердым намерением продолжать начатое, готовый идти до конца; *marcharse a uno la burra* (букв.: у кого-либо ушла ослица) – сплеховать, дать маху; *apear a uno de su burro* (букв.: спустить кого-либо с его осла) – вразумить, убедить и др.

Как видим, среди устойчивых коннотаций анимализма «осёл» фигурируют грубость, невежественность, низкий интеллект, подчиненное положение в иерархии, выносливость и терпеливость, т.е. испанцы воспринимают осла как животное недалекое и безобидное, неприхотливое в быту и трудолюбивое. При этом такие черты, как неуклюжесть, упрямство, отсутствие вкуса, трусость связываются лишь с отдельными наименованиями, не приобретая универсальный характер и не закрепляясь в лексико-графических источниках.

Что касается русского языка, то соответствующими словарями [7**] закрепляется всего 11 устойчивых выражений с анимализмами «осёл», «ишак» и «мул»: 8 словосочетаний – *Валамова ослица*, *Буриданов осел*, *спорить о тени осла*, *упрямый как осел*, *глупый как осел*, *домашний осел*, *дикий осел*, *ослиные уши*, 3 пословицы и поговорки – *«Осел на осле, дурак на дураке»*, *«Рогом козел, а родом осел»*, *«То ишак, а то ишан»*.

По данным Русского ассоциативного словаря [8**] отмечается 102 реакции на стимул «осёл», 103 реакции на стимул «ишак» и 0 реакций на стимул «мул». С «ослом» связываются следующие ассоциации: упрямый (11), глупый (8), дурак (8), уши (7), безмозглый (6), тупой (6), животное (4), козёл (4), ушастый (4), длинноухий (2), серый (2). В обобщенном виде можно сказать, что «осёл» в основном ассоциируется с глупостью (28 реакций), длинными ушами (13) и упрямством (11). «Ишак» вызывает такие ассоциации, как осёл (38), животное (5), козёл (4), глупый (3), дурак (3), тупой (3), уши (3), вонючий (2), ослик (2), серый (2), упрямый (2). Таким образом, большинство реакций связано с номинативным значением лексемы – обозначением животного (49), остальные ассоциации совпадают с ослом – глупость (9), длинные уши (3), упрямство (2).

Отсутствуют характерные для испанского языка ассоциации «напыщенный», «помпезный», «спесивый», «деревенский», «неотесанный», «грубый» и др. Кроме того, сам анимализм значительно реже используется в экспрессивно-образной или оценочной функции.

Что касается употребления исследуемого анимализма в русском языке, по данным Национального корпуса русского языка [1*] лексема «осёл» используется в 1 974 документах, 4 944 вхождения, лексема «ишак» – в 240 документах, 494 вхождения, лексема «мул» – в 357 документах, 1 319 вхождений. Принимая во внимание общий объем корпуса (124 565 документов, 321 712 061 слово) и учитывая погрешность ввиду омонимии форм (осел и осёл), можно предположить, что соответствующий анимализм не является часто употребляемым для русского языка, в отличие от испанского. Данный факт обусловлен климатическими условиями России и редким использованием ослов в домашнем и сельском хозяйстве. Большинство фразеологизмов с данным компонентом либо интернациональны, либо заимствованы из азиатских культур.

Указанные выше устойчивые ассоциации, связанные с ослом в русской культуре, подтверждаются примерами из художественной литературы:

«– низкий уровень интеллекта, глупость: «– Ах *осёл*, *осёл*!», – сказал он весело, – и ведь главное – всё записывает!» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [1*]; «– Какой там кот? – в злобе закричала девица, – *осёл* у нас в филиале сидит, *осёл*! – и, прибавив к этому: – Пусть слышит! (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита) [1*]; «Завтра в одиннадцать он готов дать задаток. Старый *ишак*... почему завтра? Что ему эта ночь? Машины то глушили моторы, то заводились снова, чтобы проехать ещё три или четыре коучных шага» (А. Волос. Недвижимость) [1*];

– длинные уши: «Доверчивые младенцы. *Ослы длинноухие!* Нервные пальцы молодого человека быстро и бессмысленно перелистывали журнал ...» (А. Солженицын. В круге первом) [1*];

– упрямото: «В-третьих, *осел* – животное упрямое, и это именно то, что необходимо настоящему монаху для смирения». (Е. Водолазкин. Лавр) [1*].

У анимализмов «ишак» и «мул» зачастую возникает коннотация, связанная с работоспособностью и выносливостью: «Всю жизнь работаю, как *ишак*, и только тех люблю, кто работает, как *ишаки*» (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) [1*]; «По субботам, нагрузившись, как *мул*, тащиться электричкой в Брусково» (Ю. Трифонов. Дом на набережной) [1*].

В российской прессе рассматриваемые анимализмы встречаются относительно редко, в основном в номинативной функции (например, на новостном портале «РИА Новости» [4*] анимализм «осёл» встречается в 955 материалах, «ишак» – в 76 материалах). Иногда в заголовках соответствующие лексемы выполняют экспрессивно-образную функцию: «*Осел медведю не товарищ*» [4*] (трансформируется известная поговорка «Гусь свинье не товарищ», осёл – символ демократической партии США, медведь ассоциируется с Россией); «*Осел никуда не спешит, зато интернет мчится быстро*» [4*] (отсылка к восточным странам с традиционным неторопливым сельскохозяйственным укладом, которые быстро меняются под влиянием Интернета и новых технологий) и др.

Как видим, анимализм «осёл» в русском языке имеет меньше устойчивых коннотаций и используется значительно реже, чем в испанском. В этой связи, в процессе коммуникации и при переводе могут возникнуть сложности, связанные с интерпретацией данного анимализма и подбором соответствующего эквивалента.

В испанской прессе анимализм «осёл» в переносном значении чаще всего встречается в заголовках газетных статей. Рассмотрим несколько примеров:

Una profesora olvida apagar el micrófono e insulta a sus alumnos durante una clase virtual: «Son unos burros» [3*] (Преподаватель забыла выключить микрофон и оскорбила учеников во время онлайн занятия, назвав их ослами) – в данном случае в переводе

на русский язык также можно использовать анималистический образ, поскольку устойчивая коннотация («глупость») совпадает.

Asistencia primaria: ¿burro de carga o casa de los milagros? [3*] (Первичная медицинская-санитарная помощь: Сколько можно выдержать? Или ждём чудес). В данном высказывании фразеологизм *burro de carga* (букв. вьючной осёл) – ломовая лошадь, козел отпущения, готовый все терпеть – лучше перевести описательно (Сколько можно выдержать?). В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются медицинские службы в условиях отсутствия специалистов и распространения пандемии COVID 19. Использование фразеологического аналога, на наш взгляд, было бы не удачным, поскольку не в полной мере отражает значение испанского выражения с анимализмом.

No se hizo Android para la boca del asno [3*] – в заголовке используется трансформированная поговорка, которая упоминается в «Дон Кихоте» М. Сервантеса – *No es la miel para la boca del asno* (Мёд не для ослиной пасти). В переводе заголовок на русский язык словосочетание «ослиная пасть», по нашему мнению, звучало бы достаточно грубо. В качестве соответствия можно предложить фразеологизм «не про вашу честь», который хоть и не содержит анималистического компонента, но близок по значению и стилистической принадлежности – «Андройд есть, да не про вашу честь».

Заголовок статьи «*El burro delante*» [3*] также сложно понять, не зная значения устойчивого выражения. Поговорка *el burro por delante para que no se espante* (букв.: осёл впереди, чтобы не испугался) употребляется иронически, когда говорят о тех, кто первым ставит свое имя при перечислении. В статье речь идёт о политиках, которые маскируют свои провалы связями с Правительством. В качестве варианта перевода можно предложить фразу из знаменитой детской игры – «Кто не спрятался...», которая отражает суть материала и соответствует стилю изложения.

Как видим, основные ассоциации анимализма «осёл» в испанской прессе соответствуют закреплённым фразеологической системой испанского языка. При передаче сообщений на русский язык, при отсутствии соответствующего фразеологического соответствия, рекомендуем прибегать к описательному переводу анималистических лексем.

Подводя итоги, следует отметить, что классификация и категоризация мира, имманентно заложенная в лексической системе каждого языка, подчинена принципу прагматической релевантности, значимости того или иного явления для рассматриваемой культуры. Одним из таких образов является осёл, на протяжении многих столетий символизировавший аграрную Испанию. Для России данное животное воспринималось как иноземное, диковинное, не характерное для традиционного уклада. Соответственно, частотность использования указанного анимализма и устойчивые коннотации в испанской и русской культурах различны.

Литература

1. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: испанский и русский языки: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. 272 с.
2. Tcherkachina T. T., Novikova N. C. Языковая картина мира: доминанты ментальности // *Revista de Literatura e Cultura Russa*. São Paulo. 2016. Vol. 7. № 8. P. 93–114. URL: <https://www.revistas.usp.br/rus/article/view/121568/120164> (дата обращения: 07.12.2020).
3. Корман Е.А. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в испанском языке: функционально-прагматический и когнитивный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 216 с.

4. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.

5. Иовенко В.А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4 (31). С. 303–311. URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1309?locale=ru_RU (дата обращения: 01.12.2020).

6. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лексикология русского языка. 43 с. URL: <http://if.bsu.edu.ru/if/files/publ/Alefirenko.pdf> (дата обращения: 01.12.2020).

7. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. С. 396–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 07.12.2020).

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

9. Фархутдинова Ф.Ф. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1987. 15 с.

10. Корман Е.А. Основные коммуникативные функции фразеологических единиц с анималистическим компонентом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2007. С. 43–46.

11. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопр. языкознания. 1996. №1. С. 58–70.

12. Корман Е.А. К вопросу об отражении интеллектуальных способностей человека в испанских фразеологизмах с анималистическим компонентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. №24 (710). С.94–104.

13. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: учеб. пособие. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

14. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингво-культурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 24 с.

15. Гридина Т.А. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Лингвистика и язык. Русин. 2019. [Т. 56]. С. 198–212. URL: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1886&article_id=42573 (дата обращения: 07.12.2020).

16. Яковлева Е.С. Особенности фразеологических единиц с компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2018. 201 с.

Список источников примеров

1* Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.12.2020).

2* Corpus de Referencia del Español Actual (CREA). URL: <http://corpus.rae.es/creanet.html> (дата обращения: 01.12.2020).

3* ABC. URL: <https://www.abc.es/> (дата обращения: 08.12.2020).

4* РИА Новости. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 08.12.2020).

Список словарей

- 1** Испанско-русский фразеологический словарь / Э.И. Левинтова [и др.]. М.: Русский язык, 1985. 1080 с.
- 2** Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa Calpe, 2003. 1038 p.
- 3** Diccionario de Real Academia Española (DRAE). URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 01.12.2020).
- 4** Moliner M. Diccionario de uso del español: 2 vols. Madrid: Gredos, 2004. Vol. 1. 1529 p. Vol. 2. 1598 p.
- 5** La Red De Asociación De Palabras. URL: <https://wordassociations.net/es/asociaciones-con-la-palabra/> (дата обращения: 01.12.2020).
- 6** Martínez Calvo L. Diccionario español – ruso. Barcelona: Sopena, 1997. 864 p.
- 7** Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков [и др.]. М.: АСТ, 2006. 512 с.
- 8** Русский ассоциативный словарь URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 01.12.2020).

ANIMALISM «DONKEY» IN SPANISH LINGUISTIC WORLDVIEW: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND TRANSLATION INTO RUSSIAN

Ekaterina A. Korman
Southern Federal University

Abstract. The paper examines several issues connected with the role and place of the animalism «donkey» in the Spanish linguistic worldview. The image of a donkey historically has had a great significance for popular culture and everyday life of Spain and Latin America being semantically dominant. Such role is evidenced by the presence of seven names for donkey and his close “relative” mule – *asno*, *borrico*, *burdégano*, *burro*, *jumento*, *mula*, *pollino*, whereas in Russian there are only three lexemes – *осел*, *ишак* and *мул*. This animalistic component is widely represented in the Spanish phraseology: according to our research data, 182 Spanish phraseological units with the given animalism have been selected. In Russian phraseology, there are only 11 expressions. The author raises an issue of formation of fixed connotations related to the images of donkey and mule in Spanish and Russian linguistic cultures offering data from the national language corpora, associative dictionaries, analyzing Spanish and Russian expressions that contain different zoomorphic characteristics. The article examines several examples of usage of the given animalism in mass media and fiction. The paper also deals with some problems related to the interpretation and translation of the phrases with the animalism «donkey» from Spanish into Russian.

Key words: animalism, zoomorphism, donkey, semantic dominant, phraseology, linguistic worldview, fixed connotation, Spanish, Spanish linguistic culture, Russian linguistic culture

Корман Екатерина Анатольевна
доцент,
Южный федеральный университет
тел.: +7 (904) 344 3696
e-mail: eakorman@sfnedu.ru

Ekaterina A. Korman
Associate Professor,
Southern Federal University, Russia
mobile.: +7 (904) 344 3696
e-mail: eakorman@sfnedu.ru

РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ

Коровкина М.Е.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Аннотация. В данной статье рассматриваются когнитивные механизмы синхронного перевода – вероятностное прогнозирование, инферирование и компрессия. Из-за навязанных извне жестких условий осуществления синхронного перевода переводчик вынужден прибегать к механизму вероятностного прогнозирования – предугадыванию смыслового развития текста исходного языка на основе смысловых опор. Параллельно с прогнозированием переводчик осуществляет инферирование: извлекает смысловые выводы на основе широкого (экстралингвистического) и узкого (языкового) контекстов, используя в случае необходимости компрессию. Инферирование является универсальным переводческим механизмом, а компрессия характерна для устных видов перевода, и особенно, синхронного. Извлечение смысловых выводов или импликатур возможно только на основе пресуппозиций – общих знаний коммуникантов. В статье дана характеристика двух основных групп пресуппозиций, в соответствии с классификацией автора, – референциально-языковых и когнитивно-тезаурусных, взаимодействие которых в тексте позволяет переводчику сделать смысловые выводы в языке перевода в рамках инварианта смысла текста исходного языка. В статье также намечаются пути внедрения теоретических постулатов автора в процесс обучения синхронному переводу. Кроме того, теоретические постулаты иллюстрируются примерами из практики обучения синхронному переводу.

Ключевые слова: синхронный перевод, инферирование, вероятностное прогнозирование, компрессия, интерпретация смысла, исходный язык, язык перевода (переводящий язык), импликатура, пресуппозиция

I. Введение

Синхронный перевод (СП) – сложный когнитивный процесс, вызывающий большой интерес и с точки зрения практики, и с точки зрения теории, и с точки зрения его преподавания. Большой прорыв в исследованиях СП был сделан в 70 – 80-х годах прошлого столетия, когда Г.В. Черновым были выявлены и проанализированы основные когнитивные механизмы СП: вероятностное прогнозирование, инферирование и компрессия (хотя он их сам называл стратегиями и в целом использовал несколько другие термины) [1], а Д. Селескович [2; 4] и М. Ледерер [3; 4] был описан процесс интерпретации смысла в СП в рамках «теории смысла». В настоящее время наблюдается большой интерес к обучению СП в связи с его большой практической востребованностью. Исследования в этой области развиваются в рамках двух научных подходов – когнитивного, изучающего когнитивные механизмы СП с точки зрения переработки информации человеческим мозгом, и интерпретативного, изучающего эти же когнитивные механизмы в качестве инструментов передачи смысла текста исходного языка (ИЯ) на переводящем языке (ПЯ) в прикладном плане, имеющем непосредственное отношение к методическим аспектам обучения.

II. Обзор литературы: интерпретативная природа синхронного перевода

Начнем с анализа модели вероятностного прогнозирования, представленной Г.В. Черновым в 1987 г. [1]. В изучении синхронного перевода он делал основной акцент

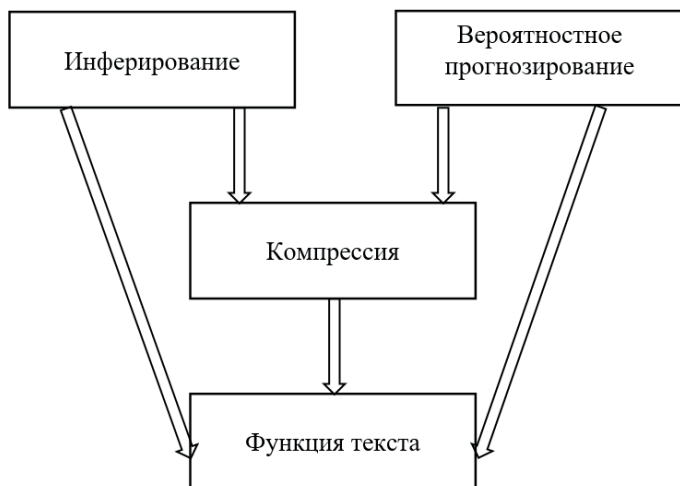
на прогнозировании переводчиком смысла звучащего текста. Прогноз в СП возможен только в рамках связного текста с достаточной степенью избыточности [1, с.240], так как бессвязный текст практически не поддается синхронному переводу. Когезия и когерентность текста достигается за счет глубинных смысловых связей, объединяющих текст одной темой (или несколькими, но логическими связанными), а также при помощи синтаксических и лексических средств связи, таких как лексические повторы, ко-референтные цепочки, тема-рематическое членение высказываний в тексте, логические коннекторы. Тексты, рассчитанные на передачу прежде всего денотативной информации и принадлежащие к определенной предметной области, должны быть построены в соответствии с функциональной заданностью текста, его принадлежностью к определенной предметной области. Язык и тексты, обслуживающие специальную коммуникацию, логичны, развитие темы происходит на основе терминологии, принадлежащей к той или иной предметной области, которая также в какой-то степени является и коммуникативной ситуацией синхронного перевода. Знание переводчиком предметной области и коммуникативной ситуации СП помогает ему давать правильный смысловой прогноз, основывающийся на смысловых опорах – актуализаторах смысла в речи. Совпадению смыслового прогноза в тексте ПЯ с развитием смысла звучащего текста ИЯ помогает механизм инферирования, т.е. осуществление переводчиком смысловых выводов на основе пресуппозиций – общих знаний коммуникантов. Г.В. Чернов называл этот процесс «осуществлением смысловых выводов» или «выведением импликатур», выделив смысловые выводы языкового типа, когнитивно-тезаурусные, ситуативно-дейктические и прагматические выводы [1, с.95-105]. В когнитивной лингвистике смысловой вывод называется «инференцией» [5, с.33-35].

Мы предлагаем процесс извлечения смысловых выводов в переводе называть «инференцированием». Это универсальный когнитивный процесс, характерный для любых видов и направлений перевода, но в синхронном переводе он тесно взаимодействует с описанным выше вероятностным прогнозированием, к которому переводчик прибегает из-за самой когнитивной природы СП – из-за навязанных внешних обстоятельств: скорости речи оратора. Данный фактор также вызывает в действие и третий когнитивный механизм, называемый Г.В. Черновым стратегией, – компрессию. Мы также предлагаем называть это явление когнитивным механизмом, а не стратегией, потому что он тесно связан с самой когнитивной природой СП. При этом мы выделяем два вида компрессии: смысловую и структурно-языковую [6, с.48-49]. Имплицитный характер английского языка и стремление к идиоматичности речи переводчика вынуждает его использовать имплицитные модели английского языка, что в сопоставлении с русским языком соотносится с более эксплицитными языковыми конструкциями. Соответственно, при среднем темпе речи оратора (100 слов в минуту) и знании переводчиком структурно-языковых соответствий при переводе с русского на английский достаточно владеть иностранным языком на идиоматичном уровне, чтобы суметь воспользоваться идиоматичными имплицитными моделями английского языка. При переводе с английского языка на русский (из-за большей эксплицитности русского языка) и при высоком темпе речи оратора при переводе в двух направлениях переводчик вынужден прибегать к смысловой компрессии, прибегая к вероятностному прогнозу развития смысла в тексте по смысловым опорам или актуализаторам смысла. Они представляют собой ключевые понятия, которые могут повторяться в тексте ИЯ. В тексте ПЯ вынужденно опускаются и повторы, и тематическая информация высказываний. Такие опущения приводят к сгущению информации в тексте, понижению ее избыточности, и для его

лучшего восприятия реципиентом переводчик должен воссоздавать логические связи в тексте. Все вышеназванные преобразования текста ПЯ связаны с интерпретационной природой перевода, и синхронный перевод особенно ярко демонстрирует интерпретационные возможности в переводе.

Взаимодействие трех когнитивных механизмов в СП представлено ниже на диаграмме:

Рис. 1. Взаимодействие когнитивных механизмов в синхронном переводе

Модификация этой диаграммы в первый раз была представлена М.Е. Коровкиной в (6).

В России и за рубежом известна лингвистическая школа перевода, связанная с именами В.Г. Гак [7], Я.И. Рецкера [8], В.Н. Комиссарова [9], Л.С. Бархударова [10], А.Д. Швейцера [11], А.Л. Семенова [12]. Теоретические постулаты данной школы развивались во второй половине XX столетия в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. М. Тореза. О другом направлении в исследовании перевода, которая также развивалась примерно в тот же временной промежуток – школе интерпретации – известно менее. Ее основоположником принято считать А.Н. Крюкова [13]. Представители этой школы Н.К. Гарбовский [14], Н.В. Иванов [15], Э.Н. Мишкурков [16] внести большой вклад в развитие теории интерпретации в переводе. Интерпретация понимается как постижение и толкование смысла текста ИЯ, предполагающее «выбор определенных форм выражения, наиболее приемлемых, с точки зрения каждого конкретного переводчика, для данной системы смыслов, ожиданий публики, получающей перевод, условий перевода» [14, с.213], что предполагает большую свободу переводчика в выборе вариантов перевода, помогающую уйти от буквализмов. При этом сказанное вовсе не означает вольное переложение смысла. Переводчик в своих действиях ограничен инвариантом смысла текста ИЯ: «Перевод – не интерпретация, в нем не может быть смысловых «приписок» [17, с.56].

Данный подход тесно коррелирует с «*teorie du sens*» Д. Селескович и М. Ледерер, основавших французскую школу перевода, идеи которой завоевали большую популярность и развиваются последователями данной школы во Франции и других странах, в

том числе в России. В данной школе акцент делается на передаче инварианта смысла при переходе от ИЯ к ПЯ, а не на поиске точных эквивалентов, хотя это тоже не исключается. Такая передача в переводе возможна только при постоянном учете контекста [18]. При этом сам процесс передачи смысла происходит в три этапа: понимание/девербализация – ментальная репрезентация смысла – ревербализация [2; 8]. Следует отметить, что часто исследования развиваются в одном направлении независимо друг от друга. Так, в 70-е годы XX века И.А. Зимняя также выделяла три фазы перевода (перевода как универсального понятия, а не только синхронного): понимание текста, переход на ПЯ, формулирование смысла на ПЯ [20, с.43–45]. Примерно в то же время синхронный переводчик и исследователь СП А.Ф. Ширияев также представил в своей модели СП три стадии этого процесса, причем вторую он называет «поиском переводческих решений» [21, с.101]. Данная мысль совпадает со взглядами Г.В. Чернова, который в своей модели, не выделяя определенные этапы, по сути говорит о тех же процессах осмысления инварианта смысла в тексте ИЯ и его передаче в тексте ПЯ, т.е. его формулирование на другом языке [22]. При этом некоторые исследователи выделяют только два этапа – понимание смысла в тексте ИЯ и его выражение в тексте ПЯ [23]. На наш взгляд, все этапы акта передачи инварианта смысла с ИЯ на ПЯ, ограниченно-го единицей перевода, длится доли секунды, поэтому в принципе, количество этапов не принципиально, но в настоящее время устоялась схема, состоящая из трех этапов: осмысление единицы текста ИЯ (девербализация) – поиск переводческих решений – формулирование единицы текста ПЯ (ревербализация). Именно эти термины вошли в лингвистический обиход, и ими описывается процесс передачи инварианта смысла при переходе от ИЯ к ПЯ.

Трудно переоценить важность первого этапа – контекстно обусловленного понимания, что неоднократно подчеркивается в разных работах авторами «теории смысла» [3; 12; 13; 14; 15; 16; 18]. Успешность перевода зиждется на правильном осмыслении контекста и понимании инварианта смысла в ИЯ. Для этого переводчик должен владеть пресуппозиционными знаниями.

III. Проблема: роль пресуппозиционного знания в обучении СП

Самое главное условие успешности вероятностного прогнозирования и инферирования – это общность знаний коммуникантов. Переводчик должен в каком-то приближении владеть знаниями, которыми владеет оратор, и представлять, насколько они соответствуют знаниям слушателей. Владение переводчиком общими знаниями коммуникантов, или пресуппозициями, позволяет ему в случае некоторого расхождения или разрыва в знаниях прибегать к прагматической адаптации, основанной на интерпретационной природе синхронного перевода. Знание пресуппозиций и способность использовать прагматическую адаптацию означает хорошее знакомство переводчика с широким прагматическим контекстом (по Т. Гивону) коммуникативной ситуации СП, который объединяет общий культурный контекст, дискурсивный (текстовый контекст) и дейкисический контекст (дейкис речевой ситуации) [24]. Это тот затекстовый (широкий) и текстовый (узкий) контекст, на основе которого переводчик извлекает выводное знание – инвариант смысла, который передается в ПЯ.

Г.В. Чернов в своей модели СП выделил четыре типа импликатур, вывод которых возможен только на основе знаний пресуппозиций. Это языковые, тезаурусные, ситуативно-дейкисические и прагматические пресуппозиции. Последние две группы импликатур связаны с конкретной коммуникативной ситуацией СП. На наш взгляд, логически-языковой и экстралингвистический характер импликатур и пресуппозиций

совпадает, что позволило нам объединить пресуппозиции в две большие группы: референциально-языковые и когнитивно-тезаурусные. Данная тема уже подробно рассматривалась автором [6], тем не менее, представляется необходимым акцентировать внимание на основных аспектах данного вопроса и в этой работе, в приложении к обучению переводчиков-синхронистов.

IV. Результаты исследования

Референциально-языковые пресуппозиции отражают знания языковых структур и понимание дискурсивных связей текста, делающих текст связным и логичным. Выше при рассмотрении вероятностного прогнозирования мы уже упоминали такие дискурсивные черты текста как тема-рематическое членение, кореферентные цепочки, повторы. Переводчик при восприятии текста на слух обрабатывает данную информацию, производя мгновенный анализ текста. В этом ему помогает владение на высоком уровне целым набором профессиональных переводческих компетенций, в том числе, коммуникативной компетенцией. Она включает и знание межязыковых асимметрий, которые обусловлены различиями в языковой и концептуальной картинах мира ИЯ и ПЯ. К ним относятся несовпадения в:

- образах, лежащих в основании метафор;
- сочетаемости, связанной с метафоричностью номинаций, ведущей к расхождению между прямым (буквальным) и вторичным (переносным) значениям в семантической структуре слова;
- имплицитных языковых структурах языка;
- выборе лингвоспецифичных признаков в описании предметной ситуации в ИЯ и ПЯ.

Например: *Многие люди, потерявшие работу, до сих пор ее не нашли.* – *Many of those who have lost their jobs are still unemployed* – метонимический перенос, использованный в связи с несовпадением признаков в описании предметной ситуации в ИЯ и ПЯ и использование лингвоспецифичного признака в ПЯ. Пример несовпадения в имплицитных языковых структурах (моделях): *Недавно Procter & Gamble выпустила на рынок новую линию высококачественных средств для ухода за волосами в среднем сегменте рынка и надеется представить еще несколько новых.* – *It recently introduced a new high quality mid-tier hair-care line and expects to introduce more new brands in two to three months.* Или пример семантического стяжения, когда в английском языке одним словом называется целая ситуация: *В результате рынки прочих стран провели неделю в тягостном ожидании.* – *As a result, the markets of other countries spent a week in suspense.*

Мы рассмотрели языковые и текстовые структуры, имеющие отношение к референциально-языковым пресуппозициям, знание которых помогают добиться качественного перевода при любых видах и направлениях перевода, и ускоряет реакцию синхронного переводчика при восприятии и анализе текста. Вторая большая группа пресуппозиций связана с экстралингвистической, затекстовой информацией, имеющей отношение к знанию широкого прагматического контекста. Это когнитивно-тезаурусные пресуппозиции, к которым мы также отнесли и знания коммуникативной ситуации перевода, его предметной области и шире знания культуры и общие знания о мире [25]. При осмыслении текста две группы пресуппозиций тесно взаимодействуют друг с другом: языковые структуры накладываются на фреймы общих знаний, и переводчик приходит к правильному пониманию текста. Две вышеперечисленные группы пресуппозиций представляют собой языковой и когнитивный тезаурус переводчика, развиваемый

в процессе обучения. В связи с этим представляется целесообразным сосредотачиваться на текстах, принадлежащих нескольким конкретным предметным областям, чтобы логика обучения позволяла формировать и расширять экстралингвистические знания именно конкретных предметных областей. При этом открытым остается вопрос, как в процессе обучения формировать энциклопедические знания – скорее всего, это остается прерогативой самообразования переводчика. В процессе обучения следует говорить об обучении логическим методам осуществления смысловых выводов, основанных на взаимодействии широкого и узкого контекстов и знаний двух групп presupпозиций. Например, при помощи метода логического анализа начинающие переводчики смогли сделать дедуктивный вывод о том, что называя ситуацию вокруг городов Мосула и Алеппо «a tale of two cities», автор использует аллюзию на прецедентный текст Диккенса. Студенты не читали это произведение, при этом с помощью методов наводящих вопросов и дедукции смогли прийти к выводу, что в повести Диккенса речь шла о Лондоне и Париже. Допустим, понимание этой экстралингвистической ситуации никак не влияет на перевод, оно просто дополняет осмысление текста и контекста, делает его полным. Но очень часто такое presupпозиционное знание помогает избежать presupпозиционных ошибок, очень частых в переводе, когда интерпретация инварианта смысла и смысловой прогноз при помощи вероятностного прогнозирования и инферирования не совпадают с реальным развитием смысла в тексте ИЯ. Например, начинающий переводчик, услышав такую фразу (в широком контексте речь шла об экономическом развитии Китая): *We have 50 million empty flats, and another fifty million under construction*, подумал, что речь идет о строительстве квартир на сумму 50 миллионов долларов и соответствующим образом перевел это предложение. Это пример неправильной инференции: переводчик решил, что 50 миллионов квартир – это слишком много, упустил из виду, что речь идет о Китае. Ограничимся данными примерами, хотя можно привести еще множество примеров и presupпозиционных ошибок, ведущих к неправильным смысловым выводам, и вариантов правильного перевода, основанного на верном смысловом выводе, который целиком и полностью зависит от знаний presupпозиций разного уровня, взаимодействующих между собой.

V. Дискуссия

В настоящее время интерпретационная природа перевода уже ни у кого не вызывает сомнений. При этом интерпретационный подход вовсе не предполагает вольный перевод. Несомненно, он представляет собой прежде всего успешную попытку уйти от буквального перевода, в то время как вольная интерпретация смысла ограничивается рамками инварианта смысла ИЯ. Эти особенности ярко проявляются именно в синхронном переводе. Для глубокого понимания инварианта смысла ИЯ переводчик прибегает к референциально-языковым и когнитивно-тезаурусным presupпозициям, хранящимся в его долгосрочной памяти, в его концептуальном и языковом тезаурусе. Оперативное их использование в рабочей памяти – это другой очень интересный вопрос, на который можно обратить внимание в дальнейших исследованиях.

Г.В. Чернов называл себя мостом, соединяющим две парадигмы исследований синхронного перевода [26], выделенные Б. Мозер [27]. Речь идет о когнитивной парадигме, изучающей когнитивные аспекты синхронного перевода, на свойствах и отделах человеческого мозга, выполняющего этот сложный вид операций, и парадигме «свободных искусств, исследующей прикладные аспекты преподавания синхронного перевода» [27, с.18]. Ко второй парадигме исследований Б. Мозер отнесла работы Д. Селескович и М. Ледерер. Исследования синхронного перевода *per se* междисциплинальны. Например,

исследования пресуппозиций тоже могут быть основаны на когнитивных механизмах операций переводчика и прикладных аспектах преподавания. Более того, критика Г.В. Чернова, высказанная в адрес интерпретативной теории перевода за ее увлечение прагматикой и придание чрезмерного веса контексту, названное им «отрывом смысла от значения» [1, с.26], оказалась несостоятельной. Ведь те когнитивные механизмы (называемые Г.В. Черновым «стратегиями») работают только в условиях владения переводчиком широким прагматическим контекстом. Фактически прагматический контекст, значение которого так подчеркивали Д. Селескович и М. Ледерер, является базовым условием возможности синхронного перевода.

VI. Выводы

1. В данной работе мы рассматривали специфические особенности синхронного перевода, имеющие когнитивную природу, к которым относятся вероятностное прогнозирование, инферирование и компрессия. Эти когнитивные механизмы не могут рассматриваться в качестве переводческих стратегий, так как они представляют собой саму суть СП, а не являются результатом переводческого выбора. Взаимодействие трех вышеназванных когнитивных механизмов облегчает интерпретацию переводчиком инварианта смысла, его осмысление в ИЯ и передачу в ПЯ.

2. Успех интерпретации смысла при помощи данных когнитивных механизмов зависит от принадлежности текста к сфере специальной коммуникации, от языковой функции текста. В связи с использованием в тексте языка для специальных целей текст обладает определенными характеристиками: логичностью и связностью изложения, использованием терминологии, принадлежащей к определенной области, описанием определенных явлений и событий, также имеющих отношение к конкретной предметной области. Это означает возможность выделения общих пресуппозиционных знаний коммуникантов, которыми переводчик также должен владеть для передачи инварианта смысла ИЯ в ПЯ.

3. В работе выделяются две группы пресуппозиций – референциально-языковые, связанные со знанием ИЯ и ПЯ и дискурсивных характеристик текста в обоих языках, и когнитивно-тезаурусные, представляющие собой языковой и концептуальный тезаурус переводчика. Переводчик работает над формированием тезауруса всю сознательную жизнь. При обучении нужно сформировать знания межязыковых асимметрий и автоматизировать на их основе навыки перевода, а также научить начинающего переводчика анализировать текст на основе узкого и широкого контекста для успешного осуществления инферирования смысла в процессе перевода.

Литература

1. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
2. Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.
3. Lederer M. Translation. The Interpretative Model. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
4. Seleskovitch D., Lederer M. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour Traduire. Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
5. Кубрякова Е.С. Инференция // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

6. Коровкина М.Е. Наследие Г.В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований синхронного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22 «Теория перевода» // М.Е. Коровкина. М.: МГУ, 2020. № 4. С.121-135.
7. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: URSS, 2008. 238 с.
11. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
12. Семёнов А.Л. Теория перевода. М.: Академия, 2013. 224с.
13. Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра фил. наук. М., 1988. 442 с.
14. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с.
15. Иванов Н.В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 152 с.
16. Мишкурин Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестник московского университета. Серия 22 «Теория перевода». М.: МГУ, 2013. №1. С.69-91.
17. Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода» М., 2015. № 4. С.34-65.
18. Seleskovitch D., Lederer M. *Pédagogie Raisonnée de l'Interprétation*. Bruxelles-Luxembourg/Paris: 2003.
19. Office des publications officielles des Communautés européennes/ Didier Erudition, 1989. – 281 p.
20. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
21. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М.: Изд-во Мин.обор. СССР, 1979. 184 с. Chernov G. Conference Interpreting in the USSR: History, Theory, New Frontiers // *Meta* 37, no. 1 (1992): 149-162. <https://doi.org/10.7202/002227ar>.
22. Lagarde, L. and Gile, D. Le traducteur professionnel face aux textes techniques et à la recherche documentaire // *Meta* 56, no. 1, (2011): 189 <https://doi.org/10.7202/1003517ar>
23. Givón T. *Mind, code and context: Essays in Pragmatics*. Hillsdale; New Jersey; L., 1989. 456 p.
24. Коровкина М.Е. От пресуппозиций к смысловым выводам: обучение синхронному переводу // Вестник Московского университета. Серия 22 «Теория перевода». М. №1, 2020. С.121-135.
25. Chernov G. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model / Ed. Robin Setton and Adelina Hild. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 266 p.
26. Moser-Mercer, B. “Paradigms Gained or the Art of Productive Disagreement,” in *Bridging the Gap: Empirical Research in Simultaneous Interpreting* / ed. Sylvie Lambert and Barbara Moser-Mercer. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1994. Pp.17-23.

THE ROLE OF PRESUPPOSITIONS IN SIMULTANEOUS INTERPRETING: METHODOLOGICAL ASPECTS

M. Ye. Korovkina
MGIMO University

Abstract. The article studies the cognitive features of simultaneous interpreting (SI): probabilistic forecasting, inferencing and compression. The SI external conditions make an interpreter resort to probabilistic forecasting of the sense development in the source language (SL) text, which is based on invariant sense anchors. Other cognitive mechanisms used in parallel to probabilistic forecasting are inferencing that elicits the information from the broad extralinguistic and narrow linguistic contexts and compression. Compressions can be of two types. The first one reflects the specific semantic and grammar structures of the SL and TL, the second relates to invariant sense and processes sense anchors and information redundancy, as the first two cognitive mechanisms, compressing the sense. Inferencing is a universal translation and interpreting tool based on presuppositions that represent common knowledge of communicants. The article describes two basic groups of presuppositions, according to the classification designed by the author: linguistic/referential and cognitive/thesaurus-based. Their interaction in the text enables an interpreter to derive SL invariant sense implicatures in the TL. The article also deals with theoretical and practical aspects of interpreters' training related to the development of three cognitive mechanisms and information procession. Theoretical postulates are illustrated by examples from the practice of interpreting and interpreters' training.

Key words: simultaneous interpreting, inferencing, probabilistic forecasting and anticipation, compression, sense interpretation, source language (SL), target language (TL), implicature, presupposition

Коровкина М.Е.,

кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры английского языка №1

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
тел.: +7 (903) 502 3384
e-mail mekorovkina@gmail.com

M. Ye. Korovkina

PhD (Philology), Senior Lecturer at the English Language Department № 1, MGIMO University (Russia, Moscow)

mobile: +7 (903) 502 3384
e-mail mekorovkina@gmail.com

УДК 791.43/45

УВИДЕТЬ АФРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ ИЗНУТРИ: ОСОБЕННОСТИ КИНЕМАТОГРАФА ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ АФРИКИ

Крюкова О.А.
МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Яркий колорит африканского континента всегда был притягательным для европейских кинематографистов, но чаще лишь как декорации для приключенческих и мелодраматических сюжетов. С начала 1950-х годов африканские кинематографисты пытались предложить свое видение истории и культуры африканского континента, бросая вызов колониальным повествованиям об африканском наследии и творчестве. Режиссеры первого поколения, эпохи независимости, такие как Усман Сембен, Умару Ганда рассматривали кинопро-

изводство не только как политический инструмент корректного представления африканской культуры в глазах мирового сообщества, но и как способ восстановления имиджа Африки у самих африканцев. Кино призвано просвещать свой народ и научить принимать, ценить и защищать свою уникальность и непохожесть. На протяжении всей своей истории африканский кинематограф находился под влиянием иностранных кинематографических школ. Теперь же кинематограф Африки обретает свой собственный «голос». Влияние и наследие новаторских франкоязычных западноафриканских режиссеров в значительной степени сформировали облик современного кино Тропической Африки и новых африканских авторов: Махамат-Салех Харун, Абдеррахман Сиссако, Мансур Сора Уэйд и Фанта Регина Накро.

Ключевые слова: франкофония, франкоязычная Африка, африканский кинематограф, самобытность

Современный мир – это тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная. Мультикультурный контекст различных феноменов является одним из стабильно актуальных вопросов последних пятидесяти лет. Идеология мультикультурализма созвучна основополагающему принципу Международной организации франкофонии – «Равенство, взаимодополняемость, солидарность» (*Egalité, complémentarité, solidarité*). Этот девиз переключается с философией Леопольда Седара Сенгора (1906-2001) – мыслителя, поэта, общественного деятеля, первого президента независимого Сенегала. Именно Сенгору принадлежит важная роль в концептуализации понятий франкофонии и негритюда. Как подчеркивает Т.Ю. Загряжкина, он сумел обойти крайности противопоставления цивилизаций по расовому признаку и сделал акцент не на расовых, а на типологических культурных различиях. Не поддерживая принцип самодостаточности африканской культуры, для объединения разбросанной по миру «черной расы», Сенгор выдвинул иной принцип – взаимодополнения разных культур в единой «цивилизации универсального» [1, с.53].

Особое внимание Сенгор уделял искусству, одному из главных способов отражения негритюда, как совокупности ценностей черного мира [2, с.39]. Так, кинематограф может служить наглядным примером утверждения культурной идентичности африканских народов.

Термин «африканское кино» стал использоваться в середине 50-х годов с появлением первых короткометражных фильмов, снятых африканскими студентами в Париже. В самом широком смысле «африканское кино» включает фильмы Северной Африки («арабское кино»), киноработы африканских кинематографистов франкоязычных стран (кинематограф «Черной Африки», «субсахарской Африки» или «Тропической Африки»), ленты англоязычных стран, а также фильмы, снятые африканскими эмигрантами за пределами «черного континента». Хотя кино на африканском континенте, в частности, в ЮАР и Алжире, появилось уже в 1897 году, а попытки создания полнометражных фильмов были предприняты еще в 20-х годах в странах Магриба, африканские киношколы считаются достаточно молодыми. По замечанию Жоржа Садуля «через 65 лет после изобретения кинематографа, еще не было создано ни одного подлинно африканского полнометражного фильма, то есть написанного, сыгранного, снятого и смонтированного африканцами и озвученного на одном из африканских языков» [3]. Первые фильмы африканских режиссеров на африканском материале появились только после обретения независимости в 60-х годах прошлого века.

Экзотичность африканского континента всегда были притягательными для европейских кинематографистов, но чаще лишь как фон, декорации для приключенческих и мелодраматических сюжетов. Однако встречались и такие фильмы, где предпринима-

лась попытка «перешагнуть стадию экзотики и попытаться увидеть черный мир изнутри» [4]. Речь идет о «Черном круизе» Леона Пуарье (1925), о фильме Марка Аллегре, сопровождавшего Андре Жида по Конго, «Путешествие в Конго» (1927), о ленте Жака д'Эма «Большой караван» (1936), о фильмах Ж. Дюпона «Конголезские танцы» и Э. Сешана «В стране пигмеев» (1946), о ленте «Африка-50» Р. Вотье (1950), работе А. Рене и К. Маркера «Статуи тоже умирают» (1953) и некоторых других. Подлинное знакомство с Африкой на большом экране состоялось благодаря Жану Рушу, французскому кинорежиссеру и антропологу. В 1946 году Руш приезжает в Нигер, чтобы сплавиться по реке и снять фильм о своем путешествии. Так появляется фильм «В стране черных магов» (*Au pays des mages noirs*, 1947). Из своей второй африканской экспедиции, на этот раз в Судан, Руш привез три фильма, два из которых – «Обрезание» (1948) и «Инициация в танец одержимости» (1948), были сняты его легендарной ручной камерой. Руш начинает открыто привносить вымысел в этнографию. М. Карпицкий подчеркивает, что установка на сотворчество, заметная в этих документальных работах, целиком проявляется в ряде этнохудожественных фильмов. Самые заметные из них – «Я – негр» (1958), «Человеческая пирамида» (1959), «Ягуар» (1967), «Мало-помалу» (1969) [5]. Руш был первым европейским кинематографистом, который начал работать над своими фильмами с африканцами. Именно они в последующие годы стали играть ключевую роль в создании национального кинематографа Африки (Умару Ганда (*Oumarou Ganda*), Сэйфи Фэй (*Safi Faye*), Мустафа Алассан (*Moustapha Alassane*) и другие). Фильмы Руша не являлись явно антиколониальными, но бросали вызов стандартному восприятию колониальной Африки, и показывали африканскую культуру с нового ракурса.

С начала 1950-х годов африканские кинематографисты пытались предложить свое видение истории и культуры африканского континента, в противовес колониальным повествованиям об африканском наследии и творчестве. Пионерами среди них можно назвать группу студентов, обучавшихся в 1955 году в Париже: Полен Визйра (*Paulin Soumanou Vieyra*), Жак Мело Кан (*Jacques Melo Kane*), Мамаду Сарр (*Mamadou Sarr*) и Робер Каристан (*Robert Caristan*). Создав «Африканскую киногруппу», молодые режиссеры сняли короткометражный фильм о положении африканских студентов в Европе – «Африка на Сене». С. Черток выделяет тему одиночества на чужбине, характерную для многих фильмов этого периода. Этой проблематике посвящен фильм камерунца Ж. Н. Нгассы (*Jean-Paul Ngassa*) «Приключение во Франции» (1960). Лента построена в форме интервью с африканскими студентами, проходящими обучение в Париже. О жизни студентов Университета Дружбы народов им. П. Лумумбы рассказывает документальный фильм «Этой зимой в Москве» (1960), который был снят гвинейскими стажерами Центральной студии документальных фильмов в Москве [6, с.12]. Всех режиссеров пионеров объединяет то, что все они получили образование в Европе – Париже, Риме или Москве. Начав с киножурналов, они переходили к документальному кино, а затем и к игровым короткометражным лентам.

Первые африканские фильмы появились почти одновременно в нескольких странах. В те годы основным источником вдохновения для африканских кинематографистов была политическая жизнь. В Гане, например, в первые дни независимости был создан Информационный центр, снимавший документальные фильмы о первых шагах суверенного государства, о праздновании провозглашения республики, о культурном строительстве и др. В Мали возникли государственные кино клубы под руководством Департамента кинематографии Государственного секретариата по информации и туризму. Первые фильмы Мозамбика фиксировали этапы национального освободительного движения.

Социолог и киновед Мам Рокайя Ндуа выделяет три основных события первых десятилетий африканского кинематографа (с 1950 по 1970 гг.). Прежде всего, Усман Сембен (Ousmane Sembène) снимает первый в Сенегале короткометражный фильм «Бором-Саррет» (Borom sarret, 1963). Вторым значимым событием стал полнометражный художественный фильм этого режиссера «Чернокожая из ...», снятый в 1966. С этой картиной Сембен получил приз Жана Виго. Именно он признан «отцом основателем африканского кино», а Сенегал, место, где родился Сембен, более десяти лет было центром кинопроизводства периода независимости. Наконец, знаковым событием исследовательница считает проведение в 1969 году первого Фестиваля африканского кино в Буркина-Фасо (FESPACO), в конкурсной программе которого принимали участие 24 фильма из пяти стран [7]. Благодаря фестивалю африканские кинематографисты имели возможность обсуждать и объединять усилия в процессе создания кинолента.

Среди стран, стоящих у истоков киноиндустрии Африки – ЮАР, Мадагаскар, Тунис, Гвинея, Мали, Кот-д’Ивуар, Камерун, Сенегал и Буркина-Фасо, две последние являются ключевыми в контексте киноискусства франкоязычной Африки. Эти две франкоговорящие страны стоят особняком по отношению к своим англоговорящим и португалоговорящим соседям. Если бывшие английские и португальские колонии характеризуются определенной автономией и не получали какой-либо поддержки от стран бывших колонизаторов. Напротив, Франция сохранила особые отношения со своими бывшими колониями, что распространялось и на техническую и финансовую поддержку кинематографа этих стран. Так, в период с 1963 по 1973 годы, из 185 короткометражных и полнометражных фильмов, снятых во франкоязычной Африке, 135 были созданы при поддержке французского министерства по вопросам сотрудничества с бывшими колониями [7]. До 2000 годов существовали специальные фонды помощи африканским киношколам, в частности, франкоязычным. Благодаря этой поддержке африканское кино стало заметным, по меньшей мере, во Франции. Об этом свидетельствует и участие фильмов «черной Африки» в программах Каннского фестиваля. Заинтересованность кино правящих кругов в Буркина-Фасо и Сенегале позволили этим странам шагнуть вперед в области киноискусства и обрести свое уникальное лицо. Этому способствовала также деятельность режиссеров, которые выступили не просто как авторы своих произведений, но и как продюсеры и дистрибьюторы.

Для африканских кинематографистов первого поколения, эпохи независимости, таких как Усман Сембен, Умару Ганда, кинематограф стал не просто инструментом общественного воздействия, но политическим инструментом коректного представления африканской культуры в глазах мирового сообщества и восстановлению имиджа Африки у самих африканцев. Сенегалец Усман Сембен сравнивал кино с «вечерним университетом Африки» [8, с.15-16]. Кино призвано не только просвещать свой народ, но научить принимать, ценить и защищать свою уникальность и непохожесть. С одной стороны фильм становится выражением нравственных эталонов, присущих традиционному искусству африканских народов, в еще большей степени, он служит воспитательным целям. Кинематографисты видели свою высокую гражданскую миссию в том, чтобы поднимать сознание неграмотного населения, составляющего большинство от общего числа жителей Черной Африки. Для этого периода была характерна политическая проблематика и пропагандистская прямолинейность. Силами режиссеров первого поколения (Полен Визьеры, Умара Ганда, Усмана Сембена, Меда Хондо, Тахаром Шериа) в 1969 году была образована Панафриканская федерация кинематографистов (Fédération Panafricaine des Cinéastes, или FEPACI), континентальный голос кинемато-

графистов из разных регионов Африки и диаспор. Главная цель федерации – поддержка африканского кинематографа на всех этапах производства и проката фильмов.

Постепенно, по мнению Л.М. Будяк, стала определяться и типичная африканская тематика с ее последовательным интересом к социальным проблемам, взаимоотношениям с Западом, истории и национальной культуре и т. д. [9, с.125]. В 60-70 годы значительный интерес для африканских интеллектуалов и, в частности, для деятелей киноискусства, представляла тема чернокожих эмигрантов. Многие ведущие режиссеры стран Тропической Африки были увлечены сюжетами, раскрывающими проблемы неокolonизма в Африке, а также социальным проблемам: положение женщин, борьба с нищетой, религиозные вопросы. В документальных фильмах Буркина-Фасо режиссеры выступали против кастовых предрассудков, ханжеской морали, межплеменной розни и вражды, Камерунец Жан-Пьер Диконг-Пипа (Jean-Pierre Dikongue-Pipa) в фильме «Рога» поднимает острые проблемы семьи и брака. Гвинейский режиссер Коста Диань (Costa Diagne), окончивший ВГИК, создал первый африканский фильм, посвященный безработице. Появляются фильмы о традиционных культурных практиках, исторические ленты [9, 10].

Только в 80-е годы получают развитие новые тенденции. Вагди Камиль Салех, режиссер и исследователь африканского кино, обращает внимание на то, что кино приобретает более взвешенный, мудрый взгляд на соотношение реальности прошлого и настоящего, политики. Идеология и прямолинейность выводов заметно ослабевают, появляются новые темы и сюжеты. [10]. В Алжире в 1975 году «Панафриканская Федерация Кинематографистов ФЕРАСИ» приняла «Хартию Африканских Искусств», в которой признается важность постколониальных и неокolonизмальных тем в национальном кинематографе. В это период на первый план выходят режиссеры второго и уже третьего поколения: Абабакар Самб Макарам (Ababacar Samb Makharam), Мусса Туре (Moussa Touré), Пьер-Мари Донг (Pierre-Marie Dong), Гастон Каборе (Gaston Kaboré), Идрисса Уэдраого (Idrissa Ouédraogo), Умара Сиссоко (Oumar Sissoko). Фильмы африканских режиссеров получают признание на международных фестивалях. В 1987 году фильм малийского режиссера Сулеймана Сиссе (Souleymane Cissé) «Яркий свет» (Yeelen, 1987) на языке бамбара, первый фильм, снятый чернокожим африканцем, получил приз жюри, а фильм «Бабушка» (Yaaba, 1989) уроженца Буркина-Фасо Идрисса Уэдраого стал обладателем премии Международной федерации кинопрессы. «Гимба, Тиран своей эпохи» (1995) Умара Сиссоко также был хорошо принят на западе. В 2010 году на Каннском фестивале был отмечен фильм уроженца Чада Махамат-Салеха Харуна (Mahamat-Saleh Haroun) «Человек, который кричит».

Новое поколение кинематографистов меняет тональность и иначе расставляет акценты. Молодые режиссеры больше склонны к созерцанию и размышлениям, смелее в своих высказываниях, чем предыдущие поколения. Фильмы этих режиссеров, хотя повторяют те же темы, что и их предшественники, но фокусируют внимание на внутреннем мире героев и поэтике, а не на дидактических, политических или национально окрашенных посылах, характерных для предыдущих периодов. Современное африканское кино затрагивает целый ряд актуальных проблем мирового и локального значения. Миграция и отношения между африканскими и европейскими странами – общая тема для многих африканских фильмов (Абдеррахман Сиссако «В ожидании Счастья» (2002), Махамат-Салех Харун «Сезон во Франции» (2017). С ней созвучен сюжет страдания и боли вдали от Родины и семьи, проходящий красной нитью в лентах Моник Мбека Фоба (Monique Mbeka Phoba). Фильм Дидье Уенангаре (Didier Ouénangaré) «Молчание

леса» (2003) обращает внимание на хрупкость и невозполнимость истощенных природных ресурсов Африки. Теме насилия над миллионами людей посвящены, в частности, работы Абдеррахмана Сиссако и Махамата Салеха Харуна. Набирает популярность, как на континенте, так и за его пределами афрофутуризм – одно из направлений в современной фантастике. Яркие примеры афрофутуризма – фильмы «Район №9» Нила Блоккампа (Neill Blomkamp) и «Пумзи» Ванури Кахиу (Wanuri_Kahiu).

На формирование самобытного африканского киноязыка оказывает влияние не только проблематика, но и драматургия, визуально-звуковые особенности кинолента африканского континента. Вагди Камиль Салех подчеркивает, что традиционное искусство народов Тропической Африки всегда обладало знаковой, символической природой. Последовательное изображение жизни не было привычным для традиционного искусства, формировавшего художественное сознание народа на протяжении веков. Реализм с подробным и конкретным изображением различных сторон действительности и детализацией человеческих характеров – это заимствования у иностранных, в первую очередь, европейских киношкол [11]. Сочетания приемов реалистического изображения и символических принципов, созвучных традиции народной культуры в работах африканских режиссеров, иллюстрируют специфику и уровень драматургического, изобразительного и звукового решения самобытных художников.

В заключение следует отметить, в силу самых разных причин, в первую очередь экономических и политических, африканский кинематограф во многом уступает киношколам Европы и Америки. Однако это не умаляет ценности кинематографического наследия, прежде всего франкоязычных стран Африки, считавшихся на протяжении многих лет ориентирами в мире кино для всего африканского континента. Об этом свидетельствует и Проект африканского кинематографического наследия (AFNP) Панафриканской федерации кинематографистов (ФЕРАЦИ), представленный на Каннском фестивале в 2019 году. Цель проекта состоит в том, чтобы восстановить и сохранить 50 африканских фильмов исторического, культурного и художественного значения. Первый шаг – привлечь внимание к четырем основным фильмам, созданным одними из наиболее важных кинематографистов в истории африканского кино: «О Солнце» (1970) мавританского режиссера Меда Хондо, «Хроника огненных лет» (1975) алжирского режиссера Мохаммеда Лахдар-Хамина, «Женщина с ножом» (1969) пионера – ивуария Тимити Басори и «Муна Мого» (1975) камерунца Жан-Пьера Диконг-Пипа. [12]. Творчество африканских кинематографистов создает подлинный, интроспективный взгляд на прошлое и настоящее Африки. Обращение авторов к локальному культурному контексту, традициям народной культуры, работам зарубежных мастеров, поиск собственной эстетики наделяют африканское кино уникальным характером.

Литература

1. Загряжская Т.Ю. Центр и периферия франкофонии: франкоязычная Африка и роль чувства в защите языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 48–59.
2. Senghor L.S. Liberté I. Négritude et humanisme. Paris, 1964. P. 7—96.
3. Rouch, J. The Situation and Tendencies of the Cinema in Africa. 2(1), 1975. С.51-58. URL:<https://repository.upenn.edu/svc/vol2/iss1/5> (дата обращения 29.10.2020).
4. Визйра П. Самое молодое в мире // Искусство кино. 1970 № 9 С. 118-123.
5. Карпицкий М. Жан Руш. Же сюи реалист. URL:<http://cineticle.com/magazine/1529-22-jean-rouch-je-suis-realiste.html> (дата обращения 29.10.2020).

6. Черток. С. Начало. Кино Черной Африки. М.: Бюро пропаганды сов. киноискусства, 1973. 87 с.

7. Ndoye M.R. Les places fortes du cinéma en Afrique de l’Ouest francophone Cinéma africain francophone – état des lieux 2/5 URL:<https://www.agora-francophone.org/les-places-fortes-du-cinema-en-afrique-de-l-ouest-francophone> (дата обращения 29.10.2020).

8. Delmas J., Delmas G. Ousmane Sembene : Un film est un débat // Jeune Cinéma 1976. № 99. P.13-17.

9. Будяк Л. Кино стран Азии и Африки. М.: «Знание», 1983. 159 с.

10. Бенимана Б. Взаимодействие анимации и искусства Африки: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.: 2000. 25 с.

11. Вагди К.С. Кино тропической Африки как эстетический феномен: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.: 1993. 20 с.

12. ЮНЕСКО URL: <https://ru.unesco.org/news/proekt-afrikanskogo-kinematografi-cheskogo-naslediya-v-kannah-v-2019-godu> (дата обращения 29.10.2020).

THE INSIGHT INTO THE AFRICAN CONTINENT: FEATURES OF THE FRANCOPHONE AFRICA CINEMATOGRAPHY

Olga A. Kryukova
Moscow State University

Abstract. Bright color of the African continent has always been attractive for European filmmakers, but more often only scenery for adventure and melodramatic stories. Since the early 1950s, African filmmakers have tried to offer their perspective on the history and culture of the African continent, challenging colonial narratives of African heritage and creativity. First-generation, independence-era directors such as Ousmane Sembène, Oumarou Ganda saw filmmaking not only as a political tool to correctly represent African culture in the eyes of the world community, but also as a way to restore Africa’s image to Africans themselves. Cinema is designed to educate its people and teach them to accept, appreciate and protect their uniqueness and dissimilarity. Throughout its history, African cinematography was influenced by foreign cinematographic schools. Nowadays the cinema of Africa is getting its own “voice”. The influence and legacy of pioneering French-speaking West African directors such as Djibril Diop Mambéty, Souleymane Cissé and Safi Faye has shaped to a large extent the face of contemporary Tropical African cinema and emerging African authors. Among those there are Mahamat-Saleh Harun, Abderrahman Sissako, Mansour Sora Wade and Fanta Régina Nacro.

Key words: La Francophonie, francophone Africa, cinematography, identity

Крюкова Ольга Александровна,
доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова;
тел.: +7 (495) 734 0310
e-mail: opakukova@gmail.com

Olga A. Kryukova
assistant professor,
Moscow State University;
mobile: +7 (495) 734 0310
e-mail: opakukova@gmail.com

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Кузнецова Е.В.

Лукина С.Л.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме контекстуализации языковой картины мира сквозь призму символики цветонаименований. Актуальность рассматриваемой проблемы обуславливается необходимостью эффективности общения в рамках межкультурного диалога. В качестве объекта исследования анализируются устойчивые выражения с прилагательными цвета в русской и английской лингвокультурах. Проводится сравнение коннотативных значений исследуемых единиц в двух лингвокультурах с целью выявления сходств и различий в ассоциациях носителей русского и английского языков. Сделанные выводы позволяют считать, что межкультурные цветовые ассоциации все больше развивают схожие коннотации в связи с активным контактом языков в условиях мультилингвизма и мультикультурализма в современном мире.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, мультилингвизм, мультикультурализм, цветовая символика, язык, прилагательные цвета

В процессе познания и изучения мира, человек старается упорядочить его составляющие, создавая модель окружающей реальности. В этом ему помогают различные виды восприятия: зрительное, осязательное, слуховое, пространственное, временное и другие. По мнению специалистов, самым первым инструментом в освоении мира выступает прежде всего зрительное восприятие [1]. Уже с первых месяцев жизни ребенок начинает идентифицировать предметы по цветам, звукам, а позже по форме. Способность зрительного восприятия является врожденной, и ее существенную часть составляет способность различать цвета. Сначала человек способен идентифицировать четыре основных цвета: красный, желтый, синий и зеленый, но цветоразличение изменяется на протяжении всей жизни.

Цвет важен для нас не только с точки зрения освоения мира, ориентации в пространстве, но он также играет большую и многоплановую роль в нашей концептуальной картине мира, являясь не только образом светового спектра, отраженным в сознании, но и проецируя различные ассоциации и ощущения [2]. Как отмечается в литературе, это зависит не только от чистоты оттенка, насыщенности, яркости цвета, но и также обуславливается индивидуальными особенностями человека в зависимости от его физиологического и психологического состояний. Помимо этого, цветовое окружение, формирующее представление окружающей реальности, определяется также историческими сложившимися особенностями и географическим положением. В процессе нашей эволюции цветовое восприятие человека менялось, что нашло отражение в общественном сознании и основных течениях в письменной и художественной культуре. Поэтому цветовая характеристика предметов в различных культурах является показателем одной из центральных форм восприятия мира данного этноса, иными словами, контекстуализацией действительности [1].

Представления человека о цвете как о свойстве предмета реализуются в нашей речи различными способами, например, образуя множество словосочетаний

с цветowymi прилагательными, которые позже развились в устойчивые выражения. Например, в русском языке мы часто используем ряд цветowych сравнений: «белая ворона», «желтая пресса», «розовые очки» и т.п. Ученые считают, что это является результатом эволюции нашей совокупности представлений о мире и образует языковую, или концептуальную, картину мира как отражение предметов и явлений с помощью языковых средств [1]. Это прямо и непосредственно определяет предмет данной работы – изучение языковой картины мира сквозь призму символики цветоименования в русской и английской лингвокультурах. Объектом исследования выступают устойчивые выражения с прилагательными цвета в обоих языках.

Лингвисты отмечают, что языковая картина мира является отражением в языковых формах и категориях представлений говорящего на этом языке народа о действительности и человеке по отношению к действительности [1]. Языковая картина мира определяется как «целостная совокупность выраженных в языке понятий и представлений о мире, которая формируется в зависимости от экономических, политических, культурных факторов» [1**].

Поскольку зрительные процессы восприятия проходят через национально-культурную призму определенного народа, колористическая лексика наполнена образностью и символикой. Таким образом, цветообозначения являются одним из центральных элементов языковой картины мира того или иного этноса. Кроме того, определенные культурные явления одного этноса не всегда понятны другому в силу того, что они наполнены не прямым, а образным смыслом цветоименований. В лингвистике под символом принято понимать идею, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание [2]. Первыми цветами, которые раньше всех получили отражение в человеческой культуре, считаются белый, черный и красный. Позже в Европе основными стали считаться красный – желтый – синий, затем красный – зеленый – синий. Знаменитый английский ученый, И. Ньютон, который также занимался данной темой, является признанным основоположником теории цвета, согласно которой количество основных цветов увеличилось до семи: красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, индиго, фиолетовый [3]. Тем не менее в русскоязычном лексиконе мы чаще выделяем не все классические цвета радуги, а черный, белый, серый, красный, синий, желтый и зеленый цвета. Именно на основе этих цветоименований появились устойчивые выражения в нашей лингвокультуре.

Рассматривая первые цветоименования в английской и русской культурах, важно отметить, что отношения к данным наименованиям схожи. Белый символически ассоциируется со светом, черный с тьмой, а красный с огнем. Однако наряду со схожими чертами, две лингвокультуры обнаруживают, конечно, и различия. Проанализируем каждое цветообозначение более детально.

Символика белого

В русской фольклорной культуре белый цвет ассоциируется со светом, чистотой, непорочностью, он объединяет и примиряет все на земле. Употребление в описаниях белого цвета указывает на чистоту помыслов. Например: «И недоглядел змей, что голубок белый тут же в темном углу спрятался» («Никита Кожемяка»). Кроме того, белый цвет защищает людей от нечистой силы, не дает проникнуть злу. По этой причине в русской оберёговой культуре скатерть должна быть белого цвета, чтобы гости не принесли в дом злого умысла. Нательное бельё носили тоже белого цвета, так как верили, что тело в нем оставалось

здоровым и чистым. Белый цвет даже «осветлял» недобрые чувства как, например, в выражении «*белая зависть*», которое реализует значение «чистоты помыслов» [4].

Правда это положительная коннотация белого цвета реализуется не во всех выражениях. Например, метафорическое выражение «*белая ворона*» используется для обозначения лица, чье поведение или ценности не соответствуют обществу, в котором человек находится [4]. Но это, на наш взгляд, скорее относится к окказионализмам, нежели к частотным образованиям. В английской лингвокультуре существует некое соответствие русскому выражению «белая ворона», только образность у англичан противоположно иная: *odd one out/ rare bird/ black sheep* [5]. К окказиональным значениям также относится выражение «*белые пятна*». Изначально оно применялось в географическом контексте для обозначения мест, которые отсутствуют на карте. Позже это выражение перешло в историческую литературу для названия каких-либо неизвестных фактов, событий или обезличенной истории [4]. В русской лингвокультуре белый цвет также употребляется в выражении «белая горячка», которая подразумевает под собой алкогольный психоз. Здесь цветообозначение «белый» соотносится с физиологией, обозначая побледнение кожных покровов [4].

В английской культуре белый цвет имеет схожую символику, подчеркивая в первую очередь невинность и целомудрие. Он широко употребляется в религиозной культуре. Например: *одежда древних священников, друидов, была всегда белого цвета, выступая символом чистоты их веры*. Значение «чистоты помыслов» мы находим в английском выражении «*white lie*», что, согласно словарному определению, означает «*a lie, especially one told to avoid hurting someone's feeling*» [2**].

Вместе с тем, однако, белый цвет в английский культуре может также иметь значение трусости или страха. Это прослеживается, например, в следующих выражениях: *to show the white feather – to act in a cowardly way, to show fear; as white as a sheet – very pale, especially as a result of fear or shock* [2**].

Символика черного

Что касается черного цвета, в английской и русской культурах он обозначает страх, символизирует нечистую силу и зло. В русском языке это можно проследить в таких выражениях, как *черное дело* (т.е. злостный, коварный поступок, преступление); *черная душа* (т.е. коварный, способный на низкие, предосудительные дела, поступки человек); *называть черное белым / белое черным* (т.е. принимать или выдавать что-либо за противоположное: плохое за хорошее, хорошее за плохое). В английском языке мы встречаемся с похожими ассоциациями в таких выражениях, как: *as black as hell (as night, witch, midnight) – very dark, completely dark; to look black – to be on a low mood; to be black in the face – to be angry; to beat smb black and blue – to beat smb to a frazzle* [2**].

Различия в культурных ассоциациях с черным прослеживаются, например, и в отношении выражения «черная кошка»: в русской культуре этот символ предвещает что-то плохое («*между ними чёрная кошка пробежала*») [3**] в то время, как в английской лингвокультуре черная кошка, напротив, приносит удачу («*If a black cat crosses your path, you will have good luck*») [2**].

Палитра выражений с прилагательным «черный» весьма разнообразная, что связано во многом с активным контактом языков в XX-XXI вв.. Так, например, в XX веке в англоязычном мире, а в XXI веке и в России, стало популярным такое выражение, как («*Black Friday*»), пришедшее в русскую лингвокультуру из Северной Америки. Все знают сегодня, что так называют сезон предрождественских распродаж, который начинается сразу после Дня Благодарения. Этимология данного выражения очень инте-

ресная. С одной стороны, название этого дня соотносят с прибылью, положительным балансом – *be in the black*, что обычно в соответствующих документах обозначалось черным шрифтом в противовес отрицательному балансу – *be in the red*, что помечалось красным шрифтом [4**].

Но у этого выражения есть и другая история, связанная с экономическими событиями. В 19 во время очередного кризиса обрушился золотой рынок, и цены на золото упали. Этот кризис произошел в пятницу. Поэтому в историю этот день вошел как Черная Пятница. Постепенно, в России в конце прошлого и в начале XXI века появились и стали приобретать популярность новые выражения с прилагательным «черный»: «*черная зарплата*», «*черный рынок*», «*черная*» (или «*теневая*») экономика. Все эти устойчивые словосочетания реализуют отрицательную коннотацию, выражая значение чего-то нелегального и незаконного, «действия, которые идут в обход действующему законодательству» [2**]. А совсем недавно, в 2020 году, в английской культуре появилось еще одно выражение – «*black sky event*», которое подразумевает под собой серьезное по риску или опасности событие, например, кибератака или стихийное бедствие, которое влечет за собой отключение электроэнергии: *The National Commission on Grid Resilience, ... convened to assess our ability to prevent or respond to a so-called black sky event, concludes in a report released Thursday that the country has fallen behind. The danger of a nation gone dark is rising* [2*].

Правда, необходимо иметь ввиду, что не всегда существует такая зеркальность коррелятов, как описывалось выше. Например, появившееся в русской лингвокультуре выражение «*черный пиар*» имеет значение деятельности, направленной на уничтожение благоприятного имиджа какого-либо лица, организации, политической силы и т.п. В английской лингвокультуре это значение передается выражениями «*negative campaigning*» или «*mud slinging*», в которых, как мы видим, отсутствует прилагательное «черный». А англоязычный вариант *Black PR*, хотя и существует, не является зеркальным коррелятом и употребляется только в узком контексте, когда имеется ввиду поддержка афроамериканцев [4].

Символика красного

Красный цвет, наряду с белым и черным, в английской и русской культурах занимает центральное место, но имеет различную символику. У славян красный в первую очередь реализует значение огня, жизни, здоровья и совершенства. Он, как и белый, выступает защитой от злых сил. Эти значения можно проследить в таких выражениях, как: «*красно солнышко*» (то, что дает жизнь); «*весна-красна*» (начало жизни); «*лето красное*» (праздник жизни); «*красна девица*» (красивая, здоровая девушка). Также красный цвет может иметь значение «испытывать стыд» (*краснеть за кого-то*) и «дразнить кого-то», то есть делать что-то специально, назло (*махать красной тряпкой*).

В значении красного цвета можно наблюдать определенные противоречия. Например, в современной русской лингвокультуре выражение «*красная цена*» закрепилось со значением «минимальная», то есть «товар со скидкой/ бюджетная категория товаров», и на них действительно можно видеть красные ценники. Интересное противоречие, на наш взгляд, состоит в том, что исторически под «красной ценой» подразумевалась максимальная цена, то есть самое большое, что можно дать за товар. Например: «*Я полагаю с своей стороны, положила руку на сердце: по восьми гривен за душу — это самая красная цена!*» (Н. Гоголь. *Мёртвые души*) [3*].

В английской культуре красный цвет имеет два противоположных значения. Во-первых, мы можем трактовать его как символ боли, гнева, войны или смерти, а также

финансовой потери. Например, *see red – become very angry; to be like a red rag to a bull – to be likely to cause uncontrollable anger; better red than dead – a phrase used during the Cold War by some people opposed to nuclear weapons, meaning that it would be better to be controlled by a communist government than to be killed in a nuclear war; be in the red* [4**]. Также существует выражение «*catch someone red-handed*», которое имеет значение «поймать с поличным».

С другой стороны, красный цвет имеет значение любви и здоровья, чего-то прекрасного. Это находит отражение в таких фразеологических единицах, как *as red as a rose – beautiful, attractive; to paint the town red – to go and have an extremely good time*. Английское выражение «*roll out the red carpet*» применяется к людям, которым говорящий доверяет и находится с ними в хороших отношениях [3**].

Символика зеленого

Особое место в английской и русской лингвокультурах занимает символика зеленого цвета. Данное цветоименование в английской культуре может обозначать богатство, процветание и стабильность, быть символом свободы действий человека: *to give smb the green light – to give smb permission to do smth*. Так, например, деньги могли называть *green stuff* или *the long green*. Также, этот цвет может выступать символом распада или неудачи (*the rub of the green – a piece of bad luck that has to be accepted; the grass is greener on the other side of the fence – said of people who never seem satisfied and always think that others have a better situation than they have*) [3**]. Исследователи отмечают интересный исторический факт, связанный с отрицательной коннотацией зеленого: в середине XIX века в определенных европейских странах, в том числе и с Британии, банкроты носили шляпы зеленого цвета. Таких людей в обществе называли «*green hats*».

Символика зеленого цвета в английской культуре пересекается с русской культурой в значении здоровья, молодости и незрелости (*to keep the bones green – to have the perfect health* [4**]; *greener – новичок; зеленая голова, в зеленом цвете*). В то же время есть случаи, когда зеленый цвет может ассоциироваться и с нездоровьем в английской лингвокультуре («*to feel/to turn green*»), а также в России и в англоговорящих странах, например, можно позеленеть от зависти («*green jealousy*», «*green with envy*»), а в русской культуре от скуки и тоски. Интересно, что зеленый как обозначение цвета стало использоваться в русской культуре только в XVI веке [3**]. И в выражениях «*зеленый змий*», «*зелено вино*» лексема «зелено» соотносилось с понятием «зелья», то есть яда, чего-то небезопасного.

Символика желтого

В русской и английской культурах на желтый цвет чаще ссылаются как на золотой (*gold*), который ассоциируется с богатством, изобилием чего-либо или красотой. Например: «*золотые/золотистые волосы*» (*golden hair, golden locks*) или «*золотой век*» (*golden age*). Помимо этого, в русской лингвокультуре «золотой» также может иметь и другие значения, например, умелый («*золотые руки*»); способный («*золотая голова*»); замечательный, оптимальный («*золотые слова*», «*золотая середина*»).

Прилагательное «желтый» мы обнаруживаем в известном выражении «*желтая пресса*». Это сочетание появилось в конце XIX века в американской языковой среде и позже заменило свой европейский фразеологический коррелят – выражение «революрная пресса». Так стали называть печатные издания, которые в основном специализировались и до сих пор специализируются на слухах и сенсациях, а также продаются по низкой цене. По одной из версий, данная пресса получила название из-за скандальной

ситуации между двумя американскими газетными изданиями за авторское право на серию комиксов «Желтый малыш», главный персонаж которой был забавный мальчик в длинной желтой рубашке, сделанной из мешка для муки, отпускающий едкие комментарии в отношении различных событий. Судья, занимающийся этим делом, презрительно назвал оба издания «желтой прессой», что впоследствии так и закрепилось в речи. В русской лингвокультуре данное выражение стало популярным лишь в конце XX века, в период активного импорта западной культуры [5**].

Символика синего

Значение данного цвета в рассматриваемых нами лингвокультурах неоднозначно по ряду причин. Во-первых, в русской традиции выделяют голубой и синий цвета, которые имеют разную символику. Голубой принято ассоциировать с небом, чистотой, постоянством. Нередко его, как и белый цвет, рассматривают как символ чего-то избранного или идеалистического. Это находит отражение в различных выражениях, например, «голубая мечта», то есть идеалистическая, часто недостижимая мечта [3**]; «голубая кровь», т.е. человек, имеющий аристократическое, дворянское происхождение [3**]. Синий же цвет имеет противоположное значение и ассоциируется с водой, глубиной, чем-то мистическим. Например, «гореть синим пламенем», т.е. оказаться в незавидном положении, испытывать неприятности.

В английской культуре синий цвет имеет в большинстве случаев негативную коннотацию, что проявляется в ряде выражений. Например, он может символизировать страх (*blue fear*), неожиданность (*out of the blue*), уныние (*to be in the blue*), редкое событие (*once in a blue moon*) или неэффективные действия (*until you are blue in the face*).

Не обошли стороной эти негативные ассоциации и русскую культуру: например, *дьявола раньше называли «синецом»*. В связи с этим поверьем встречаются сведения о том, что Иван Грозный боялся синеглазых людей [4*]. Отметим, что в английском языке тоже присутствует выражение «*blue devils*». Но оно не связано с темой дьявола, а означает уныние, тоску [4**]. Любопытным фактом является также и то, что название вида музыки блюз (*blues*) пошло от выражения «*blue devils*», так как изначально блюзовые композиции описывали сильные душевные переживания и трудную жизнь афроамериканского населения.

Символика серого

В русской и английской языковой картине мира серый цвет обнаруживает в подавляющем большинстве сходную символику, ассоциируясь с заурядностью, будничностью, неприметностью. Среди переносных значений прилагательного «серый» русскоязычный словарь регистрирует, например, следующее значение: «Ничем не примечательный, бедный содержанием» [4]. В английском словаре мы находим похожую семантику «*not bright or hopeful*», «*dismal*», «*gloomy*», «*sad*» или «*depressing*». Сравните, например: *серая пьеса*, *серая жизнь*; *gang/go a grey gate* (а «*dull*», «*anonymous*» or «*faceless*» person) [2**]. Положительных коннотаций нами не было обнаружено ни в одной из исследуемых лингвокультур.

На основании проведенного выше анализа были выделены основные группы концептуальных ассоциаций, которые реализуются в рамках цветоименований в обеих лингвокультурах. Они включают следующие значения: свет (чистота), зло (нечистая сила), обыденность, красота, незрелость, изобилие и другие. В приведенной ниже сводной таблице мы указали выявленные и описанные выше сходства и различия в коннотативных значениях рассмотренных цветоименований (см. таблицу 1):

Таблица 1. Сходства и различия коннотативных значений рассмотренных цветоименований

Концептуальное значение в ЯКМ	Русская лингвокультура	Английская лингвокультура
свет, чистота	белый, синий (голубой)	white
трусость	-	white
неординарность поведения	белая ворона	black
неизвестные факты, события	белый	-
обезличенная история	белый	-
зло, нечистая сила	черный синий	black green
страх	-	black, blue
заурядность, обыденность	серый	grey
боль, гнев	-	red
красота, совершенство	красный желтый (золотой)	yellow (gold) red (не ярко-выраженное значение)
богатство, процветание и стабильность	-	green black
неудача, недостаток	черный	green red
нелегальный	черный	blue
минимальная/максимальная цена	красный	-
доверие	-	red
удача	-	black
здоровье	-	green
нездоровье	белый	green
свобода	-	green
незрелость/молодость	зеленый	green
изобилие чего-то	желтый (золотой)	yellow (gold)
умелый, умный	желтый (золотой)	-
скука/тоска	зеленый	-
зависть/ревность	зеленый	green
хитрость/обман	зеленый	-
сплетни/слухи	желтый	yellow
редкое событие	-	blue
неэффективные действия	-	blue
переживания/трудная жизнь	-	blue

В заключении отметим, что в условиях глобализации и активизации межкультурного общения важно учитывать национальный менталитет коммуникантов, так как это помогает избежать потенциального межкультурного непонимания. При этом важно учитывать, что английский язык как язык международного общения не только способствует сближению, но и неизбежно внедряет свою концептуальную систему взгляда на мир. Таким образом, мы должны адаптироваться к его «цветовой палитре», которая имеет свою национально-культурную специфику.

Языковая картина мира в русской и английской лингвокультурах обнаруживает довольно много общих концептуальных представлений о мире. Этот показатель составил

53,3% от общего числа рассмотренных примеров и соотносится с такими явлениями, как: добродетель/ зло, интеллект/ заурядность, красота/ молодость, неудача, изобилие. Доля идеозичности, напротив, незначительно уступает. Этот показатель составил 46,7% от общего числа рассмотренных примеров и соотносится с такими явлениями, как: удача, свобода, здоровье, богатство/процветание, боль, гнев, страх, трусость. Такое соотношение свидетельствует о том, что традиция цветообозначения уверенно сохраняет свою национальную специфику, т.е. есть концептуальные представления о мире. Отсюда следует, что это необходимо обязательно учитывать в диалоге культур и, конечно, при переводе, например, при лингвокультурной адаптации произведения.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Николай Федорович Алефиренко. – М., 2010. – 288 с.
2. Василевич А.П. Языковая картина мира. Методы исследования и прикладные аспекты. Диссертация в виде научного доклада, составленного по опубликованным работам и представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003 – 95 с.
3. Ньютон И. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. — М.: Государственное издательство технико- теоретической литературы, 1954. – 367 с.
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Издательства: Флинта, Наука, 2009 г. – 384 с.

Список источников примеров

- 1* Черный рынок // Википедия. Свободная энциклопедия. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрный_рынок (дата обращения 07.01.2021)
- 2* Cambridge words: New words [Electronic resource] URL:<https://dictionaryblog.cambridge.org/2020/12/21/new-words-21-december-2020/> (дата обращения 07.01.2021)
- 3* Сичинава Д.В. Красная цена// Arzamas: просветительский 2019 г. URL:<https://arzamas.academy/micro/slovo/13> (дата обращения 07.01.2021)
- 4* Арндт Трайндл Воздействие цвета и психология цветовосприятия // Элитариум: центр дополнительного образования URL:<https://www.elitarium.ru/psihologija-cvetovosprijatie-vozdjeystvie-cvet-sinij-krasnyj-bezhevuj-issledovanija/> (дата обращения 05.12.2020)

Список словарей

- 1** Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 2010. – 576 с.
- 2** Онлайн-словарь английского языка Oxford English Dictionary URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 05.12.2020).
- 3** Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. –Москва: Советская энциклопедия, 1968. — 543 с.
- 4** Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
- 5** Этимологический онлайн словарь URL:<https://www.etymonline.com/word/yellow%20journalism> (дата обращения 07.01.2021)

COLOUR SYMBOLISM IN RUSSIAN AND ENGLISH CULTURES

Yevgenia V. Kuznetsova
Svetlana L. Lukina
Voronezh State University

Abstract. The article explores the issue of contextualization of linguistic worldview via the prism of color symbolism in Russian and English cultures. The rationale of the study is due to necessity of maintaining effective cross-cultural communication in today's multilingual and multicultural society. The object of study is Russian and English set phrases containing color adjectives. The research provides comparison and contrast of cultural associations in the two cultures. We conclude that in the light of cultural globalization and interaction both languages, Russian and English, develop similar color associations.

Keywords: cultural linguistics, linguistic worldview, multilingual and multicultural society, color symbolism, color adjectives

Кузнецова Евгения Викторовна
Воронежский государственный
университет
студентка 3 курса факультета романо-
германской филологии
тел.: +79204669316
e-mail: ku.eugenie@mail.ru

Yevgenia V. Kuznetsova
Voronezh State University
student of the faculty of
Romance and Germanic Philology
mobile: +7 (920) 466 9316
e-mail: ku.eugenie@mail.ru

Научный руководитель:
Лукина Светлана Леонидовна,
Доцент кафедры перевода и профессиональной
коммуникации
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (920) 466 9316
e-mail: s.l.lukina@mail.ru

Svetlana L. Lukina
Voronezh State University
senior lecturer of the Department of
Translation and Professional
Communication
mobile: +79081330103
e-mail: s.l.lukina@mail.ru

УДК: 811

ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Кулаева О.А.
Самарский государственный социально-педагогический университет

Аннотация. Тексты культур – это продукты функционирования культурных кодов. Автор рассматривает тексты культур как достояние нации. Тексты воспроизводятся в неизменной форме или с небольшими структурными изменениями. Тем самым, доказывается, что подобные тексты обладают стандартностью, стабильностью, неизменяемостью, устойчивостью. Неизменяемость может обладать фиксированной структурой, а может и вариативной. Поскольку художественные произведения народного творчества (сказки, легенды и прочие подобные тексты) могут передаваться из уст в уста, пересказываться, а соответственно передаваться в разных вариантах. С другой стороны, есть тексты культуры, которые не могут быть подвержены каким-либо структурным или компонентным изменениям, поскольку могут изменить имплицитное значение текста и нести некое иное значение для реципиента. К

таким текстам мы вполне можем отнести типовые договора, тексты клятв, присяг, а также религиозные тексты. Внесение изменений в данного вида текстов как раз и приведет к неисполнению, нереализации ранее заложенного автором смысла. Все когнитивные процессы – это получение и обработка информации по определенным правилам и алгоритмам, и в мозгу есть ментальные репрезентации, обеспечивающие контакт с миром. Изменения в устойчивых текстах, соответственно появление коммуникативных ям приведет к провалу в понимании. Для того, чтобы стандартизированные тексты доходили в первозданном виде до реципиента, мы должны не только естественным или искусственным путем быть обучены конвенциональной системе знаков, но и разделять общие представления о ментальном и физическом мире. Результат исследования: на сверхфразовом уровне существует широкая градация единиц вербального образования по степени устойчивости; другими словами, граница между устойчивыми и неустойчивыми сверхфразовыми вербальными образованиями в значительной мере размыта.

Ключевые слова: культура, текст, культурный код, неизменная форма, стандартность/устойчивость, реципиент, коммуникативные ямы

Тексты культур (вербальные тексты, произведения искусства, и пр.) – это продукты функционирования культурных кодов. Данные тексты являются достоянием нации. Множество текстов культур воспроизводятся “в готовом виде”, в неизменной форме или с небольшими структурными изменениями. Из чего видно, что такие тексты обладают устойчивостью, у которой может быть фиксированная структура, а также вариативная. В качестве примера предлагаем рассмотреть произведения художественной литературы, большинство которых воспроизводится без структурных изменений, а сказки, сказания и прочие фольклорные тексты передаются вариативно (в нескольких вариантах).

Следует отметить, что процесс тиражирования печатных текстов не является фактором их устойчивости. Устойчивость может появиться в коллективном сознании только при условии восприятия, обдумывания, осознания и осмысления текста представителями нации, то есть носителями данной культуры и языка.

Чтобы текст культуры стал устойчивым, влияют следующие факторы. В первую очередь, традиционное стремление культуры к постоянному воспроизводству ее единиц, сохранению своей индивидуальности, идентичности, а также к сохранению преемственности поколений, нравственных и религиозных догм, культурного наследия предков. Все это составляет основу национальной идентичности, аутентичности. Безусловно, тенденция культурного развития противостоит консервативной тенденции, но их взаимосвязь обеспечивает динамическое равновесие системы культуры.

Во-вторых, это воспроизведение государственных и общественных установок, передача накопленных военных, научных, экономических и прочих знаний. Как и стремление культуры к воспроизводству ее единиц, так и тенденция к воспроизводству цивилизации, оба эти стремления сочетают в себе процессы производства нового знания и видоизменения прежнего знания.

В-третьих, тексты суггестивного характера, благодаря своей особой семиотической организации, обладают устойчивостью. Такие тексты предназначены для эмоционального воздействия на психику реципиента. Тексты суггестивного характера – это психотерапевтические тексты (аутотренинги, народные заговоры); культурные тексты (мантры, молитвы, заклинания); ораторские тексты, в которых используются стилистические приемы; рекламные тексты (также с содержанием стилистических выразительных средств). Коннотативное содержание данных текстов связано с особенностями породившего их кода и спецификой акустического канала связи. Если перефразировать (изменить структуру плана выражения), то произойдет либо потеря, либо искажение информации на кон-

нотативном уровне плана содержания. Тексты данного типа нельзя изменять структурно (перефразировать, пересказывать). Изменение структуры плана выражения повлечет за собой потерю или уменьшение суггестивной функции. Поэтому эти тексты воспроизводятся в первоначальной форме. Устойчивость суггестивных текстов имеет ту же природу, что и устойчивость фразеологизмов. Структура этих двух единиц (суггестивных текстов и фразеологизмов) основывается на применении приемов повтора.

Четвертое условие – это стабильность содержания текста, его фиксированность. Для этих текстов характерна клишированность в плане выражения. Определенный процент текстов является носителями постоянных единиц смысла. Данные тексты отличаются от паремий, афоризмов и “крылатых выражений” лишь тем, что клишированные тексты большего объема. Стабильная, устойчивая внутренняя форма требует стабильной, устойчивой внешней формы, другими словами устойчивое содержание требует устойчивой формы выражения. Например, достоверность, валидность экономического или юридического документа может быть только при условии точного воспроизведения ранее установленных формулировок: *‘Parties, delivery due date, payment due date, Certificate Series, Examining Board: Chairman (sighed). Secretary (sighed). Date.’* Перефразированные, измененные формулировки с подобным содержанием не будут иметь законной силы.

Стандартность, клишированность данных текстов в форме выражения упрощает и ускоряет понимание содержания, тем самым повышая эффективность коммуникации. К стандартным текстам, которые воспроизводятся неоднократно, относятся тексты квитанций, свидетельств, лицензий, объявлений и пр. клишированная форма текстов хранится в памяти реципиентов. Поскольку основная часть текста знакома реципиенту, он может сконцентрировать свое внимание на вкраплениях в устойчивый текст. Это помогает экономить время для обработки получаемой информации. Экономия была бы невозможна, если бы тексты, их содержание постоянно изменялись. Наша ежедневная жизнь проходит в рамках клишированных текстов и диалогов.

Многочисленное воспроизведение текстов «в готовом виде» – это лишь один из аспектов их устойчивости в контексте культур, а именно устойчивость употребления. Другим ее аспектом является устойчивость восприятия. До тех пор, пока реципиент извлекает для себя новую информацию из текста, текст для него не будет полностью устойчивым. Но если информация полностью известна, не нова для реципиента, то тогда текст приобретает полную устойчивость как в плане выражения, так и в плане содержания. Ю.М. Лотман писал: «...переход из сферы содержания в условную область кода...» [1] другими словами текст превращается в знак, становится единицей кода. К подобным текстам относятся тексты на оттисках печатей и штампов, тексты паролей, а также тексты национальных гимнов.

Вышеописанный процесс подобен процессу перехода окказионального слова в узусное слово, переменного словосочетания в устойчивое словосочетание, индивидуального высказывания в поговорку. Этот переход заключается в том, что парадигматические отношения начинают преобладать над синтагматическими связями, внутренняя структура лингвистической единицы застывает и в определенной мере теряет актуальность, возрастает конвенциональность, смысл синтагмы знаков тяготеет к превращению в значение единого знака, и у этого значения нередко появляется нелинейный компонент. Нелинейный компонент – это часть содержания, которая закреплена не за отдельными частями, а за всей лингвистической единицей как целым, и которая называется приращенным содержанием знака, придающим ему идиоматичность.

В определенных коммуникативных ситуациях бывает неотъемлемой необходимостью произнесение стандартного, устойчивого текста. И само произнесение текста имеет большее значение, чем его содержание (которое заранее известно реципиентам).

Произнесение данного текста, например, запланировано определенным сценарным планом мероприятия, действия, они, в свою очередь, являются социальнозначимыми. Военнослужащий, проходящий военную службу по призыву или впервые поступивший на военную службу, приводится к Военной присяге перед Государственным флагом Российской Федерации и Боевым Знаменем воинской части. Согласно ст. 40 Федерального закона от 28.03.2020 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий несет ответственность за нарушение воинского долга, содержание которого детально изложено не в присяге, а в уставах. При составлении текста присяги не столь важно, какие именно вербальные средства отбираются из числа функционально эквивалентных; но после официального утверждения присяга валидна лишь в единственном варианте. Изложение содержания присяги любыми другими словами и вне ритуала не имеет законной силы. Так статус речевого акта обуславливает устойчивость текста в плане выражения, а, следовательно – и в плане содержания.

В качестве другого примера, можем рассмотреть произнесение клятвы при венчании молодоженами в Великобритании. Текст супружеской клятвы британских монархов уже существует несколько столетий: он взят из Книги общих молитв 1662 года. Однако сейчас в клятве отсутствует обет невесты «повиноваться мужу»; такую поправку внесла леди Диана Спенсер на своей свадьбе с принцем Чарльзом. Данное отклонение от устойчивого текста культуры, которое существовало несколько веков, не могло оставить равнодушными реципиентов, представителей нации. До сих пор обращаясь к анализу и хроникам жизни представителей королевской династии Винзоров, биографы и историки не обходят стороной изменение в клятве принцессы, хотя со свадьбы Дианы и Чарльза прошло почти 40 лет. По истечению тридцати лет младшая дочь герцога и герцогини Йоркских отказалась от произнесения подобной клятвы на своей свадьбе, состоявшейся в 2018 году. Принцесса Евгения последовала примеру принцессы Дианы, как и невесты ее кузенов – Кэтрин и Меган, отказавшиеся от обещания «подчиняться». Но некоторые члены королевской семьи произносили клятву в ее установленной веками форме. Все эти «отклонения» от основного текста до сих пор вызывают интерес не только английской нации, но и всего мира. Из чего можно сделать вывод, что данный текст с внесенным изменением (в отличие от текста 1662 года) не приобрел устойчивость, стандартность, поскольку представители нации (реципиенты) до сих пор извлекают из него новую для себя информацию.

Внесение изменений в данного вида текстов как раз и приведет к неисполнению, нереализации ранее заложенного автором смысла. Все когнитивные процессы – это получение и обработка информации по определенным правилам и алгоритмам, и в мозгу есть ментальные репрезентации, обеспечивающие контакт с миром. Изменения в устойчивых текстах, соответственно появление коммуникативных ям, лакун приведет к провалу в понимании. Для того, чтобы стандартизированные тексты доходили в первоизданном виде до реципиента, мы должны не только естественным или искусственным путем быть обучены конвенциональной системе знаков, но и разделять общие представления о ментальном и физическом мире той нации, чей язык мы используем на данный момент в общении. Конечно коммуникативная ситуация была бы идеальной, если бы слово, высказывание, текст имели одно значение. Частотное использование одного и того же слова или другой единицы языка позволяет экономить языковые средства для передачи информации. Автору всегда проще и выгоднее донести большой объем информации до реципиента меньшими средствами или знакомыми для реципиента клишированными единицами языка. [2]

Основополагающими категориями текста являются категории цельности и связности. Для реципиента связность текста – это как хроника, записанная на пленку, то есть

во время чтения или прослушивания текста реципиент выставляет в своем сознании кадры, которые сменяют друг друга в определенной последовательности, раскрывая смысловые значения и отношения между высказываниями. «Связность не имеет степени: либо она есть, либо ее нет». [3] Для реципиента связность является сигналом для обработки текста. «Внешние (языковые и речевые) признаки цельности выступают для реципиента как сигналы, позволяющие ему, не дожидаясь полного восприятия текста (а иногда и с самого начала процесса восприятия), прогнозировать его возможные границы, объем и, что самое главное, его содержательную структуру и использовать все эти данные для облегчения адекватного восприятия. В отличие от связности, цельность текста может быть большей или меньшей» [3, с.136]

На наш взгляд, комбинация частотного употребления языкового образования в речи многочисленных носителей данного этноязыка и воспроизводство языкового образования “в готовом виде”, как целой единицы образует феномен устойчивости. На этом основании мы считаем, что устойчивое языковое образование – это такое языковое образование, которое регулярно воспроизводится “в готовом виде” в речи языкового коллектива. Исходя из того, что тексты, предназначенные для одноразового восприятия (личная переписка, газетные и журнальные статьи), нельзя признать устойчивыми. Они обретут устойчивость лишь в том случае, если, в силу своей высокой социальной и духовной значимости, станут предметом цивилизации, аллюзий, пересказов, декламаций, дискуссий, интерпретаций, комментариев и т.д., то есть обретут статус прецедентных и войдут в культуру на правах ее более или менее постоянных элементов. Подобно тому, как слова и фразеологизмы суть неотъемлемые единицы языка, а клише и «крылатые выражения» – устойчивые единицы в рамках речевой нормы, прецедентные тексты суть устойчивые элементы пространства культуры, рассматриваемый как семиотический феномен.

Хочется отметить еще раз, что сверхфразовое строение вербального образования не является препятствием к тому, чтобы данное вербальное образование обрело устойчивость в рамках культуры. На сверхфразовом уровне существует широкая градация его единиц по степени устойчивости; другими словами, граница между устойчивыми и неустойчивыми сверхфразовыми вербальными образованиями в значительной мере размыты [4].

Реципиент регулярно получает неоднозначную и неопределенную информацию. Именно перед ним ставится задача о принятии решения, расшифровки и декодирования текста в соответствии с той ситуацией, в которой текст был произнесен или написан.

Литература

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с. – (Культурный код).
2. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. – М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 3-е изд. – 448 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. – 287 с.
4. Савицкий В.М., Кулаева О.А. Концепция лингвистического континуума. Самара: НТЦ, 2004. – 117с.

CULTURE TEXTS

Olga A. Kulaeva

Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract. Cultural texts are the products of the cultural codes functioning. The author considers the texts of cultures as the heritage of the nation. The texts are reproduced in the same form or with minor structural changes. Thus, it is proved that such texts have standard, stability, invariability. Invariability can have a fixed structure, and can also be variable. Since artistic works of folk art (tales, legends and other similar texts) can be transmitted from mouth to mouth, retold, and accordingly transmitted in different versions. On the other hand, there are cultural texts that cannot be subject to any structural or component changes, since they can change the implicit meaning of the text and bear some other meaning for the recipient. Such texts may well include model treaties, oath texts or oaths, as well as religious texts, etc. Making changes to this type of texts will lead to non-fulfillment, unrealisation of the meaning previously laid down by the author. All cognitive processes are the acquisition and processing of information according to certain rules and algorithms, and in the brain there are mental representations that ensure contact with the world. Changes in stable texts, respectively, the appearance of communicative pits will lead to a failure in understanding. In order for standardized texts to reach the recipient in their original form, we must not only be naturally or artificially trained in a conventional system of signs, but also share common ideas about the mental and physical world. The result of the study: at the super phrase level, there is a wide gradation of verbal education units according to the degree of stability; in other words, the boundary between stable and unstable super phrase verbal units is largely blurred.

Key words: culture, text, cultural code, no structural changes standard, stability, recipient, communicative pits

Кулаева Ольга Александровна,
Кандидат филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-
педагогический университет
тел.: +7 (927) 700 5545
e-mail: olga-kulaeva@mail.ru

Olga A. Kulaeva
Candidate of Philology, Associate
Professor
Samara State University of Social Sciences
and Education
mobile: +7 (927) 700 5545
e-mail: olga-kulaeva@mail.ru

УДК: 378.147:811

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Кутузова Н.В.

МБОУ «Гимназия им. И.С. Никитина» г. Воронеж

Аннотация. При переводе происходит передача информации, изначально выраженной на одном языке, средствами другого языка, или, как принято говорить, межязыковая трансформация устного или письменного речевого перевода произведения. Проблема применения перевода при обучении иностранным языкам всегда интересовала методистов, и мнения о его применении значительно менялись в разные периоды развития методики. У методистов всегда возникали вопросы: выполнения какой деятельности и получение какого результата ждет от учащихся учитель, когда предлагает классу задание на перевод. Второй вопрос, вызывающий острые дискуссии методистов, заключается в необходимости межязыкового перевода при обучении иностранному языку и к сведению его к минимуму.

Ключевые слова: перевод, межъязыковая трансформация, адаптивное, беспереводное понимание, психолингвистический и методический аспектам, переводческая компетентность, социальная, личностная, языковая, техническая, речевая, текстообразующая компетентность

Проблема использования перевода при обучении иностранным языкам являлась актуальной для методистов, приводила к разнообразию мнений в разные периоды развития методики. В течение XX столетия были очевидными крайние направления: одни методисты стремились к исключению перевода из учебных заданий, другие считали его главным методическим приемом обучения иностранному языку. У методистов всегда возникали вопросы: выполнения какой деятельности и получение какого результата ждет от учащихся учитель, когда предлагает классу задание на перевод; второй вопрос, вызывающий острые дискуссии методистов заключается в необходимости межъязыкового перевода при обучении иностранному языку, и к сведению его к минимуму. Последние пятилетие данный вопрос является особенно острым, так как применение беспереводных технологий на уроках иностранного языка в школах, так и не позволили получить ожидаемый результат [1, с.23-28].

Выпускники, прошедшие профильное обучение иностранного языка, помимо базовых навыков и умений должны овладеть умениями в переводе с иностранного языка на русский, указывает Федеральный Государственный Общеобразовательный стандарт [2].

Следуя Примерной программе по иностранным языкам необходимо учитывать, что для осуществления письменного перевода ученикам требуются следующие профессионально-ориентированные навыки:

- навык использования словарей и другой справочной литературы для решения переводческих задач;
- навык применения трансформаций;
- навык владения технологией осуществления полного и выборочного письменного перевода;
- навык редактирования текста на родном языке.

Сегодня перед методистами и педагогами иностранных языков стоят следующие задачи: подбор материала для обучения письменному переводу в старших классах; формирование всех составляющих переводческой компетентности; разработка комплекса упражнений, способствующих формированию переводческой компетентности.

При разработке системы обучения письменному переводу старшеклассников методисты опираются на четыре аспекта:

- методическом (состав переводческой компетентности);
- психолингвистическом (по теории Зимней И.А. перевод – это пятый вид речевой деятельности);
- переводоведческом (классификация видов перевода);
- лингвистическом (выделение жанров, согласно классификации Бахтина.)

И.А. Зимняя, Ю.В. Иванова, Л.М. Ежова приравнивают перевод к специфическому и многогранному виду речевой деятельности. Межъязыковой перевод вызывает большое количество методических вопросов. Чаще всего понятие «перевод» рассматривается не как лингвистическая, а как психолингвистическая и дидактическая категория [1, с.23-28].

Требования Примерной программы и ФГОС указывают на то, что ученики должны овладеть навыками определения и перевода текстов художественных, рекламных текстов, газетных и энциклопедических статей.

Учебный перевод является одним из приемов обучения иностранному языку и связан с расшифровкой иноязычного текста с целью его понимания в процессе изучения иностранного языка. В основном преподаватель использует учебный перевод в качестве средства семантизации иноязычного материала. Упражняясь в учебном переводе, учащимся предоставляется возможность постичь основы иностранного языка, углубить знания в языке.

Согласно Примерной программе, выпускники профильного уровня изучения иностранного языка должны владеть не только видами письменного перевода, но и переводческими трансформациями и приемами такими как замена, опущение, перестановка и другими.

Заданиями на применение и определение переводческих трансформаций послужат следующие формулировки:

Traduisez les propositions en russe, en utilisant (l'omission.) Soulignez les éléments omis. (Переведите предложения на русский язык, используя (опущение). Подчеркните опущенные элементы);

Lisez et observez l'emploi de (la transposition) dans les exemples. (Прочитайте и проанализируйте употребление (перестановки) в примерах);

Traduisez les mots (les groupes de mots) en italique en employant la (substitution): (Переведите выделенные слова (группы слов), используя (замену) ;

Soulignez les cas de (l'ajout) dans les exemples ci-dessous: (Подчеркните случаи употребления (добавления) в примерах).

Обратимся далее к психолингвистическому и методическому аспектам. Теория Зимней И.А. является психолингвистической основой для разработки системы обучения письменному переводу. По данной теории, перевод является пятым видом речевой деятельности наравне с рецептивными – аудированием и чтением, и продуктивными – говорением и письмом. Перевод находится на границе данных понятий, и определяется как рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности (ВРД).

Выполняя коммуникативную функцию перевод рассматривается как речевая, а не мыслительная деятельность. Для того, чтобы научиться переводу учащемуся необходимо пройти несколько ступеней:

- научиться воспринимать и осмысливать текст;
- при помощи внутренней речи научиться формированию высказывания в голове;
- научиться продуцированию письменного текста.

Обучая переводу, преподаватель иностранного языка решает ряд задач:

- систематизация и закрепление знаний учащихся в области грамматики, лексики, синтаксиса, стилистики;
- развитие языковой компетенции учеников;
- совершенствование основных навыков и умений переводческой деятельности.

Одной из острых проблем современной школы является недостаточное обеспечение учебного процесса методическими материалами, содержащими задания на межъязыковой перевод.

Необходимо учесть, что нет единого мнения ученых и методистов в рассмотрении перевода в качестве обязательного раздела обучения иностранному языку. Одноязычность упражнений является неоспоримой по мнению Е.И. Пассова, так как при работе с текстовым материалом необходимо учить сознательному сопоставлению с родным языком, а не переводу. Говоря об ограничении использования перевода, А.П. Старков подчеркивает возможность применения перевода только в тех случаях, когда другие приемы кон-

троля понимания информации неэффективны или требуют много времени. Мнение С.Ф. Шатилова заключается в выборе в пользу перевода лишь в тех случаях, когда перевод используется как средство семантизации при неэффективности других средств. Таким образом многие методисты отрицают перевод как средство обучения. Несмотря на данные мнения, учебный перевод имеет свое определенное место при обучении иностранным языкам, особенно на начальных этапах изучения. Преподаватели школ отмечают, что опора на родной язык и перевод чаще помогают в освоении иностранного языка. [3]

Учащиеся начальных классов на подсознательном уровне склонны к сопоставлению лексических единиц и грамматических конструкций иностранного языка с родным, что помогает им воспринимать иноязычный материал. В данном случае перевод можно рассматривать как основное средство развития понимания.

Многие методисты уделяют большое внимание заключительному этапу процесса обучения пониманию иноязычного текста – беспереводному пониманию, которое осуществляется одновременно со слуховым или зрительным восприятием. Чаще всего беспереводное понимание присуще носителям языка, а также людям, владеющим иностранным языком в совершенстве. Отсутствие беспереводного понимания в школе можно объяснить рядом причин: ограниченность времени, отводимого учебным планом, отсутствие языковой практики учащихся в среде изучаемого языка, слабая базовая подготовка учащихся. Беспереводное понимание иноязычной речи достигается при дальнейшем языковом саморазвитии учащихся.

П. Хэгболдт говорил: «При чтении трудных предложений, богатых мыслью, от перевода уклоняться не следует... Перевод – костыль, которым пользуешься, когда он нужен и убираешь тогда, когда можешь ходить без него». [4]. Подчеркивается важность перевода в процессе обучения иностранному языку.

Л.С. Бархударов определяет перевод как «процесс замены текста на одном языке текстом на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [5, с.56]. Процесс «замены», по его мнению, предполагает два этапа: доскональное понимание аутентичного текста и выражение понятого содержания формами переводного языка.

В.Н. Комиссаров указывал на «отождествление созданного отрезка речи с соответствующей частью оригинала», о «сознательном или интуитивном сопоставлении единиц двух языков», «определении степени эквивалентности и коммуникативной равноценности речевых отрезков» [6, с.137].

Напрашивается вывод, что при переводе нельзя механически находить соответствия между двумя языками. Большинство ошибок при переводе происходит из-за стремления обучающихся передать значение отдельных слов. Следует отметить, что именно контекст играет решающую роль в выборе оптимального варианта перевода. При переводе, несомненно, должны учитываться лингвистические и экстралингвистические моменты. Проводя языковые параллели и показывая специфику другой языковой системы, преподаватель при обучении языку должен привить своему ученику вдумчивый подход к пониманию перевода. Систематическое накопление количественных факторов (знаний, умений), приводящих к качественному скачку – восприятию содержания текста одновременно со зрительным(слуховым) восприятием, происходит в процессе обучения иностранным языкам с использованием учебного перевода. Учитель должен постоянно находить оптимальные методические приемы обучения переводу, исследовать пути и способы «наращивания» тех количественных факторов, которые приведут к качественному скачку. Для преподавателя является важнейшей задачей обогащение

словарного запаса учащихся, формирование реального и потенциального словарей, а также развитие языковой догадки.

Трудно не согласиться с мнением Ж. Винье и А. Маргэна, что, если бы проблема обучения языкам сводилась лишь к усвоению специальной лексики, ее давно бы решили. Речь должна идти не столько об *усвоении* (не просто овладеть чем-либо, научиться пользоваться), сколько о переработке опыта сознанием. Освоение тоже несомненно важно, но оно представляется невозможным или крайне трудным без усвоения и осознания учащимся накопленного опыта. «Пережитый опыт не нужно заучивать так, как заучивается опыт безличный. Пережитый опыт – это начало здравого смысла, а затем (крайне редко) и мудрости» [7, с.254].

Следовательно, от приобщения учащегося к уже выработанному опыту мы переходим к формированию его собственного знания, образа мира. «Вообще процесс обучения может быть понят как процесс формирования инвариантного образа мира. Усвоение нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры» [8, с.273]. Перевод может быть представлен как взаимодействие образов двух культур в одном сознании. С этой точки зрения, обучение переводу есть обучение переходам к разным «сторонам», «культурным пространствам» образа мира при сохранении мотивов и целей переводной деятельности.

Такое формирование образа мира, опор и ориентиров, соответствующих переводу как речевой деятельности, подразумевает под собой два важных момента. Во-первых, не непосредственное и прямое перенесение содержания обучения на учащегося, а создание условий для развития определенных личностных качеств учащегося, так или иначе необходимых для осуществления перевода. Во-вторых, формирование образа мира не может проходить без общего психического, личностного, культурного, морально-этического и т.п. развития.

Однако может возникнуть закономерный вопрос: а нужно ли вообще развивать личность при обучении переводу, и если да, то зачем? Во-первых, понятие личности напрямую связано с понятиями деятельности и образа мира, и без обращения к ним построение деятельностной теории обучения переводу крайне затруднительно. Во-вторых, нельзя не согласиться с А.А. Леонтьевым, который в соответствии с традицией, восходящей к Л.С. Выготскому, заключает, что личность не только регулирует познавательные процессы, поступки, переживания и т.д., но и вообще первична по отношению к деятельности и сознанию [9, с.288]. Перефразируя В.П. Зинченко [10, с.231], можно сказать, что то, что при функционировании отходит на второй план, в процессе формирования должно быть поставлено на первое место. А раз так, то при обучении переводу как деятельности вполне возможно создание условий для саморазвития личности учащегося, без такого развития попросту не обойтись.

Итак, главной целью, которая будет определяющей для всех других целей, является воспитание индивида как личности, всестороннее его развитие именно как субъекта общественной, культурной деятельности, способного осознавать себя таковым и общаться с любыми другими индивидами и ориентироваться в пространстве.

На процесс обучения переводу нельзя не смотреть с чисто языкового ракурса, ведь перевод осуществляется средствами языка. Об обучении иностранному языку И.Н. Горелов писал следующее: «Говоря обобщенно, состояние необученности второму языку может быть сравнимо с фазой готовности замысла при невозможности его реализации в акте речевой деятельности» [11, с.93]. В обучении переводу мы видим схожую си-

туацию: в наличии имеется мысль, подлежащая выражению, некоторая словесная основа ее выражения, так сказать, «канва» будущего высказывания, но нет конкретного способа и средств соотнесения новой формы с содержанием и ситуацией. И так как высказывание несущественно без конкретной ситуации его использования, как и в обучении языку, обучение переводу не должно замыкаться на тренировке речевых навыков безотносительно к речевой ситуации, в которой они используются. Это соответствует принятому нами определению перевода как вида речевой деятельности: обучать нужно не поиску соответствий и не соотнесению текстов, не совершенствованию отдельных речевых навыков, а решению коммуникативной задачи, в которой языковые средства выражения смысла высказывания были бы способом такого решения.

Следовательно, для осуществления ориентации в ситуации общения и для достижения поставленных целей учащийся должен иметь уже сформированными определенные языковые умения – умения выразить смысл средствами иного языка, породить вторую форму метафоры. Это и есть вторая цель обучения переводу, заключающаяся в том, что формируемые умения должны быть тесно связаны с условиями речевой ситуации и с конкретными способами выражения смысла, соответствующими именно данным условиям. Данная цель распадается на две составляющие: важно научить не просто выражать смысл различными способами и средствами, но также научить выражать смысл средствами, соответствующими ситуации общения.

Языковые навыки старшеклассников должны быть достаточно прочными, чтобы с их помощью можно было успешно решать разнообразные задачи речевых ситуаций. Цель формирования языковых навыков не является чем-то отдельным от других целей обучения переводу, «ведь практические навыки тем прочнее, обобщеннее, чем глубже и шире ориентировка формирующейся личности в той области действительности, к которой относятся задачи, решаемые посредством этих навыков» [12, с.108].

Обучение новым способам оперирования с текстом, смыслом, собственным словарным запасом и т.д., без сомнения, потребует от учащегося развитого мышления, внимания, формирования новых знаний и эталонов действий. Это означает, что развитие этих и других характеристик не только возможно, но и целесообразно, необходимо при обучении переводу.

Итак, в самом общем виде иерархию целей можно описать следующим образом. Доминантой выступает цель всестороннего личностного развития учащегося (создание условий для такого развития). Ей подчинена цель обучения переводу как виду речевой деятельности и как виду общения, осуществляемых деятельной личностью. Далее следуют более частные цели, которые должны быть достигнуты не только для обучения собственно переводу, но и для развития личности. Достижение этих хотя и частных, но немаловажных целей требует формирования живого знания, а не заучивания формулировок. Это такие цели, как обучение «приемам» перевода, умению ориентироваться в различных ситуациях общения, развитие мышления, развитие собственно речевых умений. Все эти цели подразумевают под собой создание условий для выработки учащимся нового, особого *отношения* к тексту, к речевой ситуации и ее участникам и т.д. [13, с.103-111]

Анализируя и подводя итог хотелось бы отметить, что процедура перевода, по мнению большинства методистов и учителей, создает хорошую основу для дальнейших учебных мероприятий, направленных на формирование навыков и умений во всех видах речевой деятельности, в частности, в чтении. Важнейшей составляющей единицей в подготовке учащихся к осуществлению различных функциональных видов чтения

является перевод иноязычных текстов на родной язык, если он проводится с социокультурным, лексико-грамматическим и логико-оценочным анализом текста.

Учебный перевод предназначен для передачи научной информации, которая базируется на комплексном подходе к решению грамматических, лексических и стилистических трудностей в тексте. Осуществляясь в условиях двуязычия, перевод совмещает аудирование и говорение, чтение и письмо, и этим он отличается от других видов речевой деятельности. С другой стороны, обучение переводу не является самоцелью, при обучении иностранным языкам. Учебный перевод должен являться средством обучения всем видам речевой деятельности: говорению, чтению, аудированию и письму. Для положительного эффекта является необходимой обеспеченность учебного процесса методическими материалами, содержащими задания на межъязыковой перевод. Пользуясь беспереводными методиками, многие учащиеся зачастую составляют собственные высказывания сначала на русском языке, затем механически «прогоняют» тексты через машинный перевод для того, чтобы составить собственный рассказ, затем заучивая его с большим количеством ошибок. Следует отметить, что работа с семантикой языкового материала остается крайне важным этапом речевой деятельности, несмотря на наличие у способных учащихся высокого уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции и их умение самостоятельно понимать и порождать грамотную речь на иностранном языке. В противном случае, демонстрируя сформированные навыки коммуникации, учащиеся зачастую имеют лишь приблизительное представление о значениях ряда лексических единиц, искаженно воспринимают содержание текстов на иностранном языке. Параллельно с межъязыковым переводом должно осуществляться освоение абстрактных номинаций, многозначной лексики, логических связей в сверхфразовых единствах и текстах, фразеологических единиц, сложных грамматических явлений и конструкций.

Сегодня, наряду с более тщательным исследованием проблемы, все чаще появляются статьи, которые доказывают целесообразность включения двуязычных упражнений переводческой направленности в учебный процесс. [14, с.149-152]. Сегодня многочисленные исследования методистов служат для решения задачи обеспечения учителей заданиями на межъязыковой перевод на каждом из этапов обучения иностранным языкам – ознакомления с новым материалом, отработки этого материала, применения в речи и контроля.

Литература

1. Григорьева Г.Е., Карсукова Н.К. В сборнике: Современные методы и технологии преподавания иностранных языков. Сборник научных статей XVI Международная научно-практическая конференция. Ответственные редакторы: Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. 2019. С. 23-28.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования: [минобрнауки.рф/ документы / 2365/ файл/ 736/ 12.05.17- Приказ_413.pdf](http://минобрнауки.рф/документы/2365/файл/736/12.05.17-Приказ_413.pdf)
3. Паршин А. Теория и практика перевода. – Издательство: СГУ, 1999г., 202с.
4. Хэгболдт П. Как изучать иностранный язык. – Ин.языки в школе, 1964 – №4.
5. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Междунар. отн-я, 1975. – 240 с.
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М: ЭТС, 2002., 452с.

7. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание (2-е исправленное и дополненное издание). – Самара: Самарский Дом печати, 1998. – 296 с.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
9. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.
11. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
12. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
13. Яковлев, А.А. Психолингвистические аспекты перевода / А.А. Яковлев; Сибирский федеральный университет. – Красноярск: Сибирский федеральный университет (СФУ), 2015. – 160 с.
14. Коньшева М.В. Перевод как средство обучения иностранному языку // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода и методики преподавания иностранных языков: сб. статей по материалам межрегион., с междунар. участием, интернет-конф. 23-25 марта 2016 г. Москва. с.149-152.

TRANSLATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT SCHOOL

Natalia V. Kutuzova

General Education Institution «High School named after I.S. Nikitin»

Abstract. The article deals with the issue of incorporating teaching translation in foreign language classroom at school. Translation as a process involves transferring information from the source language into the target language, which is called the interlanguage transformation of oral or written message. However, it has always been the subject of debate for educators as to when and how to embed it in the learning process, especially when it comes to teaching translation in foreign language classroom at school. The research shows that it is essential to understand what activity in particular should be assigned to students and what learning outcome is to expect as well as being able to measure the amount of translation to be used.

Keywords: translation, interlanguage transformation, adaptation, comprehension, psycholinguistic and teaching methodology aspects, translation competence, social competence, personality competence, language competence, technical competence, speech competence, text competence

Кутузова Наталья Владимировна,
МБОУ «Гимназия им. И. С. Никитина»
г. Воронеж
тел.: +795295153321
e-mail: kutuzovanat@inbox.ru

Natalia V. Kutuzova
Municipal Budgetary
General Education Institution
«High School named after I.S. Nikitin»
mobile: +795295153321
e-mail: kutuzovanat@inbox.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Лаенко Л.В.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье анализируются гастрономические реалии стран Запада и Востока как национального достояния народов. Дается исходное определение реалий как слов, обозначающих предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Обосновывается значимость гастрономических реалий в условиях межкультурного взаимодействия как инструмента гастродипломатии в деятельности по сохранению национальной самоидентификации, продвижению культуры и традиций стран, созданию их позитивного имиджа посредством анализа манипулирования такими сущностями через каналы СМИ, Интернет и др. Выявляются и описываются факторы пополнения и видоизменения лексических фондов ряда стран в результате заимствований и неологизмов в современных условиях интеграции и глобализации

Ключевые слова: гастрономическая реалия, гастродипломатия, межкультурное взаимодействие, национальная самоидентификация, позитивный имидж страны, заимствование, неологизм

В современной науке о языке развитие переводоведения вновь вызвало интерес к осмыслению сущности реалий и инструментария их реконструкции. (см., напр., [1]). В данной статье реалии понимаются как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2, с.95]. Под гастрономической реалией мы будем понимать языковые единицы с пищевой семантикой, которые обозначают предметы, явления и ситуации из концептосферы «Еда», свойственные конкретному языковому коллективу и отсутствующие в другой лингвокультурной среде, что не исключает их заимствования и переосмысления.

В самый канун 2020 года одной из hot news в СМИ было обсуждение в Национальном собрании Украины вопроса о происхождении гастрономической реалии *борщ* и декларируемой как «национальное достояние Украины». Споры о том, чье же это национальное блюдо – русское или украинское, которые начались в СМИ ещё в 2014 г. с имплицитной отсылкой к известным событиям в Крыму [3], разгорелись с новой силой после решения Киева внести блюдо в список Всемирного наследия ЮНЕСКО как украинское.

Разворачивающийся на наших глазах кулинарный баттл свидетельствует о многом, однако в первую очередь о том, что еда неоспоримо играет важную роль не только в жизнесуществовании человека, но и в установлении отношений взаимовыгодного сотрудничества между регионами, народами, странами в условиях межкультурного взаимодействия. Поэтому, как представляется, в настоящее время еду логично рассматривать как мультикомпонентный фрейм, структура и информационное поле которого обусловлены факторами исторического, социального, политического, экономического, культурного, повседневного характера. Результирующие эффекты влияния таких факторов на содержание фрейма ЕДА (позволим себе именно таким образом обозначить калейдоскопичность данной категории) проявлялись и проявляются в следующих мировых тенденциях и процессах.

Во-первых, с едой, точнее ее избытком, связано возникновение и развитие первых цивилизаций, появление социального и гендерного неравенства, разделение труда, рост населения, торговля, войны. Поиски еды дали стимул к территориальной экспансии человечества, к открытию новых миров.

Во-вторых, прием пищи всегда находился в основе общественных и межличностных отношений, с ним связаны все важнейшие культы и ритуалы в жизни человека: рождение, свадьба, похороны. [4, с.9].

В-третьих, еда – важнейший фактор социальной, политической, экономической и культурной жизни человека. В условиях международной интеграции и глобализации многие народы через государственные структуры вполне осознанно используют свои гастрономические реалии и традиции для создания позитивного имиджа собственной страны. Весьма активна в таком случае культурная дипломатия, или мягкая сила в виде кулинарной или в других терминах – гастродипломатии, эффективно реализующей свои цели продвижения культуры и обычаев страны через средства массовой информации, социальные сети и другие каналы. [3]

Обратной стороной, однако, такого культурного влияния возможны следствия различного (зачастую – непредсказуемого и нежелательного) характера. Так, во время ухудшения отношений между государствами или политического конфликта может проявиться враждебное отношение к таким реалиям. Примером могут служить известные «кулинарные конфликты» (спор между израильтянами и палестинцами из-за хумуса и фалафеля между греками и киприотами — так называемый «кондитерский скандал» из-за рахат-лукума. [5]).

Однако наиболее оптимистично и взаимирообещающе звучат свидетельства иного характера, если взять во внимание факты действительности гастродипломатии ряда стран по продвижению своих национальных гастрономических реалий на мировой рынок. Так, в 2002–2003 г.г. правительство Таиланда запустило программу под названием «Глобальный тайский язык». По результатам исследований П. Рокауэра (директора по коммуникации Голоса Америки, работал в Тайваньском фонде за демократию, изучал общественную дипломатию Тайваня, один из первых исследователей гастродипломатии), многочисленные «средние» державы (Южная Корея, Таиланд, Тайвань) инвестировали значительные ресурсы в проекты кулинарной дипломатии, чтобы повысить глобальную осведомленность об их национальных культурах и, как следствие, статус бренда собственной страны, и увеличить эффективность мягкой силы. [6]

В 2012 г. правительство США создало программу «Государственное дипломатическое кулинарное партнерство», когда Х. Клинтон набрала 80 специалистов по продуктам питания со всей страны для приготовления пищи для иностранных дипломатов в поездках за границу [3]). В таком случае можно констатировать, что гастродипломатия не только преследует цель продвижения кулинарных деликатесов и, в целом, национальных гастрономических реалий на международном рынке через всевозможные ярмарки и выставки, но это и своего рода способ транслирования национальной культуры и культурного наследия своей страны (если вспомнить, что итальянская пицца вошла в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО).

Изучение специалистами гастродипломатических программ и политики ряда национальных государств привело к выводам относительно оснований их успеха: выбор правильных стратегий. Так, по результатам исследований Дж. Чжан (профессор кафедры коммуникации и содействия UTSA Центра общественной дипломатии USC), Япония особый акцент делает на полезности их пищи, истории и давних кулинарных тра-

дициях; стратегии Кореи в реализации гастродипломатии коррелируют с японскими, но добавляется акцент на глубокую связь с природой. Перу подчеркивает богатое биоразнообразие продуктов питания и также активно использует «мистическую» (связанную с различными верованиями и обрядами) характеристику еды. Малайзия позиционирует себя как «тропический рай», говоря об экзотических продуктах и пропагандируя открытость для мусульманских путешественников. Тайвань позиционирует себя как место встречи между Востоком и Западом, а Таиланд полагается на экстравагантные стили приготовления пищи. [7, с.570]

В результате таких исследований выделяются определенные стратегии гастродипломатии, базирующиеся на следующих категориях: 1) здоровье; 2) разнообразие; 3) мистицизм и экзотика; 4) неотъемлемая часть истории и культуры; 5) естественность и экологичность; 6) эстетичность блюда.

Если далее отметить геополитическую ситуацию в мире (украинский кризис, санкции, миграционный кризис в Европе, мировой экономической кризис), существующую с 2014 г., то, как кажется, именно она спровоцировала рост интереса к изучению и активному использованию инструментов мягкой силы определенного государства. Так, Россия увидела её эффективность в продвижении русского языка и культуры через Россотрудничество и Фонд «Русский мир», Италия республика – в популяризации итальянского языка и культуры через продвижение деятельности Института итальянской культуры, Общества Данте Алигьери и отделов по образованию при посольствах. Есть в таком случае основания утверждать факт осознания этими и другими государствами того, что язык и культура становятся одними из наиболее востребованных инструментов продвижения культуры государства и механизмами влияния на другую культуру. В те исторические периоды, когда другие способы взаимодействия (экономика, политика) государств становятся проблематичными, культура остается фактически единственным способом реализации внешней политики. Результаты такой деятельности в рамках определенного социополитического и экономического контекста не могут не отразиться на языке, в первую очередь, на его лексической составляющей.

Так, в 2014 г., согласно данным РИА Новости, некоторые кафе Крыма изменили название кофе «американо» на «крымский». В одном из кофе-автоматов название кнопки «американо» (Americano) получило номинацию «россияно» (Russiano). Во время проведения Евразийского межправительственного совета Д. Медведевым В 2016 г. было предложено «американо» называть «русиано», После этого Роспатент получил ряд заявок на регистрацию товарного знака «русиано», не осознавая, что это слово пришло из другой культуры, тем более что при этом новое наименование грамматически строится по правилам итальянского языка, а не русского, как свидетельствует авторитетный источник [3]. Наметившаяся тенденция не может не вызвать научного интереса и не привлечь внимание исследователей, в первую очередь – лингвистов, так как именно язык впитывает и отражает результирующие эффекты процессов и тенденций в современном обществе, а гастрономические реалии не только продолжают выступать как фактор национальной идентичности (этнической, религиозной, социальной) и самоидентификации, но и всё более ярко проявляют национальную специфику в их означиваниях, обусловленную в первую очередь активизирующимся процессом заимствований в результате межкультурного взаимодействия, которые приобретают в языке-реципиенте статус либо лакун, либо безэквивалентной лексики (ксенонимов – языковых единиц, которые используются в данном языке для обозначения специфических элементов внешних культур).

В итоге в результате анализа категоризационных процессов, направленных представителями разных лингвокультур (британской, американской, французской и русской) на идентификацию и упорядочивание своих гастрономических реалий, очевидно то, что они приобретают подвижный характер, затрагивая при этом значимые аспекты их номинаций (лексический, семантический, стилистический, концептуальный) и проявляются на разных уровнях категоризации: на уровне видовых единиц (номинаций блюд), родовых (наименований подкатегорий и категорий фрейма ЕДА), на концептуальном уровне (на уровне гипонима «блюдо» с учетом фоновых знаний).

Основанные на традициях национальных поваренных книг, где кулинарная информация структурирована определенным образом по категориям и подкатегориям, построенные нами категориальные матрицы систем гастрономических реалий в исследуемых языках при сопоставлении обнаруживают специфические слоты, заполненные заимствованными номинациями блюд из других культур, которые позиционируются уже не только как освоенные, адаптированные к своей культуре реалии, но и как «присвоенные».

Результатом процесса заимствования блюд и их номинаций являются кулинарные ксенонимы (ксенонимы – это языковые единицы, используемые в данном языке для обозначения специфических элементов внешних культур [1**]).

Приведем примеры результатов взаимодействия британской, американской, французской, русской лингвокультур в данном отношении:

в британской и американской лингвокультурах – *shchi, ukha, borshch, rassol'nik, solyanka, okroshka, botvinya, pirogi, pirozhki, blini, rasstegai, kurnik, kulebyaka, kasha, kvas* (из русского языка), *foie-gras, crêpe, bouillabaisse, croissant, pâté, pot-au-feu, baguette* (из французского языка)

во французской лингвокультуре – *cake, sandwich, cookie, hot-dog, pop-corn, muffin, hamburger, biscuit, cocktail* (из английского языка), *pirojki, zakuski, blini, borchhtch* (из русского языка)

в русской лингвокультуре – *тост, маффин, поп-корн, хот-дог, сендвич/сандвич, гамбургер, чизбургер, ролл, коктейль, шейк, фреш, брауниз, (картофель)-фри, соус Ренч, пудинг* (из английского языка), *фуа-гра, круасан, профитроль, эклер, соус Бешамель, багет* (из французского языка). [8, с. 118] Однозначно то, что наличие кулинарных ксенонимов в одном из языков является ярким примером проявления национальной специфики другого/других языка/языков.

Гастрономические реалии служат также проводником чужих идеалов и ценностей. В данном случае можно привести пример распространения по миру фастфудов и разного рода новых видов питания, ресторанов, иных заведений питания, которые появились в том числе и в нашей стране после падения железного занавеса и которые способствуют пониманию иной культуры, проникнуться ее духом, не выезжая из своей страны.

Подтверждением такому положению дел могут служить следующие сведения. По результатам недавнего опроса [9], в Англии наибольшей популярностью в наши дни пользуются не овсянка и фиш энд чипс, а индийское карри и перекусы заморскими блюдами из риса и пасты. Что касается Лондона и его кулинарных пристрастий, то, как и во всем мире, среди шеф-поваров ресторанов этого менаполиса явственно наблюдается тенденция доминирования стиля фьюжен, то есть совмещения традиций национальной кухни с особенностями этнических кухонь с последующим возможным созданием новых блюд на базе национальных. [10] Однако позиционирует себя Англия на мировом уровне всё-таки через своё национальное гастрономическое достояние, или через

концепт GREAT BRITISH: те же *Fish and Chips* (филе рыбы в панировке с гарниром из картофеля-фри, заправленное солодовым уксусом), *tea* – чай, *beef-steak* – бифштекс (образ типичной кодированной «английскости» этого блюда заключен в формате приготовления, о чем свидетельствует этимология: *steak* noun A slice of meat, typically beef, usually cut thick and across the muscle grain and served broiled or fried [Middle English *steike*, a slice] [2], *Cornish pasty* – слоёный пирог с начинкой из кусочков мяса, картошкой и морковью, знаменитые *Shepherds' pie* «пастуший пирог» и *Cottage pie* «коттеджный пирог», которые по сути представляют собой запеканки из мяса, овощей и картофельного пюре, единственное отличие которых друг от друга состоит в том, что *Shepherds' Pie* готовится из бараньего фарша, а *Cottage Pie* – из говяжьего, *Roast dinner* – запеченное в духовке мясо с *gravy*, традиционной густой подливой к мясу, *Yorkshire pudding* – «йоркширский пудинг», готовится из муки, яиц и молока и, как правило, представляет собой большую и плоскую лепешку из теста, запеченную в духовке и наполненную соусом *gravy* с овощами, бисквитные десерты, в частности, *trifle* – выложенное слоями бисквитное тесто с заварным кремом, фруктовым соком или желе и взбитыми сливками.

Шотландия со своей стороны гордится собственным национальным гастрономическим достоянием: шотландским виски, традиционными национальными блюдами *Haggies* «хаггис» – фарш из овечьего рубца с ячменём и специями, который запекается в овечьем желудке, *Tatties* «таттис» – картофель, который подается в качестве гарнира к хаггису, *Nips and tatties* «нипс и таттис» (брюква с картофелем) подается в качестве гарнира или отдельного блюда.

Отметим, что шотландский глоттоним «хаггис» воспринимается как единица кодированной коммуникации прежде всего потому, что за образом обычного крестьянского блюда стоят судьбоносные события, определившие направление развития национальной идентичности шотландцев [11], о чем свидетельствует факт написания национальным поэтом Шотландии Робертом Бернсом «Оды хаггису», в которой закодированы такие непреходящие национальные ценности шотландцев, как свободолюбие, стремление к равенству, любовь к труду, желание процветания своей отчизне, гордость, презрение к скопидомству и несправедному накоплению богатств. [1*]

Франция также стремится к защите собственных локальных кулинарных идентичностей, используя систему под названием «*appellation d'origine contrôlée*» (зарегистрированное место наименования происхождения) не только, когда речь идёт о вине, но и большинство наименований кулинарных продуктов местного производства [12]. Данная структура управляется Национальным институтом происхождения и качества (Institut nationale de l'origine et de la qualité). Этот «знак качества», интегрированный в европейскую систему защиты прав производителя и потребителя, отвечает за идентификацию продукта с точки зрения аутентичности его географического «исходника» и соответствующих этому качеству характеристик производства. Сам термин «*appellation d'origine contrôlée*» стал лингвокультурным или филологическим феноменом и часто не переводится на другие языки, а транслитерируется, например, с использованием кириллицы в виде укороченной языковой формы (апелласьон) или полной гибридной формы (апелласьон контроля по происхождению).

Во французском языке и культуре с недавнего времени существует ещё один термин «*patrimoine rural*» (букв. ‘сельское достояние’), который соотносится с вышеприведенными лексемами региональных «сокровищ», обозначающих не только кулинарные уникальные понятия, а также и монументы, пейзажи, компетенции, технологии. Всё

это говорит о том, насколько плотно региональные кулинарные шедевры включены в объекты национальной идентичности и исторического семиотического кода Франции

Сегодня эмблемами французских регионов являются, по сведениям [12, с.31], такие реалии, как *La sauce Nantua* – соус Нантуа, неотъемлемая часть лионской гастрономии), *Le poulet basquaise* – курица по-баскски, *Le camembert* – сыр камамбер, (Нормандия), *La tomme de Savoie* – савойский сыр, регион Савойя, юго-восточная область французских Альп), не говоря уже о *foie-gras*, *croissant*, *baguette* как знаках национальной французской кулинарной культуры.

Наиболее значимыми гастрономическими реалиями языковой картины мира Испании как нации полиэтничной и культурное наследие которой аккумулировало элементы иберийской, кельтской, финикийской, греческой, римской, германской, арабской, иудейской и христианских цивилизаций, выделяются следующие: *Paella* (паэльла – испанское национальное блюдо из риса, курицы, морепродуктов и других ингредиентов), *jamón* (хамон – сыровяленый свиной окорок), *tapas* (тапас – разновидность холодных и горячих закусок), *morcilla* (морсилья – кровяная колбаса), *chorizo* (чорисо – острая свиная колбаса), *sangria* (сангрия – напиток на основе ви-на), *tortilla española* (испанская тортилья – омлет с картофелем) и др. [13, с.55]

С лингвистических позиций гастрономическая экспансия проявляется в языке не только в появлении ксенонимов, но и формировании неологизмов. Примечателен в этом отношении английский язык, в котором зафиксированы следующие номинации такого типа: новые блюда США/Великобритании: *bannock* (круглая булочка), *hocho* (горячий шоколад), новые блюда, ставшие известными благодаря миграции в США/Великобританию: *baklava* (пахлава), *pakora* (жареный хлеб), *chai* (чай со специями); новые типы ресторанов: *brestaurant* (ресторан, где официантки носят вызывающие наряды), *gastropubbery* (кухня, сочетающая отличное расположение ресторана и качественную еду), *sweeter* (магазин, продающий сладости) [14, с.308]; приспособления для приготовления, подачи и хранения продуктов: *botijo* (контейнер для охлаждения воды летом), *cookbook* (электронная кулинарная книга), *kegerator* (холодильник для пивных кег); способы приготовления и новые традиции в приеме еды: *brown bag* (принести свою еду), *cheapucino* (дешевый капучино из машины), *firstovers* (остатки еды от обеда, сервированного тому, кто был приглашен, но не смог на нем присутствовать), *food rage* (крайнее недовольство качеством еды); алкогольные напитки, их производство и способы их потребления: *beered out* (уставший от потребления пива), *dirty martini* (мартини с оливковым маслом или оливкой), *drunkorexia* (тенденция мало есть и много выпивать); лексемы, имеющие отношение к потреблению кофе: *half-caf* (смесь кофе с кофеином с кофе без кофеина), *latte art* (художественное оформление пенки кофе); социально-политические и научно-популярные термины, связанные с едой: *food-insecure* (питающийся нерегулярно), *WFP* (World Food Program — всемирная продовольственная программа), *fregetable* (научно классифицированные как фрукты, используемые как овощи продукты), *Organoleptinomics* (отрасль биотехнологии, изучающая вкус, внешний вид, запах продукта) [2**, 3**].

В данном случае весьма активно словосложение, оказавшееся наиболее продуктивным способом словообразования, результатом использования которого является новая форма, репрезентирующая новое понятие: *foodiepaedia* (noun): a food lover's encyclopedia of food (Фудипедия: энциклопедия еды для любителей еды) [3**], *food literacy* (noun): knowledge of good nutrition and healthy cooking... (Грамотность в питании: знание о полезных свойствах продукта и здоровой кулинарии)– послужила осно-

вой для серии новых сочетаний: *food literacy project, Food literacy center, food literacy institute, food literacy quiz*. [3**]

Помимо миграции, появлению неологизмов в английском языке способствуют и другие тенденции в современном обществе – стремление к здоровому питанию, диетам, что может находить выражение в актуализации негативной оценки в семантике ряда новых единиц, обозначающих еду низкого качества, «эконом-класса»: *econoburger* (бургер из мяса низкого качества), *cheapuccino*; жирную нездоровую пищу и перекусы: *greaseburger* (жирный бургер), *snackcident* (нездоровый перекус); также людей, имеющих нездоровые пристрастия в еде: *foodaholic* (несдержанный в еде человек) [2**, 3**].

Таким образом, фрейм ЕДА, благодаря своей калейдоскопичности, не только репрезентирует активные тенденции современного общества, связанные с процессами интеграции и глобализации, но и на языковом уровне позволяет выявить и аргументировать результаты таких процессов в условиях межкультурного взаимодействия.

Литература

1. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ИМО, 1975. 240 с.
3. Тарабанцева-Романова К. Борщ, вино и тропический рай. URL: (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/otherside/borshch-vino-i-tropicheskiy-ray/>) (дата обращения: 9.12.20)
4. Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура [сборник статей]. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С.7-43.
5. Князева Е. Спорный шар. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/247369/> (дата обращения: 5.12.20)
6. Rockower P.S. Recipes for gastrodiplomacy // Place Branding Public Diplomacy, 8(3). P. 235-246.
7. Zhang, J. The Foods of the Worlds: Mapping and Comparing Contemporary Gastrodiplomacy Campaigns // International Journal of Communication, 55. Vol. 6. № 2. P. 568–591.
8. Лаенко Л.В., Корчагина К.М. Национально-культурно-специфические особенности категоризации кулинарных реалий в русской, французской, британской и американской лингвокультурах // Дайджест – 2010: дипломные работы факультета РГФ / [под ред. Н.А. Фененко]. Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. Вып. 11. С.113-121.
9. Англия: еда в вопросах и ответах. записки из англ глубинки. URL: <https://www.britanya.me.uk/angliya-eda-v-voprosax-i-otvetax/> (дата обращения: 15.12.20)
10. Акимушкина И. Гастрономические причуды “британской старушки”. URL: https://nvo.ng.ru/style/2015-06-18/16_display.html (дата обращения: 30.11.20)
11. Олянич А.В., Никишкова М.С. Дискурсивная актуализации этнолингвокультурного кода в англоязычной глуттении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 4 (23). С. 70–83.
12. Прюво Ж., Бузинова Л. М., Седых Н. В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.5. №1, 2019. С. 27-39.

13. Чеснокова О.С., Фернандес Санчес Ю.В. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 50–58.

14. Таганова Т.А. Традиции питания в современном англоязычном мире: неологизмы и их лексикографическое описание // Еда и культура [сборник статей]. — М.: Центр по изучению взаимодействия культур. 2015. С. 306 – 313.

Список источников примеров

1* Burns Robert. To a Haggis. URL: <http://eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=1273>
(дата обращения: 10.01.21)

Список словарей

1** Кабакчи В.В. The Dictionary of RUSSIA (2500 cultural terms) / Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – СПб.: Изд-во «Союз», 2002. – 576 с.

2** Macmillan Open Dictionary [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/open-dictionary/latestEntries.htm>, свободный.

3** Merriam Webster Open Dictionary [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://nws.merriam-webster.com/opendictionary>, свободный.

GASTRONOMIC REALIAS THROUGH INTERCULTURAL INTERACTION

Ludmila V. Laenko
Voronezh State University

Abstract. The article analyzes Western and Eastern countries gastronomic realias as their national destiny. Realias are defined as the words, nominating things, concepts and situations not existing in the life of people speaking a different language. The significance of gastronomic realias through intercultural interaction as a gastodiplomacy instrument aiming at national self identification maintenance, at promoting their culture and traditions, at creating the positive image of a certain country is argued. To prove that processes of such concepts manipulation through mass media, the Internet, etc are analyzed. Factors of enriching and changing some countries lexical funds as a result of borrowings and neologisms in the modern world situation of integration and globalization are revealed.

Key words: gastronomic realia, gastodiplomacy, intercultural interaction, national self identification, positive image of the country, borrowing, neologism

Лаенко Людмила Владимировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английской филологии
Воронежский Государственный
Университет
тел.: +7 (473) 220 8489
e-mail: lvlaenko@mail.ru

Ludmila V. Laenko

Doctor of philology, Professor of the
English Philology Department
Voronezh State University
mobile: +7 (473) 220 8489
e-mail: lvlaenko@mail.ru

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОРИЧНЕВОГО В СКАЗОЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА
РУССКИХ И АНГЛИЧАН: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Левицкий А.Э.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Никольшина Т.Н.

Автомобильно-дорожный институт

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

Аннотация. Статья посвящена выявлению изоморфных и алломорфных особенностей использования коричневого цвета в русском и английском сказочных картинах мира. Цветономинации, обозначающие коричневый, имеет ограниченную сферу использования в исследованном материале. Лексические единицы *brown* и *коричневый* имеют статус наиболее обобщенных наименований коричневого цвета в сопоставляемых картинах мира. При этом, в английском материале *brown* активно употребляется для объективации доменов ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Русский материал показывает разнообразие референтов коричневого цвета, объективирующих домены ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК. Они объединены в тематические блоки: ФАУНА, ФЛОРА, ЕДА, РЕЗУЛЬТАТ ХИМИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ и АРТЕФАКТЫ. Референты, имеющие коричневый цвет в английских сказках, также включены в тематический блок НАПИТКИ. Широкое разнообразие в сопоставляемых сказочных картинах мира присуще оттеночным обозначениям коричневого цвета. Они эксплицируют: внешность человека, еду, подвергнушуюся тепловой обработке, материал для изготовления мебели и изменение свойств предмета в результате химической реакции. Оттеночные обозначения коричневого цвета в русских сказках также характеризуются фиксированным узусом для определения масти лошади. Важной для категоризации оттенков коричневого в сказочной картине мира на материале русского и английского языков является 'интенсивность'. Вместе с тем, они более активно представлены в русском материале, чем в английском.

Ключевые слова: категоризация, вербализация, цветономинации, оттеночные номинации, коричневый цвет, сказочная картина мира, сопоставление языков, русский язык, английский язык

Постановка проблемы и степень ее разработанности. Учитывая возрастающую заинтересованность лингвистического сообщества в когнитивных особенностях, обусловленных отличием картин мира [1; 2; 3 и др.], большое научное значение имеют исследования, посвященные отражению их отдельных аспектов. Цветообозначения – один из способов представления действительности, которые играют важную роль в конкретном лингвосообществе, помогая ориентироваться в пространстве и времени, регулируя отношения между людьми. Цвет окружает нас повсюду, являясь неотъемлемой частью информации об окружающем человека реального мира.

Цветонаименования обладают выраженной национально-культурной спецификой и являются значимыми элементами для конструирования национальной картины мира лингвокультурной общности, поэтому их изучение во второй половине XX – начале XXI вв. становится одним из актуальных направлений лингвистических исследований. Так, изучены происхождение и развитие лексики, обозначающей цвет [4; 5; 6; 7; 8], проанализирована семантика цветообозначений [9; 10; 11], проведены сопоставительные

исследования их номинаций [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18], рассмотрены психолингвистические особенности цветообозначений [19; 20; 21; 22]. Семантика цветоименований детально рассмотрена в русле когнитивной лингвистики [23; 24] и лингвокультурологии [25]. Однако при всем разнообразии существующих работ проблема восприятия и номинации цвета всё ещё вызывает ряд дискуссионных вопросов, оставляя пространство для дальнейших разработок. В частности, научный интерес вызывает вербальная экспликация некоторых наименований цвета, в том числе *коричневого*. Анализ степени изученности базовых цветов выявлен лишь во фрагментарных лингвистических исследованиях [23; 24; 26; 27].

Актуальность представленной работы обусловлена направленностью современных лингвистических поисков, нацеленных на раскрытие когнитивных аспектов языка и связанных с ними специфических процессов вербализации действительности в соотношении с человеком, его мышлением и мировосприятием.

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии семантических и лингвокогнитивных особенностей экспликации цветообозначений *brown* | *коричневый* с учетом их этнокультурной специфики как составляющих картин мира русской и английской сказок.

Рассмотрение своеобразия упомянутых выше цветообозначений и их функционирования в рамках английских и русских сказочных картинах мира предопределило решение следующих **задач**: 1) выделить и сопоставить номинации *brown* | *коричневый* методом сплошной выборки из языка английских и русских народных сказок; 2) выявить и сравнить семантическое наполнение данных цветономинаций как фрагментов русской и английской сказочных картин мира; 3) установить лингвокогнитивные особенности проанализированных цветономинаций на отмеченном материале.

Объектом исследования являются цветообозначения *brown* | *коричневый*, **предметом** – их семантические и лингвокогнитивные особенности в рамках русской и английской сказочных картин мира.

Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении специфики вербализации *коричневого* в сопоставительном аспекте на материале русских и английских сказок.

В качестве **материала исследования** использованы английские и русские народные сказки (далее – сказки), которые являются богатейшим источником языкового материала, позволяя исследовать особенности взаимоотношения языка и культуры.

Коричневый относится к базовым цветам, занимая промежуточное положение между хроматическими и ахроматическими цветами. Он представляет собой пятый этап в алгоритме появления цветообозначений в рамках теории Берлина-Кея – системном описании лексической группы слов, обозначающих цвет, и занимает предпоследнюю позицию в последовательности возникновения цветовых категорий в языках мира, но для носителей русского языка приоритетнее коричневого является, к примеру, серый [7].

А. Вежбицкая отмечала, что с точки зрения хроматологии может показаться странным, что люди относятся к коричневому как к источнику важной информации, и поэтому наделили его титулом отдельного «основного цветообозначения». Однако с точки зрения жизни человека, «голая земля» – это важный зрительный (и экзистенциальный) ориентир (как небо над головой или растительность вокруг) [24, с.231-291]. Именно зрительная и повседневная значимость земли объясняет научную «загадку коричневого цвета» [там же]. Обращаем внимание, что акцент делается на *голой* земле (выделение курсивом наше – А.Л., Т.Н.). Такое заостренное внимание вполне понятно, поскольку

поверхность земли весной покрывается травой, зимой – снегом, а осенью – опавшими листьями различных цветов и оттенков.

Несмотря на большую поверхность, занимаемую землей, лексемы *brown* | *коричневый* не ассоциируются и не используются для описания почвы, земли в английских и русских сказках, и мы фиксируем отсутствие данных номинаций для идентификации коричневого как цвета земли или почвы.

Есть несколько объяснений данному явлению. Одной из причин выступает многокрасочность почвы в разное время года (засеяна злаковыми культурами, устлана снегом, используется под строительство сооружений и т.д.), а не ее первозданная «чистота». Кроме того, выделение А. Вежбицкой из окружающей среды земли в качестве естественного референта коричневого цвета [24, с.231-291], на наш взгляд, не является безоговорочным, в отличие, например, от солнца как прототипа желтого и растительности – зеленого. Такой подход не придает значения дифференциации цвета почвы и земли в зависимости от составляющих их пород. Невозможность однозначной трактовки коричневого как цвета земли подтверждается и примерами из русских сказок, в которых земля ассоциируется с черным цветом: *Он их из ямы вынул – они лицом черны, землей уж стали порастать* [1*].

Лексические единицы *brown* и *коричневый* имеют статус наиболее обобщенных наименований коричневого цвета в английском и русском языках.

Лексикографические источники английского языка определяют цветообозначение *brown* как «having the colour of chocolate or soil» [1**] ‘цвет шоколада или почвы’ или «the colour of earth or of wood» [2**] ‘цвет земли или дерева’. Следовательно, основными референтами коричневого цвета для англичан являются почва, древесина и шоколад.

Словари русского языка не идентифицируют *коричневый* как «буро-желтый (цвет жареного кофе, спелого желудя)» [3**]; «имеющий темный буровато-желтый цвет» [4**]; «имеющий цвет корицы, жареного кофе, спелого желудя» [5**]. В приведенных выше дефинициях коричневый цвет определяется посредством буро-желтого или темного буро-желтого оттенков, а важными референтами коричневого цвета для носителей русского языка являются корица, жареный кофе и спелый желудь.

Данные анализа лексикографических источников и народных сказок доказывают эволюцию в перцепции коричневого цвета русскими и англичанами.

Основным языковым средством эксплицитной передачи коричневого цвета в английских сказках является имя прилагательное *brown* ‘коричневый’, которое используется преимущественно в прямом (*brown calves* ‘телята коричневого окраса’, *brown bread* [2*] ‘ржаной хлеб’) значении. В словосочетаниях *brown skin*, *brown face*, *brown hands* [3*, 4*] цветообозначение *brown* имеет сему не ‘загорелый’, а ‘темный’, обозначая части тела сверхъестественных существ.

Прилагательное *brown* характеризуется слабым деривационным потенциалом: лексема *brown* и её производная с суффиксальным способом образования – *brownie* [5*] ‘домашний дух’.

При актуализации цветообозначения *brown* окружающий мир англичан идентифицируется с помощью лексических единиц, объективирующих три домена: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Домен ПРИРОДА репрезентирован номинациями фауны: *brown sand swallows* [2*] ‘коричневые береговушки’, *brown steeds* [3*] ‘кони коричневого окраса’.

Домен ЧЕЛОВЕК служит ментальной основой для конструирования лексическими единицами пяти групп, вербализующих: 1) внешность (*brown eyes* [2*] ‘карие глаза’),

2) продукты питания (*fitches of bacon, dry and brown* [2*] ‘куски засушенного бекона’); 3) предметы для хозяйственных нужд (*a brown pitcher* [2*] ‘коричневый кувшин’), 4) сооружения (*a brown castle* [4*] ‘коричневый замок’, *a great brown pillar* [3*] ‘большой коричневый столб’) и 5) средства защиты от врагов (*sword all brown with rust* [2*] ‘оружие, полностью порытое ржавчиной’).

Домен СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ моделируется номинацией сверхъестественного существа: *brownie* ‘брауни – домашний дух’ [5*]. Данный домен не объективируется в русской сказочной картине мира.

В русском языке характерным свойством цветоименования является его неспособность к активному словообразованию: например, *желтый* тесно связан со следующими номинациями (*желток, желтуха, желчь, желтеть, желтоватый*; а *синий* – с *синим, синяк, синева, синька, синеватый, синюшный*), чего нельзя сказать о *коричневом*. Акцентируем внимание на отсутствии в русских сказках номинации *коричневый* для вербально эксплицитного обозначения коричневого цвета, который передается на проанализированном эмпирическом материале только посредством его референтов. Основными референтами коричневого цвета в русских сказках являются: продукты прожарки (*жареные куропатки* [6*]) или запекания (*бык печеный* [6*]), а также древесина (*сухие дрова* [1*, 6*], *сухое дерево* [6*]) или изделия из нее (*дубовый стол* [6*], *деревянная ложка* [1*, 6*]), представленными в доменах ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА.

Приоритет продуктов прожарки как образца-эталона коричневого цвета для носителей русского языка подтверждается как многообразием примеров (*нажарить всего* [1*]; *нажарила-наварила курятины да гусятины* [1*]; *зажаренный поросенок* [1*]; *ты изжарь мне одну курочку с масличком* [6*]; *оладьи сжарились* [6*]; *жареная говядина* [1*]), так и фиксацией многочисленных производных глагола *жарить* (*изжарить, нажарить, сжарить, жареный, зажаренный*).

В английских и русских сказках референты коричневого цвета объединяются в пять тематических блоков:

1) ФАУНА (*bear* ‘медведь’ [3* - 5*], *медведь* [1*, 6*]);

2) ФЛОРА (*almonds* [5*] ‘миндаль’, *nuts* [4*] ‘орехи’, *желуди* [6*], *орехи* [1*, 6*]);

3) ЕДА (*barley bread* [2*] ‘ячменный хлеб’, *potatoes* [2* - 5*] ‘картофель’, *ржаные пирожки* [6*], *картофель* [1*, 6*]);

4) РЕЗУЛЬТАТ ХИМИЧЕСКИХ / ФИЗИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (*roasted hams, hares, geese and fowls* [2*] ‘жареные говядина, зайцы, гуси и домашняя птица’, *roasted pigs* [2*] ‘жаренные поросята’, *to grow rusty* [5*] ‘ржаветь’, *зажаренный поросенок, жареная говядина, ржавый гвоздь* [1*, 6*]);

5) АРТЕФАКТЫ (*the block of wood* [2*] ‘деревянная колодка’, *wooden boat* [2*] ‘деревянная лодка’, *wooden bowl* [2*] ‘деревянная миска’, *wooden spoon* [2*] ‘деревянная ложка’, *a billet of wood* [5*] ‘заготовка из дерева’, *a stick of wood* [2*] ‘деревянная палка’, *деревянная миска, деревянная ложка, сухое дерево, дрова, дубовый столб* [1*, 6*]) и металла (*the bronze tower* [4*] ‘бронзовая башня’, *farthing* [2* - 5*] ‘фартинг (металл – медь)’, *penny* [2* - 5*] ‘пенни (металл – медь)’, *urn which was of bronze contained gold coins of a very ancient date* [3*] ‘в бронзовой урне были очень древние золотые монеты’, *copper* [1* - 4*] ‘медь’, *brass gate* [4*] ‘ворота из меди’, *brass candlesticks* [4*] ‘подсвечники из меди’).

В русских и английских сказках зарегистрированы единицы, называющие артефакты из меди и бронзы, но разные национально-культурные традиции определяют разные оттенки у одинаковых объектов: в понимании англичан *copper* ‘медный’, *brass*

‘медный’ имеет ярко-желтый, красно-коричневый оттенки [1**], тогда как для русских предметы из *меди* – желтого цвета с красноватым отливом [3**]. Таким образом, референтами коричневого цвета в английских и русских сказках являются как природные объекты, так и результаты деятельности человека.

Вместе с тем, примеры вербализации домена НАПИТКИ (*brandy* ‘бренди’, *gin* ‘имбирное пиво’, *liquor* ‘ликер’ [2* - 5*]) представлены только в английском материале, а в русских сказках такие примеры не зафиксированы.

Коричневый цвет относится к темному спектру цвета. Именно эта «темнота» обуславливает отрицательно-оценочный характер цветообозначений коричневого цвета, связанный с результатами процессов интенсивной прожарки и окисления – пережаренные продукты и коррозия, разрушающая металл. Темный цвет кожи также имеет отрицательно-оценочный характер, ассоциируясь со сверхъестественными существами.

Сочетания эксплицитно выраженного коричневого с другими базовыми цветами единичны в английском языке (*I'll put the calves there. Six of them there were, some brown, some black, some white, and all lively as crickets* [2*] ‘Я помещу телят туда. Их шестеро: некоторые были коричневыми, некоторые – черными и белыми, и все подвижные как сверчки’) и отсутствуют в русском.

Оттеночные обозначения коричневого цвета. Мир вокруг нас полон красок с различными оттенками. Эксплицируя такое многообразие, оттеночные цветообозначения отражают потребность в более дифференцированном обозначении цвета. Коричневый проявляется в значительном разнообразии объектов и их оттеночном многообразии.

В английских и русских сказках оттеночные обозначения коричневого цвета, являющиеся прилагательными и причастиями, эксплицируют:

1) внешность человека (*карие глаза* [6*]; *hazel eyes* [3*] ‘светло-карие глаза; цвет лесного ореха’, *his face was bronzed by long exposure to an Eastern sun* [4*] ‘его лицо было бронзовым от длительного пребывания на восточном солнце’); 2) еду, подвергшуюся тепловой обработке (*румяный хлеб* [1*, 6*]; *well-toasted* [2*] ‘хорошо поджаренный’);

3) материал для изготовления мебели (*the dark oak dresser* [4*] ‘темный дубовый комод’) и

4) изменение свойств предмета в результате химической реакции (*ржавый гвоздь* [1*, 6*]; *rusty sword* [5*] ‘ржавый меч’).

Кроме того, оттеночные обозначения коричневого цвета в русских сказках характеризуются фиксированным узусом для определения масти лошади (*тройка гнедых коней* [6*], *тройка бурых* [6*], *каурая кобыла* [6*]).

Важной для категоризации оттенков коричневого в сказочной картине мира на материале русского и английского языков является ‘интенсивность’. По данному параметру оттеночные обозначения коричневого цвета подразделяются на светлые (*hazel* → ‘светло-карие (о цвете глаз), ‘цвет лесного ореха’; *румяный хлеб* → светло-коричневый) и темные (*overbaked* ‘пережаренный’; *бурый* → черный с коричневым отливом, темно-коричневый; *гнедой* → темно-рыжий; *карий* → темно-коричневый).

В русских сказках признак ‘интенсивность’ заложен непосредственно в семантике оттеночных цветообозначений. Некоторые оттеночные цветоименования обозначают насыщенность базовых цветов. Так, в русских сказках в зависимости от контекста оттеночное *румяный* реализует основное (*румяна как маков цвет* – оттенок красного [1*]) или периферийное (*румяный каравай* [1*] – оттенок коричневого) цветовое значение. Тогда как в английских сказках зарегистрированы также и случаи использования

эксплицитного компонента *dark* ‘темно-’: *the dark oak dresser* [4*] ‘темный дубовый комод’. В целом, компоненты *dark* ‘темно-’ и *light* ‘светло-’ не используются эксплицитной передачи оттенков коричневого цвета в английских сказках.

Отдельные оттеночные цветообозначения коричневого цвета имеют семантику оценочного характера. В английских сказках номинации *rusty* [5*] ‘ржавый’ и *overbaked* [5*] ‘пережаренный’ обозначают испорченные, непригодные или мало пригодные для использования объекты, тогда как причастие *well-roasted* [2*] ‘хорошо прожаренный’ предполагает качественно приготовленный продукт. В русских сказках оттеночные цветообозначения *коричневого* именуют целый ряд положительных характеристик объекта: красивый (*румяный каравай* [1*]) или особо ценный (*злая лошадь* [6*]) – для характеристики коня, как надёжного друга и лучшего помощника для главного героя.

Выводы. *Коричневый* не локализован в центральном составе основных цветов и принадлежит к цветообозначениям, которые в сказках англоязычных и русских номинируют диапазон цветового пространства, имеющий ограниченный спектр для номинации объектов природы и артефактов, а группа номинаций, эксплицитно репрезентирующих коричневый цвет, представлена незначительным количеством цветообозначений. Для прямой номинации *коричневого* в английских сказках насчитывает две лексические единицы (*brown* ‘коричневый’, *brownie* ‘домашний дух’); в языке русских сказок прямая номинация *коричневого* отсутствует.

Несмотря на отсутствие в русских сказках обобщающей лексики *коричневый*, сам цвет нельзя считать периферийным и близким к пограничному для носителей русского языка: используются единицы, номинирующие различные реалии природы и материального мира, которые являются естественными носителями данного цветового признака.

С точки зрения семантики *коричневый* имеет сему ‘темный’. Богатство символических и семантических наполнений, так же, как и обширный информационный потенциал, сложная многоуровневая и разнообразная цветовая символика для *коричневого* в английских и русских сказках не характерны.

В английском и русском языках в плане словообразования обобщающие лексемы *brown* и *коричневый* демонстрируют номинативную непродуктивность, формируя неразветвленное и незначительное в количественном отношении словообразовательное гнездо. Лексемы с семантикой *коричневого* отличаются слабой степенью деривации, простотой строения, прозрачностью цветовой мотивации. *Коричневый* – цвет с широкой сочетаемостью, тогда как их оттенки – узкоспециализированные цветообозначения с ограниченной лексической валентностью.

Перспектива. Дальнейшие исследования могут затрагивать область сопоставления языков и лингвокультур индоевропейской семьи для выделения общего и различного в объеме значений цветообозначений в традиционном индоевропейском пространстве, а также исследований языков, принадлежащих к другим семьям, с целью выделения сходств и различий в лингвокультурном аспекте.

Литература

1. Гришаева Л.И., Попова М.К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции “Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование” (Курск, 21-24 апреля 2003 г.). Воронеж, 2003. Вып. 2. С. 13–38.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пособие. 5-е изд. М.: КДУ, 2019. 350 с.

3. Левицкий А.Э. Сон и мечта в картинах мира русского и английского языков // *Speculum Linguisticum*. 2016. Т. 4. С. 21-34.
4. Бахтина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
5. Василевич А.П. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. 320 с.
6. Норманская Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: С & К (ООО Интерпринт), 2005. 379 с.
7. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969. 587 p.
8. Krieg M.F. The influence of French color vocabulary on Middle English // *Michigan Academician*. 1979. Vol. 11. №4 (spring). Pp. 431-437.
9. Макеенко К.В. Семантика цвета в разноструктурных языках: универсальное и национальное: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 258 с.
10. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // *Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ*. М.: КомКнига, 2007. С. 29-39.
11. Matschi, M. Color Terms in English: Onomasiological and Semasiological Aspects // *Onomasiology Online*. 2004. №5. Pp.56-139.
12. Атаджанян С.А. Первосточники цветоименований. Фоносемантика и этимология (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014. 19 с.
13. Гатауллина Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира (на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
14. Горн Е.А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводоведческом аспекте (на материале современной английской литературы): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 211 с.
15. Джалилова М.Т. Структурно-семантический анализ цветообозначения в таджикском, английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2015. 25 с.
16. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
17. Лопатина Н.Р. Структурно-семантический анализ объектных цветоименований: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.
18. Тугушева Ф.А. Семантика цветообозначения в разностемных языках (на материале балкарского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 23 с.
19. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987. 140 с.
20. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
21. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
22. Rosch, E. Cognitive Reference Points // *Cognitive Psychology*. 1975. Vol. 7. Pp. 532-547.
23. Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2007. 18 с.

24. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
25. Жаркынбекова Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2003. № 1. С. 109-124.
26. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
27. Кудря О.А. Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 18 с.

Список источников примеров

- 1* Русские народные сказки. Режим доступа: <http://hyaenidae.narod.ru/>
- 2* Riordan J. Folktales of British Folktales. М.: Радуга, 1987. 368 с.
- 3* Briggs K.M. A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F. J. Collection. Routledge&Kegan Paul, 1991. 1168 p.
- 4* Folk Tales of England / Ed. by K.M. Briggs and R.L. Tongue. London: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964. 174 p.
- 5* English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs. London: David Nutt, 1890. Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm>
- 6* Русские народные сказки. Режим доступа: <http://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm>.

Список словарей

- 1** Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа:
- 2** Collins Online Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com>
- 3** Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>
- 4** Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/ushakov>
- 5** Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: в 2 т. М., 2000 / Сост. Ефремова Т. Ф. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/123230/grant/>.

VERBALIZATION OF THE *BROWN COLOUR* WITHIN THE WORLDVIEWS OF RUSSIAN AND ENGLISH FAIRY TALES: COMPARATIVE PERSPECTIVE

Andrei E. Levitsky
Moscow Lomonosov State University
Tatiana N. Nikulshina

Donetsk National Technical University, Automobile and Highway Engineering Institute

Abstract. The article deals with singling out isomorphic and allomorphic specificities of the use of *brown* colour in Russian and English fairy-tales. Colour names, which denote *brown*, reveal a limited position in the material analyzed. Lexical units *brown* and *korchnevyyi* are the most general designations of the *brown* colour within the Russian and English worldviews. Besides, the English fairy-tales represent a wide use of *brown* within the NATURE, HUMAN BEING and SUPERNATURAL domains. Referents of the *brown* colour in Russian fairy-tales objectivize the following domains:

NATURE and HUMAN BEING. *Korichnevyyi* joins such thematic units, as FAUNA, FLORA, FOOD, RESULT OF CHEMICAL / PHYSICAL PROCESSES and ARTEFACTS. The above thematic units alongside with one more unit DRINKS comprise the referents of *brown* colour in English fairy-tales. Words denoting the shades of *brown* show a wide variety within the worldviews compared. They represent human appearance; food treated thermally; material for furniture design and the change of objects in the course of chemical reactions. Shades of the *brown* colour in Russian fairy-tales reveal stability in denoting the suit of the horses. 'Intensity' appears to be important for categorizing the shades of the *brown* colour in the worldviews of Russian and English fairy-tales. Besides, their use in the Russian material is wider if compared with the English one.

Key words: categorization, verbalization, colour nomination, shade designation, brown colour, worldview of fairy-tales, language comparison, the Russian language, the English language

Левицкий Андрей Эдуардович,

Профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

тел.: +7 (965) 380 4869

email: andrelev@list.ru

Andrei E. Levitsky

Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University»

mobile.: +79653804869

e-mail: andrelev@list.ru

Никольшина Татьяна Николаевна,

Зав. кафедрой «Иностранные языки»

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет»,

Автомобильно-дорожный институт

email: tan_n-n@mail.ru

Tatiana N. Nikulshina

Head of the Department of Foreign Languages

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»,

Institute of Road Traffic

e-mail: tan_n-n@mail.ru

УДК: 811

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КОЛОРОНИМА «BLANC» В ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Малахова Е.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Фразеологическое выражение представляет собой универсальную единицу мыслительного поля человека. Оно отражает свойства и качества познаваемых предметов и явлений, превращаясь на высшей ступени абстракции в целостный образ. Процесс номинирования понятий объективного мира происходит с участием установки, которая складывается под влиянием интерпретанты на бессознательном уровне мышления на основе культурно-исторического опыта лингво-этнической общности. Каждый из семантически реализуемых полноценных самодостаточных фразеолекс обладает собственным значением, которое базируется на ассоциативных связях. Как следствие этого, их компонентами становятся слова, лишенные семантической самостоятельности. Они отличаются по своему значению, которое «растворено» в целостном значении фразеологизма. Мы соотнесим модели

фразеосемантической деривации с компонентом «белый», структурирующим фразеологизм, характером семантических изменений, происходящих в рамках процесса фразеологизации, а также особенностями семантических компонентов фразеоединицы, которые определяют формирование идиоматичности, в частности, фразеологических единств и фразеологических сращений. Полного соответствия между русскими и французскими фразеологическими единицами нет; поскольку их исходная дефиниция, лексико-грамматическая структура, внутренняя форма неодинаковы – мы можем утверждать об отсутствии взаимной импликации. Смысловое значение, передаваемое при переводе, является неким полем перекрещивания имплицитных смыслов потенциально существующих в данных языках, один из которых или более совпадает.

Ключевые слова: фразеологизация, идиоматичность, фразеолекса, интенция, установка, интерпретанта, атомарное словосочетание, импликация

Каждый, кто говорит на иностранном языке, знает, как трудно бывает найти нужный эквивалент перевода. В особенности, если речь идёт об устоявшихся единицах языка – типах клише взаимопересекающихся областей знания: фразеологии в широком смысле слова и паремологии. Фразеологические единицы (ФЕ) представляют особенную сложность, поскольку в плане содержания они характеризуются переосмыслением компонентов, то есть идиоматичностью.

Особо отметим, что фразеологическое выражение представляет собой универсальную единицу мыслительного поля человека, многоуровневую совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности. Ядро концепта – чувственный образ, который проходит через различные ступени сложных мыслительных процессов, стремясь к высшей абстракции. В результате этого процесса оно приобретает большое количество признаков, всесторонне отражающих свойства и качества познаваемых предметов и явлений, превращаясь на высшей ступени абстракции в целостный образ.

На высоких подконтрольных уровнях структуры языка в качестве единиц переработки и хранения информации выступают, видимо, некие единицы смысла. На этом уровне слово можно рассматривать как комбинаторный вариант этих единиц, и смысловые связи между словами объясняются наличием в их составе общих единиц смысла или сходством структуры их комбинаций, что не всегда доступно непосредственному наблюдателю и интуиции.

В основе выбора пути семантического развития лежат причины когнитивного характера, связанные с правилами фuzии концептов, которые выявляются при анализе комплексного знака [1, с.48].

В основу нашего исследования положены основополагающие идеи когнитивной лингвистики и семантики, изучающие когнитивную сферу языка, его неопределённый ментальный субстрат, концептуализацию окружающей действительности, отношение между высказыванием, интерпретатором и контекстом (ситуацией) в рамках человеческой деятельности.

Цель исследования – определить, каким образом в триаде «означающее – означаемое – референт» происходит переактуализация сигнификаций колоронима «blanc» во французских фразеологизмах.

В.Г. Как отмечает, что при описании действительности говорящие на разных языках, в силу установки, отражают разный опыт. Это проявляется в отборе разных элементов и наименовании последних, исходя из их разных аспектов. Именно вследствие этого одни и те же формальные средства (слова, конструкции) по-разному используются в разных языках. Прямые и косвенные речевые акты затрагивают семантическую

область высказывания. Наряду с собственно семантическим значением, высказывание обладает прагматическим значением [2, с.628-630].

Чтобы репрезентировать внеязыковое знание, необходимо раскрыть генезис ФЕ как процесса структурирования, концептуализации, репрезентации этого знания от оборота, взятого в кавычки, до стереотипизированного выражения.

Фразеологическое значение, представляет собой сложную макрокомпонентную структуру, состоящего из образного, мотивировочного, оценочного, эмоционального, стилистического и культурного компонентов. Смысл культурного компонента заключается в опосредовании культурным знанием всех макрокомпонентов (идиозтнических элементов в языке), входящих во фразеологическое знание: наглядно-чувственный образ как основа денотативной ситуативной, связанной с оценкой, стереотипами (устойчивыми деспозициями в языковом сознании), системой ценностей, стилистической маркированностью фразеосочетания. Эти механизмы управляются концептами, которые являются когнитивной основой фразеологического значения.

Как правило, ФЕ представляют собой косвенные речевые акты, которые включают слова, утратившие связь со своими словарными значениями, их смысл не складывается из суммы значений слов, а выражается субъектом через знаковую стереотипическую ситуацию. Они номинируют и воспроизводят в сознании целостную ситуацию и сочетают в себе на равных правах собственно языковое и культурное значение.

А.В. Кунин отмечает, что внутренняя форма ФЕ представляет собой связь значения ФЕ с прямыми буквальными значениями её компонентов, обозначающих признак наименования в структуре образного фразеологического значения, связанная с ним деривационными отношениями. Семантическая целостность ФЕ может быть установлена при сопоставлении ее значения со значением ее компонентов как отдельных слов, а также выявлением особенностей ее употребления в контексте [3, с.8].

Следовательно, в толковании понятия «внутренняя форма фразеологизма» определяющим является не сумма значений компонентов, а интерпретация, включающая интенцию (сознательное коммуникативное намерение) и установку (подсознательную силу, которая направляет интенцию к какому-то приоритету, находящемуся в коллективном сознании этноса). Данная интерпретация оформляется атомарным словосочетанием, что и является алгоритмом.

В плане имплицитного невербального уровня, сознание включает в себя такие составляющие, как интерпретанта, установка (подсознательное) и интенция (сознательное) [4, с.39]. Осознаваемые и неосознаваемые психологические процессы немислимы без придания установкам определенного значения воспринимаемым сигналам. Процесс означивания понятий объективного мира происходит с участием установки, которая складывается под влиянием интерпретанты на бессознательном уровне мышления на основе культурно-исторического опыта лингво-этнической общности.

Материальным оформлением установок, формирующихся в среде конкретного этноса, являются атомарные словосочетания фразеологизмов. Формирование установок происходит в соответствии с теми сигналами, которые выработаны в языковом мышлении народа. Языковое выражение этих установок осуществляет их перевод с одного уровня (бессознательного) на другой (сознательный). Установка, не будучи наглядно-чувственной по содержанию, «ищет» наглядно-чувственную форму и находит её в самых экономных вариантах, а именно, в виде устойчивых образных оборотов.

Установки, как правило, не осознаются носителями языка, но довольно чётко обнаруживаются в психологических опытах, понятия о них обобщаются в конструкты, кото-

рые служат определённой маркой при изучении установок того или иного народа. Одним из таких конструкций является понятие «сенсорных эталонов», под которым подразумевается система чувственных качеств, выделенных не индивидуумом, а обществом.

Вербальная форма ФЕ, которую составляют атомарные словосочетания, относится к языковому выражению, а фразеосемена во всём её объёме (интенционал, экстенционал, импликационал) – к языковому сознанию.

Н.Н. Кириллова определяет фразеосемему (фразеолексу) как разновидность лексемы во фразеологическом семиозисе, в её самостоятельной функции с утраченными или приобретенными в ФЕ свойствами [5, с.8].

Каждый из семантически реализуемых полноценных фразеолексов обладает собственным значением, базируемом на ассоциативных связях.

Как следствие этого, их компонентами становятся слова, лишённые семантической самостоятельности и отличные по своему значению. Оно оказывается «растворено» в целостном значении фразеологизма – семантически целой неделимой единицы языка. О.Б. Поляничук указывает на отсутствие выводимости семантики ФЕ из её компонентов, где производное слово, выступающее в качестве комплексного знака, является результатом словообразовательной деривации, и в то же время само оказывается исходным для семантической деривации [6, с.44]. Е.С. Кубрякова под понятием «деривация» подразумевает процесс появления новых значений производного слова на базе старых, т.е. семантическую деривацию [7, с.102].

Практическая часть данной работы выполнена на базе семантической классификации, предложенной В.В. Виноградовым. Данная классификация построена на семантической основе с учетом близости различных типов фразеологических оборотов к слову. В зависимости от того, насколько стираются номинативные значения компонентов фразеологизма, насколько сильно в них переносное значение, В.В. Виноградов делит их на следующие группы:

1. Фразеологические сращения или идиомы (ФС) (*les soudures*)
2. Фразеологические единства (ФЕ) (*les ensembles phraséologiques*)
3. Фразеологические сочетания (*les combinaisons phraséologiques*) [8, с.137].

Необходимо отметить, что мы не рассматриваем последние в силу того, что они являются промежуточным типом фразеологизмов между ФЕ и переменными словосочетаниями [там же].

Мы соотносим модели фразеосемантической деривации с компонентом «белый», структурирующим фразеологизм, характером семантических изменений, происходящих в рамках процесса фразеологизации, а также особенностями семантических компонентов фразеоединицы, которые определяют формирование идиоматичности, в частности, фразеологических единств и фразеологических сращений.

Они не только служат знаками описанной ситуации, но и моделируют её с помощью наглядных и понятных всем образом. Они являются знаками и одновременно моделями различных типовых ситуаций и отношений между вещами, явлениями реальной жизни. Например: *Bave du crapeau n'atteint pas la blanche colombe* - *Плевки жабы не достигнут белую голубку* [1**].

Нас интересуют фразеологические выражения французского и русского языков, отображающие типичные дивергентные свойства данной системы языка, а именно, ряд особенностей семантического характера, которые приходится учитывать при комбинированном переводе фразеологических единиц, содержащих семантический компонент цвета «белый».

Мы поставили задачу проследить, как лексическая единица, вербализующая концепт «белый», сочетаясь с другими единицами, образует фразеологизм, какова ее роль и в фразеологических единствах, и во фразеологических сращениях.

А.Э. Черникова замечает, что фразеологическое значение может обладать большей или меньшей степенью эксплицитности, что связано со степенью мотивированности и идиоматичности фразеологической единицы.

В связи с этим необходимо определить, что происходит при демотивации и ремотивации всего выражения, провести сопоставительный анализ, описать эксплицитное содержание и реконструировать имплицитное содержание ФЕ с фразеосеммой «белый», чтобы отнести выражение к определенному его значению.

Прежде, чем обозначить анализируемые лексические единицы, входящих в объект исследования, следует рассмотреть, что именно включается в понятие «blanc» [2**], [3**].

Оно представлено архисемой ЦВЕТ, в которой выделяются следующие дифференциальные семы:

A1 белый

– d'une couleur, combinant toutes les fréquences du spectre et produisant une impression visuelle de clarté neutre – цвет, комбинирующий в себе все цвета спектра и создающий визуальное впечатление нейтрального света;

– S1 d'une couleur claire – светлый;

– S2 d'une couleur pâle, voisine du blanc – бледный, соседний с белым цветом;

– S3 de cette couleur et propre – белый и чистый;

– S4 qui n'est pas écrit, espace vide – пустой, неисписанный, бесполезный, безрезультатный;

– S5 innocent – незапятнанный, невиновный, правдивый;

– S6 qui n'a pas les effets habituels – лишенный существенной черты, необычный;

– S7 qui réfléchit et diffuse toutes les couleurs visibles – отражающий свет, распространяющий свет;

A2 человек

– S1 un homme ou une femme appartenant à un groupe ethnique, caractérisé pour une faible pigmentation – мужчина или женщина, которые принадлежат этнической группе с слабой пигментацией кожи.

A3 белый цвет

– S1 couleur blanche – белый цвет;

– S2 matière – вещество (краска), (металл);

– S3 en blanc – в белом цвете;

– S4 à blanc – до бела, переходящий в белый цвет;

A4 белая часть

– S1 noms de choses, caractérisées par la couleur blanche – названия предметов белого цвета;

– S2 свободное пространство, пустое место;

– S3 добела, дочиста.

Исследуемая семантика представлена в фразеологических моделях, в которых в качестве ядерной семы выступает компонент семемы «белый».

Перейдем к описанию исследованных фразеологизмов.

Проанализируем следующий пример [1*]:

Blanc comme la neige – Белый как снег (фразеологическое единство).

Фразеологическое значение представлено в изменённом виде. Оно выражено сравнением, которое формирует целостное фразеологическое значение «похожий на белый; цвета, схожего с цветом другого объекта», обусловленного его семантическими компонентами, а именно, дифференциальной семой *peige*: «цвета, соседнего с белым». Актуальное значение ФЕ идиоматично, оно мотивировано первичным словесным компонентом, выбран признак «белый и чистый».

Ecrire noir sur blanc- *Писать чёрным по белому* (чёрными чернилами на белой бумаге) [1*]. Писать официально, ясно, очевидные вещи, нельзя ошибиться. Здесь можно отметить частичную мотивацию, условную членимость, частичную идиоматичность. Мы полностью разделяем мнение А.Э. Черниковой, что в данном случае мы имеем дело с фразеологическим единством.

Un jour marqué d'une pierre blanche [4*].

В древние времена судьи выставляли белый камень в знак невиновности, и, наоборот, чёрный камень в знак осуждения. Белый камень с выгравированным именем служил «пригласительным билетом» на пир. В тибетской философии белый камень представлял позитивные умыслы в отличие от чёрного с негативными мыслями.

В дальнейшем белые камни озаменовывали счастливые, удачные события в календаре.

По этим когнитивным причинам префразеологический концепт предполагает актуализацию признака компонента «белый», эксплицирует его, что приводит к образованию ФЕ. В результате фразеосемантической деривации дифференциальная сема, которая имела в свободном употреблении лексемы «blanc» и которая обозначала «светлый», переосмысливается: этот существенный признак выводится из поля зрения, приобретает новый смысл. Когнитивная операция определяет имплицитный смысл дифференциальной семы «необычный». Следовательно, вслед за Н.Н. Болдыревым мы можем судить о семантической деривации, образовании нового смысла на концептуальном уровне [9, с.48]. Значение мотивировано составляющими фразеологизм компонентами. Происходит подавление первичного значения значимого слова, что приводит к образованию нового значения [10, с.135]. Отсюда актуализируется производное значение «знаменательный день».

В последующих примерах [2*]:

ФЕ Дифференциальная сема

arme blanche – белое оружие металлический

nuît blanche – бессонная ночь пустой

salle blanche – операционная чистый

vers blancs- проза необычный

voix blanche- бесцветный голос безрезультатный

vote blanc- воздержавшийся пустой

blanc de blanc – белое вино из белого винограда светлый

Фразеосемантические параметры фразеологических единств с семантическим компонентом «белый» имеют частичную мотивацию; условную членимость; частичную степень идиоматичности; фразеологическое значение представлено в изменённом виде.

По-другому дело обстоит с фразеологическими сращениями, где фразеологическое значение растворяется в семантической структуре тесно спаянных между собой семантических компонентов. При наличии «затемненной» мотивации, отсутствии членимости, значительной степени выраженности идиоматичности, имплицитном фразеологическом значении речь идет о фразеологическом сращении [11, с.227].

le blanc bec – молокосос, желторотый птенец

Семантика идиомы переосмыслена полностью.

sortir blanc – выйти сухим из воды

Остановимся на другом конкретном примере: *Faire choux blanc*. ФЕ репрезентирует следующую концептуальную характеристику: *ne pas réussir comme on l'espérait* – не оправдать ожидания, остаться ни с чем. Дифференциальный признак «пустой, безрезультатный» реализуется в данной ФЕ, поскольку он является значимым для коммуникации. Полного соответствия между русской и французской пословицами нет; поскольку их исходная дефиниция, лексико-грамматическая структура, внутренняя форма неодинаковы – мы можем судить об отсутствии взаимной импликации. Иллокутивная сила состоит в том, что, не выражая прямо идею инварианта, ФЕ двух языков содержат её имплицитно, имеют разные интерпретанты, но высказываемая интенция совпадает. Они обе имеют инвариант (инференцию, выводной знак у Н.Н. Болдырева), активизирующий имплицитный смысл (*крах усилий, полная неудача, промах, просчёт*), представляющий ситуацию объективного мира, которая непосредственно не передаётся выражением *Faire choux blanc*.

Следовательно, изначально установка у двух народов отлична. Этнос – интерпретатор использует номинативные средства – атомарное словосочетание другой ситуации объективного мира, интерпретируя ситуацию соответствующим образом, вызывая её переосмысление и преобразование из атомарного словосочетания в фразеолоксему. Присутствие интерпретатора наделяет знак субъективностью, который оформляется в коннотат знака. Через призму этой взаимосвязи мы и получаем семантически осложнённый инвариант. Мы принимаем точку зрения А.Э. Черниковой о том, что степень выраженности мотивации в ФЕ обратно пропорциональна идиоматичности и прямо пропорциональна членимости, фразеологическое значение эксплицитно при полной мотивированности (ФЕ) и имплицитно при отсутствии мотивации (фразеологическое сращение).

Однако идея инварианта представлена по-разному во фразе в ФЕ и фразеологических сращениях: в первом случае она является элементом фразеологического значения, а во втором – компонентом лексического значения высоко идиоматичного сращения. данный инвариант нередко имплицитен в силу концептуальной интеграции и высокой степени спаянности семантических компонентов.

Что касается семантического объёма (интенционала) понятия «blanc», то он включает как позитивную характеристику объектов (светлый, ясный, понятный, счастливый, невинный, правдивый, позитивный), так и негативную (пустой, безрезультативный, бесцветный). Во всех них содержится инвариант абстрактных сущностей – одного небольшого частного признака цвета какой-либо вещи и самой этой вещи.

Вслед за А.Э. Черниковой мы подходим к пониманию, что если степень эксплицитности семантики «белый» является высокой или пониженной, то, в большинстве случаев, речь идет об образовании ФЕ. Если степень имплицитности семантики «белый» низкая или высокая, то в данном случае мы имеем дело с ориентацией процесса фразеологизации в направлении фразеологических сращений.

В ходе исследования установлено, что полное тождество эксплицитных и имплицитных смыслов встречается чрезвычайно редко. Чаще одни и те же явления быта и окружающей действительности порождают разные ассоциации (имеют разные установки, интерпретанты), осмысливаются с разных сторон. В этом видятся разные концептуальные признаки, которые становятся основой стереотипизированных выражений с сугубо национальным отношением к миру носителей той или иной культуры, а также

отражаются процессы мировидения и миропонимания в разных лингвокультурных сообществах.

Отсюда допустимо заключить, что смысловое значение, передаваемое при переводе, является неким полем переkreщивания имплицитных смыслов потенциально существующих в данных языках, один из которых или более совпадает. Однако, пройдя через призму культуры носителя языка, он преломляется и находит свойственное ему выражение.

Литература

1. Поляничук О.Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов (на материале французского языка) // ВЕСТНИК ВГУ Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. №2. С. 47–50.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 628-630 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
4. Моррис Ч. Основания теории знаков. В кн.: Семантика. М.: 1983. С. 37-89.
5. Кириллова Н.Н. Основы идиоэтнической фразеологии романских языков. автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Ленинград, 1991. 30 с.
6. Поляничук О.Б. Динамика соотношения типов языковых значений в производных словах, развивающих многозначность // ВЕСТНИК ВГУ Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №3. С. 44–50.
7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1987. 200 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: Учебное пособие / В.В. Виноградов. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
9. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка. // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV/ Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Тамбов: Ин-т языкознания РАН/ Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.
10. Ириханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
11. Черникова А.Э. Особенности процесса фразеологической деривации на базе семантического компонента «природа» во французском языке. дис. ... на соиск. науч. степ. канд. фил. наук. Воронеж, 2017. с.372.

Список словарей

- 1** Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Рус.яз. – Медиа, 2005.
- 2** A.Rey, S.Chantreau. Dictionnaire des expressions et locutions. DICOROBERT, Ine., Montréal, Canada, 1993.
- 3** Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française/P.Robert, A.Rey- Debove, - Paris: Dictionnaires Le Robert, 2004. XXXI+2949 p.
- 4** Le Petit Larousse illustre en couleurs, 2002, Paris: Librairie Larousse, - 1790 p.; ill.

SEMANTIC UPDATING OF COLORONIM «BLANC» IN FRENCH PHRASEOLOGY

E. A. Malakhova
Voronezh State University

Abstract. A phraseological unit is a universal element of cognitive patterns. It reflects the properties and qualities of objects and phenomena, presenting their meanings as a whole image at the highest level of abstraction. The process of understanding the concepts is influenced at an unconscious level of thinking by the interpretations based on the cultural and historical experience of ethno-linguistic entity. As a result, words as components of a phraseological unit lose their semantic autonomy and separate meanings. The meaning of each component appears to be integrated into the meaning of a phraseological unit. The paper analyses the model of semantic derivations in phraseological expressions with the component «white», structures the unit, studies the nature of semantic changes in it, as well as presents features of semantic components of phrases, which pertain to the formation of idiomatic meaning.

The paper proves that there is no full compliance between Russian and French phraseological units because of their origin, their lexico-grammatical structure and internal forms which are different. While translating phraseological units their meanings overlap and bring about hidden implications in both languages, with one or more meaning being the same.

Key words: phraseological units, ideomaticism, phraseology, intention, interpreting, atomic expressions, implication

Малахова Елена Анатольевна,
преподаватель,
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (999) 403 5535
e-mail: t_olina@mail.ru

Elena A. Malakhova
teacher
Voronezh State University
mobile: +7 (999) 403 5535
e-mail: t_olina@mail.ru

УДК 372.881.1

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (НА ПРИМЕРЕ GOOGLE ARTS & CULTURE)

Матвеева О.Ю.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Аннотация. В статье описан дидактический потенциал использования приложений дополненной реальности в обучении иностранным языкам, а также даны краткие характеристики некоторых из них. Автор отмечает, какими дидактическими свойствами и функциями обладает приложение Google Arts & Culture и даёт рекомендации по отдельным способам применения на практике данной онлайн-платформы. Исследование во многом имеет прикладной характер и будет полезно преподавателям иностранных языков, интересующихся возможностями использования современных цифровых технологий в учебных целях.

Ключевые слова: дополненная реальность, цифровые технологии, мобильные приложения, Google Arts & Culture

Переход на онлайн-обучение в связи с введением режима самоизоляции потребовал от преподавателей внесения изменений в привычную организацию работы и взаимодействие с обучающимися. Возникла необходимость в поиске новых методик, инструментов, позволяющих сделать обучение максимально эффективным.

Участники педагогического онлайн-сообщества *teachers. land*, в качестве одного из перспективных цифровых инструментов для использования в сфере обучения назвали дополненную реальность [1, с.69]. Это одна из новейших технологий, которая на сегодняшний день активно используется не только в маркетинге, рекламе, сфере развлечений, инженерии, медицине, но и всё чаще преподаватели ищут пути применения данной технологии в учебных целях.

Суть дополненной реальности состоит в совмещении компьютерно-сгенерированной информации с объектами окружающей действительности [2, с.1]. Одним из достоинств данной технологии является высококачественная визуализация, позволяющая с помощью 3D-моделей, схем, симуляций проиллюстрировать, сделать более понятными сложные научные понятия и явления. Благодаря этому качеству дополненную реальность прежде всего стали применять в преподавании дисциплин естественно-научного цикла. Она также активно задействована в просветительской деятельности музеев всего мира для предоставления посетителям информации по отдельным экспонатам, для выполнения роли виртуального гида. В последние годы появляется всё больше научных исследований, посвящённых описанию возможностей использования технологии дополненной реальности в преподавании иностранных языков [3; 4; 5].

К преимуществам дополненной реальности в сфере образования следует отнести:

- 1) усиление мотивации и внимания обучающихся;
- 2) создание позитивной обстановки на занятии;
- 3) повышение эффективности учебного процесса;
- 4) контекстуализация обучения за счёт усиления связей между объектами окружающей среды и цифровыми учебными материалами;
- 5) предоставление возможностей для взаимодействия между студентами, обучающимися и преподавателем;
- 6) гибкость: возможность выполнения заданий, когда и где удобно;
- 7) возможность применения методов проблемного обучения;
- 8) развитие креативных навыков;
- 9) учёт индивидуальных особенностей обучающихся;
- 10) возможности проведения групповой работы, сотрудничества в реализации совместных проектов;
- 11) разработка заданий разнообразных форматов [6, с.1069].

На сегодняшний день существует довольно широкий выбор приложений дополненной реальности, которые могут быть задействованы для целей обучения: Wikitude, BlippAr, ARCore и ARKit позволяют разрабатывать собственные учебные приложения с использованием дополненной реальности; в приложении Metaverse преподаватель может создавать интерактивные опросы, викторины (quiz) для того, чтобы представить новый материал, проверить усвоение пройденного, осуществить формирующий контроль. Он может как сам разрабатывать задания, так и применять, при необходимости видоизменяя, многочисленные интерактивные тесты, представленные на сайте Metaverse Studio.

Компания Google также предлагает целый ряд сервисов и приложений дополненной реальности. Помимо вышеупомянутой платформы ARCore, предназначенной для разработки приложений дополненной реальности, элементы данной технологии уже

присутствуют в камере мобильных устройств (AR in the Pixel camera), картах Google (Live View Beta in Google Maps), приложении Google translate, которое при переключении в режим дополненной реальности предоставляет перевод текста, на который направлена камера телефона.

С образовательными целями были созданы сайт и приложение Google Arts & Culture, посвящённые искусству и культуре. Они бесплатны, очень просты в использовании, приложение работает как в операционной системе iOS, так и в Android. Единственная сложность, которая может возникнуть при работе с ними, связана с большим разнообразием представленных здесь материалов, а также различных инструментов, игр, викторин, заданий, в которых трудно быстро разобраться из-за большого объёма и неоднородности. Google Arts & Culture даёт возможность ознакомиться с шедеврами мировой живописи, памятниками архитектуры, посетить экспозиции 2000 музеев, стать участниками виртуальных выставок, увидеть достопримечательности разных городов и стран, не выходя из дома. В разделе «виртуальный тур» (virtual gallery tour) любой может пройтись по залам Британского музея, прогуляться по этажам французского Национального собрания или оказаться на сцене прославленной Оперы Гарнье. Специально для Google Arts & Culture создаются панорамные видео на английском, французском и других языках, повествующие о разных вехах развития человеческой культуры и её памятниках. Приложение позволяет воспользоваться несколькими инструментами дополненной реальности:

1) Art Selfie: «в ответ» на фото пользователя предоставляется целый ряд портретов похожих на него людей, выполненных художниками самых разных эпох с краткой информацией об авторе, произведении и галерее, где выставлен оригинал;

2) Art Transfer: сделанное на камеру мобильного устройства фото преобразуется, копируя стиль и манеру конкретного художника, создавая новый оригинальный арт-объект;

3) Pocket Gallery даёт возможность прогуляться по залам виртуальной галереи и рассмотреть в деталях шедевры мировой живописи;

4) Color Palette находит произведения искусства по заданной пользователем цветовой гамме.

Эти инструменты дополненной реальности носят игровой характер, дают пользователю возможность познакомиться с мировыми шедеврами живописи и скульптуры, стимулируют интерес и побуждают искать более подробную информацию о привлечённом внимании авторе и произведении в других разделах сайта или приложения.

Каким дидактическим потенциалом обладает Google Arts & Culture? С.В. Титова выделяет ряд дидактических свойств, характеризующих цифровые технологии [7, с.34]. Рассмотрим, как эти свойства проявляются в приложении Google Arts & Culture. Как и для других современных технологий, для данного приложения характерны:

– мультимедийность: учебные материалы представлены здесь в формате текстов, изображений, традиционных и панорамных видео, 3D-моделей;

– интерактивность: Google Arts & Culture даёт студентам возможность взаимодействия с учебным материалом (путём выбора интересующей информации, её анализа и обработки, творческого преобразования) и друг с другом в ходе осуществления совместной деятельности;

– нелинейность подачи информации, то есть её предоставление с учётом личностных и когнитивных особенностей студентов, также достижима при использовании Google Arts & Culture;

– информационность приложения достигается благодаря мгновенному переходу «от одного типа учебной информации к другому», а также возможности «неоднократно возвращаться к пройденному материалу» [там же, с. 45];

– геймификация осуществляется за счёт предлагаемых пользователю разнообразных игр, а также инструментов дополненной реальности, стимулирующих его интерес к миру культуры и искусства.

На занятиях по иностранному языку приложение Google Arts & Culture может использоваться для развития:

– умений аудирования при просмотре видео репортажей, небольших фильмов, как в традиционном, так и в панорамном формате;

– навыков интенсивного и экстенсивного чтения;

– письменных и устных речевых умений при подготовке и представлении совместных или индивидуальных проектов, созданных благодаря работе с аутентичными материалами, представленными на базе данного ресурса.

Google Arts & Culture позволяет учитывать индивидуальные особенности обучающихся: они могут самостоятельно выбирать тематику проектов, отбирать информацию на своё усмотрение, регулировать объём материала.

Приложение способствует формированию и развитию социокультурной компетенции, оно идеально подходит для работы со студентами, чьи специальности связаны с культуроведением, социологией, историей.

В Google Arts & Culture не предусмотрены инструменты, позволяющие осуществлять контроль результатов, давать обратную связь, осуществлять само- или взаимооценку обучающихся. Тем не менее, наш опыт организации виртуальных туров, а также выполнения заданий с использованием инструментов дополненной реальности Art Selfie и Art Transfer на занятиях по французскому языку со студентами разных специальностей магистратуры МГУ имени М.В. Ломоносова свидетельствует о высоком энтузиазме обучающихся. Они отмечают, что Google Arts & Culture «вносит краски в обычный рассказ, развивает интерес и кругозор».

Материалы на Google Arts & Culture представлены на английском, испанском, итальянском, немецком, французском и других языках. Здесь рассказывают о достопримечательностях, культурных объектах, традициях и обычаях 80 стран. Таким образом, вне зависимости от преподаваемого или изучаемого языка, в приложении можно найти оригинальные полезные материалы.

Приведём некоторые задания, которые могут выполняться с использованием Google Arts & Culture на занятиях по иностранному языку:

1. Виртуальные туры по объектам культуры, проводимые студентами. При подготовке данного проекта развиваются устно-речевые умения, а также умения ознакомительного и критического видов чтения (при отборе и подготовке информации).

2. Студент играет роль куратора и готовит аннотации по каждому экспонату для выставки определенной тематики. Она может быть составлена не только из произведений искусства, но и предметов быта, иллюстрирующих ту или иную эпоху или историческое событие. Выполнение задания способствует развитию умений письма.

3. Просмотр и обсуждение интервью со специалистами в области культуры, представителями артистической среды, а также молодёжных субкультур служит для развития умений аудирования и говорения.

4. При работе с инструментами дополненной реальности, представленными в приложении (Pocket Gallery, Art Transfer, Art Selfie), можно попросить студентов выбрать

одно из предлагаемых произведений искусства и устно или письменно объяснить, почему именно оно привлекло внимание, описать свои впечатления, рассказать об авторе и т.д. Задание направлено на развитие умений письма и говорения.

Б. Коттрелл, преподаватель испанского языка, рекомендует опробовать на Google Arts & Culture следующие виды заданий [8]:

1. Посещение онлайн-выставок, которые затрагивают острые социальные вопросы. Проведение дискуссий по следам увиденного, написание эссе.

2. Составление собственных коллекций из объектов культуры по определённой тематике: одежда, предметы интерьера, еда, средства передвижения и т.д. Это способствует более долговременному запоминанию лексики за счёт визуализации и выстраивания ассоциативных связей.

3. Письмо с вопросами или обращением к персонажу просмотренной онлайн-выставки или герою интервью, видеосюжета, представленного на данном ресурсе.

Итак, приложение Google Arts & Culture, несмотря на определённые недостатки (отсутствие инструментов контроля, самооценивания), позволяет преподавателям создавать разнообразные типы заданий для развития всех видов речевой деятельности. Кроме того, оно способствует формированию умений по работе с информацией, обучению в сотрудничестве, осуществлению проектной деятельности, проявлению творческих способностей студентов.

На наш взгляд, приложение Google Arts & Culture имеет большой дидактический потенциал. Каждый преподаватель сможет найти эффективные способы его применения на онлайн и традиционных занятиях по иностранному языку, что положительно скажется не только на академических результатах обучающихся, но и на росте их мотивации и интереса к культуре стран изучаемого языка.

Литература

1. Авраменко А.П. Мобильные технологии в руках российских школьников: панacea или приговор? // Иностранные языки в школе. М.: Просвещение, 2020. № 9. С.66-73.

2. Santos, M.E.C., Lübke, A., Taketomi, T. et al. Augmented reality as multimedia: the case for situated vocabulary learning // RPTTEL. 2016. Vol. 11, No. 4. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s41039-016-0028-2> (дата обращения: 14.01.2021).

3. Семенова Г.В. Использование преимуществ технологии дополненной реальности в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Том 5. Выпуск 1. С. 128-133. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_2686-8725_2020_1_23.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

4. Saidin, N., Abd Halim, N., Yahaya, N. A Review of Research on Augmented Reality in Education: advantages and applications // International Education Studies. 2015. Vol. 8, No. 13. P. 1 – 8. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/ies/article/view/50356> (дата обращения: 14.01.2021).

5. Zhang, Sh. Augmented Reality in Foreign Language Education: A Review of Empirical Studies // Journal of Technology and Chinese Language Teaching. 2018. Vol. 9, No. 2. P. 116 – 133. URL: <http://www.tclt.us/journal/2018v9n2/zhangsl.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

6. Solak, E., Cakir, R. Investigating the Role of Augmented Reality Technology in the Language Classroom // Croatian Journal of Education. 2016. Vol. 18, No. 4. Pp. 1067-1085. URL: <https://cje2.ufzg.hr/ojs/index.php/CJOE/article/view/1729> (дата обращения: 11.01.2021).

7. Титова С.В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика: учебное пособие. М.: Эдитус, 2017. 248 с.

8. Cottrell, B. Google Arts and Culture in World Language Classrooms // The FLTMag: a free magazine on technology integration in language teaching and learning. 2020. URL: <https://fltmag.com/google-arts-and-culture-in-world-language-classrooms/> (дата обращения: 14.01.2021).

USING AUGMENTED REALITY APPLICATIONS IN LANGUAGE CLASSROOM (GOOGLE ARTS & CULTURE)

Olga Yu. Matveeva
Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article describes the didactic potential of augmented reality applications in foreign language learning and teaching and briefly describes some of them. The author points out the didactic features and functions of Google Arts & Culture and provides recommendations for some possible applications of this online platform in language classroom. The research is of a practical nature and will be helpful for language teachers interested in using modern digital technologies for educational purposes.

Key words: augmented reality, digital technologies, mobile applications, Google Arts & Culture

Матвеева Ольга Юрьевна,
аспирант 3 года обучения кафедры теории
преподавания иностранных языков факультета
иностраннных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: olgaumatveeva@gmail.com

Olga Yu. Matveeva
PhD student, faculty of foreign
languages and area studies
Lomonosov Moscow State University
e-mail: olgaumatveeva@gmail.com

УДК 81.22

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА: РОССИЙСКО- ФРАНЦУЗСКИЙ КОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ СЕМИОТИКИ¹

Меркулова И.Г.
Международный центр семиотики и диалога культур
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва

Аннотация. На основе личного опыта ученого-семиотика и переводчика мы касаемся некоторых спорных когнитивных вопросов перевода научных произведений российских и французских семиотиков: Юрий Лотман, *Культура и взрыв*, Лимож, 2004 ; Альгирдас Жюльен Греймас, Жак Фонтаний, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва, 2007/2015. Мы рассматриваем возможные варианты передачи таких понятий, как «взрыв» и «непредсказуемость» (explosion, imprévisibilité : Лотман), «эйфория – дисфо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

рия – фория » и «страх тени соперника » (phobie, ombraie: Греймас и Фонтань). Ввиду того, что некоторые термины были впервые введены в научный обиход и не имеют аналога в иностранных языках, их перевод на русский обсуждался с одним из авторов, семиотиком Жаком Фонтаньем. Выбранные примеры показывают, как терминология автора научного произведения трансформируется в ином культурном контексте в случае перевода на другой язык. Переводчик стремится к максимально точной передаче научного концепта, от поиска близких эквивалентов до создания неологизмов.

Ключевые слова: семиотика, семиосфера, страсть, непредсказуемость, взрыв, фория, франкофония, русофония

Семиотика обычно понимается как наука о знаках, коммуникативных системах и возникновении значения. В когнитивном аспекте ее также принято рассматривать как общую теорию познания, связывающую проблемы репрезентации, структуру восприятия, субъективность и интерсубъективность. Чтобы понять связь между семиотикой и феноменом перевода, мы предлагаем обратиться к размышлениям отечественных и зарубежных представителей этой науки.

В работе «Культура и взрыв» выдающийся семиотик и один из создателей Московско-Тартуской семиотической школы Юрий Михайлович Лотман отмечал, что «сама природа интеллектуального акта может быть описана в терминах перевода, определение значения – перевод с одного языка на другой, причем внеязыковая реальность мыслится так же, как некоторый язык» [1, с. 17]. Другими словами, акт перевода – и есть «первый акт обозначения», вещи «обозначают» именно благодаря этому внутренне присущему им акту. Мысль Лотмана резюмирует современный итальянский семиотик Паоло Фаббри, многолетний друг и коллега семиолога и писателя Умберто Эко. Последний отмечает, что, согласно Пирсу, значение того или иного знака – это знак, в который его нужно перевести. По словам Эко, Фаббри соглашается с тем, что речь идет о метафоре, но предлагает принимать ее всерьез. Он, «несомненно, хочет сказать, что принцип перевода – краеугольный камень семиозиса и что поэтому всякая интерпретация есть прежде всего перевод» [2, с.373; 3, с.275].

Эко посвящает проблеме перевода отдельную книгу – «Сказать почти то же самое» (*Dire quasi la stessa cosa*), и анализирует проблему с нескольких точек зрения: как писатель, чьи книги переводятся на разные языки, и как ученый-семиотик, для которого перевод и семиозис неразрывно связаны. Ссылаясь на известную статью Романа Якобсона «Linguistic Aspects of Translation», где впервые было предложено выделить три типа перевода – *интралингвистический* (внутриязыковой, или пересказ), *интерлингвистический* (с одного языка на другой) и *интерсемиотический* (*трансмутация*, интерпретация вербальных знаков посредством невербальных, например, перевод сказки в балет), итальянский семиотик отмечает, что в раздел «пересказ» или «переформулировка» попадает множество типов интерпретации, поэтому легко впасть в искушение отождествить всю совокупность семиозиса с постоянной операцией перевода.

Однако связь перевода и процесса возникновения значения глубже, чем сравнение перевода с понятием интерпретации. Если в терминах Московско-Тартуской семиотической школы перевод – «основной механизм сознания», элементарный акт мышления, то элементарным механизмом перевода будет диалог. Диалог подразумевает асимметрию, которая выражается, «во-первых, в различии семиотической структуры (языка) участников диалога и, во-вторых, в попеременной направленности сообщений». Однако для возможности диалога необходимо еще одно условие: речь идет о взаимной заинтересованности участников ситуации в сообщении и способности «преодолеть

неизбежные семиотические барьеры» [1, с. 268]. Именно асимметрия разных языков лежит в основе разработанной Лотманом концепции *семиосферы*, с центром (наиболее развитыми и структурными языками), периферией (местом инноваций и «чужих» языков) и границей (механизмом перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», трансформации «внешнего» во «внутреннее»).

Разнообразие языков и культур и их частичная неперевоаемость – это не преграда, а необходимое условие для понимания нами экстра-семиотической реальности, о чем в предисловии к французскому изданию книги Лотмана «Культура и взрыв» пишет Жак Фонтаний – семиотик, ученик и соавтор основателя Парижской семиотической школы Альгирдаса Жюльена Греймаса:

Lotman retourne en somme entièrement le thème cratylien : la pluralité des langues et des cultures, et leur intraductibilité réciproque et partielle, ne sont pas des obstacles à la référence et à la saisie du monde extra-sémiotique, mais leurs conditions mêmes. [4, с. 13]

Размышление о роли перевода в ходе возникновения значения приводит Жака Фонтаня к следующим выводам об этапах становления семиотической науки в XX-м веке: переход от принципа *коммуникации* как основы семиотики 1960-х («порождающий путь»: А.Ж. Греймас) к принципу *перевода и переформулирования* в последующие десятилетия (Московско-Тартуская школа: Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Т.М. Николаева, Т.В. Цивьян и др.), и далее, в наше время – к принципу *отражения значащих форм на материальной основе* (речь идет о терминах «тело», «смысл» и «отпечаток» в книге 2011 г. «Тело и смысл»):

Dans les années soixante, le principe de pertinence de la sémiotique européenne était celui de la communication : il n'y avait de signification observable et descriptible que communiquée, au cours de l'échange social ; plus tard, [...] le principe de pertinence est devenu celui du parcours génératif, qui fournissait un cadre opératoire à un principe plus général, celui de la paraphrase et de la reformulation en métalangage: il n'y a de signification observable que dans l'activité de reformulation. [...] A titre d'hypothèse, pour des recherches ultérieures, un nouveau principe de pertinence se dessine donc ici, celui de l'inscription de formes signifiantes dans un substrat matériel; selon ce principe, il n'y a de signification observable que si des corps gardent les traces d'interactions avec d'autres corps [5, с. 178].

Если мы теперь обратимся к собственно процессу перевода семиотических работ и его когнитивным аспектам, то вопрос будет заключаться в распространении научной мысли в ином культурном ареале, при указанной Лотманом способности преодолевать семиотические барьеры. По словам уже процитированного нами Умберто Эко, качественный перевод – передача не слова, а мира автора. Следовательно, чтобы разработать теорию перевода, необходимо не только проанализировать многочисленные примеры, но также иметь опыт работы по трем направлениям: проверять переводы других переводчиков, самому переводить литературный текст и быть переведенным на другой язык. Еще лучше – быть переведенным на другой язык *в сотрудничестве со своим переводчиком* (с точки зрения когнитивной семиотики воображение выступает здесь источником восприятия). Переводчик научного произведения сталкивается с подобным опытом работы, и его деятельность можно было бы определить фразой, выбранной для названия книги Эко: *Сказать почти то же самое*.

Мы касаемся некоторых спорных вопросов, с которыми встретились во время перевода научных произведений российских и французских авторов – семиотиков: Юрий Лотман, *Культура и взрыв*, Лимож, 2004 ; Альгирдас Жюльен Греймас, Жак Фонтаний, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, Москва, 2007 (2015 - 2е изд.).

В частности, мы анализируем возможные варианты передачи таких понятий, как «взрыв» и «непредсказуемость» (Лотман), «эйфория – дисфория – фория» и «страх тени соперника» (Греймас и Фонтаний). Поскольку некоторые термины (например, *phorie* – фория) были впервые введены учеными в научный обиход и не имеют аналога в иностранных языках, их перевод на русский обсуждался с одним из авторов, руководителем нашей диссертации, семиотиком и лингвистом Ж. Фонтанием.

Центральное понятие исследования Юрия Лотмана «Культура и взрыв» – **непредсказуемость**. В главе «Момент непредсказуемости» он представляет момент взрыва как момент непредсказуемости. По его мнению, непредсказуемость не следует понимать как безграничные и ничем не определенные возможности перехода из одного состояния в другое: «всякий раз, когда мы говорим о непредсказуемости, мы имеем в виду определенный набор равновероятностных возможностей, из которых реализуется только одна» [1, с. 108]. Во французском переводе мы выбрали термин «непредвиденность» (*l'imprévisibilité, le moment de l'imprévisibilité*). Выбор объясняется тем, что прямая передача понятия – «то, что нельзя предсказать» – во французском языке имела бы эквивалент «*l'imprédictibilité*», термин технический и редко используемый. Предложенный нами французский вариант – «то, что нельзя предвидеть» – соответствует общей концепции автора о вероятности реализации только одной из возможностей развития в процессе культурного взрыва – кризиса:

Le moment de l'explosion est le moment de l'imprévisibilité. Il ne faut pas comprendre celle-ci comme un ensemble de possibilités illimitées et indéfinies de passer d'un état à un autre. Chaque moment de l'explosion a son propre assortiment de possibilités équivalentes de passer à l'état suivant, en dehors duquel se situent des changements notoirement impossibles. (...) Chaque fois que nous parlons de l'imprévisibilité, nous pensons à un assortiment déterminé de possibilités équivalentes dont une seule sera réalisée. [6, с. 161]

В работе А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания «Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души» (A.J. Greimas, J. Fontanille, *Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme*) мы столкнулись с двумя наиболее сложными для передачи на русский язык терминами: «*phorie*» и «*ombrage*» [7, с.16, с.196].

Прежде всего рассмотрим триаду «эйфория – дисфория – фория». В русском языке используются два термина: «эйфория» (положительное состояние) и «дисфория» (отрицательное). Исследуя психологические основы человеческих страстей, авторы исследования вводят в оригинальный текст несуществующее во французском языке слово греческого происхождения «*phorie*», которое они трактуют как прототип, основу для эйфории и дисфории, т.е. понятие, содержащее в себе положительный и отрицательный элемент одновременно: «*Ce n'est plus le monde naturel qui vient vers le sujet, mais le sujet qui se proclame maître du monde, son signifié, et le réorganise figurativement à sa façon*» [7, с. 19].

В русском переводе нами был предложен термин-эквивалент «фория», отсутствующий в русском языке, но который русский читатель способен понять, оперируя понятиями «эйфория» и «дисфория».

Область страстей, выстраиваемая форией (как ожидающим проявления предусловием), компенсируется областью эстетической, а последняя, в свою очередь, основывается на возможности – ожидании или ностальгии – возвращения к форицеской протенсивности, к недифференцированному миру, понимаемому как предусловие всякого значения. [8, с.41]

Одна из центральных глав части «Семиотики страстей», посвященной ревности, называется «*L'ombrage*». Это используемый, в основном, в специальной научной литературе (медицина, сельское хозяйство) термин, обозначающий «страх собственной тени»

(l'ombre). В семио-антропологическом контексте данной работы мы предложили ввести на русском языке выражение «**страх тени соперника**». Данный вариант наиболее точно передает идею авторов: ревнивец (ревнивый человек) боится несуществующего соперника, т.е. видит везде его тень: «une crainte d'être éclipsé» [7, с. 196]. Сам же термин «соперник» (*le rival*) использован авторами уже непосредственно в тексте главы.

Страх тени соперника – это «смутное чувство недоверия», «боязнь, что кто-то затмит или заслонит вас своей тенью». Своеобразие этого чувства проявляется особенно ярко, когда его сравнивают с состязанием или завистью. От зависти остается немного, так как объект возвращается на задний план, а желание больше не выражено. Что касается состязания, то страх тени соперника переворачивает структуру последнего: вместо того, чтобы стремиться превзойти и затмить другого, субъект боится быть обойденным или отойти в тень. Иными словами, если состязание предполагает превосходство соперника, то смутное чувство страха страшится этого превосходства. [8, с.204]

В целом, направление семиотики страстей – замечательная почва для изучения диалога между дисциплинами, относящимися к области гуманитарных и социальных наук. Как отмечает Жак Фонтаний, у философии семиотика страстей заимствует типологию страстей, а у психоанализа – свои основные гипотезы: во-первых, аффект и страсть не могут быть изучены без «воплощения» теоретических устройств (образ тела), а вторых, данные феномены выражают напряжение, силу и давление на тело говорящего субъекта [9, с. 146]. Поэтому в переводе на русский язык особое внимание уделялось еще одному «прото-термину» - категории «тенсивности», или напряженности. Сами авторы «Семиотики страстей» объясняют тенсивность как возможное описание сил и напряжений, представленных внутри фории как интенсивность или экстенсивность.

В качестве заключения можно сказать, что данные примеры показывают, как терминология автора научного произведения трансформируется в ином культурном контексте в случае перевода на другой язык (русский - французский, французский - русский). Переводчик стремится к максимально точной передаче научного концепта, от поиска близких эквивалентов до создания неологизмов. По словам итальянского семиотика поколения 2000-х Клаудио Паолуччи, этот процесс перевода является частью общей семиотической модели когнитивной интеграции [10, с. 63].

Российско-французский опыт перевода научных произведений является неотъемлемой частью концепций франкофонии и русофонии, поддерживающих лингвистическое разнообразие. В России и Франции сегодня отмечается большой взаимный интерес к национальным семиотическим теориям. Диалог двух стран направлен на выявление точек соприкосновения семиотических школ и на анализ конкретных семиотических систем с помощью разных, но дополняющих друг друга подходов.

Литература

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004.
2. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Перевод с ит. А. Ковалю. М.: АСТ: Corpus, 2015.
3. Eco U. Dire presque la même chose. Expériences de traduction. Trad. de l'italien par M. Bouzaher. Paris : Grasset, 2006.
4. Fontanille J. Préface // Lotman J. L'explosion et la culture. Trad. du russe par I. Merkoulova, révision et préface de J. Fontanille. Limoges : Pulim, 2004.

5. Fontanille J. Corps et sens. Paris : P.U.F., Formes sémiotiques, 2011.
6. Lotman J. L'explosion et la culture. Trad. du russe par I. Merkoulova, révision et préface de J. Fontanille. Limoges : Pulim, 2004.
7. Greimas A.J., Fontanille J. Sémiotique des passions. Des états de choses aux états d'âme. Paris : Seuil, 1991.
8. Греймас А.Ж., Фонтанний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. Перевод с фр. И.Г. Меркуловой, предисловие Кл. Зильберберга. М.: ЛКИ-УРСС, 2007 (2е изд. 2015).
9. Fontanille J. La sémiotique des passions à l'intersection des sciences humaines // Иванов Вяч. Вс. (отв. ред.), Меркулова И.Г. (ред., перев.) Современная семиотика и гуманитарные науки. La sémiotique contemporaine et les sciences humaines. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.Ж. Греймаса и выходу на русский язык книги А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанния «Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души» (Москва, 30 августа – 1 сентября 2007 г.). М.: ЯСК, 2010. С. 127-151.
10. Paolucci C. Cognitive Semiotics. Integrating Signs, Minds, Meaning and Cognition. Berlin : Springer, 2021.

SCIENTIFIC TEXT TRANSLATION STRATEGIES: RUSSIAN-FRENCH COGNITIVE EXPERIENCE IN THE FIELD OF SEMIOTICS

Inna G. Merkoulova
International Center for Semiotics and Intercultural Dialogue
State Academic University for the Humanities, Moscow

Abstract. Based on our personal experience as a semiotician and translator, we touch upon some controversial cognitive issues of translating scientific works of Russian and French semioticians: Yuri Lotman, *Culture and Explosion*, Limoges, 2004; Algirdas Julien Greimas, Jacques Fontanille, *The Semiotics of Passions: From States of Affairs to States of Feeling*, Moscow, 2007/2015. We are considering possible options for conveying such concepts as «explosion» and «unpredictability» (explosion, imprévisibilité: Lotman), «euphoria - dysphoria – phoria» and «fear of the opponent's shadow» (phorie, ombrage: Greimas and Fontanille). Due to the fact that some terms were first introduced into scientific use and have no analogue in foreign languages, their translation into Russian was discussed with one of the authors, the semiotician Jacques Fontanille. The selected examples show how the terminology of the author of a scientific work is transformed in a different cultural context in the case of translation into another language. The translator strives for the most accurate transfer of the scientific concept, from the search for close equivalents to the creation of neologisms.

Key words: semiotics, semiosphere, passion, unpredictability, explosion, phoria, Francophonie, Russophonie

Меркулова Инна Геннадьевна,
Доцент, руководитель Международного
центра семиотики и диалога культур
Государственный академический
университет гуманитарных наук, Москва
тел.: +7 (499) 238 2350
e-mail: igmerkuloва@gauagn.ru

Inna G. Merkoulova
Associate Professor, Director of the
International Center for Semiotics and
Intercultural Dialogue
State Academic University for the
Humanities, Moscow
mobile: +7 (499) 238 2350
e-mail: igmerkuloва@gauagn.ru

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Мокрова М.А.

Поршнева Е.Р.

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Аннотация. В статье освещаются традиционные подходы к организации лингвистического сопровождения заседаний и мероприятий в международных организациях, таких как ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО и т.д., а также особое внимание уделяется изменениям рабочего процесса, вызванным дистанционным форматом его проведения в условиях пандемии. В соответствии с новыми правилами в организации лингвистического сопровождения международных мероприятий появились новые проблемы и возможности. В статье представлены подходы к организации «дистантного» перевода и новые технические требования к оборудованию и оснащению.

Ключевые слова: устный перевод, синхронный перевод, удаленный перевод, переводчик

Профессия переводчика предполагает умение адаптироваться к различным внешним условиям, в том числе и непрогнозируемым трудностям, несмотря на которые переводчик должен безукоризненно выполнять свои обязанности. Одной из основных проблем, которая появилась в работе международных организаций в 2020 году в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, стал переход на «удалённый» вид работы, когда их деятельность начала осуществляется при помощи компьютерных средств связи, таких как: ZOOM, Skype, Microsoft Teams и др. Несмотря на новые условия, от переводчиков по-прежнему требовалось выполнять свои функции, даже без специального оборудования. В данной связи интерес вызывают особенности работы переводчиков и сотрудников лингвистических служб в новых условиях. Данная задача является важной с позиций методики подготовки переводчиков для международных организаций.

Целью данной обзорной статьи является выявить особенности работы лингвистических служб в международных организациях на примере ООН и осветить особенности реорганизации рабочего процесса в условиях пандемии. Особое внимание уделяется преимуществам и недостаткам «удалённой работы», а также платформам для осуществления RSI (Remote Simultaneous Interpreting – удалённого синхронного перевода).

Материалом для изучения послужили публикации на сайте ООН [1], посвященные описанию работы лингвистических служб и мнениям различных переводчиков по поводу организации «удалённой» формы работы (Вероник Вандеганс, Адриан Дельгадо, Лана Айяд, Мартин Пиклс [2]), а также личные блоги переводчиков (Наталья Федоренкова [3]). Один из возникающих в связи с данной темой вопросов связан с дальнейшими перспективами работы в «онлайн-режиме»: имеет ли он шансы задержаться на рынке перевода как более экономичный и комфортный для переводчиков?

Охарактеризуем деятельность лингвистических служб в международной организации на примере ООН. Штатные и приглашенные переводчики ООН работают в службах письменного перевода Департамента по делам Генеральной Ассамблеи и конференционного управления, а также в службах устного перевода. В задачи письменных

переводчиков входит подготовка документации для заседаний органов ООН на всех шести официальных языках (английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский), что представляет собой достаточные сложности: документы охватывают целый круг технических, научных, социальных, экономических, политических и правовых вопросов, каждый из которых предполагает частотное использование стандартизированных терминов. Разработка соответствующих терминологических баз данных также является обязанностью лингвистических служб.

Официальная терминология собирается в многоязычной базе данных ЮНТЕРМ, что во многом упрощает работу переводчиков, так как доступ к ней является открытым. Открытыми являются и другие сервисы, доступные переводчикам, в частности:

- полный унифицированный набор сетевых лингвистических инструментов и справочных материалов gText (программа, автоматически находящая ранее переведенные сегменты текста, распознающая термины и выполняющая машинный перевод);
- новые приложения eLUNa (electronic Languages of the United Nations);
- параллельный корпус ООН, позволяющий получить доступ к официальным отчетам заседаниям органов ООН [1].

Открытый доступ к перечисленным платформам позволяет переводчику воспользоваться базой данных для выполнения переводческого задания из любой точки мира. Однако в случае устного перевода возникают значительные технические трудности, так как специалист должен находиться «на месте», т.е. непосредственно на мероприятии, и осуществлять последовательный или синхронный перевод. Как известно, участники совещаний и конференций имеют право выступать на любом из 6 официальных языков ООН. Их выступления синхронно переводятся на остальные пять языков устными переводчиками, которые переводят на свой основной язык, за исключением переводчиков с основным китайским и арабским языками, которые переводят как со своего основного языка, так и на него. Устный переводчик в среднем работает на семи-восьми трехчасовых заседаниях в неделю. Перевод осуществляется в группах по двое или по трое, где напарники сменяют друг друга каждые 20–30 минут. Подобные меры принимаются для сохранения качества перевода.

Особенностью синхронного перевода является то, что переводчики работают со специальным оборудованием: в изолированных кабинках с наушниками и микрофоном, что позволяет им полностью сконцентрироваться на переводе, не отвлекаться на внешние раздражители и беспрепятственно получать сигнал. По причине пандемии все официальные заседания были перенесены в виртуальное пространство, и перед специалистами встала проблема доступа к кабинетам и оборудованию, решать которую им необходимо было самостоятельно.

Рассмотрим особенности организации рабочего процесса по лингвистическому сопровождению международных мероприятий в условиях пандемии. Выходом из сложившейся ситуации стали различные специальные самостоятельные и интегрируемые платформы, снабженные необходимым инструментарием: отдельными аудио- и видеоканалами связи, кнопками «передачи» микрофона, возможностью переключать входящие сигналы. Ниже приведен список зарекомендовавших себя платформ для устного/синхронного перевода: KUDO, INTERPREFY, VOICEBOXER, INTERACTIO, SPEAKUS, VERSPEAK, ZOOM, QuaQua, Ablioconference, Rafiki, Webswitcher.

Охарактеризуем принцип работы данной event-площадки и одновременно платформы для удаленного синхронного перевода на примере «INTERPREFY», которая предоставляет различный интерфейс для участников конференции и для переводчиков.

В версии для переводчиков к выбору доступны несколько входящих и выходящих сигнала (языки, с которых и на которые идет перевод), что позволяет использовать и функцию «реле». Одной из основных особенностей является функция «handover», имитирующая передачу слова своему коллеге, ситуация, вызывающая сложность у неопытных переводчиков. Необходимо незаметно передать слово своему напарнику так, чтобы в переводе не было слышно пауз или заминок. Осуществить идеальную смену, не имея возможности видеть своего коллегу рядом, помогает автоматическая функция «оповещения»: при нажатии на кнопку активным переводчиком его напарнику отправляется запрос на смену, на который пассивный переводчик должен ответить положительно в течение 15 секунд нажатием на соответствующую кнопку. После чего у активного переводчика запускается обратный отсчет на 60 секунд, за время которого специалист должен найти момент для передачи смены. Подобный механизм реализован для тех ситуаций, когда нет возможности невербально подать знак своему коллеге.

Несмотря на данную возможность, вроде бы способствующую улучшению работы переводчика-синхрониста, переводчик-синхронист Наталья Федоренкова отмечает [4], что необходимость нажатия дополнительных кнопок только отвлекает переводчика и усложняет процесс перевода. Гораздо удобнее, если напарник выражает готовность взять слово простым сообщением в предоставляемом отдельном чате для переводчиков. Иными словами, предложенный платформой способ является излишне сложным.

В то же время, некоторые платформы не вообще обеспечивают необходимый минимум возможностей для синхронного перевода. Так, в программе ZOOM в версии «interpretation» (перевод) отсутствует отдельный голосовой поток для переводчиков, в результате чего коллеги не могут слышать друг друга и осуществлять как контроль качества работы напарника, так и передачу смены.

Разработчики стремятся облегчить работу синхронных переводчиков, а без созданных ими платформ осуществлять такое лингвистическое сопровождение было бы и во все невозможно. К сожалению, заметно, что многим площадкам не хватает некоторых крайне важных функций, которые нужны синхронисту для качественной работы.

Если теперь попытаться обобщить особенности осуществления устного перевода в современных условиях, то можно выделить некоторые преимущества и недостатки «удаленной работы». В качестве несомненных плюсов работы онлайн можно выделить возможность гибкого графика работы, благодаря которому у переводчика нет необходимости переезда к месту работы. Кроме того, появляется возможность принимать заказы из любой страны мира, как и работать из любой географической точки. В реалиях прошлых времен необходимо было потратить большое количество средств на организацию мероприятия, а также на трансфер участников и переводчиков. При удаленной работе ни временных, ни денежных затрат на проезд не происходит, что позволяет переводчику выполнять большее количество заказов. Это, в свою очередь, свидетельствует о еще одном преимуществе работы удаленно: возможности трудоустройства фриланс и самостоятельного планирования заработка. Следует отметить как положительный и психологический аспект: работа дома, за привычным рабочим столом, позволяет лично проконтролировать обустройство рабочего места, провести настройку оборудования, тем самым, минимизировать стресс.

К сожалению, «удаленная» работа также связана и со значительными трудностями. Недостатки в устном переводе в данных условиях могут быть обусловлены несколькими моментами:

– *отвлекающие факторы*: в отличие от звукоизолированной кабины, обычная комната или домашний офис пропускает все внешние звуки, в результате чего переводчик рискует отвлечься и прослушать сказанное. Возможна и другая ситуация: звуки, окружающие синхрониста, попадают в микрофон и слышны всем участникам, пользующимся услугами этого специалиста. В специальной же кабине переводчик защищен от любых внешних вмешательств;

– *качество связи*: слабый уровень сети вызывает помехи, зависание голоса с обеих сторон, вследствие чего переводчик рискует прослушать спикера или не суметь адекватно передать смысл. В подобной ситуации под вопрос становится осуществление всего мероприятия в целом. Коллега должен взять слово себе, однако нельзя утверждать, что подобное не произойдет и с ним. Основная проблема заключается в том, что предсказать проблемы с качеством соединения нельзя, равно как и оперативно решить их своими силами;

– *«домашний» рабочий режим*: работа в привычной обстановке неизбежно вызывает потерю концентрации и ослабление внимания;

– *слабая визуализация процесса*: в отличие от работы непосредственно в помещении, где проводится конференция или заседание, переводчик видит лишь экран своего компьютера и может не видеть своего спикера или напарника. Отсутствие изображения, элементов невербальной коммуникации, может осложнить переводчику ориентацию в ситуации;

– *аппаратное и программное обеспечение*: как уже отмечалось выше, устным переводчиком в условиях дистанционной работы приходится самостоятельно устанавливать различные программы и платформы, и их настройка может представлять некоторую сложность. Кроме этого, переводчику необходимо обеспечить себя качественными наушниками и микрофоном с вебкамерой, а также иметь сотовый телефон для дополнительного звонка в случае отсутствия голосового чата.

Завершая рассмотрение вопроса об особенностях осуществления устного перевода в условиях удаленной работы, можно заключить, что переводчики, как и люди многих других профессий, в период пандемии смогли приспособиться к новым формам работы, пусть и с определенными условностями. Очевидно, что важные конференции и заседания, по всей видимости, вернуться к прежней форме проведения, так как технические неполадки и отсутствие личного контакта во многом сказываются на качестве работы всех участников мероприятий. С другой стороны, экономичность и территориальная независимость, проявившиеся в пандемию, оказались привлекательны для организаторов мероприятий, а гибкий график и возможность фриланса – для переводчиков. Именно поэтому представляется обоснованным полагать, что многие международные мероприятия будут проводиться онлайн и впредь, как такой формат, удобен обеим сторонам: и организаторам, и переводчикам.

Литература

1. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/dgacm/ru/content/gText> (дата обращения: 10.12.2020).

2. Устный перевод в ООН во времена пандемии // Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/portraits-un-interpreters-adapt-new-work-modes-during-covid-19> (дата обращения: 11.12.2020).

3. Вебинар о влиянии эпидемии на переводческий бизнес // TranslationRating [Электронный ресурс]. URL: <https://translationrating.ru/covid-webinar/> (дата обращения: 10.12.2020).

4. AWATERA [Электронный ресурс]. URL: <https://awatera.com/news/kak-izmenilas-zhizn-ustnyh-perevodchikov-iz-za-pandemii/> (дата обращения: 11.12.2020).

5. TRANSLATIONrating [Электронный ресурс]. URL: <https://translationrating.ru/remote-interpreting-platforms-2020/> (дата обращения: 10.12.2020).

PROBLEMS OF ORGANIZING THE TRANSLATION PROCESS IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS DURING A PANDEMIC

Maria A. Mokrova

Elena R. Porshneva

Nizhny Novgorod State Linguistics University after N.A. Dobrolubov
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Abstract. The paper discusses traditional approaches to linguistic support of interpreting activities in high-rank international bodies, such as UN, OSCE, UNESCO, etc. as well as new ones which have come into the forefront in connection with COVID-19 pandemic. It claims that there appeared new forms of conference interpreting, bringing about new possibilities for translators. However, the remote format of sessions and talks has brought about new problems, too. The author describes characteristic features of remote simultaneous interpreting, pertaining to organizational and technological aspects of interpretation.

Keywords: conference interpreting, simultaneous interpreting, remote simultaneous interpreting, translator

Мокрова Мария Алексеевна,

Студентка магистратуры «Методика подготовки переводчиков для международных организаций Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
тел.: +7 (904) 060 5630
e-mail: mokrova23@mail.ru

Поршнева Елена Рафаэлевна,

Доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики французского языка и перевода переводческого факультета, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород, Российская Федерация)
тел.: +7 (920) 251 7469
e-mail: eporshneva@gmail.com

Maria A. Mokrova

student of the MA Methods of Translators Training for International Organizations Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
mobile: +7 (904) 060 5630
e-mail: mokrova23@mail.ru

Elena R. Porshneva

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of French Language and Translation, Translation Faculty, Nizhny Novgorod State Linguistics University after N.A. Dobrolubov (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
mobile: +7 (920) 251 7469
e-mail: eporshneva@gmail.com

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «МОРЕ» В РАМКАХ ОБРАЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Полянчук О.Б.

Моторина Д.С.

Воронежский государственный университет

Аннотация. в статье представлен концепт «море» как фрагмент языкового сознания человека и как компонент культурно-национального сознания. Производится попытка описания способа вербализации концепта «море» во французском языке, который представлен лексическими единицами, входящими в лексико-семантическое поле «море» французского языка.

Ключевые слова: концепт; когнитивная лингвистика; репрезентация концепта; образная картина мира; лексико-семантическое поле; лексическая единица; наивная картина мира

Начиная с последних десятилетий XX века и до настоящего времени изучение культурных особенностей нации через их отражение в языке представляется одной из актуальных задач современной лингвистики. Язык осознается как репрезентант ментальных структур, конструирующий национально-культурную картину мира, так как именно в единицах языка воплощаются результаты человеческого познания. На передний план выходит изучение проблем, связанных с языковой концептуализацией мира, описание этого процесса. В центре внимания когнитивной лингвистики оказывается язык. Язык является общим когнитивным механизмом и инструментом репрезентации и трансформации информации. Структуры языка совместно с когнитивными структурами как проявлением языковой формы имеют явные корреляции. В пределах данного направления мы рассматриваем концепт как когнитивную структуру. Ученые Е.С. Кубрякова, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин изучали концепт как лингвокогнитивное явление.

Целью настоящей статьи является представление способов вербализации стилистического концепта «море» средствами французского языка, раскрытие специфики представления концепта в сознании носителей языка. Данная цель определяет постановку следующих **задач**:

- Ознакомиться со следующими понятиями: «концепт», «языковая картина мира», «метафора». Проследить их связь с когнитивной лингвистикой;
- Рассмотреть некоторые теоретические положения исследования языковой картины мира;
- Выявить и проанализировать основные способы вербализации концепта «море» во французском языке;
- Провести концептуальный анализ понятия «море»;
- Показать возможность вербализации концепта «море» с помощью анализа лексико-семантического поля.

Актуальность исследования обусловлена изучением современными учеными-лингвистами корреляционных связей между языком и мышлением, а также языковой картины мира и концептов, которые ее структурируют, проявления в языке специфических черт национального менталитета.

Материал данного исследования составили лексические единицы, репрезентующие концепт «море», в картине мира носителей французского языка, которые были исследованы нами по словарям: «*Trésor de la langue française; Dictionnaire Larousse; Grand Larousse de la langue française; Dictionnaires des associations verbales du Français; Dictionnaire vivant de la langue française (DVLF); Dictionnaire Electronique des Synonymes (DES)*» [2**, 3**, 4**].

Основными **методами** исследования являются: метод научного описания, метод сопоставительного анализа, метод концептуального анализа.

Когнитивная лингвистика возникла в 80-е годы XX столетия. При этом основы для ее развития были заложены еще в XIX веке. Одной из целей когнитивной лингвистики является объяснение языковых явлений с учетом того, что язык выражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами. Данное направление было разработано в трудах известных ученых России: Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, Г.С. Воркачева, А.А. Залевской, А.Е. Кибрика, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, В.А. Плунгян, З.Д. Поповой, Е.В. Рахилиной, И.А. Стернина, Р.М. Фрумкиной, Л.О. Чернейко и др.

Язык – социальный феномен. В то же время мы рассматриваем его как часть культуры. Без языка общение не представляется возможным. Каждый человек использует язык «по-своему», чтобы выразить свое индивидуальное и уникальное, но нельзя отрицать дух общности в языке. Именно язык связывает человека с обществом, в действительности являясь посредником между окружающей нас действительностью и мышлением. «Языковая картина мира – совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа. Представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений. Оно заложено в системных значениях слов» [11, с.44]. Под структурными компонентами языковой картины мира (далее – ЯКМ) мы понимаем языковые единицы, которые, вербализуя концепты и репрезентируя их, служат посредниками между человеком и внешним миром.

Таким образом, исследование специфики национальной ЯКМ разных народов позволяет выявить особенности сознания и мышления носителей определенного языка, которые проявляются вербально.

Перейдем к рассмотрению понятия «концепт». В современной лингвистике данное понятие справедливо можно отнести к одному из главенствующих. По мнению Е.С. Кубряковой, «концепт является оперативным подразделением памяти, ментальным лексиконом, концептуальной основой и языком мозга, всей картины мира, квантом знаний. Наиболее важные понятия выражаются в языке» [8, с.90].

Широта концепта определяется богатством культуры, национальным опытом людей и личным опытом человека. Концепт рождается только на основании опыта определенного этноса и только в его сознании.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт динамичен, он всегда находится как в индивидуальном развитии, так и по отношению к другим концептам. Рождаясь в нашем сознании как образ, концепт стремится к абстракции. Постепенно развиваясь и приобретая определенные признаки, концепт становится чувственным образом, а затем – собственно мыслительным.

Вербализировать концепт могут прежде всего номинативные языковые единицы: лексемы, фразеологические сочетания, свободные словосочетания, предложения. В числе репрезентантов концепта называют также тексты и текстовые совокупности. По способам вербализации бывают фразеологические, синтаксические и лексические

концепты. Последние в большей степени интересуют исследователей-лингвистов. При этом, отметим важность семантики грамматической формы концепта. Ученые полагают, что именно в данной форме закреплены и отражены концепты, свойственные языку. Несомненно, это первостепенно для человеческой психики.

Именно лексическое значение находится в основе способности лексемы быть репрезентантом концепта. Однако в современной лингвистике принято считать, что «концепт» шире «понятия», что подтверждает наличие иерархической структуры между ними. «Ни слово, ни вся совокупность речевых средств, репрезентирующих концепт в языке и текстах, не дают полной картины концепта. Поэтому в лингвистических исследованиях корректнее говорить о вербальной репрезентации концепта» [3, с.57].

Концепт может быть выстроен в пределах полевой модели. Её структурой будет являться: образ, информационное содержание и интерпретационное поле в качестве базового структурного элемента концепта. Образный элемент концепта включает:

- перцептивный образ – зрительные, звуковые, вкусовые, обонятельные и тактильные ощущения;

- когнитивный образ – образное осмысление предмета.

Согласно полевому подходу, в структуре концепта выделяются ядро и периферия. Ядерными компонентами выступают образ и информационная сторона, а периферийным – интерпретационная составляющая. При этом периферийный компонент может в некоторых условиях переходить в центральную ядерную или околядерную зоны.

Ученые-лингвисты представляют следующую модель концепта: «ядро (под «ядром» мы понимаем конкретно-чувственный образ) или содержание понятия, которое определяется по словарной дефиниции имени концепта. Вокруг ядра расположены абстрактные признаки, производные от более конкретных ядерных. Поскольку концепт – многомерная интегрирующая категория, в ней помимо структурных элементов выделяют три основных составляющих: понятийную, значимостную и образную, а также специфическую ценностнооценочную. Последняя составляющая характерна для оценочных лингвокультурных концептов. Образная составляющая определяет семантику культурного концепта. Поскольку настоящая работа посвящена изучению лингвокультурного концепта «море», представляется важным обратить особое внимание на образную составляющую концепта и метафору как средство исследования данной составляющей» [14].

Результаты исследований в области изучения метафоры убедительно свидетельствуют о том, что справедливо говорить о метафоре как «концептуальном феномене, особой форме познания человеком окружающего мира. Метафора, в первую очередь, – когнитивный феномен, аспект процесса мышления человека. В основе когнитивной теории метафоры лежит положение, согласно которому в сознании существуют глубинные структурные отношения между различными понятиями, что и объясняет ту легкость, с которой создаются и воспринимаются метафоры» [11, с.387–415].

«Любое явление или вещь, отражающаяся в сознании, принадлежит какой-либо концептуальной сфере. Чтобы реализовать концепт вербальными средствами, мы учитываем следующий факт: номинациями отдельного концепта выступают многочисленные реализации, представляющие собой концептосферу языка. В концептосфере языка представлено многогранное видение указанных языковых проявлений. Лексико-семантическое поле (ЛСП) может являться примером вербализации концепта. Как известно, под лексико-семантическим полем мы подразумеваем иерархическую структуру множества лексических единиц. Все единицы, которые

входят в состав лексико-семантического поля, объединены общейемой. Они являются рефлексией в языке определенного фрагмента действительности. Основной функцией ЛСП является соответствующая презентация отдельного фрагмента реальности, определяемого номинацией самого поля и его понятийным содержанием» [2].

«Компонентами лексико-семантического поля являются: словообразовательное гнездо, лексико-семантическая группа. Они формируют представление о лексике как о языковой системе. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) является элементом ЛСП. ЛСГ является моделью для изучения языковой картины мира. Кроме этого, это модель для познания межуровневых отношений в языке, также – это комплексная репрезентация структурных отношений в лексической системе языка. Иерархические отношения, выстроенные в ЛСГ, организуют языковые единицы, вербализующие концепт, следующим образом: ядерные, центральные, периферийные. Как известно, в состав ЛСГ входят лексические единицы, представляющие одну часть речи. В рамках ЛСГ выделяются также микропарадигмы, объединяющие единицы, связанные более тесным образом» [2].

Для изучения репрезентации концепта и специфики его вербализации, мы считаем необходимым провести семантический анализ его главного репрезентанта. Основным репрезентантом концепта «*море*» / “*mer*” во французском языке является слово «*море*»/ “*mer*”. Оно представляет собой ядро ЛСП «*море*» / “*mer*”, которое отражает все формальные признаки и особенности концепта на лексико-семантическом уровне.

Лексема “*mer*” произошла от лат. “*mare, -maris n*” (море), и позже перешла в старофранцузский язык. Согласно информации из этимологических источников, во французском языке слово “*mer*” в 1050 году уже имело современное значение: “*vaste étendue d’eau salée*”. / обширное пространство солёной воды.

Рассмотрим определение основной лексемы-репрезентанта концепта «море» в толковом словаре французского языка *Dictionnaire Larousse*. Представим результат в таблице.

Таблица 1. Семантема «море»

<p><i>Mer</i> nom féminin (latin <i>mare</i>) / <i>Море</i> Суц., ж.р. (от лат. <i>mare</i>)</p>	<p>«<i>Ensemble des eaux océaniques, communiquant entre elles et ayant le même niveau de base</i>» [4]. / Множество океанических вод, сообщающихся друг с другом и имеющих одинаковый базовый уровень.</p>
	<p>«<i>Division de l’océan mondial définie du point de vue hydrographique (limites continentales ou insulaires) et hydrologique (température, salinité, courants)</i>» [4]. / Разделение Мирового океана определённое с точки зрения гидрографического (континентальные или островные границы) и гидрологического (температура, солёность, течения).</p>
	<p>«<i>Bord de mer, région, ville côtières, plages, etc., considérés du point de vue des résidences, des loisirs, des activités qui y ont trait, etc. (Ex.: Aller à la mer pour les vacances.)</i>» [4]. / Пляж, регион, прибрежный город, пляжи и т. д. рассматриваемые с точки зрения резиденций, отдыха, связанных с ними мероприятий и т. д. (Пример: Поехать на море на каникулы.)</p>
	<p>«<i>Eau de la mer, de l’océan. (Ex.: La mer est chaude, froide.)</i>» [4]. / Вода морская, океанская. (Пример: море теплое, холодное.)</p>
	<p>«<i>Grande quantité de liquide répandu. (Ex.: Une mer de sang.)</i>» [4]. / Большое количество пролитой жидкости (Пример: море крови.)</p>

	<p>«Littéraire. Vaste étendue, vaste superficie. (Ex.: Une mer de sable.)» [4]. / Необъятный простор, необъятная площадь. (Пример: море песка.)</p> <p>«Astronomie. Sur la Lune, vaste étendue plane, sombre, constituée de roche basique et généralement bordée de montagnes» [4]. / Астрономия. На Луне – обширное, плоское, темное пространство, состоящее из основной породы и обычно ограниченное горами.</p>
--	--

Согласно результатам исследования, в толковом словаре определение концепта «море» имеет следующие свойства: “ensemble des eaux océaniques” / «множество океанических вод», “division de l’océan mondial” / «разделение Мирового океана», “bord de mer” / «пляж», “région” / «регион», “ville côtières” / «прибрежный город», “plages” / «пляжи», “eau” / «вода», “grande quantité de liquid répandu” / «большое количество пролитой жидкости», “vaste étendue, vaste superficie” / «необъятный простор, необъятная площадь».

Определения лексемы «море» в словаре свидетельствует о многозначности этого слова, которая закреплена в существовании ряда лексико–семантических вариантов (ЛСВ). Таким образом, можно сказать, что слово «море» имеет прямое значение “Vaste étendue d’eau salée qui couvre une grande partie de la surface du globe.” / «Обширное пространство соленой воды, которая охватывает большую часть поверхности земного шара». Ряд ЛСВ являются результатами метафорического переноса, закрепившегося в процессе осмысления этого концепта во французской лингвокультуре. Данный факт показывает высокий уровень семантической аттракции концепта «море» носителями французского языка.

В настоящее время концепт «море» получил всестороннее осмысление в рамках французской языковой картины мира, о чем свидетельствует множество устойчивых словосочетаний с лексемой «море». Обратимся к французскому энциклопедическому словарю *Dictionnaire Larousse*: *Au-delà des mers, de l’autre côté de l’océan très loin / За морем, через океан очень далеко; Ce n’est pas la mer à boire, cela n’offre pas une telle difficulté (familier) / Не море пить, это не представляет такой трудности (разг.); En mer, loin du rivage; au cours de la navigation en mer / В море, вдали от берега; во время морского плавания; Par mer, par voie de mer, par bateau / По морю; Par mer et par terre, en de nombreux lieux, partout dans le monde / По морю и по суше, во многих местах, по всему миру.*

На значимость концепта «море» также указывает наличие разных форм его вербализации в разных сферах жизни носителей французского языка:

Droit / Законодательство.

Droit de la mer; ensemble des règles internationales, applicables aux espaces maritimes, et relatives à la souveraineté, la navigation et l’utilisation économique des eaux et des fonds marins. / Морское право – свод международных правил, применимых к морским районам и касающийся суверенитета, судоходства и экономического использования воды и морского дна.

Mer fermée, mer qui n’a qu’un seul État riverain et qui communique avec la mer libre par un détroit dominé par cet État. / Замкнутое море – море, имеющее только одно прибрежное государство и сообщающееся со открытым морем через пролив, в котором доминирует это государство.

Mer intérieure, mer bordée par un seul et même État et considérée comme faisant partie de son territoire. / Внутреннее море – море, граничащее с единым государством и считающееся частью его территории.

Mer nationale, synonyme de eaux intérieures. / Национальное море – синоним внутренних вод.

Mer territoriale, synonyme de eaux territoriales. / Территориальное море, синоним территориальных вод.

Hydrologie / Гидрология.

Mer continentale ou intercontinentale, mer profonde séparée de l'océan par des seuils ou des détroits. (Elle est individualisée par l'isolement, le cloisonnement par des seuils, l'existence de circuits autonomes, la variété des bilans hydrologiques et l'élévation de la température de fond.) / Континентальное или межконтинентальное море – глубокое море, отделенное от океана порогами или проливами. (Оно индивидуализировано изоляцией, разделением пороговыми значениями, наличием автономных цепей, разнообразием гидрологических балансов и повышением температуры дна.)

Mer fermée, lac de grandes dimensions (Caspienne, Aral, etc.). / Закрытое море, озеро больших размеров (Каспийское, Аральское и др.).

Mer intérieure, mer ne communiquant avec l'océan que par une autre mer. / Внутреннее море – море, которое сообщается с океаном только через другое море.

Militaire / военная служба.

Armée de mer, ensemble des navires et des formations aériennes et terrestres relevant de la marine militaire. / Военно-морской флот, все корабли и воздушные и сухопутные соединения военного флота.

Pathologie / Патология

Mal de mer, malaise causé par les oscillations d'un bateau, variété de mal des transports. / Морская болезнь – недомогание, вызванное колебаниями лодки, разновидность «укачивания».

Marine / Флот

Coup de mer, lame qui vient se briser contre le bord d'un bateau et déferle par-dessus celui-ci. / Шквал, клинок, который разбивается о борт лодки и переваливается через него.

Prendre la mer, commencer la navigation, quitter le mouillage. / Выйти в море, начать плавание, покинуть якорную стоянку.

Носители французского языка часто используют не только лексику «море», но и её синонимы. Синонимы, закреплённые в толковом словаре *Dictionnaire Larousse*:

1. “*Ensemble des eaux océaniques, communiquant entre elles et*” [4]... *syn.: eaux (poétique) – océan.* / Множество океанических вод, сообщающихся друг с другом и ... *син.: вода (поэтич.) – океан.*

2. *Grande quantité de liquide répandu. syn.: deluge, flots.* / большое количество пролитой жидкости. *син.: наводнение, волны.*

3. *Mer nationale. syn.: eaux intérieures.* / Национальное море. *син.: внутренние воды.*

4. *Mer territorial. syn.: eaux territoriales.* / Территориальное море. *син.: территориальные воды.*

5. *Mer continentale ou intercontinentale. syn.: méditerranée.* / Континентальное или межконтинентальное море. *син.: Средиземное море.*

6. *Mal de mer. syn.: naupathie.* / Морская болезнь. *син.: кинетоз.*

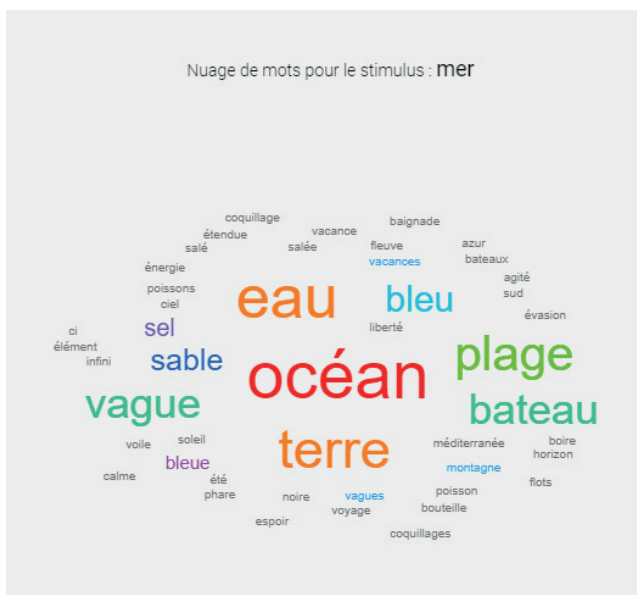
Синонимы, зафиксированные в *Dictionnaire Electronique des Synonymes (DES)*: *flots* / волны, *fourmillement* / мурашки, *grande tasse* / большая чашка, *eaux* / воды, *océan* / океан, *baille* / вода, *fleuve* / река, *fourmilière* / муравейник, *marine* / морской, *multitude* / множество, *onde* / волна, *quantité* / количество, *essaïm / poï*, *tasse* / масса, *abundance* / изобилие, *large* / широкий (открытое море).

Проанализировав особенности ядерной структуры концепта «море», мы выявили, что анализ синонимов лексемы «море» также указывает на значимость концепта «море» для носителей французского языка. Образ моря охватывает многие сферы жизни человека.

В ходе работы с электронным ассоциативным словарем французского языка [2] обнаружены различные реакции носителей французского языка на слово “mer”. Представим их: *océan* 108 (океан); *eau* 56 (вода); *terre* 36 (земля); *plage* 34 (пляж); *bateau* (лодка); *vague* 26 (волна); *bleu* 23 (синий); *sable* 16 (песок); *sel* 12 (соль); *soleil* 10 (Солнце); *montagne* (гора); *vacances* (отпуск); *vagues* 9 (волны); *méditerranée* (Средиземное море); *poisson* (рыба), *salée* 7 (соленая); *infini* 4 (бесконечность); *ciel* (небо); *sud* 3 (Юг); *été* (лето); *évasion* (побег); *fleuve* (река); *horizon* (горизонт); *liberté* (свобода); *noire* (Чёрное море); *phare* (маяк), *voile* (парусный спорт); *voyage* 2 (путешествие); *agité* (беспокойный), *azur* (лазурь); *baignade* (купание); *bateaux* (лодки); *boire* (пить), *bouteille* (бутылка); *calme* (спокойствие); *coquillage* (ракушка); *coquillages* (ракушки); *élément* (стихия), *énergie* (энергия); *espoir* (надежда); *étendue* (протяженность); *flots* (потоки); *gigantesque* (гигантский); *grand* (большой); *grande* (Великое); *grandiose* (грандиозный); *immense* (огромный); *immensité* (необъятность); *iode* (йод); *ivresse* (пьянство); *lac* (озеро); *large* (широкий); *lisse* (гладкий); *littoral* (береговая линия); *manche* (рукав); *mémoire* (память); *Morte* (Мертвое море); *mouettes* (чайки); *mouvement* (движение); *nager* (плавать); *nature* (природа); *naviguer* (плыть); *noir* (тёмный); *ouverte* (открытое море); *plongée* (дайвинг); *poison* (яд); *pollution* (загрязнение); *profondeur* (глубина); *promenade* (прогулка); *refouler* (отпугнуть); *s'évader* (побег); *silence* (тишина); *sol* (почва); *toile* (холст); *turquoise* (бирюзовый); *vaste* (огромный); *vert* 1 (зеленый).

Ассоциативное облако на слово-стимул «mer» будет выглядеть следующим образом (см. рис. 1):

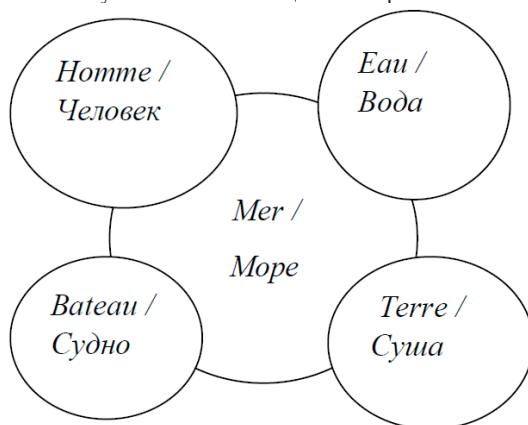
Рисунок 1. Ассоциативное облако на слово-стимул «mer»

Большинство ассоциаций представлены существительными, самое распространённое существительное – *océan 108 /океан*.

Основываясь на проведённом анализе, мы делаем вывод, что в ближнюю периферию концепта «море» входят такие признаки как “*ensemble des eaux océaniques*” / «множество океанических вод», “*division de l’océan mondial*” / «разделение Мирового океана». Дальнюю периферию интересующего нас концепта формируют признаки “*vaste étendue, vaste superficie*” / «необъятный простор, необъятная площадь», “*grande quantité de liquid répandu*” / «большое количество пролитой жидкости». Таким образом, концепт «*la mer*» связан и со смежными концептами, влияющими друг на друга и дополняющими друг друга, образуя концептуальную картину мира, что позволяет представить концепт «море» как совокупность интерферирующих микроконцептов. Данное положение может быть проиллюстрировано следующей схемой (см. рис 2):

Рисунок 2. Схема концепта «море»

Представленная схема демонстрирует связь концепта «море» со смежными концептами. Концепт «*море*» / “*mer*” взаимосвязан со следующими смежными концептами: «человек» / “*homme*”, «вода» / “*eau*”, «суша» / “*terre*”, «судно» / “*bateau*”. Все они, влияя друг на друга, являются компонентами, составляющими концептуальную картину мира, концептосферу.

Концепт «море» и смежные компоненты находятся в интерактивной связи, комплексный характер их отношений образует концептосферу «море».

Установление системных связей является основным в современной науке, однако на уровне лексического анализа может вызывать трудности, поскольку лексическая система любого языка характеризуется открытостью и подвижностью.

ЯКМ реализуется через совокупность компонентов, выраженных вербальными средствами, и является репрезентацией национального восприятия мира, то есть ЯКМ, вербализуя объективный, реальный мир, является репрезентантом концептуальной картины мира.

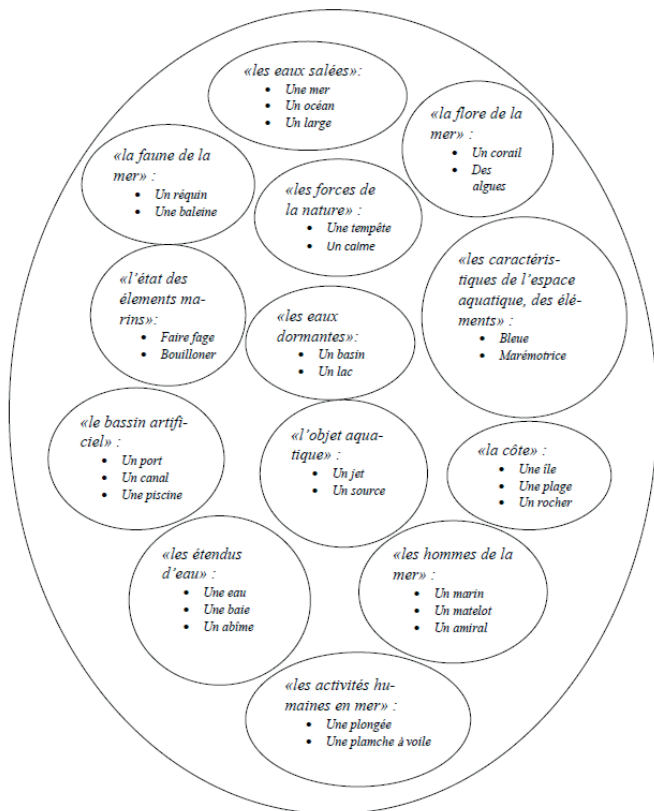
Очевидно, что картина мира должна быть представлена в виде фрагментов (в данном случае, ЛСП), из которых она состоит. ЛСП, в свою очередь, состоит из лексических единиц, отражающих содержательное, понятийное сходство обозначаемых явлений. ЛСП, являясь фрагментом языковой картины мира, репрезентирует единство,

структура которого объединена интегральным признаком, тогда как дифференциальные признаки определяют различия компонентов, наполняющих ядро и периферию поля.

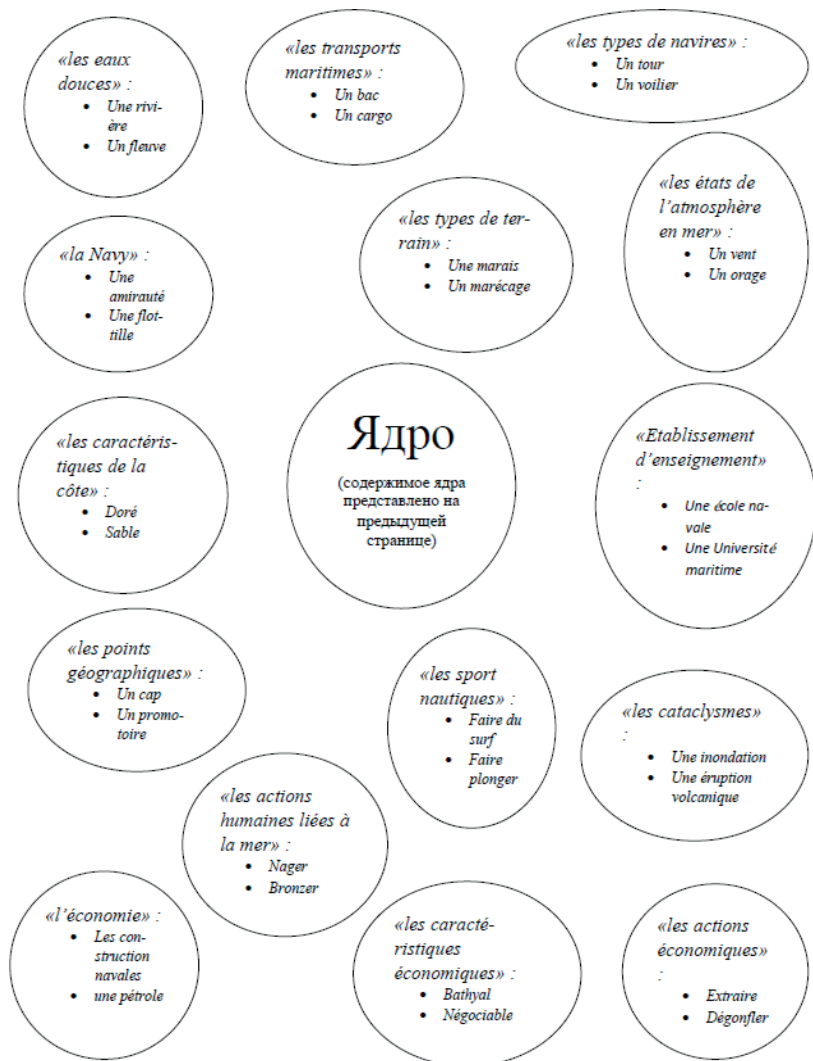
Построение ЛСП проходило в несколько этапов. Первым из них являлся концептуальный анализ. Этот этап представлен выше, и его результатом послужило получение набора лексем, имеющих ассоциативное отношение к лексеме «море». Далее был проведен компонентный анализ каждой лексемы. Затем формировались лексико-семантические группы; рассматривались лексические ряды; рассматривались деривационные ряды; указывалось наличие парадигматических отношений внутри ЛСП. При исследовании ЛСП «море» было выявлено 30 лексико-семантических групп, имеющих свои особенности и различия. Для большинства таких объединений характерно наличие ключевых слов, которые имеют обобщенное значение и составляют центр поля. На периферии же располагаются единицы с более специализированным значением, менее употребительные, входящие в другие семантические объединения.

Выстроенное нами семантическое поле выглядит следующим образом:

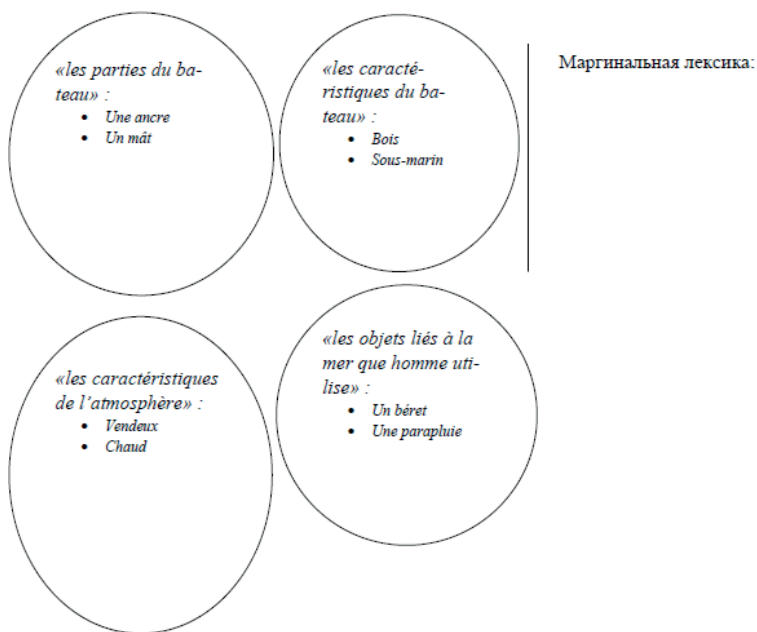
«La mer»

На данной странице представим ядро ЛСП. На данной странице представим ближнюю периферию ЛСП «la mer».

На данной странице представим дальнюю периферию ЛСП «la mer».

Таким образом, концепт «море» является одним из наиболее репрезентативных во французском языке. Как показало исследование, он обладает четкой структурой, которая отражается при его вербализации. Выстроенное нами семантическое поле свидетельствует о наличии такой структуры, которая выражается в наличии целого спектра парадигматических отношений, в частности, ассоциативных, иерархических и отношений оппозиции.

Литература

1. Андрейченко Г.В., Грачева В.Д. Картины мира в культуре человечества. Специфика философской картины мира. [Электронный источник] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Andr/16.php (дата обращения: 07.12.2020).
2. Баклагова Ю. В. Семантическое поле как основная системообразующая единица русского языка // Человек. Язык. Искусство. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МПГУ, 2002. — С. 147–149.
3. Берестнев Г. И. «О новой реальности» языкознания / Г. И. Берестнев // НДВШ. Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 47–
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. Изд: Москва-Берлин, 2016.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1984.-397 с.
6. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) / В.В. Красных // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
7. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. –1993. –№4.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джон-

сон // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

9. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 5-12.

10. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К.: Знания, 2004. – 326 с.

11. Падучева Е. В. Принципы композиционности в неформальной семантике / Е. В. Падучева // Вопр. языкознания. – 1999. – № 5. – С. 3–23.

12. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ, Восток – Запад, 2007. – 315 с.

13. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2000. – 31 с.

14. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л. О. Чернейко // НДВШ. Филолог. науки. – 1995. – № 4. – С. 73–83.

15. Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 266 с.

Список источников примеров

1* Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales <https://www.cnrtl.fr/antonymie/> (дата обращения: 07.12.2020)

Список словарей

1** Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац, Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.

2** Dictionnaires des associations verbales du Français <http://dictaverf.nsu.ru/dictright> (дата обращения: 07.12.2020)

3** Dictionnaire Electronique des Synonymes (DES), <https://crisco2.unicaen.fr/des/> (дата обращения: 07.12.2020)

4** Grand Larousse de la langue française, <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue/> (дата обращения: 07.12.2020)

METHODS OF VERBALIZATION OF THE STYLISTIC CONCEPT «SEA» WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW

Daria S. Motorina
Olga B. Polyanchuk
Voronezh State University

Abstract. The article presents the concept of “sea” as a fragment of the linguistic consciousness of a person and as a component of cultural and national consciousness. An attempt is made to describe the method of verbalization of the concept “sea” in the French language, which is represented by lexical units that are part of the lexical and semantic field “sea” of the French language.

Keywords: concept, cognitive linguistics, concept representation, lexical and semantic field, lexical unit, naive picture of the world, cultural linguistics, linguistic worldview

Моторина Дарья Сергеевна,
Воронежский государственный университет
студентка 4 курса факультета романо-
германской филологии
тел.: +7 (908)130 0827
e-mail: dashulya.motorina@gmail.com

Полянчук Ольга Борисовна,
Доцент кафедры французской филологии
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (960) 101 7490
e-mail: bollona@mail.ru

Daria S. Motorina
Voronezh State University
student of the faculty of
Romance and Germanic Philology
mobile: +7 (908) 130 0827
e-mail: dashulya.motorina@gmail.com

Olga B. Polyanchuk
Voronezh State University
senior lecturer of the Department of
French philology
mobile: +7 (960) 101 7490
e-mail: bollona@mail.ru

УДК 821.133.1Мольер:792(470)

ЧТО НОВОГО В КЛАССИКЕ? «ТАРТЮФ» МОЛЬЕРА НА РУССКОЙ СЦЕНЕ

Музычук Н.А.
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»

Аннотация. В статье дан краткий экскурс в историю постановок пьес Мольера на русской сцене. Основное внимание уделено современным интерпретациям мольеровских пьес, актуальности классического театрального наследия, новым решениям режиссеров, роли сценографии в современных постановках. Отмечается, что, несмотря на различия современных исканий в разных театрах, существует много общего в их поисках отражения насущных потребностей публики. Обращение к классике является одним из них, о чем свидетельствует мольеровский «Тартюф», который востребован как во Франции, так и в России, в том числе и в провинциальных театрах. Современные режиссеры, привлекая внимание в этой пьесе к вопросам о роли религий, влияния внешнего воздействия на людей в обществе, проблеме отцов и детей, продолжают поиски новых сценических решений и способов влияния на публику, особенно на молодую.

Ключевые слова: постановки пьес Мольера, «Тартюф», современный театр, театральные приемы, молодежь и современный театр.

Художественный текст всегда имеет множество интерпретаций. В условиях мультилингвизма и мультикультурализма в современном мире большую роль играют переводческие интерпретации. Но когда речь идет о театре и театральных постановках, особенно в современном театре, чаще имеют место интерпретации режиссерского замысла, трактовки произведения. Даже в XX веке режиссеры редко позволяли себе далеко уходить от оригинального текста. Однако в современных условиях массового отхода от классических образцов с классическим наследием обращаются вольно. В основном, изменения мало касаются текста. Однако, как не сократить огромные монологи в классицистических произведениях? Но что касается сценографии и даже костюмов – тут режиссеры дают волю фантазии. Театральное искусство всегда было наполнено самыми живыми откликами на происходящее в обществе. Классические произведения также всегда интерпретировались в применении к настоящему моменту.

В данной статье мы рассмотрим несколько театральных постановок пьесы Мольера «Тартюф» с целью показать, как адаптируют режиссеры эту классическую пьесу, чтобы зрители могли лучше понять современный мир с его проблемами.

Во Франции Мольер воплощает вечно живую классику. «Дом Мольера» – «Комедии Франсез» – единственный в стране репертуарный театр. Он расположен в центре Парижа, в двух шагах от Лувра, во дворце Пале-Рояль. В этом дворце выступала труппа Мольера. Театр основан в 1680 году декретом короля Людовика XIV. Утвердил современный устав театра Наполеон I, находясь в Москве в 1812г. При театре есть музей, в котором хранятся реликвии, связанные с историей театра, например, кресло, в котором сидел на сцене Мольер. В Доме Мольера были показаны практически все пьесы великого драматурга. Кроме Мольера ставят здесь и зарубежных, в том числе и русских, классиков. Однако, абсолютное большинство постановок идут на французском, причем на литературном французском. Хотя во многих театрах сейчас спектакли ставятся на английском или на экране на сцене дается перевод.

«Мольер в России больше чем Мольер» – назвал свою статью критик Роман Должанский [1, с.13]. В России знакомятся с комедиями Мольера уже в конце XVII века, когда царевна Софья, по преданию, разыграла в своем тереме «Лекаря поневоле». В начале XVIII века пьесы Мольера появляются в репертуаре первых театров. Из дворцовых спектаклей пьесы Мольера переходят в спектакли Первого казенного публичного театра в Петербурге, возглавляемого А.П. Сумароковым. Сумароков был первым в России, кто стал подражать Мольеру.

Особо востребованными были комедии Мольера в 60-е гг. XIX века. Эталонными были постановки на сцене Малого театра в Москве. Комедии Мольера привлекали актеров своим народным юмором, интересом к проблемам любви, брака, семейной жизни. Актеры играли, как принято в эстетике классицизма, персонажей определенного амплуа, преобладающую страсть, разграничивая добродетель и порок, давали типы бойких служанок, резонеров, обманутых мужей, ловких пройдох и т. п.

В XX веке интерес к Мольеру не пропадает. М.А. Булгаков пишет пьесу «Кабала святош» о жизни драматурга. «Кабала Святош» (“Мольер”) идет и сейчас на сцене Театра Сатиры. В Театре имени Ленинского комсомола 1960-х годов шел спектакль Анатолия Эфроса «Мольер». По тем временам спектакль был крамольным и вошел в историю театра и историю свободомыслия. Вошла эта пьеса Михаила Афанасьевича Булгакова и в репертуар Малого театра России.

Русский театр в настоящее время отличается исключительным разнообразием репертуара, но классические пьесы обязательно присутствуют.

Пьесы Мольера – частые постановки в самых разных театрах. Так, Московский Театр сатиры отмечает 95-летие премьерой, сочинив ироничное «театральное баловство» – «Хотим сыграть Мольера». В основе – простой сюжет мольеровского «Мещанина во дворянстве», когда богатый парижский торговец во что бы то ни стало мечтает стать дворянином. Как признается постановщик спектакля А. Ширвиндт, «мы не успеваем все должным образом подготовить: декорации сделаны на 80%, костюмы не все, актриса забеременела. Но все же решили: раз зрители пришли, то пусть идет, как идет, и начинаем якобы играть спектакль, где все время происходят накладки».

«В результате получилась ироничное баловство, или театральный ситком. А поскольку, согласно Мольеру, назначение комедии состоит в том, чтобы развлекать людей, исправляя их, мы решили начать с развлечений, а если удастся заклеить пороки – будем просто счастливы», – написано на сайте театра [2].

На сцене «Сатирикона» Мольер также желанный автор. Константин Райкин сказал в одном из интервью: «Мольер фантастически чувствует театральные законы... Ему ведомо о театре все: как сделать так, чтобы здесь публика затихла, а тут обманулась; как сломать ритм сцены, как придумать, чтобы вдруг стало страшно, а потом очень смешно...» [3].

Красочная постановка вечно актуальной пьесы Мольера «Тартюф» от режиссера Владимира Драгунова осуществлена в Малом театре. Малый театр остается верен себе и своим традициям, представляя классическую комедию в классической постановке.

«Тартюф! Тартюф! Это имя давно уже стало нарицательным. Но, увы, Тартюфы процветают по сей день – в политике, культуре, религии. Как правило, это незаурядные мистификаторы, которые ловко навязывают другим образ жизни, мышления, который им удобен. «... Сохранить независимое восприятие жизни чрезвычайно трудно, – считает режиссер-постановщик спектакля Владимир Драгунов. – Это сложный, но необходимый путь, если хочешь быть человеком мыслящим, а не функцией в изощренной игре очередного Тартюфа. И не стоит возводить на пьедестал людей, какими бы привлекательными они тебе ни казались. Вот обо всем этом мы и сочиняли наш спектакль» [4].

В последнее время режиссеры, привлекая публику, особенно молодых зрителей, ищут для классики новые сценические решения. Больше всего достается в этом плане «Тартюфу». Остроты комедии доказывает, в том числе, и исторический факт: «Тартюф» был первым произведением, которое запрещалось и светскими, и духовными властями одновременно. Однако при этом автор имел поддержку со стороны самого Короля-солнца Людовика XIV. И сейчас, спустя почти четыре века, «Тартюф» находится в репертуаре тысяч театров по всему миру.

В комедии Мольера «Тартюф» затронут широкий круг проблем: взаимоотношения между отцами и детьми, роль религии в светском обществе и многое другое. Оставшийся в истории российского театрального искусства спектакль по этой знаменитой пьесе был поставлен режиссером Юрием Любимовым в 1968 году на сцене Театра на Таганке. Спустя 52 года постановка вернулась на сцену этого московского театра в новом прочтении. Режиссер Юрий Муравицкий переосмыслил традиции французского фарса и поставил на сцене Театра на Таганке яркую буффонаду в духе дель арте, переодев артистов в гротескные костюмы и поместив их в причудливые декорации. Юрий Муравицкий поставил перед собой задачу рассмешить публику и дать ей возможность разглядеть в хаотичной игре профессиональных артистов поступки и реплики, характерные для нашей повседневной жизни.

Литовский режиссер Оскар Коршуновас привез на театральный фестиваль в Авиньон в 2009 г. современного болтуна и обольстителя Тартюфа в строгом современном костюме и Эльмиру в очень откровенном красном платье. Коршуновас поднимает нравственную проблему до уровня социально-политической, но при этом остается замечательным комедийным режиссером, выстраивая трюки, гэги, шутки, смешные придумки. Режиссер ищет новый язык театра, импровизирует. Здесь вообще отменен финал Мольера. Вместо этого финала Тартюф заявляет семье Оргона, что никто их не спасет, и далее в новом сюжете Тартюф превращается в политического популиста, обещает семье Оргона, превратившейся просто в кучку граждан, разные блага, жители голосуют за него. Тартюф начинает напрямую общаться с залом. Коршуновас каждый раз творит спектакль заново, что-то меняет. В Литве он вводит в спектакль больше литовских реалий, а во Франции ввел монологи и вставки на французском, съемку на улицах Авиньона. По словам режиссера, французских зрителей поразило, когда Тартюф заго-

ворил про социальное жилье, выгнав Оргона из дома. В этот момент социальное жилье было особенно актуальной проблемой во Франции. Все это удивительное смешение характеристик традиционного Мольера в игре актеров, в сценографии и признаков нашего времени создает неповторимый образ спектакля. Такой микс непросто сделать со вкусом и привести к целостности. Но Коршуновасу это удалось. Его спектакль – это очень серьезный поступок, обличение социально-политической безнравственности. Его беспокоит то, что сейчас происходит с людьми, опутанными ложью и манипуляциями популизма. Социальные сети стали новым фарисейством. Вышли на фейсбуки новые Тратюфы. Тартюфы могут создавать свои новые маски, лица – как бы моральные, умные. В пьесе говорится, что можно продавать святость, молитву, мораль, делать из этого деньги и влияние, которое имеет совсем другие цели [5].

«...Лишь 7 января 2015 года, когда случилась трагедия в журнале “Шарли Эбдо”, я до конца осознал, в чем был урок спектакля “Тартюф”, который показал на фестивале немецкий театр “Шаубюне”, – пишет критик Борис Минаев. [6] В этом спектакле совершенно не классический Тартюф, с длинными сальными волосами и... невероятной татуировкой по всему мускулистому телу, долго и грозно читает Библию, так что становится страшно. Здесь он не только обманщик и циник, он представляет тех, кто считает себя носителем истины в последней инстанции, а люди, которые произнесли слово “истина” в религиозном контексте, уже способны посягнуть на чужую жизнь» [6]», – считает автор статьи, поскольку недавние события – убийства журналистов во Франции на религиозной почве – подтверждают его выводы.

Русские версии не столь радикальны, однако и российские режиссеры отходят от традиционных классических постановок, смело экспериментируя со сценографией пьесы.

Так, в Электротеатре режиссер-авангардист Филипп Григорьян прочитал классику Мольера как предсказание русской революции и конец старого мира. Он выдвигает на первый план то, что французского драматурга интересует не лицемерие как таковое, а секрет успеха лицемера. Это спектакль о природе зла и его влиянии. Режиссер обращается к теме отношений государство – подданные, о которых оно заботится. Делает это Григорьян на примере советской революции. События старинной пьесы проецируются на семью российского императора (герои загримированы как Николай II, его жена и дети, они кажутся сошедшими с известных фото). Действие поделено на два неравных акта: длинный, более двух часов, первый, замыкающийся сценой соблазнения Эльмиры, и короткий, многособытийный, но почти фантастический финал, в котором прокручивается, будто на убыстренной скорости, будущая русская революция и последующие события вплоть до наших дней.

Времена Людовика очень важны для Григорьяна, так как становятся отправной точкой его размышлений о том, что происходило с природой власти на протяжении нескольких исторических периодов.

«Спектакль Филиппа Григорьяна – великолепный авангардный коллаж французской галантности, русского психологизма, исторических стилизаций – напоминает о том, что всякое зло имеет причину, и предлагает не закрывать на нее глаза» – пишет критик в отзыве на спектакль. [7]

Конечно, сохраняются и традиционные постановки этой пьесы, что радует определенную часть зрителей, тех, кто считает, что не нужно осовременивать классические пьесы, они и так хороши.

Евгений Писарев – самый молодой художественный руководитель театральной Москвы. Он возглавляет драматический театр имени Пушкина. В его репертуаре есть

«Тартюф» в постановке французского режиссера Брижит Жак-Важман. Здесь пьеса Мольера сужается до любовной комедии с водевильными интригами. Тартюф в трактовке французского режиссера – молодой авантюрист. Владимир Жеребцов, в отличие от более «возрастных» актеров, обычно играющих эту роль, играет животную страсть, которая его ненароком поглотила («Но все же я мужчина, <...> не ангел бестелесный»), играет комически гипертрофированно.

«Это чувственная пьеса», – заявляет француженка Брижит Жак-Важман. Сатира на социальные язвы здесь как-то не просматривается. Она продолжает репертуарную политику театра с упором на классику, чуть осовремененную, но без режиссерского радикализма, как пишут в отзывах.

«Мы получили предложение о сотрудничестве от французского культурного центра и с радостью его приняли. Для постановки выбрали самую классическую пьесу Мольера, потому что она актуальна и по сей день. А местами даже до неприличия актуальна. Триста лет назад были те же проблемы: что такое истинная вера, каково влияние религии на людей, и что может находиться под ее маской? В каждой эпохе – свои тартюфы. Жан-Багист Мольер рассказал все это так, что сегодня не надо исправлять ни одной строчки. Очень интересная и важная для нас работа», – говорит Евгений Писарев [8].

В Московском театральном центре «Вишневый сад» (Москва) также получилась классическая постановка, что порадовало зрителей: «Еще раз хочу подчеркнуть, что постановка истинно классическая, что называется по тексту, по подлиннику автора. Никаких отклонений и своеволий постановщиков допущено не было – за это отдельное спасибо. Просто наслаждение было посмотреть такой целостный и не исковерканный современностью спектакль...» – пишет в откликах одна из зрительниц [9].

Но желание видеть «не испорченную современностью» пьесу свойственно, скорее, тем, кто хорошо знаком с классическим репертуаром театров. В настоящее время одна из острых проблем – привлечение и приобщение к искусству молодых людей, не слишком увлекающихся чтением классики и вообще чтением. Этим объясняются многие эксперименты театральных режиссеров.

«Тартюф» недавно был поставлен и в Мурманском областном драматическом театре. Мурманская Облдрама пошла по стопам Театра на Таганке и явила заполярной публике новую интерпретацию знаменитой комедии. Свое видение на суд северян представил Федор Чернышев – опытный режиссер, выпускник Театрального института имени Б. Щукина. На встрече с участниками мурманской «Школы критики» он сравнил своего Тартюфа с Мефистофелем, который «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Режиссер-постановщик сохранил сюжетные линии и отразил ключевые проблемы многогранного произведения.

Режиссер Федор Чернышев своих замыслов не скрывал: «Это почти классическая комедия. – Классическая – потому что сделана по сюжету выдающегося французского комедиографа XVII века, а «почти» – так как мы ее осовременили, смешали все времена, от XVII до XXI века, – в костюмах, поведении, проблемах» – пояснил режиссер. [10] Он признался, что был поражен тем, насколько актуальна эта пьеса сейчас. Он также считает, что речь в ней идет о том, что идеи завладевают человеком. И если идея ложная, то доводит до безумия, ослепляет. Еще страшнее, когда такие идеи овладевают массами: они очень опасны, ведь могут довести до диктатуры, фашизма. Поэтому основная мысль спектакля заключается в том, что нельзя верить ничему навязываемому без собственного рационального, трезвого отношения.

Вариант Федора Чернышева может удивить. Декорации минимальны: два канделябра с горящими свечами, драпировки. Огромные тканевые полотна и несколько пред-

метов мебели – именно такой реквизит мог поместиться в фургон мольеровского театра, который более тринадцати лет странствовал по французским провинциям. Главное – игра актеров и действие.

Однако с самого начала зрителей жду сюрпризы. Сбоку на сцене стоит письменный стол, за которым в течение всего спектакля сидит суфлер и подсказывает артистам реплики. Этот суфлер первым выходит на сцену и начинает произносить разные реплики из разных спектаклей. Она не только следит за спектаклем по тексту мольеровской комедии, но и обращается к артистам по их реальным именам, напоминая, что публика мурманская, а сама постановка вышла в свет под маркировкой «12+».

Костюмы тоже необычные: одни персонажи носят одежду XVII века, другие – XVIII, третьи – современную. Так, Мариана, дочь Оргона – в образе девушки-гота, его сын Дамис в «косухе», штанах с металлическими шипами и бандане – как рокер. Сам Тартюф три раза меняет одежды, в зависимости от развития действия: от непонятной дерюги к яркому мундиру с орденами. Отсылки к нашему времени есть и в деталях спектакля. Молодые персонажи периодически достают смартфоны и пролистывают ленты новостей. В одной из сцен Валер сообщает: «Говорят, что под венец вас поведет Тартюф». Мариана: «Кто говорит?» В ответ он ей показывает гаджет и демонстрирует пост в одной из соцсетей.

Спектакль получился очень музыкальным – мелодии звучат постоянно, в том числе и современные песни, которые исполняют актеры, но в антракте, а не в рамках спектакля.

Мысль о том, что спектакль получился необычным, «адаптированным на современный манер» подчеркивает, в частности, исполнительница роли Марианы Наталья Боброва. «Моя героиня <...> достаточно нестандартно сделана режиссером, поскольку это не классическая Мариана, а представитель одной из современных субкультур. Мы, молодое поколение пьесы, пытаемся добиваться целей, идти к своей любви», – говорит она в своем интервью [10].

Молодая мурманская журналистка Дарья Веремчук полагает, что таким образом «режиссер-постановщик создает иллюзию генеральной репетиции, на которой театральные артисты уже вошли в свои роли, но как будто не до конца погрузились в атмосферу XVII века и невольно спроецировали события пьесы на реалии современной жизни» [11].

И на предварительном обсуждении, и во время первых показов в зале было очень много молодежи. Ради этого, их откликов и эмоций и работают деятели театра.

В условиях пандемии в Интернете была запущена игра «Школьная Вселенная», в рамках которой надо читать книги. Очень хорошее начинание. Если почитать отзывы на книги и пьесы Мольера, это, в основном, положительные оценки. Школьники читают книги, но классика кажется им хоть и «забавной», но далекой от современной жизни. Особенно «забавно», когда они пишут об этом своим языком: «...один ушлый нетоварищ сумел ловко напускать пыль в глаза состоятельному господину, а потом и зажил барином в его поместье» – пишет в комментариях к прочитанной пьесе Елена ККК [12]. Хочется надеяться, что, придя на какую-нибудь современную постановку пьес Мольера, эта юная особа изменит свое мнение на более продуманное и обоснованное. Для этого режиссеры и работают, приближают автора к сегодняшнему пониманию проблем зрителями, в том числе и молодыми.

Отзывы молодых людей на постановку «Тартюфа» в Мурманском театре были самые восторженные. Оценили и музыкальное оформление, и костюмы, а главное, что

отмечали все: было не скучно. «Кто бы мог подумать, насколько остро и современно будет звучать пьеса 17 века в нашем 21» [13].

Очень хорошо, что молодые лица все чаще появляются в зрительных залах театров, и не только столичных. В этом заслуга не только актеров и режиссеров, но и классических авторов, таких, как Мольер, написавших пьесы на все времена.

Из вышесказанного можно сделать выводы:

- Художественные тексты всегда подвергаются различного рода интерпретациям.
- Классические произведения пользуются спросом во все времена.
- Более всего интерпретациям подвержены театральные произведения, чаще не в языковом плане, а по линии сценографии, костюмов.
- Режиссеры-постановщики делают более явными те идеи классических произведений, которые им кажутся наиболее созвучными настоящему времени.
- Мольер – один из наиболее ярких представителей классицистического театра, пьесы которого до сих пор с успехом идут на многих сценах.
- Мольеровский «Тартюф» ставится чаще всего, поскольку затрагивает актуальные проблемы дня сегодняшнего: вопросы религии, влияния на других, взаимоотношения отцов и детей.
- Сохраняются и классические постановки пьесы, которые имеют немало сторонников среди зрителей.
- Современные режиссеры, ставящие «Тартюфа», экспериментируют со сценографией, декорациями, костюмами, «осовременивая» классическую пьесу.
- «Осовременивание» Мольера связано, по большей части, с проблемой привлечения молодого зрителя и приобщения его к театральному искусству.

Литература

1. Должанский Р. Мольер в России больше чем Мольер // Коммерсантъ Weekend. 2009. №2. С. 13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1105496> (дата обращения: 18.02.2020)
2. Ироничное баловство по пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» в сценической версии Александра Ширвиндта со стихами Юлия Кима и музыкой Владимира Дашкевича и с вольными актерскими импровизациями. Премьера состоялась 10 октября 2019 года. Сайт Московского академического театра сатиры. URL: <https://satire.ru/hotim-sigrat-moliera> (дата обращения: 20.02.2020).
3. Российский государственный театр «Сатирикон» имени Аркадия Райкина. Сайт театра URL: <https://www.satirikon.ru/performance/archive/kvartet/> (дата обращения: 18.02.2020).
4. Сайт Государственного академического Малого театра. URL: <https://www.maly.ru/spectacle/view?name=tartuf+> (дата обращения: 16.02.2020).
5. Губанова Галина. А Тартюф-то голый!// Газета «Обзор», статья добавлена 25 сентября 2018, 10:40/ URL: <https://www.obzor.lt/news/n42741.html> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Минаев Б. Татуированный Тартюф // Октябрь. № 3. 2015. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2015/3/tatuirovannyj-tartyuf.html> (дата обращения: 17.02.2020)
7. Отзывы на спектакль «Тартюф». Постановка «Электротheater Станиславский». URL: <https://www.afisha.ru/performance/158700/> (дата обращения: 20.02.2020).
8. Александрова Е., Писарев Е. В каждой эпохе- свои тартюфы (интервью)// Смена. Октябрь. 2015. С.77-83.

9. Tasia8 (Россия, Москва) 03/04/2018/. Сайт Отзовик. Отзывы о спектакле “Тартюф” в Московском театральном центре «Вишневый сад» (Москва) URL: https://otzovik.com/review_6295230.html (дата обращения: 19.02.2020).

10. Андреева Екатерина. Персонаж Мольера запел «под Высоцкого». Облдрама представила классику на новый лад. 28 февраля, 2020 08:13. Сайт газеты «Мурманский вестник». URL: <https://www.mvestnik.ru/culture/personazh-molera-zapel-pod-vysockogo/> (дата обращения: 01.03.2020).

11. Дарья Веремчук. Новости культуры. 01.03.2020, 16:50 418. URL: <https://big-radio.ru/news/2020/03/01> (дата обращения: 05.03.2020).

12. [Прочитано в рамках игры Школьная вселенная.] 22 сентября 2019 г. 16:28 URL: <https://www.livelib.ru/book/1001399421/reviews-tartyuf-zhanbatist-moler> (дата обращения: 05.03.2020).

13. Анна Карпинская Социальная сеть ВКонтакте. URL: <http://vk.com/id7481777> (дата обращения: 10.03.2020).

NEW ABOUT THE CLASSICS: «TARTUFFE» BY MOLIÈRE AT THE RUSSIAN STAGE

Nadezhda A. Muzychuk
Murmansk Arctic State University

Abstract. The article gives a brief survey into the history of the performances of Moliere’s plays on the Russian stage. The main attention is paid to modern interpretations of Moliere’s plays, the relevance of the classical theatrical heritage, new decisions of directors, and the role of scenography in modern productions. It is noted that, despite the differences in contemporary searches in different theatres, there is a lot in common in their search to reflect the pressing needs of the public. The appeal to the classics is one of them, as evidenced by Moliere’s “Tartuffe”, which is in demand both in France and in Russia, including provincial theatres. Modern directors, drawing attention in this play to questions about the role of religions, the influence of external influences on people in society, the problem of fathers and children, continue to search for new stage solutions and ways to influence the public, especially the young.

Key words: productions of the plays by Molière, modern theatre, theatrical methods, young people and modern theatre

Музычук Надежда Александровна,
доцент, кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Мурманский Арктический
государственный университет»
тел.: +7 (911) 323 8115
e-mail: gest_nad_al@mail.ru

Nadezhda A. Muzychuk
PhD, Associate Professor, Foreign
Languages Department
Murmansk Arctic State University
mobile: +7 (911) 323 8115
e-mail: gest_nad_al@mail.ru

СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ШОТЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НИЛА МАНРО

Некрасова Н.В.

научный руководитель

к.ф.н., доц. кафедры английской филологии

Еремеев Я.Н.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются способы анализа художественного дискурса, а также этно-коннотированной лексики и стилистики в произведениях, связанных с шотландской культурой. Данное направление лингвистического анализа дает исследователю представление об особенностях жизни в определенной местности в описываемый отрезок времени через призму картины мира автора и образов героев изучаемого произведения. Культурно-коннотированная лексика демонстрирует читателю лингвистические особенности данной среды, которая иллюстрирует особенности развития исторического процесса и культурных ценностей, следовательно, понимание специфики таких слов погружает человека в представляемый автором мир и отражает культуру и историю народа. Используемые в диалогах слова-реалии помогают понять к какой именно среде относятся герои, из чего складывается представление об отношении представителей этого обществом к тому или иному действию или происшествию. Стилистические приемы, которые используются в описании явлений и эмоций, вызываемых этими явлениями, демонстрируют отношение автора к описываемым событиям. Таким образом, комплексный анализ вышеперечисленных аспектов дает более полное представление о культуре и истории данной страны, что и является целью нашего лингвистического анализа.

Ключевые слова: Этно-коннотированная лексика, культурно-коннотированная лексика, стилистические приемы, лингвистический анализ

Язык и культура неразрывно связаны. Исходя из этого, многие лингвисты исследуют культурно-коннотированную лексику, которая демонстрирует особенности развития исторического процесса и культурных ценностей. Наибольший вклад в развитие этого вопроса внесли В. фон Гумбольдт, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И.Р Гальперин.

Язык сохраняет традиции и культуру народа, следовательно, языковые единицы могут стать источниками этнокультурной информации. Язык – это неотъемлемая часть культуры. Лингвисты определяют культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых людьми. [1]

Гумбольдт исследует отношения языка, речи и культуры, как систематизированные источники информации. Речь по природе своей спонтанна и не организована, она тем не менее имеет свои ограничения, накладываемые на нее общей системой языка, общим языковым кодом. Однако системность речи и системность языка не совпадают по своим показателям. В языке системность в значительной степени покоится на противопоставлениях выделенных признаков. В речи дихотомия речевых единиц не всегда может быть строго соблюдена, а иногда и вовсе не применима как метод познания. Язык, будучи средством коммуникации и одновременно средством реализации мысли, должен в своем статическом и динамическом проявлении, в своих формах и в их применении отражать закономерности мыслительного процесса, который в свою очередь отражает явления объективной действительности. [2]

Мы провели собственное исследование особенностей использования этно-коннотированной лексики Шотландии в художественной литературе на примере рассказов Нила Манро. Действие цикла рассказов Нила Манро *The Vital Spark* происходит в Шотландии начала 20 века, в тексте затрагивается большое количество тем, актуальных для того времени. Проблемы героев этой книги связаны с социальными сферами, религией, законами, праздниками, бытом. Исследователь может воспринимать ситуацию через призму понимания ее автором и его попытку воссоздать культурно-историческую атмосферу с помощью особенностей повествования и создания героев произведения с их индивидуальными характеристиками. Читая эту книгу, можно почерпнуть большое количество информации, связанной с культурой и историей Шотландии, ее характерных особенностей и жизни определенного сегмента общества данной страны. Так как главными героями книги являются моряки, автор описывает в основном их жизнь и круг общения.

В каждой стране по-разному воспринимаются одни и те же события и вещи. Например, в одной из глав своей книги рассказчик упоминает об англичанах. «*Only English people would put up with it; poor cratures, I wass sorry for them! Fancy them goin' aboot from place to place aal the year roond, wi' no homes! I would a hundred times sooner be a sailor the way I am.*» [1*]

Из этого высказывания можно сделать вывод, что отношение шотландцев к англичанам было как правило негативным. Такое отношение сложилось исторически, так как до 1707 г. Шотландия была независимой страной, но в описываемое в произведении время она - одна из четырех историко-географических областей Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. Шотландия была вынуждена присоединиться к Англии после длительной борьбы за независимость. Следовательно, история не позволила сложиться хорошим отношениям между ближайшими соседями. Именно поэтому Para Handy упоминает англичан в негативном контексте, так как он живет в соответствующих культурно-исторических условиях.

Также, в романе неоднократно упоминается о национальном шотландском музыкальном инструменте, без которого нельзя представить культуру страны, волынка (*bagpipes*). Волынка имеет большое значение в истории Шотландии и культуре этой страны. Не удивительно, что Нил Манро не смог обойтись без упоминания этого национального инструмента, рассказывая об экипаже *The Vital Spark*. Даже моряки, которые достаточно далеки от культуры (так как люди часто понимают под этим термином культуру высшего образованного слоя общества) в частности, музыки, имели в своей жизни событие, тесно связанное с волынкой. Хотя, если посмотреть на это событие с другой стороны, говоря о людях, которые путешествуют только в пределах своей страны, то можно предположить, что обычные люди ближе к народной культуре, чем более богатые сословия, так как у них меньше возможностей для общения с иностранцами и последующего обмена культурными ценностями. Такое положение некой изоляции позволяет сохранить родную культуру в относительно неизменном виде.

Близость моряков к национальной культуре доказывает, что в шотландской культурно-исторической среде, в данной местности, волынка заняла определенное место, имеющее достаточно большое значение для людей, живущих в этой стране. Желание моряков помочь музыканту найти новый инструмент взамен сломанного, демонстрирует значимость его деятельности. Также, в их понимании на свадьбе обязательно должна быть волынка. Другими словами, волынка – это тот музыкальный инструмент, без которого в культуре Шотландии нельзя обойтись, так как он нужен при любом событии, играющем важную роль в жизни человека.

В рассказе THREE DRY DAYS упоминается о рехавитах, на которых похожи моряки, когда живут в семье дома. *«Life in the leisure hours of himself and his crew had been rather strenuous during the whole of January, for Dougie had broken the Rechabites. When Dougie was not a Rechabite, he always carried about with him an infectious atmosphere of gaiety and a half-crown, and the whole ship's company took its tone from him.»* [1*]

Рехавиты, они же кениты, – библейская семья, потомки Рехавы и Ховава, тестя Моисея. Согласно библейскому тексту, рехавиты были принципиальными противниками оседлого образа жизни и строго придерживались кочевого быта; они жили в различные времена и в Северном и в Южном царствах, отличаясь особой преданностью вере и монотеизму, и хроникёр отождествлял их с кенитами. В более поздние времена, это имя использовалось христианами группами, заинтересованными в пропаганде полного воздержания от алкоголя, такими как Независимый Орден Рехавитов. [3, с. 206]

Таким образом, непьющих людей называли рехавитами. По отношению к морякам такие слова были как насмешка, так как они не употребляли алкоголь не потому, что они придерживались религиозных заповедей, а потому, что дома их жены запрещали им это делать. В этой главе капитан собирается перестать употреблять алкоголь в течении месяца, но бросает эту затею через три дня. Более того, все члены экипажа корабля с сомнением относятся к его идее и не одобряют такого занятия. Из этой ситуации можно сделать вывод, что в Шотландии определенные слои общества (в частности, моряки), достаточно часто употребляют алкоголь, и люди, которые пытаются перестать это делать, выглядят смешно. Таким образом, в шотландской культуре алкоголь является ее важной частью. Стоит отметить, что в книге речь идет только о моряках, и они описываются достаточно стереотипно, так как скорее всего такое восприятие ситуации существует только в понимании посторонними людьми работы на корабле, но не встречается в реальной жизни так часто, чтобы стать тенденцией.

Команда корабля Vital Spark отмечает какой-то праздник. Они поют и играют на музыкальных инструментах. *«If I had chust on my other boots,» said the Captain, delighted at this appreciation. «This ones iss too light for singin' with--» and he stamped harder than ever as he went on with the song, for it was his idea that the singing of a song was a very ineffectve and uninteresting performance unless you beat time with your foot on the floor.»* [1*]

Хотя они не танцуют, капитан не может сдержаться и притопывает ногой. Из такого поведения можно сделать вывод, что на праздниках люди обычно не только поют, но также и пляшут. Таким образом естественные действия для шотландцев во время веселья - это шумные песни и активные движения. Лирические песни непопулярны на праздниках. Эстетическая сторона не имеет значения для людей, относящихся к простым профессиям, таким как моряки. Капитан знает всего два куплета и постоянно их поет, не пытаясь как-то улучшить свое выступление и не думая о том, как воспримут это посторонние люди.

Стилистические особенности текста также очень важны для верного понимания специфики описываемой ситуации и акцентов, которые ставит в своем произведении автор. Изучающему текст становится ясно какое отношение имеет автор к той или иной ситуации в описываемом в книге обществе.

В книге The Vital Spark присутствует большое количество жаргонизмов. Они помогают создать ощущение принадлежности героя к определенной социальной группе. Например, слова «with the boiler behind, four men and a derrick, and a watter-but and a pan loaf in the fo'c'sle» обычно используются человеком, который работает матросом. [1*]

Таким образом, эти профессионализмы демонстрируют область деятельности Para Handy. Конечно, сложно представить моряка, который не ругается и использует правильный литературный язык в разговоре, поэтому речь героев книги насыщена обсценной лексикой, например, «*I wass ass prood of that boat ass the Duke of Argyll, ay, or Lord Breadalbane*» или «*Chust come in with a dram every time...*». [1*]

Такие диалоги дают более четкое представление об отношениях людей в обществе, их предполагаемом поведении, также как и об отличиях в обращениях и используемой лексике в зависимости от адресата или описываемого явления.

Для более эмоционального восприятия читателем происходящих событий в книге, автор использует большое количество стилистических приемов. Например, метафора «*The Tar felt already as if he was dead and buried*» [1*] показывает состояние героя и дает читателю более четкое представление об этом.

Перед этим капитан говорит Тару о важности самостоятельно принимать решения в жизни, чего так не хочет делать последний. Тар понимает, что жену ему все равно нужно выбирать самому и решить жениться или нет, но до последнего надеется, что за него все сделают, придумают и устроят его коллеги.

Многие лингвисты изучают художественные тексты ориентируясь на культурно-исторические аспекты. Начиная использовать иностранный язык, изучая его, человек знакомится с новой для него культурой. В каждом языке используются слова, связанные с бытом людей этой культуры, которые не имеют эквивалентов в других языках. Именно из исследуемых текстов можно почерпнуть такие слова и выражения. Нельзя полностью воссоздать культуру и историю только по отдельным текстам, так как невозможно изучить и систематизировать всю относящуюся к данному культурно-историческому периоду информацию. Следовательно, область, изучающая связь культуры и языка, будет всегда актуальна для исследователей, фокусирующихся на изучении использования в тексте культурно-коннотированной лексики.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
2. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры - М.: Прогресс, 1985. – 451с.
3. Алан Аксельрод. Международная энциклопедия тайных обществ и братских орденов. New York: Facts on File, inc., 1997, с. 206

Список источников примеров

- 1* Neil Munro, *The Vital Spark*, 1931

METHODS OF REFLECTING THE PECULIARITIES OF SCOTTISH CULTURE IN THE WORKS OF NEIL MUNRO

Nelli V. Nekrasova
Yaroslav. N. Eremeev, Ph.D.,
senior lecturer of the Chair of English Philology
Voronezh State University

Abstract. The article examines ways of analyzing non-fiction discourse, as well as ethno-connotated vocabulary and stylistic devices in the works related to the Scottish culture. This direction of linguistic analysis gives the researcher an idea of the peculiarities of life in a certain

area in the described period of time through the author's picture of the world and the portraiture of the characters of the studied work. Culturally connotated vocabulary demonstrates to the reader the linguistic features of this environment, which illustrates the features of the development of the historical process and cultural values, therefore, understanding the specifics of such words immerses a person in the world provided by the author and reflects the culture and history of the people. Stylistic tropes, especially, the units used in dialogues, help to understand the kind of environment the characters belong to, from which the idea of the natural attitude of this society to a particular action or incident is formed. In addition, the stylistic devices that are used in describing the phenomena and emotions caused by these phenomena not only make the characters' speech and plot more peculiar, but also more accurately demonstrate their attitude to the described events. Thus, a comprehensive analysis of the above aspects gives a more complete picture of the culture and history of a given country and area, which is the purpose of our linguistic analysis.

Keywords: Ethno-connotated vocabulary, culturally connotated vocabulary, stylistic devices, linguistic analysis

Некрасова Нелли Викторовна,
Воронежский государственный
университет студентка 4 курса факультета
романо-германской филологии
тел.: +7 (908) 132 4217
e-mail: nellinekrasova1@mail.ru

Научный руководитель:

Еремеев Ярослав Николаевич,
к.ф.н., доц. кафедры английской
филологии Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (900) 960 1346
e-mail: yaroslav.yeremeyev@gmail.com

Nelli V. Nekrasova
Voronezh State University student of
the faculty of Romance and Germanic
Philology
mobile.: +7 (908) 132 4217
e-mail: nellinekrasova1@mail.ru

Scientific Supervisor:

Yaroslav N. Ereemeev,
Ph.D., senior lecturer of the Chair of
English Philology Voronezh State
University
mobile.: +7 (900) 960 1346
e-mail: yaroslav.yeremeyev@gmail.com

УДК 811.111

ВЛИЯНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

Новгородова Ю.А.
научный руководитель
к.ф.н., доц. кафедры
перевода и профессиональной коммуникации
Пивоварова Е.Л.
Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению функционирования имени собственного в художественном произведении. Автор статьи ставит перед собой цель изучить особенности имен собственных в текстах жанра фэнтези на выбранном материале. В результате исследования и анализа практического материала удалось выделить наиболее частотные переводческие приемы, применяемые при передаче имен собственных в текстах жанра фэнтези. Также удалось сделать однозначный вывод, что онимы романов жанра фэнтези образуют

уникальный ономастический фон и оказывают непосредственное влияние на восприятие героев читателем.

Ключевые слова: Джоан Роулинг, роман, фэнтези, имя собственное, оним, перевод, классификация, транскрипция, транслитерация, семантический перевод, калькирование

Значение имен собственных в любой из сфер человеческой деятельности переоценить невозможно. При лингвистическом анализе антропонимов для того, чтобы верно определить их состав, социальную и идеологическую нагрузку, необходимо учитывать целый ряд экстралингвистических факторов, среди которых социальные, культурные, экономические и другие. Изучением имен собственных занимается ономастика, прикладная наука, возникшая во второй половине XX века. Среди основных задач ономастики – изучение закономерностей возникновения, развития и функционирования имен собственных (онимов).

В данной статье была предпринята попытка проанализировать имена, употребляющиеся в произведениях Дж. К. Роулинг, т.е. имена героев, созданные творческим воображением писателя, а также выделить наиболее частотные переводческие приемы, применяемые при передаче имен собственных в текстах жанра фэнтези.

Объектом исследования являются имена собственные. Предметом исследования послужили особенности образования и функционирования имен собственных в произведениях Дж. Роулинг и их переводах на русский и французский языки. В работе были использованы такие методы, как метод наблюдения, контекстуального анализа, прием построения классификации и метод индукции.

Цель исследования – изучение особенностей имен собственных в текстах жанра фэнтези на выбранном материале.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Изучение теоретического материала, который касается проблемы образования имен собственных;
2. Классификация имен собственных в контексте художественного произведения;
3. Рассмотрение способов образования имен собственных в серии книг Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер».

Хотелось бы отметить, что, поскольку в рамках данного исследования не представляется возможным провести анализ всех имен собственных, которые были представлены в семи книгах писательницы, в работе будут рассмотрены имена наиболее значимых героев произведения, представляющие собой, на наш взгляд, наибольший исследовательский интерес.

Обратимся к дефиниции имени собственного. Так, исследователь А.В. Суперанская в труде «Общая теория имени собственного» предлагает следующее определение: «*Имя собственное (оним)* – универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [1, с. 281].

Помимо этого, существует также определение, данное этому явлению И.С. Алексеевой: «*Имена собственные* – это группа лексики, обладающая однозначной соотнесенностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но и – в первую очередь – как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире» [2, с. 186].

Бесспорно, имя собственное – одно из важнейших средств создания художественного образа. Оно может характеризовать всю личность персонажа, начиная с его социальной принадлежности и заканчивая национальной и временной принадлежностью, колоритом и отдельными чертами характера. Основное внимание в данном исследовании было сосредоточено на роли и значении имени собственного в художественном произведении жанра фэнтези. Номинация персонажа в сказочной действительности – это достаточно сложная задача, которую поставила перед собой автор поттерианы и которую в последствии решали переводчики самыми различными способами, делая книги или популярными, или нейтральными, или вызвали неприязнь (как, например, в случае с переводом, выполненным Марией Спивак).

Имена собственные в исследуемом тексте логично можно классифицировать на следующие группы:

1. Реально существующие имена собственные;
2. Имена вымышленных образов, созданные по моделям реально существующих имен собственных (полуреальные имена);
3. Вымышленные имена для создания нереального художественного образа.

Разумеется, говорящие имена представляют собой как особенный интерес, так и трудность для любого переводчика даже в том случае, когда с ними, казалось бы, не должно возникать проблем. К примеру, далее можно наблюдать один и тот же отрывок в оригинале и двух переводах:

“Excuse me, Professor Flitwick, could I borrow Wood for a moment?” – “Wood?” thought Harry, bewildered; was Wood a cane she was going to use on him? But Wood turned out to be a person [3, p. 93].*

– Harry Potter and the Philosopher’s Stone.

– *Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чем? Мне нужен Вуд. – «Вуд? – Гарри передернуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. – Это еще что такое?» Вуд оказался человеком [9*, с. 66].*

– Гарри Поттер и Философский камень.

«Puis-je vous emprunter du bois quelques instants ? » – « Du bois ? Avait-elle l’intention de lui donner des coups de bâton ? » se demanda Harry, déconcerté. Mais Dubois était en fait un élève de cinquième année [4, p. 100].*

– Harry Potter à l’école des sorciers.

Игорь Оранский выбрал проверенный прием – сохранение звуковой оболочки, но абсолютная потеря содержания: *Оливер Вуд*, от чего исчезло целое предложение оригинального текста при переводе, и на помощь пришла генерализация.

Жан-Франсуа Менар, используя семантический перевод и калькирование, создал персонажа по имени *Olivier Dubois*. Здесь, как мы видим, положительную роль сыграла близость двух западных языковых культур – в основе как французского, так и английского варианта фамилии использована одна и та же лексема – «лес, дерево». Судя по фамилии, помимо очевидного отношения персонажа к виду спорта, в котором он постоянно соприкасается с древком метлы, Роулинг хотела дать понять, что он тверд, но не наделен выдающимися умственными способностями. Как можно заметить, заложенный автором смысл удалось сохранить не всем переводчикам.

Рассматривая более подробно сущность реальных имен собственных в серии книг «Гарри Поттер» можно обратить внимание и на происхождение некоторых из этих слов, способ их образования, их влияние на восприятие читателем произведения. Хотелось бы чуть подробнее раскрыть некоторые примеры.

Bellatrix – происходит от латинского «bellatrix» – дословно «женщина-воин», «воительница», а также является названием яркой звезды в созвездии Ориона, которую иногда называют звездой Амазонок или воительниц. Латинское имя звезды Bellatrix – перевод её же арабского наименования «Al Nâjed» – «завоеватель», «победитель» или «Al Murzim alNâjed», то есть «Рычащий воин».

Предлагаем рассмотреть примеры использования этого имени в серии произведений в оригинале и двух переводах для наглядности:

He stood back to allow her to pass him into the house. Her still-hooded sister followed without invitation.

“Snape,” she said curtly as she passed him.

“Bellatrix,” he replied, his thin mouth curling into a slightly mocking smile as he closed the door with a snap behind them [2, p. 15].*

– Harry Potter and the Half-Blood Prince.

Он отступил в сторону, пропуская её в дом. Её сестра вошла без приглашения, не снимая капюшона.

– Приветствую, Снегг, – коротко поздоровалась она.

– Приветствую, Беллатриса, – ответил он, чуть насмешливо искривив губы, и захлопнул за гостями дверь [8, с. 20].*

– Гарри Поттер и Принц-полукровка.

Il s'écarta pour la laisser entrer. Sa sœur qui avait gardé son capuchon sur la tête la suivit sans y avoir été invitée.

«Rogue, bonsoir,» dit-elle d'un ton cassant en passant devant lui.

«Bonsoir, Bellatrix,» répondit-il, ses lèvres minces se recourbant en un sourire légèrement moqueur tandis qu'il refermait la porte d'un coup sec [6, p. 26].*

– Harry Potter et le Prince de Sang-Mêlé.

Harry – наиболее значимое имя во всей серии книг – переводится как «господин, хозяин дома» от древнегерманских корней «heim» – «дом», и «gis» – «власть». Лингвисты также нередко предполагают, что имя Harry – сокращение от Harold, значение которого сродни древнеанглийскому имени Hereweald, что означает «править, управлять». Таким образом, персонаж, обладающий этим именем, представляет собой предводителя «светлой стороны». Знакомство читателей с этим именем в самом начале первого произведения цикла выглядит следующим образом:

It was on his way back past them, clutching a large doughnut in a bag, that he caught a few words of what they were saying.

“The Potters, that’s right, that’s what I heard –”

“– yes, their son, Harry –”

Mr. Dursley stopped dead. Fear flooded him. He looked back at the whisperers as if he wanted to say something to them, but thought better of it [3, p. 7].*

– Harry Potter and the Philosopher’s Stone.

Выйдя из булочной с пакетом, в котором лежал большой пончик, мистер Дурсль вновь вынужден был пройти мимо этих странных личностей, и в этот момент он абсолютно случайно услышал:

– ...да, совершенно верно, это Поттеры, именно так мне рассказывали...

– ...да, их сын, Гарри...

Мистер Дурсль замер. У него перехватило дыхание. Он ощутил, как на него накатывает волна страха. Он оглянулся на шептавшихся типов, словно хотел сказать им что-то, но потом передумал [9, с. 11].*

– Гарри Поттер и Философский камень.

Quand il sortit de la boutique avec un gros beignet enveloppé dans un sac, il entendit quelques mots de leur conversation.

«Les Potter, c'est ça, c'est ce que j'ai entendu dire...»

«Oui, leur fils, Harry...»

Mr. Dursley s'immobilisa, envahi par une peur soudaine. Il tourna la tête vers les gens qui chuchotaient comme s'il s'apprêtait à leur dire quelque chose, mais il se ravisa. [4, p. 9].*

– Гарри Поттер à l'école des sorциers.

При передаче имени на французский язык Жан-Франсуа Менар не испытывал особых трудностей, просто сохранив исходное написание, здесь ему помогло то, что в обоих языках используется написание латиницей. Российским же переводчикам пришлось передавать имя не только в рамках языков, но и алфавитов. В обоих случаях переводчики выбрали метод транслитерации.

Далее мы предлагаем перейти к имени другого важного персонажа волшебной саги – *Рональду Уизли*. С именем Рон история такая же, как с именем главного героя. Способы передачи имени те же самые, но с фамилией вышло немного иначе. Если при передаче фамилии на французский язык используется все та же транслитерация, то в русских переводах мнения переводчиков расходятся:

“Ronald Weasley, who has always been overshadowed by his brothers, sees himself standing alone, the best of all of them.” [3, p. 153].*

– Гарри Поттер and the Philosopher's Stone.

– Рональд Уизли, всю жизнь находившийся в тени своих братьев, увидел себя одного, увидев себя лучшим учеником школы и одновременно капитаном команды-чемпиона по квиддичу, обладателем сразу двух Кубков – он превзошёл своих братьев [9, с. 160].*

– Гарри Поттер и Философский камень.

«Ronald Weasley, qui a toujours vécu dans l'ombre de ses frères, s'est vu enfin tout seul, couvert de gloire et d'honneurs.» [4, p. 159].*

– Гарри Поттер à l'école des sorциers.

Игорь Оранский предпочел применить все ту же транскрипцию, передав *Weasley* как *Уизли*, но при этом известно, что другой известный переводчик серии книг о Гарри Поттере, Мария Спивак, применила в случае с этим героем нечто среднее между транскрипцией и транслитерацией, создав фамилию *Уэсли*. На чем основывалось это решение – не до конца понятно.

При этом стоит также упомянуть, что имя этого героя не так просто, как могло бы показаться. Ведь Рональд (через посредство гэльского языка) образовано от древнегерманских корней *gögn-valdr* – «советник повелителя».

Dumbledore – это фамилия героя, созданная по модели традиционных английских фамилий, оканчивающихся на «ore», e.g. *Patmore*, традиционная английская фамилия, предположительно, также произошедшая от др.-англ. языка. Данная фамилия интересна также тем, что в ней прослеживается одна из достаточно частотных в творчестве Дж. К. Роулинг отсылок к французскому языку: «d'ore» – «золотой». Также в фамилии присутствует явная отсылка к др.-англ. «*dumbledore*» – «шмель», и объясняется она любовью персонажа к «жужжанию под нос», т. е. тихому пению во время прогулок по окрестностям школы. Орывок, в котором читатель знакомится с персонажем, далее также можно наблюдать в оригинале и двух переводах:

Nothing like this man had ever been seen on Privet Drive. He was tall, thin, and very old, judging by the silver of his hair and beard, which were both long enough to tuck into his belt.

He was wearing long robes, a purple cloak that swept the ground, and high-heeled, buckled boots. His blue eyes were light, bright, and sparkling behind half-moon spectacles and his nose was very long and crooked, as though it had been broken at least twice. This man's name was Albus Dumbledore [3*, p. 9].

– Harry Potter and the Philosopher's Stone.

Никто на Тисовой улице никогда не видел этого человека. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебру его волос и бороды – таких длинных, что их можно было заправить за пояс. Он был одет в длинный сюртук, поверх которого была наброшена подметающая землю лиловая мантия, а на его ногах красовались ботинки на высоком каблуке, украшенные пряжками. Глаза за затемнёнными очками были голубыми, очень живыми, яркими и искрящимися, а нос – очень длинным и кривым, словно его ломали по крайней мере раза два. Звали этого человека Альбус Дамблдор [9*, с. 11].

– Гарри Поттер и Философский камень.

On n'avait encore jamais vu dans Privet Drive quelque chose qui ressemblât à cet homme. Il était grand, mince et très vieux, à en juger par la couleur argentée de ses cheveux et de sa barbe qui lui descendaient jusqu'à la taille. Il était vêtu d'une longue robe, d'une cape violette qui balayait le sol et chaussé de bottes à hauts talons munies de boucles. Ses yeux bleus et brillants étincelaient derrière des lunettes en demi-lune et son long nez crochu donnait l'impression d'avoir été cassé au moins deux fois. Cet homme s'appelait Albus Dumbledore [4*, p. 12].

– Harry Potter à l'école des sorciers.

Оба переводчика в данном случае так же предпочли использовать транслитерацию.

Крайне обширное поле для исследований представляют собой полностью вымышленные, «магические имена», задействованные в романе. Приведем пример.

Draco Malfoy – от лат. «Draco» – «дракон, змей». Имя подчеркивает жестокость, даже неоправданную агрессивность характера данного персонажа. Об этом же говорит и аллюзивность имени – «Дракон» – возможно связать имя данного персонажа с одноименным афинским тираном-законодателем. Между тем, фамилия «Malfoy» происходит от французского словосочетания «mal foi», что значит «недобросовестность», «неверность», «вероломство». Она также имеет общие корни с латинским словом «maleficus» – «делающий зло», а эту характеристику, несомненно, можно отнести к вышеупомянутому персонажу. На языке оригинала введение персонажа в ход истории выглядит так:

“Oh, this is Crabbe and this is Goyle,” said the pale boy carelessly, noticing where Harry was looking. “And my name's Malfoy, Draco Malfoy.”

Ron gave a slight cough, which might have been hiding a snigger. Draco Malfoy looked at him.

“Think my name's funny, do you?” [3*, p. 40].

– Harry Potter and the Philosopher's Stone.

Разумеется, переводчику на французский язык не понадобилось вносить существенных изменений в это имя, и он оставил его нетронутым:

«Lui, c'est Crabbe et l'autre, c'est Goyle, dit le garçon d'un air détaché. Moi, je m'appelle Malfoy, Draco Malfoy.»

Ron eut une toux discrète qui ressemblait à un ricanement. Draco Malfoy tourna les yeux vers lui.

«Mon nom te fait rire ?» [4*, p. 46].

– Harry Potter à l'école des sorciers.

Российский же переводчик в очередной раз выбрал транслитерацию как лучший выход из положения. Также обратим внимание на то, как он был введен самой писательницей. В следующем примере можно наблюдать комментирующий перевод, представленный транслитерацией и подстрочным примечанием переводчика:

– *Это Крэбб и Гойл. А меня зовут Малфой**, Драко Малфой.

Рон тихинько кашлянул, похоже, пытаясь скрыть смешок. Драко Малфой презрительно посмотрел на него.

– *По-твоему, у меня смешное имя?*

«Малфой» означает «злокозненный» [9, с. 48].

– Гарри Поттер и Философский камень.

Alastor «Mad-Eye» Moody – отчетливо эмоционально окрашенное вымышленное имя. Фамилия Moody образована от англ. «moody» – «сварливый». Имя Alastor, вероятнее всего, образовано Дж. К. Роулинг от греч. имени Alexander – «защитник». Alastor – в греческой мифологии дух возмездия. Прозвище персонажа «Mad Eye» дословно означает «безумный глаз», что является яркой характеристикой внешнего вида персонажа:

“In September of this year, he hired Alastor ‘Mad-Eye’ Moody, the notoriously jinx-happy ex-Auror, to teach Defence Against the Dark Arts, a decision that caused many raised eyebrows at the Ministry of Magic, given Moody’s well-known habit of attacking anybody who makes a sudden movement in his presence.” [1*, p. 138].

– Harry Potter and the Goblet of Fire.

В русской версии от издательства РОСМЭН мы можем наблюдать интересный вариант перевода – *Аластор «Грозный глаз» Грюм*. В данном случае был выполнен перевод с применением калькирования. Mad (что значит безумный) + eye (глаз) + moody (угрюмый) – получается «Грозный глаз» Грюм:

– *В сентябре нынешнего года он удивил многих в Министерстве магии тем, что сделал учителем защиты от тёмных искусств свихнувшегося экс-мракоборца, печально известного Аластора Грюма по прозвищу Грозный Глаз. Грюм славится тем, что нападает на любого, кто сделает рядом с ним резкое движение* [7*, с. 143].

– Гарри Поттер и Кубок огня.

Во французском же варианте имя персонажа звучит как *Alastor Maugrey «Fol-Oeil»*. Тоже калька, однако, значение в переводе немного изменено: в переводе с французского Maugrey – скорее капризный, нежели угрюмый, а «Fol-Oeil» означает именно «Безумный глаз». Вероятно, французский перевод можно назвать чуть более близким к оригиналу:

Au mois de septembre dernier, il a ainsi engagé, comme professeur de défense contre les forces du Mal, Alastor Maugrey, dit «Fol-Oeil», l’ex-Auror dont la réputation de maniaque de la baguette magique n’est plus à faire. [5*, p. 142].

– Harry Potter et la Coupe de Feu.

В заключении нам хотелось бы еще раз кратко остановиться на результатах исследования, целью которого являлось изучение особенностей имен собственных в текстах жанра фэнтези на отобранном материале.

Можно сделать однозначный вывод, что онимы романов жанра фэнтези образуют уникальный ономастический фон, помогающий автору сформировать у читателя мнение о персонажах еще до непосредственного знакомства с особенностями их характера.

Среди имен наиболее важных персонажей серии книг о Гарри Поттере было обнаружено 42,5% реальных имен собственных, 32,5% вымышленных имен собственных и 25% полуреальных имен собственных.

В результате исследования и анализа практического материала нам удалось выделить следующие переводческие приемы, чаще остальных применяемые при передаче имен собственных в текстах жанра фэнтези: это транскрипция, транслитерация, семантический перевод и калькирование. Каждый из переводчиков в разном соотношении использовал все эти приемы, стараясь как можно более точно передать заложенные автором значения, а также пытаясь раскрыть смысл созданных Дж. Роулинг имен собственных во всем их разнообразии.

Литература

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Изд. Стереотип, 2019. 366 с.
2. Алексева, И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.

Список источников примеров

- 1* J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire. L.: Bloomsbury, 2000. 636 p.
- 2* J.K. Rowling. Harry Potter and the Half-Blood Prince. L.: Bloomsbury, 2005. 633 p.
- 3* J.K. Rowling. Harry Potter and the Philosopher's Stone. L.: Bloomsbury, 1997. 196 p.
- 4* Ménard Jean-François, J.K. Rowling. Harry Potter à l'école des sorciers. L.: Poche, 1998. 206 p.
- 5* Ménard Jean-François, J.K. Rowling. Harry Potter et la Coupe de Feu. L.: Poche, 2010. 702 p.
- 6* Ménard Jean-François, J.K. Rowling. Harry Potter et le Prince de Sang-Mêlé. L.: Poche, 2015. 619 p.
- 7* Оранский И. В., Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня. М.: Росмэн-Пресс, 2013. 667 с.
- 8* Оранский И. В., Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-полукровка. М.: Росмэн-Пресс, 2012. 672 с.
- 9* Оранский И. В., Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень. М.: Росмэн-Пресс, 2004. 161 с.

THE INFLUENCE OF PROPER NAMES ON THE READER'S PERCEPTION OF THE CHARACTERS OF FANTASY NOVELS

Yulia A. Novgorodova
Elena L. Pivovarova
Voronezh State University

Abstract. The article analyses the functioning of a proper name in a fiction. Our aim is to elucidate the main features of proper names in the texts of the fantasy genre on the selected material. As a result of research and analysis of practical material, it was possible to identify the most frequent translation techniques used in the transmission of proper names in fantasy texts. It was also possible to draw an unambiguous conclusion that the onyms of fantasy novels form a unique onomastic background and have a direct impact on the reader's perception of the characters.

Keywords: Joanne Rowling, novel, fantasy, proper name, onym, translation, classification, transcription, transliteration, semantic translation, calquing

Новгородова Юлия Ароновна,
Воронежский государственный университет
студентка 5 курса факультета романо-
германской филологии
e-mail: black_blandishment@mail.ru
Научный руководитель:
Пивоварова Елена Леонидовна,
Доцент кафедры перевода и
профессиональной коммуникации
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (910) 240 7819
e-mail: pivovarova_e_l@mail.ru

Yulia A. Novgorodova
Voronezh State University
student of the faculty of
Romance and Germanic Philology
e-mail: black_blandishment@mail.ru
Elena L. Pivovarova
Voronezh State University
senior lecturer of the Department of
Translation and Professional
Communication
mobile: +7 (910) 240 7819
e-mail: pivovarova_e_l@mail.ru

УДК: 811 13 81' 44

ПЕРЕВОДНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ХРОНОТОПА ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ В.С. ВЫСОЦКОГО

Овчинникова А.С.
Международная полицейская академия (Тула)

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных тем изучения поэтического текста как хронотопа на примере французских переводных текстов песенного творчества В.С. Высоцкого. Наибольший интерес сопоставительного изучения исходного и переводного текста в русском и французском языках представляет спорный вопрос определения переводного текста с точки зрения межкультурной коммуникации. В предлагаемом исследовании предлагается новый подход к переводному тексту как хронотопу в свете теории М.М. Бахтина. С точки зрения межкультурной коммуникации исходный и переводный тексты рассматриваются как результат межкультурного полилога между автором /авторами –переводчиком/коллективом переводчиков – читателями. В статье рассматривается лингвокультурема «душа» в сопоставительном аспекте концептосферы поэтического творчества на примере русского и французского языков. Применение спектра методов к иллюстративному материалу, таких как метод словарных дефиниций, метод сопоставительного анализа, метод компонентного анализа приводит к выявлению сходств и различий в репрезентациях исследуемого концепта через реализацию ядерных, дифференциальных и потенциальных сем «*âme*», «*soeur*», «душа» в разноструктурных языках.

Ключевые слова: концепт, хронотоп, исходный текст, переводный текст

В последнее время наблюдается значительный рост исследований творчества В.С. Высоцкого не только с литературоведческой точки зрения, но и имеющих лингвистическую направленность, что свидетельствует об актуальности высокоцковедения в настоящее время [Андриенко, 2003, Богомолов, 2004, Бродская, 2011, Волкова, 2006, Дюпина, 2009, Раевская, 2009, Свиридов, 2003]. Исследователи зарубежной лингвистики уделяют немалое внимание вопросам многоаспектного изучения песенного творчества российского барда и актера [Blanc, 1991, Buvina, Curletto, 2009, Pfandl, 1993, Zimna, 2008]. Несомненный интерес представляет лексикографический труд известного высокоцковеда Изотова В.П. [Изотов, 2001].

Вместе с тем нет ещё достаточного количества работ, посвященных сопоставительному анализу концептосферы поэзии В.С. Высоцкого на примере русского оригинала текста и французского перевода.

Новым и актуальным в данной статье является интеракционный подход к пониманию переводческой деятельности, специфика которого заключается в том, что процесс перевода представляет собой межкультурное взаимодействие между автором/ группой авторов, переводчиком/коллективом переводчиков и многоголосием рецептов/читателей.

Такой подход обуславливает необходимость определения переводного поэтического текста как хронотопа, методологическая основа которого построена на теоретических посылах хронотопа повествовательного текста М.М. Бахтина [Бахтин, 1975]. Многоголосие в переводческой деятельности представляет собой многообразии языковых форм инфонев Других, по бахтинской терминологии, в ходе подбора эквивалента к языковой форме оригинала. В связи с тем, что языковые формы приобретают функции выражения многоголосия, они требуют ответную реакцию читателя, то есть автор переводческого текста должен учитывать при подборе соответствий с иностранного языка на родной необходимость включения приемов доместикации, либо элементов инкрустационного перевода, ибо лакунарность в процессе переводческой деятельности явление нередкое.

Ключевую роль в понимании хронотопа, играют пространственно-временные взаимоотношения текста оригинала В.С. Высоцкого и текста перевода поэтического текста, так как теория хронотопа представляет собой концептуальный механизм адекватного восприятия переводного текста.

Маркёры времени прослеживаются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением осей и взаимопереплетением маркёров характеризуется художественный хронотоп М.М. Бахтина (Бахтин, 1975, 235). Подобная внутренняя взаимозависимость пространства и времени, наблюдается как в физическом, так и в виртуальных мирах, если в геометрии Эвклида параллельные прямые не пересекаются, то Н.И. Лобачевский нарушил универсальность этой аксиомы и доказал обратное. По мнению М.М. Бахтина, также возможно и конструирование особого виртуального хронотопа художественного повествовательного текста. Изучая идиостиль В.С. Высоцкого, можно отметить, что лингвокультурологический аспект составляет его неотъемлемую часть. Работая над теорией хронотипа, М.М. Бахтин отмечает важность взаимозависимости смысла и культуры. Подобные культурные приращения представляют немалые сложности в рождении переводного поэтического текста. Взрывной идиостиль В.С. Высоцкого вносит деформацию во временные и пространственные текстовые взаимоотношения. Романтическая пушкинская благородная русская душа переосмысливается автором через смену функций персонажей, например: *бородатый Черномор – лукоморский первый вор, /Добрый молодец он был – Бабку Ведьму подпоил, /Ратный подвиг совершил, /дом спалил...*

Различия в системах соотношений между концептами и их выражением переводчикам приходится искать в национальных особенностях культур, и в условиях межкультурной интеракции выбор адекватного эквивалента в лингвокультурологических полях разнотекстурных языков не всегда возможен и представляет трудность в процессе подбора соответствий.

Концептуальный подход к иллюстративному материалу позволяет выявить наиболее точно национально окрашенную культурную информацию, носителем которой является лингвокультурема, ментальное образование, наделённое этнокультурными маркёрами.

Выбор лингвокультуры «душа» в качестве фактического материала не является случайным, так как соотношение семного состава «*душа*» и его эквивалентов во французском языке «*âme*» et «*coeur*» рассматривается когнитологами неоднозначно.

С привлечением ряда методов: метода словарных дефиниций, компонентного анализа и сравнительно-сопоставительного анализа, удалось установить, что концепт «душа» в русском и французском языках имеет ядерную сему «жизненное существо»: «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» [Даль, 2005, с.504], «*principe de la vie végétative et sensitive*» [Le Petit Robert, 2012, p.57]

«Стремилась ввысь душа твоя / Ton âme s'élevait vers des sommets»

«Ведь, может быть, в начальника / Душа твоя вселится»

C'est peut-être dans un président/Que ton âme ira se loger.

«Песенка о переселении душ» / « Métempsychose, tr.par Bedin» [Vyssotski, 2003]

В приведенном примере во французском и русском языках в концепте «*âme/душа*» реализуется дифференциальная сема «*principe spirituel de l'homme, conçu comme séparable du corps immortel*» / «духовная бессмертная сущность человека, отделимая от тела».

Вместе с тем представляется недостаточным обращать внимание только на подбор французского эквивалента для русской лингвокультуры «душа», необходимо также учитывать синтаксическое моделирование концепта. Часто оно обуславливает порождение потенциальных и дифференциальных сем, которые отсутствуют в словарной дефиниции. Выбор глагола *se loger -селиться* в ближайшем будущем времени является очень удачной находкой переводчика для передачи способа действия, связанного с начинательностью (в-селяться), которая в русском языке передается словообразовательным значением префикса «в-». Однако, эпидигматические связи концепта «душа», отправная точка которых заложена в заглавии «О переселении душ» [Vyssotski, 2003], позволяет считать гиперсемой ядерную сему «*changer*» лексико-семантического варианта «*déménager*» (*changer de logement*). Душепереселение в восточной и западной культурах различно. Западная религиозная философия ведет речь о переселении души из одного тела в другое, то есть о реинкарнации, а русская душа пускается в свободное плавание и ищет себе новую оболочку либо среди людей, либо среди животных, поэтому очень часто в русских народных сказках появляются говорящие Царевна-Лягушка, Старичок-Боровичок и т.д.

Изучение фактического материала открыло пути для выявления типологии ещё одной дифференциальной семы «*principe de la vie morale, conscience morale*» / сущность нравственной жизни, нравственного сознания. В «Песне о Земле» В.С. Высоцкий придает Земле образ матери, душа которой истерзана войной, в ней скопились страдания и горе каждого её жителя без разграничения на «свой» и «чужой». Подобная планетарность видения поэта нашла отражение и во французском переводе:

Ведь Земля – это наша душа, / Сапогами не вытоптать душу!

C'est notre âme la Terre, vous le savez, / Sous les bottes, une âme ne s'écrase pas!

«Песня о Земле» / «Le chant de la Terre», tr. par J.-J. Marie [Vyssotski, 2003].

Построчное повторение лексемы «душа» и в русском исходном тексте, и в переводном французском усиливает духовность русского человека, веру в победу измученной боями и страданиями Родины.

Концепт «душа» реализует также дифференциальную сему «жизнь». В призыве «Спасите наши души!» звучит голос В.С. Высоцкого, направленный на сохранение жизни и высоких духовных принципов, выработанных веками поколениями отцов и дедов и прадедов.

Спасите наши души! / Мы бредим от удушья. / Спасите наши души.

Sauvez nos âmes / L'air nous manque et nos esprits se troublent / Sauvez nos âmes
«Спасите наши души» / «Sauvez nos âmes», tr. par M.Khan [Vyssotski, 2003]

Вместе с тем в том же варианте перевода для концепта «душа» предлагается не лексема «âme», а лексема «coeur», что вызвано необходимостью выразить приращенные семы «боль, переживание, сочувствие», то есть реализуются семы французского лексико-семантического варианта «coeur» как «le siège des sensations et des émotions» [Le Petit Robert, 2012, p.331]

Наши SOS всё глуше, глуше, / И ужас режет души напополам!

Notre SOS est de plus en plus sourd / Et l'horreur nous fend le cœur / En deux

Интересными представляются в вышеуказанном примере функции категории числа во французском и русском языках. Соотнесенность обозначаемого денотата с реальностью или множественностью в русском языке обусловлена принадлежностью к категории считаемости/несчитаемости, а во французском языке *coeur/ceurce* переходит в категорию неисчисляемости и обозначает абстрактное понятие.

Во многих исследованиях отмечается, что специфика национального менталитета наиболее ярко выражается во фразеологических сочетаниях [Овчинникова, 2015, с.385]. В силу того, что концепт «душа» занимает большое место в эмоционально-выразительном дискурсе В.С. Высоцкого, образные компоненты нередко включают данную лингвокультуру. Сложность перевода фразеологических сочетаний обусловлена асимметрией внутренней формы компонентов в русском и французском языках и часто удается найти только частичные межъязыковые эквиваленты, как в следующем примере:

Я не люблю, когда мне лезут в душу, /

Тем более, когда в нее плюют.

Je ne supporte pas que l'on entre dans mon âme, /

Je ne supporte pas qu'on la couvre de crachats.

«Я не люблю» / «Je n'aime pas», tr. par J.-J. Marie

Выбор варианта «entrer dans l'âme» не учитывает реализации приращенной семы «бесцеремонно расспрашивать о личных переживаниях человека, которые он предпочитает скрывать. В данном контексте наибольшее соответствие сем наблюдается у фразеологического оборота «sonder le coeur», хотя полной межъязыковой эквивалентности и в этом случае обнаружить не удастся. Поиск эквивалентов для фразеологического сочетания «плевать в душу» с привлечением анкетирования французских респондентов из университета «Гренобль-Альпы» позволяет предложить вариант «mettre les pieds dans l'assiette et remuer dedans», но переводчик пошел по пути сохранения образа русской ментальности и предложил описательный перевод «couvrir l'âme de crachats».

Как показал фактический материал, привлеченный для данной статьи, типологические признаки «душа/âme» во французском и русском языках имеют как сходные ядерные семы, но значительные отличия на уровне дифференциальных сем, что объясняется расширением значений за счёт потенциальных сем, обусловленных их реализацией в словоупотреблениях В.С. Высоцкого, что в значительной степени обогатило концепт «душа» в русском языке, но и усложнило поиск межъязыковой эквивалентности в русском и французском языках.

Материалы данной статьи позволяют заключить:

– рассмотрение переводческой деятельности как межкультурного многоголосного полилога заполняет лагуну в теоретических исследованиях переводоведения с точки зрения когнитивистики;

– анализ переводного поэтического текста в свете теории хронотипа М.М.Бахтина позволяет по-новому раскрыть особенности идиостиля В.С. Высоцкого и его отражение в переводных текстах на французский язык;

– типологические признаки «душа//âme /соеизг» во французском и русском языках обнаруживают как сходные ядерные семы, так и значительные различия на уровне дифференциальных сем, что обусловлено расширением значений за счёт потенциальных сем, обусловленных их реализацией в специфических словоупотреблениях В.С. Высоцкого, что в значительной степени обогатило концепт «душа» в русском языке, но и усложнило поиск межъязыковой эквивалентности во французском языке.

Литература

1. Андриенко Е.В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В.С. Высоцкого: между тоской и свободой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Андриенко Елена Владимировна. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2003. – 296 с.

2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе//Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234 – 407.

3. Богомолов Н. А. Чужой мир и своё слово: Высоцкий – Галич -Пушкин, далее везде // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова / Н. Богомолов. – М.: Новое лит. обозрение, 2004. – С. 382-398, 426-440

4. Бродская Е. В. Рецепция творчества В.С.Высоцкого в советской прессе 1960-х – 1980-х гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Бродская Евгения Вадимовна. – М.: Рос. гос. гуманитар, ун-т (РГГУ), 2011. – 174 с.

5. Волкова И.В. Авторское «я» и «маски» в поэзии В.С. Высоцкого: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/Волкова Наталья Васильевна. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – 172 с.

6. Дюпина Ю.В. Цветообозначения в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дюпина Юлия Владимировна. – Тюмень, 2009. -189 с.

7. Овчинникова Г.В. Особенности интерпретации фразеологизмов во французской и русской лингвокультурах. – Древняя и Новая Романия, 2015.-Т.15.№1. С.659-663.

8. Раевская М.А. Восприятие поэзии В.С. Высоцкого в Болгарии: переводы и критика (1972-2009): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Раевская Мария Александровна. – Москва, 2009. – 316 с.

9. Свиридов С.В. Структура художественного пространства в поэзии В.Высоцкого: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Свиридов Сергей Владимирович. – Москва, 2003. – 234 с.: ил.

10. Blanc H. Les auteurs du printemps russe Okoudjava, Galitch, Vyssotski. Montricher. Noir sur blanc. – Cop. 1991. – 144 p.

11. Buvina E., Curletto M.J. L'anima di una cattiva compagnia. Vita e imprese mirabolanti di Vladimir Vysockij. – Bologna, 2009. – 452 p.

12. Pfandl H. Textbeziehungen im dichterischen Werk Vladimir Vysockijs. -München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 453 с.

13. Zimna M. Vysockis. Viskas kitas dalykas, kuriuos apie jį zinau. -Vilnius, Gimtasis zodis, 2008. – 239 p.

14. Vyssotski V. Ballades. – P., 2003. 444p.

15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.- Т.1.-М.:Русский язык-Медиа, 2003. 699с.

16. Изотов В.П. Словарь языка поэзии Владимира Высоцкого. [Вып. 6] / В.П. Изотов; Орлов, гос. ун-т. – Орел, 2001. – 60 с.

17. Rey A., Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, P., 2006. 2 200p.

TRANSLATED POETIC TEXT AS A REFLECTION OF THE CHRONOTOPE OF V. S. VYSOTSKY'S LYRICS

Asya S. Ovchinnikova
International Police Academy (Tula)

Abstract. The article is devoted to one of the topical issues of studying the poetic text as a chronotope on the example of the French translated texts of the song creativity of V. S. Vysotsky. The most interesting comparative study of the source and translated text in Russian and French is the controversial issue of defining the translated text from the point of view of intercultural communication. In the proposed study, a new approach to the translated text as a chronotope is proposed in the light of M. M. Bakhtin's theory. From the point of view of intercultural communication, the source and translated texts are considered as the result of an intercultural polylogue between the author /authors – translator/team of translators – readers. The article considers the linguoculturema “soul” in the comparative aspect of the conceptual sphere of poetic creativity on the example of the Russian and French languages. The application of spectrum techniques to illustrative material, such as a method of dictionary definitions, method of comparative analysis, method of component analysis leads to identification of similarities and differences in the representations of the investigated concept, via the pursuit of nuclear, differential and potential SEM “âme”, “coeur”, “soul” in structurally different languages.

Keywords: concept, chronotope, source text, translated text

Овчинникова Ася Сергеевна,
ст.преп. кафедры лингвистики и
ГЕНД Международная полицейская
академия,
тел.: +7 (487) 256 5275
email:asovchin@gmail.com

Asya S. Ovchinnikova
International Police Academy,
senior teacher linguistics departments
mobile: +7 (487) 256 5275
email:asovchin@gmail.com

УДК: 811 13 81' 44

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «МАРШЕВОГО ЖУРНАЛА» ПОЛКА НОРМАНДИЯ-НЕМАН КАК МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ

Овчинникова Г.В.
МГОУ, Москва
МПА, Тула

Аннотация. Предлагаемый научно-практический проект представляет учебный перевод мемуарной литературы, который представляет наибольшие трудности в переводческом плане. Проблема исследования переводческих проблем мемуарной литературы недостаточно изучена современными традуктологами и потребовала проведение глубокого предпереводческого анализа, направленного не только на особенности лингвистического анализа текста, но и на генетический анализ и межкультурные компоненты военного периода. Совокупность

предпринятых методов и приемов предпереводческого анализа позволили рассмотреть перевод как межкультурный письменный диалог между переводчиком и автором текста, с одной стороны, но с другой стороны, между переводчиком и потенциальным читателем. Биномный подход к учебному переводу способствует достижению наилучших результатов при поиске эквивалентов.

Ключевые слова: проект, мемуарная литература, перевод

Данный научно-практический переводческий проект [1] был предложен магистрантам и студентам, изучающим французский язык, с целью решения ряда теоретических и практических вопросов переводоведения, широко обсуждаемых в Московской школе переводоведения [2,3,4,5,6,7], в Воронежской переводческой школе [8,9,10,11],

В качестве текста оригинала был предложен «Маршевый журнал» полка Нормандия-Неман, подаренный музеем Ломинцевской школы Шекинского района, г. Тулы. Эта книга была выпущена в 1946г. Первые экземпляры были пронумерованы и вручены как подарок каждому ветерану полка.

Перевод мемуаров требует от начинающего переводчика владения инструментарием расширения коллективной памяти и освоения военных событий, связанных с французской эскадрилей. С этой целью предпереводческий анализ включал экстралингвистическую работу с будущими переводчиками: неоднократные встречи с ветеранами полка «Нормандия-Неман» Н.И. Кульповым, Б.М. Цудиковым, с сыновьями Анри Фуко, с представителями Ассоциации «Эспас Нормандия-Неман» Франсуа Колино и Оливье Бюрлоттом. Участники проекта выступили переводчиками на международных форумах, посвященных памяти полка «Нормандия Неман», а также на встречах с Жонасом Берто, французским велосипедистом, который совершил 5000-километровый пробег из Франции в Россию по маршруту авиаполка и посвятив его французским и русским пилотам, механикам полка «Нормандия-Неман» с целью вновь подтвердить узы дружбы, объединяющие французский и русский народы.

Актуальность данного проекта заключалась в том, что проблема перевода мемуарной литературы недостаточно исследована в современной лингвистике с точки зрения межкультурной коммуникации, учебный перевод такого рода проводится впервые.

В предпереводческом лингвистическом анализе наибольший интерес представляет составление глоссария для перевода военных терминов: *une rosette, friser la piste de l'hélice, vol en double, faire libre chasse en rase motte, se poser sur le ventre, fermer ses ailes, perdres ses plumes.*

Взаимодействие французских пилотов и русских механиков нашло отражение в частом появлении русских заимствований в «Маршевом журнале», таких как: *polkovnik, la stolovaya/stalovaya/stalovaia, le sielo (celo), la zemlianka, le prikaz, la samagonka.*

Межкультурные компоненты и элементы интертекстуальности украшают предпереводческий анализ более глубоким проникновением в иноязычную культуру. Национальный праздник в канун 14 июля был отмечен праздничным обедом (*zakouski, côtes de porc pannés, pomme de terre, bonbons, gâteaux et dragées, vodka et vins*) и завершился «фейерверком», который представил интерес в переводческом плане: «Et la soirée se termine tôt par un feu d'artifice du capitaine Matras qui joue *«le chasseur de casquettes»*...

Лингвокультурема *le chasseur de casquettes* связана с литературными персонажами Альфонса Доде «Tartarin de Tarascon». Les chasseurs de casquettes n'ont pas besoin de choisir une grosseur (calibre) de plomb, mais en donnant un règlement, ils se donnent l'illusion de chasser vraiment. Après quoi, quand on est bien lesté, on se lève, on siffle les chiens, on arme les fusils, et on se met en chasse. C'est-à-dire que chacun de ces messieurs prend sa

casquette, la jette en l'air de toutes ses forces et la tire au vol avec du 5, du 6 ou du 2 – selon les conventions. Celui qui met le plus souvent dans sa casquette est proclamé roi de la chasse, et rentre le soir en triomphateur à Tarascon, la casquette criblée au bout du fusil, au milieu des aboiements et des fanfares.

Ассистенты проекта и магистранты-участники проекта, получив опыт письменного перевода в рамках проекта перевода мемуарной литературы, приняли участие как переводчики последовательного перевода во время неоднократных встреч с господином Франсуа Колино, президентом Ассоциации «Espace Normandie-Nièmen, с представителем этой Ассоциации в Москве Оливье Бюрлотт.

В октябре 2020 г. ассистент проекта выступила в онлайн встрече переводчиком-синхронистом в рамках волонтерской программы. Во встрече, посвященной легендарному авиационному полку «Нормандия-Неман». Переводчики успешно справились с переводом живых воспоминаний непосредственных участников исторических событий – ветеранов полка, потомков – детей и внуков прославленных французских пилотов. Все они с большим желанием ждали возможности выступить с рассказами и показать личные и семейные фото и реликвии.

Но тульские переводчики-синхронисты практиковались не только в бытовом дискурсе, но и в дипломатическом. Глубоко эмоциональными приветствиями ветеранам и другим участникам встречи обменялись Посол России во Франции А.Ю. Мешков и Посол Франции в России П. Леви.

Высокий российский дипломат сделал акцент на ответственности нашего поколения в противостоянии возрождению нацизма и пересмотру итогов Нюрнберга. Его французский коллега подготовил для гостей встречи репортаж о стендовой выставке, организованной Посольством по случаю 75-летия возвращения авиаполка во Францию, и рассказал о памятных реликвиях, хранящихся в московской резиденции Посла.

Вдвойне приятно было переводить ветеранов полка –земляков.

Пилот 18-го Гвардейского авиаполка Н.И. Кульпов поделился воспоминаниями о совместных боевых вылетах с французскими асами, об обучении групповым вылетам мастером одиночного боя, о послевоенной дружбе ветеранов и встречах со школьниками.

Ценными воспоминаниями об отношениях с французскими пилотами и документами поделились и механики полка «Нормандия-Неман» В.И. Огурцов и Б.М. Цудиков.

Подхватывая эстафету у российских ветеранов, боевой путь своих предков осветили дети французских героев. О своем легендарном отце, командире полка «Нормандия-Неман» Пьере Пуйяде рассказала его дочь Э. Пуйяд и показала фотографии из семейного архива.

Сын пилота Фернана Пьеро и представитель ассоциации «Мемориал Нормандия-Неман» Э. Пьеро выступил с рассказом о малоизвестной судьбе летчика Ива Маэ. О сохранении реликвий полка и памяти о дружбе французских и советских героев рассказали представители ведущих мемориальных ассоциаций, поддерживающих память о легендарной эскадрилье, С.А. Аракчеев, А. Фаж и Ф. Коллино.

Немалый интерес переводчиков вызвало овладение архивной лексикой. Интересными документами и сведениями поделились начальник отдела исследовательской работы Государственного архива Тульской области И.А. Антонова, которая подключилась из здания Дворянского собрания в Туле, где некогда проходили вечера с участием французских и советских пилотов, отдохавших после тренировочных полетов.

Знание терминов живописи и скульптуры пригодилось переводчика при переводе сюжета онлайн-встречи с Народным художником России, автор двух монументов, посвященных эскадрилье В.А. Суровцевым.

Кроме того, состоялась презентация макета нового памятника, предложенного инициативной группой молодых российских скульпторов. Участники встречи поддержали представленный проект и согласились с предложением передать макеты композиции руководству двух стран.

Прекрасно справились синхронисты и с поэтическим переводом:

На высокой эмоциональной ноте встреча закончилась выступлением победительницы Международного вокального фестиваля «Дорога на Ялту–2020» Кристель Лури. Известная певица вновь исполнила знаменитую военную песню Б.Ш. Окуджавы «Нам нужна одна Победа».

Проведенный предпереводческий анализ –важный этап на пути учебной переводческой деятельности, и его результаты могут быть полезны для дальнейших новаторских экспериментов в подготовке будущих переводчиков.

Литература

1. Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении: критическое введение в социальную поэтику. М.: Лабиринт, 2003. 192 с.
2. Овчинникова Г.В. Особенности межкультурной коммуникации в военно-мемуарной литературе. СПб.: Мастерская печати, 2019.134с.
3. Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. №10. С. 76–86.
4. Рекош К.Х. Дискурс обычая в праве Франции.// Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление.Право. 2017. №2. С.124-133.
5. Цыбова И.А. «Faux amis» en langues romanes: Petit dictionnaire. Aide au traducteur = Ложные друзья переводчика» в романских языках. Небольшой словарь в помощь переводчику (на французском языке). М.: ЛЕНАНД, 2019. 48 с.
6. Védénina L.G. Enseignement culturel et scientifique du français langue étrangère. // Linguistique.2020. Vol. 56, №1. С. 179-186.
7. Алексеева Е. А. Развитие навыков допереводческого анализа // Вопросы теории и практики перевода. 2001. № 6. С. 91-95
8. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Academia, 2006. 123 с.
9. Фененко Н.А. Русское слово во французском тексте // От слова к тексту: материалы международной научной конференции (Минск, 13-14 ноября 2000). Минск, 2000. Ч. 3. С. 45.

PRE-TRANSLATION ANALYSIS AS AN INTERCULTURAL INTERACTION (OF THE «MARCHING JOURNAL» OF THE NORMANDY-NIEMEN REGIMENT AS AN INTERCULTURAL INTERACTION)

Galina V. Ovchinnikova
Moscow State University, Moscow
International Police Academy (Tula)

Abstract. the proposed scientific and practical project is an educational translation of memoir literature, which presents the greatest difficulties in translation terms. The problem of the study of translation problems of memoirs understudied modern traductology and demanded an in-depth pre-translation analysis aimed not only at features of the linguistic text analysis, but also on genetic analysis and cross-cultural components of the war period. The set of methods and techniques of

pre-translation analysis made it possible to consider translation as an intercultural written dialogue between the translator and the author of the text, on the one hand, but on the other hand, between the translator and the potential reader. The binomial approach to educational translation helps to achieve the best results when searching for equivalents.

Key words: project, memoir literature, translation, binomial

Овчинникова Галина Витальевна,
Московский государственный областной
университет,
профессор факультета романо-филологии,
Международная полицейская академия,
зав.кафедрой лингвистики и ГЕНД
тел.: +7 (962) 271 2610
email:galinaovtchinnikova@yandex.ru

Galina V. Ovchinnikova
Moscow State Regional University,
Professor of the Faculty of Romance
Philology,
International Police Academy,
Head of the Department of Linguistics
mobile: +7 (962) 271 2610
email:galinaovtchinnikova@yandex.ru

УДК 811.111'25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДЕЛАКУНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Остапенко Д.И.
Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению дополнительного метакоммуникативного пространства, созданного Е.С. Петровой при переводе романа Дж. Барнса «Предчувствие конца» на русский язык. Практическим материалом для исследования послужили подстрочные и затекстовые переводческие примечания, сопровождающие текст перевода. Примечания анализируются с точки зрения их формы, структуры, содержания, типа и функций. В статье представлены статистические данные относительно общего количества переводческих примечаний и прокомментированных в них элементов исходного текста. Автор предлагает классификацию затекстовых примечаний к роману, основанную на типе поясняемого объекта. Проводится оценка степени эффективности переводческих примечаний с точки зрения восполнении лакун в фоновых знаниях получателей перевода, которые необходимы им для полноценного понимания заложенных в произведении смыслов.

Ключевые слова: Дж. Барнс, «Предчувствие конца», переводческая метакоммуникация, переводческий метатекст, переводческое примечание, подстрочные примечания, затекстовые примечания, восполнение лакун в фоновых знаниях

Данная статья посвящена исследованию переводческих метатекстов, которые сопровождают роман британского писателя Дж. Барнса «Предчувствие конца» в переводе Е.С. Петровой и образуют дополнительное метакоммуникативное поле, позволяющее восполнить лакуны в фоновых знаниях русскоязычных читателей. Вспомогательные метатексты выполняют пояснительную функцию и представлены двумя видами примечаний: подстрочными и затекстовыми.

Общее количество подстрочных примечаний составляет две единицы. Они имеют абстрактно-энциклопедический характер [1], относятся к лингвистическому типу [2] и включают перевод немецких заимствований, присутствующих в тексте романа:

«*Weltanschauung* – мировоззрение (нем.)», «*Sturm und Drang* – буря и натиск (нем.)» [1*, с.27].

Примечательно, что в оригинале иноязычные вкрапления никак не поясняются. Дж. Барнс использует немецкий язык для того, чтобы дополнительно подчеркнуть просвещенность героев и в то же время их ироничное отношение к себе: «*Yes, of course we were pretentious – what else is youth for? We used terms like “Weltanschauung” and “Sturm und Drang”, enjoyed saying “That’s philosophically self-evident”, and assured one another that the imagination’s first duty was to be transgressive*» [2*, с.10].

Е.С. Петрова, стремившаяся сохранить исходный авторский замысел, оставляет заимствования в тексте перевода: «*Да, конечно, мы выделялись – а как же без этого в юности? Сыпали такими терминами как «Weltanschauung»¹ и «Sturm und Drang»², без конца повторяли «с философской точки зрения это самоочевидно» и убеждали друг друга, что воображение в первую очередь должно быть трансгрессивным*» [1*, с.27]. Такое переводческое решение и послужило причиной создания примечаний.

Как видим, информация, содержащаяся в анализируемых примечаниях, требуется русскоязычной читательской аудитории непосредственно в процессе чтения, именно этим обусловлен выбор данной формы примечаний. Примечания характеризуются небольшим объемом и расположены внизу страницы под авторским текстом, что позволяет читателям сразу получить необходимую информацию в удобном формате и быстро вернуться к основному тексту.

В сравнении с подстрочными примечаниями, затекстовые примечания к роману образуют значительно более объемную группу и представлены в количестве 31 единицы. Таким образом, в общей сложности произведение сопровождают 33 переводческих комментария. Затекстовые примечания имеют историко-культурологический характер [2]. Так же как и подстрочные примечания, они содержат абстрактно-энциклопедические сведения относительно комментируемых элементов исходного текста (ИТ), но в гораздо большей степени ориентированы на контекст [1].

Отметим, что некоторые примечания сочетают в себе пояснение сразу нескольких объектов – переводчица прокомментировала 34 элемента авторского текста, среди которых встречаются онимы, цитаты, аллюзии и реалии. Рассмотрим затекстовые примечания к роману на основании типа комментируемого объекта более подробно.

1. Примечания, поясняющие онимы из ИТ

В общей сложности в примечаниях встречается 21 оним. В их число входят 16 антропонимов, три названия песен, одно название литературного произведения и одно название организации. К примеру, в следующем примечании Е.С. Петрова комментирует имя известного немецкого художника, а также проясняет аллюзию на его творчество в связи с именем английского монарха, которое упоминают в разговоре герои романа: «*Генриха Восьмого... если бы Гольбейн написал его портрет. – Ганс Гольбейн-младший (1497-1543) – один из величайших немецких художников. Работая в Англии, создал портреты монарших особ, в том числе несколько портретов Генриха VIII, и эскизы парадных придворных облачений*» [1*, с.275].

Поскольку Е.С. Петрова выбрала стратегию перевода названий песен, поясняющие их примечания содержат как фоновую информацию о композициях, так и их переводные и оригинальные названия, что облегчит читателю их поиск, если возникнет такая необходимость. Приведем конкретный пример: «*...Нед Миллер допел «Из валетов в короли»... – «From a Jack to a King» – песня кантри-певца Неда Миллера (1925-2016), хит 1962 г.*» [1*, с.281].

Названия художественного произведения и издательства встречаются в одном и том же отрывке ИТ, посвященном описанию личной библиотеки Вероники, школьной подруги главного героя Тони Уэбстера. Название издательства, в котором, как утверждает автор, вышли произведения Дж. Оруэлла и А. Кестлера, переводчица комментирует таким образом: «*Книжный клуб левых*» – издательство, которое создал в 1935 г. Виктор Голланц в целях публикации дешевых книг, освещающих вопросы социал-демократизма и лейбористского движения» [1*, с.279-280]. Примечание к названию произведения включает следующую информацию: «*Я захватил замок*» (1948) – первый роман английской писательницы Дороти (также Доди, Доуди) Смит (1896-1990), перу которой принадлежит знаменитая книга «*Сто один далматинец*» (1956), экранизированная на киностудии Уолта Диснея в 1961 г.» [1*, с.280]. Е.С. Петрова поясняет и другие малознакомые получателям перевода оными из этого отрывка: У.Х. Оден, Ф.Л. Макнис, С. Смит, Т. Ганн, Т. Хьюз, А. Кестлер, А. Рэкхем. Имена Т.С. Элиота и Дж. Оруэлла, которых также упоминает Дж. Барнс, не входят в этот список, так как должны быть хорошо известны русскоязычной целевой аудитории. Таким образом, составленные переводчицей примечания позволяют читателям перевода восполнить лакунарные фоновые знания и составить полноценное представление о литературных предпочтениях героини.

2. Примечания, поясняющие цитаты из ИТ

Общее количество прокомментированных Е.С. Петровой цитат составляет 7 единиц. Например, молодой человек по имени Алекс считался главным философом среди друзей Тони, поскольку читал различные философские трактаты и мог неожиданно процитировать прочитанное. Переводческое примечание, иллюстрирующее один из таких эпизодов, совмещает пояснение как самой цитаты, так и краткую ремарку о ее авторе: «*О чем невозможно говорить, о том следует молчать*» – заключительный афоризм из «*Логико-философского трактата*» (нем. изд. 1921, англ. изд. 1922) австро-английского философа Людвиг Витгенштейна (1889-1951), одного из виднейших мыслителей XX в.» [1*, с.276].

3. Примечания, поясняющие аллюзии из ИТ

Прокомментированные в примечаниях аллюзии представлены в количестве 5 единиц. Приведем пример интертекстуальной отсылки к произведению британского поэта и прозаика Ф. Ларкина, которая выражена непрямой аллюзией: «...как заметил поэт, добавление и рост – это не одно и то же. – *Перефразированная цитата из стихотворения Ф. Ларкина «Доккери и сын», повествующего о смерти друга, у которого примерно в девятнадцать лет родился сын, и о безвозвратно утраченных возможностях*» [1*, с.281]. Из переводческого примечания становится понятно, что созданные Ф. Ларкиным и Дж. Барнсом сюжеты во многом перекликаются: в романе, как и в стихотворении, друг главного героя погибает, оставляя после себя сына.

4. Примечания, поясняющие реалии из ИТ

Среди примечаний встречается один комментарий реалии. Он посвящен традиционному английскому блюду «fish and chips», которое заказал в пабе главный герой романа, и разъясняет форму его подачи: «*Мне подали хек и картофель фри ручной нарезки, причем картофель – в металлической миске, высланной газетной бумагой. – Дать старой английской традиции: жареную рыбу с картофелем фри (fish and chips), любимое многими британцами недорогое блюдо, обычно подавали навывнос в кулках, свернутых из вечерашнего номера дешевой газеты*» [1*, с.282].

В отличие от подстрочных примечаний, затекстовые примечания к произведению содержат более подробную вспомогательную информацию о комментируемых фраг-

ментах авторского текста. Их объем варьируется от одного до нескольких предложений, что позволяет охарактеризовать их как собственно тексты и соотнести с категорией метатекстов [2]. Примечания расположены после основного текста романа, что объясняется двумя основными факторами – размером и степенью обязательности прочтения. С одной стороны, они не отягощают ИТ и не препятствуют его последовательному и непрерывному восприятию, с другой стороны, представленные в них сведения носят справочный характер, и читатель вправе самостоятельно определить, требуется ли ему какая-либо дополнительная информация для полноценного понимания авторского текста.

В заключение отметим, что комплексный подход к созданию примечаний к переводу романа Дж. Барнса «Предчувствие конца» позволил Е.С. Петровой добиться их максимальной эффективности в элиминации лагун в фоновых знаниях, необходимых русскоязычным читателям для адекватного восприятия произведения. Переводческие примечания составлены с учетом потребностей целевой аудитории перевода, не содержат заведомо известных или избыточных сведений, контекстуально ориентированы и образуют дополнительное метакоммуникативное поле, которое способствует вхождению романа в принимающую лингвокультуру.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
2. Остапенко Д.И. Переводческий метатекст: типология, структура и функции. М.: Современная экономика и право, 2015. 228 с.

Список источников примеров

- 1* Барнс Дж. Предчувствие конца. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 288 с.
- 2* Barnes J. The Sense of an Ending. London: Jonathan Cape Random House, 2011. 144 p.

TRANSLATOR'S COMMENTARIES AND THEIR ROLE IN THE ELIMINATION OF THE BACKGROUND KNOWLEDGE GAPS IN TRANSLATED FICTION

Darya I. Ostapenko
Voronezh State University

Abstract. the article is devoted to the study of the extra metacommunicative field created by Ye.S. Petrova who translated the novel “The Sense of an Ending” by J. Barnes into Russian. Practical material for the study comprises translator’s footnotes and endnotes which accompany the translated text. The analysis focuses on the form, structure, content, type, and function of the commentaries. The article presents statistics on the total number of translator’s commentaries and the commented elements of the source text. The author suggests a classification of the endnotes to the novel according to the type of the commented object. The author also attempts to assess the level of their efficiency in the elimination of the gaps in the background knowledge which the target readers need to fully understand the content of the novel.

Key words: J. Barnes, “The Sense of an Ending”, translator’s metacommunication, translator’s metatext, translator’s commentaries, footnotes, endnotes, elimination of the gaps in the background knowledge

Остапенко Дарья Игоревна,
доцент кафедры перевода и
профессиональной коммуникации
Воронежского государственного
университета
тел.: +7 (473) 228 1160, доб. 2770
e-mail: daryaostapenko@mail.ru

Darya I. Ostapenko,
Associate Professor at the Department
of Translation and Professional
Communication, Voronezh State University
mobile: +7 (473) 228 1160, ext. 2770
email: daryaostapenko@mail.ru

УДК 811.134.2'373.21

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

Перфильева К. Е.
научный руководитель
к.ф.н, доц. кафедры романской филологии
Филиппова Т. Н.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В данной статье предпринята попытка анализа лексико-стилистических особенностей испанского политического интервью с целью выявления и определения наиболее частотных лексико-стилистических средств, употребляемых журналистами, ведущими интервью, и интервьюируемыми политическими деятелями Испании. На материале интервью, опубликованных в ведущих испанских газетах и журналах, таких как «El País», «El Mundo», «ABC» и др. мы проанализировали 127 примеров лексико-стилистических средств и выявили, что самым распространённым из них является метафора, используемая в политическом интервью для того, чтобы оказывать определённое воздействие на адресата, влиять на его мысли и чувства. Вторым по частотности употребления, как показал анализ, является эпитет, используемый политиками для того, чтобы придать речи наибольшую эмоциональность, дать оценку каким-либо событиям, а также акцентировать внимание на определённых проблемах. В меньшей степени в политическом интервью употребляется метонимия и гипербола. Использование метонимии в данном виде политического дискурса обусловлено тем, что это лексическое средство через устойчивые образы помогает политику легче донести до адресата какую-либо информацию. В свою очередь гипербола в политическом интервью, как правило, применяется в качестве действенного средства критики политических оппонентов, что помогает политикам представить в выгодном свете свою партию или политический курс.

Ключевые слова: политическое интервью, метафора, эпитет, метонимия, гипербола

Политика неизменно играла и продолжает играть важную роль в жизни общества. В современном мире значение политического решения вопросов как международного, так и регионального масштаба трудно переоценить, поскольку от этого зависит и ход исторического развития, и стабильность, и возможность предотвращения военных конфликтов. Язык и речевое поведение политиков, особенно первых лиц, традиционно воспринимаемых как символ государства, влияют на имидж и место страны на международной арене. Все это обусловило наш выбор политического интервью в качестве предмета исследования.

Политическое интервью – это тот тип общения, для которого характерна высокая степень манипулирования. Изучение его лексико-стилистических особенностей способствует более точному подбору тех лексико-стилистических средств, которые оказывают речевое воздействие на аудиторию, делают интервью ярким, выразительным и запоминающимся.

Прежде чем приступить к лексико-стилистическому анализу испанского политического интервью необходимо рассмотреть ключевое для нашего исследования понятие политического интервью. Вслед за А. К. Михальской под политическим интервью мы понимаем высококонвенциональный (социально «условный»), публичный речевой жанр с жёстким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится раскрыть значимые для общества черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности» [1, с. 41].

Обращаясь к вопросу об основных характеристиках политического интервью, мы исходим из исследований Н. И. Лавриновой, которая в качестве доминирующего свойства текста политического интервью выделяет персуазивность – определенное воздействие автора устного или письменного сообщения на его адресата с целью убеждения в чем-то [2, с. 69].

Не менее важной характеристикой политического интервью, по ее мнению, является его полисубъектность – взаимодействие трех субъектов коммуникативного процесса интервью – интервьюера (журналиста), интервьюируемого, в роли которого выступает политик, и адресата, для которого предназначено сообщение. Для текстового политического интервью характерен определённый стиль изложения информации, которому присущи такие особенности изложения, как документальность, логичность, официальность, объективность, сдержанность, служащие для придания тексту наибольшей информативности.

Другой важной характерной особенностью политического интервью является его оценочность, которая предполагает, что субъект коммуникации (автор текста) строит своё речевое поведение таким образом, что защита интересов, обоснование деятельности одних социальных групп или их представителей сочетается с негативной оценкой оппонентов.

Согласно Н. И. Лавриновой, текст политического интервью обладает еще и такой характерной чертой, как институциональность. Ее наличие вытекает из основополагающего понимания интервью как «разговора с политиком о политике», что предполагает общение коммуникантов в рамках заданных статусно-ролевых отношений.

С точки зрения социокультурной направленности, очевидно, что для политического интервью характерна политическая лексика, понятная для целевой аудитории, а также идеологически маркированные выражения, зависящие от партийной принадлежности политического деятеля и преследуемой коммуникативной цели [2, с.70-71].

Нами была предпринята попытка рассмотреть лексико-стилистические средства, используемые в испанском политическом интервью. Мы проанализировали 127 примеров употребления метафор, метонимий, гипербол и эпитетов и пришли к выводу о том, что наиболее частотным лексико-стилистическим средством выразительности в политическом интервью является метафора. Нами было выявлено 69 случаев её употребления.

Метафора способна оказывать эффективное воздействие на адресата и зачастую используется в политическом интервью для достижения конкретных политических це-

лей. Использование метафор создаёт определённый эмоциональный эффект, придаёт речи яркость, образность и выразительность, делает её запоминающейся.

Анализ метафоры был проведен на основе классификации, предложенной А. П. Чудиновым, который выделяет антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную метафоры [3, с.35-36].

Антропоморфной является такая метафора, в которой анализируются концепты следующих понятийных сфер: «Анатомия», «Физиология», «Болезни», «Семья» и так далее.

Природоморфная метафора основана на таких понятийных сферах, как «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы».

Источником метафоризации в социоморфной группе метафор по мнению исследователя служит социальная жизнь людей и понятийный круг, который к ней относится: «Деловое сотрудничество», «Преступность», «Война», «Спорт» и тому подобные сферы.

Основой артефактной метафоры являются предметы, созданные руками человека или относящиеся к его творческой деятельности. К понятийным сферам данного типа метафоры относятся: «Домашняя утварь», «Здание», «Механизм», «Инструменты» и так далее.

Из 69 проанализированных нами примеров наиболее частотной оказалась социоморфная метафора (27 единиц), за ней следует антропоморфная метафора (22 единицы), менее употребительными оказались природоморфная метафора (13 единиц) и артефактная метафора (7 единиц). Примеры данных типов метафоры приведены в Таблице 1.

Таблица 1.

Модель	Частота (кол-во лек. ед.)	Пример
Социоморфная 27		
– Деловое сотрудничество	1	... están deseando que <i>cojamos las maletas y nos marchemos</i> [1*].
– Война	15	Para nosotros (PSOE) <i>un ataque a la Constitución es un ataque prepolítico</i> que nada tiene que ver con la ideología [2*].
– Спорт	8	<i>Estamos corriendo el maratón</i> para llegar cuanto antes a la meta. <i>Parecernos a un corredor keniaita; queremos batir su récord</i> [3*].
– Досуг	3	... me parece agotador tener que <i>hacer un sudoku electoral</i> examinando todas las posibilidades sin saber aún qué fuerza nos van a dar a cada uno [4*].
Антропоморфная 22		
– Анатомия	9	El Partido Socialista sigue siendo la mejor <i>red arterial</i> de este país [5*].
– Физиология	5	<i>Las políticas públicas... son completamente ciegas</i> [6*].

– Болезни	6	...porque <i>hay una parte de la sociedad vasca que está enferma de odio</i> contra todo lo vasco y español [7*].
– Семья	2	Lo que han conseguido los independentistas no es <i>romper con España</i> , sino con la democracia [8*].
Природоморфная 13		
– Животные	3	...la dialéctica de confrontación entre Rajoy y Puigdemont <i>aburre a las ovejas</i> [9*].
– Растения	1	España debe ser siempre <i>fruto del perdón</i> .. [1*].
– Неживая природа	9	...también <i>causó una tormenta</i> en el interior del PSOE [2*].
Артефактная 7		
– Здания	3	Una negociación entre 27 países necesita pasar por distintas etapas ... primero <i>la arquitectura del edificio</i> ... [3*].
– Инструменты	4	...la política es como la música, te tiene que sonar bien. <i>Si algún instrumento desafina..Y creo que en esa orquesta, Ciudadanos no es que desafine es que se va a cargar la guitarra</i> [4*].

Вторым по частотности лексическим средством выразительности в политическом интервью, как показал анализ практического материала, является эпитет.

Используя в речи эпитеты, политические деятели и интервьюирующие их журналисты создают необходимый эмоциональный фон высказывания, помогают акцентировать внимание адресатов на важных вопросах, а также передают отношение говорящего к определённым событиям и способствуют формированию определённого мнения у аудитории по конкретным событиям.

При анализе эпитетов мы исходили из классификации, предложенной И. Р. Гальпериным [4, с.187]. Он классифицирует эпитеты исходя из трех принципов: по принципу закреплённости-незакреплённости эпитеты делятся на языковые и речевые; по морфолого-синтаксическому выражению выделяется ряд структурных моделей эпитетов; по семантическому принципу эпитеты делятся на ассоциированные и неассоциированные.

Для нашего исследования представляется интересным проанализировать практический материал исходя из семантического принципа классификации, предложенного И. Р. Гальпериным.

Ассоциированными называются эпитеты, указывающие на такие признаки предмета, которые присущи ему от природы. Употребляя тот или иной ассоциированный эпитет, говорящий выбирает из многих признаков, присущих предмету или явлению один, который представляется ему наиболее существенным, и выдвигает его на первый план, привлекая к нему внимание читателя. Эпитеты данной группы подразделяются на метафорические, сравнительные, синестетические, звукообразные.

Неассоциированные эпитеты характеризуют предмет, добавляя ему дополнительную характеристику, которая может быть присуща только этому предмету.

В проанализированном нами практическом материале встретилось 28 примеров употребления эпитетов и все они относятся к ассоциированным эпитетам. Наиболее частотными из них оказались метафорические эпитеты – 23 лексические единицы, синестетические эпитеты представлены 5 лексическими единицами.

Полученные данные приведены в Таблице 2.
Таблица 2.

Модель	Частота (кол-во лек. ед.)	Пример
Ассоциированные 28		
Метафорические	23	En el actual contexto, el Senado va a cobrar protagonismo y para bien. Algunos creen que aquí se van a dar <i>debates muy traumáticos</i> , pero yo creo que no... [5*].
– Синестетические	5	Tenemos que acabar con esa <i>Galicia gris</i> que nos deja el PP [6*].

Не менее интересным с точки зрения употребления в политическом интервью выразительным средством нам представляется метонимия.

Метонимия через устойчивые образы даёт возможность адресату легче воспринимать преподносимую ему информацию, способствует быстрому усвоению политических образов, повышая их значимость.

Мы предприняли попытку систематизировать примеры употребления метонимии в политическом интервью исходя из классификации, предложенной Г. Н. Поспеловым [5, с.234]. В основе данной классификации метонимии лежит принцип противопоставления качественного (собственно метонимия) и количественного (традиционно – синекдоха) критерия. В первую группу Г. Н. Поспелов включает метонимии места, времени, а также основанные на переносе качеств материала на изделие. Во вторую группу входят примеры метонимии, в основе которой лежит перенос часть – целое, один предмет – множество.

Проанализировав 20 примеров употребления метонимии в политическом интервью и исходя из данной классификации, мы можем сделать вывод о том, что во всех случаях в речи политических деятелей и интервьюирующих их журналистов употреблялась разновидность метонимии – синекдоха. Приведем несколько примеров:

1. *Madrid la pidió* (ayuda), por ejemplo, para la construcción del hospital en Ifema... [3*].

2. *Francia, Italia y Alemania también restringen la movilidad* [7*].

3. *El PP nunca ha apoyado una ley educativa del partido socialista, y solo aprueban leyes educativas cuando cuentan con mayoría absoluta...* [8*].

Анализ практического материала показал, что в политическом интервью также встречаются примеры употребления гиперболы. Нами было выявлено 10 примеров. Приведем некоторые из них:

1. El PP está apostando por *generar riqueza* y por hacer que la gente de esa zona tenga un puesto de trabajo [9*].

2. Somos un Gobierno que dijo desde el primer momento que *íbamos a hablar con todo el mundo* [1*].

3. *Eso lo entiende todo el mundo* – para luchar contra la pandemia es preciso colaborar y no tenemos tiempo para enfrentamientos políticos... [2*].

Высказывания гиперболы характера – это мощное орудие убеждения в политических выступлениях, используемое для того, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации, актуализировать необходимость совершения какого-либо действия, подвергнуть критике позицию или действия политического оппонента и представить в вы-

годном свете свою партию или политический курс, а также это действенный способ оказания необходимого влияния на аудиторию, формирования определённого мнения у адресата по тем или иным проблемам.

Таким образом, анализ практического материала, представленного 127 единицами, показал, что в испанском политическом интервью наиболее употребительным лексико-стилистическим средством является метафора (69 единиц). Она используется в политическом интервью для того, чтобы оказать определённое воздействие на адресата, повлиять на его мысли и чувства, а также для того, чтобы сформировать в сознании аудитории позитивный или негативный имидж того или иного политического деятеля и выгодное для политика мнение по той или иной проблеме.

Вторым по частотности употребления в политическом интервью является эпитет (28 единиц), использующийся политиками для того, чтобы придать речи наибольшую эмоциональность, дать оценку каким-либо событиям, а также акцентировать внимание на определённых проблемах.

Следующим по частоте употребления в политическом интервью, как показал анализ, является метонимия (20 единиц). Её использование обусловлено тем, что данное лексическое средство через устойчивые образы помогает политику легче донести до адресата какую-либо информацию, способствует быстрому восприятию этой информации, а также её усвоению в сознании аудитории.

Наименее частотным лексическим средством, согласно нашему анализу, является гипербола (10 единиц). Как правило, она применяется в качестве действенного средства критики политических оппонентов, что помогает политикам представить в выгодном свете свою партию или политический курс. Гипербола заостряет внимание реципиентов на той информации, которую политик считает наиболее важной и существенной, оказывая тем самым необходимое влияние на адресата.

Все проанализированные нами лексико-стилистические средства: метафоры, эпитеты, метонимии и гиперболы придают речи яркость, выразительность и запоминаемость, а также являются действенным убеждающим средством, которое используют испанские политики в своей речи.

Литература

1. Михальская А. К. Полевая структура политического дискурса. Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью // Журналистика в 1999 году. Ч. 5. – Москва, 2000. – С. 28–70.
2. Лавринова Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью / Н. И. Лавринова // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2009. – №5. – С. 68–71.
3. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация : учебное пособие / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2009. – 292 с.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
5. Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение : учебное пособие / Г. Н. Поспелов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1988. – 528 с.

Список источников примеров

- 1*. ABC. – URL: <https://www.abc.es/> (Дата обращения: 15.04.2021).
- 2*. El Español. – URL: <https://www.elespanol.com/> (Дата обращения: 03.04.2021).
- 3*. El Mundo. – URL: <https://www.elmundo.es/> (Дата обращения: 10.03.2021).
- 4*. El País. – URL: <https://elpais.com/> (Дата обращения: 22.03.2021).
- 5*. El Público. – URL: <https://www.publico.es/> (Дата обращения: 15.02.2021).
- 6*. El Periódico. – URL: <https://www.elperiodico.com/es/> (Дата обращения: 24.02.2021).
- 7*. La Vanguardia. – URL: <https://www.lavanguardia.com/> (Дата обращения: 01.03.2021).
- 8*. PSOE. – URL: <https://www.psoe.es/search/1/entrevista%20/> (Дата обращения: 17.03.2021).
- 9*. 20 minutos. – URL: <https://www.20minutos.es/> (Дата обращения: 18.02.2021).

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF SPANISH POLITICAL INTERVIEW

Karina E. Perfilieva
Tatyana N. Filippova
Voronezh State University

Abstract. This article attempts to analyze the lexical and stylistic features of the Spanish political interview in order to identify and determine the most frequent lexical and stylistic means used by journalists and political figures in Spain. We analyzed 127 examples of lexical and stylistic means based on interviews published in leading Spanish newspapers and magazines, such as “El País”, “El Mundo”, “ABC”, etc. We found that the most common of them is a metaphor used in political interviews in order to exert a certain influence on the addressee, to influence his thoughts and feelings. According to the analysis epithets are the second most common lexical means, which are used by politicians to add emotionality to the speech, to assess certain events, and to focus on certain problems. Metonymy and hyperbole are less common in political interviews. Metonymy helps politicians to convey the information more easily to the addressee while hyperbole is usually used as an effective means of criticizing political opponents, which helps politicians present their party or political course from the best side.

Keywords: political interview, metaphor, epithet, metonymy, hyperbole

Перфильева Карина Евгеньевна,
Воронежский государственный университет
студентка 4 курса факультета романо-
германской филологии
тел.: +7 (920) 408 5096
e-mail: karina.perfilieva@gmail.com

Научный руководитель:
Филиппова Татьяна Николаевна,
Доцент кафедры романской филологии
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (951) 857 0461
e-mail: tanifi54@mail.ru

Karina E. Perfilieva
Voronezh State University
Student of the faculty of
Romance and Germanic Philology
mobile: +7 (920) 408 5096
e-mail: karina.perfilieva@gmail.com

Tatyana N. Filippova
Voronezh State University
assistant professor of the Department of
Romance Philology
mobile: +7 (951) 857 0461
e-mail: tanifi54@mail.ru

КАКИЕ РЕЧЕВЫЕ УМЕНИЯ И НАВЫКИ НУЖНЫ ПЕРЕВОДЧИКУ?

Петрова О.В.
Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Аннотация. В силу разного характера профессиональной деятельности переводчика и преподавателя иностранного языка различным оказывается и то, какие виды речевой деятельности являются для каждого из них приоритетными, и то, какими именно умениями и навыками им важнее всего овладеть. В статье обсуждаются эти различия и формулируются основные задачи, стоящие перед преподавателями иностранного языка при подготовке будущих переводчиков. Особый акцент делается на формировании у студентов профессионального переводческого мышления и на таком важнейшем его компоненте, как восприятие текста. В отличие от обычных читателей, переводчик должен воспринимать текст не как линейно развертывающееся сообщение, а как целостную смысловую и структурную единицу, характеризующую сеть внутритекстовых связей. На модели специально сконструированного текста автор показывает, как должна работать мысль переводчика в процессе чтения. Этому, по мнению автора, необходимо учить студентов-переводчиков при любой работе с текстом на занятиях по практике иностранного языка, способствуя тем самым формированию у них профессионального переводческого мышления. Только в этом случае можно говорить о профессионально ориентированном обучении.

Ключевые слова: профессиональная ориентированность изучения языка, речевые умения и навыки, переводческое мышление, восприятие текста, внутритекстовые связи

На протяжении многих десятилетий институты и факультеты иностранных языков в нашей стране готовили преимущественно будущих учителей и преподавателей этих языков. Не случайно уже в самом названии инязыв было слово «педагогический» – педагогический институт иностранных языков. За это время сформировались методические школы, направления, были выработаны многочисленные методы и методики обучения языкам. И все они, так или иначе, были ориентированы на то, чтобы научить языку людей, профессия которых фактически состоит в воспроизведении этого обучения. И когда на тех же факультетах появились студенты-переводчики, не сразу пришло осознание того, что им язык нужен с совсем другой целью. Он им нужен не для того, чтобы, научившись самим, потом учить этому других. Он им нужен как инструмент для работы в принципиально другой профессии.

Разумеется, любой человек, изучающий иностранный язык, должен овладеть базовой грамматикой и приобрести определенный словарный запас. Но дальше начинаются расхождения. Тем, кому этот язык нужен просто как средство общения, этого уже может быть достаточно. Будущим же преподавателям нужно не просто научиться хорошо, грамотно говорить, понимать чужую речь и быть в состоянии читать написанное на изучаемом языке. Им необходимо понимать стоящие за языковыми формами закономерности, чтобы потом суметь объяснить, почему нужно сказать именно так и почему по-другому будет неправильно. Им необходимо иметь модельное произношение, чтобы потом ставить это произношение другим. Но при этом им для их профессиональных нужд вполне достаточно уже давно определенного методистами словарного запаса, состоящего преимущественно

из стилистически нейтральной литературной лексики. Педагоги профессионально пользуются иностранным языком в учебных ситуациях, формат и тематика которых строго регламентированы и заранее им известны. Профессиональная потребность в неподготовленной речи у них минимальна. Им практически не нужен навык аудирования, т. к. в учебных ситуациях им не приходится воспринимать на слух протяженные отрезки устной речи. Разумеется, наличие такого навыка, так же, как и наличие богатого словарного запаса, – это плюс для преподавателя. Но чисто профессиональной потребности в этом нет.

Совсем иные требования к владению иностранным языком у переводчиков. Если для преподавателя важно произношение, то для переводчика – дикция. Переводчику, работающему, скажем, с английским языком, приходится иметь дело с людьми, говорящими на самых разных вариантах и диалектах этого языка. И прекрасным британским произношением он вряд ли порадует американца, а американским – британца, австралийца или индийца. Но он должен говорить так, чтобы его поняли и британец, и американец, и австралиец, и еще множество людей, говорящих с разными акцентами. А это возможно не столько за счет произношения, сколько за счет дикции.

Если для преподавателя аудирование – что-то вроде вишенки на торте, то для переводчика это жизненно важный аспект. Теоретически переводчики делятся на устных и письменных, однако во многих случаях им приходится совмещать эти виды деятельности. И здесь им требуются умения и навыки разных видов аудирования. Если при последовательном переводе нужно уметь воспринимать на слух живую речь, то при синхронном – речь, опосредованную техническими устройствами. И эти два вида аудирования имеют определенные различия. Кроме того, как уже было сказано, говорящие могут быть носителями и разных национальных вариантов языка, и разных территориальных и социальных диалектов. У устного переводчика должен быть сформирован навык переключения между этими вариантами если не на продуктивном (в этом может быть большой необходимости и не быть), то, во всяком случае, на рецептивном уровне. А это значит, что, в отличие от будущих преподавателей иностранного языка, переводчику необходим не просто большой объем аудирования, но еще и особым образом подобранные аудиоматериалы, знакомящие его с разными вариантами произношения.

По этой же причине при обучении иностранному языку студентов-переводчиков особые требования должны предъявляться к формированию словарного запаса. Переводчик в своей профессиональной деятельности сталкивается со всем разнообразием стилей и регистров. Даже в рамках одного мероприятия ему может прийти переводить официальную приветственную речь директора завода и разговор в цеху во время шеф-монтажа, который может содержать профессиональный (и далеко не только профессиональный!) жаргон. Так что знакомство с лексикой самых разных регистров переводчику необходимо. А это накладывает определенные требования на подбор учебных материалов, по которым переводчики учат язык.

Разные требования предъявляются и к тому, как педагоги и переводчики должны знать грамматику. Безусловно, и те, и другие должны ее знать очень хорошо. Но для педагога главное – безупречно грамотно говорить, знать и понимать все так называемые правила и уметь объяснить их ученикам. Переводчику же, помимо автоматизации всех грамматических навыков (он должен грамотно говорить в любой, даже стрессовой ситуации, когда думать над формой высказываний возможности нет), необходимо знать и понимать все тонкости грамматической семантики. Большой объем смысловой информации как в устной, так и в письменной речи передается именно грамматическими формами и их взаимодействием в тексте. Переводчик должен выявлять эту информацию на

этапе восприятия текста на одном языке и уметь выбрать необходимые для ее передачи средства другого языка. Поскольку перевод – это передача смысла, роль грамматической семантики переоценить невозможно.

От преподавателей и от переводчиков требуются совершенно разные умения и навыки работы с текстом. Разумеется, и будущих преподавателей, и будущих переводчиков нужно учить пониманию связного текста (что при сегодняшнем клиповом мышлении студентов становится все более трудной задачей). Но на этом сходство требований, пожалуй, и заканчивается. Во-первых, потому что преподаватель языка чаще всего имеет дело с текстами литературными (художественными и публицистическими), тогда как переводчику (даже если он специализируется в определенной предметной области – что бывает далеко не всегда) приходится работать с текстами самых разных жанров. Причем реже всего – с текстами художественными, т. к. художественный перевод составляет лишь малую (если не сказать ничтожную) долю современного рынка переводческих услуг, и занимаются им люди, имеющие к этому особую склонность. Во-вторых, потому что переводчику в большинстве случаев необходимо извлечь из самого текста и найти дополнительно не всю возможную информацию, а именно так называемую трансляционно релевантную, т. е. информацию, необходимую для полноценного перевода этого текста.

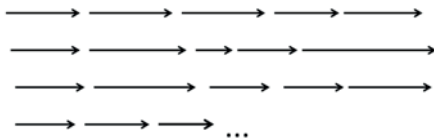
Это можно проиллюстрировать таким примером. Скажем, на занятиях по домашнему чтению при обсуждении рассказов Дж. Чивера на педагогических отделениях вполне уместно обсуждение интереса автора к рассмотрению двойственности человеческой природы, содержащейся в его рассказах характеристики определённого общественного слоя США, отражения в них кризиса представителей этого слоя, обусловленного их растущей неудовлетворенностью происходящими в обществе изменениями, и т.д. Можно в этой связи обсудить динамику взглядов американских женщин на брак и взглядов американских мужчин на желание жен работать и делать карьеру. Это не только расширяет кругозор студентов (в чем, конечно же, нуждаются все, независимо от профессии), но и – главное – дает простор для говорения, в том числе и для развития навыков подготовленной речи. А для студентов-переводчиков важнее выявить в конкретном тексте ту информацию, которую необходимо будет передать в переводе. Конечно, они тоже должны обратить внимание на характерную для Дж. Чивера символику. Но, если только мы не готовим художественных переводчиков (а мы их не готовим), речь должна идти не о типичных чертах творчества автора в целом, а о выявлении символической роли тех или иных единиц, упомянутых в тексте реалий – скажем, таких как *bacon-lettuce-and-tomato sandwiches*. Без этого при переводе в тексте может остаться лишь денотативный компонент этого словосочетания, но потеряется компонент символический, обобщающий и характеризующий персонажа, относящий его к определенной социальной группе. Будущего переводчика нужно научить распознавать такие элементы в тексте и искать релевантную для их перевода дополнительную информацию.

В какой-то мере профессиональные различия нашли отражение в Федеральных государственных стандартах, в перечнях компетенций, необходимых педагогу и переводчику [1; 2]. Но это лишь самые поверхностные различия. По существу же речь должна идти о разнице в самих подходах к преподаванию иностранного языка будущим педагогам и переводчикам [3]. И самое главное – в необходимости на всех этапах обучения строить занятия таким образом, чтобы у студентов формировалось профессиональное переводческое мышление.

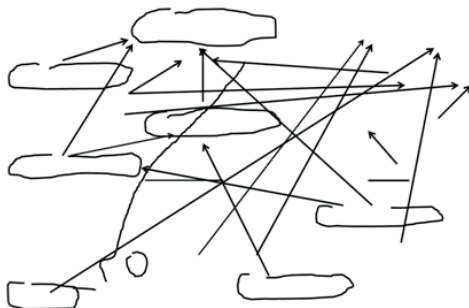
О необходимости формирования у студентов профессионального переводческого мышления писалось уже не раз [4; 5]. В основном этим занимаются преподаватели пе-

ревода. Однако такой компонент этого мышления, как умение читать текст нелинейно, может и должен формироваться на занятиях по практике иностранного языка. Если в восприятии большинства людей текст представляет собой линейно разворачивающуюся цепочку слов и предложений, то переводчик должен воспринимать текст как сеть внутритекстовых связей, выявляемых не в процессе анализа после прочтения или прослушивания текста, а непосредственно в процессе его чтения.

Если обычный читатель видит текст так:

то переводчик должен видеть его видеть так:

Как такое видение рождается? Рассмотрим это на примере. Чтобы не отвлекаться на лексическое наполнение текста, прочитаем глазами переводчика текст, составленный из несуществующих слов, но написанный в соответствии с грамматическими нормами русского языка. В целом, по окончании чтения, он будет восприниматься переводчиком так:

Кавная важа для Сабя

Крипка была сепко расяулена, она не потрила кава и теперь не крела смурить важа. А ее клупченюк/Сабя сепко крубил и каво, и кавную важа.

Она дуспила смурить вект. Тука она смурила вект, ее клупченюк приукал(на)паню и кроспал: «Вект! Я сепко крублю вект! Нартей мне векта!».

Крипка нартила ему векта, он его выдил и кроспал: «Вект сепко бусный, нартей мне тно». Крипка нартила ему тно векта. Он его выдил и кроспал: «Барти!»

Крипка кроспала: «На проватые!»

Она была сепко базальна. Она кроспала: «Теперь я подру в буткар потрить кава, чтобы смурить важа напрен».

Сабя кроспал: «Я (сепко крублю) кавную важа!». Крипка была базальна. Она сепко крубила своего клупченка.

Возникает эта картинка по мере чтения. Переводчик читает название и затем в первом же предложении видит словоформу «кава», которая возвращает его к уже прочитанному «кавная». Образовалась пара однокоренных слов, в которой *кава* – форма существительного, а *кавная* – образованное от него прилагательное. Здесь же он видит падежную форму уже встретившегося в названии существительного *важа*. Итак, *важа* может быть *кавной*, и ее можно смурить. И уже понятно, что кто-то (некая Крипка) чего-то не сделал, и это как-то связано с отсутствием (невозможностью?) какого-то другого действия. В следующем предложении переводчик видит слово *крупченок*, фиксирует а) уменьшительный суффикс и б) принадлежность этого крупченка Крипке (*ее крупченок*). Здесь же появляется именительный падеж *каво* и уже знакомое из названия словосочетание *кавная важа*, на этот раз в винительном падеже. И теперь он уже знает, что *важу* можно не только смурить, но и крубить. Причем крубить можно сепко. В следующем предложении опять появляется уже знакомый глагол *смурить*, и становится понятным, что смурить можно не только *важу*, но и *вект*. И *вект* тоже, как и *важу*, можно не только смурить, но и крубить. Еще более информативной оказывается форма *векта*: она соотносится с уже знакомой формой *вект* и одновременно заставляет вернуться к форме *кава* из первого предложения. Синтаксическая конструкция первого предложения (в частности, отрицательное сказуемое) подсказывала, что падежная форма *кава* – это родительный падеж. Теперь уже ясно, что формы *кава* и *векта* – это родительный падеж существительных второго склонения. Возникает предположение, что это родительный партиципный, означающий некоторое количество чего-то. Таким образом, и *каво*, и *вект* – это какие-то субстанции. А поскольку наш переводчик уже выяснил, что *важу* (несомненный родительный падеж), как и *вект*, можно смурить, появляется почти полная уверенность, что *важа* – это тоже некая субстанция. Причем *кавная*. В пятом предложении появляется форма *нартила* и заставляет переводчика вернуться к четвертому предложению, где он уже видел императив *нартей*. Он также фиксирует тот факт, что *вект* можно не только смурить и нартить, но еще и выдить. К этому времени уже ясно, что *кроспать* – это глагол говорения. Но пока не совсем понятно, означает ли он восклицание или любое высказывание. Понятна только его коммуникативная составляющая. Затем переводчик фиксирует обмен какими-то краткими, однословными высказываниями, не содержащими никаких из ранее употреблявшихся слов. Возникает подозрение, что это какие-то коммуникативные клише. Но прямых свидетельств пока нет. Это всего лишь предположение, и переводчик идет дальше. А в следующем предложении – явный повтор конструкции из первого предложения: там Крипка была сепко распулена, а здесь она сепко базальна. Понятно, что *сепко* – это наречие. Возможно, «очень» или «сильно»? Похоже. Но которое из них? Вспоминаются еще и *сепко крубил*, *сепко крублю*. Значит, это наречие сочетается и с атрибутивными словами, и с глаголами. Скорее всего, «очень», т.к. употребление «сильно» с глаголами имеет и семантические, и стилистические, и регистровые ограничения. Но переводчик читает дальше. И следующее предложение заставляет его вернуться к самому первому: он видит инфинитив *потрить* и вспоминает форму *потрила*. В обоих случаях очевидно, что это переходный глагол, дополнением к которому является слово *кава*, про которое уже понятно, что это некоторое количество какой-то субстанции, из которой, по всей видимости, сделана *важа*, поскольку она – *кавная*. Тем более, что Крипка собирается *теперь*, после того как ее крупченок выдил *вект*, подрить в буткар, *чтобы* там потрить *кава*, из которого она сможет смурить *важу*. Причем все это Крипка *кроспала*. Здесь нет ни восклицания, ни императива. Значит, *кроспать* – это просто «сказать». Услышав про *важу*, ее крупченок

воскликает: *Я сепко крублю кавную вазу!* А поскольку переводчик уже знает, что *сепко* – это «очень», а к тому же Крипка крубила клупченка, а клупченок крубил и вазу, и вект, складывается отчетливое впечатление, что *крубить* – это «любить». Эти слова клупченка вызывают у Крипки состояние базальности, которое у нее уже было после того, как клупченок сказал, что очень любит вект, попросил ее что-то сделать для него с вектом, потом что-то сам с ним сделал, попросил ее повторить действие и снова сделал с ним то же, что и в первый раз, а потом что-то воскликнул. Становится понятно, что базальность – это какое-то положительное эмоциональное состояние. Одновременно это возвращает к первому предложению, где Крипка тоже была в каком-то эмоциональном состоянии, но оно было вызвано чем-то, что описано с помощью двух однородных отрицательных сказуемых, так что оно, скорее всего, было отрицательным.

Итак, что же имеет переводчик после первого прочтения текста? Некая Крипка была в каком-то состоянии, характеризующемся отрицательными эмоциями. Это было вызвано тем, что она чего-то не сделала с какой-то субстанцией и в результате не могла (? - проверить!) что-то сделать с какой-то субстанцией, связанной с первой (состоящей из нее? включающей ее?). А Сабя (ее ребенок?) очень эту субстанцию любил. Она решила сделать какую-то другую субстанцию. И как только (? – судя по тому, что дальше идет сказуемое, выраженное глаголом совершенного вида) она это сделала, Сабя тоже что-то сделал, причем, судя по глаголу с приставкой «при» и следующему за глаголом существительному в винительном падеже с пространственным предлогом «на», он пришел на что-то (куда-то? если «на», то это, скорее всего, на кухню). Он там что-то увидел и сказал, что он это любит. Попросил Крипку дать (положить? налить? насыпать?) этого. Она просьбу выполнила, он что-то с этой субстанцией сделал и повторил свою просьбу. Она ее снова выполнила, он тоже повторил свое действие, после чего произнес какую-то конвенциональную фразу. Поскольку это была реакция на выполненную просьбу, то это должна быть форма благодарности. Крипка тоже отреагировала каким-то клише. Ее фраза имеет форму «на» + существительное, это может быть только «на здоровье». Следовательно, Сабя благодарил ее за что-то, что он съел или выпил. Крипка была произошедшим довольна и сказала, что теперь она сделает то, чего сначала не сделала (см. первое предложение), причем сделает это для того, чтобы сделать то, чего она раньше, по всей видимости, сделать не смогла. Сабя на это отреагировал, сказав, что он очень любит то, что она собирается сделать. Крипка была довольна. Она очень любила своего Сабю.

Теперь переводчик может начинать анализ текста, т. к. пока это еще было просто однократное прочтение. Если у него остались сомнения относительно значения каких-то слов, то теперь он уже может посмотреть их в словаре. Если бы он смотрел их прямо по ходу чтения, то, во-первых, он бы не увидел текста как единого целого, а во-вторых – обращение к словарю было бы не очень эффективным. Он находил бы там многозначные слова, относящиеся к так называемым вариантным соответствиям, и, еще не понимая, какое из этих значений может быть использовано в тексте, должен был бы держать их все в голове и «примерять» каждое из этих значений к разворачивающемуся тексту. Теперь же, если он захочет убедиться, что речь действительно идет о молочной каше и киселе (что он, в общем-то, скорее всего, уже и так понял по формам слов и коллокациям), он обратится к словарю и будет рассматривать только те значения, которые вписываются в уже известный ему контекст.

Такое чтение – это профессиональный переводческий взгляд на текст. И формировать такое умение и соответствующие навыки необходимо в первую очередь на занятиях по практике языка: и на домашнем чтении, и на занятиях по анализу текста, и

даже при чтении газеты на занятиях по политической лексике. Про каждое слово, про каждое предложение переводчик должен понимать, **что** оно делает в этом тексте, как оно связано с тем, что было до него и будет после него.

Только объединив усилия преподавателей языка и преподавателей перевода, мы сможем эффективно формировать у студентов переводческое мышление. На занятиях по иностранному языку не только не нужно, но и нельзя заниматься переводом. Даже задания на проверку понимания не должны носить характера перевода, т. к. в этом случае от студентов ожидается так называемый филологический перевод, а это очень мешает обучению настоящему профессиональному переводу. Но именно на занятиях по практике языка можно и нужно формировать профессионально значимые умения и навыки. И прежде всего - умение читать текст, извлекая из него максимум смысловой, лингвистической и металингвистической информации, а также умение затем воспроизводить всю эту информацию в другом, заданном формате.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168621/a2f4d218f067defc01ab8dc970b40cfe2b61c97c/ (дата обращения: 22.02.2020).

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (уровень специалитета) – <https://www.dokipedia.ru/document/5332688> (дата обращения 22.02.2020).

3. Зиновьева И.Ю. Стратегии обучения будущих переводчиков иностранным языкам // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта. – Нижний Новгород, 2017. – С. 199–236.

4. Петрова О.В. Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: Р. Валент, 2018. 264 с.

5. Сдобников В.В. Принципы обучения переводу, или О чем еще не было сказано // Мосты. Журнал переводчиков. – 1(45)/2015. – С.51–59.

WHAT SPEECH SKILLS DO TRANSLATORS NEED?

Olga V. Petrova
Linguistic University of Nizhny Novgorod

Abstract. Professional activity of translators and interpreters differs from that of foreign language teachers, so do types of speech activity that are most essential for them and the skills that they mostly need. The article discusses these differences and formulates the main tasks faced by foreign language teachers in training translation students, with a special emphasis on the formation of a specific professional mode of thinking, an important component of which is the way translators perceive a text. Unlike other people, for whom a text is a linearly unfolding chain of words and sentences, translators must view it as a semantic and structural whole characterized by a network of intratextual connections. Using a specially constructed text, the author shows the way a translator's mind should work in the process of reading and argues that this way of perception must be developed and trained in foreign language classes while teaching any kind of text-oriented activity. It will facilitate the development of professional translator's mentality, which is vital for professionally oriented training.

Key words: professionally oriented language teaching, language skills, professional translator's mentality, text perception, intratextual connections

Петрова Ольга Владимировна,
начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода. Высшая школа перевода НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
тел.: +7 (905) 865 8632
e-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com

Olga V. Petrova
Head of the International Research Laboratory "Theoretical and Applied Issues in Translation Studies", professor of the Department of English, Translation and Translatology. Higher School of Translation and Interpreting, Linguistic University of Nizhny Novgorod.
mobile: +7 (905) 865 8632
e-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com

УДК: 811.112.2'34

ПРИЗНАКИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕНИИ НА НЕРОДНОМ (НЕМЕЦКОМ) ЯЗЫКЕ

Петроченко Е.В.
Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме фонетической интерференции в певческой речи. Исполнение традиционной классической и популярной народной и эстрадной вокальной музыки на иностранных языках становится все более распространённым явлением. Фонетисты, специалисты в области речеведения, музыковеды и педагоги по вокалу довольно часто высказываются о наличии характерных признаков интерференции в пении на немецком языке русских исполнителей. Проблема видится в заметном отклонении от норм стандартного литературного произношения (Standardaussprache) и несоответствии реализации фоностилистическим вариантам, свойственным определённому жанру вокальной музыки. В статье представлены результаты исследования певческого произношения в жанре поп-музыки на немецком (неродном) языке. Теоретическую основу составили данные контрастивно-фонологического анализа двух языков (русского и немецкого). Посредством метода аудитивного анализа перцептивных характеристик гласных и согласных фонем были выявлены типичные признаки артикуляционной *интерференции* у русских вокалистов в пении на немецком языке.

Ключевые слова: фонетика, немецкий язык, пение, произносительные нормы, интерференция, фонемы

Правильное произнесение текста в формах вокальной музыки (песня, хор, романс, эстрадная песня и др.) на иностранном языке играет важнейшую роль в восприятии передаваемых смыслов и целостной эстетики произведения словесно-музыкального искусства. Однако такие вопросы, как *фонетическая* форма текста, соблюдение *произносительных норм* языка, в особенности, если речь идет о нормах в пении на неродном для исполнителя языке, до сих пор не нашли широкого освещения в соответствующих разделах лингвистики – фонетике и фоностилистике, а также в методических пособиях

по вокалу. В то же время, в учебные программы вокальных отделений российских вузов традиционно включаются произведения на иностранных языках. Указание на необходимость стремиться к артикуляционной ясности, или иначе, добиваться четкости дикции, представляется малоэффективным при отсутствии *фонетико-фонологической* основы вокальных упражнений. Практика показывает, что из-за недостаточной разработанности вопроса в фонетическом плане мы сталкиваемся с проблемой «искаженного» произнесения единиц вокального текста, с отсутствием фонетических навыков исполнения вокальной формы языка. Высокая актуальность обозначенной проблемы признается не только специалистами профессионально ориентированного обучения в музыкальных заведениях. Огромный интерес вызывает данный вопрос у большого круга исполнителей – любителей пения на иностранных языках, в частности, занимающихся в студиях эстрадного и классического вокала, а также у преподавателей иностранных языков. Негативный эффект от восприятия акцентного пения носителями языка мы наблюдаем постоянно. С целью выявить типичные фонетические нарушения в пении на немецком (неродном) языке русскими исполнителями было проведено исследование, результаты которого представлены в настоящей статье.

Фонетический аспект изучения вокальной речи

Изучение вокальной речи как разновидности, или формы, литературного языка, выполняющего эстетическую функцию, началось сравнительно недавно (в 50-х годах XX века) учеными, исследующими акустико-физиологические и языковые аспекты так называемого академического стиля пения. Активный интерес к реализации языка в певческих формах проявился в работах известных отечественных языковедов и музыковедов (А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, В.И. Садовников, В.П. Морозов). Ученые рассуждают о вокальной музыке в контексте общих проблем культуры речи и орфоэпии. При этом одни авторы склонны к определению пения как феномена искусства: в пении интонационная и ритмическая структура речи подчиняются законам музыкального языка, то есть языка искусства [1, с.64]. Другие же подчеркивают, что язык в пении отчасти «деформирован», однако певец не может «в угоду «правилам вокала» искажать произносительные нормы речи», пишет А.А. Реформатский, проводя различие между «высоким», «средним» и «низким» стилем произношения [2, с.199]. В этой связи А.А. Реформатский считает весьма актуальным для современной науки о языке вопрос об установлении *норм* вокально-речевой культуры посредством выбора некоего варианта, служащего образцом для подражания [3, с.212]. Принято считать, что *источниками* формирования вокально-произносительной культуры послужили традиции массового *народного* пения, однако *эталон* пения всегда признавалось *академическое* мастерство оперных и камерно-концертных певцов [4, с.10].

Феномен вокальной речи состоит в том, что наличие вербального компонента автоматически связывает пение с феноменом языка, но при этом вокальная речь остается феноменом искусства. Многие определения рассматриваемого понятия «вокальная речь» подчеркивают, что специфику вокальной речи составляет объединение в одной форме языка музыкального и языка словесного: вокальная речь – это речь в пении, речь в вокальном звучании, это особый способ (или форма) функционирования языка [1; 5; 6]. В теории фонетики и фоностилистики для обозначения пения как вида произнесения используется понятие «вокальная форма языка» [5]. С нашей точки зрения, *вокальная форма языка* (термин, разработанный нами в соавторстве с проф. Л.В. Величковой) представляет собой вид речевого жанра, который имеет свои фоностилистические характеристики, и, следовательно, является объектом фоностилистики. Исходя

из концепции фонетического стиля звучащей речи Э. Штока и Л.В. Величковой [7], мы формулируем следующее понятие фонетического стиля в отношении вокальной формы языка: *под фонетическим стилем в пении* следует понимать зависящий от коммуникативной ситуации и вида вокального жанра выбор фонетических средств языка при исполнении конкретного вокального произведения.

При переходе на вокальную форму другого, неродного, языка возникает проблема управления артикуляционными движениями параллельно с реализацией музыкальных параметров мелодии (интонации, высоты, длительности и силы звука). Взаимодействие музыкальной грамматики с сегментным (фонетическим) рядом довольно сложное явление, в котором правила просодии как будто надстраиваются над грамматическими [8, с.49]. В этой связи возникает вопрос об орфоэпических правилах и произносительных нормах, принятых в данном конкретном языке. На основе знаний о составе фонем, законов их дистрибуции, различных вариантов и вариаций в сильных и слабых позициях определены нормы произношения литературного языка, применимые для таких сфер как радиовещание, театр, эстрада, школа, ораторское искусство.

Для вокальной музыки академических жанров, согласно рекомендациям Р.И. Аванесова, предпочтительно опираться на нормы литературного произношения; многие различия позиционных вариантов гласных в вокализации исчезают [9, с.23]. Если между речевой и певческой редуцией гласных наблюдается серьезное отличие, то относительно согласных отмечается специфика их произнесения в пении, связанная с процессами оглушения, озвончения, смягчения, а также уподобления [10, с.15]. «Сглаживание». «выравнивание» гласных засчет преобладания высокой и низкой певческих формант является необходимым условием *кантиленного* голосоведения; однако, если оно ведет к полной нейтрализации различий между гласными, то такая дикция вокалиста оценивается как «плохая».

Говоря об орфоэпии в пении, нельзя не учитывать специфику *жанра вокальной музыки*. Автор самой известной серии словарей произношения немецкого языка проф. Е.-М. Крех (Eva-Maria Krech) утверждает, что орфоэпия в различных жанрах вокальной формы имеет ряд существенных отличий. Так, в академическом пении (вокальной музыки классического оперного репертуара) немецкий вокал характеризует усиление артикуляционной напряженности, а также практически полная нейтрализация аспирации согласных звуков. Для реализации гласных фонем, редуция, напротив, не рекомендуется во избежание результата неразборчивости текста и, следовательно, затруднения восприятия вокального высказывания. В жанрах рок и поп-музыки артикуляционные формы вокала довольно сильно отличаются от норм стандартного произношения в то время, как в шлягере и народной массовой песне (Volkslied) доминируют варианты, близкие к артикуляции в речи, а также произносительные нормы классического пения. При этом иногда наряду с регионально окрашенными вариациями местного диалекта [11, с.117]. В стилях рок- и поп-музыки при главенствующей роли ритма отмечается намеренное усиление напряженности в реализации сегментного слоя, алтерации и «удлинение» гласных [11; 12]. При исполнении вокальных партий музыки стилей Pop-Musik, Rap, Hip-Hop отмечается более напряженное произнесение согласных [13].

Говоря об орфоэпических нормах в пении, необходимо иметь полное представление о *ритмической структуре речи* рассматриваемого языка. Согласно данным контрастно-фонологического анализа двух языков, русского и немецкого [7] ритмика немецкого (неродного) существенно отличается от ритмики русского (родного) языка. Немецкий язык, ритм которого определяется термином «стаккато», имеет другую, бо-

лее высокую степень *сопротивления* (термин В. Жирмунского), попадая в рамки музыкального такта, нежели русский язык с его ритмом «легато». Смыслоразличительная оппозиция гласных фонем немецкого языка – закрытый (долгий) / открытый (краткий), стабильная артикуляция гласных-монофтонгов, практически отсутствие редукции и палатализации, активность сонорных согласных, твердый приступ гласного, сильные глухие аспирированные согласные – все эти признаки составляют фонетические контрасты по отношению к русскому языку. Ритмика русского языка с легатым характером слоговой системы, образуемой, по определению А.А. Кретьева и З.Д. Поповой, не фонемами, а силлабемами (слоговыми фонемами), редукцией гласных и палатализацией согласных оказывает негативное интерферирующее влияние на произнесение вокального текста на немецком языке [7, с.117-118].

Сложность исследования данного вида речевого жанра «вокальная форма» состоит в специфике его звуковой организации, подчиненной законам музыкального синтаксиса и музыкальной эстетики, с одной стороны, и фонематическим признакам языка. Такие эстетические свойства вокальной речи поющего как округленность артикуляции, ровность тона голоса, атака звука, несомненно, ведут к изменениям артикуляции, свойственной звучанию речи говорящего. На недостаточную изученность вокализма и мелодизма певческой речи неоднократно указывали отечественные языковеды А.А. Реформатский и Р.И. Аванесов. В последние десятилетия теория языка имеет лишь отдельные данные об исследовании вокальной речи, в которых рассматривается аспект фонетической интерференции [7; 14].

Описание эксперимента

С целью выявления типичных признаков интерференции в пении на немецком (неродном) языке русскоговорящих вокалистов была предпринята попытка экспериментального изучения вопроса. В качестве оригинального вокального материала послужила композиция в стиле поп-музыки известной немецкой исполнительницы Кристины Клайн. Данный текст вокальной формы (далее – ВФ) был предложен для исполнения двум русским вокалистам. Таким образом, корпус фонетического анализа составили 3 текста (ВФ 1, ВФ 2, ВФ 3):

- 1) ВФ 1 – вокально-музыкальный текст, исполняемый на немецком языке профессиональной певицей, для которой немецкий язык является родным;
- 2) ВФ 2 и ВФ 3 – этот же вокально-музыкальный текст, исполняемый на немецком языке русскими вокалистами, для которых немецкий язык является иностранным.

Выбранный для эксперимента вокальный текст относится к популярному жанру Pop-Musik. В фоностилистическом плане он образует оппозицию к жанру академического пения, согласно данным нового словаря немецкого произношения [11]. Представляло интерес проследить реализацию вариаций произношения немецких фонем в данном стиле в оригинальном воплощении, а затем выявить тенденции акцентного исполнения текста носителями русского языка. Испытуемыми явились две студентки неязыковых факультетов. Девушка (19 лет) занималась более 3 лет пением в любительском коллективе в школе, девушка (22 год) имела опыт обучения эстраднему вокалу в частной студии. Полученные видео- и аудиозаписи исполнения немецких ВФ были подвергнуты перцептивному анализу 3 экспертами – специалистами в области фонетики немецкого и русского языков.

Фонетический анализ включал следующие этапы: 1) перцептивный анализ группы ВФ, исполняемые вокалистами – носителями немецкого языка, выполнение фонетической транскрипции звучащего текста; 2) перцептивный анализ группы ВФ, испол-

няемых русскими вокалистами, выявление и фиксация отклонений от (условно) нормативных вариантов, реализуемых в текстах первой группы; 3) выявление и описание основных признаков интерференции у русских вокалистов. Наиболее важный и в то же время наиболее трудоемкий этап представлял собой анализ перцептивных характеристик вокальных реализаций испытуемых, выявление *фонологически и фонетически значимых нарушений*.

Перед рассмотрением полученных результатов анализа, представляем данные о ВФ. Музыкальная композиция называется «Wer bin ich». В качестве примера в статье приводится анализ первой строфы ВФ.

Текст 1 ВФ «Wer bin ich»

Текст и музыка:	Christina Klein (LaFee)
Жанр:	Pop-Musik
Исполнитель (профессиональный вокал):	Christina Klein (LaFee)
Источник:	http://www.songtexte.com/songtext/lafee
Исполнитель (испытуемый 1)	Анастасия Р. (19 лет)
Исполнитель (испытуемый 2)	Ксения Л. (22 года)

Текст песни (1-я строфа)	Фонетическая реализация текста (испытуемый 1)
Ich kann nicht schlafen, mein Kopf ist so randvoll von dir. Kein Mond für uns, schwarz ist die Nacht und du träumst neben mir.	[ix ^ʰ] k[a]n n[ɪ]çt ʃl[ʌ]f[ɛ]n/ mæ̃n kɔp ^ʰ ʹ[ɪ]st z[o] rɑntfɔ[ɪ ^ʰ] fɔn d[ɪr] kæ̃n mɔnt fy:ʰ ʹ[y]ns/ ʃv[ʌ]rts [ɪ]st d[ɪ] naxt/ [y]nt d[ɪ] trø̃mst n[ɛ]b[ɛ]n m[ɪr]

Фонетическая реализация вокального текста, реализуемая испытуемым, представляет фонетическую нотацию (справа), в которой зафиксированы фонетические отклонения от нормативного варианта, трактуемые как нарушения. Нормативный вариант, исполняемый К. Кляйн (Christina Klein, LaFee), сравнивался с вариантами реализации испытуемого – вокалиста с родным языком русским. Предварительно была произведена фонетическая транскрипция (условно) образцового исполнения носителем немецкого языка на основе норм стандартного произношения в современном немецком языке (Словарь 2010г.) и с учетом вариативности в условиях музыкального такта. Как видно из нотации, в исполнении русской вокалистки были зафиксирован целый ряд позиций с отклонениями от норм произношения, характерных для данного вокального жанра:

1) Произнесение немецкого неогубленного, открытого гласного [ɪ] как русского переднеязычного гласного [и] с *прикрытой* артикуляцией за счет продвинутости кончика языка к небу (в *ich, nicht, ist*);

2) Произнесение немецкого глухого щелевого согласного [ç] как русского глухого щелевого мягкого [х^ʰ] (в *ich, dich*);

3) Произнесения немецкого редуцированного гласного [ə] в конечной позиции слова и в безударном слоге как русского ненапряженного гласного [э] с заметной открытостью артикуляции (в *schlafen, vermissen, bekommen*);

4) Произнесение немецкого напряженного закрытого гласного [e:] как русского ненапряженного гласного [э] без растягивания губ (в *neben*), проявляя так называемый дифтонгоидный характер русских гласных; это же артикуляционное решение замечено в реализации других напряженных немецких гласных, например, [i:] (в *mir*);

5) Произнесение немецкого сонорного альвеолярного напряженного согласного [l] как русского сонорного зубного [л'] с палатализацией (в *randvoll, will*);

6) Произношение немецкого согласного R в вокализованном варианте [ɐ] реализуется как альвеолярный вибрент (в *wir, mir*).

Реализация текста второй испытуемой, в целом, выявила те же особенности произношения, хотя испытуемая проявляла большую склонность к имитации и в некоторых позициях, например, с вокализованным R, ее реализации приближались к образцовому варианту. Полный анализ звучащего материала позволил выделить следующие общие **типичные** артикуляционные признаки, характеризующие **русский акцент в пении** на немецком языке:

– Произнесение немецких долгих закрытых напряженных гласных с признаком дифтонгоидного характера ненапряженных русских гласных и отсутствием активной артикуляционной позиции губ (губы в вытянутой/растянутой/выдвинутой вперед/сильно округленной позиции);

– Интерферированное произнесение немецких открытых кратких гласных перцептивно наиболее заметно в позиции такта на долгой ноте, когда гласных теряет стабильную открытую артикуляцию;

– Произнесение немецкого ненапряженного редуцированного гласного [ə] в безударных позициях слова, который в певческом варианте характеризует артикуляционная «прикрытость» (вплоть до лабиализованной позиции), с признаком открытого ненапряженного [э];

– Произнесение немецких сонорных согласных, имеющих альвеолярный контакт кончика языка, с другим местом артикуляции, а именно, как у русских зубных согласных, кроме того звучание сонорного приближается либо к твердому русскому [л], либо к мягкому [л']. Данная тенденция распространяется на весь ряд немецких сонорных согласных.

– Произнесение сонорного фрикативного R, типичного для стиля поп-музыки, в отличие от академических жанров, подменяется альвеолярным согласным [r];

– Произнесение напряженных согласных теряет признак аспирации в исполнении русских вокалистов.

Заключение

Вокальная форма, исполняемая на иностранном (неродном) языке, в первую очередь, является объектом фонетического и фоностилистического исследования. Проведенный анализ и наши многолетние наблюдения над исполнением вокальных форм на неродном (немецком) языке, как в учебном процессе на занятиях со студентами-германистами или с учениками школы, так и в опыте общения с вокальным творчеством профессиональных певцов и вокалистов-любителей, подтверждают наличие фонетической интерференции. Можно говорить о регулярных фонетических отклонениях от нормативного произношения в пении на немецком языке у исполнителя-вокалиста с родным языком русским. Произносительная (артикуляционная) интерференция проявляется во всех жанрах вокальной музыки [14], в частности, в жанре поп-музыки. Ритмика речевых единиц в пении довольно часто искажается, в том смысле, что ритм мотива в определенной степени подчиняет себе ритмику языка. Однако, как отмечают фонетисты, неадекватность отражения произносительных параметров в вокальной музыке неродного языка по-разному воспринимается и оценивается с фонологической точки зрения. Выявленные фонетические нарушения, как отмечается носителями языка, не только имеют негативный эстетический эффект от восприятия музыкального

произведения, но и препятствуют правильной смысловой дифференциации услышанного. Имитация в данном случае оказывается проблематичной, поскольку речевой слух исполнителя пропускает через фонологическое «сито» целый ряд значимых признаков неродного языка.

В проведенном исследовании удалось выявить ряд типичных признаков артикуляционной интерференции у русских исполнителей, продолжив начатую серию экспериментов, направленных на изучение фонетического аспекта вокальной формы языка [15]. Исследование интерференции в пении непосредственно связано с научной разработкой вопроса о произносительных нормах, их реализации в вокальной музыке различных жанров и, безусловно, предполагает фонологический подход к анализу системных (дифференциальных и интегральных) признаков фонем.

Практическая значимость изучения интерференции в пении на неродном языке очевидна. Современные пособия по фонетике и фоностилистике неродного языка, а также пособия по вокалу необходимо дополнить учебно-методическими разделами контрастивного характера. Построение системы специальных вокально-фонетических упражнений невозможно без учета принципа отталкивания от родного языка. Результаты описанного эксперимента, несомненно, могут быть дополнены за счет расширения вокального материала и количества испытуемых. Нам удалось выяснить основные качества русского акцента в немецкой вокальной форме по группам фонологических признаков. Несомненный интерес представляет исследование в направлении стилистических вариантов, характерных для определенного вокального жанра.

Литература

1. Морозов В.П. Тайны вокальной речи. М.; Л.: Наука, 1967. 203 с.
2. Реформатский А.А. Речь и музыка в пении // Вопросы культуры речи. М.: 1955. С. 183-195.
3. Реформатский А.А. О культуре языка в пении // Русское сценическое произношение. М.: 1986. С. 211– 218 с.
4. Бержинская С.И. Основные аспекты формирования исполнительского мастерства начинающего певца: автореф. дис. канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2005. 28 с.
5. Petročenko, E. Beziehung zwischen Sprache und Musik in der Vokalform // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis. Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 18-27.
6. Ильинов Ю.М. О некоторых фонетических особенностях вокальной речи (на материале академической манеры пения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Т. 14, № 37. С. 82-87.
7. Stock, E., Veličkova, L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt/Main et. al.: Peter Lang, 2002. 260 S.
8. Жинкин Н.И. Избранные труды: Язык – Речь – Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
9. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 384 с.
10. Садовников В.И. Орфоэпия в пении. М.: Музгиз, 1958. 80 с.
11. Krech, E.-M. Standardaussprache und Gesang // Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin, New York, 2010. S. 116 – 120.
12. Hammer, N. Klassische Gesangsausbildung. Vor- und Nachteile für die Popstimme: Hausarbeit im Prüfungsfach Musik. Hamburg, 1999. 63 S.

13. Knaus, U. Eine gute Artikulation beim Singen // bonedo. Das Musikerportal. 04.11.2019. URL: <https://www.bonedo.de/artikel/einzelsicht/eine-gute-artikulation-beim-singen.html> (дата обращения: 5.01.2021).

14. Петроченко Е.В., Ахматова О.С. К проблеме профессионального исполнения вокальной музыки на иностранном языке // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС: сборник науч. тр. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (19-20 февраля 2019г. г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 2019. С. 110-119.

15. Petrochenko, E. Vokalstück als eine Textsorte phonostilistisch geprägt // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Forschung und Praxis: тематич. сб. науч. тр. / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2007. Вып. 4. С. 64-75.

Список источников примеров

1* Wer bin ich. LaFee – <http://www.songtexte.com/songtext/lafee/wer-bin-ich-43db27a7.html> (дата обращения 23.11.2020)

SIGNS OF PHONETIC INTERFERENCE IN NON-NATIVE (GERMAN) SINGING

Elena V. Petrochenko
Voronezh State University

Abstract. The article considers the issue of phonetic interference in singing. There is a widespread tendency nowadays to perform classic, pop and folk vocal music in foreign languages. Phoneticians, linguists specializing in speech studies, music experts and vocal coaches notice specific signs of phonetic interference in German vocal music performed by Russian singers. The problem seems to lie in a noticeable deviation from standard pronunciation (Standardausssprache) and from phonostylistic features characterizing certain vocal music genres. Vocalized German texts show signs of regular phonetic interference in both professional and amateur performances. Nevertheless, no systemic description of such phonetic deviations explaining the causes of the interference has been offered yet. Thus, the goal is to define the typical features of Russian accent in singing. This article presents the findings of phonetic research into pop singing performances done in a non-native (German) language. The research is based on contrastive phonological analysis of the Russian and German languages. As a result, typical features of articulatory *interference* in the pronunciation of Russian singers performing in German have been identified by means of auditory analysis of perceptive characteristics of vowel and consonant phonemes.

Key words: phonetics, German language, singing, standard pronunciation, interference, phonemes

Елена Викторовна Петроченко,
канд. филол. наук, доц.
Воронежский государственный
университет, Россия.
тел.: +7 (903) 854 9107
e-mail: petrochenko@mail.ru

Elena V. Petrochenko,
Associate Professor
Voronezh State University, Russia.
mobile: +7 (903) 854 9107
e-mail: petrochenko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК)

Побегайло И. В.

Ситникова А. И.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу перевода реалий, которые, являясь одним из средств выражения национального и исторического колорита, имеют особую важность для полноценного понимания смысла произведения и авторского замысла. Как известно, перевод таких элементов исходного языка представляют собой особую сложность передачи средствами переводящего языка. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа перевода реалий был выбран роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» и его италяязычная версия, в переводе В.С. Дридзо. Цель исследования заключается в определении степени сохранения национально-культурной специфики данного литературного произведения.

Ключевые слова: реалия, перевод, итальянский язык, М.А. Булгаков, В.С. Дридзо, художественное произведение, сравнительно-сопоставительный анализ, национально-культурное своеобразие

Основной трудностью, с которой приходится сталкиваться переводчику в процессе выполнения своей работы, является то, что некоторые элементы художественного произведения не имеют аналогов в языке перевода. Такими элементами, прежде всего, являются различного рода реалии исходного языка. Русская литература советского периода отличается наличием большого количества реалий того времени, которые в настоящее время почти полностью отсутствуют в жизни и, соответственно, в русском языке. Естественно, перевод таких элементов произведения становится большой трудностью для переводчика. Роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором подробно описывается жизнь людей времен СССР, их мысли, переживания, настроения, пропитан реалиями советского периода, географическими, религиозными и политическими, а также различными авторскими реалиями, которые несут в себе особую нагрузку, влияющую на понимание всего произведения. Как известно, при жизни писателя роман «Мастер и Маргарита» не публиковался из-за запрета цензуры. Первое издание романа появилось только в 1966 году в журнале «Москва» (1966 № 11; 1967 № 1) и, по мнению некоторых исследователей, первыми в мире его прочитали в Италии. Италяязычная версия романа «*Il Maestro e Margherita*» появилась в 1967. Ее автором стала Вера Соломоновна Дридзо, личный секретарь Надежды Константиновны Крупской, переводчик, библиотечный и партийный работник, исследователь творческого наследия Н.К. Крупской.

Основной целью данного исследования являлось определение степени сохранения национально-культурной специфики романа М.А. Булгакова.

Анализ перевода русскоязычных реалий на итальянский язык позволил выявить 5 групп реалий:

- этнографические,
- религиозные,
- реалии советского периода,
- ономастические,

– реалии греко-латинской и иудейской культур.

В группе **этнографических реалий** были выделены следующие подгруппы, а именно: жилища и предметы быта, одежда и головные уборы, пища и напитки, денежные знаки и единицы меры, сказочные и мифологические существа, например: *будочка – chiosco; керосинка – fornellino a petrolio; кувшин – caraffa; таксомотор – tassi; полоскательница – bacinella; примус – fornello a petrolio; лафитничек – bicchierino; корыто – tino; передняя – anticamera; притолока – stipite; баня – vasca; абрикосовая – succo dall'albicocca; полтина – cinquanta; трехрублевка – un biglietto da tre rubli; сажень – più di due metri; конек-горбунок – cavallino alato* и др.

Большинство из приведенных примеров достаточно точно передают авторский смысл. Отметим интересные переводческие решения, например, описание плана дома «... дома, построенного, как было сказано, *покоем*», то есть дом был расположен буквой П, которая в славянской азбуке имела название «покой», переводчик использует приём описания «*casa che, come si è detto, si stendeva su tre lati di un quadrilatero*», так как в итальянском алфавите буквы П или буквы со схожим написанием нет, автор называет дом «на трех сторонах четырехугольника», что во всей полноте передает смысл оригинала. Но, например, перевод реалии «*баня*» («Вода оказалась теплой, как в *бане...*») как «*vasca*» – «*ванна*» («Era un'acqua tiepida, come nella *vasca...*»), по нашему мнению, данный выбор является не совсем удачным, так как баня – это помещение, а ванна – резервуар для купания.

К подгруппе «одежда и головные уборы» относятся предметы не только русской, но так же и греко-латинской и иудейской культур. Головные уборы, например: *фуражка – il berretto, кепка – il beretto, картузик – il berretto*, все эти предметы отличаются наличием козырька, в то время как «*berretto*» – это шапка или же берет, поэтому, на наш взгляд, перевод является не совсем корректным; *котелок – tubino; жокейская шапочка – berretto da fantino; чалма – turbante; шапка с ушами – berretto coi paraorecchie; нанакха – berretto caucasico*; В некоторых случаях автор прибегает к пояснениям, например: *кефи – kefia (fazzoletto triangolare per coprire il capo), маллиф – taleth (l'antico mantello degli ebrei oggi usato solo come manto per la preghiera)*.

Элементы одежды, например: *плащ – mantello; хитон – chitone; сымана – veste; ковбойка – camicia scozzese; трико – calzamaglia; военная хламида – clamida militare; летняя пара – un completo estivo; кальсоны – mutandoni*. В романе встречается такая реалья, как *толстовка* – элемент одежды, получивший такое название благодаря Льву Николаевичу Толстому, который любил носить такую рубашку, переводится как «*camiciotto*», что не искажает смысла, но и не передает его во всей полноте. В италоязычной версии романа реалья «*белый плащ с кровавым подбоем*» передается читателю как «*mantello bianco foderato di rosso*» (плащ с красной подкладкой), что со смысловой точки зрения не создаёт расхождений, но с точки зрения эмоциональной окраски они возникают.

Блюда и напитки, характерные для нашего стола, адаптированы для италоязычных читателей с использованием приблизительного или пояснительного перевода, а также калькирования. Например: *судачки а натюрель – pesce persico au naturel; стерлядь кусками – sterleto a pezzetti; перепела по-генуэзски – le quaglie alla genovese; филейчики из дроздов – i filettini di tordo; омuleвая бочка – un barile di pesci; баланда – sbobba; баккуроты – fichi; фляки господарские – fljaki gospodarskie (denominazioni di piatti: un tipo speciale di saslyk cioè di pezzetti di carne di montone arrostiti allo spiedo un fritto misto di carne e, infine, interiora cucinate secondo una ricetta polacca)*. Название напитка из абрикосов и минеральной воды, популярного в СССР «*абрикосовая*» переводится как «*succo*

d'albicocca», хотя называть данный напиток соком не совсем верно, так как его неотъемлемой частью является минеральная вода, которая даёт пену, о ней говорится далее в романе. А реалия «нарзан» как источник минеральных вод, расположенный в Кисловодске, и, соответственно, название одноимённой лечебной минеральной воды (довольно популярной в СССР, как и абрикосовая), интерпретируется как «*aqua minerale*», что, на наш взгляд, не раскрывает во всей полноте замысел автора. Слово «пряник» переведено как «*marzapane*», хотя это совсем разные продукты, так как марципан это тестообразная масса из проваренной смеси тертого миндаля с сахарным сиропом.

К следующей подгруппе этнографических реалий относятся названия денежных знаков и единиц меры, например: *полтина – cinquanta; гривенник – moneta; трехрублевка – un biglietto da tre rubli; тетрадрахма – tetradracme; червонец – biglietto da dieci rubli; сажень – più di due metri*. При описании героя отмечается, что он был ростом в сажень, это старорусское измерение, равное 2,16 метрам, переведено как «*più di due metri*», что достаточно точно передает авторский смысл. А реалия «литровка», то есть бутылка объемом в 1 литр, переводится как «*la bottiglia*» (бутылка), но при этом не указывается ее объем.

В романе встречаются названия несколько сказочных и мифологических существ. Так, «леший» («Да ну тебя к лешему, скарעד!») в итальянской версии «*Ma vai al diavolo, aagassio!*», становится чёртом (или дьяволом, или бесом) что не искажает в значительной степени смысл высказывания, но и не передает во всей полноте. Другое сказочное существо «конёк-горбунок» предстает как «*cavallino alato*» (крылатая лошадка), что, на наш взгляд, полностью искажает его образ.

Любопытно отметить несколько примеров описания внешности и характера героев романа. Так, описывая личность одного из своих героев, М.А. Булгаков использует слово с оттенком презрения «*сквалыга*», обозначая жадного человека. В италиязычной версии появляется «*vecchia spilorcia*», то есть «старая скряга», передавая и авторский замысел, и эмоциональную окраску реалии. В главе «Последние похождения Коровьева и Бегемота» в сцене в магазине Торгсин, во внешности продавца есть одна деталь – остроконечная бородка, именуемая автором «*эстаньолка*». Используя прием описания, автор перевода называет её «*la barbetta a punta*», несмотря на то, что в итальянском языке существует эквивалентная форма, а именно, «*pizzo*» (бородка острой формы). Слово «*вихрастый*», то есть обладающий большим количеством волос при описании внешности Ивана Бездомного, на итальянский передается как «*capelli arruffati*», которое обозначает скорее «взъерошенный», «растрёпанный». В связи с последним можно сказать, что внешность героя описана переводчиком не совсем точно. Для описания человека, которого постоянно преследуют всевозможные беды и несчастья, в русском языке существует слово «*горемыка*», его в одном из описаний героев и использует М.А. Булгаков. Его итальянским эквивалентом становится «*il poveretto*» (бедняга), что не совсем точно, на наш взгляд, передает это значение.

Изучение данной группы реалий показало, что использование различных переводческих приемов позволяет сохранить специфику романа с этнографической точки зрения. Однако некоторые из переводческих решений как нам представляется, не бесспорны.

Отдельное место в романе занимают **религиозные реалии** и являются важной его составляющей. Например: *венчальные свечи – ceri nuziali; воинствующий старообрядец – un vecchio credente bellicoso (allusione ai membri di una setta religiosa russa); словословия – canti rituali; богомолец – pellegrino; лампадка (небольшой сосуд с фитилем,*

наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами) – *lanternino*; *архидиакон* – *vescovo* и др. «*Богомаз*» (иконописец, зачастую плохой и неискusstный) в италийской версии – «*baciapile*» (*ханжа*, *лицемер*, *святоша*), что так же несет в себе оттенок пренебрежения, но не совсем точно передает исходное значение. Первый или главный священник у древних народов, а также духовное лицо высшего сана, «*первосвященник*» переведено как «*gran sacerdote*» (великий священник). Перевод реалии «*киот*» (остекленный ящик или шкафчик, в котором хранятся иконы) как «*icona*» (икона) не совсем точно передает замысел автора. Великое «*славословие*» – в православном богослужении молитвословие, основанное на ангельской песне, пропетой при благовестии пастухам о Рождении Иисуса Христа, переводится при помощи приблизительного перевода как «*canti rituali*», что не искажает смысла реалии, но и не передает ее полностью.

Анализ перевода религиозных реалий показал, что общий смысл исходного текста был корректно интерпретирован для италийского читателя, однако, ввиду значительных различий религиозного характера между италийской и русской культурами, в некоторых случаях неизбежно возникли расхождения.

Важнейшую роль в романе играют **реалии советского периода**, так как именно они отражают всю действительность советской жизни. В данной группе было выделено несколько подгрупп, а именно: социальные и административные учреждения, общественные организации, партии и предприятия, а также должности и профессии.

В подгруппе «административные и социальные учреждения», среди которых значительная часть реалий – названия организаций, вымышленные М.А. Булгаковым, калькированы, например: *Комиссия зрелищ и увеселений облегченного типа* – *Commissione per gli spettacoli e i divertimenti di tipo leggero*; *Московская областная зрелищная комиссия* – *Commissione regionale moscovita per gli spettacoli*; *Акустическая комиссия московских театров* – *Commissione acustica dei teatri di Mosca*. В некоторых случаях были использованы пояснения или описания, например: *Госбанк* – *Banca di stato*; *вымпел* – *guardina a smaltire la sbornia*; *лечебница* – *casa di cura*. Отметим, что такой подход вполне удачно передает значение реалий советской действительности.

Не менее важной является подгруппа «общественные организации, партии и предприятия», так как она, как и предыдущая, передает атмосферу и дух советского времени. Перевод выполнен с использованием транслитерации, калькирования, описания, например: *счетно-проверочный отдел* – *il reparto contabile di controllo*; *финзрелищный сектор* – *sezione finanziaria per gli spettacoli*; *Дом Драмлита* – *Casa del Dramlit (Casa del drammaturgo e del letterato)*; *рыбно-дачная секция* – *sezione di pesca e vileggiatura*; *нефтемелавка* – *bottega dove vendono il petrolio*; *Торгсин* – *Torgsin (Sigla di Associazione panunionista per il commercio con gli stranieri)*; *Домовой комитет* – *Comitato di casa*; *диетическая столовка* – *mensa dietica*; *программное отделение зрелищной комиссии* – *sezione programmi della Commissione per gli spettacoli*. Приведенные выше примеры, на наш взгляд, довольно точно передают вложенный в них авторский смысл.

Реалия «*женщина-комсомолка*» (девушка-член Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи) интерпретирована посредством описания, а именно, «*una donna russa, un membro della Gioventù comunista*», корректно передавая ее смысл. В романе имеется и другая реалия советского периода, а именно, «*кулак*». Принятый при советской власти для обозначения зажиточных крестьян, этот термин, по отношению к представителю данного класса, имел исключительно негативную окраску, представляя собой оценку человека нечестного. Так и М.А. Булгаков в своем произведении использу-

ет данную реалию, описывая одного из поэтов МАССОЛИТА, называет его «типичный кулачок» по своей психологии. Автор перевода, используя удачный прием перевода – разъяснительный, приводит также сноску: *ha la psicologia del classico kulak (contadino ricco, simbolo di arretratezza politica e morale)*. Благодаря такому приему, реалия осталась понятной для италоязычного читателя.

Однако, название вымышленного объединения литераторов МАССОЛИТ, транслитерированное как MASSOLIT, осталось непонятным для итальянского читателя, так как отсутствует какое-либо объяснение, что представляет собой эта организация. Упоминается также чебуречная «Ялта», недорогое заведение быстрого питания, которое специализируется на изготовлении и продаже национального блюда крымских татар – чебуреках. Реалия интерпретирована как «*rosticceria Jalta*», транслитерируя название города, в котором находится данное заведение. Такой вариант перевода в сегменте реалий итальянских заведений соответствует слову текста оригинала, так как такие заведения в Италии можно приравнять к закусочным в России, но все же оно не отражает действительности.

Следует отметить, что большинство реалий советского периода переведены корректно и удачно. Тем не менее, перевод отдельных реалий вызвал определенные трудности и может, как мы полагаем, мог ввести в заблуждение италоязычных читателей романа.

Немаловажную роль в повествовании играют **ономастические реалии**, среди которых выделяются следующие подгруппы:

1. «Известные личности», например: *барон Майгель – barone Meigel; Лжедмитрий – Pseudodemetrio (usurpatore del trono di Russia 1605-6), Понтий Пилат – Pontio Pilato; Князь Владимир – Principe Vladimir; Панаев и Скабичевский – Panaev e Skabicevskij (Sia Skabicevskij che Panaev sono i cognomi di due letterati russi dell'Ottocento)*. При переводе имени «Малюта Скуратов» приводится сноска, чтобы объяснить итальянскому читателю кем был *Maljuta Skuratov (Soprannome di G. L. Bel'skij (?1572) uno dei più fedeli e feroci aiutanti di Ivan il Terribile nella lotta contro l'opposizione dei boiari)*. Однако слово «*бояре*» (в ит.яз. «*boiardo*») в данной сноске осталось без пояснений, следовательно, непонятным для италоязычных читателей, что влечет за собой неполное понимание личности Малюты Скуратова.

Интересно отметить, что в романе упоминается фамилия *Ловелас*, персонажа эпистолярного романа Сэмюэла Ричардсона «Кларисса», которая приобрела со временем переносное значение, а именно, «соблазнитель, искатель любовных побед и приключений». Главная героиня повествования Маргарита вспоминает ее, говоря об одном из мужчин. Автор перевода использует в данной ситуации имя испанского героя, которое так же приобрело идентичное первому персонажу переносное значение – *dongiovanni*, очевидно полагая, что такой вариант перевода более близок италоязычной аудитории.

2. «Имена литературных героев», например: *Фагот – Fagotto; Арчибальд Арчибальдович – Arcibal'd Arcibal'dovic; Прохоровникова – la Prochorovnikova; Глухарев – Glucharëv; Латунский – Latunskij; Сергей Герардович Дунчиль – Sergej Gerardovič Dunčil'; Милица Андреевна Покобатько – Milica Andreevna Pokobat'ko; Ида Геркулановна Ворс – Ida Gerkulanovna Vors; Настасья Лукинишна Непременовна – Nastas'ja Lukinišna Nepremenova*. Кличка собаки-ищейки «*Тузбубен*» переведено «*Assodiquadri*», что в данном случае является удачным переводческим решением, а имя «*Марк Крысобой*» - *Marco Ammazzatopi*, то есть убийца мышей, а не крыс. В итальянской культуре у слова «крыса» нет такой отрицательной коннотации, как в русской, и в том же значении

с оттенком пренебрежения и презрения используется слово «мышь», которое входит в состав многих фразеологизмов, полагаем, что именно по этой причине для италяязычной аудитории был использован этот вариант.

3. «Антропонимы», например: *Герлэн – Guerlain, Шанель номер пять – Chanel numero cinque, Мицую – Mitsouko, Нарсис Нуар – Narcisse Noir*. Названия произведений классической русской литературы переведены при помощи калькирования, транслитерации или приблизительного перевода: *Евгений Онегин – Evgenij Onegin, Горе от ума – Che disgrazia l'ingegno, Дон Кихот – Don Chisciotte, Фауст – Faust, Мертвые души – Anime morte*. К некоторым реалиям даны сноски и объяснение их значений, как, например, к реалии «испанский сапожок» – *le stanghette (strumento di tortura che in russo era chiamato stivaletto Spagnolo)*; *Абрау-Дюрсо – Abrau-Djurso (denominazione di vini e champagne caucasici)*; к имени *Проша – Prosa* также дается сноска (*Prosa = diminutivo di Prochor*).

4. Наиболее многочисленную подгруппу в категории ономастических реалий представляют географические реалии. Так как основное действие романа разворачивается в Москве, читатель встречается с московскими улицами, районами, озерами и т.д., благодаря чему предстает наиболее точный образ места действий, например: *Пречистенка – Prečistenka; Москва-река – Moscovia; Чистые пруды – stagni Cistye; Малая Бронная улица – via Malaja Bronnaja; Патриаршие пруды – gli stagni Patriarsie; Зимний Дворец – Palazzo d'Inverno*. К некоторым из географических наименований дается сноска: *Сходня – Schodnja (località di villeggiatura presso Mosca); Замоскворечье – Zamoskvoreč'e (rione di Mosca nei pressi del Cremlino); в случае с реалией Воробьевы горы – Monti dei Passeri (Sono i Vorob'evy gory, un'altura alla periferia di Mosca); Петровка – Petrovka (La Petrovka è una via centrale di Mosca); Смоленский – Smolenskij (lo Smolenskij era un mercato sulla piazza omonima)*. Названия городов и поселков: *Ялта – Jalta; Суук-Су – Suuk-Su; Боровое – Borovoe; Цихидзири – Cichidziri; Махинджаури – Machindžauri; Ленинград – Leningrado; Саратов – Saratov; Воронеж – Voronez*.

Следует упомянуть еще одну географическую реалию. Она встречается в песне заключенных с Нерчинских рудников, фрагмент этой же песни использует и Бугаков в романе «Мастер и Маргарита»: *Эй, Баргузин, пошевеливай вал*. Известно, что в средней части озера Байкал существует северо-восточный ветер, который дует из долины реки Баргузин по направлению к острову Ольхон, именуемый Баргузином. Данная реалия переводится посредством описания «*vento del nord*». Такой вариант, по нашему мнению, можно считать вполне удачным и уместным.

Хотелось бы отметить, что в большинстве случаев автором перевода романа были выбраны удачные способы перевода реалий данной группы, понятные для италяязычного читателя, в особенности уместным было использование сносок для некоторых топонимов, так как они помогают наиболее точно понять, о каком из мест идет речь.

Как известно, помимо Москвы, действие романа разворачивается также в Римской империи, в провинции Иудея. В таких главах автор использует различные реалии той эпохи, такие как военные, политические и авторские реалии. На наш взгляд, перевод такого рода языковых явлений представляет особую трудность, так как цель донести верный смысл написанного осложняется тем, что читатель не имеет общего представления об эпохе Римской империи и о жизни в те времена.

В группу реалий греко-латинской и иудейской культур вошли:

– военные реалии: *пехотинцы каппадокийской когорты – i fanti della coorte di Cappadocia; командир когорты – comandante della coorte; ординарец – attendente; ка-*

валерийская ала – la coorte alaria di cavalleria; трибун – tribuno; Козорта Двенадцатого Молниеносного легиона – coorte della XII Legione Fulminante romana; кентурия – centuria; турма – torta; легион Фульмината – Legione Fulminante;

– политические реалии: *прокуратор – procuratore; Синедрион – Sinedrio; кесарь – cesare;*

– авторские реалии греко-латинской и иудейской культур: *Иосиф Каифа – Joseph Caifa; Иуда из города Кириафа – Giuda di Kiriath; Вар-Равван – Bar-Raban; Еришалаим – Jerushalajim.*

В большинстве данных случаев применялось калькирование или полукалькирование (военные и политические реалии), а для перевода авторских реалий использовалась транслитерация.

В заключение отметим, что в ходе сравнительно-сопоставительного анализа текста оригинала романа М.А. Булгакова и его перевода на итальянский язык, выполненного В.С. Дридзо, были выявлены следующие группы реалий: этнографические, религиозные, ономастические, советского периода, греко-латинской и иудейской культур. Использование различных переводческих приемов позволило донести до италоязычной аудитории смысл большинства из них, несмотря на некоторые трудности, которые возникли при передаче эмоционального оттенка слов, а также экспрессивной окраски. Автору переводного текста удалось найти соответствия для русскоязычных реалий в итальянском языке, стараясь избегать трансформаций. Такой подход позволил сохранить национально-культурную специфику романа и авторский стиль М.А. Булгакова, несмотря на то, что некоторые варианты перевода могли вызвать трудности восприятия у италоязычной аудитории. Данная стратегия перевода позволила автору сохранить колорит произведения и эмоционально-экспрессивную окраску текста.

Список источников примеров

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – СПб.: Амфора, 2010. – 415с.
2. Dridzo V.S. Il Maestro e Margherita / V.S. Dridzo. – Torino: Einaudi, 1967. –350p.

ON WAYS OF TRANSLATING CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS (BASED ON M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA" TRANSLATED INTO ITALIAN)

Irina V. Pobegaylo
Voronezh State University
Anastasia I. Sitnikova
Voronezh State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the translation of realities that are of particular importance for a full understanding of the meaning of the work and the author's intention, being one of the means of expressing national and historical color. As you know, the translation of such elements of the source language is particularly difficult to transfer by means of the translating language. To conduct a comparative analysis of the translation of realities, M. A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita» and its Italian-language version, translated by V. S. Dridzo, were chosen. The purpose of the study is to determine the degree of preservation of the national and cultural specificity of this literary work.

Key words: Culture-specific element, translation, Italian, M. A. Bulgakov, V. S. Dridzo, artwork, comparative analysis, national and cultural identity

Побегайло Ирина Валентиновна,
Доцент кафедры романской филологии
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (919) 246 1349
e-mail: pobegaylo@list.ru

Irina V. Pobegaylo
Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Romance Philology
Voronezh State University
mobile: +7 (919) 246 1349
e-mail: pobegaylo@list.ru

Ситникова Анастасия Игоревна,
Воронежский государственный
университет
e-mail: sitnikova_asya@list.ru

Anastasia I. Sitnikova
Voronezh State University
e-mail: sitnikova_asya@list.ru

УДК 347.78.034

КОМПЛЕКСНЫЕ ЗНАКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

Полянчук О.Б.
Воронежский государственный университет

Аннотация. в статье рассматриваются проблемы, связанные с отражением средствами перевода регулярных языковых закономерностей формирования комплексного знака, представленного молодежным сленгом. Указывается на частотность использования производных слов в стилистически маркированном типе дискурса. Производится классификация комплексных знаков по критерию способа их образования и указывается на системные лингвистические закономерности, характеризующие каждый из выявленных типов. Акцентируется внимание на системных взаимосвязях между типом образования комплексного знака, степенью его идиоматичности и способом переструктурирования концепта при переводе.

Ключевые слова: словообразовательная деривация, комплексный знак, индивидуализация значения, вторичная концептуализация, универбализация

Настоящее исследование посвящено всестороннему изучению производных слов, используемых во французском молодежном сленге. В центре внимания оказываются разные аспекты, характеризующие такого рода производные слова: словообразовательный, лингвокультурологический, семантический, переводоведческий. В частности, целью исследования является выявление и анализ закономерностей взаимодействия композиционной семантики производного слова, степени его идиоматичности, способа его формирования и выбором средств перевода данных производных слов (комплексных знаков, далее КЗ).

Молодежный сленг выбран объектом нашего внимания, поскольку наличие в таком регистре дискурса комплексных знаков оказывается высокочастотным и продуктивным. Кроме того, производные слова являются богатым источником для семантической деривации на их основе.

Говоря о молодежном сленге, мы должны определить это понятие как аргю. Тем не менее, понятие аргю требует специального разъяснения.

Альбер Доа, различал несколько аргю, называя их *parlures argotiques* (досл. арготичные наречия). [1]. Марк Сурдо, в свою очередь, конкретизирует понятие «арготичных наречий» или языка аргю, выделяя три его формы: аргю, жаргон и жарго, основываясь на их формальных и функциональных различиях. [2]. Согласно М. Сурдо, аргю характеризуется в основном наличием процессов, «затемняющих» смысл продукта речевой деятельности. [3]. Иными словами, для данного стилевого регистра основной функцией остается кодифицирующая, восходящая к необходимости передачи информации внутри определенной социальной группы. Данный критерий дает нам право противопоставлять аргю другим выделяемым жаргонным формам, при этом, однако, не являясь единственным. По мнению П. Гиро аргю, будучи тайным языком, служащим для самоидентификации, а также идентификации «своих» и «чужих», или своего рода «социальный знак», также обладает игровым аспектом [4].

Анализ функциональных свойств аргю и жаргона не только помогает нам провести границу между данными понятиями, но и подтверждает мысль о наличии общих характеристик у данных языков. Именно к ним восходит появление понятия *jargon*, предложенного М. Сурдо. Логично, что для данного языка также характерно сглаживание оппозиции между вышеперечисленными стилевыми регистрами. В рамках «жарго» мы наблюдаем лишь следы кодифицирующей функции, доминантной для аргю, в то время как игровая функция и функция «тайного языка», которая служит символом признания общей манеры общения или же, проявляясь в других сферах (например, мода на стиль в одежде), оказывается символом выбора определенного образа жизни. В то же время «жарго» отличается от аргю и жаргона отсутствием стремления прятать или прояснять что-либо – жарго выводит на первый план свободу выбора тона речи, не заботясь об особенной эффективности коммуникации. Этот же язык был назван масс-медиа в 80х годах прошлого века *«le français branché»* («модный французский», досл. «в теме») [5].

Таким образом, основными функциями жарго можно назвать игровую, эстетическую и функцию «тайного языка». Также важно отметить функциональные различия выделенных стилей в динамическом аспекте. Согласно М. Сурдо, аргю и жарго характеризуются высокой степенью лабильности ЛЕ. В данном случае быстрая обновляемость словаря может быть объяснена посредством кодифицирующей функции. Действительно, вокабуляр нуждается в постоянном обновлении во избежание «утечек» информации и стирания грани между «посвященными» и «не посвященными».

Проанализировав основные характеристики современного молодежного аргю, мы убеждаемся в том, что эволюция аргю обусловлена социальными изменениями: всеобщей компьютеризацией, наращиванием культурных связей, укреплением равенства различных демографических и социальных групп в обществе. В то же время, на развитие аргю как языка социальной группы молодежи не может не оказывать влияние психологический фактор, а именно наличие специфической картины мира, включающей ценности, понятия, ассоциации, характерные для представителей данной группы.

Немаловажным фактором, определяющим образование арготических производных слов, является психологический фактор. Роль данного фактора также является определяющей в аспекте перевода аргю, поскольку речь идет о специфической форме перестройки фрейма, определяющей особенности процесса девербализации. В этой связи необходимо отметить важность когнитивного аспекта исследования, в частности, исследование когнитивных механизмов, задействованных при протекании этих процессов. Очевидно, что изучение таких явлений, как семантическая деривация, метафоризация, персонификация или деперсонификация, представляется невозможной вне ее рассмо-

трения сквозь призму когнитивной лингвистики. В то же время, согласно американскому исследователю Дж. Лакоффу, метафора не ограничивается существованием лишь в языке. Она в некотором смысле проходит сквозь всю жизнь человека, непосредственно затрагивая и такие сферы как мышление и деятельность, в частности, переводческая [6, с.25]. Иными словами, даже повседневная деятельность человека подвержена влиянию метафор, ибо его понятийная система по сути своей метафорична. Согласно Дж. Лакоффу, «наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям; тем самым наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни», а метафора, в свою очередь, представляет собой репрезентацию частичного сопоставления двух концептов [6, с.25].

Исследователь делает вывод о том, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры [6].

Таким образом, результаты, полученные при изучении когнитивных категорий и механизмов, могут быть использованы для объяснения различных языковых явлений, равно как и описание функционирования языка представляется необходимым для определения схем регулярно выполняемых человеком автоматических действий.

Сравнение «высвечивает» лишь один из его параметров, тогда как другие в данном конкретном случае остаются «затемненными». [6, с.31]. В этой связи необходимо указать на определяющую роль концептуализируемого признака [7]. Речь идет именно о том признаке концепта, который оказывается определяющим элементом определенного механизма концептуализации.

Именно такое свойство процесса концептуализации и определяет во многом процесс вербализации стилистического концепта и моделей его перевода.

Говоря об экспрессивности как характеристике арго, стоит отметить, что одним из наиболее важных её источников является семантическая мотивированность, или образность. [8, с.128]. Образность, в свою очередь, противопоставлена узуальности. Иначе говоря, чем более узуален знак, тем слабее его образность. В то же время, чем меньшей мотивацией обладает знак, тем слабее он выражает экспрессивность. Такое явление К.А. Долинин называет остаточной образностью. Он также отмечает: «Образная экспрессивность в полной мере присуща окказиональным употреблением – таким, которые не фиксируются в словарях, потому что не принадлежат языку». [8, с.138] В то же время в языке неизменно присутствует диалектическое противоречие: с одной стороны, знак стремится к мотивации, следовательно, к наращиванию экспрессивности, с другой стороны, в языке имеет место тенденция к демотивации знака, то есть, в данном случае, – к стиранию образности, экспрессивности. В результате новые формы стремятся к большей абстрактности, немотивированности, а говорящий все более чувствует потребность в обновлении средств выражения с целью передать переживаемые чувства и эмоции, что само по себе является естественной и постоянной личностной потребностью индивида.

Необходимо отметить, что образование арго во многом связано с деривационными процессами. Если говорить о словообразовательной деривации, то необходимо отметить особенности когнитивного механизма деривационной редукции [9], который связан с процессом свертывания синтаксической конструкции в единое слово, другими словами, с процессом универбализации. Именно такие модели мышления в наибольшей степени характерны для молодежи, что и объясняет наличие большого количества словообразовательных моделей разного типа, по которым строятся комплексные знаки, принадлежащие молодежному сленгу. Такие комплексные знаки характеризуются разной степенью идиоматичности, что связано с наличием в их семантической струк-

туре многочисленных имплицитных признаков, «всплывающих на поверхность» при многократном использовании языкового знака. Таким образом, особую роль в развитии «аргогической» семантики производных слов играют процессы семантической деривации на базе производного слова. Исходя из изложенного выше, мы выбрали в качестве объекта исследования КЗ, обладающие той или иной степенью словообразовательной или семантической мотивации, а также демонстрирующие стилистическую маркированность. Важным моментом исследования является попытка установить регулярные закономерности, характеризующие соотношение способа образования КЗ, степени его идиоматичности и способа его перевода на русский язык, который в данной статье рассматривается как отражение языковых закономерностей.

В результате проведенного исследования нами было выявлено три способа образования комплексных знаков в рамках молодежного сленга. Такая классификация производится в соответствии с деривационным и семантическим критериями. В частности, нами выявленные следующие способы:

1. Образование КЗ путем словообразовательной деривации.
2. Образование КЗ путем параллельного процесса словообразовательной и семантической деривации.
3. Образование производных значений на базе КЗ (семантическая деривация, развитие полисемии).

Необходимо отметить, что важными для настоящего исследования являются словообразовательно-семантические характеристики исследуемых КЗ. Такие характеристики связаны, прежде всего, с наличием разных степеней прозрачности их словообразовательной структуры. В частности, мы выделяем следующие наборы словообразовательно-семантических характеристик КЗ:

1. Полная словообразовательная мотивация, четкая членимость по словообразовательной модели, эксплицитное словообразовательное значение.
2. Частичная словообразовательная мотивация, условная членимость по словообразовательной модели, словообразовательное значение представлено в измененном виде.
3. Затемненная словообразовательная мотивация, затрудненная членимость по словообразовательной модели, имплицитное словообразовательное значение. [10, 11].

Перейдем к описанию каждого из типов формирования КЗ, принадлежащих к молодежному дискурсу [1**,2**] и способов их перевода.

1. При словообразовательной деривации одним из выявленных способов интеграции словообразовательных элементов является соединение стилистически нейтральной производящей основы и стилистически маркированного суффикса. Приведем несколько словообразовательных моделей, построенных по такому принципу.

(N+oche)N

Cinéma > *cinoche* «киношка»;

Dame > *damoche* «дамочка» ;

Festival > *festoche* «фестивалишка» ;

Télévision > *téloche* «телик» ;

(Adj+dingue)Adj

Crasseux «покрытый грязью» > *cradingue* «грязнущий»;

Sourd «глухой» > *sourdingue* : *complètement sourd* «глуховатый»;

Lourd «тяжелый» > *lourdingue* : *qui pèse lourd* – «тяжелющий»;

(N+esse)N

Gonze «парень» - *gonzesse* «девица»;

Drôle «чудак» - *drôlesse* «чудачка»;

(super+ADJ)ADJ, (hyper+ ADJ)ADJ, (extra+ ADJ)ADJ

В данном случае мы приводим примеры и их переводы, взятые из источника интернет [1*]:

«*Bref il est hyper chiant et il me fout la haine en toute honnêteté*» – «Короче, он супер мерзкий и, честно сказать, выбешивает меня».

«*Le gars est pas méchant à la base. Mais il est juste hyper chiant*» – «Парень сам по себе не плохой, но он просто невозможно мерзкий».]

«*Mais. C'est hyper cool, Charlie*» – «Да это же супер круто, Чарли».

В перечисленных примерах КЗ сохраняет прозрачность словообразовательной структуры, полностью мотивирован, обладает регулярным словообразовательным значением «пренебрежительное отношение к обозначенному производящей основой». Что касается перевода исследованных КЗ, то большинство проанализированных примеров демонстрируют четкость словообразовательной структуры. В данном случае используется пейоративный суффикс языка перевода (киношка, дамочка, фестивалишка, трусишка), либо префикс, добавляющий значение перемещения в пространстве либо (с наиболее частотностью) значение высшей степени качества. При этом его семантическая нагрузка так высока, что префикс используется как самостоятельное лексическое средство (супер, гипер). Характерным явлением оказывается сохранение процесса лексикализации КЗ при переводе. Таким образом, можно сделать вывод, что при первом типе формирования стилистически маркированного КЗ (словообразовательная деривация) перевод закономерно отражает характер словообразовательной структуры исходного производного слова. Следовательно, перевод оказывается тем средством, которое отражает внутриязыковые процессы.

2. Что касается следующего типа, то в данном случае речь идет о процессе семантической деривации (путем метафоризации), который происходит одновременно с деривационным процессом. Для сопоставления аргю, полученных в результате словообразовательной и семантической деривации, и в особенности для анализа данной группы аргю, сочетающих словообразовательную и семантическую деривацию, нам необходимо указать на тот факт, что в результате семантической деривации мы имеем дело с переструктурированием семантического содержания исходного значения, с появлением образности, метафоричности.

В результате исследования обнаружено, что семантическая деривация на основе производного слова-аргю, с одной стороны, отражает общие закономерности словообразования и семантики, а, с, другой стороны, обладает рядом специфических черт.

В частности, производные слова, развивающие новые значения, образованы посредством словообразовательных механизмов, описанных нами в рамках группы №1.

Например, существительное *soiffard* переводится как «алкаш». Данное существительное образовано от французского существительного *soif* («жажда») путем прибавления суффикса *-ard* по словообразовательной модели $[N + ard]N$. Переосмысление КЗ происходит одновременно с процессом словообразовательной деривации. Приведем несколько примеров такого типа.

(Adj+ard)N/ (N+ard)N

В представленных ниже примерах суффикс *-ard* употреблен в значении «принадлежность объекта к чему-либо, обозначенному производящей основой». Однако при этом СЗ (словообразовательное значение) в некоторой степени затемнено в семантике

производного слова, что делает производное частично идиоматичным, обладающим частичной словообразовательной мотивацией.

Существительное *mouchard: dénonciateur* – «информатор, стукач» образовано от имени собственного *Mouchy*. Антуан де Муши (*Antoine de Mouchy*) – теолог и канонист, живший в XVI веке во Франции. Муши был известен использованием сетей сбора разведывательных данных, поэтому в основании данного метафорического переноса лежат семы «собирать информацию», «передать информацию властям», «шпионаж». В то же время, слово образовано путем присоединения суффикса *-ard*, в данном случае он является носителем эмоционально-оценочного значения уничижения, негативного отношения к объекту, обозначенному производящей основой. Метафорический перенос осуществляется по модели **объект – негативно воспринимаемое что-либо, схожее по характеристикам с объектом**.

Так, слово *mol* «мокрый», присоединяя суффикс *-ard*, образует слово *mollard* «мошный плевок», развитие значения осуществляется по семантической модели **качество – объект, обладающий высокой степенью выраженности качества**. Так как производное слово непосредственно воплощает характеристику, заключенную в семантике производящей основы, оно частично членимо, соответственно, частично мотивировано, в результате чего СЗ представлено в измененном виде.

Аналогично от слова *plume* «перо» образуется существительное *plumard* «кроватка», модель семантической деривации: **объект (материал) – объект, состоящий из материала, обозначенного производящей основой**.

(V+ade)N

От глагола *bouter* «бить, толкать» образуется существительное *boutade* «шутка». В данном случае реализуется одно из значений многозначного суффикса *-ade*, а именно «результат действия». Развитие значения осуществляется по семантической модели **действие – объект, похожий на результат действия, обозначенного производящей основой**. Таким образом, в семантике производного присутствует лишь след словообразовательного значения, иными словами, оно затемнено, а производное обладает высокой степенью идиоматичности.

(N+aille)N

Существительное *fer* «железо» образует существительное *feraille* «монетка», где СЗ «уничижительное отношение к чему-либо, обозначенному производящей основой». Развитие значения в данном случае осуществляется по семантической модели **объект – пренебрежительно воспринимаемое что-то, сделанное из материала, обозначенного производящей основой**. Таким образом, СЗ реализуется в измененном виде в семантике производного слова.

(N+ette)N

Существительное *fumette* «сигарета» образовано от *fumée* «дым», словообразовательная деривация осуществляется посредством суффикса *-ette*, выражающего значение уменьшения, либо уничижения. Однако в производном слове СЗ имплицитно, то есть мотивация затемнена. Развитие значения осуществляется по семантической модели **объект – негативно воспринимаемое, небольшого размера что-либо, воспроизводящее объект, обозначенный производящей основой**. Таким образом, производное слово полностью идиоматично.

(N+ot)N

От имени собственного *Charlie Chaplin* образуется арготичное существительное *charlot* «клоун»: *Individu, personne qui manque de sérieux, qui fait rire, généralement à ses*

dépens, grâce à des mésaventures ou une maladresse ridicule – « клоун, несерьезный человек, заставляющий смеяться, в основном над ним, благодаря неловким ситуациям, в которые он попадает, а также его собственной комичной неловкости». В семантике производного слова мы наблюдаем метафорический перенос характеристики киноперсонажа, созданного известным американским актером и режиссером двадцатого века Чарли Чаплином. Перенос основывается на сопоставлении сем «неловкий», «неуклюжий», «смешной» по семантической модели *объект – иронично воспринимаемое что-либо, схожее по характеристикам с объектом*. Кроме того, словообразовательная деривация осуществляется посредством присоединения суффикса *-ot* со значением уменьшения, что усиливает эффект комичности. То есть след СЗ также оставляет след в семантике производного слова. Таким образом, слово *charlot* обладает условной членимостью первой степени и частичной идиоматичностью.

Анализ примеров данной подгруппы показал, что при параллельном процессе словообразовательной и семантической деривации словообразовательно-семантические характеристики КЗ отличаются от характеристик КЗ, принадлежащих первой группе. В частности, при определенной регулярности словообразовательных моделей арго данного типа модели семантической деривации не отличаются регулярностью, в результате чего производные слова демонстрируют частичную идиоматичность, наличие СЗ в измененном виде и условную членимость по словообразовательной модели. Также наблюдается тенденция к еще большей затемненности словообразовательной мотивации и индивидуализации значений. Также можно отметить смещение баланса языковых значений в сторону лексического значения: такие значения отличаются большей разветвленностью семантики, в то время как словообразовательные значения представлены в измененном виде вследствие ослабления словообразовательной мотивации.

Что касается перевода таких КЗ, можно отметить, что в нем не наблюдается такое же регулярное использование словообразовательных средств, как в случае 1. Нерегулярность семантики таких КЗ влечет за собой также и разнообразие, нерегулярность использования переводческих средств, которые могут как включать в себя словообразовательные элементы (монетка, сигаретка), так и использовать образные лексические или синтаксические трансформации (шутка, увальень, мощный плевок, клоун).

3. В последнем из исследованных нами случаев речь идет о семантической деривации на базе КЗ. Данный тип отличается от предыдущего тем, что процессы словообразовательной и семантической деривации проходят последовательно (а не параллельно). В данном случае мы имеем дело с развитием полисемии и определенной степенью опрошения КЗ. Например:

(N+eux)Adj + субстантивизация

Существительное *morve* «сопли» образует прилагательное *morveux* «сопливый», которое затем, субстантивируясь, получает значение «ребенок». Данное производное слово затем подвергается процессу семантической деривации и, посредством механизма метонимии, слово субстантивизируется и приобретает значение *gamin* «ребенок», «мальчуган», или «сопляк» (наиболее распространенный вариант перевода). Модель семантической деривации можно обозначить как **качество – носитель качества**. В семантике производного слова мы можем наблюдать лишь след СЗ, другими словами, СЗ имплицитно. Таким образом, словообразовательная мотивация затемнена.

(N+ot)N

Слово *ciboule* «сибирский чеснок» дает производное *ciboulot* в значении *petit oignon* «маленькая луковица», которое затем развивает значение «голова» (в переводе

«башка»). Метафорический перенос осуществляется по модели **объект – форма объекта**. СЗ такого рода комплексного знака не может быть выделено из значения производного, то есть мотивация затемнена, слово полностью идиоматично.

(dé+N)V

Camper «разбить лагерь» путем префиксации образует производное *décamper* «покинуть лагерь» (воен.), которое затем развивает значение «уйти» («свалить»). Развитие значения осуществляется путем расширения значения: из военной лексики (профессиональный жаргон) слово переходит в современное французское аргю.

Существительное *gomme* «ластик» при присоединении приставки *dé-* образует глагол *dégommer* «стереть», которое затем получает значение «убить» («укокошить, замочить»). Метафорический перенос осуществляется за счет ядерных сем модели семантической деривации «убрать», «уничтожить», «не оставить следа».

Помимо производных, образованных путем аффиксации, семантической деривации в арготической лесеке частотными оказываются также слова, образованные при помощи механизма словосложения. Рассмотрим подробнее эти примеры:

Aller-retour «билет туда и обратно» обретает значение «пощечина». В данном случае метафорический перенос осуществляется посредством профилирования семантического признака «образ действия» модели **действие – способ действия**. Данное производное слово не мотивировано в плане синхронии, для него характерна значительная идиоматичность.

Глагол *baller*: *arg. lancer* «запускать» при присоединении основы *tringle*, в значении *verge métallique servant à soutenir un rideau* «металлический стержень, на котором держится занавес» образует производное *baltringue*: *un manutentionnaire de cirque* «человек, занимающийся установкой циркового шатра» (цирковое аргю), затем – второе значение: *quelqu'un déménageant sans cesse* «кто-то, кто постоянно переезжает», которое впоследствии приобретает значение *personne qui n'a pas de parole; incompetent, incapable, peureux* – «человек, который не держит слово; некомпетентный, негодный, трусливый» («фраер, лох»). Производное слово полностью идиоматично.

Анализ производных, образованных путем семантической деривации на базе производных слов приводит нас к выводу о том, что такие дериваты полностью идиоматичны, словообразовательное значение в таком случае имплицитно, соответственно, мотивация затемнена.

Что касается переводческих средств, используемых при переводе КЗ типа 3, можно отметить их индивидуализированный, нетипизированный характер, отсутствие использования словообразовательных средств в языке перевода, что, на наш взгляд, объясняется высокой метафоричности таких КЗ, высоким уровнем метафорической аттракции их компонентов. Соответственно, переводчик «не сковывается» рамками словообразовательных моделей за которыми, безусловно, стоят когнитивные модели, который в случае 3 уже перестают быть системной сверткой синтаксической конструкции, что и приводит переводчика к использованию образных, индивидуализированных средств перекодирования информации, обусловленным другим типом концептуализации. В данном случае степень девербализации в процессе перевода повышается.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о наличии закономерных связей между способом образования комплексного знака, когнитивной моделью, задействованной при переводе и выбором переводческих средств. Степень прозрачности словообразовательной структуры производного слова находит свое отражение в переводе следующим образом:

1. При словообразовательной деривации (полная словообразовательная мотивация) переводческий эквивалент представляет собой производное слово со стилистически маркированным аффиксом. Словообразовательные значения русских и французских лексем определяются аналогичным образом: пейоративность по отношению к обозначенному производящей основой.

2. При параллельном процессе словообразовательной и семантической деривации и при семантической деривации на базе производного слова (затемнение словообразовательной структуры) перевод отражает латентность словообразовательного значения. Последнее проявляется в выборе при переводе не словообразовательных, а лексических средств (либо перифраз), при этом происходит семантический сдвиг в сторону индивидуализации значения, в отличие от его стандартизации в первом случае.

3. При сравнении типов 1,2 и 3 мы наблюдаем определенную динамику, которая выражается в движении от конкретного к абстрактному, и, следовательно, об усилении степени девербализации при переводе.

Таким образом, существует регулярная взаимосвязь между словообразовательно-семантическими характеристиками производного слова и способами их перевода.

Литература

1. Dauzat A. *Les argots, caractères, évolutions, influences*. Paris.: Delagrave, 1956. 189 p.
2. Sourdot M. Parlures argotiques // *Langue française*, n° 90, mai 1991. p.5-9.
3. Sourdot M. *L'argotologie entre forme et fonction*, Paris.: Presses Universitaires de France, 2002. 124p.
4. P. Guiraud. *Encyclopaedia Universalis*, Paris, 1968, 365 p.
5. François D. Les paradoxes des argots // *Actes du Colloque culture et pauvreté*, La Documentation française, 1988. p. 63-68.
6. Lakoff G. *More than Cool Reason a Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago. : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
7. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов.: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 123 с.
8. Долинин К.А. *Стилистика французского языка*, М.: Просвещение, 1987. 303 с.
9. Кубрякова Е.С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М. : РАН. Ин-т языкознания, 2004. 560 с.
10. Поляничук О.Б. *Динамические аспекты анализа производного слова*. Воронеж.: ИПЦ ВГУ. 199с.
11. Поляничук О.Б. Когнитивные причины закономерностей семантической деривации производных слов (на материале французского языка) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, №2, ИПЦ ВГУ, 2005. С 47-50.

Список источников примеров

1*. www.infrance.su

Список словарей

1**. Caradec F.J.- В. Pouy. *Larousse du français argotique et populaire*, Paris.; Larousse 2009. 320 p.

2**. Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. *Французско-русский словарь аргос, просторечий и фамильяризов*, М. : ООО «Издательство «Нестор Академик», 2012. 1168 с.

COMPLEX SIGNS IN FRENCH YOUTH SLANG AND METHODS OF THEIR TRANSLATION

Olga B. Polyanchuk
Voronezh State University

Abstract. in this article the issues under consideration are associated with the reflection by means of translation of regular linguistic patterns of the formation of a complex sign, represented by youth slang. The frequency of the use of derivative words in a stylistically marked type of discourse is indicated. The classification of complex signs is carried out according to the criterion of the method of their formation as well as their systemic linguistic patterns are indicated. Attention is focused on the systemic relationships between the types of formation of a complex sign, the degree of its idiomaticity and the way of restructuring the concept in translation.

Key words: word derivation, complex sign, individualization of meaning, secondary conceptualization, universalization

Полянчук Ольга Борисовна,
Доцент кафедры французской
филологии Воронежский
государственный университет
тел.: +7 (960) 101 7490
e-mail: bollona@mail.ru

Olga B. Polyanchuk
senior lecturer of the Department of French
philology
Voronezh State University
mobile: +7 (960) 101 7490
e-mail: bollona@mail.ru

УДК 81-23

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Полянчук О.Б.
Панкова Е.Ю.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье выявляются признаки концепта «цвета» во французских и русских фразеологических единицах. Произведена попытка определения сходных и отличительных черт, которые указывают на специфику французской и русской национальных картин мира.

Исследуются способы вербализации в русской и французской лингвокультурах, в частности, изучаются способы вербализации концепта «синий (голубой)» в лексико-фразеологической системе французского и русского языков. Анализ концепта позволяет глубже изучить модели мышления носителей данных лингвокультур и выявить отличительные и сходные черты процесса концептуализации в русском и французском языках.

Ключевые слова: картина мира, языковая личность, концепт, национальная картина мира, фразеологизмы с компонентами цветообозначения.

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей развития семантики цветообозначений, основанного на социально-символической значимости в жизни франко- и русскоговорящего общества.

Цветонаименования изучались и изучаются исследователями с разных позиций. Многие известные ученые, такие как Алимпиева Р.В., Апресян Ю.Г., Бахилина Н.Б.,

Белов А.И., Блэк М., Бородин М.А., А.А. Брагина, Василевич А.П., Вежбицкая А., Гак В.Г., Глисон Г., Мокиенко И.В., Фрумкина Р.М. и т.д. исследовали восприятие цвета и его особенности реализации в языках.

Целью данной работы является изучение семантики прилагательного цвета в сопоставительном аспекте и особенностей вербализации его концептуальных признаков на материале французской и русской лингвокультуры.

Поставленная цель определила следующие задачи исследования:

- 1) проанализировать признаки концепта синего (голубого) цвета и способы их вербализации в русском и французском языке;
- 2) выявить закономерности вербализации в русском и французском языках;
- 3) отметить сходные и отличительные черты, указав на специфику национальных картин мира.

Цвет всегда играл существенную роль в жизни общества. В процессах познания действительности цвет способствовал качественно-оценочному изучению окружающей среды, и кроме того, символизации и концептуализации ее значимых фрагментов. В концептах с прилагательным цвета прослеживается тесная связь с языковым сознанием народа, нации, тем или иным типом языковой личности. Вслед за В.А. Масловой под языковой личностью мы понимаем носителя языка, способного к языковой деятельности и существующего в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.) [1, с.119].

Для определения семантики цветообозначений в сознании франко- и русскоговорящих, нам понадобится понимание термина концепт. На современном этапе развития лингвокогнитивных наук не существует единого определения данного термина. Вслед за Е.С. Кубряковой концепт понимается нами как оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания [2, с.90]. Другими словами, концепт представляет собой ментальные сущности, отражающие мировоззрение той или иной языковой личности, а, следовательно, и той или иной нации.

Концепт, претерпевая процесс вербализации, оформляется в речи, а затем закрепляется в словарях. Узуально оформленное понятие лишь «мерцает в глубине концепта», иными словами, понятие не воспроизводит полностью концепт, но помогает его определить, закладывая признаки концепта в основу и интерпретируя человеческое сознание [3, с.11-35]. Таким образом, концепт представляет собой основное составляющее культуры в ментальном мире человека.

Концептуализация цвета является одной из более важных частей лингвокультуры, так как отражает проблемы отношений языка, мышления и культурного сознания. В.Г. Гак указывал на показательные расхождения среди народов в интерпретации такого общего для всех ощущения, как цвет [4, с.192]. Спектральные цвета представлены одинаково в сознании представителей разных лингвокультур, расхождения появляются при символизации и вербализации концепта цвета, что отражено в метафорическом и метонимическом переосмыслении периферийных цветоименований. А. Вежбицкая связывает вариативность цветовой картины мира нации с определенными универсальными элементами человеческого опыта [5, с.284].

В настоящей статье мы исследуем фразеологические единицы с прилагательным цвета, так как в них отражаются элементы национального менталитета. Расхождения в оформлении фразеологических единиц разных народов определяется особенностями истории, обычаев, традиций, природных условий, духовных и материальных ценностей

конкретной нации. Национальная концептосфера отражает своеобразие мировосприятия в зависимости от образа жизни и психологии народа, оформляясь в языке семантической структурой языковых знаков. Фразеологические единицы хранят и транслируют из поколения в поколение знания об окружающем мире. Исходя из этого, фразеологические единицы рассматриваются как средства вербализации тех или иных концептов – ментальных образований, обобщенно-целостных мыслительных единиц, кодирующих в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы [6, 149]. Как известно, внутренняя форма фразеологизма представляет собой продукт деятельности языкового сознания, который отображает способ осмысления действительности, или иными словами ассоциативно-мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке, или заставшие результаты деятельности языкового сознания народа [7, с.138].

Для того, чтобы проанализировать признаки концепта цвета, мы исследовали семантическое поле лексической единицы (далее ЛЕ) *bleu* во французском языке и ЛЕ синий (голубой) в русском языке. Необходимо отметить, что представленная идеосфера в виде семантического поля является вербализованной частью соответствующей концептосферы, а, следовательно, и ее признаков.

В процессе исследования мы опирались на структуру семантического поля, представленную в виде структуры, в которой выделяются:

- ядро поля, в которое также входит околоядерная зона.
- периферия поля, имеющую ближнюю и дальнюю зоны.

К ядру мы относим доминанты, которые являются носителями архисемы, подчиняющего себе все дополнительные смысловые и стилистические оттенки значения. В ядре находятся базовые значения связанные парадигматической связью, поскольку они в меньшей степени зависят от контекста и в меньшей степени обусловлены синтагматическими связями.

Исходя из этого, в ядро вербализованного концепта *bleu* входят значения, связанные с репрезентируемой ЛЕ: цвет, который называется *bleu*, цвет спектра находящийся между зеленым и индиго, вода, небо, холод. Стоит отметить, что это полисемичные значения, которые закреплены узуально. Они выведены из дефиниций, представленных во французских словарях *Trésor de la Langue Française* [8] и *Larousse* [9].

В периферийной зоне расположены производные значения слова: в ближней зоне расположены более регулярные значения, в дальней зоне – менее регулярные. Стоит указать на то, что в рамках процесса фразеологизации вербализация признаков концепта происходит на синтагматическом уровне.

В нашей работе отобранным к исследованию материалом послужили фразеологизмы с прилагательным *bleu*, представленные во французском словаре В.Г. Гака [10], а также выражения с прилагательным синий (голубой), представленные во фразеологическом словаре русского литературного языка А.И. Федорова [11].

Семантика большинства исследованных фразеологизмов не сводится к значению их составляющих, что демонстрирует значительную степень их идиоматичности. Например, *être fleur bleue*, *les diables bleus*, *avoir des bleus*, *avoir des bleus à l'âme*. Остальные фразеологические единицы характеризуются частичной идиоматичностью, так как один их элемент обладает семантической соотнесенностью со словами свободного употребления. В этой связи для выявления таких признаков нам понадобился диахронический аспект анализа: поскольку многие из исследованных фразеологизмов являются сращениями, мы анализируем сам процесс фразеологизации, акцентируя внимание на признаке – основе метафоризации. Данный признак имплицирован в концепте цвета и

актуализируется, благодаря процессу фразеологизации. Таким образом, этот признак эксплицируется на синтагматическом уровне.

Во французской лингвокультуре одним из признаков, характеризующих семантику прилагательного *bleu*, является «усиление человеческих чувств и способностей», в частности, страха, испуга, удивления. Например, *avoir une peur bleue* – сильно испугаться, *en être bleu* – разинуть рот от изумления, растеряться, *colère bleue* – сильная вспышка гнева, *être fleur bleue* – быть очень сентиментальным, наивным, *cordon bleu* – талантливый повар.

Голубой цвет во французском языке часто ассоциируется с тоской и болью: *les diables bleus* – тоска, меланхолия, *avoir des bleus* – хандрить, *avoir des bleus à l'âme* – ранишь (себе) душу.

Французы часто связывают синий цвет с недостаточной степенью готовности продукта или человека: *steak bleu* – мясо слабой прожарки, *gros bleu* – кислое вино, *vin bleu* – кислое вино, *n'être plus un bleu* – иметь жизненный опыт, *en voir de bleus* – всего натерпеться, *n'y voir que du bleu* – ничего тут не понимать.

Как показало исследование, выявленные нами признаки концепта, актуализированные средствами фразеологии, не являются релевантными для русских фразеологизмов.

Следующим, выявленным нами, концептуализируемым признаком является – «не-что, созданное воображением», который вербализован следующими фразеологическими единицами: *être dans le bleu*, *voyager dans le bleu*, *nager dans le bleu* – витать в облаках, *rêve bleu* – голубая мечта.

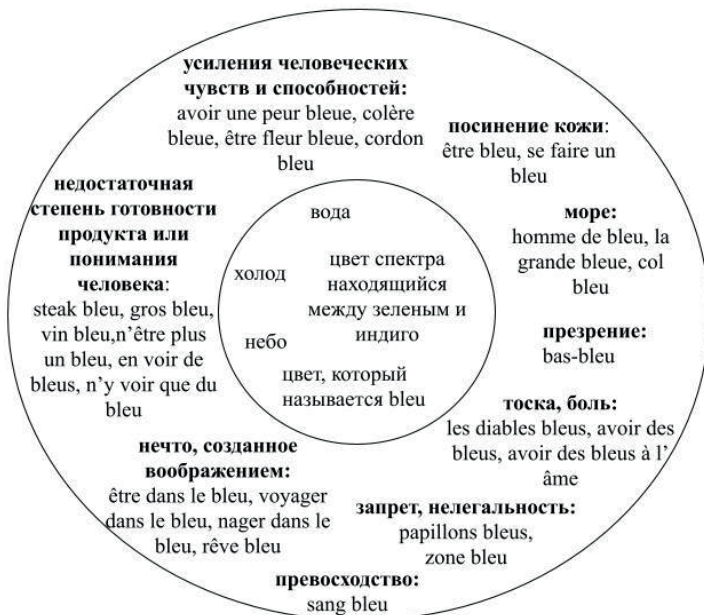
Также, нами обнаружен концептуализируемый признак «море»: *homme de bleu* – моряк, *la grande bleue* – море, *col bleu* – военный моряк. Одним из признаков, характеризующих семантику прилагательного является «превосходство»: *sang bleu*. В приведенных примерах мы можем говорить о фразеологизмах с утраченной внутренней формой, наделенных значительной идиоматичностью. В данном случае речь идет о положительно маркированных признаках.

В дальней зоне периферии можно наблюдать значения, образованные метонимической деривацией (синекдоха). Цветовое наименование было дано по цвету части предмета: *papillons bleus* – квитанция, извещение о штрафе, *zone bleu* – особая транспортная зона во внутреннем городе Парижа в течение десятилетий после Второй мировой войны. В данных случаях речь идет об отрицательно коннотированном признаке: запрет, нелегальность.

Кроме того, мы находим отрицательный коннотативный признак – «презрение», характеризующий семантику прилагательного *bleu*, этот признак эксплицируется на синтагматическом уровне в следующем виде: *bas-bleu* – синий чулок. Данная семантическая модификация отображает калькирование с английского языка. Концепт синего (голубого) цвета, как во французском языке, так и в русском языках дал определение понятию синяк, но французский язык развил данный концепт, оформив следующие фразеологизмы с негативной коннотацией: «*être bleu*» – посинеть (от холода, от гнева), «*se faire un bleu*» – посадить синяк. Данные семантемы располагаются в дальней зоне периферии и обладают частичной идиоматичностью.

Суммируя все сказанное о признаках концептуализации цвета во французском языке средствами фразеологии, мы предлагаем модель фразеосемантического поля «bleu» (см. рис. 1).

Рис. 1 Фразеосемантическое поле «bleu»

Перейдем к описанию процесса вербализации признаков синий (голубой) в русском языке. При выявлении денотативных компонентов понятия мы пользовались толковым словарем С.А. Кузнецова [12], С.И. Ожегова [13], Д.Н. Ушакова [14]. В ядро входят следующие значения: цвет, который называется синим (голубым), цвет, имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между зелёным и фиолетовым. Околоядерная зона представлена цветом кожи (от холода), цветом неба.

В ближней периферии расположен положительный коннотативный признак «ничто, созданное воображением», эксплицируемый на синтагматическом уровне фразеологической единицей: *голубая мечта, голубые сны*. Как указывалось выше, такой признак присутствует и во французской национальной концептосфере.

В русском языке за синим (голубым) цветом замечается некая негативная коннотация при выражении недовольства: *гори все синим пламенем* – употребляется для выражения неудовольствия кем-, чем-либо, как пожелание отделаться от кого-, чего-либо. А также при описании человеческих типажей: *синий чулок* – о лишенной женственности, всецело поглощённой научными интересами женщине, *синяя борода* – о ревнивом муже, зверски обращающемся с женой. Одним из признаков, характеризующих семантику прилагательного синий (голубой) в русском языке, является «качество выполнения дела»: *до синь пороха* – до мелочей, *ни синий порошок* – совсем ничего. Данные фразеологизмы характеризуются высокой идиоматичностью. Таким образом, отрицательная коннотация (характеристика, признак, неудовольствие и т.п.) исследуемого цветообозначения присутствует в обеих лингвокультурах.

В отличие от французского синий (голубой) цвет в русском языке ассоциируется с видом банкноты и родом войск, что связано с культурно-историческими особенно-

стями: *синенькая бумажка* – дореволюционный пятирублёвый кредитный билет, *синие мундиры* – жандармы в дореволюционной России, носившие форму синего цвета.

Исходя из вышесказанного мы предлагаем модель фразеосемантического поля «синий (голубой)», основанную на выделенных нами признаках концептуализации цвета в русском языке средствами фразеологии (см. рис. 2).

Рис.2 Фразеосемантическое поле «синий (голубой)»

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Как в русском, так и во французском механизмами фразеологизации являются метафора и метонимия.

2. Степень идиоматичности исследованных фразеологических единиц в обоих языках в большинстве случаев значительная.

3. Схожими концептуальными признаками, структурирующими концепт синий/голубой в русской и французской культуре являются следующие: признак посинения кожи, презрения, превосходства, нечто, созданное воображением, неудовольствие. Это возможно, благодаря тому что, во-первых, наши психические реакции совпадают, а во-вторых, потому что фундаментальные концептуальные модели, которые основаны на нашем человеческом опыте, у нас одни [14, с.149].

4. В плане расхождений можно указать на то, что цветовые впечатления чаще отмечаются французским языком, чем русским. Так, семантика цвета «bleu» определяется следующими концептуальными признаками, которые мы не находим в сознании представителей русской лингвокультуры:

- недостаточная степень готовности продукта;
- отсутствие опыта и понимания человека;

- море;
- тоска, боль.

5. Цветовые ассоциации во французских фразеологических единицах чаще выступают в качестве интенсификатора эмоциональных состояний, чем в русском языке. Таким образом, специфика национальной картины мира отражается в индивидуальных особенностях номинации концепта цвета, что указывает на уникальность способа концептуализации окружающего мира данной лингвокультуры.

6. Кроме того нами были выявлены закономерности вербализации в русском и во французском языках концепта «синий». Произведенное сопоставление указывает на то, что французский носитель языка чаще отражает пессимистическую философию символизма, в то время как в русском языке напротив чаще отражается положительная коннотация.

7. Мы установили, что в русской и французской лингвокультурах вербализованные признаки концепта синего (голубого) цвета употребляются преимущественно с конкретными значениями, чем с абстрактными.

8. Значительная степень идиоматичности доминирует в обеих лингвокультурах, что отражает сложный процесс их речевого мышления при вербализации концепта цвета средствами фразеологии. Выявлено, что периферия исследуемых семантических полей связана с синтагматикой, а ядро – с парадигматикой.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что концептосферы представителей русской и французской лингвокультуры отличаются специфическими чертами. Способ концептуализации окружающего мира, цвета специфичен и уникален для данных лингвокультур. Мы еще раз убедились в том, что цвет как компонент культуры отражает мировосприятие и мироощущение этноса, его национальную картину мира.

Литература

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова 1997. 245 с.
3. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997. С.11–35
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология – на материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Паллчевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. М: Издательство «ФЛИНТА», 2015. 151 с.
7. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. 333 с.
8. Trésor de la langue française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 04.12.2020)
9. Grand Larousse de la langue française. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (дата обращения: 04.12.2020)
10. Новый большой французско-русский фразеологический словарь: более 50000 выражений / В. Г. Гак [и др.]. М., 2005, 1624 с.

11. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literarydictionary/index.htm> (дата обращения: 04.12.2020)

12. Большой толковый словарь русского языка // гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 04.12.2020)

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

14. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. // под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm> (дата обращения: 04.12.2020)

15. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ, 2005. 351 с.

SEMANTIC FEATURES OF COLOR ADJECTIVES IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

Olga B. Polyanchuk
Ekaterina U. Pankova
Voronezh State University

Abstract. The article reveals the characteristics of the concept of «color» in French and Russian phraseological units. An attempt is made to identify similar and distinctive features that indicate the specifics of the French and Russian national world picture.

This article examines the means of verbalization in the Russian and French linguocultures, in particular, investigates the means of verbalization of the concept «bleu» in the lexico-phraseological system of the French and Russian languages. The analysis of the concept allows exploration of the thought patterns of the carriers of linguocultures and reveals the distinctive and similar features of the conceptualization in Russian and French.

Key words: world picture, linguistic personality, concept, national world picture, phraseological units with color designation components

Полянчук Ольга Борисовна,
доктор филологических наук
профессор кафедры французской филологии,
Воронежский государственный
университет

тел.: +7 (960) 101 7490

e-mail: bollona@mail.ru

Панкова Екатерина Юрьевна,
студентка 4 курса факультета романо-
германской филологии,
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (910) 344 3100
e-mail: rinapankova@mail.ru

Olga B. Polyanchuk
doctor of Philological Sciences
professor at the department of French
Philology

Voronezh State University

mobile: +7 (960) 101 7490

e-mail: bollona@mail.ru

Ekaterina U. Pankova
4th year student of the Faculty of
Romance and Germanic Philology

Voronezh State University

mobile: +7 (910) 344 3100

e-mail: rinapankova@mail.ru

ВЕДУЩИЕ МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ И СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Помуран Н.Н.

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. В статье представлено исследование влияния ведущей модальности восприятия студентов-переводчиков на выбор стратегии художественного перевода текста с английского на русский язык. Актуальность исследования обусловлена спецификой художественного перевода, где по-прежнему остаются проблемы зависимости качества перевода от способности переводчика передать глубинный смысл оригинального текста. Материалом для исследования послужили тексты переводов, отобранные в финал ежегодного Всероссийского конкурса переводчиков, проводимого кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета. В результате найдены примеры несовпадения модальности предикатов в оригинальном тексте и текстах перевода, что свидетельствует о тенденции переводчика заменять предикаты модальности восприятия в соответствии со своей модальностью. Несовпадением ведущей модальности восприятия автора и переводчика можно, в том числе, объяснить специфику понимания текста оригинала переводчиком, неоднозначное толкование переводчиком образов в художественном переводе. Полученные в ходе исследования результаты необходимо учитывать при подготовке профессиональных переводчиков, в частности при отборе учебного материала, а также в разработке тренингов по развитию полимодальности восприятия у будущих переводчиков.

Ключевые слова: репрезентативные системы; ведущая модальность восприятия; языковая личность переводчика; художественный перевод; профессиональное обучение

Проблема художественного перевода по сей день остается актуальной. Это объясняется сложностью перевода художественного текста, обусловленной необходимостью передачи как содержания, так и общего и глубинного смыслов. Поэтому зачастую художественный перевод подразумевает трансформацию текста, выходящую за рамки посреднической деятельности [1]. Все это подводит к мысли об особой значимости в художественном переводе способности переводчика к прочтению, пониманию и интерпретации исходного текста, что в свою очередь определяется психическим складом личности, зависит от особенностей познавательных процессов.

В нашем исследовании мы изучали выбор стратегии художественного перевода в зависимости от ведущей модальности восприятия переводчика. В основу исследования легли положения о роли ощущений в процессе восприятия, разработанные отечественными психологами (Б.Г. Ананьев, А.Р. Лурия и др). Согласно общепринятым в отечественной психологии положениям, в зависимости от того, какой из органов чувств доминирует в процессе восприятия выделяют аудиальную, визуальную, кинестетическую модальности (сенсорно-репрезентативные системы). Кроме того, выделяют дигитальную модальность, характеризующуюся специфическим типом мышления, где доминирует анализ, логика, контроль. В отечественной психологии и психофизиологии хорошо изучены особенности взаимодействия модальностей восприятия. Так, Б.Г. Ананьев выделяет два вида взаимосвязанных групп ощущений: интрамодальность (зрительно-зрительные, аудиально-аудиальные) и интермодальность

(аудиально-зрительные, зрительно-кинестетические) [2, с.54]. Перенос качества одной модальности на другую в результате совместной работы органов чувств, А.Р. Лурия называет синестезией [3]. Полиmodalностью называют явление, в котором все 4 модальности пересекаются.

Процесс преломления текста оригинала через сенсорно-репрезентативную систему переводчика можно проследить, опираясь на этапы перевода [4]. Суть первого этапа сводится к пониманию смысла текста, переходу от «формы к смыслу», т.е. превращению сенсорных данных (слов) в смысл, заложенный в него автором текста [5; 6; 7]. В трактовке А.А. Леонтьева «понимание текста – это процесс перевода смысла текста в любую другую форму его закрепления» [8, с.142]. Ученый отмечает, что формы закрепления – это индивидуально-личностные образования, опосредованно связанные с исходным текстом, так называемые «образы содержания текста». Эти образы могут быть представлены в виде ощущений, образа предмета или ситуации, представления внешности, эмоциональной оценки событий, алгоритма операций и т.д. Несложно заметить, что автор так или иначе указывает на общие закономерности восприятия, в частности обращает внимание на участие в понимании текста сенсорно-репрезентативных систем. Второй этап предполагает обратный процесс – трансформацию смыслов в знаково-символически закодированное сообщение, «от смысла к форме». При этом передача смысла происходит при помощи речевых средств, соответствующих модальности переводчика.

На взаимосвязь языка и модальности восприятия личности указывают положения, представленные в нейролингвистическом программировании. В соответствии с теорией на процесс поступления информации из внешнего мира, на ее переработку, следовательно, на понимание влияет тип репрезентативной системы [9]. Поскольку согласно Э. Бэндлеру и Д. Гриндеру наш опыт организуется благодаря сенсорным каналам и кодируется психикой с помощью языка, язык кодирования соответствует ведущей модальности личности [10; 11]. Поэтому в речи на бессознательном уровне личность осуществляет выбор тех категорий языка, которые соответствуют его модальности, данные речевые средства называются языковыми паттернами (language patterns) или предикатами [9]. В свою очередь, перевод в НЛП трактуется как перефразирование с заменой предикатов одной модальной системы на предикаты другой [12]. Если речевые средства (предикаты) текста оригинала совпадают с ведущей репрезентативной системой переводчика, то необходимость замены и трансформации на другую модальную систему отпадает [13].

Несмотря на критику теории нейролингвистического программирования, её положения и сегодня применяются в образовании, а именно в разработке методов обучения, учитывающих индивидуально-психологические особенности восприятия информации учащимися в зависимости от доминирующей сенсорно-репрезентативной системы [14; 15]. В лингвистике одно из современных исследований посвящено анализу репрезентативных систем поэтов и читателей, на его основе автором делается вывод о предпочтении читателями тех или иных поэтов в зависимости от их доминирующей сенсорно-репрезентативной системы [16]. Продолжая мысль исследователя, можно предположить, что предпочтение читателем перевода художественного произведения также может быть обусловлено совпадением доминирующей модальности переводчика и читателя. Следовательно, наличие нескольких переводов одного и того же произведения в разных модальностях дает возможность читателю выбрать то, которое отвечает его репрезентативной системе.

Для исследования были взяты переводы отрывка из произведения американской поэтессы и писательницы Люсии Перилло «I've heard the vultures singing» с английского на русский язык, отобранные в финал конкурса переводчиков, ежегодно проводимого кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета для студентов и магистрантов. Всего было проанализировано 12 текстов.

В качестве метода мы использовали метод анализа содержания текста, заключающийся в поиске предикатов (речевых средств), указывающих на тип ведущей репрезентативной системы: визуальную (V), аудиальную (A), кинестетическую (K) и дигитальную (D). Далее для обозначения предикатов, отвечающих той или иной модальности, мы используем соответствующие сокращения.

Проанализируем ситуации, где модальность оригинального текста и текста перевода не совпадают. Так, в предложении оригинала: «So, etymologically, cripples are *сгееру* (K)», слово «сгееру» отражает особенности эмоционального или «телесного» восприятия объекта, отвечает кинестетическому сенсорному каналу. Большинство будущих переводчиков использует кинестетический сенсорный канал, например: «Уже по своему происхождению это слово *неприятное* – «калечить» (K). Вместе с тем, мы встречаем и такие варианты перевода, где происходит переключение на визуальную модальность: «Согласно этимологии, калеки – это те, на кого *неприятно смотреть*» (V). Трансформацию кинестетической модальности в визуальную можно продемонстрировать и на других примерах. В тексте оригинала «... I'm not immune to a hitch in my swallow whenever I *cross paths* (K) with the likes of me», кинестетический предикат «cross paths» трансформируется в визуальную модальность: «мое горло все еще сжимается, когда я *вижу* (V) похожих на меня людей». Образ в тексте оригинала, описываемый автором при помощи речевых средств кинестетической модальности – «... which causes any swaggering to possess a *tinge of pathos*(K)», в тексте на русском языке передается средствами визуальной модальности: «... которая *придает* любому нахальству *печальный оттенок* (V) жалости...», «...*окрашивающей* любое бахвальство и чванство с моей стороны *в оттенки пафоса* (V)...». Фраза «...take on a showboat quality (K)...» кинестетической модальности заменяется на фразу визуальной модальности: «...ситуация превращается в зрелищное шоу (V)», «...напоказ (V) используются теми, кого мы называем этими словами», «...и которые приобретают новую окраску (V)», «...и из-за этого даже приобрели оттенок бахвальства (V)».

На втором месте по частоте – замена речевых средств кинестетической модальности на предикаты аудиальной модальности. В исходном тексте автор, создавая образ, употребляет следующее словосочетание кинестетической модальности: «... when they *come from the mouths* (K) of their intended targets...». Хотя в русском языке существует эквивалент в той же модальности «сходить с уст», некоторые переводчики заменяют предикаты кинестетической модальности предикатами аудиальной, более привычными для описания подобных действий: «Когда пренебрежительные расистские фразочки, которые мы все прекрасно знаем, произносят (A) сами объекты травли», «... когда звучат из уст (A) самих объектов этих слов». Подобную трансформацию обнаруживаем и в следующем примере: предикаты кинестетической модальности в исходном тексте «...has had some air added to its final syllable (K)...» заменяются на словосочетание аудиальной модальности «...есть некоторая мелодичность (A) в последнем слоге». Приведем еще несколько примеров трансформации кинестетической модальности в аудиальную.

Исходный текст: «...was turned into a shield (K)...».

Вариант перевода: «...стала звуком удара об щит (A)...».

Исходный текст: «I was not tough (K), only half a dago...».

Варианты перевода: «Во мне текла итальянская кровь только наполовину, да и волевым человеком трудно назвать (A)», «Строго говоря (A), я итальянка только наполовину».

Достаточно часто происходит перевод из цифровой в визуальную модальность. В предложении цифровой модальности «a belief that seems somehow intuitively logical (D)» на «выходе» переводчик использует предикаты визуального канала: «С их точки зрения (V) не подлежит сомнению убеждение, что у наших тел есть свой запас удачи, который можно исчерпать, будто бы тела преследует злой рок, который передается через зрительный контакт». То же происходит с фразой исходного текста: «I am a realist (нейтральная модальность) about my body's state (D)». Три варианта перевода представлены в визуальной модальности: «я трезво смотрю (V) на своё состояние», «тем самым я даю людям понять (D)..., я реалистично смотрю (V) на свое состояние», «просто реалистично смотрю (V) на состояние своего тела».

Трансформацию информации в визуальную и кинестетическую модальность из аудиальной покажем на следующем примере. Предикат «announce», используемый в исходном тексте, информирует нас об аудиальной модальности: «I am using the word to announce (A) my affinity with a subculture». Среди вариантов перевода находим примеры перехода в визуальную модальность: «...использую это слово, чтобы *показать* (V) свою принадлежность субкультуре». Другой студент-переводчик трансформирует данную ситуацию в кинестетическую модальность, а также добавляет речевые средства визуальной модальности: «...я использую это слово, чтобы *подчеркнуть* (K) свою близость к субкультуре, которую другим людям проще не замечать (V)...». Следует отметить, что в текстах перевода достаточно редко используется прием замены речевых средств визуальной модальности на аудиальную. Исходный текст: «I'm given some latitude in my use of cripple as an aggressive form of self-description (V)». Вариант перевода: «...могу использовать это слово, чтобы говорить (A) о себе в негативном ключе» (табл. 1).

Анализируя совпадение (несовпадение) предикатов модальностей в тексте оригинала и текстах перевода, мы обнаружили примеры того, как речевые средства одной модальности переводчиками трансформируются в разные модальности. Исходный текст кинестетической модальности: «...though the expression the N-word is cloying pathetic (K)» одними переводчиками передается в аудиальной модальности, другими в визуальной. Варианты перевода: «хотя на самом деле выражение «N-слово» звучит (A) приторно и жалко», «N-слово уже всем надоело и звучит (A) как-то приторно и жалко», «Однако это все равно выглядит жалко (V)», «Жалкое зрелище (V)». Данные примеры вероятнее всего свидетельствуют о том, что при выборе стратегии перевода переводчики на бессознательном уровне опираются на свою ведущую сенсорно-репрезентативную систему.

Таким образом, сравнивая текст оригинала и варианты перевода, мы обнаружили несколько видов трансформации модальностей восприятия, данные представлены в таблице.

Таблица 1. Виды трансформации модальности восприятия в художественном переводе

Вид трансформации	Количество	Примеры
K→V	12	I'm not immune to a <i>hitch in my swallow</i> → я тоже <i>склонна к неловкому и быстрому отведению взгляда</i>
K→A	9	... when they <i>come from the mouths</i> ... → когда <i>звучат из уст</i>
D→K	2	I would <i>bet</i> → <i>бьюсь об заклад</i>
D→A	2	We all <i>know</i> such words.. → Мы все <i>наслышаны</i> о таких словах...
D→V	3	... <i>a belief that seems</i> somehow intuitively <i>logical</i> .. → <i>С их точки зрения</i> не подлежит сомнению <i>убеждение</i>
A→V	2	I am using the word to <i>announce</i> ... → ...использую это слово, чтобы <i>показать</i> ...
A→K	3	the vowels in our last names <i>clanked like armor</i> → фамилия, звучавшая по-итальянски, <i>придавала уверенности</i>
V→A	2	Because <i>cripple</i> is one of those somewhat archaic words that <i>describes</i> ... → «Калека» – одно из архаичных понятий, которыми <i>называет</i> ...
V→K	2	..as a way of <i>clarifying intention</i> ... → ..тем самым <i>смягчая его значение</i> ...
Итого	37	

Из приведенной таблицы следует, что чаще всего переводчики трансформируют информацию кинестетической модальности восприятия либо в визуальную, либо в аудиальную. Реже всего наблюдается замена предикатов визуальной модальности на речевые средства аудиальной модальности. Это можно объяснить тем, что в тексте оригинала большая часть метафор и эпитетов по модальности кинестетические. Переводчикам с ведущей визуальной или аудиальной модальностью, возможно, требуется больше усилий, чтобы создать образы содержания данного текста в соответствии со своей сенсорно-репрезентативной системой.

В некоторых ситуациях переводчики используют прием «добавление», когда к речевым средствам одной модальности оригинального текста добавляются слова или словосочетания другой модальности. Так, предложение текста оригинала представлено в кинестетической модальности «I have become hardened to its connotations (K)...». Из 12 три переводчика добавляют предикаты визуальной модальности: «...я либо показываю (V) свое равнодушие к оттенкам его значения», «...показываю (V), что свыклась с его значением...», «...я имею в виду (V), что стала бесчувственной к его негативным значениям ...». Добавление предикатов визуального канала при переводе ярко представлены в следующих примерах. В тексте оригинала образ создается при помощи словосочетания кинестетической модальности: «...though the expression the N-word is cloying pathetic». На «выходе» у переводчика добавлена фраза визуального канала: «Хотя очевидно (V), что сам этот эвфемизм уже многих раздражает». Нейтральная модальность в тексте оригинала «I am a realist about my body's state (D)» не трансформируется в другую модальность, но добавляется фраза в визуальной модальности «может показаться

(V), что я трезво оцениваю (D) возможности своего тела...». В следующем примере добавляется предикат аудиальной модальности. Исходный текст: «Each of these meanings enshrines some sort of little fib (K)». Вариант перевода: «Честно говоря (A), в каждом из этих предположений есть своя доля заблуждения».

Наряду с приемом добавления, находим примеры опущения. В тексте оригинала автор использует предикат визуальной модальности «slur», который переводчик, опускает, оставляя предикат кинестетической модальности. Исходный текст: «... it now comes off as a slur (V) when spoken in the company of upright citizens». Вариант перевода: «... сегодня, как правило, оно слетает с губ (K) обычных граждан в качестве оскорбления». Последние примеры доказывают, что сенсорно-репрезентативная система переводчика вносит свои коррективы в процесс перевода, детерминируя выбор переводческих стратегий и приемов.

Таким образом, приведенные нами примеры замены предикатов одной модальности на другую в художественном переводе с английского на русский язык объясняют специфику понимания текста оригинала переводчиком, а также неоднозначное представление образов исходного текста в художественном переводе разными переводчиками. При этом, вслед за А.В. Хлыстовой [16], мы полагаем, что трансформация в разные модальности при переводе одного и того же художественного текста несколькими переводчиками позволяет ответить на вопрос о предпочтении разных переводов различными читателями. А также полагаем, что наличие переводов в разных модальностях позволяет расширить круг читателей произведения. На наш взгляд, данные выводы могут быть использованы в профессиональной подготовке переводчиков, например, для отбора учебного материала, а также для разработки тренингов развития полимодальности у студентов-переводчиков.

Литература

1. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. 272 с.
3. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб., 2004. 320 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Норман Б.Ю. Основы психолингвистики: курс лекций. Минск: БГУ, 2011. 131 с.
6. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учебник для студ. учреждений высшего проф. образования. 5 изд., испр. М.: Изд. центр «Академия», 2014. 336с.
7. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 228с.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 289с.
9. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб: Питер, 2017. 384 с.
10. Бэндлер Р., Гриндер Д. Большая энциклопедия НЛП. Структура магии. М.: Издательство АСТ, 2015. 445 с.
11. Гриндер Д. Исправление школьного конвейера. Нейролингвистическое программирование в педагогике. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 307 с.
12. Белянин В.П. Психолингвистика. Учебник. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2017. 500 с.

13. Гриндер М., Ллойд Л. НЛП в педагогике. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 320 с.

14. Ковалев С.В. НЛП педагогической эффективности. М., Воронеж, 2001.

15. Чечулина Л. С. Конструирование – технология для кинестетиков // Уральский филологический вестник. Серия: психолингвистика в образовании. 2013. №4. С.155–160.

16. Хлыстова А.В. Репрезентативные системы и поэзия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2007. № 1. С. 31–45.

PREFERRED SENSORY MODALITY OF FUTURE TRANSLATORS AND STRATEGIES OF LITERARY TRANSLATION

Natalia N. Pomuran
Novosibirsk State Technical University

Abstract. The article studies the influence of the preferred sensory modality of students, future translators, on choosing the strategy of literary translation while translating from English into Russian. The relevance of the study is determined by the specifics of literary translation, where there is a problem of the dependence of the quality of translation on the translator's ability to transfer the idea of an original text. For this purpose, an original text and texts, translated by the finalists of the annual all-Russian translation competition, held by the Department of Foreign languages of the Faculty of Humanities of the Novosibirsk State Technical University, are compared. As a result, the examples of mismatch between predicates, referencing the preferred sensory modality of the author and the translators, are discovered, which indicates the translators' tendency to change predicates in the original text to those of their preferred representational system. The findings might explain the peculiarities of perception and understanding of original texts by translators. They also help to understand why different translators interpret the same images ambiguously in literary translations. The results obtained in the research should be taken into account in training translators, in particular when selecting texts for translation, as well as in designing training programmes for the development of sensory modality of future translators.

Key words: representational system; sensory modality; translator's linguistic personality; literary translation; professional education

Помуран Наталья Николаевна,
Доцент кафедры иностранных языков
Гуманитарного факультета
Новосибирского государственного
университета (Новосибирск, Российская
Федерация)
тел.: +7 (905) 955 9959
e-mail: pomnatnik@mail.ru

Natalia N. Pomuran
associate professor
the Department of Foreign
Languages of the Faculty of
Humanities, Novosibirsk State
Technical University, Novosibirsk,
Russia
mobile: +7 (905) 955 9959
e-mail: pomnatnik@mail.ru

СРЕДСТВА ОЦЕНИВАНИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Пономарева В.Н.

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия
им. И.С. Никитина»

Аннотация. данная статья посвящена средствам оценивания разных видов речевой деятельности на уроке французского языка. Названы цели изучения иностранного языка: стратегическая цель, практическая цель, общеобразовательная цель, воспитательная цель, развивающая цель. Дано понятие коммуникативной компетенции, перечислены ее основные компоненты: лингвистическая компетенция, учебно-познавательная компетенция, социокультурная компетенция. Даны понятия разных видов речевой деятельности: аудирования (уровень фрагментарного понимания, уровень общего/глобального понимания, уровень полного/детального понимания, уровень критического понимания), чтения (ознакомительное, изучающее или поисковое чтение), письма (навыки орфографии, графические и каллиграфические навыки, письмо как одна из форм общения), говорения (подготовленное и неподготовленное монологическое и диалогическое высказывание). Перечислены средства оценивания разных видов речевой деятельности на уроке французского языка. Даны примеры из личного опыта преподавания в гимназии с углубленным изучением французского языка.

Ключевые слова: оценивание, средства оценивания, урок французского языка, коммуникативная компетенция, умение аудирования, умение чтения, умение письма, умение говорения

Оценивание на уроках французского языка играет важную роль, так как позволяет определить, насколько хорошо усвоен новый материал учащимися. Оценивание призвано помочь учителю выбрать наиболее эффективные средства обучения, которые бы мотивировали учащихся в дальнейшем изучать французский язык. Используя различные средства оценивания, преподаватель анализирует результаты собственной деятельности и корректирует деятельность учащихся.

В процессе изучения иностранного языка выделяют несколько целей:

- стратегическая (глобальная) цель;
- практическая цель;
- общеобразовательная цель;
- воспитательная цель;
- развивающая цель.

Стратегической целью овладения иностранным языком является формирование вторичной языковой личности. Стратегическая цель подразумевает такое владение языком, которое присуще носителю с точки зрения возможностей в процессе общения отражать языковую картину мира и достигать определенных целей. Степень сформированности черт вторичной языковой личности позволяет учащемуся участвовать в межкультурной коммуникации [1].

Формирование вторичной языковой личности предполагает формирование иноязычной коммуникативной компетенции, являющейся главной целью изучения иностранного языка. Коммуникативная компетенция складывается из следующего ряда компетенций:

– лингвистическая компетенция – способность человека в соответствии с нормами конкретного языка правильно конструировать грамматические формы и синтаксические построения; складывается из языковой и речевой компетенции;

– учебно-познавательная компетенция – способность и готовность человека к эффективному осуществлению учебной деятельности при овладении иностранным языком как учебным предметом;

– социокультурная компетенция, которая позволяет расширить знания о социокультурной специфике страны изучаемого языка и совершенствовать умения строить собственное речевое и неречевое поведение в рамках этой специфики. Социокультурная компетенция предполагает знание национального менталитета, картины мира; снятие культурологических трудностей; расширение собственного мировоззрения, представление об иной социокультурной общности [2].

Речевая компетенция представляет формирование коммуникативных умений в четырех видах деятельности, таких как аудирование, чтение, письмо, говорение. Остановимся подробнее на каждом из них.

Аудирование – это «сложная рецептивная мыслительно-мнемическая деятельность, связанная с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении» [1, с.161].

При определении уровня сформированности умения аудирования оценка осуществляется по результатам выполнения заданий, которые различаются в зависимости от уровня понимания текста аудирования. Выделяют четыре уровня понимания текста аудирования:

- уровень фрагментарного понимания;
- уровень общего/глобального понимания;
- уровень полного/детального понимания;
- уровень критического понимания.

Оценка сформированности уровня фрагментарного понимания осуществляется с помощью следующих заданий:

- выбрать подходящие слова/словосочетания/фразы, соответствующие содержанию текста;
- найти эквиваленты слов на французском языке, упоминающихся в тексте;
- найти синонимы/антонимы французских слов в соответствии с текстом [3].

Уровень общего понимания предполагает понимания смыслового ядра текста, проверку уяснения ключевых слов, опорных пунктов текста.

Оценка сформированности данного уровня осуществляется путем:

- ответов на вопросы общего характера;
 - выбора подходящего заголовка из нескольких предложенных;
 - выделения смысловых частей текста;
 - передачи основного содержания на французском языке;
 - перечисления основных фактов в хронологическом порядке в соответствии с текстом;
 - составления плана в форме заголовков (полное/неполное предложение) к смысловым фрагментам;
 - выделения при повторном слушании ключевых слов/реалий;
 - определения жанра/типа текста и основной темы/проблемы, затронутой в тексте;
 - соотнесения заголовка/иллюстраций/отрывка текста с содержанием текста и др.
- [3].

Уровень полного понимания предполагает понимание деталей и отдельных фактов, а также умение отделять главное от второстепенного, т.е. оценивать текст с точки зрения его значимости и информативности.

Оценка сформированности данного уровня осуществляется путем:

- ответов на вопросы, которые посвящены отдельным деталям/фактам;
- составления развернутого плана с двумя-тремя подпунктами;
- пересказа на французском языке с опорой на картинку (рисунки, схемы, ключевые слова или план);
- составления резюме/оценки текста;
- невербальных способов проверки: составление схемы, заполнение таблицы по соответствующим рубрикам, изображение предметов/деталей и т.д.;
- деления текста на смысловые фрагменты и подбор заголовков к ним [3].

Уровень критического понимания связан с оценкой аудиотекста, со смысловой обработкой воспринятой информации.

Уровень критического понимания оценивается с помощью заданий проблемного характера:

- составление рецензии/оценки прослушанного текста на французском языке;
- составление аннотации/реферата на французском языке;
- сравнение различных точек зрения, затронутых в аудиотексте;
- ответы на вопросы, касающиеся выражения собственного мнения;
- обоснование согласия/несогласия с выводами автора;
- проведение интервью;
- организация бесед/дискуссий/круглого стола и др. [3].

В качестве оценки уровня сформированности умения аудирования с полным пониманием текста в 9 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Le Cinéma Français» был предложен к просмотру короткометражный мультфильм под названием «Qui a inventé le cinéma ?», разработанный иллюстрированным журналом «1 jour, 1 question», размещенным на канале Youtube. Видео построено в качестве ответа на вопрос, соответствующий названию видео. Просмотрев мультфильм, необходимо выполнить задания, а именно ответить на вопросы:

- Quand et par qui a été inventé le cinéma ?
- Par quoi se sont inspirés les frères Lumière pour concevoir la machine qui laisse projeter un film en public ?
- A quoi doit beaucoup le cinéma ?
- Quand les frères Lumière projettent-ils le premier film ?
- Comment est le premier film des frères Lumière ?

Кроме этого, было предложено вставить необходимые слова в пропуски в предложениях.

На уроке по теме «Le Cinéma Français» мы не только развиваем умение аудирования, но и формируем социокультурную компетенцию, поскольку знакомим учащихся с историей создания кинематографа, а также говорим о выдающихся личностях Франции.

В качестве оценки уровня сформированности умения аудирования в 9 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Le Cinéma Français» был предложен к просмотру фильм на французском языке «1+1 (Intouchables)». Учащимся необходимо было выполнить ряд заданий, направленных на общее понимание фильма, а именно ответы на следующие вопросы:

– Parlez de la vie de Driss : quel est son destin? Avec qui vivait-il? A quels problèmes était-il obligé de faire face?

– Parlez de la vie de Philippe : comment est-il devenu handicapé? Qu'est-ce qu'il est arrivé avec sa femme?

– Décrivez la journée habituelle de Philippe. Quels sont les devoirs de Driss?

– Présentez le résumé bref (environ 5-7 phrases) du film (seulement le sujet).

Учащимся необходимо было выполнить ряд заданий, направленных на критическое понимание фильма, а именно ответы на следующие вопросы:

– Pourquoi la tente de Driss s'est-elle fâchée contre lui quand il était venu à la maison?

– Pourquoi Philippe a-t-il décidé d'embaucher Driss?

– Pourquoi Philippe n'a pas envoyé à Eléonore la photo que Driss avait choisie?

– Quels sentiments avait Driss quand il avait appris la vérité?

– Pourquoi Philippe a-t-il ordonné à Driss de rendre l'œuf de Faberge?

– Pourquoi Driss est revenu chez Philippe quand il était tombé en dépression?

– Quels problèmes sont touchés dans le film? Il y en a plusieurs.

– Comment Driss a influé sur Philippe? Comment Philippe a influé sur Driss?

Чтение предполагает умение понимать содержание аутентичного текста без словаря или с минимальными обращениями. Чтение представляет собой сложную аналитико-синтетическую деятельность, складывающуюся из восприятия и понимания текста, причем самое совершенное (зрелое) чтение характеризуется слиянием этих двух процессов и концентрацией внимания на смысловой стороне содержания [1].

При определении уровня сформированности умений чтения оценка осуществляется по результатам выполнения заданий на ознакомительное, изучающее или поисковое чтение.

Ознакомительное чтение заключается в понимании основного содержания текста, имеющего ясную структуру и логику изложения, соответствующего возрасту и интересам учащихся (стихи, тексты песен, сказки, комиксы, рассказы, юмористические истории, личное письмо в детский журнал, статьи из детских журналов), догадываясь при этом о значении незнакомых слов с опорой на зрительную наглядность.

Оценка уровня сформированности ознакомительного чтения осуществляется при выполнении следующих заданий:

– прочитать предложения, определить, соответствуют ли они последовательности изложенных в тексте фактов;

– расположить вопросы (заголовки) в хронологической последовательности, соответствующей содержанию текста;

– найти в тексте ответ на вопрос, поставленный в заголовке;

– составить краткий план текста;

– найти основную мысль в начале, середине и конце текста;

– подчеркнуть в каждом абзаце одно-два предложения, которые можно было бы опустить как несущественные;

– подчеркнуть предложения, передающие основное содержание текста;

– подобрать заголовки к тексту;

– составить резюме/аннотацию текста на французском языке;

– сделать выводы на основе прочитанного текста;

– на основе содержания прочитанного текста дорисовать карту/схему, заполнить таблицу [4].

Изучающее чтение заключается в полном понимании содержания небольших текстов (описание животного, простой кулинарный рецепт, стихи, сказки, комиксы, истории, занимательные рассказы), построенных преимущественно на знакомом учащимся языковом материале.

Оценка уровня сформированности изучающего чтения осуществляется при выполнении следующих заданий:

- распределить факты, передающие основное содержание текста, по степени важности;
- добавить факты/опустить, не меняя структуру текста;
- найти в тексте данные, которые можно использовать для выводов/аннотации;
- составить аннотацию/реферат;
- поставить вопросы к основной и детализирующей информации текста;
- написать тезисы по содержанию прочитанного;
- составить письменную оценку/рецензию;
- прочитать сокращенный вариант текста, заполнить пропуски недостающими словами;
- перевести на русский/французский язык указанные абзацы/части текста и др. [4].

Поисковое чтение заключается в умении находить необходимую/интересующую информацию в тексте.

Оценка уровня сформированности поискового чтения осуществляется при выполнении следующих заданий:

- определить тему/проблему текста;
- прочитать текст, определить, освещены ли в нем указанные вопросы;
- прочитать текст, найти в нем ключевые слова/словосочетания посвященные основной теме текста;
- прочитать два текста на одну тему, назвать расхождение в содержании (в количестве приведенных фактов, разнице оценок и т.д.);
- выписать из текста характеристики действующих лиц;
- просмотреть аннотацию и определить, соответствует ли она содержанию текста;
- расставить фрагменты текста в нужном порядке;
- найти в тексте ответы на вопросы, передающие основное содержание текста;
- соотнести рисунки/схемы с фрагментами текста, которые они иллюстрируют;
- определить позицию автора, назвать аргументы за или против;
- разделить текст на части в соответствии с пунктами предложенного плана;
- выразить свое мнение о содержании текста и соотнести его со своим собственным опытом и др. [4].

В качестве оценки уровня сформированности умения изучающего чтения в 9 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Le Cinéma Français» учитель организует чтение статьи, опубликованной

на форуме «Questions/ Réponses» и посвященной известным сценам из французских фильмов, одним из которых является фильм «1+1 (Intouchables)». Учащимся необходимо выполнить ряд заданий, направленных на оценку уровня сформированности изучающего чтения:

- Quel événement a réuni tous les invités?
- Pourquoi Driss s'ennuie-t-il?
- Pourquoi Driss a-t-il reconnu la mélodie célèbre?
- Qu'est-ce que vous savez de l'ASSEDIC?

- Comment cette organisation est-elle liée avec le destin de Driss? Qu'en pensez-vous?
- Pourquoi Driss s'ennuie-t-il de la musique classique?
- Quant à vous, quelle est votre attitude envers la musique classique?

Письмо – овладение учащимися графической и орфографической системой для фиксирования языкового и речевого материала; умение создавать собственные тексты разных жанров, используя приемы описания, рассуждения, аргументации и т.д. [1].

Оценка уровня сформированности графических и каллиграфических навыков осуществляется с помощью следующих упражнений:

- начертание букв, буквосочетаний и слов по образцу, данному в печатном и прописном вариантах;

- списывание с выполнением определенных заданий;

- подчеркивание указанных графем, поиск пропущенных в тексте букв, подбор синонимов или антонимов к указанным словам и др;

- звукобуквенный и слоговой анализ (с использованием настенных таблиц, разрезной азбуки) [1].

- Оценка уровня сформированности навыков орфографии осуществляется с помощью следующих упражнений:

- копирование текста, т.е. списывание с целью усвоения основных правил орфографии и пунктуации;

- списывание, осложненное дополнительными заданиями: подчеркивание указанных букв или буквосочетаний, заполнение пропусков недостающими буквами или словами с трудным написанием и др.

- группировки (слов с наличием синонимических буквенных обозначений; омографов; лексем, относящихся к одной теме; производных слов с указанным суффиксом и т.д.);

- орфографические игры (кроссворды, загадки, цветное лото)

- диктанты: слуховой, зрительный, зрительно-слуховой, самодиктант [1].

Оценка уровня сформированности письма как одной из форм общения осуществляется с помощью следующих упражнений:

- составление плана к прочитанному или прослушанному тексту;

- развернутое/сжатое/свободное изложение;

- реферирование;

- аннотирование;

- написание писем неофициального и официального характера;

- сочинения разного характера: сочинение-описание, сочинение-повествование, сочинение-рассуждение [1].

В качестве оценки уровня сформированности навыков орфографии во 2 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Ma famille» был составлен кроссворд по теме, где необходимо вписать членов семьи, с опорой на картинку (см. рисунок).

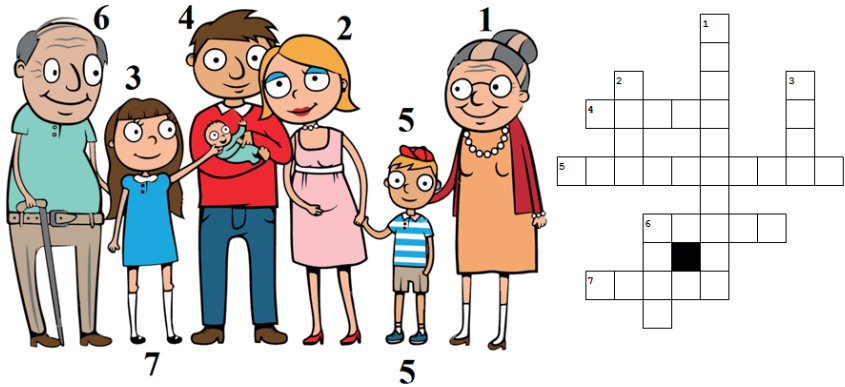
В качестве оценки уровня сформированности умения письма как одной из форм общения в 9 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Le Cinéma Français» в качестве заключительного оценочного задания к фильму «1+1 (Intouchables)» учащимся было написать эссе по предложенному плану:

- faites l'introduction : écrivez quel film vous avez regardé, quels sont les

- personnages principaux, par quels acteurs ils sont interprétés, quels problèmes sont

- soulevés dans le film (les problèmes principaux et secondaires);

Ma famille

- présentez le résumé bref (environ 5-7 phrases) du film (seulement le sujet);
- décrivez les personnages (leur caractère, leur conduite, l'histoire de leur vie,
- leur état émotionnel pendant les périodes différentes, leur attitude envers la vie);
- décrivez les relations entre les personnages principaux (Driss et Philippe);
- décrivez l'évolution des personnages (leur changement à l'intérieur);
- exprimez votre impression;
- faites la conclusion (environ 2 phrases).

Говорение – форма устного общения, с помощью которой происходит обмен информацией, осуществляемой средствами языка, устанавливаются контакт и взаимопонимание, оказывается взаимодействие на собеседника в соответствии с коммуникативным намерением говорящего [1, с.190].

Оценка уровня сформированности умения строить подготовленное монологическое высказывание осуществляется с помощью следующих упражнений:

- воспроизведение связанных высказываний с модификацией (с изменением конца или начала; введением нового действующего лица; видоизменением композиции изложения; с изменением лица, от которого идет повествование и т.д.);
- составление ситуации или рассказа на французском языке (по ключевым словам, по плану, по картинкам, по таблице, по схеме и т.д.);
- описание картины или серии картин (карикатур, немого фильма/мультфильма и т.д.), связанной (-ых) с изучаемой темой;
- составление ситуаций, в которых использованы названные обороты и речевые формулы;
- объяснение на французском языке заголовка (реалий);
- определение и краткое обоснование темы прослушанного рассказа (радиопередачи, доклада, выступления);
- выделение в сообщении смысловых частей и подбор заголовка к ним;
- пересказ (краткий, подробный, приближенный к тексту, с добавлением информации, от другого лица, пересказ-сочинение);
- сокращение прослушанного сообщения или прочитанного рассказа, передача информации несколькими фразами;
- составление плана прослушанного рассказа;

– изложение диалога в монологической форме и др. [4].

Оценка уровня сформированности умения строить подготовленное диалогическое высказывание осуществляется с помощью следующих упражнений:

- ответы на вопросы (краткие, полные, развернутые);
- составление диалога на основе прослушанного/прочитанного текста;
- составление диалога на изучаемую тему и заданную ситуацию;
- драматизация монологического текста;
- дополнение или видоизменение диалога;
- составление диалога по содержанию рассказа/мультфильма/видеофильма т.д.;
- объединение диалогических единств, данных в произвольной последовательности, в диалог;
- положительный или отрицательный ответ на вопрос и пояснение его;
- завершение диалога с ориентацией на подсказку (кто, с кем говорит, где, когда и о чем);
- завершение истории [4].

Оценка уровня сформированности умения строить неподготовленное монологическое высказывание осуществляется с помощью следующих упражнений:

- придумывание заголовка и его обоснование;
- описание картины или карикатур, не связанных с изученной темой;
- составление ситуации с опорой на жизненный опыт или ранее прочитанный текст/рассказ;
- обоснование собственного суждения или отношения к фактам;
- характеристика действующих лиц (места действия, эпохи и т.д.);
- оценка прослушанного или прочитанного текста;
- выражение собственного мнения;
- составление кратких объявлений и текстов открыток [4].

Оценка уровня сформированности умения строить неподготовленное диалогическое высказывание осуществляется с помощью следующих упражнений:

- составление аргументированных ответов на вопросы;
- проведение комбинированных диалогов (с репликами и комментариями других учащихся);
- проведение ролевых игр или викторин;
- проведение дискуссии или диспута;
- беседа в виде круглого стола и др. [4].

В качестве оценки уровня сформированности умения строить неподготовленное монологическое высказывание во 2 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Ma famille» учащимся предлагается описать картинку с изображением семьи с опорой на ключевые фразы:

- Voilà une famille : papa, maman, le fils, la fille, le grand-père et la grand-mère.
- Papa s'appelle ... Il est gentil.
- Maman s'appelle ... Elle est gentille.
- Le fils s'appelle ... Il a ... ans. Il est gentil.
- La fille s'appelle ... Elle a ... ans. Elle est gentille.
- Le grand-père s'appelle ... Il est gentil.
- La grand-mère s'appelle ... Elle est gentille.
- La famille habite la maison blanche (jaune).

В качестве оценки уровня сформированности умения строить подготовленное монологическое высказывание во 2 классе гимназии с углубленным изучением французского языка в рамках темы «Ma famille» учащимся предлагается составить рассказ о семье с опорой на семейное фото (древо семьи) и с опорой на ключевые фразы:

– Je m'appelle ... J'ai huit ans.

– Voilà ma famille : mon papa, ma maman, ma sœur, mon frère, ma grand-mère, mon grand-père et moi .

– Mon papa s'appelle ... Il est gentil.

– Ma maman s'appelle ... Elle est gentille.

– Mon frère s'appelle ... Il a ... ans. Il est gentil.

– Ma sœur s'appelle .. Elle a ... ans. Elle est gentille.

– Mon grand-père s'appelle ... Il est gentil.

– Ma grand-mère s'appelle ... Elle est gentille.

– Ma famille habite la maison blanche.

– J'aime ma famille.

В качестве оценки уровня сформированности умения строить подготовленное диалогическое высказывание во 2 классе гимназии с углубленным изучением французского языка учащимся предлагается составить диалог с опорой на образец, производя модификации (изменение имен и частичное изменение содержания):

– De quelle couleur est la grenouille, Chantal?

– La grenouille? Elle est rouge.

– Mais non! Tu travailles mal, Chantal. De quelle est la grenouille Lucien?

– La grenouille n'est pas rouge, elle est verte.

– C'est ça. Tu travailles bien, Lucien.

Учащимся предлагается следующее задание:

– Jouez les scènes: La neige n'est pas noire. Le loup n'est pas bleu.

В качестве оценки уровня сформированности умения строить неподготовленное диалогическое высказывание во 2 классе гимназии с углубленным изучением французского языка учащимся предлагается работа в парах, где один учащийся задает ключевые вопросы, а другой на них отвечает. Предлагаются следующие вопросы:

– Comment ça va?

– Tu t'appelles comment?

– Tu as quel âge?

– Tu habites où?

Таким образом, мы рассмотрели разнообразные средства оценивания всех видов речевой деятельности на уроке французского языка: аудирования (оценка уровня фрагментарного понимания, уровня общего/глобального понимания, уровня полного/детального понимания, уровня критического понимания), чтения (ознакомительное, изучающее или поисковое чтение), письма (оценка навыков орфографии, графических и каллиграфических навыков, оценка сформированности письма как одной из форм общения) и говорения (оценка подготовленного и неподготовленного монологического и диалогического высказывания).

В заключение необходимо отметить, что средства оценивания разных видов речевой деятельности на разных этапах обучения должны подбираться в соответствии с возрастом учащихся, их индивидуальными особенностями и личными интересами.

Литература

1. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5-9 кл.). URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 10.01.2021 г.).
3. Контроль сформированности умений аудирования. URL: https://studopedia.su/14_56464_kontrol-sformirovannosti-umeniy-audirovaniya.html (дата обращения: 10.01.2021 г.).
4. Пассов Е.И. Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс, М: Глосса-Пресс, 2010. 640 с.

MEANS OF EVALUATING OF DIFFERENT TYPES OF SPEECH ACTIVITY AT FRENCH LESSONS

Viktoriia N. Ponomaryova
Municipal State-Funded Educational Institution Nikitin Grammar School

Annotation. this article is devoted to the means of evaluating of different types of speech activity at French lessons. The goals of learning a foreign language (strategic goal, practical goal, general educational goal, educational goal, developing goal) are named. The term of communicative competence is given, its main components are listed: linguistic competence, educational and cognitive competence, sociocultural competence. The terms of different types of speech activity are given: listening (level of fragmentary understanding, level of general/global understanding, level of full/detailed understanding, level of critical understanding), reading (introductory, study or search reading), writing (spelling skills, graphic and calligraphic skills, writing as one of the forms of communication), speaking (prepared and unprepared monologic and dialogical speech). The means of evaluating of different types of speech activity at French lessons are listed. Examples taken from personal experience of teaching in the Grammar School with in-depth study of the French language are given.

Key words: evaluation, means of evaluating, French lesson, communicative competence, listening skills, reading skills, writing skills, speaking skills

Пonomарева Виктория Николаевна,
учитель французского и английского
языков, Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Гимназия им. И.С. Никитина»,
тел.: +7 (951) 550 1181
e-mail: ponomareva.vn@mail.ru

Viktoriia N. Ponomaryova,
French and English teacher,
State-Funded Educational Institution
Nikitine Grammar School,
mobile: +7 (951) 550 1181
e-mail: ponomareva.vn@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Пономарева Е.А.

Кузьмина Л.Г.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышения эффективности обучения иностранным языкам студентов неязыковых направлений вузов, необходимость которого обусловлена современными требованиями, предъявляемыми к инженерам. Утверждается, что одним из возможных путей решения данной проблемы может стать более широкое внедрение проблемного подхода. На основе анализа педагогических и методических исследований приводится характеристика данного подхода, рассматриваются его преимущества перед традиционным изучением иностранных языков, а также некоторые специфические черты, ограничивающие его использование в обучении иностранным языкам в высшей школе. Приводятся примеры проблемных заданий, разработанные для обучения иностранным языкам студентов инженерно-технологических специальностей, которые рекомендуется предъявлять в последовательности с нарастанием уровня проблемности.

Ключевые слова: иностранные языки, неязыковой вуз, проблемный подход, проблемные задания, уровень проблемности

В условиях расширения международного взаимодействия и сотрудничества в сферах образования и промышленного производства все большую роль приобретает улучшение иноязычной подготовки студентов технических и, в частности, инженерных специальностей. Важной задачей является обучение будущих специалистов не только навыкам перевода, но и развитие их коммуникативной компетенции.

Как показывает практика [1; 2], преподаватели, обучающие бакалавров технических специальностей, сталкиваются в своей работе со множеством сложностей, наиболее существенной из которых является низкий исходный уровень знаний иностранного языка студентами. Старшеклассники, нацеленные на высокие баллы ЕГЭ по техническим и естественным дисциплинам, как правило, не уделяют должного внимания гуманитарным предметам. Помимо этого, встречаются ситуации, когда уровень владения иностранным языком студентов одной группы разительно отличается, что представляет собой значительное педагогическое затруднение для преподавателя.

Еще одной причиной возникающих в образовательном процессе сложностей является низкая мотивация студентов. Многие из них уверены в том, что иностранный язык не пригодится им в будущей профессии. Кроме того, юношей и девушек демотивирует сознание того, что десять лет изучения языка в школе дали достаточно скромные результаты, весьма далекие от свободного владения.

Ситуацию осложняет и то, что в некоторых технических вузах до сих пор традиционно используется грамматико-переводной метод, то есть занятия ограничиваются чтением и переводом текстов по специальности и объяснением грамматики [3]. Очевидной проблемой является относительно небольшое количество учебных часов по предмету, не позволяющее компенсировать пробелы в рамках школьной программы [4].

Несмотря на то, что согласно ФГОС высшего образования [там же], обучение иностранному языку в неязыковых вузах нацелено на развитие общекультурной, а не про-

фессиональной компетенции, программы по иностранному языку многих учебных заведений высшего образования до сих пор направлены на изучение исключительно профессиональной тематики. Так, учебный план по направлению бакалавриата 19.03.02 «Продукты питания из растительного сырья» рассчитан на два года, причем по традиции на первом курсе изучается общий язык, а на втором – профессиональный. Дополнительная сложность для студентов состоит в том, что ввод специализированной терминологии осуществляется на втором курсе, тогда как большинство предметов по специальности изучается на третьих-четвертых курсах.

Более того, размышляя о путях и способах совершенствования иноязычной подготовки студентов, нельзя забывать, что современные подходы в педагогике не предполагают пассивного восприятия обучающимся учебной информации. Студент должен стать активным субъектом обучения [1; 5]. Поэтому столь важно приобретение навыков самостоятельного решения познавательных задач. Этого можно достичь за счет методов проблемного обучения, которое представляется важнейшим средством развития навыков критического мышления.

Применение проблемного подхода в преподавании иностранного языка в технических вузах позволит повысить знания выпускников за счет развития коммуникативных навыков, зачастую представленных на очень низком уровне, а также повысит заинтересованность в предмете, мотивировав уделять больше времени на самостоятельное изучение предмета и поддерживать профессиональные иноязычные навыки и умения даже после завершения курса предмета.

Как известно, проблемный подход отличается от традиционного в том, что он ставит перед учащимся проблему, для решения которой тот вынужден активно мыслить, применяя свои интеллектуальные резервы. В ходе решения проблемной задачи обучающемуся необходимо сформулировать собственный вывод, что дает ему ощущение удовлетворения от собственного труда [6].

М.И. Махмутов характеризует проблемное обучение как «тип развивающего обучения, в котором сочетаются систематическая самостоятельная поисковая деятельность учащихся с усвоением ими готовых выводов науки, а система методов построена с учетом целеполагания и принципа проблемности, процесс взаимодействия преподавания и учения ориентирован на формирование познавательной самостоятельности учащихся, устойчивости мотивов учения и мыслительных (включая и творческие) способностей в ходе усвоения ими научных понятий и способов деятельности, детерминированного системой проблемных ситуаций» [7, с. 301].

В свою очередь В.Т. Кудрявцев определяет проблемное обучение как «тип развивающего обучения, содержание которого представлено системой проблемных задач различного уровня сложности; в процессе решения таких задач учащимися в их совместной деятельности с учителем и под его общим руководством происходит овладение новыми знаниями и способами действия, а через это — формирование творческих способностей: продуктивного мышления, воображения, познавательной мотивации, интеллектуальных эмоций» [8, с. 23].

Проблемное обучение относится к педагогическим технологиям на основе активизации и интенсификации деятельности обучающихся. Принцип активности обучающегося в процессе обучения всегда был одним из основных в дидактике. Он реализуется через осознанную потребность в усвоении знаний, высокий уровень мотивации, результативность и соответствие социальным нормам.

В основу методики проблемного обучения иностранному языку положен деятельностный подход [9], ориентированный не столько на усвоение знаний, сколько на формирование навыков и умений, развитие творческой деятельности.

При реализации проблемного подхода учащиеся добывают знания в ходе познавательной, творческой, исследовательской деятельности, а процесс обучения становится процессом сотрудничества преподавателя и студентов. Он также позволяет привлечь всех студентов к активной деятельности как в группах, так и индивидуально, что особенно важно при значительных различиях в исходном уровне подготовки. Этот нестандартный подход повышает заинтересованность студентов не только в иностранном языке, но и изучаемом предмете, связанном с будущей специальностью.

Однако следует помнить, что применение проблемного обучения возможно лишь при следующих условиях:

- обучающиеся имеют необходимую иноязычную подготовку;
- учебный материал предполагает освоение причинно-следственных связей и зависимостей;
- в учебном плане отводится достаточно времени для проблемного изучения темы;
- преподаватель хорошо владеет проблемным методом обучения [8; 9].

Проблемное обучение также отличается большими по сравнению с традиционным обучением затратами времени и меньшей управляемостью познавательной деятельностью обучающихся [9]. Преподавателю следует терпимо относиться к ошибкам студентов, возникающих при поиске решения. Он должен уделять внимание не только группам, но и отдельным обучающимся, которые сталкиваются со сложностями в процессе поиска решения, не давая при этом прямого ответа на вопрос. Опыт показывает, отказ от традиционного метода обучения иностранному языку представляет определенную сложность, в первую очередь для студентов, привыкших за годы обучения в школе к этому подходу. Поэтому более целесообразным представляется сочетание традиционного и проблемного подходов.

Несмотря на публикацию в течение последних нескольких лет большого числа статей и научных работ [1; 2; 5; 6; 10; 11; 12], посвященных возможностям включения проблемных задач в программы обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, практическая реализация выдвинутых предложений остается под вопросом, что обусловлено рядом причин. Реализация проблемного подхода на занятиях иностранному языку в принципе требует от педагога не только высокого уровня квалификации и знаний теоретических основ метода, но и значительного творческого потенциала и трудолюбия. Составление проблемных задач и выбор проблемных ситуаций для блока программы, связанного с будущей специальностью, требует от преподавателя кропотливой работы с терминологией и в некоторых случаях даже взаимодействия с коллегами с выпускающих кафедр. На данный момент пособия, используемые в технических вузах, адаптированы под применение грамматико-переводного метода, не отвечающего современным требованиям к уровню владения языком в части коммуникативной компетенции.

В рамках исследования осуществляется разработка системы проблемных заданий для обучения английскому языку студентов-бакалавров Воронежского государственного университета инженерных технологий, обучающихся по профилю «Технологии продуктов питания из растительного сырья». Варианты проблемных заданий, подходящих для подготовки будущих инженеров-технологов к профессиональной деятельности и

формированию у них иноязычной коммуникативной компетенции, представлены в таблице:

Таблица 1. Проблемные задания для иноязычной подготовки студентов инженерных специальностей

увеличение уровня проблемности заданий →		
«низкий»	«средний»	«высокий»
Сопоставление фотографий оборудования с названиями	Расстановка схематичных изображений оборудования в помещении цеха после просмотра видеоматериала с действующего предприятия	Ролевая игра: обсуждение сотрудниками предприятия выработки пищевого продукта низкого качества и путей решения проблемы
Определение верной последовательности пошаговых инструкций к единицам технологического оборудования	Заполнение пропусков в инструкциях к технологическому оборудованию	Ролевая игра: обсуждение сотрудниками завода открытия нового цеха или производственной линии
Расположение по порядку этапов технологического процесса	Соотнесение этапов технологического процесса и их вербального описания	Дебаты: обсуждение недостатков и преимуществ различных видов оборудования (например, отечественного и импортного)
Заполнение пропусков в должностных инструкциях сотрудников промышленного предприятия	Описание должностных обязанностей сотрудников промышленного предприятия	Составление должностных инструкций сотрудников промышленного предприятия, опираясь на аналогичный документ из смежной отрасли
Изучение бланка заявки на грант и его заполнение с опорой на образец	Самостоятельное индивидуальное заполнение заявки на грант	Групповая проектная работа: составление коллективной заявки на грант или изобретение

Следует особо отметить, что при подготовке учебных материалов важно объединять упражнения по одному и тому же материалу в систему от простого к сложному с нарастанием проблемности. В первом задании от студентов будет требоваться дать краткие ответы, а в последнем развернутые, причем зачастую с применением монологической или диалогической речи, а также групповой работы. Такой подход позволит вовлечь в работу студентов с разным исходным уровнем иноязычных знаний.

При составлении заданий важно визуальное подкрепление, в том числе с применением мультимедийных технологий. Кроме того, перед выполнением некоторых заданий студентам следует предлагать для ознакомления глоссарии с технической терминологией.

Несомненно, внедрение проблемного подхода в преподавание иностранного языка в технических вузах является перспективным направлением научных методических разработок, но оно требует значительных усилий преподавателей в процессе подготовки учебных материалов, а также педагогического мастерства при их реализации в учебном процессе.

Литература

1. Хруненкова М.Л., Колоницкая О.Л. Проблемно-поисковый подход в обучении иностранному языку в техническом вузе. // Вестник Института образования человека. – 2013. – №1. – С.15. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2013/100> (дата обращения: 03.02.2021).
2. Аитов В.Ф., Виноградова Р.И. Взаимосвязанное обучение иноязычным видам речевой деятельности на неязыковых факультетах в вузе на основе проблемного подхода // Вестник Башкирск. ун-та. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazannoe-obuchenie-inoazychnym-vidam-rechevoy-deyatelnosti-na-neyazykovyh-fakultetah-v-vuze-na-osnove-problemnogo-podhoda> (дата обращения: 03.02.2021).
3. Олифиренко С.М. Методы изучения английского языка в техническом ВУЗе // Интернет-журнал «Мир науки», 2017. Том 5. №2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/47PDMN217.pdf> (дата обращения: 03.02.2021).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Бакалавриат по направлению подготовки 19.03.02 Продукты питания из растительного сырья: утв. 17.08.2020 № 1041 / Мин-во образования и науки Рос. Федерации. М., 2020. 19 с.
5. Розанова Я.В. Использование метода проблемного обучения на занятиях по иностранному языку в вузах технического профиля // Педагогический журнал. 2012. №5-6. С. 18-30.
6. Николаева Н.Н. Реализация концепции проблемного обучения на занятиях английского языка в техническом вузе // Гуманитарный вестник, 2017. Вып. 7. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-7-450> (дата обращения: 03.02.2021).
7. Махмутов М.И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М.: Педагогика, 1975. 368 с.
8. Кудрявцев В.Т. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М.: Знание, 1991. 80 с.
9. Вергасов В.М. Активизация познавательной деятельности студентов в высшей школе. Киев: Высш. шк., 1985. 176 с.
10. Белякова Е.А. Проблемные задания как прием обучения иностранному языку студентов вуза // Известия ВГПИУ. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-zadaniya-kak-priem-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-vuza> (дата обращения: 03.02.2021).
11. Митрофанова Е.А. Проблемное обучение на занятиях по иностранному языку: опыт Самарского государственного технического университета // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №5-2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnoe-obuchenie-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku-opyt-samarskogo-gosudarstvennogo-tehnicheskogo-universiteta> (дата обращения: 03.02.2021).
12. Шпак Н.О. Роль проблемного обучения в иноязычной коммуникации студентов // Языки и литература в поликультурном пространстве: сборник научных статей / под ред. В.Н. Карпухиной. Барнаул: Концепт, 2015. С. 126-127.

PROBLEM-SOLVING TASKS AS A MEANS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO FUTURE ENGINEERS

E.A. Ponomaryova
L.G. Kuzmina
Voronezh State University

Abstract. The paper discusses ways to enhance quality of foreign language teaching in non-linguistic universities in order to meet the requirements of the new educational standards in Higher Education. It claims that the problem can be successfully solved if the Problem Solving Approach is implemented. With reference to up-to-date research in pedagogy and ELT Methodology, it provides an insight into the nature and specific features of problem solving, describes peculiarities of its realization and underlines the terms under which the approach can be used in teaching foreign languages in universities. A number of examples are presented to illustrate how problem solving tasks can vary according to the degree of their problematic character.

Key words: foreign languages, non-linguistic university, problem solving approach, problem-solving tasks, problematic character

Пономарева Е.А.,
магистрант
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (952) 109 6944
email: power-of-inspiration@yandex.ru

Кузьмина Л.Г.,
канд. пед. наук, доцент,
зав. кафедрой перевода и профессио-
нальной коммуникации Воронежский
государственный университет
тел.: +7(910) 344 0107
email: kuzmina@rgph.vsu.ru

E.A. Ponomaryova
Master Degree Student
Voronezh State University
mobile: +7 (952) 109 6944
email: power-of-inspiration@yandex.ru

L.G. Kuzmina
Cand. of Sciences (Ed.), Ass. Prof.
Head of the Dept. of Translation and
Professional Communication
Voronezh State University
mobile: +7(910) 344 0107
email: kuzmina@rgph.vsu.ru

УДК 81'255.2: 811.111

ДВОЙНЫЕ ЛАКУНЫ: О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Пономарева С.Н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перевода культурно обусловленных лакун, рассматриваемых как отсутствие и самих явлений, несвойственных принимающей культуре в процессе перевода, так и отсутствие собственно языковых единиц, их называющих. На конкретном материале – результатах опроса студентов третьего курса переводческого отделения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова – демонстрируются пробелы в фоновых знаниях об истории и культуре своей страны у будущих профессиональных переводчиков. Анализируется англоязычный перевод рассказа А. И. Эппеля

«Бутерброды с красной икрой» с точки зрения передачи реалий, которые трактуются как частный случай лакуны. Выделяются приемы перевода, используемые для компенсации культурно обусловленных лакун. Дается сравнение глубины понимания значения единицы (единиц), компенсирующих лакуну, потенциальной читательской аудиторией и будущими профессиональными переводчиками в лице студентов. Предлагается в процессе подготовки переводчиков подходить к понятию культурно обусловленной лакуны с позиции не только межъязыкового и межкультурного взаимодействия, но и внутриязыкового и внутрикультурного.

Ключевые слова: советская литература, лакуна, реалия, межкультурное взаимодействие, генерализация, калькирование, транскрипция, описание, опущение, переводческий комментарий

Понятие литературы советского периода, как значится в названии статьи, требует уточнения. С одной стороны, можно использовать широкий подход к определению, то есть считать все литературные произведения, опубликованные на территории РСФСР и остальных союзных республик после установления там Советской власти, и, таким образом, не выделять советскую литературу в особый вид. Однако неоднородность написанного за это время, наличие в литературной среде диссидентов (то есть диссидентской литературы), писателей-фантастов, писавших не только про социалистическое будущее всего человечества и/или всей вселенной, и прочих, не вполне соблюдавших три базовых идеологических принципа – партийности, народности и социалистического реализма – требуют, на наш взгляд, выделить советскую литературу в отдельную категорию.

А.И. Эппель [1, с.150-159] принадлежит, скорее, к писателям советского периода, а не к советским писателям – он известен главным образом как советский переводчик. Рассматриваемый в статье рассказ «Бутерброды с красной икрой» из сборника «Травяная улица» был написан еще в 1979 году, однако впервые опубликован уже в 1989 году. Обстоятельство это не случайно – трудно себе представить этот рассказ, ироничный, полный натуралистических деталей, к тому же на тему «незаконной» плотской любви в каком-нибудь периодическом издании того времени. Но именно потому, что в нем описана жизнь без прикрас, с мельчайшими бытовыми подробностями, такая, какая она была и бывает, этот рассказ и был предложен студентам переводческого отделения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Опыт работы с начинающими переводчиками (студентами) показывает недостаточность фоновых знаний, столь необходимых переводчику, и зависимость от Интернет-источников при отсутствии критического к ним отношения. Кроме того, агрессивное «поведение» западной культуры, в основном американской, в условиях слабой российской пропаганды и отсутствия более-менее четкой национальной идеологической доктрины приводит к тому, что мы, по меткому определению М.А. Кронгауза, «живем в эпоху трансляции чужой культуры». Вот эта относительная «инокультурность» нового поколения переводчиков и побудила провести нестрогий эксперимент по определению лакун в знаниях о жизни их собственных прабабушек и прадедушек (действие рассказа происходит в 1954 году).

Лакуна понимается в широком смысле как некая пустота, отсутствие в принимающей культуре (языке, поскольку речь идет о переводе и межкультурной вербальной коммуникации) явления, предмета, то есть национально-специфического элемента, отраженного в языке иной участвующей в процессе коммуникации культуры. Лакуна в узком, лингвистическом, значении трактуется как отсутствие в словарном составе языка лексической единицы для номинации того или иного понятия, чаще всего (но не всегда) обусловленно-го различиями культур. В переводческой практике лакуны являются одной из проблем, не

имеющих однозначного решения. И проблема эта тем острее, чем более выражен национальный характер текста. К числу используемых приемов относятся генерализация, описание, транскрипция, калькирование, опущение. Еще одним из приемов – простейшим и по сути дела самым точным – является переводческий комментарий, вынесенный за пределы текста перевода. С одной стороны, комментарий можно расценивать как слабое место перевода, поскольку читатель вынужден отвлекаться от сюжетной линии, сопереживания и пр., но, с другой стороны, для сложных явлений, значимых событий чужой культуры комментарий, вероятно, наиболее адекватный способ сохранения релевантной информации. Таким образом, комментарий является крайней мерой, когда, по мнению переводчика, без дополнительной информации лакуна не может быть компенсирована.

В процессе подготовки переводчиков важно обращать внимание на то, как справляется переводчик с лакунами, какие приемы он использует, какие единицы отбирает для комментирования и каким образом пишется сам комментарий.

В нашем случае рассматривается перевод рассказа А.И. Эппеля, выполненный известной переводчицей Джоан Тернбул (*Joanne Turnbull*) [2, с.350-361]. Студенческой группе была предложена работа по определению ряда выделенных в тексте рассказа лексических единиц (словосочетаний), называющих явления, события, предметы послевоенного времени в Москве. Условно они были разделены на единицы, называющие элементы бытового уклада, и единицы, характеризующие «нематериальный» мир: идеи, явления, события и т. п. Результаты опроса и вариант передачи в переводе Тернбул представлены ниже. Сохранена орфография респондентов, в скобках указано количество одинаковых ответов.

1. *рабфаковцы – working-class students*: студент рабочего факультета (подготовительный факультет для поступления в ВУЗ для рабочих и крестьян; не знаю (4)); общее название всех «недостудентов» того периода – недоучек, которым плевать, о чем там писал Кант – главное в то время было заработать денег на хлеб и на жизнь. Поэтому они все – рабфаковцы, то есть, представители «рабочего факультета» – факультета жизни, или суровой и беспощадной школы послевоенной жизни; это взрослые люди, которые учатся или учились на рабочих факультетах, где получали основные школьные знания для последующего поступления в высшее или среднее учебное заведение.

2. *... тумбочка, в которой рабфаковец мог держать свой Анти-Дюринг – ...in which (night-stand) the working-class student may keep his Marx*: не знаю (6); если не ошибаюсь, то этим понятием автор отсылает нас к концепции Энгельса, который писал о чем-то подобном в своих учениях – главным его оппонентом был Дюринг; книга.

3. *«американские подарки» – American gifts*: вещи, полученные союзниками по лендлизу (предметы обихода, пищевые продукты, одежда и т. д.); вероятно, вещи, привезенные из Америки, и считавшиеся роскошью, так как из-за железного занавеса лишь немногим были доступны товары из-за границы; возможно, какая-то одежда; возможно, имеется в виду те вещи, которые так или иначе были либо сняты с американцев, либо достались каким-либо другим образом в ходе войны; помощь США после войны, когда в СССР не развивалась легкая промышленность, следовательно, людям нечего было носить; возможно, это вещи, которые передавались американскими солдатами, особенно на спорной территории в Германии; дорогие вещи, которые не продавались в советское время; то, что присылали США во время войны.

4. *особист – an officer in the secret service*: служащий войск особого подразделения; военный контрразведчик; человек из особого отдела; не знаю (5); тот, чьи мнения отличаются от общепринятых.

5. керосинка: *ибо под потолком его, коптя, как керосинки, горят одни только две желтые десятисвечовые лампочки* – *beneath its ceiling burn only two yellow ten-watt bulbs, as sooty as oil-stoves*: бытовой предмет обихода, работающий на керосине, для приготовления пищи на открытом огне; работающая на керосине прародительница плиты; керосиновая лампа (6);

6. топчан – *trestle-bed*: вид простенького дивана, на котором еле-еле можно развернуться; деревянная кровать без спинки; кровать из досок; не знаю (2); мебель, кресло или кровать; что-то наподобие кровати, имеет деревянный каркас, сверху постелено что-то мягкое (например, положен матрас).

7. телогрейка – *padded jacket*: вид верхней одежды; теплая ватная куртка; плотное стеганное пальто\куртка; теплый жилет из шерсти; одежда которая греет тело.

Как видно из приведенных примеров, общая средняя оценка фоновых знаний студентов, носителей русского языка, имеющих аттестат о среднем образовании «приблизительно» при единичных точных определениях и многочисленных «не знаю». Анализ же способов передачи этих же культурно окрашенных единиц, реалий, переводчицей дает примерно такую же картину: *особист* – *an officer in the secret service* (такая передача дает общую идею секретности деятельности, а не конкретное представление о занятии человека; для английской реальности «особист», то есть военный контрразведчик, это сотрудник MI5 – *Security Service*, для американской – *Secret Service*); *Анти-Дюринг* – *Marx* и вовсе не соответствует факту, поскольку «Анти-Дюринг» написан Энгельсом, но фигура Маркса, его символическое значение как знака «левизны, советскости», безусловно, больше, чем Энгельса, и поэтому подобная замена, на наш взгляд, оправдана. Так же обстоит дело и с передачей единиц, отражающих материальное, бытовое окружение советского человека послевоенного времени. Например, телогрейка, или ватник мог бы быть использован как символ целой эпохи – эпохи лагерей, войны, голода и неустроенности. Но все это отсутствует и в сознании студентов и в переводе. Эта приблизительность передачи реалий в переводе отчасти обусловлена и степенью подготовленностью читательской аудитории – вряд ли сама переводчица не знает точно, что означают те или иные русские (российские реалии). Но невольно возникает вопрос, не являются ли наши будущие переводчики почти иностранцами и смогут ли они справиться с переводом национально, культурно окрашенных текстов – лакуны в их знаниях накладываются на языковые лакуны в принимающей культуре. Поэтому в процессе их подготовки требуется, вероятно, акцентировать внимание на том, что лакуна – это не только реалия, которая выводится из сопоставления национальных культур, чаще всего разделяемых географическим пространством: «имеет смысл взглянуть на разные этапы существования одной национальной культуры как на разные культуры, разделенные временем» [3, с.107].

Литература

1. Эппель А. И. Травяная улица. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/Eppel/TravyanayaUlitsa1.html> (дата обращения: 9.01.2021).
2. Eppel A. Red Caviar Sandwiches/Transl. by J. Turnbull // *Russian Short Stories from Pushkin to Buida*. London, 2005. P. 150-161.
3. Ланчиков В. К. Огранка смысла: Очерки теории перевода (художественная литература и публицистика) – М.: «Р.Валент». 2018 – С. 107.

DOUBLE LACUNAS: TRANSLATING LITERATURE OF THE SOVIET PERIOD

Ponomaryova S. N.
Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article highlights one of the aspects of translation, namely difficulties in rendering the so-called lacunas. The latter is interpreted as a gap both in mentality and the language of the receiving culture in the process of cross-cultural communication. This phenomenon creates difficulties in translation, especially of culturally loaded texts with specifically marked national character. Sufficient background cultural knowledge is rendered as a necessary professional requirement, and thus the current profile of the students of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies is the focus of analysis aimed at defining the level of their background knowledge to adequately understand literature of the Soviet period. A. Eppel's short story *Red Caviar Sandwiches* translated by a reputed English translator Joanne Turnbull is used as source of lexical units known in translation practice as realia, i.e. a particular case of lacunas. Comparative analysis of the students' definitions of realia and professional translator's rendering of the same lexical units is presented.

Key words: soviet literature, lacuna, realia, cross-cultural communication, generalization, translation loan, transcription, description, omission, commentary

Пonomарева С. Н.,

доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова
тел. :+7 (985) 873 9754
email: spatz@mail.ru

Ponomaryova S. N.

associate professor of the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University
mobile: +7 (985) 873 97 54
e-mail: spatz@mail.ru

УДК 81-2

МЕХАНИЗМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ МЕНТЕФАКТОВ

Попова Д.А.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В настоящей статье на примере английского языка рассматриваются особенности оценочной категоризации ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности человека (*idea, conception, notion* и др.). Анализируются особенности функционирования их англоязычных номинаций в атрибутивно-именных словосочетаниях. Выявляются языковые и концептуальные механизмы их оценочной категоризации, а также устанавливаются особенности их взаимосвязи. Подробное внимание уделяется категории частной эмоциональной оценки ментефактов и тем абстрактным и конкретным эмоционально-оценочным смыслам, которые формируются при оценке продуктов интеллектуальной деятельности человека. Образующиеся оценочные смыслы классифицируются в зависимости от оснований эмоциональной оценки: привлекательности ментефакта для продуцента; отражения в ментефакте черт продуцента; изменения ментефактом эмоционального состояния продуцента; способности ментефакта воздействовать на эмоциональный фон человека, обусловленной содержательным наполнением ментефакта, условиями или последствиями его активизации. Проводится сравнительный анализ положительных и отрицательных смыслов эмоциональной оценки ментефактов и выявляется специфика для каждого из них. Делается вывод об

асимметричности положительной и отрицательной оценки ментефактов с точки зрения их воздействия на эмоциональную сферу человека, а также о релевантности изучения оценочной категоризации для углубления знаний о ментальных образованиях.

Ключевые слова: ментефакт, атрибутивная сочетаемость, оценочная категоризация, эмоциональная оценка, концептуальная интеграция

Интеллектуальная деятельность пронизывает все сферы жизни человека: его работу и досуг, его взаимоотношение с другими людьми и самоопределение; интеллектуальная деятельность обуславливает то особое мировоззрение, которое формируется у человека в процессе познания мира и своего места в нем. И, безусловно, интеллектуальная деятельность человека и ее производные не могут не вызывать эмоциональную реакцию как у самого субъекта интеллектуальной деятельности, так и у тех лиц, которые с ним взаимодействуют. Подобный эмоциональный отклик становится одним из параметров оценки продукта интеллектуальной деятельности человека – наряду с такими критериями как его содержание, утилитарность, соответствие определенным нормам, этичность и т.п.

Вслед за В.В. Красных, предложившей трактовать содержательные элементы сознания человека как ментефакты [1, с.6, 10], мы рассматриваем продукты интеллектуальной деятельности человека как особый тип ментефактов. Такая трактовка позволяет подчеркнуть их абстрактный, ментальный характер существования (в противовес артефактам, т.е. материальным объектам). В своем исследовании мы проанализировали англоязычные номинации ментефактов-продуктов интеллектуальной деятельности человека (*idea, theory, notion, concept, tenet* и т.д.) и контексты их употребления в атрибутивно-именных сочетаниях оценочного характера, извлеченные методом сплошной выборки из Британского национального корпуса английского языка [1*]. В рамках данной статьи мы остановимся на эмоциональной оценке ментефактов, рассмотрим механизмы ее формирования, а также выделим те оценочные смыслы, которые образуются в данной категории оценки.

В английском языке ментефакты-продукты интеллектуальной деятельности человека номинируются абстрактными именами существительными. Несмотря на общность их семантики – результат интеллектуальной деятельности человека – по морфологическому критерию их можно разделить на две группы: непроемные (*idea, theory, criterion*) и производные. Производные номинации ментефактов в основном являются гибридными девербативами, то есть могут одновременно обозначать как процесс интеллектуальных изысканий человека, так и их результат. К подобным ЛЕ относятся, например, следующие номинации ментефактов: *speculation, reflection* и т.д. Выбор значения в данном случае определяется намерениями субъекта лингвокреативной деятельности. Сравним два контекста употребления таких гибридных девербативов: *Such reflection would not affect their funding through trust funds. This fact in itself demands reflection* [2*]. В первом предложении существительное *reflection* именуется продуктом интеллектуальной деятельности, во втором предложении оно выступает в качестве номинации процесса мыслительной деятельности. Интересным фактом является то, что употребление подобных единиц в значении результата интеллектуальной деятельности сближает их не только с непроемными именами ментефактов, как семантически, так и морфологически – такие ЛЕ характеризуются исчисляемостью и способностью употребляться с определенным и неопределенным артиклем, но и ставит их в одну парадигму с конкретными именами существительными. Это в очередной раз свидетельствует о тенденции человека опредмечивать свои мыслительные конструкции, воспринимая их как неотъемлемую часть своей реальности.

Примечательно, что все частотно употребляемые в корпусе номинации ментефактов (1000 контекстов и более), получают эмоциональную и утилитарную оценку, а также оценку содержания ментефакта. На наш взгляд, это обусловлено высокой значимостью смысловой стороны ментефактов и возможности их применения в последующей деятельности человека, а также эмоциональной реакции субъектов на тот или иной продукт интеллектуальной деятельности.

В английском языке оценка ментефакта по параметру эмоциональной реакции на него субъекта репрезентируется значениями частных эмоционально-психологических оценок, формирование которых мы зафиксировали у 93% рассматриваемых имен ментефактов.

Исключением являются следующие номинации ментефактов: *contention*, *credo*, *precept*, *tenet* и *theorem*.

Особенность семантики номинирующих ментефакты ЛЕ *credo* и *theorem*, в которой, согласно словарным дефинициям, отражаются формализованные результаты интеллектуальной деятельности человека, по нашему мнению является причиной отсутствия у них эмоционально-оценочных значений:

credo – a formal statement of the beliefs of a particular person, group, religion etc. [1**];

theorem – a statement or formula that can be deduced from the axioms of a formal system by means of its rules of inference [2**].

Ограничение на употребление эмоционально-оценочных атрибутов с ЛЕ *contention*, *precept* и *tenet*, коренится в сфере их применения – академический или научный дискурс, в котором предпочтение отдается фактически подтвержденной информации, а не эмоциональным реакциям.

Следует отметить, что функционирование производных и непроизводных номинаций ментефактов в атрибутивно-именных контекстах является аналогичным. Соответственно обе эти группы ЛЕ могут рассматриваться как единый класс лексики с абстрактной семантикой.

В атрибутивно-именных словосочетаниях с именами ментефактов встречаются два типа атрибутов – метафорические, оценочность которых образуется в результате метафорического переноса, и неметафорические, оценочное значение которых является прямым.

Неметафорические атрибуты, которые относятся к классу оценочной лексики и реализуют в словосочетаниях с номинациями ментефактов денотативное значение, позволяют выявить систему языковых оценочных значений таких словосочетаний. При этом если ментефакт оценивается относительно бинарной шкалы «хорошо / плохо», реализуются значения общей оценки, а при оценке ментефактов по более узкому параметру – частные значения эмоциональной, утилитарной, нормативной, интеллектуальной, этической оценки, а также частной оценки содержания ментефактов.

Значения частной эмоциональной оценки неметафорических атрибутов определяются принадлежностью данных ЛЕ к эмоционально-экспрессивной лексике. Соответственно, при оценке определяет того или иного ментефакта по критерию его соотносительности с вызванной ментефактом эмоциональной реакцией, субъект оценки обращается именно к таким атрибутам для выражения своего оценочного суждения.

Такие неметафорические атрибутивные ЛЕ сочетаются с номинациями ментефактов по закону семантического согласования, поскольку в значении атрибутов присутствует интенциональная сема «эмоциональность», согласующаяся с соответствующей семой импликационала имени ментефакта. В подтверждение приведем несколько примеров.

Пример 1. *Oh, Judy, there's a wonderful idea in what you've said.* [1*].

Анализ словарной дефиниции прилагательного *wonderful* – making you feel very happy [1**] – выявил наличие компонента «эмоциональность» в его интенсionalе, который содержится и в импликационале номинации ментефакта *idea*. При этом композиционная семантика словосочетания *wonderful idea* дополняет значение имени ментефакта и уточняет тип оцениваемого продукта интеллектуальной деятельности – вызывающий чувство приязни или удовольствия.

Пример 2. *In addition to lacking any legal or technical basis, the United States have a contemptible attitude, since the country in question is using the United Nations for odious purposes.* [2*].

В интенсionalе функционирующей в позиции атрибута ЛЕ *contemptible* – not deserving any respect at all – присутствуют компоненты «интеллектуальная деятельность» и «эмоциональность», которые согласуются с семами интенсionalа и импликационала соответственно имени ментефакта *attitude*. При этом, композиционная семантика данного атрибутивно-именного сочетания складывается из значения результата интеллектуальных изысканий, именуемого абстрактным существительным *attitude*, который получает дальнейшую экспликацию – достойный порицания, что вызывает у субъекта оценки резко негативную эмоциональную реакцию.

Денотаты метафорических атрибутов не соотносятся с интеллектуальными изысканиями человека и их продуктами, следовательно, они метафорически осмысляются. В случае атрибутивно-оценочных словосочетаний с именами ментефактов, оценочное значение атрибутов которых образуется в результате метафорического переноса, их композиционная семантика обусловлена действием закона семантического рассогласования. Выявление оснований метафорического переноса значений атрибутивных ЛЕ отсылает к области-источнику метафоры, в которой наличествуют компоненты, схожие с областью-целью. Это и создает благоприятные условия для образования метафорического оценочного значения. Соответственно запускаются определенные когнитивные механизмы, которые апеллируют к содержательному наполнению стоящих за атрибутами и ментефактами концептуальных структур. Поэтому более интересным представляется проследить те концептуальные процессы, которые лежат в основе подобной языковой сочетаемости, и те оценочные смыслы, которые при этом образуются.

Образование оценочных смыслов категории частной эмоциональной оценки ментефактов происходит при взаимодействии на концептуальном уровне концептуальных областей (далее – КО) двух видов: стоящими за номинациями ментефактов и атрибутивными ЛЕ:

– «физио-психологические характеристики человека» (КО «физиология») (*relaxed attitude*), «черта характера» (*cautious view*), «психическое состояние» (*frenzied stance*), «эмоциональное состояние» (*aspiring idea*), «эмоциональное воздействие» (*defamatory notion*),

– «деятельность и взаимодействие человека с другими людьми» (КО «деятельность человека») (*defiant outlook*), «профессиональная деятельность» (*tragic assumption*), «литература» (*poetic idea*), «личность» (*martyred stance*),

– «действия и события» (КО «физическое действие») (*absorbing concept*),

– «свойства предметов и явлений» (КО «перцептивный признак (вкус, звук, осязание)») (*sugarplum idea*), «параметр» (*lowly attitude*), «количество» (*lush description*), «физическое свойство» (*bleak theory*), «свойство движения» (*slow belief*), «свойство деятельности» (*prompous outlook*),

– «мировоззрение и мировосприятие» (КО «идеология») (*chauvinistic ideology*), «верования» (*haunting idea*),

- «природные явления» (КО «животное» (*hawkish idea*), «природа» (*arid conception*)),
- «норма» (*extraordinary criterion*),
- концептуальное пространство-доминанта гибридных КО [2].

Проследим процесс концептуальной интеграции концептуальных областей атрибута, за значением которого стоит концептуальное пространство-доминанта «физиопсихологические характеристики человека», и номинации ментефакта: *Casting scorn on Stringy's suggestion that they ask the mate's advice on what to do with their almost embarrassingly rich discovery, the other three youths make feverish plans*. [1*].

Схема 1. Процесс концептуальной интеграции при формировании оценочного смысла словосочетания *feverish plans*

КО 1 <i>feverish</i> (лихорадочный)	КО 2 <i>plans</i> (планы)
Нездоровое состояние организма человека	Отражение в ментефакте состояния продуцента
Физиология	Продукты интеллектуальной деятельности

↓

Интегрированное пространство *feverish plans* (горячие планы)

Восприятие ментефакта как продукта интеллектуальной деятельности человека, находящегося в нездоровом состоянии, несмотря на возможное отсутствие у субъекта сведений об этом
Продукт интеллектуальной деятельности

Оценочное значение ЛЕ в атрибутивной функции *feverish* в словосочетании с номинацией ментефакта *feverish plans* формируется при помощи метафорического переноса. При этом область-источник метафоры КО «физиология» атрибута *feverish* взаимодействует с областью-мишенью КО «продукт интеллектуальной деятельности» имени ментефакта *plans*. Элемент КО атрибутивной ЛЕ «нездоровое состояние организма» отражается на элемент КО номинации ментефакта «отражение в ментефакте состояния продуцента». Результатом является новое интегрированное пространство, в котором содержится оценочное знание о восприятии ментефакта как продукта интеллектуальной деятельности человека, находящегося в нездоровом состоянии, несмотря на то, что субъект оценки может не обладать знанием о реальном состоянии здоровья продуцента.

Проиллюстрируем на примере атрибутивно-именного словосочетания с именем ментефакта *tragic view*, каким образом формируется интегрированное пространство, содержащее оценочное знание об эмоциональном воздействии ментефакта на субъекта при помощи метафорического атрибута, отсылающего к концептуальному пространству-доминанте «деятельность и взаимодействие человека с другими людьми»: *Comedy, in any case, is not necessarily optimistic, and it can tellingly present a tragic world -- a point readily overlooked by those who confuse literary forms like tragedy with states of mind like a tragic view of life, as if over-obsequious to a terminology or eager to be confused by one* [1*].

Схема 2. Процесс концептуальной интеграции интеграции при формировании оценочного смысла словосочетания *tragic view*

КО 1 <i>tragic</i> (трагический)	КО 2 <i>view</i> (интерпретация)
Высокая эмоциональная насыщенность	Отражение в ментефакте эмоционального состояния продуцента
Профессиональная деятельность (театр)	Продукт интеллектуальной деятельности

↓

Интегрированное пространство *tragic view* (трагическое видение)

Высокая степень интенсивности эмоциональных переживаний человека
Продукт интеллектуальной деятельности

Сема ЛЕ *tragic* в атрибутивно-именном словосочетании *tragic view* «большая эмоциональная нагруженность» реферирует к КО «профессиональная деятельность (театр)», стоящей за семантикой данного атрибута. Структурно эта КО входит в состав объемного концептуального пространства-доминанты «деятельность и взаимодействие человека с другими людьми». При сочетании атрибута *tragic* семантика номинирующего ментефакта существительного *view* запускает процесс концептуальной интеграции. При этом осуществляется метафорический перенос из КО «профессиональная деятельность (театр)» и активизируется оценочный потенциал атрибута. В результате значение ЛЕ *tragic* расширяется и формируется смысл отрицательной эмоциональной оценки ментефакта VIEW, который отражает интенсивность эмоциональных переживаний продуцента.

Оценочные смыслы категории частной эмоциональной оценки являются результатом концептуальной интеграции концептуальных областей номинаций ментефактов с 35 выступающими в роли источников метафоры КО атрибутов.

Эти конкретные оценочные смыслы концептуально можно объединить в более абстрактные оценочные смыслы. Так, **положительная** частная эмоциональная оценка ментефактов обусловлена формированием следующих оценочных смыслов:

1) Ментефакт привлекателен для продуцента, причем причины не уточняются:

– Ментефакт обладает привлекательностью для субъекта (*sensational*);

– Ментефакт способен вызывать у продуцирующего или активизирующего субъекта чувство зависти (*enviable conviction*).

2) В ментефакте отражаются черты его продуцента:

– Ментефакт воспринимается как неотделимая и глубоко укоренившаяся особенность характера его продуцента (*deep-seated*);

– Ментефакт способен учитывать эмоциональные особенности субъекта при его продуцировании или активизации, и отражать положительные черты характера или изменения в эмоциональном состоянии своего продуцента или активизатора (*compassionate, empathetic*);

– В ментефакте отражаются положительные свойства личности порождающего или активизирующего его субъекта: воображение (*imaginative*) / внимание к деталям (*keenly attentive*) / оптимизм (*cheerful*) / эмпатичность (*disarmingly sympathetic*) / открытость и прямолинейность (*sincere*) / должная скромность и неиспорченность (*properly modest*) / почтительность и уважение к идеалам и личности других людей (*respectful*) / жажда приключений и новых впечатлений (*adventurous*);

– В ментефакте отражается положительное эмоциональное состояние порождающего или активизирующего его субъекта: интенсивные эмоциональные переживания (*heart felt*) / веселость и увлеченность (*passionate*) / мотивированность и приверженность собственной деятельности (*committed*) / желание максимально быстрого и эффективного осуществления собственной деятельности (*brisk*) / убежденность в приемлемости и правильности собственных действий, а следовательно, в успехе деятельности (*God-led*) / спокойствие и терпеливость (*calm*) / одобрение интеллектуальной деятельности продуцента другими людьми (*largely encouraged*);

– Ментефакт воспринимается как продукт интеллектуальной деятельности смело и решительного субъекта, хотя реальное присутствие этих качеств в характере продуцента может быть неизвестно субъекту оценки (*bold*).

3) Ментефакт изменяет эмоциональное состояние субъекта:

– Ментефакт положительно воздействует на эмоциональный фон человека: снижает тревожность и беспокойство / приводит в состояние удивления (*surprising*),

воодушевления (*encouraging*), спокойствия (*calming*), здравомыслия (*sobering*), уверенности в своих силах или успехе последующей деятельности (*reassuring*) / ведет к сильному возбуждению субъекта, которое, в свою очередь, воздействует на ритм его дыхания (*breath-taking*);

– Субъект оценки с различной степенью интенсивности положительно реагирует на ментефакт по причине того, что продукт интеллектуальной деятельности рассматривается как значимая сущность, настраивающая человека на серьезный лад (*serious*) / обладающая способностью вызывать приятные ассоциации (*beautifully evocative*), смех или улыбку (*comic*) / воздействующая на любопытство субъекта и его стремление кключениям (*swashbuckling*).

4) Ментефакт способен воздействовать на эмоциональное состояние человека в силу своего содержательного наполнения:

– Ментефакт обладает врожденной способностью привлекать людей благодаря его ориентированность на коммуникацию в качестве наиболее эффективного инструмента достижения поставленных целей (*charismatic*) / воздействовать на любознательность субъекта (*curious*);

– Активизатор с различной степени интенсивности положительно реагирует на ментефакт, поскольку последний воспринимается как полноценный продукт интеллектуальных изысканий (*more vigorous*), а его содержание характеризуется следующим образом: его цинизм не превышает приемлемого для активизирующего субъекта уровня (*appropriately cynical*) / присутствующие в нем установки пристойны (*chaste*) / наличествуют эротические смыслы (*erotically charged*) / ориентация на высокие идеалы (*poetic*) / происходящее из скромности преуменьшение ценности ментефакта (*humble*) / значительность и твердость установок (*firm*) / привлекательная организация структурных элементов (*technically sweet*) / неожиданное соответствие законодательно установленным нормам (*extraordinary constitutional*).

5) Ментефакт способен воздействовать на эмоциональное состояние человека благодаря особенностям реализации или последствиям своей активизации:

– Ментефакт настолько привлекателен для субъекта оценки, что вызывает желание незамедлительно его активизировать (*go-for-it*);

– Ментефакт способен ликвидировать раздражители спокойствия активизирующего субъекта (*comfortable*) и обладает значительной утилитарностью (*lush*);

– Обсуждение содержательного наполнения ментефакта способно вызывать интенсивную эмоциональную реакцию (*fiercely disputed*);

– Субъекту оценки не нужно принимать активное участие в деятельности, поскольку в силу значительных умственных способностей продуцента была выявлена ее низкая значимость (*of intelligent laziness*).

Субъект оценки **негативно** оценивает ментефакт при образовании следующих конкретных оценочных смыслов:

1) Ментефакт не обладает привлекательностью для продуцента, причем причины не уточняются (*bitter speculation*):

2) В ментефакте отражаются черты характера продуцирующего субъекта (*drunken belief*):

– В содержании ментефакта отражаются отрицательные черты характера продуцирующего или активизирующего субъекта: отсутствие осмотрительности, дальновидности или внимания к осуществляемой деятельности (*reckless*) / высокого самомнения или гордость (*arrogant*), эгоизм (*egoistic*), враждебность (*hostile*) и нежелание всерьез

воспринимать мнения других людей (*sniffy*) / небогатое воображение (*unimaginative*) / пессимизм (*pessimistic*) / лживость (*deceitful*);

– В содержании ментефакта отражается негативный эмоциональный фон продуцирующего или активизирующего субъекта: сильная эмоциональная напряженность (*harsh*), замешательство (*baffled*), испуг (*fearful*), беспокойство (*worried*), гнев (*angry*), усталость или подавленность (*exhausted*) / ухарство продуцента (*devil-may-care*) / неприятие существующего положения вещей и желание его изменить (*militant*) / убежденность в невозможности успеха при активизации ментефакта (*more ominous*) / нежелание продуцента достичь чего бы то ни было (*reluctant*);

– Ментефакт воспринимается как результат интеллектуальной деятельности субъекта, пребывающего в нездоровом или измененном состоянии, хотя субъект оценки может быть неосведомлен о реальном состоянии продуцента (*feverish*);

– Ментефакт способен к отражению впечатлений субъекта оценки от продуцирующего субъекта (*sod's*).

3) Ментефакт изменяет эмоциональное состояние продуцирующего субъекта в худшую сторону:

– Ментефакт с различной интенсивностью отрицательно воздействует на эмоциональный фон человека в силу следующих причин: воздействие осуществляется против воли человека (*oppressive*) или ведет к ее ослаблению (*debilitating*), вызывает состояние равнодушия (*dull*), тревоги (*alarming*), беспокойства (*warning*), отвращения (*appalling*), скуки (*boring*), подавленности (*depressing*), страха (*frightening*), замешательства, чувства оскорбленного достоинства и внутренних страданий (*offensive*), а также вводит в заблуждение относительно возможного успеха деятельности активизатора (*patronizing*);

– Ментефакт вызывает интенсивный негативный эмоциональный отклик у субъекта оценки по причине его напряженного и крайне эмоционального обсуждения (*white-hot*), а также его способности разрушать состояние радости его активизирующего субъекта (*killjoy*) или внушать опасения за успешный исход деятельности (*dangerous*).

4) Ментефакт способен воздействовать на эмоциональное состояние человека в силу своего содержательного наполнения:

– Ментефакт вызывает у субъекта оценки неприятие различной степени интенсивности, поскольку его содержание характеризуется следующим образом: присутствуют негуманные, аморальные или иные социально неприемлемые установки (*ageist*) / отсутствует ориентация на высокие идеалы и позитивное мышление (*low*) / содержание ментефакта противоречит устоявшимся традициям и ориентировано на изменение существующего порядка вещей, который воспринимается положительно (*rebellious*) / положения негибкие, поверхностные, недостаточно логично обоснованы или значительно отклоняются от норм здравого смысла (*bigoted*) / установки чрезмерно серьезны и суровы (*po-faced*) / в содержании не имеется ярких и привлекательных компонентов (*bleak*), а важность наличествующих элементов преувеличена (*histrionic*) / ориентация на негативные последствия активизации ментефакта (*apocalyptic*), а также ориентация на получение продуцентом или активизатором личной выгоды (*selfish*).

5) Ментефакт способен воздействовать на эмоциональный фон субъекта в силу условий или последствий его активизации:

– Ментефакт вызывает у субъекта оценки острое неприятие, поскольку его активизация слишком сложна или требует неоправданно длительного времени (*slow*) / ограничивает свободу действий человека (*austere*) / требует чрезмерного внимания к аспектам деятельности, не обладающим значимостью (*pedantic*) / ментефакт типичен

для определенных социальных групп (*uppercrust*) / неуместен (*unfortunate*) / чрезмерно нагружен эмоционально (*theatrical*) / его активизация влечет за собой катастрофические последствия (*disastrous*);

– Ментефакт вербализуется недостаточно ярко (*muted*) или не вербализуется вообще (*silent*).

Итак, формирование смыслов категории частной эмоциональной оценки осуществляется при помощи двух групп механизмов – языковых и концептуальных. Взаимодействие концептуальных областей имен ментефактов и квалифицирующих их атрибутов создает условия для концептуальной интеграции этих областей, в результате которой образуются уникальные для данной категории эмоционально-оценочные смыслы различной степени конкретизации. Они содержат специфичные сведения о ситуации оценки, свойствах ментефакта, условиях его продуцирования или активизации или даже об особенностях личности оценивающего субъекта.

На уровне языка подобное взаимодействие отражается в композиционной семантике компонентов атрибутивно-именных словосочетаний с именами ментефактов. Таким образом, оценочная категоризация ментефактов характеризуется комплексным характером – она осуществляется в человеческом сознании и особым образом репрезентируется в языке. Выявленные эмоционально-оценочные смыслы позволяют выявить имплицитные параметры оценки продуктов интеллектуальной деятельности человека, что позволяет по-новому взглянуть на оценочную категоризацию таких ментальных образований и глубже понять ее основания.

Таким образом, оценочная категоризация ментефактов имеет сложный характер осуществления: протекая в сознании человека, она получает особое представление в языке, а понимание механизмов ее осуществления позволяет сделать еще один шаг на пути понимания соотношения мышления и языка, что представляет значимость не только для углубления знаний о мире, но и может быть использовано практически для более полного понимания особенностей отражения когнитивных процессов в языке при его изучении или в практике перевода.

Литература

1. Красных В.В. Точки над *i* или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: «МАКС-Пресс», 2001. Вып. 16. С. 5-12.

2. Попова Д.А. Оценочная категоризация ментефактов в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. - Воронеж, 2017. – 382 с.

Список анализируемых источников

1* British National Corpus of the English Language. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 15.06.2020)

2* Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения 15.06.2020)

Список словарей

1** Longman Dictionary online. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения 10.06.2020)

2** Collins Dictionary online. URL: <http://www.collinsdictionary.com/search> (дата обращения 10.06.2020)

MECHANISMS OF MENTIFACTS EMOTIONAL EVALUATION

Daria A. Popova
Voronezh State University

Abstract. The paper deals with the peculiarities of the evaluative categorization of mentifacts – products of human intellectual activity (*idea, conception, notion, etc.*) in the English language. Functioning of the mentifacts' names in attributive phrases is analyzed. Language and conceptual mechanisms of their evaluative categorization are distinguished and their interrelation is established. The main focus of the paper is on the category of mentifacts emotional evaluation and those evaluative senses, both abstract and concrete, emerging in the process of the evaluation of the human intellectual activity products. These evaluative senses are further classified according to the emotional evaluation criteria: mentifacts' attractiveness; reflection of the producer's personality in the mentifact; changes to the person's emotional state caused by a mentifact; mentifact's ability to impact the emotional state of a person due to its content, activation conditions or its consequences. Comparative analysis of positive and negative evaluative senses is carried out and the peculiarities of each of them are elaborated. The paper comments on the asymmetrical nature of the mentifacts' positive and negative evaluation in terms of their impact on the human emotional state. The conclusion is drawn on the relevance of mentifacts' evaluative categorization studies for gaining deeper knowledge of mental entities.

Key words: mentifact, attributive compatibility, evaluative categorization, emotional evaluation, conceptual blending

Попова Дарья Александровна

кандидат филологических наук
доцент
Воронежский государственный
университет;
тел.: +7 (908) 142 8439
email: darcy.popova@mail.ru

Daria A. Popova

Candidate of Philological Sciences
Associate Professor
Voronezh State University
mobile: +7 (908) 142 8439
email: darcy.popova@mail.ru

УДК: 811

ЮРИДИЧЕСКИЕ АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ТЕКСТЫ XXI ВЕКА КАК ФРАГМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОНИМАНИЯ *ПОМИЛОВАНИЯ*

Попова Л.Г.
Парфененко Е.Н.
Московский городской педагогический университет

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается лингвистический статус юридического текста, делается краткий обзор существующих классификаций юридических текстов. Методом сплошной выборки выясняется присутствие определенных лексем в современных английских и русских юридических текстах, способных отразить смысл термина «помилование» с позиций юридической лингвистики. С помощью количественного подсчета установлено, что в английских юридических текстах самой частотной лексемой, передающей значение помилования, выступает лексема *pardon*. Подобное значение имеют также и такие лексемы, как *clemency, forgiveness*, однако они реже встречаются в подобных текстах. В русских текстах значение помилования раскрывает только сама лексема *помилование*.

Сопоставление выявленных интерпретаций смысла помилования в английских и русских юридических текстах выявило общие черты терминов при их использовании в юридических текстах наших дней по сравнению с имеющимся списком значений на базе словарей юридических терминов. Как в английских, так и в русских текстах, отмечается присутствие подробного перечня причин помилования как юридического акта. Но наряду с этим, можно отметить тот факт, что подобные термины в юридических текстах сохраняют словарное значение в основном как вида юридического акта. Тем не менее, подробности проявления такого акта к осужденным в языках будет разным, отличительным. Подобное обстоятельство связано с различием правовых систем Великобритании и России.

Ключевые слова: юридическая лингвистика; современные юридические тексты; английский язык; русский язык; адаптация

Юридическая лингвистика является наукой, которая находится между юриспруденцией и лингвистикой и определяет создание и использование правового текста, тем самым раскрывая связь языка и права. Юридические тексты относятся сразу к двум функциональным стилям: академическому и официально-деловому, и их можно классифицировать по разным признакам.

Е.А. Волкова рассматривает три наиболее общих типа юридического текста:

- предписательный (тексты законов, указов, постановлений);
- описательный (научно-исследовательские тексты);
- смешанный (иски, директивы) [1].

Согласно классификации, основывающейся на стадиях правового регулирования, Т.В. Кашанина и В.А. Томина выделяют:

- нормативные документы;
- интерпретационные акты;
- документы, фиксирующие юридические факты (паспорт, свидетельство о рождении);
- акты-действия (решения, приговоры, постановления, ходатайства);
- документы, содержащие решения индивидуального характера [3; 5].

В соответствии с принципом разделения юридических текстов по областям юридической деятельности, М.В. Ракина выделяет:

- законотворческие или правообразующие тексты (уставы, договора);
- административные тексты (постановления, уведомления, деловые письма);
- правовые тексты, связанные с отправлением правосудия (судебные решения, иски, приговоры суда) [4].

Юридический текст характеризуется точностью и ясностью, лингвистической стандартизацией, простотой изложения и понятностью фраз [6]. Однако основным лексическим средством способным выразить нормативность является термин.

В данной статье особое внимание будет уделяться термину *помилование* в английских и русских юридических текстах как фрагментов реализации понимания помилования. Такой подход позволит заглянуть в правовую картину мира сопоставляемых языков [5].

В Великобритании помилование является Королевской прерогативой, то есть входит в полномочия короля или королевы. Согласно Общему закону Великобритании, монарх обладает т.н. «прерогативой милосердия» (*prerogative of mercy*), т.е. правом прощения до, после и в процессе судопроизводства преступлений против Короны. Изначально, «королевское помилование» (*royal pardon*) было направлено на отмену монархом смертной казни. Елизавета II, если сочтет необходимым, имеет право даровать «королевское помилование» любому, кто был осужден за преступление.

Королевское помилование даруется тем, кто в преступлении был обвинен ошибочно, а также тем, за кого просят лица заинтересованные, к которым относятся члены семьи.

В отличие от акта помилования РФ, который является Указом Президента, акт помилования в Великобритании, подписанный королевой, является Приказом. При этом в документе, подписанном королевой, указан год ее правления, обозначено, что это «ордер». Как указано в документе, по представлении которого совершается акт помилования (в РФ указывается, с момента истечения какого количества дней акт вступает в силу). Акт королевы написан устаревшим языком, в традиционном стиле. С точки зрения лингвистики он напоминает акты, которые в XVII-XVIII веках зачитывали на городских площадях глашатаи («теперь знайте, что мы»). Кроме того, основанием для помилования являются некие «обстоятельства», «смирненно представленные нам». Другими словами, по правилам королева называется во множественном числе, а также просители «смирненно предоставляют» документы на рассмотрение монарху. Указанием на суть акта (помилование) является фраза: «милостиво рады распространить нашу благодать и милость на упомянутого ... и даровать ему наше свободное прощение ... в отношении упомянутого осуждения» [14].

Если Президент России основывается на принципах гуманизма, то королева Великобритании дарует осужденному свою милость и благодать. Это, как выше отмечено, не Указ (как в РФ), а приказ Ее Величества, что ставит акты в разные юридические категории, хотя они направлены на одно действие (помилование). Лингвистическая разница в актах обуславливается разными структурами судопроизводства и разными подходами к совершению акта помилования в РФ и Великобритании, а также разницей в государственном строе этих стран. Объясняется разница тем, что в Великобритании акт является документом, форма которого разрабатывалась еще с конца XV века, когда начало формироваться прецедентное право, и с тех пор мало изменилась, сохранились для многих официальных заявлений, указов, приказов, в том числе, для приказа о помиловании застывшие лингвистический формы. В России, несмотря на наличие официального языка в XI веке, большие перемены происходят в XIX в., когда сформировались стили русского языка, появились различные типы специальных текстов, которые исполнялись на особых служебных бланках и несли стандартный реквизитный набор, а к XX в. унификация деловых текстов стала необратимой. В СССР велась в двадцатых - тридцатых годах XX века целенаправленная работа по формированию стандартов деловых документов, создавались «трафаретные тексты». Эти исторические моменты и нашли отражение в документах о помиловании Великобритании и РФ. Кроме того отметим, что в Великобритании помилование в большей мере является политическим актом. В РФ институт помилования действует стабильно, является выражением демократии и гуманности.

Помилование в системе российского института исполнения наказаний и судопроизводства преимущественно является формой поощрения (уголовно-правового). В РФ (в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексе) этот акт рассматривается как естественное право любого человека. Поэтому в законодательстве нет формальных ограничений для реализации помилования и его применения. Применение же зависит от ряда факторов, среди которых: тяжесть преступления, собственно личность человека и его поведение (до совершения преступления, в период отбывания наказания), срок, который уже отбыт, насколько опасен данный человек для окружающих, уровень компенсации осужденным материального ущерба и другие факторы.

Существует в Российском законодательстве ряд документов, которые определяют алгоритм помилования [8; 9]. Положение, которое регулируется Указом Президента РФ от 28.12.2001 N 1500 (ред. от 07.12.2016) определяет право обращаться с ходатайством о помиловании самого осужденного, который может подать его через уполномоченное лицо (адвокат, родственник). Обращение осуществляется письменно по установленной специально форме, ходатайство регистрируется в особом журнале. К данному документу прилагаются материалы, которые определяет сам осужденный (которые смогут повлиять на решение вопроса о помиловании). Законодательно определен запрет на отказ в направлении подобного ходатайства [9].

Список лиц, которые рекомендованы высшим должностным лицом конкретного субъекта РФ к помилованию, в месячный срок с момента принятия решения публикуется в СМИ. Акт помилования подписывается Президентом РФ. Как отмечает В.Ю. Тychинский, «помилование – это акт государственного прощения, осуществляемый Президентом Российской Федерации» [7]. Он направлен на конкретное лицо, которое совершило ранее преступление, однако раскаялось или же утратило опасность для общества. Понятие *помилование* отсутствовало в уголовном законодательстве СССР. Лишь УК РФ (раздел IV) от 1996 г. поясняет смысл данного института: акты помилования являются внесудебными правовыми, т.о. помилование – конституционно-правовая форма внесудебного снятия/смягчения наказания, акт государственной милости, имеющий адресный характер, помогает корректировать ситуации, когда уголовная политика в РФ не является достаточно либеральной. В РФ помилование – регулярная процедура [8; 9].

Рассмотрим в сопоставительном плане возможность раскрытия лингвокультурного понимания помилования на материале юридических текстов ХХI века Великобритании и России, установив возможности адаптации использования юридических терминов нашего времени. В английских текстах самой частотной лексемой наряду с лексемами *mercy, forgiveness* выступает лексема *pardon*, которая в качестве юридического термина обладает следующими значениями по данным словарей [2**, 3**]:

- 1) освобождение лица от наказания за прошлое или предполагаемое преступление;
- 2) документ, в котором объявлено о помиловании;
- 3) доска помилования;

4) отмена приговора или наказания сувереном согласно полномочию оказывать милосердие. Как только обвиняемый получает помилование, он не может быть предан суду, а если он уже был осужден, он не может быть наказан. Именно обвиняемый может просить о помиловании у стороны обвинения и это обращение выступает в качестве запрета для судебного преследования или наказания. Если обвиняемый не сделает это как можно скорее, то он может быть лишен этого права. Лицу также может быть предоставлена отсрочка, то есть временное приостановление наказания (например, если он становится безумным после вынесения приговора).

Рассмотрим в сопоставительном плане возможность раскрытия лингвокультурного понимания помилования на материале юридических текстов 21 века Великобритании и России. В английских текстах самой частотной лексемой выступает лексема *pardon*, которая в качестве юридического термина обладает следующими значениями по данным словарей:

А юридический термин *pardon* обладает такими значениями как:

- 1) освобождение лица от наказания за прошлое или предполагаемое преступление;
- 2) документ, в котором объявлено о помиловании;
- 3) доска помилования;

4) отмена приговора или наказания сувереном согласно полномочию оказывать милосердие. Как только обвиняемый получает помилование, он не может быть предан суду, а если он уже был осужден, он не может быть наказан. Именно обвиняемый может просить о помиловании у стороны обвинения и это обращение выступает в качестве запрета для судебного преследования или наказания. Если обвиняемый не сделает это как можно скорее, то он может быть лишен этого права. Лицу также может быть предоставлена отсрочка, то есть временное приостановление наказания (например, если он становится безумным после вынесения приговора) [12; 13].

В текстах мы встретили следующие примеры выражения значений этой лексемы.

– помилование осужденных:

*January received Royal Assent – enshrining, in law, **pardons** for those convicted of consensual same-sex relationships* [11];

– посмертное помилование:

Posthumous pardons for convictions etc of certain abolished offences: England and Wales [11];

– помилование за упраздненные преступления:

Power to provide for pardons for additional abolished offences: England and Wales [11];

– помилование, затрагивающее обвинение, предупреждение и приговор:

A pardon under section 164 or 165, or under regulations under section 166, does not — (a) affect any conviction, caution or sentence, or (b) give rise to any right, entitlement or liability [11];

– королевское помилование:

*Saving for Royal **pardons** etc.* [11];

– помилование губернатора от имени короля/королевы:

*The Governor may, in Her Majesty's name and on Her Majesty's behalf — (a) grant to any person concerned in or convicted of any offence a **pardon**, either free or subject to lawful conditions* [11];

– автономное помилование:

*If P is **pardoned**, subsection (6A) applies only if the pardon is a devolved **pardon*** [11];

– помилование, данное в силу закона:

*...a **pardon** given before the coming into force of that Order which, had it been given after the coming into force of that Order, would have had to have been given in the exercise of powers under section 23(2) of the 1998 Act (ignoring article 25(2) of the Northern Ireland Act 1998 (Devolution of Policing and Justice Functions) Order 2010)* [11];

– помилование с даты отмены судимости:

*At the end of subsection (2) (compensation only payable if application for compensation is made) insert “before the end of the period of 2 years beginning with the date on which the conviction of the person concerned is reversed or he is **pardoned**”* [11];

– помилование с полномочиями:

*Powers of **pardon**, etc.* [11];

– помилование в рамках ходатайства:

*In no case shall persons condemned to death be deprived of the right of petition for **pardon** or reprieve* [11].

Отсюда можно сделать вывод о том, что юридические тексты на английском языке способны показать правовую культуру реализации помилования в виде

– Полного помилования со стороны короля/королевы

– Помилования по ходатайству

- Помилования с полномочиями
- Помилования в связи с отменой судимости
- Помилования за упроздненные преступления
- Автономного помилования
- Посмертного помилования
- Помилования по определенным законам.

Сравнение со значениями по словарям показало совпадение значений, связанных с актом помилования со стороны короля/королевы, снятие вины за прошлые преступления.

Считаем целесообразным рассмотреть реализацию помилования в русских юридических текстах. Самой частотной лексемой здесь выступает лишь лексема *помилование*, которая, согласно данным словарей имеет следующие терминологические значения [10]:

Эта лексема обладает следующими значениями в русском языке:

- 1) освобождение от наказания за преступление по постановлению высших органов власти;
- 2) решение об освобождении от наказания или смягчении наказания для осужденного;
- 3) одно из оснований погашения наказания (наравне со смертью виновного, давностью и примирением). Оно является актом милосердия со стороны верховной власти.

В юридических текстах на русском языке было обнаружено присутствие лишь лексемы *помилование*, раскрывающее такое понимание помилования, как:

– акт помилования, например:

Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость [9];

– ходатайство о помиловании, например:

УИК РФ Статья 176. Порядок обращения с ходатайством о помиловании [8];

– комиссии по вопросам помилования:

В целях совершенствования механизма реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации по осуществлению помилования, обеспечения участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и общественности в рассмотрении вопросов, связанных с помилованием, постановляю:

1. Образовать на территориях субъектов Российской Федерации комиссии по вопросам помилования [9];

Следовательно, использование лишь одной лексической единицы, раскрывающей понимание помилования в русских юридических текстах XXI века, показала ее устойчивость, с одной стороны, а с другой стороны. Сравнение со словарными значениями этой лексемы выявило, что в текстах реализуется проявление помилования как полное освобождение от наказания. Причем формы подобного помилования могут быть разными. Это

- акт помилования,
- ходатайство о помиловании.

Именно присутствие этих форм указывает на процесс адаптации данного термина в юридических текстах. Правовые тексты на русском языке реализуют подобное понимание помилования, демонстрируя адаптацию этого термина к стилю текста.

Сопоставление полученных способов выражения понимания помилования в английских и русских юридических текстах показало сходство адаптации выделенных нами терминов при использовании в текстах посредством сохранения лишь ряда значений, установленных юридическими словарями. Что касается английских текстов, то там отмечается присутствие и других лексем, которые выступают в виде синонимов самых частотных лексем и по своей сути являются юридическими терминами. А в русских текстах адаптация лексемы-термина выражается в ее единичном употреблении. Подобные выводы указывают на необходимость дополнительной разработки заявленной проблемы, что, вне всякого сомнения, подтверждает на актуальность заявленной темы исследования и составляет перспективу ее дальнейшей разработки.

Литература

1. Волкова Е.А. Техника юридического письма: учеб. пособие. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2017. 51 с.
2. Иркова А.В. Предъюрисдикционные и юридические смыслы лексемы «гражданин» в общественно-политическом дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2019. №3. С. 215–224.
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
4. Ракитина М.В. Интенциональное содержание юридического текста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2. С. 107–110.
5. Спесивцева В.С. Языковая картина мира как ключ к пониманию этимологии фразеологизмов // Язык, культура, познание, коммуникация. 2015. С. 114–119.
6. Томин В.А. Юридическая техника: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 84 с.
7. Тычинский, В.Ю. Правовые и организационные основы обеспечения безопасности персонала уголовно-исполнительной системы. М.: Высшая школа, 1999. 222 с.

Список анализируемых источников

- 1* Консультант плюс. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 12.11.20)
- 2* Консультант плюс. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34674/ (дата обращения 12.11.20)
- 3* Legislation. Gov.uk. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2018/14/part/3> (дата обращения 10.11.20).
- 4* UKGovernment. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gov.uk/government/news/thousands-officially-pardoned-under-turings-law> (дата обращения 10.11.20)

Список словарей

- 1** Юридический словарь [Электронный ресурс] // URL: <https://juridical.slovaronline.com/4490-POMILOVANIE>(дата обращения 10.11.20).
- 2** Meriam-Webster's Law Dictionary [Электронный ресурс] // URL:<https://www.merriam-webster.com/legal> (дата обращения 12.03.19).
- 3** Oxford Dictionary of Law [Электронный ресурс] // URL:<https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199551248.001.0001/acref-9780199551248> (дата обращения 12.03.19).

LEGAL ENGLISH AND RUSSIAN TEXTS OF THE 21ST CENTURY AS A PIECE OF LINGUACULTURAL UNDERSTANDING OF *PARDON*

L.G. Popova
E.N. Parfenenko

Abstract. The article examines the linguistic status of a legal text. It provides a brief overview of the existing classifications of legal texts and, with the help of the method of continuous sampling, reveals the presence of certain lexemes in modern English and Russian legal texts that can add to the understanding of the act of pardoning from the point of view of legal linguistics. On the basis of quantitative data, it proves that in English legal texts the lexeme “pardon” is the most frequent one, while lexemes with a similar meaning, such as “clemency” and “forgiveness”, are less common. In Russian texts, the meaning of pardon is rendered only by the lexeme “pardon”.

Comparing interpretations of the act of pardoning in English and Russian legal texts it has been revealed that they have common features. Both the English and Russian texts provide a detailed list of reasons for pardoning and the term “pardon” is used there in its dictionary meaning, namely, as “a type of legal act”. Nevertheless, these acts differ in details, which can be accounted for by the difference in the legal systems of Great Britain and Russia.

Key words: legal linguistics; modern legal texts; English language; Russian language; adaptation

Попова Л.Г.

профессор кафедры германистики и лингводидактики института иностранных языков Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук, профессор
тел.: +7 (960) 664 8980
e-mail: larageorg5@gmail.com

L.G. Popova

Professor of the Germanic Philology and Linguodidactics, Moscow City Teacher Training University, Doctor of Philology
Mobile: +7 (960) 664 8980
e-mail: larageorg5@gmail.com

Парфененко Е.Н.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков РГУП, аспирант МГПУ
тел.: +7 (926) 546 6443
e-mail: milenik@mail.ru

E.N.Parfenenko

Senior teacher faculty of foreign languages in the Russian State University of Justice, postgraduate student of the Moscow City Teacher Training University
mobile: +7 (926) 546 6443
e-mail: milenik@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМЫ EXPRESS DIGIBOOKS ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Прокофьева В.А.
АНО ДО «Интерлингва»

Аннотация. В статье представлен обзор подходов к контролю и оцениванию знаний учащихся с позиций отечественной и зарубежной методики. Особое внимание уделено возможности реализации коммуникативного подхода к оцениванию с применением онлайн-технологий, что в современных условиях видится весьма актуальным. В статье подчеркивается, что контроль должен стать инструментом управления обучением. В рамках реализации такого принципа коммуникативной методики, как индивидуализация, необходим дифференцированный контроль. Среди инструментов контроля, которыми должен владеть учитель (открытый контроль, скрытый контроль, коррекция, наблюдение, учет, оценка и отметка) и ученик (самоконтроль, взаимоконтроль, самооценка, взаимооценка), автор выделяет те, которые могут быть использованы в ходе онлайн или смешанного обучения. В частности, рассматривается, как современная интернет платформа Express DigiBooks может быть использована для осуществления контроля и оценивания знаний учащихся. Платформа предлагает инструменты для осуществления открытого, скрытого и дифференцированного контроля (progress, progress report, gamification), позволяет педагогу оценить успешность выполнения заданий, выяснить, где возникли трудности и обратить внимание на их устранение на последующих занятиях. Также отмечается, что платформа Express DigiBooks позволяет развивать навыки самоконтроля и самостоятельности учащихся, которые могут сделать несколько попыток при выполнении заданий и оценить свой прогресс. Делается вывод о целесообразности использования интернет платформы Express DigiBooks для осуществления управления учебным процессом и контроля в условиях дополнительного иноязычного образования.

Ключевые слова: контроль, оценивание, самооценка, взаимооценка, тестирование, суммирующее и формирующее оценивание, обратная связь, интернет-платформа Express DigiBooks, геймификация

Проблема оценивания и контроля знаний, умений и навыков учащихся в иноязычном образовании всегда являлась актуальной. Формы и объекты контроля и оценивания, необходимость контроля, открытость контроля, влияние оценки на эмоциональное состояние учащихся были и остаются предметами дискуссий среди отечественных и зарубежных методистов. В настоящее время актуальность данной проблемы еще более увеличилась в связи с временным и частичным переходом на онлайн и смешанное обучение.

Согласно коммуникативной методике, разработанной профессором Е.И. Пассовым, проблема оценивания и контроля – это проблема управления обучением. Преподаватель должен уметь определять актуальность контроля и его характер, концентрировать внимание на конкретных объектах учебного процесса, вычленив их из общей цели и превращать в объекты контроля, оценивать учебную ситуацию во всем ее многообразии, делать правильные выводы на основании результатов оценивания и вносить необходимые коррективы в учебный процесс. Оценивание и контроль позволяют педагогу иметь представление об исходном уровне учащихся и о конечном результате, поддерживать постоянную обратную связь с учащимися [1, с.319].

Многие ученые не раз подвергали существующую систему оценивания, основанную на пятибалльной системе отметок, критике. Например, Ю.К. Бабинский пишет, что отметка вызывает «снижение самостоятельности, формализм, страх, стрессы, влияние на весь уклад жизни и учебы, эмоциональную напряженность мыслительной деятельности» [2, с.37-38]. Е.И. Пассов называет среди недостатков балльной системы «1) отсутствие образа (эталоны) для сравнения; 2) осложнение отношений между учителем и учащимися (ученик привыкает видеть в учителе не речевого партнера, а контролера, которого иногда можно обхитрить и обмануть); 3) отвлечение учителя от основных обязанностей учить, а не контролировать; 4) превращение урока в скучное выпрашивание и т. д.» [1, с.315]. Также среди недостатков традиционной системы оценивания И.А. Зимняя называет формирование несамостоятельности и иждивенчества, так как учащиеся привыкают, что их ошибки постоянно исправляет учитель, и полностью «снимают с себя ответственность за реализацию собственной программы» [1, с.315].

Е.И. Пассов разделяет инструменты контроля и оценивания на те, которыми должен владеть учитель (открытый контроль, скрытый контроль, коррекция, наблюдение, учет, оценка, отметка) и ученик (взаимооценка, взаимоконтроль, самооценка, самоконтроль). Контроль должен быть растворен в системе обучения, на занятиях должен преобладать скрытый контроль, а учащиеся должны постепенно переводиться на систему самоконтроля [3, с.210-211].

Качество и уровень владения речевой деятельностью неразрывно связаны и зависят от степени сформированности у учащихся самоконтроля. В научной литературе самоконтроль рассматривается как:

- 1) свойство личности,
- 2) акт умственной деятельности,
- 3) компонент учебной деятельности,
- 4) умение осуществлять саморегуляцию,
- 5) метод саморегуляции поведения, деятельности.

Все названные аспекты самоконтроля формируются и функционируют в единстве и взаимосвязи в рамках контроля и системы обучения в целом, в которой ведущее место отводится учительскому контролю. Развитие самоконтроля у учащихся должно выступать в качестве важного объекта целенаправленного формирования. Чтобы научиться осуществлять самоконтроль, учащиеся должны осознать учительский контроль и взаимоконтроль как объективные явления педагогического процесса. Лишь после этого учащиеся смогут осуществлять самонаблюдение, самоанализ, самокоррекцию и самооценку – действия, составляющие механизм самоконтроля. Степень совершенства самоконтроля характеризуется несколькими уровнями: от полной неспособности анализировать качество выполняемой деятельности до способности определять зону затруднений, осознавать объект затруднений, выбирать способ коррекции, применять его и сверять с эталоном. Таким образом, способность включать механизмы самоконтроля в процессе учения – условие успешной реализации речевой деятельности.

Е.И. Пассов выделяет следующие параметры контроля – адекватность объектов контроля, валидность приемов контроля, скрытость приемов контроля для учащихся и открытость для педагога. Кроме того, для получения максимально объективных результатов контроля необходима разработка четких критериев оценивания и соотношения оценки и отметки. К примеру, для оценивания умения говорить необходимо сначала определить, какую из его сторон учителю нужно оценить. Если это самостоятельность, то тогда основным критерием станет способность учащегося высказаться без

опор. Если это целенаправленность, то критерием становится, насколько содержание высказывания учащегося соответствует поставленной цели [3, с.213-214]. Если же объектом контроля становятся лексические и грамматические навыки говорения, то и критерии оценивания будут иными, так как здесь на первый план выходит лексическая и/или грамматическая корректность высказывания. Также важно отметить, что контроль должен стать неотъемлемой частью учебного процесса, а в самой программе обучения должна быть заложена профилактика ошибочной деятельности.

Очень важной частью контроля и оценивания является домашнее задание. По мнению Е.И. Пассова, оно должно иметь речевую направленность, быть четким и конкретным, быть итогом того, что сделано на данном уроке и служить «стартовой площадкой» для освоения материала на последующем уроке [1, с.322].

В современных публикациях выделяют следующие функции контроля. Диагностирующая функция контроля заключается в том, чтобы своевременно обнаружить успешность или неуспешность учения и в зависимости от обнаруженных результатов строить дальнейшую обучающую деятельность. Содержанием диагностической функции является не только измерение достижений в учебной деятельности, но и анализ причин ее неуспешности. Крайне важной функцией, реализующейся в процессе контроля, является управленческая. Она проявляется в руководстве учением на основе планируемого учебного взаимодействия учителя и учащихся (так называемый принцип обратной связи). Учительский контроль как средство управления процессом овладения иностранным языком основным объектом имеет процесс формирования самоконтроля. Корректирующая функция контроля реализуется в двух направлениях: коррекция обучающихся упражнений и достижение адекватности приемов контроля учебным задачам. Суть обучающей функции контроля сводится к тому, что содержание, приемы и методика контроля должны носить обучающий характер. Любое контролирующее задание упражняет учащихся в выполнении определенных учебных действий, тем самым, способствуя более прочному овладению этими действиями. Стимулирующая и мотивирующая функции дают учащимся возможность получить удовлетворение от результатов своего труда и желают всегда быть успевающими в учебе. Еще одна функция контроля, которую необходимо упомянуть – оценочная функция. Деятельность взаимодействующих сторон на уроке нуждается в оценке, и в первую очередь это касается учащихся. Для учащихся оценка их деятельности может быть выражена в конкретной форме. В ряде случаев отпадает необходимость в отметке и возникает целесообразность в общей вербальной оценке [3, с.219-220].

В зарубежной методике также уделяется значительное внимание проблеме оценивания знаний учащихся. В первую очередь поднимается вопрос о необходимости оценивания достижений учащихся. Энди Бакстер выделяет следующие причины необходимости оценивания результатов учебной деятельности – чтобы проверить, соответствуют ли знания и умения учащихся определенным стандартам; чтобы выяснить, является ли программа обучения успешной и/или есть необходимость в коррекции; чтобы помочь учащимся в процессе обучения [4, p.7].

В зарубежной методике существует ряд классификаций оценивания. Так, существует разделение на формальное и неформальное оценивание. Неформальное оценивание – это комментарии преподавателя, смайлики, наклейки, коррекция ошибок, то есть те средства, которые может использовать преподаватель во время занятий в ежедневной практике. Формальное оценивание – это результаты тестов и экзаменов, которые выставляются в журналы и могут быть использованы для статистического анализа достижений учащихся [5, p.5-6].

Зарубежные методисты уделяют особое внимание влиянию оценивания и тестирования на учебный процесс. Они отмечают, что тестирование может иметь как положительный эффект и способствовать позитивным изменениям, основанным на анализе его результатов, так и отрицательный эффект, так как и учащиеся, и преподаватели уделяют больше внимание не овладению речевыми навыками и умениями, а подготовке к экзамену или тесту, технике решения тестовых заданий [6, p.10-11].

Еще одна классификация оценивания, принятая в зарубежной методике, — это разделение на суммирующее и формирующее оценивание. Формирующее оценивание – оценивание учащихся в процессе формирования навыков и компетенций с целью оказания им помощи в процессе овладения иностранным языком. Ключевым для формирующего оценивания является постоянное поддержание обратной связи между педагогом и учащимися, что помогает определить и устранить возникшие трудности и максимально эффективно работать над развитием речевых умений. В процессе формирующего оценивания выносятся суждения о качестве протекания учебной деятельности, о степени активности учащихся. Формирующее оценивание позволяет вносить коррективы в процесс обучения и проводить профилактику ошибочной деятельности. Практически любое действие педагога, связанное с неформальным оцениванием, является также и оцениванием формирующим (поддержание обратной связи во время занятия, коррекция ошибок, обучение учащихся приемам само- и взаимоконтроля и т. п.). Суммирующее или итоговое оценивание имеет целью измерить и подвести итог тому, что учащиеся усвоили после окончания четверти, семестра, года или определенного раздела курса [7, p.87]. В качестве примеров можно назвать экзамены, финальные тесты и контрольные работы. Обычно отношение к такому оцениванию достаточно негативное, и Дуглас Браун утверждает, что необходимо изменить этот подход, чтобы тестирование вместо стресса для учащихся стало очередной возможностью научиться чему-то новому, освоить новые навыки [5, p.7-8].

В 1980-е годы в зарубежной методике сторонники коммуникативного подхода заявили о необходимости пересмотра подхода к оцениванию, так как, по их мнению, традиционные тесты проверяют знания языка, а не умения применять его конкретной жизненной ситуации. В дальнейшем многие авторы заявляли о необходимости оценивания коммуникативной компетенции. Однако это вызвало большие сложности при создании тестов, отборе заданий и определении критериев оценивания.

Однако, несмотря на вышеупомянутые трудности, тестирование выходит на первый план в оценивании знаний учащихся. Дуглас Браун выделяет следующие параметры теста – практичность (тест не должен занимать много времени, быть простым для организации и удобным для проверки и оценки), надежность (человеческий фактор в идеале не должен влиять на результаты теста, они должны быть объективными), валидность (насколько достоверны результаты теста), аутентичность (какова вероятность столкнуться с подобными заданиями в «реальном мире»), эффект обратной связи (влияние тестирования на процесс обучения), отсутствие отрицательного влияния на учащихся (тестирование не должно быть стрессом для учеников, этого очень сложно достичь) [5, p.30].

Помимо тестирования и балльной системы оценивания современная методика предлагает учителям альтернативные методы оценивания. Среди них хотелось бы выделить языковое портфолио, проектную работу, ведение языкового журнала (он может быть диалоговым, грамматическим и т.п.), языковые конференции и интервью. Среди положительных сторон вышеупомянутых методов оценивания хотелось бы назвать

увеличение внутренней мотивации учащихся, наличие видимого результата работы, индивидуализацию учебного процесса, развитие критического мышления, само- и взаимооценки и умения работать в команде, возможность оценить владение иностранным языком сразу в нескольких аспектах. Однако зачастую портфолио и проекты превращаются в сборник рисунков или презентаций, и учащиеся не всегда понимают, зачем они выполняют эти задания. Чтобы этого не происходило, педагогу нужно четко сформулировать цели и задачи, дать инструкции выполнения и критерии оценивания портфолио или проекта, которые должны быть открыты для учащихся. В целом считается, что такие методы оценивания, как портфолио, языковой журнал, интервью, проект, имеют малую практичность и надежность, так как высока вероятность субъективной оценки, однако высокую валидность [5, p.252 – 254].

К альтернативным методам оценивания Дуглас Браун также относит наблюдение (со стороны учителя) и само- и взаимооценку (со стороны учеников). Он предлагает использовать для осуществления как наблюдения, так и само- и взаимооценки такой прием, как контрольные листы. Контрольные листы могут быть составлены в зависимости от конкретных задач. Например, если преподавателю нужно оценить, насколько хорошо сформированы грамматические навыки говорения при употреблении времен Present Simple/Present Continuous, может написать на листе возможные ошибки и отмечать, как часто учащиеся их делают при работе в парах/группах, а в дальнейшем дать обратную связь [5, p.272]. Учащимся в контрольных листах можно предложить оценить степень овладения различными навыками и умениями (например, можно предложить заполнить таблицу с подзаголовками «я умею..., я научился..., я хотел бы научиться...»). Многие современные УМК предлагают подобные контрольные листы в конце учебных модулей. Разумеется, объективность самооценки и взаимооценки учащихся можно ставить под сомнение, однако если их этому не учить специально, данные навыки могут так и остаться несформированными.

В дополнительном иноязычном образовании вопрос оценивания знаний учащихся решается в каждой организации в результате совместной работы преподавателей и администрации. Зачастую происходит отказ от традиционной пятибалльной системы оценивания. Например, в школе иностранных языков «Интерлингва», где автор в данный момент работает, на первое место выходит формирующее оценивание и скрытый контроль. Основное внимание уделяется профилактике ошибок на занятиях и обратной связи с учащимися. Однако имеет место и итоговое тестирование, которое проводится после изучения двух модулей учебника. Оно позволяет сделать выводы об успешности прохождения программы и иметь статистические данные об успешности обучения.

В условиях временного перехода на дистанционное и смешанное обучение вопрос о формирующем оценивании и текущем контроле стоит достаточно остро, и все чаще эта проблема решается при помощи использования современных информационных технологий. В данной статье хотелось бы проанализировать результаты применения интернет платформы Express DigiBooks для контроля и оценивания учащихся [1*]. Эта платформа является частью УМК On Screen.

Интернет платформа Express DigiBooks предоставляет педагогу ряд инструментов для контроля и оценивания знаний учащихся. В первую очередь, это возможность автоматизированной выдачи и проверки домашних заданий. В разделе «Домашние задания» (Assignments) на платформе учитель может выбрать те задания, которые необходимо выполнить для проверки усвоения материала на занятии. Дома учащиеся увидят их на своих устройствах и смогут выполнить. Здесь хотелось бы отметить, что при выполне-

нии заданий учащиеся смогут сделать несколько попыток, если первая попытка была неудачной, у них есть возможность проанализировать свои ошибки и выполнить задание снова, что способствует развитию навыков и умений самооценки. В свою очередь учитель в разделе «Достижения» (Progress) на платформе может отслеживать, насколько успешно учащиеся справляются с заданиями, сколько попыток им требуется для выполнения того или иного задания и как меняется результат в зависимости от количества попыток. Результаты показываются в процентном соотношении, а не по привычной пятибалльной системе, что допускается в дополнительном иноязычном образовании и позволяет делать более точные выводы об успехах учащихся.

Интернет платформа дает возможность оценивать, насколько успешно учащиеся овладели грамматическими конструкциями и лексическими единицами, а также уровень развития умений в рецептивных видах речевой деятельности. Именно они становятся объектами контроля. Так как оценивание происходит автоматически, это позволяет значительно сэкономить время на проверку домашних заданий на занятиях (от 10 до 20 минут на каждом занятии). Однако платформа не дает оценку продуктивных видов речевой деятельности, оценивание заданий по говорению и письму по-прежнему остается прерогативой педагога.

Платформа Express DigiBooks позволяет сформировать цифровой отчет об успешности выполнения заданий в различных видах речевой деятельности (Progress Report). Такой отчет может быть сделан по каждому ученику отдельно, для группы в целом, а также для школы. Платформа позволяет увидеть и распечатать отчет в формате pdf. Таким образом, учитель может осуществлять как открытый контроль (учащиеся и/или их родители могут получить отчеты о достижениях (progress reports) в распечатанном виде или по электронной почте), так и скрытый контроль (педагог, не показывая отчеты учащимся, может скорректировать процесс обучения, определить, какие лексические единицы и грамматические конструкции уже усвоены, какие навыки уже сформированы в достаточной степени, а какие навыки и умения требуют дальнейшей работы, чему стоит уделить больше внимания). Результаты в отчете также даются в процентном соотношении.

На базе платформы Express DigiBooks может проводиться модульное, полугодовое и годовое тестирование. Тесты загружаются в особый раздел на платформе. Время на выполнение тестирования и количество попыток могут быть ограничены. Это позволяет значительно сэкономить аудиторное время и потратить его на развитие продуктивных речевых умений.

Интернет платформа Express DigiBooks предоставляет не только инструменты для контроля преподавателю, но и инструменты для самоконтроля учащимся, которые в разделе «Достижения» (Progress) в своем профиле могут увидеть, насколько успешно они справились с заданием и при необходимости повторить попытку. У ребят, привыкших к пятибалльной оценке в общеобразовательной школе, часто возникает вопрос, как соотносятся результаты в процентах, которые они видят на платформе, с привычными им оценками. Для того, чтобы помочь им разобраться в ситуации, в нашей организацией дополнительного образования была принята следующая система соотношения результатов в процентах с пятибалльной системой – 100%-85% – оценка «5», 84%-75% – оценка «4», 74%-65% – оценка «3», ниже 65% – неудовлетворительная оценка.

При использовании интернет платформы Express DigiBooks особенно остро встает вопрос, насколько мы можем доверять учащимся, так как мы можем столкнуться с рядом проблем. Во-первых, учащиеся могут выполнять задания методом проб и ошибок,

без применения мышления. Таким образом, эффективность использования платформы существенно снижается в первую очередь для ученика. Нельзя сказать, что платформа становится полностью неэффективной, так как учащийся все равно работает с лексическими единицами и грамматическими конструкциями, и повторяет заданный материал, но с гораздо меньшим успехом. Однако таких учащихся можно отследить, так как количество попыток выполнения заданий у них обычно существенно выше, и решить проблему индивидуально при помощи повышения мотивации к изучению иностранного языка. Во-вторых, мы можем столкнуться с проблемой «списывания», когда учащиеся стремятся получить высокий балл во что бы то ни стало и пытаются в сети Интернет найти правильные ответы и вписать их в задания на платформе. Однако ответов на задания к учебным пособиям Express Publishing, которые мы используем, в открытом доступе нет, соответственно учащиеся вынуждены работать со словарями и грамматическими справочниками, чтобы уточнить правильность ответа. Таким образом, мы получаем возможность дополнительно развить умение работать со справочным материалом.

Для повышения уровня мотивации учащихся интернет платформа Express DigiBooks также предоставляет довольно интересные и эффективные инструменты, такие как геймификация. Геймификация (или игрофикация) позволяет превратить учебный процесс в увлекательное занятие, связанное с выполнением миссий, преодолением трудностей, решением задач, казалось бы, не связанных с обучением. Геймификацию часто путают с использованием игр на уроках, однако это не совсем так. Это понятие можно определить следующим образом — применение игровых методов для достижения целей, не связанных с содержанием игры, таких как повышение мотивации, улучшение производительности труда, отработка навыков [8]. Методы геймификации используются в разных областях, таких как занятия спортом, поддержание корпоративной культуры. Все более популярной становится геймификация образовательного процесса [9].

Многие ученые считают геймификацию важным инструментом для повышения мотивации учащихся. Так, Д. Шаффхаузер выделяет следующие преимущества данной технологии – связь личного опыта учащихся с обучением (использование игровой среды с моделированием изучаемых ситуаций, явлений); соревновательный дух и здоровая конкуренция; развитие умения работать в команде; развитие системного мышления [10].

Однако противники геймификации считают ее лишь современной интерпретацией традиционного метода «кнута и пряника» и видят в ней ту же традиционную систему оценивания, помещенную в более красивую оболочку. Они выделяют следующие негативные последствия применения геймификации в образовании – возможность формирования психологической зависимости от игры (как и в случае с компьютерными играми); преобладание внешней мотивации над внутренней; непонимание учащимися целей игры (многие сосредотачиваются на получении наград, а не на процессе обучения) [9].

Платформа Express DigiBooks предлагает для организации геймификации как на занятиях, так и при выполнении домашнего задания, следующие инструменты – прохождение миссий и получение значков. Дизайн значков и названия достаточно хорошо продуманы для выполнения мотивирующей функции – на платформе мы можем увидеть такие значки, как Spell-o-bot (Бот правописания), Homework Hero (Герой домашнего задания), Reading Star (Звезда чтения), Grammar Master (Мастер грамматики) и т. д., которые позволяют дать оценку учебным достижениям учащихся, а также Never Giving Up (Никогда не сдающийся), Great Helper (Великий помощник), Star Actor (Звездный актер), Focus Legend (Легенда концентрации) и т. д., которые дают возможность оценить и сти-

мулировать такие немаловажные для изучения иностранного языка качества, как умение работать в команде, внимание, умение концентрироваться и трудолюбие. Таким образом, мы видим, что значки могут быть использованы для оценивания достижений учащихся в различных видах речевой деятельности, поведения учащихся на занятиях. Кроме того, значки могут служить инструментом для дифференцированного оценивания.

Однако при оценивании знаний учащихся при помощи значков преподавателю важно не впасть в крайность и не начать «раздавать их направо и налево». Из большого количества имеющихся на платформе значков необходимо отобрать те, которые будут наиболее эффективны для мотивации учащихся в конкретной группе. Также должны быть разработаны четкие критерии, необходимые для получения того или иного значка. Например, для того чтобы заслужить значок Reading Star, необходимо безошибочно читать вслух на занятиях в течение недели, или выполнять задания по чтению на платформе с результатом выше 85%. А для получения значка Homework Hero нужно справиться с домашними заданиями с высоким результатом в течение определенного промежутка времени. Эти критерии должны быть открытыми как для педагога, так и для учащихся, которые должны понимать, что им необходимо сделать для получения того или иного значка. Это важно для формирования умений адекватной самооценки и взаимооценки у учащихся. В противном случае вся идея получения значков может быть дискредитирована в глазах учащихся, и вместо инструмента мотивации платформа может стать очередным способом формального оценивания.

Все вышеперечисленные инструменты интернет платформы Express DigiBooks можно использовать как в условиях очного, так и в условиях дистанционного обучения. Задания на платформе можно выполнять в аудитории, так как ее можно открыть на различных устройствах, во время онлайн конференции, а также во внеурочное время. Следовательно, данная платформа является достаточно гибким инструментом в руках преподавателя.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Платформа Express DigiBooks обеспечивает преподавателя большим разнообразием инструментов для осуществления открытого и скрытого контроля и оценивания учащихся, позволяет сэкономить время на проверке домашних заданий в аудитории, а также способствует развитию самостоятельности учащихся и навыков самоконтроля. Следовательно, использование интернет платформы Express DigiBooks представляется целесообразным в дополнительном иноязычном образовании, особенно в условиях онлайн и смешанного обучения.

Литература

1. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса Пресс, 2010. 640 с.
2. Бабинский Ю.К. Оптимизация процесса обучения. М., 1977. 256с.
3. Мастерство и личность учителя: На примере преподавания иностранного языка / Е.И. Пассов [и др.] М.: Флинта: Наука, 2001. 240с
4. Andy Baxter. Evaluating Your Students. London: Richmond Publishing, 1997. 96 p.
5. Н. Douglas Brown. Language Assessment Principles and Classroom Practices. London: Pearson, 2010. 400 p.
6. Washback in Language Testing. Research Contexts and Methods. Edited by Liying Cheng, Yoshinori Watanabe, Andy Cirtis. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. 260 p.

7. Testing English. Formative and Summative Approaches to English Assessment. Continuum Internal Publishing Group, 2011. 157p.

8. Олейник Ю.П. Игрофикация в образовании: к вопросу об определении понятия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20103> (дата обращения: 10.12.20).

9. Пахомова Т.Е. Геймификация как средство подготовки студентов педагогического колледжа к решению профессиональных задач. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. №6 (65) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-kak-sredstvo-podgotovki-studentov-pedagogicheskogo-kolledzha-k-resheniyu-professionalnyh-zadach#ixzz4XnQPYO9I> (дата обращения: 10.12.20).

10. Dian Schaffhauser. 5 Skills That Games Teach Better Than Textbooks [Электронный ресурс] // Education World®. 2014. URL: <https://thejournal.com/articles/2014/11/05/5-skills-that-games-teach-better-than-textbooks.aspx> (дата обращения: 11.12.20).

Список источников примеров

1* Express DigiBooks// Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://www.expressdigibooks.com> (дата обращения: 12.12.2020)

USING INTERNET PLATFORM EXPRESS DIGIBOOKS TO ASSESS STUDENTS' SKILLS IN VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Varvara F. Prokofeva
Foreign Language School «Interlingua»

Abstract. The article presents an overview of various approaches used to assess students' FL skills in Russian and foreign language teaching methodology. Special attention is paid to the assessment in communicative language teaching using modern online technologies. It is emphasized that assessment and evaluation should become useful tools of classroom management. It is stressed that evaluation strategies used in teaching should be individually oriented. Among the assessment tools for teachers (summative and formative assessment, error correction, observation, statistics, evaluation and grades) and students (self-assessment, peer assessment), the author gives an insight to the tools which can be used in online and hybrid teaching and learning. In particular, the article observes how modern Internet platform Express DigiBooks can be used in assessing and evaluating students' achievements. The platform offers a number of tools for summative and formative assessment and evaluation, such as Progress, Progress Report, Gamification, which allow the teacher to evaluate how successful the students were, identify the problematic areas and cope with them during the lessons to follow. Besides, it is foregrounded that platform Express DigiBooks allows to improve self-assessment skills of students, as they are allowed to make several attempts in doing tasks each time evaluating their progress. It is concluded that the platform Express DigiBooks is quite useful in assessing students work in vocational foreign language education.

Key words: control, assessment, self-assessment, peer assessment, testing, summative and formative assessment, feedback, Internet platform Express DigiBooks, gamification

Прокофьева Варвара Александровна

Преподаватель

АНО ДО «Интерлингва»

тел.: +7 (904) 213 1281

e-mail: prokofeva@interlingua.edu.ru

Varvara F. Prokofeva

Teacher

Foreign Language School «Interlingua»

mobile: +7 (904) 213 1281

e-mail: prokofeva@interlingua.edu.ru

ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЛАЧНОГО ОКРУЖЕНИЯ ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА MEMSOURCE В РАМКАХ УЧЕБНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

О.Н. Ракина

Воронежский государственный университет

Аннотация. Облачные технологии и программы translation memory являются необходимыми рабочими инструментами современного переводчика, позволяя ему работать быстрее, эффективнее, сокращая время на механическую работу и делая его конкурентоспособным на сегодняшнем рынке труда. В докладе сообщается о первом опыте использования облачного окружения для автоматизированного перевода Memsource в рамках учебной переводческой практики студентов специалитета (8 семестр).

Ключевые слова: Memsource, translation memory, память переводов, переводоведение, преподавание письменного перевода, переводческая практика, облачный сервис

Современный мир совершенно неоднозначно требует от переводчика владения программным обеспечением для выполнения перевода, от этого напрямую зависит его эффективность и успешность. Облачные технологии и программы translation memory являются необходимыми рабочими инструментами современного переводчика, позволяя ему работать быстрее, эффективнее, сокращая время на механическую работу и делая его конкурентоспособным на рынке труда. Постоянно разрабатываются новые инструменты, которые переводчик должен осваивать нередко самостоятельно. Поэтому крайне важно знакомить студентов с существующими программами и платформами, которые могут им потребоваться в профессиональной деятельности, в первую очередь для того, чтобы создать у них представление о принципах и логике организации таких программ, что в будущем упростит для них освоение новых электронных средств и сред.

В данной статье сообщается о первом опыте использования облачного окружения для автоматизированного перевода Memsource в рамках учебной переводческой практики студентов специалитета (8 семестр) отделения переводоведения кафедры немецкой филологии ВГУ.

Memsource – облачная переводческая система памяти переводов, включающая блок управления проектами и CAT-редактор, в котором работает переводчик. Система позволяет работать сразу нескольким переводчикам над одним проектом, пользуясь общей памятью переводов и глоссариями. Кроме того, предусмотрено управление проектами, распределение заданий, контроль за их выполнением и т.д. Несомненно, функциональный потенциал Memsource значительно шире, мы отметим лишь те моменты, которые важны с дидактической точки зрения.

Согласно опросам среди переводческих компаний из России и Украины, это второй по востребованности из более двух десятков профессиональных инструментов памяти переводов в арсенале русскоязычных агентств и альтернатива номер один для Trados различных версий [1].

В практике преподавания письменного перевода обращение к Memsource создает ряд интересных возможностей. Компания предоставляет университетам бесплатный доступ для обучения студентов (версия Academic). Кроме того, студенты и начинающие переводчики могут бесплатно получить доступ к версии Personal. Еще одним су-

существенным преимуществом является доступность обучающих роликов по работе в Memsource как для переводчиков, так и для менеджеров проектов – т.е. и преподаватели, и студенты могут самостоятельно пройти обучение. Студенты могут бесплатно пройти онлайн-обучение с использованием официальных видеозаписей, сдать тест по функциональности Memsource и получить официальный сертификат от компании [2]. Это предоставляет начинающим специалистам без опыта работы конкурентное преимущество и может помочь им в трудоустройстве.

Версия Academic позволяет студентам получить навыки не только перевода, но и управления проектами: преподаватели могут предоставить своим студентам функции администратора и поручить создавать проекты, распределять задания, контролировать и координировать взаимодействие переводчиков в системе. Кроме того, в системе может работать неограниченное число пользователей каждого университета: изменить число зарегистрированных студентов просто и совершенно бесплатно. С технической точки зрения система также удобна: она не требует обязательной установки, возможна работа также в браузере и мобильной версии. Это важно в ситуации дистанционного обучения; кроме того, современный стиль жизни предполагает высокую мобильность, гибкость и отсутствие привязки к одному рабочему месту, и Memsource позволяет работать над переводом в любое время в любом месте.

Интерфейс рабочей среды программы представляет собой поле, разделенное на две вертикальные части, где слева расположен текст оригинала, а справа – текст перевода, так же, как это сделано, например, в Trados. На стартовой странице переводчик может видеть срок сдачи перевода и динамику работы (сколько процентов перевода выполнено).

В рамках переводческой практики студенты 4 курса выполняли реальный переводческий заказ русской производственной компании на локализацию сайта компании. Перевод осуществлялся в облачной системе Memsource. Один из преподавателей взял на себя функции менеджера. Студенты смогли пройти все этапы работы над проектом от получения заказа на электронную почту и до сдачи перевода. Весь материал сайта был разбит на задания, студенты работали каждый над своим фрагментом. Ими была создана общая база памяти переводов и глоссарий, которым пользовалась вся группа, что позволило избежать разнобоя при передаче имен, названий предприятий и организаций, и также преодолеть одну из существенных проблем при командной работе над одним проектом – выбор разных вариантов перевода одного термина: благодаря единой базе данных терминология была переведена единообразно. Координатор мог видеть, какой объем работы каждый из студентов успел выполнить и как продвигается работа. И преподаватель («руководитель проекта»), и студенты («переводчики») могли следить за сроками выполнения работы. В итоге перевод был выполнен и сдан заказчику вовремя.

Функционал сервиса позволяет познакомить студентов не только с работой в роли переводчика, но и менеджера. Преподаватель может передавать свою роль руководителем проекта любому из студентов. В таком случае студенты могут освоить другие функции программы: создание проекта, распределение и координация работы и контроль за ее выполнением.

Внедрение работы с облачной переводческой системой памяти переводов Memsource оказалось очень ценным опытом, который был оценен положительно и коллегами, и студентами. Студенты смогли прожить весь рабочий цикл одного задания в ситуации, приближенной к реальной, погрузиться в профессиональную среду, получить практический опыт взаимодействия с руководителем и коллегами. Поскольку они работали в группах, были задействованы навыки командной работы, тайм-менеджмента, ор-

ганизаторские способности, способность к самоорганизации, быстрому самообучению и адаптации к новым условиям. Таким образом они смогли проверить и применить, а также развить soft skills, востребованные на современном рынке труда. Кроме того, они получили технические профессиональные навыки, необходимые на рынке труда. Это повышает их мотивацию к обучению, позволяет почувствовать себя более уверенно и в лучшей степени подготовленными к работе. Кроме того, это расширяет их возможности в плане трудоустройства: во-первых, потому что они получают новые профессиональные навыки, во-вторых, для них становится менее существенным географический фактор, т.к. работа в облачных сервисах абсолютно возможна дистанционно. Все это позволяет сделать вывод о несомненной целесообразности и ценности работы с подобными сервисами в учебном процессе.

Литература

1. Memsource Cloud – среди востребованных CAT-инструментов в России. URL: <https://www.memsource.com/ru/blog/memsource-cloud-2nd-most-popular-in-russia/> (дата обращения 15.12.2020).

2. Персонализированное обучение Memsource. URL: <https://www.memsource.com/ru/trainers/> (дата обращения 15.12.2020).

EXPERIENCE OF USING THE CLOUD-BASED COMPUTER ASSISTED TRANSLATION TOOL MEMSOURCE IN THE FRAMEWORK OF PRACTICAL TRANSLATION TRAINING

O.N. Rakitina
Voronezh State University

Abstract. Cloud-based technologies and translation memory programs are essential working tools for translators today. They allow working faster and more efficiently, reduce time spent on mechanical tasks and provide translators with a competitive edge on the labor market today. The report presents the first experience of using the cloud-based computer assisted translation tool Memsource in the framework of practical translation training for specialist's degree students (8 semester)

Key words: Memsource, translation memory, translation studies, CAT-tools, translation practice, cloud service

Ракитина О.Н.,

Воронежский государственный
университет
Кафедра немецкой филологии, доцент
тел: +7 (910) 343 5305
e-mail: olga.rakitina2012@gmail.com

O. N. Rakitina

Voronezh State University
German Philology, Associate Professor
mobile: +7 (910) 343 5305
e-mail: olga.rakitina2012@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ В НОМИНАТИВНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ КАК МАРКЕРЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

С.В. Семочко

Воронежский государственный университет

Аннотация. В данной статье говорится о неизбежности изменений в номинативных и дискурсивных стратегиях при переводе художественных фильмов жанра фэнтези с английского языка на русский и немецкий языки. Аудиовизуальный перевод является сегодня одним из наиболее востребованных и в то же время все еще недостаточно и в полной мере изученным видом переводческой деятельности. Особенности аудиовизуального перевода по сравнению с другими типами перевода определяются многоаспектностью семантического кода аудиовизуального текста: передача вербальной и невербальной информации осуществляется по акустическому и визуальному каналам, а лингвистический код перестает при этом играть ведущую роль. При этом в процессе осуществления аудиовизуального перевода вследствие языковой асимметрии переводчик часто вынужден прибегать к изменениям в номинативных и дискурсивных стратегиях при передаче одного и того же содержания средствами языка перевода, что следует признать маркерами изучаемого явления. Сказанное определяет актуальность проведенного в данной работе практического исследования, в результате которого становится возможным сделать вывод о наиболее частотном использовании разного рода переводческих трансформаций, которые выбирают переводчики в процессе составления межязыковых субтитров к приключенческим фильмам жанра фэнтези в зависимости от и ситуации и характера.

Ключевые слова: киноперевод, аудиовизуальный перевод, субтитрирование, компрессия информации, номинативные стратегии, дискурсивные стратегии, переводческие трансформации, языковая асимметрия

В настоящее время все чаще объектом лингвистических исследований становится кинодискурс, «в ходе которого представляются и осмысляются некоторые сообщения; как совокупность языковых черт, характеризующих киногероев; и как система коммуникативных средств и установок, принятых в сфере культуры» [1, с. 13]. При этом чаще всего в поле зрения лингвистов попадает киноперевод как «вербальный компонент гетерогенной семиотической системы», то есть фильма, смысловую завершенность которого обеспечивает его аудиовизуальный ряд [2, с. 13]. (Ср. точку зрения Р.А. Матасова, который предлагает предлагаться использовать термин-гипоним «киновидеоперевод» для обозначения деятельности по «литературной межязыковой обработке содержания оригинальных монтажных листов с последующей ритмической укладкой переводного текста и его озвучивания или введения в видеоряд в форме субтитров» [3, с. 7]).

Однако в современных лингвистических исследованиях все чаще используется более точно отличающий суть данного явления процесса термин-гипероним для приведенных понятий выше «аудиовизуальный перевод» [4], поскольку «реципиенты аудиовизуальных материалов одновременно являются и зрителями, и слушателями, и читателями. Они обрабатывают информацию сразу на нескольких уровнях декодирования. Деятельность по восприятию аудиовизуального произведения чаще всего осуществляется в полуавтоматическом холистическом режиме непрерывного семантического

синтеза» [4]. Кроме того, как считает А.В. Козуляев, следует учитывать, что аудиовизуальный перевод подвергается «ряду внешних ограничений по отношению к языку и коммуникативной ситуации ограничений» [4], поэтому переводчикам аудиовизуальных произведений необходимо проводить серьезный семантический анализ, учитывающий все особенности информации, которая поступает по параллельным – визуальному и акустическому – каналам восприятия.

В данной статье автор обращается к одной из наиболее востребованных в настоящее время сфер аудиовизуального перевода – к субтитрованию художественных фильмов, поскольку такой вид переводческой деятельности в сжатые сроки позволяет распространить перевод определенного кинопродукта на разных языках, снизить затраты на перевод и сделать аудиовизуальное произведение доступным для представителей других лингвокультур, а также для людей с нарушениями слуха. Однако в то же время маркеры процессов, связанных с составлением, прежде всего, межъязыковых субтитров на разных языках, все еще недостаточно изучены лингвистами и переводоведами. А ведь субтитрование представляет собой не просто особый вид переводческой деятельности. Этот вид перевода становится отдельной областью исследований, выполняемых в рамках современных лингвистических теорий. В этой связи А.В. Козуляев замечает, что в процессе составления субтитров даже для обычных двухмерных аудиовизуальных произведений переводчики сталкиваются с еще большим количеством внешних ограничений, чем в остальных случаях аудиовизуального перевода (например, в процессе закадрового дублирования фильма («войсовера») с сохранением приглушенной оригинальной аудиодорожки или полного дублирования), а именно:

- с необходимостью уместить субтитры в ограниченное количество строк (как правило, две строки) и знаков (обычно не более 60-70 знаков), что обусловлено международными стандартами скорости чтения и отображения субтитров на экранах;

- а также с привязкой «смены субтитров к смене планов в кадре, что технологически укорачивает и без того ограниченное время и пространство перевода» [4].

Как уже говорилось ранее, аудиовизуальные произведения полисемантичны, поэтому аудиовизуальный перевод тесно связан с устным и письменным переводом [5, с.17]. Связь устного перевода с аудиовизуальным переводом заключается в восприятии исходного текста по акустическому каналу получения информации. В то же время процесс составления субтитров на языке перевода (ЯП), т.е. межъязыковых субтитров, тесно связан с письменным переводом, в результате чего переводчик может воспользоваться словарями, справочными ресурсами, потратить некоторое время на анализ и синтез той или иной фразы, выбор переводческого решения, чтобы текст субтитров на ЯП максимально передал интенцию автора и языковое своеобразие оригинального аудиовизуального произведения [6]. В этой связи Л.Л. Нелюбин говорит о гибридности такого вида аудиовизуального перевода: «Перевод кино/видео материалов — сочетает черты синхронного, последовательного и письменного перевода в зависимости от цели и характера работы (перевод на аудиторию, для дубляжа, озвучение и пр.)» [1**, с.141]. (См. также статью Я.В. Усачевой, которая также рассматривает субтитрование как «гибридную форму «классических» видов перевода» [7, с.291]).

Все описанные выше сложности, с которыми сталкивается переводчик в процессе выполнения аудиовизуального перевода, в частности составления межъязыковых субтитров на ЯП, в наибольшей степени проявляются при аудиовизуальном переводе фэнтезийных и анимационных аудиовизуальных художественных произведений, а также компьютерных и видеонигр.

Имея дело с данным типом аудиовизуального перевода, переводчик испытывает влияние так наз. «искусственных миров» из сериалов, мультипликационных фильмов и игр. Ведь авторы данных аудиовизуальных произведений пытаются максимально раз-нообразить игру и отличную от настоящего мира реальность, поскольку для целевой аудитории, которую составляют, как правило, дети и подростки, сказочные миры и игра являются важным средством освоения окружающей их действительности. По этой причине «переводчик должен учитывать особенности языка и языкотворчества героев на протяжении множества серий и сезонов, взаимоотношений героев, предысторий персонажей» и т.д. [4].

Сказанное определяет актуальность настоящего исследования и позволяет обосновать выбор объекта данного практического исследования – субтитры на английском, русском и немецком языках к третьей части серии фильмов о юном волшебнике Гарри Поттере: «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban» (CT1 – субтитрованный текст 1) [1*], «Гарри Поттер и узник Азкабана» (CT2) [2*], «Harry Potter und der Gefangene von Askaban» (CT3) [3*].

Фильм «Гарри Поттер и узник Азкабана» ориентирован на широкий круг зрителей и вот уже на протяжении более 15 лет имеет целую армию поклонников по всему миру, прежде всего, среди детей и подростков, но также среди представителей взрослой аудитории.

Выбранную для анализа историю о Гарри Поттере можно отнести к жанру фэнтези. Произведения жанра фэнтези представляют собой мир, подчеркнуто, демонстративно не совпадающий с обыденным представлением о действительности. Жанр фэнтези характеризуется тем, что признает как данность существование магии и волшебных существ. Более того, именно надличностные, божественные, мистические и подобные им силы, как правило, лежат в основе описываемого в фэнтези мироздания.

Произведения Дж. Роулинг рассказывают как раз о существовании такого мира волшебников, в котором используются различные заклятья, есть необычные магические существа, таинственные предметы, а также множество несуществующих в реальности топонимов с «говорящими» названиями и т.д. Кроме того, все герои данной серии произведений Дж. Роулинг обладают определенными характеристиками, имеют неповторимый стиль поведения и речи, что находит свое отражение в использовании тех или иных языковых средств. Все это ставит переводчиков, составляющих межъязыковые субтитры на ЯП к аудиовизуальному произведению о Гарри Поттере, перед целым комплексом переводческих сложностей разного уровня [8].

В результате проведенного лингвистического анализа языковых особенностей субтитров на английском, русском и немецком языках к художественному фэнтезийному фильму «Гарри Поттер и узник Азкабана» были выявлены изменения в **номинативных стратегиях**, которые проявляются в том, что «из имеющихся у адресанта изофункциональных средств при переводе отбираются средства, которые по своему месту в системе средств, по своей функциональной нагруженности и сфере приложений и т.д. не совпадают с исходными в тексте перевода» [9, с.202]). Кроме того, были обнаружены также модификации **дискурсивных стратегий**, под которыми понимаются «способы осуществления интеракции; имеют место также изменения в речеактной семантике, в выборе грамматических средств реализации интенции автора» [9, с.204]). Очевидно, что названные явления можно признать маркером процесса составления межъязыковых субтитров, что в свою очередь отражается в использовании определенных переводческих трансформаций в зависимости от характера переводимой информации из оригинала аудиовизуального произведения средствами ЯП.

Особенно хорошо изучаемые явления прослеживаются на макротекстовом уровне. Рассмотрим некоторые примеры, позволяющие проиллюстрировать все сказанное выше.

Довольно часто при составлении межъязыковых субтитров встречается **описательный перевод** и/или **экспликация смысла исходной информации** на основе разного рода добавлений или различных лексических и грамматических трансформаций. Как правило, в этом случае речь идет об образных высказываниях, устойчивых выражениях, метафорических сравнениях и т.д. В анализируемой третьей части кинофильма о Гарри Поттере за юным волшебником приехал автобус, который спасает всех чародеев, попавших в неприятные ситуации. Кондуктор поторапливает удивленного Гарри и подгоняет его, чтобы он поскорее вошел:

СТ1	СТ2	СТ3
<i>Let's not wait for the grass to grow.</i>	<i>Не нужно терять время попусту.</i>	<i>Sonst schlagen wir hier noch Wurzeln.</i>

Оригинальное высказывание на английском языке *Let's not wait for the grass to grow* не имеет устоявшихся переводов, зафиксированных в русско-английских или русско-немецких словарях [2**]. Возможно, такое образное выражение было придумано Дж. Роулинг специально для данной сцены. Буквально в переводе на русский язык это могло бы означать следующее: «*Давай не будем ждать, пока вырастет трава*». В СТ2 оригинальный текст трансформируется в выражение *Не нужно терять время попусту*, что означает *Не нужно заниматься пустяками, ерундой* [3**], т.е. данное высказывание в русском тексте субтитров СТ2 становится более нейтральным. Данный вариант будет более понятен русскому зрителю и не потребует дополнительных объяснений. При этом сохраняется разговорный стиль и некоторая образность.

В немецком СТ3 выражение *Sonst schlagen wir hier noch Wurzeln* тоже является образным и означает *иначе, мы пустим здесь корни* (т.е. *не следует долго ждать*) [4**]. Значит, смысл оригинального высказывания и прагматический эффект образного высказывания из СТ1 в русском и немецком варианте субтитров, в общем и целом, сохранен, хотя, как в СТ2, так и в СТ3 мы и имеем дело с изменениями в номинативных и дискурсивных стратегиях, которые проявились в описанных выше лексических и грамматических трансформациях.

В следующем примере сестра дяди Гарри Поттера говорит о Гарри, намекая при этом, что в его невоспитанности виноваты гены родителей:

СТ1	СТ 2	СТ3
<i>It's all to do with blood. Bad blood will out.</i>	<i>Тут уж ничего не поделаешь. Просто у мальчишки дурная кровь.</i>	<i>Das liegt doch alles im Blut. Böses Blut kommt immer wieder durch.</i>

В процессе анализа было обнаружено, что текст субтитров на русском и немецком языках имеет немного больше печатных знаков, чем текст оригинала на английском языке. Во-первых, дословный перевод образного высказывания из оригинала СТ1 был бы не совсем понятен реципиентам СТ2 и СТ3: *It's all to do with blood* (*Всё дело в крови*), *Bad blood will out* (*Плохая кровь выходит наружу*) [2**]. В русском языке выражение *плохая кровь* может означать еще и то, что у человека есть некоторые проблемы со здоровьем [3**]. Поэтому в СТ2 переводчик прибегает к описательному переводу, и англ. *It's all to do with blood* превращается в констатацию факта, что уже ничего изменить нельзя: «*Тут уж ничего не поделаешь*». Такая замена не влияет на понимание смысла

всего контекста, так как далее все же говорится, что у Гарри *дурная кровь*. В СТ1 речь все же идет о причине *to do with (иметь отношение)*, и эта информация сохраняется в СТ3 – *liegt im Blut (дело в крови)* [4**]. При этом в СТ3 мы также имеем дело с конкретизацией смысла и усилением эмоциональности высказывания из СТ1 за счет лексико-грамматической замены: *Bad blood will out* превращается в *Böses Blut kommt immer wieder durch*. Смысл передан точно, но переводчик субтитров СТ3 сделал добавление *immer wieder (постоянно)* и использовал немецкий глагол *durchkommen (пробиваться)* [4**], что сделало высказывание более эмоциональным и добавило в него еще больше отрицательной коннотации.

В следующем примере речь идет о передаче текста шуточной клятвы, придуманной Дж. Роулинг для одной из сцен, в которой близнецы Уизли дают Гарри волшебную Карту Мародеров и учат его, как ее открыть:

СТ1	СТ2	СТ3
<i>I solemnly swear that I am up to no good.</i>	Торжественно клянусь, что замышляю только шалость.	<i>Ich schwöre feierlich: Ich bin ein Tunichtgut.</i>

Первая часть клятвы практически дословно переведена в СТ2 и СТ3, поскольку это устоявшиеся в немецком и русском языках слова, которые произносятся в начале любого торжественного обещания. Интерес представляет вторая часть клятвы-заклятия, которая является авторским неологизмом. Поэтому в СТ2 и СТ3 мы сталкиваемся с лексико-грамматическими заменами. В оригинале мы имеем *that I am up to no good*. В немецком тексте субтитров СТ3 оригинальная фраза превращается в *Ich bin ein Tunichtgut (Я негодник/шалонай)*, т.е. помимо лексической замены мы имеем дело еще и с грамматической трансформацией: глагольная конструкция *I am up to ...*, которая передает намерение что-либо сделать, становится номинальной структурой в СТ3 *bin ein Tunichtgut* (составным именным сказуемым), передающая константные характеристики субъекта. В русском СТ2 исходное высказывание трансформировалось в шутивное выражение *замышляю только шалость*, т.е. в русском переводе передается намерение что-либо сделать, но при этом конкретизируется, что это не просто *нечто нехорошее*, а *шалость!* Очевидно, что дословный перевод английского текста был бы не таким легким и ироничным, как предложенные переводчиками варианты в СТ2 и СТ3. Шутивная клятва-заклятие должна быть краткой и понятной для того, чтобы сохранился, с одной стороны, узнаваемый тип теста «Клятва», а, с другой стороны, ее комический смысл.

Довольно частотным при составлении субтитров является также использование разного рода **лексических и грамматических замен**, а также комплексных **лексико-грамматических замен**, которые помогают в достижении компрессии информации и «сжатия» текста субтитров.

В следующем фрагменте Драко Малфой негативно высказывается о новом преподавателе, леснике Хагриде, который теперь занимает должность преподавателя ухода за магическими животными.

СТ1	СТ2	СТ3
<i>Really witty. God, this place has gone to the dogs. Wait until my father hears Dumbledore's got this oaf teaching classes.</i>	<i>О да, ужасно забавно. С ума сойти, школа совсем деградировала. Отец еще не знает, что у Дамблдора занятия ведет идиот.</i>	<i>Oh ja, zum Totlachen. Sehr witzig. Es geht begrab mit unserer Schule. Wenn mein Vater hört, dass Dumbledore den Trottel auf die Schüler loslässt...</i>

Здесь мы имеем дело, прежде всего, с грамматической заменой в обоих субтитрованных текстах. Темпоральное сложное предложение *Wait until my father hears Dumledore's got this oaf teaching classes* [2**]) превращается в сложное объектное предложение с союзом *что* в СТ2 и с союзом *dass* в СТ3. Такого рода грамматическая замена позволяет уместить субтитры в две строки и необходимое количество знаков. Кроме того, в СТ2 происходит смещение коммуникативного фокуса. Так, в СТ1 мы имеем дело с *Dumledore's got this oaf* (Дамблдор взял этого тупицу [2**]) и в СТ3 *Dumbledore lässt den Trottel los* (Дамблдор дал свободу действию дураку [4**]). В СТ2 та же самая часть предложения звучит как у Дамблдора *занятия ведет идиот*. Дамблдор здесь выступает в качестве дополнения, а активным субъектом действия и грамматическим подлежащим подлежащим является учитель Хагрид, что и способствует изменению коммуникативного фокуса и модификации дискурсивных стратегий. Кроме того, приведенные высказывания в СТ1 и СТ2 являются законченными предложениями, а в СТ3 в конце фразы стоит многоточие, что говорит о недосказанности мысли, смысл которой, однако, легко понять. При этом во всех СТ сохранилась завуалированная угроза Малфоя пожаловаться отцу на неугодного учителя Хагрида. Однако в СТ3 угроза передана с помощью уступительного придаточного с союзом *wenn* (если): *Wenn mein Vater hört* (Если мой отец услышит об этом [4**]) (ср. СТ1 *Wait until my father hears* и СТ2 *Отец еще не знает*).

Интересно и самое начало речи Драко Малфоя. В СТ1 мы имеем высказывание *this place has gone to the dogs*. В английском языке *go to the dogs* означает *вылететь в трубу, пойти прахом* [2**]. Дословный перевод данного выражения не будет соответствовать узусу ни в русском, ни в немецком варианте субтитров. Именно поэтому в СТ2 и в СТ3 использованы образные выражения, схожие по стилистической окраске и имеющие тот же смысл, что и СТ1: СТ2 – *школа совсем деградировала* и СТ3 – *Es geht begrab mit unserer Schule* (школа катится под откос [4**]). При этом в СТ3 снова происходит смена коммуникативного фокуса: *this place*, т.е. школа, в СТ1 является фактическим подлежащим в высказывании, а в СТ3 используется безличная конструкция, в которой *mit unserer Schule* (школа) становится предложным дополнением.

В некоторых случаях при составлении межъязыковых субтитров из оригинала СТ1 помимо лексико-грамматических замен переводчики прибегают также к **опущениям**. Это касается повторов, особенно имен собственных, топонимов, а также нерелевантной информации, которая дополняется видеорядом в кадре.

Например, в начале фильма Гарри делится с друзьями своими эмоциями после того, как он подслушал в баре информацию о Сириусе Блэке, которого все считают предателем и злодеем:

СТ1	СТ2	СТ3
<p>- Harry, what happened? – He was their friend...and he betrayed them. He was their friend!</p>	<p>- Что произошло? – Близкий друг... он предал их. Он их предал!</p>	<p>- Harry, was ist passiert? – Er war ihr Freund! Und er hat sie verraten. Er war ihr Freund!</p>

Проведенное исследование показало, что в тексте русских субтитров СТ2 вопрос из СТ1 *Harry, what happened?* преобразуется в вопрос *Что произошло?*, т.е. обращение по имени в данном фрагменте не требуется, так как в кадре присутствуют только два персонажа – Гарри и Гермиона, поэтому понятно, кто и к кому обращается. Это позволяет сократить количество знаков в русских субтитрах. Кроме того, интерес представляет и вторая реплика в диалоге. В СТ2 и СТ3 практически дословно передается высказывание из СТ1, но есть несколько отличий. В СТ3 при передаче высказывания

из СТ1 *He was their friend...* с многоточием в конце появляется восклицательный знак: *Er war ihr Freund! (Он был их другом! [4**])*. Это позволяет подчеркнуть разочарование и возмущением, которые испытывает герой, что подкрепляется к тому же картинкой в кадре. Многоточие сохраняется в русском тексте субтитров СТ2, но фраза с глаголом в прошедшем времени трансформируется в эллиптическую конструкцию: *Близкий друг...* При этом в большей степени активизируется ассоциация с разочарованием и горечью, нежели с возмущением. Кроме того, в оригинале СТ1 в конце данного фрагмента повторяется фраза *He was their friend!*, которая передается и в немецком тексте субтитров СТ3 *Er war ihr Freund! (Он был их другом! [4**])*, а в СТ2 повторяется высказывание *Он их предал!*, и в этот раз с восклицательным знаком, чтобы эта фраза соответствовала мимике героя на экране, лицо которого выражает на этот раз не только горечь, но и ярость. Ведь для него страшнее именно то, что Сириус предал его родителей, будучи их другом.

В следующем примере друг Гарри Рон делится с ним своими впечатлениями от прогулки по волшебным магазинам с магическими товарами.

СТ1	СТ2	СТ3
<p><i>Honeyduke's Sweetshop is brilliant, but nothing beats Zonko's Joke Shop. We never did get a chance to go at the Shrinking Shack though. You heard that it's the most haunted building in Britain. – Yeah, I know.</i></p>	<p><i>Сладкое Королевство потрясающий магазин, а в Зонко столько классных приколов. До Воющей хижины мы не дошли. Ты слышал там... – ...самое большое количество привидений в Англии.</i></p>	<p><i>Im Honigtopf gibt's Süßigkeiten. Zonkos Scherzartikelladen ist cooler. Zur Heulenden Hütte haben wir's allerdings nicht mehr geschafft. Sie ist das am stärksten von... – Spuk heimgesuchte Gebäude Englands.</i></p>

В данном примере стоит обратить внимание на несколько интересных моментов. Первое, это названия самих волшебных магазинов. *Honeyduke's Sweetshop (Магазин сладостей Сладкого королевства [2**])* в русском СТ2 трансформируется в *Сладкое Королевство*, а в немецких субтитрах СТ3 – в *Honigtopf (Горшочек меда [4**])*. Дословный перевод оригинала не влез бы в две строки субтитров, в ЯП, поэтому в СТ2 переводчик сократил название до *Сладкого Королевства*, используя лексему *магазин* в дальнейшем его описании. В СТ3 переводчик создал неологизм, но по значению основ сложного слова и по последующей фразе – *gibt's Süßigkeiten* (т.е. *есть сладости*) мы понимаем, что речь идет о том, что тут можно приобрести сладости, поэтому такого рода лексико-грамматическая трансформация не повлияла на передачу смысла.

Далее появляется еще одно название *Zonko's Joke Shop (Магазин шуточных товаров Зонко [2**])*. В СТ2 данное название превращается в *Зонко* с последующей конкретизацией *в Зонко столько классных приколов*. Т.е. переводчик опустил название *Joke Shop (Магазин шуточных товаров)*, а в дальнейшем конкретизировал, что именно продается в Зонко – товары, с помощью которых можно разыгрывать и шутить! В СТ3 *Zonko's Joke Shop* передается почти дословно *Zonkos Scherzartikelladen (Магазин шуточных товаров Зонко [4**])*. При этом мы обнаруживаем появление сложного слова для передачи названия магазина в СТ3. Это объясняется тем, что в немецком языке при образовании новых слов чаще всего используется сложение нескольких основ существительных для получения сложного существительного.

В приведенном выше примере мы также имеем дело и с комплексной лексико-грамматической заменой. Говоря о Воющей хижине, друзья говорят, что у них никогда еще не было возможности побывать там. При этом фраза из СТ1 *We never did get a chance to go (У нас никогда не было шанса пойти)* превращается в СТ2 в фразу *мы не*

дошли, а в СТ3 в *haben wir's allerding's nicht mehr geschafft* (однако нам не удалось это сделать [4**]). Переводчики СТ2 и СТ3 подобным образом сократили субтитрованный текст по количеству знаков, но смыслу фразы в СТ2 и СТ3 практически полностью соответствует высказыванию из СТ1.

В конце фрагмента мы сталкиваемся с опущением целого высказывания из СТ1 – *Yeah, I know* (Да, я знаю [2**]). В СТ1 высказывание о магазинах и Воющей хижине принадлежит другу Гарри, Рону. С помощью фразы *Yeah, I know* Гарри выражает ответную реакцию на рассказ Рона. В СТ2 и СТ3 данное выражение полностью отсутствует. Целый фрагмент субтитров принадлежит не одному персонажу, а двум. Рон только начинает рассказывать про Воющую хижину, а Гарри за него заканчивает фразу, тем самым давая ответную реакцию и показывая, что он уже все это знает. Таким образом, мы видим, что фраза *Yeah, I know* в данном случае тоже является нерелевантной информацией, не несущей в себе смысла, и ее отсутствие не влияет на понимание всего высказывания, поэтому данный фрагмент был опущен переводчиками. Это опять же позволило сократить количество знаков в субтитрах СТ2 и СТ3 и уместить их в необходимое количество строк.

Таким образом, проведенное практическое исследование субтитров в выбранном для анализа фэнтезийном фильме о Гарри Поттере на английском, русском и немецком языках показало, что при составлении субтитров к переводной версии фильма на русском языке в СТ2 является чаще всего используется описательный перевод и экспликация смысла, если речь идет об авторских неологизмах и образных выражениях (порядка 62% от общего числа проанализированных контекстов). В случае необходимости сократить исходную информацию информации, которая не влияет на понимание высказываний и подкрепляется соответствующим видеорядом, переводчик русской версии субтитров прибегает в комплексным лексико-грамматическим заменам (28 % случаев) или даже опущениям (10 % случаев).

В немецком тексте субтитров СТ3, если речь идет об авторских неологизмах и образных высказываниях, переводчики также чаще всего прибегают к описательному переводу и экспликации смысла (порядка 53 % случаев от всех проанализированных контекстов субтитров СТ3), а в случае необходимости сократить текст субтитров СТ3 они в 24 % случаев используют комплексные лексико-грамматические замены, в 18 % случаев – лексические замены и в 5 % – опущения.

Таким образом, в результате проведенного исследования субтитров к выбранному для анализа приключенческому фэнтезийному фильму о Гарри Поттере было установлено, что в процессе создания межъязыковых субтитров в ряде случаев неизбежна компрессия информации, которая достигается комплексными лексико-грамматическими трансформациями исходных высказываний на ЯП, а также благодаря некоторым опущениям нерелевантной информации. Это во многом обусловлено технической стороной составления субтитров, а именно максимально допустимым количеством строк и количеством знаков субтитров. К тому же общеизвестно, что средняя длина немецких (2-3 слога) и русских слов (3-4 слога) больше средней длины английских слов (1-2 слога).

Кроме того, проведенное исследование показало, что в процессе составления межъязыковых субтитров неизбежны изменения в номинативных и дискурсивных стратегиях, которые можно признать маркерами процесса составления межъязыковых субтитров и которые обуславливают использование разного рода переводческих трансформаций. Данное обстоятельство может быть продиктовано особенностями языковых систем английского, немецкого и русского языков и феноменом языковой асимметрии (термин

Э. Прунча) [10]. Тем не менее, встречаются случаи, когда на выбор определённого переводческого решения влияет личное восприятие исходной информации самим переводчиком. Следствием таких изменений становится также то, что при интерпретации одного и того же фрагмента действительности может меняться точка зрения на ситуацию и героя. В итоге это сказывается в той или иной степени на итоговом восприятии переводного текста, в нашем случае текста субтитров, на соответствующего реципиента.

Литература

1. Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: дис. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 312 с.

2. Горшкова В.Е. Перевод в кино: монография. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2006. 276 с.

3. Матасов Р.А. Перевод кино / видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ...канд. филол. наук. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2009. 167 с.

4. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности. Обучение данному виду перевода. URL: <http://www.russian-translators.ru/about/editorial/audiovisualnyeperevod>. (дата обращения: 10.04.2015).

5. Козуляев А.В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): дис. ...канд. пед. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. 228 с.

6. Diaz, C.J. Audiovisual Translation: Subtitling. New York: Routledge, 2014. P. 13-27; 201-207

7. Усачева Я.В. Субтитры сквозь призму перевода // Перевод в пространстве и времени. Материалы международной конференции «Перевод в пространстве и времени» (Москва, РГГУ, 30.06 – 02.07.2016 г). М.: Р. Валент, 2016. С. 287-308.

8. Семочко С.В. Языковые средства создания сказочного мира в романе Дж. Роулинг «Гарри Поттер» и его переводах на русский и немецкий языки / С.В. Семочко, В.Ю. Токарева // Язык, коммуникация и социальная среда: Сб. науч. трудов / под ред. Л.А. Борисовой. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. 2019. Вып. 17. С. 128 – 145.

9. Семочко С.В. Маркеры внутри- и межкультурной адаптации в когнитивном курсе // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. Ч. 2. С. 198 – 210.

10. Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. 3. erweiterte und verbesserte Auflage. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2012. 528 S.

Список источников примеров

1*. «Harry Potter and the Prisoner of Azkaban»: a fantasy film, directed by Alfonso Cuarón, 2004. 142 min.

2*. «Гарри Поттер и узник Азкабана»: фильм в жанре фэнтези, реж.: Альфонсо Куарон, 2004 г., 142 мин.

3*. «Harry Potter und der Gefangene von Askaban»: Der dritte Teil der Harry-Potter-Reihe. Regie von Alfonso Cuarón, 2004. 142 min.

Список словарей

1**. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

2**. Мюллер В.К. Англо-русский словарь: 40000 сл. / В.К.Мюллер, С.К. Боянус. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 1408 с.

3**. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://ozhegov-online.ru> (дата обращения: 15.05.2015 в 16:02).

4**. Duden. Universalwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2011.– 687 S.

CHANGES IN NOMINATION AND DISCURSIVE STRATEGIES MARKING AUDIOVISUAL TRANSLATION OF FEATURE FILMS (BASED ON THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

S.V. Semochko
Voronezh State University

Abstract. The article focuses on some inevitable changes in nomination and discursive strategies employed for translation of fantasy films from English into German and Russian. Although audiovisual translation today is in high demand, it has not been properly studied yet. As compared with other types of translation, its mechanisms are tuned for complex and multifold nature of semantic code of the audiovisual text. It involves rendering verbal and non-verbal information by means of acoustic and visual channels leaving little room for the leading role of the linguistic code as such. Owing to the linguistic asymmetry, audiovisual translation involves some inevitable changes in nomination and discursive strategies employed for transferring the original content into the target text. Apparently, such changes should be recognized as markers of this phenomenon, which provides the rationale for the practical research. Its results enable us to detect the most frequent translation transformations used for subtitling the translation versions of fantasy films.

Key words: film translation, audiovisual translation, subtitling, compression of information, nomination strategies, discursive strategies, translation transformations, linguistic asymmetry

Семочко С.В.

доцент кафедры немецкой филологии
Воронежский Государственный
Университет
тел.: +7 (980) 242 0810
e-mail: semosvet@gmail.com

S.V. Semochko

Assistant Professor of the Department of
German Philology
Voronezh State University
mobile: +7 (980) 242 0810
e-mail: semosvet@gmail.com

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Скоропадская В.А.

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Климентьева В.В.

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Аннотация. В данной статье авторы раскрывают актуальность внедрения основ поликультурного образования в рамках общеобразовательного учебного заведения в эпоху глобализации и культурной интеграции. Также, описаны необходимые навыки и умения, лежащие в основе формирования компетенции межкультурной коммуникации. Акцент в статье поставлен на образовательных и воспитательных компонентах обучения, подразумевающих овладение учениками необходимыми знаниями и мировоззренческими установками для дальнейшего вступления в межкультурную и межрелигиозную коммуникацию. В данной работе авторы предпринимают попытку проанализировать проблему недостаточной квалификации педагогических кадров для ведения полноценной и успешной учебной деятельности в рамках нового поликультурного образовательного пространства. Обосновывается целесообразность и необходимость пересмотра целей и содержания образования с учетом запросов современного мультикультурного мирового сообщества.

Ключевые слова: поликультурная языковая личность, инклюзивная культура, межкультурная коммуникация, взаимодействие различных культур, поликультурное образование, диалог культур, толерантность

Тенденция всемирной культурной и религиозной интеграции совместно с развивающимся техническим прогрессом открывают представителям разных культурных парадигм новые возможности, таким образом, создавая общую образовательную, научную или рабочую среду, подразумевающую вступление в межкультурную и межрелигиозную коммуникацию. Многие транснациональные корпорации придают большое значение вопросам найма и удержания в компании сотрудников из недостаточно представленных групп (underrepresented groups) – женщин, людей с ограниченными возможностями здоровья, представителей определенных этнических и расовых групп. Так, компания Google среди одной из целей развития в 2020 году выдвигала повышение репрезентативности лиц вышеупомянутых категорий на пути к достижению «разнообразной, доступной и инклюзивной среды Google». Отдельное внимание уделялось пересмотру порядка оценки кандидатов с точки зрения совместимости культурных ценностей, а именно: подчеркивалось смещение акцента с концепции «культурного соответствия» («culture fit») на идею «культурного дополнения» («culture add») [1]. Более того, активно разрабатываются инновационные программы обучения, которые нацелены на приобретение сотрудниками необходимых квалификаций, упрощающие процесс налаживания межличностной коммуникации в рамках разнообразной среды.

Ввиду модернизации, охватывающей все аспекты жизни человека, усиленное внимание сейчас придается взаимодействию различных культур. С определенной точки зрения, данное явление имеет позитивное влияние на человечество, а именно: повышение уровня общественного сознания касательно культурного разнообразия народов мира, поведенческих особенностей представителей той или иной религии, этнической группы. Также, в XXI веке создана уникальная образовательная среда, предоставляю-

щая всем людям доступ к информации, вне зависимости от их статуса или принадлежности к социальной группе. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что вышеупомянутая тенденция объединения представителей разных культур в каком-либо контексте, требует овладения и грамотного распоряжения определенными культурными компетенциями, которыми обладает лишь малая часть населения; в противном случае, столкновения на этой почве могут нести катастрофические последствия, перерастая в межкультурный конфликт. Так, разногласие, возникшее между отдельными людьми или социальными группами на почве культурных различий, можно рассматривать как «межкультурный конфликт». Весьма показательным примером здесь может послужить происшествие во Франции, случившееся 16 октября 2020 года в городе Конфлан-Сент-Онорин [2]. Школьный учитель Самюэль Пати был убит после демонстрации ученикам карикатур на пророка Мухаммеда, взятых с литературно-художественного журнала политической сатиры, который в качестве материала использует крайне чувствительные темы. Это происшествие – не что иное, как религиозный конфликт, спровоцировавший человека радикальных взглядов на преступление.

Неизбежным и крайне неоднозначным результатом распространения идей глобализации является понятие «культурная гомогенизация» – процесс исчезновения четких границ между этнокультурными идентичностями, который возникает на фоне распространения и популяризации определенной культуры, что впоследствии приводит к «стандартизации» населения, утрате мировоззренческих установок и ценностей культурами, не занимающими главенствующих позиций. Некоторые исследователи именуют этот процесс формой культурного империализма [3, p. 159–162].

Возрастающая роль глобализации и интернационализации существенным образом влияет на систему образования. Принимая во внимание внутренние и внешние миграционные процессы, создающие смешанную во многих контекстах образовательную среду, становится очевидным, что поликультурное образование в наше время – необходимость. На сегодняшний день в ВУЗах Российской Федерации обучается около 300 тысяч иностранных граждан [4], которые могут сталкиваться с определенными трудностями, связанными с интеграцией в новый социально-культурный фон. В то же время, в большинстве случаев преподаватели высших учебных заведений не обладают компетенциями и навыками, которые требуются для реализации успешного поликультурного образования [5, p. 20].

Универсального определения поликультурного образования в научной литературе не существует. А.Н. Джуринский объясняет это понятие, как «образование, которое принимает во внимание национальные и культурные различия и включает разнообразные типы, модели и ценностные педагогические ориентации, адекватные мировосприятию и потребностям этнокультурного многообразного населения» [6]. Словосочетание «поликультурное образование» встречается в Международной энциклопедии по образованию и расшифровывается, как «целенаправленный процесс обучения и воспитания, направленный на овладение обучающимися знаниями о других культурах; развитие умений и навыков конструктивного межкультурного взаимодействия; формирование мировоззрения, основанного на диалоге культур, готовности к эффективной жизнедеятельности в демократическом обществе; создание равных образовательных возможностей для обучающихся, принадлежащих к различным расовым, этническим, социальным классам и культурным группам [7].

Вопрос поликультурного образования актуален как никогда ранее, учитывая современные реалии. Иностранные студенты, которые, оказавшись в новой для них среде и

являясь представителями «культуры меньшинства», становятся объектом реализации предрассудков и стереотипов, которые могут присутствовать в группе. Таким образом, в сознании культурно некомпетентного человека происходит автоматическая идентификация отдельной личности с тем образом, который сформирован в обществе относительно носителей определенной национальности – часто он упрощен и искажен в соответствии с имеющимися когнитивными и аффективными шаблонами. Педагоги, не принимающие активного участия в формировании поликультурной среды в группе, своим бездействием могут нарушить процессы обучения иностранных студентов и усложнить их социальную адаптацию. Особенно это касается личностей с тонкой душевной организацией, которые испытывают стресс из-за разлуки с родиной и трудностей с установлением общественных контактов в новой «микросреде» – группе, комнате в общежитии. Такие студенты находятся на стадии «пассивного приспособления», не принимая активного участия в учебной или любой другой деятельности, соответственно, данный межкультурный опыт может быть крайне болезненным для некоторых иностранцев, особенно для представителей высококонтекстуальных культур. Также, преподавателю следует вести активное наблюдение за характером отношений между участниками образовательного процесса, так как студенты периодически вступают в амбивалентные отношения, конкурируя и соревнуясь с другими учащимися, что также неблагоприятно сказывается на уровне психологического комфорта в коллективе.

В 2010 году проектная группа под руководством И. А. Савченко провела опрос среди иностранных студентов вузов Нижнего Новгорода (африканцы – 43 %, индусы – 16 % и китайцы – 41 %) с целью исследования особенностей культурной адаптации в российской образовательной среде [7]. Результаты показали, что интеграционная активность иностранных граждан находится на низком уровне – их коммуникация с русскими студентами не налажена в том порядке, который ведет к открытому диалогу, подразумевающему обмен культурным опытом, усвоение и осознание иных ценностей и формирование умения сосуществовать с другими народами и национальностями. Примечательными также являются следующие показатели: 75 % опрошенных студентов-африканцев отметили, что сталкивались с ущемлением прав и предвзятым отношением на основе национального признака. Больше половины китайцев, участвовавших в опросе, утверждали, что испытывали чувство угнетения в повседневности; но, при этом, необходимо упомянуть, что 87 % представителей данной национальности считают Россию «сильным государством, способным их защитить».

Безусловно, при анализе подобных опросов стоит принимать во внимание происхождение человека, принадлежности его народа к высоко- или низкоконтекстуальной культуре, тип корпоративной культуры (коллективистский или индивидуалистический), религию и индивидуально-психологические особенности личности впоследствии приобретенного опыта.

Среди необходимых навыков и мировоззренческих установок, которыми должен обладать участник поликультурного образования, можно выделить следующие: умение устанавливать взаимодействие, базирующееся на взаимном уважении и положительном отношении к возможным различиям; открытость к восприятию и оценке своей собственной культуры с точки зрения собеседника – носителя иной культуры; а также определенные знания о культуре, с представителем которой человек вступает в коммуникацию.

Согласно мнению Дарлы Дирдорф, научного сотрудника Университета Дьюка: «Межкультурная компетенция – это способность развивать целевые знания, навыки и точки зрения, которые приводят к реальному поведению и общению, и которые являются

ся эффективными и подходящими в том или ином межкультурном взаимодействии» [8]. Иными словами, данная компетенция базируется на трех взаимодополняющих блоках: теоретические знания (история, ценности, политика, способ коммуникации, религия), умения (активное слушание, анализ, оценка и правильная интерпретация полученной информации) и установки (уважение, непредвзятость, любопытство). Внедрение данного подхода в образовательную систему – комплексный и трудоемкий процесс, но в современном мире без владения вышеперечисленными «инструментами» специалист теряет свою ценность на мировом рынке труда. Безусловно, даже для студентов, не планирующих строить международную карьеру, способность устанавливать продуктивную коммуникацию с инокультурными собеседниками пригодится в жизни, так как человек может оказаться в подобной ситуации не только на рабочем месте, а в любом другом сообществе, и даже на лестничной клетке.

Воспитательная работа в учебных заведениях должна охватывать тщательную проработку таких явлений, как стереотипы и предубеждения, ведущие к обобщению, а также должна обеспечивать регулярное проведение рефлексии над проявлением этноцентризма со стороны студентов. Некоторые учащиеся могут воспринимать свою культуру как единственно «правильную», оценивая и анализируя вербальные и невербальные высказывания и поведение собеседника, опираясь на свои ценностные ориентиры. Данное поведение является свойственным для первой стадии этноцентрического подхода к осмыслению разнообразия. В соответствии с экспериментальной моделью межкультурной сензитивности (The developmental model of intercultural sensitivity), разработанной Миллом Беннетом, «отрицание», «защита» и «минимизация» предопределяют человеческое поведение, в котором индивидуум позиционирует свою культуру, как «более важную». Последние три стадии – принятие, адаптация и интеграция – являются этнорелятивными, то есть относящимися к проблемам, связанным с восприятием всех культур, как альтернативных способов организации реальности [9]. Движение по данным стадиям не является само собой разумеющимся, оно может происходить лишь при наличии осознанного желания или потребности расширить культурное самосознание. Поэтому, первое, что педагог может предпринять в рамках внедрения поликультурного образовательного компонента – помочь студентам осознать вектор перемен современного мира в отношении поликультурного диалога, с которым они неизбежно столкнутся в будущей деятельности. Многие учащиеся не понимают взаимосвязь между интернационализацией и межкультурным образованием и одним из путей привлечения студентов к осмыслению данного вопроса – проведение семинаров или междисциплинарных курсов с целью ознакомления студентов с интернациональными и межкультурными концепциями [10].

Прежде всего, учащиеся должны понимать смысловую нагрузку, которую несет в себе понятие «разнообразие» в контексте отличительных характеристик и особенностей людей. Для систематизации различий и их наглядного отображения Университетом Джона Хопкинса было разработано так называемое «Колесо разнообразия» (the Diversity Wheel), которое включает такие категории, как: возраст, пол, национальное происхождение, интеллектуальные и физические способности, образование, раса и этническая принадлежность, политические убеждения, религия, внешность, язык и коммуникативные навыки, и другие [11]. С помощью этой диаграммы студенты могут идентифицировать себя и окружающих, что может помочь им в выборе поведенческих моделей при взаимодействии с собеседником.

Основная задача современного учебного заведения – предоставить подрастающему поколению возможность получить знания и навыки, которые впоследствии будут ис-

пользованы в ходе решения проблем современности. Чтобы соответствовать требованиям глобализации, необходимо осуществлять подготовку к профессиональной деятельности, в которой обязанности будут постоянно меняться, информация поступает из многих источников, инициатива важнее тщательности, а стратегии, благодаря расширению рынка, пересекают национальные границы [12, с. 275]. Преподавание с учетом поликультурности предполагает пересмотр преподавателями учебных целей, которые должны выходить за рамки непосредственного усвоения материала. Такой подход требует определенного навыка абстрагирования от предметного материала с целью попытки осознания, как полученная информация может быть применена в других культурных контекстах.

Анализируя все вышесказанное, очевидным становится главное условие успешного установления поликультурного образования в рамках образовательного учреждения: каждый участник учебного процесса должен прилагать усилия к его реализации. Со стороны организаторов учебной деятельности это, прежде всего: адаптированная учебная программа и методы преподавания, вариативность в проведении контроля знаний, а также создание условий для поликультурной среды, в которой мнение каждого учащегося будет услышано. В учебные планы необходимо включить образовательный аспект, нацеленный на познание и осмысление нравственных традиций, обычаев и поведенческих моделей народов мира. Под руководством квалифицированных педагогов, имеющих специальную подготовку и необходимые знания, ученики будут иметь наставника, который поможет им ориентироваться в поликультурном мире и эффективнее преодолевать чувство отторжения, непонимания или агрессии в сторону представителей других этносов, религий или национальностей. Так, культурологический и социальный аспекты обучения могут воплощаться в контексте таких учебных дисциплин, как история, обществознание, иностранный язык, география, литература, затрагивая, например, национальный праздник какого-либо народа с учетом его символики, духовного наследия населения и исторического прошлого страны. Это лишь немного, что можно внедрить в образовательную систему РФ в отношении установления поликультурной среды. Тамара Тюляева утверждает, что «в многонациональной России должен происходить разумный процесс диалога культур, в результате которого молодежь – учащиеся и студенты – будут понимать ценность своей и уникальность другой культуры» [13].

Российская Федерация – мультинациональное, мультикультурное и мультирелигиозное государство, в котором принципы поликультурного образования и политика его осуществления отражены на законодательном уровне: Федеральный закон «Об образовании», а также и Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации включают в себя положения, обусловленные многонациональным характером российского общества и духовной общностью народов и культур России.

В Концепции национальной образовательной политики утверждены следующие принципы: общедоступность образования, адаптивность системы образования к уровням, особенностям развития и подготовке обучающихся с учетом языка обучения и специфики содержания гуманитарных дисциплин базирующихся на родной (нерусской) этнокультуре; запрет на дискриминацию в образовании по национальному, религиозному или языковому признаку, недопущение и пресечение практики национального, религиозного или языкового превосходства [14]. Относительно работы с педагогическим составом образовательного учреждения в Концепции сказано о необходимости обеспечения нужной квалификации для учителей учебных заведений, которые реализуют программы с этнокультурным региональным компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках. Г.Д. Дмитриев утверждает, что для педагогов,

которые желают работать в поликультурной образовательной среде, вопросом первоначальной важности является следующий профессиональный компонент: «Студенты различных специальностей, особенно педагогических, должны уметь работать с различными в культурном отношении людьми, правильно понимать человеческое различие, быть толерантными к ним, уметь утверждать своими личными делами и словами культурный плюрализм в обществе» [15, с. 116].

Подводя итог, стоит отметить, что содержание поликультурного образования включает в себя следующие положения:

становление социокультурной идентификации учеников как условия осознания особенностей взаимодействия людей в рамках поликультурной среды;

– формирование толерантного отношения к представителям иных культур и создание фундамента для дальнейшей адаптации в условиях глобального мультинационального сообщества;

– воспитание положительного отношения к разнообразию культур и формирование межкультурной компетенции.

На современном этапе развития образовательных стандартов РФ, идея внедрения поликультурности в общеобразовательную школу стремительно набирает популярность. Е. А. Черный утверждает, что для России характерно «разделение проблемы межкультурного образования на проблему национальной школы, решаемую в первую очередь педагогической общественностью и местным самоуправлением регионов компактного проживания этнических групп, и проблему поликультурного воспитания как основной парадигмы в общегосударственной системе образования» [16]. Тем не менее, существуют некоторые преграды на пути внедрения поликультурного образования. В первую очередь, трудность состоит в отсутствии целостной структуры и плана развития образования, базирующегося на принципах поликультурности, а также и нехватке квалифицированных педагогических кадров с необходимыми компетенциями для проведения образовательно-воспитательной деятельности, которая бы опиралась на идею «включенности», вовлеченности каждого ученика в образовательный процесс.

Принцип «включения», то есть признания, осмысления и вовлечения в активную совместную деятельность представителей разных этнических, религиозных групп является неотъемлемой составляющей инклюзивной культуры, которая является показателем способностей выстраивать гуманные и безопасные взаимоотношения всех участников образовательного процесса. Развитие инклюзивной культуры имеет непосредственное отношение к инклюзивному образованию, которое реализовывает право любого человека на качественное образование, несмотря на наличие у него ограниченных возможностей здоровья. Если обратить внимание на характеристики, упомянутые в «Колесе разнообразия» Дж. Хопкинса, среди них находятся такие пункты, как «внешность» и «физические характеристики», которые напрямую зависят от состояния здоровья человека. Следовательно, в поликультурной среде, показатель инклюзивной культуры которой находится на высоком уровне, принципы инклюзивного образования также будут реализованы наиболее благополучно, потому как люди с определенными физическими недостатками не будут восприняты сквозь призму предубеждений, а их особенности не станут центром повышенного внимания, как и в случае с представителями других культур.

Ощущение принадлежности к обществу, равенство и признание достоинства важны для каждого человека, и учебная среда, базирующаяся на данных принципах, устанавливает и поддерживает благоприятные условия для успешного учебного процесса.

Таким образом, культивирование и развитие поликультурного образовательного пространства для учащихся, педагогов, родителей – крайне важный процесс для становления поликультурного и инклюзивного образования.

Литература

1. Google Diversity Annual Report 2020. URL: <https://kstatic.googleusercontent.com/files/25badfc6b6d1b33f3b87372ff7545d79261520d821e6ee9a82c4ab2de42a01216be2156bc5a60ae3337ffe7176d90b8b2b3000891ac6e516a650ecef0e3f866> (дата обращения: 27.12.2020).
2. France terror attack: Teacher decapitated in Paris suburb named as Samuel Paty // Sky News. URL: <https://news.sky.com/story/france-terror-attack-47-year-old-decapitated-in-paris-suburb-named-as-teacher-samuel-paty-12105885> (дата обращения: 27.12.2020).
3. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. New Delhi: SAGE Publications India Pvt Ltd., 2008. 514 p.
4. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М.: Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 270 с.
5. Hallak J. Education and globalization. Paris: UNESCO International Institute for Educational Planning, 1999. 257 p.
6. Джуринский А.Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. М.: Юрайт, 2016. 257 с.
7. Савченко И.А., Иностраннный студент в России: условия и барьеры интеграции // Вестник ОГУ. 2010. № 4(110). С. 25–31.
8. Deardorff D.K. The Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization // Journal of Studies in International Education. 2006. № 10. P. 241–266.
9. Diversity Wheel as used at Johns Hopkins University. URL: https://www.researchgate.net/figure/Diversity-Wheel-as-used-at-Johns-Hopkins-University-12_fig1_320178286 (дата обращения: 29.12.2020).
10. Olson Ch. L., Rhodri E., Shoenberg Robert F. At Home in the World: Bridging the Gap Between Internationalization and Multicultural Education. Washington, DC: American Council on Education, 2007. – 60 p.
11. Bennett M. Development model of intercultural sensitivity. URL: https://www.researchgate.net/publication/318430742_Developmental_Model_of_Intercultural_Sensitivity (дата обращения: 29.12.2020).
12. Шейко В.М., Богуцький Ю.П. Формування основ культурології в добу цивілізаційної глобалізації. Київ: Генеза, 2005. 591 с.
13. Тюляева Т. Тенденции развития и проблемные вопросы поликультурного образования в современном обществе // Этнодиалоги. 2020. № 3(61). С. 79–89.
14. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 3 августа 2006 г. № 201 «О Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». URL: <https://elementy.ru/Library9/pr201.htm> (дата обращения: 29.12.2020).
15. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 208 с.
16. Черный Е.В. Психология моделирования поликультурного образования. Симферополь: Сонат, 2010. 163 с.

SHAPING MULTICULTURAL LINGUISTIC IDENTITY IN MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Viktoriia A. Skoropadskaya
Kursk State University
Vicktoria V. Klimenteva
Kursk State University

Abstract. In the paper the authors provide insight into the significance of implementing basic principles of multicultural education in secondary education institutions in the era of globalization and cultural integration. There also presented a description of necessary skills and abilities underlying the intercultural communication competence development. The paper focuses on educational and instructional training elements aimed at students' acquisition of necessary knowledge and frame of thinking for further introduction into cross-cultural and interreligious communication. In this work the authors make an attempt to analyze the problem of teachers' insufficient qualifications in providing meaningful and efficient schooling as part of multicultural educational system. The paper substantiates advantages and necessity to reconsider educational aims and content in relation to contemporary multicultural world community demands.

Key words: multicultural linguistic identity, inclusive culture, cross-cultural communication, multicultural interaction, multicultural education, cross-cultural dialogue, tolerance

Скоропадская Виктория Александровна,

студентка, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
тел.: +7 (950) 877 4862
e-mail: annyhilator@ukr.net

Viktoriia A.Skoropadskaya

student FSBEI of Higher Education
«Kursk State University»
mobile: +7 (950) 877 4862
e-mail: annyhilator@ukr.net

Климентьева Виктория Викторовна,

доцент кафедры теории языка и методики преподавания иностранных языков ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
тел.: +7 (960) 676 0613
e-mail: v_klimentyeva@mail.ru

Vicktoria V. Klimenteva

Associate Professor of Language Theory and Foreign Languages Teaching Department FSBEI of Higher Education «Kursk State University»
mobile: +7 (960) 676 0613
e-mail: v_klimentyeva@mail.ru

УДК: 811.112.2

КОММЕНТИРУЮЩИЙ ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Степанов Е.С.

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. В настоящей статье анализируются возможности использования комментирующего перевода в современных медиатекстах в дискурсе СМИ. Исследование, предметом которого являются реалии русского национально-культурного пространства, а объектом – способы их перевода на немецкий язык, осуществлялось на базе сопоставления исходных публицистических статей на русском языке и их переводных версий на немецком, представленных на онлайн-портале dekode.org. Из этого материала были отобраны русские культур-

ные реалии, которые затем были распределены по тематическим группам (ономастические, государственно-административные и ассоциативные реалии). На основе корпуса собранных примеров употребления и перевода реалий была реализована цель исследования: установление форм и особенностей введения комментирующего перевода для адекватной передачи стороны содержания и стороны выражения слов-реалий при помощи современных информационно-коммуникационных технологий. Установлено, что комментирующий перевод является вспомогательным способом перевода в сочетании с иными приемами (транскрипция, пословный перевод, единичное соответствие, родовидовое соответствие, функциональный аналог и др.), а комментарий может вводиться в медиатекст при помощи всплывающих сносок, справочных статей («гноз») и ссылок на другие публицистические тексты. Всплывающие сноски и справочные статьи выполняют информативную функцию, а ссылки на другие статьи – функцию побуждения к чтению.

Ключевые слова: культурные реалии, комментирующий перевод, перевод реалий, способы перевода реалий, публицистика, медиатекст, российский медиадискурс, немецкий медиадискурс

Современная массовая коммуникация уже давно преодолела границы между отдельными государствами и поспособствовала процессу глобализации, в связи с чем о современной цивилизации, в которой преобладают электронные средства коммуникации, даже говорят как о «глобальной деревне» [1, с.73]. Амбивалентность процесса глобализации заключается, однако, в том, что наряду со стремлением к объединению человек сохраняет потребность в сохранении культурной идентичности и национального своеобразия. Передавать эту национальную специфику в процессе кросскультурной коммуникации призваны переводчики, перед которыми стоит непростая задача: как создать эквивалентный текст, который будет понятен носителям иной культуры, и при этом сохранить его национально-культурную специфику? В настоящей статье мы анализируем один из возможных подходов, реализованный на практике при помощи современных технических средств.

Выразителями культурной специфичности зачастую выступают слова-реалии; именно они выступают предметом данного исследования. Реалии в общем понимании – это «номинации свойственных лишь конкретной нации предметов материальной культуры, исторических фактов, национальных деятелей, художественных персонажей, произведения искусства и литературы, явления природы и т.п.» [2, с.98]. Необходимо, однако, добавить, что в семантической структуре слов-реалий, по мнению Н.Л. Шамне, заключена национально-специфическая семема, не имеющая эквивалентов в других языках [3, с.53]. И хотя полная эквивалентность в данном случае, вероятно, не достижима, переводчик должен подобрать средства для адекватной передачи такой национальной специфики.

Национальная специфика реалий, как утверждает И.А. Стернин, обусловлена национально-культурным и национально-концептуальными различиями. В то время как национально-культурное различие заключается в наличии или отсутствии тех или иных элементов в культуре конкретного народа, национально-концептуальное различие подразумевает «наличие немотивированных лакун и несовпадение денотативных компонентов» [4, с.112].

В качестве эмпирического материала для исследования подходов к переводу реалий в условиях электронной массовой коммуникации мы выбрали онлайн-портал *dekoder.org*.

Как заявляют сами создатели проекта, «онлайн-платформа *dekoder* – это мост между германскими и российскими масс-медиа и наукой, проводник в мир общественных дискуссий обеих стран» [<https://www.dekoder.org/ru/o-proekte>]. Портал представлен в

двух версиях: на русском и немецком языке. Сотрудники портала отбирают актуальные с их точки зрения материалы из российских медиа и предоставляют немецкоязычным пользователям возможность ознакомиться с ними на родном для них языке. Таким образом, как пишут создатели, главной формой их деятельности является перевод, который они стараются представить в адаптированной для немецкоязычной публики версии, снабжая переведенные статьи культурологическими и историческими справками.

На основе материалов, опубликованных на этом сайте, нами был составлен корпус из 185 пар примеров употребления реалий в оригинальных текстах публицистического жанра на русском языке (интервью, авторская колонка) и в их переводах на немецкий язык, и были проанализированы переводческие приемы, использованные для передачи реалий с русского языка на немецкий.

Предметная классификация реалий из составленного корпуса происходила на базе трудов В.С. Виноградова. Исследователь выделяет пять классов культурных реалий: бытовые, этнические и мифологические, ономастические, ассоциативные и реалии государственно-административного устройства и общественной жизни. К классу бытовых реалий он относит обозначения жилища, одежды, пищи и напитков, занятий, денежных знаков и мер, музыкальных инструментов, народных танцев и праздников. Среди этнических и мифологических реалий можно выделить этнические и социальные общности, божества и сказочные существа, представителей флоры и фауны. Ономастические реалии подразделяются на антропонимы, топонимы, имена литературных героев и прочие онимы, а под ассоциативными реалиями В.С. Виноградов понимает вегетативные и анималистические символы, литературно-книжные и языковые аллюзии. Наконец, к реалиям из государственно-административной и общественной сферы относят административные единицы, государственные институты, общественные организации, воинские подразделения и т.п. [5, с.104-112]. Необходимо также отметить, что реалии можно рассматривать и с точки зрения временного фактора: здесь говорят о реалиях исторических и современных [6, с.127].

Для анализа собранного корпуса реалий русского культурного пространства мы модифицировали классификацию В.С. Виноградова, отобрав следующие классы:

1. Ономастические реалии:

– антропонимы (*Горбачев, Дудь, Питурич* и т.д.);

– топонимы (*Московское царство, Крым* и т.д.);

– названия художественных произведений (*«Нагрудный знак “OST”», «Культура и взрыв»* и т.д.).

2. Реалии государственно-административного устройства и общественной жизни:

– организации, ведомства и их члены (*силовики, «Мемориал»* и т.д.);

– события (*путч 1991 года, распад СССР* и т.д.);

– праздники (*День Победы, Пасха* и т.д.).

3. Ассоциативные реалии:

– языковые аллюзии (*«Петр прорубил окно в Европу», «Можем повторить»* и т.д.);

– художественные аллюзии (*«Сила в правде», «Кровоточца для вас все-таки милее?»* и т.д.).

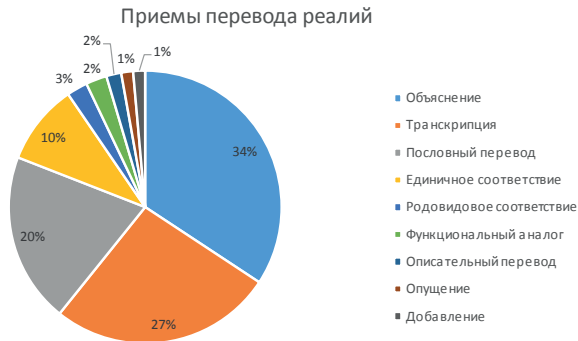
Бытовых, этнических и мифологических реалий в исследованном материале обнаружено не было. Предполагается, что это связано со спецификой использования реалий в публицистических текстах: основной акцент в публицистике делается на анализ современных событий и их взаимосвязь с прошлым, на роли и характере участников этих событий. Предметное деление проанализированных реалий представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Предметная классификация реалий.

В ходе исследования были эксплицированы приемы перевода, использованные для адекватной передачи реалий с русского на немецкий язык. (в скобках приведена их доля от общего числа использованных приемов в процентах): 1. Транскрипция (27%); 2. Пословный перевод (калькирование) (20%); 3. Единичное соответствие (10%); 4. Родовидовое соответствие (3%); 5. Использование функционального аналога (2%); 6. Описательный перевод (2%); 7. Опускание (1%); 8. Добавление (1%); 9. Комментирующий перевод (34%). Процентное соотношение различных переводческих приемов также наглядно отображено на рисунке 2.

Рис. 2. Процентное соотношение использованных переводчиками приемов перевода реалий

Наибольший интерес для нас по нескольким причинам представляет именно комментирующий перевод. Во-первых, как видно из графика, он является самым частотным приемом перевода реалий в проанализированном материале. Во-вторых, на примере комментирующего перевода в медиатекстах можно проследить, какие методы комментирования и объяснения предлагает использование современных информационно-коммуникационных технологий.

Комментирующий перевод как способ перевода лексических единиц выделяется целым рядом исследователей. Так, Д.И. Ермолович в монографии, посвященной переводу имен собственных в художественной литературе, под комментирующим переводом понимает использование эквивалента, «дополненного комментарием в примечании или приложении» [7, с.35]. В качестве иллюстрации к этому способу он приводит отрывок из книги «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера в переводе Р. Райт-Ковалевой, в котором в сноске внизу страницы дается комментарий к ониму *Laurence Olivier*, содержащий информацию об этом актере.

А.А. Папикян определяет комментирующий перевод как «использование примечания или комментария», целью которого является «толкование реалии в комментариях или списках в конце книги» [8, с.91]. Исследователь, однако, отмечает, что такой способ перевода не всегда является удобным: в художественной литературе на традиционных носителях постоянная необходимость переходить в конце произведения в поисках нужного комментария не позволяет читателю сконцентрироваться непосредственно на действии книги.

Важной с теоретической точки зрения представляется также дефиниция, данная И.В. Сединой и В.В. Четверговой, согласно которой комментирующий перевод – это «перевод с добавлением комментариев в примечании или приложении» [9, с.22]. Существенный момент, выделяемый авторами, заключается в том, что комментирующий перевод не может использоваться автономно, отдельно от других приемов перевода.

Остановимся подробнее на особенностях приведенных выше определений комментирующего перевода.

Общим для всех трех дефиниций является то, что комментирующий перевод всегда выражается в форме комментария, пояснения к переводческому эквиваленту. Важная особенность комментирующего перевода, которую эксплицировали И.В. Седина и В.В. Четвергова, – это обязательное использование такого вида перевода в связи с каким-либо другим приемом [9]. Действительно, комментирующий перевод не может выступать в роли самостоятельного переводческого приема, он скорее выполняет вспомогательную функцию и позволяет прояснить контекст употребления реалии. В изученном нами эмпирическом материале комментирующий перевод может использоваться в связке со следующими приемами перевода:

– Транскрипция + комментирующий перевод. Такая комбинация встретила в проанализированном материале 51 раз. Высокая частотность задействования транскрипции связана с тем, что этот прием в целом является наиболее распространенным при переводе реалий, поскольку он позволяет сохранить исходное звучание и колорит реалии:

(1*) *Как писал Юрий Лотман в книге «Культура и взрыв», в такие моменты [...] перед обществом открыты множество путей, а направление дальнейшего развития не предопределено.* – (2*) *Wie Juri Lotman in seinem Buch Kultur und Explosion schrieb, eröffne sich einer Gesellschaft in solchen Momenten [...] eine Vielzahl von möglichen Wegen, wobei die Richtung der weiteren Entwicklung noch offen sei.*

При транскрибировании реалия вводится в текст перевода при помощи графических средств языка перевода, при этом максимально сохраняется ее исходная фонетическая оболочка.

– Пословный перевод (калькирование) + комментирующий перевод. Было зафиксировано 35 случаев сочетания этих приемов перевода. Частое использование пословного перевода объясняется тем, что с его помощью реципиент может получить общее представление о плане содержания реалии уже при ее прочтении:

(3*) *In том же 2012 году принимается закон об «иностранных агентах»... – (4*) Ebenfalls 2012 wurde das Gesetz über «ausländische Agenten» verabschiedet...*

– Единичное соответствие + комментирующий перевод. Использование этих приемов в связке было обнаружено пять раз. Под единичным соответствием понимается систематический, устоявшийся перевод реалии при помощи одной и той же лексемы языка перевода [10, с.229]:

(5*) *Я очень ждал вашей книги, вашего тома о петровской эпохе... – (6*) Ich habe sehr auf Ihr Buch gewartet, auf Ihren Band über die Petrinische Epoche...*

– Родовидовое соответствие + комментирующий перевод. Такое сочетание переводческих приемов встретилось также в пяти случаях, в частности, приведем следующий пример, где переводчик вместо упоминания имени конкретного репера прибегает к генерализации:

(7*) *Посмотрите на клипы Хаски... – (8*) [Es] findet sich heute ... in den Aufnahmen der neuen Generation von Hip-Hop-Musikern...*

– Функциональный аналог + комментирующий перевод. Зафиксировано два случая перевода реалий при помощи данной комбинации. При использовании функционального аналога исходная реалия замещается схожей по форме и функциям реалией в языке перевода:

(9*) *Акции морального устрашения в исполнении прокремлевских молодежек... – (10*) Einschüchterungsaktionen durch kremltreue Halbstarke...*

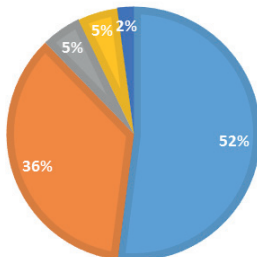
В данном примере исходное слово *молодежка*, означающее здесь объединение агрессивно настроенных молодых людей, передано на немецкий язык при помощи относительного эквивалента *Halbstarke*, который используется в Германии с 1950-х гг. для обозначения молодых людей, как правило, из рабочего класса, поведение которых также отличается высокой степенью агрессии [1**; 2**].

В отношении перевода с помощью единичного соответствия, родовидового соответствия и функционального аналога можно сказать, что их использование в сочетании с комментирующим переводом было зафиксировано лишь в небольшом проценте случаев, что говорит скорее о низкой степени их релевантности для перевода публицистических текстов. Процентное соотношение приемов перевода, с которыми может сочетаться комментирующий перевод, представлено на графике (см. рис 3):

Рис. 3. Приемы перевода, в комбинации с которыми выступает комментирующий перевод

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

■ Транскрипция ■ Пословный перевод ■ Единичное соответствие
■ Родовидовое соответствие ■ Функциональный аналог

В исследованиях, посвященных комментирующему переводу, как уже было отмечено при анализе дефиниций, однозначно закрепляется и расположение такого комментария внутри произведения: пояснение может даваться либо в примечании внизу страницы, либо в специальном разделе в конце книги. Такая строгая привязка комментария к определенному месту внутри текста связана со спецификой его носителя: описанные исследования проведены на материале художественной литературы в традиционной форме, то есть на бумажном носителе, в связи с чем возможности для введения комментариев в такой текст довольно ограничены. При помощи современных информационно-коммуникационных технологий авторы интернет-медиатекстов имеют возможность оформлять сноски и комментарии множеством новых способов, что можно проследить на примере переводов, представленных на портале dekoeder.org.

Для введения комментария на портале используются три формы: всплывающие сноски внутри текста, «гвозди» и ссылки на другие статьи. Рассмотрим каждую форму подробнее.

1. Всплывающие сноски внутри текста.

Данный тип комментария на первый взгляд может показаться стандартной сноской, но в отличие от сносков в печатных медиа он встроен в основной текст статьи. Дальнейшие отличия заключаются в том, что комментируемая реалья не снабжена порядковым номером, который указывает на расположение сноски, а выделена цветом. При наведении курсора на выделенное слово всплывает сноска (рис. 4):

(11) Что сделал Петр? Он взял рыхлое Московское царство XVII века, где на самом деле настоящей вертикали не существовало, она пошатнулась после Смуты. – (12*) Was hat Peter gemacht? Er hat das zermürbte Moskauer Zarenreich des 17. Jahrhunderts übernommen, in dem es eigentlich keine richtige Vertikale gab und das nach der Zeit der Wirren völlig am Ende war.*

Рис. 4. Всплывающая сноска в статье «Russland hat gute Chancen, irgendwann glücklich zu werden»

Also, er hat natürlich ein Fenster aufgestoßen, aber die Tür hat er zugelassen. Das war ein vergittertes Fenster, durch das jene hinaussehen durften, denen das gestattet war. Was hat Peter gemacht? Er hat das zermürbte Moskauer Zarenreich des 17. Jahrhunderts übernommen, in dem es eigentlich keine richtige Vertikale gab und das nach der Zeit der Wirren völlig am Ende war.

Die „Zeit der Wirren“ bezeichnet eine Episode zu Beginn des 17. Jahrhunderts, als verschiedene Prätendenten um die Thronfolge rangen, fremde Heere russische Städte belagerten und Hungersnöte grassierten. Der Begriff stellt hier einen Zusammenhang zu den 1990er Jahren her, als der russische Zentralstaat schwach, der Einfluss von Wirtschaftseliten auf die Politik hoch und Armut verbreitet war.

struktur aufgebaut, ähnlich wie in der alle Entscheidungen die sich im Kopf des Herrschers dort. Das ist keine Europäisierung, Perücken, Miedern und

russische Literatur, also jene Kultur,

aus der wir alle hervorgegangen sind, so verdanken wir sie, wie mir jetzt klar ist, nicht Peter, sondern Katharina, sie entstand also wesentlich später.

В этом примере встречается историческая реалья *Смута*, к которому дается всплывающая сноска. Она содержит сжатую справку об этом явлении, состоящую из несколь-

ких сложных распространенных предложений. В комментарии также эксплицируется мотивированность употребления реалии в контексте: *Смута* выступает здесь в роли аллюзии на 1990-е гг., когда центральная власть была так же ослаблена, а значительное влияние на политику оказывали экономические элиты.

2. «Гнозы».

«Гнозами» авторы платформы обозначают «научные статьи, рассказывающие об истории и смысле того или иного явления, той или иной проблемы» [https://www.dekoder.org/ru/o-proekte]. Впрочем, создатели замечают, что это все же не классические научные статьи, хотя они дают более подробную и углубленную справку, чем обычные комментарии. Таким образом, «гнозы» больше по объему и глубже по содержанию, чем стандартные сноски. Эти особенности можно проследить на одном из примеров:

(13) Во Франции или Польше не было ни коллективизации, ни Гулага, но война, пусть на время, сгладила эту разницу. – (14*) In Frankreich oder Polen hat es weder Kollektivierung noch den Gulag gegeben, doch der Krieg hat diesen Unterschied – wenn auch nur zeitweise – nivelliert.*

В этом отрывке из статьи об ограничениях по причине эпидемии коронавируса встречается историческая реалия *Гулаг*, к которой дается комментарий в виде «гнозы». На рисунке 5 видно, что «гнозы» в переводных статьях представлены так же в виде всплывающей сноски внутри текста, но содержат гиперссылку на самостоятельную интернет-страницу, то есть всплывающая сноска здесь выступает в роли предпросмотра самой статьи, содержащего отрывок из лида (аннотацию) статьи объемом 3-4 предложения.

Рис. 5. Отрывок из статьи «Tausche Freiheit gegen Gesundheit»

In Frankreich oder Polen hat es weder Kollektivierung noch den Gulag gegeben, doch der Krieg hat diesen Unterschied zwischen dem sowjetischen Irrsinn wurde vom weltweiten Krieg der blauen Streifen an der Front. Geringsten zu verändern, plötzlich Teil von Gut und Böse. Die Hölle des Jahres 1918 ist beinahe erklärbar: Alle haben ja Frankreich als potentiellen Verräter nicht rechtzeitig erkannt. Deutschen kamen. Das vaterländische Gefühl des globalen Guten – und wen interessierte es da schon, dass es immer noch böse war?

Der Begriff Gulag steht im weitesten Sinne für das sowjetische Lagersystem und damit für den Terror und den Repressionsapparat, den die kommunistische Partei der Sowjetunion zum Erhalt ihrer Macht aufbaute. GULag ist die Abkürzung für Hauptverwaltung der Erziehungs- und Arbeitslager. Diese Verwaltungsstruktur existierte von 1922 bis 1956 und unterstand dem sowjetischen Sicherheitsdienst. Mehr dazu in unserer Gnose →

Сама «гноза» представляет собой развернутую справку о каком-либо персонаже, предмете или явлении (см. рис. 6). Ее структура включает в себя заголовок, указание на автора, первый главный абзац, в котором коротко формулируется проблема и раскрывается суть заголовка (т.н. «лид») и основной текст статьи. В конце может быть приведена дополнительная литература по теме.

Рис. 6. Отрывок из «гнозы» «Gulag»

Gulag

VON CORINNA KUHR-KOROLEV

Der Begriff Gulag steht im weitesten Sinne für das sowjetische Lagersystem und damit für den Terror und den Repressionsapparat, den die **Kommunistische Partei der Sowjetunion** zum Erhalt ihrer Macht aufbaute. Der westlichen Öffentlichkeit ist der Gulag seit den 1970er Jahren durch **Solschenitzyns** Buch breiter bekannt geworden: Der **Archipel Gulag** war die grausame Seite des erklärten ruhmreichen Aufbaus der lichten Zukunft im Kommunismus. Gulag ist die Abkürzung für **Glawnoe Uprawlenie isprawitelno-trudowych Lagerei** (dt. Hauptverwaltung der Erziehungs- und Arbeitslager). Das Lagersystem unterstand dem sowjetischen Sicherheitsdienst **OGPU**, seit 1934 **NKWD**. Es existierte von 1922 bis 1956.

Средний объем основного текста «гнозы» составляет примерно 3800 знаков, а информация, содержащаяся в такой справочной статье, рассказывает об истории явления, предпосылках его появления, периодах его существования и исторических последствиях. Читатели, заинтересованные в подробной информации о реалии, могут, таким образом, при желании получить либо общее краткое представление о событии с помощью всплывающей сноски, либо же развернутую справку о нем в отдельной статье по гиперссылке.

3. Ссылки на другие статьи.

Еще один вариант введения комментария к реалии – снабжение ее ссылкой на другую публицистическую статью, связанную с ней тематически. Рассмотрим этот способ на следующем примере:

(15) Шесть клиник было построено на этот миллион – для реабилитации пострадавших в Чернобыле, у озера Арал в Азии и в России. – (16*) Von der Million wurden sechs Kliniken gebaut, zur Hilfe für die Opfer von Tschernobyl, am Aralsee in Asien und in Russland.*

В этом отрывке встречается историческая реалия *Чернобыль*, при наведении курсора на которую всплывает гиперссылка на другие статьи по этой теме. Гиперссылка снабжена дополнительной информацией, ее содержание, однако, отличается по целям и функциям от «гнозы». Если функция первых двух типов комментариев (сноска и «гноза») – дать фактическую информацию о реалии в краткой или расширенной форме, то отсылка на другие статьи оформлена уже по канонам журналистики: текст имеет целью заинтересовать читателя, побудить его к прочтению аннотируемой статьи. В соответствии с целью подбираются такие языковые средства, как вопросительные предложения, стилистически окрашенная лексика (*versagen*) и модные слова политического дискурса (*instrumentalisieren*) (см. рис. 7):

Рис. 7. Ссылка на другую статью, где подробно рассказывается о реалии

Ihre Vorträge haben Ihnen gutes Geld eingebracht ...

Ja, auf unserer ersten Reise 1992 haben wir eine Million [Dollar] verdient. Wir haben sie für unsere Sache eingesetzt. Übrigens, zum Thema, wie ich das Geld, was ich bekommen habe, verwendete. [1990] erhielt ich den Nobelpreis: 1,1 Millionen Dollar. Von der Million wurden sechs Kliniken gebaut, zur Hilfe für die Opfer von

Tschernobyl, am Aralsee in Asien und in Russland.

Presseschau № 28: Tschernobyl Wurde Tschernobyl vom Westen instrumentalisiert? Versagt die Ukraine bei der Bewältigung der Folgen? Und welche Rolle spielt Russland? Eine Debattenschau mit übersetzten Originalzitaten. →

reich. Schließlich sind Sie der dek] Grünen Kreuzes, einer rganisation.

Ja, das Grüne Kreuz, das ist tatsächlich mein Kind. Da waren alle möglichen Leute

Чтобы узнать ответы на поставленные самим автором вопросы, читателю нужно перейти по гиперссылке, которая ведет к дайджесту статей на данную тему. Дайджест представляет собой обзор прессы, его предваряет «лид», в котором описываются предпосылки и контекст создания статей (см. рис. 8), затем идет сам список переводных статей из различных публицистических изданий.

Рис. 8. Оформление обзора прессы

DEKODER

PRESSESCHAU № 28: TSCHERNOBYL

VOM 02.05.2016

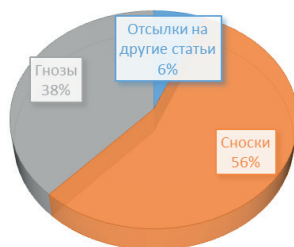
Zum 30. Jahrestag der Tschernobyl-Katastrophe wurden auch in Russland Umstände und Folgen des Unfalls heftig diskutiert. Das Thema ist gerade in diesem Jahr zu einem regelrechten Politikum geworden: In der Debatte geht es nicht nur um die humanitären, ökologischen und technischen Aspekte, sondern auch um das Bild, das man sich in Russland heute von der ehemaligen Sowjetrepublik Ukraine macht.

Einige Medien nehmen den Jahrestag zum Anlass, um der Ukraine alte wie neue Fehler zur Last zu legen, andere sehen bei der weiteren Bewältigung der Folgen auch den russischen Staat in der Pflicht.

Частотность использования различных форм комментирующего перевода представлена на графике (см. рис. 9):

Рис 9. Процентное соотношение форм комментирующего перевода

КОММЕНТИРУЮЩИЙ ПЕРЕВОД В ФОРМЕ

Из графика видно, что наиболее частотной формой комментирующего перевода в изученном материале (более половины всех случаев) является всплывающая сноска. Это можно объяснить тем, что сноска позволяет компактно и практически без отрыва от основного текста получить наиболее важную информацию о реалии в сжатой форме. «Гнозы» также являются распространенной формой введения комментария в переводах на *dekode.org*, поскольку они дают справку о наиболее частотных реалиях русского культурного пространства, которые регулярно встречаются в публицистических текстах. Наконец, ссылки на другие публицистические статьи встречаются довольно редко, что, вероятно, объясняется тем, что создатели портала пытаются осветить как можно больше разнообразных актуальных тем, которые не так часто пересекаются друг с другом по содержанию.

Из проведенного анализа можно заключить, что комментирующий перевод при использовании современных информационно-коммуникационных технологий является перспективным методом при переводе культурных реалий. Он позволяет получить реципиенту как краткую, так и более подробную информацию о той или иной реалии и практически лишен недостатков традиционных форм сносок и комментариев. В качестве перспектив дальнейшего исследования можно назвать проведение более подробного анализа других переводческих приемов, использованных переводчиками, сотрудничающими с платформой, для перевода публицистических текстов с русского на немецкий язык.

Литература

1. McLuhan, Marshall. *The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man*. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
2. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // *Русский язык за рубежом*. 1972. № 3. С. 98–100.
3. Шамне Л.И. *Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: учеб. пособие*. 3-е изд. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. 195 с.
4. Стернин И.А. Структурная семасиология и лингводидактика // *Русское слово в лингвострановедческом аспекте: Межвузовский сборник научных трудов*. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1987. С. 104–121.
5. Виноградов В.С. *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
6. Вернигорова В.А. Осмысление реалии в подлиннике и переводе // *Болгарская русистика*. 2010. № 4. С. 126–135.

7. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.

8. Папикян А.А. Реалия как объект переводческой деятельности. Язык и культура. № 6. 2013, С. 88–95. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20390417> (дата обращения: 28.12.2020).

9. Седина И.В., Четвергова В.В. Стратегии и приемы перевода имен собственных в произведениях жанра фэнтези (на примере произведений цикла «Песнь льда и огня» Джорджа Р.Р. Мартина). Дневник науки. № 6 (6). 2017. С. 12–24. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2017/6/philology/Sedina_Chetvergova.pdf (дата обращения: 28.12.2020).

10. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 343 с.

Список источников примеров

1* Курилла И. Мир мог бы быть другим // Riddle. 14.02.2020. URL: <https://www.ridl.io/ru/mir-mog-byt-drugim/> (дата обращения: 28.12.2020).

2* Kurilla I. Die Fehler des Westens (пер. Jennie Seitz) // Dekoder. URL: 27.02.2020. <https://www.dekoder.org/de/article/kurilla-fehler-westen-russland> (дата обращения: 28.12.2020).

3* Липский А. Войны памяти и первое лицо // Новая газета. 13.01.2020 URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/13/83431-voyny-pamyati-i-pervoe-litso> (дата обращения: 28.12.2020).

4* Lipskii A. «Es geht darum, den Gegner möglichst schmerzhaft zu treffen» (пер. Anselm Bühling) // Dekoder. 22.01.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/miller-erinnerungskrieg-geschichtsstunde-schuldfrage> (дата обращения: 28.12.2020).

5* Быков Дм. Григорий Чхартишвили: «Я абсолютно верю в счастливую Россию» // Новая газета. 20.03.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/20/85462-grigoriy-chhartishvili-ya-absolyutno-veryu-v-schastlivuyu-rossiyu> (дата обращения: 28.12.2020).

6* Bykov Dm. «Russland hat gute Chancen, irgendwann glücklich zu werden» (пер. Ruth Antenhofer) // Dekoder. 23.07.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/akunin-bykow-streitgesprach-udssr> (дата обращения: 28.12.2020).

7* Сапрыкин Ю. 20 лет Путина: трансформация общества // Ведомости. 13.08.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/13/808649-20-let-putina> (дата обращения: 28.12.2020).

8* Saprykin Iu. Putin – Geisel der 1990er Jahre? (пер. Jennie Seitz) // Dekoder. 02.01.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/20-jahre-putin-gesellschaft-wandel> (дата обращения: 28.12.2020).

9* Сапрыкин Ю. 20 лет Путина: трансформация общества // Ведомости. 13.08.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/13/808649-20-let-putina> (дата обращения: 28.12.2020).

10* Saprykin Iu. Putin – Geisel der 1990er Jahre? (пер. Jennie Seitz) // Dekoder. 02.01.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/20-jahre-putin-gesellschaft-wandel> (дата обращения: 28.12.2020).

11* Быков Дм. Григорий Чхартишвили: «Я абсолютно верю в счастливую Россию» // Новая газета. 20.03.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/20/85462-grigoriy-chhartishvili-ya-absolyutno-veryu-v-schastlivuyu-rossiyu> (дата обращения: 28.12.2020).

12* Bykov Dm. «Russland hat gute Chancen, irgendwann glücklich zu werden» (пер. Ruth Antenhofer) // Dekoder. 23.07.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/akunin-bykow-streitgesprach-udssr> (дата обращения: 28.12.2020).

13* Кашин О. Свобода в обмен на здоровье. Сделка со злом // Republic. 13.01.2020. URL: <https://republic.ru/posts/96440> (дата обращения: 28.12.2020).

14* Kashin O. Tausche Freiheit gegen Gesundheit (пер. Jennie Seitz) // Dekoder. 20.04.2020. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/corona-freiheitsrechte-ausgangsbeschaenkungen-gesundheit> (дата обращения: 28.12.2020).

15* Жегулев И. «Если бы не гласность, Солженицын продолжал бы рубить дровишки в Вермонте» Интервью Михаила Горбачева — о Ельцине, Путине и любви // Meduza. 02.03.2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/02/esli-by-ne-glasnost-solzhenitsyn-prodolzhal-by-rubit-drovishki-v-vermonte> (дата обращения: 28.12.2020).

16* Zheguliov I. Die Perestrojka lebt (пер. Hartmut Schröder) // Dekoder. 11.07.2019. URL: <https://www.dekoder.org/de/article/gorbatschow-perestrojka-glasnost-interview> (дата обращения: 28.12.2020).

Список словарей

1** Duden. Онлайн-версия. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Halbstarker> (дата обращения: 28.12.2020).

2** Wikipedia. Немецкая версия. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Halbstarker> (дата обращения: 28.12.2020).

COMMENTING TRANSLATION OF CULTURAL REALIA FROM RUSSIAN INTO GERMAN IN PUBLICIST TEXTS

Evgenii S. Stepanov
St. Petersburg State University

Abstract. The present article analyzes the possibilities of the commenting translation in rendering modern media texts in online media discourse. The paper, which deals with Russian national and cultural realia, focuses on the methods of their translation into German. It investigates original publicist articles in Russian and their translations into German presented on dekoder.org. Russian cultural realia have been grouped thematically into the following categories: onomastic realia, administrative and governmental realia as well as the association-based realia. This realia corpus helped to elicit the forms and foreground the peculiarities of commenting translation as a tool to ensure adequate communication through the means of modern information and communication technologies. It has been proved that commenting translation is a method of translation, which can often be used alongside with other methods (transcription, word-by-word translation, finding equivalents and functional alternatives, etc.). It has also been found out that a commentary can be added to a translated media text by means of a note in a pop-up window, an information article (so-called “gnose”) or a hyperlink to other publicist texts. Pop-up notes and information articles provide readers with additional information, while a hyperlink stimulates the reader to read them.

Key words: cultural realia, commenting translation, translation of realia, methods of translation of realia, publicist texts, media text, Russian media discourse, German media discourse

Степанов Евгений Сергеевич,

к. ф. н., ассистент кафедры немецкой
филологии
Санкт-Петербургский государственный
университет
тел.: +7 (921) 594 2913
e-mail: e.s.stepanov@spbu.ru

Evgenii S. Stepanov

Candidate of Philological Sciences,
Assistant Lecturer of German Philology
Department
St. Petersburg State University
mobile: +7 (921) 594 2913
e-mail: e.s.stepanov@spbu.ru

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В СФЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ: ЭФФЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Столярова Е.А.
научный руководитель
к.ф.н., доц. кафедры
перевода и профессиональной коммуникации
Лукина С.Л.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния глобализации на русскоязычную сферу академического общения в контексте активной интернационализации российско-го высшего образования. Актуальность исследования обусловлена вопросами ассимиляции новых языковых заимствований, пришедших в русскоязычную академическую сферу за последние двадцать лет, а также необходимостью их качественного профессионального перевода. Объектом исследования выступают лексические единицы, включенные в глоссарии Болонского процесса, а также многочисленная профессиональная лексика, заимствованная из англоязычного академического дискурса. Отмечаются положительные и отрицательные стороны описываемых процессов. Растущая глобализация неизменно диктует свои требования в отношении современного образования в условиях поликультурной и многоязычной среды. В этой связи, с одной стороны, появляются возможности для более широкого межкультурного общения в различных сферах, включая и сферу образования. Это позволяет все большему числу студентов и преподавателей стать участниками единого профессионального сообщества, получить доступ к мировой практике, обмену опытом, развитию новых компетенций. Однако, с другой стороны, это неизбежно влечет и ряд проблем, связанных со стиранием культурной самобытности, языковой идентичности, с необходимостью унификации многих стандартов и подходов. Язык в этом отношении становится активным маркером этих изменений. Результаты демонстрируют тенденцию неоправданного «холодного импорта» иностранной лексики, которая используется не только для обозначений новых понятий, но и часто вытесняет понятные, устоявшиеся в русском языке термины.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация высшего образования, поликультурная среда, культурная самобытность, болонский процесс, академический дискурс, лексические заимствования, языковые дублеты

Во второй половине XX века в Европе сложились условия для интеграции стран в единое пространство, сначала экономическое, затем культурное, образовательное и, наконец, территориально-административное. Этот процесс стали называть глобализацией [1]. Автором данного термина является известный социолог Роланд Робертсон, описавший данное явление в своей работе под названием «Глобализация, социальная теория и глобальная культура» [2]. Глобализация рассматривалась как некая закономерность развития мирового сообщества в целом. Ее целью стало сближение народов и усиление их взаимодействия. Это было логически обусловлено стремлением стран совместно решать проблемы, с которыми невозможно было справиться в одиночку, не выходя за рамки национальных границ. Одной из таких проблем была неравномерность развития отдельных стран и регионов в ряде сфер, прежде всего в сфере экономики. Это неизбежно оказывало отрицательное влияние и на другие сферы. Поэтому в основе концепции глобализации, по мнению экспертов, лежит идея гармонизации как перспективы развития [3].

Мир сегодня представляется нам как целостный организм, и его гармоничное функционирование обеспечивается выравниванием политических доктрин, формированием общих ценностей, конструктивным диалогом в сфере науки, культуры и образования. Последнее имеет особое значение, так как, по сути, образование является самым эффективным инструментом формирования общих культурных ценностей, воспитания людей в духе мира и дружбы. Эти концепции официально отражены в документах ООН [4] и ЮНЕСКО [5], где вопросы образования и воспитания рассматриваются в рамках широкого социокультурного контекста. В 90-е гг. началась активная реализация проектов, посвященных участию молодежи в защите и популяризации всемирного культурного наследия. Это было нацелено, с одной стороны, на воспитание осознания ценностей своей собственной культуры, а, с другой стороны, ставило целью воспитать уважение к ценностям других культур. Для того, чтобы эта политика получила официальный статус, в 1995 году в Норвегии состоялся первый Международный форум молодежи по охране всемирного культурного наследия, где была озвучена задача подготовки молодежи к жизни в многоэтническом социуме [6].

Создание общего образовательного пространства, по мнению сторонников данного подхода, должно содействовать развитию стратегии гражданского воспитания будущего поколения в условиях активно утверждающегося мультикультурализма и мультилингвизма. Окончательно эта концепция была официально закреплена в июне 1999 года в рамках декларации «Зона европейского высшего образования», которая сегодня известна как Болонская декларация [7]. С того момента в системе образования Европы, а позже и России, произошли значительные изменения. Принятие декларации и создание единого образовательного пространства подразумевало поддержание и развитие двухуровневого обучения, ориентацию на европейскую систему зачетных единиц, внедрение сопоставимых внутривузовских стандартов контроля и систем оценивания результатов обучения во всех странах-участницах. Все эти шаги должны обеспечить студентов и преподавателей равными возможностями обучаться в самых разных вузах, по различным программам в странах по выбору. Это способствует повышению уровня конкурентоспособности на рынке труда и расширяет возможности поиска работы.

Как отмечают исследователи, этот путь дался нашей стране нелегко и не все намеченное удалось реализовать [8]. Тем не менее, можно говорить о ряде ощутимых результатов. Это касается внедрения в российских вузах программ бакалавриата и магистратуры, ориентации на европейскую систему зачетных единиц ECST (EuropeanCreditTransferSystem), а также запуск и развитие программы академической мобильности студентов и преподавателей. Все это позволяет преподавателям и студентам стать равноправными участниками профессионального сообщества и получить доступ к мировой практике, обмену опытом, развитию новых компетенций [9]. Отметим, что положительная репутация качественного образования российских университетов привлекает сегодня большое количество абитуриентов из других стран. Об этом свидетельствует, например, статистика, представленная на сайте Study in Russia [10]. Число приезжих студентов растет с каждым годом. В число университетов, активно участвующих в процессе интернационализации высшего образования, входит и Воронежский государственный университет (ВГУ), где за последние полвека прошли свое обучение более пятнадцати тысяч иностранных студентов из 140 стран. В настоящее время университет реализует более 35 международных проектов в рамках европейской программы Erasmus+, что делает его одним из лидеров в этой сфере [11]. Более того, в Институте международного образования ВГУ была создана лаборатория новых об-

разовательных технологий. Специалисты этой лаборатории разработали и запустили научно-образовательный проект «Русский виртуальный класс» [12]. Данная программно-методическая платформа предназначена для обучения иностранных студентов русскому языку. Первоначально проект предназначался для испаноговорящих студентов, позже был адаптирован для китайской аудитории [13]. Спектр целевой аудитории постепенно расширяется, что позволяет встраивать русский язык и культуру в общеевропейскую поликультурную среду.

Однако на фоне положительных тенденций можно также наблюдать и конфликтные явления в форме обострившейся борьбы расовых и этнических субкультур, по мнению которых, их национальная идентичность была поставлена под угрозу. Конечно, в этом тоже присутствует своя доля правды, так как абстрактные понятия «общего дома» и равноправия должны сочетаться с национально-культурной спецификой и традициями. Однако это не всегда бывает именно так. Например, участниками единого европейского пространства являются на сегодняшний день 27 государств: Бельгия, Австрия, Германия, Франция, Греция, Дания, Швеция, Финляндия, Чехия и т.д. Тем не менее, ЕС имеет только три рабочих языка – английский, французский, немецкий. Для официальных протоколов, корреспонденции и заявлений используется английский. На этом фоне неизбежна языковая дискриминация, так как интеграция всегда предполагает выбор одного из ряда других. В своих работах многие исследователи данной проблематики давно и неоднократно ставили вопрос о необходимости развития языкового разнообразия, что станет гарантом европейской безопасности [14], [15]. Тезис о том, что каждый язык является выразителем культурной, исторической и ментальной идентичности своей нации, не подлежит сомнению. Однако сегодня мы наблюдаем своего рода «англоязычную оккупацию» общеевропейского пространства «техническим английским», прежде всего в сфере экономики и информационных технологий. Это язык, который не привязан к родной культуре говорящего на нем пользователя [16]. Техническая и номенклатурная роботизация языка, в частности английского, нарушает лингвистическую аксиому, согласно которой мы рассматриваем язык как культурный код.

В настоящей статье мы обращаемся к проблеме влияния особенностей поликультурной среды и происходящих образовательных перемен на национальную языковую идентичность. Как правило, глобальные изменения структурного характера неизбежно влекут за собой и изменения языковые, ведь язык выступает всегда самым чувствительным и реагирующим элементом. Включенность в единое образовательное пространство предполагает и подключение к единой академической ноосфере, конвертацию национального понятийно-терминологического аппарата в европейскую систему понятий, а также ассимиляцию новых заимствованных единиц. Процесс унификации терминов академического общения неизбежно привел к появлению целого ряда лексических заимствований, «языковое качество» которых часто является весьма сомнительным. Это обусловило актуальность данного исследования. Русский язык пополнился прежде всего обширным списком терминов, связанных с Болонским процессом в целом, что отражено в переводной версии многочисленных официальных документов, а также многочисленной лексикой в рамках межкультурного профессионального общения преподавателей. Правда, часто применяемое транскрибирование новых заимствований далеко не всегда является оправданным и часто становится злоупотреблением. Встречается много случаев, когда наряду с существующими традиционными терминами, например, *педагог*, *докладчик* (на конференции), *деловые связи/контакты* нам активно насаждаются их языковые дублиеты: *эдьюкейтор* [1*], *спикер*, *нетворкинг*, *транспарентность*

и т.д. Букет подобных заимствований весьма впечатляет, равно как и обеспокоенность их языковым качеством. Складывается впечатление, что стремление к унификации в конечном итоге приводит скорее к засорению национального языка «холодным импортом». Иногда эти варианты являются результатом перевода, выполненного непрофессиональными переводчиками.

В этой связи, одной из основных задач нашего исследования стал анализ приемов перевода, с помощью которых в русскоязычный академический лексикон вводятся новые термины и языковые реалии. Забегая вперед, отметим, что зачастую переводчики прибегают к приемам транскрипции и транслитерации, порождая тем самым несметное количество формальных, ничего не значащих для русского человека терминов. В рамках настоящего исследования мы обратились к анализу существующих на данный момент глоссариев, включающих термины Болонского процесса с их русскоязычными коррелятами. Кроме того, в задачи исследования входило сравнение их объема, приемов перевода и выявление наиболее частотных из них.

В список проанализированных нами глоссариев вошли следующие источники:

– Официальный Глоссарий терминов Болонского процесса, разработанный Национальным офисом программы Tempus в России (69 лексических единиц на английском языке с переводом на русский и подробными дефинициями) [17];

– Болонский процесс: Глоссарий (на основе опыта мониторингового исследования) под научной редакцией проф. В.И. Байденко и проф. Н.А. Селезневой (53 термина, 35 из которых повторяются в первом источнике) [18];

– Краткий терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования, составленный группой специалистов под руководством С. А. Степанова (146 единиц лексики с подробным описанием каждой) [1**].

Многие термины в данных глоссариях повторяются, но встречаются и случаи, когда термин присутствует только в одном из глоссариев. Методом сплошной выборки были выявлены 224 единицы. Анализ их тематической соотнесенности показал, что они характеризуют процесс европеизации высшего образования с самых разных точек зрения.

Например, в рамках юридического регламента, отраженного в основных документах Болонского процесса, мы встречаем такие реалии, как: *academic audit, benchmark, validation, verification, state academic standard of education, functionary instruction* [2*, 3*, 4*] и т.д.

В рамках названий различных ассоциаций, союзов, объединений, администрирования, полномочий, должностей. Это, например, отражено в таких названиях, как: *European Higher Education Area (EHEA), European Research Area, European Association for Quality Assurance in Higher Education (ENQA), The National Unions of Students in Europe, European University Association (EUA), European Association of Institutions in Higher Education (EURASHE), Tuning project, Double Diploma* [2*, 3*, 4*].

В рамках образовательного регламента болонские термины отражают системы взаимозачета кредитных единиц, аккредитации высших учебных заведений, уровней образования, учебные степени и академическую мобильность: *European Credit Transfer System (ECTS), Diploma Supplement, Bachelor, Mobility, Transborder Education, Master, Graduate school, Doctorate, Transparency of Qualifications* [2*, 3*, 4*].

Анализ приемов перевода, при помощи которых происходило и происходит собственно заимствование данной лексики, показал следующее. Поскольку данная лексика представлена фактически языковыми реалиями, переводчики обращаются к тем при-

емам, которые обычно используют для их перевода. Они включают следующие трансформации:

Транскрипция и транслитерация. Это наименее сложный способ передачи лексики, не имеющей аналогов в языке перевода, копирующий «форму иноязычного слова»: accreditation – «аккредитация», module – «модуль», harmonization – «гармонизация» [2*, 3*, 4**].

Собственно калькирование или калькирование в сочетании с транслитерацией: Student-centered learning «Студентоцентрированное обучение», Qualifications framework «рамка квалификаций», Self-Evaluation «самообследование» [2*, 3*, 4*] и т.д.

Функциональная замена. К данному приему прибегают, когда значение слова и его перевод зависят от контекста. Например, credit может быть как «кредитом», так и «зачетной единицей», diploma и certificate может стать «аттестатом» и т.д.

Конкретизация и генерализация. К приему конкретизации переводчики прибегают для перевода сочетаний, которые без дополнительного пояснения не дадут получателю перевода никакой информации. Хорошим примером служит словосочетание Tuning project [2*], эквивалентом которого в анализируемых нами словарях выступает вариант «Проект «Настройка образовательных структур в Европе». Говоря о генерализации, стоит отметить, что с течением времени сложилась определенная тенденция при работе с общими терминами. Например, social dimension, cycles, modularization и прочие единицы в контексте Болонского процесса стандартно переводятся следующим образом: социальная направленность высшего образования/ социальные аспекты высшего образования; циклы высшего образования; модуляризация в образовании.

Описательный перевод. В отношении исследуемой нами лексики это самый низкочастотный прием перевода, несмотря на то, что подавляющее большинство единиц не имеет полных (и даже частичных) эквивалентов в русском языке: literature and performance [5*] учебная дисциплина, объединяющая литературу и театральное искусство.

Анализ показал, что самыми частотными приемами перевода выступают транскрипция и транслитерация. Их используют в 27% случаев от общего числа. Менее частотными выступают единицы, переведенные с помощью калькирования. Этот показатель составляет 23% от общего количества примеров. Кроме того, примеры транскрибированных, транслитерированных и калькированных заимствований мы условно разделили на три группы.

Первую группу составили заимствования, которые прочно вошли в русский язык и активно используются его носителями в академическом дискурсе: Bologna declaration «Болонская декларация», bologna process «Болонский процесс», descriptors «дескрипторы», competence «компетенция», validation «валидация», audit «аудит», project «проект», university «университет», profile «профиль», modularization «модуляризация», portfolio «портфолио», harmonization «гармонизация», double diploma «двойной диплом» [2*, 3*, 4*].

Вторую группу составили единицы, которые имеют несколько коррелятов: verification «верификация», «проверка», europass «ЕВРОПАСС» или «европаспорт», diplom/ certificate «диплом», «сертификат», «аттестат», speaker «спикер», «докладчик», «выступающий», timing «тайминг», «расписание», «график», временной регламент, tutor «тьютор», «наставник» [2*, 3*, 4*].

Последняя группа включает термины, эквиваленты которых так и не прижились в русском языке и со временем были заменены более привычными для русского языка эквивалентами: например, эдьюкейтор (от англ. educator) используется пока окказионально, в подавляющем большинстве случаев отдается предпочтение традиционному

термину «педагог»/ «учитель»; contact hours [2*] передается вариантом не «контактные часы», а аудиторные часы; слово «кредит» (credit) [2*, 3*] можно услышать крайне редко, его успешно заменяют «зачетные единицы». Отдельно отметим множество других интересных примеров: аппликанты (программ мобильности), образовательные треки, образовательный контент, супервизии, коворкинги (совместные проекты), сторителлинг (как метод обучения) и т.д. Ассимиляция этой лексики является лишь вопросом времени.

В настоящее время можно проследить определенную тенденцию как активной замены русских академических терминов англицизмами-синонимами (например, вместо «совместного проекта» «коворкинг»), так и нежелания искать для новых реалий эквивалент с помощью доступных средств русского языка. К сожалению, в этот дискурс погружается и современная молодежь. И хотя, на первый взгляд, все эти заимствования кажутся неудобными, странными и громоздкими, молодое поколение все чаще и чаще прибегает к использованию их в своей речи. Конечно, частично это можно объяснить тем, что мир меняется с огромной скоростью, даже устная речь не успевает вовремя реагировать на эти изменения и, как следствие, заимствование успешно ассимилируется в своей «инородной оболочке» и остается в языке и обществе. Кроме того, хотя политические и общественные деятели активно критикуют сложившуюся ситуацию с подобными случаями, кардинально проблема пока не решена.

В заключение отметим, что глобализация, несомненно, привнесла и продолжает приносить положительное в наш мир, открывая новые возможности во всех сферах профессиональной жизни. В этой связи, появление заимствований — это естественный процесс развития языка, отражающий эти изменения, и некоторые из них действительно появились и используются нами оправданно, так как расширились границы мира наших реалий. Тем не менее, это вовсе не означает, что стоит бездумно наполнять родной язык единицами из других языков или, что еще хуже, отказываться от слов родного языка в угоду иностранному. Со временем происходит неизбежное привыкание к подобным неестественным для русского языка названиям академических реалий. Они уже не режут слух, люди не замечают, как используют в своей речи «коуч» вместо «тренера» или обращаются к специалисту по «менторству». Если этот процесс оставить без внимания, красота и самобытность русского языка могут быть безвозвратно утрачены. Нельзя забывать известные слова В.Г. Белинского: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» [19].

Литература

1. Чумаков А.Н. Глобалистика: Энциклопедия. М.: «Радуга», 2003. 1328 с.
2. Robertson Roland Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications Ltd, 2000. 224 p.
3. Шахназаров Г.Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4. С. 185.
4. Всеобщая Декларация прав человека // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.11.2020).
5. Инициатива «Воспитание в духе всемирной гражданственности: образование в целях формирования культуры законоуважения» // Дохинская декларация: поощрение культуры соблюдения законности. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/about-e4j/unodc-unesco-partnership.html> (дата обращения: 28.11.2020).
6. Молодёжь и всемирное наследие // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: <http://kgiop.ru/nasledie/molodyozh-i-vsemirnoe-nasledie/> (дата обращения: 28.11.2020).

7. European Higher Education Area and Bologna Process // European Higher Education Area and Bologna Process URL: <https://eha.info/> (дата обращения: 28.11.2020).
8. Балицкая И.В., Лим Э.Х. Поликультурные аспекты образования: учебное пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 168 с.
9. Дериглазова Л.В., Грошева Г.В. Влияние международной академической мобильности на идентичность молодежи // Европейский путь для России: за и против. 2017. С. 135–149.
10. Российское высшее образование в цифрах // Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов. URL: <https://studyinrussia.ru> (дата обращения: 23.10.2020).
11. Ендовицкий Д.А. Европейский вектор международной деятельности университета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. № 3. С. 5–9.
12. Иностранцам студентам изучать русский язык стало проще // Воронежский государственный университет. URL: <https://www.vsu.ru/ru/news/feed/2016/12/7874> (дата обращения: 28.11.2020)
13. Изучать русский язык по электронному учебнику легко и интересно! // Воронежский государственный университет. URL: <https://www.vsu.ru/ru/news/feed/2017/05/8331> (дата обращения: 28.11.2020)
14. Алексеева Е.А. Международная безопасность и межкультурная коммуникация // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток: сб. тр. по итогам Междунар. науч. конференции (Воронеж, 16–17 октября 2019 г.). М.: Научный консультант, 2019. С. 239–244.
15. Смокотин В.М. Европейское многоязычие: от государств-наций к многоязычной и поликультурной Европе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 178 с.
16. Акульшина А.В., Беленов О.Н., Шилова И.В. Исследовательский проект «Европейский путь для России: за и против» // Европейский путь для России: за и против. 2017. С.15–23.
17. Глоссарий терминов Болонского процесса / Национальный офис программы Tempus в России. 2010. 25 с.
18. Болонский процесс: Глоссарий / [под ред. В.И. Байденко, Н.А. Селезневой]. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 146 с.
19. Виссарион Григорьевич Белинский // Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/640682-vissarion-grigorevich-belinskii-upotreblat-inostrannoe-slovo-kogda-est-ravnosil/> (дата обращения: 11.01.2021).

Список источников примеров

- 1*. Эдьюкейтор-2020. URL: <https://educatorconf.ru/> (дата обращения: 09.09.2020).
- 2*. Глоссарий терминов Болонского процесса / Национальный офис программы Tempus в России. 2010. 25 с.
- 3*. Болонский процесс: Глоссарий / [под ред. В.И. Байденко, Н.А. Селезневой]. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 146 с.
- 4*. Краткий терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования / рук. С.А. Степанов. СПб.: НЕТ ИЗДАТ, 2006. 44 с.
- 5*. Куприянова М.Е. К проблеме унификации использования терминов высшего образования в условиях Болонского процесса // Вестник РУДН Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. №1. С. 159–163.

Список словарей

1**. Краткий терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования / рук. С.А. Степанов. СПб.: НЕТ ИЗДАТ, 2006. 44 с.

THE OUTCOMES OF POLY CULTURAL ACADEMIC COMMUNICATION: THE IMPACT OF GLOBALISATION

Yelena A. Stolyarova
Svetlana L. Lukina
Voronezh State University

Abstract. The article reports on some changes in academic Russian in the light of a dynamic internationalization of the higher education. The rationale of the study is due to how the new academic borrowings become assimilated into the Russian language and the need for their professional quality translation and adoption. The main focus is on the academic terms found in the translated version of the official documents related to Bologna Process as well as those used in the professional pedagogical communication today. The paper identifies both the benefits and drawbacks of the ongoing changes. The process of globalization has accelerated in the recent decades. As a result, modern education is required to meet new challenges in the context of multilingual and multicultural society. On the one hand, we are given new great opportunities to communicate internationally in different spheres, including education. It enables more students and teachers to join the global academic and professional community, get access to international educational practices, experience and competencies. But, on the other hand, it leads to a number of problems such as undermining of cultural and language identity disguised as standardization of educational management. Language serves as a vivid illustration of these changes. The results of the research demonstrate the tendency for unjustifiable foreign language duplicates, or linguistic impurities. Rather than naming new for us academic realia, such foreign borrowings often displace traditional terms adopted long ago.

Key words: globalization, internationalization of the higher education, multicultural society, cultural identity, Bologna process, academic discourse, lexical borrowing, foreign language duplicates, anglicism

Столярова Елена Александровна,
Воронежский государственный
университет студентка 4 курса факультета
романо-германской филологии
тел.: +7 (920) 439 9769
e-mail: kawaiiumpy@gmail.com

Научный руководитель:
Лукина Светлана Леонидовна,
Доцент кафедры перевода и
профессиональной коммуникации
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (908) 133 0103
e-mail: s.l.lukina@mail.ru

Yelena A. Stolyarova
Voronezh State University
student of the faculty of
Romance and Germanic Philology
mobile: +7 (920) 439 9769
e-mail: kawaiiumpy@gmail.com

Svetlana L. Lukina
Voronezh State University
senior lecturer of the Department of
Translation and Professional Communication
mobile: +7 (908) 133 0103
e-mail: s.l.lukina@mail.ru

ФОРМУЛА БАЗОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: КАК ПОВЫСИТЬ КПД ПРИМЕНЯЕМЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИК?

Стрекаловская Ю.О.

Поршнева Е.Р.

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Аннотация. В статье затрагивается проблема формирования базовой компетенции устного переводчика. Перед выпускниками бакалавриата ставится высокая профессиональная планка, для достижения которой необходима постоянная практика в аутентичной межкультурной среде. Однако реальные условия обучения устной переводческой деятельности на уровне бакалавриата не позволяют достичь высоких результатов. Необходим поиск путей оптимизации процесса обучения. Основной методический просчет при подготовке устных переводчиков в рамках программ бакалавриата, по мнению авторов, заключается в недостаточной интеграции языкового и профессионального этапов переводческой подготовки, в отсутствии важного связующего звена – этапа формирования базовой компетенции устного переводчика как фундамента его профессиональной компетентности. Опираясь на исследование в области лингвистики, когнитивистики, психолингвистики, лингводидактики, дидактики переводческой деятельности, авторы дают определение базовой компетенции устного переводчика, анализируют ее сложную многоуровневую структуру и характер взаимодействия ее составляющих – субкомпетенций. Исходя из комплексной структуры базовой компетенции устного переводчика, авторы предлагают использовать в качестве основного инструмента формирования данной компетенции аутентичную ситуацию межкультурного взаимодействия в устной переводческой деятельности. Авторы рассматривают основные характеристики аутентичной ситуации межкультурного взаимодействия, приводят примеры ее моделирования для построения базовой компетенции устного переводчика в формате как аудиторного, так и дистанционного обучения.

Ключевые слова: переводческая компетенция, базовая компетенция устного переводчика, субкомпетенция, устный перевод, ситуация межкультурного взаимодействия, дидактика устной переводческой деятельности, макроситуация, миниситуация, микроситуация

Профессия переводчика – это творческая профессия, связанная с продуктивной деятельностью в сфере духовного производства [1, с.15]. Обучение этому сложному виду речемыслительной деятельности требует развития у студентов стержневых характеристик переводческой деятельности. Такими характеристиками в современной системе высшего образования считаются компетенции, которые должны формироваться у обучающихся. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика (уровень бакалавриата) указывает на 4 профессиональные компетенции, относящиеся к подготовке устного переводчика.

Согласно ФГОС выпускник бакалавриата должен обладать:

1. способностью осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста (ПК-12);

2. владением основами системы сокращенной переводческой записи при выполнении устного последовательного перевода (ПК-13);
3. владением этикой устного перевода (ПК-14);
4. владением международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций) (ПК-15) [2].

В данной формулировке профессиональные компетенции, по своей сути, представляют собой не отдельные независимые характеристики, а взаимосвязанные и взаимодополняющие компоненты единой переводческой компетенции. Изначально за термином «компетенция» в нейропсихологических и психологических исследованиях было закреплено понятие «готовность» к организующему воздействию среды, которая преобразуется в компетентность по отношению к последующим воздействиям этой среды [3, с.286]. В дидактической интерпретации компетенция рассматривается не как набор знаний, умений, навыков и качеств (определение, часто встречаемое в методических работах), а как высшая интегративная способность/готовность к мобилизации организованных в систему знаний, умений и личностных качеств и рассматривается в непосредственной связи с эффективностью и оптимальной рентабельностью действия. Формирование специфических компетенций, играющих роль основных компонентов профессионального мышления, становится обязательным условием, первой ступенью формирования профессиональной компетентности как способности эффективно осуществлять профессиональную переводческую деятельность.

Мы понимаем профессиональную переводческую компетенцию как способность/готовность мобилизовать определенным образом организованный, систематизированный набор частных компетенций или субкомпетенций, необходимый для осуществления полноценного межкультурного взаимодействия. В таком случае возникает вопрос: каким образом можно формировать профессиональную компетенцию в условиях обучения?

Основная трудность, возникающая в процессе построения переводческой компетенции в вузе, заключается в отрыве языковой подготовки от профессиональной. Дополнительные проблемы связаны с линейным характером подготовки будущих устных переводчиков, использованием учебной, а не аутентичной ситуации взаимодействия, выполнением преимущественно внеконтекстных упражнений, работой не с устной речью, а с читаемым текстом. В связи с этим, отмечается снижение мотивации обучающихся, а также общая пассивность студентов на занятиях и их приверженность к дословному переводу.

Несмотря на высокие требования, предъявляемые к выпускникам на государственных экзаменах, наблюдается явное несоответствие между общепринятыми нормативными требованиями к результатам освоения программы бакалавриата и реальными показателями подготовки будущих переводчиков.

В поисках методического решения проблемы мы обратились к опыту европейских переводческих школ. В свое время основательница интерпретативной теории перевода Даница Селескович разработала процедуру и содержание вступительного экзамена в магистратуру по устному переводу в парижской переводческой школе ESIT, определив тем самым требования к компетенции абитуриентов, по современным меркам выпускникам бакалавриата.

Главное отличие данного экзамена заключается в том, что у поступающих оцениваются не столько языковые знания, и переводческие умения, сколько качества, необходимые для решения профессиональных задач: риторические способности, способность

к восприятию новых знаний в разнообразных областях, способность адаптироваться к новой ситуации. Экзаменационные испытания организуются в 3 этапа. В комиссию входят носители 3-х языков. Абитуриентам предлагается побеседовать на родном и первом иностранном языках по самым актуальным международным проблемам. Особое внимание уделяется умению точно и ясно формулировать мысль. Кандидаты, не удовлетворяющие требованиям, не допускаются до следующего этапа. Затем оценивается умение выявлять и кратко излагать на родном языке информацию, прослушанную на иностранном языке [4, с. 103-105].

Навыки и умения, оцениваемые в описанных выше вступительных испытаниях, составляют готовность к эффективному овладению переводческой деятельностью как особым видом речемыслительной деятельности. Такую готовность и обеспечивает, по нашему мнению, базовая компетенция устного переводчика (БКУП), формирование которой должно быть целью обучения на уровне бакалавриата. Следует объективно оценивать возможности базового высшего образования и понимать, что на уровне бакалавриата невозможно организовать полноценное освоение профессиональной переводческой деятельности. При этом мы можем активизировать и развивать речемыслительную деятельность таким образом, чтобы обучающийся был готов к дальнейшему развитию профессиональной переводческой компетенции. Следовательно, можно выдвинуть гипотезу о том, что формирование БКУП станет фундаментом, на основе которого происходит овладение необходимыми переводчику профессиональными компетенциями.

Рассматривая данную компетенцию как центральное понятие и цель бакалаврского этапа, мы подчеркиваем ее многомерность и деятельностный характер ее формирования. Поскольку для осуществления перевода необходимо накопление переводческого опыта, основная задача обучения устной переводческой деятельности на начальном этапе состоит в предоставлении студентам возможности осмыслить суть этой деятельности и накопить первый переводческий опыт, и, как следствие, приобрести базовую компетенцию. Таким образом, базовая компетенция устного переводчика (БКУП) определяется нами как комплексное новообразование, включающее дискурсивную, межкультурную, межличностно-коммуникативную, личностную, когнитивную, информационно-технологическую компетенции, а также компетенцию самоконтроля и самооценки. Рассмотрим более подробно компонентную структуру БКУП, состоящую из семи субкомпетенций.

Дискурсивная субкомпетенция представляет собой способность воспринимать устно-речевой дискурс в единстве всех его компонентов. Учитывая сложный характер дискурса в устной переводческой деятельности, в рамках настоящего исследования мы, вслед за Е.Ю. Мошанской, понимаем под дискурсивной компетенцией устного переводчика способность воспринимать устно-речевой дискурс в единстве всех его компонентов (речевого, невербального, коммуникативного, интерактивного, универсального и индивидуально-личностного), а также понимать эксплицитно и имплицитно выраженный смысл и транслировать его в соответствии с национально-культурными особенностями оформления, структурирования, реализации в конкретной ситуации общения при условии необходимой адаптации к принимающей культуре [5, с. 71].

Межкультурная субкомпетенция БКУП подразумевает владение следующими навыками, умениями и способностями: способность осознавать свою языковую и культурную самобытность; способность обеспечивать успешность межкультурного взаимодействия между представителями различных культур; знание ценностей, норм, особенностей вербального и невербального поведения представителей различных культур; умение переключаться с одного языка на другой, с одной культуры на другую; умение

устанавливать межкультурные соответствия между концептами, закономерностями культур исходного и переводимого языков [6, с.64].

Межличностно-коммуникативная субкомпетенция отвечает за переводческую этику. Она отражает способность/готовность к осуществлению межличностного взаимодействия и сотрудничества с учетом социальных условий применения лексических и грамматических навыков. Д. Хаймс полагал, что коммуникативная компетенция представляет собой внутреннее знание ситуационной уместности языка и способности, позволяющие быть участником речевой деятельности, предполагающие не только лексические и грамматические умения и навыки, но и знание социальных условий применения данных умений и навыков [7].

Личностная субкомпетенция включает в себя личностные качества, которые помогают переводчику выполнять перевод на профессиональном уровне (например, эмпатия, вербальная лабильность, вербальный интеллект, умение адаптироваться к стрессу). В данной связи необходимо уточнить, что формулировка «*умение бороться со стрессом*» в рамках настоящего исследования должна быть изменена на «*умение адаптироваться к стрессу*». Последнее утверждение подтверждается многочисленными отечественными и зарубежными исследованиями, в которых речь идет о том, что присутствие умеренного стресса в профессиональной деятельности, в том числе устного переводчика, становится фактором, не блокирующим мыслительные процессы, а помогающим мобилизовать все знания и умения, чтобы наиболее эффективным образом решить поставленную задачу [8].

Когнитивная субкомпетенция (переводческая эрудиция) – это способность/готовность применять информационный запас/когнитивный багаж, фоновые знания для решения переводческой задачи. Мыслительная деятельность устного переводчика основана на переработке, хранении и использовании информации и включает массив получаемых и обрабатываемых мозгом данных, составляющих его когнитивный багаж, навыки, знания и умения и стратегии запоминания и перекодирования информации, интерпретации смыслов, навыки развития внимания. Освоение основных когнитивных стратегий является первостепенным для устного переводчика. Когнитивная субкомпетенция БКУП выступает акселератором для других субкомпетенций.

Информационно-технологическая субкомпетенция рассматривается как способность/готовность осуществлять информационный поиск и владение техническими средствами. Применительно к информационно-технологической субкомпетенции устного переводчика следует упомянуть не только необходимость владения навыками информационного поиска с помощью компьютера и Интернета, но также умение осуществлять подготовительные брифинги с заказчиком перевода/отправителем текста оригинала.

Субкомпетенция самоконтроля и самооценки – это основа профессиональной рефлексии. Необходимо подчеркнуть особую значимость данной субкомпетенции. Самоконтроль и самооценка рассматриваются как интеллектуальные действия, совершаемые обучающимися с опорой на рефлексивную способность мышления.

Заметим, что оценочную компетенцию (*compétence d'évaluation*), выделяют и лингводидакты, поскольку любая коммуникация сопровождается оценкой и самооценкой (*Gtusa, Cuq*). В действительности речь идет о развитии саморегуляции. Для эффективного и успешного осуществления устной переводческой деятельности обучающимся необходимо освоить ряд базовых когнитивных и метакогнитивных стратегий, среди которых особое внимание следует уделить стратегиям кларификации и верификации (*clarification and verification*), кооперации (*cooperation*), контроля эмоций (*self-talk*, «са-

морerefлексия, внутреннего диалог»), самоподкрепления (*self-reinforcement*), самоконтроля (*self-management*) и самопроверки (*self-monitoring*) [9, с.39]. Цель данных «социо-аффективных» стратегий – установление тесной связи между механизмами осознания деятельности и ее осуществления. Осознание собственных профессиональных действий необходимо устному переводчику, поскольку, находясь в постоянно меняющихся и зачастую непредсказуемых обстоятельствах, он вынужден оперативно реагировать на внешние изменения, при этом, не ставя под угрозу результаты своей работы. Умение анализировать принятые решения, объективно оценивать свои сильные и слабые стороны позволяет развивать профессиональную гибкость, принимать четкие решения в стрессовых ситуациях и, следовательно, обеспечивать эффективное взаимодействие сторон.

Субкомпетенции БКУП взаимодействуют путем имбрикации [10]. Термин «имбрикация» определяет тесную взаимосвязь когнитивного и социального аспектов восприятия информации. Дж. Андерсон перенес этот термин из когнитивной лингвистики в психологию обучения и лингводидактику. Он отмечает, что отличительной чертой процесса освоения иностранного языка является тесная связь когнитивного и социального компонентов. При формировании БКУП взаимодействие субкомпетенций, выходящих на межязыковой уровень, происходит нелинейно, т.е. путем имбрикации, которую в рамках настоящей статьи следует понимать как наложение и взаимодополнение субкомпетенций при решении переводческой задачи [10].

В процессе обучения устной переводческой деятельности, с одной стороны, осуществление межкультурного взаимодействия базируется на использовании определенных когнитивных механизмов; с другой стороны, в процессе осуществления переводчиком такого взаимодействия происходит формирование этих когнитивных механизмов, в частности механизмов внутреннего анализа и контроля. Таким образом, процесс обучения не сводится к стратегии создания автоматизмов, а заключается в замкнутую социально-поведенческую систему.

На этапе формирования БКУП происходит имбрикация дискурсивной, межличностно-коммуникативной, когнитивной, личностной, информационно-технологической субкомпетенций, а также субкомпетенции самоконтроля и самооценки на профессионально значимые компетенции (семантическая, интерпретативная, текстовая и межкультурная [11]), которые развивались при обучении иностранному языку на начальном этапе обучения. На рисунке ниже изображена модель формирования многоуровневой базовой компетенции устного переводчика.

Рисунок 1. Модель многоуровневой базовой компетенции устного переводчика

Для повышения КПД методики подготовки устного переводчика может использоваться ситуация межкультурного взаимодействия. Она выступает основным инструментом формирования сложной базовой компетенции устного переводчика. Под ситуацией межкультурного взаимодействия в устной переводческой деятельности понимается *комплексный набор ожидаемых и неожиданных, лингвистических и экстралингвистических макро-, мини- и микропараметров (место, время, коммуниканты, степень официальности, предметная область, цель, технические средства), на основе которых осуществляется процесс устной переводческой деятельности.* Ситуация межкультурного взаимодействия в устной переводческой деятельности подразделяется на макроситуации (общие взаимосвязанные параметры, определяющие стандартный сценарий межкультурного взаимодействия), мини-ситуации (эпизод макроситуации, набор конкретных параметров осуществления устной переводческой деятельности в данном сценарии) и микроситуации (фрагмент эпизода, один из параметров мини-ситуации, требующий принятия конкретного переводческого решения) [12, с. 136].

Важно, что в процессе обучения переводческой деятельности используются не игровые приемы, а реальные ситуации существования в аутентичных условиях переводческой деятельности. Категория ситуации широко используется в методике обучения, в том числе, при коммуникативном обучении – в имитационных и ролевых играх. При этом в рамках настоящего исследования в определении понятия «ситуация» предлагается опираться на общие положения дидактики, в том числе, работы французского математика и дидакта Ги Бруссо. В своих работах Бруссо противопоставляет понятия дидактической и адидактической ситуации. Под первой он понимает «систему отношений, установленных непосредственно или подразумеваемых, между учеником (или группой учеников), определенной средой (которая может включать вопрос, инструменты, конкретный материал и др.) и учителем, с целью построения у ученика (учеников) соответствующих знаний» [13, с. 15]. Под второй понимается такая ситуация, в которой часть ответственности за результат решения задачи ложится уже не на учителя, а на ученика, происходит *деволюция* (термин Г. Бруссо), обучающийся естественным образом начинает оперировать «основными стратегиями, построенными на предыдущих знаниях», то есть развивает свои профессиональные качества и компетенции.

Поэтому ключевым компонентом процесса формирования базовой компетенции устного переводчика является аутентичная ситуация межкультурного взаимодействия в устной переводческой деятельности. Ситуация, в которой разворачивается деятельность устного переводчика, носит многокомпонентный характер, поэтому все компоненты ситуации важны, т.к. детерминируют поведение переводчика, выбор стратегий профессионального поведения, «настраивают» специалиста на работу.

При этом необходимо оговориться, что ситуации межкультурного взаимодействия в устном переводе не должны проигрываться или разыгрываться, как сценарии. Применение аутентичной ситуации всегда подразумевает наличие носителей языка, реальных обстоятельств, в которых нужно принимать спонтанные решения. Моделирование подобных ситуаций требует большей подготовки со стороны преподавателя, но представляет собой действенный инструмент формирования базовой переводческой компетенции.

Для работы на занятиях отбираются аутентичные ситуации нужного уровня и нужной тематики. Аутентичная ситуация – это такая ситуация, в которой все параметры отражены на всех уровнях ее реализации. Среди признаков аутентичности ситуации можно выделить, например, следующие: текст выступления, если это неподготовлен-

ная речь, не читается, а проговаривается; участниками взаимодействия выступают носители языка; сохраняются все дефекты, особенности аутентичной речи и т.д. Необходимые материалы сегодня можно найти на различных Интернет-ресурсах. Используемые материалы не следует редактировать – достаточно произвести минимальные манипуляции для их преобразования в учебные. Среди таких действий можно назвать, например, составление хронометража видеозаписи, чтобы предусмотреть паузы для перевода, или перевод части реплик в интервью, чтобы сделать его двуязычным, не меняя при этом содержания беседы.

Применение подобных аутентичных ситуаций приносит видимые результаты. В частности, занятие по практике устного перевода становится более эффективным. Как показывает практика опытного обучения, студенты учатся работать в стрессовой ситуации, развивают чувство ответственности за свою работу, начинают осознавать ее специфику и важность предварительной подготовки.

Благодаря пандемии и дистанционному обучению возможность применения ситуаций расширились. Моделирование аутентичных ситуаций позволило создавать профессиональный контекст для индивидуальной работы обучающихся. Внедренная методика формирования БКУП с помощью моделирования ситуаций межкультурного взаимодействия в устной переводческой деятельности позволила увеличить время самостоятельной работы в аутентичной ситуации межкультурного взаимодействия и, как следствие, повысила эффективность рефлексивного этапа обучения.

Опытная группа обучающихся 2020 года выпуска продемонстрировала высокие результаты на итоговом государственном экзамене по практике устного перевода, а также высокие результаты самооценки субкомпетенций БКУП. В условиях онлайн обучения у обучающихся появилась возможность пересмотреть или переслушать запись перевода, что способствовало развитию самоконтроля и чувства ответственности, а также значительно снизило уровень страха и тревожности, связанных с необходимостью осуществлять устный перевод. Аутентичная ситуация позволяет студентам обучаться способом существования в аутентичных условиях переводческой деятельности.

Представляется, что формирование базовой компетенций устного переводчика имеет большое значение для активизации накапливаемого студентами опыта и осознания специфики выполняемых профессиональных задач, а также является основательным фундаментом для дальнейшего развития и совершенствования профессиональной переводческой компетенции.

Литература

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология три», 2002. 416 с.
2. Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 N 940 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика (уровень бакалавриата)» URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/450302_Lingvistika.pdf (дата обращения: 17.12.2020).
3. Прибрам К. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975. 466 с.
4. Золотые имена дидактики перевода: коллективная монография / под общ. ред. Н.Н. Гавриленко. М.: ФЛИНТА, 2021. 140 с.
5. Мощанская Е.Ю. Формирование дискурсивной компетенции при обучении устных переводчиков / Е.Ю. Мощанская, Е.А. Руцкая // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 5. С.69–74.

6. Поршнева Е.Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. 148 с.
7. Hymes D. Vers la compétence de communication (On Communicative Competence, 1972). Paris : Hatier/Didier, 1991. 219 p.
8. Поршнева Е.Р., Сабадаш В.И.. Положительная роль стресса в работе устного переводчика // Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Филологический аспект. — 2018. №5 (37). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/polozhitelnaya-rol-stressa-v-rabote-ustnogo-perevodchika.html> (дата обращения 5.12.2020).
9. Суг Р., Germain C. Les stratégies d'apprentissage. Paris : CLE international, 1998. 181 p.
10. Anderson J.R. The Architecture of Cognition. Cambridge, Mass., Harvard U. P, 1982. 314 p.
11. Поршнева Е.Р. Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика: диссертация на соискание д-ра пед. наук. Казань, 2004. 425 с.
12. Поршнева Е.Р., Папилова, Ю.О. Опыт обучения устному переводу в ситуации межкультурного взаимодействия: ситуативно-контекстный подход // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь: 2018. № 1. С.128-143
13. Brousseau G. La théorie des situations didactiques. Interactions didactiques // Interactions didactiques. 2011. URL: <http://www.cfem.asso.fr/actualites/Brousseau.pdf> (дата обращения 5.12.2020).

FORMULA OF INTERPRETER'S BASIC COMPETENCE: HOW TO INCREASE THE EFFICIENCY OF APPLIED APPROACHES AND METHODS?

Yulia O. Strelkovskaya
Elena R. Porshneva
The Linguistics University
of Nizhny Novgorod
after N.A. Dobrolubov

Abstract. The article discusses formation of the basic competence of an interpreter. A high professional level is set in Federal Standards of Higher Education for bachelor's graduates, and to achieve it students should have constant practice in an authentic intercultural environment. However, real practice of teaching interpretation at the bachelor's level does not make it possible to achieve the results declared in the Standard. Thus, it has become necessary to find out ways to optimize the teaching process. The authors claim the main methodological error in training interpreters in the framework of bachelor's programs is the lack of integration of the language and translation training, and the absence of an important preliminary stage, i.e. the stage of forming the basic competence of an interpreter which can be referred to as the foundation of his/her professional competence. Based on research in the field of linguistics, cognitive science, psycholinguistics, linguodidactics, didactics of translation activity, the authors define the basic competence of an interpreter, analyze its complex multi-level structure and the nature of the interaction of its components – subcompetencies. Proceeding from the complex structure of the basic competence of an interpreter, the authors propose to use the authentic situation of intercultural interaction in training interpreters as the main tool for the formation of this competence. The authors consider the

main characteristics of an authentic situation of intercultural interaction, provide a model of basic competence of an interpreter and give examples of its realization, both in classroom and distance learning.

Key words: interpreter's competence, basic interpreter's competence, subcompetence, interpretation, situation of intercultural interaction, didactics of interpretation, macro situation, minisituation, microsituation

Стрекаловская Юлия Олеговна,

Ассистент кафедры теории и практики французского языка и перевода переводческого факультета, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород, Российская Федерация)
тел.: +7 (910) 882 8185
e-mail: yulia.o.papilova@gmail.com

Yulia O. Strekalovskaya

Assistant Lecturer, Department of Theory and Practice of French Language and Translation, Translation Faculty, Nizhny Novgorod State Linguistics University after N.A. Dobrolubov (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
mobile: +7 (910) 882 8185
e-mail: yulia.o.papilova@gmail.com

Поршнева Елена Рафаэлевна,

Доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики французского языка и перевода переводческого факультета, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород, Российская Федерация)
тел.: +7 (920) 251 7469
e-mail: eporshneva@gmail.com

Elena R. Porshneva

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of French Language and Translation, Translation Faculty, Nizhny Novgorod State Linguistics University after N.A. Dobrolubov (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
mobile: +7 (920) 251 7469
e-mail: eporshneva@gmail.com

УДК: 811.111

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАТИКИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭТНОКОННОТИРОВАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Сухарева О.В.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей интерпретации коннотативного значения англоязычных художественных онимов при переводе на русский язык. Рассматривается референциальная безэквивалентность, обусловленная различным объемом фоновых знаний у отправителя и иноязычного получателя, а также коннотативная безэквивалентность, связанная с расхождениями культурно-специфических интерпретаций реалий представителями различных лингвокультурных общностей. Для выбора правильного вектора переосмысления того или иного онима переводчику также необходимо иметь представления о культурных доминантах и ценностных ориентациях, задающих определенную систему координат восприятия мира. В результате исследования выявлены основные способы передачи культурных смыслов при переводе рассматриваемых этноконнотированных номинант. Лингвокультурная адаптация достигается использованием таких переводческих стратегий, как транскрипция, калькирование и экспликация, тогда как опущение и генерализация приводят

к утрате национального колорита. Использование комплексных переводческих трансформаций способствует адекватному восприятию текста перевода носителями иной культуры и позволяет достичь максимальной комплексной эквивалентности.

Ключевые слова: художественный оним, имя собственное, культурная семантика, этноконнотация, коннотативная безэквивалентность, когнитивный контекст, реалия, компенсация, переводческая трансформация

Обогащение семантического пространства языка является не только свидетельством креативного характера языковой деятельности, но и ее культурной обусловленности. Переосмысление имеющихся вербализованных знаний происходит только в условиях определенной культуры с учетом особенностей мировидения и мировосприятия действительности представителями определенной лингвокультурной общности, а также имеющейся системы норм и ценностных установок. Особый интерес представляет передача этнокультурно маркированного смысла вторичных ономастических единиц при переводе и рассмотрение вопросов сохранения национально-культурного своеобразия единиц текста оригинала.

Выбор англоязычных художественных онимов, имен собственных, функционирующих в произведениях различных форм художественного творчества, в качестве объекта исследования объясняется особенностями их семантики. Во-первых, данные ономастические единицы соотнесены с созданными автором образами, поэтому сигнификативный компонент их значения не редуцирован, и они накапливают признаки предметного значения в процессе развития сюжета. [1, с.39]. Во-вторых, художественные онимы характеризуются динамичностью содержания и подвижностью семантики. По мнению О.И. Фоняковой, благодаря огромной типизирующей силе художественного образа, его имя может стать не только обобщенным знаком целого текста, но и начать параллельно большую «постлетекстовую» жизнь в общей речи и языке в связи с процессом деонимизации [2, с.9].

Исследуемые нами художественные онимы английского языка способны вызывать в сознании представителей какой-либо лингвокультурной общности определенный набор национально и культурно детерминированных ассоциаций, т.е. имеют инвариант восприятия. В результате вторичной языковой интерпретации исследуемые нами имена собственные порождают этнокультурные коннотации, детерминированные профилированием определенных признаков концептуальных структур и обусловленные национально-культурной спецификой языкового сознания. Таким образом, при порождении этноконнотаций [3, с.42], носители языка и культуры апеллируют к когнитивному контексту, блокам знания, которые стоят за значениями языковых единиц и обеспечивают их понимание [4, с.45].

Лингвокультурная адаптация этноконнотированных художественных онимов предполагает наличие у переводчика не только фоновых знаний о реалиях, но и представлений о культурных доминантах, ценностных ориентациях, которые задают определенную систему координат восприятия мира и обуславливают вектор переосмысления того или иного онима. В. фон Гумбольдт писал, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее...» [5, с.349]. «Каждый по-своему осознает предмет, находя в нем ровно столько своего, сколько нужно для того, чтобы охватить и принять в себя чужую мысль» [5, с.348].

В результате перед переводчиком стоит довольно сложная задача: с одной стороны, избежать перенасыщения текста экзотизмами и транскрибированными словами, а с другой стороны, стремиться к достижению максимальной комплексной эквивалентности (реализации денотативной, коннотативной, жанровой, прагматической, формально-эстетических составляющих) [6, с.64-65], Предложенные переводческие решения

должны способствовать адекватному восприятию текста перевода носителями иной культуры с сохранением его национального колорита.

Целью данного исследования является выявление возможных трудностей и рассмотрение основных способов передачи культурных смыслов при переводе этноконнотированных англоязычных художественных онимов. В качестве материала нами использованы тексты-оригиналы произведений современных американских и британских авторов (конца 20 – начала 21 вв.), содержащие этноконнотированные художественные онимы и варианты их перевода на русский язык.

Наименьшую трудность при переводе представляют художественные онимы, входящие в «универсальное» когнитивное пространство, т.е. универсально-прецедентные феномены [7, с.174]. Так, **Iago**, в первичной номинации персонаж трагедии У. Шекспира «Othello», во вторичной номинации реализует коннотативную семему *an evil schemer* [1**, с.185], *злоумышленник*. «*I am not the crafty cunning Iago. I don't plot ghastly scenarios of evil*». / «*Я не хитрый, коварный Яго. Я не строю жутких, зловещих планов*» (перевод Е. Ильиной) [1*]. Данная реалия хорошо известна представителям русскоязычной культуры и вызывает сходные ассоциативные представления, не требуя дополнительных объяснений или сносок при переводе.

Транскрипция и транслитерация являются наиболее частотными способами перевода этноконнотированных художественных онимов (61% от общего количества исследованных примеров) и позволяют сохранить национально-культурную специфику имени собственного. В.С. Виноградов отмечает, что «чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, <...>, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени» [8, с.9]. В качестве примера приведем художественный оним **Robin Hood**, имя разбойника, героя средневековых английских легенд. Во вторичной номинации данный оним означает *someone who takes money from rich people in order to help other people* [2**, URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/robin-hood?q=Robin>

+Hood (дата обращения: 5.10.2020)], *человек, отбирающий деньги у богатых для того, чтобы помочь остальным людям*. «*“So what have you Robin Hoods decided now?” he asked*» [2*, с.344-345]. / «*“Ну, Робин Гуды, что решили?” — спросил он*» (перевод И. Дорониной) [3*].

Особый интерес вызывает передача и аккультурация национально-прецедентных феноменов, известных только представителям определенного лингвокультурного сообщества. В случае **референциальной безэквивалентности** в языке перевода отсутствует прямое соответствие денотатов культуры, что приводит к лакунарности и требует использования особых стратегий при переводе. Например, в первичной номинации художественный оним **Dagwood** – имя героя американских комиксов “Blondie”, который известен своим умением делать огромные многослойные бутерброды. Во вторичной номинации в результате метонимического переноса Dagwood означает *a large sandwich of meat, cheese, etc.* [3**, с.113], *большой сэндвич с разными сортами сыра и мяса, многослойный бутерброд*. «*The Sub featured a large selection of hero sandwiches, pizzas, and Dagwoods in Lebanese pouches*». / «*Заведение предлагало большой выбор сэндвичей, несколько видов пиццы и пепперони*» (перевод П. Грушко) [4*]. Так как представителям русской лингвокультуры реалия Dagwood неизвестна, переводчик решает ее опустить, что приводит к частичной потере смысла, а также национального колорита. Мотивом выбора генерализации служит стремление избежать громоздких перечислений и получить более компактный вариант перевода.

Более того, поскольку в сознании коммуникантов может фокусироваться неограниченное количество признаков, вектор ассоциативного переосмысления в различных культурных пространствах может не совпадать. Таким образом, **коннотативная безэквивалентность**, т.е. расхождения культурно-специфических эмоционально-оценочных интерпретаций реалий представителями различных лингвокультурных общностей заслуживает особого внимания, поскольку может препятствовать достижению адекватного воздействия на читателя. Так, художественный оним **Mickey Mouse** – имя персонажа мультипликационных фильмов, созданный Уолтом Диснеем. В результате транспозиции в класс прилагательных конверсив *Mickey Mouse* означает *an organization, machine, or course of study that you think is not as good or serious as it should be* [2**, URL:<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/mickey-mouse> (дата обращения: 18.09.2020)], *организация, механизм или образовательная дисциплина, которые считаются не такими хорошими или серьезными, какими должны быть*. Несмотря на то, что этот персонаж знаком большинству носителей русского языка, данные коннотации у онима *Mickey Mouse* отсутствуют. Переводчик опускает употребление имени собственного и компенсирует его словосочетанием «детские игрушки», подразумевая, что с такими замками может справиться даже ребенок. «... *most gas-cap locks are strictly Mickey Mouse. All you really need is a bobby-pin*» [5*, с.86]. / «... *ведь почти все запоры для баков — детские игрушки. Тебе понадобится всего лишь заковка для волос*» (перевод А. Георгиевой) [6*, с.89]. В данном случае, стремясь передать имплицитные смыслы, переводчик не идет по пути упрощения и демегафоризации, а принимает решение снять избыточную фоновую информацию, тем не менее, воссоздавая образность и добиваясь определенного прагматического эффекта.

При калькировании происходит максимально полная передача реалии при сохранении семантического содержания и национально-культурной специфики. Как отмечает Н.А. Фененко, в случае если транскрипция при передаче реалий по тем или иным причинам невозможна или нецелесообразна, наиболее подходящим приемом сохранения содержания и колорита переводимой реалии выступает калькирование [9, с.62]. Например, **Big Brother** во вторичной номинации означает *a government, ruler; or person in authority that has complete power and tries to control people's behaviour and thoughts and limit their freedom* [2**, URL:<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/big-brother?q=Big+Brother> (дата обращения: 5.10.2020)], *правительство, глава государства или человек у власти, который имеет абсолютную власть и пытается контролировать поведение и мысли людей, а также ограничивать их свободу*. В первичной номинации данный персонаж произведения Дж. Орвелла «1984» – глава правительства, подчинивший всех своей власти и осуществляющий тотальный контроль над людьми. В переводе произведения Дж. Гришэма «The Brethren» *Big Brother* калькируется как *Большой Брат*: «*“We know everything,” she boasted. “We’re like Big Brother, always watching”*» [7*, с.226]. / «*Мы знаем практически все, — похвасталась Элейн Тайнер, завершая свой рассказ. — Мы, как пресловутый Большой Брат, пристально следим за происходящим и держим в поле зрения все господствующие настроения в обществе*» (перевод В. Заболотного) [8*]. Следует отметить, что, несмотря на преимущества калькирования, русскоязычный читатель может неадекватно воспринимать значение словосочетания *Большой Брат*, т.к. в русской лингвокультуре данная реалия отсутствует. Однако в данном случае культурологическая недостаточность восполняется контекстным окружением, которое позволяет достичь эквивалентности и полностью раскрыть значение этноконнотированного художественного онима.

Смысловая точность при передаче смысла вторичных ономастических единиц обеспечивается использованием экспликации. При этом перифразы, комментарии или сноски могут привести к увеличению объема текста, а также к потере этнокультурной специфики. В качестве иллюстрации приведем композит **Juliet sleeves**, употребленный в романе С. Кинга «Керри»: «*Maybe it was all just an elaborate joke.... To leave her sitting here half the night in her crushed-velvet prom gown with its princess waistline, juliet sleeves and simple straight skirt – and her tea roses pinned to her left shoulder*». / «*Может быть, все это – просто затянувшаяся шутка.... Оставит ее сидеть и ждать до полуночи, одну, в новом бальном платье из бархата с тонкой талией, рукавами- "фонариками", простой прямой юбкой и чайными розами, приколотыми к левому плечу...*» (перевод А. Корженевского) [9*]. Такие рукава ассоциируются с платьем Джульетты, героини трагедии У. Шекспира, и представляют собой длинные или короткие рукава с буфами. Многочисленные театральные и кинопановки сформировали у представителей англоязычной культуры четкие представления о женском платье тех времен. Для русскоязычных читателей такое сравнение менее привычно, поэтому для максимально точной передачи значения перевод «рукава-фонарики» более предпочтителен.

Использование комплексных переводческих трансформаций позволяет не только воссоздать идею текста-оригинала, но и передать культуруносные смыслы, сохраняя замысел автора и неповторимый авторский стиль. В качестве примера рассмотрим композит **Peter Pan collar**, содержащий художественный оним Peter Pan, имя героя произведений шотландского писателя Дж. Барри. Воротник с закругленными краями является хорошо узнаваемым элементом одежды персонажа. При переводе данной реалии в произведении Д. Адамса «Dirk Gently's Holistic Detective Agency» используются несколько приемов: «экспликация + сравнение + комментарий». «... *It (a dark velvet dress) had raglan sleeves gathered to the cuffs, a white Peter Pan collar and six small pearl buttons down the front ...*» [10*, с.161]. / «*На ней было темно-синее платье из хлопчатобумажного бархата с удлиненной талией, рукава реглан, собранные у манжет, белый широкий отложной воротник а-ля Питер Пен [герой английской детской сказки] и спереди на платье шесть перламутровых пуговиц...*» (перевод Т.Шинкарь) [11*]. А при передаче композита **Little Lord Fauntleroy suit** используются «калькирование + транслитерация + экспликация». «*Then there was Norman Staunton. He used to preach hellfire and brimstone in this Little Lord Fauntleroy suit*» [12*, 271]. / «*А еще был Норман Стонтон. Этот пугал огнем и серой – такой маленький лорд Фаунтлерой в костюмчике с короткими штанишками*» (перевод С. Таск) [13*]. **Little Lord Fauntleroy** – персонаж одноименного романа Ф. Бернетт, мальчик ангельского вида, носивший черный бархатный костюмчик. Следует отметить стремление переводчика максимально компенсировать отсутствие когнитивного контекста, который необходим для адекватной интерпретации значения данных языковых единиц.

Таким образом, динамичный характер языка как проявление лингвокреативной деятельности индивида способствует реализации коннотативного потенциала англоязычных художественных онимов. Рассматриваемые нами имена собственные вызывают в сознании представителей определенной лингвокультурной общности сходные ассоциации в силу их общеизвестности и актуальности для носителей языка и культуры как особого культурно специфического кода, который воплощает в себе систему ценностей и морально-этических установок народа, а также социально значимые стереотипы.

Передача имплицитных смыслов при переводе может быть затруднена референциальной и коннотативной безэквивалентностью и требует привлечения дополнительной

экстралингвистической информации. Лингвокультурная адаптация этноконнотированных номинант и адекватность передачи культурных смыслов достигается в первую очередь использованием таких переводческих стратегий, как транскрипция, калькирование и экспликация, тогда как опущение и генерализация приводят к утрате национального колорита.

Литература

1. Сухарева О.В. Коннотативность художественных онимов английского языка: дис. канд. фил. наук. Воронеж, 2014. 273 с.
2. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1990. 103 с.
3. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 277 с.
4. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–78.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. Lederer M. La traduction d'aujourd'hui: Le modèle interprétatif. P.: Hachette, 1994. 224 p.
7. Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 374 с.
8. Виноградов В.С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы. М.: ИОСО РАО, 2001. 221,[2] с.
9. Фененко Н.А., Кретов А.А. Переводоведение: проблемы и решения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж 2002. №1. С. 61-65.

Список источников примеров

- 1* Rice A. The Tale of the Body Thief / Райс Э. История похитителя тел. URL: www.homeenglish.ru (дата обращения: 15.10.2020).
- 2* Grisham J. The Runaway Jury. Delta Publishing, 2006. 358 p.
- 3* Гришэм Дж. Вердикт. URL: https://thelib.ru/books/grishem_dzhon/verdikt-read-34.html (дата обращения: 14.10.2020).
- 4* King S. Sujo / Кинг С. Куджо. URL: www.homeenglish.ru (дата обращения: 15.10.2020).
- 5* King S. Misery. New York: Scribner, 2016. 368 p.
- 6* Кинг С. Мизери. М.: АСТ, 2013. 384 с.
- 7* Grisham J. The Brethren. London: Random House, 2010. 448 p.
- 8* Гришэм Дж. Шантаж. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=130744> (дата обращения: 15.10.2020).
- 9* King S. Carrie / Кинг С. Керри. URL: www.homeenglish.ru (дата обращения: 15.10.2020).
- 10* Adams D. Dirk Gently's Holistic Agency. New York: Simon and Schuster, 2013. 320 p.
- 11* Адамс Д. Детективное агентство Дирка Джентли. URL: <https://vse-knigi.org/bookread-875/page-35> (дата обращения: 16.10.2020).

- 12* King S. Night Shift. New York: Knopf Doubleday Publishing Group, 2008. 368 p.
13* Кинг С. Кукурузные дети. URL: <http://author-king.ru/index.php?wh=p00002&pg=5>
(дата обращения: 16.10.2020).

Список словарей

- 1** The Oxford Dictionary of Reference and Allusion / ed. by A. Delahunty [et al.]. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2010. 406 p.
2** The Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
3** Oxford Guide to British and American Culture. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 533 p.

THE SPECIFICS OF RENDERING CULTURAL SEMANTICS IN THE TRANSLATION OF ENGLISH ETHNOCONNOTATIVE ARTISTIC NAMES

Olga V. Sukhareva
Voronezh State University

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of interpretation of the connotative meaning of English artistic names when translated into Russian. Referential non-equivalence, caused by different volume of background knowledge of a sender and a foreign-language recipient, and connotative non-equivalence, associated with the divergence of culturally-specific interpretations of items, are considered. To choose the correct vector for reinterpreting an onym, a translator also needs to be aware of dominant concepts of a particular culture and values that set a coordinate system of the perception of the world. As a result of the study, the main ways of transferring cultural meaning in the translation of the ethno-connotative onyms have been identified. Linguocultural adaptation is achieved by using translation techniques such as transcription, loan translation and explication, while omission and generalization lead to the loss of national color. The use of complex translation transformations contributes to the adequate perception of the translated text and allows to achieve maximum complex equivalence.

Key words: artistic name, proper name, cultural semantics, ethnoconnotation, connotational non-equivalence, cognitive context, realia, compensation, translation transformation

Сухарева Ольга Вадимовна,
Кандидат филологических наук
Кафедра перевода и профессиональной
коммуникации
Факультет романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет»
тел.: +7 (910) 345 7730
e-mail: sukhareva-ov@yandex.ru

Olga V. Sukhareva
Candidate of Sciences in Philology
Chair of Translation and Professional
Communication
Department of Romance-Germanic Philology
Voronezh State University
mobile: +7 (910) 345 7730
e-mail: sukhareva-ov@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ОБЩЕНИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Сухомлина Т.А.

Самарский государственный социально-педагогический университет

Аннотация. В статье рассматривается использование сокращений в интернет общении между людьми. Автор утверждает, что самоизоляция и дистанционное обучение в настоящее время способствуют активному освоению информационных технологий и переписке по электронной почте. Автор приходит к выводу, что широкое распространение сокращений в интернете затрудняет коммуникацию и является проявлением неуважения к окружающим. Кроме того, автор предупреждает об изменении состояния стандартного английского языка. Позднее использование большого количества сокращений может привести к снижению грамотности среди населения.

Ключевые слова: сокращения, интернет, пандемия, язык коммуникации, влияние, литературная норма

В современном мире с каждым годом, месяцем и даже днем растет число пользователей сети интернет. Особенно сейчас во время пандемии коронавируса, самоизоляции и дистанционного обучения даже людям, которые были далеки от информационных технологий, приходится их осваивать. Ученики и студенты стали чаще общаться с учителями и преподавателями посредством переписок по электронной корпоративной почте, требующих официального, уважительного обращения. Родственники, друзья и коллеги, которые раньше могли общаться вживую, сейчас вынуждены вести переписки. Пожилым гражданам приходится осваивать коммуникацию в сети интернет, чтобы поддерживать связь с родными. Широкое распространение сокращений в языке виртуальной коммуникации является одним из важных факторов развития языка как социального явления в условиях пандемии.

Для определения частотности использования сокращений при переписке в сети интернет, был проведен социологический опрос студентов Самарского государственного социально-педагогического университета.

Студентов попросили ответить на три вопроса:

- 1) почему вы сокращаете слова в переписках?
- 2) все ли сокращения вы хорошо понимаете?
- 3) с кем вы употребляете сокращения в общении?

Результаты опроса можно проследить на рисунках № 1-3. Половина студентов уверены, что сокращения экономят их время. Примерно поровну разделились опрошенные на тех, кто понимает чужие сокращения и тех, кто не понимает их. Большинство студентов употребляет сокращения в общении с друзьями и знакомыми.

Рис. 1. Результат ответа на вопрос №1

Почему вы сокращаете слова в переписках?

Рис. 2. Результат ответа на вопрос №2

Все ли сокращения вы можете понять?

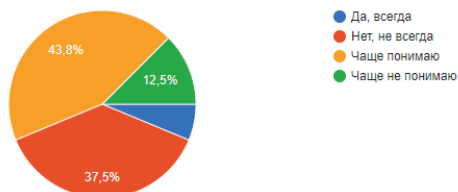

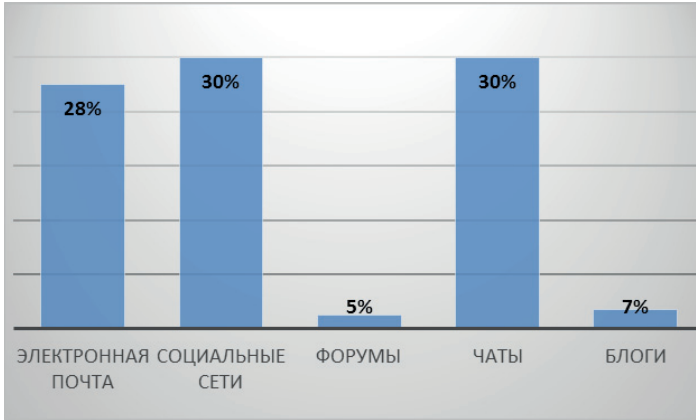
Рис. 3. Результат ответа на вопрос №3

С кем вы употребляете сокращения в общении?

Для более детального описания сокращений в сети интернет, мы предложили студентам следующий вопрос: «Какие способы вы используете при общении в интернете?» Ответы показали, что большая часть студентов (60%) с одинаковой частотностью пользуются сокращениями в чатах и социальных сетях (см. рис 4).

Рис 4. Способы общения

Такой ответ объясняется безусловными плюсами, которые включают следующие свойства:

- сокращение времени для передачи информации;
- возможность четко и кратко формулировать свои мысли при общении;
- возможность передачи объемной информации на отдаленные расстояния;
- возможность одновременно передать информацию и личные эмоции.

Исследование наиболее популярных чатов на английском языке (italki [1], Linguaholic Language Forums [2], English Baby Forums [3]) показало, что все сокращения, которые используются в интернет общении, можно представить в виде пяти групп в соответствии с их семантическим значением.

К первой группе относятся сокращения, отражающие порядок мыслей человека:

- IOW (in other words) – другими словами, иначе говоря
- ОТОН (on the other hand) – с другой стороны

Ко второй группе относятся аббревиации словосочетаний, у которых главное слово – это глагол в форме повелительного наклонения:

- Gimme (give me) – дай мне
- RML (read my lips) – читайте по губам

К третьей группе относятся устойчивые словосочетания, которые часто используются в диалогах:

- CUL8R (see you later) – увидимся позже
- TIE (take it easy) – не принимайте это близко к сердцу
- TTYL (talk to you later) – поговорим позже

В третью группу можно включить знаменательные слова, сочетания слов и предложения с высокой частотой употребления:

- Cause / cuz / cos (because) – потому что
- HTH (hope this help) – надеюсь это поможет
- L8R (later) – позже
- B4 (before) – перед тем, как

Четвертую группу составляют стандартные сокращения-комментарии состояния участника чата:

- BRB (be right back) – сейчас вернусь
- B4N (Bye for now) – пока
- PTO (please turn over) – пожалуйста, переверни

К пятой группе относятся сокращения, которые выражают отношение говорящего к предмету или явлению:

- ONNA (oh no, not again) – о нет, только не снова
- Dunno (don't know) – не знаю
- Lil (little) – мало, немного

Отдельную группу составляют графические сокращения. Например:

- 1) символы, используемые вместо слов: «some \$»;
- 2) числа, которые передаются при помощи цифр: «6 minutes»;
- 3) общепринятые графические сокращения: «etc.», «e.g.», «max», «min».

Отметим, что при общении в интернете наиболее часто сокращаются вводные слова, выражающие мысли, а также вводные предложения. Данные группы слов являются самыми употребляемыми в общении по сравнению с графическими сокращениями (буквенно-числовые, идиоматические, традиционные сокращения). Их популярность обусловлена тем, что виртуальное общение придерживается принципа экономии времени для передачи информации.

Сокращения, используемые в интернете, наиболее популярны среди молодого населения и дают подросткам чувство принадлежности к определенной группе. Такой язык очень похож на секретный шифр, который знают только участники группы. Его популярность обусловлена тем, что этот язык трудно расшифровать родителям. Иногда создание нового сокращения происходит случайно, в ходе ошибки коммуникатора. Затем этой ошибкой пользуются другие участники чата. В итоге, она становится стандартной, что выделяет при общении «своих» среди «чужих». Сторонники использования сокращений указывают на возможность каждому говорящему проявлять творчество и изобретательность, обогащая интернет язык. Хотя, по нашему мнению, большое разнообразие лексических форм в языке бесполезно и затрудняет понимание при общении.

Важно также признать, что виртуальное общение отрицательно влияет на состояние нормативного языка. Взаимодействуя со стандартным языком, сокращения изменяют грамотность среди населения. К тому же, общение на языке виртуальной коммуникации - проявление неуважения к другим людям, которые не всегда способны быстро понять информацию. Это может привести к раздражению собеседника и усложнит процесс общения, а также создаст трудности при чтении на сайтах и форумах интернета, где, возможно, происходит обсуждение какого-либо явления, и понимание ситуации является важным.

Тот факт, что при общении в интернете нет четких правил и возможны нарушения, вызывает серьезные опасения относительно будущего языка. Можно высказать предположение, что используя сокращения в речи, молодое поколение будет совершать еще больше ошибок при написании. Это опасение основано на предположении, что молодежь, которая привыкла делать ошибки при общении, будет по привычке переносить эти ошибки в традиционный английский язык на письме. К тому же, эти ошибки не будут замечаться и восприниматься как допустимые, что приведет к снижению литературных норм языка.

Литература

1. Italki. URL: <https://italki.com> (дата обращения: 25.11.2020).
2. Linguaholic Language Forums. URL: <https://linguaholic.com> (дата обращения: 05.12.2020).
3. English Baby Forums. URL: <https://www.englishbaby.com/forum> (дата обращения: 25.12.2020).

ENGLISH ABBREVIATIONS IN THE INTERNET COMMUNICATION DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Tatiana A. Sukhomlina
Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract. The article deals with the using of abbreviations in the Internet communication. The author tells that self-isolation and distance learning contribute to the active development of information technologies and e-mail correspondence nowadays. The author comes to the conclusion that the widespread using of abbreviations makes communication difficult in the Internet and it is a manifestation of disrespect to other people. Besides, the author warns about changes in the standard English. Later the use of abbreviations can lead to the decrease in literacy among the population.

Key words: abbreviations, Internet, pandemic, language of communication, influence, literary norm

Сухомлина Татьяна Александровна,
профессор кафедры иностранных
языков, Самарский государственный
социально-педагогический университет
тел.: +7 (937) 646 4202
e-mail: tanya-sukhomlina@yandex.ru

Tatiana A. Sukhomlina
Ph.D., Professor of the chair «Foreign
languages»
Samara State University of Social Sciences
and Education
mobile: +7 (937) 646 4202
e-mail: tanya-sukhomlina@yandex.ru

УДК 81.22

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКЦИИ

М.А. Сухомлинова
Южный федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей лексической составляющей текстов лекций в рамках современного англоязычного академического дискурса. Актуальность исследования видится в недостаточной разработанности вопросов по данной проблематике в современной научной литературе. Автор ставит цель детально изучить лексические и лексико-грамматические компоненты текстов современных англоязычных академических лекций и предоставить их классификацию. Материалом исследования служат 6 академических лекций на английском языке общегуманитарной направленности. Используются такие методы исследования, как сплошная выборка, семантический анализ, описательный метод, гипотетико-дедуктивный метод и др. Результаты исследования показывают, что лексическое

наполнение текста лекции находится в прямой зависимости от её предметной области и включает в себя общеупотребительную, общенаучную и терминологическую лексику. Автор приходит к выводу о том, что выбор лексических единиц определяется фазами лекции и её целями. Наряду с этим, в текстах лекций активно используются функциональные слова и выражения, а также вводные слова. Отмечается активное использование лексических и лексико-грамматических клише, выделяющих основные этапы лекционного занятия. Предлагается подробная классификация лексико-грамматических элементов по функциям в зависимости от этапов лекции.

Ключевые слова: академический дискурс, жанр академической лекции, лексическая составляющая, оценочный компонент, общеупотребительная лексика, общенаучная лексика, терминологическая лексика, лексико-грамматические элементы

В современных лингвистических исследованиях активно обсуждаются вопросы моделирования и языкового наполнения академического дискурса в разных языках мира. При этом лекция по-прежнему остаётся одним из базовых академических жанров. Целью данного научного исследования является анализ лексических особенностей текста академической лекции в современном английском языке. Материалом исследования послужили тексты 6 лекций общегуманитарной направленности.

Лексический состав текстов академических лекций подразделяется на три основные относительно автономные группы:

- 1) общеупотребительная лексика;
- 2) общенаучная лексика;
- 3) терминология, или узкоспециальная лексика.

Следует подчеркнуть, что общенаучные термины предпочтительны в тексте лекции для обеспечения более точного понимания материала и исключения двусмысленности в изложении. К общенаучной терминологии относятся, например, следующие лексемы, главным образом, имена существительные, глаголы, сочетания «существительное + (предлог) + существительное» и «прилагательное + существительное»: *consequences, process, working hypothesis, audience, means, material, type, technique, development, data, study, phenomenon, problem, effect, method, result, to run experiments, to observe, to conduct research, to achieve* и др.

Лексическое наполнение текста лекции находится в прямой зависимости от предметной области. Наиболее очевидно это отражается в используемом терминологическом аппарате. В связи с тем, что в современном научном мире широко наблюдается явление междисциплинарности, одни и те же термины могут встречаться в нескольких научных областях (например, *discourse, content analysis, algorithms*). Термины могут быть одно-, дву- и многосоставными и представляют собой имена существительные (самая многочисленная группа), глаголы, сочетания «прилагательное + существительное» и «существительное + («предлог») / («союз») + существительное». Приведём несколько примеров:

естественные науки: *electrons, wavelength, antimatter, nanoparticles, natural environment, ecological zones, climate change, biomedical advances, infection, molecular fingerprint* и др.;

социальные науки: *life expectancy, analysts, policymakers, decision-makers, organization theory, computational social sciences, information processing, life expectancy* и др.

гуманитарные науки: *exceptionalism, investigation, cultural anthropologist, legislative, content analysis, cognitive level* и др.

Приведём примеры:

So, computational social science is so in a theoretical way, due to the paradigm and the perspective on informational processing in human social systems and organizations [1].

The impact of the development funds and biomedical advances on the trajectory of the pandemic and then the economic aspects of HIV/AIDS as a framework for expanded health care and the Asian Pacific during the 2013 Indonesia host year, and that's sort of the diplomacy piece of the talk [2].

Определяющая характеристика жанра академической лекции – устное изложение материала. Лектор рассматривается как проводник знаний. Жанр академической лекции уникален тем, что, с одной стороны, выступление лектора опирается на многочисленные тексты других авторов (заимствованный теоретический материал, статьи, цитаты и т.д.), однако с другой стороны, каждая лекция неповторима и представляет собой пример индивидуального стиля лектора.

Как правило, в тексте лекции чётко выделяются фазы, подразделяющие лекцию на структурные смысловые блоки. Так, например, V. Malavska вычленяет:

– заключительную фазу / *conclusion phase*, в которой лектор суммирует основное содержание лекции и озвучивает выводы;

– оценочную фазу / *evaluation phase*, в которой лектор даёт оценочное суждение излагаемого материала. При этом лектор оценивает силу воздействия своих слов, видя согласие или несогласие с ним аудитории;

– фазу взаимодействия / *interaction phase*, которая выражается в поддержании постоянного контакта лектора с аудиторией. Данная фаза осуществляется посредством диалога со студентами, вопросно-ответной части, а также умелой расстановки пауз;

– содержательную фазу / *content phase*, в которой лектор озвучивает цели занятия и транслирует студентам теоретическую информацию;

– фазу приведения примеров / *example phase*, в которой теоретический материал поясняется при помощи приведения конкретных примеров [3, с. 78].

На наш взгляд, выбор лексического наполнения академической лекции определяется основными целями лекции, к которым относятся следующие:

– трансляция важной теоретической и практической информации;

– привлечение внимания аудитории;

– вовлечение аудитории в диалог.

Для отражения каждого из вышеперечисленных этапов употребляются определённые лексико-грамматические клише. Следует отметить, что одни и те же лексические и лексико-грамматические единицы могут использоваться на протяжении лекции несколько раз. Приведём классификацию клише с примерами:

Сообщение важной / новой теоретической и практической информации: *so that tells us in principle; it turns out; so what that tells us (is); just to give you a sense of; just to show you how it works; in this lecture we examine; another big issue is; but the important point to remember is; I would like to focus on* и др. Например:

And this becomes important when you look at this representation of how international assistance is being distributed or is distributed across the world, and this again is from the UNAIDS report from 2012 [2].

Привлечение внимания аудитории: *let me make it perfectly clear; I call your attention to; let's take a look at; listen, and remember; (so) let's think a little bit about; now, I point out; here again; (so) there's more attention being paid; mind you* и др. Например:

Where we get into trouble is when our arrogant certainty suggests that only one point of view, perhaps only one religion, is "right." [4].

And I call your attention just to the picture of the Arctic island of Spitsbergen [5].

Вовлечение аудитории в диалог (этому способствует употребление личных и притяжательных местоимений первого и второго лица: you, we, our, us): *this is something which all of us have to keep in mind; as you may know; (as) you can see; you can see here; you (all) know; we can tell; we think; many of us think; but you know; we are going to very briefly mention about; you may not really appreciate, let us* и др. Например:

But what we would like to do is, also have the high ductility incorporated into the material along with high strength [6].

Just to show you how it works, let's just start out with a beaker of water; put some salt into it, let it dissolve, and then evaporate the water [5].

Принимая во внимание ограниченное количество времени, отводимое на лекционное занятие, материал подаётся в сжатой форме. Данный экстралингвистический фактор также оказывает влияние на выбор лексических и лексико-грамматических элементов.

К основным лингвистическим характеристикам речи лектора относятся:

логичность и последовательность;

системность и чёткость;

употребление речевых клише;

объективность;

недвусмысленность;

лаконичность;

интеллектуальная экспрессия / выразительность

[3, с. 67].

Перечисленные характеристики находят непосредственное отражение в лексическом и лексико-грамматическом оформлении текста лекции. Приведём классификацию лексико-грамматических элементов из материала исследования по функциям, выполняемым в тексте:

– Ссылка на общеизвестные факты: *as we have known for a long time; as most of you know; as some of you may know; and, so as people say* и др. Например:

So as people say, we came tantalizingly close to the discovery of quasi-crystals, but because we did not pursue it too heavily and too convincingly, perhaps we missed the boat [6].

– Ссылка на пройденный материал: *as I explained to you in the first lecture, as I've already said, (just) as I said, and I just said, as I mentioned* и др. Например:

So I was trying to get reasonably clear answers of what they were looking for and sometimes we have got the answers, but sometimes it's not very easy, as I mention [6].

– Деление на разделы: *let's start with; now let's just take a little bit of time to think about; now a word about; in the time we have together we are going to talk about; now we might pause to ask; and so what we are going to do in the next session is; in the next few minutes what I would like to say is* и др. Например:

I'm just going to give some very brief remarks, describe for you the Jefferson Science Fellowship Program, for those of you who aren't familiar [6].

– Выводы и заключение: *let me conclude; moving to a conclusion for this; then I'm going to give some closing remarks; and finally; so in conclusion, what I'd like to do now is; I'm going to close with this particular slide* и др. Например:

Let me conclude this evening with a brief story that suggests other possibilities, a glimpse into, perhaps, our better selves, an evolving human nature, a rising road [4].

I've chosen issues of governance and environmental change as those of primary interest to illustrate some of these ideas and then I'm going to give some closing remarks [1].

– Реакция на вопрос: *that's a great question, let's get at this question now, so in order to address this question, we'll stop for questions again, so let's stop here and take questions, let's take questions here* и др. Например:

That's a great question and so it's actually a very complicated question and in our book we talk about this [5].

– Пояснение / объяснение: *what it tells us is, it just shows that, I give you some sense of, what that means is, let me make it perfectly clear, it (that) means, that is to say, in other words, and this is what we call, in order to do this, in particular* и др. Например:

It cannot have ductility, or in other words, you cannot fabricate materials containing complex shapes once the material is very strong [6].

– Приведение примеров: *and again I have an example here, for example, I just want to show you, for instance, typical examples, a concrete example, and for comparison* и др. Например:

For example, we had an issue of climate change in inner Asia inducing change on the biomass on the ground and that turned out to be crucial because, as you know, nomadic populations follow herds and the herds follow the biomass, basically sort of [1].

– Указание на закрепление информации: *let's see what we learned, what we have learned so far* и др. Например:

So let's see what we learned [5].

– Выдвижение гипотезы: *is it possible that* и др. Например:

*So our efforts were, **is it possible** we could add magnesium, which is the lightest structural material, to titanium and reduce the density even further?* [6].

– Хеджинг: *what I guess you could call, (but) perhaps, maybe, it is likely, we may say, as some of you know, so my guess is, you might be tempted to say, so you might have thought, so to speak* и др. Например:

And that there are localized clusters of infection, the early localized clusters of infection, most likely spread by connectivity, urbanization, and conflict [2].

– Выражение лектором собственного мнения / убеждения: *(I think) it's fair to say; I'm interested in; I think, it has become quite clear; it seems to me; I believe; so I would argue; so I (do) think; I don't think; that's why I think; I'm at least positive that; I'm confident that; the only comment I wanted to make was; it seems to me (that)* и др. Например:

I am convinced the humanities offer us a way through, one way to help us avoid that ever-looming national suicide [4].

– Выражение категоричности: *(I'm) sure (that), of course, so I do think, obviously, I am convinced, (and) that is the fact, certainly, (and) indeed, you are absolutely right that, the fact is, inevitably, definitely* и др. Например:

So these are definitely in and of themselves diseases that bring extensive morbidity and mortality, co-infections with TB and HIV are even more serious for both of the diseases than one of those infections alone, and certainly this type of framework that has been established virtually worldwide can be used for women and children's health ... [2].

– Описание деталей: *in particular, in the case of, so that's evidence, to put it in the context of* и др. Приведём пример:

In particular, Dr. Surya was asked this year to help identify and develop opportunities for U.S.-Iraqi university cooperation, coordinate the submission of competitive research proposals [6].

– Систематизация информации: *to put this into a framework* и др. Например:

So, to put this into a framework, I think it's important for us to look back at the beginning of the 21st century and say, what was the lay of the land and what was going on? [2].

– Указание на противоположную точку зрения: *however; but, (even) though, although, on the other hand, (and) yet, unlike, in contrast, nevertheless* и др. Например:

Nevertheless, many of us are still seduced by George Santayana's famous saying that "we are condemned to repeat what we don't remember" [4].

– Указание на сходство: *(so) like this, likewise, similarly, (and) like that* и др. Приведём пример:

So like this, lots of things are happening, but again this is not really completely new [6].

– Указание на суть сообщения: *(and) in fact, really, actually, indeed, basically, essentially* и др. Например:

In fact, as though dinosaurs sort of slowly peter out through time outcompeted by mammals [5].

Наряду с вышеперечисленными лексическими и лексико-грамматическими элементами, в материале исследования наблюдается активное использование функциональных слов, а также вводных слов и словосочетаний. Приведём примеры:

– Функциональные слова: *right, now, ok, well, good, then, also, sort of, thus, here, so* и др. Например:

So in the case of HIV-negative people being exposed, there's now evidence that if you treat, you can prevent them from getting infected if you treat them early enough [2].

– Вводные слова и словосочетания: *by the way, in addition to, equally, remarkably, typically, with respect to, in principle, after all, for some reason, in general, in a totally novel way, at least, moreover, in a sense, eventually, in many ways, in a larger sense* и др. Приведём примеры:

Eventually, however, the star will exhaust its nuclear fuel [7].

Remarkably, we have embryos preserved from that age, as well as that sort of spiky thing in the bottom [5].

J. Flowerdew утверждает, что хотя лекция и является в основном монологическим высказыванием по сравнению, например, с практическими занятиями, в ней прослеживаются интерактивные речевые акты. К ним учёный относит следующие:

– (дискурсивные) маркеры / (discourse) markers, например, *well, right, now;*

– лексико-грамматические элементы, которые употребляются в начале лекции для введения темы / starters, например, *Let's move to ... Let's begin with...;*

– информативы / informatives, т. е. объяснения или дефиниции, приводимые лектором, например, *Individualism is characterized by interests of an individual put higher than collective interests;*

– слова, произносимые лектором, но не предназначенные для аудитории / asides, например, *running out of blackboard here;*

– утверждения или предложения, поясняющие другие утверждения / metastatements;

– заключение / conclusion [8, с. 14].

Несмотря на преобладающее использование эмоционально-нейтральной лексики, в тексте академической лекции также встречаются утверждения, содержащие оценочный компонент. Он проявляется в том случае, когда лектор не только делится информацией, но также выражает своё отношение к материалу и даёт ему оценку. К данным лексико-грамматическим элементам относятся следующие: *it's a wonderfully existential statement, I'm sorry to say, what makes it exciting for me is, that's a great (good) question, I'm pleased to say that, but unfortunately, I'll be happy to answer any questions, we're incredibly excited* и др. Например:

So we're incredibly excited and we believe that that will be a catalyst for more Iraqi scientists to look for more international partnerships over the next years [6].

Наряду с оценочным, в текстах лекции встречается эмоциональный компонент: *frankly (speaking), honestly (speaking)* и др. Например:

*At the University of Central Florida, Dr. Surya has been a pioneer in the development of advanced material science, including nanotechnology, aerospace materials, and **frankly**, a long list of other things that my education did not prepare me to adequately explain to you [6].*

В тексте лекции принято избегать употребления идиом, метафор, сокращённых форм, т.к. они могут затруднять восприятие материала.

Итак, исследовав лексическое наполнение текста академической лекции в современном англоязычном дискурсе, приходим к следующим выводам:

А. Лексический состав текста лекции включает в себя три основных блока: общеупотребительная, общенаучная и терминологическая лексика. Именно наличие узкоспециальных лексических единиц позволяет определить область научной деятельности, о которой идёт речь в тексте лекции.

Б. Выбор лексического наполнения определяется фазами лекции (оценочная фаза, фаза взаимодействия, содержательная фаза, фаза приведения примеров, заключительная фаза), а также её целями, а именно: трансляция важной теоретической и практической информации, привлечение внимания аудитории, вовлечение аудитории в диалог.

В. Отмечается употребление лексических и лексико-грамматических клише, выделяющих следующие этапы лекционного занятия: сообщение важной / новой теоретической и практической информации, привлечение внимания аудитории, вовлечение аудитории в диалог.

Г. По функциям лексико-грамматические элементы из материала исследования делятся на следующие группы: ссылка на общеизвестные факты, ссылка на пройденный материал, деление на разделы, выводы и заключение, эмоциональный компонент, реакция на вопрос, объяснение / пояснение, приведение примеров, закрепление информации, выдвижение гипотезы, хеджинг, выражение лектором собственного мнения, выражение категоричности, описание деталей, систематизация информации, указание на противоположную точку зрения, указание на сходство, указание на суть сообщения. Наряду с этим, в текстах лекций наблюдается активное использование функциональных слов, а также вводных слов и словосочетаний.

Литература

1. Cioffi-Revilla C. Science and Complexity in Foreign Policy: Insights from the Frontiers of Computational Social Science. URL: <https://www.state.gov/e/stas/series/154209.htm> (дата обращения: 20.08.2016).
2. Goodenow M.A. Global Health Paradigm for Defense, Development, and Diplomacy. URL: <https://2009-2017.state.gov/e/stas/series/212175.htm> (дата обращения: 20.08.2016).
3. Malavska V. Genre of an Academic Lecture // International Journal on Language and Culture in Education, 2016, Vol. 3 (2). pp. 56-84.
4. Burns K. The Jefferson Lecture. National Endowment for the Humanities. URL: <http://www.neh.gov/about/awards/jefferson-lecture/ken-burns-announcement> (дата обращения: 18.08.2016).
5. Knoll A.H. Changing Planet: Past, Present, Future Lecture 1 –The Deep History of a Living Planet. URL: <http://www.hhmi.org/biointeractive/changing-planet-past-present-future> (дата обращения: 20.08.2016).
6. Lin L., Challapalli S. In Search of Utopium: The Elusive Metal. URL: <http://www.state.gov/e/stas/2013/215307.htm> (дата обращения: 05.04.2016).

7. Hawking S. Stephen Hawking's Reith Lecture. URL: <https://www.bbc.com/news/science-environment-35354313> (accessed: 20.08.2016).

8. Flowerdew J. Research of Relevance to Second Language Lecture Comprehension Academic listening: Research Perspectives. Cambridge University Press, 1994, pp. 7-29.

LEXICAL SPECIFICITY OF AN ENGLISH ACADEMIC LECTURE TEXT

Marina A. Sukhomlinova
Southern Federal University

Abstract. The article discusses some identifying features of the lexical component of lecture texts in the framework of modern English-language academic discourse. The relevance of the research is seen in the insufficient development of questions on this issue in the modern scientific literature. The author aims to study in detail the lexical and lexical-grammatical components of the texts of modern English-language academic lectures and provide their classification. The research material includes 6 academic lectures in English of general humanitarian orientation. Such research methods as continuous sampling, semantic analysis, descriptive method, hypothetical-deductive method and some others have been used. The author comes to the conclusion that the choice of lexical units is determined by the phases and goals of the lecture. Moreover, functional words and expressions, as well as introductory words, are actively used in the texts of the lectures. The active use of lexical and lexical and grammatical clichés, highlighting the main stages of the lecture, has been noted. A detailed classification of lexical and grammatical elements by function has been proposed, it depends on the stages of the lecture.

Key words: academic discourse, the genre of an academic lecture, lexical component, evaluative component, common vocabulary, general scientific vocabulary, terminological vocabulary, lexical and grammatical elements

Сухомлинова Марина Анатольевна,
доцент кафедры английской филологии
Института филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г.
Ростов-на-Дону)
тел.: +7 (928) 192 6116
email: sukhomlinovam@mail.ru

Marina A. Sukhomlinova
Associate professor of the Chair of
English Philology, the Institute of
Philology, Journalism and Intercultural
Communication Southern Federal
University (Rostov-on-Don)
mobile: 8 (928) 192 61 16
email: sukhomlinovam@mail.ru

УДК: 811

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» СРЕДСТВАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Сыромятникова Т.Н.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются способы передачи метафор в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на немецкий язык в переводе Э. Брод (1930 г.). Метафора, как эстетическая категория художественного текста, как фактор сосредоточения глубоких скрытых смыслов, а также способ отражения интенции писателя и его индивидуального стиля представляет собой ряд трудностей, с которыми приходится сталкиваться переводчику. Сложность перевода авторских метафор, интегрированных в единое смысловое целое произведения, обусловлена различными факторами, в частности, межязыковыми и культурными

расхожденьями, а также характером интерпретации переводчиком метафорических образов. В романе «Двенадцать стульев» метафора выступает одним из главных средств создания комического эффекта, а характерными способами ее перевода на немецкий язык являются: перевод с сохранением образа; частичная трансформация образа, т.е. замена его компонентов; нейтрализация образа. Выявление актуальных индикаторов смысловой структуры текста и определение характера их взаимодействия способствует максимально полному воссозданию стилиобразующей системы оригинального текста с минимальными семантическими потерями. При этом достижение соответствующего прагматического и эстетического эффекта переведенного текста требует от переводчика принятия нестандартных творческих решений.

Ключевые слова: метафора, индивидуально-авторский стиль, авторская интенция, перевод художественного текста, переводческие трансформации

Как известно, в основе любого художественного текста лежит художественный образ, направленный на фантазию читателя. «Каждое художественное слово... тем-то и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений, объяснений», писал Л.Н. Толстой [1, электронный ресурс].

Создаваемый в художественном тексте мир носит условный характер, не являясь зеркальным отображением действительности. «Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом еще витает некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную, – писал Д.С.Лихачев. – Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни» [2, с.128].

Художественный перевод, по мнению многих ученых, считается самым сложным, что объясняется спецификой переводимого материала. Любое художественное произведение представляет собой сложное взаимодействие философско-мировоззренческого кредо писателя, его эстетики и языкотворчества. Наличие имплицитной художественной информации является причиной его неизбежной полиинтерпретируемости, межъязыковые и культурные расхождения требуют от переводчика большой внимательности, умения принимать нестандартные решения. Восприятие художественного текста подразумевает также определение смысловых нюансов отдельных выразительных элементов в их тесной связи с особенностями содержания, интенцией и индивидуальным стилем автора. Данный факт может представлять собой непростую задачу даже для носителя языка, и тем более для представителя иноязычной культуры. Почему один перевод художественного произведения признается удачным, другой в меньшей степени, а третий читается с трудом? С уверенностью можно утверждать, что художественный перевод граничит с искусством, а судьба самого автора произведения в иноязычной культуре нередко находится именно в руках переводчика. Следовательно, стремление переводчика к глубокому пониманию художественного текста приблизит его к созданию максимально эквивалентного оригиналу переведенного текста. Комплексная эквивалентность рассматривается как экспрессивная эквивалентность (денотативная, жанровая, прагматическая) и импрессионная (формально-эстетическая) [3, с.63]. При переводе художественного текста на первый план выходит импрессионная эквивалентность, т.е. эквивалентность коннотаций, впечатления, которое оказывает на читателя оригинал и перевод [4, с.79].

Материалом для данной статьи послужил роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», написанный в 1928 году, и его перевод на немецкий язык, выполненный Эльзой Брод в 1930 году. На немецком языке существует 3 перевода данного романа: Э. Брод (1930 г.), Эрнста фон Эка (1958 г.), Ренаты и Томаса Решке (2000 г.).

Интерес к языку сатиры авторов романа «Двенадцать стульев», запечатлевших панораму жизни советского общества 20-х годов XX века, возник сразу после выхода в

свет их совместных работ. «Описание окружающей действительности сквозь призму комического мировидения соавторов выразилось в общем комическом эмотивном фоне их произведений и насмешливой эмотивной тональности, проявляющейся в выражении эмоционального отношения к действительности» [5, с.3]. Язык И. Ильфа и Е. Петрова «богат внезапными столкновениями: эффект неожиданности, именно потому, что он – эффект неожиданности, требует толчков, стилистических столкновений, тех непредвиденных ударов, при помощи которых высекаются искры смеха» [6, с.140-141]. Основным художественным приемом писателей выступает парадокс, который прослеживается как в сюжетной линии, так и в образе одного из главных героев, Остапа Бендера.

Стилистически маркированные элементы текста являются средством реализации смысловой многомерности художественного текста, выполняя «важную функцию, как в порождении, так и интерпретации текста» [7, с.170-171]. Разнообразные элементы языковой игры в романе «Двенадцать стульев» воплощают глубинные смыслы, отражают неповторимый стиль писателей, а именно, комизм и сатиричность, образность и аллюзивность повествования. Практический материал показал, что одним из наиболее ярких стилообразующих средств в романе, создающих комический эффект, выступает метафора.

Точка зрения на метафору как на неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для номинативных, коммуникативных, познавательных целей сформировалась в глубинах античности и до сегодняшних дней метафора является предметом исследования во многих науках.

Метафора (греч. *metaphora* – ‘перенос’) является «самым распространенным и значимым тропом, состоящим в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства и уподобления предметов» [8, с.149], при этом «сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых различных чертах» [2**, с.176].

Метафора позволяет выразить отношение к предмету или явлению окружающей действительности эмоционально. Аристотель говорил, что «различные слова представляют предмет не в одном и том же свете. Чтобы выставить предмет в хорошем свете, следует брать метафору от лучших предметов, а чтобы о том же самом предмете сказать дурно – нужно взять метафору от дурных вещей» [9, электронный ресурс].

Метафора как органический стилистический элемент практически любого художественного произведения, в основе которого лежит образное видение мира, концентрирует в себе глубокие смыслы. А. Лосев писал, что в метафоре нет ни «идеи» без «образа», ни «образа» без «идеи» [10, с.112]. Сочетая, казалось бы, несочетаемое, метафора выступает неиссякаемым источником ассоциаций в воображении читателя, способом расширения смыслового поля художественного текста.

В художественном тексте метафора проявляет следующие черты: «1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация «случайных связей», 5) несводимость к буквальной перефразе, 6) синтетичность, диффузность значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта» [11, с.20].

Языковая асимметрия и культурные расхождения, национальная специфика юмора вызывают определенные трудности при передаче любого стилистического приема. Согласно принципу стилистической компенсации иногда более значимым представляется создание в переводимом тексте аналогичного эмоционального эффекта, нежели сам прием в тексте оригинала.

Фактический материал показал, что Э. Брод, как правило, стремится подобрать эквивалентную единицу тому или иному экспрессивному языковому элементу, прибегает к приему компенсации, что позволяет максимально сохранить заложенный в тексте юмор и вызвать соответствующие ассоциации у немецкого читателя. Вместе с тем меткий юмор писателей, их, так называемый, своеобразный «почерк» передать не всегда представляется возможным.

В ходе исследования было выявлено, что характерными способами перевода метафоры в романе «Двенадцать стульев» на немецкий язык являются: перевод метафоры с сохранением образа; частичная трансформация образа, т.е. замена его компонентов; опущение (нейтрализация) образа.

Сохранение метафорического образа происходит в том случае, если он понятен немецкоязычному читателю, вызывает у него схожие ассоциации. Полная передача метафоры осуществляется в результате использования Э. Брод такой продуктивной в немецком языке словообразовательной модели как словосложение, лексических эквивалентов и общепотребительных аналогов.

Приведенные ниже примеры демонстрируют использование сложных слов в качестве семантических эквивалентов, позволяющих в полном объеме передать метафорический образ.

Воробьянинов, прогуливаясь по улицам города, случайно остановился и увидел незнакомца с одним из стульев, которые он искал: «*Ипполит Матвеевич леопардовым скоком приблизился к возмутительному незнакомцу и молча дернул стул к себе*» [48, с.92]. «*Er näherte sich, mit einem Leopardensprung dem empörten Unbekannten und zog ihm schweigend den Stuhl aus den Händen*» [45, с.18]. Находясь на пароходе, Ипполит Матвеевич боялся вновь упустить стул: «*Ипполита Матвеевича снова охватила золотая лихорадка*» [48, с.352]. «*Worobjew wurde wieder vom Goldfieber gepackt*» [47, с.65]. Сложные слова *Leopardensprung* и *Goldfieber* в равной степени отражают исходные метафорические образы. Пассивный залог имеет в немецком языке больший индекс употребления, чем в русском языке. Синтаксическая замена во втором примере, а именно пассивная конструкция, подчеркивающая динамичный характер действия, не приводит к утрате комического эффекта.

Подбор лексического эквивалента также способствует полному переводу метафор, сохранению эмоционально-экспрессивного и ассоциативного поля исходного контекста.

Поскольку несколько стульев находились в театре Колумба, то Остап и Воробьянинов направились именно туда. Описывая артистичность героя, его манипулятивные уловки, авторы пишут: «*Но взгляд незнакомца был так чист, так ясен, что рука администратора сама отвела Остапу два места в одиннадцатом ряду*» [48, с.348]. «*Der Blick des Unbekannten aber war so rein und hell, dass die Hand des Kassiers ihm ganz mechanisch zwei Karten in der elften Reihe reichte*» [47, с.59]. Прилагательные *rein* 'чистый' и *hell* 'ясный' как полные семантические эквиваленты создают аналогичный образ героя.

В уездном городе N, где происходит действие романа, много похоронных бюро, одно из которых находится на улице имени товарища Губернского: «*По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро «Нимфа»*» [48, с.5-6]. «*Auf der linken Seite silbern hinter grünlichen Glasscheiben die Särge des Bestattungsbüros «Nymphe»*» [45, с.4]. Благодаря буквальной передаче метафоры переводчица сохраняет образ, заложенный авторами, вместе с тем, опущения (*волнистыми*) и лексические замены (*По левую руку – Auf der linken Seite*) несколько снижают степень комического эффекта исходного образа.

Увидев мадам Грицацуеву, Бендер ускорил шаг и устремился дальше по коридору. Погрузившись в новые идеи, Остап был категоричен и хладнокровен: «*B ego ushax ужже нел и сусстал ветер*» [48, с.292]. «*In seinen Ohren sang und piff ein Wind*» [47, с.56]. Глаголы *singen* ‘петь’ и *pfeifen* ‘свистеть’ имеют аналогичное значение в русском языке. Однако в результате опущения наречия *ужже*, указывающего на новый этап в мыслях и поступках героя, перевода просторечного глагола *свистать* нейтральным глаголом *pfeifen* создается несколько иной характер персонажа.

При описании чувств и эмоций героев, их поведения, состояния природы авторы романа нередко прибегают к конвенциональным метафорам. В большинстве случаев переводчица подбирает им общеупотребительный аналог, что способствует созданию импрессивной эквивалентности текста.

Отказавшись платить за стулья, Воробьянинов и Остап были вынуждены покинуть зал: «*Мало кто уходил из аукционного зала с таким горьким чувством*» [48, с.226]. «*Nicht viele sind je aus diesem Saal mit einem so bitteren Gefühl geschritten*» [47, с.38]. В отеле «Сорбонна» Воробьянинов встретил отца Федора, что указывало на то, что бриллианты еще не найдены. «*B груды Инполита Матвеевича купел восторг*» [48, с.124]. «*Entzücken erfüllte Worobjews Brust*» [47, с.23]. Словарь Duden содержит словосочетание *bitteres Gefühl*, а глагол *erfüllen* ‘наполнять’ применим в отношении описания эмоций (Duden: Zorn/ Freude erfüllte ihn).

Прибегая к трансформациям метафоры, переводчик выражает мысль автора с помощью образа более привычного для культуры переводящего языка. Э. Брод использует, главным образом, такие приемы, как лексическая замена или опущение компонентов исходного образа. Однако различные семантические и морфологические преобразования исходной метафоры может приводить к снижению степени эмоционально-экспрессивной информации, заложенной в исходном тексте, утрате аллюзивной информации.

Лексическая замена компонентов метафоры демонстрирует, в частности, передачу авторской метафоры посредством конвенциональной. Данный прием может приводить к снижению экспрессивности контекста в тексте перевода. Отец Федор вновь написал своей тоскующей жене Катерине: «*Любовь сушит человека*» [48, с.212]. «*Die Liebe quält den Menschen*» [47, с.35]. Однако, прием компенсации (*Die Wolken verzogen sich erschreckt*) позволяет воссоздать стилистический эффект оригинала. «*Пароход дал второй гудок. От страшных звуков сдвинулись облака. Солнце побагровело и свалилось за горизонт*» [48, с.344]. «*Der Dampfer piff zum zweiten Mal. Die Wolken verzogen sich erschreckt, die Sonne wurde blutrot und versteckte sich hinter dem Horizont*» [47, с.64]. Идея шокирующей внезапности, тревоги и страха Ипполита Матвеевича перед неизвестностью в момент отправления в круиз по Волге в тексте перевода сохраняется.

Ипполит Матвеевич мечтал о том, что ему достанутся стулья покойной, а с ними и ее бриллианты. «*Но Ипполит Матвеевич, снова потонул в ослепительных мечтах, ничего не ответил и двинулся вперед*» [48, с.24]. «*Worobjew ging an ihm vorbei und versank wieder in seine glänzenden Träume*» [47, с.8]. Переведенный контекст демонстрирует замену концептуально сходных (идея света), но по степени экспрессивности различных лексических единиц: *ослепять* – *glänzen* буквально ‘сиять’. Перестановки приводят к изменению последовательности подачи информации исходного текста, опущение *ничего не ответил*, замена экспрессивной единицы *двинулся вперед* (экспр.) на нейтральную *ging an ihm vorbei* (нейтр.) создают несколько иную картинку, хотя общий смысл и сохраняется.

Опущение компонентов исходного образа в некоторых случаях приводит к редукции важных смыслов.

Завхоз второго дома Старсобеса был вором, но застенчивым: «Крал он постоянно, постоянно стыдился, и поэтому его хорошо бритые щечки всегда горели румянцем смущения, стыдливости, застенчивости и конфуза» [48, с.78]. «*Er stahl und schämte sich. Er stahl andauernd, und seine rasierten Wangen wurden dabei schamrot*» [47, с.15]. Для передачи данной метафоры переводчик использует лишь выражение *schamrot werden* 'краснеть от стыда'. Лексемы *смущение, застенчивость и конфуз* можно рассматривать в качестве лексических синонимов. Их соположение в контексте с одной стороны, создает многогранный образ персонаж, с другой стороны, отражает тонкий юмор авторов романа. Смыслообразующий компонент целостного портрета героя деминутив в слове *щечки* не отражается в переводе, комизм всей ситуации воссоздается не в полной мере.

Для описания эйфорического состояния Ипполита Матвеевича, его бурной фантазии, рисующей в сознании драгоценности, авторы романа создают емкий комический образ: «Ипполит Матвеевич оглянулся. По темным углам зачумленной дворницкой вспыхивал и дрожал изумрудный весенний свет. Бриллиантовый дым держался под потолком. Жемчужные бусы катились по столу и прыгали по полу. Драгоценный мираж потрясал комнату» [48, с.67]. «*Worobjew sah sich um. In den dunkeln Winkeln der Hausmeisterwohnung leuchteten und zitterten die Strahlen der Frühlingssonne. Ein undefinierbarer Dunst lag im Raum. Perlen rollten über den Tisch und hüpfen auf der Diele. Ein köstlicher Zauber ließ die beiden erbeben*» [47, с.12]. Ассоциативно-текстовый ряд слов *изумрудный, бриллиантовый, жемчужные, драгоценный* создает своеобразный ритм, способствует нагнетанию напряжения, отражает сквозную идею романа – обладать богатством. Сужение образа в переведенном контексте нарушает целостность общей картинки.

Фактический материал показал, что наименее частотным способом передачи метафоры является нейтрализация образа.

В коридоре театра было темно. Ипполит Матвеевич ждал, пока пройдет Елизавета Петровна. «Кто-то шел по коридору, натываясь на его эластичные стены и сладко бормоча» [48, с.213]. «*Jemand ging durch den Gang und atmete sanft*» [47, с.34]. Переводчик опускает выражение *эластичные стены, сладко бормоча* переводится как *sanft atmen* (букв: 'мягко дышать'), метафора нейтрализуется.

Остап думал, как действовать дальше: «Лежа в теплой до вонючести дворницкой, Остап Бендер отшлифовывал в мыслях два возможных варианта своей карьеры» [48, с.61]. «*Ostap Bender lag in der warmen, übel riechenden Hausmeisterwohnung und bedachte eine vielleicht noch mögliche Variante seines künftigen Lebens*» [47, с.10]. Исходная метафора в тексте оригинала создает оптимистичный неунывающий образ главного героя, что является неизменным на протяжении всего романа. В результате нейтрализации образа и лексических замен (букв: обдумывал один вероятно еще возможный вариант своей будущей жизни) Остап Бендер наделяется чертами неуверенного в себе человека.

Необходимо подчеркнуть важность рассмотрения того или иного стилистического элемента в его контекстуальном окружении, как в рамках микроконтекста, так и с опорой на макроконтент, поскольку восприятие художественного произведения происходит с учетом звучания целостного ансамбля всех смыслообразующих элементов. Если переводимый язык и располагает арсеналом языковых средств, обеспечивающих смысловую эквивалентность, воссоздать в полном объеме идиостилистические нюансы, самобытный авторский язык, отражающий тонкий юмор или гротеск, крайне сложно, например, передать просторечный характер таких словосочетаний, как *ветер свистал, холод передался в самое сердце, лицо сделалось, заполучить бриллианты* и др.

Таким образом, максимально возможная передача стилистического эффекта, создание равноценного ассоциативного поля оригинала в переводе крайне важны для воздействия на фантазию читателя. Изучение переводчиком культурно-специфических и индивидуальных факторов создания произведения, распознавание скрытых смыслов, изучение особенностей индивидуального стиля писателя, несомненно, способствуют решению многих задач, стоящих перед переводчиком художественного текста.

Литература

1. Толстой Л.Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 8: Педагогические статьи 1860-1863 гг. URL: https://bookz.ru/authors/tolstoi-lev/polnoe-s_523...polnoe... (дата обращения: 10.12.2020).
2. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М: Детская литература, 1985. 207 с.
3. Фененко Н.А. Переводоведение: проблемы и решения / Н.А.Фененко, А.А.Креотов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002, №1. С.61-65.
4. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н.А. Фененко. – Воронеж: Воронежский государственный университет. 2001. – 140 с.
5. Попченко И.В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И.Ильфа и Е.Петрова): автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
6. Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М.: Наука, 1969. 215 с.
7. Т.А. ван Дейк. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. 1988. С.153-211.
8. Телия В. Н. Метафора в языке текста / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – 176 с.
9. Аристотель. Риторика. URL: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya...aristotel-ritorika.html> (дата обращения: 10.12.2020).
10. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994. 288 с.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С.5-32.

Список источников примеров

- 1* Ilf I. Zwölf Stühle / I. Ilf, E. Petrov : [сайт] URL: <https://play.google.com/books/reader?id=E30zDAAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PT3> (дата обращения: 12.01.2021).
- 2* Ильф И. А. Двенадцать стульев / И. А. Ильф, Е. П. Петров. – Москва : Э, 2017. – 458 с.

Список словарей

- 1** Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. – neu bearbeitete Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2007. – 1900 S.
- 2** Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976. 543 с.

**STRATEGIES FOR TRANSLATING METAPHORS INTO THE GERMAN
LANGUAGE (BASED ON THE NOVEL “THE TWELVE CHAIRS”
BY I. ILF, YE. PETROV)**

Tatyana N. Syromiatnikova
Voronezh State University

Abstract. The article considers strategies for the translation of metaphors found in the novel “The twelve chairs” by I. Ilf, Ye. Petrov into the German language. The translation under study was made by E. Brod and dates back to 1930. Metaphor as such is a translation problem because it is an aesthetic category of the literary text, a concentration of hidden ideas and complicated concepts, the expression of the author’s intention and their individual style. The difficulty of the translation of the writer’s original metaphors artistically embedded into the text as a whole are caused by a number of factors. In particular, they are due to differences in language structures, diversity of cultural conceptualization as well as the translator’s own perception. The metaphors found in the novel “The twelve chairs” are used as the main tool to create a comic effect. The translator resorts to different ways of rendering the meaning of the metaphors: transferring the SL image in the TL, partially transforming the image by replacing some of its components or reducing it to sense. To preserve and render the semantic and stylistic value of the text, it is extremely important to identify the main indicators of its conceptual structure and the way they function. The study concludes that in order to achieve the necessary pragmatic and aesthetic effect, the translator should be ready to think creatively.

Key words: metaphor, individual author’s style, author’s intention, literary translation, translation transformations

Сыромятникова Татьяна Николаевна,
доцент
Воронежский государственный университет
394018, Воронеж, пл. Ленина, 10
e-mail: syromjatnikova@rambler.ru

Tatyana N. Syromiatnikova
Voronezh State University
Pl. Lenina, 10, Voronezh,
394018, Russian Federation
e-mail: syromjatnikova@rambler.ru

УДК 811.161.1’373.21

ЦВЕТ В ИСПАНСКОЙ ОЙКОНИМИИ

Тужикова Д.Б.
Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются испанские ойконимы с топоосновой «природные реалии» с компонентом цвета; изучаются особенности образования и функционирования данных географических названий с цветовой характеристикой. Делается вывод о том, что для Испании характерными цветами в ойконимии являются красный, белый и зеленый.

Ключевые слова: ойконим, топоним, топоформант, цвет, испанский язык

Одной из актуальных проблем современного языкознания является проблема образования географических названий, совокупность которых формирует топонимическую картину мира. Интерес ученых к данной проблеме объясняется тем, что топоним относится к числу языковых единиц, которые обладают этнокультурной значимостью и интегративным статусом, а в топонимической системе отражаются не только языковые особенности, но и особенности мировосприятия этноса, а также определенные истори-

ческие, социальные и культурные факты [1, с.4]. Неслучайно поэтому географические названия занимают важное место в языковой картине этноса. Их изучением занимаются многие отечественные и зарубежные ученые, которые пытаются сгруппировать этот довольно разнообразный класс лексических единиц и разработать их классификацию (см., например, [2; 3; 4; 5]). Приведем в качестве примера классификацию названий населенных пунктов – ойконимов, которую предлагает Х.Х. Гарсия Санчес в своем «Топонимическом атласе Испании». Выбор классификации топонимов именно этого известного испанского ученого обусловлен, в частности, тем, что сами названия выделяемых им разрядов географических имен показывают, какие признаки могут служить основанием для образования топонимов в испанском языке. Всего он выделяет 20 разрядов географических названий. В их числе: ойконимы, антропотопонимы, агитопонимы, гидротопонимы, оротопонимы, хромотопонимы, фитотопонимы, зоотопонимы; топонимы, связанные либо с торговлей и экономической деятельностью, либо с названиями зданий и сооружений, либо с названиями месторождений, либо с дорогами; топонимы, указывающие либо на границы, либо на месторасположение, либо на вид, состояние, либо на происхождение, либо на положительные характеристики; топонимы, содержащие конфликтные, компрометирующие, любопытные названия; соотносительные топонимы и топонимы вторичной мотивации (подробнее см. [4]).

Нетрудно заметить, что в приведенной выше семантической классификации испанских топонимов Х.Х. Гарсия Санчеса четко противопоставлены, условно говоря, топонимы первичной мотивации и топонимы вторичной мотивации. В группу топонимов вторичной мотивации входят географические названия с затемненной внутренней формой, которые претерпели изменения в результате неправильной интерпретации их семантики. Одни из них есть порождение народной этимологии по созвучию, по ассоциации, другие в силу тех же самых причин имеют тавтологический характер. Что касается топонимов, которые мы обозначили термином «топонимы первичной мотивации», то они с точки зрения семантики ономаσιологического базиса (в другой терминологии – производящей основы, топонимической основы или топоосновы) весьма разнообразны (напомним, что Х.Х. Гарсия Санчес выделяет 20 разрядов таких топонимов). Наряду с традиционно описываемыми в топонимике названиями, связанными с типом географического объекта (топообъекта), таких, как оронимы – названия возвышенностей или гидронимы – названия водных объектов, существуют топонимы, ономаσιологическим базисом которых выступают слова определенных лексико-семантических групп (ЛСГ). Среди этих ЛСГ имена людей – антропотопонимы, имена святых – агнионимы, названия растений – фитонимы, названия животных – зоонимы, названия цвета – хромонимы и др. Кроме того, ономаσιологическим базисом испанских топонимов могут стать слова самой разной семантики, как-то местонахождение, граница, оценка, происхождение и многие др. [6, с.151].

Естественно, что выбор того или иного признака в качестве производящей основы географического названия зависит от многих причин, в том числе и от типа именуемого объекта. Очевидно, что в названиях, например, водных объектов доминируют одни признаки, а в названиях возвышенностей – другие. Наибольшей вариативностью и разнообразием мотивирующих признаков ономаσιологического базиса отличаются названия населенных пунктов – ойконимы.

Не будет преувеличением сказать, что ойконимы составляют основу любой национальной топонимической картины мира. Именно поэтому подавляющее большинство исследований как отечественных, так и зарубежных ученых посвящено данному разря-

ду топонимической лексики [2; 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10]. Изучение географических названий такого рода, составляющих важную часть языковой картины этноса, позволяет выявить как универсальные, так и культурно специфические закономерности их формирования.

Предметом нашего изучения в данной статье является небольшой фрагмент испанской топонимической картины мира, точнее испанской ойконимии – хроматопонимы. Следует также оговорить, что мы изучаем не все географические названия населенных пунктов Испании с компонентом цвета, а лишь те из них, ономазиологическим базисом которых служат названия вертикально и горизонтально ориентированных природных реалий типа *гора, скала, долина, низина* и др.

Обращение к изучению данного пласта топонимической лексики обусловлено несколькими причинами. Одна из них кроется в том, что цвет является одной из фундаментальных категорий предмета (см., например, [11; 12; 13]), благодаря чему во многих – если не сказать во всех областях и сферах человеческой жизнедеятельности, включая топонимию, есть названия с хромокомпонентом.

Как показывают исследования ученых, белый, черный и красный цвет лежат в основе системы цветовых обозначений любого естественного языка. Они составляют так называемую примитивную хроматическую триаду и четко противопоставлены всем другим цветам, которые считаются периферийными. Их появление в системе цветообозначений того или иного языка тесно связано с этнокультурной спецификой мировосприятия, а также уровнем исторического и культурного развития народа [14; 15, 16]. Сказанное означает, что в номинации предметов и явлений объективной действительности задействованы далеко не все компоненты палитры цвета. Не является исключением в этом отношении и топонимия. Вместе с тем следует отметить, что использование цветообозначений в топонимии вообще и в ойконимии в частности относится к семантическим универсалиям. Благодаря фиксации цветообозначений в структуре топонимии в языковой картине мира находят отражение особенности не только культурно-исторического, социально-экономического развития того или иного этноса, но и особенности географического положения.

Целью нашего исследования является выявление наиболее частотных для испанского этноса цветовых ассоциаций, закрепленных в сложных топонимиях, в словообразовательной модели которых присутствуют компоненты цвет и название природной реалии, о чем говорилось выше. Для достижения поставленной цели методом сплошной выборки из словаря П. Селдрана «Словарь испанских топонимов и названий жителей» [10], был выделен 71 ойконим. Это составляет 8,5 % от общего количества названий с топоосновой «природные реалии» (834). Относительно небольшое количество хроматопонимов в испанской топонимической картине мира позволило сформулировать гипотезу – в испанской топонимии при образовании географических названий населенных пунктов действуют ограничения на использование в качестве ономазиологического базиса обозначений как отдельных цветов, так и отдельных видов природных реалий.

Для верификации высказанной гипотезы мы выделили в первую очередь названия вертикально и горизонтально ориентированных природных реалий в испанском языке. Выяснилось, что в испанском языке названия вертикально ориентированных природных объектов, особенно тех, которые находятся выше уровня земли, составляют весьма обширную лексико-семантическую группу. В эту ЛСГ входят, с одной стороны, гиперонимы *elevación, altura*, а с другой стороны, гипонимы, которые называют конкретные виды возвышенности. Эта группа лексики самая многочисленная. В нее входят слова *montaña, monte, montículo, roca, peña, peñasco, cerro, collado, colina, loma, otero*, критерием разгра-

ничения которых служат такие категориальные признаки природного объекта, как высота, материал, форма, нахождение на суше или в воде и др. (см. подробнее [11; 13]). Наряду с обозначением разных видов возвышенности в языке существуют также специальные лексемы, служащие для наименования наиболее важных для человеческого сознания отдельных ее частей. Среди них названия вершины и склона. В ЛСГ «вершина» входят слова *cumbre, cima, pico, cabeza*, а в ЛСГ «склон» – слова *cuesta, repecho, ladera, subida* [11; 13].

Что касается названий природных реалий, находящихся ниже поверхности земли, то они не столь многочисленны. В данную ЛСГ входят названия углублений (*hondura, hondonada*), впадин (*barranco*) и пещер (*cueva, gruta, caverna, antro*) [13].

Горизонтально ориентированными природными реалиями являются такие природные объекты, как равнина, плоскогорье, поле, долина и луг. В испанском языке для их обозначения, как правило, существует несколько лексем. Так, слова *llanura, llano* имеют значение ‘равнина’; *vega, valle* и *nava* значат долина, а *prado* и *braña* – луг. Только поле и плоскогорье в испанском языке обозначаются одной-единственной лексемой: *campo* и *meseta* соответственно [12; 13].

Примечательно, что названия всех вышеуказанных природных объектов географического пространства, как вертикально, так и горизонтально ориентированных, согласно данным нашего исследования, в большей или меньшей степени представлены в испанской ойконимии [17]. Принципиально иная картина наблюдается среди ойконимов с компонентом цвета – хромотопонимов. В данном разряде топонимической лексики отмечены весьма существенные ограничения на использование производящей основы «природные реалии». Среди названий вертикально ориентированных природных объектов, находящихся выше уровня земли, в качестве производящей основы не используются ни названия вершины, ни названия склона.

Еще большие ограничения касаются использования в качестве ономаσιологического базиса названий географических объектов, находящихся ниже поверхности земли. Согласно полученным данным, в испанских хромотопонимах отсутствуют названия углублений и впадин, а из четырех названий пещеры в топонимиях рассматриваемого типа отмечено лишь одно слово *cueva*.

Справедливости ради заметим, что все указанные выше лексемы – названия географических объектов в целом обладают достаточно низкой словообразовательной способностью (см. подробнее [17]), однако возможность их сочетания с тем или иным обозначением цвета оказывается нулевой.

В целом же частотность использования в испанской ойконимии производящей основы «природные реалии» в сочетании с компонентом цвета повторяет выявленные нами ранее закономерности образования топонимов с данным ономаσιологическим базисом (см. подробнее [17]).

Словообразовательная способность названий указанных выше природных реалий в испанских хромотопонимах выглядит следующим образом. Абсолютным лидером выступают названия долины, главным образом лексема *valle* (*valle* – 24, *vega* – 1, *nava* – 1). Далее следуют названия высокой горы *monte* (18) и входящая в ту же самую ЛСГ «возвышенность» лексема *roca* ‘скала’ (15). Остальные названия природных реалий выступают в качестве производящей основы крайне редко. Среди них *monticulo* (3) ‘пригорок’, *altura* ‘высота, вышина’ (2), *llano* ‘равнина’ (2), *campo* ‘поле’ (2), *cueva* ‘пещера’ (2), *cabezo* ‘холм’ (1).

Что касается цветовой характеристики природных реалий, зафиксированных в испанских названиях населенных пунктов, то она выглядит следующим образом.

В ойконимах с топоосновой *valle* ‘долина’ абсолютным лидером оказывается зеленый цвет (12) – прототипический цвет данного географического объекта. Следует отметить, что само по себе название *Valverde* ‘зеленая долина’ обладает низкой дифференцирующей силой, а потому оно нуждается в дополнительной квалификации. Данным обстоятельством объясняется тот факт, что в таком «чистом» виде зафиксирован только один топоним *Valverde*, а во всех остальных случаях (11) он является первой частью составной топонимации, вторым компонентом которой чаще всего является указание на местонахождение (*Valverde de Mérida*, *Valverde de Campos* и др.). Иногда вторым компонентом топонимации может быть указание либо на «принадлежность» (*Valverde de Júcar*), либо на растительность (*Valverde de los Ajos*).

Другие цветковые характеристики долины в испанской ойконимии менее частотны. В названиях разного происхождения, возникших в разные периоды истории Испании, отмечены, в частности, такие цвета, как черный (4), белый (3) и красный (1): *Valdenegrillos*, *Valmoreno*, *Bosost*, *Bosost* (*valle negro* ‘черная долина’); *Vall d’Alba*, *Vélez Rubio*, *Vélez Blanco* (*valle blanco* ‘белая долина’) и *Valderrubio* (*valle rojizo* ‘красноватая долина’).

Кроме того, долина в испанской ойконимии предстает золотой (4). Золотистый цвет долины как результат метафорического переосмысления зафиксирован в топониме *Valoria* (*valle de oro* ‘золотая долина’), который в трех случаях из четырех используется как первый компонент составной топонимации. *Valoria [del Alcor]*, *Valoria [la Buena]*, *Valoria [de Aguilar]* (*valle de oro* ‘золотая долина’). Вторым компонентом названий такого рода может быть указание на разные признаки, в числе которых мелиоративная оценка (*Valoria la Buena*), местонахождение (*Valoria del Alcor*) или фауна (*Valoria de Aguilar*).

Другой природной реалией, весьма частотной в испанской ойконимии, является, как уже отмечалось, гора *monte*, *montaña*. В ее цветовом облике, зафиксированном в названиях населенных пунктов, также есть доминантные цвета. Среди них красный цвет (9) и белый (6): *Monroyo*, *Monroy*, *Montroy* (*monte rojo* ‘красная гора’) и *Montalbo*, *Montalbán*, *Montealbanejo* (*monte blanco* ‘белая гора’) [10, с. 510]. Еще один цвет – пурпурно-розовый выявлен лишь в одной топонимации *Monterroso* (*monte rosado*, *rojizo* o *purpúreo* ‘розовая, пурпурная гора’) (см. [10, с.510]).

Гора, как и долина, тоже может быть золотистого цвета (3), что нашло отражение в таких топонимах, как *Montuiri*, *Montoro* (*montaña dorada* ‘золотистая гора’) [10, с.215].

В отличие от долины, для которой, как уже отмечалось выше, зеленый цвет является прототипическим, красный цвет горы вряд ли можно считать таковым. Тем не менее его активное использование в испанских хроматопонимах с компонентом ‘гора’ отражает реальную окраску некоторых гор на территории Испании. В частности, знаменитые горы в провинции Леон *Las Medulas*, в которых древние римляне добывали золото, имеют именно такой красноватый цвет.

Следующая природная реалья, представленная в испанской ойконимии в сочетании с компонентом цвета – это скала *peña*, *roca* (15). В ее хроматической характеристике также есть доминантные цвета – красный (6) и белый (6). Красный цвет зафиксирован в таких названиях испанских населенных пунктов, как *Penya Roja*, *La Penya Rotja* (*peña roja* ‘красная скала’); *Peñarroya*, *Peñarrubia* (*pedras rojas*, *gosa rojiza* ‘красные камни’, ‘красноватая скала’) и др. Белый цвет отмечен в названиях *Peñalba*, *Peñalbo*, *Queralbs* (*peña blanca* ‘белая скала’) и др. Наконец, бурый или темный цвет (3) встречается в названиях *Peña parda [de Bracamonte]*, *Peñaparda*, *Peñaparda [de Duero]* (*peña parda* ‘бурая, темная скала’) [4, с.97-98].

Характеристика по цвету ойконимов с топоосновами *montículo* ‘пригорок’ (3), *llano* ‘равнина’ (2), *campo* ‘поле’ (2), *altura* ‘высота, вышина’ (2), *cueva* ‘пещера’ (2), *cabezo* ‘холм’ (1), *vega* ‘часть ровной и плодородной низины’ (1) и *nava* ‘ровная территория, в основном расположенная между горами’ (1) встречается в единичных случаях в составных и сложных топонимах, поэтому однозначно сказать о цветовых предпочтениях в отношении этих природных объектов достаточно трудно, тем более что их цветовой облик достаточно разнородный. Ср.:

Puigvert [de Lérida] (*montículo gris* ‘серый пригорок’), *Puigdalber, Puigdalha* (*podio albo* ‘белый пригорок, холм’);

El Prat de Llobregat (*llano rojizo* ‘красноватая равнина’) и *Campalbo*;

Camporrells (*campo bermejos* ‘светло-красное поле’) и *Pego de la Negra* (*campo negro* ‘черное поле’);

Covarrubias (*cuevas rojas* ‘красные пещеры’);

Cabezarrubias (*cabezo rojizo* ‘красноватый холм’);

Ibarbeltz (*vega negra* ‘черная плодородная долина’);

Navas de Oro (*nava de oro* ‘золотая заболоченная долина’) [10, с.540].

Большинство проанализированных нами географических названий с компонентом цвета имеют латинское происхождение. Подобно тому, как латинские слова составляют основу испанского лексикона, так и топонимы латинского происхождения составляют основу испанской топонимии [18; 19].

Согласно полученным данным, в унаследованном от римлян топонимиконе достаточно частотны хроматопонимы, производящей основой которых являются названия таких природных реалий, как *valle* ‘долина’, *monte, montaña* ‘гора’ и *roca, peña* ‘скала’.

Использование цвета в топонимических названиях, по мнению М. Траперо, чаще всего исходит из субъективной оценки и не связано с объективной реальностью [20]. Возможно, в целом это утверждение справедливо, однако в рассматриваемой нами группе ойконимов с топоосновой «природные реалии» цветовая характеристика топообъекта, на наш взгляд, достаточно объективна и отражает наиболее характерный и ярко выраженный цвет той или иной природной реалии – горы, скалы или долины, выделяющий ее среди других объектов географического пространства.

В заключение отметим, что, согласно изученному материалу, для Испании характерными цветами в ойконимии являются красный, белый и зеленый. Важно при этом, что наряду с насыщенным, ярко выраженным цветом в испанской хроматической ойконимии нашла отражение и неполнота цветового признака природной реалии. Наряду с образом белой или красной горы или скалы в испанской топонимике данные топообъекты могут быть беловатыми / белесыми и красноватыми. Долина же сверкает многими цветами радуги. В топономинации наряду с прототипическим зеленым цветом данной природной реалии она может быть и черной, и темно-коричневой, и белой, и красноватой. Отметим также, что отсутствие желтого цвета в испанских хроматопонимах компенсируется метафорическим использованием прилагательного золотой. Золотыми в топономинациях могут быть и горы, и долины.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. – Москва: Диалог – МГУ, 1997. – С.3-6.

2. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / А. В. Суперанская; отв. ред. Г.В. Степанов. – Изд. 2-е. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2011. – 178 с.
3. Поспелов Е.М. Топонимика и картография / Е.М. Поспелов. – Москва: Мысль, 1971. – 256 с.
4. García Sánchez J.J. Atlas toponímico de España / J.J. García Sánchez. – Madrid: Arco/Libros, 2007. – 410 p.
5. Menéndez Pidal R. Historia de la Lengua española / R. Menéndez Pidal. – Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal, Real Academia Española, 2005. – 680 p.
6. Корнева В.В. Традиции и инновации в испанской топонимике (Рец. на кн. : García Sánchez J.J. Atlas toponímico de España. – Madrid : ARCO/LIBROS, S.L., 2007. – 407 p). // Вестник Воронеж. гос.ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Издательский дом ВГУ 2016. №2. – С.150-152.
7. Ююкин М.А. Древнерусская **ойконимия** IX-XIII вв.: дис.... канд. филол. наук / М.А. Ююкин. – Воронеж, 2002. – 267 с.
8. Корнева В.В. Основные направления изучения топонимов / В.В. Корнева, Д. Б. Меняйлова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2012. – № 2. – С.21-26.
9. Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: дис.... канд. филол. наук / Г.С. Сударь. – Москва, 2004. – 212 с.
10. Celdrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios / P. Celdrán. – 5ª edición. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2009. – 1059 p.
11. Корнева В.В. Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах / В. В. Корнева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2014а. – № 4. – С.69-72.
12. Корнева В.В. Категоризация горизонтально ориентированных природных реалий в языковом сознании этноса / В. В. Корнева // Когнитивные исследования языка. – Москва; Тамбов, 2014б. – Вып. 18. – С.241-248.
13. Корнева В.В. Культурно специфические признаки категоризации природных реалий / В. В. Корнева // Когнитивные исследования языка. – Москва; Тамбов, 2015. – Вып. 22: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. – С.846-848.
14. Berlin V., Kay P. Basic color terms: Their universality an evolution. – Berkeley & Los Angeles, 1969. – V, 125 p.
15. Хамуркопаран Д. Семантика цвета в тюрской топонимике / Д. Хамуркопаран // Преподаватель XXI век, 2013. – Том 2. – Выпуск 3. – С.338-344.
16. Астахова Е.В. Цвет в образе Испании / Е.В. Астахова // Вестник МГИМО-Университета, 2012. – 3(24). – С.142-147.
17. Тужикова Д.Б. Ойконимы в испанской языковой картине мира: автореферат дис.. канд. филол. наук : 10.02.05 / Д.Б. Тужикова ; Воронеж. гос.ун-т ; науч. рук. В.В. Корнева . – Воронеж, 2013 . – 24 с.
18. Albaigés J. M. Enciclopedia de los nombres propios / J.M. Albaigés. – Barcelona: Editorial Planeta, 1998. – 405 p.
19. Martínez Ortega R. El rey Alfonso VI y la documentación latina medieval: Acerca de su toponimia / R. Martínez Ortega. – Madrid: Iacobus, 1999. – 420 p.
20. Trapero M.[http://www.canatlantico.u_lpgc.es/pdf/8/7/libros/11/ PRO_diccio.pdf](http://www.canatlantico.u_lpgc.es/pdf/8/7/libros/11/PRO_diccio.pdf)

COLOR IN SPANISH OIKONYMY

Tuzhikova D.B.
Voronezh State University

Abstract. The article focuses on the structure of Spanish oikonyms with toponymy base “natural realias” formation with the meaning of colors, it also describes linguistic mechanisms and functioning of place names.

Key words: place names, toponymy, linguistic mechanisms, color, color component

Тужикова Д.Б.,

кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры романской филологии
Воронежский государственный университет
тел.: +7 (903) 655 7557
e-mail: dina_menyailova@mail.ru

Tuzhikova D.B.,

Candidate of Philology, Lecturer
of Romance Philology Department
Voronezh State University
mobile: +7 (903) 655 7557
e-mail: dina_menyailova@mail.ru

УДК 821.133. 82 311.3: (571)

РОМАН ЖЮЛЯ ВЕРНА О МИХАИЛЕ СТРОГОВЕ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПРОСЛАВЛЕННОГО ПИСАТЕЛЯ: ОБРЕТЕНИЯ И УТРАТЫ

Филюшкина С.Н.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Аннотация. В статье объясняется причина недостаточной известности у нас одного из значительных произведений Жюль Верна, мало и неполно издававшегося, обойденного критиками. Ведь реальные протесты азиатских народов внутри Российской империи в 1840-е гг. французский писатель подменил изображением вымышленного вторжения так же придуманного эмира Феофара за Урал. Вместе с тем роман привлекает идеей объединения патриотических сил против нашествия, включая даже политических ссыльных в Сибири. Наиболее выразительна, в борьбе с врагами и природными стихиями, фигура главного героя Михаила Строгова, именем которого назван роман. Ж. Верн проявляет большое мастерство в развитии приключенческого жанра, в обогащении сюжета внезапными перипетиями. Вместе с тем роман в художественной целостности проигрывает другим произведениям писателя, например, «Детям капитана Гранта», где важным фактором является рассеянность Паганеля, нередко определяющая судьбу персонажей. Этот же прием пытается использовать Ж. Верн и в рассматриваемой книге, но он не удается, поскольку и эмир Феофар, и вдохновляющий его на нашествие предатель Иван Огарев изображены однолинейно, лишь как воплощение разрушения и злобы, а поведение Паганеля психологически разнообразно и убедительно.

Но достижением романа, наряду с уже упомянутым, являются, несмотря на отдельные неточности, тщательно собранные автором сведения о России, ее промышленных и культурных центрах, которые Ж. Верн стремится донести до своих соотечественников.

Ключевые слова: приключения, вторжение, Михаил Строгов, перипетия, Россия, мастерство

Активно утверждая одно из направлений научной фантастики (технологическое), французский писатель Жюль Верн (1828-1905) внес большой вклад и в развитие приключенческого романа. Правда, в образцах этого жанра («Дети капитана Гранта», «Во-

круг света в восемьдесят дней», «Таинственный остров» и др.) у писателя все равно присутствует научный «элемент», но в особой форме, отнюдь не фантастической.

Отправляя персонажей в разные части света – Южную Америку, Африку, Австралию, писатель насыщал повествование данными разных наук, кропотливо собранными им сведениями касательно географических особенностей континентов, их флоры и фауны, их этнографии, исторического прошлого. Подобный подход, уже применительно к России, сохраняется и в романе о Строгове, радуя нас стремлением французского писателя рассказать соотечественникам о нашей стране.

Изображая в первых главах произведения пребывание своего героя в европейской части России, а затем погружая его в стихию моральных и физических испытаний за Уральским хребтом, в Сибири, автор подробно останавливается на характеристике городов на пути Михаила, сообщает о времени их основания, природных условиях, внешнем виде, экономике, быте и пр. Речь идет о Москве и Казани, Перми, Омске, Томске, Иркутске... Степень авторской осведомленности о них высока, хотя не раз вынуждает нас на «оговорки» в ту или иную сторону. Так, с досадой отмечая, что для Жюль Верна Китай-город в Москве заселен китайцами, что автор постоянно путает Оку и Волгу под Нижним Новгородом, мы в то же время не можем не восхититься многогранным красочным описанием нижегородской ярмарки, ее товаров, разнообразием человеческих, национальных, социальных типов, в чем Жюль Верн предстает убедительным.

Говоря о сибирских соболях и куницах, романист наивно уверяет, что зверьки обитают на едва прикрытых льдом Барыбинских болотах, но он же поражает и неожиданной точностью в целом ряде мелких исторических подробностей, этнографических характеристик, топонимов и особенно привлекателен в самом пафосе прославления природных богатств Сибири, необходимого освоения того, что скрыто в глубинах ее земли. Удивляет умение Жюль Верна, не побывавшего в России, извлекать информацию о ней из прессы и других источников, опираясь при этом на пронизательное воображение. Так, изображая продвижение Михаила Строгова по Сибири, писатель называет многие населенные пункты, которые мы знаем и сейчас, только из малых селений они теперь уже стали городами; таков переживший наводнение в 2019 г. Тулун Иркутской области! Во времена Жюль Верна он был еще маленьким и обозначался писателем в русском переводе как «местечко», «тулунская деревенька» (373).

Лучшие страницы повествования связаны с умением французского автора **зримо** запечатлеть реальность далекой русской земли и далекого времени, запечатлеть через фиксацию красок, звуков, уловленных персонажами, их ощущений, тактильных контактов с окружающим миром, воспроизводимых с помощью выразительного слова. Мы слышим грохот срывающихся со скал камней, завывание бури, плеск широких рек, видим, как пылает на Ангаре разлитая по ней нефть, вместе с симпатичными нам героями переживаем их страдания и радости...

Но, несмотря на эти достоинства, судьба самого произведения о Строгове в России была сложной. Роман вышел в 1876 г. в парижском издательстве Этцеля, весьма уважаемом в Европе; однако попытка Жюль Верна озаглавить его торжественно как «Михаил Строгов, или Курьер царя» была пресечена русским послом во Франции князем Н.А. Орловым, потребовавшим более нейтрального названия – «Михаил Строгов» (по-французски Michel Strogoff с двумя «ф» на конце). У нас роман был опубликован с большими купюрами только в 1900 г. и в последующие годы, а также в советское время в полном виде в печати не появлялся. В обстоятельной статье о Жюль Верне З.М. Потаповой в третьем томе Академической истории французской литературы (1959) произведение вообще не упоминается!

Многолетнее настороженное отношение к роману объясняется тем, что реальные факты сопротивления в 1840-е годы российским властям населения современного Казахстана и Средней Азии были подменены у французского автора изображением некоего, более позднего, **вымышленного** нашествия на Сибирь восточного эмира Феофара, также придуманного писателем. Разноплеменные орды, вошедшие в войско эмира, Жюль Верн называет, следуя европейским представлениям, татарскими.

Роман Жюль Верна начинается с упоминания о прерванной телеграфной связи Москвы с Сибирью и, что особенно тревожно, конкретно с Иркутском, где губернатором является брат царя; городу угрожает нашествие татар, а самому Великому князю – вдобавок и интриги состоявшего когда-то в офицерском корпусе Ивана Огарева, которого губернатор и его окружение не знают в лицо и потому в своих подрывных действиях предатель может быть весьма успешен.

Спасти положение может только способный привезти письменное предупреждение Великому князю гонец, физически железный, но с золотым сердцем. Выбор падает на сына умелого охотника-сибиряка – родившегося в Омске Михаила Строгова, служащего в *«особом корпусе царских курьеров»* (40).

Выдавая себя за купца Николая Корпанова, Михаил обязан все время тщательно сохранять свое инкогнито и цель добраться в Иркутске до Великого князя, опередив предателя Ивана Огарева. Он идет на унижение, празднуя перед всеми труса на почтовой станции в Ишиме, где получает удар в лицо рукояткою кнута, но отказывается вступить в поединок с наглецом, отобравшим у него тройку лошадей. Впрочем, сначала читатель, а потом по воле автора и Михаил, догадываются, что наглец – это Иван Огарев.

Вместе с тем Михаил проявляет заботу и внимание по отношению к простым людям, ставшим пленниками у татар, когда он и сам попадает в плен, а до этого во время бури – к иностранным журналистам (англичанину и французу), так же продвигавшимся по Сибири. Но особенно убедительно привлекательные душевные качества героя раскрываются в его отношении к спутнице по сибирским испытаниям дочери ссыльного девушке Наде и к горячо любимой матери. Марфа Строгова продолжает жить в Омске, через который держит путь в Иркутск Михаил, но в Москве от него настоятельно требуют, чтобы с матерью он не встречался, и Михаил дает такую клятву. Однако сама Марфа его публично опознает и слишком поздно понимает, почему дорогой сын на людях ее отталкивает.

Примечателен сложный ход автора. Он изображает Строгова в состоянии внутренних борений: между верностью порученному ему делу, высокому долгу, что он воспринимает как нечто глубоко личное, и любовью к матери, которой из-за него грозит гибель. И в последний момент герой не выдерживает, отводя от Марфы Строговой руку палача; но тем самым окончательно выдает себя, обрекая свою миссию на провал. Правда, успевает рассчитаться с Огаревым за личное унижение на почтовой станции в Ишиме и хлещет обидчика по лицу кнутом, произнося *«удар за удар»*.

Однако у Михаила отнимают письмо к Великому князю и по приказу Феофар-хана, гадавшего на Коране, приговаривают к ослеплению, поднося близко к глазам раскаленный клинок. И вот здесь мастерство Жюль Верна в обращении к перипетиям достигает своей кульминации. Как раз именно любовь к матери, защищая которую, Михаил нарушает свой общественный долг, спасает глаза Михаилу и оставляет его в рядах бойцов! В ожидании неминуемой утраты зрения он обратил свой последний, как думал, взгляд на мать, и в глаза его хлынули слезы; образовавшийся пар нейтрализовал смертельный жар клинка, и зрение у героя сохранилось! *«Нечто подобное, – объясняет Жюль Верн, –*

происходит, когда рабочий-литейщик, смочив в воде руку, безнаказанно рассекает ею струю раскаленного чугуна» (461). Вероятно, так верили во времена писателя.

Но для нас важен идейно-художественный замысел автора: сугубо личные чувства (любовь к матери) и служение интересам отечества, сохранению империи, взаимосвязаны и сливаются: якобы ослепший, беспомощный уже не интересный врагам Михаил рвется в Иркутск, опираясь на помощь Нади, стремящейся стать «его глазами»; он не может открыть ей правду о сохранившемся зрении, что способствует напряженности сюжета, вводит новые грани в образ Строгова и самоотверженной девушки, усиливая контраст между героями и их врагами – татарами и Иваном Огаревым не только в содержательном, нравственном плане, но и с точки зрения их художественной подачи. В отличие от многогранности фигуры Строгова, образы его врагов предстают подчеркнuto однолинейными!

Так, при упоминании о татарах (как обозначаются включенные в армию эмира пестрые племена) почти в одних и тех же словах педалируется мысль о том, что это «разрушители», которые оставляют за собой настоящую пустыню (261), что «сущность их войн» – «жуткое нагромождение развалин» (367); не в силах победить в открытом бою, они идут на вероломство. Французское *le tartare* означает «татарин» и «ад», и переводчик устами Строгова передает эту игру слов (181).

Злобное выражение, глухая ярость не сходят с лица возглавляющего нашествие на Сибирь восточного эмира, Феофар-хана, как и с лица Ивана Огарева. Именно он, как многократно подчеркивает повествователь, вдохновляет Феофара на вторжение в Сибирь, являясь своего рода душой завоевания. Его имя неразрывно связано с определением «предатель». Таковым видят Огарева не только в Москве и не только вступивший с ним в борьбу Михаил Строгов, но и телеграфист Николай, и крестьяне, и сибиряки-охотники, и, что особенно важно для понимания позиции автора, политические ссыльные в Сибири. Их взгляды раскрываются весьма туманно, но в противодействии Огареву и татарам они объединяются в единый отряд, который возглавляет отец Нади Василий Федоров, отстаивающий в этой напряженной ситуации государственные интересы России. В ответ по приказу Великого князя, он, как и другие ссыльные, обретает свободу и даже становится майором!

Призыв к слиянию всех сил для защиты Святой Руси красной нитью проходит через роман, как и убежденность в том, что попытка нашествия на Россию, на «русского колосса» (465) всегда бессмысленна и имеет для захватчика роковые последствия. Слово Жюль Верн не ушел из жизни в 1905 г. и предугадал нашу победу над Наполеоном и Гитлером!

Но роман о Михаиле Строгове интересен нам и с точки зрения его целостности как художественного творения. И вот здесь нельзя не заметить, что в этом отношении он уступает другим приключенческим произведениям автора, прежде всего «Детям капитана Гранта», обладающим тонко продуманной структурой, в основе которой один ведущий прием – сюжетообразующая функция яркого персонажа Жака Паганеля в ее парадоксальном варианте. Ведь если бы Паганель, секретарь Парижского географического общества, член-корреспондент многочисленных научных объединений в разных городах и странах мира, не оказался рассеянным и вспомнил бы, что остров Марии Терезии, где оказался потерпевший крушение Грант, называется еще и островом Табор, документы, найденные в брюхе рыбы, были бы сразу правильно прочитаны, и капитана спасли бы без всяких приключений, которыми мы наслаждаемся. А Жюль Верн написал бы совсем другое произведение!

Подобный прием, когда небольшой частный случай, проявление чьих-то личных качеств, определяет развитие широкомасштабного романного действия, Жюль Верн пытается использовать и в своем романе о Сибири: Иван Огарев за какую-то провинность был наказан братом царя, и когда Великий князь оказался в далеком Иркутске, Огарев решил воплотить в разрушительном действии свою обиду, спровоцировав нападение на Сибирь «татарских» орд.

Но если рассеянность Паганеля органично вписывается в его характер, раскрывающийся во множестве эпизодов – комических, драматических, лирически окрашенных, то этого не скажешь касательно довольно однопланового образа Огарева. Его постоянно подчеркиваемая злоба, мстительность, бесконечные напоминания о том, что он был душой нашествия Феофара на Сибирь не достигают глубины психологической детали, которая спровоцировала бы центральное действие (таковой была рассеянность Паганеля). А сведения о сибирских городах и даже выразительное в многочисленных подробностях описание природы и быта не получает той четкости текстового пространства, которая позволила Ролану Барту сделать размышления о романе «Таинственный остров» Жюль Верна пособием для студентов по структурному анализу в статье «С чего начать?».

Но уступая другим приключенческим произведениям Жюль Верна в плане воплощения классики этого жанра, роман «Михаил Строгов» привлекает прославлением нравственных качеств героев, их чувства долга, верности Отечеству и стремлением автора, как можно больше поведать о нашей стране своим соотечественникам.

Список источников примеров

1* Верн Жюль. Михаил Строгов, или Курьер царя: роман / Жюль Верн; [пер. с французского Ю.С. Мартемьянова]. – М.: Вече, 2020. – 480 с. Цитаты из романа даются в тексте статьи в скобках.

JULES VERNE'S NOVEL ABOUT MICHAEL STROGOFF IN THE CONTEXT OF THE FAMOUS WRITER'S WORK: GAINS AND LOSSES

Svetlana N. Filushkina
Voronezh State University

Abstract. One of the most significant works by Jules Verne has been rarely and incompletely published in Russia, and thus has been overlooked by critics. The paper explains why it lacks popularity in this country. After all, the French writer substitutes real protests of the Asiatic peoples in the Russian Empire of the 1840s by the image of the imaginary emir Feofar invading the Urals. At the same time, what makes this novel appealing is the idea of uniting patriotic forces, including even the political exiles in Siberia, against the invasion. In the struggle against the enemy and natural elements, the most expressive character is Michael Strogoff whose name is mentioned in the title of the novel. Jules Verne shows great skill in developing the adventure genre and enriching the plot with peripeteia. However, in terms of its artistic integrity the novel is inferior to other works of the author like *The Children of Captain Grant* where Paganel's absence of mind serves as an important factor, often determining the fate of the characters. Verne seeks to employ the same technique in the book under consideration, yet he fails, since both Feofar and the traitor Ivan Ogarev who inspires the invasion are depicted in a one-linear manner, only as the embodiment of menacing destruction and evil, while Paganel's behavior is psychologically diverse and convincing.

Besides, despite some inaccuracies, the novel boasts carefully collected data on Russia's industrial and cultural centers, which Verne seeks to familiarize his fellow countrymen with.

Key words: adventure, invasion, Michael Strogoff, peripeteia, Russia, skill

Филошкина Светлана Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории и типологии
русской и зарубежной литературы,
ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет»
тел.: +7 (910) 285 5867
e-mail: snfilushkina@yandex.ru

Svetlana N. Filushkina
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of History and
Typology of Russian and Foreign Literature
in Philological Faculty
Voronezh State University
mobile: +7 (910) 285 5867
e-mail: snfilushkina@yandex.ru

УДК 81

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА В ПАРЕ РУССКИЙ-ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ

Фирсова М.А.
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. На материале текстов судебных решений России и Франции в статье предлагается обзор некоторых аспектов судебного дискурса в двух юридических культурах. Рассматривается возможность учитывать выделенные типологические особенности при разработке методики преподавания судебного перевода в рамках университетских курсов. В юридическом переводе в целом и в судебном переводе в частности выделяются две базовые задачи: работа со специальной терминологией и работа над дискурсивной целостностью текста. В рамках каждого из этих двух направлений приводится ряд особенностей, которые, с точки зрения автора, подлежат обязательному освещению при обучении этому виду профессионального перевода. Для большинства из выделенных аспектов, предлагаются базовые алгоритмы решения соответствующих переводческих задач с учетом результатов проведенного типологического сопоставления. Данные статьи могут быть использованы не только при разработке курсов преподавания судебного перевода в языковой паре русский-французский, но и при создании подобных курсов в других языковых парах. Также материалы статьи могут быть интересны переводчикам-практикам, специализирующимся на юридическом переводе.

Ключевые слова: юридический перевод, перевод текстов судебных решений, методика преподавания юридического перевода, особенности юридической терминологии, стратегии перевода юридических терминов, дискурсивные особенности текстов судебных решений, стратегии перевода-адаптации

Значительная часть заказов на современном рынке переводов приходится на юридические тексты, в том числе на решения судов. Учитывая специфику данного вида перевода и ответственность за точность перевода такого рода документов, при подготовке специалистов-переводчиков представляется целесообразным выделять этот вид работы в особый курс. Некоторые университеты и школы перевода даже создают отдельные образовательные программы, посвященные юридическому переводу. Такие программы – как правило, это программы магистратуры – существуют преимущественно в странах с официальным билингвизмом (Швейцария, Канада, Бельгия), где законодательная практика ведется на двух или нескольких языках, а в судебных процессах регулярно участвуют представители разных языковых сообществ.

Целесообразность выделения юридического перевода в отдельный курс или в особое направление объясняется не только сложностью самой предметной области «Право», сколько ее культурной специфичностью, которая затрудняет процесс перевода и обучения ему.

Многие исследователи отмечают, что юридический перевод, как вид деятельности, принципиально отличается от любого другого вида перевода [1; 2. с.267-268; 3, с.32]. Большая часть юридических терминов не могут иметь эквивалентов в другом языке, поскольку обозначаемые ими понятия могут бытовать только в одной юридической культуре. Так, если содержание других слов, в том числе терминов, первично по отношению к их определению, зафиксированному в словарях, и имеет более-менее универсальный, т.е. внекультурный характер, то содержание юридических терминов не отражается словарями, а *создается* правовыми актами. В рамках юридического дискурса определение, предложенное законодателем, становится единственным источником для идентификации того-или иного понятия. Поскольку сами правовые акты действуют в пределах только одного государства или даже, в некоторых случаях, в пределах одного его субъекта, то и содержание закрепленных этими нормами права терминов имеет национально-ограниченную природу.

Например, в неюридическом дискурсе русское слово *документ* означает понятие, которое, как можно предположить, существует в большинстве языковых культур. Т.е., увидев письмо, опись, инструкцию к прибору или, возможно, даже книгу, скульптуру или фреску, носитель любого языка, не заглядывая в словарь, обозначит увиденное соответствующим словом из своего языка: документ (рус.), document (фр., англ.), Dokument (нем.), asiakirja (фин.) и т.д. Однако, чтобы объект мог быть назван *документом* в юридическом дискурсе, он должен соответствовать определению, предусмотренному какой-либо нормой права соответствующего государства (если такая существует). Так в России *Федеральный закон № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов»* предусматривает, что русский термин *документ* означает «материальный носитель с зафиксированной на нём в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначенный для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения»¹.

Исходя из этого определения, можно заключить, что письмо, не имеющее реквизитов, позволяющих его идентифицировать, не может быть названо *документом* в юридическом дискурсе. В ситуации перевода, естественно, перед переводчиком встает вопрос: если, например, в законодательстве Франции не предусмотрено подобного ограничения, может ли тогда в юридическом дискурсе французский термин *document* считаться эквивалентом русского термина *документ*?

Юридические термины, лишённые нетерминологического употребления, еще более наглядно выявляют свою национальную специфику. Например, «искковое заявление» – это понятие, содержание которого определяется законом той или иной страны. В частности, закон фиксирует форму и порядок, в соответствии с которым такой документ должен быть составлен и подан. Вероятно, следует признать, что сам этот порядок и определяет содержание данного понятия и дает возможность обозначать тот или иной документ данным термином. Например, во Франции, если сторона хочет, чтобы конфликт был рассмотрен судом, она адресует заявление стороне-оппоненту и парал-

¹ Федеральный закон № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» от 23.11.1994 г. (с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 26.03.2008 № 28-ФЗ)

тельно уведомляет об этом суд. Акт, соответствующий этим требованиям, называется *assignation*. В России процедура другая: сторона подает исковое заявление в суд и одновременно уведомляет об этом ответчика. У обеих процедур цель одна – начать дело в суде, однако тождество соответствующих понятий не является полным, и поэтому не очевиден ответ на вопрос, может один термин использоваться для перевода другого.

Таким образом, работа юридического переводчика – это прежде всего работа юриста-компаративиста, которая подразумевает знание особенностей как минимум двух юридических систем и умение ориентироваться в законодательстве двух стран, поскольку именно тексты правовых норм, а не словари, являются источником определений для юридических терминов. Отсутствие системной подготовки в области права значительно усложняет процесс перевода: без полноценного понимания информации ее обработка требует слишком много усилий и времени, имеет место неоправданная нагрузка на память, регулярно происходит подмена понятий, переводчик не может выбрать оптимальную стратегию перевода и не справляется с задачей построения естественного профессионального дискурса даже на своем родном языке. Не случайно, именно дипломированные юристы, а не абитуриенты лингвистических профилей, имеют преимущество при поступлении на образовательные программы, специализирующиеся на юридическом переводе.

Независимо от того, какое количество часов выделяется на курс юридического перевода в университетской программе, и имеют ли студенты возможность прослушать отдельный курс по общему праву и по юриспруденции соответствующих стран, следование некоторым методическим принципам может помочь оптимизировать процесс обучения этому виду перевода.

На примере судебного перевода в паре русский-французский языки в данной статье будет предложен некоторый алгоритм работы, который позволяет студентам освоить специфику этого вида перевода по сравнению с другими видами перевода и избегать типичных ошибок в нем.

В юридическом переводе, и в судебном переводе особенно, важно выделять две составляющих: терминологическую и дискурсивную.

Несмотря на то, что большая часть методической и лингвистической литературы, посвященной юридическому переводу, касается вопросов терминологии, представляется, что при обучении юридическому переводу этот аспект не должен быть доминирующим. В каждой области права существует множество специальных терминов, перевод которых будет представлять собой существенную трудность, в частности в связи с описанным выше феноменом национальной специфичности юридической лексики. Даже в рамках более-менее продолжительного курса их системное изучение не представляется ни необходимым, ни возможным. На этапе обучения достаточно, на примере нескольких единиц, привить будущим переводчикам культуру неизменно идти путем компаративистики и выбирать стратегию перевода в зависимости от установленной степени тождества понятий.

С этой целью нами был выделен ряд критериев, учет которых позволяет повысить точность перевода юридической лексики и избежать грубых ошибок.

Во-первых, чтобы подобрать правильный эквивалент к юридическому термину, часто необходимо учитывать область права. Так, то, что в гражданском праве обозначается одним словом, в уголовном праве может называться иначе. Иногда такое распределение терминов имеет место в силу объективных сематических различий, иногда – в силу традиции. Причем это различие не обязательно будет присутствовать в обоих

языках. Например, русскому понятию «повестка о вызове в суд» во французском языке будет соответствовать термин *citation* в уголовном судопроизводстве, но *convocation* – в гражданском. В русском языке термин *приговор* не может называть решение, вынесенное в гражданском процессе.

Во-вторых, в разных судебных инстанциях подобные понятия могут обозначаться разными терминами. Так русские термины *заявитель* – *ответчик*, будут переводиться на французский либо как *demandeur* – *répondeur*, если речь идет о сторонах в первой инстанции, либо как *appellant* – *intimé*, если речь идет о сторонах в апелляционной инстанции. Подобным образом, термины *jugement* и *решение* называют только решения, вынесенные судебными органами первой инстанции, а термины *arrêt* и *определение* – второй инстанции.

Важно также помнить, что в отличие от большинства других профессиональных языков юридический язык имеет большое количество *глагольных* терминов. Чтобы правильно их употреблять, необходимо учитывать характер их актантов (этот подход подробно описан в [4]). Например, такие французские глаголы как *conclure à*, *indiquer*, *préciser*, *soutenir*, могут описывать исключительно действия сторон, а глагол *dire* – только действие судьи. В русском языке глагол *требовать* неприменим в ситуации, если сторона просит выполнения какого-либо действия со стороны суда (в этой ситуации используется глагол *просить*), однако именно он регулярно употребляется в отношении стороны-оппонента. Кроме того, надо учитывать тот факт, что во французском судебном дискурсе набор предикатов значительно шире, чем в русском. В русских решениях для описания устных или письменных показаний сторон используется практически исключительно глагол *указывать*, тогда как французский судебный дискурс в подобной ситуации допускает использование глагольных предикатов более широкой семантики: *justifier*, *reprocher*, *se contenter de*, *prétendre* и др.

Наконец, для подбора правильного эквивалента следует принимать во внимание процедуру, т.е. порядок действий участников дела. Так, выражение *сторона, интересы которой представляет адвокат* может быть переведено двумя способами: *partie assistée d'un avocat* или *partie représentée par un avocat*, – в зависимости от того, присутствовала сторона на слушаниях или нет.

При работе с терминологией на этапе обучения юридическому переводу, учет выше-названных факторов позволяет систематизировать работу, но не решает основную проблему перевода юридических терминов, т.е. проблему отсутствия полноценных эквивалентов у многих терминов. По этой причине важно также предложить обучающимся алгоритм работы для выбора стратегии перевода терминологических единиц. К наиболее распространённым способам перевода юридических терминов, не имеющих полных эквивалентов в языке перевода, относятся: (а) калькирование *Conseil constitutionnel* – *Конституционный совет*; (б) транслитерация с возможным комментарием: *надзор* – *instance de supervision Nadzor*; (в) использование более широкого термина: *juge de mise en état* – *уполномоченный сотрудник судебного ведомства*; (д) избегание термина: *il résulte de l'assignation du demandeur* – *заявитель просит суд*.

Дискурсивные особенности судебных решений составляют второй вектор при преподавании судебного перевода. Как в России, так и во Франции существует определенная традиция составления документов этой категории. Тексты судебных решений имеют стандартную форму, применимую на всей национальной территории и мало изменяющуюся во времени. Для юристов сама форма судебного решения является информативной, и в случае, если им приходится работать с переводными документами (а

именно юристы, как правило, являются конечными потребителями переводов судебных решений), желательно, чтобы форма этих документов не сильно отличалась от той, с которой они привыкли работать. В этой связи, представляется, что переводчик должен стремиться к тому, чтобы адаптировать форму переводимого им документа, чтобы приблизить ее к той, которая используется в аутентичных актах, составляемых в стране языка перевода.

Поскольку дискурс и французских, и русских судебных решений имеет ряд особенностей, переводчику важно уметь их идентифицировать и учитывать в работе.

При разработке методики преподавания названной дисциплины нами были выделены основные типологические характеристики судебного дискурса в обеих юридических культурах. Далее мы приведем лишь некоторые из них.

Французские и русские судебные решения имеют одинаковую структуру и включают четыре части: вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную. Однако в двух юридических культурах правила оформления этих частей не одинаковы.

Части французских решений имеют заглавия (*Moyens et prétentions des parties, Motifs, Par ces motifs*). Они могут делиться на параграфы, которые также могут быть озаглавленными (*Sur les autres prétentions*). Заглавия, как правило, полностью пишутся заглавными буквами и могут дополнительно выделяться подчеркиванием. Во французских решениях между абзацами, параграфами и частями решения делаются дополнительные межстрочные интервалы. В русских текстах, напротив, используется минимальное количество средств графического выделения. Переход к следующей части оформляется преимущественно при помощи более-менее стандартных фраз, таких как: *Изучив материалы дела, суд приходит к следующему; Учитывая названные обстоятельства в их совокупности и взаимосвязи, суд полагает необходимым ...; Руководствуясь ст.ст. 194-199 ГПК РФ, суд решил.* Дополнительные межстрочные интервалы не допускаются.

Представляется, что в случаях, где это возможно, переводчик имеет право придать переводному тексту форму, приближающуюся к модели, принятой в культуре языка перевода.

Кроме того, между французским и русским судебным дискурсом наблюдается ряд типологических различий на уровне синтаксиса. В некоторых решениях (как русских, так и французских) целая часть, какой бы объемной она ни была, может представлять собой одну фразу со сложным синтаксисом. Именно так регулярно оформляется вводная часть решений, вынесенных в Российской Федерации: *31 мая 2019 года Дмитровский городской суд Московской области в составе: председательствующего федерального судьи Ивановой О.А., при секретаре Петровой К.А., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Сидоровой А.О. ООО «Гарант» о защите прав потребителей, установил.* В вводной части французских решений такая информация, как правило, приводится под рубриками: «дата», «название юрисдикции», «состав суда» «заявитель», «ответчик», «требования» и т.д.

Однако, в отличие от русских решений, во французских решениях мотивировочная часть может иметь форму одной фразы, в которой, тем не менее, каждый новый элемент мотивации будет начинаться с коннектора *attendu que* и писаться с красной строки после дополнительного межстрочного интервала. Следует, впрочем, отметить, что в последние годы Министерство юстиции Франции последовательно проводит политику упрощения судебного дискурса с целью сделать его понимание доступным не только специалистам, поэтому подобные сложные синтаксические конструкции постепенно

исчезают из текстов судебных решений. На смену им приходят структуры, состоящие из нескольких отдельных параграфов.

В этом отношении, при переводе как на русский, так и на французский язык переводчику целесообразнее, вероятно, использовать более простые конструкции, а не безусловно следовать принципу адаптации. Анализ выполненных профессиональных и студенческих переводов показывает, что эта стратегия перевода лучше подходит для этого типологического различия. В противном случае требуются слишком значительные трансформации, что усложняет как работу переводчика, так и восприятие текста перевода.

Другим важным типологическим различием между русским и французским судебным дискурсом является то, что основным действующим лицом судебного заседания и, соответственно, решения во Франции является судья (*le Juge condamne, le Juge dit que...*), а в России – суд (*суд находит, суд признает требования обоснованными, суд решил*). Переводной текст будет восприниматься более естественно, если в процессе перевода будет выполнена соответствующая замена: *Суд решил признать...* – *Le Juge fait droit à...*

Еще одна особенность судебного дискурса – это использование видовременных форм глаголов. Этот параметр по-разному реализуется в текстах, составленных французскими и русскими судебными органами. Например, в русских решениях практически исключено использование будущего времени, тогда как оно регулярно встречается во французском юридическом дискурсе (Ср.: *Суд считает необходимым обязать Ивана Н.Н. и М. N sera condamné à*).

Следует также обращать внимание обучающихся на тот факт, что использование видовременных форм глагола может зависеть от части решения. Например, во французских текстах элементы процедуры оформляются глаголами в *Passé composé* (*M N. a relevé appel de*), а доводы сторон и мотивы решения – глаголами в настоящем времени (*[une partie] fait valoir que, les demandes de dommages et intérêts de la société X doivent être rejetées*). В русских решениях наблюдается подобная закономерность, но она не имеет абсолютного характера: *истец поддержал исковые требования; истец полагает; ответчик считает*.

Резолютивная часть русских решений вводится предикатом в прошедшем времени (*суд решил*), тогда как во французских решениях предикаты, используемые в этой части, могут стоять только в настоящем времени (*le Juge condamne, dit que, confirme, déboute*).

Переводчики редко интуитивно принимают во внимание подобные особенности и, даже переводя на свой родной язык, часто допускают грамматические кальки, что нарушает стиль переводного текста и даже может привести к его неправильному пониманию.

Кроме того, существенным оказывается различие в использовании личных, безличных и пассивных конструкций в двух судебных дискурсах. Наиболее ярко эта особенность проявляется в мотивировочной части французских судебных решений, где исключено использование активных конструкций с подлежащим *le Juge*. В этой части допустимо употребление только (а) безличных конструкций (*Il n'y a pas lieu de l'interpréter par, Il est établi que, Il se révèle approprié de tenir compte de, Il convient de faire droit à la demande de, Il sera fait application des dispositions de l'article 700 du code de procédure civile*); (б) пассивных конструкций с устранением агенса (*Le demandeur sera débouté de ses demandes, Le jugement sera réformé sur ce point*); (в) либо лич-

ных конструкций с неодушевлённым абстрактным подлежащим (*L'équité ne justifie pas l'application de ce texte*).

В текстах русских судебных решений такого ограничения не существует. В них, напротив, регулярно используются предикаты в активной форме с подлежащим *суд* (*суд считает; суд полагает; не видит оснований*). Таким образом, при переводе на французский язык мотивировочной части русских решений следует избегать использования конструкций с подлежащим *le Juge*, поскольку они совершенно не свойственны французскому судебному дискурсу в этой ситуации. Однако, учитывая тот факт, что русский язык не предусматривает такого жесткого ограничения на использование безличных и пассивных конструкций в мотивировочной части, при переводе на него переводчик может принять самостоятельное решение о том, стоит ли проводить зеркальную трансформацию.

Наконец, тесты судебных решений отличаются от русских рядом ограничений, связанный с выбором средств обеспечения текстовой когезии – союзов, коннекторов и некоторых предлогов. Во французском дискурсе традиционно используется больше коннекторов, чем в русском. Тексты судебных решений не являются исключением из этой типологической закономерности.

В русских решениях средств межфразовой связи не только мало, но, кроме того, их выбор очень ограничен. Логические отношения либо не эксплицируются, либо выражаются одним и тем же набором коннекторов: *таким образом* (используется для выражения следствия или умозаключения); *кроме того, при этом* (вводят дополнительную информацию или выражают сопутствующие обстоятельства) и наречия *однако* (позволяет противопоставить два факта или два суждения).

Во французских решениях набор средств логической связи значительно шире. При этом, выбор коннекторов зависит от части решения, что, естественно, обусловлено прагматической целью каждой части. Например, только в мотивировочной части регулярно встречаются следующие коннекторы: *ainsi, dès lors, donc, en conséquence, par conséquent* (коннекторы, выражающие следствие или умозаключение); *en premier lieu, en second lieu, enfin* (коннекторы, структурирующие текст); *ainsi que, au surplus, en outre, par ailleurs* (коннекторы, вводящие дополнительную информацию); *alors même que, bien que, d'ailleurs, mais, or, toutefois* (коннекторы противопоставления или уступки); *attendu que, en effet, puisque* (коннекторы, вводящие обоснование или причину).

Следует предположить, что при переводе с французского языка на русский переводчик может устранить некоторые коннекторы, если характер логической связи между фразами не требует экспликации. Но в любом случае при переводе на русский язык следует избегать большого разнообразия коннекторов, руководствуясь общим правилом юридического перевода: не бояться повторов и не искать синонимов.

Другой элемент, которым не должен пренебрегать переводчик – это особые предлоги, свойственные юридическому дискурсу. Особое внимание следует уделять переводу на французский язык русского предлога *в соответствии с*, который регулярно используется в судебном дискурсе при ссылке на нормы права. Во французском языке ему соответствует целый набор предлогов: *conformément à, aux termes de, au sens de, en application de, en vertu de* и др. Поскольку все эти единицы не синонимичны, выбирая эквивалентное выражение при переводе на французский язык, переводчик должен проанализировать семантическую модель соответствующей пропозиции.

Еще одной достаточно существенной дискурсивной особенностью судебных решений в двух юридических культурах является практика использования сокращений.

Аббревиатуры и другие сокращения практически отсутствуют в текстах судебных решений, вынесенных во Франции, тогда как они достаточно широко используются в русских решениях (*ст. – статья, п.-пункт, ч. – часть, л.д. – лист дела и т.д.*) В этом свете, можно предположить, что переводчику не следует использовать сокращения при переводе на французский язык, но что он может, по своему усмотрению, при переводе на русский язык сокращать те элементы, которые регулярно подвергаются сокращению в русском судебном дискурсе.

Наконец, важно обращать внимание на употребление знаков препинания (особенно запятых и точек с запятой при перечислениях и скобок), которое также не совпадает в двух дискурсах.

Итак, нам представляется, что знание и умение принимать во внимание эти и другие дискурсивные особенности судебных текстов значительно упрощают работу переводчика, поскольку они формируют так называемую дискурсивную структуру (шаблон) судебного решения. Переводчик, владеющий таким шаблоном в языке перевода, в своей профессиональной работе может фокусироваться только на фактической информации данного дела, т.е. на терминах, которые являются основной проблемой судебного перевода. И главное – такой адаптивный подход обеспечивает результат, который удобен для читателя.

В заключение, следует уточнить, что на настоящий момент судебный перевод в паре французский-русский языки остается чрезвычайно малоизученной сферой практического переводоведения, что существенно ограничивает возможности разработки методики преподавания этого вида перевода.

Литература

1. Bocquet, C. La traduction juridique ; fondement et méthode. Collection Traducto. Bruxelles : De Boeck. 2008. 122 p.
2. Sparer, M. Peut-on faire de la traduction juridique. Comment l'enseigner // Meta, vol. 47, Volume 47, Issue 2, Juin 2002, Presses de l'Université de Montréal. P. 266–278.
3. Harvey, M. Un cours de traduction juridique : de la pratique à la théorie // La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques. Publications de CEL. 2013. P. 31-43.
4. Escoubas-Benveniste, M.-P. Prédicats juridiques et schémas d'arguments dans les textes des arrêts de la Cour. Approche bilingue français-italien //La traduction juridique : Points de vue didactiques et linguistiques. Publications de CEL. 2013. P.141-166.

ON SOME ASPECTS OF TEACHING JUDICIAL TRANSLATION (RUSSIAN-FRENCH LANGUAGES)

Maria A. Firsova
Saint-Petersburg State University

Abstract. Based on the texts of court decisions of Russia and France, the paper provides an overview of some aspects of judicial discourse in two legal cultures. The author suggests taking into account the selected typological features to develop methods of judicial translation teaching in the framework of university courses. In legal translation in general and in judicial translation in particular, two basic tasks are distinguished: work with special terminology and work on the discursive integrity of the text. Within each of these two areas, a number of features are presented, which are subject to mandatory coverage when teaching this type of professional translation.

Key words: legal translation, translation of texts of court decisions, teaching legal translation, legal terminology, strategies for translating legal terms, discursive features of court decisions, translation-adaptation strategies.

Фирсова Мария Алексеевна

Старший преподаватель Санкт-Петербургский
государственный университет
тел.: +7 (921) 316 5574
e-mail: firsovama@gmail.com

Maria A. Firsova

Senior lecturer
Saint-Petersburg State University
mobile: +7 (921) 316 5574
e-mail: firsovama@gmail.com

УДК 81'25

МЕТАФОРА СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ В ГРЕЧЕСКИХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Холкина Л.С.

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация. В первой части статья предлагает краткий обзор истории перевода служебных Миней с греческого на церковнославянский язык. Основным принципом переводческой работы в этой области было максимально близкое, почти дословное следование тексту оригинала. Во второй части рассматривается использование образов античного состязания (бег, стадион, судья, правила, зрители, победа, венец) в ранней христианской письменности, включая Новый Завет, проповеди и толкования святых отцов и гимнографические тексты. Образы состязания были широко распространены в христианских текстах, хотя участие верующих в массовых зрелищах и гуляниях порицалось. Третья часть посвящена переводу метафоры состязания на церковнославянский язык. Ввиду незнакомства славян с античной традицией состязаний и отрицательного отношения к «позорищам» в христианской культуре прямой перевод спортивных метафор оказался неприемлем. Переводчики последовательно устраняли из текстов спортивные образы, заменяя их на реальные детали мученического подвига или на описание духовной сути явления (приносец – страстотерпец, стадион – судище, устроитель состязания Христос – подвигоположник Христос и проч.). Такой перевод находится в русле тенденции постепенного преодоления языческого античного наследия христианской культурой.

Ключевые слова: перевод, греческий, церковнославянский, Минея, гимнография, метафора, состязание, мученик

1. Вводные замечания: история текстов и перевода

Метафору спортивных состязаний в греческих гимнографических текстах мы рассмотрим на материале служебных Миней. Эти богослужебные книги в двенадцати томах по числу месяцев содержат тексты ежедневных последований (служб) в честь святых, христианских праздников, прославленных икон и святых, а также значимых событий христианской истории, то есть соотнесены с неподвижным¹ церковным календарем [2, с.149]. Их название происходит от греческого корня μήν ‘месяц’, μηνιαίος ‘месячный, одномосячный, длящийся месяц’ [3, с.9].

¹ Подвижный круг богослужений связан с датой празднования Пасхи. Он включает богослужения Великого поста (и трех предшествующих недель), Пятидесятницы (или Троицы, совершается на 50й день после Пасхи) и дня Всех святых на следующее воскресенье после Пятидесятницы. В эти дни богослужения совершаются по «Постной Троице» и «Цветной Троице» [1].

Служебная Минея как тип сборника сложилась в Константинополе в середине – второй половине IX в. в результате процесса обобщения и систематизации богослужебных последований. Песнопения, вошедшие в состав древнейшей Минеи, созданы палестинскими и константинопольскими авторами разного времени [4, с.274], древнейшие из дошедших до нас авторских песнопений Минеи принадлежат перу преподобного Романа Сладкопевца (V в., греч. Ρομάνος ο Μελωδός) [5, с.290].

«История славянского богослужения византийского обряда началась после прихода в I Болгарское царство ок. 886 г. группы сподвижников архиепископа Мефодия (ум. 6 апреля 885 г.), изгнанных из Моравского княжества, в состав которой входили учителя Климент и Наум. Их деятельность проходила в юго-западной части I Болгарского царства (современная территория юго-западной Македонии, южной Албании и северо-западной Греции), где при содействии болгарского князя Бориса-Михаила была организована славянская церковная школа, подобная существовавшим ранее в архиепископии свт. Мефодия и предназначавшаяся для подготовки славянских церковно- и священнослужителей. В 893 г. на этой территории была создана первая славянская этническая епископия во главе с епископом Климентом» [6, с.246].

Ранние богослужебные книги на церковнославянском языке неразрывно связаны с греческими текстами: они представляют собой переводы и оригинальное или парафрастическое творчество, ориентированное на поэтические особенности прототипа. У истоков славянской Минеи находится Общая Минея святителя Климента Охридского (ум. 916 г., сподвижник архиеп. Мефодия), написанная изначально на церковнославянском языке и сохранившаяся в рукописях не старше XIII в. Ее греческий оригинал неизвестен [4, с.275]. В комплекс литургических текстов, использовавшихся в славянских епископиях в составе церковной организации I Болгарского царства, входили и оригинальные славянские, и переводные гимнографические произведения [6, с.246].

Древнейший корпус служебных Миней на каждый день, переведенных с греческого, сложился к сер. – 2й пол. X в. Языковые особенности древнейшей славянской Минеи позволяют локализовать перевод в юго-западнобалканском ареале, что соответствует локализации епархии святителя Климента [4, с. 275], см. также [7, с.307]. Как замечает А.М. Пентковский, «в их создании, использовании и распространении должны были принимать участие ученики свт. Климента Охридского, прп. Наума и еп. Константина Славянского, а непосредственные ученики свт. Мефодия Моравского, изгнанные после 885 г. из Моравского княжества, в этой книжной справе не участвовали, потому что ко времени ее проведения они либо скончались, в том числе прп. Наум (†910) и свт. Климент (†916), либо находились в весьма преклонном возрасте». [8, с.86]. К концу X в. в западных регионах I Болгарского Царства сложилась младшая редакция этого перевода, ее древнейшие свидетели – рукописи новгородского происхождения (так называемые Ягичевы Минеи, ок. 1095–1097 гг. [4, с.276].

Новая редакция церковнославянской Минеи была связана с переходом на Иерусалимский устав, принятый во второй половине XIII в. на Афоне, что потребовало изменения состава и композиции текстов. С точки зрения языковой правки, «задача афонских редакторов заключалась в том, чтобы избавиться от существовавшего разнообразия и дать стабильный унифицированный текст, опираясь на основные варианты церковнославянской нормь» [9, с.281]. Эту реформу продолжил в Болгарии патриарх Евфимий Тырновский (до 1331 – между 1402 и 1409), который первую половину жизни подвизался в монастырях Константинополя и Афона и мог участвовать там в этой филологической работе [10, с. 13]. В ходе афоно-тырновской книжной справки интересующие

нас богослужебные тексты были переведены заново или существенно отредактированы путем сличения славянских списков с греческими, характерной чертой этих переводов стало почти дословное следование оригиналу [2, с. 160; 10, с. 16].

На Руси процесс замены Студийского устава¹ на Иерусалимский был связан с восстановлением прерванных татаро-монгольским нашествием контактов с другими православными Церквями, перешедшими к тому времени на этот устав [10, с. 18]. Корпус отредактированных богослужебных текстов проник на Русь к концу XIV – началу XV в. в ходе 2-го южнославянского влияния [11, с. 6] в составе корпуса афонско-тырновских переводов XIV в. Начиная с этой эпохи структура и жанровый состав церковнославянской Минее не менялись [4, с. 277]. Представления о «книжной правильности», положенные в основу афоно-тырновской книжной справки, прижились и на Руси: «Максимальное приближение языка перевода к греческому тексту и архаизация письменного языка, изгнание из него всех элементов живого языка... становится идеалом и для русских книжников, правщиков и переписчиков церковных книг» [12, с. 79].

Очередное редактирование Минее было связано с начатой патриархом Никоном книжной реформой и завершено только в последние десятилетия XVII в. [13, 14]. В ходе правки из Минее было исключено до пятидесяти памятней, в том числе немало служб славянским святым, а также текстов, для которых не удалось найти соответствий в греческих печатных книгах, использовавшихся справщиками. [4, 13, 14].

В последующие века изменения в служебной Минее были связаны в основном с ее дополнением новыми службами [3, с. 15–32]. Сложившиеся к концу XVII в. переводы с греческого на церковнославянский серьезной правке более не подвергались. При анализе и сопоставлении переводов мы в первую очередь будем обращаться именно к этой редакции текстов.

2. Метафора спортивных состязаний в греческих гимнографических текстах

Богослужебные тексты носят поэтический, образный, иносказательный характер. В них широко используется система символов и отсылок [15, 16]. В статье мы рассмотрим одну развернутую метафору – спортивного состязания. Она подразумевает использование образов античного состязания (бег, стадион, судья, правила, зрители, победа, венец) для описания мученического и преподобнического² подвига.

Метафоры, связанные с античными состязаниями, встречаются уже в тексте Нового Завета, например: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники³ воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмирю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9, 24–27). «Подвигом добрым я подвизался⁴, течение совершил⁵, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4, 7–8). Интересно отметить, что

¹ Этот устав, основанный на монастырском уставе константинопольского патриарха Алевксия Студита (1025–43), был принят на Руси во 2-й пол. XI в.

² Поскольку большая часть ранних святых была мучениками за веру, богослужебные тексты в честь святых мучеников появляются и развиваются раньше; тексты в честь святых монашествующих (преподобных) во многом опираются на ту же образную систему. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на текстах в честь святых мучеников.

³ греч. ὁ ἀγωνιζόμενος – букв. ‘состязающийся’

⁴ греч. τὸν καλὸν ἀγῶνα ἠγωνίσαι – букв. ‘благородной борьбой я боролся’

⁵ греч. τὸν δρόμον τετέλεκα – букв. ‘бег завершил’

автор обоих этих посланий, апостол Павел, – римский гражданин, использование спортивных метафор именно в его посланиях особенно характерно.

Эти образы проникают и в сочинения ранних христианских авторов. Так, Р. Меркельбах сравнил описание античных спортивных соревнований с актами мученичества первых христиан (Поликарпа Смирнского, Пиония, Аполлоса, Карпа, Конона, Агапии, Ирины и Хионии и др.), а также с сочинениями Евсевия Кесарийского, Климента Александрийского и Оригена и показал, что христианские авторы очень широко использовали спортивный греческий лексикон [17, с. 108–136].

Свт. Иоанн Златоуст (ок. 347–407 гг.) в «Похвальном слове о св. мученике Юлиане» проводит следующую параллель: «Подвижники внешних состязаний на одном и том же ристалище и ратоборствуют, и побеждают, и провозглашаются победителями, и увенчиваются; но с подвижниками благочестия бывает не так: ратоборствовали они в настоящем веке, а увенчиваются в будущем; борются с диаволом и побеждают здесь, а провозглашаются победителями там. (...) Для чего же у подвижников внешних вместе и победы, и венцы, а у подвижников благочестия победы и венцы не вместе, но на таком расстоянии времени? Они подвизались, трудились здесь, потерпели бесчисленное множество ран, и Господь не тотчас увенчивает их? Не тотчас, говорит (апостол), – потому что настоящая жизнь по природе своей не вмещает величия той чести; настоящий век скоропреходящ и краток, а тот беспределен, бессмертен и бесконечен. Посему Господь и уделил труды веку краткому и временному, а венцы сохранил для нестаряющегося и бесконечного, чтобы и тяжесть трудов облегчалась, ограничиваясь краткостью времени, и наслаждение венцами было постоянно и нескончаемо, простираясь на вечность тех беспредельных веков» («Похвальное слово о св. мученике Юлиане»).

Таким образом, в Византии благодаря непрерывной традиции античной литературы спортивные метафоры были вполне понятны и проникали в христианскую письменность. Хотя состязания были запрещены императором Феодосием в 394 году, эти метафоры продолжали активно использоваться. Образ борьбы, состязания и награды за победу (венца) был весьма распространен и понятен в грекоязычной среде первых веков христианства, в том числе и в гимнографических текстах. Например, в следующей стихире¹ видны прямые отсылки к приведенному выше фрагменту послания апостола Павла (2Тим. 4, 7–8):

Вѣнцѣхъ копрѣла єи на главѣ твоѣй, параскѣво доблѣдѣнна, ꙗкѡ ѡкончавши тѣчѣнїе ѿ схрднїи верѣ непоколебїмѣ, праведныхъ чїнн радостнѣхъ тѣ прїѣлши (мц. Параскевы, 28 октября, стихиры на *хвалитех*)².

Еще одна составляющая метафоры состязания – необходимость следовать правилам в духовной борьбе, подобно тому, как это необходимо в обычных соревнованиях. Об этом читаем в еще одном послании апостола Павла (2Тим. 2,5): «Если же кто и подвизается³, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться». Свт. Иоанн Златоуст пишет в толковании на это место: «Что значит: если незаконно? Для него [борца] недостаточно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться [маслом], или сойтись с противником; но если он не соблюдает всех законов борьбы касательно пищи, воздержания

¹ Стихиры представляют собой строфы, припеваемые к стихам псалма. В состав службы входят несколько циклов стихир. Они обычно обозначаются по начальным словам псалма, к которому относятся (например, стихиры на *Господи, воззвах*, стихиры на *хвалитех*) [1, с.55–56].

² В случаях, когда сопоставление с греческим оригиналом непринципиально, мы предлагаем только церковнославянский перевод текста.

³ В греческом использован глагол ἀθλέω ‘бороться, состязаться’.

и чистоты, самого места борьбы, и вообще если не исполняет всего, приличествующего работорцам, то не получит венца» (Гомилии на 2-е послание к Тимофею). Прп. Ефрем Сирий (ок. 640 – ок. 700 гг.) в своих толкованиях несколько иначе толкует духовный смысл этого указания, но общая идея уподобления духовной жизни атлетическому соревнованию у него сохраняется: «И борец (атлет), выступающий на состязание, не может получить венка, если будет бороться не по закону состязания, то есть если он в борьбе одержит победу не по правилам игры и не так, как установлено. Подобно и те, кои исповедуют евангельское учение, не могут получить венец победы, если, вступив в борьбу с сокровенными скорбями, не одержат победы и не окажутся достойными посредством открытых гонений, на них поднимающихся». В богослужебных последованиях нередко упоминания о том, что мученики законно пострадали и получили победу, например:

Съгъбъзъ говорѣннѣши, мѣчнице, по́двигъ на земли, съгъбъзъ ѿ вѣнѣцъ по́добнѣла ѿ сѣи прѣдѣчи ѿ рѣки женихѣ твоегѡ¹: погтѣллаа ко сѣи, стѣрѣти плотикѣа ѡбѣздѣащѣи, погтѣрабѣши же законѣш, врагѣа низложѣла сѣи. (мц. Татьяны, 12 января, седален)

Нередко говорится и о духовной победе над мучителями, действующими по дьявольскому наущению:

Законѣш хрѣтѣа проповѣдащѣи, побѣдѣла сѣи прѣбѣззаконѣащѣи (мц. Татианы, 12 января, канон Игнатия, песнь 4).

Итак, мы видим, что образы спортивных состязаний, как часть античной литературной традиции, были восприняты и переосмыслены в сочинениях, проповедях и песнопениях греческих христианских авторов.

Однако при их переводе на церковнославянский язык возникал ряд сложностей. Как отмечает Д. Кристианс, «славянской культуре во время перевода литургических песнопений подобные образы были вообще не знакомы, потому что славянские переводы античных поэтических творений с описаниями языческих соревнований еще отсутствовали» [18, с.95]. Можно согласиться с исследовательницей в том, что античные состязания как государственная традиция были славянам незнакомы, но нужно учитывать, что сходные образы были связаны с бытовой языческой традиции, отвергнутой с принятием христианства – скоморошескими и прочими публичными игрищами. Они однозначно воспринимались как «земны, душевны, бесовски» (Иак.3:15), поэтому широкое использование образов состязания в церковнославянских богослужебных текстах применительно к описанию подвига святых оказалось невозможным.

Необходимо отметить, что и в греческой традиции, хотя образы из спортивных состязаний с педагогическими целями или по традиции широко использовались в гимнографии и в проповедях, участие верующих в гуляниях и игрищах не допускалось ввиду распущенности царивших там нравов. В «Слове против зрелищ» свт. Иоанн Златоуст говорит: «Часто и на площади, встретившись с женщиною, мы смущаемся, а ты, сидя вверху, где столько побуждений к нескромности, видя блудную женщину, выходящую с обнаженною головою, с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель представляя в уме своем, потупляешь взоры, как смеешь говорить, что ты не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое – камень? Разве оно – железо? ...ты возвращаешься домой не один, но приводишь с собою блудницу, входя-

¹ Имеется в виду Иисус Христос. Образ мученицы как невесты Христовой является одним из самых распространенных [15, 18].

щую не явно и открыто, – что было бы сноснее, ибо жена тотчас выгнала бы ее, – но сидящую в твоей душе и в сознании... Посему я предупреждаю и объявляю громким голосом: если кто после этого увещания и наставления пойдет на нечестивые и гибельные зрелища, того я не впущу внутрь этой ограды, не сделаю причастником таинств, не позволю ему прикоснуться к священной трапезе; но как пастыри отделяют шелудивых овец от здоровых, чтобы болезнь не распространилась и на прочих, так точно поступлю и я» («Слово против зрелищ»).

3. Перевод метафоры состязания на церковнославянский язык

Как мы отмечали в первом разделе, переводчики и справщики стремились к дословному следованию греческому оригиналу, в чем проявлялось их глубокое уважение к священным текстам. При этом ввиду культурной отдаленности и отрицательных коннотаций, связанных с публичными зрелищами («позорищами»), они испытывали немалые трудности при переносе отдельных образов на славянскую почву. Переводчики прилагали усилия к тому, чтобы текст оставался понятным и приемлемым для читателей и слушателей, особенно в тех случаях, когда «трудное» слово встречалось не единожды, а постоянно повторялось.

Рассмотрим несколько примеров системной замены непонятных или неприемлемых в контексте богослужения греческих слов. Так, лексема ἄθλοφόρος ‘завоеватель приза на играх, призер’ традиционно переводится в церковнославянских текстах как ‘страстотерпец’. Здесь ‘призер’ трансформируется в ‘мученика’, а детерминирующая часть композита – то ἄθλον ‘награда’ – в гимнографии стала обозначать ‘страдание’. Поскольку духовными победителями и «призерами» в богослужебных текстах являются претерпевшие страдания мученики, со смысловой точки зрения такая замена представляется правомерной.

Еще один пример – στάδιον ‘стадий’ – термин, изначально обозначавший меру длины, потом забег на эту дистанцию и, наконец, стадион, место спортивных состязаний, и σκάμμα ‘место кулачных боев’ при переводе обычно трансформируются в ‘судище’ [18, с.102–104]. Здесь замена тоже происходит с учетом реалий мученического подвига. Из дошедших до нас мученических актов (протоколов допроса) и житий святых мы знаем, что допрос мучеников происходил на суде (‘судище’), то есть, в церковнославянских переводах обозначено место духовного противостояния, а чуждая славянской культуре спортивная метафора опять оказывается опущенной.

Наконец, Христос, именуемый в гимнографических текстах ‘агонотет, атлотет – устроитель, распорядитель или судья состязаний’ (ἀγωνοθέτης, ἀθλοθέτης), переводился как ‘трудоположник, страстоположник, подвигадавец, страстодавец’ [19, с.317–319]. Здесь опять оказывается утраченной метафора спортивных состязаний, но такой перевод оказывается адекватным со смысловой, духовной точки зрения. Поскольку мученический подвиг воспринимается как подражание страданиям распятого Христа¹, и силы для его совершения также подаются Богом², оба основных варианта перевода (на -положник и на -датель) можно считать допустимыми.

¹ Ср.: *Последовати хрѣтѣвымъ славнымъ вожделемъ снѣ страданіемъ, дѣво, и мѣжемъ дренно претерпѣла снѣ, бѣснѣ, и дѣтотрѣніа стѣгво твоегѣ тѣлесѣ.* (мц. Акилины, 13 июня, канон Иосифа, песнь 6), *Блженнѣю стѣтъ твоѣ мѣнница вѣгомъ дѣла изъведѣюще, претерпѣвѣтъ повешеніе, и ѣзвъ влезни, всеильне* (мц. Гликерии, 15 мая, канон, песнь 4).

² Ср.: *На крѣте та воздѣвѣжена, вѣко, раздѣвѣши блгогѣлѣнна твоѣ мѣнница, рѣны терпѣтъ колезненна ѡкрѣплѣма илюю твоѣю, наше сѣтеретѣво ѡкрѣпѣннѣшигѣ.* (мц. Харитины, 5 октября, канон Иосифа, песнь 1), *Силою ѡкрѣплѣмы всеобщію зиждѣтеле, мѣжеиѣи прѣаша нрѣвъ вѣчетнѣна, и смѣа стрѣпѣнѣго и величѣлаго ногѣми попрѣша, и на зѣмлю низложѣша.* (мщц. Минодоры, Митродоры и Нимфодоры, 10 сентября, канон Иосифа, песнь 1)

Еще один интересный пример того, как исходный греческий образ трансформировался при переводе – описание роли ангелов во время мученического подвига. Р. Меркельбах показал, что, изображая духовную борьбу мучеников как борьбу атлетов на арене, раннехристианские писатели нередко отводили роль аплодирующих зрителей ангелам. При этом использовался глагол ἐπικροτέω ‘стучать; хлопать, рукоплескать’. [17, с. 123]. В греческих Минеях образ рукоплещущих ангелов тоже встречается, причем он оказывается более частотен, чем в переводных текстах. В современных Минеях на церковнославянском нам удалось обнаружить всего два вхождения:

По мно́гихъ мѣкахъ мѣчнымиъ тѣ̑ ѡдѡмъ лю́тыхъ ѡѡжда́етъ ѡдѣ̑, ѡ́же вохрѡждѣ́нїемъ воплекѣ́ша¹ нѣ́нїи чїни: хрї́тоꙋ же всеи́льною деи́нїею вѣнчѣ́ тѣ̑, мѣ́нїце, закѡннѡ пострѣла́шѡ. (мч. Тагианы, 12 января, канон Игнатия, песнь 9).

Μετά πολλὰς τὰς βασάνους, τῆ τοῦ ξίφους σε δίκη, δεινὸς καθυποβάλλει δικαστῆς, ἧς τῆ ἀνόδῳ ἐκρότησαν, αἰ οὐράνια τάξεις, Χριστὸς δὲ παναλεῖ σε δεξιᾷ, ἔστεφάνωσε Μάρτυς, νομίως ἐναθλήσασαν.²

Ἐβѣрзѣа бѣлѣмъ нѣо, ѡ́ ѡггѣнъ вохрѡждѣ́нїю воплекѣ́вше, чїни прїбѣныхъ ѡ́ прѣ́ныхъ вохвѣе́ншѣа, възгрѣ́шѣа мѣ́нїцы: ѡ́ нї́нѣ вѣлѣ́шеа, помѣнї́те помнї́иѡмыа бѣ́з, стѣ́н. (Мч. Никандра, еп. Мирского и Ермея пресв., 4 ноября, канон песнь 9)

Ἦνοιγη ὑμῖν ὁ οὐρανὸς καὶ Ἄγγελοι, τῆ ἀνόδῳ ἐπεκρότησαν, τάξεις Ἁγίων καὶ Δικαίων, ἠφφράνθησαν, ἐσκίρτησαν Μάρτυρες, μεθ' ὧν κατασκηνώσαντες μνήσθητε, τῶν μεμνημένων ἡμῶν Ἄγιοι.

Оба эти текста переводные, в оригинальном гимнотворчестве на церковнославянском обнаружить этот образ нам не удалось. Длительная история книжных справ позволяет пролить некоторый свет на историю переводов образа рукоплещущих ангелов. Рассмотрим стихирю на *Господи, воззвах* из службы прп. Симеону Персидскому и прп. Акакию, еп. Мелитинскому (17 апреля):

Βέλει τῷ τῶν λόγων σου, παρανομούντων συστήματα, Συμεὼν Μάρτυς ἔτρωσας: φωνὴν ὅθεν ἔδωκαν οὐρανῶν νεφέλαι, χοροὶ τῶν Ἀγγέλων, συνεπεκρότησαν λοιπόν, τῶν σῶν ἀγῶνων τὴν καρτερότητα: διὸ ἐπαγαλλόμενοι, πάντες πιστῶς εὐορτάζομεν, τὴν ἀγίαν σου κοίμησιν, τὸν Σωτῆρα δοξάζοντες³.

В современных печатных Минеях есть перевод этой стихирьы, однако ангелы в ней не «рукоплещут вместе» (сυνεπεκρότησαν), а «радостно собираются»:

Стрѣлы лобѣ́з твои́хъ беззакѡннѣ́щихъ собрѣ́нїа, ѡ́мѣѡне мѣ́нїце, ѡ́звѣ́ншѣа. тѣ́мѣже глѣ́з дѣша нѣ́нїи ѡ́блѣцы: лїцы безплѡтнѣ́хъ собохрї́шѣа радостнѡ, твои́хъ подвїгѡвъ днѣ́щѣа терпѣ́нїю. тѣ́мѣже радѡщѣа ѡ́ мы почнтѣ́емъ верюу стѡе твоѡ о́спїѣ́нїе, стѣ́ла проглѣблѣ́иѡе.

При этом в рукописной Минее на апрель XII в. (Син. 175, коллекция Государственного исторического музея) имеется более ранняя версия перевода, сохраняющая образ рукоплещущих ангелов:

и лїцы безплѡтнѣ́ннїи взплекѣ́ша радостнѡ твои́хъ подвїгъ трѣпѣ́ннѣ⁴ (Цит. по [18, с.31]).

Аналогичная замена – «рукоплескать» на «собираться» встречается в стихире на *Господи, воззвах* Антонию Великому (17 января):

¹ Плекѣти – ‘рукоплескать, аплодировать’

² В греческой Минее это песнопение положено также мч. Гликерии, 13 мая, канон, песнь 9.

³ В греческой Минее это песнопение положено также прп. Василию, еп. Парийскому, 12 апреля, стихирьы на *Господи, воззвах*.

⁴ Эта версия дословно ближе к греческому оригиналу – в позднейшем переводе также добавлен глагол днѣшнѣа: твои́хъ подвїгѡвъ днѣ́щѣа терпѣ́нїю.

Ὅτε, ἐν τῷ μνηματί σου τόν, χαίρων περιέκλεισας Πάτερ, ὑπὲρ ἀγάπης Χριστοῦ, φέρων σταθερότατα, τὰς τῶν δαιμόνων ποινάς, προσευχῇ δὲ καὶ χάριτι, ἀπέδειξας τούτων, πάχνης ἀδρανέστερα, τὰ βουλευτήρια· τότε ἐπεκρότησαν τάξεις, τῶν Ἀγγέλων κράζουσαι· Δόξα, τῷ ἐνδυναμοῦντί σε Ἀντώνιε.

Вѣдѣ во гробѣ твоѣ емаго радѣлаи заключилъ єси, Оѣе, любвѣ радн хрѣтѣовы, терпелъ єси крѣпчѣише ѿ демѣновѣхъ ииждѣєніа, молигѣвою же ѿ благодѣтію ѿгнѣає єси єи хъ пѣчѣи ны немоцнѣишыа советѣваніа: тогда еобрашлѣа чини аггѣлѣтѣи, зовѣще: емаєа ѡкрѣпльшемѣ тѣа, антѣѣиє.

Можно предположить, что эти замены были вызваны ослаблением спортивной метафоры до такой степени, что она уже практически не прослеживалась в церковнославянских текстах. В такой ситуации «зрительские аплодисменты» ангелов оказываются оторванными от спортивного контекста и потому не вполне уместными, и переводчик идет по пути передачи общего настроения единения и ликования.

Итак, мы рассмотрели несколько характерных замен, «расшифровывающих» спортивную метафору:

- призер => стратотерпец;
- стадион, арена => судище;
- судья, распорядитель состязаний (Христос) => подвигположник, подвигадавец;
- ангелы как рукоплещущие зрители => собравшиеся вместе ангелы.

Эти замены фактически разрушили оригинальную спортивную метафору, удалив или изменив многие ее важные составляющие. При этом сделанные замены можно признать адекватными: смыслового искажения не происходит, текст становится понятным и приемлемым для далеких от античных реалий славянских народов.

Систематическое снятие спортивной метафоры – выбор, сделанный переводчиками греческих богослужебных текстов на церковнославянский, лежит в русле общих тенденций развития христианской культуры, которые много обсуждались в связи с концепцией «эллинизации христианства». Как показал В.Н. Лосский, язык богословия зарождается и формируется в эллинистической среде, многое из нее заимствуя, но постепенно очищается от языческого античного наследия и совершенствует свои выразительные средства [20]. Применительно к иконописным образам Л.А. Успенский так описывает этот процесс: «время и нужды различных исторических эпох... очистили христианское искусство от всевозможных чуждых ему элементов, затемнявших его содержание» [21, с.19].

Литература

1. Красовицкая М.С. Литургика: курс лекций. 7-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2014. 228 с.
2. Мещерский Н.А. История христианской литургической письменности. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. 258 с.
3. Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Под ред. Е.Потехиной и А.Кравецкого. Олштын: 2013. 202 с.
4. Кривко Р.Н. Минея // Православная энциклопедия. Т.45. М.:2017. – С. 273–279
5. Никифорова А.Ю. Из истории Минеи в Византии: Гимнографические памятники VIII–XII вв. из собрания монастыря святой Екатерины на Синае. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012, 400 с.
6. Пентковский А.М. Материалы для истории славянского богослужения в XI веке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. – М., 2018. С. 245–295.

7. Пичхадзе А. О языковых особенностях славянских служебных миней *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina*. München-Berlin, 2009. С. 297–308.
8. Пентковский А.М. Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX – первой половине X веков // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2016. №2. – С. 54–120
9. Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.
10. Кузьминова Е.А., Пентковская Т.В. Афоно-тырновская книжная справа конца XIII – XIV вв. И ее рецепция на Руси // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2016. №6. – С. 9–25.
11. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1903.
12. Чешко Е.В. Второе южнославянское влияние в редакции псалтырного текста на Руси (XIV–XV вв.) // *Palaebulgarica. Старобългаристика*. 1981. № 4. С. 9–85.
13. Мансветов И.Д. Как у нас правилась Типик и Минеи. // *Журнал «Прибавления к изданию творений Святых Отцев, в русском переводе» за 1884 год.* – М.: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1884.
14. Крылов Георгий, протоиерей. Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи. – М.: Индрик, 2009. – 496 с.
15. Кравецкий А.Г. Опыт словаря литургических символов // *Славяноведение*. М., 1995. Т. 3. С. 97–103; М., 1996. Т. 2. С. 87–97; М., 1997. Т. 2. С. 84–102; М., 1997. Т. 5. С. 108–112
16. Никифорова А.Ю. Хронотоп гимнографии // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2019. №2 (63).
17. Merkelbach, R. Der griechische Wortschatz und die Christen. *Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik*, 18, 1975, p. 101–148.
18. Кристианс Д. Топосы в песнопениях византийской служебной мины и проблемы их переноса на славянскую почву. М: Индрик, 2018. 153 с.
19. Christians D. Dubletten bei der Übersetzung griechischer Komposita im ostslavischen Gottes dienstmenäum // *Slavia* 78/ 2009, s. 3–4: 313–326.
20. Лосский В.Н. Боговидение. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства. 1994.
21. Успенский Л.А. Богословие иконы в Православной Церкви. М.: издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. 658 с.

THE METAPHOR OF SPORTS COMPETITIONS IN GREEK HYMNOGRAPHY AND ITS TRANSLATION INTO THE CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

Liliya S. Kholkina
Russian State University for the Humanities

Abstract. In the first part, the article offers a brief overview of history of the translation of the Menaion from Greek into Church Slavonic. To follow the original text as closely as possible the literal translation was adopted. The second part examines the use of images of ancient competition (running, stadium, judge, rules, spectators, victory, crown) in early Christian writing, including the New Testament, sermons and interpretations of the Holy Fathers and hymnography. Images of the competition were widely spread in Christian texts, although the participation of believers in mass spectacles and festivities was considered inappropriate. The third part is devoted to the translation of the metaphor of the competition into Church Slavonic. Since the Slavs were unfamiliar with ancient competitions, and the attitude to pagan festivities in the Christian culture was sharply

negative, the direct translation of sports metaphors was unacceptable. The translators consistently eliminated the sports images from the text, replacing them with the real details of martyrdom, or the description of its spiritual essence. Such approach to translation is in line with the trend of gradual overcoming of ancient pagan heritage by Christian culture.

Key words: translation, Greek, Church Slavonic, Menaion, hymnography, metaphor, competition, martyr

Холкина Лилия Сергеевна,
старший научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный
университет
e-mail: kholkina.liliya@yandex.ru

Liliya S. Kholkina
Senior Researcher
Russian State University for the
Humanities
e-mail: kholkina.liliya@yandex.ru

УДК 378

РОЛЬ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цховребова Л.З.

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова

Аннотация. В последние годы существенно расширяются деловые и культурные связи Республики Южная Осетия с зарубежными странами. Соответственно возросла потребность в людях профессионально владеющих иностранными языками. В связи с этим выявление и развитие новых и эффективных способов организации обучения переводческой деятельности приобретает в Южной Осетии все большую актуальность. В статье исследуется роль и значимость контекстного подхода в обучении переводу. В контекстном обучении развитие познавательных и профессиональных мотивов приобретает приоритетное значение для процесса формирования личности будущего специалиста. Контекстный подход является средством сближения учебной деятельности студентов с их будущей профессиональной деятельностью. При обучении переводческой деятельности необходимо создать реальную среду межкультурной коммуникации с использованием аутентичных материалов, с применением технологий раскрывающих творческие способности студентов. Практическая реализация контекстного подхода при подготовке переводчиков осуществляется в следующих основных формах: тренингах, лекциях, ролевых играх, деловых играх, проектах, кейс-стади. Именно благодаря этим методам у студента формируются профессиональные навыки переводчика.

Ключевые слова: переводческая деятельность, контекстный подход, тренинг, лекция, ролевая игра, деловая игра, проект, кейс-стади

Процесс глобализации оказывает большое влияние на все сферы нашей жизнедеятельности. В немалой степени это касается и образования. В современном мире приоритетным является дальнейшее развитие знаний, навыков и умений учащихся с учетом ориентации на их будущую профессиональную деятельность. Такое обучение вызвано потребностями политики и экономики Республики Южная Осетия. За последнее время мы можем наблюдать значительное расширение деловых и культурных связей Республики Южная Осетия с зарубежными странами. В связи с тем, что нашу страну посещает все большее количество представителей иностранных государств, возросла потребность в людях профессионально владеющих иностранными языками. Соответственно выявление и развитие новых и эффективных способов организации обучения переводческой деятельности приобретает в Южной Осетии все большую актуальность. Необходимо

подчеркнуть, что совершенствование образования должно быть нацелено на внедрение таких инновационных технологий, которые способствуют формированию активной позиции у студентов, стимулируют их на получение знаний и профессиональных навыков.

Цель данной статьи заключается в выявлении роли и значимости контекстного подхода в обучении переводу. В контекстном обучении развитие познавательных и профессиональных мотивов приобретает приоритетное значение для процесса формирования личности будущего специалиста.

Переводчик является посредником, обеспечивающим двуязычную коммуникацию, но в процессе коммуникации происходит не просто замена одного языка другим. В нем взаимодействуют представители различных культур и национальностей, разные уровни интеллектуального развития и нормы поведения. Переводчик совершенствует свои языковые знания и речевые навыки на протяжении всей своей переводческой деятельности. Квалификация переводчика определяется наличием у него сформированной профессиональной компетентности, приобретаемой в процессе обучения переводу и затем закрепляемой в ходе практической работы по профилю [1, с.132].

Проблемам подготовки переводчиков и вопросам теории и практики перевода уделяется большое внимание в работах Алексеевой И.С., Комиссарова В.Н., Слобникова В.В., Вербицкого А.А., Садикова А.В., Латышева Л.К., Миньяр-Белоручева Р.К., Аликиной Е.В. и др.

Ученые выделяют в профессиональной подготовке будущих переводчиков следующие подходы:

1. Культурологический подход;
2. Лингвострановедческий подход;
3. Лингвистический подход;
4. Коммуникативный подход;
5. Ситуативно-тематический подход;
6. Контекстный подход.

Одним из наиболее результативных и инновационных методов в обучении переводу является, на наш взгляд, контекстный подход, основная цель которого состоит в том, чтобы трансформировать учебно-познавательную деятельность студента в профессиональную. Следует заметить, что в настоящее время контекстное обучение становится все более востребованным в сфере образования. Концепция контекстного обучения была разработана известным ученым, доктором педагогических наук, профессором Вербицким А.А.

Контекстным считается такое обучение, в котором на языке наук и с помощью всей системы форм, методов и средств обучения (традиционных и новых) последовательно моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности студентов [2, с.4]. Контекстный подход является средством сближения учебной деятельности студентов с их будущей профессиональной деятельностью. В реализации перевода задействованы три основных взаимосвязанных и взаимообусловленных контекста: лингвистический контекст, национально-культурный контекст общности, речь которой необходимо перевести и внутренний контекст переводчика как представителя своего государства, его профессионализм и знания в той сфере деятельности, о которой идет речь [2, с.3].

Содержание контекстного обучения включает понятийную, предметную и социальную стороны. Технология контекстного обучения соответственно состоит из трех основных форм деятельности:

- 1) учебной (разные виды лекций, семинары);
- 2) квазипрофессиональной (практические занятия, лабораторные работы, ролевые игры, деловые игры, тренинг, имитационное моделирование);
- 3) учебно-профессиональной (НИРС, учебно-производственная практика, курсовое и дипломное проектирование).

В учебной форме деятельности в основном используются традиционные способы обучения, основанные на выполнении заданий по готовому образцу. Основными видами деятельности студента являются слушание, чтение, письмо и говорение. Квазипрофессиональная форма деятельности совмещает учебную деятельность с профессиональной. В ней используются не только традиционные, но и инновационные методы обучения. В отличие от учебной формы деятельности, в которой единицей содержания обучения является задача, в квазипрофессиональной она представляет собой проблему, которую студентам необходимо решить. Учебно-профессиональная форма деятельности дает студентам возможность применить на практике полученные знания, навыки и умения и осуществлять реальную профессиональную деятельность.

При обучении переводческой деятельности необходимо создать реальную среду межкультурной коммуникации с использованием аутентичных материалов, с применением технологий раскрывающих творческие способности студентов.

Практическая реализация контекстного подхода при подготовке переводчиков осуществляется в следующих основных формах: тренингах, лекциях, ролевых играх, деловых играх, проектах, кейс-стади. Именно благодаря этим методам у студента формируются профессиональные навыки переводчика.

Тренинг это такой вид обучения или тренировки на практических занятиях, в котором, используя содержательную базу различного типа упражнений, создаются условия приближенные к действительности, что способствует совершенствованию компетенций, умений и навыков студентов. Во время занятий моделируется комплекс упражнений, целью которых является развитие определенной переводческой компетенции. Эти упражнения выполняются и контролируются в ситуациях, максимально приближенных к реальным условиям. По мнению Вербицкого А.А. цель тренинга заключается в формировании определенного набора умений во время самостоятельной работы при условии, что содержательная часть умений студентами уже освоена [3]. Тренинги повышают степень мотивации студентов, вырабатывают в них умение анализировать рассматриваемые ситуации и на основе этого анализа выбирать наиболее приемлемые варианты решения поставленных задач.

Хотя лекция как форма обучения появилась в Древней Греции в средние века, она, бесспорно, актуальна и в современном образовательном процессе, так как представляет собой основу для усвоения учебного материала. Для лекции характерны образовательная, информационная, развивающая, воспитывающая, стимулирующая функции, поэтому существуют ситуации, когда лекционная форма изложения материала становится незаменимой.

При контекстном подходе к обучению во время лекций (информационных, научных, проблемных, лекций-пресс-конференций, лекций вдвоем, лекций-бесед, лекций-дискуссий, лекций-визуализаций, лекций с запланированными ошибками) предполагается не только приобретение теоретических знаний, но и формирование готовности будущих переводчиков решать задачи в контексте их будущей профессии. Для лекций такого типа существенным являются взаимоотношения между преподавателями и студентами, основой которых являются диалог и игровые моменты. Студент уже не является объектом обучения, он становится полноправным участником данного вида деятельности, итогом которого в контекстном обучении является готовность студентов

использовать теоретические знания, полученные во время лекционного курса в решении профессиональных проблем.

Таким образом, лекция как форма обучения занимает основное место и является важной составляющей в современной образовательной системе.

Ролевые игры открывают простор для инициативы и творчества. Именно благодаря ролевым играм студенты овладевают конкретными практическими умениями, необходимыми им в будущей переводческой деятельности. Тщательно продуманная и хорошо проведенная игра способствует введению и закреплению языкового материала и формированию умений и навыков перевода. Наиболее рациональным нам представляется следующий план проведения ролевой игры:

- I. Подготовительный этап в аудитории:
 1. введение в ролевую ситуацию;
 2. обработка лексической составляющей ролевой игры.
- II. Подготовительный этап дома:
 1. работа над материалом по предложенной теме.
- III. Ролевая игра.
- IV. Заключительный этап в аудитории:
 1. обсуждение ролевой игры;
 2. дискуссия по проблеме ролевой игры.

В ролевой игре создается среда, максимально приближенная к реальной ситуации. Эта форма обучения стимулирует у студентов познавательный интерес, способствует мотивации к развитию профессиональных навыков, формирует умение находить правильное решение проблемы.

В процессе профессиональной подготовки переводчика еще одной формой организации, обучения и контроля коллективной учебной деятельности является деловая игра, которая представляет собой комплекс ситуаций профессиональной коммуникации, объединенных одним общим сценарием. Деловая игра также как и ролевая применяется как условие и средство создания обстановки, наиболее приближенной к реальной. Целью деловой игры является конкретная профессиональная деятельность переводчика. Деловые игры являются не только активным и эффективным методом обучения профессионально-ориентированной коммуникации на иностранном языке, но и средством интенсификации учебного процесса. Именно благодаря деловым играм студентам удается преодолеть лингвистический, социокультурный и психологический барьеры в ситуациях делового общения на иностранном языке, что ведет к формированию профессиональной компетентности будущего переводчика. Геймификация является одним из основных направлений современного образования. Для нее характерен рост мотивации студентов, прозрачная структура образовательной программы и эффективное управление процессом обучения. Благодаря игровым технологиям снижается эмоциональное напряжение вызванное сложностью нового материала по дисциплине. Участник игры понимает, что он может ошибиться, но у него есть возможность исправить свою ошибку и выиграть [4, с.128].

Студенты реализуют в деловой игре квазипрофессиональную деятельность, сочетающую в себе черты не только учебной, но и будущей профессиональной деятельности. Отличительной особенностью деловой игры также является возможность обеспечения студентов необходимыми средствами для решения профессиональных проблем. Хотя эти проблемы ставятся перед студентами в форме игры, тем не менее, они отражают весь контекст основных элементов профессиональной деятельности. В процессе деловых игр решения всегда принимаются коллективно, что также в полной мере соответствует реалиям деятельности трудового сообщества [5].

Использование проектной технологии представляет собой возможность реализации социально-обучающей модели, при которой происходит «обучение в системе социального взаимодействия, при котором учащиеся принимают и выполняют различные социальные роли и готовятся к их выполнению в процессе решения проблемных задач в ситуациях реального взаимодействия» [6, с.123]. Проектная технология, сочетающая теоретические знания и их практическое применение для решения конкретных профессиональных проблем, является одним из основных способов реализации контекстного обучения. Именно здесь происходит переход от учебной деятельности к профессиональной. Применение проектной технологии способствует развитию у студентов аналитического мышления и способности к исследовательской деятельности. Метод проектов предполагает наличие проблемы, обсуждение вариантов и способов её решения, умение строить гипотезы и сотрудничать, проявлять коммуникабельность и инициативность в принятии решений. Используя проектную технологию, преподаватель имеет возможность варьировать задания, предусмотренные для студентов по уровню сложности, но при этом все участники проекта пытаются коллективно достичь общей цели. Проектная деятельность – это инновационный метод проведения занятий, который не только позволяет формировать комплекс профессиональных компетенций студентов в рамках интерактивного обучения, но и способствует росту их профессионализма и мотивации.

Кейс-стади является еще одним интерактивным методом профессионально-ориентированного обучения, при котором в искусственно созданной профессиональной среде совершается иноязычная коммуникация студентов. Ситуации в кейс-стади основаны на конкретном опыте практической деятельности в определенной профессиональной сфере. Суть данного метода состоит в организации коллективной работы студентов в ситуациях профессиональной деятельности, в проблемно-ситуационном анализе, основанном на обучении путем решения конкретных задач. Любая профессиональная ситуация может состоять из трех компонентов: 1) проблемы, требующей решения; 2) компетентности в исследуемой профессиональной сфере; 3) умственной и практической деятельности студентов, необходимой для корректного решения проблемы [7, с.126]. Кейс-стади широко используется в обучении иностранному языку, так как внедрение данного метода показало свою эффективность в процессе обучения студентов переводческой деятельности. «Кейс-технологии развивают способность учащихся формулировать гипотезы и проверять их в ходе мыслительных операций и практических действий, характерных для решения профессиональных переводческих задач, что положительно сказывается на результативности учебного процесса» [8, с.106].

Метод кейсов наиболее эффективен для обучения в группах по 4-5 человек. Задача студентов заключается в том, чтобы извлечь информацию, которая находится в кейсе, тщательно его проанализировать, найти решение поставленной проблеме, а затем аргументировать правильность своего выбора. Хотя анализ проводится каждым студентом персонально, на следующем этапе происходит обмен идеями, подходами и вариантами решения проблемы. Каждому участнику рассматриваемого процесса деятельности предоставляется возможность раскрыть свой потенциал и принять активное участие в дискуссии по выработке единой стратегии и подхода к принятию коллективного решения проблемы. Ответственность за конечный результат несет каждый участник мероприятия. Кейс-стади знакомит студентов с реальными профессиональными ситуациями в переводческой деятельности, развивает у студентов критическое мышление, коммуникативные навыки и умения работать в команде.

Необходимо отметить, что метод кейс-стади способствует активному усвоению знаний, предоставляет студентам прекрасную возможность творчески применить их и адаптироваться к реальным переводческим ситуациям. Благодаря этому методу они

учатся добывать информацию, актуальную для конкретной рабочей ситуации, обрабатывать и анализировать собранный материал и делать соответствующие выводы. Метод кейса позитивно мотивирует студентов к учебе и самостоятельной работе, вовлекая их в активную профессиональную деятельность.

Использование контекстного подхода при подготовке переводчиков имеет неоспоримые преимущества. В процессе применения технологии контекстного обучения студент с самого начала находится в познавательной форме деятельности, которая при правильной и продуманной ее организации переходит в квазипрофессиональную. Следующим этапом является профессиональная деятельность, требования которой оказываются системообразующими. Именно они задают контекстный принцип построения и развития учебных дисциплин и содержания всей подготовки будущего специалиста [9, с.20]. Контекстный подход к формированию профессиональной компетентности будущих переводчиков определяет особенности организации не только процесса обучения в целом, но и методики преподавания отдельных дисциплин. Среди этих особенностей можно выделить проблемно-поисковый характер учебной деятельности студентов, моделирование в учебном процессе условий и содержания будущей профессиональной деятельности, технологию коллективного обучения, создание и решение педагогических ситуаций максимально приближенных к переводческой деятельности.

В результате нашего исследования мы пришли к следующему выводу: контекстный компонент интегративного подхода к обучению профессиональной переводческой деятельности – это эффективная образовательная технология, включающая разнообразные методы обучения, способствующая учебно-познавательной мотивации студентов и расширению их когнитивной базы, обеспечивающая творческий и активный характер всего образовательного процесса и являющаяся обязательным условием успешности обучения переводу. Контекстный подход объединяет все компоненты содержания обучения переводу и способствует формированию у студентов прогрессивного стиля мышления, познавательной и профессиональной мотивации, готовности к будущей переводческой деятельности.

Литература

1. Ремезова Л.В. К вопросу о профессиональной компетентности лингвиста-переводчика // Язык и культура. Томск, 2011. № 3(15). С. 125-132.
2. Вербицкий А.А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 3-8.
3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: метод. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
4. Крайдер А.В. Использование игровых технологий в системе обучения переводу // язык и культура сборник статей XXIX Международной научной конференции (16-18 октября 2018 г.) Томск, 2019. С.128 – 132.
5. Морозова А.Ф. Валеева Л.А. Сиразеева А.Ф. Формы работы при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: контекстный подход (на основе экономического контента) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18300> (дата обращения: 10.12.2020).
6. Коряковцева Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Издательский центр Академия, 2010. 188 с.

7. Степанова И.М. Метод анализа проблемных ситуаций (кейс-метод) как средство обучения студентов иноязычному профессионально-ориентированному общению // IX Всероссийская научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и в школе»: сборник статей. Пенза: РИО ПГСХА, 2007. С. 125 – 127.

8. Пушкина А.В. Метод case-study при обучении устному последовательному переводу // Вестник РУДН. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С.103 – 107.

9. Шапошников К.В. Контекстный подход в процессе формирования профессиональной компетентности будущих лингвистов-переводчиков: автореф. дис. канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2006. 28 с.

THE ROLE OF THE CONTEXTUAL APPROACH IN SHAPING THE CAREER READINESS IN FUTURE TRANSLATORS

Lana Z. Tskhovrebova
South-Ossetian state university

Abstract. Lately we can observe a significant expansion of business and cultural ties of the Republic of South Ossetia with foreign countries. Accordingly, the need for people professionally speaking foreign languages has increased. In this regard, the identification and development of new and effective ways of organizing training in translation activities is becoming increasingly important in South Ossetia. The article examines the role and significance of the contextual approach in teaching translation. In contextual learning, the development of cognitive and professional motives becomes a priority for the process of forming the personality of a future specialist. The contextual approach is a means of bringing students' learning activities closer to their future professional activities. When teaching translation activities, it is necessary to create a real environment for interlingual communication using authentic materials, using technologies that reveal the creative abilities of students. Practical implementation of the contextual approach in the preparation of translators is carried out in the following main forms: training, lectures, role-playing games, business games, projects, case studies. It is thanks to these methods that the student develops the professional skills of a translator.

Key words: translation activity, contextual approach, training, lecture, role-playing game, business game, project, case study

Цховребова Лана Зауровна,
Заведующая кафедрой иностранных
языков, Юго-Осетинский
государственный университет им.
А.А.Тибилова (Цхинвал, Республика
Южная Осетия)
тел.: +7 (929) 807 0335
e-mail: lanatskh@yandex.ru

Lana Z. Tskhovrebova
Head of Dept. of Foreign Languages,
South-Ossetian state university
(Tskhinval, The Republic of South Ossetia)
mobile: +7 (929) 807 0335
e-mail: lanatskh@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РОМАНЕ А. ГОЛДЕНА «МЕМУАРЫ ГЕЙШИ» И ЕЕ ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Чистова С.С.

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал
Российского государственного профессионально-педагогического университета
(г. Екатеринбург)

Аннотация. Статья посвящена изучению закономерностей функционирования концептуальной метафоры в оригинале и переводе на немецкий язык романа А. Голдена «Мемуары гейши», который является уникальным художественным произведением, позволяющим западному читателю познакомиться с культурой, традициями и бытом Японии первой половины 20 века. В процессе анализа была использована методика исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации, а также методика исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, при помощи которых было исследовано 85 метафор сферы-источника «Природа». Выявленные метафорические словоупотребления были классифицированы по фреймам и слогам согласно методике А.П. Чудинова, далее были описаны используемые приемы перевода на немецкий язык согласно классификации, предложенной Т.А. Казаковой. Данные классификаций представлены в процентном соотношении. Проведенный анализ позволил выявить доминирующие метафорические образы романа, участвующие в создании художественной картины мира писателя, а также проанализировать особенности их перевода на немецкий язык.

Ключевые слова: концептуальная метафора, сфера-источник, сфера-мишень, когнитивная лингвистика, А. Голден «Мемуары гейши», художественный перевод, прием перевода

В связи с появлением нового направления в языкознании, когнитивной лингвистики, появилась необходимость переосмысления роли метафоры. Согласно определению Е.С. Кубряковой, когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации» [3, с.53]. Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является концептуальная метафора – «которая отражает специфику человеческого мышления и познания, возникая не столько как риторическое средство украшения речи, но, прежде всего, как результат сопоставления неизвестного с познанным, и служит цели категоризации предметов и явлений окружающего мира» [4, с.295].

В свете когнитивного подхода метафоры стали рассматривать как особого рода «схемы, по которым человек думает и действует» [1, с.37], как средство выражения мыслей и способ познания окружающего мира. Также, вследствие появления когнитивного подхода к метафоре, изменилась ее роль в художественном произведении. При помощи концептуальных метафор автор отражает свое восприятие мира, свои знания и опыт. Таким образом, концептуальная метафора в художественном произведении позволяет читателю проникнуть во внутренний мир писателя, глубже понять его мысли и чувства.

На сегодняшний день адекватная передача средств выразительности с одного языка на другой остается одним из наиболее сложных аспектов теории и практики перевода. Особую трудность составляет перевод метафоры, так как переводчику необходи-

мо «учитывать ее оценочные, номинативные и эстетические составляющие» [2, с.41]. Кроме того, сложность представляет передача собственно концептуального компонента метафоры как отражающего художественную действительность и перенос его в пространство другой культуры.

Существует несколько подходов к переводу метафор в художественном тексте. В.Н. Комисаров определяет четыре способа перевода:

1. Дословный перевод. Подбирается эквивалент метафоры или переводится сам образ. Например, «as black as sin» – «черен, как грех».

2. Перевод, в основе которого лежит тот же самый образ. Например, «broken English» – «ломаный английский».

3. Перевод, основывающийся на ином исходном образе. Например, «a gay of hope» – «проблеск надежды».

4. Перевод при помощи неметафорического объяснения. Например, «as large as life» – «в натуральную величину» [5, с.15-16].

Т.А. Казакова представляет следующие приемы перевода метафор:

1. Полный перевод, который используется в том случае, если в языке оригинала и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, используемые в данной метафоре.

2. Добавление/опущение. Данный способ применяется в тех случаях, когда мера соответствия в исходном языке и языке перевода отличается, и необходима либо экспликация смысла, заложенного в тексте оригинала, либо, наоборот, импликация словесно выраженного в тексте оригинала.

3. Замена используется при лексическом или ассоциативном несоответствии между элементами метафоры в языке оригинала и языке перевода.

4. Структурное преобразование осуществляется в случае, когда традиции грамматического оформления метафоры в языке оригинала и языке перевода отличаются.

5. Традиционное соответствие применяется относительно метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в языке оригинала и языке перевода сложились различные способы выражения метафорического подобия.

6. Параллельное именование метафорической основы осуществляется в случаях перевода текстов, содержащих распространенные метафоры, когда требуется замещение или структурное преобразование исходной метафоры, но при этом учитывается характер передаваемой информации и образ необходимо сохранить [6, с.245-246].

Мы полагаем, что последняя классификация справедлива как для конвенциональных, так и для авторских метафор, поэтому будем использовать ее как основу для анализа собранного материала.

По словам А.П. Чудинова, «в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [1, с.79-80]. При переводе концептуальных метафор проблема заключается не только в адекватной передаче самого концепта, что можно обозначить как содержательный или концептуальный перенос, но и в сохранении либо трансформации формального или собственно языкового компонента метафоры. Концептуальный перенос может быть ограничен способом отражения действительности принимающей культуры, а языковой перенос – языковыми средствами выражения метафоры. В рамках так называемой вторичной метафоризации при переводе [7, с.473] возможно развитие концептуальной метафоры по нескольким векторам, указанным Т.А. Казаковой.

«Мемуары гейши» – это исторический роман американского писателя Артура Голдена, опубликованный в 1997 году. Роман «Мемуары гейши» знакомит читателя с японской культурой, традициями, позволяет заглянуть в тайный мир гейш. Метафорическая насыщенность позволяет предположить, что концептуальная метафора является одним из средств создания художественной реальности произведения. Перевод романа также представляет собой интересный пример межкультурной коммуникации, так как происходит перенос метафорических концептов японской культуры, отраженных сознанием англоязычного автора, в немецкую культуру. Необходимо также отметить, что роман являлся объектом лингвистического анализа ранее, в частности, изучались иноязычные вкрапления в произведении (А.И. Мухаметова) [8], проводился культурологический анализ образности романа (Е.Е. Рассадина) [9], однако не изучалось метафорическое поле романа в переводческом аспекте.

А.П. Чудинов и Э.В. Будаев разработали и подробно описали следующие методики описания концептуальных метафор: методику исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии; методику исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии; методику исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации; методику сопоставительного исследования когнитивных структур общего уровня категоризации [10, с.11]. В нашем исследовании мы будем опираться на методику исследования концептуальных метафор в дискурсе адресанта коммуникации, а также методику исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, на материале метафорических словоупотреблений субсферы «Природа», обнаруженных в произведении А. Голдена «Memoirs of a geisha». Мы опираемся на методику анализа фреймово-слотовой структуры метафорических моделей, разработанной А.П. Чудиновым и классификацию приемов перевода метафор, предложенной Т.А. Казаковой.

В рамках субсферы «Природа» нами были выделены две метафорические модели «Живая природа» и «Неживая природа». В состав метафорической модели «Живая природа» были включены следующие фреймы: «Состав царства животных», «Действия животных», «Места обитания животных», а также «Состав царства растений» и «Жизненный цикл растений и участие в нем человека». Метафорическая модель «Неживая природа» представлена фреймами «Вода», «Земля» и «Метеоусловия».

Метафора живой природы

Зооморфная метафора

1. Фрейм «Состав царства животных». Данный фрейм представлен следующими слотами: «Собственно животные (млекопитающие)», «Птицы».

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)».

«I was beginning to feel like A MOUSE CAUGHT IN A SLIDING DOOR, positioned there between Mother and Taku, when at last Mother hung up the telephone and came to sit at the table». Данная метафора, основанная на сравнении, позволяет проиллюстрировать все то беспомощное и безвыходное положение, в котором оказалась главная героиня, находясь между злобной собакой и не слишком доброжелательной хозяйкой окии.

1.2. Слот «Птицы».

«THE SWAN WHO GOES ON LIVING IN ITS PARENTS' TREE WILL DIE; this is why those who are beautiful and talented bear the burden of finding their own way in the world». Метафора «талантливые и красивые люди – это лебеди». На наш взгляд такая метафорическая репрезентация весьма удачна, так как лебеди – это царственные и очень красивые птицы, что позволяет автору полнее выразить свое уважение к таким людям.

Также необходимо отметить развернутый характер метафоры, которая включает в себя целую ситуацию.

2. Фрейм «Действия животных». В данный фрейм включены следующие слоты: «Голосовые сигналы», «Образ жизни животных».

2.1. Слот «Голосовые сигналы».

«*Back when I was a little girl of five or six, and had never so much as thought about Kyoto once in all my life, I knew a little boy named Noboru in our village. I'm sure he was a nice boy, but he had a very unpleasant smell, and I think that's why he was so unpopular. Whenever he spoke, all the other children paid him no more attention than if A BIRD HAD CHIRPED OR A FROG HAD CROAKED, and poor Noboru often sat right down on the ground and cried*». Метафорическая репрезентация человеческой речи как фоновых звуков природы позволяет полнее представить все разочарование ребенка, на которого никто не обращает внимание, как на птицу или лягушку.

2.2. Слот «Образ жизни животных».

«*Somewhere between the various thoughts about my mother – somewhere past the discomfort in my lip – there NESTLED a pleasant thought I tried again and again to bring into focus*». Сфера-мишень «мысль» приобретает признак сферы-источника «птица». Подобно тому, как птица находит укромное место, ютится в гнезде, точно таким же образом мысль «гнездится» в голове.

3. Фрейм «Места обитания животных». Данный фрейм представлен слотом «Места обитания животных на воле».

3.1. Слот «Места обитания животных на воле».

«*After Dr. Miura tended to my lip, and I bought the incense my father had sent me for, I walked home in a state of such agitation, I don't think there could have been more activity inside me if I'D BEEN AN ANTHILL*». Данная метафора передает все волнение, которое испытывала героиня, сравнивая свое внутреннее состояние с муравейником.

Фитоморфная метафора

1. Фрейм «Состав царства растений». Данный фрейм состоит из слота «Деревья и кустарники».

1.1. Слот «Деревья и кустарники». Данный слот представлен лексемой «tree».

1. «*This was due to some sort of deficiency in Mother's diet over the past years, as I later learned; but I couldn't help feeling, the more I looked at her, that she was like A TREE THAT HAD BEGUN TO LOSE ITS LEAVES*». Метафора «Больной человек – это засыхающее дерево», где сфера-источник представлена в развернутом виде: дерево с опадающими листьями. У персонажа «Мама» ухудшается состояние, она «увядает» подобно тому, как листья постепенно опадают с дерева.

2. Фрейм «Жизненный цикл растений и участие в нем человека». Данный фрейм представлен слотом «Жизненный цикл растений».

2.1. Слот «Жизненный цикл растений».

1. «*FLOWERS THAT GROW WHERE THE OLD ONES HAVE WITHERED serve to remind us that death will one day come to us all*». Образ смерти как увядающих цветов (метафора «смерть – это увядающие цветы») метафорически иллюстрирует цикличность жизни: подобно цветам люди «увядают», и на их место приходит новое поколение.

2. «*A week or so later, when my FANTASIES OF ADOPTION had had plenty of time to RIPEN, I came home one afternoon to find Mr. Tanaka sitting across from my father at the little table in our house*». В данном примере представлена метафора «Развитие фантазии – созревание (плодов)». Следует отметить, что созревание плодов – длительный процесс,

в результате которого плод приобретает характерный аромат, цвет и вкус. Данный процесс накладывается на сферу-мишень. Также, как и плоду, фантазии нужно время для того, чтобы «созреть», приобрести определенную форму и образ.

Метафора неживой природы

1. Фрейм «Вода». Данный фрейм представлен слотом «Жидкое состояние: вода».

1.1. Слот «Жидкое состояние: вода».

«For a moment we were both AWASH in sparks and flames». В данном случае выделяется метафора: «пламя и искры – это вода», что позволяет представить сцену из романа более образно, однако невозможно сказать, что эта метафора является яркой и авторской.

«His job was to make certain that all the money passing through Gion flowed where it was supposed to; AND A TRICKLE FROM THAT RIVER OF CASH FLOWED directly into his pocket». Метафора «денежные доходы – это поток» позволяет образно описать постоянство и высокий уровень доходов городской казны, часть из которых оседала в кармане чиновника.

2. Фрейм «Земля». В данный фрейм входит слот «Почва, породы».

2.1. Слот «Почва, породы».

«I stopped on the cliffs and gazed out to sea, where the waves even after the storm were still like SHARPENED STONES, and the sky had taken on the brown tone of mud». В данном примере присутствует метафора, основанная на сравнении: «Волны – это камни». Характеристики сферы-источника переносятся на сферу-мишень, позволяя представить волны в виде серых, холодных, острых камней.

3. Фрейм «Метеоусловия». Данный фрейм представлен слотом «Пар, дым, облака».

3.1. Слот «Пар, дым, облака».

«And her clothing wasn't the only extraordinary thing about her; her face was painted a kind of rich white, like THE WALL OF A CLOUD when lit by the sun». Основой для метафорического переноса является цвет. Метафора позволяет более полно представить цвет лица Матери – как облако, освещенное солнцем.

Далее в соответствии с логикой данного исследования необходимо рассмотреть способы перевода метафор сферы-источника «Природа».

1. Полный перевод (45%). Данный прием используется, когда в обоих языках (ИЯ и ПЯ) существуют сходные понятия или одинаковые категории для выражения образности.

«...until I began to feel the sort of BUZZLING IN MY HEAD that comes from a thought circling and circling with nowhere to go, just like A BEE IN A JAR». – *«...bis ich dieses SUMMEN IM KOPF bemerkte, das davon kommt, wenn ein GEDANKE WIE EINE BIENE IN EINEM GLAS unaufhörlich im Kreis herumsummt, ohne zu einem Ergebnis zu gelangen».* Метафора «мысль – это пчела в банке» переводится полностью, поскольку метафора является развернутой, и очевидно, что в данном случае переводчик посчитал нецелесообразным менять образность всего предложения.

«As I sat there on that wooden floor and watched Hatsumomo come reaching for me with her delicate fingers, I knew I was TRAPPED IN A WEB she had spun for me». – *«Als ich da auf dem Holzboden saß und zusah, wie Hatsumomo kam und mit ihren dünnen Fingern nach mir griff, wußte ich, daß ich IN EINEM NETZ GEFANGEN SAß».* При переводе метафоры «ловушка – это паутина» Г. Штеге использует полный перевод, так как в ИЯ и ПЯ метафорическая образность совпадает, и у немецкого читателя не возникнет трудностей в понимании данной метафоры.

По этой же причине полное соответствие используется при переводе метафоры «Губы – это цветы»: «*Her lips were FLOWERING red on a stark white face, with her cheeks tinted a soft pink*». – «*Ihre Lippen BLÜHTEN rot in dem kalkweißen Gesicht, während die Wangen in einem sanften Rosa getönt waren*».

«*But before I could answer, his eyebrows began to twitch, and a moment later he reached up and scratched his head so much that a little CLOUD OF SNOW spilled onto his shoulders. As it turned out, he was known in Gion as «Mr. Snowshowers» because of his terrible dandruff*». – «*Bevor ich jedoch antworten konnte, begannen seine Augenbrauen zu zucken, und gleich darauf hob er die Hand und kratzte sich so heftig den Kopf, daß ihm ein kleines WÖLKCHEN SCHNEE auf die Schultern rieselte. Wie sich herausstellte, wurde er in Gion wegen seiner starken Schuppen «Herr Schneegeriesel» genannt*». Метафора «Перхоть – это облако снега» переводится полностью, так как в обоих языках совпадают правила сочетаемости.

2. Замена (35%). Данный прием используется при лексическом или ассоциативном несоответствии между элементами метафоры в языке оригинала и языке перевода.

«*You'd think that with this terrible Depression, customers would have SLOWED TO A TRICKLE, but really, I've never been so busy*». – «*Man sollte meinen, bei dieser schlimmen Wirtschaftskrise würde der KUNDENSTROM ALLMÄHLICH VERSIEGEN, in Wahrheit aber habe ich noch nie soviel zu tun gehabt*». Данный пример представлен метафорой «покупатели – это поток». Переводчик осуществляет лексико-грамматическую замену, преобразуя метафору оригинала «поток клиентов замедлится до ручейка» в метафору «поток клиентов постепенно иссякнет». Вследствие этого происходит определенный сдвиг значения.

«*This humble person has been alive long enough to see two generations of children grow up, and knows how rare it is for ORDINARY BIRDS TO GIVE BIRTH TO A SWAN*». – «*Diese bescheidene Person lebt lange genug, um zwei Generationen von Kindern heranwachsen zu sehen, und weiß, wie selten es ist, daß EIN UNSCHEINBARER VOGEL EINEM SCHWAN DAS LEBEN SCHENKT*». В данном примере мы можем видеть довольно развернутую метафору: «люди – это птицы», которая сопровождается смежной метафорой «талантливые, выдающиеся люди – это лебеди». В данном случае переводчик использует прием грамматической замены, так как при переводе множественное число «невзрачные птицы» меняется на единственное. Кроме того, при переводе метафоры присутствует лексическая замена («to give birth» (родить) заменяется на «das leben schenken» (подарить жизнь).

«*Several years had passed since I'd learned the sad news about my family, and it was amazing to me how completely THE LANDSCAPE OF MY MIND had changed*». – «*Nachricht über meine Familie erhalten hatte, und ich war verblüfft, wie sehr sich MEINE INNERE LANDSCHAFT verändert hatte*». В данном примере присутствует метафора: «разум – это ландшафт». Г. Штеге осуществляет прием замены при передаче метафоры с ИЯ «ландшафт моего разума» в ПЯ «мой внутренний ландшафт». Таким образом в немецком варианте появляется ориентационная метафора: «внутреннее пространство человека – это ландшафт».

«*And the contrast with her friend Korin was like comparing A ROCK ALONG THE ROADSIDE WITH A JEWEL*». – «*Und neben ihrer Freundin Korin sah sie aus wie EIN EDELSTEIN NEBEN EINEM FELSBROCKEN*». Выделим следующую метафору: «человек – это камень». В данном случае при переводе используется как прием замещения (лексическая единица ИЯ «камень на дороге» преобразуется в лексическую единицу ПЯ «валун»), так и прием структурного преобразования. Так, переводчику удастся пе-

редать образность метафоры, а также, благодаря изменению структуры предложения, сохранить классическую структуру метафорического сравнения.

3. Опускание (16%). Данный прием подразумевает исключение семантически избыточных слов при переводе, а также полное опускание метафоры.

«*For there, NESTLED AMID FOLDS OF WHITE LINEN, lay the tiny mortuary tablets that had once stood before the altar in our tipsy house.*» – «*Denn dort lagen, IN WEIßES LEINEN GEHÜLLT, die winzigen Totentäfelchen, die an dem Altar in unserem beschwipsten Haus gestanden hatten.*». В данном примере метафора «белье – это гнездо» опускается при переводе, что можно также обозначить как процесс демегафоризации. Г. Штеге заменяет метафору «гнездится среди складок белого белья» на неметафорическое сочетание «кутаный в белое белье».

«*I didn't have to look directly at Hatsumomo to see the anger BLOOMING on her face.*» – «*Ich brauchte Hatsumomo nicht direkt anzusehen, um den Zorn zu spüren, der sich auf ihrem Gesicht ABZEICHNETE.*». В данном примере метафора «Гнев – это растение» также опускается, переводчик преобразует словосочетание ИЯ «гнев, расцветающий на ее лице» в «гнев показался на ее лице».

Сложно точно определить, почему переводчик принимает решение отказаться от метафоры, тем более, что образность в представленных примерах не вызывает сложности при переносе из одного языка в другой. Однако необходимо отметить, что общая метафоричность текста восполняется за счет приема компенсации.

4. Добавление (4%) или расширение текста подлинника, связанное с необходимостью передачи полноты его содержания, используется не так часто.

«*She was going to use me in the role of A WEED THAT CHOKES OUT OTHER PLANTS IN THE GARDEN.*» – «*Sie wollte mich in die Rolle DES UNKRAUTS DRÄNGEN, DAS WUCHERT, BIS ES DIE ANDEREN PFLANZEN IM GARTEN ERSTICKT.*». При переводе метафоры «человек – это сорняк» Г. Штеге использует прием добавления для уточнения содержания высказывания, из-за чего оно становится более простым для восприятия. Таким образом, в немецком варианте появляется более развернутый оборот: «она хотела использовать меня в роли сорняков, которые разрастаются, пока не задушат другие растения в саду».

«*...for in my ears I heard a sound like A BIRD'S WINGS FLAPPING IN PANIC.*» – «*...denn ich hatte ein Geräusch wie VON DEN FLÜGELN EINES IN PANISCHER ANGST FLATTERNDEN VOGELS in den Ohren.*». В данном примере метафора «биение сердца – это трепыхание птичьих крыльев» переводится с добавлением лексемы «страх», которой нет в оригинале: «я услышала звук похожий на трепыхание птичьих крыльев в паническом страхе».

Добавление при переводе метафор в произведении, возможно, продиктовано общим ритмом изложения, а также необходимостью создать более точные и понятные для немецкого читателя образы.

Таким образом, анализ материала показывает, что в произведении Артура Голдена «Мемуары Гейши» часто используются метафоры сферы-источника «Природа» (40% от общего числа метафор). На наш взгляд, это связано с особенностями картины мира представителей этой восточной культуры, которые традиционно были близки к природе и относились к ней с глубоким уважением. Наиболее распространены зооморфные метафоры (32% от числа метафор со сферой-источником «Природа»). Метафоры живой природы чаще всего используются для описания чувств и мыслительных процессов персонажей, в то время как метафоры неживой природы используются для описания

объектов. Особый интерес представляют развернутые метафоры, использование которых является особенностью индивидуального стиля писателя. Также среди особенностей авторской метафоричности необходимо отметить, что метафоры чаще всего основываются на сравнениях.

Г. Штеге использует различные приемы при переводе метафор сферы-источника «Природа». Наиболее распространенным является полный перевод, который составил 45% от общего количества примеров. Также распространенным приемом является замена (35%). Переводчик использует данный прием для того, чтобы уточнить значение метафоры, но при этом может происходить незначительный сдвиг значения. Менее распространенными являются приемы опущения (16%), добавления (4%). Кроме того, необходимо отметить, что при анализе перевода метафор сферы-источника «Природа», не было найдено примеров использования переводческих приемов «параллельное именование метафорической основы» и «традиционное соответствие». Доминирование полного перевода при передаче концептуальных метафор, на наш взгляд, говорит о том, что метафорические образы произведения поддаются переносу без каких-либо трансформаций и могут без большого труда быть восприняты представителями другой европейской культуры.

Литература

1. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.
2. Боева Е.Д. Способы перевода авторской метафоры в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34), ч. 3. С. 41–44.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–16.
4. Лаврова Н.А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления // ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XXI ВЕК. 2015. № 1–2. С. 294–307.
5. Комиссаров В.Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
6. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English ↔ Russian: учеб. пособие. СПб.: Перспектива : Союз, 2008. 319 с.
7. Кушнина Л.В. Динамика транспонирования метафоры в текст перевода // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2017. Т. 27, вып. 3. С. 473–478.
8. Мухаметова А.И. Функции японоязычных вкраплений в романах А. Голдена «Мемуары гейши» и М. Ивасаки «Гейша из района Гион» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2018. № 2. С. 69–73.
9. Рассадина Е.Е. Визуализация образа гейши в романе «Мемуары гейши» А. Голдена // Ярославский педагогический вестник. 2011. №3.

Список источников примеров

- 1* Golden A. “Memoirs of a Geisha”. URL: https://bookscafe.net/read/golden_arthur-memoirs_of_a_geisha-215709.html#p4 (дата обращения: 10.12.2020)
- 2* Golden A. Die Geisha. München: C. Bertelsmann Verlag GmbH, 1998. 572 S.

CONCEPT METAPHOR IN THE NOVEL “MEMOIRS OF A GEISHA” BY A. GOLDEN AND ITS TRANSLATION INTO GERMAN

Sophia S. Chistova
Nizhnij Tagil State Socio-pedagogical Institute,
branch of Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg)

Abstract. The article deals with the study of concept metaphors in the book by A. Golden «Memoirs of a Geisha» and its translation into German. This novel is a unique literary work, it introduces to the reader the culture, traditions and the way of life in the Japan of the first part of the 20th century. Using the method of analyzing metaphors united by the source domain and the method of analyzing metaphors in the discourse of the communication addresser we were able to identify and further classify by frames and slots 85 conceptual metaphors of the subsphere «Nature». Then we described the methods of their translation into German, according to the classification developed by T. A. Kazakova. The results of the classifications are presented by means of quantitative analysis. It allowed to determine the dominant metaphoric images of the novel which take part in creating the fictional worldview of the author and to study the peculiarities of their translation into German.

Key words: Concept metaphor, a source domain, a target domain, cognitive linguistics, “Memoirs of a Geisha” A. Golden, literary translation, method of translation.

Чистова Софья Сергеевна,
доцент,
Нижегородский государственный
социально-педагогический институт,
филиал Российского государственного
профессионально-педагогического
университета (г. Екатеринбург);
тел.: +7 (922) 158 9119
e-mail: loir@mail.ru

Sophia S. Chistova
Associate professor
Nizhnij Tagil State Socio-pedagogical
Institute, branch of Russian State Vocational
Pedagogical University (Yekaterinburg)
mobile: +7 (922) 158 9119
e-mail: loir@mail.ru

УДК: 811

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА РОМАНА NICCOLO AMMANITI «IO NON HO PAURA»)

Чуканина Д. Б.
Самаркандский государственный
институт иностранных языков

Аннотация. В статье анализируются особенности передачи информации культурологического характера на примере романа итальянского писателя Niccolo Ammaniti “Io non ho paura”. В рассматриваемом фрагменте представлена культура Италии, а именно ее южных регионов, через персонажей, предметы, описания пейзажа, образ жизни местных жителей и их языковых особенностей. Для того чтобы показать масштабность пространства в тексте, автор использует сравнение. Пшеница – это один из основных компонентов, наделенный символическим смыслом – благо, но также может иметь опасность, которую автор показывает в тексте. При помощи диалогов писатель раскрывает образы персонажей и поясняет

особенности культуры Италии. Описание архитектуры и постройки домов определяют стиль и создают образ Италии того времени. Частое упоминание святых характеризуют жителей южной части Италии как религиозных людей. Внешний облик персонажей характеризует национальную и региональную принадлежность.

Ключевые слова: культура, характеристика, персонаж, национальный язык, когнитивная лингвистика, познание, информация, текст

Как мы познаем этот мир и какую роль в этом играет язык? Язык не только помогает нам общаться с внешним миром, но также служит ключом к процессам познания. Когнитивная лингвистика занимается изучением особенностей взаимодействия языка и процессов познания. Объектом когнитивной науки является когниция, т.е. познавательная деятельность человека. Данная наука помогает изучить процессы получения информации мозгом ее восприятие и хранение. Ключевыми задачами когнитивной науки являются вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как представлено оно в человеческом сознании, как человек в последствие хранит полученную информацию и как ее использует [1, с.15]. Многие исследователи, работающие в этой сфере, изучают не сам текст, а то, как обрабатывается информация сознанием человека. Когнитивная лингвистика тесно связана с мыслительным процессом. Как следствие, данная отрасль лингвистика связана с физиологией, психологией и философией. Основными терминами когнитивной лингвистики являются: знания, разум, ментальность, познание, национальное культурное пространство, элементы культуры и т.д. В данной статье мы намерены продемонстрировать возможности когнитивного подхода при изучении культурного наследия. Национальное культурное пространство – эмоциональное и информационное поле – может быть как виртуальным, так и реальным пространством, в котором человек может существовать и которое становится осознаваемым при появлении другой культуры.

Базовые концепты культуры, которые сформировались еще в глубокой древности, прослеживаются через взгляды писателей и мыслителей до наших дней. Они выступают как компоненты наших знаний об окружающем мире, где предметом изучения является психология, лингвокультурология, философия и другие науки [2, с.25].

В последнее время когнитивная лингвистика стала обращаться не только к вопросам взаимосвязи языка и мышления, но и к особенностям невербальной коммуникации. Ведь значительную информацию коммуниканты передают друг другу посредством жестов, взглядов, мимики и т.д. Все это играет немаловажную роль в передаче и восприятии информации [3, с.30]

Когнитивная лингвистика также является перспективным направлением в литературоведении. Она помогает при анализе художественных произведений, в частности культурологических особенностей различных текстов, а также при сопоставлении элементов разных культур [4, с.314].

Культура определяется, прежде всего, набором знаний, приобретенных в процессе учебы, чтения, опыта и окружающей среды. Она становится составным элементом личности, помогая обогатить дух, развить и улучшить индивидуальные способности человека и особенно умение судить. При этом, толкования термина «культура» разнятся, в зависимости от точки зрения и сферы применения. Всякая социально-историческая формация образует собственное культурное пространство, которое, как следствие, носит ярко выраженный этно-специфичный характер. Специфика национальной культуры находит свое отражение в национальном языке, который может быть представлен уст-

ной речью и письменным текстом. По мнению Ю. Лотмана, «всякая культура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык», т.е. она обладает собственной семиотической системой, при помощи которой фиксирует, хранит и транслирует отраженное восприятие бытия [5, с.54]. Наиболее информативным средством фиксации и передачи культурологического содержания является национальный язык.

Языковые средства играют важную роль в процессе передачи информации культурологического характера. В этом можно убедиться на примере романа итальянского писателя Niccolo Ammaniti “Io non ho paura”. Niccolo Ammaniti итальянский автор – наш современник, обладатель премии “Strega” в 2007 г. Литературное творчество писателя характеризуется тематикой его рассказов: эмоционально сильной, откровенной, связанной с традициями и культурой местной жизни. Никколо Амманити так высказывается об идее написания рассказа: «Я не боюсь, что родился во время поездки в Южную Италию, по дороге в Апулию, в июне, когда урожай высок. Я прошел по бесконечной дороге, усаженной пшеничными холмами. Я остановился посмотреть и понял, что хочу это описать. Идея понравилась. Пшеница используется для добрых дел, но под ней полно плохих вещей, которые вас жалят, кусают, могут навредить». Из этой короткой цитаты мы понимаем, что в пейзаже, описанном в романе «Я не боюсь», уже присутствует тема зла, существенная для понимания произведения в целом. В 2003 году режиссер Габриэле Сальваторес снял по данному роману фильм, сценарий написал сам Амманити [6, с.96]. В произведениях Никколо Амманити очень часто главными героями представлены подростки 11-14 лет. Одной из основных тем автора являются отношения родителей и детей. В своих интервью Никколо Амманити подчеркивает, что в своих рассказах он видит себя и свое детство. Очень часто автор в произведениях использует пейзажи южной Италии и показывает обыденную жизнь итальянцев. Таким образом, автор знакомит читателя с культурными особенностями своей страны.

В данной статье мы рассматриваем фрагмент из его книги “Io non ho paura”, обращая внимание на то, как автор передает культуру Италии, а именно ее южного региона, через персонажи, предметы, описания, образ жизни местных жителей и их языковые особенности. Роман Io non ho paura (Я не боюсь), опубликованный в 2001 году, имеет реалистичный сюжет, который может быть охарактеризован как триллер, где главный герой – молодой человек – проживает ряд событий, которые переносят его от невинности детства к осознанию взрослости. События романа разворачиваются в Пульии, в 1978 году, жарким летом, которое вспоминают как одно из самых жарких за последние десятилетия. Главному герою, Микеле Амитрано, девять лет, он живет в чрезвычайно изолированной и голой деревне, где нет даже главной площади. Местность называется Аква Траверс, деревушка Лучиньяно (оба места, которых на самом деле не существует, но которые являются типичными для многих маленьких городков на юге Италии). Микеле оказывается в компании друзей, с которыми он играет при полной свободе, вдали от контроля взрослых. Фактически жизнь Микеле, такая же, как и у любого другого ребенка на юге Италии, который вырос в маленьком городке в пустынной местности, проводит долгие солнечные летние дни, в более или менее невинных играх с друзьями, в то время как взрослые беспокоятся о том, как свести концы с концами. Детство Микеле, таким образом, не является золотым детством богатого городского мальчика: он находится в контакте с обширными бесплодными пространствами апулийской сельской местности, он свободно уходит из-под присмотра родителей и вскоре, благодаря этой свободе, обнаруживает, что должен сам различать, что правильно, а что нет. Таким образом, повествование Амманити начинается с персонажа, наделенного собственным

характером, который уже ясно представляет, каковы его приоритеты и какое место он занимает в мире. Эту решительность, наивное, но сознательное чувство справедливости Микеле демонстрирует, когда помогает товарищу по играм в затруднительном положении, хотя и не догадывается, что это же решение приведет к цепочке событий, которые даже могут серьезно затруднить ситуацию. Микеле верит в своего отца, который мало что видит из-за работы, которая заставляет его разъезжать на своем грузовике по Италии; он также доверяет своему лучшему другу Сальваторе, потому что уверен, что товарищ по играм не может предать. Сознание Микеле полностью преображается в ходе романа, при этом эмоциональный мир мальчика в конечном счете защитил тот, кто сам того не осознавая, является причиной переворота в жизни Микеле. Таким образом, история, которую переживает Микеле, это история перехода из детства во взрослую жизнь, переход, к которому мальчик оказывается готов, но который, тем не менее, может быть весьма травматичным, а цена зрелости – суровая отрешенность от привязанностей и семейной повседневной жизни, отстраненность, которую никак нельзя восполнить.

Данное произведение является одним из знаковых из рассказов писателя, т.к. детально представляет жизнь людей и культурные ценности южной Италии того времени. В тексте повествуется о заброшенной деревне, расположенной среди полей пшеницы. Описание пейзажа помогает нам понять одну из культурных особенностей южной Италии. Для того чтобы показать масштабность пшеничных полей, автор сравнивает их с волнами золотистого океана, ср.: *Ogni cosa era coperta di grano. Le colline, basse, si susseguivano come onde di un oceano dorato. Fino in fondo all'orizzonte grano, cielo, grilli, sole e caldo.* Также писатель сравнивает пшеницу с мехом, таким образом, создавая образ объема и мягкости, ср.: *Il grano lo copriva come una pelliccia. Non c'era un albero, una punta, un'imperfezione che ne rovinava il profilo. Il cielo intorno era liquido e sporco. Le altre colline sembravano nani in confronto a quella cupola enorme* [1*, с.45].

В данном произведении пшеница представлена как один из компонентов культуры южной Италии. Вместе с тем она наделяется глубоким символическим смыслом – помимо несомненного блага, она может таить в себе некоторую опасность, что и раскрыто в тексте произведения. Особенности погоды и климатических явлений, которые описывает автор в тексте, характерны для южной Италии. При сравнении всей Италии, можно отметить, что только на юге Италии зимой может идти дождь, заполняя все каналы и мелкие реки водоемы водой, ср.: *Il torrente era secco, tranne d'inverno, quando pioveva forte. Si snodava tra i campi gialli come una lunga biscia albina. Un letto di sassi bianchi e appuntiti, di rocce incandescenti e ciuffi d'erba...*

Посредством диалога между персонажами можно не только раскрыть образы персонажей, но и проследить особенности культуры, ср.:

– *‘E vero. Ve lo guiro sul cuore della Madonna. Vivo. Competamento vivo.*

– *Sei o non sei il fratello maggiore? E non c'erano santi, mi toccava portarmela von me.*

– *«Gesù diceva alzatje cammina a Lazzaro. Ma Lazzaro no si alzava. Alzati e cammina, ripeteva Gesù. Lazzaro non ne voleva proprio sapere resuscitare. Gesù che assomigliava a Severino, quello che guidava l'autocisterna dell'acqua, si arrabbiava. Era una figuraccia...»* [1*, с.50].

Отличительной особенностью данных фраз является упоминание святых, что характеризует жителей южной части Италии как людей религиозных. Чтобы подчеркнуть тему религии автора упоминает в тексте Иисуса, Лазаря и св. Деву.

Автор использует в тексте фразеологизмы, присущие культуре итальянского народа, ср.: *Non lo sapevo. Ma sapevo che c'è sempre uno che si becca tutta la sfortuna. In quei giorni era Barbara Mura, la cicciona, era lei l'agnello che toglie i peccati.* [1*, с.48].

Культура языка тесно связана с мимикой и жестами, которые характерны для представителей того или иного народа. Даже не зная языка, можно многое понять по жестам человека. В этом плане итальянцы, регулярно прибегающие к жестикуляции, могут заменить вербальное общение невербальным. Персонажи романа часто используют жестикуляцию, что отмечает автор, ср.: *Si `e baciata gli undici*.

Архитектура и жилые постройки 1980-х гг. определяют стиль и создают образ Италии того времени. Дома из цемента, построенные в два ряда, в форме куба с округлыми окнами и астрагалом из стали на крыше дома, олицетворяют южную Италию, ср.: *A meta` degli anni Ottanta un geometra ha costruito due lunghe schiere di Villette di cemento armato. Due cubi con le finestre circolari, le ringhiere azzurre e I tondini d'acciaio che spuntano dal tetto* [1*, с.41].

Также в диалоге автор использует элемент культуры Италии, который характерен только данному региону. Персонажи обсуждают не просто «лодку», они говорят именно о «гондоле», которая используется только в Венеции, ср.: -

- *Una barca! – ho detto.*

- *Non `e una barca, `e una gondola, – mi ha spiegato papa`.*

- *Che `e una gondola?*

- *Le gondole sono le barche veneziane. E si adopera un remo solo* [1*, с.45].

Еще одна деталь, которая определяет культурологическую характеристику языка, это кулинария. В тексте автор описывает ситуацию за столом во время обеда, ср.: *Papa` era seduto al tavolo e aveva un bottiglia del vino rosso. Mamma cucinava, di spalle. C'era odore di cipolle e salsa di pomodoro*. «- *Dai! Che c`hai la ricotta al posto dei muscoli?*

Италия имеет двадцать регионов и делится на три основные части: северная, центральная и южная. В каждой части Италии существуют свои культурные ценности, свой диалект и своеобразное мировоззрение. Географическое положение, климатические особенности регионов и история завоеваний той или иной части Италии очень сильно влияют на ее культурные ценности, которые включают в себя культуры поведения, традиции и отношение в семье. Благодаря характеристикам внешности персонажей можно сделать выводы о национальной или региональной принадлежности, возрасте и проч. [7]. В тексте автор описывает маму главного героя как красивую, черноволосую и черноглазую женщину, сравнивая ее внешность с арабской. Такая внешность характерна для жителей южной Италии, ср.: *Era ancora bella. Aveva lunghi capelli neri che le arrivavano a meta` schiena e li teneva sciolti. Aveva due occhi scuri e grandi come mandorle una bocca larga, denti forti e bianchi e un mento a punta. Sembrava araba. Era alta, Formosa, aveva il petto grande, la vita stretta e un sedere che faceva venire voglia di toccarglielo e I fianchi larghi* [1*, с.85].

В данном произведении одной из главных тем является отношение родителей и детей-подростков. Пубертатный период ребенка является самым сложным, это время его становления и формирования восприятие окружающего мира. Нередко все это сопровождается конфликтами. Неповиновение детей приводит к тому, что родители наказывают ребенка разными способами. Каждая культура имеет свои отличительные особенности воспитания детей. То, что приветствуется на Западе, может категорически отвергаться на Востоке. В тексте автор раскрывает конфликт в диалоге между родителями и Микеле, где главный герой не слушается родителей и отец грозится отправить его в монастырь жить с монахами. Данное наказание характерно только для южной Италии, ср.:

- *Che ho detto?*

- *Ha detto che se continui cosi, il prossimo anno ti porta dai frati.*

Appena facevo una cosa sbagliata papa` mi voleva mandare dai frati [1*, с.82].

Таким образом, мы убеждаемся, что языковые средства играют важную роль в процессе передачи информации культурологического характера. В данном произведении автор раскрывает культурологическую характеристику текста преимущественно при помощи повествовательных периодов и диалогов. Писатель воссоздает южную Италию, ее культуру и ее обычаи через представленных персонажей, их внешность и манеру поведения.

Литература

1. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. 302 с.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2004. 266 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: (курс лекций по англ. филологии): Учеб. пособие. – 3. изд., стер. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 122 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – Москва : АСТ : Восток – Запад, 2009. 314 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. 703 с.
6. Mantovano F. L'italiano dell'atre. Guerra, 1996. 128 p.
7. Silvestrini M., Novembri G., Ceccanibbi A.M., Paradisi R. Benvenuti in Italia. Viaggio nella storia, geografia, cultura e vita italiana. Guerra Edizioni, 2005. 144 p.

Список источников примеров

- 1* Ammaniti N. Io non ho paura. Einaudi, 2001. 104 p.

Список словарей

- 1** Итальянско-русский и русско-итальянский словарь = Dizionario italiano-russo russo-italiano / В.Ф. Ковалев. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык Медиа, 2007. 1077 с.

CULTURAL CHARACTERISTIC OF NARRATIVE TEXT (ON THE EXAMPLE OF A FRAGMENT FROM NOVEL BY NICCOLO AMMANITI “IO NON HO PAURA”)

Diana B. Chukanina
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Annotation. Language means play an important role in the process of transmitting cultural information. This can be seen in the example of the novel by the Italian writer Niccolo Ammaniti “Io non ho paura”. This fragment presents the culture of Italy, namely this of its southern regions, through characters, objects, descriptions of the landscape, the way of life of local residents and their linguistic characteristics. This novel, which is set in the summer of 1978, is one of the most important among the list of short stories of the writer, because it presents in detail the life of people and cultural values of southern Italy at that time. The text tells about an abandoned village located among wheat fields. Wheat, in this work is presented as one of the cultural objects of southern Italy. At the same time, this cereal is endowed with a deep symbolic meaning – in addition to the undoubted good, it can conceal some danger, which is revealed in the text of the work.

Key words: culture, characterization, character, national language, cognitive linguistics, cognition, information, text

Чуканина Диана Бахроновна
преподаватель кафедры
итальянского и испанского языка
Самаркандского государственного
института иностранных языков
тел.: +7 (897) 105 6067
e-mail: shadieva.diana@mail.ru

Diana B. Chukanina
Teacher of the Chair of Italian
and Spanish Languages of
Samarkand State Institute of Foreign
Languages
mobile: +7 (897) 105 6067
e-mail: shadieva.diana@mail.ru

УДК 81:378.184:316

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КЛУБ КАК ФОКУС КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Шумакова А.П.
Ивановский государственный энергетический университет
имени В.И. Ленина

Аннотация. В данной статье рассматривается опыт деятельности студенческого лингвистического клуба по французскому языку. Необходимость обращения к проблеме создания студенческого лингвистического объединения обусловлена новой целью обучения иностранным языкам – формированием языковой личности, способной осуществлять иноязычную коммуникацию в кросскультурном контексте. В статье анализируются наиболее эффективные формы и методы овладения языком в рамках диалога культур в реалиях технического вуза.

Ключевые слова: Студенческий лингвистический клуб, кросскультурная коммуникация, внеаудиторная работа со студентами, проекты, общекультурные компетенции, межкультурный диалог

Клуб как объединение творческой молодежи известен нам со времен СССР, когда увлеченные ребята встречались после учебы для занятий спортом, моделированием, коллекционированием и т.п. Сегодня, как отмечает И.С. Фатов, студенческие клубы становятся в один ряд с другими формами студенческого самоуправления и являются наряду с ними институтом социализации студенческой молодежи [1, с.5]

Студенческие клубы могут быть не только и не столько объединениями, которые сближают талантливую молодежь, мыслящую в одном направлении, но и территориями формирования универсальных общекультурных компетенций – потенциала умения учиться и необходимых для эффективного взаимодействия социальных навыков, без которых человек не может быть по-настоящему компетентным.

Задачей лингвистического клуба традиционно является практическое овладение иностранным языком, а именно, формирование и совершенствование навыков практического использования основных языковых форм в конкретных ситуациях и условиях общения. Роль студенческого лингвистического клуба в техническом вузе возрастает в связи с нацеленностью одновременно на освоение профессиональных и общекультурных компетенций. В ходе общения в клубе студенты не только активизируют свои речевые компетенции, но и включаются в кросскультурную коммуникацию, под которой мы понимаем межкультурное взаимодействие русских и иностранных студентов. Необходимо отметить тот факт, что в процессе этого межкультурного общения рождается «диалог культур, выводящий его участников на уровень толерантного отношения друг к другу» [2, с.141].

Прикладная ориентация языка в техническом вузе осознается как получение навыков, необходимых в профессиональной деятельности будущих инженеров, экономистов и программистов. Взаимодействие между культурами в рамках международного предприятия, проекта или переговоров для их эффективного воплощения требуют развития межкультурных коммуникативных компетенций. Кроме таких компонентов, как лингвистический, социолингвистический, дискурсивный, коммуникативная компетенция включает в себя социокультурный компонент, то есть знания о культуре носителей языка, норм поведения и этикета, привычек и традиций. Все это не могло реализоваться в тесных рамках требований рабочей программы дисциплины.

Идея создать лингвистический клуб давно витала в стенах Ивановского государственного энергетического университета (далее ИГЭУ). В 2008 году инициативные студенты выступили с предложением создать дискуссионный клуб, где русские студенты, изучающие французский язык, имели бы возможность общения на языке с франкоговорящими студентами. Эта идея созрела одновременно как в умах студентов, так и преподавателей. Студенты осознали необходимость овладения французским языком в процессе живого общения. Преподаватели увидели перспективу посвятить больше времени одному из любимых аспектов языка, что называется «оседлать свой кон ек», не ограничиваясь временем, заявленным в учебном расписании. Воплощению этой идеи способствовала и международная атмосфера, царящая в институте. Впоследствии дискуссионный клуб стал отправной точкой в создании Клуба любителей французского языка (далее Клуб). Был разработан логотип Клуба и Положение о его деятельности.

В Положении отмечается, что Клуб любителей французского языка является добровольным объединением студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников ИГЭУ, основанным на общности интереса к французскому языку и культуре франкоговорящих стран, направленного на развитие навыков общения на французском языке. Особо отмечается роль Клуба как территории для общения и формирования у студентов потребности в активном использовании французского языка.

Цели объединения закреплены следующим образом:

1. Вовлечение студентов ИГЭУ в межкультурный диалог посредством общения на французском языке с франкоговорящими студентами, аспирантами и гостями ИГЭУ.

2. Создание и улучшение условий, направленных на включение студентов университета в активную общественную деятельность, формирование актива студентов и аспирантов, способных представлять ИГЭУ на олимпиадах и конкурсах по французскому языку.

3. Информирование студентов, аспирантов и преподавателей о стипендиях, грантах и стажировках, организованных посольством Франции и других франкоговорящих стран.

4. Раскрытие творческого потенциала и повышение языковой компетенции студентов ИГЭУ.

5. Знакомство с культурным наследием России и франкоговорящих стран.

6. Совершенствование у студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников университета навыков общения на французском языке с целью их подготовки к академической мобильности, для возможности получения дополнительного образования в высших учебных заведениях Франции, являющихся партнерами ИГЭУ.

Важной внешней предпосылкой развития внеаудиторной активности студентов в области французского языка послужили два фактора: 1) долгосрочные отношения с

французскими вузами в области теплоэнергетики, энергосбережения, механики и микротехники; 2) вступление ИГЭУ в ряды вузов-партнеров Посольства Франции в РФ. Оба этих фактора стали причиной открытия Российско-французского ресурсного центра (далее РФЦ) при ИГЭУ в 2005 году. Благодаря РФЦ с 2009 года студенты нашего вуза получили возможность ежегодного общения с французскими волонтерами – специалистами в области французского языка и литературы, представителями ассоциаций российско-французской дружбы. Формы взаимодействия с волонтерами отличались разнообразием – круглые столы, экскурсии, театральные постановки, которые позволили студентам не только применить на практике полученные знания, но и овладеть разными стилями речи, обратить внимание на региональные отличия во французском языке, освоить невербальные языковые средства, отточить актерское мастерство.

Прочной и долговременной формой взаимодействия между русскими и иностранными студентами является обмен в рамках договора о двойных дипломах между ИГЭУ и ENSMM (Высшей национальной школой механики и микротехники (Безансон, Франция)). Традицией стали предновогодние встречи наших студентов, обучающихся в ENSMM, с заинтересованными ребятами. Из этих встреч наши студенты узнают о трудностях адаптации за рубежом, оформлении документов в вузах и административных органах, студенческой жизни во Франции, тонкостях французской системы образования. Открытый диалог, освещающий академическую мобильность «изнутри», позволяет снять необоснованные тревоги и ожидания, осознать доступность международных академических программ, заручиться поддержкой студентов-выпускников, работающих во Франции. Высокую эффективность в освоении языка и культуры доказал метод тьюторства, когда за французским студентом, приехавшим на обучение или стажировку в ИГЭУ, закрепляются два-три русских студента, говорящих по-французски. Такая форма неформального взаимодействия помогает упростить адаптацию иностранцев, а нашим студентам быстро и эффективно освоить бытовую, административную, экономическую лексику.

В условиях интенсификации международного сотрудничества ИГЭУ постоянно наращивает количество иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья, привлекаемых в наш вуз доступностью и высоким качеством образования. Стабильно высоким является процент иностранных студентов-выходцев из стран Африки. Франкофоны из Конго, Кот-д'Ивуара, Чада, Камеруна много лет помогают русским студентам снимать языковой барьер, принимая активное участие в мероприятиях Клуба любителей французского языка. Наибольший интерес у российских и франкоговорящих студентов вызывают мероприятия и проекты, позволяющие сопоставить языковые, культурные, технические доминанты России и стран африканского континента.

Клуб стал многофункциональной площадкой для реализации проектов гуманитарного, просветительского, волонтерского, лингвистического характера. Применение деятельностного подхода в изучении французского языка позволяет не только решить обучающие задачи, но и сформировать у студентов качества, которые помогут им плавно адаптироваться к жизни в поликультурном мире, в условиях интеграции и глобализации.

Проекты, реализуемые Клубом, должны отвечать следующим требованиям: наличие значимой в исследовательском плане проблемы или задачи, требующей определенного знания, исследовательского поиска для ее решения; практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов; самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся [3, с.345]. Для иллюстрации рассмотрим проект «Образовательный марафон к 120-летию со дня рождения Антуана де Сент-Экзюпери», реализованный Клубом в начале 2020 года. Мероприятия проекта

проводились с февраля по март 2020 года и охватывали три площадки – гимназию № 23 с углубленным изучением иностранных языков (г. Иваново), библиотеку ИГЭУ и РФЦ ИГЭУ.

На первом, организационном, этапе (декабрь 2019 года) из числа участников клуба была создана инициативная группа, в которую вошли 6 студентов старших курсов и магистрантов. На этом этапе был разработан календарный план проекта, определены цели и желаемые результаты, распределены обязанности с учетом интересов, умений и опыта студентов: руководитель проекта, модератор дискуссии, ведущий, ответственные за программное обеспечение и работу со СМИ. Была составлена и подана заявка на внутривузовский конкурс проектов и в конце месяца объявлены итоги, согласно которым Клуб получил денежный грант, позволивший заказать баннер с символикой Марафона и закупить сувенирную продукцию для участников и победителей конкурсов.

На втором этапе, этапе реализации проекта, было проведено три мероприятия. Первое – конкурс рисунков к 120-летию со дня рождения Антуана де Сент-Экзюпери среди учеников младшего и среднего звена в рамках договора о сотрудничестве между ИГЭУ и гимназией № 23 г. Иваново. Выпускник гимназии, студент инженерно-физического факультета ИГЭУ и член Клуба любителей французского языка вошел в жюри конкурса. Второе мероприятие – встреча-дискуссия «Встал сам – убери свою планету», посвященная решению экологических проблем в разных странах мира, – прошло на базе РФЦ ИГЭУ и объединило студентов из 6 стран. Активную поддержку в организации встречи оказал Клуб любителей русского языка «Филорусь» ИГЭУ. Третьим, завершающим мероприятием марафона стала литературная встреча и викторина, организованная совместно с библиотекой ИГЭУ на тему «Ты живешь в своих поступках...» о жизни и творчестве известного писателя и гуманиста Антуана де Сент-Экзюпери.

На третьем этапе проекта были подведены итоги Образовательного марафона и подготовлена отчетная документация по проекту.

Резюмируя итоги проектной деятельности Клуба любителей французского языка ИГЭУ, нужно обратить внимание на то, какие умения и навыки сформировались у будущих специалистов-участников Клуба в процессе его реализации. К ним можно отнести:

1. Организационные навыки:

- умение проектировать свою деятельность;
- умение планировать время, ресурсы;
- умение принимать решения и прогнозировать их последствия;
- навыки анализа собственной деятельности, ее хода, промежуточных и итоговых результатов.

2. Информационные:

- навыки работы на компьютере с различными программами, работы с переводными онлайн словарями;
- использование возможностей Интернета для поиска значимой информации;
- участие в презентациях.

3. Коммуникативные:

- умение инициировать эффективное взаимодействие с преподавателем и другими студентами;
- умение вести дискуссию;
- умение аргументировать и отстаивать свою точку зрения;
- умение находить компромисс;
- навыки диалогического общения.

4. Исследовательские:

- умение самостоятельно генерировать идеи, искать способ действия, привлекая знания из различных разделов науки о языке, других областей знаний (экологии, литературы и пр.);
- умение запросить недостающую информацию у преподавателя или других сотрудников вуза;
- умение выдвигать гипотезы.

5. Умение работать в сотрудничестве;

- коллективное планирование работы над проектом;
- взаимодействие с заинтересованными лицами в ходе реализации проекта;
- взаимопомощь в группе при решении общих задач;
- навыки делового общения.

6. Презентационные:

- навыки монологической речи;
- умение уверенно держать себя во время выступления;
- умение использовать различные средства наглядности при презентации проекта;
- умение отбирать видеоряд для оформления проекта;
- умение отвечать на вопросы.

7. Рефлексивные:

- умение осмыслить цель деятельности и задачи, для решения которых недостаточно имеющихся знаний и умений;
- умение определять, чему нужно научиться для решения поставленных задач;
- навыки восприятия внешней оценки (оценка качества и эффективности проекта преподавателем-куратором, другими преподавателями и студентами во время презентации проекта);
- навыки самооценивания;
- умение находить и исправлять ошибки в работе других студентов-участников проекта. [4, с.137]

8. Воспитательные навыки (работа со школьниками):

- изучение потребностей и интересов детей;
- формирование духовных и нравственных ценностей;
- развитие познавательного интереса у школьников, инициирование поиска информации по теме.

Навыки воспитательной работы, полученные во время организации и проведения конкурса рисунков в школе, осознание ответственности за результат своей деятельности, включение в формирование гуманистических ценностей подрастающего поколения помогли студентам почувствовать значимость выполняемой ими социальной практики.

Осень 2020 года ознаменовалась четырьмя акциями Клуба любителей французского языка.

В рамках проекта «Год Бунина в ИГЭУ», посвященного 150-летию со дня рождения великого русского писателя И.А. Бунина, который значительную часть жизни провел в эмиграции во Франции, студенты-первокурсники подготовили чтение стихов Бунина на русском и французском языке и приняли участие в викторине, касающейся малоизвестных фактов жизни писателя. Знакомство с литературными явлениями, изучение прозы и стихов на французском языке, сравнение переводов позволило выйти далеко за рамки изучаемых дисциплин, значительно обогатило культурный тезаурус членов Клуба. Студенты технического вуза прикоснулись к проблеме художественного перевода, который

представляет собой опосредованный акт межкультурной коммуникации, перекодировку текста, его интерпретацию с точки зрения категорий принимающего (французского) языка и культуры.

Традицией становится ежегодное празднование в Клубе Дня преподавателя французского языка, отмечаемое во всем мире в конце ноября. Студенты подготовили рассказы о своих учителях и преподавателях французского языка. Выпускники ИГЭУ и студенты, находящиеся на практике, прислали поздравления в стихах и прозе в форме видеосюжетов. Старшекурсники выступили с презентациями об интересных и малоизвестных фактах французского языка. Встреча прошла в теплой, дружественной обстановке.

Первокурсники-участники Клуба организовали приглашение на заседание африканского студента из Кот-д'Ивуара, который подготовил презентацию о своей родине на французском языке. Знакомство было двухсторонним: студенты смогли задать вопросы и ответить на них. Коммуникация на французском языке прошла успешно ввиду небольшого количества участников (5 студентов), предварительно подготовленных самопрезентаций и вопросов к собеседнику, отсутствию системы оценивания. Такие встречи, помимо прочего, воспитывают в студентах понимание культурного многообразия мира и уважение к иным обычаям.

Финальным аккордом 2020 года стало проведение на базе Российско-французского центра ИГЭУ театрализованного вечера «Рождество по-французски», где участники Клуба смогли перевоплотиться в главных персонажей этого католического праздника – Пэра Ноэля и Пэра Фуэттара, – и испытать зрителей на знание французской рождественской терминологии, песен и обычаев.

Подобные мероприятия способствуют укреплению внутриклубных связей, созданию собственных ритуалов и традиций, сплочению команды Клуба. Они активизируют желание общаться вне рамок учебных занятий, вдохновляют на новые идеи и проекты, привлекают новых участников Клуба из числа зрителей.

Организаторы клуба видят цель в поддержании любых видов неформального общения на французском языке, реализации эффективного кросскультурного взаимодействия, преодолении культурных различий, воспитании толерантности к другим народам и культурам, уважении прав и свобод личности. Практика кросскультурной коммуникации на базе лингвистического клуба доказала свою эффективность в практическом овладении иностранным языком в условиях технического вуза.

Литература

1. Фатов И.С. Студенческие клубы как форма студенческой самоорганизации (организационные и правовые основы деятельности). М.: Интернет-издательство «ПРОНДО», 2013. 68с.
2. Стрельчук Е.Н. Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.208 с.
3. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. 2001. № 1.
4. Токарева Г.В. Расширение коммуникативных зон сотрудничества как эффективная технология изучения русского языка в полиэтнических группах технического вуза // Язык & культура: межкультурная антропология: мат. межд. научн. конф. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. Фед. ун-та, 2017.192 с.

STUDENTS LINGUISTIC CLUB AS A FOCUS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN A TECHNICAL UNIVERSITY

Alla P. Shumakova
Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin

Abstract. This article discusses the experience of the student linguistic club in the French language. The need to address the problem of creating a student linguistic association is due to the new goal of teaching foreign languages – the formation of a language personality capable of carrying out foreign language communication in a cross-cultural context. The article analyzes the most effective forms and methods of language acquisition within the framework of the dialogue of cultures in the realities of a technical university.

Key words: the students' linguistic club, cross-cultural communication, extracurricular work with students, projects, general-cultural competence, intercultural dialogue.

Шумакова Алла Петровна,
Кандидат филологических наук,
доцент
Ивановский государственный
энергетический университет имени
В.И.Ленина, кафедра русского и
иностранных языков
тел.: (4932) 26-98-84
e-mail: chumakova_alla@mail.ru

Alla P. Shumakova
Candidate of Philology, Associate
Professor
Ivanovo State Power Engineering
University named after V.I. Lenin
Russian and Foreign Languages
Department
mobile: (4932) 26-98-84
e-mail: chumakova_alla@mail.ru

УДК 40

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Юсупова М.С.
Самаркандский государственный
институт иностранных языков

Аннотация. Когнитивный сценарий, или скрипт, является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. В отличие от статического концепта, сценарий носит динамический характер и традиционно отражает стереотипные обыденные процессы.

Реализация когнитивного сценария в пространстве художественного текста имеет свои особенности. С одной стороны, автору необходимо соблюсти последовательность реализации этапов когнитивного сценария, с другой стороны, сценарий, как и всякий элемент литературного произведения, должен быть подчинен задаче реализации художественного замысла.

В статье проводится анализ особенностей реализации когнитивного сценария званого ужина в пространстве художественного текста – отрывка из произведения франко-руандийского писателя Gaël Faue под названием «Petit Pays».

Временное пространство, в пределах которого реализуется когнитивный сценарий, подчинено художественному замыслу – оно сжимается или расширяется в зависимости от художественных задач, которые стоят перед автором. Вместе с тем, автор соблюдает последователь-

ность представления этапов реализации когнитивного сценария, ибо в противном случае это может привести к ошибке при идентификации сценария или диссонансу при его осмыслении.

Особенностью рассматриваемого когнитивного сценария является тот факт, что в данном случае сталкиваются европейская континентальная и африканская колониальная культура. Конфронтация культур отражается в элементах одежды персонажей, окружающей обстановке, блюдах. Это приводит к определенному диссонансу со стереотипами восприятия читателя. Следовательно, интерпретация когнитивного сценария также подразумевает обращение к его культурологической составляющей.

Ключевые слова: когнитивный сценарий, скрипт, художественный текст, поэтичность, последовательность, пространственно-временные параметры, национальный характер, культура

«Когнитивная лингвистика – активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки» [1, с.3]. Это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент, система знаков, играющих роль в репрезентации [кодировании] и в трансформировании информации [1**, с.53]. Важным понятием когнитивной лингвистики является *когниция*, которая охватывает знание и мышление в их языковом воплощении [2, с.4].

Различные типы или форматы знания Н.Н. Болдырев условно делит на две большие группы: концептуально-простые и концептуально-сложные. К первой группе относятся элементарные по своей структуре концепты: конкретно-чувственный образ, схема, представление, понятие, прототип. Вторая группа охватывает несколько видов форматов знания, которые традиционно называют концептуальными структурами: позиция, фрейм, сценарий, гештальт, категория, когнитивная матрица [3, с.52-53].

Остановимся более подробно на критериях дифференциации фрейма и сценария/скрипта. Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации. Сценарий же, или скрипт, по определению Н.Н. Болдырева, – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов [3, с.54-55]. Но здесь мы можем позволить себе поспорить с данным определением, так как здесь речь идет о том, что каждый сценарий относится к тому или иному фрейму. Но не всегда сценарий является частью фрейма – он может быть частью самого себя, самостоятельным когнитивным явлением, примером чему может служить сценарий званого ужина, который будет рассмотрен в данной статье и который не относится к какому-либо фрейму. В то же время один и тот же сценарий может быть частью различных фреймов.

В данной статье будет проанализирован отрывок из романа франко-руандийского писателя Gaël Faye под названием «Petit Pays» («Маленькая страна»), опубликованного в 2016 году. Рэп-музыкант, автор песен и писатель, Гаэль Фай родился в 1982 году в африканской стране Бурунди. Его отец был француз, а мать – беженка из соседней Руанды. После начала гражданской войны в Бурунди в 1993 году и геноцида тутси в Руанде в 1994 году его вместе с сестрой вывезли во Францию в возрасте 13 лет в 1995 году. С 2015 года он живет в Кигали, столице Руанды, со своей женой и детьми. Известный рэп-музыкант, он выпустил два альбома. В августе 2016 Гаэль Фай публикует свой первый, отчасти автобиографический роман «Petit Pays», положительно воспринятый критиками и читателями. Книга получила ряд престижных наград, среди которых литературная премия Fnac, Премия за лучший дебют во Франции, Гонкуровская премия лицейстов, студенческая литературная премия France Culture-Télérama. Этот пронзительный и поэтический роман переведен на 30 языков.

Книга рассказывает об утраченной стране детства, утонувшей в военном безумии. У десятилетнего героя «Маленькой страны» Габриэля, как и у самого Гаэля Фая, отец – француз, а мать – беженка из Руанды. Они живут в Бурунди, в благополучном столичном квартале, мальчик учится во французской школе, много читает и весело проводит время с друзьями на улице. Он старается не замечать родительских ссор и не понимает, чего так боится его мать, умоляющая мужа срочно увезти семью во Францию. Между тем в стране назревает гражданская война, а в соседней Руанде готовится чудовищный геноцид.

В один из дней семья Габриэля едет в гости к другу семьи Жаку в город Букаву в Заире, у которого они обедают. Данный фрагмент романа может быть рассмотрен как пример реализации когнитивного сценария в пространстве художественного текста.

Когнитивный сценарий, прежде всего, может быть реализован в обыденной жизни. Это могут быть сценарии, за которыми мы наблюдаем и совершаем сами в нашей повседневной жизни. Сценарий также может быть реализован в пространстве художественного текста. Какие особенности имеет сценарий в художественном тексте? Насколько полно он раскрывается автором в тексте? Какие цели преследует автор и какие задачи он решает путем реализации сценария в тексте? Какое значение имеют культурологические элементы в интерпретации когнитивного сценария читателем? На эти вопросы постараемся дать ответы, проанализировав отрывок из романа Гаэля Фая.

Одной из основных характеристик когнитивного сценария является его обусловленный поэтапный характер – каждый сценарий имеет начало, продолжение и конец. И здесь при реализации когнитивного сценария в пространстве художественного текста важнейшей задачей автора является обеспечение последовательности этих этапов.

Так, в данном сценарии званого обеда можно проследить следующие этапы:

– *Après avoir manqué d'écraser une multitude de coqs, de canards et d'enfants, nous sommes arrivés à Bukavu, sorte de jardin d'Éden sur les rives du lac Kivu, vestige art déco d'une ville anciennement futuriste.*

– *Chez Jacques, la table était dressée, prête à nous accueillir.*

– *Jacques a fait tinter la clochette sur la table et le cuisinier est arrivé aussitôt.*

– *... Et va nous chercher ces bières au lieu de dire des conneries! a dit Jacques dans un nouvel éclat de rire suivi d'un raclement de gorge qui m'a donné envie de rendre mes gambas.*

– *Le cuisinier est reparti en chantonnant un air religieux.*

– *Maman s'en foutait, elle s'était levée, avait jeté sa serviette au visage de Papa et était partie.*

– *Le cuisinier est arrivé au même instant, un sourire insolent aux lèvres, les Primus sur un plateau en plastique [1*, с.24-31].*

В тексте последовательно отмечаются ключевые этапы реализации когнитивного сценария званого обеда – приезд гостей, накрытый стол, действия слуги при обслуживании гостей, уход (возможно неожиданный) одного из гостей.

Этой определенной последовательности этапов при реализации когнитивного сценария в тексте отводится важная роль. К примеру, в художественной литературе существует приём нарушения фабулы, когда автор может вернуться назад и рассказать о событиях в прошлом. Но при реализации именно когнитивного сценария в тексте автору необходимо придерживаться строгой последовательности действий. Это необходимо для того, чтобы не нарушалась содержательная связность или когерентность текста.

Когерентность обозначает понятийно-смысловую целостность текста и организует части дискурса так, что авторский замысел становится понятен адресату. Она, по мнению М.Л.Макарова, охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том

числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной [4, с.124]. Когерентность текста обеспечивается, в данном случае, последовательностью и логичностью реализации сценария. Понимание некоторой новой ситуации или высказывания сводится, прежде всего, к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой.

В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, т. е. результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие. Жизненный опыт означает часто знание того, как поступать и как другие поступят в конкретных стереотипных ситуациях. Это знание и называется скриптом. Это набор ожиданий о том, что в воспринимаемой ситуации должно произойти дальше [5, с.7].

Таким образом, автор в необходимой последовательности раскрывает каждый из этапов сценария. Тем не менее, полнота раскрытия этих этапов в полной мере подчиняется воле автора, потому как на фоне сценария автор реализует свой художественный замысел. Так, например, один из последних этапов сценария не раскрыт в полном объеме, точнее, представлен читателю немного преждевременным уходом одного из персонажей, ср.: - *Maman s'en foutait, elle s'était levée, avait jeté sa serviette au visage de Papa et était partie* [1*, с.30]. Последующие действия слуги, который продолжает выполнять свои обязанности, указывают на то, что сценарий мог бы и не заканчиваться, ср.: *Le cuisinier est arrivé au même instant, un sourire insolent aux lèvres, les Primus sur un plateau en plastique* [1*, с.30]. Из текста видно, что сценарий мог бы завершиться стереотипно, если бы его не прервали замыслы автора. Художественная задача писателя – показать недопонимание персонажами друг друга, которую он реализует в процессе развертывания сценария – достигнута. Стало быть, сценарий является лишь фоном, на котором автор реализовывает свои замыслы. Вместе с тем, автор должен придерживаться определенных норм при изображении когнитивного сценария в художественном тексте, чтобы не нарушать когерентность текста и правильное его восприятие читателем.

Естественными формами существования изображаемого в произведении мира являются время и пространство. Ни одно художественное произведение не может существовать в пространственном или временном вакууме. Действительность всегда присутствует в произведении в своем пространственном и временном измерении. Эта утверждение верно и для когнитивного сценария.

Художественное пространство – это континуум, в котором действуют персонажи и совершаются действия. Оно может быть большим, охватывать ряд стран (в романе путешествий) или даже выходить за пределы земной планеты (в фантастических романах, например), или сужаться до тесных границ одной комнаты [6, с.335].

Действия, связанные с данным сценарием, происходят в городе Букаву в Заире, который можно рассмотреть как макро-пространство. Оно упоминается в самом начале сценария, ср.: *Le début de la fin du bonheur, je crois que ça remonte à ce jour de la Saint-Nicolas, sur la grande terrasse de Jacques, à Bukavu, au Zaïre* [1*, с.22]. Макро-пространство могло бы быть упомянуто и вне когнитивного сценария в том случае, если бы он происходил в том же городе, где происходят основные действия в произведении. Но по причине того, что события в романе развиваются в городе Бужумбура в Бурунди, автор не мог не сообщить читателю о городе, в котором он задумал перенести действие романа и куда едут герои романа на званый обед к другу.

Более того, автор не обошелся и без небольшого описания общих черт города:

Après avoir manqué d'écraser une multitude de coqs, de canards et d'enfants, nous sommes arrivés à Bukavu, sorte de jardin d'Éden sur les rives du lac Kivu, vestige art déco d'une ville anciennement futuriste [1*, с.24].

Сравнивая Букаву со своего рода Эдемским садом на берегу озера Киву и характеризую его как *пережиток арт-деко бывшего футуристического города* автор, тем самым, передаёт читателю образ города.

Здесь же в двух словах отмечается и микро-пространство, где непосредственно будет разворачиваться когнитивный сценарий, ср.: *Le début de la fin du bonheur, je crois que ça remonte à ce jour de la Saint-Nicolas, sur la grande terrasse de Jacques, à Bukavu, au Zaïre* [1*, с.22]. Так, автор сообщает, что званый ужин будет происходить на большой террасе друга семьи Жака. Затем же, по мере развития событий в когнитивном сценарии, автор детально изображает окружающую героев обстановку, ср.:

Puis il s'est redressé, quelques volutes se sont échappées de ses narines, et, pendant un instant, il a observé le lac Kivu. De sa terrasse, on apercevait un chapelet d'îlots perdus au loin.

Dans le jardin de Jacques, l'herbe était impeccablement tondue par un vieux jardinier qui agitait son coupe-coupe dans de grands mouvements de balancier, comme un swing de golf. Devant nous, des colibris vert métallisé s'affairaient à butiner le nectar des hibiscus rouge, offrant un remarquable ballet. Un couple de grues couronnées déambulait à l'ombre des citronniers et des goyaviers. Le jardin de Jacques grouillait de vie, éclatait de couleurs, diffusait un doux parfum de citronnelle. Avec son mélange de boiseries rares issues de la forêt de Nyungwe et de roche noire et poreuse provenant du volcan Nyiragongo, sa maison ressemblait à un chalet suisse [1*, с.25-26].

Из текста становится ясно, что когнитивный сценарий званого обеда реализуется не внутри дома, а на природе, точнее, на террасе в саду с видом на озеро Киву и *затерянные вдалеке острова*. Писатель довольно подробно описывает сад с *безукоризненно скошенной травой, зелеными колибри, занятыми добычей нектара красного гибискуса, журавлями, бродящими в тени лимона и гуавы. В саду кипела жизнь, он разливался яркими красками и источал сладкий аромат лимонной травы*.

Кроме того, описывая персонажа, наклоняющегося под столом, защищаясь от ветра, чтобы зажечь сигарету, автор передаёт и погодные условия, ср.: *Penché sous la table pour se protéger du vent, Jacques a allumé une cigarette avec son Zippo en argent gravé de deux cerfs* [1*, с.25].

Помимо описания сада, даётся небольшое изображение и всего интерьера в доме, напоминающего *швейцарское шале, который сочетает в себе редкие изделия из дерева из леса Ньунгве и черные пористые породы вулкана Ньирагонго*.

Из вышеперечисленного выстраивается достаточно детальное описание пространства, вплоть до передачи ярких красок в саду, погодных условий и ароматов. Следовательно, передача пространственных характеристик является важным условием при реализации когнитивного сценария в художественном тексте. При этом макро-пространство может быть упомянуто лишь раз с целью локализовать героев и читателя в этом пространстве и, поэтому оно не требует подробного описания. В то же время микро-пространство необходимо для визуализации, и поэтому может быть весьма детальным.

Что же касается художественного времени, то следует учитывать, что в данном случае время воспроизводится и изображается в художественном произведении. Именно исследование художественного времени в произведениях, а не исследование концепций времени, высказываемых теми или иными авторами, имеют наибольшее значение для понимания эстетической природы словесного искусства [2, с.45].

В отличие от пространственных характеристик при реализации когнитивного сценария в художественном тексте, временные характеристики часто носят приблизительный характер и не требуют хронометрической точности. При создании произведения автору бывает достаточно лишь раз дать приблизительную точку отсчета, от которой он будет отталкиваться на протяжении всего романа, в том числе и при реализации когнитивных сценариев.

Точкой отсчета в данном романе можно считать следующие отрывки, первый из которых находится вне когнитивного сценария, ср.:

Depuis vingt ans je reviens ; la nuit en rêve, le jour en songe ; dans mon quartier, dans cette impasse où je vivais heureux avec ma famille et mes amis [1, с.15].*

J'avais dix ans, elle en avait sept [1, с.24].*

Повествование в романе ведется от первого лица. Рассказчик и герой романа одновременно повествует о событиях в детстве, когда ему было 10 лет, и куда он возвращается вот уже на протяжении 20 лет. Не указывая точных дат, рассказчик называет возраст героя – объективный показатель, который можно определить как макро-время. И далее отталкивается от него, употребляя наречия и именные синтагмы, обозначающие приблизительный временной промежуток, ср.:

Papa nous avait pourtant tout expliqué, un jour, dans la camionnette [1, с.9].*

Et puis, Papa ne voulait pas qu'on en parle [1, с.10].*

Также точку отсчета автор даёт и в начале данного когнитивного сценария, сообщив читателю о том, что описываемые события развивались в день св. Николая, ср.:

Le début de la fin du bonheur, je crois que ça remonte à ce jour de la Saint-Nicolas, sur la grande terrasse de Jacques, à Bukavu, au Zaïre. [1, с.22].*

Привлечение культурологических знаний – день святого Николая Чудотворца католическая церковь отмечает 6 декабря – позволяет читателю довольно точно определить временной промежуток реализации описываемых событий.

Говоря же о том, что персонажи раз в месяц навещали старого Жака, автор указывает на повторяемость действия и даёт понять читателю, что это являлось привычным для действующих лиц, ср.:

Une fois par mois, on lui rendait visite, au vieux Jacques, c'était devenu une habitude [1, с.22].*

Внутренняя же организация временного пространства в когнитивном сценарии является относительной и здесь вступает в силу авторская воля. Далее автор может отталкиваться от указанной точки отсчета, вновь употребляя лишь наречия и именные синтагмы, обозначающие приблизительный временной промежуток, такие как *quelques instants, plus tard, après, puis, ensuite*, ср.:

Puis, très calme, elle a poursuivi ... [1, с.30].*

Le cuisinier est arrivé au même instant, un sourire insolent aux lèvres, les Primus sur un plateau en plastique [1, с.30].*

Ce jour-là, Maman nous a accompagnés alors qu'elle ne parlait plus trop à Papa depuis quelques semaines. [1, с.22].*

В художественном тексте, автор имеет право превратить реальное время в художественное для реализации эстетических и художественных целей в произведении. Художественное время, в отличие от времени объективного, использует многообразие субъективного восприятия. Ощущение времени у человека, как известно, крайне субъективно. Оно может «тянуться» и может «бежать». Мгновение может «остановиться», а длительный период «промелькнуть». Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности [6, с.211].

К примеру, в следующем отрывке можно отметить «растяжение» реального времени, ср.:

Puis il s'est redressé, quelques volutes se sont échappées de ses narines, et, pendant un instant, il a observé le lac Kivu. De sa terrasse, on apercevait un chapelet d'îlots perdus au loin. Et au-delà, sur une autre rive du lac, se trouvait la ville de Cyanguu, au Rwanda. Maman avait l'œil accroché à cet au-delà. Des pensées lourdes devaient la traverser chaque fois que nous déjeunions chez Jacques. Le Rwanda, son pays quitté en 1963 pendant une nuit de massacre, à la lueur des flammes qui embrasaient la maison familiale, ce pays où elle n'était jamais retournée depuis ses quatre ans, était là, à quelques encablures, presque à portée de main [1, с.25].*

Автор сам же называет временной промежуток в *одно мгновение*. К тому же, на кратковременность действия указывает и глагол *observer*, употребленный в *passé composé*. И, несмотря на это, автор растягивает это самое мгновение, перенося читателя в прошлое и передавая мысли персонажа о минувших событиях.

Следует отметить и примеры компрессии реального времени, так как один из этапов сценария – этап самого обеда не раскрыт в полном объеме, ср.:

Chez Jacques, la table était dressée, prête à nous accueillir.

Jacques a fait tinter la clochette sur la table et le cuisinier est arrivé aussitôt.

Remets-nous trois Primus et débarrasse un peu ce foutoir ! a ordonné Jacques [1, с.24-26].*

Автор отмечает, что по приезду гостей стол уже был накрыт. Затем говорит о том, что хозяйка дома звонит в колокольчик, зовя слугу и распоряжаясь убрать со стола. Управляя временем, писатель как бы сжимает сам процесс обеда.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что при реализации когнитивного сценария в пространстве художественного текста, следуя художественному замыслу, нет необходимости приводить точные указания времени. Сам же временной континуум может сжиматься или растягиваться.

Художественные произведения играют важную роль в диалоге культур, отражая национальный характер и национальную идентичность.

Отличительной чертой анализируемого когнитивного сценария является тот факт, что в нём сталкиваются европейская континентальная и африканская колониальная культуры.

Прежде всего, конфронтация культур обнаруживается в окружающей персонажей обстановке, где разворачивается сценарий званого обеда, ср.:

Puis il s'est redressé, quelques volutes se sont échappées de ses narines, et, pendant un instant, il a observé le lac Kivu. De sa terrasse, on apercevait un chapelet d'îlots perdus au loin.

Dans le jardin de Jacques, l'herbe était impeccablement tondue par un vieux jardinier qui agitait son coupe-coupe dans de grands mouvements de balancier, comme un swing de golf. Devant nous, des colibris vert métallisé s'affairaient à butiner le nectar des hibiscus rouge, offrant un remarquable ballet. Un couple de grues couronnées déambulait à l'ombre des citronniers et des goyaviers. Le jardin de Jacques grouillait de vie, éclatait de couleurs, diffusait un doux parfum de citronnelle [1, с.25-26].*

У читателя, привыкшего к европейской культуре и имеющего определенные представления об обедах или ужинах с приглашенными гостями, могут возникнуть расхождения со стереотипами, так как здесь представляется совершенно иная обстановка – на природе с видом на озеро, кружащимися возле персонажей *колибри и журавлями, бродящими в тени лимона и гуавы*. Читатель видит вокруг персонажей *кипящий жизнью сад, который разливался красками и источал сладкий аромат лимонной травы...*

Столкновение культур отражается также и в элементах одежды персонажей, ср.: *Sa tenue, une toque et un tablier blanc, détonnait avec ses pieds nus et crevassés* [1*, с.26]. Слуга изображается в наряде, шапочке и белом фартуке, который не соответствовал его босым потрескавшимся ногам.

Хозяин же дома, принимающий гостей, изображен в шортах: *C'était la première fois que je le voyais en short* [1*, с.27].

Непривычная манера одеваться у персонажей снова приводит к определенному расхождению со стереотипами восприятия читателя.

Столкновение культур главным образом отражается в действиях персонажей, ср.: *Le cuisinier est reparti en chantonnant un air religieux* [1*, с.27]. Отметим манеру слуги вести себя - уходя, он напевает песню, ср.:

... *Seuls Ana et moi restions silencieux en bout de table. J'avais dix ans, elle en avait sept. C'est peut-être pour cette raison que l'humour de Jacques nous échappait. De toute manière, nous avions interdiction formelle de parler, à moins que l'on s'adresse à nous. C'était une règle d'or quand nous étions invités quelque part. Papa ne supportait pas que les enfants se mêlent aux conversations des grandes personnes* [1*, с.24-25].

Или же в поведении детей, которым было *строго запрещено говорить за столом, кроме как если не обращались к ним. Это было золотым правилом, когда их куда-то приглашали.* И всё-таки остаётся неясным, было ли это золотым правилом, присущим национальной культуре в целом, или же правилом их семьи, так как их отец терпеть не мог, когда дети включались в разговор взрослых. Но в любом случае такое правило поведения можно расценить как противоречащее европейской культуре.

Некое противопоставление двух совершенно разных культур можно отметить даже в диалоге персонажей, обсуждающих традиционные способы приготовления блюд в кухнях двух народов:

– *Oui ! Ce con de Prothé m'oblige à ingurgiter ses féculents d'Africain tous les midis. Si encore il savait faire cuire une entrecôte correctement ! – M'en parle pas, Michel ! a enchaîné Jacques. Mon macaque en cuisine fuit tout griller sous prétexte que ça tue les parasites. Je ne sais même plus ce que c'est qu'un bon steak saignant* [1*, с.24].

Автор вводит эту небольшую беседу персонажей в начале когнитивного сценария. Тем самым он как бы подготавливает читателя к дальнейшему столкновению культур, поскольку интерпретация им когнитивного сценария подразумевает также обращение к его культурологической составляющей. Диссонанс со стереотипами в восприятии читателя, конечно же, возникает. Но он как бы «предупрежден» об этом.

Из изложенного выше следует, что когнитивный сценарий в художественном тексте несёт в себе также и отображение культурологических особенностей, выраженных посредством беседы персонажей, изображением их поведения, одежды и т.д. М.В. Межова определяет художественный текст как элемент и «вместилище культуры» [7, с.107]. В свою очередь, когнитивные сценарии из обыденной жизни, реализованные в художественном тексте, могут служить инструментом, посредством которого автор передаёт культурное своеобразие того или иного народа.

Проведенное исследование позволило рассмотреть некоторые особенности реализации когнитивного сценария в пространстве художественного текста и сделать следующие выводы:

Объем сценария в художественном тексте может быть совершенно разным. Автор может развернуть его на все произведение, примером чему могут служить драматур-

гические сочинения Н.В.Гоголя «Женитьба. Совершенно невероятное событие в двух действиях» и А.П.Чехова «Свадьба».

Сценарий в художественном тексте зачастую служит фоном для реализации художественной задачи, например, раскрытие характеров героев, их чувств, переживаний, эмоций, душевного состояния, мыслей.

Пространственно-временная организация сценария на макро-уровне служит для того, чтобы локализовать читателя. Пространственные ориентиры на микро-уровне необходимы для того, чтобы не нарушать целостность восприятия текста читателем и позволить визуализировать его. Пространство требует соблюдения объективных параметров. Что же касается временных характеристик на микро-уровне, то они целиком и полностью подчиняются художественному замыслу. Однако, несмотря на то, что художественное время отображается субъективно, сжимаясь или растягиваясь, последовательность этапов сценария не нарушается.

Существенным является то, что когнитивные сценарии в художественном тексте содержат культурологические элементы и служат средством передачи культурного своеобразия персонажа и/или национального характера.

Литература

1. Когнитивная лингвистика. / Попова З.Д. [и др.]. М.: АСТ – Восток-Запад, 2007. 314 с.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 140 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов, 2014. 236 с.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Schank R. Conceptual Dependency: A Theory of Natural Language Understanding. *Cognitive Psychology*, 1972. № 3. pp. 552-631.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
7. Межова М.В. Художественный текст как элемент культуры: переводческий аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 9. С. 106-109.

Список источников примеров

- 1* Faye G. *Petit Pays*. Edition Grasset, 2016. 219 p.

Список словарей

- 1** Краткий словарь когнитивных терминов. [под ред. Е.С. Кубряковой]. М.: МГУ, 1997. 197 с.

PECULIARITIES OF COGNITIVE SCRIPT'S IMPLEMENTATION IN A FICTION TEXT

Mukhabbat S. Yusupova
Samarkand State Institute of Foreign Languages

Abstract. Cognitive script is one of the key concepts in cognitive linguistics. Unlike the static concept, the script is dynamic in nature and traditionally reflects stereotypical everyday processes. The implementation of a cognitive script in the space of a fiction text has its own characteristics.

On the one hand, the author needs to observe the sequence of the implementation of the stages of the cognitive script, on the other hand, the script, like any element of a fiction text, should be subordinated to the task of realizing the literary intention. The article analyzes the peculiarities of the implementation of the cognitive script of a dinner party in the space of a literary text - an excerpt from the novel "Petit Pays" by Franco-Rwandan writer Gaël Faye. The temporal space, within which the cognitive script is being realized, is subordinated to the artistic intent - it can be compressed or extended depending on the artistic tasks of the author. At the same time, the author adheres to the sequence of presentation of the stages of the realization of a cognitive script, because otherwise it may lead to an error in identifying the script or dissonance in its interpretation. A feature of the analyzed cognitive script is the fact that in this case the European continental and African colonial cultures collide. The confrontation of cultures is reflected in the characters' clothing elements, the environment, and dishes. This leads to a certain dissonance with the stereotypes of the reader's perception. Therefore, the interpretation of a cognitive script also implies an appeal to its cultural component.

Key words: cognitive scenario, script, fiction text, phasing, sequence, space-time parameters, national character, culture

Юсупова Мухаббат Собировна,

преподаватель кафедры французского
языка и литературы

Самаркандский государственный институт
иностраннных языков

тел.: 998915447845

e-mail: muhabbatyusupova1990@gmail.com

Mukhabbat S. Yusupova

teacher of the Department of French
language and literature

Samarkand State Institute of Foreign
Languages

mobile: 998915447845

e-mail: muhabbatyusupova1990@gmail.com

УДК 81`42

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ СОВЕТА В ТЕКСТАХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУБРИК СОВЕТОВ ФОРМАТА «AGONY AUNT» АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ИЗДАНИЙ ЖУРНАЛА COSMOPOLITAN)

Яблокова А.С.

Воронежский государственный университет

Аннотация. Целью нашего исследования является выявление и анализ особенностей реализации речевого события совета в английской и американской языковых культурах в рамках процесса культурной адаптации международного гендерно ориентированного продукта СМИ к условиям иной страны-потребителя. Данная проблематика представляется нам особенно актуальной в условиях возрастающей глобализации СМИ и растущего мультикультурализма современного общества. Согласно коммуникативно-когнитивному подходу к изучению языка, под речевым (или дискурсивным) событием мы понимаем единство речевых актов, выполняющих разные функции в процессе достижения единой глобальной коммуникативной цели в одной ситуации общения. При этом общая коммуникативно-когнитивная модель осуществления определенного дискурсивного события является культурно обусловленной и может различаться даже в очень близких, родственных лингвокультурах. Исходя из данных положений, мы стремимся понять, в какой степени и каким образом явление культурной адаптации затрагивает не только пересмотр содержания продукта СМИ, но и выбор более адекватных

для страны-потребителя стратегий дискурсивного поведения. В качестве эмпирического материала нами были рассмотрены тексты рубрик психологических советов, соответствующих формату “Agony Aunt”, американского и британского изданий женского глянцевого журнала *Cosmopolitan*. Анализируемый формат предполагает наличие письма-заявки от читателя с просьбой о совете в затруднительной жизненной ситуации и ответного текста эксперта с его компетентным советом по разрешению описанного в письме затруднения.

Ключевые слова: Коммуникативно-когнитивные исследования, дискурс, дискурсивное / речевое событие, совет, культурная адаптация, транснациональные СМИ, женский глянцевый журнал, формат *Agony Aunt*

Одной из ярко выраженных тенденций современного развития печатных средств массовой информации является процесс их глобализации, связанный с преобладанием на мировом информационном рынке нескольких транснациональных издательских корпораций, распространяющих свои продукты на территории многих стран, нередко принадлежащих к разным культурным ареалам. С одной стороны, этот процесс вызывает немалую тревогу в научно-исследовательских и общественных кругах, так как способствует постепенному нивелированию специфических черт затронутых культур и их унификации со значительным преобладанием той культуры, которую представляют упомянутые выше корпорации. Во многом в силу экономических и политических причин в качестве такой доминанты сегодня принято рассматривать американскую культуру.

С другой стороны, большинство всемирно известных печатных СМИ распространяют не единый унифицированный информационный продукт на территории всех охваченных ими стран, а имеют ряд национальных изданий, которые хоть и схожи между собой, вовсе не идентичны. Скорее всего, данный факт является следствием того, что читательская аудитория, активно вовлеченная в процесс массовой коммуникации, способна верно воспринять предлагаемую ей информацию, лишь после соотнесения ее с содержанием собственной культуры и своего личного опыта, воспринимаемого сквозь ее призму. Как следствие, возникает необходимость адаптации продукта международных СМИ к культурным реалиям каждой страны-потребителя, даже в случае использования несколькими из них исходно одного языка общения. Стратегии данной культурной адаптации касаются не только изменений в содержательном наполнении и графическом оформлении материалов, но и выбора определенных коммуникативных моделей ведения дискурса и реализующих их языковых средств, которые также в значительной степени культурно специфичны и могут существенно различаться даже в близких, исторически связанных друг с другом культурах.

Данные обстоятельства побудили нас предпринять попытку сопоставить стратегии и средства реализации дискурсивного события совета в текстах рубрик формата *Agony Aunt* американского и британского издательств женского глянцевого журнала *Cosmopolitan*. Именно совет был выбран нами как объект исследования вследствие того, что данное речевое событие является одним из ключевых и наиболее частотных для глянцевых потребительских журналов типа *lifestyle*, стремящихся побудить читателей к ведению определенного образа жизни, к которым принято относить *Cosmopolitan* [1, с.20]

Наше исследование проводилось с позиций коммуникативно-прагматического подхода к языку, понимающего речевое общение, или дискурс, как деятельный процесс вербального взаимодействия, направленный на совершение определенных действий и разворачивающийся в совокупности со всем множеством сопутствующих ему экстралингвистических факторов, образующих коммуникативную ситуацию. Наибольший интерес при этом вызывают свойства языковых единиц, обнаруживающиеся исключи-

тельно в процессе общения и, в первую очередь, связанные с реализацией определенных интенций коммуникантов.

Целенаправленные речевые действия говорящих, направленные на воплощение их интенций, осуществляются в дискурсе не обособленно друг от друга, а в тесном взаимодействии. Они формируют дискурсивные события (ДС) – единства речевых актов, каждый из которых, выполняя свою отдельную функцию, служит достижению единой общей коммуникативной цели в условиях одной ситуации общения [2, с.129]. Знания о совершении того или иного дискурсивного события представлены в сознании говорящих в виде общей прототипической схемы его реализации, включающей комплекс общих семантических и интерактивных условий его успешности. Данная когнитивная модель предполагает определенный набор допустимых ситуативно-специфических скриптов и дискурсивных стратегий непосредственного осуществления этого ДС. На всех своих уровнях коммуникативная модель ДС культурно обусловлена и специфична, что определяет значительные различия в совершении одних и тех же речевых действий представителями разных языковых культур [2, с.193-194]. На материале нашего исследования попробуем предположить, насколько подобные различия свойственны двум близким друг другу культурам, изначально использующим единый язык общения, а именно – английской и американской культурам.

Как уже отмечалось выше, эмпирическим материалом для нашей работы послужили тексты рубрик дискурсивного формата *Agony Aunt* американского и британского изданий женского глянцевого журнала *Cosmopolitan*. В фокусе данного формата находятся тексты психологических советов, написанные экспертами, в ответ на вопросы читателей, присланные им по почте (в том числе и электронной). Вопросы читателей, как правило, связаны с возникновением у них серьезных затруднительных ситуаций, которые они не могут разрешить самостоятельно и испытывают значительный эмоциональный дискомфорт из-за возникшей проблемы. Современное понимание дискурса как межличностной вербальной коммуникации, протекающей в совокупности с экстралингвистическими факторами вне зависимости от канала / формы общения, дало нам возможность рассмотреть данные письменные тексты с позиций их динамических характеристик, учитывая влияние различных особенностей контекста коммуникации на их форму и содержание.

Принимая во внимание гендерный характер выбранного эмпирического материала, следует отметить, что содержательно проанализированные тексты американской версии журнала сфокусированы исключительно на теме любовных взаимоотношений женщины с мужчиной, тогда как спектр проблем, обсуждаемых в аналогичной рубрике британского издания, значительно шире и может затрагивать отношения женщины не только с ее избранником, но и с родственниками, друзьями, коллегами и т.п. Кроме того, вопросы читателей британского *Cosmo* могут касаться исключительно женщины, лишь ее личных внутренних переживаний, самоощущения и внутреннего мира.

Также примечательно то, что, если представление экспертов, дающих свои советы в рамках анализируемой рубрики в британском издании *Cosmopolitan*, всегда сопровождается сведениями об их специальности (психолог, психотерапевт) и квалификации (доктор), то экспертом в основной рубрике психологических советов американской версии журнала много лет выступал мужчина, о котором читателям были известны только его имя и гендерная принадлежность. Никакой информации о роде его деятельности, социальном положении, возрасте, знаниях, профессиональном опыте и квалификации читателям не сообщалось. Следовательно, можно сделать вывод о том, что одна лишь

характеристика ведущего рубрики как мужчины позволяет ему лучше понимать всех мужчин на земле, чем читательницы журнала, и занимать позицию эксперта по мужской психологии в глазах женщин. Абсолютизация гендерного фактора в американском *Cosmopolitan* находит свое отражение и в языковом наполнении данной рубрики. Например, если британские авторы чаще употребляют обобщающее личное местоимение «*we*», подразумевая всех людей на земле, американский эксперт, как правило, использует его для обозначения исключительно мужчин, противопоставляя местоимению «*you*», под которым понимает читательницу, обратившуюся к нему с вопросом-проблемой, и других женщин. Данные наблюдения позволяют говорить о том, что американский вариант журнала в целом придает гендерным различиям более первостепенное значение, чем британская версия, и более прямо и настойчиво подчеркивает важность традиционно приписываемой женщине роли спутницы мужчины, успешное выполнение которой подается как абсолютная необходимость для счастливого существования.

Возвращаясь собственно к исследованию дискурсивного события совета, следует отметить, что, рассмотрев 231 и 215 ответных текстов экспертов на письма читателей в американском и британском изданиях журнала *Cosmopolitan* соответственно, мы пришли к выводу, что общая коммуникативная модель осуществления данного речевого события в обеих лингвокультурах включает в себя титульный речевой акт (РА) совета, окруженный несколькими поддерживающими речевыми актами.

В роли поддерживающих РА, как правило, выступают речевые акты объяснения, описания и сообщения информации, реализуемые декларативными высказываниями, которые призваны разъяснить адресату причины возникновения его затруднительного положения и убедить его в бенефактивности рекомендуемого экспертом, предсцируемого действия.

Что касается титульного РА совета, то более чем в половине случаев и в американских, и в британских текстах он реализуется посредством императивных конструкций (56% и 58% примеров соответственно), которые принято причислять к прямым способам реализации директивной интенции, характерной для совета как директивного речевого действия, т.к. подобные высказывания обладают высокой ясно и четко выраженной иллюкутивной силой, и каузируемое действие в них эксплицировано [3, с.158]. Перформативный глагол «*advise*» не был использован для выражения совета в собранном нами эмпирическом материале ни единого раза. Высказывания с использованием фразы «*I recommend*» были зафиксированы только в американских текстах всего лишь в 2% случаев.

Из конвенциональных косвенных средств осуществления титульного РА совета самыми частотными в обеих версиях журнала оказались высказывания с модальными глаголами (26% американских и 12% британских примеров). Вместе с тем, следует отметить значительные различия в выборе конкретных модальных глаголов и типов высказываний между двумя изданиями. Так, американские авторы используют глаголы «*need to*» и «*have to*» значительно чаще своих британских коллег (10% и 4% против 4% и 1% соответственно), в то время, как «*can*» и «*could*» более частотны в британских текстах (3,3% и 2,3% против 2,8% и 1,7%). Высказывания с модальным глаголом «*should*» как средство выражения совета были отмечены только в американском издании (2%). Только в британской версии журнала были зафиксированы РА совета с модальным глаголом «*must*» (0,5%). Говоря о разных типах высказываний с модальными глаголами, реализующих РА совета, можно заметить, что в американских текстах большинство из них имеет общий вид «*You MV do X*», где *MV* – модальный глагол, а *X* – предсцируе-

мое действие (19% всех примеров против 4% всех британских контекстов). Британские авторы предпочитают прибегать к синтаксическим конструкциям, подлежащим в которых выступает не адресат, а некое третье лицо, организация, название действие, или используется пассивный залог (Например: *Someday another soulmate may arrive – not to end your memories, but to share them. Meanwhile, Crusebereavementcare.org.uk can help you with your loss* [1*, P.203]).

Были отмечены значительные различия в частотности употребления и других конвенциональных косвенных средств реализации совета. Например, американцы чаще обращаются к:

а) высказываниям, содержащим условие (7% американских против 2% британских примеров);

б) высказываниям, соответствующим конструкции «N is (to) do / doing X», где N – именное словосочетание (the best thing / the only way out / др.), а X – преддицируемое действие (4% в американском и 2% в британском изданиях. Н-р: *The best thing to do now is give him some space* [2*, P.162].

в) высказываниям, построенным по схеме «You want / don't want to do X», где X – преддицируемое действие (4% в американской и менее 1% в британской версиях). Н-р: *Seriously, even if this is his vague, odd, and indirect way of reaching out, you don't want to be with a guy who's so passive-aggressive* [3*, P.101].

Характерной исключительно для американского издания явилась конструкция «Doing / To do X is a good / bad idea», использованная в 1% случаев.

Что же касается британских текстов, то специфичными исключительными для них оказались реализующие совет высказывания, соответствующие схемам: «Why not do X?» (2%), «It is important to do / you do X» (2%) и «It's time to do X» (1%).

Также, необходимо отметить, что в британских текстах анализируемой рубрики, совет значительно чаще, нежели в американской версии, реализуется неконвенциональными средствами. В этом случае роль вторичных речевых актов, косвенно выражающих совет, как правило, берут на себя поддерживающие речевые акты. С одной стороны, это происходит благодаря тому, что буквальное наполнение вторичного РА затрагивает условия успешности косвенно реализуемого речевого действия [4, с.198], которым в ситуации совета является бенефактивность преддицируемого действия для адресата. С другой стороны, исследуемый нами дискурсивный формат *Agony Aunt*, носит характер строго институционализированной коммуникативной ситуации, участники которой прерасно осознают свои роли в ней, сопутствующие контекстные характеристики общения и его цели. Другими словами, коммуниканты вступают в данную интеракцию, обладая исходной пресуппозицией о том, что совет является не просто неотъемлемой частью, а, собственно, целью всего их коммуникативного взаимодействия. В таких условиях, любые высказывания эксперта, воспринимаются другими участниками общения как совет.

Британские авторы пользуются данными обстоятельствами значительно чаще своих американских коллег, широко используя такие имплицитные способы реализации своей интенции как ирония и намек, нередко включающие различные средства образности (метафоры, аллегории, аллюзии и т.п.) и эллиптические высказывания. В результате, совет от британского эксперта обычно представляет собой речевое единство со сложным переплетением семантических, смысловых и интенциональных связей, выделение титульного и поддерживающих РА в котором может вызывать значительные затруднения. Американское же ДС совета, как правило, более четко структурировано и может быть легко «препарировано» с условным выделением отдельных речевых дей-

ствий. Предицируемые действия, рекомендуемые американскими экспертами, зачастую выражены более прямо и носят более буквальный характер, вплоть до формы дословных инструкций, которые должен озвучить адресат для получения бенефактивного результата, н-р: *Next, come up with some new date ideas. Say "This new restaurant sounds awesome. We should really try it. What night works for you?"* [4*, P.127]. В британском издании стратегия подобных дословных советов-инструкций не используется.

В заключение, стоит отметить, что, с одной стороны, согласно результатам нашего исследования, в американской и британской культурах ДС совета имеет сходную интерактивную организацию, предполагающую наличие титульного РА совета, в большинстве случаев, выраженного по средствам императивного высказывания или косвенных конвенциональных форм, и ряда поддерживающих РА. С другой стороны, однако, было выявлено немало различий в выборе конкретных коммуникативных стратегий и языковых средств для реализации этой общей прототипической модели ДС совета, что указывает на существование определенных несовпадений в анализируемых когнитивно-коммуникативных структурах и их функционировании. Частотность и характер данных различий позволяет нам предположить, что культурная адаптация рассматриваемого продукта СМИ в отношении выбора определенных стратегий ведения дискурса, принятых именно в лингвокультуре страны-потребителя, действительно имеет место и представляет интерес для дальнейшего изучения.

Также примечателен для более глубокого исследования и выбранный нами формат рубрики советов *Agony Aunt*. Имитируя личное неформальное общение двух собеседников, он, все же, представляет собой форму массовой коммуникации, адресатом которой является не один лишь автор письма-запроса совета, а многочисленная читательская аудитория. Соответственно, истинной целью данной интеракции не может быть лишь побуждение автора письма к совершению предицируемого действия, прямо или косвенно рекомендуемого экспертом, и, следовательно, помимо своей очевидной цели «посоветовать» что-то конкретному реципиенту, исследуемое нами ДС совета приобретает иные скрытые, имплицитные цели, которые могут влиять на его форму и содержание. Данные интенциональные переплетения и их отражение в речевой коммуникации, на наш взгляд, также оставляют возможности для дальнейшего лингвистического анализа рассмотренного материала.

Литература

1. Зверева Е.А. Современные российские журналы: теория и практика функционирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2017. 35 с.
2. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. 256 с.
3. Kasper G., Schmidt, R. Developmental issues in Interlanguage Pragmatics // *Studies of Second Language Acquisition*. 1996. Vol. 18. P.149–164.
4. Серль Дж.Р. [Searle John R.] Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 195–222.

Список источников примеров

- 1* Ask Irma. *Cosmopolitan UK*. May 2013. p. 203
- 2* Ask Him Anything. *Cosmopolitan USA*. February 2012. p. 161–163.
- 3* Ask Him Anything. *Cosmopolitan USA*. October 2017. p. 101–102.
- 4* Ask Him Anything. *Cosmopolitan USA*. February 2014. p. 127–129.

CULTURAL ADAPTATION OF DISCOURSE STRATEGIES WITHIN THE COMMUNICATIVE EVENT OF GIVING ADVICE IN TRANSNATIONAL PRINTED MEDIA TEXTS (ON THE MATERIAL OF “AGONY AUNT” ADVICE COLUMNS IN AMERICAN AND BRITISH EDITIONS OF COSMOPOLITAN MAGAZINE)

Yablokova A. S.
Voronezh State University

Abstract. Our research is devoted to the exploration of cultural adaptation of discourse strategies exploited in gender-oriented mass media texts. We aim to conduct a comparative analysis of the discourse strategies, regularly employed to realize the communicative event of giving advice in American and British cultures. As the empirical material for our study we use selected texts of the ‘Agony Aunt’ advice columns taken from American and British editions of the Cosmopolitan magazine. Through the detailed analysis of the qualitative data we reveal certain differences in the discourse structures and language means used by American and British native speakers. Therefore, we hope to take an insight into the differences between cognitive and communicative patterns typical of the analyzed language cultures, despite the fundamental similarity of their cognitive and discourse frames, usually ascribed to them as using basically the same language – English. At the same time, we perceive the analyzed texts as realization of a highly standardized, thoroughly rationally organized written magazine format peculiarities of which provide a perspective for further linguistic exploration.

Key words: discourse Analysis, communicative event, advice, cultural text adaptation, gender-oriented mass media, women’s magazines, Agony Aunt advice column

Яблокова Александра Сергеевна,
Преподаватель, аспирант
Воронежский государственный
университет
тел.: +7 (920) 460 1869
e-mail: venecia403@yahoo.com

Aleksandra S. Yablokova
Lecturer, PhD student
Voronezh State University
mobile: +7 (920) 460 1869
e-mail: venecia403@yahoo.com

УДК: 811

IL RADDOPPIAMENTO [FONO] SINTATTICO COME OSTACOLO ALLA PIENA FLUENCY DEGLI APPRENDENTI L2

Viviani Andrea
Università degli Studi dell’Aquila, Italia

Abstract. The article explores phonetic syntactic doubling in the Italian language, whose relevance is important from a number of perspectives. This phenomenon causes difficulties both for native Italian speakers and foreigners learning Italian as L2. The school curriculum does not cover phonetic syntactic doubling, which has an impact on their language accuracy. Unfortunately, this issue is not given serious consideration both in Italy and abroad. Apparently, it results from the variety of regional variants, which influence the standard pronunciation.

Key words: syntactic doubling, long/double consonants, Italian as a second language, prosody, fluency, full-integration

Il raddoppiamento [fono] sintattico (da qui, RS) «si verifica quando la consonante iniziale di una parola, in particolari condizioni, raddoppia nella pronuncia e – nel caso delle univerbazioni – anche nella grafia»¹. Sulle «particolari condizioni», sulle origini e distribuzione del fenomeno sul suolo italiano, v'è ampia bibliografia²; è qui il caso però di avanzare alcune riflessioni rispetto a ricorrenti dati d'esperienza, quotidiana o didattica, a mio giudizio piuttosto interessanti.

Il primo riguarda la mancata consapevolezza riflessa dell'esistenza del fenomeno nella quasi totalità dei parlanti italiani. Anche scolarizzati, anche impegnati in percorsi professionalizzanti orientati a una mansione assai delicata dal punto di vista linguistico come quella di Maestro e Maestra, raramente hanno contezza del fenomeno ed è quindi singolare che io debba trovarmi nella mia pressa didattica addirittura a dover illustrare, prima ancora d'addentrarmi in considerazioni d'ordine più specialistico, a parlanti nativi i tratti di un fenomeno che gestiscono con spontaneità pur se con qualche incertezza: nello scritto vacillano le scritture unverbate come *apposto* per *a posto*, o può darsi il suo contrario: *l'ho fatto a posta* per *apposta*; nel parlato possono darsi fenomeni coerenti con la località ma non con il sistema dialettale, con risalita quindi anche all'italiano regionale, d'appartenenza. Nella Marsica, area abruzzese contermina alla sede del mio Ateneo, l'Università degli Studi dell'Aquila, sistematicamente *ho* e *ha* ausiliari nel passato prossimo non producono RS: *ho visto*, *ha mangiato*, di contro agli – oscillanti nel Capoluogo L'Aquila ma prevalenti nel sistema centro-meridionale – *ho vvisto*, *ha mmangiato*. La descrizione del fenomeno, inevitabilmente condotta col piglio tassonomico-descrittivo nei manuali, cui non sfugge quello che io adotto per il mio corso di *Linguistica italiana* [1, p.94]:

«Le parole che provocano il raddoppiamento fonosintattico sono: tutti i monosillabi «forti», siano avverbi (*qui, qua, lì, là, giù, già, più*), pronomi (*me, tu, te, sé, ciò*), verbi (*è, ho, ha, do, dà, fa, fu, può, so, sa, sto, sta, va*, ecc.), nomi (*tè, re, gru, di, fra* 'frate', le stesse denominazioni delle lettere dell'alfabeto e delle note musicali: *a, bi, ci, vu, do, re, mi*, ecc.), il numerale *tre*, l'aggettivo *blu*, le forme olofrastiche *sì* e *no*; alcuni monosillabi «deboli», non accentati: non gli articoli e i pronomi clitici, bensì alcune preposizioni (*a, da, fra, tra, su*), i pronomi *che, chi* (che in certe posizioni possono anche essere considerati «forti») e alcune congiunzioni (*e, o, se, ma, che* e *ché, né*, deboli a dispetto dell'accento); alcune parole bisillabe: *qualche, come, dove, sopra*; tutte le parole ossitone, accentate cioè sull'ultima sillaba (*verrò, dirà, andò, virtù, bontà, caffè*, ecc.)» non è, mai potrebbe, essere di per sé garanzia di pronta e irreversibile rettifica dell'uso vuoi perché le prassi linguistiche dei parlanti sono radicate e consolidate della spontaneità, vuoi perché, ed è fatto più rilevante, raramente si danno per il RS, a differenza di quanto accade con la lunghezza consonantica, coppie minime del tipo *palla/pala*; non c'è in agguato, in altri termini, il rischio di fraintendimenti e non s'esercita quindi vigilanza. Può esserci, semmai, quando avviene fonazione fuori dalle zone natie, uno stigma più o meno conscio per parte di parlanti di aree contermini o in discontinuità territoriale a diversa presenza o distribuzione del fenomeno; sono però di implicazioni più d'ordine diafasico o diastratico, che di binaria correttezza grammaticale: chi ascolta può essere indotto ad ascrivere l'assenza di RS nel proprio interlocutore a bassa scolarizzazione o classe sociale d'appartenenza, ma per certo non la considera errore. Non è diverso da ciò

¹ Cito dalla voce dalla *Grammatica italiana* (2012) Treccani, online all'URL https://www.treccani.it/enciclopedia/raddoppiamento-sintattico_%28La-grammatica-italiana%29/.

² Ancora in Treccani, stavolta nella *Enciclopedia dell'italiano* (2011), si veda la ricca voce di Giovanna Marotta online all'URL [https://www.treccani.it/enciclopedia/raddoppiamento-sintattico_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/raddoppiamento-sintattico_(Enciclopedia-dell'Italiano)/).

che si sperimenta, per quanto la tensione allo standard sia in quel caso più forte in situazioni di media e alta formalità, in scambi occasionali tra parlanti di là e di qua della isoglossa discriminante dialettale tra settentrione e centro-meridione, la linea La Spezia-Rimini (confine anche, ricordiamolo, della diffusione del RS): altamente significativa, a riguardo delle dinamiche scatenantesi, la notazione di una professionista abruzzese al mio indirizzo: «Ma perché i colleghi al telefono li capisco tutti sino a Firenze, e più su faccio fatica?!»¹. Perché è poco abituata, Morena, alla differente prosodia degli italiani regionali parlanti: il suo orecchio è, di conseguenza, poco allenato alle diverse intonazioni e fatica a cogliere, specie nello stress di una comunicazione telefonica priva dei sussidi della gestualità e delle espressioni facciali, e per di più condizionata dalle implicazioni legate agli scopi professionali (tutti ambiamo a toni d'efficienza professionalità), i confini tra lessemi e sintagmi e, quindi, la strutturazione tutta del testo enunciato, curve melodiche (intonative, affermative, interlocutorie, ecc.) incluse. Non è dissimile, questa difficoltà, da quella sperimentata da apprendenti adulti o in età scolare le cui lingue madri non presentino il tratto della lunghezza consonantica a valore distintivo. È il caso di Armela, nata in Albania, che alla cassa di un supermercato chiede ai colleghi che le sia passata una *pena*; che pure sente, dopo il mio (gradito, grazie al Cielo) intervento, la differenza con *penna* ma, come la fanciulla marsicana sopra che ha *fatto* e non *ffatto*, non avverte l'urgenza di modificarne la pronuncia non percependo, come invece un madrelingua scolarizzato memore degli interventi correttivi del maestro o della maestra, l'insidia della trappola semantica geminata vs scempia. Armela è in buona compagnia: come lei ogni altro cittadino polacco o rumeno² d'origine combatte, in Italiano, con le doppie; avendo però validi strumenti a disposizione: per lo scritto i dizionari, per il parlato colleghi, amici (o avventori come me) sempre disponibili a interventi correttivi o esplicativi.

Decisamente diversa la situazione quanto al RS: come potrebbe un apprendente di per suo sé avere coscienza di un fenomeno la cui esistenza è, lo si diceva in apertura, persino ai più tra i madrelingua sconosciuta in termini di consapevolezza riflessa? E, pure percepito, nelle sue manifestazioni, quale indirizzo o guida potrebbe mai trovare in parlanti nativi inconsapevoli? Le implicazioni del mancato raddoppiamento non sono cosa da poco: se residente in zona di presenza del RS la differenza tra una fonazione *Ma Mmaria poi è vvenuta?* e una priva del fenomeno è discriminante, in chi ascolta, tra «altro» o parte integrata³ della comunità⁴; anche, forse più importante, l'applicazione del RS in chi parla è preludio alla acquisizione di una prosodia diversa dalla propria d'origine e l'avvicinamento a una curva intonativa finalmente, se ricercata, se desiderata, da nativo. A Roma, città nella quale risiede e dalla cui quotidianità traggo gli spunti esperienziali, *live*, delle riflessioni qui condotte, come in tutto il Meridione la situazione è resa ancora più complessa, quanto a prosodia e conseguenti curve intonative/melodiche, dalla costante geminazione di *b* e *g* affricata intervocaliche: c'è un concorso di cause, nel presentare fatti alla pronuncia fatti pressoché sconosciuti e inavvertibili alla grafia (fatte salve, per il RS, le univervazioni alla *soprattutto*) [2, p.52].

¹ Identica considerazione di Svetlana, ucraina trapiantata a Roma: «Faccio fatica a capire l'italiano al nord; a Venezia poi, neppure una parola».

² O francese, o britannico, o statunitense: minori però, per la mia esperienza, le ansie in costoro di perseguire una piena *fluency* linguistica anche in ragione di una integrazione che nei fatti, e spesso nelle motivazioni stesse alla base della pulsione migratoria, è assai meno difficoltosa da perseguire.

³ Integrazione spesso perseguita via dialetto: lì l'emulazione è più semplice e rilassata perché svincolata dalla necessità di doversi, o prima o dopo, tradurre in scrittura.

⁴ A fatica la considerazione dell'esistenza di un corposo contingente di cittadini stranieri che risiede nel nostro Paese e che, imparando l'italiano, perfeziona processi d'integrazione si fa largo nella consapevolezza degli studiosi di settore, linguisti o storici della lingua: Trifone, nel saggio d'apertura del volume («L'italiano. Lingua e identità»), nemmeno li cita [3, p.11-40].

Il punto non sta nella necessità o nell'invito all'abbandonare la propria prosodia originaria: è piuttosto nella difficoltà di reperimento di quadri esplicativi o strumenti (anche) d'autoapprendimento. Solo nel vocabolario Treccani¹ ho trovato, nel caso specifico alla voce «ma' cong.[iunzione]», l'indicazione «(radd. sint.)»²; indicazione in effetti utile a chi già sa di cosa si tratti e che trova, quando sciolta, sotto la voce «raddoppiamento» questa definizione: «b. In fonetica, *raddoppiamento* o *rafforzamento sintattico* o *fonosintattico*, fenomeno per cui determinate consonanti semplici iniziali di parola, quando questa segue nel discorso (senza che vi sia una pausa o un dislivello stilistico di tono) ad altra parola che termini in vocale (o sia costituita da una sola vocale), passano al grado rafforzato, ossia sono pronunciate doppie (per es., in ital., *a casa* «a *kkàsa*», *sopra tutto* «*sópra ttùtto*», *come questo* «*kóme kkuéstò*): il fenomeno è notato nella grafia solo quando le due parole a contatto sono scritte unite (per es., *soprattutto*, *allato*). In italiano, il raddoppiamento sintattico è normale quando la prima parola ha l'accento, notato anche nella grafia, sulla vocale terminale (*ciò fatto* «*çò ffàtto*», *già detto* «*çà ddétto*», *sentì suonare* «*sentì ssuonàre*»), quando è formata da sostantivi, pronomi forti e aggettivi monosillabi (per es., *blu notte* «*blu nnòtte*», *a me pare* «a *mmé ppàre*», *tre case* «*tré kkàse*); inoltre quando la prima parola è formata dagli avverbî o pronomi o congiunzioni o preposizioni *contra*, *dove*, *qualche*, *sopra* (per es., *qualche sera* «*kuàlke sséra*»; nel tosc. e in casi partic. anche dopo *come*: *come dici?* «*kóme ddici?*», *come te* «*kóme ttè*»; cfr. *come*), quando è formata da *dà*, *dì*, *fa*, *sta*, *va*, imperativi di 2ª persona sing. dei verbi *dare*, *dire*, *fare*, *stare*, *andare* (per es., *dì tutto* «*dì ttùtto*», *fa piano* «*fa ppiàno*»), e quando produce anche nella grafia il raddoppiamento nei composti di cui è il primo componente (per es., *e disse* «*e ddisse*) in quanto ci sono *ebbene* e *eppure*, *qua si vede* «*kuà ssi véde*) in quanto ci sono *quaggiù* e *quassù*). Se il lettore meno colto e non avvezzo alle tecnicità linguistiche è in difficoltà, si provi a immaginare un apprendente L2 che pure già è piuttosto spaesato dall'offerta convenzionale, e standardizzata come si conviene, quando desidera acquisire una qualsiasi certificazione di competenza nell'impiego dell'italiano. Con le parole di studioso Daniel Słapek, in conclusione di una suo recente studio: «[...] ho cercato di dimostrare alcune differenze nella presentazione della grammatica nei sillabi di riferimento per la lingua italiana non materna: una certa attenzione verso la grammatica (ovvero i livelli nei quali si pongono i problemi grammaticali, la precisione con la quale vengono indicati), la sua ricorsività e – soprattutto – la diversa collocazione dei vari argomenti attraverso i sei livelli del Q CER [Quadro Comune Europeo di Riferimento] per la conoscenza delle lingue. Simili problemi si possono riscontrare nell'analisi dei manuali di lingua, dove manca ancora uno standard preciso per quanto concerne l'insegnamento della grammatica. Tuttavia, per poter dividere in maniera univoca l'indice grammaticale, gli autori dei manuali avrebbero prima bisogno – come credo – di consultare altrettanto univoci sillabi di riferimento, perché è questo il loro obiettivo principale: devono fungere da modello di insegnamento. Nonostante una continua standardizzazione dell'insegnamento dell'italiano come lingua non materna, la questione della grammatica richiede ancora un solido di battito glottodidattico e forse anche una vera e propria revisione» [4, p.198].

C'è il rischio anche si inneschi una circolarità perniciosa già della prassi scolastica. Posto che sempre meno maestri e maestre, e docenti d'ordini successivi, ignorano le peculiarità linguistiche delle lingue madri di provenienza o parlate in casa dal sempre più nutrito contingente di scolari neo-italiani, e sono quindi consapevoli della necessità di attivare anzitutto all'orecchio, a seguire alla mano, l'attenzione a tratti fonemati assenti in sistemi

¹ Online all'URL <https://www.treccani.it/vocabolario/>.

² Notazione assente all'altra non meno frequente e parimenti attivante RS congiunzione, e.

linguistici diversi dall'italiano, c'è da chiedersi se la mancata percezione alla più parte dei parlanti nativi d'italiano dell'esistenza del RS si traduca, come fortemente darebbe da pensare la reazione alla scoperta riflessa per parte dei miei studenti (impegnati, lo ricordo, nell'unico possibile a oggi percorso abilitante al ruolo nella scuola dell'Infanzia e Primaria), nella totale mancata proposizione di consapevolezza riflessa del tratto nella prassi didattiche nelle nostre scuole. Si tratta, a mio modo di vedere, di una tendenza da invertire quanto prima dacché ragionarne porterebbe pure ad acquisire maggiore e doverosamente precoce consapevolezza dei non pochi iati tra prassi scrittoria, ortografica e risuonare dell'italiano (penso agli attriti fonema-grafema, alle dinamiche di- e trigrammi, ecc.); è altresì vero è che relegare, com'è oggi, la questione lunghezza vs brevità consonantica alla sola valenza fonematica all'interno di parola rischia, escludendo i corposi raddoppiamenti in confine di questa prodotti dal RS, di ingenerare in chi è privo *naturaliter* di capacità distintiva notevole confusione e, a lungo andare, quando scarsamente confidente nella possibilità d'avvicinare prosodie native se non per semplice emulazione e mai col conforto di una prassi rinsaldata da conoscenza riflessa, abbandono per reazione delle lingue nate in casa (specie per gli scolari), percepite causa di disturbo all'apprendimento e maggiore ancora confusione o, peggio (e vale anche per gli adulti), auto-emarginazione e confinamento dalle situazioni di meno sorvegliata e più spontanea comunicazione tra parlanti d'italiano. Si tratta, ahimè, di esperienze già largamente (e con grave carico di sofferenza) testimoniati in aula e nel vissuto quotidiano.

Certo il problema si pone, e non semplice, quando si voglia pensare all'elaborazione di una strategia d'intervento e di una prassi didattica; ribadito che la mera elencazione della casistica d'occorrenza, la piena tassonomia, non determina in automatico cambiamenti nell'uso (come accade con *ho fatto* che resiste, come sopra visto, a *ho fatto*) e anche rischia, per grado di tecnicità e difficile reperimento di una *ratio* oltre la regola del sistematico RS dopo le parole ossitone/tronche, può valere la pena di ragionare sull'utilità del proporre almeno in aula elenchi ragionati delle universioni che risultano prodotto lessicalizzato del RS. Procedendo inversamente, per esempio dal già citato *soprattutto*, è assai agevole inferire che *sopra-*, elemento lessicale ben trasparente, attiva RS e verificarlo sia per accostamenti originali anche prodotti di immaginazione combinatoria sperimentale (a me sono occorsi, scrivendo, *sopraggiungere* e *sopravvivere*: dubbio, specie per il secondo, che così non sarebbe anche per un apprendente L2) o col conforto di quanto agevolmente rintracciabile in un vocabolario scorrendo il lemmario se cartaceo, investigandolo per motore di maschera di consultazione se digitalizzato. Così deve essersi proceduto nel generare il corposo, pur se non esaustivo (cfr. poco oltre), elenco alla agevolmente accessibile voce *Raddoppiamento fonosintattico* di Wikipedia¹ e che qui propongo [mantengo in corsivo la consonante raddoppiata, testimone del fenomeno; razionalizzo gli spazi con due punti prima delle occorrenze, con punto e virgola al termine]: «a: *abbasso, abbastanza, abbenché, accanto, accapo, acché, acciò, acciocché, addentro, addi, addietro, addirittura, addosso, affinché, affine, affondo, affresco, allato, allessò, ammeno, ammenoché, ammodo, appena, appartè appetto, appiè, appieno, apposta, appostissimo, appresso, appunto, appunto, arivederci, assolo, attorno, attraverso, avvenire, beccafforbice, fantappiè, finatantoché, oltracciò, pressappoco; che: anzichennò, checché, chessò, checchessia, chicchessia, dovecchessia, dondecchessia, purchessia, quandochessia; chi: chicchessia, chississia, chissà, chissacché, chissacchi, chissadove, chissammai, chissenefrega, chivalà; ciò: acciocché, ciocché, cionnonostante, conciossiaché, conciossiacosaché, imperciocché, perciocché; come: comechessia; contra-: contrabbalzo, contrabbando, contrabbasso, contraccambio, contraccarico, contraccettivo, contraccollo, contraddanza, contraddire,*

¹ All'URL https://it.wikipedia.org/wiki/Raddoppiamento_fonosintattico.

contraddistinguere, contraffare, contraffilo, contrafforte, contraggenio, contrappasso, contrappeso, contrapporre, contrapposizione, contrappunto, contrassegno, contrassoggetto, contratempo, contravveleno; così: cosicché, cosiddetto, cosiffatto; da: dabbasso, dabbene, dabbenuomo, daccanto, daccapo, daccché, daddivero, dallato, dappertutto, dappiè, dappiede, dappiù, dappocaggine, dappoco, dappoi, dappoiché, dappresso, dapprima, dapprincipio, dattorno, davvero; dio: addio, lddio, bendiddio, giuraddio, magariiddio, oddio, piacciaddio, pregaddio, santiddio, vivaddio; dove: dovecchessia; e: altrettale, altrettanto, ebbene, eccome, epperò, eppoi, eppure, evviva; fa: fabbisogno fra: frammescolare, frammettere, frammezzare, frammischiare, frammisto, frapporre, frapposizione, frapposto, frattanto, frattempo; già: giacché, giammai; là: laddove, laggìu, lassù; ma: macché, massi; né: nemmanco, nemmeno, neppure, nevero; no: nossignore; o: oppure, ovvero, ossia, ovverosia; ogni: Ognissanti; però: perocché, imperocché; più: piuccheperfetto, piucché, piuttosto; qua: quaggiù, quassù / se: sebbene, semmai, semò, semonché, seppure; si: sibbene, sicché, siccome, siffatto, sissignore; sopra: sopraccalza, sopraccapo, sopraccarta, sopraccassa, sopraccielo, sopracciglio, sopracciò, sopraccitato, sopraccoda, sopraccollo, sopraccoloro, sopraccoperta, sopraddetto, sopraddote, sopraffare, sopraffilo, sopraffino, sopraffusione, sopraffuggire, sopraffuggere, sopraffuggiavio, sopraffuogo, sopraffmanica, sopraffmano, sopraffmattone, sopraffmenzionato, sopraffmercato, sopraffmettere, sopraffmobile, sopraffmondo, sopraffnaturale, sopraffnome; sovra: sovrabbondare, sovraccaricare, sovrannazionale; su: succitato, suddetto, sullodato, summentovato, summenzionato, suppergiù, suvvia; tre: treppiede, trepponti, tressette».

È ben intuibile, una volta scremato il novero dagli elementi forse non più tanto frequenti nell'uso¹, il grande potenziale didattico specie nelle non poche composizioni che inglobano elementi attivatori di RS, come *altrettanto*, o li presentano in sequenza, come *chicchessia*. O, anche, vedono come per *né* o *si* dileguo o riposizionamento dell'accento grafico: *neppure*, *sicché*. L'idea di fondo che soggiace alla proposta di questa tra le attività potenzialmente utili è che l'impressione visiva della presenza del doppio grafema, assieme alla presa di coscienza della specificità lessicale dell'elemento cui si deve la geminazione della consonante iniziale dell'elemento successivo (matrice costante, a prescindere da ciò che potenzialmente segue), stimoli una diversa modalità d'attenzione alla quantità consonantica ben utile anche a coglierne il potenziale valore distintivo in lessemi che presentino o meno doppie lettere per vie altre e motivi diversi dal RS [6, p.1651-1652].

Manca, all'elenco, il prefisso «ra-», così glossato al vocabolario online Treccani²: «Prefisso in cui si fondono i due prefissi lat. *re-* e *ad-*; produce sempre il raddoppiamento della consonante iniziale semplice. È usato per la formazione di verbi e derivati verbali, con valore intensivo o iterativo (*rabbonire*, *raddrizzare*, *rasserenare*), ma anche con funzione semplicemente derivativa, analoga a quella del prefisso *a-* (*raddensare*, *rallentare*, *rassodare*). Per alcuni verbi, accanto alla forma *ra-* esiste la forma non ridotta *ria-*:

¹ È attività utile anche procedere al vaglio dei lessemi in elenco perché affiorano, e possono essere oggetto di proficua discussione, questioni diatopiche: *dovecchessia* è marcato raro nei vocabolari e persino avvertito errato fuori dalla Toscana in cui origina perché zona esclusiva in cui *dove*, assieme a *da* e *come* (che, però, non ha dato luogo a univerbazioni attestate), è attivatore di RFS [5]; questioni diacroniche per arcaismi come *imperciocché* o *finattantoché*; questioni diafasico/diastratiche per termini come *nemmanco*, marcato romaneschismo improbabile in contesti non informali; questioni di impieghi settoriali per termini come *fantappiè* 'fante', o *sopraffilo* «Cucitura a punti lunghi e radi che si fa agli orli di una stoffa dove manca la cimosa, perché non si sfilacci» (vocabolario online Treccani); o, ancora, questioni legate alla persistenza all'uso di preziosismi dal sapore marcatamente letterario come *summentovato*.

² All'URL <https://www.treccani.it/vocabolario/ra/#:~:text=%C3%88%20usato%20per%20la%20formazione,raddensare%2C%20rallentare%2C%20rassodare.>

ravvicinare e riavvicinare, raddolcire e riaddolcire (di solito, tra le due forme, quella in *ra-* ha valore intensivo, l'altra iterativo); per altri, si hanno sinonimi formati col prefisso *rin-* (*rafforzare* e *rinforzare*, *racchiudere* e *rinchiudere*)». È il prefisso che ingenera proprio il *ra-...* ddoppiamento al nome del fenomeno in esame. Se persino chi scrive ha avuto modi di avvedersene solo risciorendo l'elenco poco sopra e non già al concepimento o durante la stesura del presente contributo innanzi, davvero più patente riprova della potenziale bontà della proposta avanzata non sarei in grado di profilare.

Bibliografia

1. D'Achille Paolo. *L'italiano contemporaneo*. Bologna: il Mulino, 2019. 239 p.
2. D'Achille Paolo. *L'italiano de Roma // Lasciatece parlà – Il romanesco nell'Italia di oggi*. 2012, Roma: Carocci editore, pp. 49-57.
3. Trifone Pietro. *L'italiano. Lingua e identità. // Lingua e identità – Una storia sociale dell'italiano* 2006, Roma: Carocci editore, pp. 11-40.
4. Słapek Daniel. Sillabi (linee guida) per la lingua italiana non materna e la questione della grammatica // *Politiche e problematiche linguistiche nella formazione degli insegnanti*. 2019. Lecce: PensaMultimedia, pp.183-198.
5. Agostiniani Luciano. Su alcuni aspetti del 'raddoppiamento sintattico' in Toscana e sulla loro importanza per la qualificazione del fenomeno in generale // *Quaderni del Dipartimento di Linguistica dell'Università di Firenze*. 1992. № 3, pp. 1-28.
6. Viviani Andrea. Doppie lettere // *Prontuario di dubbi e incertezze in Enciclopedia dell'Italiano*, diretta da Raffaele Simone. 2011. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, vol. II (M-Z), 2011, pp. 1637-1680.

SYNTACTIC [PHONO] DOUBLING AS AN OBSTACLE TO THE FULL FLUENCY OF LEARNERS L2

Viviani Andrea
University of L'Aquila

Abstract. The article explores phonetic syntactic doubling in the Italian language, whose relevance is important from a number of perspectives. This phenomenon causes difficulties both for native Italian speakers and foreigners learning Italian as L2. The school curriculum does not cover phonetic syntactic doubling, which has an impact on their language accuracy. Unfortunately, this issue is not given serious consideration both in Italy and abroad. Apparently, it results from the variety of regional variants, which influence the standard pronunciation.

Key words: syntactic doubling, long/double consonants, Italian as a second language, prosody, fluency, full-integration

Вивiani Андреа

Ассистент профессора
Университет г. Л'Аквила;
тел. +3803328573
e-mail: andrea.viviani@univaq.it

Viviani Andrea

assistant professor
University of L'Aquila;
mobile: +3803328573
e-mail: andrea.viviani@univaq.it

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абабий В.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ.....	3
<i>V. N. Ababy.</i> THE FEATURES OF TRANSLATION OF PERSONALIZED POLITICAL NEOLOGISMS FROM FRENCH INTO RUSSIAN	8
<i>Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е.</i> «BLACK BOX»: ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН И ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСГРЕССИЯ.....	8
<i>A.V. Alferov, E.Yu. Kustova, G.E. Popova.</i> «BLACK BOX»: TRANSLATOR'S DECISION AS A COGNITIVE PHENOMENON AND LINGUISTIC TRANSGRESSION	20
<i>Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Тамразова И.Г.</i> ИДИОСТИЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА: АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АЛЕНА ПРЕШАКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ РЕАЛИЙ Н.А. ФЕНЕНКО	21
<i>A.V. Alferov, E.Yu. Kustova, I.G. Tamrazova.</i> TRANSLATOR'S IDIOSTYLE: ANALYSIS OF ALAIN PRÉCHAC'S PRACTICE THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF REALITIES BY N.A. FENENKO.....	34
<i>Бабушкин А.П.</i> МИХАИЛ ЗОЩЕНКО VS МИХАИЛ ZOSHCHENKO	35
<i>A.P. Babushkin.</i> MIKHAIL ZOSHCHENKO IN RUSSIAN VS MIKHAIL ZOSHCHENKO IN ENGLISH	41
<i>I. D. Bekoeva.</i> REPRESENTATION OF SACRED ONYMS IN SOCIAL AND POLITICAL COMMUNICATION (ETHNOLINGUOCULTURAL AND TRANSLATION ASPECTS)	42
<i>Бекоева И.Д.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ САКРАЛЬНЫХ ОНИМОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ).....	46
<i>Бех Е.Ф., Середина Е.В.</i> ДИСФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВА САМОВЫРАЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЛОГОВ И МЕМ)	47
<i>E.F. Bekh, E.V. Seredina.</i> DYSPEMISMS AS A MEANS OF SELF-REPRESENTATION.....	53
<i>Брыгина А.В.</i> ПОПУЛЯРНАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ	54
<i>A.V. Brygina.</i> A POPULAR ITALIAN LEGEND AS AN OBJECT OF LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION	61
<i>Бубнова А.С.</i> КОНКУРС ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ....	62
<i>A.S. Bubnova.</i> TRANSLATION CONTEST: EXPECTATIONS AND RESULTS	68
<i>Бузук И.Л., Кретов А.А.</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОПАСТЬ? (МАЛАГАСИЙСКИЕ РЕАЛИИ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗОВ И РУССКИХ).....	69
<i>I.L. Buzuk, A.A. Kretov.</i> A DIALOGUE OF CULTURES OR A COMMUNICATION GAP? (MALAGASY REALITIES IN FRENCH AND RUSSIAN WRITTEN TEXTS).....	78
<i>Бурякова С.Ю.</i> ПОВТОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К БАЛАНСУ МЕЖДУ «СВОИМ» И «ЧУЖИМ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК).....	79
<i>S.Yu. Buriakova.</i> RETRANSLATIONS AS A SEARCH OF BALANCE BETWEEN SOURCE-ORIENTED AND TARGET-ORIENTED TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE TRANSLATIONS OF I.A. BUNIN'S WORKS INTO FRENCH).....	87
<i>Ванчицова Е.А.</i> СИНТАКСЕМА В СТРУКТУРЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА.....	88
<i>E.A. Vanchikova.</i> SYNTSXEME IN THE STRUCTURE OF A SYNTACTIC CONCEPT.....	92

<i>Варушкина А.В., Серeda А.М.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АТТРИБУТИВНЫХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	93
<i>Varushkina A.V., Sereda A.M.</i> ATTRIBUTIVE COMPOUNDS IN MILITARY AND TECHNICAL SHPERE AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE.....	96
<i>Вахтерова Е.В.</i> ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АННОТАЦИЙ.....	97
<i>E.V. Vakhterova.</i> DISCIPLINARY VARIATION OF THE RESEARCH DISCOURSE: GENRE FEATURES OF ENGLISH ABSTRACTS	110
<i>Волкова Т.И.</i> РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ АССИМИЛЯЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	110
<i>T.I. Volkova.</i> MULTIDIRECTIONAL PROCESSES OF FOREIGN TERMS ASSIMILATION IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE.....	118
<i>Воркачев С.Г.</i> ГИМНОДИЯ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СССР И СТРАН ФРАНКОФОНИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	119
<i>S.G. Vorkachev.</i> HYMNODY OF THE FORMER SOVIET UNION COUNTRIES AND OF THE FRANCORPHONIE COUNTRIES: COMPARATIVE ASPECTS.....	126
<i>Воропаева И.В.</i> ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ	127
<i>I.V. Voropaeva.</i> SOUND IMAGERY IN POETIC SPEECH: UNIVERSALITY AND NATIONAL SPECIFIC FEATURES	135
<i>Гасымова Г.М., Финская Т.Е.</i> СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	136
<i>G.M. Gasytova, T.E. Finskaya.</i> SIMULTANEOUS TRANSLATION: NEW REALITY.....	141
<i>Гирко В.А.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	142
<i>V.A. Girko.</i> COMMUNICATIVE FEATURES OF BRITISH HEALTH PROMOTION DISCOURSE.....	148
<i>Глухова Ю.Н.</i> СТРАТЕГИИ И КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	149
<i>Y.N. Glukhova</i> STRATEGIES AND CRITERIA FOR ASSESSING THE LEVEL OF FOREIGN LANGUAGE PROFICIENCY IN A DIGITAL AGE	154
<i>Голубева О.В., Реутова А.М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА.....	154
<i>Golubeva O.V., Reutova A.M.</i> DEVELOPING TRANSLATION STRATEGIES IN THE PROCESS OF TRANSLATION.....	163
<i>Григорьева Е.М., Карпова О.М.</i> СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О КУЛЬТУРЕ ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СПРАВОЧНИКА FLORENCE IN THE WORKS OF WORLD FAMOUS PEOPLE).....	164
<i>E.M. Grigoryeva, O.M. Karпова.</i> DICTIONARY AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ABOUT CITY CULTURE (ON THE MATERIAL OF THE LINGUOCULTURAL DICTIONARY FLORENCE IN THE WORKS OF WORLD FAMOUS PEOPLE).....	171
<i>Гусева В.С., Скворцов О.Г.</i> МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТА РФ В.В. ПУТИНА И ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА (НА МАТЕРИАЛЕ «ОБРАЩЕНИЯ К ГРАЖДАНАМ РОССИИ», 23.06.2020 г. И «REMARKS BY PRESIDENT TRUMP ON VACCINE DEVELOPMENT», 15.05.2020 г.).....	172

<i>V.S. Guseva, O.G. Skvortsov.</i> METAPHORS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIAN PRESIDENT VLADIMIR PUTIN AND US PRESIDENT DONALD TRUMP (BASED ON THE «ADDRESS TO THE CITIZENS OF RUSSIA», 23.06.2020 AND «REMARKS BY PRESIDENT TRUMP ON VACCINE DEVELOPMENT», 15.05.2020).....	180
<i>Varvilina P. Dzhoieva.</i> THE PLACE OF SOCIALLY AND POLITICALLY MEANINGFUL VOCABULARY IN POLITICAL COMMUNICATION OF MULTILINGUAL SOCIETIES	180
<i>В.П. Дзюиева.</i> СОЦИАЛЬНО И ПОЛИТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ В МНОГОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	186
<i>Дикарева К.А.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С НУМЕРОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	187
<i>К.А. Dikareva.</i> PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NUMEROLOGICAL COMPONENT AS A REFLECTION OF THE LINGUISTIC WORLDIMAGE NATIONAL IDENTITY	196
<i>Жакова Т.Е., Фролова Е.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЯ КИНОТЕКСТА	196
<i>T.E. Zhakova, E.D. Frolova.</i> TRANSLATION OF FILM TITLES.....	201
<i>Задобрицкая О.Ф.</i> ЭМОНИМЫ <i>PASSION</i> И <i>СТРАСТЬ</i> КАК ВМЕСТИЛИЩЕ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ.....	201
<i>O.F. Zdobrivskaya.</i> THE EMONYM <i>PASSION</i> AND ITS <i>RUSSIAN EQUIVALENTS</i> AS CONTAINERS IN ENGLISH AND RUSSIAN COMPREHENSION.....	209
<i>Зинченко Н.С.</i> МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА	209
<i>N.S. Zinchenko.</i> MULTICOMPONENT ATTRIBUTIVE ENGLISH PHRASES AND METHODS OF THEIR TRANSLATION	216
<i>Золina О.М.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА СТАРШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА	217
<i>O.M. Zolina.</i> DEVELOPING PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE SKILLS OF FUTURE TRANSLATORS AND INTERPRETERS	223
<i>Зубенко Я.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТРАТЕГИЙ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЖЕНСКОМ НАРРАТИВЕ.....	224
<i>Y.V. Zubenko.</i> ON TRANSLATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN FEMALE NARRATIVE	234
<i>Исаева А.А.</i> REVISION – ЭТО НОВЫЙ ПЕРЕВОД? К ЧЕМУ ГОТОВИТЬ СТУДЕНТОВ?	235
<i>Isaeva A.A.</i> IS REVISION THE NEW TRANSLATION? WHAT DO WE NEED TO PREPARE STUDENTS FOR?	241
<i>Кашикина Е.В., Гиляровская Т.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ СЛОВ-РЕАЛИЙ МАРОККАНСКОЙ КУХНИ.....	242
<i>E.V. Kashkina, Tatiana V. Gilyarovskaya.</i> FEATURES OF TRANSLATION FROM FRENCH FOR CULINARY REALITIES (MOROCCAN CUISINE DISHES).....	248
<i>Киселёв Д.А.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИРОНИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	249
<i>D.A. Kiselev.</i> LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF IRONY WITHIN A FICTION TEXT	256
<i>T.G. Klikushina.</i> PECULIARITIES AND PROBLEMS OF ARTISTIC LITERATURE TRANSLATION	257
<i>Кликушина Т.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	265

<i>Корман Е.А.</i> АНИМАЛИЗМ «ОСЁЛ» В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	265
<i>E.A. Korman.</i> ANIMALISM «DONKEY» IN SPANISH LINGUISTIC WORLDVIEW: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND TRANSLATION INTO RUSSIAN.....	276
<i>Коровкина М.Е.</i> РОЛЬ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ	277
<i>M.Ye. Korovkina.</i> THE ROLE OF PRESUPPOSITIONS IN SIMULTANEOUS INTERPRETING: METHODOLOGICAL ASPECTS	285
<i>Крюкова О.А.</i> УВИДЕТЬ АФРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ ИЗНУТРИ: ОСОБЕННОСТИ КИНЕМАТОГРАФА ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ АФРИКИ	285
<i>O.A. Kryukova.</i> THE INSIGHT INTO THE AFRICAN CONTINENT: FEATURES OF THE FRANCOPHONE AFRICA CINEMATOGRAPHY	291
<i>Кузнецова Е.В., Лукина С.Л.</i> СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОИМЕНОВАНИЙ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	292
<i>Y. Kuznetsova, S.L. Lukina.</i> COLOUR SYMBOLISM IN RUSSIAN AND ENGLISH CULTURES	300
<i>Кулаева О.А.</i> ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ.....	300
<i>O.A. Kulaeva.</i> CULTURE TEXTS	305
<i>Кутузова Н.В.</i> ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ	305
<i>N.V. Kutuzova.</i> TRANSLATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT SCHOOL.....	312
<i>Лаенко Л.В.</i> ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	313
<i>L.V. Laenko.</i> GASTRONOMIC REALIAS THROUGH INTERCULTURAL INTERACTION.....	320
<i>Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ <i>КОРИЧНЕВОГО</i> В СКАЗОЧНЫХ КАРТИНАХ МИРА РУССКИХ И АНГЛИЧАН: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	321
<i>A.E. Levitsky, T.N. Nikulshina.</i> VERBALIZATION OF THE <i>BROWN COLOUR</i> WITHIN THE WORLDVIEWS OF RUSSIAN AND ENGLISH FAIRY TALES: COMPARATIVE PERSPECTIVE.....	328
<i>Малахова Е.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КОЛОРОНИМА «BLANC» В ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ	329
<i>E. A. Malakhova.</i> SEMANTIC UPDATING OF COLORONIM «BLANC» IN FRENCH PHRASEOLOGY	337
<i>Матвеева О.Ю.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (НА ПРИМЕРЕ GOOGLE ARTS & CULTURE).....	337
<i>O.Yu. Matveeva.</i> USING AUGMENTED REALITY APPLICATIONS IN LANGUAGE CLASSROOM (GOOGLE ARTS & CULTURE).....	342
<i>Меркулова И.Г.</i> СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА: РОССИЙСКО- ФРАНЦУЗСКИЙ КОГНИТИВНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ СЕМИОТИКИ	342
<i>I.G. Merkoulova.</i> SCIENTIFIC TEXT TRANSLATION STRATEGIES: RUSSIAN-FRENCH COGNITIVE EXPERIENCE IN THE FIELD OF SEMIOTICS.....	347
<i>Мокрова М.А., Поршинева Е.Р.</i> ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ	348

<i>M.A. Mokrova, E.R. Porshneva.</i> PROBLEMS OF ORGANIZING THE TRANSLATION PROCESS IN INTERNATIONAL ORGANIZATIONS DURING A PANDEMIC	352
<i>Полянчук О.Б., Моторина Д.С.</i> СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «МОРЕ» В РАМКАХ ОБРАЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	353
<i>D.S. Motorina, O.B. Polyanchuk.</i> METHODS OF VERABLIZATION OF THE STYLISTIC CONCEPT «SEA» WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW.....	364
<i>Музычук Н.А.</i> ЧТО НОВОГО В КЛАССИКЕ? «ТАРТЮФ» МОЛЬЕРА НА РУССКОЙ СЦЕНЕ.....	365
<i>N.A. Muzychuk.</i> NEW ABOUT THE CLASSICS: «TARTUFFE» BY MOLIERÉ AT THE RUSSIAN STAGE	372
<i>Некрасова Н.В., Еремеев Я.Н.</i> СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ШОТЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ НИЛА МАНРО	373
<i>N.V. Nekrasova, Y.N. Ereemeev.</i> METHODS OF REFLECTING THE PECULIARITIES OF SCOTTISH CULTURE IN THE WORKS OF NEIL MUNRO	376
<i>Новгородова Ю. А., Пивоварова Е.Л.</i> ВЛИЯНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ НА ВОСПРИЯТИЕ ЧИТАТЕЛЕМ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ.....	377
<i>Y.A. Novgorodova, E.L. Pivovarova.</i> THE INFLUENCE OF PROPER NAMES ON THE READER'S PERCEPTION OF THE CHARACTERS OF FANTASY NOVELS	384
<i>Овчинникова А.С.</i> ПЕРЕВОДНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ХРОНОТОПА ПЕСЕННЫХ ТЕКСТОВ В.С. ВЫСОЦКОГО	385
<i>A.S. Ovchinnikova.</i> TRANSLATED POETIC TEXT AS A REFLECTION OF THE CHRONOTOP OF V. S. VYSOTSKY'S LYRICS.....	390
<i>Овчинников Г.В.</i> ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «МАРШЕВОГО ЖУРНАЛА» ПОЛКА НОРМАНДИЯ-НЕМАН КАК МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРАКЦИЯ	390
<i>G.V. Ovchinnikova.</i> PRE-TRANSLATION ANALYSIS AS AN INTERCULTURAL INTERACTION (OF THE «MARCHING JOURNAL» OF THE NORMANDY-NIEMEN REGIMENT AS AN INTERCULTURAL INTERACTION).....	393
<i>Остапенко Д.И.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДЕЛАКУНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	394
<i>D.I. Ostapenko.</i> TRANSLATOR'S COMMENTARIES AND THEIR ROLE IN THE ELIMINATION OF THE BACKGROUND KNOWLEDGE GAPS IN TRANSLATED FICTION.....	397
<i>Перфильева К.Е., Филиппова Т.Н.</i> ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ	398
<i>K.E. Perfilieva, T.N. Filippova.</i> LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF SPANISH POLITICAL INTERVIEW	404
<i>Петрова О.В.</i> КАКИЕ РЕЧЕВЫЕ УМЕНИЯ И НАВЫКИ НУЖНЫ ПЕРЕВОДЧИКУ?.....	405
<i>O.V. Petrova.</i> WHAT SPEECH SKILLS DO TRANSLATORS NEED?.....	411
<i>Петроченко Е.В.</i> ПРИЗНАКИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕНИИ НА НЕРОДНОМ (НЕМЕЦКОМ) ЯЗЫКЕ	412
<i>E.V. Petrochenko.</i> SIGNS OF PHONETIC INTERFERENCE IN NON-NATIVE (GERMAN) SINGING	419
<i>Побегайло И.В., Ситникова А.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК)	420

<i>I.V. Pobegaylo, A.I. Sitnikova.</i> ON WAYS OF TRANSLATING CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS (BASED ON M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA" TRANSLATED INTO ITALIAN)	426
<i>Полянчук О.Б.</i> КОМПЛЕКСНЫЕ ЗНАКИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА	427
<i>O.V. Polyanchuk.</i> COMPLEX SIGNS IN FRENCH YOUTH SLANG AND METHODS OF THEIR TRANSLATION	436
<i>Полянчук О.Б., Панкова Е.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	436
<i>O.V. Polyanchuk, E.U. Pankova.</i> SEMANTIC FEATURES OF COLOR ADJECTIVES IN RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES	443
<i>Помуран Н.Н.</i> ВЕДУЩИЕ МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ И СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	444
<i>N.N. Pomuran.</i> PREFERRED SENSORY MODALITY OF FUTURE TRANSLATORS AND STRATEGIES OF LITERARY TRANSLATION	450
<i>Пономарева В.Н.</i> СРЕДСТВА ОЦЕНИВАНИЯ РАЗНЫХ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	451
<i>V.N. Ponomaryova.</i> MEANS OF EVALUATING OF DIFFERENT TYPES OF SPEECH ACTIVITY AT FRENCH LESSONS	460
<i>Пономарева Е.А., Кузьмина Л.Г.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	461
<i>E.A. Ponomaryova, L.G. Kuzmina.</i> PROBLEM-SOLVING TASKS AS A MEANS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO FUTURE ENGINEERS	466
<i>Пономарева С.Н.</i> ДВОЙНЫЕ ЛАКУНЫ: О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	466
<i>Ponomareva S. N.</i> DOUBLE LACUNAS: TRANSLATING LITERATURE OF THE SOVIET PERIOD	470
<i>Попова Д.А.</i> МЕХАНИЗМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ МЕНТЕФАКТОВ	470
<i>D.A. Popova.</i> MECHANISMS OF MENTIFACTS EMOTIONAL EVALUATION	479
<i>Попова Л.Г., Парфененко Е.Н.</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ТЕКСТЫ XXI ВЕКА КАК ФРАГМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПОНИМАНИЯ ПОМИЛОВАНИЯ	479
<i>L.G. Popova, E.N. Parfenenko.</i> LEGAL ENGLISH AND RUSSIAN TEXTS OF THE 21 ST CENTURY AS A PIECE OF LINGUACULTURAL UNDERSTANDING OF PARDON	486
<i>Прокофьева В.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ ПЛАТФОРМЫ EXPRESS DIGIBOOKS ДЛЯ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	487
<i>V.F. Prokofeva.</i> USING INTERNET PLATFORM EXPRESS DIGIBOOKS TO ASSESS STUDENTS' SKILLS IN VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGE EDUCATION	495
<i>О.Н. Ракитина.</i> ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЛАЧНОГО ОКРУЖЕНИЯ ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА MEMSOURCE В РАМКАХ УЧЕБНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	496
<i>O.N. Rakitina.</i> EXPERIENCE OF USING THE CLOUD-BASED COMPUTER ASSISTED TRANSLATION TOOL MEMSOURCE IN THE FRAMEWORK OF PRACTICAL TRANSLATION TRAINING	498

<i>C.B. Семочко.</i> ИЗМЕНЕНИЯ В НОМИНАТИВНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ КАК МАРКЕРЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ).....	499
<i>S.V. Semochko.</i> CHANGES IN NOMINATION AND DISCURSIVE STRATEGIES MARKING AUDIOVISUAL TRANSLATION OF FEATURE FILMS (BASED ON THE ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES).....	508
<i>Скоропадская В.А., Климентьева В.В.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РАМКАХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	509
<i>V.A. Skoropadskaya, V.V. Klimenteva.</i> SHAPING MULTICULTURAL LINGUISTIC IDENTITY IN MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT.....	516
<i>Степанов Е.С.</i> КОММЕНТИРУЮЩИЙ ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ С РУССКОГО НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ).....	516
<i>E.S. Stepanov.</i> COMMENTING TRANSLATION OF CULTURAL REALIA FROM RUSSIAN INTO GERMAN IN PUBLICIST TEXTS.....	528
<i>Столярова Е.А., Лукина С.Л.</i> ПОЛИКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В СФЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ: ЭФФЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	529
<i>Y.A. Stolyarova, S.L. Lukina.</i> THE OUTCOMES OF POLYCULTURAL ACADEMIC COMMUNICATION: THE IMPACT OF GLOBALISATION.....	536
<i>Стрекаловская Ю.О., Поршнева Е.Р.</i> ФОРМУЛА БАЗОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: КАК ПОВЫСИТЬ КПД ПРИМЕНЯЕМЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДИК?.....	537
<i>Y.O. Strekalovskaya, E.R. Porshneva.</i> FORMULA OF INTERPRETER'S BASIC COMPETENCE: HOW TO INCREASE THE EFFICIENCY OF APPLIED APPROACHES AND METHODS?.....	544
<i>Сухарева О.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭТНОКОННОТИРОВАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	545
<i>O.V. Sukhareva.</i> THE SPECIFICS OF RENDERING CULTURAL SEMANTICS IN THE TRANSLATION OF ENGLISH ETHNOCONNOTATIVE ARTISTIC NAMES.....	551
<i>Сухомлина Т.А.</i> СОКРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ОБЩЕНИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА.....	552
<i>T.A. Sukhomlina.</i> ENGLISH ABBREVIATIONS IN THE INTERNET COMMUNICATION DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC.....	556
<i>М.А. Сухомлинова.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЛЕКЦИИ.....	556
<i>M.A. Sukhomlinova.</i> LEXICAL SPECIFICITY OF AN ENGLISH ACADEMIC LECTURE TEXT.....	563
<i>Сыромятникова Т.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» СРЕДСТВАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	563
<i>T.N. Syromiatnikova.</i> STRATEGIES FOR TRANSLATING METAPHORS INTO THE GERMAN LANGUAGE (BASED ON THE NOVEL “THE TWELVE CHAIRS” BY I. ILF, YE. PETROV).....	570
<i>Тузжикова Д.Б.</i> ЦВЕТ В ИСПАНСКОЙ ОЙКОНИМИИ.....	570
<i>Tuzhikova D.B.</i> COLOR IN SPANISH OIKONYMY.....	577

Филошкина С.Н. РОМАН ЖЮЛЯ ВЕРНА О МИХАИЛЕ СТРОГОВЕ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ПРОСЛАВЛЕННОГО ПИСАТЕЛЯ: ОБРЕТЕНИЯ И УТРАТЫ.....	577
S.N. Filushkina. JULES VERNE'S NOVEL ABOUT MICHAEL STROGOFF IN THE CONTEXT OF THE FAMOUS WRITER'S WORK: GAINS AND LOSSES	581
Фирсова М.А. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕПОДАВАНИЯ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА В ПАРЕ РУССКИЙ-ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ	582
M.A. Firsova. ON SOME ASPECTS OF TEACHING JUDICIAL TRANSLATION (RUSSIAN-FRENCH LANGUAGES)	589
Холкина Л.С. МЕТАФОРА СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ В ГРЕЧЕСКИХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПЕРЕВОДА НА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	590
L.S. Kholkina. THE METAPHOR OF SPORTS COMPETITIONS IN GREEK HYMNOGRAPHY AND ITS TRANSLATION INTO THE CHURCH SLAVONIC LANGUAGE	598
Цховребова Л.З. РОЛЬ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	599
L.Z. Tskhovrebova. THE ROLE OF THE CONTEXTUAL APPROACH IN SHAPING THE CAREER READINESS IN FUTURE TRANSLATORS	605
Чистова С.С. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РОМАНЕ А. ГОЛДЕНА «МЕМУАРЫ ГЕЙШИ» И ЕЕ ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.....	606
S.S. Chistova. CONCEPT METAPHOR IN THE NOVEL "MEMOIRS OF A GEISHA" BY A. GOLDEN AND ITS TRANSLATION INTO GERMAN	614
Чуканина Д.Б. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОВЕСТВОУЧАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ФРАГМЕНТА РОМАНА NICCOLO AMMANITI «IO NON HO PAURA»).....	614
D.B. Chukanina. CULTURAL CHARACTERISTIC OF NARRATIVE TEXT (ON THE EXAMPLE OF A FRAGMENT FROM NOVEL BY NICCOLO AMMANITI "IO NON HO PAURA").....	619
Шумакова А.П. СТУДЕНЧЕСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КЛУБ КАК ФОКУС КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	620
A.P. Shumakova. STUDENTS LINGUISTIC CLUB AS A FOCUS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN A TECHNICAL UNIVERSITY	626
Юсупова М.С. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОГО СЦЕНАРИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	626
M.S. Yusupova. PECULIARITIES OF COGNITIVE SCRIPT'S IMPLEMENTATION IN A FICTION TEXT	634
Яблокова А.С. КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ СОВЕТА В ТЕКСТАХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУБРИК СОВЕТОВ ФОРМАТА «AGONY AUNT» АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ИЗДАНИЙ ЖУРНАЛА COSMOPOLITAN).....	635
Yablokova A. S. CULTURAL ADAPTATION OF DISCOURSE STRATEGIES WITHIN THE COMMUNICATIVE EVENT OF GIVING ADVICE IN TRANSNATIONAL PRINTED MEDIA TEXTS (ON THE MATERIAL OF "AGONY AUNT" ADVICE COLUMNS IN AMERICAN AND BRITISH EDITIONS OF COSMOPOLITAN MAGAZINE).....	641
Viviani Andrea. IL RADDOPPIAMENTO [FONO] SINTATTICO COME OSTACOLO ALLA PIENA FLUENCY DEGLI APPRENDENTI L2.....	641
Viviani Andrea. SYNTACTIC [PHONO] DOUBLING AS AN OBSTACLE TO THE FULL FLUENCY OF LEARNERS L2	647

**Языковая картина мира
в условиях мультилингвизма
и мультикультурализма: переводческий,
лингвистический и дидактический аспекты**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Воронеж, 16-19 декабря 2020 г.

Издательство «ИСТОКИ».
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33.
Телефон/факс (473) 239-55-56.

Подписано в печать 22.06.2021 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,13.
Тираж 15 экз. Заказ № 7321.

Отпечатано в типографии «ИСТОКИ».
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33.
Телефон/факс (473) 239-55-54
E-mail: istoki-vrn@mail.ru